ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

8 495 625-72-13
E-mail – hum2@turgenev.ru

СРОКИ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕН
НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО СРОКА

04.05.2013		

Триста экземпляров из тиража этой книги пронумеровано специально для читателей, предварительно на нее подписавшихся.

ЭТОТ ЭКЗЕМПЛЯР № 000198 ✻

ОФ
196

ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи
(Август 1918 – февраль 1920)

Составитель Николай Росс

ПОСЕВ

Общая редакция, сверка документов и оформление –
Е. А. Ждановой

ПРОВЕРЕНО 2009

ISBN 3-7912-2021-7

22408

© Possev-Verlag, V. Gorachek KG, 1987
Frankfurt am Main
Printed in West Germany

ЕРКА

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В основу настоящей публикации положены материалы следственного дела об убийстве царской семьи, ранее принадлежавшие генералу Михаилу Константиновичу Дитерихсу. Они недавно поступили в наше распоряжение и публикуются впервые.

Наш сотрудник Николай Георгиевич Росс, выпустивший у нас в 1982 году книгу „Врангель в Крыму", согласился снабдить наше издание необходимым введением, дать к нему примечания, сочетать материалы генерала Дитерихса с хранящейся в Гарвардском университете копией Дела, словом, сделать наше издание отвечающим требованиям современной исторической науки. И, хотя основные факты екатеринбургского расстрела широко известны, заинтересованный и вдумчивый читатель найдет в нашем издании немало не отмеченных до сих пор подробностей, помогающих яснее увидеть и вернее оценить историческое и национальное значение цареубийства, в котором мы видим прообраз к последовавшему за ним народоубийству.

Ибо гибель семьи Романовых предшествовала гибели семей миллионов „врагов народа"; подвал Ипатьевского дома — подвалам Лубянки; Коптяковская поляна — захоронениям Винницы и Катыни; постановление Уральского областного совета — шемякиным судам троек и спецколлегий.

Не нам судить о глубинном символическом, быть может, даже мистическом значении цареубийства в Екатеринбурге. Но в плане историческом, печатая новый материал о нем, нам хочется процитировать окончание статьи Георгия Адамовича, написанной им к 17 июля 1968 года, — к пятидесятилетию злодейской ночи в снесенном ныне с лица земли Ипатьевском доме:

„Политические соображения, какого бы толка они ни были, не имеют, не могут иметь прямого касательства к цареубийству 17-го июля. Не к чему в траурную годовщину спорить, были или не были у Государя Николая II данные для той роли, которая оказалась предназначена ему историей. При наличии малейшего беспристрастия человек любых политических взглядов, даже самых враждебных, должен бы признать,

что Государь всей душой желал добра России и, по мере сил и разумения, старался служить ей, как можно успешнее. При наличии беспристрастия человек любых взглядов должен бы признать, что он проявил подлинное достоинство в несчастии, когда с грустью, и вероятно с удивлением, записал в дневнике: „Вокруг измена и трусость". Мог ли он предвидеть, что его ждет? Нет, едва ли, — как не предвидела ближайшего будущего и императрица Александра Федоровна, редкостно несчастная женщина, одинокая, мало в России любимая, не умевшая по своей застенчивости и замкнутости быть царицей, и все-таки в гораздо большей мере чувствовавшая себя русской царицей, чем немецкой принцессой, вопреки клевете, прижизненной и посмертной. Она, как и Государь, искренне желала добра России, хотя и заблуждалась почти во всех своих предположениях, советах и действиях. Нельзя забыть их мученичества и их смерти, вместе со смертью больного, маленького царевича и юных великих княжен.

Предвижу возможное возражение: в революционные годы погибли сотни тысяч неповинных людей, отчего же придавать особое значение тем, которые в конце концов были такими же людьми, как и все другие? Совершенно верно, царь, царица и их дети были такими же людьми, как и все другие. Но по самому положению своему, и без всякого с их стороны умысла, они как бы символизировали народ и страну, находясь в фокусе всенародного зрения. Их судьба по существу мало чем отличается от судьбы других замученных и убитых людей, — и все же она отличается , возвышается над другими потому, что на всех нас возложила историческую ответственность и должна бы надолго остаться во всенародной памяти. Их убийство предстает именно как всенародный грех, а не как дело отдельных преступников".

ВВЕДЕНИЕ

25 июля 1918 года[1] чехословацкие и русские части под командованием ген. С. Н. Войцеховского[2] вошли в Екатеринбург. Красные заблаговременно провели эвакуацию города: в течение нескольких дней из Екатеринбурга на Пермь вывозились архивы и ценности, выезжали семьи комиссаров и служащих советских учреждений, чекисты расстреливали последних заключенных. Выехали и сами комиссары – возглавители Уральского областного совета и екатеринбургская ЧК[3].

В городе установилась новая власть или, вернее, многовластие. Возникло Областное уральское правительство, возглавляемое П. В. Ивановым – бывшим председателем екатеринбургского Биржевого комитета, стоящее на умеренно-демократических позициях. Создался в городе и чехословацкий Национальный комитет, оказавшийся под сильным влиянием съехавшихся в город эсеров – бывших членов Всероссийского Учредительного собрания, с Виктором Черновым во главе. 27 июля возникла и военная власть, в лице начальника гарнизона города, мало считавшаяся с властью гражданской.

Всей России было известно, что в Екатеринбурге содержались бывший российский император Николай II и его семья. Поэтому наступление на город противобольшевистских частей было ускорено. Но ворвавшиеся в Екатеринбург чехословацкие и русские отряды скоро поняли, что они опоздали. Узнали они из советских газет, из объявлений, расклеенных по городу, из рассказов местных жителей, что Государь Николай II был расстрелян в ночь с 16 на 17 июля и что семья его тоже исчезла из города до ухода красных. Быстро выяснилось также, что дом, где содержалась Царская семья – дом Ипатьева[4] – стоит пустой. Сразу же в него нахлынули офицеры и обыватели, они ходили по комнатам и брали себе на память различные „сувениры". Лишь к вечеру 25 июля в дом был послан воинский наряд, и поток непрошенных посетителей был остановлен.

27 июля утром к военному коменданту 8 района Екатеринбурга капитану В. А. Гирш явился поручик А. А. Шереметевский. Он рассказал, что, скрываясь от красных в деревне Коптяки (в 18 километрах к северо-западу от города), узнал от местных крестьян о подозрительной деятельности красных в лесу, неподалеку от деревни – в районе урочища Четырех Братьев, в последние дни до эвакуации города. При этом он передал военным властям разные предметы, найденные крестьянами в кострищах около заброшенных шахт. (Список их: документ № 5.) Некоторые из найденных предметов навели крестьян и Шереметевского на мысль, что деятельность красных у Четырех Братьев не лишена связи со смертью Николая II и исчезновением его семьи. То же решили и военные власти.

Начальник гарнизона распорядился начать расследование происшествий на руднике при участии судебной власти. Екатеринбургский окружной суд находился

еще в состоянии полного разгрома, и уцелевшие в революционных бурях местные работники юстиции сидели по домам. Удалось все же найти одного из них – судебного следователя по важнейшим делам А. Наметкина[5]. В штабе гарнизона ему предложили принять участие в расследовании, но он отказался – до получения официальной санкции начальства в лице прокурора Окружного суда.

Начались поиски прокурора. По слухам, товарищ прокурора местного суда А. Т. Кутузов проживал в дачном поселке Шарташе, недалеко от города, но его долго не могли найти.

Молодые офицеры горели желанием действовать. Не дождавшись официальной санкции прокурора, несколько военных взяли с собой двух лиц из окружения Царской семьи, рано поутру 30 июля явились к Наметкину и, силой вытащив его из постели, повезли с собой обследовать бывший рудник у Коптяков (см. док. №№ 214 и 4). Там были найдены еще другие предметы, вероятно, принадлежавшие Царской семье.

Тем временем тов. прокурора Кутузов, по собственному почину, посетил дом Ипатьева и видел его состояние 25 июля, а 29 – выслушал добровольно пришедшего к нему местного жителя Ф. Н. Горшкова, который рассказал, что в „Доме особого назначения" был убит не только Николай II, но и вся его семья (док. № 2)[6].

На следующий день (30 июля) Кутузов официально поручил следователю Наметкину производство предварительного следствия по делу об убийстве бывшего императора Николая II (док. № 1).

Опросив некоторых свидетелей событий у Коптяков, Наметкин 2 августа приступил к осмотру дома Ипатьева (док. № 9). Он начал осмотр с верхнего этажа дома и нашел в разных его комнатах много предметов, принадлежавших членам Царской семьи. В печах были обнаружены остатки сожженных в них вещей.

Наметкин отказался вновь поехать на рудник. 2 августа возобновилось расследование на месте при участии офицеров и местных добровольцев, под надзором товарища прокурора Магницкого.

Тем временем Кутузов, недовольный малоэнергичным ведением дела Наметкиным, решил найти ему заместителя. „Общим собранием отделений Окружного суда" (как это полагалось по закону) 7 августа был избран следователем член суда И. А. Сергеев[7]. Наметкин передал ему дело 14 августа (док. №№ 10, 12 и 13).

Вскоре вернулся в Екатеринбург прокурор окружного суда В. Ф. Иорданский, которого Кутузов лишь временно замещал, и взял на себя общий надзор над следствием.

11 августа Сергеев начал осмотр нижнего этажа дома Ипатьева (док. № 14). Почти сразу же он нашел в верхней части печной трубы два не сгоревших документа, унесенных туда струей теплого воздуха. В них значились фамилии коменданта дома и начальника охраны (Юровский и Медведев) и был приведен список красноармейцев-охранников (док. № 164). Эти документы очень помогли работе следствия.

Много ценного дал также подробный осмотр одной из полуподвальных комнат нижнего этажа. Стены и пол ее были обрызганы кровью (со следами замывки), в них найдено было значительное количество следов от пулевых попаданий и несколько следов от ударов штыком. На стенах видны были полуграмотные надписи (большей частью – похабные) и порнографические рисунки.

Сергеев, которому также было поручено расследование обстоятельств исчезновения из Перми брата Николая II – вел. князя Михаила Александровича – и группы вел. князей из Алапаевска, принялся за свою нелегкую работу, видимо, добросовестно, но без чрезмерного рвения.

В комнате предполагаемого преступления он распорядился вырезать из пола и стен куски с подозрительными следами и надписями (док. №№ 17 и 18). 5 сентября он осмотрел семь телеграмм, найденных в конце августа в здании Волжско-Камского Банка, в помещении, где собирался президиум Уральского областного совета, за подписью председателя Областного совета А. Г. Белобородова и комен-

данта дома Ипатьева Я. М. Юровского. Они оказались весьма ценными для дела (док. № 24).

Сергеев допросил немало свидетелей. Наибольшее значение для развития дела имели допросы о. Иоанна Сторожева, служившего обедницу в доме Ипатьева за несколько дней до исчезновения Царской семьи (док. № 60), бывшего учителя царских детей П. А. Жильяра, разделившего с семьей тобольское заключение (док. № 61), охранника дома Ипатьева М. И. Летемина (док. № 62) и заведующего хозяйством рабочего клуба П. В. Кухтенкова, подслушавшего разговор отдыхающих в клубе комиссаров об убийстве Царской семьи (док. № 65). Все они были допрошены в октябре и ноябре 1918 года.

В октябре ген. Р. Гайда, командующий белым Уральским фронтом, решил занять дом Ипатьева под штаб фронта и устроить в нем свою личную квартиру, несмотря на сильное сопротивление екатеринбургских судебных властей. Пришлось срочно освобождать комнаты от сохранившихся в них вещественных доказательств. Лишь комната нижнего этажа со следами кровавых событий была запечатана Сергеевым и осталась в распоряжении следствия (док. № 59).

Сергеев так и не поехал на рудник. Там до зимы, без всякой поддержки со стороны гражданских властей, продолжались работы в очень трудных материальных условиях. В конце декабря товарищ прокурора Магницкий описал их в подробном отчете (док. № 71). Хотя поиски оказались не безрезультатными (были найдены новые принадлежности одежды и украшений, искусственная челюсть и отрубленный палец), тел узников дома Ипатьева обнаружено не было. Но Магницкий справедливо указывает, что, при наличных средствах, надежда найти тела была ничтожной.

Еще в первые дни после занятия города белыми начальник екатеринбургского гарнизона – ген. В. Голицын – приказал военно-уголовному розыску заняться расследованием исчезновения Царской семьи. Военная власть, относившаяся к Наметкину с подозрением, не была удовлетворена и работой Сергеева. К тому же, она ему не прощала его социалистических симпатий. Но Сергеева поддерживали гражданские власти, и военные отставить его не могли[8]. Наибольшую активность военный розыск проявил при поисках у Коптяков, но он также занялся опросами свидетелей и поисками различных сведений.

Наряду с судебным следствием и работой военных занялась расследованием и третья инстанция – уголовный розыск. Находилась эта инстанция как бы в промежутке между двумя первыми: она использовала как агентурные связи и сведения военной контрразведки, так и уцелевшие каналы императорской полиции и охранной службы. Как правило, оставшиеся сотрудники бывших полицейских инстанций не обладали высокими нравственными и деловыми качествами, что не могло не отразиться на работе уголовного следствия. Начальником уголовного розыска был назначен А. Ф. Кирста[9], а его заместителем – Плешков. Летом и осенью они проявили большую активность, опросив десятки свидетелей и проведя обыски, позволившие обнаружить предметы, украденные из дома Ипатьева охранниками-красноармейцами (док. №№ 26–58). Наиболее ценных свидетелей допрашивал затем более подробно и судебный следователь.

Таким образом с самого начала за расследование взялись три инстанции: 1) судебное следствие, 2) военный розыск и 3) уголовный розыск. Не будучи объединены общим вышестоящим органом, каждая из них работала по собственному усмотрению.

Тем временем на белом востоке политическая жизнь развивалась довольно бурно. Возникшая 23 сентября „Уфимская Директория" постепенно объединила все местные некоммунистические правительства, но сама она пала в ночь на 18 ноября и была заменена Омским правительством адмирала Колчака[10]. Хотя министр юстиции Старынкевич (по убеждениям – эсер)[11] продолжал поддерживать Сергеева, кампания против него со стороны военного командования усилилась. Враждебно к нему относился, в частности, новый командующий Уральским фронтом ген. Дитерихс[12]. Над Сергеевым начали сгущаться тучи, но расследование от этого

только выиграло: неуверенный в своем будущем следователь стал вести дело гораздо энергичнее. В конце января он опросил нового важного свидетеля – машиниста П. И. Логинова, давшего ценные показания об убийстве Семьи и его исполнителях (док. № 81).

25 декабря 1918 белые войска ген. Пепеляева заняли Пермь[13], и с начала 1919 года следствие обратило значительное внимание на этот город, куда в июле 1918 эвакуировались екатеринбургские большевики. Работавший в рамках судебного следствия агент уголовного розыска С. И. Алексеев[14] 11 февраля арестовал в Перми одного из главных свидетелей убийства – начальника охраны дома Ипатьева П. С. Медведева – и на следующий день опросил его. Вскоре опросил его и Сергеев (док. №№ 92, 93 и 96). Показания Медведева дополнили и уточнили показания охранника Летемина об обстоятельствах убийства, данных им в октябре.

26 февраля Алексеев допросил выслеженного и арестованного им в Екатеринбурге семнадцатилетнего охранника Ф. П. Проскурякова, также рассказавшего много ценного о событиях в доме Ипатьева (док. № 102).

К этому времени Сергеев, на основе собранных следствием свидетельств и вещественных доказательств, уже полностью составил себе мнение об обстоятельствах исчезновения Царской семьи. Вот что он пишет по этому поводу в постановлении об обвинении Медведева (док. № 95):

„...надлежит признать:

1. что по собранным следствием данным событие преступления представляется доказанным,

2. что б. Император Николай II, б. Императрица Александра Федоровна, Наследник Цесаревич, в. княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны убиты одновременно, в одном помещении, многократными выстрелами из револьверов,

3. что тогда же и при тех же обстоятельствах убиты состоявший при Царской семье лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, комнатная служанка Анна Демидова и слуги Харитонов и Трупп,

4. что убийство задумано заранее и выполнено по выработанному плану, что сопровождалось оно такими действиями, которые носили характер жестокости и особенных мучений для жертв преступления, причем убийцы завладели имуществом убитых".

Но уже 7 февраля было подписано в Омске постановление об освобождении Сергеева от производства следствия и найден ему заместитель – следователь по особо важным делам Н. А. Соколов (док. №№ 87 и 137). С этого времени Сергеев вел следствие лишь временно. 24 февраля Екатеринбургский окружной суд вынес окончательное постановление о передаче дела Соколову (док. № 99).

После установления в Перми новой власти в ней возник и „военно-контрольный аппарат" (то есть контрразведка). Кирста и некоторые его сотрудники, вынужденные оставить свою деятельность в Екатеринбурге, поступили на службу в пермский военный контроль и с середины февраля начали активно вести расследование о судьбе Царской семьи. Основываясь на рассказах свидетелей, Кирста быстро пришел к следующим предположениям: Александра Федоровна и ее дочери не погибли в доме Ипатьева, а были вывезены живыми в Пермь. Позже, при отступлении красных из города, Семью увезли по направлению Глазова. В Перми одна из вел. княжен, вероятно, Анастасия, сделала попытку к бегству, но была поймана и сильно избита. Ей оказал медицинскую помощь опрошенный Кирстой доктор Уткин (док. №№ 104 и 107) – единственный из свидетелей Кирсты, лично беседовавший в Перми с мнимым членом Царской семьи. Расследование было закончено к началу апреля 1919 (док. №№ 104–136).

Пока Кирста искал следы пребывания Царской семьи в Перми, Сергеев продолжал допрашивать свидетелей в Екатеринбурге, а Соколов приступал к своим новым обязанностям в Омске.

Еще 17 января адм. Колчак, обеспокоенный распространением по Сибири самых нелепых слухов о судьбе Царской семьи (см. примеры: док. №№ 162 и 175), приказал ген. Дитерихсу представить ему материалы следствия и вещественные

доказательства. 25 января они и были сданы Сергеевым Дитерихсу. Он сохранил у себя лишь копии документов, необходимых для временного ведения расследования. В первых числах февраля подлинное следственное производство и все найденные материалы были переправлены в Омск. После ознакомления с ними Верховный правитель 5 февраля вызвал к себе следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколова[15] и передал ему на ознакомление следственные материалы. На следующий день у них состоялась новая беседа. Соколов согласился принять дело, но поставил три условия. Передадим ему слово:

„1. Расследование должно быть построено на началах закона, как это делалось и до сего момента: устава уголовного судопроизводства.

2. К нему должны быть привлечены в достаточном количестве судебные следователи, ибо оно недоступно физическим силам одного лица.

3. Во главе расследования должна стоять не коллегиальная, а единоличная авторитетная власть. Она представлялась мне в лице сенатора с опытом в следственной технике.

Но суровая действительность была жестока к нам. В далекую Сибирь не пришли такие сенаторы. Отсутствовали и рядовые техники, так как Сибирь почти не знала института судебных следователей. Иные боялись связать свою судьбу с опасным делом.

При вторичном свидании в тот же день 6 февраля Адмирал сказал мне, что он решил сохранить обычный порядок расследования и возложить его на меня"[16].

7 февраля дело было официально поручено Соколову и в тот же день ему были переданы подлинные следственные протоколы и нужные для его работы вещественные доказательства (док. №№ 137–139).

Назначение Соколова было воспринято отрицательно теми кругами в сибирской столице, которые не хотели верить в гибель Царской семьи. Причем отрицательное отношение к себе он испытал в равной степени со стороны как правых, так и левых представителей уральской и сибирской общественности. С одной стороны, эсеры и прочие социалисты, не простившие Колчаку разгона Директории, стремились, где только это было возможно, подточить его власть и, естественно, не могли сочувствовать следствию, ведущемуся под его непосредственным руководством. С другой стороны, некоторые правые монархические круги, лишенные возглавителя из императорской фамилии (наиболее популярный член которой, вел. кн. Николай Николаевич, от этой роли отказался), предпочитали не верить в гибель Николая II и бывшего наследника и безнаказанно заниматься своими политическими делами под их знаменем. Факты, утверждаемые следствием, их раздражали.

Верховному правителю пришлось принять меры для ограждения Соколова от различных нападок и интриг. 3 марта им был подписан следующий акт:

„Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно и точно все законные требования Судебного Следователя по особо важным делам Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него по моей воле обязанностей по производству предварительных следствий об убийстве бывшего Императора, его семьи и Великих Князей"[17].

Сменивший на посту министра юстиции Старынкевича проф. Г. Г. Тельберг отнесся к Соколову значительно лучше своего предшественника, поддерживавшего Сергеева и назначившего нового следователя лишь вынужденно. Он выхлопотал Соколову отдельный вагон, в котором в Екатеринбурге следователь жил и работал, и даже вооруженный конвой для его охраны. В благодарность Соколов присылал ему копии с наиболее ценных материалов следствия[18].

Для ограждения расследования от возможных уклонений и нареканий прокурору Казанской палаты Н. И. Миролюбову поручено было возглавление прокурорского надзора над следствием. Он установил сношения с екатеринбургским прокурором Иорданским, который ему посылал информацию о ходе дела.

Соколов не торопился с выездом в Екатеринбург и до первой половины марта вел свою работу в Омске. Приступая к делу, он решил, что все следственные материалы будут изготовляться в трех экземплярах: каждая из двух копий, скреп-

ленная следователем, поручалась для хранения лицу, одобренному адм. Колчаком. Деятельным помощником Соколова стал английский журналист Р. А. Вильтон, принимавший активное участие в следствии[19].

Новый следователь начал свое расследование с подробного осмотра вещественных доказательств, переданных ему ген. Дитерихсом. Он осмотрел предметы, найденные у Четырех Братьев: части одежды, драгоценности, иконки и рамы, лопату, палец и искусственную челюсть, остатки очков, осколки гранат и иные предметы, важные для дела. Вещи эти он показывал экспертам, с наиболее интересных снимал фотографии (док. №№ 140–146, 148–150).

23 февраля он принялся за осмотр телеграмм, найденных в Екатеринбургской телеграфной конторе и переданных Сергееву в конце января. Из них пять были зашифрованы: Соколов их предоставил для расшифровки экспертам из контрразведки и Министерства иностранных дел, но они с расшифровкой не справились (док. №№ 151, 152, 158, 185 и 186). (Работа была сделана уже за границей: оказалось тогда, что телеграмма от 17 июля, подписанная Белобородовым, особенно важна для дела и доказывает убийство всей семьи в Екатеринбурге.)

Среди предметов, вывезенных в Омск, оказались куски пола и стен, вырезанные Сергеевым в комнате предполагаемого убийства. Соколов их подробно осмотрел, описал и, при помощи эксперта, извлек из них пули. Экспертиза пуль привела к заключению, что стреляли из нескольких револьверов типа Наган, одного пистолета типа Кольт и двух автоматических трехлинейных пистолетов (док. №№ 147, 154–156). Сергеев и Соколов, независимо друг от друга, передали на научный анализ куски пола с подозрительными пятнами из комнаты убийства. Научная экспертиза в обоих случаях установила, что на кусках дерева – человеческая кровь (док. №№ 195 и 198).

Еще находясь в Омске, Соколов осмотрел дневник фрейлины граф. А. В. Гендриковой, расстрелянной большевиками, и подробно допросил Жильяра, получив таким образом много ценных сведений о тобольском периоде жизни Царской семьи (док. №№ 157 и 159).

В середине марта 1919 г. Соколов переехал в Екатеринбург. Там он продолжил осмотр различных документов и телеграмм, добытых следствием. Еще две телеграммы оказались зашифрованными (док. №№ 163–165, 179–181, 193 и 268). 14 марта он осмотрел важные для дела предметы, найденные в выгребной яме дома Ипатьева (док. № 167).

Возобновились и допросы свидетелей. В этой работе Соколову помогали приданные ему агенты розыска С. И. Алексеев и И. М. Сретенский: они разыскивали свидетелей и, после короткого допроса, отсылали их к следователю.

Медведева Соколов так и не успел допросить: 29 марта он получил справку о его смерти в Екатеринбургской тюрьме от „сыпного тифа" (док. № 183). Зато в начале апреля он подробно опросил охранника дома Ипатьева Проскурякова (док. № 188).

Тем временем Алексеев разыскал, и 2 апреля допросил, бывшего разводящего караула „Дома особого назначения" А. А. Якимова: после ухода большевиков из Перми он поступил в ряды белых войск, где и был обнаружен следствием. Якимова опросил позже и Соколов. Его показание – самый подробный рассказ о внутренней жизни дома Ипатьева и о нравах его двух комендантов Авдеева и Юровского (док. №№ 189 и 199). Якимова, как и Медведева, следствие уберечь не сумело: он умер 4 ноября 1919 в Иркутской тюрьме (док. №№ 270 и 271).

6–10 апреля Соколов выслушал длинный и подробный рассказ полк. Е. С. Кобылинского, начальника охраны Царской семьи в Царском Селе и в Тобольске[20]. Это самый подробный рассказ о до-екатеринбургском периоде заключения (док. № 192).

С 15 по 25 апреля Соколов произвел дополнительный осмотр дома Ипатьева. В комнате убийства он нашел надписи, следы крови и пулевых попаданий, не отмеченные Сергеевым. Он осмотрел и террасу дома, забытую Сергеевым, покрытую похабными надписями охранников, стоявших на караульном посту (док. № 194).

Еще 11 февраля Сергеев допросил шофера Мельникова, рассказавшего об автомобильных поездках к Коптякам после роковой ночи. Последовавшие допросы шоферов Леонова и Самохвалова, сторожа Злоказова и повторный допрос Мельникова Алексеевым позволили установить ряд деталей о перевозе тел (и екатеринбургских комиссаров) в лес, о доставке к руднику лопат, бензина и серной кислоты (док. №№ 89, 196, 223, 272 и 276). Важным доказательством является собственноручная расписка комиссара Войкова о выдаче серной кислоты (док. № 200).

Много времени и энергии посвятили Соколов и его помощники допросу различных свидетелей событий у Коптяков. Среди них оказались местные крестьяне, железнодорожные сторожа и их семьи, обыватели, повстречавшие ехавших на рудник или возвращавшихся оттуда красноармейцев и комиссаров, военные, побывавшие у шахт еще в июле 1918 года, и молодой горный техник Фесенко, оставивщий свою подпись на старой березе, около места, где сжигали одежду и, может быть, тела. Их рассказы, в своей совокупности, дают достаточно яркую картину событий, связанных с захоронением, хотя всех его обстоятельств не освещают (док. №№ 169–174, 197, 201, 203–207, 219–222, 230–234, 241, 245–248, 251–254).

Соколов не оставил без внимания и „пермскую линию" расследования. 14 июня он подробно расспросил основного свидетеля Кирсты доктора Уткина, который не смог на фотографиях точно опознать вел. кн. Анастасию. 2 июля Соколов беседовал с пермской жительницей В. Н. Карнауховой, сестрой председателя уральской ЧК Лукоянова. Осмотрел он и найденные Кирстой вещественные доказательства (салфетки и рецепты) и выслушал рассказ пермского прокурора Шамарина об условиях деятельности Кирсты в Перми (док. №№ 211, 224, 265 и 266). Услышанные им рассказы и осмотренные им предметы не поколебали уверенности следователя в том, что вся Царская семья была убита в доме Ипатьева. В результате допроса доктора Уткина Соколовым пермскому военно-уголовному розыску было запрещено дальнейшее расследование и его материалы были переданы судебному следствию.

В конце мая – начале июня Соколов предпринял осмотр района урочища Четырех Братьев и подступов к нему. Он (первый) пешком проделал и описал весь путь к урочищу и подробно осмотрел район рудника и близлежащую местность. В это же время, под руководством ген. Дитерихса, начались поиски в заброшенных шахтах, а после его назначения в июле главнокомандующим Сибирской армией, были продолжены под руководством его помощника ген. С. А. Домонтовича. Для ведения работ и охраны в лес было прислано свыше 1000 солдат. Во время осмотра местности и работ на руднике опять было найдено много частей одежды, украшений и прочих предметов. Некоторые из них, видимо, подвергались действию кислоты и многие из найденных вещей показывали следы рассечения режущим предметом. Были найдены на урочище страницы, вырванные из медицинской книги на немецком языке. Обнаружены были и остатки костей, а также „салоподобного вещества" (они экспертизе так и не подверглись) (док. №№ 212, 215, 235, 255 и 273). 25 июня в воде, заполнявшей одну из шахт, был найден труп собачки. Она была опознана как любимая собачка Анастасии Николаевны – Джемми (док. №№ 216–218).

Но тем временем на восточном фронте гражданской войны положение развивалось неблагоприятно для белых. 1 июля красные войска взяли Пермь. Фронт приблизился вплотную к Коптякам, и 10 июля работы на руднике пришлось остановить, а на следующий день Соколов получил от ген. Дитерихса предписание выехать из Екатеринбурга и вывезти с собой следственное дело и вещественные доказательства (док. № 236). 15 июля 1919 Екатеринбург пал.

Выехав из Екатеринбурга и постепенно продвигаясь к востоку, Соколов сперва остановился в Тюмени, а затем переехал в г. Ишим, где оставался до середины августа. Вскоре следователю пришлось перебраться в Омск, и уже в начале сентября он покинул сибирскую „столицу" по направлению к Чите.

Несмотря на тревожное время и ряд трудностей, связанных с отступлением войск и развалом сибирской власти, Соколов и в пути продолжал вести расследо-

вание. В частности, он допросил ряд лиц из прислуги и приближенных Царской семьи, встреченных им во время поездки. От них он узнал много интересного об условиях жизни Царской семьи в Тобольске, об обстоятельствах ее вывоза в Екатеринбург. Соколов всем показывал вещественные доказательства (или их фотографии), и таким образом было опознано много предметов, имеющих значение для дела (док. №№ 237–240, 242–244, 250, 256, 257, 263).

В поезде между Омском и Читой Соколов осматривал описи предметов, найденных в доме Ипатьева и на руднике. Эти описи, содержащие более 1000 пунктов, были составлены ген. Дитерихсом и представлены им следствию 19 мая 1919 года (док. № 262).

Переехав в Читу, в столицу дальневосточного „государства" атамана Семенова[21], Соколов остался в этом городе от начала октября до конца 1919 года. Это было время окончательного крушения власти адм. Колчака, и с начала января 1920 года Семенов возглавлял единственное сохранившееся на востоке белое правительство. Атаман был под сильным влиянием право-монархических кругов, считавших Соколова чуть ли не революционером и стремившихся помешать его работе. У следователя возникли большие трудности с местной властью.

В декабре 1919 года в Читу приехал ген. Дитерихс и, ввиду создавшихся условий, решил изъять у Соколова дело, чтобы предотвратить его возможное уничтожение. 19 декабря дело было перенесено в поезд Дитерихса и увезено в Верхне-Удинск, где генерал должен был пребывать. Соколов нехотя согласился на эту вынужденную меру и позже даже упрекал Дитерихса в попытке уничтожить или присвоить себе дело. Некоторое время спустя Соколов, которого охранял приставленный к нему Дитерихсом офицер, и сам уехал в Верхне-Удинск.

С середины 1919 года расследование Соколова из области чисто юридической все больше стало переходить в область историко-политическую. Уже с весны у него начала созревать концепция о широком заговоре, в результате которого Царская семья погибла. Самое пристальное внимание он обратил на ту усиленную деятельность, которая с осени 1917 года началась вокруг тобольских узников. Привлекли его внимание личность и дела комиссара Яковлева, вывезшего Николая II и Александру Федоровну из Тобольска[22], деятельность тобольского священника о. Алексея Васильева, посланников монархических организаций В. К. Адамовича-Маус, корнета Сергея Маркова, таинственного И. И. Сидорова... (док. №№ 176, 190, 191, 210, 213, 214, 225). Уже в Сибири и на Дальнем Востоке эта линия расследования обогатилась новыми показаниями (док. №№ 258–261, 264, 269 и 277).

Особое место в этой части следствия занимает колоритная фигура Бориса Соловьева – зятя Распутина, типичного авантюриста эпохи революции и гражданской войны[23]. Соловьев был арестован на Дальнем Востоке и допрошен Соколовым в Читинской тюрьме (из которой его вскоре высвободила Марья Михайловна, всесильная „подруга" атамана Семенова). Его рассказ раскрывает перед нами дела и чаяния столичных кругов, близких к Распутину и Александре Федоровне (док. №№ 274–275).

На основе этих и иных показаний к концу 1919 года у Соколова вполне оформилась „концепция", которая легла в основу изданной им впоследствии за границей книги и которую он следующим образом изложил в июне 1922 в частном письме:

„Убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном, едином плане, причем самым первым из них по времени погиб великий князь Михаил Александрович. /.../

За много лет до революции возник план убийства, имеющий целью разрушение идеи монархии. Около церковной власти представителем этой идеи в действительности был Распутин.

Цикл идей, порожденных этой личностью, создал явление, которое *непосредственно* обусловило смерть Царской семьи и которое в лице других людей (после смерти Распутина) существовало и в Тобольске и в Екатеринбурге до самой их смерти. /.../

Вопрос о жизни или смерти членов Дома Романовых был, конечно, решен задолго до смерти тех, кто погиб на территории России. Непосредственным поводом для этого послужила опасность белого движения и, в частности, для судьбы великого князя Михаила Александровича не только в Сибири, но и в Северной России (Архангельск). /.../

Эта работа не прекращена и ныне, изменив приемы своей деятельности. Лица, ею руководящие, стараются всякими способами внести разложение в ряды русских людей, продолжающих интересоваться политическими вопросами и, в частности, посеять рознь и устранить активность действий Августейших Особ. Самым главным приемом в этой деятельности является распространение версии о спасении членов Царской семьи /.../".

Мы уже видели, что в начале февраля 1919 года все вещи, относящиеся к делу и найденные следствием, были привезены в Омск. Была тогда же составлена подробная опись всех предметов, принадлежавших Царской семье. После изъятия и передачи Соколову всего необходимого для его работы, адм. Колчак поручил ген. Дитерихсу переправку вещей в Англию, король которой был близким родственником Николая II. В Англии проживала и сестра Царя вел. княгиня Ксения Александровна. Собранные вещи – одежда, украшения, предметы домашнего хозяйства и обихода, книги, иконы, вырезанные Сергеевым части пола и стен, были упакованы в 50 ящиков (размером 1 м х 75 см х 75 см), уложены в специальный поезд и отправлены под охраной во Владивосток. Но, видимо, охрана была подкуплена: во Владивостоке обнаружилось, что в поезде осталось лишь 29 ящиков...[24]

Эти 29 ящиков были сданы 18 марта капитану английского крейсера „Кент", привезены в Англию и предоставлены Ксении Александровне. Но по вскрытии их обнаружилось, что большая часть содержания была изъята и заменена разным мусором.

Через несколько месяцев к вел. княгине обратилась баронесса Буксгевден с вопросом о том, нашла ли она в ящике драгоценности, принадлежавшие Александре Федоровне, указав ей, что они были завернуты в сверток из старой одежды покойной графини Гендриковой. Драгоценности эти были действительно найдены, возможно, они сохранились потому, что были завернуты в одежде, показавшейся маловажной для дела.

О пропаже вещей вел. княгиня информировала ген. Дитерихса, за границей знал о ней и Соколов. В 1930 году узнал об этих событиях и Вильтон. Но они хранили молчание.

Переданные Соколову в Омске протоколы дела и вещественные доказательства оставались у него до декабря 1919 года. Они пополнялись новыми показаниями и предметами, обнаруженными следствием. Все найденные останки, вероятно, останки тел членов Царской семьи, были сложены в сафьяновый синий сундучок Александры Федоровны, найденный у охранника Летемина.

К концу 1919 года все материалы следствия и вещественные доказательства были собраны в Верхне-Удинске и оттуда, благодаря помощи английского и американского дипломатических представителей на востоке России, были увезены в Харбин (в январе/феврале 1920). Соколов приехал в Харбин в поезде американского консула, приехали туда и ген. Дитерихс, Вильтон и Жильяр. В городе было неспокойно, вспыхнула забастовка русских железнодорожников. Материалы дела были спрятаны в вагоне Вильтона и каждую ночь, по очереди, их сторожили русский следователь и английский журналист.

В начале марта в вагоне Вильтона собрались генералы Дитерихс и Лохвицкий, а также Соколов и Вильтон. Надо было решить, что делать дальше с материалами дела. Ген. Дитерихс долго не соглашался на отправку дела за границу, которую предлагали три остальных участника встречи, но, в конечном счете, удалось его уговорить. Было решено, что дело нужно вывезти в Европу. Один экземпляр дела решили отправить с Соколовым; Вильтону, который обещал помогать Соколову и в Европе, был поручен на хранение еще один экземпляр дела.

Затем обратились за помощью к английскому комиссару в Харбине. Но запрошенное своим представителем английское Министерство иностранных дел отказалось содействовать вывозу дела в Европу. При участии Пьера Жильяра обратились тогда к французскому представителю – ген. Жанену, который от оказания помощи не уклонился, при условии, что к нему с официальным письмом обратится ген. Дитерихс, что тот и сделал.

18 марта 1920 ген. Дитерихс, два его ординарца, Соколов и Жильяр взяли три „тяжелых чемодана" и ящик с материалами дела и отнесли их к поезду Жанена, стоявшему на некотором расстоянии от Харбинской станции. На следующий день Дитерихс принес ему и сундучок с останками Царской семьи.

Материалы дела были опечатаны дипломатической печатью и погружены в Тяньцзине на французское транспортное судно, уходящее в Марсель. Во Францию отплыли также ген. Жанен и Соколов. Отказавшись вручить дело представителю французского Министерства иностранных дел, ген. Жанен некоторое время хранил материалы в своем доме недалеко от Гренобля[25]. Затем он решил передать дело вел. князю Николаю Николаевичу, но Николай Николаевич не только отказался от следственных материалов, но даже не пожелал принять Жанена и Соколова. Обратившемуся к нему Жанену он указал, через посредство состоявшего при нем барона Стааля, что дело следует передать М. Н. Гирсу, бывшему послу Временного правительства в Риме, а ныне – председателю Совещания русских послов за границей. По своей просьбе, Жанен получил об этом от вел. князя письменное распоряжение.

Таким образом в 1920 году следственные материалы были сданы Гирсу.

Дальнейшая судьба оригиналов дела и приложенных к ним вещественных доказательств – неясна. По некоторым сведениям, письменные материалы дела хранились до Второй мировой войны в сейфе одного из парижских банков. Во время оккупации Парижа немцами сейф был открыт по приказанию немецкой полиции; и с тех пор след изъятых ею документов потерян. О судьбе останков и вещей Царской семьи, приложенных к делу, существует две версии: по первой они в 1921 году были переданы родственникам Николая II, по второй – были, как и документы, изъяты немцами из парижского сейфа.

Соколов не хотел передавать дело М. Н. Гирсу, которому он не доверял по политическим причинам, но ему пришлось подчиниться воле великого князя. Выход из положения он все же нашел и описывает его в письме от 22 апреля 1922 года:

„Мне не оставалось ничего больше делать, как попытаться изъять то, что можно было, дабы изъятое – идеальный дубликат подлинника, мог бы заменить подлинное дело. Всего достичь было нельзя. Была усвоена точка зрения, что Следователь – это техник, т. е. лицо, равносильное чернорабочему.

Много скандалил с Гирсом. Кое-как удалось достигнуть прикосновенности к делу. Изъял все главные документы, на коих основан самый подлинник".

Обеспечив себя таким образом необходимой документацией, Соколов опять начал разыскивать и допрашивать свидетелей. Ему удалось получить показания ряда крупных политических деятелей эпохи (например, кн. Львова, Керенского, Милюкова, Гучкова...) и многих менее заметных фигур.

Работа Соколова шла в тяжелых условиях. Он снова столкнулся с противодействием как правой, так и левой общественности. Для левых он оставался „колчаковским следователем", монархисты же не принимали выводы и убеждение Соколова, что в Екатеринбурге была убита вся Царская семья. В своей переписке Соколов жалуется на отношение к себе вел. княгини Ольги Александровны и видного монархического деятеля ген. В. Гурко. Сильно страдал Соколов и от нужды. Чуть ли не единственную поддержку он нашел у проживавшего в Париже кн. Николая Орлова.

Несмотря на свое нервное состояние, порою на грани отчаяния, Соколов продолжал свои поиски, ездил по Европе, собирая сведения, и побывал даже в Америке. В 1921 году, во время его поездки в Германию, комната, в которой он жил в Берлине, была ограблена и ряд документов был украден.

Собрав много материалов (в апреле 1922 года к семи первоначальным томам его копии дела прибавилось уже семь других) и желая поделиться с широкой общественностью результатами своей работы, Соколов написал книгу „Убийство Царской Семьи", опубликовав в ней многочисленные выдержки следственных материалов и немало фотографий (книга его была издана уже посмертно)[26]. К сожалению, способный следователь Соколов оказался менее одаренным писателем. К тому же, его труд лишен строгого построения, и не всегда в нем достаточно точно воспроизведены следственные материалы. Опущены в книге те документы, которые не подтверждают его точки зрения на дело. Увлекаясь своей концепцией, Соколов часто уводит читателя в зыбкую область широких и мало обоснованных построений и тем самым подрывает его доверие к огромной и добросовестно проделанной следственной работе.

Изнуренный непосильным трудом и разными огорчениями, Николай Алексеевич Соколов скончался 23 ноября 1924 года: его нашли мертвым в саду дома во французском городке Сальбри (в департаменте Луар-э-Шэр), где он тогда жил. Похоронен он был на местном кладбище: там и поныне стоит над его могилой крест с надписью: „Правда Твоя – Правда во веки".

После смерти Соколова собранные им материалы хранились у его вдовы. Теперь они, по непроверенным сведениям, находятся во владении частного лица – эмигранта из России – и хранятся в одной из западноевропейских стран.

Журналист Роберт Вильтон вернулся в Англию и в 1920 году выпустил, совместно с Г. Тельбергом, книгу на английском языке, посвященную гибели Романовых. В 1923 году его книга вышла и на русском языке. Вильтон, очень много знавший и повидавший, имел в своем распоряжении прекрасную копию дела. Книга его содержит уникальные подробности, но, к сожалению, ее очень портят назойливые антинемецкие и антиеврейские рассуждения автора[27]. После смерти Вильтона его экземпляр дела была продан его супругой 15 июня 1937 года в Лондоне частному лицу, но, к счастью, этот экземпляр позже был пожертвован в Хаутонскую библиотеку Гарвардского университета, где находится и поныне в распоряжении исследователей.

Третий харбинский „заговорщик" – ген. Дитерихс, остался на Дальнем Востоке. В 1920–1921 годах, проживая в Харбине в большой бедности, он также написал двухтомную книгу об убийстве Царской семьи, изданную во Владивостоке в 1922 году. Основал свою работу ген. Дитерихс на хранящейся у него объемистой копии дела, вероятно, перепечатанной для него в поезде между Читой и Верхне-Удинском[28]. Труд Дитерихса содержит много важных и интересных подробностей, но также сильно грешит бесконечными отступлениями от чисто юридической стороны дела. Книга, к тому же, написана довольно сумбурно.

После своего короткого пребывания, в 1922 году, во главе белого Приморья ген. Дитерихс эмигрировал в Китай, где и проживал до своей кончины – 8 октября 1937 года. Незадолго до смерти он распорядился передать его экземпляр дела в Центральное управление Русского Обще-Воинского Союза в Париж[29], но, узнав о похищении возглавлявшего РОВС ген. Миллера, он изменил свое намерение. В конечном счете материалы следствия остались у его вдовы – Софьи Эмильевны Дитерихс. Позже они были переданы на хранение в надежное место в одну из западных стран, где находятся и поныне[30].

*

Пока, сперва в России, а затем и за границей, велось судебное расследование обстоятельств гибели Царской семьи, советская сторона не молчала и по-своему реагировала на екатеринбургские события.

23 июля 1918 года в советских газетах появилось следующее сообщение, под заголовком „Казнь Николая Кровавого":

„Москва. 19 июля. На состоявшемся 19 июля первом заседании президиума Ц.И.К. Советов Председатель Свердлов сообщает полученное по прямому проводу

сообщение от Областного Уральского Совета о расстреле бывшего Царя Николая Романова. За последние дни столице красного Урала – Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имеющий целью вырвать из рук Советовласти коронованного палача. Ввиду всех этих обстоятельств президиум Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре посланы в Москву со специальным курьером". (См. док. № 84.)

В этом сообщении указывалось, что казнен один Николай II и дальнейшая судьба членов его семьи не уточнялась, зато с того времени разными людьми, близкими к советской власти на Урале, стали широко распространяться неофициальные рассказы о том, что Александра Федоровна и ее дети были увезены в Пермь во время эвакуации Екатеринбурга и находятся там в заключении. Одновременно поползли и слухи о бегстве всей семьи или отдельных ее членов в Сибирь или за границу.

Эти рассказы вполне соответствуют и официальной точке зрения советской стороны во время немецко-советских переговоров в Москве летом 1918 года.

В июле немецкому представителю, барону Ритцлеру, было официально сообщено, что Александра Федоровна с дочерьми была перевезена в Пермь и что „немецким принцессам" ничто не угрожает[31].

С начала августа, сперва с Чичериным, потом с Радеком, вел переговоры в Москве о судьбе Царской семьи немецкий консул Гаушильд. Речь шла в основном об условиях освобождения Александры Федоровны и ее дочерей: за разрешение им выезда в Германию советские власти запрашивали у немцев различные „компенсации". 10 сентября советский представитель в Берлине – Иоффе – официально обратился к немецкому Министерству иностранных дел с предложением обменять бывшую Царицу на Либкнехта...

В Москве переговоры продолжались до 15 сентября, до того дня, когда немецкие представители с изумлением выяснили, что советское правительство не может указать местопребывание Семьи, так как она находится при красноармейской части, отрезанной от остальной армии.

17 сентября в Перми открылся процесс 28 левых эсеров, обвиняемых в убийстве Николая II, его жены и детей, а также прочих обитателей дома Ипатьева. Среди обвиняемых было три члена Екатеринбургского совета: Грузинов, Малютин и Яхонтов. Яхонтов показал, что он организовал убийство Царской семьи, чтобы нанести вред большевикам. Когда из-за слухов о приближении к городу чехословаков в Екатеринбургском совете началась паника, Яхонтову удалось подчинить своей воле Исполнительный комитет. Он тогда дал приказание убить Царскую семью, и все были расстреляны. Яхонтов, его коллеги из Совета, а также две женщины – левые эсерки М. Апраксина и Е. Миронова – были приговорены к смертной казни. Приговор был сразу же приведен в исполнение.

22 сентября в „Известиях" было опубликовано такое сообщение: тело Николая II было найдено в лесу и выкопано в присутствии белых властей и духовенства. Затем состоялось торжественное отпевание в Екатеринбургском кафедральном соборе. Тело Царя предполагается вывезти в Омск и похоронить его там в особой гробнице.

Лишь в 1921 году в советской печати появился подробный рассказ о гибели Царской семьи. В сборнике „Рабочая революция на Урале" (тираж 10 000 экз.) бывший председатель Екатеринбургского совета П. М. Быков рассказал о екатеринбургских событиях, активным участником которых он сам был[32]. Свой рассказ Быков определяет как „сводку бесед с отдельными товарищами, принимавшими то или иное участие в событиях, связанных с семьей бывшего царя, а также принимавшими участие в ее расстреле и уничтожении трупов".

Вопрос о расстреле Романовых, пишет Быков, ставился на заседании Совета „еще в конце июня". На немедленном расстреле настаивали больше всех Хотинский, Сакович и другие члены Совета из партии левых эсеров.

„Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах июля. Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета. Приговор был приведен /так!/ в ночь с 16 на 17 июля.

В заседании президиума В.Ц.И.К., состоявшемся 18 июля, председатель Я. М. Свердлов сообщил о расстреле бывшего царя. Президиум В.Ц.И.К., обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановление Уралсовета признал правильным. /.../

Организация расстрела и уничтожения трупов расстрелянных поручена была одному надежному революционеру, уже побывавшему в боях на дутовском фронте, рабочему В.-Исетского завода – Петру Захаровичу Ермакову.

Самую казнь бывшего царя нужно было обставить такими условиями, при которых было бы невозможно активное выступление приверженцев царского режима. Поэтому избран был такой путь.

Семье Романовых было объявлено, что из верхнего этажа, в комнатах которого они помещались, им необходимо спуститься в нижний. Вся семья Романовых – бывший царь Николай Александрович, жена его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери, домашний доктор семьи Боткин, „дядька" наследника и бывшая принцесса-фрейлина, оставшиеся при семье, – около 10 часов вечера сошли вниз. Все были в обычном домашнем платье, т. к. спать всегда ложились позже.

Здесь, в одной из комнат полуподвального этажа, им всем предложили стать у стены. Комендант дома, бывший в то же время и уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны – все они должны умереть.

Неожиданное известие ошеломило осужденных, и лишь бывший царь успел сказать вопросительно – „так нас никуда не повезут?".

Выстрелами из револьверов с осужденными было покончено...

При расстреле присутствовало только четыре человека, которые и стреляли в осужденных.

Около часу ночи трупы казненных были отвезены за город в лес, в район Верх-Исетского завода и дер. Палкиной, где и были на другой день сожжены.

Самый расстрел прошел незаметно, хотя и был произведен почти в центре города. Выстрелы не были слышны, благодаря шуму автомобиля, стоявшего под окнами дома во время расстрела. Даже караул по охране дома не знал о расстреле и еще два дня спустя аккуратно выходил в смену на наружных постах. /.../

Предпринятое военными властями обследование того района, куда вывезены были трупы казненных, ничего не дало. /.../

Романовы были расстреляны в обычном платье. Когда же трупы решили сжечь, то их предварительно раздели. В некоторых частях одежды, потом сожженной, оказались зашитыми драгоценности. Возможно, что часть из них была обронена или вместе с вещами попала в костер. /.../"

Далее Быков признает, что Михаил Александрович был действительно расстрелян и пишет об „уничтожении" великих князей, содержавшихся в Алапаевске.

„Следует отметить то обстоятельство, что в официальных советских сообщениях своевременно не были опубликованы полные постановления о расстреле членов семьи Романовых. Было сообщено о расстреле лишь бывшего царя, а великие князья, по нашим сообщениям, или бежали или были увезены – похищены неизвестно кем. То же самое было сообщено и о жене, сыне и дочерях Николая, которые будто бы были увезены в „надежное место".

Это не было результатом нерешительности местных советов. Исторические факты говорят, что наши Советы, и областной, и пермский, и алапаевский действовали смело и определенно, решив уничтожить всех близких к самодержавному престолу.

Кроме того, рассматривая теперь эти события уже как факты истории рабочей революции, следует признать, что Советы Урала, расстреливая бывшего царя и действуя в отношении всех остальных Романовых на свой страх и риск, естественно пытались отнести на второй план расстрел семьи и бывших великих князей Романовых".

Рассказ Быкова был перепечатан лишь в „Коммунистическом Труде", и вскоре сборник „Рабочая революция на Урале" исчез из продажи...

Как ни в чем не бывало, весной 1922 года на Генуэзской конференции Чичерин уверял корреспондента „Чикаго Трибьюн", что, по его сведениям, дочери Николая II проживают в США.

25 декабря 1925 года в петроградской „Красной Газете", тогда редактируемой также причастным к уральским событиям Сафаровым, появилась интересная статья П. Юренена под заглавием „Новые материалы о расстреле Романовых". В 1926 году вышла книга Быкова „Последние дни Романовых" с новым его рассказом о событиях[33]:

„На одном из своих заседаний Совет единодушно высказался за расстрел Николая Романова. Все же большинство Совета не хотело брать ответственности, без предварительных переговоров по этому вопросу с центром. Решено было вновь командировать в Москву Голощекина для того, чтобы поставить вопрос о судьбе Романовых в ЦК партии и президиуме ВЦИК.

В Москве этот вопрос также занимал руководителей центральных организаций. Когда Голощекин в первый же день явился в президиум ВЦИК, то он, между прочим, встретил у Свердлова представительницу ЦК партии эсеров /так!/ М. Спиридонову, настаивавшую на выдаче Романовых эсерам для расправы с ними.

Президиум ВЦИК склонился к необходимости назначения над Николаем Романовым открытого суда. В это время созывался 5-й Всероссийский Съезд Советов. Предполагалось поставить вопрос о судьбе Романовых на Съезде, – о том, чтобы провести на нем решение о назначении над Романовыми гласного суда в Екатеринбурге. Как главный обвинитель царя в его преступлениях перед народом, на суд должен был выехать Л. Троцкий.

Однако по докладу Голощекина о военных действиях на Урале, где, в связи с выступлением чехословаков, положение не было прочно и можно было ожидать скорого падения Екатеринбурга, вопрос был предрешен. Постановлено было вопроса на Съезде, который мог затянуться, не ставить. Голощекину предложено было ехать в Екатеринбург и к концу июля подготовить сессию суда над Романовыми, на которую и должен был приехать Троцкий. /.../

По приезде из Москвы Голощекина, числа 12 июля, было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых.

Областной Совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся – фронт был слишком близко, и задержка с судом над Романовыми может вызвать новые осложнения.

/.../

Областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. Расстрел и уничтожение трупов предложено было произвести комендатуре охраны с помощью нескольких надежных рабочих-коммунистов.

На предварительном совещании в Областном Совете был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов.

Решение уничтожить трупы было принято в связи с ожидаемой сдачей Екатеринбурга, чтобы не дать в руки контрреволюции возможности с „мощами" бывшего царя играть на темноте и невежестве народных масс. /.../

До самого расстрела Романовы не узнали о состоявшемся постановлении об их казни.

Около 12 часов ночи того же дня им было предложено одеться и сойти в нижние комнаты; чтобы не возбудить у них подозрения, было объяснено, что эта мера вызвана, якобы, предполагающимся в эту ночь нападением белогвардейцев

на дом Ипатьева. С той же целью было предложено перейти вниз и остальным обитателям Ипатьевского дома. /.../

Когда они все были переведены в нижний этаж, в намеченную для исполнения приговора комнату, им было объявлено постановление Уральского Областного Совета. После чего тут же все 11 человек: Николай Романов, его жена, сын, четыре дочери и четверо приближенных – были расстреляны. /.../

После расстрела трупы были перенесены в одеялах во двор дома и уложены в грузовой автомобиль. По заранее намеченному пути автомобиль выехал из города через пригородное селение, Верх-Исетский завод, на дорогу, ведущую в деревню Коптяки. На половине этой дороги, верстах в 8-ми от города, находится урочище „Четыре Брата", получившее название от росших здесь раньше четырех больших сосен. Влево от дороги, в этом же районе, находятся старые заброшенные шахты, служившие когда-то для выработки железной руды. Район этот носит название „Ганиной ямы", по имени небольшого прудка, находящегося в центре выработки. Сюда по лесной дорожке, свернув с Коптяковской дороги, были привезены трупы Романовых. Временно их сложили в один из шурфов, а на следующий день было приступлено к их уничтожению.

На трупах Александры и дочерей обнаружили много драгоценностей – золота и бриллиантов, зашитых в одежде, главным образом в лифы дочерей Романовых, бриллианты – в пуговицах платья и т. д. Вся одежда была тщательно просмотрена, и все ценные вещи собраны.

18 июля днем с „похоронами" было закончено и настолько основательно, что впоследствии белые, в течение двух лет производя раскопки в этом районе, не могли найти могилы Романовых. /.../

Останки трупов после сожжения были увезены от шахт на значительное расстояние и зарыты в болоте, в районе, где добровольцы и следователи раскопок не производили. Там трупы и сгнили благополучно. /.../

После приведения в исполнение приговора Областной Совет командировал в Москву Голощекина и Юровского, которые увезли с собой наиболее ценные вещи, взятые у Романовых, переписку их, дневники и все материалы, давшие основание Уралсовету расстрелять бывш. царя и его семью".

В книге Быкова напечатана очень неясная фотография, изображающая что-то вроде небольшого вала, с пояснением: „Болото, вблизи деревни Коптяки, в котором были зарыты останки трупов б. царской семьи"[34].

*

Второй рассказ Быкова закрывает эпоху „откровений" о деле. В более поздних трудах как советских, так и эмигрантских, приводится мало нового. Тем не менее, с каждым годом библиография истории последних месяцев жизни Николая II и его семьи продолжала набирать новые названия, и в наши дни в ней насчитывается весьма значительное количество статей и книг. Очень рано на Западе среди книг на эту тему большое место стали занимать рассказы о спасении от смерти того или иного члена Царской семьи при тех или иных обстоятельствах, начали публиковаться „воспоминания" и высказывания б. Наследника Алексея Николаевича или той или иной великой княжны (главным образом – Анастасии Николаевны). Будто бы избегшие смерти „царские особы" участвовали в ссорах монархических кругов эмиграции и немало способствовали их компрометации. Завершением этого процесса были похождения М. Голеневского (в США, в конце 1960-х – начале 1970-х годов), авантюриста, выдающего себя за Алексея Николаевича и признанного таковым некоторыми политическими и церковными русскими кругами. Мы здесь не считаем нужным уделять какого-либо внимания всем этим паразитарным порождениям великого исторического события – гибели Царской семьи в Екатеринбурге. Не только в русской, но и в западноевропейской истории трагическое исчезновение монархов нередко сопровождалось появлением различных самозван-

цев и затем целой литературы о них. Екатеринбургская трагедия просто подтвердила, последний раз, это общее правило европейской истории.

К сожалению, мы здесь не можем ни описать, ни даже перечислить не только фантастические, но и все серьезные и заслуживающие доверия воспоминания и исследования о екатеринбургских событиях. Хотелось бы, однако, остановиться на некоторых из них, представляющих, по разным причинам, особый интерес.

Выше мы видели, что следователь Соколов до своей смерти успел в основном приготовить к изданию свой собственный рассказ о екатеринбургской трагедии, который и был издан посмертно на нескольких языках в середине 1920-х годов. (См. примечание 26.) Несмотря на свои слабые стороны, книга Соколова остается по сей день очень ценной, ибо в ней опубликовано значительное количество (иногда весьма пространных) отрывков свидетельских показаний и прочих следственных материалов. К тому же, в книге много уникальных фотографий мест и предметов, связанных с делом.

Была речь выше и о книгах ген. Дитерихса и Роберта Вильтона (прим. 28 и 27). В иностранных изданиях книги Вильтона опубликованы некоторые показания лиц, допрошенных следствием, и отдельные материалы, находившиеся в распоряжении автора, которые не все вошли в книгу Соколова. Публикации Дитерихса также не полностью совпадают с публикациями Соколова.

Написали воспоминания Гиббс и Жильяр, учителя английского и французского языков царских детей, последовавшие с ними в Сибирь. Воспоминания Пьера Жильяра охватывают весь период его пребывания при Царской семье (1905–1918 годы), они содержат много интересных подробностей о царскосельском и тобольском периодах заключения и иллюстрированы фотографиями, снятыми самим автором[35]. Воспоминания Гиббса, менее содержательные, чем жильяровские, были в выдержках изданы в Лондоне в 1975 году[36]. Гиббс был хорошим фотографом-любителем, и главная ценность упомянутой книги – в прекрасных фотографиях, в большом количестве в ней помещенных.

В 1924 году в сборнике „Историк и Современник" № 5 (Берлин) были изданы протоколы допросов четырех важных свидетелей – полк. Кобылинского и красноармейцев Медведева, Проскурякова и Якимова. Но эти тексты, переданные Г. Тельбергом, изданы очень плохо, подвергались никак не обозначенным сокращениям, а иногда и переработке![37]

Наиболее полный труд на русском языке, посвященный судьбе Царской семьи, – книга С. Мельгунова „Судьба Императора Николая II после отречения", опубликованная в Париже в 1951 году[38]. К сожалению, автор писал свой труд в тяжелых жизненных обстоятельствах, без какого-либо доступа к архивным источникам. Слишком часто он увлекается полемикой с той или иной концепцией, выдвинутой его предшественниками. Но книга очень ценна полнотой охвата различных опубликованных к тому времени источников, а также пространной (хотя и не всегда точной) библиографией.

Самый недавний труд эмигрантского автора на тему об убийстве Царской семьи – „Правда об убийстве Царской Семьи" П. Пагануцци, изданная в США в 1981 году. Книга снабжена библиографией, перечисляющей все основные труды на тему, включая и новейшие, и обогащена рядом фотографий, найденных автором в экземпляре дела Вильтона или в архиве ген. Дитерихса[39].

Об убийстве Царской семьи советские авторы больше всего писали в конце 1920-х – начале 1930-х годов и потом уже после разгара сталинщины. Отметим две любопытные статьи первого коменданта „Дома особого назначения" Авдеева, опубликованные в 1928 и 1930 годах[40]. Последний значительный советский труд, посвященный екатеринбургским событиям – „Двадцать три ступени вниз" Марка Касвинова[41]. В книге, отчасти основанной на неизданном архивном материале, указано много малоизвестных советских опубликованных источников. К сожалению, она часто грешит высказываниями, обличающими ее автора как не очень культурного человека. Встречаются порой в книге удивительные курьезы и ляпсу-

сы. В общей сложности Касвинов придерживается точки зрения на причины и ход событий, схожей с высказываниями Быкова, приведенными выше.

Преуспевший американский журналист Виктор Александров в 1966 году опубликовал книгу „Конец Романовых"[42]. Автор некритичен по отношению к официальному советскому взгляду на екатеринбургские события. Немалый интерес в книге Александрова представляет ряд уникальных подробностей о ходе самого следствия и фотографии, отобранные автором среди коллекции негативов, видимо, ранее принадлежавшей самому Соколову и найденной им в Париже.

Книга Роберта Мэсси „Николай и Александра"[43] – достаточно добросовестное изложение событий, согласно общепринятой концепции об убийстве, хотя автору, видимо, мало известны русские публикации о последнем периоде жизни Царской семьи.

Следует наконец сказать и о нашумевшей книге Саммерса и Мэнгольда „Дело о Царе"[44]. Авторы, приложив много усилий и выработав свою концепцию об обстоятельствах последних дней Царской семьи, „открыли" (среди прочих интересных документов) экземпляр дела Вильтона, хранящийся в Гарвардском университете. Обнаружив в нем полностью игнорированные предыдущими авторами материалы расследования Кирсты в Перми (см. выше), они, главным образом на их основе, выработали гипотезу о перевозе семьи Николая II в июле 1918 года из Екатеринбурга в Пермь и о гибели ее лишь осенью 1918 года. Допускают они и возможность спасения отдельных членов семьи и относятся с доверием к миссис Андерсон, провозгласившей себя вел. кн. Анастасией Николаевной еще в 1920 году. Нам думается, что читатель, ознакомившись с публикуемыми в настоящей книге материалами, без особого труда сможет верно оценить значение документов, „открытых" Саммерсом и Мэнгольдом, и гипотезы, положенной ими в основу книги, принесшей им мировую известность.

*

Перед тем как приступить, вслед за судебным следователем и уголовным розыском, к расследованию обстоятельств исчезновения Царской семьи из Екатеринбурга в разгар гражданской войны на Урале, хотелось бы еще немного задержать внимание читателя некоторыми разъяснениями об источниках нашей публикации, их использовании нами и возможных путях ознакомления с делом читателя настоящей книги.

Основным текстом нам послужил экземпляр дела, ранее принадлежавший ген. Дитерихсу и любезно предоставленный нам его нынешними владельцами. В собрании ген. Дитерихса содержится, на пронумерованных страницах, несколько сот следственных протоколов, не разбитых на отдельные тома. Эти документы покрывают отрезок времени от начала следствия до поздней осени 1919 года и расположены в приблизительном хронологическом порядке. Копии документов на обычной бумаге того времени и не скреплены подписью следователя.

Документы, отобранные нами для публикации в экземпляре ген. Дитерихса, были сверены нами с протоколами экземпляра дела Вильтона, хранящегося в Гарвардском университете, и, когда требовалось, исправлены и дополнены на его основе. Экземпляр Вильтона [45] разбит на семь томов, документы подшиты в папках со следующим типографским заголовком:

„ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ
произведенное
Судебным Следователем по особо важным
делам Н. А. СОКОЛОВЫМ
по делу
. . . . . .
. . . . . ."

Все тексты скреплены собственноручной подписью Соколова и покрывают период от 30 июля 1918 года по 21 февраля 1920 года. По своему внешнему виду экземпляр Вильтона – первая копия на пишущей машинке через копировальную бумагу. Шрифты документов – разные. Есть и оригиналы. На страницах дела вклеены многочисленные фотографии, несколько планов и схем. В коробках дела немало негативов включенных в протоколы фотографий.

Как правило, текст Вильтона лучшего качества, чем текст Дитерихса, но в нем не хватает одного тома (находящегося, видимо, между настоящими пятым и шестым томом). Нехватающие у Вильтона протоколы содержатся в экземпляре Дитерихса и покрывают большую часть июля и весь август 1919 года (в настоящем издании – документы №№ 225–263): мы вынужденно издаем эти протоколы на основе одного только текста Дитерихса.

Не было никакой возможности опубликовать все дело целиком. Пришлось поэтому отобрать лишь часть из наличных сотен документов. При отборе мы руководствовались следующими соображениями.

Во-первых, мы опубликовали все свидетельские показания, принесшие следствию какую-либо новую информацию и не приведшие его к явному, совершенно очевидному для каждого, тупику. При этом мы не оценивали показания с какой-либо качественной точки зрения, ничего не отбрасывали, как не соответствующее той или иной возможной гипотезе[46].

Во-вторых, мы избегали публиковать тексты, дающие повторную информацию, тем не менее делая исключения в отношении самых важных свидетельств.

В отборе документов, среди бесконечных списков вещественных доказательств и экспертиз, мы стремились избежать повторений и утомительных для читателя длинных перечней, но и не опустить в то же время ничего существенного для дела. Это была одна из самых трудных наших задач и мы отнюдь не уверены, что с ней справились в полной мере. Опустили мы большую часть документов чисто „технического" характера, как, например, требования о розыске разных лиц, расписки о получении или изъятии документов и пр... Опустили мы также большинство документов, дающих чисто отрицательную информацию: того-то *не* обнаружено или *не* произошло. В центре нашего внимания была, в первую очередь, судьба обитателей дома Ипатьева и екатеринбургский период их заключения. Мы поэтому почти не уделили места рассказам о царскосельском периоде и не привели все свидетельства о тобольском. Судьбы Михаила Александровича и великих князей, содержавшихся в Алапаевске, мы коснулись лишь отчасти и не привели все документы по этим вопросам.

Все протоколы мы стремились публиковать полностью и вынужденные сокращения всегда основаны на изложенной нами выше методике работы. Сокращения указываются косыми скобками с многоточием. В некоторых документах нами вставлены отдельные поправки или недостающие в оригинале слова, – они также обозначены косыми скобками. Тексты печатаются нами без изменений, унифицировано лишь написание с прописной или строчной букв. Фамилии понятых, как правило, опущены. Написание фамилий отдельных свидетелей в текстах может быть разное, – правильное написание мы даем в примечаниях и именном указателе.

Поскольку тексты допросов, описей, рапортов и т. д. печатались и перепечатывались разными людьми, – они отличаются по форме, по степени грамотности и внимания к тексту. Стремясь сохранить в публикации различия формы и особенности стиля и написания (см., например, слово „большевистский" в написании того времени), мы, тем не менее, исправляли явные описки и, частично, пунктуацию. Правило это не касается документов, приведенных в деле как вещественные доказательства, например, надписей, писем, телеграмм.

Для лучшего понимания дела в приложении нами приведены те статьи „Устава уголовного судопроизводства" и „Уложения о наказаниях", на которые следствие ссылается. Документы изданы, в общем, в хронологическом порядке их составления. Главные исключения из этого правила связаны с нашим нежеланием разрывать органически сочетающиеся группы документов: например, следствия Кирсты

и Плешкова в Екатеринбурге или Кирсты в Перми, запрос следователя и ответ ему о каком-то конкретном вопросе и пр. Сгруппированы нами также, большей частью, и примечания к документам.

Нумерация опубликованных документов – наша. В использованных нами копиях дела документы не пронумерованы, не всегда даже приведены в хронологическом порядке. Нам поэтому показалось целесообразным в этом пункте отрешиться от узко „научного" подхода и предложить читателю публикуемые документы в виде, наиболее способствующем легкому с ними ознакомлению.

Как читать нашу книгу?

Конечно, чтобы вникнуть во все подробности расследования, лучше всего пройти весь путь следствия от начала до конца вместе со следователями и проследить проделанную ими работу. Чтение протоколов в хронологическом порядке, при помощи указаний введения и примечаний, а также именного указателя, карт и планов, позволит читателю (если нам удалось выполнить поставленную перед собой задачу) получить достаточно полное впечатление и составить себе обоснованное мнение о ходе следствия и о действительной судьбе императора Николая II и его семьи.

Но читатель, не обладающий достаточным временем или терпением, может также вынести пользу из чтения нашей книги, сосредоточив свое внимание на основных показаниях и описательных документах следствия. В первой стадии следствия (до Соколова) необходимо ознакомиться с описанием осмотра рудника Наметкиным и списком найденных там вещей (документы №№ 4 и 5), а также с описанием осмотра нижнего этажа дома Ипатьева (док. № 14). Большой интерес представляют допросы Сергеевым Чемодурова, о. Иоанна Сторожева, Жильяра, Летемина и Кухтенкова (док. №№ 15, 60, 61, 62 и 65). Необходимо ознакомиться и с поисками у рудника, описанными Магницким в декабре 1918 г. (док. № 71). В последний период работы Сергеева важны показания нач. караула Медведева (док. №№ 93 и 96) и красноармейца Проскурякова (док. № 102).

Необходимо ознакомиться, хотя бы бегло, с работой Кирсты в Перми, как минимум с показаниями его двух основных свидетелей – доктора Уткина и Н. Мутных (док. №№ 104, 107, 133 и 135). На ту же тему, но с иной позиции – опрос Уткина Соколовым и показание Шамарина (док. №№ 211 и 265).

Работа Соколова началась с интересных описей и экспертиз вещественных доказательств (док. №№ 146, 155, 156), а также телеграмм (док. №№ 151, 163, 180, 181). В апреле/мае были опрошены важнейшие свидетели – красноармейцы Проскуряков и Якимов и полк. Кобылинский (док. №№ 188, 189, 199 и 192). Осмотр дома Ипатьева Соколовым дополнил работу первых следователей (док. № 194).

Из рассказов Мельникова, Самохвалова, Сретенского и записки комиссара Войкова (док. №№ 89, 272, 276, 200) мы узнаём, что было сделано с телами после убийства.

Осмотр района рудников и работы по нахождению тел возобновились поздней весной 1919 года. Были найдены важные вещественные доказательства (док. №№ 212, 215–218, 235). Часть из них была представлена (среди прочих лиц) горничной Александры Федоровны М. Г. Тутельберг (док. № 242). Некоторую ясность в последовательность событий внесли и показания жителей окрестных мест (напр., док. №№ 219–221).

Конечно, читатель, ограничившийся лишь чтением перечисленных выше документов, многое потеряет, тем более, что протоколы дела об убийстве Царской семьи представляют интерес отнюдь не только в чисто следственном, юридическом аспекте: они воссоздают картину быта, нравов и чаяний самых разнообразных жителей Урала и западной Сибири в эпоху гражданской войны, а также ряда лиц, попавших тогда в эти края по собственному выбору или просто занесенных туда слепой волею событий. В этом отношении изданные ниже протоколы – совершенно уникальны.

*

В заключение мы хотим выразить свою самую искреннюю благодарность всем тем лицам и организациям, которые помогали нам в нашей нелегкой работе. Особенно хочется отметить всех тех, кто способствовал удаче нашей поездки в Гарвард весной 1984 года: администрацию Хаутонской библиотеки и наших гостеприимных друзей в г. Бостоне. Благодарим мы также наследников ген. Дитерихса и хранителей его архива, всегда безотказно отзывавшихся на различные наши просьбы, и всех тех, кто устным или письменным советом помог нам завершить этот труд.

Николай Росс

Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи

Август 1918 – февраль 1920

Копія.

М. Ю.
ПРОКУРОРЪ
Екатеринбургскаго
окружнаго суда
Іюля 30 дня 1918 г.
№ 131.

Г.Судебному Слѣдователю по важнѣйшимъ дѣлам.

На основаніи 288 ст. Уст. Уг. Суд. предлагаю Вамъ приступить къ производству предварительнаго слѣдствія по дѣлу убійства бывшаго Государя Императора НИКОЛАЯ II, по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 1453 ст. Улож. о наказ.

При семъ прилагаю протоколъ допроса Федора Никитича Горшкова.

И.д.прокурора КУТУЗОВЪ
Секретарь /подпись/.

П Р О Т О К О Л Ъ.

31/18 Іюля 1918 года въ гор. Екатеринбургѣ и.д. прокурора Екатеринбургскаго Окружнаго Суда допрашивалъ гр. Федора Никитича Горшкова, 28 лѣтъ, проживающаго въ гор. Екатеринбургѣ по Тимофеевской набережной домъ № 10-а, который показалъ, что дня за два до занятія чехо-словацкими войсками города Екатеринбурга, встрѣтилъ вечеромъ въ Харитоньевскомъ саду Судебнаго Слѣдователя Михаила Владимировича Томашевскаго, проживавшаго по 2-ой Береговой улицѣ; въ разговорѣ по поводу убійства б. Императора Николая II, Томашевскій мнѣ сказалъ, что онъ слышалъ отъ лица, какъ бы бывшаго очевидцемъ, или же лица, близко стоящаго къ совѣтской власти, подробности совершенія этого убійства. На дальнѣйшіе мои разспросы онъ сказалъ, что вся Царская семья была собрана въ столовой комнатѣ и тогда имъ объявили, что всѣ они будутъ разстрѣляны, вскорѣ послѣ того послѣдовалъ залпъ латышей по Царской семьѣ и всѣ они попадали на полъ. Затѣмъ латыши стали провѣрять всѣ ли убиты и здѣсь обнаружилось, что княжна Анастасія Николаевна жива, и когда къ ней прикоснулись, то она страшно закричала; ей былъ нанесенъ одинъ ударъ прикладомъ ружья по головѣ, а потомъ нанесли ей тридцать двѣ штыковыхъ раны. На этомъ разговоръ былъ оконченъ. Могу добавить, что въ домѣ, гдѣ жилъ Томашевскій, жили три или четыре комиссара; Томашевскій жилъ въ квартирѣ

По экземпляру копии, принадлежавшей ген. М. К. Дитерихсу

1

М. Ю.
Прокурор
Екатеринбургского
окружного суда
июля 30 дня 1918 г.[1]
№ 131

Г. судебному следователю по важнейшим делам

На основании 288[1] ст. уст. угол. суд. предлагаю Вам приступить к производству предварительного следствия по делу убийства бывшего Государя Императора Николая II, по признакам преступления, предусмотренного 1453 ст. улож. о наказ.

При сем прилагаю протокол допроса Федора Никитича Горшкова.

И. д. прокурора Кутузов[2].
Секретарь Богословский.

2

ПРОТОКОЛ

31/18 июля 1918 года в гор. Екатеринбурге и. д. прокурора Екатеринбургского окружного суда допрашивал гр. Федора Никитича Горшкова, 28 лет, проживающего в гор. Екатеринбурге по Тимофеевской набережной, дом № 10-а, который показал, что дня за два до занятия чехословацкими войсками города Екатеринбурга, встретил вечером в Харитоньевском саду судебного следователя Михаила Владимировича Томашевского[3], проживавшего по 2-ой Береговой улице; в разговоре по поводу убийства бывшего Императора Николая II, Томашевский мне сказал, что он слышал от лица, как бы бывшего очевидцем, или же лица, близко стоящего к советской власти, подробности совершения этого убийства. На дальнейшие мои расспросы он сказал, что вся Царская семья была собрана в столовой комнате и тогда им объявили, что все они будут расстреляны, вскоре после того последовал залп латышей по Царской семье и все они попадали на пол. Затем латыши стали проверять, все ли убиты, и здесь обнаружилось, что княжна Анастасия Николаевна жива и когда к ней прикоснулись, то она страшно закричала; ей был нанесен один удар прикладом ружья по голове, а потом нанесли ей тридцать две штыковых раны. На этом разговор был окончен. Могу добавить, что в доме, где жил Томашевский, жили три или четыре комиссара; Томашевский жил в квартире комиссара Александра Ивановича Старкова, приехавшего сюда из Сысертского завода. Однажды я заходил в квартиру Томашевского, но никого из комиссаров не видел. Жил он на 2-ой Береговой ул. со стороны Покровского проспекта по правой стороне, в красном полукаменном доме, вблизи лавки Об-ва потребителей. Царская семья была расстреляна ночью, куда были увезены трупы, он мне ничего не говорил.

Показание прочитано и записано верно.

Добавляю, что разговор с Томашевским происходил наедине.

Федор Никитич Горшков.
И. д. прокурора Кутузов.

3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года июля 30 дня. Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, рассмотрев предложение прокурора суда от сего числа за № 131 о производстве предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II и находя, что в обстоятельствах, изложенных в нем, заключаются указания на признаки преступления предусмотренного 1453[4] ст. улож. о наказ. и подсудного общим судебным учреждениям, руководствуясь 288[1] и 4 п. 297 ст. уст. уг. суд., постановил: приступить к производству предварительного следствия.

И. д. судебного следователя Наметкин.

4

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1918 года июля 17/30 дня. Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр места[1], на котором крестьянином дер. Коптяков, Верх-Исетской волости, Михаилом Дмитриевым Алферовым[2] найдены обгорелые остатки разных вещей и Мальтийский крест, причем оказалось:

По дороге из деревни Коптяков, Верх-Исетской волости, в гор. Екатеринбург приблизительно в 4-х верстах от этой деревни и 16-ти от Екатеринбурга, в 150-ти саженях вправо от дороги, в большом лесу расположен Исетский рудник, под названием „Ганина Яма". Сама яма представляет из себя маленькое озеро. Саженях в 50-ти от озера имеется шахта в виде двух смежных колодцев почти квадратной формы. Стенки их выложены мелкими бревнами, длина их в 1-м колодце около 1 1/2 аршин и во втором около 2 1/2 аршин[3]. Саженях в 3-х от поверхности вода, на которой видны свежие сосновые ветки и древесная кора. Спущенный на веревке в шахту камень показал большую их глубину и присутствие льда под водою. Саженях в 3-х от шахты к Ганиной Яме расположена небольшая глиняная площадка, на которой разбросано немного мелких углей и найдена обгорелая старая дамская сумочка. В соседней конусообразной яме валяются мелкие обгорелые сосновые палки. К югу, саженях в 12-ти от шахты, на лесной тропинке обнаружены признаки небольшого горелого места, на котором найдены обгорелые мелкие тряпки, пуговки, пряжки, обрывок кружева и какие-то черные блестящие обломки. Тут же, присутствовавшим при осмотре капитаном Ростиславом Михайловичем Политковским найден сильно загрязненный водянистого цвета и значительной величины камень, граненый, с плоской серединой в белой с мельчайшими блестками оправе. Очищенный от грязи, он проявил большую игру и безукоризненную чистоту бриллианта. Недалеко от этого места и ближе к шахте найдены два небольших загрязненных осколка изумруда и жемчуга. В этом же месте обнаружен небольшой обрывок полосатой материи с сильным запахом керосина. У самого края широкой шахты найден в глине небольшой осколок нарезной ручной бомбы[4].

Спустившийся на веревке в широкую шахту, присутствовавший при обыске капитан Игорь Адамович Бафталовский обнаружил на деревянных стенках ее осколки и следы от разрыва ручной бомбы и извлек из воды лист бумаги, на котором на машине написан список советских телефонных абонентов, а из узкой шахты извлечен небольшой кусок материи защитного цвета, по-видимому, палатки или брезента.

Против обгорелого места, на лесной тропинке, на выскобленном от коры стволе большой березы написано химическим карандашом „Горный техник И. А. Фесенко. 11 июля 1918 г."[5]

И. д. судебного следователя Наметкин.

При осмотре присутствовали: Т. И. Чемодуров, д. мед. В. Н. Деревенко, Л. Гв. Гренадерского п. капитан Георгий Влад. Ярцов, Л. Гв. 2-ой артил. бр. капитан Евгений Николаевич Сумароков, Л. Гв. 2-ой артил. бр. капитан Дмит. Аполлон. Малиновский.

5

ОПИСЬ

вещественных доказательств, принятых мною от коменданта 8-го района гор. Екатеринбурга кап. Гирш.[6]

Название вещей	Колич.	Примечание
Крест из платины с изумрудами	1	
Бус разной величины	3	
Пряжек от туфель	2	с 5 мелк. кам. отдельно
Проволочек (пружинок)	7	
Пряжка от пояса уменьш. образца	1[7]	
Железные корсетные застежки	6	(пар)[8]
Железные корсетные кости шир.	3	одна сломана
То же средн. шир.	2	
То же узких	12	
Пряжек от мужских подтяжек	17	
Застежек от женских подвязок	15	2 сломаны
Запонок к ним	4	
Пряжек	7	
Стекло от медальона	1	
Стекол от пенсне, очков или лорнета	2	
Пуговиц с гербом – больших	5	
Пуговиц с гербом – малых	1	
Пуговиц больших дамских	5	
Пряжка медная большая	1	
Железных пластинок	2	
Крючков от мужских брюк	3	
Ключ	1	
Медных монет в 1 к. и 2 к.	2	
Разных пряжек	3	
Разного рода пуговиц, крючков, петель и кнопок	33	
Гильза от револьверного патрона	1	
Деревянные обгорелые кусочки, скрепленные мелкой проволокой[9]		

По этой описи вещи сдал

Помощник начальника гарнизона полковник Лабунцев.

31/7 принял

И. д. судебного следователя Наметкин.

6

ПРОТОКОЛ
допроса свидетельницы

1918 года, августа 19/1, дня судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам в дер. Коптяках допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и она показала:

Имя, отчество и фамилия Евдокия Тимофеевна Лобанова.
Звание гр. Уткинского зав. Екатеринбургского у.
Лета 36. Религия православная.
Отношение к участвующим в деле лицам
Судимость не судилась.
Местожительство Екатеринбург.

С января и по май нынешнего года мой муж Михаил Александрович Лобанов состоял казначеем в исполнительном комитете Екатеринбургского городского совета солдатских и рабочих депутатов. По убеждениям он социалист-революционер. 2 мая я с ним разошлась, но встречалась с ним и последний раз видела его перед отъездом в дер. Коптяки около двух недель тому назад в пятницу. В этот день муж предоставил мне ломовую лошадь, которая должна была перевезти меня из города на дачу в дер. Коптяки, находящуюся в 18–20 верст от Екатеринбурга. Возчик был небольшого роста, горбатый, средних лет, но кто он такой и как его фамилия, имя и отчество – не знаю, видела я его иногда в комитете партии левых социалистов-революционеров в доме Коммерческого собрания на Вознесенском проспекте.

Вечером мы выехали из города, причем я взяла кровать с перинкой, небольшую корзинку и чемодан. Перед закатом солнца мы доехали до железнодорожной будки у переезда у горнозаводской линии[1], где несколько незнакомых мне лиц – мужчин и женщин – сообщили нам, что дальше ехать нельзя, так как красноармейцы, стоящие впереди в нескольких саженях с грузовиком-автомобилем, не пропускают никого. Женщины и мужчины высказали предположение, что если у нас имеется пропуск, то вероятно нас пропустят. Мой извозчик сказал, что у него есть пропуск, и мы проехали дальше. С нами сел какой-то молодой человек, служащий в конторе фирмы бр. Агафуровых; фамилии его не знаю. Проехав несколько саженей, мы увидели грузовик-автомобиль и около него стоял какой-то небольшой бочонок. По другую сторону автомобиля сидел пожилой человек в солдатской форме; тут же появились двое других солдат, молодых. Двое последних подбежали к нам и крикнули, что дальше двигаться нельзя. Мой извозчик показал пропуск, но разрешения на проезд красноармейцы не дали. Мы вернулись к будке и стали обсуждать, что нам делать. В это время из города приехал легкий автомобиль, в котором сидели 6–7 человек. Кажется все они были в солдатской форме и молодые, за исключением одного, походившего на еврея, с черной, как смоль, бородой и усами[2]. Мой извозчик побежал к ним и закричал: „Не пропускают!". Один из ехавших на автомобиле сказал: „Почему не пропускают, мы сейчас узнаем", и поехали дальше. Приблизительно через полчаса автомобиль вернулся к будке уже с двумя лицами; остановившись у будки, они стали со мной разговаривать, пить чай. Один из этих мужчин назвал себя Московским, но ни тот, ни другой мне совершенно неизвестны. Поздно ночью с той стороны, куда был запрещен въезд, проехали в сторону города 5–6 лошадей, запряженные в какие-то длинные телеги, но было ли что на них – не видала. У телег были люди, но за темнотой и дальностью расстояния я их рассмотреть не могла. С ними же прошел и грузовик. Когда они переехали через полотно, то к легкому автомобилю подошли четверо мужчин,

среди которых человека с черной бородой уже не было; они сели в автомобиль и тоже уехали по направлению к городу. Проезжая, они сказали моему молодому компаньону, что путь свободен. Утром мы доехали до дер. Коптяков.

Прочитано.Евдокия Тимофеевна Лобанова.
И. д. судебного следователя Наметкин.

7–8

ПРОТОКОЛ
допроса свидетелей

1918 года, августа 3 дня. Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам в дер. Коптяках допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд. и они показали:

7

Имя, отчество и фамилия Андрей Андреевич Шереметевский.
Звание поручик.
Лета 28. Религия православный.
Отношение к участвующим в деле лицам посторонний.
Судимость не судился.
Местожительство Екатеринбург, Покровский 86.

Я живу на даче в дер. Коптяках, находящейся на берегу Исетского озера, в 18 верстах от г. Екатеринбурга. 16 или 17-го июля пронесся по деревне слух, что идут войска, обозы, артиллерия и пулеметы. Меня это заинтересовало и, желая проверить этот слух, я переоделся в простое платье, сел на лошадь и поехал к тому месту, где по слухам были войска. Место это, под названием „Четыре Брата", расположено в 4-х верстах от деревни в сторону от тракта. Подъехав к этому месту, я увидел находившихся тут крестьян дер. Коптяки Николая Швейкина, Николая Папина и Зубрицкого[3], которые не решались идти за красноармейцами в лес посмотреть, что они там делают. В это время выехал, по ведущей из леса дорожке, верховой красноармеец, физиономию которого я хорошо заметил, и я спросил его, почему задерживают проезжающих в город крестьян. Действительно в этот день и на следующий не пропускали по этой дороге никого в город. Красноармеец заявил, что не пропускают потому, что происходят в лесу занятия с красноармейцами. После этого я вернулся домой и стал успокаивать крестьян, которые волновались благодаря слухам о движении войск. На второй и третий день после занятия города Екатеринбурга чехословаками я, осматривая деревню и окрестности ее с казаками и чехословаками, узнал, что крестьяне дер. Коптяков ходили в то место, где находились красноармейцы, и нашли там какие-то особенные вещи. Последние находились у местного крестьянина Михаила Алферова[4], который мне их и передал. Вещи эти были следующие: Мальтийский крест с изумрудами, маленькая пряжка с гербом, обнаженные планшетки от корсетов, пуговицы с гербами и пряжки от помочей и подвязок и др. Я их передал коменданту 8-го района гор. Екатеринбурга[5]. Вещи эти те самые, которые Вы мне предъявили.

Поручик Андрей Андреевич Шереметевский.
И. д. судебного следователя Наметкин.
И. д. прокурора Кутузов.

8

Михаил Дмитриевич Алферов, 46 лет, кр. дер. Коптяков, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, где и живу, православный, не родня, не судился.

Числа около 17 июля, красноармейцы запрещали проезжать в гор. Екатеринбург из дер. Коптяков. Караул их стоял верстах в 4-х от деревни, около Четырех Братьев. Так называется местность, прилегающая к дороге, где росла сосна с четырьмя стволами; ее сломило бурей и теперь остались 4 пенька. После того как караул был снят, я и мои соседи, в числе восьми человек, решили проверить, что там делали красноармейцы; мы предполагали, что ими там спрятано оружие и боевые припасы. Вправо от дороги в лес вела проторенная красноармейцами дорога, и по ней мы дошли до заброшенных шахт; в этом месте дорога и оканчивалась. В двух приблизительно саженях от устья главной шахты оказалось место, на котором валялись угольки и был небольшой набросанный бугор из глины и потухших углей. Когда его разрыли, то оказались среди глины и угольев крест с зелеными камнями[6], 4 планшетки от корсетов[7], пряжки от подтяжек и туфель, пуговицы, кнопки и 4 бусы. Затем мы спустили одного из наших товарищей, Михаила Игнатьева Бабинова[8], в широкую шахту на веревке, где он обнаружил набросанные на водной поверхности палки, головни, кору, доски, свежую хвою и предъявленную мне Вами железную лопату. Пошарив там лопатой и палкой, Бабинов ничего не нашел. В числе обнаруженных близ шахты в обгорелом месте предметов оказался обуглившийся каблук. После этого по дорожке мы пошли в глубь леса и здесь близ высокой березы с написанной фамилией – Фесенко – нашли потухший костер, в котором оказались те же самые вещи, за исключением креста и каблука.

Прочитано. Михаил Дмитриев Алферов.
И. д. судебного следователя Наметкин.
И. д. прокурора Кутузов.

9

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1918 года, августа 2, 5, 6, 7, 8 дня. Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр квартиры Ипатьева в доме Поппель на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка в гор. Екатеринбурге, причем оказалось[1]:

Дом обнесен как со стороны Вознесенского проспекта, так и Вознесенского переулка высоким дощатым забором, вышиною до /пропуск/ саж. С той и другой улицы тесовые ворота, а по углам забора на Вознесенском проспекте две караульных будки. Каменные ворота со стороны Вознесенского проспекта забором не обнесены. При входе за этот забор оказалось, что между ним и домом имеется расстояние около 23-х аршин и у самых окон, за исключением первого к парадной двери окна – такой же забор[2].

Несколько каменных ступенек и большая двустворчатая дубовая дверь ведут в вестибюль, в котором девять ступенек от парадной двери приводят на площадку[3].

В вестибюле направо от входа два окна, размер их – 2 1/2, вышина 5 аршин; стены обиты светлыми обоями.

У входа налево около задней стены стоит деревянная дверь, размер ее аршин с четвертью ширины и два аршина с четвертью вышины. Дверь с лицевой стороны выкрашена белой масляной краской; с обратной же стороны, выходящей в переднюю и оклеенной теми же обоями, что и передняя, имеются продолговатые и короткие следы многочисленных ударов каким-то остроколющим орудием вроде штыка. Дверь сорвана с петель каким-то орудием, на что указывают следы у верхней петли со стороны, оклеенной обоями; незначительные части дерева у краев отщеплены. Около двери валяется небольшой дубовый шкафик для корреспонденции, сорванный с внутренней стороны парадной двери.

Около шкафика в углу стоит пустая черного стекла бутылка, на дне которой какая-то маслянистая жидкость без запаха, и валяется длинный металлический согнутый прут, служащий для предохранения от порчи электрического шнура.

Имеющийся на правой стене от входа электрический провод сорван с роликов, и выключатель сломан.

Во втором окне у летней рамы сломано, в левой половине, нижнее матовое стекло; у этой рамы нижний переплет выворочен; выломана также часть среднего звена правой половины рамы. На подоконнике валяются обломки стекла и стоит грязное блюдечко, с имеющимся в середине его государственным гербом. На полу около подоконника лежит небольшой кусок промасленной фланели.

В правом переднем углу стоит небольшой деревянный диванчик венского типа с решетчатым сидением и спинкой; в этом же углу плевательница с древесными опилками, частью разбросанными по полу; среди них несколько осколков, по-видимому, от разбитого стакана.

Прямо против входной лестницы, у передней внутренней стены, стоит зеркало в черной оправе с подзеркальником; с правой его стороны на обоях написано: „комиссар дома особого важного А. Авдеев"[4] и ниже этого другим почерком и химическим карандашом: „Шуры" и „Шура".

На передней стороне, справа и особенно слева от зеркала, много ударов остроколющего оружия. Слева от зеркала /неразборчиво/ двери, к которому вполне подходит вышеописанная дверь у входа; дверь открывалась вовнутрь. Боковые и верхние стенки косяка носят многочисленные следы ударов остроколющего оружия, по-видимому, штыка. Навесные шарниры находятся у косяка. Особенно сильно испорчен косяк у верхнего шарнира.

В левой стене вестибюля имеется широкая двустворчатая дверь, крашенная в белую краску, на которой несколько знаков от ударов штыков. Слева от двери переносная складная лестница с 8-ю ступеньками. Над дверью два электрических звонка.

На подзеркальном столике обрывки линованной бумаги с каким-то угловым штемпелем.

Отверстие сорванной двери ведет в комнату, длиною 12 аршин, шириною около 6 аршин[5].

В правом углу комнаты имеется отделение – уборная с окном и справа же лестница книзу в 19 ступенек, огороженная балясником.

В правой наружной стене два окна, причем в первом одна летняя рама, а во втором и та и другая. На подоконнике первого окна стеклянная банка с элементом. В этой раме, в нижнем левом переплете, стекло разбито, шесть его осколков торчат в звене и одно /так!/ в выходящем во двор железном зонте.

Стены комнаты оклеены темно-серыми полосатыми обоями, причем обои во многих местах порваны и загрязнены.

Задняя стена комнаты занята электрическими проводами, сборной доской и счетчиками. Всех проводов 14, из них 10 идут вправо и внутрь, один в вестибюль и три к наружной стене. От доски книзу идет провод, заключенный в медную трубу, причем у самой доски он оторван.

У этой же стены, ближе к окну, стоит небольшое железное ведро с опилками, часть которых разбросана по полу. В опилках набросаны окурки папирос.

Слева от входной двери во внутренней стене – окно с одной створчатой рамой, нижние два звена оклеены цветной бумагой.

Размер всех окон: 3 аршина высоты и 2 аршина ширины.

Далее в расстоянии 4 аршин от внутреннего окна находится в стене шкаф с двумя створками, оклеенными снаружи теми же обоями, что и стены комнаты. В нем четыре коричневые полки. На нижней и второй снизу рассыпано немного какого-то белого порошку и на этой же полке лежит смятая, тонкая, медная, небольшая пластинка.

В переднем левом углу той же внутренней стены – запертая двустворчатая дверь, размеры которой такие же, как и двери вестибюля.

В переднем левом углу комнаты водопроводный кран с железной раковиной; кругом нее на стене грязь.

Вправо от крана одностворчатая дверь, выкрашенная в белую краску, с медной ручкой и задвижкой, ведет в небольшую ванную комнату[6]. Возле этой двери, во внутренней стенке уборной, печка с герметически закрывающейся дверкой. В ней немного золы и осколки разбитого стекла.

При входе в ванную комнату оказалось, что пол в ней крыт линолеумом с рисунком шашки. Размер ее 1 саж. ширины и 5 аршин длины.

Налево от входной двери в задней стене – деревянная с железными крючками вешалка, крашенная белой краской. На одном из крючков небольших размеров белая грязная батистовая наволочка.

На левой боковой стене приделан крючок, на нем висит железный совок.

На этой же стене, в середине, водопроводный кран и фаянсовая раковина со спуском книзу. В левом углу четыре водопроводных трубы. Над раковиной, под потолком, во всю ширину комнаты, длиною и шириною 1 1/2 аршина, железный бак – в нем воды нет.

В передней наружной стенке комнаты продолговатое узкое окно, длиною 1 1/3 аршина и шириною 14 вершков. Стекла зимней рамы заклеены цветной, с синими четырехугольниками, матовой бумагой. На подоконнике находится глиняный горшок для цветов с землей, в котором посеян овес, небольшая стеклянная грязная банка с остатками соснового экстракта, жестяная крышка от коробки печений „Жорж Борман", вырванный откуда-то вентилятор, обрывок какой-то французской газеты и небольшая грязная тряпка.

Под окном на полу 14 мелких коротких поленьев – дров для колонки. Тут же грязное железное ведро на железной прямоугольной формы подставке, грязный железный лист и небольшая березовая палка.

Рядом с окном, ближе к правому углу, черная железная колонка с трубой, уходящей в потолок.

У правой боковой стены эмалированная ванна, поперек которой лежит сосновая дощечка, а на дне маленький кусочек мыла. Над ванной пустой бак для воды, заключенный в деревянную коробку.

В правом же переднем углу четыре водопроводных крана. Рядом с ванной у внутренней задней стенки стоит небольшой деревянный диванчик. Около него на полу лежит большая тонкая простыня с меткой: императорская корона и инициалы „Т. Н.", ниже их цифра „24", черта и „1911", полотенце для пыли с инициалами „А. Ф. 10", обрывок полотна от укладочной простыни, серовато-голубая косоворотка и вязаные кальсоны.

В левом переднем углу на линолеуме, возле водопроводных труб, найдены короткие остриженные волосы.

На внешней стенке уборной[7] имеются две карандашные надписи: „Сидоров"[8]. В правом углу уборной фаянсовое судно с дубовым сиденьем и пустым резервуаром для воды. В судне остатки газетной бумаги и кусок ваты, запачканный калом.

В левом переднем углу простая печь, на лицевой стороне которой кнопками прикреплен клочок линованной бумаги с надписью чернилами: „убедительно просят оставлять стул таким чистым, каким его занимают". Под клочком бумаги на

печи надпись каким-то острым предметом: „Писал и сам не знаю, а Вы незнакомые читайте". Остальные слова надписи неразборчивы.

Рядом с печкой у правого переднего угла писсуар с водопроводными кранами.

У правой наружной стены окно с двумя рамами, два нижних звена обеих половинок рамы оклеены матовой бумагой.

На подоконнике пустая жестяная коробка и два картона с надписями „serviettes indispensables".

Имеющаяся в левой стене вестибюля дверь ведет в переднюю комнату[9]; длина ее 7 1/2 арш., ширина 6 3/4 арш. и вышина 5 3/4 аршина. Стены комнаты окрашены серой масляной краской.

Из нее слева двустворчатая дверь, по словам присутствовавших при осмотре Терентия Ивановича Чемодурова и Владимира Николаевича Деревенко, ведет в комендантскую комнату, и прямо от входа другая дверь – в зал.

Вправо, в задней стене, окно, о котором упоминалось при описании вестибюля. На подоконнике его стоит бутылка из-под Ижевской воды и лежит небольшой железный кусок с острыми концами.

В правом заднем углу стоит деревянный простой сосновый, окрашенный светло-желтой краской, шкаф с пятью полками; размер его – вышина три аршина, ширина 2 аршина и глубина 1 аршин. На второй снизу полке оказались испорченная маленькая спиртовка, стеклянная крышка для кувшина, пустой аптекарский флакон, пузырек с небольшим количеством ароматического уксуса, шесть бутылок, в одной прованское масло, в другой остатки какого-то вина, а остальные пустые; маленький пузырек чернил, два медных шурупчика и щетка. На следующей полке 6, 7 , 9 и 11 томы сочинений Щедрина, издание Стасюлевича, номер 2213 газеты „Копейка" от 13 сентября 1914 года, маленький флакон-капельница желтого цвета из-под лекарства, бутылка из-под минеральной воды „Эмс" и кусок веревки. На второй полке 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10 и 12 томы сочинений Салтыкова того же издания[10].

На шкафу изголовье для походной кровати, обрывок газеты „Известий совета рабочих и солдатских депутатов", часть медного шпингалета, небольшой квадратный обрывок от плюшевой, малинового цвета, портьеры с кистью, кусок согнутой проволоки, небольшая тонкая веревочка, ковровая дорожка тигрового цвета с красной каймой, длиною три аршина и пять четвертей, прибор для зонтиков от входной двери.

Рядом со шкафом по стене стоит деревянная вешалка с десятью крючьями, окрашенная в темный коричневый цвет, впереди ее – чучело бурого медведя с медвежонком.

В правом углу, между вешалкой и печкой, полушелковая свернутая портьера. В том же углу печка с герметической заслонкой; на полу у печки лежит куча золы, мелких углей, жженой бумаги, среди которых оказались сгоревшие гильзы от револьвера, волосы, медальоны, половина погона, куски материи, пуговицы и разные металлические пластинки.

Налево от ведущей в зал двери, в углу, около устья герметически закрывающейся печки, лежит обложка и шесть листов иллюстрированного английского журнала „The Graphic" от 21 ноября 1914 года, коробка с остриженными волосами четырех цветов, принадлежащими, по словам присутствовавшего при осмотре Терентия Ивановича Чемодурова, бывшим великим княжнам Татьяне, Ольге, Марии и Анастасии Николаевнам[11], номера „Красной Газеты" 37 и 38 от 9 и 10 марта 1918 года, номер „Уральского Рабочего" 83-й от 1 мая 1918 года, „Веселый Выпуск" № 32 „Петроградской Вечерней Почты" – январь 1918 года, под названием „Керенский в аду на страшном суду", экстренный выпуск „Торжество Пролетариата", обрывки газеты „Зауральский Край", „Известий", рваная промасленная бумага, куски ваты, кусок проволоки, квитанция с китайскими марками, тиковые с красными полосками рваные штаны, кусок кожи от свиного окорока.

Осмотр, начавшийся 2 августа в 10 1/2 часов утра, прерван в 3 часа дня.

Осмотр продолжен 5 августа в 12 часов 25 минут дня.

Слева в передней имеется широкая, двустворчатая, окрашенная белой краской снаружи, а изнутри желтовато-сероватой краской, дверь, ведущая в комнату, которая, по словам присутствовавшего при осмотре д-ра медицины В. Н. Деревенко, служила для коменданта, наблюдавшего за охраной бывшей Императорской семьи[12]. Размер ее 7 арш. 2 вершка ширины и 7 арш. 13 вершков длины. Пол выкрашен под паркет, стены оклеены толстыми, узорчатыми, под тисненую кожу финикового цвета, обоями, вделанными в золотой багет. Потолок узорчатый.

Против входной двери два выходящие на улицу к церкви Вознесения окна точно такого же размера, как в вестибюле и остальных комнатах. Направо от входной двери печь, расписанная тем же рисунком, что и потолок.

Возле печки стоит небольшой липовый шкафик с двумя створчатыми дверками. На верхней его доске небольшая коробка, обтянутая снаружи черной кожей, а изнутри желтоватой кожей. На крышке, внутри на замше надпись чернилами: „для лампады". В коробке лежит небольшой бронзовый подсвечник. По словам присутствовавшего при осмотре Т. И. Чемодурова, вещи эти принадлежат бывшему Императору. Далее деревянный, обтянутый зеленовато-желтой кожей, футляр для хранения каких-то вещей. Верхняя часть застежки этого футляра вырвана из дерева. Банка с заплесневевшими оливками. Пустая бутылка из-под сельтерской воды с маленьким стаканчиком. Деревянная желтая полированная коробка с выдвигающейся крышкой: на дне ее оказалось незначительное количество табаку. Графин без пробки с какой-то желтоватой мутной жидкостью. Чайная чашка с зеленым рисунком. Медный средней величины шуруп, маленькая без ручки отвертка, небольшой железный крюк, розетка с солью, электрическая машинка Шпамера с прибором, по словам доктора Деревенко предназначавшаяся для лечения бывшего Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

Внутренняя часть шкафа имеет вверху выдвигающийся ящик, оказавшийся пустым, и три полки, на которых лежат куски заплесневевшего хлеба, два небольших флакона с чернилами, четырехугольная чашка, внутренние ее стороны белые и наружные желтые, принадлежавшая, по словам Т. И. Чемодурова, кухне бывшего Императора; два листа желтой оберточной бумаги, два электрических звонка, два маленьких желтых бурака, небольшой железный ключик, погнутая с дырами железина, стамеска, отвертка и подпилок. Под шкафиком ничего не оказалось.

По правой стене стоит варшавского типа кровать, черная железная, с никелированными на стенках верхушками и натянутой сеткой. В примыкающей к кровати стене имеется внутренний шкаф с вещами владельца квартиры.

В правый угол вдвинут кабинетного типа рояль фабрики Шредера, покрытый парусиновым чехлом. На рояле разбросаны: несколько пустых небольших коробочек, кусок желтой резины, флакон от духов, металлический футляр для чернильницы, линейка, нитки и узкая в переплете книга, разлинованная наподобие конторских. Флакон, по словам Т. И. Чемодурова, принадлежал Императрице. Черные и белые треугольники в виде пластинок, с коробочкой – игра, называющаяся „Jeu de Parquet, Modèle PCC" и принадлежавшая, по словам того же Чемодурова, Наследнику. Коробочка с металлическими блестками и пришитое к небольшой бархатке украшение в виде трехлистника, засохшие ягоды земляники и список телефонных абонентов. Под чехлом на крышке 36 сборных игральных карт.

На ближайшем к роялю окне, завешенном тюлевыми шторами и драпри – жестяная крышка от коробки, промасленная половина транспаранта, три электрических лампочки, четыре ручки с перьями, три пузырька с чернилами, четыре патрона от электрических ламп; стеклянная аптекарская банка, закрытая пробкой: в ней находятся два небольших флакончика с гомеопатическими препаратами „Игнация" и „Аконит", этикетки на той и другой – гомеопатической аптеки в Петрограде. Пустая продолговатая картонная коробка с надписью красным карандашом: „Дом особого назначения" и желтая коробка без крышки с пуговицами, шурупами, катушками ниток и крючками.

В находящемся между окнами простенке стоит раздвинутый ломберный с зеленым сукном стол. На этом столе стоит электрическая переносная лампа с белым абажуром, две пепельницы, одна фарфоровая, другая из раковины. Деревянное пресс-папье с синей бумагой, жестяная коробка из-под мыльного порошка, коробочка со столовым молотым перцем, несколько листков белой, для ватер-клозета, бумаги, три пера, несколько грамофонных иголок и толстый лист пропускной бумаги, на котором оказались четыре оттиска печати с таким содержанием: „Комендант дома особого назначения Областной Исполнительный Комитет Советов" и клочок смятой белой бумаги с надписью: „Левольвер Радишковича".

На подоконнике второго окна оказались четыре больших пустых аптекарских пузырька, пузырек с чернилами и маленький пузырек из-под красных чернил. На правой внутренней стороне окна два электрических звонка с одной кнопкой и выходящими на улицу пятью проводами. Ни один из звонков не действует.

Под кнопкой электрических звонков написано чернилами и карандашом: „Анучин военный комиссар 967[13], председатель Чудскаев[14] /так!/, Жилинский 626[15], завед. 704, квар. Голощеки[16] /так!/ 977, 6 район Р.К.А. 551". Ниже написано карандашом несколько слов, причем можно разобрать только следующее: „в год 23 начп. Ванны 23, 26, 28 – до двух вк. В.З.Л. 4 ван."

Под одним из звонков имеется карандашная надпись: „Гоголев. 38 Шейнбаум". На другом левом косяке написано карандашом „Жилинский 677, 2-04, Бурдак. 305, 321". На прилегающей к этому косяку стене на обоях написано карандашом: „967, 278, 26, 904, 448, 409".

Рядом с этими надписями стенной телефонный аппарат.

В углу помещается деревянный треугольный стол с полочкой, выкрашенный желтой краской и полированный. На столе неоткупоренная бутылка кислого состава для углекислых формиковых ванн, лаборатории К. М. Зачек, и большой аптекарский флакон с небольшим количеством желтоватой жидкости, по мнению присутствовавшего при осмотре врача Белоградского[17], предназначавшийся для Шпамеровской электрической машинки. Круглая пластинка с тиснением „Война 1914–1915. К. Фаберже". На полочке четыре аптекарских флакона из-под лекарств с рецептом на имя Мошкина[18] и в одном – прованское масло.

На полу под столом 11 банок с элементами, четыре неоткупоренные бутылки того же кислого состава, две четвертных бутыли, из которых одна пустая, а другая на треть наполнена керосином, и две четвертных бутыли с небольшим количеством денатурата. Картонная коробка с электрическими проводами и тремя элементами.

Далее, по левой стене, стоит большой турецкий диван с двумя валиками и одной подушкой, обитой пеньковой выцветшей материей оливкового цвета.

Когда диван был отодвинут от стены, то под ним оказались кипарисовые четки, принадлежавшие, по словам Чемодурова, бывшей Государыне Императрице.

На небольшом сиреневом листочке с фиолетовой каймой письмо на английском языке от Императрицы к Ольге Николаевне с датой от 19 декабря 1909 года и тут же грязный белый конверт с адресом: „Дом особого назначения и. д. коменданта т. Никулину"[19].

Рядом с диваном, по той же стене, стоит железная складная кровать с сосновыми досками, на ней зеленый, с цветами, тиковый матрац и байковое серое одеяло с сине-красной каймой. У задней стены около двери стоит деревянный книжный шкаф, двустворчатый, со стеклянными дверками и двумя выдвигающимися ящиками, наполненный так же, как и запертый шкаф, книгами хозяина квартиры, так как Чемодуров не нашел ничего, принадлежавшего Императорской семье.

Стены комнаты украшены фотографическими снимками железнодорожных сооружений, а также большой оленьей головой.

На двери с внутренней стороны – портьера в цвет турецкого дивана. Посредине комнаты сдвинутый дубовый обеденный стол, покрытый грязной черной клеенкой. В комнате четыре березовых стула с венскими сиденьями и резными спинками.

Из передней двустворчатая белая дверь ведет в просторный зал, длиною 12 1/2 арш. и шириною 8 1/4 арш.[20]

Стены его обиты толстыми тиснеными обоями с серебряным багетом, потолок выкрашен белой краской с цветами. Посредине потолка – большая электрическая люстра, под ней – лепной узор.

На стенах три больших, писанных масляными красками, картины в золотых широких рамах, кисти художника Лаврова, и копии Шишкина, изображающие пейзажи. Около задней внутренней стены на полу стоит большая кентия (пальма). В левом переднем углу аквариум без воды и рыбы.

Слева от входа в стене имеются два окна с тюлевыми занавесками и портьерами с палевыми цветами. Среди окон, в простенке, большое зеркало с подзеркальником.

На первом от входа в зал окне лежит деревянная для платьев вешалка со складным медным крючком, на середине ее, на одной из плоских сторон, императорская корона с инициалами „А. Ф.", тисненными и выкрашенными в черный цвет. На подоконнике второго окна девять, разной величины и формы, аптекарских флаконов с небольшим количеством каких-то лекарств, белый флакон, в виде фляги, с белой жидкостью, флакон гумми-арабика, черная полубутылка с раствором для согревающего компресса и пустой флакон тройного одеколона Петроградской химической лаборатории.

Около этого окна, в углу, стоит небольшой дамский письменный столик с двумя пустыми ящиками, покрытый толстым листом зеленой пропускной бумаги. На нем лежат четыре лоскутка линованной в клетку бумаги с французским текстом, писанные, по словам доктора Деревенко[21], Наследником Алексеем Николаевичем. Картонная коробочка, обтянутая бледно-сиреневым шелком, в которой лежат обгорелые конверты, с подкладкой синего цвета, с надписью: „Золотые вещи, принадлежащие Анастасии Николаевне", и обгорелые листки телеграммы и клочок бумаги, на котором что-то написано карандашом. На телеграмме можно разобрать слова „Тобольск Хохрякову". Обугливший клочок бумаги, на котором заметны буквы „Оль" с росчерком, стеклянная крышка от коробочки, закоптелая и разбитая, принадлежащая, по словам Т. И. Чемодурова, бывшему Наследнику. Две вырезки из какой-то газеты.

Возле стола кресло красного дерева с мягким сиденьем и высокой спинкой стиля модерн. Спинка с прямыми планками (линиями).

Начатый в одиннадцатом часу утра 6-го августа осмотр окончен в 3 1/2 часа дня того же числа.

Из зала широкая арка ведет в гостиную, представляющую из себя комнату, размером 8 арш. 4 вершка в диаметре[22]. Пол в этой комнате паркетный, стены оклеены толстыми золотистыми, тисненными под шелк обоями, в рамке из багета. Потолок расписной. Посредине электрическая люстра с девятью свечами, посредине люстры лампа.

При входе, в левой стене, два окна. В простенке между ними большое зеркало в золоченой раме с подзеркальником с черной мраморной доской. На окнах золоченые узорчатые карнизы.

Под самой аркой большой письменный, отделанный под красное дерево, дубовый стол на двух тумбах, с темно-зеленым сукном. Все ящики стола пусты.

В левом заднем углу гостиной банка с фикусом. Такой же цветок стоит и на подоконнике второго окна.

В переднем левом углу мягкий диван, обитый шелком с зеленовато-золотистыми цветами. Рядом с ним два таких же кресла, а против – лакированный, коричневого цвета, восьмиугольный, на четырех ножках, гостинный стол, на котором стоит гипсовая группа, изображающая из себя двух солдат и офицера на разведке, работы М. Захваткина, с датой 1915 года. За диваном керосиновая лампа с шелковым абажуром, цвета бордо и кружевом крем, на подставке.

На полу, ближе к правому углу по стене, стоит деревянная тумба пестрого (тигрового) цвета с белой мраморной доской. В правом переднем углу стоит дере-

вянная тумба для цветка, отделанная под красное дерево, с выгравированным золотистым рисунком.

У правой стены стоит, плетеная из камыша и тростника, садовая кушетка с двумя подлокотниками и откидывающейся спинкой, взятая, по словам Т. И. Чемодурова, из Царского Села при отъезде в Тобольск[23].

По стенам гостиной пять картин в золоченых рамах, писанных масляными красками, и над кушеткой, тоже в золоченой раме, зеркало. Кроме того, в гостиной находятся три березовых, с плетеным сиденьем и резной спинкой, стула.

В зале, за картиной „Лес и волнующаяся нива" (копия Шишкина), у передней стены найдена открытка с изображением бывшей Императрицы.

Из зала справа двустворчатая дверь ведет в столовую[24]. Дверь со стороны зала выкрашена белой краской, а из столовой – под дуб. Размер комнаты: длина 12 арш. 6 вершк., ширина 8 арш. 4 вершка. Пол в ней паркетный, стены оклеены толстыми, тиснеными, коричневого цвета обоями с рисунком, изображающим вазу, и вделанными в рамку с багетом. Потолок расписан под дуб, посредине его электрическая люстра, а под ней дубовый, сдвинутый, с резными ножками стол. Возле стола дюжина стульев, с плетеными спинками и сиденьем, и два таких же кресла.

Слева от входа, по стене, стоит большой дубовый светлый, в цвет стола и стульев, буфет.

В противоположной от входа в гостиную стене устроен камин и над ним зеркало в дубовой раме темного тона, в цвет обоев и дверей. В камине искусственно горящие угли, а перед ним металлический, из медной сетки, испорченный вентилятор.

С обеих сторон камина две картины, изображающие лесной пейзаж, кисти художника Воронкова, в черных резных рамах.

Возле камина подержанное кресло-тележка на трех колесах, с резиновыми пневматическими шинами, принадлежавшее, по словам Т. И. Чемодурова, бывшей Государыне.

В правой от входа стене балконная дверь, запертая изнутри железным створчатым ставнем на висячий замок. Балконная дверь задрапирована пеньковой драпировкой темного цвета с цветами. Вправо от двери окно в сад с такой же портьерой и таким же ставнем, что и у балконной двери. Ставень у окна открыт.

Около подоконника две плетеные корзины для цветочных горшков. В одном из них стоит засохшая финиковая пальма.

В простенке между балконной дверью и окном небольшие стенные часы в темном футляре, остановившиеся на 10-ти без 3 минут. Под часами картина-поднос, на котором, под стеклом, по черному бархату, наложены цветы из разных металлических блесток.

У правой от входа стены стоит небольшой буфетный дубовый шкафик, в цвет остальной мебели, с одной наружной полкой; на ней лежит шило-отвертка. Под доской два выдвигающихся ящика. В левом из них две деревянные ложки, аптечный пузырек коричневого цвета, с незначительным количеством белого порошка, и пустая, черного стекла, бутылка со штампованным на стекле знаком: „Погреб Высочайшего Двора" и в середине этих слов государственный герб. Бутылка имеет запах вина. В правом ящике три больших белых блюда фирмы Кузнецова, два круглых и одно продолговатое. На последнем, на лицевой стороне, на краях, имеются два синих государственных герба. Этими блюдами, по словам Т. И. Чемодурова, Царская семья пользовалась во время обедов. В правой половине шкафа, запирающегося дверкой, оказался оцинкованный железный таз с двумя ручками. В левой – большой черный железный поднос, такой же оцинкованный таз и в нем большая губка. По словам Т. И. Чемодурова, в этих тазах им и великими княжнами мылась посуда. Под шкафом найдены три грязные тряпки.

Возле той же стены низенький деревянный сундук-баул, окованный по краям железом и обтянутый черной крашеной парусиной, с одним внутренним замком и двумя железными ручками по бокам. Размер его: длина 1 аршин и ши-

рина 13 вершков, вышина 6 вершков. С внутренней стороны крышка и дно обиты замшей. Верхняя планшетка внутреннего замка оторвана. Снаружи, на боковой кромке, над замком, медная круглая пластинка с выгравированным номером „622".

Рядом с ним деревянный сосновый полированный ящик-сундучок, длиною 11 1/2 вершков, шириною 8 1/2 вершков и высотою 7 1/2 вершков, с двумя медными, по бокам, ручками. Ящик пуст.

Рядом с ящиком три бутылки темного стекла с этикетками. На первой: „Придворная Его Величества Аптека. Розмарин". Бутылки наполовину наполнены жидкостью. По словам Т. И. Чемодурова, жидкости в бутылках служили Наследнику для втирания.

Над шкафчиком на стене две оленьих головы и среди них писаная акварельная картина, изображающая паяца, играющего на мандолине.

Буфет имеет в верхней и нижней части по три отделения, между ними три выдвижных ящика и открытая площадка.

Наверху буфета две лампы – электрическая, с четырьмя горелками, на подставке в виде голых женщин, бронзовая керосиновая с резервуаром в виде вазы, и два абажура в белых чехлах.

В левом верхнем отделении буфета три полки. Верхняя пустая, на средней четыре зеленых, с белыми ручками, чашки, две крышки от стеклянного кувшина, масленка в виде курицы, две белых полоскательных чашки и небольшая, стеклянная, с винтовой нарезкой в верхней части, банка. На нижней полке большой флакон чернил Гюнтервагнер, завязанный шелковистой материей, прорезиненной, и тряпочкой. Флакон наполовину наполнен чернилами. Большой чайник, с белым с золотым носом, выкрашенный серовато-зеленой краской с подпалинами. В нем заплесневевшие остатки чая, восемь блюдец, из них три белых, одно зеленое и четыре белых, с синей и золотой каймой и с изображением государственного герба посредине. На дне их, с внешней стороны, инициалы „Н. II" и годы „1910", „1915". Маленькая пустая ваза, круглая стеклянная баночка с молотым перцем, небольшая стеклянная пестрая вазочка с двумя ручками, пятнадцать фаянсовых тарелок фабрики Кузнецова, с зеленоватым и синеватым рисунками по краям, семь фарфоровых мелких тарелок, две из них поменьше размером. Тарелки белые, с синим и золотым ободками по краям. На краю каждой из них раскрашенный государственный герб, а на дне, с наружной стороны, инициалы „Н. II" и под ними год изготовления „1913", „1914" и „1909". Белая фарфоровая тарелка с розовато-голубоватым рисунком (цветами), а на дне ее, с внешней стороны, клеймо фабрики Корниловых. Простой с трещиной стакан, два аптекарских флакона с глицерином и коллодием.

Среднее и правое отделения содержат посуду, принадлежащую, по словам Чемодурова, Ипатьеву. Описанная же в первом отделении посуда служила Царской семье, причем чернилами пользовалась Императрица, как удостоверил тот же Чемодуров.

В левом нижнем отделении буфета оказалось девятнадцать, разной величины и письма, икон с изображением святых Антонина, Иоанна и Мустафия, деревянная икона Сергия Радонежского, икона с изображением Косьмы и Дамиана, икона Дмитрия Солунского, две иконы Симеона Верхотурского Чудотворца и две иконы Серафима Саровского, деревянная икона Благовещения Пресвятой Богородицы, икона с изображением пророка Илии, изображение Богоматери на полотне, два маленьких тельных медальона-образка в серебряной оправе с ушками: один из них Нерукотворного Спаса, а другой Николая Чудотворца. На большинстве перечисленных икон имеются собственноручные надписи Императрицы и великих княжен[25].

В том же отделении большая деревянная круглая чашка и в ней такая же круглая, полая, сухая мыльная масса и деревянная тарелка для губки. По словам Т. И. Чемодурова, этим мылом пользовался бывший Император в ванне.

Среднее и правое отделение в нижней части буфета пусты.

На открытой посередине полке – корзина, эмалированный таз, пустая бутылка, шкатулка, перовая метелка и зеленая лампадка.

При осмотре столовой на обеденном столе еще обнаружены массивная из ямши пепельница, двенадцать раковин для закусок, принадлежащих, по словам Т. И. Чемодурова, Царской семье, и большой стеклянный графин.

Слева от балконной двери[26] – дверь в почти пустую комнату, занимаемую, по словам Т. И. Чемодурова, горничной Царской семьи Демидовой[27]. Длина ее 7 аршин 15 вершков и ширина 6 аршин 13 вершков. На полу линолеум с рисунком шашками темно-коричневого цвета. Стены оклеены темно-серыми обоями. Потолок и дверь изнутри выкрашены желтовато-беловатой масляной краской. Посредине спускается зеленая люстра с тремя лампочками.

Против входной двери два окна с деревянными подоконниками, такими же карнизами и зелеными полузанавесками в верхней части окна.

В левом переднем углу круглый, крашенный темно-коричневой краской, стол на шести ножках, и около него, такого же цвета, маленький круглый столик, три дубовых, столового типа, стула с плетеными спинками и сиденьем и мягкое кресло из описанного в гостиной комнате гарнитура.

В правом заднем углу две вешалки для платьев с медными крючками, принадлежащие, по словам Т. И. Чемодурова, бывшему Наследнику Алексею Николаевичу.

На ближайшем к левому переднему углу подоконнике находятся небольшой графин, никелированный электрический прибор для согревания больного места, большой флакон с жидким яичным мылом, флакон с жидкостью для электрической машинки, четыре небольших пузырька из-под лекарств, небольшая фарфоровая баночка с остатками борного вазелина, две железины, клочок ваты, железный крюк и маленький ключ на белом шнурке. По словам Т. И. Чемодурова, машинка и лекарство служили для лечения Наследника Алексея Николаевича, ключ же был от его шкатулки, в которой он хранил деньги.

Из столовой слева дверь ведет в комнату, служившую, по словам Чемодурова, спальной и комнатой для великих княжен. Размер ее: длина 8 аршин и ширина 7 аршин 2 вершка[28].

На полу линолеум коричневого цвета, шашками. Стены оклеены светло-серебристыми с розовато-зеленоватыми цветами обоями. Потолок выкрашен розоватой масляной краской, дверь с внутренней стороны выкрашена в тон потолка.

Справа и слева в задних углах две печки с герметически закрывающимися топками, окрашенные клеевой краской в розоватый цвет.

Верх обоев оклеен золотым бордюром с зеленым багетом.

С потолка спускается электрическая люстра в виде цветочной ветки с тремя лампочками[29].

Против двери окно. На подоконнике белая штора, пустая небольшая банка с одной конфеткой „монпансье", черная короткая шпилька, два висячих замка, коричневый пузырек с небольшим количеством какой-то жидкости; штора свернута. На окне висит, одним концом, длинный, песочного цвета, шерстяной, очень мягкий плед, принадлежащий, по словам Т. И. Чемодурова, бывшему Императору.

В правом переднем углу – трюмо с коричневой рамой и со столиком.

У правой от входа стены стоят металлический экран светло-зеленого цвета с изображением букета и сидящей на сучке птицы, мягкий стул и кресло, сиденья которых обиты красным кретоном, а спинки и ножки черные, резные.

Рядом с ними, против зеркала, стоит белый эмалированный ночной горшок и далее два кресла вышеописанной формы. На спинках их чехлы из полотна, вышитые красными нитками.

В переднем левом углу деревянная тумба для цветов и на ней кусок восковой свечи.

У левой стены около печи стоит, на четырех ножках, коричневого цвета гостинный стол. На нем деревянная, обитая зеленой кожей, шкатулка, разрез ее 7 1/2 вершков длины и 7 2/10 вершка ширины и 3 вершка вышины. На крышках ее,

с наружной стороны, какой-то рисунок в декадентском стиле с изображением арки и цветов. Внутренний замок вырван и держится на верхней пластинке у крышки. Три внутренние отделения, а равно и крышка, обтянуты зеленой шелковой материей. На дне одного из отделений четыре перламутровые пуговицы и безопасная английская булавка.

Далее на столе находятся: книги Новый Завет и Псалтырь на русском языке, образ Федоровской Божией Матери в деревянном футляре, написанный на дереве, задняя стенка его обита малиновым бархатом. На образе сорван венец, на котором, по словам Т. И. Чемодурова, была звезда с бриллиантами. На этой иконе две узенькие и короткие бумажные ленточки со следующими на них надписями, сделанными рукой Императрицы: 1/ „11 Иоанна 19, 38-42", 2/ „9 Иоанн. 19, 25, 37". Сверху на ней лежат круглые, медальонного вида, образки: два Богоматери и один Георгия Победоносца.

Из описанных вещей лишь Евангелие, по словам Чемодурова, принадлежит детскому лакею Седневу[30], а остальные Императрице.

В заднем левом углу у печки стоит высокая, окрашенная черной краской, подставка для цветов, на которой три книги: „Великое в малом и Антихрист" Сергея Нилуса[31], „Война и Мир", т. 1, Толстого и „Библия" на русском языке.

Под тумбой найдены карточка великой княжны Марии Николаевны, визитная карточка лейб-медика Боткина[32] и небольшой клочок бумаги, на котором по-английски написаны действующие лица какой-то английской пьесы, где роли распределены между Анастасией, Марией Николаевнами, Алексеем Николаевичем и Гиббсом[33]. На листике дата „4 февраля 1918 г. Тобольск".

В углу около входной двери переносное судно, по словам Чемодурова, принадлежащее Наследнику Цесаревичу.

Осмотр продолжен 7 августа в 10 1/2 часов утра.

В левой продольной стене описанной комнаты находится дверное отверстие такого же размера, как и другие, самой двери в нем нет. За ним четырехугольная комната, длиною 7 арш. 8 верш. и шириною 7 аршин 5 вершков. Высота в ней такая же, как и во всех остальных[34].

Стены комнаты оклеены полосатыми, одноцветными, бледно-палевыми обоями с волнообразным, с цветами, широким фризом.

В правой от входа наружной стене, а равно и в передней, по два окна, причем в обоих первых и в одном, прилегающем к переднему правому углу, окне находятся летние и зимние рамы. /Наружные/ рамы, как и в других комнатах, выбелены масляной краской до верхней фрамуги. В прилегающем к левому переднему углу окне имеется только одна летняя рама, за которой вделана железная решетка.

По словам Т. И. Чемодурова, в этой комнате была спальная Императора, Императрицы и Наследника Цесаревича.

Справа, у косяка входной двери, стоит прислоненная к стене деревянная, полированная с одной стороны, доска, длиною 1 аршин 5 вершков и шириною 13 вершков. Этой доской, по словам Т. И. Чемодурова, пользовался Наследник Цесаревич во время болезни, причем ее клали поперек кровати и она служила ему столом, на котором он писал, читал, играл игрушками и кушал.

Рядом с этим столом, в углу, стоит высокая полированная подставка для цветов, в виде небольшого столика. На столике стоит красная стеклянная лампадка, наполовину наполненная маслом. Около лампады цветочная пыль. Рядом с этой подставкой свернутый ломберный стол с зеленым сукном.

К простенку между окнами правой стороны придвинут письменный стол конторского образца, с зеленым сукном и такой же пропускной бумагой, на четырех точеных ножках.

На столе электрическая бронзовая лампа с синим самодельным колпаком. Стеклянная коробочка, края которой в серебряной с позолотой оправе, пестрый узкий шнурок и коричневая ленточка незначительной длины. Подушечка из голубого шелка для булавок, двустворчатая шахматная доска с четырьмя внутренними ящиками, задвигающимися деревянными пластинками, и с двумя комплектами

игры в шашки. Книги: „Лествица Иоанна, игумена Синайской горы", на первом печатном листе ее сделана пометка: „А. Ф. Ц. С. Март 1906"; книга – в сафьяновом красном красивом переплете; на обороте первого атласного чистого листа наклейка с монограммой „А. Ф." и над ними /так!/ корона. „О терпении скорбей" епископа Игнатия Брянчанинова, в синем, с золотым тиснением на лицевой стороне и на корешке, переплете; на оборотной стороне первой корки этой книги приклеена белая, в виде ромба, бумажка с инициалами „А. Ф." и вверху корона, и на оборотной стороне первого цветного листа имеется собственноручная надпись Императрицы: „А. Ф. Петергоф 1906 г.". „Молитвослов", в синем коленкоровом переплете, издание 1882 года Синодальной типографии; в нем, на обороте первого печатного листа, приклеена круглая с синим ободком бумажная пометка с инициалами „Н. А." и вверху корона; на обороте последнего белого листа написано чернилами: „6 мая 1883 г.". „Синее с золотом" Аркадия Аверченко[35], без переплета. „Рассказы для выздоравливающих", того же автора. 2, 8, 13 томы сочинений Чехова, издания Маркса. Медная проволочная подставка для карточек. А под зеленой бумагой оказались листки от стенного календаря. Два внутренних ящика стола пусты.

В правом переднем углу туалетный стол, на двух тумбах, с зеркалом, по той и другой стороне зеркала электрические лампочки. Стол оклеен дубом, и все его ящики пусты, за исключением большого среднего и соответствующего ему в верхней части стола. В ящике находятся эмалированное белое блюдце, два пустых флакона из-под цветочного одеколона фирмы Брокар, 2 черных флакона также из-под одеколона английских фирм; круглый, в виде маленького графинчика, с небольшим количеством одеколона флакон, бока его расписаны под цветок; две небольших стеклянных круглых, без крышек, баночки, в одной из которых имеется небольшое количество каких-то маленьких шариков; небольшой зеленый круглый флакон с притертой пробкой и наклеенной этикеткой „Lavendel Salz" и дальше по-немецки напечатан способ употребления; баночка с небольшим количеством кольдкрема и с наклейкой „Придворной Его Величества Аптеки"; небольшой флакон с какой-то красноватой ароматической жидкостью, маленькие прямые ножницы для ногтей, огарок стеариновой свечи, размером в половину ее, отвертка с деревянной полированной ручкой и спичка с накрученным на конце ее небольшим кусочком ваты. В верхнем среднем широком ящике оказались три дамских тонких черных шпильки, кусочек ваты и розовый маленький шнурочек.

На столе находятся синий большой флакон эссенции электролитной воды Кобяка с большим количеством жидкости, небольшой круглый аптекарский стакан, две столовые ложки, одна десертная и чайная ложки. В стакане затолкана вата. Тут же лежит распоротая бархатная пуговица и в ней вата.

В простенке, между окнами передней стены, коричневая, с четырьмя полками и резными колонками, этажерка. На верхней ее полке три флакона с какой-то жидкостью, большой стеклянный флакон с водою и засохшей веткой жимолости, две баночки с остатками борного вазелина и кольдкрема и с этикетками „Придворной Его Величества Аптеки", белая эмалированная чашка, с находящейся в ней маленькой стеклянной воронкой, и стеклянный футляр с двумя маленькими кисточками. На второй полке стеклянная полубутылка, откупоренная и наполненная наполовину бесцветной жидкостью, и два маленьких обломка булыжника. На третьей полке, считая сверху вниз, пустой большой аптекарский флакон, стакан с небольшим количеством воды, восковая белая свеча, деревянная сосновая палочка, небольшой обрывок старой расплетенной веревки и кусок серой бумаги. На нижней полке складывающийся пополам деревянный прибор для снимания обуви и сосновая, с двумя узкими желобками квадратной формы, палочка.

Рядом с этажеркой небольшой круглый столик с расписной полированной круглой крышкой. Возле него, на полу, валяются две целых тонких свечи, одна обломанная и огарок.

Возле той же этажерки стоит оклеенный дубом столик прямоугольной формы с четырьмя точеными ножками, на котором лежат оборотная половина облож-

ки от какой-то книги; маленькая, в виде раковины, тарелочка с пейзажем, на оборотной ее стороне фабричное клеймо и инициалы „М. Н.”; пятнадцать белых тонких восковых свечей, завернутых в бумагу; флакон из-под лекарства с рецептом доктора Боткина „Pro autore”.

Сбоку этого столика стоит кресло от гарнитура из гостиной с парусиновым чехлом.

В переднем левом углу гардероб с двумя створчатыми дверками, отделанный под ореховое дерево. В нем никакого платья не оказалось, висят лишь на деревянных крючьях двенадцать деревянных вешалок. На десяти из них имеются инициалы „А. Ф.”.

Рядом с гардеробом железный экран, выкрашенный зеленой краской, на нем нарисован цветок.

Рядом с экраном, по стене, средних размеров мраморный умывальник с разбитой доской. На верхней полочке умывальника графин с водою, аптекарская стеклянная банка с белым порошком и три флакона с каким-то лекарством. На разбитой доске находятся желтого стекла стакан, пузырек с лекарством для Наследника с рецептом доктора Деревенко, баночка с небольшим количеством кольдкрема, два флакона с каким-то лекарством, один из них с рецептом доктора Боткина „Pro autore”, микроскопический флакончик с каким-то лекарством и семь небольших продолговатых бумажек, в виде закладок, с какими-то цифровыми записями. В нижней части умывальника стоит белое жестяное ведро. На полу, около него, найден маленький очиненный карандашик.

Рядом с умывальником, по той же стене, ночной столик, отделанный под орех, с мраморной верхней доской, на которой стоят пять пустых флаконов из-под одеколона и вежеталя, два лампадных стаканчика – красный и синий, банка с калигиперманганикум, белого стекла бутылочка с каким-то ароматическим маслом, большой флакон с сосновым экстрактом с этикеткою „Придворной Его Величества Аптеки”, белый флакон с жидкостью „Coluval”, аптекарская баночка с притертой пробкой и незначительным количеством какой-то ароматической жидкости, небольшой флакончик с винтовой нарезкой у горлышка, металлической крышкой и белыми пилюлями, на стенках его выгравировано: „Cascarine Leprince” и небольшая грязная рюмка из голубоватого стекла.

На второй полочке столика – зеленая чашка с блюдцем и небольшой стаканчик капельница. Нижний шкафик пуст.

Около умывальника на полу циновка, а на ней маленький деревянный табурет.

В левом заднем углу небольшой круглый столик.

В комнате три дубовых стула с тростниковым сиденьем и один мягкий, с красной кретоновой обивкой от гарнитура, находящегося в комнате великих княжен.

На задней левой стене прибита вешалка для полотенец, в виде трех круглых палочек с металлическими наконечниками.

По словам Чемодурова, все эти предметы, за исключением мебели, принадлежат бывшей царствующей семье[36].

В столовой, в правом переднем углу, имеется двустворчатая дверь, ведущая в проходную комнату[37], в которой справа ход вниз, представляющий из себя громадных размеров шкаф с полустеклянной матовой дверью. Перегородки ее выкрашены в коричневый цвет и доходят лишь до высоты двери. Стены и потолок комнаты выкрашены серой масляной краской, пол покрыт коричневого цвета линолеумом с рисунком мелкого паркета. Размер ее 7 арш. 13 вершков ширины, 8 арш. 3 верш. длины.

Посредине, на шнуре, спускается с потолка электрическая лампочка.

В левом заднем углу деревянная стоячая вешалка с железными крючьями, окрашенная в желтый цвет. Она заслоняет собою часть окна, которое, как и смежное с ним, имеет летние и зимние рамы.

На подоконнике второго окна мешок с жареным ячменем, незначительное количество которого лежит на рядом стоящей белой тарелке с государственным

гербом и инициалами „Н. II 1910" на обороте. Тут же пустая бутылка из-под лимонада и аптекарский флакон с жидкостью „Oleum terebinthinae gaelie", три гвоздя, небольшая тряпочка и две, с расписной каймой и серединой, тарелки: на верхней из них сушеный чай, а нижняя у края разбита.

На подоконнике второго окна стакан, белое блюдечко с гербом и инициалами „Н. II", на нем старая зубная щетка с вытертой щетиной, пузырек с какой-то желтой жидкостью, грязный большой кофейник, обрывок петроградской газеты от 9 декабря 1916 года, два согнутых гвоздя.

У окна деревянный некрашеный простой стол на четырех ножках с двумя внутренними ящиками. В левом из них оказались расписная тарелка и белое блюдце. На тарелке три белых сухарика, а на блюдце соль. На дне ящика крошки и несколько кусочков сахара. В правом ящике несколько промасленных листов грязной бумаги, гвоздик, два белых обмылка и кусочки макарон. На столе большая железная кухонная ложка и стеклянный кувшин для воды. Под столом три пары деревянных сапожных колодок, принадлежащих, по словам Т. И. Чемодурова, великим княжнам Ольге, Татьяне и Марии Николаевнам.

Посреди комнаты стоит громадный, коричневого цвета, гардероб, в котором сверху и у задней стены набиты крючья, и оказались двенадцать деревянных вешалок. На семи из них, желтых, инициалы „А. Ф." и корона. Белые же без инициалов, по словам Т. И. Чемодурова, принадлежат Государю Императору.

В правом нижнем ящике грязная небольшая салфетка, несколько разных картонных коробок и крышек к ним и рваная бумага. Левый ящик пуст.

У задней внутренней стены стоит небольшой старый стол, в ящике которого оказались стакан с выцветшими чернилами, висячий замок, ключ, ручка, кусочек мыла и жестяная пепельница. Возле него, на полу, циновки из ванны, три вкладных отделения из сундука, описанного при осмотре столовой, для серебряной посуды, гладильная доска с ножками и белым чехлом, грубый половик. Из этих вещей циновка, доска, половик и отделения из сундука принадлежат Двору бывшего Императора.

Тут же стоят два дубовых стула и дубовая тумба с мраморной доской, на которой лежит пестрый чехол от спинки складной кровати, на нем видны красные пятна.

На задней стене гардероба набиты крючья, и на них оказались две вешалки для платья, принадлежащие бывшему Императору.

Прямо из описанной комнаты, через створчатую дверь, ход в последнюю комнату верхнего этажа – кухню[38]. В левой наружной стене у нее окно с двумя рамами.

Стены кухни выкрашены серо-сиреневой краской масляной, потолок белой краской, панель темно-сиреневой краской, на полу линолеум коричневого цвета с паркетным рисунком. Размер ее 8 аршин в квадрате.

Слева от входа, на стене, деревянная, коричневого цвета, полка, на которой две пустых стеклянных больших банки, белое блюдце и пять лоскутков батиста, два больших пузырька, один со скипидаром и другой с нашатырным спиртом, на них этикетки „Придворной Его Величества Аптеки", большой пузырек с небольшим количеством бензина с этикеткой тобольской аптеки Дементьева, три пустых флакона, флакон с какой-то красной жидкостью, большой флакон с небольшим количеством какой-то жидкости, два синих свертка с каким-то белым порошком, чугунная подставка для утюга, пузырек с чернилами и перегоревшая электрическая лампочка. Под полкой, на полу, волосяная метелка и пустой деревянный ящик из-под чая фирмы Высоцкого.

У окна стоит большой кухонный деревянный, крашенный желтой краской, стол с тремя внутренними ящиками и столькими же внизу отделениями, затворяющимися дверками, длина стола 3 аршина 13 вершков и ширина 6 1/2 вершков.

На столе три пустых стеклянных банки, бутылка с денатуратом, белая баночка из-под икры, кусок бумаги с квасцами, брусок для точения ножей, жестяная кастрюля, белая тарелка с молотым жареным ячменем, четыре столовых ножа

фирмы Фраже с выгравированными на ручках их государственными гербами, кастрюля с остатками манной каши и находящейся в ней ложкой той же фабрики и с гербом, мясорубка и деревянная доска, ведро белой жести с остатками муки.

В ящиках стола рваная бумага, сломанный кухонный нож, мешок с меткой „М. А.", кисточка из мочала для мытья посуды, металлическая ручка для мясорубки, три блюдца и две тарелки с государственным гербом и инициалами „Н. II", сломанное шило и пакетик с каким-то желтоватым порошком в виде муки. Все вышеупомянутые вещи – в правом верхнем ящике.

В находящемся под ним нижнем отделении оказались большая медная луженая кастрюля с государственным гербом, две больших грязных белых скатерти, десять сильно загрязненных салфеток, на некоторых из них также государственный герб, грязный фартук и два полотенца.

Рядом со столом, на полу, медный бидон для молока, деревянный большой ящик с засохшей зеленью и тут же, на полу, тарелка с косточками и государственным гербом.

Недалеко от стола, в левом переднем углу, большой комнатный ледник.

В правом переднем углу большой деревянный ящик и в нем два пустых мешка, две палки и кусок мыла.

Посредине кухни белый деревянный, столового типа, стол простой работы на четырех ножках, длина его 3 аршина 1 вершок и ширина 1 аршин 4 вершка, с внутренним выдвигающимся ящиком.

На столе маленькая кастрюля, веселка для квашни, кухонный нож и небольшая жестяная коробка из-под карамели „Кетти Босс". Ящик стола пуст.

Против него, у правой внутренней стены, пустой медный таз, большое медное ведро, два медных листа для печения хлеба, медная четырехугольная продолговатая кастрюля, железный лист. Все вещи луженые и имеют на себе государственный герб.

Ближе к правому заднему углу, по той же стене, находится стол с внутренним большим ящиком, закрывающимся дверкой, крашенный желто-красной краской. Ящик пуст. Стол покрыт старой грязной клеенкой, и на нем лежат небольшая медная кастрюля, два медных продолговатых тазика, две чугунные сковороды, три пустых жестяных банки из-под пюре томат фабрики Эйнем, две – синяя и белая эмалированные кастрюли, железный совок, большая медная кухонная ложка, большое медное сито, небольшая медная кастрюля с длинной ручкой, большой медный сотейник с решетчатым дном и большая медная крышка от кастрюли. Все медные вещи лужены и имеют на себе государственный герб.

В правом заднем углу обломки кирпичей, две деревянных решетки и небольшой медный продолговатый, прямоугольный бак с краном.

У задней стены громадная плита с духовым шкафом. На плите железный белый большой таз с двумя ручками и медный бидон с государственным гербом. На бидоне выгравировано „п. к. № 178, 1918".

На полу, около топки плиты, вязанка дров. При разборке в них никаких вещей не оказалось.

На прилегающей к плите стене – деревянная вешалка из трех палочек, на которой висит буршлат (сотейник) и грязный, из мочала, пустой мешок.

На полу валяются обрывки разной бумаги.

На окне семь пустых бутылок и восьмая наполнена красным ягодным соком. Тут же стоит круглая жестяная пустая банка с крышкой.

При осмотре комнаты, занимаемой великими княжнами, из печей было выгребено большое количество золы, в которой оказались обгорелые металлические остатки от рамок для карточек, медальонов, образков, обгорелая бумага, сплавившиеся стекла и т. п.

Осмотр окончен 8 августа.

И. д. судебного следователя Наметкин.

Товарищ прокурора Николай Иванович Остроумов.

Понятые были: профессор Академии Генерального штаба генерал-лейтенант Медведев, доктор медицины Владимир Николаевич Деревенко.

Присутствовал: Терентий Иванович Чемодуров.

10

М. Ю.
Прокурор Екатеринбургского
окружного суда
10 августа 1918 г.
№ 195

Срочно.

Г. судебному следователю по важнейшим делам.

Предлагаю ускорить передачу находящегося у Вас на производстве дела об убийстве бывшего Государя Императора Николая II члену суда Сергееву[1].

И. д. прокурора Кутузов.
Секретарь Богословский[2].

11

ПОКАЗАНИЕ

1918 года, августа 11 дня, Следственным отделом Верх-Исетского района допрошена гражданка Балмышева Федосея Ларионовна по делу о краже ее мужем Петром Ларионовичем Лыловым[3] вещей, принадлежавших бывшей Царской фамилии. По существу дела Балмышева показала:

Я служила в Волжско-Камском Банке[4] чайницей вверху, а внизу служила латышка, от которой я слышала, что внизу, среди привезенных вещей, есть царские, а также служащие банка говорили, что тут находятся царские вещи.

После ухода большевиков в банке никого не осталось. Мой муж – курьер и курьер Новоселов пошли вниз посмотреть, закрыты ли двери. Через некоторое время они возвратились с узлами. Я спросила: „Откуда это?" Они ответили, что внизу все развалено, и вот что принесли для себя.

В забранных вещах были дамские рубашки, которые мною были распороты для перешивки и на которых были метки „корона, вышитая шелком". Метки я бросила.

В банк приезжал ломовой, который мне сказал, что он ждет комиссара Чуцкаева, чтобы увезти царские вещи. Увезли или нет, я не знаю.

Секретарь, перед уходом большевиков, спрашивал моего мужа и курьера Новоселова, поедут ли они с ним, но муж мой уехать не согласился, на что секретарь ответил, что вам здесь ничего не будет.

В Верх-Исетске я живу с 28 июля 1918 года по настоящее время. Адрес: Верх-Исетский завод, Проезжая улица, дом № 18.

Балмышева, по заявлению, неграмотная. Показание Балмышевой ей прочитано.

Заведующий Следственным отделом подпоручик Ермохин.

При показании Балмышевой присутствовал поручик Банов.

12

М. Ю.
председателю
Екатеринбургского окружного суда
30 июля
1918 г.

12 августа
№ 56

Г. судебному следователю по важнейшим делам.

Настоящим уведомляю, что в заседании общего собрания отделения суда 25 июля / 7 августа с. г. постановлено производство предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II возложить на члена суда И. А. Сергеева, освободив Вас от производства по настоящему делу.

И. д. председателя суда (подпись неразборчива)
Завед. канцелярией М. Белоусова.

13

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

13 августа 1918 года судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, принимая во внимание сообщение председателя Екатеринбургского окружного суда от 30/12 августа с. г. за № 56 о передаче дела об убийстве бывшего Государя Императора Николая II члену суда И. А. Сергееву для дальнейшего производства следствия,

ПОСТАНОВИЛ

дело об убийстве бывшего Государя Императора Николая II передать члену суда И. А. Сергееву со всеми относящимися к нему приложениями, что и исполняется вместе с сим за № 2.

И. д. судебного следователя Наметкин.

Сдал на 26 пронумерованных полулистах.

И. д. судебного следователя Наметкин.

14

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1918 года, августа 11, 12 и 14 дня, в городе Екатеринбурге член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, прибыв в расположенный по Вознесенскому проспекту дом Ипатьева, в присутствии нижеподписавшихся понятых, при товарище прокурора Екатеринбургского окружного суда Н. И. Остроумове, производил осмотр помещений нижнего этажа означенного дома с соблюдением правил, изложенных 315–118 ст. уст. угол. суд.

По осмотру оказалось:

В нижний этаж дома ведут три наружных входа. Два входа – со двора (т. н. черное крыльцо) и один с улицы, со стороны Вознесенского переулка (парадное крыльцо). Осмотр начат с дверей, обращенных во двор[1].

Первая дверь находится в расстоянии 5 аршин от левого (при входе во двор) угла дома. Дверь деревянная, одностворчатая, шириной 1 арш. 4 верш. и высотой 2 1/2 арш. Изнутри запирается на железный крюк. Каких-либо пятен или иных особенностей на двери не замечается. На пороге также не усмотрено ни пятен, ни следов замывки или соскабливания.

Комната, в которую ведет описанная дверь, служит передней[2]. В длину имеет 11 арш. 4 верш. и в ширину 5 арш. 6 верш. В этой комнате, вправо от входа, помещается малый калорифер, заключенный в железный кожух. Двери печи – герметические.

В топке печи обнаружено большое количество пепла от сгоревших бумаг, тканей и других предметов. Все содержимое топки было извлечено с соблюдением необходимых предосторожностей и тщательно рассмотрено, а пепел просеян. При просеивании пепла никаких остатков, заслуживающих внимания, не обнаружено. Уцелевшие от распадения клочки сожженных бумаг носят на себе следы рукописных букв, но восстановить содержание рукописей оказалось невозможным.

Из сгоревших в печи вещей сохранили свой внешний вид погоны генеральского образца, с вензелями. От действия огня погоны приведены в такое состояние, что при малейшем прикосновении ткань рисунка смещается и рассыпается.

В той же печи найдены совершенно не подвергшиеся действию огня два документа[3].

Один представляет из себя 1/4 листа белой бумаги, графленой синими линиями. На одной стороне этой бумаги написан черными чернилами текст следующего содержания (с сохранением орфографии) : „20 июля 1918 года получил Медведев[4] денег для выдачи жалованье команде дома особого назначения получил от коменданта дома Юровского[5] десять тысяч восем сот рублей 10800 рублей получил Медведев". Под этим текстом сделаны синим карандашом размашистым крупным почерком надписи: „Медведев дурак", „хорошо", „Соловьев"[6], „Егор Максимов" и некоторые другие, недостаточно разборчивые.

На оборотной стороне имеются два мастичных оттиска красного цвета, печати „Областного Исполнительного Комитета Советов Р. С. и К. Д. Урала" и один оттиск штемпеля „Российская Федеративная Советская Республика. Областной Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Армейских Депутатов Урала. Комендант дома особого назначения г. Екатеринбург". На одной же стороне написано черными чернилами: четыре раза – слово „Петр", восемь раз – „Алексей", один раз – „Софья" и три раза – фамилия, изображенная совершенно неразборчиво.

Второй документ представляет собой полулист белой графленой синими линиями бумаги, оборванной по длине настолько, что до полного размера недостает около 1 вершка. На одной стороне этой бумаги серым и синим (химическим) карандашом в четыре столбца сделаны записи фамилий: 1) Лесников 7 смен двух, Вяткин 6, Проскуряков 4, Дроздов 5, Путилов 3, Скорняков 9, Дерябин 8, Лобытов (эта фамилия зачеркнута), Хохряков, Варакушев внизу, Фомин 2, Логинов 1. Дальше, синим карандашом, „до двух", а под этим: Котегов, Русаков, Зотов, Сафонов, Орлов, Талапов, Подкорытов; 2) 2-ая смена шести, а под этим: Вяткин пулеме, Корзухин, Дмитриев пулем., Скороходов 9, Пелегов 3, Клещев 4, Котов 5, Устинов 6, Бруслянин 7; 3) „до десети", а под этим: Турыгин пуле, Чуркин, Алексеев, Теткин, Попов, Садчиков, Старков, Шевелев п; 4) Варакушев, Путилов, Лестюков, Смородяков, Хохряков, Устинов, Осокин, Клещев, Мудозвонов, Брус, Прохоров, Романов, Вяткин, Дерябин, Скороходов, Дмитриев, Корзухин, Пелегов. Каждая фамилия, значащаяся в четвертом столбце, отмечена крестиком[7].

По окончании осмотра и просеивания извлеченных из печи предметов, бумаг и пепла было приступлено к дальнейшему осмотру прилегающих помещений, причем оказалось: направо от входа, между описанной печью и стеной, имеется крашеная деревянная дверь, ведущая на площадку лестницы, посредством которой устроено внутреннее сообщение верхнего этажа с нижним. Лестница прямая, деревянная, состоит из 19 крашеных ступенек, освещается полукруглым окном с внут-

ренними раздвижными рамами. Слева лестница отделена от нижней передней комнаты деревянными рамами со стеклами. Лестница выводит в ту комнату верхнего этажа, где расположены уборная и ванная комнаты. При внимательном осмотре ступенек, окна и стеклянных рам никаких пятен, следов замывки, надписей или иных знаков не замечено.

Под лестницей в беспорядке сложены: две рогожи, два мешка из-под углей, две пустых бутылки с этикеткой „Боржом" и эмалированная глиняная кастрюля с отбитой ручкой. Несколько в стороне валяются грязные тряпки. По осмотру тряпок и рогож никаких сомнительных пятен на них не наблюдается.

Против окна, на нижней площадке лестницы, имеется вторая дверь, ведущая в ту же переднюю. Против этой двери находится дверь в теплую кладовую, в которой устроены деревянные полки[8]. Эта кладовая пуста. На полу, под полками, обнаружен большой медный самовар, емкостью в 2 ведра, давно не чищенный.

Влево от входа, в той же стене, которая примыкает к косяку входной двери, имеется дверь, ведущая в холодную кладовую[9]. Эта кладовая представляет из себя пристройку шириной в 2 аршина и длиной в 5 аршин, с одним окном, выходящим во двор. Налево от входа, в кладовой, устроены полки, на которых лежат пустые бутылки от минеральных вод, проволока, электрические лампочки, колпачки и др. принадлежности электрического освещения. У стены под окном стоит корзина, обитая черной клеенкой. В корзине сложено грязное кухонное белье (гофмаршальской части) и одно полотенце из грубого полотна с меткой, изображающей /пропуск/.

Против двери, ведущей в описанную кладовую, находится двустворчатая дверь, ведущая в жилые комнаты, а у косяка этой последней двери оканчивается лестница из шести ступенек, устроенная для внутреннего сообщения с верхним этажом. Лестница эта непосредственно примыкает к небольшой двери, выходящей на нижнюю площадку вестибюля верхнего этажа. Жилые комнаты нижнего этажа носят (в левой половине) характер полуподвального помещения.

Из описанной передней комнаты, по входе через двустворчатую дверь, нужно спуститься по лестнице в шесть ступенек. Лестница эта ведет в комнату, разгороженную на две половины легкой деревянной перегородкой. В первой половине означенной комнаты (проходной), направо от входа, стоит простой работы деревянная скамейка. На скамейке сложена столовая и кухонная посуда: 21 тарелка (8 глубоких, 7 мелких и 6 малых) с клеймами Екатеринбургского общественного собрания, 5 чайных блюдечек, две чашки, два стакана, стеклянный кувшин, две медные кастрюли с императорским гербом и такой меткой: „П. К. Н. 51/VIII", две деревянных ложки и две пустых четвертных бутылки. За скамейкой стоит простой деревянный шкаф. Шкаф пуст.

По сдвинутии шкафа с места, за ним и под ним обнаружено много мусору и разных негодных обрывков печатной и писаной бумаги. По рассмотрению и отбору найдены след. относящиеся к делу документы:

1. Конверт из плотной белой бумаги, представляющий из себя почтовую карту размером 5 3/16 в. х 2 12/16 вершк., перегнутую поперек на три равные части, так что при сложении две крайние доли покрывают среднюю и образуют узкий конверт. На средней доле наклеен рисунок, изображающий южный ландшафт, а на правой крайней – написано черными чернилами: „Меню 9 Сентября 1907 года. Завтрак. Суп перловый. Пирожки. Майонез из лососины. Филе говядины по английски. Котлеты из цыплят. Груши в хересе. Пай Брусника".

2. Прямоугольной формы кусок белого картона размером 4 х 2 1/16 вершка. В верхней части этого прямоугольника отпечатано изображение двухтрубного морского парохода, а под этим рисунком написано: „Меню Суп пренталиьер с пирожками. Филе камбалы под бешамелью. Барашек с кашей. Цветная капуста. Гурьевская каша. Кофе". На оборотной стороне имеется карандашная надпись: „1 ноября 1909. У мола Ялта".

3. Обрывок печатной программы концерта, отпечатанной на таком же картоне, как и писанная карточка. Верхняя часть оторвана. На сохранившейся части зна-

чится: „Вебер. Терцет из оперы Волшебный Стрелок 3 Бизе. Вальс „Кармен" 4 Вагнер. Вступление к VII акту из оп. „Лоэнгрин" 5 Сен-Санс. Фантазия „Самсон и Далила" 6 Эйленберг „В лесной кузнице".

4. Обрывок почтовой бумаги, на котором сохранились следующие записи. На одной стороне написано карандашом: „письму от... купить по Вашему ...ля Общ. Рукодел... рецептные бумаги ...иеся проценты". На другой стороне написано черными чернилами: „промите увер... ком уважени и искр... (это министру)".

5. Обрывок печатного бланка, на коем значится „...я конторо... селова Н-ки... дажа % бумаг...ых денег... с умой № 29-31. Телефон № 708".

6. Обрывок почтовой карточки. На наружной стороне сохранился рисунок, изображающий нагруженные снарядами железнодорожные платформы. Наверху надпись: „Все для побе...".

7. Обрывок письма, написанного на почтовой карте с изображением 2-этажного дома. Текст письма написан крупным почерком. Содержание сохранившейся части письма такое: „Милая и дорогая Ольга Николаевна, получили ли Вы письмо, которое я послала Вам из Царского, когда вернулась из стан... Теперь мы живем уже не...". По краям обрывка: „...Марию Николаевну и Анастасию Николаевну. Любящая Вас Века".

8. Вырезанный из белой бумаги кружок диаметром около одного вершка. На нем сделана на одной стороне черными чернилами надпись: „из Козьмо-Демьянска 23 мая – из Ливадии 31 мая 1914 г."

9. Такой же кружок с карандашной записью: „Тобольск 1917 г. 17 авг."

Отгороженная перегородкой вторая половина описываемой комнаты освещается одним окном, входящим /так!/ на первый наружный дворик. В окне – две рамы, а за ними железная решетка. Подоконник на уровне земли. В этой комнате находятся следующие предметы: железная кровать с двумя грязными матрасами, деревянная скамейка и старый венский стул. На стене у косяка двери имеется сделанная карандашом надпись: „Rudolf Lacher J.J.K. Jägr. Trient"[10], тут же другая надпись: „Солдатская 74 лудить–паять". Более ничего заслуживающего внимания при осмотре комнаты не обнаружено.

Из правой половины осмотренной комнаты (проходной) имеется ход в следующую комнату, представляющую собою кухню с расположенной в противоположном входу углу большой русской печью и плитой[11].

На шестке печи валяются обрывки бумаг. После тщательного отбора бумаг удалось выяснить, что в числе разорванных на мелкие части бумажек находится написанное на бланке коменданта Дома особого назначения требование от 15 июля 1918 года за № 24, обращенное в Военный комиссариат по отделу продовольствия. Восстановить текст этого документа полностью, ввиду отсутствия некоторых частей его, представляется невозможным. Среди обрывков, относящихся, по-видимому, к означенному документу, имеется один, содержащий часть фамилии лица, подписавшего требование: „Юров.". Один обрывок, написанный совершенно иным почерком, резко отличающимся от предыдущего, содержит в себе след. записи: „...льн. шкапу ш. красн. портф....оги..аленка..тосьма могер" – на одной стороне и „полотен..вышит. экран полосат. пи..кусок бел п лилов. пол." – на другой стороне

Посреди пола имеется люк, ведущий в подполье. При осмотре подполья оказалось, что оно представляет из себя небольшое помещение для хранения домашних запасов. Подполье оказалось пустым и никаких признаков того, чтобы в нем что-либо складывалось или хранилось, не имеется. Половицы подполья найдены в таком виде, что с несомненностью можно заключить, что они остались без изменения в том виде и положении, как были и ранее. Доски, покрывающие стены и пол уже подверглись в легкой степени гниению.

Кухня освещается двумя окнами, выходящими на восток (по направлению к Вознесенскому проспекту).

Против первого от входа в кухню окна имеется дверь, ведущая в полутемный коридорчик. В этот коридорчик спускается лестница, ведущая в среднюю проходную комнату верхнего этажа. На первой площадке этой лестницы вход на пос-

леднюю площадку забит досками. По удалению этих досок обнаруживается ход, заканчивающийся дверью в виде шкафа с матовыми стеклами, описанной в протоколе от 8 августа с. г. Ни на площадках, ни на ступеньках лестницы никаких пятен не обнаружено. Прямо против двери, ведущей из кухни в коридорчик, имеется дверь, ведущая во вторую половину квартиры нижнего этажа.

Осмотр, начавшийся в 10 1/2 час. утра 11 августа, закончен в 4 часа дня.

Осмотр продолжен в 10 часов утра 12 августа 1918 года.

Вторая наружная дверь, ведущая со двора на другую половину квартиры нижнего этажа, отстоит от первой наружной двери в расстоянии 6 1/2 арш. Дверь деревянная, двустворчатая. На ней ножом вырезана фамилия „П. Чижавка".

Из сеней имеется вход на кухню по лестнице из восьми ступенек. Кухня представляет из себя комнату с одним окном, выходящим в сад[12]. Длина комнаты равняется 7 арш. 1 верш. и ширина 7 арш. 3 верш., высота 5 аршин. Параллельно стене, выходящей в сад (западной), в расстоянии около 1 1/2 аршин от нее, расположена русская печь с плитой. На плите находятся: три деревянных ложки, глиняная латка, глиняный горшок с остатками каши, две глиняных тарелки, одна сковорода и одно стеклянное блюдце.

Из кухни, прямо против входной в нее двери, имеется дверь в следующую комнату, размерами 7 арш. 11 верш. х 7 арш. 7 верш.[13]. В комнате два окна, выходящие в сад. На первом от входа окне стоит медный цилиндрической формы самовар с клеймом фабрики Батышева. Самовар до половины наполнен водой. В поперечной стене устроен шкаф с двумя полками. Шкаф пуст.

Стены оклеены желтыми полосатыми обоями. На одной из стен сделаны карандашом след. надписи: „Толстобров Петр. А. Стрежнев. 3/VI 18. А. Стрежнев"[14]. Надписи сделаны крупным писарским почерком. Тут же написаны имена: „Александра...Распутин" и нарисованы грубо-цинические изображения.

Из этой комнаты налево ведет дверь в выше описанный коридорчик, а прямо – дверь в следующую комнату, имеющую в ширину 4 саж. 6 верш. и в длину 7 арш. 11 верш.[15]. В ней два окна, выходящие в сад. Одно окно – с выставленной зимней рамой, другое – с двойными рамами. В стене, примыкающей к этому окну, устроен шкаф с пятью полками. Шкаф пуст.

Стены оклеены серыми обоями с золотистым рисунком. Пол выкрашен желтой краской. На левой от входа стене имеются карандашные надписи такого содержания: „по всей по деревне погасли огни Гришка и Танька спать полегли". Вторая надпись тождественна с этой по содержанию, но слова „Гришка и Танька" заменены выражением „Гришка с Сашурой". Поблизости от этих надписей имеется пометка: „3 смена 1 пост. К.М.П." и несколько далее – „Карташев Иван".

Обстановка комнаты состоит из двух простых столов и двух кроватей железных. Из них одна с пружинным матрасом и другая – походного типа. У этой последней одна из спинок отсутствует, на оставшейся спинке – чехол из полосатого тика (полосы желтые, белые и синие). В углу чехла замечается красноватое пятно. В изголовье кровати у стены прикреплен подзеркальный столик.

В стене, расположенной против окон, имеется дверь, ведущая в соседнюю комнату, выходящую окнами на улицу (Вознесенский проспект). Размеры комнаты – 7 арш. 12 верш. длины и 7 арш. 2 верш. ширины[16]. Окна в уровень с землей, заделаны железными решетками. Обстановка комнаты состоит из трех железных кроватей с грязными матрасами.

В правом углу комнаты – печь с герметически запирающимися дверцами. В топке печи – мусор и большое количество золы. В золе ничего не обнаружено. Из мусора отобраны обрывки рукописи, написанной серым карандашом мелким убористым почерком. Рукопись представляет собою конспект статьи или доклада о „Новой школе". Найдены также разрозненные обрывки писанного синим карандашом письма, адресованного в „Енисейск, басейный переулок". Восстановить текст письма не представляется возможным. На куске желтого картона, обнаруженного в том же мусоре, написаны фамилии: „Соколов" „Шуранов". Каких-либо других бумаг, рукописей или иных документов не найдено.

Ни в этой комнате, ни в смежной с ней комнате, описанной выше, на полу никаких особенностей на замечено.

Из большой комнаты, в которой в одном из двух выходящих в сад окон выставлена зимняя рама, против входной двери имеется дверь, ведущая в переднюю, представляющую собой комнату с одним выходящим в сад окном с двойными рамами, заделанными железной решеткой[17]. Комната имеет в длину 6 арш. 12 верш. и в ширину 6 арш. 11 1/2 верш. Пол деревянный, окрашен желтой краской, потолок створчатый.

Вдоль стены, под окном, стоит железная кровать с двумя матрасами. В левом от входа углу расположена печь с герметически закрывающимися дверцами. В топке печи обнаружен мусор, не имеющий значения.

Пол носит на себе явственные следы замывки в виде волнообразных и зигзагообразных полос из плотно присохших к нему частиц песку и мела. По карнизам – более густые наслоения из такой же засохшей смеси песку и мела[18].

Против внутренней входной двери имеется выход на парадное крыльцо, выходящее на улицу (Вознесенский переулок). Выходные двери – двустворчатые, шириной 2 аршина. Двери тройные: первая и третья двери – полустеклянные, а средняя – сплошь деревянная. Расстояние между первой и второй дверью – /пропуск/ вершков, между второй и третьей – /пропуск/ вершков.

Пол между дверями деревянный, окрашен желтой краской. На поверхности пола, между второй и третьей (т. е. выходящей непосредственно на улицу) дверями, наблюдается пятно красноватой окраски. Эта часть пола при осмотре отмечена особыми знаками и охранена от внешних влияний. При осмотре дверей и косяков никаких особенностей не замечено.

Парадное крыльцо – каменное. От Вознесенского переулка отгорожено высоким дощатым забором, идущим в расстоянии четырех аршин от дома по боковому и переднему фасадам, обращенным на Вознесенский переулок и Вознесенский проспект. Забор – сплошной: в нем никаких дверей не устроено и, таким образом, огороженное забором пространство улицы представляет из себя узкий наружный двор с единственным в него входом через описанную парадную дверь нижнего этажа.

Внутри этого дворика, на углу, стоит будка. Дворик выстлан камнем. При осмотре дворика следов нарушения его поверхности не обнаружено. На наружной поверхности стен дома никаких особенностей также не наблюдается.

Осмотр закончен в 3 часа дня 12 августа.

Осмотр продолжен в 10 час. утра 14 августа 1918 года.

В передней, описанной в предыдущем протоколе, кроме дверей, ведущих на парадное крыльцо, имеется, налево от внутреннего входа, в стене, противоположной окну, деревянная двустворчатая дверь, окрашенная белой краской. Дверь эта ведет в комнату, освещаемую одним окном с двойными рамами, заделанными железной решеткой[19]. Окно выходит на загороженный высоким забором наружный дворик и обращено на юг (на Вознесенский переулок). Изнутри находится на высоте одного аршина и 7 вершков от пола, а снаружи на уровне земли. Длина подоконника равняется 2 арш. 2 верш. и ширина (глубина) 1 аршин 3 вершка. Длина комнаты 7 арш. 8 вершков и ширина 6 аршин 4 вершка.

Пол окрашен желтой краской и, в левой от входа половине, носит на себе такие же следы замывки, как и пол передней. По карнизам пола также наблюдается скопление засохшей смеси песку и мела.

Потолок сводчатый и опирается на четыре расположенные по углам комнаты каменные арки. Стены оклеены обоями желтого цвета. Высота их 3 аршина 6 вершков.

В противоположной от входа стене, в правой (считая при входе) ее стороне, имеется примыкающая к арке южной стены двустворчатая дверь, окрашенная белой краской. На обеих половинках двери имеются остатки красной сургучной печати. Ширина двери 1 аршин 12 1/2 вершков, высота 2 аршина 11 1/2 вершков. На правой створке этой двери, на высоте 2 аршин 7 вершков от пола, имеется сквоз-

ное отверстие круглой формы. Такое же отверстие имеется и на левой створке двери, на высоте одного аршина и 6 вершков от пола. Толщина створок двери 1 1/4 верш. Диаметр сквозных отверстий с наружной стороны двери 5/32 вершка, а диаметр тех же отверстий со стороны, обращенной в смежное помещение, куда ведет эта дверь, равняется 6/32 вершка. Ширина каждого косяка двери равняется 4 вершкам.

Стена, в которой проделана описанная дверь, деревянная, оштукатуренная с обеих сторон. Ширина этой стены от косяка двери до левой арки 2 арш. 13 1/2 верш.

На стене имеется шестнадцать углублений в толщу ее, похожие на следы проникновения пуль или на следы ударов каким-либо твердым острым орудием. При обследовании означенных углублений посредством зонда определить направление и длину каналов оказалось невозможным ввиду того, что зонд на пути своего проникновения в каналы углублений наталкивается на осыпавшиеся частицы штукатурки. В целях удобства описания расположения углублений все они при настоящем осмотре занумерованы в порядке удаления их от угла левой арки к левому косяку двери, примыкающей к правой арке. Измерена также высота, на которой находится каждое углубление (считая от пола). При такой системе результаты измерений могут быть изображены в следующей таблице:

№№ по порядку	Расстояние от арки (в вершках)	Расстояние от пола (в вершках)
1	4	12
2	7	32
3	9	14
4	11	15
5	13	17
6	13 1/2	16
7	16 1/2	13 1/2
8	18	12 1/2
9	20 1/2	28
10	22	20
11	23	5
12	26	14 1/2
13	26 1/2	38
14	32 1/2	7
15	35	8
16	37	12 1/2

По окружности углублений за №№ 2, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 15 и 16 обои носят на себе следы замывки: местами из-под стертой бумаги обоев виднеется штукатурка, а в некоторых частях замытого пространства стерт только верхний слой бумаги до уничтожения рисунка обоев. В каждом отдельном случае следы замывки имеют размер от ладони взрослого человека до 15–16 кв. вершков. Начинаются эти следы у самого карниза (углубления за №№ 11, 14 и 15) и кончаются на высоте 17 вершков от пола. При обводе параллельными линиями крайних точек замывки получается прямоугольник высотою (от пола) 17 верш. и шириной (от арки до косяка) – два аршина (32 верш.). От арки следы замывки начинаются в 7 1/2 вершках и от косяка – в 6 вершках.

Арочные столбы имеют прямоугольную форму. Широта каждого столба (считая по линии, параллельной описанной стене) равняется 9 вершкам, а глубина (считая по линии, перпендикулярной к той же стене) равняется 13 1/2 вершкам.

На южной (правой от входа) стене, ниже подоконника и влево от него (если стать лицом к окну), в расстоянии 19 1/2 вершков от арочного столба и в расстоянии 18 вершков от полу, в деревянной обшивке стены имеется круглой формы сквозное отверстие. Такого же вида и формы отверстие имеется ниже в расстоянии 10 1/2 вершков от пола и несколько левее первого отверстия.

В левом, при входе в описываемую комнату, косяке двери, ведущей из передней, на высоте 25 вершков от пола имеется сквозное круглой формы отверстие. Такое же отверстие имеется и на левой створке двери. Если эту створку двери открыть и откинуть к косяку, то отверстие на двери совпадает с отверстием на косяке. Канал отверстия расширяется по мере проникновения изнутри комнаты к откинутой двери (открывающейся наружу, в переднюю комнату) и заканчивается на двери широким отверстием с расщепленными по окружности его частицами дерева.

На левой от входа части пола, в области пространства, носящего на себе следы замывки, замечается шесть углублений с расщепленными слегка краями. При исследовании зондом каналов углублений определить их глубину представляется затруднительным, ввиду того, что зонд встречает на пути своего движения частицы расщепленного дерева. В целях удобства описания этих углублений все они, при настоящем осмотре, занумерованы в порядке удаления их от той стены, на которой отмечены вышеописанные 16 углублений (восточной). Измерены также расстояния, отделяющие означенные углубления от левой, при входе в комнату, стены (северной). По этой системе результаты произведенных измерений выражаются в следующей таблице:

№№ по порядку	Расстояние от восточной стены (в вершках)	Расстояние от северной стены (в вершках)
1	8	12 6/8
2	21	16
3	21 1/2	16 1/4
4	31	17 1/2
5	50	38
6	74	56

Углубление за № 1 расположено за находящейся в заднем левом углу аркой и отстоит от нее в 2 6/8 вершка. Ввиду того, что ширина арочного столба (считая от левой стены, к которой этот столб примыкает) равняется 9 вершк., в целях однообразия, в таблицу введено указание расстояния не от арки, а от северной стены.

На лицевой стороне упомянутой арки, на высоте 24 вершков от пола, имеется продолговатой формы углубление в толще штукатурки. Углубление открытое и проникает всего лишь на глубину 11/32 вершка. На боковой стороне той же арки, на высоте 12 вершков от пола, имеется второе углубление такой же формы. Оба углубления – ладьеобразной формы: широкие в центре и суживающиеся по концам.

На правой от входа стене имеются сделанные карандашом надписи такого содержания: „Николай сказал народам вот вам х.. не республика", „Николай он ведь не Романов, а родом чухонец Род дома Романовых кончился Петром III тут пошла все чухонская порода". Ниже этой надписи – неразборчивая подпись, похожая на „Кримников". Правее этих надписей – две строчки, сделанные неразборчивым почерком латинскими буквами: „Belsat (zar?) var in selbign Nacht Von schlagn Knechten umgebracht". При осмотре эта надпись вырезана со стены[20].

На левой от входа стене имеется след карандашной надписи. Самая подпись оказалась вырезанной: часть обоев подрезана ножом и удалена.

На передней стене, примыкающей к косяку входной двери, карандашом изображены рисунки грубо порнографического характера, представляющие фигуры мужчин и женщин с обнаженными преувеличенными половыми органами.

При дальнейшем осмотре стен, подоконника, окна и пола ничего заслуживающего внимания не обнаружено[21]. На потолке никаких особенностей не замечается.

Описанная в настоящем протоколе дверь, носящая на себе остатки сургучной печати, ведет в кладовую, представляющую собою комнату длиной 6 аршин 10 вершков и шириной 6 аршин 4 вершка, с цементным полом и створчатым потол-

ком[22]. В правой от входа стене (южной), на высоте 2 арш. 12 1/2 вершков от пола, проделано полукруглое окно с двойными рамами, заделанными железной решеткой. По левой и противоположной входу стенам устроены полки, на которых лежат свернутые ковры, картонки и ящики с имуществом, принадлежащим домовладельцу Ипатьеву.

На створках входной двери, по окружности отверстий, описанных выше, частицы дерева отщеплены, образуя вокруг отверстия окружность диаметром в 4/16 вершка. Частицы дерева отщеплены наружу: по направлению из описанной комнаты в кладовую.

При осмотре стен кладовой (оштукатуренных и забеленных мелом) на них усмотрено одно лишь нарушение верхнего слоя штукатурки в правой боковой стене (в которой проделано окно). Нарушение это поверхностное, почти конической формы, обращено вершиной к входной двери и основанием – к задней (противоположной двери) стене, от которой находится в расстоянии 5 вершков. Расстояние от пола: 2 аршина 11 1/2 вершков. Отверстие в правой створке двери, имеющее направление слева направо, обращено к описанному нарушению стены, длина коего 3/4 вершка.

Поверхность той стены, на которой описаны 16 углублений, со стороны осматриваемой кладовой нигде не нарушена.

Дальнейшим осмотром кладовой ничего заслуживающего внимания не обнаружено.

Осмотр закончен в 5 часов 15 минут дня 14 августа (н. ст.) 1918 года. Описанные в протоколе вещи и документы приобщены к делу. По окончании осмотра двери комнаты, описанной в протоколе от 14 августа, опечатаны должностной печатью.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

При осмотре находились понятые:
Капитан в отставке Николай Николаевич Ипатьев.
Профессор Академии Генерального штаба генерал-лейтенант Медведев
(за выездом в гор. Тюмень протокол профессором не подписан).

15

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1918 года, августа 15–16 дня (2–3), член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев в камере своей в городе Екатеринбурге допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., причем показал:

Я, Терентий Иванович Чемадуров, 69 лет, православный, грамотный, под судом не был, по происхождению крестьянин Курской губ., Путивльского у., Крупецкой в., села Крупца, в 1913 пожалован званием почетного потомственного гражданина, временно проживаю в гор. Екатеринбурге по Фетисовской улице в доме № 15.

1 декабря 1908 года я поступил на службу в дворцовое ведомство, по гофмаршальской части, в качестве камердинера при особе бывшего Государя Императора Николая Александровича и состоял в этой должности до последнего времени. Ранее я служил в течение 19 лет камердинером у великого князя Алексея Александровича[1] и находился при нем до дня его смерти. Камердинеров при б. Государе было трое: я, Петр Федорович Котов и Никита Кузьмич Тетеревятников; каждый из нас дежурил при б. Государе понедельно. В круг обязанностей дежурного

камердинера, кроме обычных, входили: исполнение всех личных приказаний Государя и доклад о всех особах, имевших к нему личный доступ; без доклада камердинера никто, кроме супруги Государя и его детей, не имел права входить в кабинет Государя. За время моей почти 10-летней службы при Государе я хорошо изучил его привычки и наклонности в домашнем обиходе и по совести могу сказать, что б. Царь был прекрасным семьянином. Обычный порядок дня был таков: в 8 час. утра Государь вставал и быстро совершал свой утренний туалет; в 8.1/2 пил у себя чай, а от 8.1/2 до 11 часов занимался делами: прочитывал представленные доклады и собственноручно налагал на них резолюции; работал Государь один и ни секретарей, ни докладчиков у него не было; от 11 до 1 часу, а иногда и долее, Государь выходил на прием, а после часу завтракал в кругу своей семьи; если прием представлявшихся Государю лиц занимал более положенного времени, то семья ожидала Государя и завтракать без него не садились. После завтрака Государь работал и гулял в парке, причем непременно занимался каким-либо физическим трудом, работая лопатой, пилой или топором; после работы и прогулки в парке – полуденный чай, от 6 до 8 вечера Государь снова занимался у себя в кабинете делами, в 8 час. вечера Государь обедал, затем опять садился за работу до вечернего чая (в 11 час. вечера). Если доклады были обширны и многочисленны, – Государь работал далеко за полночь и уходил в спальню только по окончании своей работы. Бумаги наиболее важные Государь сам лично вкладывал в конверты и заделывал; для отсылки бумаг по принадлежности Государь приглашал дежурного камердинера. Перед отходом ко сну Государь принимал ванну. Кроме того, Государь аккуратно вел дневник и писал иногда до глубокой ночи. Тетради дневников тщательно сохранялись, и таких тетрадей накопилось очень много[2]. В семейном быту Государь не допускал никакой роскоши и в столе, одежде и домашнем обиходе Государь и его семья придерживались скромных и простых привычек.

Отличительной чертой всей Царской семьи была глубокая религиозность: никто из членов семьи не садился за стол без молитвы, посещение церкви было для них не только христианским долгом, но и радостью. Отношения между членами семьи были самые сердечные и простые, как между Государыней и Государем, так и между детьми и родителями. После Февральской революции, когда отрекшийся от престола Государь был доставлен в Царское Село[3], домашняя жизнь Царской семьи протекала в общем так же, как и до переворота: никаких стеснений и ограничений в привычной обстановке сделано не было; отношение офицеров охраны было вполне корректное; не было каких-либо грубых выходок и со стороны солдат, несших охранную службу при дворце.

Во второй половине июля минувшего года Государю было объявлено распоряжение правительства о том, что ему с семьей предстоит выезд из Царского Села. Распоряжение это было объявлено дней за 10 до отъезда, так что дворцовые служащие имели возможность упаковать и уложить необходимые для Царской семьи и сопровождающих ее придворных и служителей вещи. Сначала предполагалось, что Государя с семьей отправят на юг, но перед самым отъездом, 1 августа м. г., выяснилось, что местом жительства назначен будет один из северных городов. На вокзале Царскую семью встретил председатель Совета министров А. Ф. Керенский; отношение Керенского к Государю и его семье было вполне благожелательное и корректное. Для проезда по железной дороге были предоставлены вагоны международного общества – просторные и удобные, так что путешествие было совершено с полным комфортом; отряд военной охраны помещался в особых вагонах. В пути стало известно, что Государь с семьей будет проживать в Тобольске. По прибытии поезда в Тюмень к пристани был подан пароход, на котором и был совершен дальнейший переезд до Тобольска. К нашему приезду в Тобольск приспособление предназначенного для жительства Царской семьи Губернаторского дома закончено не было; по этой причине Государь с семьей и сопровождавшими его придворными и служащими в течение 6 дней пребывал на пароходе. Иногда, по желанию Государя, на этом пароходе совершались по реке небольшие прогулки. По окончании в Губернаторском доме работ все поселившиеся в нем члены государе-

вой семьи разместились достаточно удобно; доставленная из Царского Села обстановка дала возможность устроить некоторый комфорт, и жизнь Царской семьи протекала в Тобольске почти в таких же условиях, как и в Царском Селе. Начальник военной охраны, Кобылинский, держал себя вполне корректно и никаких не оправдываемых необходимостью стеснений не делал.

Из придворных особ с Государем проживали здесь: князь В. А. Долгоруков[4], генерал И. Л. Татищев[5], графиня Гендрикова[6], кроме того, тут же находились: лейб-медик профессор Евгений Сергеевич Боткин, учителя иностранных языков – англичанин мистер Гиббс и швейцарец м-сье Жильяр[7], служителей разных наименований было человек 25; штат служителей был сокращен после октябрьского переворота, когда большевики захватили власть в свои руки. На содержание государевой семьи и всех находившихся при семье лиц стали отпускать лишь по 600 руб. в месяц на каждого члена семьи, т. е. 4200 руб.; генерал Татищев, по распоряжению Государя, уволил 12 человек служителей, выдав им необходимые на проезд суммы. Жалование оставшимся служащим было уменьшено; я лично отказался получить и те 150 руб., которые были мне назначены, вместо получаемых ранее 400 руб.; генерал Татищев доложил о моем отказе Государю, и мне было разрешено воздержаться от получения жалования, причем Государь высказал надежду вознаградить меня, если обстоятельства изменятся к лучшему.

Хотя режим, установленный для заключенных в Губернаторском доме особ и сделался несколько более строгим, тем не менее, условия жизни становились /оставались?/ довольно сносными, как в смысле обращения со стороны начальствующих лиц военной охраны, так и в отношении стола, занятий и прогулок, в пределах огороженного близ дома пространства. В 6 часов вечера 12/25 апреля совершенно неожиданно объявлено было категорическое распоряжение Центр. Исп. К-та С. К. и Р. Д. о немедленном переселении в гор. Екатеринбург. От комитета прибыл уполномоченный, именовавшийся Яковлевым (был слух, что это Троцкий); протесты Государя и Государыни, указывавших на болезнь сына, оставлены были без внимания. На сборы дано было всего несколько часов. Решено было оставить больного Наследника Алексея Николаевича на попечение сестер и придворных особ, а в Екатеринбург поехали Государь с Государыней и вел. княжна Мария Николаевна; с ними поехали: кн. Долгоруков, проф. Боткин и служители – я, затем Седнев Иван Дмитриевич (детский лакей) и комнатная женщина Анна Степановна Демидова. До Тюмени переезд был совершен на лошадях, а от Тюмени по железной дороге. Поездка была совершена благополучно и без особых лишений и неудобств. Ввиду того, что мы выехали из Тобольска часа в 3 ночи на 13/26 апреля, я успел уложить и взять с собой лишь самый необходимый багаж. Из вещей Государя я уложил и привез следующие: белья 1 дюжину денных рубах, 1 1/2 дюжины ночных, 1 1/2 дюж. тельных шелковых рубах, 3 дюжины носков, штук 150–200 носовых платков, 1 дюж. простынь, 2 дюж. наволок, 3 мохнатых простыни, 12 полотенец личных и 12 полотенец ярославского холста; из одежды: 4 рубахи защитного цвета, 3 кителя, 1 пальто офицерского сукна, 1 пальто простого солдатского сукна, 1 короткую шубку из романовских овчин, пять шаровар, 1 серую накидку, 6 фуражек, 1 шапку; из обуви: 7 пар сапог шевровых и хромовых.

Багаж был уложен в четырех небольших чемоданах. На форменной одежде Государя погоны были сняты мною по приказанию самого Государя. Столового белья с собою мы не взяли; не взяли также ни столового, ни чайного сервиза. Какие вещи были взяты для Государыни и вел. княжны Марии Николаевны, – я сказать не могу, так как этим я не заведывал. В Екатеринбург мы прибыли 16/29 апреля, где и поместились в приспособленном для государевой семьи доме Ипатьева. Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску; обыск производили некий Б. В. Дидковский[8] и Авдеев – комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим замечание Государя: „До сих пор я имел дело с честными и порядочны-

ми людьми". На это замечание Дидковский резко ответил: „Прошу не забывать, что Вы находитесь под следствием и арестом".

В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый и отношение охраны прямо возмутительное, но Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай; к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на непокрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь человек обедающих подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только 1 раз в день, в течение 15–20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда /я/ обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имеющим отношения к порядкам, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. Ни Государь, ни кто-либо из членов его семьи лично никаких разговоров с комендантом дома или иными „начальствующими" лицами из представителей советской власти не вели, а всякие обращения и заявления делались через меня или через проф. Боткина.

Государь помещался в верхнем этаже дома, и в распоряжение всех нас были предоставлены 6 комнат и еще одна комната, служившая гардеробной, и кухня. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле и третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение. В комнате направо от входа в переднюю помещался комендант – Александр Дмитриевич Авдеев, человек лет 35–40, блондин с маленькими усами и бритой бородой; одет был в рубаху защитного цвета, шаровары, высокие сапоги и носил при себе казацкую шашку; почти постоянно он был пьян или навеселе; не могу сказать, чтобы он лично чем-либо оскорблял или стеснял Государя и членов его семьи, но в то же время и не шел навстречу, в смысле удовлетворения тех или иных нужд домашнего обихода. Авдеев, по-видимому, из простых рабочих. Седнев Ив. Дм. мне говорил, со слов самого Авдеева, что тот четыре раза сидел в Крестах (в Петроградской тюрьме), и хвастался, что он ни перед чем не останавливался и всех убирал с своего пути. В полном подчинении Авдеева была вся караульная команда во главе с начальником караула; начальники караула менялись еженедельно; всех караульных было до 30 человек; помещались дежурные караульные в нижнем этаже дома. Все сношения с внешним миром и все распоряжения хозяйственные производились через коменданта; закупка провизии или нужных в хозяйстве вещей, отправка белья в чистку и т. п.

Упомянутый в моем показании Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые государевой семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц.

Еще в Тобольске я начал прихварывать, а в Екатеринбурге мне стало еще хуже; видя мое недомогание, Государь просил проф. Боткина осмотреть меня и затем приказал мне уехать в отпуск к жене моей, оставшейся в Тобольске, впредь до того, как мои силы восстановятся. В конце апреля (по старому стилю) о желании Государя отпустить меня было сообщено коменданту Авдееву; должен сказать, что на мое место предположено было выписать камердинера из Царского Села, но Авдеев передал ответ, что камердинер будет назначен из тех, которые приедут из

Тобольска вместе с остальными членами государевой семьи. Числа 6–7 мая (по старому стилю), прибывший в дом Дидковский предложил всем заключенным в доме объявить, у кого и сколько имеется при себе денег; у Государя и Государыни денег не оказалось, у вел. княжны Марии Николаевны оказалось денег 16 руб. 33 коп., у проф. Боткина – 280 руб., у Седнева – 600 руб., у Демидовой – 1800–1900 руб., у меня – 6050 руб.; бывшие у вел. княжны и у проф. Боткина оставлены были в их распоряжении, а у остальных, т. е. у меня, Седнева и Демидовой были отобраны, причем Демидовой было оставлено рублей 200–300. В том, что у меня были отобраны деньги, Дидковский выдал мне расписку.

9/22 мая прибыли в Екатеринбург и остальные члены государевой семьи: Алексей Николаевич, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; при мне из числа служителей, вместе с царскими детьми, прибыли в дом старший повар Иван Михайлович Харитонов[9] и помощник повара, мальчик Леонид Ив. Седнев[10], племянник И. Д. Седнева. Остальных прибывших с семьей лиц я не видел, но знаю, что, одновременно с царскими детьми, прибыли: генерал И. Л. Татищев, учителя Гиббс и Жильяр, официант Журовский, лакей Тюрин, писец Кирпичников, второй повар Кокичев, кухонные служители Терехов и Франц[11] (фамилии не помню), няня Теглева[12], Эрсберг[13] – девушка вел. княжен и девушка Государыни – Тутерберг[14], /так!/ Алексей Егорович Трупп[15] – лакей Государыни и Клементий Григорьевич Нагорнов[16] /так!/ и А. Андр. Волков[17] – камердинер Государыни. Какова судьба всех этих лиц, я не знаю, так как, повторяю, в дом Ипатьева они при мне не прибывали. Слышал я, что из них Нагорнов расстрелян. Князь В. А. Долгоруков, прибывший в Екатеринбург вместе с Государем, в дом Ипатьева доставлен не был, а, как мне стало потом известно, прямо с вокзала был отправлен в тюрьму.

11/24 мая из дома Ипатьева меня доставили не на вокзал, а в тюрьму, где я пробыл в заключении до 25 июля, когда чехословацкие и сибирские войска заняли Екатеринбург и красноармейцы, а равно и все большевистские комиссары и советы, бежали. По освобождении из тюрьмы я остался совершенно одиноким; ничего не знаю о судьбе, постигшей моего Государя и его семейство; не знаю также и о судьбе оставшихся ничего /так!/ при Государе лиц. К тому времени, когда я покинул Ипатьевский дом, в нем находились: Государь с Государыней, Наследник Алексей Николаевич и вел. княжны Мария, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; из придворных – один только проф. Боткин, человек лет 58, из служителей – Седнев И. Д., 32 лет, родом из города Углича, служил ранее мастером на Штандарте, Харитонов И. С. /так!/, лет 45, коренной придворный повар, мальчик Леонид Седнев и А. С. Демидова – девушка лет 40, из мещанок г. Череповца, окончившая курс Петроградского Демидовского Училища.

Как я уже показал Вам, Государь и Государыня отличались особенной набожностью; каждому из детей Государыня дарила образки, с которыми дети не расставались. У Государыни, между прочим, была особо почитаемая ею икона Федоровской Божьей Матери, та самая, которая мне была предъявлена при осмотре дома Ипатьева[18], с иконой этой Государыня никогда не расставалась и всегда ее имела у своего изголовья; куда бы Государыня ни отлучалась, хотя бы на короткое время, всегда брала эту икону с собой, и я не допускаю мысли, чтобы Государыня могла куда-нибудь отбыть, добровольно оставив эту икону. На иконе этой был золотой венец, украшенный бриллиантовой короной; бриллианты были дорогие, каждое зерно более одного карата. Государь носил на безымянном пальце правой руки золотое обручальное кольцо, поддерживаемое другим колечком, украшенным сапфиром. Упомянутые в моем показании тетради государевых дневников в Тобольске были сложены в сундучок и отправлены с багажом, но где этот сундучок – не знаю; в Ипатьевском доме Государь также вел дневник. Государыня и великие княжны также имели и вели свои дневники[19]. Все имущество государевой семьи, находившееся в Тобольском доме, было доставлено во двор Ипатьев-

ского дома, куда девалось все это имущество, я не знаю. Более пока показать ничего не имею.

Показание мне прочитано. Записано верно.

Чемадуров.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.

Товарищ прокурора Н. Остроумов.

16

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года, августа 18 дня, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, рассмотрев данные, добытые осмотром комнаты, описанной в протоколе от 14 сего августа[1], нашел:

1. что при наружном осмотре стен и пола не представилось возможным определить с точностью происхождение обнаруженных на стене и полу углублений;
2. что замытые части стены и пола дают основание предполагать о существовании в замытых местах следов крови, причем не исключена возможность нахождения таких следов в толще стены и пола;
3. что для выяснения этих вопросов, имеющих для дела существенное значение, необходимо вырезать части стены и пола –

ПОСТАНОВИЛ

части стены и пола в местах, соответствующих обнаруженным на поверхности стены и пола углублениям, вырезать, составив о сем особый протокол.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.

17

ПРОТОКОЛ

1918 года, августа 18 дня, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, согласно постановления своего от сего числа, в присутствии нижепоименованных понятых, при товарище прокурора Н. И. Остроумове, через оружейного мастера П. И. Комарова произвел вырезку частей пола в комнате, описанной в протоколе от 14 сего августа.

Вырезка произведена таким способом:

Имеющиеся на полу углубления за №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 были обведены каждое параллельными линиями, образовавшими прямоугольники; в каждом таком прямоугольнике, в середине его, заключалось углубление. По углам начерченных шести прямоугольников посредством напарея были просверлены отверстия; по нескольку таких отверстий было просверлено и по сторонам прямоугольников. Смежные углубления за №№ 2 и 3 зачерчены в один прямоугольник. Перемычки между просверленными напареем отверстиями были распилены и, по распилке их, зачерченные части пола отделялись при помощи долота.

По выпилке таким способом пяти очерченных прямоугольников оказалось, что все углубления представляют собой пулевые каналы. В некоторых из них пули застряли в толще дерева: по распилке прямоугольников, заключающих в себе углубления за №№ 1, 2 и 3.

На стенах разрезов обнаружены красноватые пятна, спускающиеся через всю толщу доски в виде потеков; центр их приходится на месте пулевых каналов[2].

Толщина досок, из коих выпилены описанные части пола, различна: от 1 5/16 до 1 15/16 вершка.

Все выпиленные части занумерованы, завернуты в бумагу, уложены и опечатаны должностными печатями[3].

Таким же способом и произведена выпилка частей пола на парадном крыльце между второй и третьей дверями.

Ввиду крайнего утомления мастера Комарова, выпилка частей стены отложена до следующего дня.

Настоящий протокол закончен в 5 1/2 часов дня 18 августа.

Двери комнаты опечатаны сургучными должностными печатями.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.
Понятые.

18

ПРОТОКОЛ

1918 года, августа 20/7 дня, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, согласно постановления своего от 18 сего августа, в присутствии нижепоименованных понятых, при товарище прокурора Екатеринбургского окружного суда Н. И. Остроумове, через дворника Фед. Ив. Обыкина произвел вырезку частей стены в комнате нижнего этажа дома Ипатьева.

Вырезка произведена при помощи пилы, долота, напарея и топора в участках, очерченных вокруг описанных в протоколе от 14 сего августа 16 углублений; прежде чем приступить к вырезке деревянных частей стены, с нее, в соответствующих углублениям участках, была вырезана штукатурка, причем оказалось, что углубления за №№ 1, 2, 4, 5, 9, 10 (всего 6 углублений) проникают только толщу штукатурки и лишь углубление за № 9 проникло несколько в деревянную часть стены, глубины около 1 1/2 сантиметра[4].

Удаляемые участки штукатурки, при соблюдении всех необходимых мер предосторожности, подвергались тщательному осмотру, причем ни в одном из шести осмотренных участков присутствие пуль не обнаружено. Толщина слоя штукатурки равняется 3–4 сантиметрам.

По удалении штукатурки на участках, соответствующих углублениям за №№ 3, 6, 7, 8,11, 12, 14, 15 и 16 (вокруг которых на стене имеются описанные в протоколе от 14 августа следы замывки обоев), а также на участке, соответствующем углублению за № 13 (вокруг которого, равно как и вокруг углублений за №№ 1, 2, 4, 5, 9, 10, следов замывки обоев не имеется), обнаружены пулевые каналы, ведущие в толщу деревянных частей стены, проникающие в нее на глубину от 1 1/2 вершков до 1 3/4 верш. Во всех 10 вырезанных участках деревянной части стены обнаружено присутствие револьверных пуль.

Ни в толще штукатурки, ни в толще деревянных частей следов окрашивания не имеется.

Выпиленные части стены занумерованы и приобщены к делу для дальнейшего и более подробного их исследования.

После сего, таким же способом, были вырезаны два участка из деревянной обшивки южной стены в местах, соответствующих описанным в протоколе от 14 августа углублениям. Сначала был выпилен верхний участок обшивки (где было обнаружено сквозное отверстие). При извлечении выпиленного участка выпала револьверная пуля, найденная в промежутке между обшивкой и стеной. По выпилке второго участка (нижнего) в нем обнаружена револьверная пуля, застрявшая

в верхнем слое обшивки. В обоих случаях пулевые каналы имеют направление почти параллельное поверхности пола. Выпиленные участки обшивки пронумерованы и приложены к делу[5].

По окончании выпилки и осмотра комната вновь опечатана сургучной должностной печатью.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.
Понятые.

19

М. Ю.
Прокурор Екатеринб.
окружного суда.
20 августа 1918 г.
№ 263.

Срочно. Секретно.
Г. члену Екатеринбургского
окружного суда И. А. Сергееву.

При сем препровождаю Вам найденные горным инженером Александром Николаевичем Кузнецовым и унтер-офицером добровольческой армии Александром Андреевичем Шереметьевских[1] /так!/ в шахте близ дер. Коптяков, Екатеринбургского уезда, следующие вещественные доказательства: человеческий палец[2] и два куска человеческой кожи, золотая серьга с жемчугом и бриллиантом[3], вставная верхняя челюсть[4], осколки от бомб[5], поддержка для мужского галстука, птичьи кости, осколки от стеклянного флакона, железка от сапога и пуговицы и железная лопата[6].

По моему распоряжению палец и два куска кожи врачом А. И. Белоградским залиты спиртом и опечатаны моей печатью.

И. д. прокурора Кутузов.
Секретарь Богословский.

20

Секретно.

Господину начальнику Екатеринбургского уголовного розыска[1]

Субинспектора Уголовного розыска
летучего отряда М. Талашманова.

РАПОРТ

Доношу Вам, что сего числа мною получены агентурные сведения о бывшей Царской семье следующие:

Числа около 15 июля с. г. в одно из воскресений в лесу была компания гулявших, которая состояла из нижепоименованных лиц: 1) военный комиссар Голощекин, 2) его помощник Анучин, 3) жилищный комиссар Жилинский, 4) Уфимцев, 5) Броницкий, 6) Сафаров[2], 7) Желтов и 8) фамилию установить не представилось возможным. Все были с девицами. Будучи в веселом настроении, горячо обсуждали вопрос, как поступить с бывш. Государем Императором и его семьею. Причем Голощекин и Анучин, Жилинский и Сафаров категорически заявляли, что

нужно все семейство расстрелять. Другие же, как то Уфимцев, Броницкий, Желтов и фамилию которого установить не удалось, шли против и высказывались, что Царя убивать не надо и его не за что, а нужно расстрелять Царицу, так как во всем этом деле виновата она. Причем, не докончив этот разговор, разошлись по лесу гулять.

Далее мною получены сведения, что комиссар Анучин нелегальным путем недели 1 1/2 тому назад был в Екатеринбурге на несколько часов и раздавал деньги своим сотрудникам, которых известил через свою сожительницу, а затем уехал, по этим же сведениям, в г. Златоуст.

О вышеизложенном доношу на Ваше распоряжение.

Субинспектор летучего отряда М. Талашманов.

1918 года
августа 22 дня.

21

Секретно.

Господину начальнику Екатеринбургского уголовного розыска

Субинспектора Уголовного розыска
летучего отряда М. Талашманова.

РАПОРТ

В дополнение к рапорту моему от 22 сего августа мною сего числа получены агентурные сведения следующие:

Жена красноармейца Ивана Гущина, который в настоящее время скрывается, а таковая проживает по Крестовоздвиженской улице в д. № 30, стоя с неизвестным молодым человеком, спорили между собою. Молодой человек говорил: „что я утвердительно знаю, что бывш. Царь расстрелян и увезен к Шартажу", но Гущина ему возражала и говорила: „что вы не спорьте, я лучше вашего знаю, мне говорил мой муж, что бывшего Царя в ночь на 17 июля шофер на автомобиле увез живым на вокзал и что его отправили в Пермь и оттуда его намерены были передать в руки Германии", а также упомянула, что с Государем поступили так же, как и с бывшим великим князем Михаилом, про которого писали, что украли, а его, как она выразилась, „наши увезли в гор. Саратов"[3]. Причем эта же Гущина говорила своему собеседнику, что она удачно, в запеченном хлебе, пронесла своему мужу (как можно предполагать, что он скрывается за полотном железной дороги по направлению к Шартажу) пять револьверов и, в то же время, ругала какую-то свою знакомую, которая, по словам ее и по ее научению, неудачно прошла через полотно, где ее задержали, т. е. ее подругу с револьвером.

О вышеизложенном доношу на Ваше распоряжение.

Субинспектор летучего отряда М. Талашманов.

1918 года
23 августа.

22

ПРОТОКОЛ

1918 года августа 24 дня. Екатеринбургская тюрьма № 1. Член Следственной комиссии допрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Николай Арсеньевич Сокович, 36 лет, православный, жил на Госпитальной ул., в доме № 6, кв. 2[4].

До революции я был старшим врачом в 5-ой артиллерийской бригаде. В июне месяце 1917 года я был переведен старшим ординатором в г. Екатеринбург в 195 Эвакуационный госпиталь. Я ни к какой партии не принадлежал и не принадлежу, но был записан как сочувствующий в партию социалистов-революционеров. Записался я в середине декабря 1917 года. В то время разделений партий не было; я, по крайней мере, не видел и не знал этого разделения. В январе месяце 1918 года я, по предложению партии, пошел на Съезд крестьянских депутатов с целью познакомиться с разницей программы правых и левых социалистов-революционеров, так как на этом съезде должна была разбираться программа партии социалистов-революционеров. На этом собрании выделилась фракция социал-революционеров и сочувствовавших им. Большевики предложили этой фракции 4 места в комиссариатах, а именно земледелия, юстиции, транспорта и здравоохранения. Мне предложили место заведующим отделом здравоохранения (областного)[5]. Я знал, что 195 госпиталь будет закрыт в близком будущем и я останусь без места, кроме того, мне было ясно, если я не займу этой должности, то она будет занята кем-либо из рабочих, и здравоохранение будет в неопытных руках не специалиста. Поэтому-то я решил занять эту должность...

/.../[6]

Перед приходом чехословацких войск ко мне пришел уездный комиссар здравоохранения и предложил мне озаботиться эвакуацией перевязочных материалов. Я заявил, что я этого делать не буду и что материалы должны быть оставлены здесь. При этом разговоре присутствовали врачи Васильев и Удинцев, которые в последнее время были на службе в областном отделе здравоохранения, как представители профессионального союза врачей. Об эвакуации аптекарских материалов мне ничего не известно, и лишь я видел бумагу, подписанную Белобородовым[7], о том, что все медицинские товары и перевязочные материалы должны быть эвакуированы. Бумагу эту принес уездный комиссар здравоохранения Горохов.

В начале июля 1918 года комендант гор. Екатеринбурга отправил на рытье окопов лиц состоятельных классов. Комендант Некрасов посылал ко мне этих лиц для дачи заключения, годны или нет присылаемые к физическому труду. В один из дней, когда я дал освобождение трем лицам подряд, по телефону, в тот же день, мне сказал Некрасов, что если я буду так широко освобождать, то сам буду послан в окопы. Поэтому мне приходилось очень осторожно давать освобождения.

Областного совета депутатов и исполнительного комитета я не знаю[8]. Не знаю также, из кого состоял городской совет депутатов и городской исполнительный комитет, так как не имел никакого отношения к этим учреждениям. Я только знаю некоторых областных комиссаров, с которыми встречался на некоторых заседаниях совета областных комиссаров, на которые меня приглашали. Председателем был Белобородов, имени и отчества его не знаю, членами президиума были Сафаров и неизвестные мне комиссары, а может быть, больше никого не было. Из комиссаров я знаю: сообщения – Войкова[9], производства – Кузьмина, труда – Андреева, военного – Голощекина, Анучина и Уфимцева, юстиции – Полякова, земледелия – Котымского /правильно – Хотимский/, транспорта – Меньшикова, финансов – Сыромолотова[10] и областного управления – Тупстула[11]. Имени и отчества их не знаю, так как их называли по фамилии с прибавлением слова „товарищ", о деятельности их мне ничего не известно, так как с ними, кроме общих

собраний, не соприкасался и лично знаком не был. Об их деятельности, о расстрелах и т. п. я знаю лишь из газет и обывательских разговоров. От меня и вообще от партии социалистов-революционеров все держалось в большом секрете. Я случайно был приглашен на совещание совета комиссаров перед перевозом Царской фамилии в гор. Екатеринбург из Тобольска. Совещание происходило в Волжско-Камском Банке, в маленькой комнатке, исправляю, что совещание было на Коробковской улице, в белом двухэтажном доме на левой стороне, если идти от центра города, кажется, в первом квартале. Это было в марте или апреле. Так как дело не касалось здравоохранения, я не принимал участия в разговорах и читал газету. Я лишь слышал, как говорили о необходимости перевода и о том, подвергнуть ли поезд крушению или охранять его от провокаторского крушения, что-то было в этом роде. Когда стали голосовать, я отклонился от голосования и объяснил, что это к здравоохранению не относится. В этом собрании были все указанные выше комиссары, а может быть, кого-нибудь не было. Я помню хорошо, что были Голощекин, Белобородов, Сафаров и Тундул, Войков. Всего было человек 7 или 8.

Больше показать ничего не могу; протокол мне прочитан.

После прочтения добавляю, что у меня был произведен обыск и были взяты предъявленные мне теперь оправдательные документы; при приходе чехословаков меня арестовал 25 июля 1918 года какой-то отряд по предписанию Зотова[12]. Тогда я передал Зотову 8000 руб. и получил расписку 8000 руб. – это оставшиеся от аванса деньги. Передал я чековую книжку и расчетную книжку. Потом в тот же день Зотов меня освободил. Предъявляемые мне документы об аресте и освобождении и относятся к этому аресту. Спустя день, 26 июля 1918 года, у меня сделали обыск, отобрали оправдательные документы, австрийский револьвер без пуль, не годный к бою, календари, а затем арестовали.

Прочитано.

Подлинное за надлежащим подписом с подлинным верно.
Товарищ прокурора (подпись неразборчива).

23

Господину товарищу прокурора Екатеринбургского окружного суда Остроумову Н. И.

Секретаря 21 участ. Продовольственного комитета Трущева Павла Алексеевича.

ЗАЯВЛЕНИЕ

По распоряжению военных властей мною как продовольств. старостой и секретарем 21 участ. Продовольствен. комитета был произведен осмотр и опись имущества Областного совета Р. и С. Д., причем при осмотре мною в бумагах Совдепа были обнаружены прилагаемые при сем документы:

черновик объявления о расстреле бывшего Императора Николая II, написанный карандашом;

шесть телеграмм за подписью председателя Совета Белобородова и одна телеграмма за подписью Юровских[1].

Об изложенном и уведомляю Вас как председателя участка Комитета и в то же время как товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда.

Секретарь 21 участ. Продовольственного комитета П. Трущев.

г. Екатеринбург
25 августа 1918 года.
/Адрес/

24

ПРОТОКОЛ

1918 года сентября 5 дня. Член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев в камере своей, в присутствии нижепоименованных понятых, производил осмотр документов, присланных при предложении прокурора Екатеринб. окружного суда от 31 августа с/г. По осмотру оказалось:

1) Отпечатанный на пишущей машинке синей краской отпуск телеграммы следующего содержания:

„Москва Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина[2]*. Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра опасения напрасны*[3] *точка Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другим точка Белобородов"*[4].

В конце текста черными чернилами написана цифра 4558, а внизу, теми же чернилами, написано: „4/VII телеграмму принял", а после этого следует сделанная серым карандашом надпись: „комиссар Т... (подпись неразборчива)". Отпуск напечатан на 1/4 листа низшего сорта писчей бумаги.

2) Отпечатанный так же и на такой же бумаге отпуск телеграммы след. содержания:

„Три адреса. Пермь Военком Лукоянову[5] *Уполномоченному Обласовета Матвееву*[6] *Королевские Сыромолотову. Если можно заменить безусловно надежными людьми команду охраны поезда всю смените пошлите обратно Екатеринбург точка Матвеев остается комендантом поезда точка замене сговоритесь Трифоновым Белобородов. 8 июля 1918 г. № 4640"* (цифра написана черными чернилами)[7].

Под текстом сделанная черными чернилами надпись: „телеграмму принял", а за ней сделанная синим карандашом подпись: „комиссар А... (подпись неразборчива)". Ниже подписи комиссара – оттиск штемпеля: „Екатеринбург. Телеграф 8-7-18". Штемпель круглой формы, слова расположены по окружности и дата в середине.

3) Листок белой бумаги в виде узкого прямоугольника (6.1/2 х 4.1/8 вершка) с печатным, черного цвета, штемпелем: „Российская Федеративная Республика Советов. Уральский Областной Совет рабочих, крестьянских и армейских депутатов. Президиум". По левому продольному краю отпечатано: „адрес г. Екатеринбург Обласовет". В правом верхнем углу проведена пунктирная линия, заканчивающаяся печатной цифрой 1918. Ниже этой линии, в расстоянии около 1/2 вершка, начинается, написанный серым карандашом, беглым почерком, текст следующего содержания:

„В виду приближения контрреволюционных банд к Красной столице Урала – Екатеринбургу и в виду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного Суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи) Президиум Ур. Обл. Сов. Раб. Кр. и Кр. Арм. Депутатов Урала, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение. Семья Романова, содержавшаяся вместе с ним под стражей, эвакуирована из города Екатеринбурга в интересах общественного спокойствия. Президиум областного совета Раб. Кр. и КрасноАрм. Депутатов Урала".

В тексте сделаны следующие поправки: слова „Екатеринбургу" и „возможности" вписаны между строк и подчеркнуты красными чернилами: перед скобкой раскрыт... и т. д. написано черными чернилами: „скобка", а после второй скобки – „точка". Слова „Ур. Обл. Сов. Раб. Кр. и Кр. Арм. Деп. Урала" зачеркнуты и сверху написано черными чернилами одно слово „обласовета". Цифры „с 16 на 17" написаны так: в каждой цифре карандашом написана только единица „1", а цифры „6" и „7" написаны на оставленных местах красными чернилами; в цифре 17 и единица обведена красными чернилами. Предлог „с" зачеркнут, а над цифрами 16 и 17 надписано черными чернилами „шестнадцатого", „семнадцатого"[8]. Слова „под стражей", „из города" зачеркнуты. Слова „Областного Совета и т. д. ..." после слова „Президиум" зачеркнуты и заменены словом „Обласовета". В подписи „Президиум Областного Совета..." в слове „Областного" красными чернилами написаны три первых буквы „обл", остальные же буквы дописаны черными чернилами.

4) Обычного образца телеграфный бланк, на котором в соответственных местах значится: *„Ектб. Обласовет Председателю Из Бисерта. Подана 20/VII 20 час. 40 мин. № 13633. военная. Мною забыт в доме особого назначения бумажник деньгами на столе около двух тысяч прошу первым попутным переслат Трифонову для меня. Юровских"*[9].

5) Четыре отпуска телеграмм, отпечатанные на машинке, внешний вид их сходен с видом документов, описанных в пункте 1 и 2 настоящего протокола. Одна из таких телеграмм адресована в Пермь „Чрезвычайной комиссии" и содержит в себе запрос по поводу побега „Михаила"[10]. Даты составления телеграммы и отправления ее не имеется.

В связи с этим два других отпуска телеграмм говорят: один – об установлении, после побега Михаила Романова, для великих князей, переведенных на жительство в Алапаевск, тюремного режима; другой содержит в себе поручение на имя Алапаевского совдепа объявить Сергею Романову, что заключение является предупредительной мерой против побега, ввиду исчезновения Михаила из Перми.

Первая из двух этих телеграмм значится за № 4265, вторая – за № 4249. Датированы обе 22 июня 1918 г.[11].

Четвертый отпуск дословно такого содержания:

„Сборная. Москва два адреса. Совнарком Председателю ЦИК Свердлову. Петроград два адреса. Зиновьеву Урицкому[12]*. Алапаевский исполком сообщил нападении сегодня утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович Константин Константинович Иван Константинович Сергей Михайлович и Палей. Несмотря сопротивление стражи князья были похищены. Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся. 4853. Предобласовета Белобородов".* Даты не обозначено, но в правом верхнем углу имеется круглой формы оттиск телеграфного штемпеля: „Екатеринбург 18.6.18 телеграф."[13].

Под текстом отпуска сделана, по-видимому, химическим карандашом, какая-то пометка, написанная неразборчиво. Можно предположить, что пометка эта представляет собой подпись фамилии лица, принявшего телеграмму.

Три остальных отпуска снабжены расписками лиц, принявших телеграмму.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.

При осмотре присутствовали понятые.

25

ПРОТОКОЛ

1918 года, сентября 4 дня, инспектор 1 отдела Екатеринбургского уголовного розыска Смоленский, вследствие личного поручения г. начальника Уголовного розыска, по делу о краже вещей, принадлежавших б. Царской фамилии, расспрашивал нижепоименованных лиц, а именно:

1) Петр Илларионович Лылов, 42 лет, гражданин Казанской губернии, Чистопольского уезда, Ерыклинской волости, села Титвиль, содержащийся при Верх-Исетской волостной тюрьме, объяснил, что он проживал в Верх-Исетском заводе, по Проезжей ул. в д. № 18 с гражданской своей женой Федосьей Илларионовной Балмышевой, и при большевиках служил в Волжско-Камском Банке при Уральском областном совете сторожем. С ним вместе там служил Назар Харитонович Новоселов. В начале апреля или в мае, точно не помнит, с вокзала было привезено на 12 подводах разного имущества, принадлежавшего б. тобольскому губернатору, что он, Лылов, узнал от сопровождавшего вещи, называвшего себя полковником, фамилии не помнит, кажется, Коряковым, который все время был в д. Паклевского в военном комиссариате, и один чемодан в числе того имущества попал с имуществом бывшего Царя. Вскоре после того из дома Ипатьева было привезено туда же, в нижнее помещение Волжско-Камского Банка, несколько больших и маленьких чемоданов с разными царскими вещами и перепиской, и все это было заперто в золотосплавочной комнате, кроме того, много вещей было в комиссарских столах. В то время когда большевики убегали, то из чемоданов было все опорожнено и таковые были заполнены деньгами. Сделали это председатель Совета Белобородов, товарищ его еврей Сафаров и члены – двое братьев Толмачевых[1], и секретарь – прапорщик Мутных[2]. Эти же лица увезли много тогда ценного и из тех вещей. Те лица, уезжая, предложили ему взять себе из брошенных там вещей. Он и Новоселов действительно взяли белья[3] и женского платья, и он отдал своей гражданской жене Балмышевой. Более ничего не объяснил.

Петр Лылов.

2) Назар Харитонов Новоселов, 38 лет, гражданин Уфимской губернии, Бирского уезда, Кутеримской волости, дер. Акищевой, содержащийся при Верх-Исетской волостной тюрьме, объяснил, что он проживал в гор. Екатеринбурге по Коробковской ул. в д. № 13 вместе со своей женой Соломеей Архиповой. Отобранные у него вещи были взяты им при бегстве Совета, вместе со сторожем Лыловым, где и он, Новоселов, служил сторожем. Более же он ничего сказать не может.

Назар Новоселов.
Инспектор Смоленский.

3) Федосья Илларионовна Балмышева, 29 лет, гражданка Пермской губ. и уезда, Больше-Буртымской волости, дер. Балмышевой, содержащаяся при Верх-Исетской земской больнице, объяснила, что она и Лылов служили при Совете в Волжско-Камском Банке. Лылов – сторожем, а она – чайницей. Вечером Лылов и Новоселов, во время бегства большевиков, затворили внизу окна и там в два узла собрали разные разбросанные вещи. Один из узлов с бельем и платьем Лылов отдал ей, и она прибрала к себе, и когда переезжала в Верх-Исетский завод, то перевезла и вещи те. Белье было с коронами, и поэтому она думает, что вещи те – Царской фамилии. При обыске прапорщиком Ермохиным те вещи были все отобраны. Одно платье и пальто ею было продано за 180 руб., но она указала кому, и таковые были Ермохиным отобраны. Более ничего сказать не может. Отозвалась неграмотной.

Инспектор Смоленский.

26

Управление
Уголовного розыска
г. Екатеринбург
13 октября 1918 г.
№ 2039.

Секретно. Арестантское.
Члену Екатеринбургского окружного суда г. Сергееву.

В дополнение к представленной при отношении от 5 сентября сего года № 2039 копии, при сем представляю произведенное по сие число дознание по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II и его семьи, и доношу, что содержащийся по этому делу в Екатеринбургской тюрьме Михаил Иванов Летемин[1] и 3 части городской милиции – Мария Даниловна Медведева[2], дальнейшим содержанием перечислены с сего числа за Вами.

И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.

27

ПРОТОКОЛ

1918 г. августа 7 дня. Начальник управления Екатеринбургского уголовного розыска Кирста[3], в присутствии товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда Белозерского и нижеподписавшихся понятых, на основании 258 ст. уст. угол. суд., произвел обыск в с. Уктусь, по Вознесенской улице, в доме Дорощенки у Анны Михайловны Тимофеевой по делу убийства бывшего Государя Императора Николая II и по обыску было обнаружено:

Старые брюки гвардейского стрелкового полка с несколькими заплатами и надписью, видно на левом кармане: „4 августа 1900 года возобн. 8 октября 1916 года", принадлежащие, по удостоверению камердинера б. Государя, Терентия Ивановича Чемодурова, бывшему Государю Императору Николаю II. Больше относящегося к делу не найдено.

Постановил этот протокол.

Начальник Уголовного розыска Кирста.
Товарищ прокурора Белозерский.
Присутствований /так!/ Т. Чемодуров.
Понятые.

28

ПРОТОКОЛ

1918 г., августа 7 дня, начальник управления Уголовного розыска Кирста расспрашивал учительницу церк. прих. школы с. Уктусь, гражданку из крест. Нижегородской губ., Пицкой волости, Анну Михайловну Тимофееву, жит. в с. Уктусь, в д. Дорощенко, которая объяснила:

Шаровары военного образца, найденные в моей квартире, принесены красноармейцем Леонидом Васильевым Лабушевым, карточка которого имеется у моей сестры Таисии Симоновой, живущей вместе со мной. Найденные Вами брюки Лабушев принес 20 августа и просил вещи оставить у меня. Лабушев – товарищ моего мужа, Ивана Алексеевича Тимофеева, красноармейца[4].

А. Тимофеева.
Начальник Уголовного розыска Кирста.

29

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1918 года, августа 6 дня. Начальник Екатеринбургского управления Уголовного розыска Кирста, в присутствии товарища прокурора г. Белозерского, моего помощника Плешкова и нижепоименованных понятых, на основании 258 ст. уст. уг. суд., производил обыск в квартире красноармейца гр. Сысертского завода и волости Михаила Ивановича Летемина на предмет отыскания имущества, принадлежащего бывшему Императору Николаю II во время заключения его в гор. Екатеринбурге по Вознесенскому проспекту в доме Ипатьева, причем оказалось следующее:

Летемин проживает по Васенцевской улице, в доме № 71, занимает отдельный флигель из одной комнаты и кухни. В момент прихода, в 7 часов вечера, Летемин оказался дома, а также оказалась дома и его жена. На мое предложение Летемину выдать добровольно похищенные у бывшего Императора Николая II вещи, он заявил, что действительно у него есть вещи и часть их выдал, после чего было приступлено к тщательному обыску, причем в комнате и в кухне в различных местах, в сундуке, в ящике швейной машины, в чулане, найдены вещи, поименованные при сем списке за № 1–85[5], и собака, принадлежащая бывшему Императору Николаю II[6], причем на некоторых из них оказались метки, как самого бывшего Императора, а также и бывшей Императрицы Александры Федоровны.

По предъявлении всех поименованных в списке вещей камердинеру бывшего Императора, последний таковые признал за собственные бывшего Императора.

О вышеизложенном постановил: записать в настоящий протокол, который утвердить подписями присутствующих.

Начальник управления Уголовного розыска Кирста.
Помощник начальника Плешков.
Товарищ прокурора Белозерский.
Понятые.

30

ПРОТОКОЛ

1918 года августа 7 дня. Начальник управления Уголовного розыска Кирста, по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II, расспрашивал красноармейца охраны особого назначения, гражданина из крестьян Сысертского завода, Екатеринбургского уезда, Михаила Иванова Летемина, 36 лет, проживающего в последнее время по Васенцевской улице № 71, объяснившего:

Охрана Дома особого назначения, где находился в заключении б. Государь Император Николай II, состояла из 56 человек: 30 рабочих из Сысертского завода, 16 рабочих Злоказовского завода в г. Екатеринбурге и 10 латышей[1], мне неизвестно откуда прибывших в г. Екатеринбург. По фамилии я некоторых охранников знаю. Из Сысертского завода: два брата Стрекотиных, живущих в Сысерте на Красной улице, Старкова Ивана, Сафонова (Файка) Вениамина, живущих в Сысерте, где-то по Ново-Провиантской ул., Николая Попова, где-то живущего по Новой улице в Сысерте, эти пять ныне живут в Сысерте. Подкорытов Николай, Толабов Иван, Котегов Иван, Семенов Василий, Садчиков Николай, Щукин. Из Злоказовской фабрики я знал охранника Путилова. Латышей же по фамилии никого не знал.

Кроме охраны, там были в последнее время: комендант Юровский, помощник его – фамилии не знаю, рабочий Сысертского завода Павел Медведев, шофер из рабочих фабрики Злоказова – фамилии его не знаю: среднего роста, лицо корявое (в оспе), темнорусый, бороду брил, усы маленькие, он на фотографической карточке сидит на коленях с правой стороны, я его хорошо знаю (была показана группа рабочих фабрики Злоказова, снятая на фотографической карточке).

В Доме особого назначения караул охранников стоял так: пост № 1 внутри дома Ипатьевского, на площадке за парадной дверью, этот пост обслуживали за последнее время латыши. Пост № 2 – внутри здания, на площадке с черного хода, пост № 3 – во дворе у ворот, пост № 4 – у калитки со двора, так что был виден парадный подъезд, пост № 5 – с улицы будка от поста № 4, пост № 6 – возле иконы по Вознесенскому проспекту, пост № 7 – во дворе, за второй перегородкой по переулку, пост № 8 – в саду, пост № 9 – в заднем дворе. Кроме этих постов, были два поста пулеметных: № 1 на балконе с переулка, № 2 внизу, в помещении у окна, выходящего в сад.

Меня и рабочих сысертских нанимал комиссар Первой уральской боевой дружины Мрачковский[2], жил он в Верх-Вознесенской улице между Клубной и Главной, по левой стороне большой белый дом, двухэтажный. Нам платили 400 руб. в месяц, сутки охраны разделялись на 4 смены.

Последние дни своего дежурства я помню. 16 июля я дежурил в Доме особого назначения на посту № 3 с 4 дня до 8 вечера и, сменившись в 8 вечера, хорошо помню, что бывший Государь и его семья находились в Ипатьевском доме и были живы. 17 же июля в 8 часов утра я занял в карауле Ипатьевского дома пост № 4 и, зайдя в дом Попова, где жила команда охранников, я в комнате для разводящего увидел мальчика,[3] который всегда прислуживал б. Государю, и, удивившись, спросил у одного из дежуривших охранников: „Что это значит, зачем мальчик здесь?", но вместо ответа охранник, фамилии его не помню, махнул рукой. Тогда я спросил второго, и он мне рассказал, что 16 июля в 12 часов ночи, внизу, в помещении Дома особого назначения, в комнате, в которой была дверь опечатанной комнаты, застрелен б. Государь с женой, детьми, доктором, лакеем, поваром и фрейлинами, причем последней была убита младшая дочь Государя, об этом мне сказал, стоявший в эту ночь на посту, Стрекотин. Бывший Государь был убит первый, в него выстрелил Юровский после того, как что-то прочитал, причем бывшая Государыня и старшая дочь перекрестились. После убийства б. Государя начали стрелять латыши и сысертский рабочий, разводящий Павел Медведев. Когда была убита вся Царская семья и /ее/ прислуга, из дома Попова позвали охранников замыть следы крови. Трупы вынесли на грузовой автомобиль и следы засыпали песком. Тот же Стрекотин и другие охранники говорили, что выстрелов было много, что кровь в комнате смывали и ее было много. Говорил мне еще австриец Адольф, ставивший коменданту самовары, что 16 июля ночью, когда он спал, к нему пришел Юровский и, разбудив его, сказал: „Если ты услышишь выстрелы, не пугайся", после этого /он/ слыхал, как сверху сходили в нижний этаж много лиц и затем выстрелы, но их было не много. Не доверяя всему этому, я спросил шофера грузовика, который мне подтвердил, что трупы он вывозил в лес, и там было застряли в трясине. Шофер этот был один злоказовский рабочий, личность которого я ранее узнал на предъявленной мне фотографической карточке[4]. Мальчик, которого я видел у Медведева, был из Царского Села и отправлен, как я слышал, обратно.

17, 18, 19, 20 и 21 убирали помещение Ипатьевского дома и вывозили вещи из кладовых на вокзал. 22 июля сняли караул, причем с 17 по 22 июля дежурило нас 6 человек, 5 – сысертских и шестой – я. Все мы остались в Екатеринбурге, но после – 4 ушло в Сысерт. Я остался в Екатеринбурге, а Медведев пошел на вокзал, где присоединился к товарищам охранникам, уходящим на фронт.

Михаил Иванов Летемин.
Начальник Уголовного розыска Кирста.

31

По обследовании агентурным путем стало известно, что в Доме особого назначения из Злоказовской фабрики дежурили: 3 брата Логиновых – Василий, Иван и Владимир, Мошкин Александр, Соловьев Александр, Корякин Николай, Тимофеев Иван, Гоншкевич Василий, Крашенинников Иван, Сидоров Алексей, Перминов Николай, Украинцев Константин, Комендантов Алексей. Шоферы из Злоказовской фабрики были: Люханов (тот самый, что, по словам Летемина, увозил трупы б. Царской семьи) и его помощник Лобашев Леонид.

Начальник управления Уголовного розыска Кирста.

32

Гражданка – крестьянка Сысертской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, Мария Данилова Медведева объяснила:

Мой муж, Павел Спиридонович Медведев, по профессии сапожник, и в последнее время до поступления в красную армию работал в заводе. Весной этого года он, с другими рабочими Сысертского завода, был нанят охранять дом, где в гор. Екатеринбурге был заключен б. Государь Император, и с этой целью выехал в г. Екатеринбург. Я же осталась в Сысерте, но часто навещала мужа и жила у него в их общей казарме по несколько дней сряду. Приезжая в Екатеринбург, я видела, что дом охраняется густой цепью красноармейцев, но моего мужа я на посту не видала, потому что он был разводящим караула.

19 июля с. г. я приехала в гор. Екатеринбург навестить своего мужа. Подъехав к дому, где был заключен б. Государь Император, удивилась, что дом тот стоял почти совершенно без охраны, почему, заехав к мужу в казарму и встретившись с ним, спросила его, что означает такое малое количество постов с теми, что было прежде /так!/, и мой муж Павел Медведев рассказал мне:

Теперь излишне охранять дом потому, что Царя там нет, он и вся его семья убиты. Произошло это так: в 2 часа ночи 17 июля разбудили всю семью Государя и его самого, а также и всю его прислугу и его приближенных. Они встали, умылись, оделись и их всех свели сверху вниз в комнаты, где они стали полукругом. Всех их было 12. Против них выстроилось тоже 12 каких-то не здешних людей – не заводских, а приезжих. Государю и его семье прочли бумагу, в которой говорилось, что революция погибает, поэтому должны и они погибнуть, после чего прислуга Государя стала охать и кричать, но все стоявшие начали расстреливать приведенных сверху, и вскоре б. Государь Император, б. Государыня Императрица, Наследник и все великие княжны, прислуга и приближенные, в количестве 12 человек, были мертвы. В тот же 17 июля день все трупы были вывезены в лес и сброшены в ямы в шурфы. Но места не указал, как равно не указал, на чем вывозили трупы.

Мария Данилова Медведева, неграмотная,
и за нее, по ее просьбе, расписались председатель Сысертского комитета народной власти Петр Дмитриев Фокин, вр. и. д. сысертского коменданта Алексей Орлов.

33

Гражданка из сысертских крестьян Пермской губ., Екатеринбургского уезда Евдокия Ивановна Старкова, проживающая в Сысертском заводе, объяснила:

Мой сын Иван Андреев Старков был красноармейцем, охранявшим, в числе других, в г. Екатеринбурге дом бывшего Государя Императора. Накануне взятия г. Екатеринбурга мой сын Иван пришел домой, где рассказывал, что в ночь, когда исчезла семья Государя Императора (он сам и его приближенные), им комендантом дома, где был заключен б. Государь Император, приказано было на дежурство не приходить. Ночью поздно он видел в окно, как из Дома особого назначения, где был до того Государь и вся его семья, выехали два автомобиля очень больших и куда-то уехали. На утро той ночи в доме, который они окарауливали, уже из б. Царской семьи и /ее/ приближенных никого не было, причем в дом, где содержался Государь, им никому ходить было не велено.

Евдокия Старкова, а за нее, неграмотную, /расписались те же/.

34

Гражданка из дворян Зинаида Андреевна Микулова, она же Микуловская, живущая временно в лечебнице Онуфриева по Златоустовской улице, а постоянно по Почтовому пер. № 5, объяснила:

Под давлением насилий, выразившихся в арестах и слежках члена Чрезвычайной комиссии Константина Васильевича Коневцева, я сошлась с ним и была с ним в интимных отношениях. Он мне был противен, и я отдавалась ему физически, почему и, не интересуясь их большевистскими делами, не расспрашивала его об их секретах. Помню, что за день, за два до объявления об убийстве б. Государя Императора Коневцев днем, часа в 4, зашел ко мне на квартиру и сообщил, что большевики б. Государя убили. Мне показалось, что, говоря это, у Коневцева были на глазах слезы, и он как-то отвертывался от меня. Он же на мои вопросы сообщил мне, что его зарыли „там же, верно, во дворе", что в него было выпущено 52 пули. О семье же Государя Коневцев тогда же сообщил мне, что она увезена в Невьянск. О Наследнике сказали, что он умер. Было это 17, т. е. разговор мой с Коневцевым, числа 17 по новому стилю. На второй день после нашего разговора Коневцев уехал, как он говорил, в Пермь за золотом.

З. Микул.

35

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1918 года, августа 9 дня. Я, начальник Екатеринбургского уголовного розыска, с нижеподписавшимися понятыми и суб-инспекторами Талашмановым и Леонтьевым сего числа, на основании 258 ст. уст. уг. суд., производил обыск в заводе Сысертском Екатеринбургского уезда в квартирах:

1) Вениамина Яковлева Сафонова, 2) Павла Медведева, 3) Андрея /Федорова/ Стрекотина, 4) Андрея Андреева Стрекотина, 5) Николая Попова и 6) Ивана

Андреева Старкова[1], причем из всех вышеупомянутых лиц дома оказался один – Андрей Федоров Стрекотин, записанный под № 3, остальных же дома не оказалось, а при обысках в квартирах у родственников последних были обнаружены нижеследующие вещи:

У Сафонова ничего предосудительного найдено не было. У Павла Медведева было обнаружено: кожаный саквояж, три пары суконных серых перчаток, одни пуховые носки, полотенце, кусок бинта, портмоне, компас, 2 серебряных кольца, золотой медальон, тоже металлическая запонка, кусок подцепка[2]. У Андрея Федорова Стрекотина: пасхальное яйцо. У Андрея Андреева Стрекотина: пасхальное яйцо, золотое кольцо без /в/ставки. У Николая Попова: бинокль. У Ивана Андреева Старкова: деревянный полированный ящик, три вилки, 2 пасхальных свечи, термометр, 1/2 флакона духов „Ландыш", 1 рашпиль-напильник, 4 белых батистовых платка носовых, 1 чулок, 5 шт. рамок для фотографических карточек, металлический брелок и брелок серебряный – свисток.

О вышеизложенном постановил: записать в настоящий протокол, отобранные вещи предъявить камердинеру бывшей Царской семьи.

Начальник Екатеринбургского уголовного розыска Кирста.
Понятые. Суб-инспекторы.

36

ПРОТОКОЛ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ

1918 года августа 10 дня. Начальник управления Уголовного розыска, на основании 258 ст. уст. уг. суд., предъявил при нижеподписавшихся понятых вещи, отобранные в Сысертском заводе у Вениамина Сафонова, Павла Медведева, Андрея Федорова Стрекотина, Андрея Андреева Стрекотина, Николая Попова, Ивана Андреева Старкова, вещи эти поименованы в протоколе обыска от 9 августа 1918 года, между которыми камердинер бывшего Государя Императора, Терентий Иванович Чемодуров признал:

отобранные у Павла Медведева кожаный чемодан с вырезанной надписью, бинт, запонки золотые, одна круглая, одна продолговатая с этикетками от сигар и выгравированной надписью: „27 июля 1914 г." и красной кожи кошелек, принадлежащими доктору всей Царской семьи Евгению Сергеевичу Боткину и находившимися в Доме особого назначения в г. Екатеринбурге. А три мелхиоровых вилки – 2 десертные, одна столовая, с выскобленными гербами, принадлежат гофмаршальской части и находившиеся /так!/ там, где были и вещи доктора Боткина. Два кольца с синей эмалью и надписями: „св. преп. мать Ксения моли Бога о нас", „Богородица спаси нас", отобранные от Павла Медведева, принадлежат великим княжнам. Пять рамок – три синих, одна лиловая и одна пестрая с цветным снимком яхты Штандарт, отобранные от Ивана Андреева Старкова, принадлежат бывшему Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу. Градусник комнатный, две красных с золотыми ободками свечи, овальный подпилок, кисточка с черной ручкой и флакон духов, наполовину неполный, отобранные от Ивана Старкова, принадлежат бывшему Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу и, наконец, четыре батистовых белых носовых с вырезанными метками и рисунками на каймах платка, отобранные от того же Ивана Старкова, принадлежат великим княжнам. Деревянный же полированный ящик от инструментов принадлежит Наследнику.

Постановил: вещи, отобранные от упомянутых в этом протоколе лиц, приложить к дознанию, не опознанные вернуть под расписку владельцам.

Начальник Уголовного розыска Кирста.

Вещи мне предъявлены и я их опознаю как за принадлежащие б. семье Государя и его доктору.

Т. Чемодуров. Понятые.

37

Военный чиновник Петр Алексеевич Леонов[3], жительствующий по Златоустовской № 40, объяснил:

17 июля 1918 года были потребованы комиссаром снабжения фронта Горбуновым[4] 5 грузовых автомобилей, причем на одном из таковых, по тому же требованию, были помещены на платформе среднего грузовика 2 бочки бензина. Автомобили эти возвратились обратно так: 18 около 7 часов утра пришли два средних грузовика, на одном из них были 2 пустые бочки от бензина[5], 2 маленьких грузовика возвратились около 9 ч. утра того же 18 июля. Что же касается 5-ой платформы большого автомобиля, то с ним произошла такая вещь: автомобиль этот, по требованию Горбунова, подъехал к Американской гостинице, где стояла Чрезвычайная следственная комиссия, шофера этого грузовика сняли, заменили его своим из Американской гостиницы, а шоферу советского гаража приказали идти домой. Где побывал этот грузовик в ночь с 16 на 17-ое, неизвестно, но 19 июля около 6 утра грузовик был возвращен обратно тем шофером, что заменил возле Американской гостиницы советского шофера, грузовик этот был весь в крови и грязи[6], но заметно было, что его мыли; пол платформы грузовика был в трех местах пробит[7]. Фамилия и личность шофера, ездившего на этом грузовике, мне неизвестна. Фамилия же того шофера, которого сменили у Американской гостиницы, – Никифоров, он из Петрограда и с большевиками уехал в Пермь.

Леонов.

38

Гражданин из крестьян Курляндской губернии, Гробинского у., Гавезинской волости Виктор Янов Буйвид, жительствующий по Вознесенской улице № 47, объяснил[8]:

Ночь с 16 на 17 июля 1918 г. я хорошо восстанавливаю в своей памяти потому, что вообще в эту ночь я не спал и помню, что около 12 часов ночи я вышел во двор и подошел к навесу, меня тошнило, я там остановился. Через некоторое время я услыхал глухие рваные залпы, их было около 15, а затем отдельные выстрелы, их было 3 или 4, но эти выстрелы были не из винтовок произведены; было это после 2 час. ночи. Выстрелы были из Ипатьевского дома и по звуку глухие, как бы произведенные в подвале. После этого я быстро ушел к себе в комнату, ибо боялся, чтобы меня не заметили сверху охранники дома, где был заключен Государь Император. Войдя в комнату, мой сосед по ней спросил меня: „Слышал?". Я ответил: „Слышал выстрелы". „Понял?" „Понял", – сказал я, и мы замолчали. Минут через 20 я слыхал, как отворились ворота загородки Ипатьевского дома и тихо – мало шумя – ушел на улицу автомобиль, свернув на Вознесенский проспект, но в каком направлении ушел – не знаю. Кроме меня, в комнате той был серб Любомир Станкович, выехал он в Челябинск, и сын хозяйки – Николай Негоряев. Затем мне говорили хозяева мои, что после этой ночи появился в квартире охранников-красноармейцев мальчик из дома Ипатьева, сидел на окне и часто плакал. После ночи с 16 на 17-ое я хорошо запомнил ночь с 23 на 24-е, когда в Ипатьевском доме был освещен сад, было много криков, шума и ругани, много ездили автомобили, и я подумал, что красноармейцы выезжают из дома Ипатьева. В квартире красноармейцев-охранников в ночь с 16 на 17 было совершенно тихо в мо-

мент, когда я и мой сосед в комнате слышали выстрелы, но часа 1 1/2 спустя после выстрелов я слыхал, как возвращались жильцы сверху (красноармейцы: их было, судя по топоту ног и разговору, 6–7 человек). До ночи с 16 на 17 я, живя у Негодяевых /так!/ в д. Попова с февраля 1918 года, не слыхал выстрелов, там было тихо, кроме случая, когда была нечаянно выброшена красноармейцами в сад с балкона воспламенившаяся ручная бомба.

Виктор Буйвид.

39

Гражданин Феликс Михайлович Якубцев, крестьянин Виленской губернии, Святцанского уезда, Каменомской волости, объяснил:

Некоторое время, от апреля до июля, я состоял в конвойной команде красной армии, дежурил у дома бывшего Государя, а затем наша команда была расформирована и мы ушли. В конце июля этого года, после того как было объявлено об убийстве б. Государя, я встретился с охранником-красноармейцем, дежурившим у дома, где был заключен Государь Император – Колотовым Иваном[9], из Самарской губернии, который рассказал мне, что б. Государь и вся его семья убиты и зарыты в саду в том же самом доме, причем охранники и красная армия стрелять отказались и пришлось комиссарам тащить жребий, кому убивать Царскую семью. Где теперь Колотов, я не знаю.

Феликс Якубцев.

40

Камердинер бывшего Государя Императора Терентий Иванович Чемодуров, которому, на основании 258 ст. уст. уг. суд., были показаны вещи, найденные в помойной яме дома Ипатьева, где заключен был б. Государь Император, между которыми он признал:

Черная муаровая с серой муаровой подкладкой сумка принадлежит девице Анне Степановне Демидовой, все время находившейся в роде /роли/ комнатной женщины при семье Государя Императора; эта сумочка висела около кровати на стуле и с ней Демидова никогда не расставалась и хранила в ней те вещи, которые ей всегда были необходимы. Белая кофточка с узенькими прошивками, белый к ней воротничок, а также узенькая розовая ленточка принадлежит также той же Анне Степановне Демидовой. Черный форменный галстук с перерезанной Владимирской ленточкой принадлежит доктору Евгению Сергеевичу Боткину: этот галстук доктор Боткин всегда носил и даже засыпал в кровати, не снимая его. На Владимирской ленточке всегда у доктора висел орден Владимира 3 степени. Георгиевская ленточка снята с шинели Государя Императора, с этой шинелью Государь никогда не расставался и всегда в ней ходил. И два образка с уничтоженными изображениями принадлежат семье Государя и находились в общей спальне дома Ипатьева[10].

Т. Чемодуров.

41

СПРАВКА: Начальнику Уголовного розыска в город Самару послано отношение от 17 августа 1918 года за № 1847. Посылка эта вызвана агентурными сведениями, по которым можно было предполагать, что семья б. Государя Императора могла быть отправлена пробравшимися по подложным документам германц/ами/ в руки Германии.

Начальник Уголовного роз. Кирста.

42

ПРОТОКОЛ

1918 года, августа 18 дня, начальник управления Уголовного розыска Кирста расспрашивал камердинера Государя Императора Терентия Ивановича Чемодурова, который объяснил:

Из тех вещей, что мы нашли в помойных ямах Ипатьевского дома, где заключен был б. Государь Император, особенно обращают на себя внимание вещи, с которыми б. Государыня Императрица Александра Феодоровна никогда не расставалась, особенно если уезжала куда-либо в дорогу:

под № 8 кусок небольшой черной кожи от ридикюля[11];

под № 9 рамка для фотографической карточки (здесь был портрет брата Императрицы)[12];

под № 10 брелок с фотографической неясной карточкой (здесь был фотографический портрет родителей Императрицы).

Особенно важна найденная в спальне Императрицы иконка Феодоровской Божьей Матери. Без этой иконы Императрица никогда никуда не выезжала. Лишить Императрицу этой иконы было равносильно лишению ее жизни. Икона эта была украшена золотым венцом с короной и с крупным бриллиантом[13].

Т. Чемодуров.

43

Крестьянки Вятской губ.: 1) Нолинского уезда, Зыковской вол., дер. Зырина, Мария Григорьевна Стародумова, жительствующая по Кузнечной ул. № 105 и 2) Яранского у., Ильинской вол., дер. Починск Городок, Васса Осиповна Дрогина, жительствующая по Главному проспекту № 75, объяснили:

От профессионального строительного союза 15 июля н. ст., в понедельник, мы были посланы в Ипатьевский дом, где заключен был Государь Император и его семья, мыть полы[1]. Полы мы мыли наверху дома Ипатьева и внизу. Государь и его семья: Государыня, 4 великих княжны, Наследник, доктор, старик князь, камердинер, лакей в очках, мальчик и женщина молодая были наверху, и семья играла в карты. Здесь Юровский сидел на стуле против Наследника и разговаривал с ним, причем Юровский был вежлив, но нам Юровский не позволял разговаривать с Царской семьей, которая была весела, княжны смеялись и грусти заметно не

было[2]. Моя полы, мы заметили, что караул состоял из каких-то не русских людей, все они были молодые, причем когда мы спустились мыть полы вниз, то заметили, что этот караул жил внизу, так как там стояли их кровати, причем внизу мы всех комнат не мыли, так как там были другие женщины.

Помыв полы, мы ушли домой, но денег не получили, почему в субботу 19 июля пошли к караульному начальнику Медведеву и, подойдя к дому Попова, где жил караул, застали там нескольких красноармейцев, которые собирались уезжать и укладывали вещи. В это время на тройке крестьянских лошадей подъехал пьяный караульный начальник Медведев и спросил укладывающихся красноармейцев, что они делают, и узнав, что они торопятся как можно скорее выехать на фронт, спросил /так!/, указывая на Ипатьевский дом, сказал: „Пойдемте, я пойду к Юровскому". Но красноармейцы ответили, что дом закупорен и там никого нет, тогда Медведев спросил: „А они?". „Они, сказали красноармейцы, уехали все на Пермь". Засим мы обратились к Медведеву с просьбой уплатить нам деньги, но Медведев ответил, что деньги нам уплатят, когда вернутся обратно. Караул, который в этот день дежурил у Государя, были, судя по разговору, немцы или австрийцы, одеты были в форменную одежду, но чисто, красиво.

Мария Стародумова, неграмотная,
а за нее, по ее просьбе, как равно
и за себя, Дрягина. /так!/

44

Доктор, бывший при власти советов комиссаром здравоохранения, Николай Арсеньевич Сакович, находящийся ныне в Екатеринбургской тюрьме, объяснил:

Помню я, что перед тем как перевезти б. Государя Императора из Тобольска в Екатеринбург, меня повесткой пригласили в здание Волжско-Камского Банка на совещание комиссаров Уральской области по вопросу о переезде Николая II в Екатеринбург. Явившись на собрание, я протестовал против своего присутствия здесь, но это не помогло, и я остался и был очевидцем отвратительных сцен: например, был возбужден вопрос, кем не упомню, о том, чтобы устроить при переезде бывшего Царя крушение[3]. Вопрос этот даже баллотировался, и было решено перевезти из Тобольска б. Государя в Екатеринбург. Помню, я случайно узнал, что по вопросу о перевозке б. Царя в Екатеринбург была какая-то переписка с центром большевистской власти и от центра было ясно сказано, что за целость б. Государя Екатеринбургские комиссары отвечают головой. Судьба б. Государя мне не известна, ибо больше я никем по вопросу о б. Государе никуда не приглашался и не был осведомлен.

Лично я не верю в расстрел быв. Государя, но, сталкиваясь с Голощекиным и Юровским, я могу допустить, что, не считаясь ни с чем, они, циники до мозга костей, могли совершить любую гнусность. По отношению к бывшему Царю и его семье у большевиков-руководителей было заметно какое-то беспокойство, характер которого я не берусь определить: было ли это беспокойство за жизнь Царя или его безопасность, как узника. Еще я полагаю, что расстрел б. Царя – ложь потому, что на объявлениях об убийстве б. Государя была подпись Свердлова, а ее не могло быть потому, что сношений с Москвой до 16–17 июля уже задолго не было[4].

Николай Сакович.

45

СПРАВКА: 22 августа 1918 года, прибывший из командировки в тыл большевикам секретный работник Уголовного розыска мне, начальнику, доложил:

1) Пробрался он в тыл в середину большевиков и в деревне Еловке, в 40 верстах от Ирбита, в стороне между ст. Егоршино и Ирбитом, от караульного села Еловки Артемия Макарова узнал, что перед уходом большевиков из Екатеринбурга, ночью, он видел, как проезжали 3 крытых автомобиля и две тройки, что Макаров проследил их до конной почтовой станции и узнал, что лошадей не меняли и что в автомобилях увезли б. Государя и его семью по направлению Верхотурья.

2) В Ирбите Липатников – барахольщик – говорил, что ему известно, что б. Государь и его семья увезены в Верхотурье.

3) В Ирбитском заводе красноармеец Дмитрий Капустин говорил, что ему известно, что перед приходом чехословаков собирались б. Государя и его семью увезти, и что он дежурил как-то на вокзале и видел, как формировался поезд для б. Государя и его семьи до ст. Баженево.

Верно: начальник Уголовного розыска Кирста.

46

Гражданин из екатеринбургских мещан Петр Федоров Цецегов, жительствующий по Васенцевской № 55, объяснил:

Я, ночной сторож на Вознесенском проспекте, помню, что в ночь с 16 на 17 июля в 3 часа ночи я услыхал стук автомобиля, за перегородкой дома Ипатьева, где заключен был б. Государь Император, затем слыхал шум того же автомобиля, направляющегося к Главному проспекту. Видеть автомобиль мне не пришлось, так как я боялся подойти к Ипатьевскому дому, это нам запрещалось, а стоял на углу Харитоновского дома. Ход у автомобиля был легкий, без вспышек и грохота. Я справлялся у других сторожей, видели ли они проходивший автомобиль, но безуспешно. Забор дома Ипатьева света от окон не пропускал[5].

П. Цецегов.

Начальник Уголовного розыска Кирста.

47–58

ПРОТОКОЛ

1918 года сентября 5 дня. Начальник Екатеринбургского уголовного розыска Плешков производил дальнейшее дознание по делу об убийстве бывшего государя Императора Николая II, для чего спрашивал нижепоименованных лиц, и они мне объяснили:

47

Спрошенный в присутствии товарища прокурора г. Остроумова гражданин Логиновской волости, Екатеринбургского уезда, села Малый Брусян, Афанасий Кириллов Елькин, под судом не был, грамотный, проживаю в гор. Екатеринбурге, по Луговой улице, в доме № 64, объяснил:

11 января 1918 года меня за контрреволюцию арестовали и посадили в местную Екатеринбургскую тюрьму. 10(23) февраля революционный трибунал меня осудил к 6 месяцам тюремного заключения за агитацию против советской власти. В тюрьме первое время я возил из леса дрова в тюрьму, а в марте месяце меня перечислили конюхом, где я пробыл до конца моего ареста. В июне меня и второго конюха Данилова, тоже содержащегося в тюрьме, начальник стал посылать в город на лошадях, запряженных в экипажи, для разъездов с комиссарами. Мне очень часто приходилось возить по городу комиссаров тюрьмы Межевского Михаила и Морозова. Несколько раз приходилось ездить с комиссарами Поляковым[1], Зайд и Юровским. Ранее я их не знал, а когда стал ездить с ними, то узнал многих. С ними я ездил по разным советским учреждениям. Дней за 10 до бегства из Екатеринбурга большевиков конюх Данилов сообщил мне, что Юровский назначен комиссаром в дом Ипатьева, где содержался бывший Государь с семьей, и переехал туда жить. Дом Ипатьева назывался так: „Дом особого назначения". Дорогой комиссары никогда ничего со мной не разговаривали.

В июле месяце, когда Юровский жил в доме Ипатьева, я два раза подавал лошадь для Юровского к дому Ипатьева. Подъезжая к дому, я говорил часовому красноармейцу о том, что из тюрьмы подана лошадь для Юровского, а часовой через дырочку в заборе сообщал дальше. Я хорошо помню, что во вторник последней недели перед бегством большевиков я ездил с Юровским по городу (должно быть, 17 июля)[2], он заходил в Американскую гостиницу и в свою квартиру на 1 Береговую ул. № 6. В этот же день, кажется, с ним больше не ездил. Помню, что днем Юровский, вернувшись в дом Ипатьева, отпустил меня домой.

Через сутки после этого, в четверг[3], я опять подал лошадь для Юровского к дому Ипатьева и опять так же через часового дал о себе знать. Изменения в карауле я никакого не заметил. Около 11 часов дня я Юровского повез в Волжско-Камский Банк, где он был минут 15–20, и вышел оттуда с каким-то человеком высокого роста, лет 35, по-видимому, с комиссаром, и вместе с ними я поехал, но у гостиницы Атаманова распряглась лошадь и я остановился перепрячь. Комиссар из банка куда-то пошел. Юровский сказал ему: „Оставайтесь здесь и работайте, как следует". Потом Юровский заехал в свою квартиру на 1 Береговую улицу, где пробыл около часа и вернулся в дом Ипатьева. Тут он мне сказал, что я ему буду нужен, и велел красноармейцу увести меня с лошадью в тот дом, где была охрана дома Ипатьева, кажется, дом Попова. Там я видел красноармейцев, более тридцати человек. С ними я не разговаривал, но видел их почти всех, они все были русские, у некоторых были жены. Из разговоров я понял, что они были из Сысертского завода. Часов в 11 вечера красноармеец послал меня съездить в Американскую гостиницу и привезти кого-то, имя и фамилию коего я забыл. Из Американской со мной поехало двое молодых, лет по 20, один из них похож на еврея. Они зашли в дом Ипатьева. В половине двенадцатого часов ночи мне приказали подать лошадь к воротам дома Ипатьева, около старой избы. Красноармеец, кажется, старший по команде, и двое молодых, коих я привез из Американской, вынесли из дома Ипатьева ко мне в экипаж семь мест багажу, из коих было два кожаных саквояжа, на одном я видел сургучную печать. Одно место было с постелью[4], затем место с провизией. Вскоре вышел Юровский и, сидя в экипаже у меня, приказал молодым людям привести все в порядок, охраны оставить 12 человек, а остальных отправить на вокзал: это распоряжение касалось дома Ипатьева. Юровского с багажом я повез в дом главного начальника, где также были готовы к отъезду другие комиссары, среди коих был Петр Лазаревич, который со сторожем у главного начальника простился за руку. Оттуда некоторые комиссары поехали на ст. Екатеринбург II, а я с Юровским, по его приказанию, поехал на Вознесенский переулок, в дом рядом с лабораторией, где он пробыл недолго, потом заехал еще в Американскую гостиницу, а оттуда поехал также на Екатеринбург II[5], где он ушел в вокзал. Красноармейцы вынесли багаж Юровского и меня отпустили домой. Я понял, что все комиссары из города бегут, о чем, вернувшись в тюрьму, сообщил начальнику тюрьмы.

Я перед отъездом из дома Ипатьева Юровского обратил внимание на дом, в коем все было тихо, и предположил, что Царской семьи там уже нет, но спросить об этом никого не смел. Незадолго до отъезда, кажется, во вторник, конюх Данилов вернулся поздно вечером. Я спросил его, где он так долго был. Он ответил, что „от Николая возил ящики", но какой /так!/ и куда он не сказал, и я его не спросил. Этот конюх, Александр Данилов, ездил с комиссарами часто. Он, кажется, из Н. Уфалейского завода. В эту же ночь, когда я возил Юровского на вокзал, в тюрьму вернулись конюхи Демидов и Писцев. Я спросил их, куда они ездили и что возили. Они сказали, что возили пулеметы из Ипатьевского дома на вокзал. Через сутки после этого, в субботу, меня и других начальник тюрьмы освободил, но по чьему распоряжению, я не знаю. Что сделали с бывшим Царем и его семьей, я ни от кого не слышал. Помню один раз, незадолго до отъезда Юровского, я стоял со своей лошадью у дома Попова, где жила охрана бывшего Царя. Трое красноармейцев между собой говорили, и я услышал такую фразу: „Мы Николку убьем за то, что он нас четыре года мучил".

Показание мне прочитано. Афанасий Елькин.
И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

48

10-го сентября

Гражданка Камышловского у., Кунорской волости, деревни Белейки, Лидия Федоровна Лоскутова, 19 лет, православная, проживаю в г. Екатеринбурге, по Успенской ул. в д. № 5, объяснила:

У меня есть двоюродный брат Афанасий Иванович Руденков. Откуда он происходил, я не знаю, так как он со своими родными жил не здесь, а в каком-то другом городе, и с ним я встречалась в детстве: мне было лет 12, а ему – лет 14. Ныне летом, кажется в мае, здесь в Екатеринбурге он со мной встретился. Я его не могла сначала узнать, а он узнал меня вперед. Потом, когда мы с ним разговорились, то уже узнали друг друга, что мы с ним двоюродные брат и сестра. Он рассказал мне, что служит где-то шофером. Его большевики мобилизовали, и он служит в Екатеринбурге шофером на бронированном автомобиле, числится же в отряде матросов, хотя одет был не в матросскую форму, а в синий костюм и коричневую фуражку. Я в эту неожиданную встречу пригласила его к себе в гости. Пробыл он у меня недолго. После первой встречи он приезжал к моей квартире на бронированном автомобиле предупредить, чтобы мы береглись, а то нас могут арестовать за то, что к нам ходили реалисты и кадеты. Я хорошо помню, за два дня до объявления в Екатеринбурге о расстреле большевиками бывшего Государя Николая II[6], я встретилась в кинематографе Рекорд часа в 4 дня со своим двоюродным братом Афанасием Руденковым, он пошел на вокзал Екатеринбург I, я пошла проводить его. Дорогой, идя против дома Ипатьева, мы увидели вышедший из ворот этого дома бронированный автомобиль. Я спросила своего брата, почему он не на автомобиле. Он ответил мне, что в его отсутствие другой шофер уехал и вывозит у Императора вещи, а потом увезут и самого Императора. Я опять спросила его: „Неужели его (т. е. Императора) расстреляют?", а он на это мне ответил, что его увезут в Верхотурье и заключат в монастырь. Я спросила еще брата о том, что сделают с ним, если заберут город чехи. Брат ответил: „Тогда его, наверно, отправят в Германию, так как большевики за него взяли у немецкого короля много денег и король взял его себе на поруки". О семье б. Государя брат ничего не говорил, и я его не спрашивала. Около Харитоновского дома мы с братом прости-

лись, и он ушел на вокзал. Бронированный автомобиль из дома Ипатьева уехал на вокзал.

В тот же день, часов в 7 вечера, я ходила на Глуховскую набережную улицу к знакомому прапорщику Попову, проходила мимо Ятесовского моста. Мимо меня по мосту прошел опять бронированный автомобиль, на котором ранее ездил брат. Я предполагала, что и в этот раз ехал брат и, увидев меня, остановится, но он не остановился. Я спросила проходящего матроса, почему автомобиль не остановился, он ответил: „Вероятно, некогда". На второй день я спросила у какого-то матроса про своего брата Руденкова. Матрос ответил мне, что он уехал на позицию. Через сутки или два дня, не помню, в Екатеринбурге большевики объявили, что они Государя расстреляли[7].

Все это я показываю правду, большевичкой я не была и им не сочувствовала. Теперь я живу у своей двоюродной сестры Елизаветы Васильевны Скворцовой.

Лидия Лоскутова.

И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.

При допросе присутствовал товарищ прокурора Н. Остроумов.

49

13 сентября

Гражданин из Костромы Федор Иванович Иванов, 40 лет, православный, под судом не был, проживаю по Васенцовской ул. в доме № 29, объяснил:

Я имею парикмахерскую на новом вокзале станции Екатеринбург I. Я хорошо помню, за день или два до объявления в Екатеринбурге большевиками о том, что бывший Царь Николай II ими расстрелян[8], у меня в парикмахерской был комиссар станции Екатеринбург Гуляев и стал говорить, что у них много было работы. На мой вопрос: „Какой работы?", он ответил: „Сегодня отправляем Николая", но куда – не сказал, а я спросить его считал неудобным, так как в парикмахерской была публика. В тот же день вечером Гуляев опять заходил в мою парикмахерскую. Я его спросил, как и куда отправили Николая, так как на этот вокзал его не провозили. Гуляев ответил мне, что его увезли на Екатеринбург II, но подробностей не рассказывал.

На следующий день утром ко мне заходил комиссар 4 штаба резерва красной армии Кучеров, которого я спросил, правда ли, что Николая II увезли на станцию Екатеринбург II. Кучеров ответил мне: „Правда", а на мой вопрос, куда его отправили, он сказал: „Тебе какое дело?". В этот же день я, встретившись на вокзале с Гуляевым, спросил его о судьбе Николая. Он ответил мне, что уже „халымуз". Я переспросил его, что это значит. Он сказал мне: „Готов!". По его ответу я понял, что Николай убит, но где – ничего не сказал, а спросить его я боялся. На второй день после этого разговора было выпущено объявление, что Николай расстрелян здесь в Екатеринбурге. После этого объявления я, встретив Гуляева и Кучерова у буфета на вокзале обоих вместе, спросил их, почему объявление о Николае выпущено так, а они говорили иначе. Они сказали: „Мало что пишут!".

Кажется, в тот же день я спросил матроса Григория, отчества и фамилии не знаю, который часто спал в уборной на вокзале: „Правда, что Николая расстреляли здесь?". Он ответил мне: „Едва ли". А на мой вопрос: „Правда ли, что его увезли?", он ответил, что его увезли из города живым, но куда не сказал.

Вообще между всеми ими о судьбе Николая II была большая тайна, и все они в эти дни были сильно взволнованы. О семье бывшего Государя из них никто

ничего не говорил, и я боялся спросить их. Гуляев, Кучеров и матрос уехали в разное время с большевиками до взятия города чехословаками.

Федор Иванов.
И. д. начальника управления Уголовного розыска Плешков.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

50

Монахиня Ново-Тихвинского женского монастыря Агапия Григорьевна Елисеева, 45 лет, проживаю в монастыре, объявила:

Я жила в одной комнате с монахинями Агриппиной и Иустинией. К последней приходил иногда, попроведать ее, ее племянник Василий Чертополохов. В последнее время при большевиках Чертополохов служил в красной армии и ходил в солдатской форме, но какую он нес службу, я не знаю, сам он не говорил. В тот самый день, когда Екатеринбург заняли чехословаки[9], около 4 часов дня, Чертополохов был у своей тетушки монахини Иустинии. Проходя по монастырю в кухню, я слышала от каких-то монахинь, не помню, разговор о том, что заключенный в Екатеринбурге Государь жив, хотя большевики перед этим писали, что они его расстреляли. Я, придя в свою комнату, сказала монахине Агриппине, что Государь жив. Она ответила: „Слава Богу". На это Василий Чертополохов сказал, что „нет, не жив, старикам так не укокошить, как молодые укокошили!". Монахиня Агриппина обиделась на Чертополохова за такое выражение и назвала его молокососом и пригрозила ему, что за это на него только доказать следует /так!/, а он ответил: „Ну и доказывайте!".

Послушница Агапия Елисеева.

51

/.../

Монахиня того же монастыря Иустиния, в мире Мария Николаевна Чертополохова, 60 лет, объяснила:

Я родиной из Сысертского завода, в монастыре живу около 47 лет. У меня есть племянник, сын брата Василий Андреев Чертополохов. В последнее время племянник служил здесь в Сысертской лавке кассиром. В июне месяце сего года его большевики мобилизовали и взяли в красную армию. Какую он нес службу в красной армии, я не знаю, хотя он называл, в какую роту его зачислили, кажется, маршевую. После занятия города чехословаками, не знаю, в какой день, племянник был у меня. Я стала говорить, что такое тяжелое время, и Государя расстреляли. Он на это сказал: „Все возможно, что и расстреляли". Монахиня Агриппина назвала за это племянника молокососом. Племянник Василий стал говорить, что все непорядки в России произошли из-за того, что в 1916 году Государственная Дума просила у Государя конституцию, а он не дал. Племянника Василия около 15 августа арестовали, и он содержится в Коммерческом собрании.

Монахиня Иустиния.
И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.
/.../ Товарищ прокурора Н. Остроумов.

52

23 сентября

Гражданин Сысертской волости и завода Василий Андреевич Чертополохов, 20 лет, содержащийся в Екатеринбургской тюрьме, для допроса доставлен в управление Уголовного розыска, объяснил:

Я арестован по распоряжению чешской контрразведки 24 августа сего года, но за что не знаю. В Екатеринбурге я живу с апреля 1915 года, первое время служил секретарем управляющего Сысертских заводов, а последнее время – кассиром в лавке этих же заводов. 4 июня сего года, при большевистском управлении, я был мобилизован в красную армию, служил в 7 роте 4 Екатеринбургского полка, но службы почти никакой не нес. Еще до взятия меня в красную армию я знал, что в карауле при Доме особого назначения, где содержался бывший Царь Николай II, находились почти все сысертские красноармейцы, из коих я знаю: 1) Котова Михаила Павлова, 2) Шевелева, 3) Сафанова Файку, 4) Дроздова, 5) Садчикова, 6) Стрекотина, по прозвищу Сорока и 7) Котегова Ивана. Всех их было до пятидесяти человек, фамилий остальных я не помню, а некоторых не знаю. С этими красноармейцами я хотя и встречался, но не разговаривал. Знаком ближе я был с Котовым Михаилом и разговаривал о частной жизни, но о бывшем Царе с ним, а равно и с другими, ничего не говорил.

До поступления моего в армию я здесь встречался с членом Сысертского совета Иваном Степановым Садчиковым, брат коего был в охране бывшего Царя, который, в разговоре со мной о семье бывшего Царя, говорил мне, что вся семья Царя заражена разными венерическими болезнями. Затем он сказал, что красноармейцам, охранявшим семью Царя, дана инструкция, что если будет угрожать опасность городу взятием его чехословаками, или же попытки со стороны черносотенцев освободить Царя, то всю семью убить. Более Садчиков ничего не говорил. Куда большевики девали Царя, я не знаю, но из объявления я узнал, что его расстреляли. Подробностей расстрела я ни от кого не слышал.

После объявления о расстреле бывшего Царя я был в женском монастыре у своей тетки монахини Иустинии. Она меня спрашивала, правда ли, что бывший Царь убит. Я на это ответил ей, что вполне возможно, что убит, так как от тех людей, которые его охраняли, лучшего ожидать нельзя. Находящиеся тут же в келье монахини Агапия и Агриппина стали говорить, что это неправда, он жив, и, обращаясь ко мне, Агриппина назвала меня большевиком и стала говорить, что одни большевики хотели, чтобы его убили. Я высказался, что он сам виноват во всем: если бы он дал конституцию в конце 1916 года, то этого бы, наверно, ничего не было.

Из бывших в охране б. Царя красноармейцев – Сафонов, Стрекотин и Котегов люди отчаянные, в заводе слыли за хулиганов. Более по этому делу я ничего не знаю.

В. Чертополохов.

И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.

Товарищ прокурора Н. Остроумов.

53

24 сентября

Гражданин Верхне-Уфалейского завода, Екатеринбургского уезда, Александр Васильевич Самойлов, 42 лет, православный, не судился, проживаю на лесопильном заводе Халамейзера, объяснил[10]:

Я служу кондуктором Омской железной дороги. В июне и июле сего года, я квартировал по 2-ой Восточной ул., в доме № 85, во флигеле, вместе с красноармейцем Александром Семеновичем Варакушевым, у коего была сожительница Наталия Николаевна Котова. Варакушев служил в отряде по охране бывшего Государя Николая II. Когда-то летом, еще при большевиках, я, не помню от кого, узнал, что будто бы умер Наследник Алексей Николаевич, и спросил об этом Варакушева. Он ответил, что это неправда, так как на днях видел его, и он бросал в собаку гальки. Варакушев говорил еще про Алексея, что он был болен и совсем не ходил, но потом стал выходить в сад.

После объявления большевиками о том, что они расстреляли бывшего Государя, я, прочитав об этом в газете, спросил Варакушева, правда ли это. Он мне ответил, что сука Голощекин распространяет эти слухи, но в действительности бывший Государь жив. При этом Варакушев рассказал мне, что Николая и его жену заковали в кандалы и в автомобиле Красного Креста увезли на вокзал Екатеринбург I, где посадили их в вагон, а затем отправят в Пермь. Про семью бывшего Государя Варакушев сказал, что она пока еще осталась в доме Ипатьева, но куда ее девают, ничего не говорил. Этот разговор у меня с Варакушевым был в тот самый день, когда большевики объявили о расстреле Николая. Во время этого разговора Варакушев предложил мне, если я желаю, посмотреть Николая на вокзале, но в этот день я на вокзал не пошел, а за день или два до сдачи города я был на вокзале Екатеринбург I за получением денег, и там я встретил Варакушева[11]. Он мне показал на стоявший на пятом или шестом пути состав из нескольких вагонов 1 и 2 класса, впереди коих был прицеплен паровоз на парах. А за этим составом на следующем пути стоял один классный вагон, окна в котором были или закрашены черной краской, или завешены черной занавеской. В этом самом вагоне, по словам Варакушева, находился бывший Государь с женой. Вагон этот был окружен сильно вооруженными красноармейцами. Варакушев говорил мне, что вагон с бывшим Царем должен идти по горнозаводской линии[12]. Куда отправили этот вагон и когда, я не знаю, и Варакушева более не видел. Во время наступления чехословаков нас несколько бригад отправили сначала на ст. Богданович, а потом на Егоршино, где я, встретив комиссара Мрачковского, спросил его, куда уехал Варакушев и вообще все бывшие в охране Николая. Он ответил, что они уехали в Пермь. С Егоршино я вместе с другими бригадами окружным путем попал в Алапаевский завод, где со своими сослуживцами-большевиками /у меня/ был разговор про бывшего Государя. Большевики утверждали, что он убит, а я утверждал, что он жив и ссылался на Варакушева. За это на меня донесли Мрачковскому. Он вызвал меня к себе и приказал об этом ничего не говорить, иначе буду строго наказан. Из Алапаевска я попал в Верх-Нейвинск, откуда, во время наступления чехословаков, я от большевиков 24 августа бежал и выбрался оттуда при помощи чехословаков. Сожительница Варакушева арестована, не знаю за что, и содержится в милиции 3 части.

Александр Самойлов.

И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.

/.../ Товарищ прокурора Н. Остроумов.

28 сентября

Гражданка Нижне-Исетской волости, села Уктуса, Анна Петрова Белозерова, 19 лет, православная, грамотная, не судилась, проживаю в с. Уктусе, объяснила:

Я работала на заводе Злоказовых, когда делали на нем снаряды, при самих хозяевах. 9-го января сего года большевики завод от Злоказовых отобрали и работу снарядов прекратили. В марте большевики вместо снарядов на заводе стали вырабатывать дрожжи. Я тоже поступила на завод по выработке дрожжей. Все мужчины на заводе, за исключением, кажется, всего лишь двоих – Кнапского и Киприянова, – были большевики и все состояли в красной армии. Причем я знаю, что рабочие-красноармейцы с этого завода, кажется 17 человек, были в охране бывшего Государя Николая II. Из них были следующие лица: 1) Авдеев Александр, 2) Мошкин Александр, 3) Соловьев Александр, 4) Гоншкевич Василий, 5) Люханов, 6) Корякин Николай, 7) Тимофеев Иван, 8) матрос Мишкевич Николай, 9) его брат Станислав, 10) Крашенинников Иван, 11) Сидоров Алексей, 12) Украинцев Константин, 13) Комендантов Алексей, 14) Лабушев Леонид, 15) Логинов Василий Петров и его два брата 16) Иван и 17) Владимир. Из них Люханов и Лабушев были шоферами и ездили все время на большевистских автомобилях.

Я была в сожительстве с Василием Логиновым, сошлась с ним до большевиков еще, и имела от него ребенка – мальчика. Дежурили они в охране б. Царя так: двое суток дежурит, а двое дома. Я спрашивала своего сожителя Логинова про б. Царя и его семью. Логинов говорил мне, что б. Царь ходит по комнатам свободно, иногда выходил к караулу, разговаривал с ним, курил. Б. Государыня почти никогда не выходила из комнаты, ее видели очень редко. Дочери их, княжны, выходили ежедневно на два часа гулять в сад, иногда с караульными красноармейцами даже играли в карты, а иногда учили их играть на какой-то музыке. Были случаи, что б. княжны стряпали сами лепешки, но они у них не выходили, тогда они просили красноармейцев показать им, как стряпают лепешки. Б. Наследник был больной и не ходил, его выносили в сад на тележке. По словам Логинова, сам Государь и его дочери красноармейцев называли товарищами. Я несколько раз спрашивала Логинова, не обижают ли красноармейцы б. Царя и его семью, на это он мне всегда отвечал, что их никто не обижает, а про Алексея Логинов еще говорил, что он, обращаясь к охранникам, просил их так: „Товарищи, вылечите меня, я не буду вредным, а буду такой же, как и вы все".

Я иногда спрашивала Логинова, что они сделают с б. Царем и его семьей. На это он мне сказал, что я не должна его об этом спрашивать: это дело серьезное, да и сам он не знает, что с ними сделают.

Недели за три до занятия города чехословаками из охранников б. Царя кто-то заворовался там, ночью приехали латыши, в комнате у Мошкина и Соловьева нашли какие-то ценные царские вещи, после чего всех охранников с завода Злоказова больше охранять б. Царя не допустили[13]. После этого их всех за воровство в охране б. Царя отправили на фронт, но они и оттуда сбежали все обратно сюда в город. Пока они были на фронте, пришло в совет распоряжение об отправке семей большевиков в Пермь. Жены наших красноармейцев получили по 300 руб. и уехали в Пермь, а когда вернулись с фронта их мужья, то их уже не было здесь. Приблизительно за неделю до прихода сюда чехословаков мой сожитель Логинов вместе с другими товарищами уехали тоже в Пермь. После занятия города чехословаками, через неделю, я здесь видела одного лишь Алексея Комендантова.

После отъезда моего сожителя я переехала жить в Уктус к своей тетке Александре Ивановне Поповой. За день или за два до занятия города чехословаками прошел слух о том, что большевики Николая расстреляли, о чем они объявили в газете и говорили на митингах, но лично я ни от кого об этом не слышала, и ку-

да девали б. Царя и его семью я не знаю. Мой сожитель Логинов был из Кыштымского завода. Сама я не была большевичкой.

Показание мне прочитано, показала я всю правду.

Анна Петровна Белозерова.

И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.

Допрошенная вторично /30.09.18 г./ гражданка Анна Петрова Белозерова к первому своему показанию добавила следующее:

Приблизительно с месяц до прихода чехословаков, когда рабочие-красноармейцы с фабрики Злоказовых еще были в охране б. Государя, сожительница Ивана Петрова Логинова, Ольга Иванова Степанова, говорила мне, что, по словам ее сожителя Ивана Логинова, в эту ночь б. Царя расстреляют, а затем увезут на мельницу и измелют. Его хотели увезти вчера, но не было автомобиля-грузовика. Та же Степанова говорила мне, что, по словам Ивана Логинова, дочери Государя, княжны, приглашали красноармейцев-охранников к себе в спальню и за это обещали корону. Об этом я сказала своему сожителю Василию Логинову; он за это на меня накричал и сказал: „Разве можно такие вещи говорить", а со Степановой запретил разговаривать. После разговора со Степановой я спросила или Лабушева или Корякина, пришедшего с дежурства из охраны, жив ли Царь. Он ответил мне, что ему никто не может ничего сделать и что от германского царя строго приказано Ленину, чтобы ни один волос не был тронут у нашего Царя. Ольга Степанова мне говорила, что она все тайны в городе знает.

Анна Петровна Белозерова.

55

30 сентября

Гражданка Шадринского у., Крутихилской волости и села Евдокия Семенова Межина, 34 лет, православная, грамотная, не судилась, проживаю /на/ Обсерваторской ул., в д. № 142, объяснила:

Я работала на заводе Злоказовых почти до прихода в Екатеринбург чехословаков. Кончили работу всего лишь за 3 дня. Все мужчины на заводе были большевики, за исключением нескольких человек, коих в последнее время уволили за то, что они не записались в красную армию. Рабочие-большевики все состояли в красной армии, причем из них, кажется, 18 человек были в охране б. Государя Николая II, а именно: 1) Авдеев Александр был комиссаром по охране б. Государя, 2) Мошкин Александр, 3) Соловьев Александр, 4) Летемин Михаил, 5) Гоншкевич Василий Григорьевич, 6) Люханов, 7) племянник Авдеева – Авдеев же, молодой 18–19 лет, 8) Корякин Николай, 9) Тимофеев Иван, 10) матрос Николай Мишкевич, 11) брат его Станислав Мишкевич, 12) какой-то петроградский Федя, 13) Крашенинников Иван, 14) Сидоров Алексей, 15) Комендантов Алексей, 16, 17, 18) три брата Василий, Иван и Владимир Петровы Логиновы и 19) Шулин Иван.

Красноармейцы, охранявшие б. Государя при мне никогда ничего не говорили про б. Царя, так как меня считали контрреволюционеркой. Незадолго до прихода чехословаков красноармейцы-охранники чего-то у б. Царя заворовались. Латыши произвели у некоторых обыск, после чего часть красноармейцев арестовали, а остальных к охране б. Царя не допустили. После этого рабочие Злоказова на собрании вынесли порицание тем рабочим-красноармейцам, которые заворовались в охране, и даже вынесли такое постановление, что они за это воровство

могут искупить свою вину только кровавыми ранами. После такого постановления красноармейцы-охранники уехали на фронт. О расстреле б. Государя я узнала в городе после объявления большевиками об этом на собрании.

/.../

Евдокия Межина.

56

2 октября

Гражданин села Щелкунского, этой же волости, Григорий Николаевич Котегов, 40 лет, православный, не судился, сейчас содержится за следственной комиссией в д. Макарова, по Главному проспекту, объяснил:

/.../[14]

По прибытии в Екатеринбург я временно был помещен в управлении коменданта в здании Коммерческого собрания. В первую ночь моего пребывания около меня на полу для ночлега разместились двое неизвестных мне людей в солдатской форме, довольно приличной. Люди эти были молодые, в возрасте 20–22 лет, и держали себя, в сравнении с другими арестованными, довольно развязно и даже вызывающе. Глухой ночью, когда большинство арестованных спало, молодые люди повели между собой разговор очень тихо, предполагая, что и я сплю. Разговор их сводился к нижеследующим выражениям. „А ты как попал сюда?". Ответ был таков: „Э, просто надо было возиться, и кроме того, я теперь себя хорошо чувствую, а ты как попал?". Тот ответил: „Меня послали для дела", причем первый задавший вопрос спросил второго: „А как же ты попал в охранную команду Царя?". Тот ответил, что его назначил комиссар Голощекин, с которым он ездил в Москву, по какому делу не знает, но лишь с ним были три ящика, довольно на вес тяжелы не по объему. В Москве эти ящики Голощекин увез из салон-вагона в город, объяснив, что /это/ модели для снарядов на Путиловский завод. Голощекин не возвращался в поезд дней пять и возвратился в сопровождении четырех лиц, с которыми все вместе поехали в Петроград. На пути он слышал разговор со спутниками, из которого было слышно, что Голощекин говорил спутникам: „Теперь дело с Царицей улажено"[15], а про Царя разговора не было. На вопрос: „А как же поступили во время оставления Екатеринбурга с Царем и его семьей?", первый ответил, что слышал от „рыжего", якобы Царь расстрелян на генеральской даче и что труп его сожжен в смоляном бочонке по направлению к Шартаку, о чем он лично не знает, а узнать можно от сожительницы комиссара Анучина, которая проживает в Березовском заводе.

Из здания Коммерческого собрания нас всех арестованных перевели в здание гостиного двора, в том числе и указанных молодых людей, где я намерен был узнать обстоятельства дела более подробно, но под страхом угроз, чинимых китайским офицером, вопрос молодым людям задал настолько неосторожно, что они, наверно, догадались, в чем дело, и от разговора уклонились. Названные молодые люди в сравнении с другими арестованными не стеснялись в расходах, расходуя рублей по 200 в день: это я наблюдал дня три, затем эти люди были переведены в отдельное помещение, и где они теперь – не знаю.

Вместе со мной в одной камере сидел кучер Голощекина, как его звать и фамилию не знаю, который говорил, что Голощекин и Белобородов постоянно были в квартире б. Царя: этот кучер, наверно, сидит в доме Ардашева, а если нет, то я могу узнать его адрес, имя и фамилию. Кучер этот говорил, что Николай содержался в особом кабинете и в плохих условиях, а когда Голощекин бывал у Николая, то выходил оттуда выпивши.

Григорий Николаевич Котегов.

И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.

57

Гражданин Верхотурского у., Нижне-Салдинской вол., Григорий Иванов Суетин, 24 лет, православный, грамотный, не судился, объяснил:

В марте месяце сего года я поступил в особо-караульную конвойную команду в г. Екатеринбурге, начальником которой был какой-то латыш, имя и фамилию его я не знаю. Службу приходилось нести в тюрьме № 1, Государственном банке и в других местах. В апреле месяце меня назначили в караул в дом Ипатьева, где содержался б. Царь. Там в карауле я был трое суток, стоял на посту внутри двора у ворот. Каждый день выходил в сад около 12 часов дня сам б. Государь, его жена и все четыре дочери, а б. Наследника Алексея выносил бывший при нем доктор. Выходили они все вместе и гуляли минут 30–40. Во время прогулки б. Государь иногда подходил к кому-нибудь из часовых и разговаривал с ними, некоторых спрашивал, с какого года /они служат/ и, когда получал ответ – с 1911 года, то говорил, что это „мой солдат", а когда часовой отвечал, что с 1917 или 1918 г., то он говорил, что это молодой. Я видел, что часовые к бывшему Государю относились хорошо и жалеючи, некоторые даже говорили, что напрасно человека томят[16]. В охране б. Царя я был всего лишь трое суток, после чего я более там не дежурил.

О расстреле б. Царя я узнал тогда, когда об этом объявили в газетах. Со мной в карауле у б. Царя было всех 52 человека и все незнакомые, из коих было два татарина, из них один сейчас служит в караульной команде.

Григорий Иванов Суетин.
И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

58

3 октября

Гражданка Ревдинской волости, Мариинского завода, Мария Алексеевна Маринцева, 48 лет, православная, под судом не была, проживаю по Говинской ул., № 66, объяснила:

Я помню, недели за две до прихода сюда чехословаков, меня, вместе еще с незнакомыми тремя женщинами из какого-то союза в Уктусской улице, послали мыть пол в дом, где содержался бывший Царь[17].

Когда мы мыли пол в верху, то я видела б. Государя: он сидел у стола, а б. Государыня и три дочери ходили тут же в комнатах. Б. Наследник Алексей сидел в коляске, он был больной и не ходил. Тут же в комнате был какой-то мальчик лет 14-ти. Этот мальчик, по словам красноармейца, был сыном повара. Была еще бонна и лакей.

Когда мы мыли парадное крыльцо, то один пожилой солдат сказал нам: „Что, видели Царя? Он такой же человек, как и мы".

Охраны во всем доме как внутри, так и снаружи было много и все время за семьей б. Царя следил какой-то комиссар.

Более я ничего не знаю. Неграмотная.

И. д. начальника Уголовного розыска Плешков.

59

ПРОТОКОЛ

Город Екатеринбург, 8 октября 1918 года, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, командированный для производства предварительного следствия по делу об убийстве б. Императора Николая Александровича, составил настоящий протокол о нижеследующем[1].

В 10 1/2 часов утра сего числа ко мне явился дежурный офицер при коменданте города прапорщик Алексеев и от имени коменданта просил меня выдать разрешение на занятие дома Ипатьева под квартиру для командующего Уральским фронтом генерала Гайды и его штаба, а на отказ мой в удовлетворении такого ходатайства ответил, что дом Ипатьева, независимо от моего согласия или несогласия на это, будет занят вследствие категорического приказа генерала Гайды.

Вследствие означенного заявления я, в присутствии прокурора суда В. Ф. Иорданского и председателя суда В. Н. Казем-Бек, прибыл в 11 1/2 часов утра в дом Ипатьева, причем обнаружил, что в верхнем этаже того дома парадная наружная дверь открыта и в комнатах производится очистка и мытье полов чешскими солдатами под присмотром чешских офицеров. На выраженный мною по этому поводу протест было указано, что офицеры действуют на основании приказа генерала Гайды, распорядившегося очистить верхний этаж дома Ипатьева к часу дня.

Прибывший в то же помещение владелец дома отставной инженер капитан Н. Н. Ипатьев, коему мною было разрешено занять три комнаты в нижнем этаже его дома, с обязательством охранять запертые помещения верхнего этажа, объяснил, что им было своевременно указано представителям чешского военного командования, что все помещения дома находятся в распоряжении следственной власти и без разрешения таковой он никого не может допустить в дом, вверенный его охране.

На заявление это последовало указание, что здесь распоряжается военная власть и тотчас же было приступлено к уборке помещения. Запертые комнаты, служившие спальными бывшей Царской семьи, до моего прибытия оставались нетронутыми, но мне было предъявлено решительное требование открыть эти комнаты и немедленно очистить их. Прибывший в дом комендант города капитан Блага подтвердил требование об очистке помещения, ссылаясь на приказ генерала Гайды.

На это требование коменданта я, производящий следствие, заявил, что выражаю самый решительный протест по поводу занятия дома Ипатьева, являющегося носителем следов преступления и поэтому необходимого для дела при дальнейшем исследовании его, и, выполняя требование об очистке помещений, я только подчиняюсь насилию со стороны военной власти. При этом мною было разъяснено коменданту, что на основании действующих законов, я должен был бы обратиться к начальнику гарнизона, как представителю военной власти, за содействием к устранению насилия, но при сложившихся обстоятельствах считаю использование этого права нецелесообразным.

Вещественные доказательства, хранившиеся в означенных двух комнатах, были уложены и увезены мною на хранение в камеру мою в здание Окружного суда[2].

Опечатанная моей должностной печатью комната нижнего этажа, носящая в себе следы преступления, оставлена в моем распоряжении.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.

При составлении протокола находились:

Председатель Екатеринбургского окружного суда В. Казем-Бек.

Прокурор Окружного суда В. Иорданский.

Капитан в отставке Ипатьев.

60

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1918 года, октября 8-10 дня, в г. Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 и 712 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я – протоиерей Иоанн Владимирович Сторожев, 40 лет, нахожусь на службе в действующей армии в должности благочинного 7-й Уральской дивизии горных стрелков[3].

По священству показываю:

Я дважды совершал богослужения в доме Ипатьева, в г. Екатеринбурге, когда там находилась под стражей большевистской власти семья бывшего Царя Николая Александровича Романова. Кроме меня, там же совершал богослужения священник Екатериненского собора Анатолий Григорьевич Меледин[4]. Как отцу Меледину, так и мне сослужил каждый раз диакон названного собора Василий Афанасьевич Буймиров. Чередовались наши службы так: первое богослужение – светлую Заутреню – совершил вечером 21 апреля старого стиля о. Меледин. Второй раз – 20 мая старого стиля, когда прибыла из Тобольска вся семья Романовых, служил я обедницу. Третью службу (обедницу) совершил о. Меледин, но которого числа и месяца, не помню, кажется, это был день рождения одного из членов семьи Романовых. Четвертую службу (литургию) совершил в Троицын день о. Меледин[5] и, наконец, пятое богослужение (обедницу) 1/14 июля совершил я. Почему именно на нас, священнослужителей Екатериненского собора (в то время я был настоятелем сего собора)[6], возложена была обязанность совершать богослужения в доме Ипатьева, я не знаю. Обстоятельства, при которых был вызван и совершал службу я, представляются в следующем виде:

В воскресенье 20 мая (2 июня) 1918 г. я совершал очередную службу – раннюю литургию – в Екатериненском соборе и только что, вернувшись домой около 10 часов утра, расположился пить чай, как в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата, невзрачной наружности, с рябоватым лицом и маленькими бегающими глазами[7]. Одет он был в ветхую телогрейку защитного цвета, на голове – затасканная солдатская фуражка. Ни погон, ни кокарды, конечно, не было. Не видно было на нем и никакого вооружения. На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: „Вас требуют служить к Романову". Не поняв, про кого речь, я спросил: „К какому Романову?". – „Ну, к бывшему Царю", – пояснил пришедший. Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. – „Он там написал, чтобы сослужили какую-то обедницу", – заявил мне пришедший. Чинопоследование обедницы обычно служится в войсках, когда по той или иной причине нельзя совершить литургию. По своему составу богослужение это сходно с последованием литургии, но значительно короче его, так как за обедницей не совершается таинства Евхаристии. Выразив готовность совершить просимое богослужение, я заметил, что мне необходимо взять с собой диакона. Солдат долго и настойчиво возражал против приглашения о. диакона, заявляя, что „комендант" приказал позвать одного священника, но я настоял, и мы вместе с этим солдатом поехали в собор, где я, захватив все потребное для богослужения, пригласил о. диакона Буймирова, с которым, в сопровождении того же солдата, поехал в дом Ипатьева.

С тех пор как здесь помещена была семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором. Около первого верхнего деревянного забора извоз-

чик остановился. Впереди прошел сопровождавший нас солдат, а за ним мы с о. диаконом. Наружный караул нас пропустил. Задержавшись на короткий срок около запертой изнутри калитки, выходящей в сторону дома, принадлежащего ранее Соломирскому, мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую – в кабинет (налево), где помещался „комендант". Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней, были часовые – такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей средних лет, помнится, одетых в гимнастерки. Один из них лежал на постели и, видимо, спал, другой молча курил папиросы. Посреди комнаты стоял стол, на нем самовар, хлеб, масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, беспорядочно. В момент нашего прибытия коменданта в этой комнате не было.

Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер. Вид этот человек имел среднего „сознательного рабочего". Ничего яркого, ничего выдающегося, вызывающего или резкого ни в наружности этого человека, ни в последующем его поведении я не заметил. Я скорее догадался, чем понял, что этот господин и есть „комендант Дома особого назначения", как именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем семьи Романовых[8]. Комендант, не здороваясь и ничего не говоря, рассматривал меня (я его видел впервые и даже фамилии его не знал, а теперь запамятовал). На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: „Они просят обедницу". Никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после богослужения передать Романовым просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого раздумья возвратил ее диакону, сказав: „Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было". Я не удержался и ответил, что я вообще разговоров вести не предполагаю. Ответ мой, видимо, несколько задел коменданта, и он довольно резко сказал: „Да, никаких, кроме богослужебных рамок". Мы облачились с о. диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую принес один из слуг Романовых (не Чемодуров – его я ни разу не видал в дома Ипатьева, а познакомился с ним позднее, после оставления Екатеринбурга большевиками). Слуга этот высокого роста, помнится, в сером, с металлическими пуговицами, костюме[9].

Пользуюсь моментом, чтобы сделать общее замечание по поводу моих показаний. Исключительные условия, при которых мне приходилось воспринимать всё в эти посещения дома Ипатьева, а с другой стороны, совершенно исключительные внутренние переживания за время нахождения там – естественно препятствовали мне быть только спокойным наблюдателем, со всею правильностью оценивающим и точно запоминающим все наблюдаемые явления и лица. Тем не менее, я употребляю все усилия к тому, чтобы показание мое было точно и оценка наблюдаемого объективна.

Итак, облаченные в священные ризы, взяв с собой все потребное для богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед, со мной шел отец диакон, а последним вошел комендант. Зал, в который мы вошли через арку, соединялся с меньшим по размерам помещением – гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол. Но от наблюдения обстановки залы и гостиной я был отвлечен, т. к., едва переступил порог в зал, как заметил, что от окон отошли трое: это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел узнать. В следующей комнате,

отделенной от залы, как я уже объяснил, аркой, находилась Александра Федоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем, вид он имел до крайности болезненный и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня, – нового человека. Одет он был в белую (нижнюю) рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около кровати стояло кресло, в котором сидела Александра Федоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Федоровне, а равно и дочерях, я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Федоровны, манера держаться, манера, которую нельзя иначе назвать, как „величественной". Она сидела в кресле, но вставала (бодро и твердо) каждый раз, когда мы входили, уходили, а равно и когда по ходу богослужения я преподавал „Мир всем", читал Евангелие или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Федоровны, дальше по правой стене, стали обе их младшие дочери, а затем сам Николай Александрович. Старшие дочери стояли в арке, а отступая от них, уже за аркою, в зале стояли: высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это были доктор Боткин и состоящая при Александре Федоровне девушка)[10]. Еще позади стояли двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел и не запомнил. Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого ни в зале, ни в комнате за аркой не было.

Николай Александрович был одет в гимнастерке защитного цвета, таких же брюках, при высоких сапогах. На груди был у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый.

Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не приметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. Борода, когда я был в первый раз, была длиннее и шире, чем первого (четырнадцатого) июля: тогда мне показалось, что Николай Александрович подстриг кругом бороду. Что касается Александры Федоровны, то у нее – из всех – вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный.

Я забыл отметить то, что всегда особенно останавливало мое внимание, это та исключительная – я прямо скажу – почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения.

Богослужение – обедницу – мы совершали перед поставленным среди комнаты за аркой столом. Стол этот был покрыт шелковой скатертью с разводами в древнерусском стиле. На этом столе в стройном порядке и обычной для церкви симметрии стояло множество икон. Тут были небольшого, среднего и совсем малого размера складни, иконки в ризах – все это редкой красоты по своему выдержанному древнему стилю и по своей выделке. Были простые без риз иконы, из них я заметил икону Знамения Пресвятой Богородицы (Новгородской), икону „Достойно есть". Других не помню. Заметил я еще икону Богоматери, которая при служении 20 мая занимала центральное место. Икона эта, видимо, очень древняя. Боюсь утверждать, но мне думается, что изображение это то, которое именуется „Феодоровской". Икона была в золотой ризе, без камней. Ни этой иконы, ни складней, ни иконы „Знамения", ни иконы „Достойно есть" я среди Вами мне предъявляемых не вижу – их здесь нет. Та икона, которую Вы мне показываете, без ризы, с одной металлической каймой, с оторванным, видимо, венчиком –

именуется не „Феодоровской", а „Казанской": это я утверждаю категорически. Иконы этой ни при первом, ни при втором богослужении ни на столе, ни на стене не было.

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектении, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так он пел, например, „Отче Наш" и др.). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный „отпуст" со святым крестом и на минуту остановился в недоумении: подходить ли мне с крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается и тогда бы своим неверным шагом я, может быть, создал в дальнейшем затруднения в разрешении семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды. Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с крестом. Показалось мне, что и Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте, в дальнем углу, и спокойно смотрел на нас. Тогда я сделал шаг вперед и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взгляда, первым подошел к кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Федоровна и все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежавшему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: „Сейчас он непременно что-нибудь да скажет", но Алексей Николаевич молча поцеловал крест. Ему и Александре Федоровне о. диакон дал по просфоре. Затем подошли ко кресту доктор Боткин и названные служащие – девушка и двое слуг.

В комендантской мы разоблачились, сложили свои вещи и пошли домой, причем до калитки в заборе нас мимо постовых провожал какой-то солдат.

Следующие два раза, как я уже сказал в начале моего показания, в доме Ипатьева служил о. Меледин.

30 июня (13 июля) я узнал, что на другой день, 1 (14) июля, в воскресенье, о. Меледин имеет служить в доме Ипатьева литургию, что о сем он уже предупрежден от коменданта, а комендантом в то время состоял известный своей жестокостью некий Юровский – бывший военный фельдшер. Я предполагал заменить о. Меледина по собору и отслужить за него литургию 1/14 июля.

Часов в 8 утра 1/14 июля кто-то постучал в дверь моей квартиры, я только что встал и пошел отворить. Оказалось, явился опять тот же солдат, который и первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева. На мой вопрос: „Что угодно?" солдат ответил, что комендант меня „требует" в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. Я заметил, что ведь приглашен о. Меледин, на что явившийся солдат сказал: „Меледин отменен, за Вами прислано". Я не стал расспрашивать и сказал, что возьму с собой о. диакона Буймирова (солдат не возражал) и явлюсь к десяти часам. Солдат распростился и ушел, я же, одевшись, направился в собор, захватил здесь все потребное для богослужения и, в сопровождении о. диакона Буймирова, в 10 час. утра был уже около дома Ипатьева. Наружный часовой, видимо, был предупрежден, так как при нашем приближении сказал через окошко внутрь ограды: „Священник пришел". Я обратил внимание на совершенно необычное для уст красных наименование „священник" и, всмотревшись в говорившего, заметил, что как он, так и вообще постовые на этот раз как-то выглядят интеллигентнее того состава, который я видел 20 мая. Мне даже показалось, что среди них были ученики Горного училища, но кто именно – не знаю. По-прежнему внутри за забором, на площадках лестницы и в доме было много вооруженных молодых людей, несших караул.

Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский. (Юровского я не знал, видел его лишь как-то раньше ораторствовавшим на площади.) Я успел заметить две особенности, которых не было 20 мая – это: 1) очень много проволочных проводов, идущих через окно комендантской комнаты в дом Ипатьева[11], и 2) автомобиль – легко-

вой – стоящий наготове у самого подъезда дома Ипатьева. Шофера на автомобиле не было. На этот раз нас провели в дом прямо через парадную дверь, а не через двор.

Когда мы вышли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати. Войдя в комнату, я сказал Юровскому: „Сюда приглашали духовенство, мы явились. Что мы должны делать?" Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: „Обождите здесь, а потом будете служить обедницу". Я переспросил: „Обедню или обедницу?" – „Он написал: обедницу", – сказал Юровский.

Мы с о. диаконом стали готовить книги, ризы и проч., а Юровский, распивая чай, молча рассматривал нас и наконец спросил: „Ведь Ваша фамилия С-с-с" и протянул начальную букву моей фамилии. Тогда я сказал: „Моя фамилия: Сторожев". „Ну да, – подхватил Юровский, – ведь Вы уже служили здесь". „Да, – отвечаю, – раз служил". – „Ну, так вот и еще раз послужите".

В это время диакон, обращаясь ко мне, начал почему-то настаивать, что надо служить обедню, а не обедницу. Я заметил, что Юровского это раздражает, и он начинает „метать" на диакона свои взоры. Я поспешил прекратить это, сказав диакону, что и везде надо исполнять ту требу, о которой просят, а здесь, в этом доме, надо делать то, о чем говорят. Юровский, видимо, удовлетворился. Заметив, что я зябко потираю руки (я пришел без верхней рясы, а день был холодный), Юровский спросил с оттенком насмешки, что такое со мной. Я ответил, что недавно болел плевритом и боюсь, как бы не возобновилась болезнь. Юровский начал высказывать свои соображения по поводу лечения плеврита и сообщил, что у него самого был процесс в легком. Обменялись мы и еще какими-то фразами, причем Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами. Одет он был в темной рубахе и пиджаке. Оружия на нем я не заметил. Когда мы облачились и было принесено кадило с горящими углями (принес какой-то солдат), Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: „Что, у вас все собрались?" (поручиться, что именно так он выразился – я не могу). Николай Александрович ответил твердо: „Да – все".

Впереди, за аркой, уже находилась Александра Федоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Федоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая ст. ст. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, что и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли, и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что, как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были – я не скажу, в угнетении духа, – но все же производили впечатление как бы утомленных[12]. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая ст. ст. Только теперь кресло Александры Федоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича – дальше от арки, несколько позади его. Позади Алексея Николаевича стали Татьяна Николаевна (она потом подкатила его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место у правой от арки стены.

За аркой, в зале, стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: /один/ высо-

кого роста, другой низенький полный[13] (мне показалось, что он крестился, складывая руку, как принято в католической церкви), и третий, молодой мальчик[14]. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Больше за богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая „Нерукотворный Спас", обычного письма, без ризы. Я не могу утверждать, но я почти убежден, что это была одна из тех двух одинакового размера икон „Нерукотворного Спаса", которые Вы мне предъявляете.

По-прежнему на столе находились те же образки-складни, иконы „Знамения Пресвятой Богородицы", „Достойно есть" и справа, бо́льших в сравнении с другими размеров, писанная масляными красками, без ризы, икона святителя Иоанна Тобольского. Вы мне показываете две такие иконы святителя Иоанна, причем на одной я вижу небольшую выемку, в виде углубления. Я должен пояснить, что такие выемки обычно делают в иконах для помещения в них металлического (золотого или серебряного) ковчежца с какой-либо святыней (частицей святых мощей или одежды святого), сверху этот ковчежец обычно защищен стеклом, вставленным в узенький металлический ободок, который и выступает над уровнем самой иконы. Иногда вокруг этого ковчежца делается сияние в виде звезды или расходящихся лучей. Сияние это устрояется из драгоценного металла, иногда осыпанного камнями. Я подробно осмотрел предъявленную Вами мне икону святителя Иоанна, на коей имеется описанная выемка, и полагаю, что выемка эта сделана именно для вложения ковчежца со святыней, каковая, очевидно, и была здесь. Не усматривая никаких следов в виде нажимов, царапин или углублений от шипов и гвоздиков на иконе вокруг этой выемки, я полагаю, что сияния около ковчежца (если таковой был в иконе) не было, и, следовательно, ковчежец имел снаружи обычную узенькую металлическую каемочку и в смысле денежной стоимости едва ли мог представляться ценным. Мне трудно определить, которая из двух предъявляемых мне икон св. Иоанна Тобольского находилась на столе во время богослужения 1/14 июля, но та икона, которая была там, имела такой же вид и размер, как и эти, предъявляемые. Тогда (1/14 июля) я не заметил в иконе ковчежца со святыней, но это могло произойти и потому, что ковчежец был заслонен впереди стоящими иконами.

Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие „Со святыми упокой". Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустились на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высоко поэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне о. диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано.) Когда я выходил и шел очень близко от бывших великих княжен, мне послышались едва уловимые слова: „Благодарю". Не думаю, чтобы это мне только показалось.

Войдя в комендантскую, я, незаметно для себя, глубоко вздохнул. И вдруг слышу насмешливый вопрос: „Чего это Вы так тяжко вздыхаете?", – говорил Юровский. Я не мог и не хотел открывать ему мною переживаемого и спокойно ответил: „Досадую, так мало послужил, а весь взмок от слабости, выйду теперь и опять простужусь". Внимательно посмотрев на меня, Юровский сказал: „Тогда надо окно закрыть, чтобы не продуло". Я поблагодарил, сказав, что все равно

сейчас пойду на улицу. „Можете переждать", – заметил Юровский, и затем, совершенно другим тоном, промолвил: „Ну вот, помолились и от сердца отлегло" (или „на сердце легче стало" – точно не упомню). Сказаны были эти слова с такой, мне показалось, серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: „Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил". Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: „Я никогда не отрицал влияния религии и говорю это совершенно откровенно". Тогда и я, поддавшись той искренности, которая послышалась мне в его словах, сказал: „Я вам тоже откровенно отвечу – я очень рад, что вы здесь разрешаете молиться". Юровский на это довольно резко спросил: „А где же мы это запрещаем?" „Совершенно верно, – уклонился я от дальнейшей откровенности, – вы не запрещаете молиться, но ведь здесь, в Доме особого назначения, могут быть и особые требования". – „Нет, почему же..." – „Ну вот, это-то я и приветствую", – закончил я. На прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались.

Молча дошли мы с о. диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг о. диакон сказал мне: „Знаете, о. протоиерей, – у них там чего-то случилось". Так как в этих словах о. диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. „Да так. Они все какие-то другие точно. Да и не поет никто". А надо сказать, что действительно за богослужением 1/14 июля впервые (о. диакон присутствовал при всех пяти служениях, совершенных в доме Ипатьева), никто из семьи Романовых не пел вместе с нами.

Через два дня, 4/17 июля, екатеринбуржцам было объявлено о том, что бывший Государь Император Николай Александрович расстрелян[15].

5/18 июля я видел Юровского разъезжавшим на автомобиле по городу Екатеринбургу. Подъезжал он к зданию Первой женской гимназии, сидел в автомобиле, дожидаясь кого-то около Уральского училища, и затем с неизвестным мне господином проехал к Верхне-Исетскому заводу. Более я его не встречал и сам лично ничего более по настоящему делу не могу показать.

Протоиерей Иоанн Сторожев.
Член Окружного суда Ив. Сергеев.
При допросе присутствовал товарищ прокурора Н. Остроумов.

61

ПРОТОКОЛ

1918 года, сентября 12-14 дня, в камере своей, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда Иван Александрович Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд. и он показал:

Я, Петр Андреевич Жильяр (Pierre Gilliard), 39 лет, кальвинист, швейцарский гражданин, уроженец коммуны Ивердон, кантона Во (Commune d'Iverdon, Canton de Vaud), временно живу в гор. Тюмени, по Тобольской улице, д. № 4, а в Екатеринбурге остановился в д. № 10, по Солдатской улице. Высшее образование получил в Лозаннском университете, по отделению классической словесности[1].

В 1904 году я приехал в Россию, по приглашению герцога Георгия Максимильяновича Лейхтенбергского[2], в качестве преподавателя французского языка

сыну его Сергею Георгиевичу. Приглашение я получил через ректора Лозаннского университета и по его рекомендации.

В 1905 году осенью, через личного секретаря б. Императрицы Александры Федоровны – графа Ростовцева, я получил приглашение на должность преподавателя французского языка при „Большом дворе". Приглашение это я принял. Вначале я преподавал французский язык б. великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. Затем, по мере достижения учебного возраста – Марии Николаевне и Анастасии Николаевне и, наконец, б. Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу. До 1913 года я был приходящим преподавателем, а в этом году поселился в Царскосельском дворце в качестве помощника воспитателя б. Цесаревича, хотя воспитателя до самого последнего времени при нем не было.

После Февральской революции 1917 года, когда Государь за себя и Наследника отрекся от престола и был доставлен из ставки в Царское Село, Царская семья, равно как и все другие обитатели дворца, была подвергнута режиму, установленному Временным правительством. Во дворце была назначена военная охрана под начальством особого коменданта, и сношения с внешним миром могли производиться только через коменданта. Во время прогулок по парку также присутствовали солдаты и офицеры военной охраны. Помимо ограничения свободы, в остальном жизнь Царской семьи протекала в обстановке и условиях, близких к тем, какие были и прежде.

Дворец несколько раз посещал б. председатель Совета министров А. Ф. Керенский[3]. На первых порах его отношение к Государю и Государыне было резким и суровым. Впоследствии, ознакомившись с содержанием отобранных во дворце бумаг и документов, Керенский изменил свое отношение к б. Царю и его супруге и стал очень любезен и внимателен.

Солдаты и офицеры, несшие охранную службу, в общем вели себя сдержанно и прилично, хотя и бывали иногда случаи проявления враждебного настроения. Один из таких случаев произвел особенно тягостное впечатление. У Алексея Николаевича была любимая игрушка – ружье уменьшенного образца. В первых числах июня м. г., когда б. Наследник гулял в парке, офицер караула заявил мне, что ружье у Алексея Николаевича следует отобрать. Я заметил на это, что у Наследника собственно говоря не ружье, а игрушка, и что нехорошо лишать мальчика той радости, которую ему доставляет обладание этой игрушкой. Офицер настаивал на своем мнении. Находившийся при этом разговоре Алексей Николаевич бросил ружье и, горько рыдая, побежал к отцу и матери. Офицер, отобравший у Наследника ружье, просил меня передать Алексею Николаевичу, что вынужден был так поступить, чтобы избежать насилия, так как солдаты настойчиво требовали отобрания ружья, и настроение их по этому поводу было возбужденное и враждебное.

Во второй половине июля месяца м. г. во дворце стало известно, что Врем. правительством принято решение отправить б. Государя и его семью на жительство на юг России, но точных сведений по этому вопросу сообщено не было. Стали готовиться к дороге и занялись укладкой и упаковкой багажа. Отъезд был назначен в час ночи на 1 августа. К этому времени вся Царская семья и придворные, уезжавшие вместе с семьей, собрались в Полуциркульном зале. Сюда же был принесен и багаж. Отъезд, однако, почему-то замедлился и состоялся только около пяти часов утра. Все страшно утомились долгим ожиданием. Перед отъездом Государю было разрешено свидание с б. великим князем Михаилом Александровичем[4]. Свидание продолжалось около получаса и происходило в присутствии А. Ф. Керенского, который во время беседы Государя с братом отошел в сторону и занялся разглядыванием альбомов.

В 5 часов утра выехали на ст. „Александровка" на четырех моторах. На первом: А. Ф. Керенский с В. К. Лебедевым, на втором: б. Государь, Государыня, Алексей Николаевич и Ольга Николаевна, на третьем: Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, графиня Гендрикова и mlle Шнейдер, на четвертом: кн. В. А. Долгоруков /так!/, профессор Боткин и я. Часа за три до отъезда на вокзал прибыл генерал Татищев, приглашенный заменить графа Бенкендорфа[5],

сославшегося на болезнь своей жены. Выяснилось, что поедем мы не на юг, а на север.

В Тобольск мы прибыли 6 августа 1917 года[6]. Переезд был совершен благополучно и с достаточными удобствами. До 13 августа прожили на пароходе, пока не была закончена переделка Губернаторского дома[7], предназначенного для жительства Царской семьи. Комендантом дома был полковник Евгений Степанович Кобылинский. Офицеры и солдаты военной охраны были из Царскосельских стрелковых полков. Разместились довольно удобно и хорошо, и жизнь потекла здесь довольно ровно и спокойно. Придворный этикет был упрощен и отношения членов Царской семьи, придворных и даже ближних служителей были простые и дружеские. Все требования хозяйственного характера и сношения с внешним миром здесь, как и в Царском Селе, проходили через коменданта.

Стеснений и недостатка почти не испытывали, так как, в большинстве случаев, полковник Кобылинский выполнял требования без отказа. Как-то в разговоре со мной полк. Кобылинский сообщил, что Керенский при прощании сказал ему: „Не забудьте, что это бывший Царь и что он и его семья ни в чем не должны нуждаться". Ежемесячный расход на содержание Царской семьи, придворных и служителей выражался в сумме 25–30 тысяч рублей. Книги были привезены из Царского Села в достаточном количестве. Получались газеты и журналы. Дни проходили в чтении, занятиях, прогулках в пределах ограды и беседах. Отношение офицеров и солдат военной охраны в общем было корректное, иногда даже сердечное. Был, однако, небольшой процент и таких, которые держались холодно, сурово и недоброжелательно.

Октябрьский переворот дошел до Тобольска не скоро. Только в марте месяце большевики стали вводить здесь свои порядки и назначать своих комиссаров. Средства, отпускаемые на содержание Тобольского дома, были урезаны: на каждого члена Царской семьи было назначено по 600 руб. в месяц, т. е. всего 4200 рублей. Вследствие этого пришлось значительно сократить штат прислуги и многих из служителей уволить.

Кажется, числа 8–9 апреля в Тобольск прибыл уполномоченный московского Центрального исполнительного комитета Яковлев. Явившись к Государю 10-го апреля, Яковлев обошел весь дом и вместе с ним посетил больного Алексея Николаевича. Побыв у его постели, Яковлев долго смотрел на больного и, ничего не сказав, ушел. В тот же день Яковлев пришел еще раз и, с разрешения Государя, еще раз посетил со своим помощником (мне неизвестным) Алексея Николаевича.

12 апреля, часа в 2–3 дня, Яковлев объявил б. Государю, что получил от Ц.И.К. приказание взять Государя с собой. Государь выразил протест, указывая, что не может покинуть больного сына, но Яковлев твердо заявил, что приказание должно быть исполнено, и, в случае нужды, он даже прибегнет к насилию. Яковлев, хотя и проявлял непреклонную решимость, в обращении был вежлив и произвел на б. Государя хорошее впечатление. На расспросы Яковлев объяснил, что берет с собою только одного Государя из-за болезни Алексея Николаевича, и что вскоре вернется за всеми остальными членами Царской семьи. К этому Яковлев добавил, что возьмет и сейчас с собою тех, кто пожелает ехать с Государем. Куда именно предполагалось увезти Государя, – никто не знал. Яковлев говорил, что он сам не знает места назначения и что лишь в дороге получит указания, куда ехать. Ввиду таких объяснений, на семейном совете было решено, что с Государем поедут Государыня и в. кн. Мария Николаевна.

Отъезд был назначен на утро 13 апреля и состоялся в назначенное время. Из придворных особ с Государем поехали гофмаршал В. А. Долгоруков и лейб-медик проф. Боткин. Из служителей поехали камердинер Т. И. Чемодуров, лакей И. Л. Седнев и комнатная девушка А. С. Демидова. Багаж был взят только самый необходимый. Князь Долгоруков взял с собой 80 тысяч руб. денег, принадлежавших Царской семье.

Только на восьмой день мы узнали, что Государя увезли в Екатеринбург, откуда было получено несколько писем от Государыни. В письмах сообщалось,

что заключенные в Ипатьевском доме были подвергнуты суровому режиму. При входе в дом у всех приезжих были осмотрены вещи и багаж. Осмотрены были даже помещения с лекарствами.

В конце апреля в Тобольском доме появился комиссар Хохряков[8], приступивший к замене отряда, охранявшего дом, другим отрядом, прибывшим в Тобольск одновременно с названным комиссаром. После удовлетворения солдат и офицеров прежнего отряда жалованьем, в охрану вступил новый отряд под командой вновь назначенного коменданта Родионова[9]. Полковник Кобылинский был смещен. Хохряков первое время относился очень недоверчиво к факту болезни Алексея Николаевича и неоднократно совершенно внезапно врывался в его комнату с целью проверить, не является ли болезнь мальчика выдумкой или притворством[10]. Убедившись наконец, что мальчик действительно болен, Хохряков сделался очень внимательным по отношению к больному и нередко, сидя у постели Алексея Николаевича, занимал его разговором. Алексей Николаевич также выражал чувства симпатии и относился к Хохрякову детски просто и доверчиво.

Отъезд в Екатеринбург был назначен на 7/20 мая. Будучи извещены об этом заблаговременно, обитатели Тобольского дома имели возможность уложить и приготовить в дорогу почти все находившееся в доме имущество. Хохряков сказал, чтобы укладывали и везли с собой все имущество, так как он имеет право на провоз до 3000 пудов багажа. Уложена была также мебель, принадлежавшая Губернаторскому дому.

Фамильные драгоценности, как-то: ожерелья, цепи, броши, серьги, браслеты и т. п., привезенные из Царского Села в Тобольск, было решено взять с собой, так как из содержания некоторых писем Государыни можно было сделать заключение, что она этого желает. В то же время, опасаясь, как бы драгоценности не попали в руки большевиков, мы на семейном совещании решили провезти драгоценности скрыто и с этой целью, при помощи преданных служительниц – А. А. Теглевой, М. Г. Тутельберг и Е. Н. Эрсберг – зашили все драгоценности в одежде и шляпах б. в. княжен. Наиболее крупные бриллианты (5–6 камней) были зашиты в пуговицах темно-синих суконных костюмов Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, а может быть, и Анастасии Николаевны. Разные мелкие вещи и жемчуг были зашиты в подбитых ватой „cache-corset"-ах в. княжен. Подробно и точно указать, где именно и какие драгоценности были зашиты, я не могу. Лучше всего Вам об этом могут показать А. А. Теглева (Тюмень, Тобольская ул. № 4) и М. Г. Тутельберг (Камышлов)[11]. У Государыни были дорогие жемчужные ожерелья, бриллиантовая цепь и масса мелких вещей. У каждой княжны также много было всяких драгоценных вещей. Думаю, что стоимость всех драгоценностей превышала один миллион рублей, даже в довоенное время.

Из предъявленных Вами ранее и сегодня драгоценных вещей (предъявлены вещи, описанные в протоколах от 2–8 августа), крупный бриллиант я положительно признаю за принадлежащий Государыне[12]. Камень этот, насколько я помню, был зашит в пуговице темно-синего костюма б. в. княжны Ольги Николаевны. Оговариваюсь, что в этом последнем пункте не вполне уверен: может быть, бриллиант был зашит в пуговице костюма Татьяны Николаевны. Если не ошибаюсь, этот бриллиант служил подвеском к другому камню шестиугольной формы. Наиболее точные сведения по этому вопросу может дать М. Г. Тутельберг. С уверенностью могу сказать, что бриллиант я признаю за один из тех, которые были спрятаны в костюмах б. в. княжен.

Предъявленную Вами серьгу с крупной жемчужиной я признаю за вещь, принадлежащую б. Императрице Александре Федоровне. Эти серьги были любимым украшением Государыни, точно также и длинные жемчужные цепи.

Возвращаясь к моменту отъезда великих княжен и б. Наследника из Тобольска, должен сказать, что с ними поехали все оставшиеся по отъезде Государя и Государыни лица: генерал И. Л. Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден[13], Т. Шнейдер[14], мистер Гиббс и я. Служители: Кокичев, Журовский, Кирпичников[15] (ныне живут в Тобольске), Сергей Иванов (Тюмень, Водопроводная,

д. Гусева), А. Н. Дмитриев и Тютин (Тобольск), Терехов (Томск), Смирнов (Тюмень, Водопроводная, д. Гусева), Пюрковский (Томск), А. А. Теглева и Елиз. Ник. Эрсберг (Тюмень, Тобольская, д. № 4), М. Г. Тутельберг (Камышлов). Кроме этих служителей, были: Нагорнов /так!/, Волков, Трупп и мальчик Седнев (судьба коих мне достоверно не известна) и личная прислуга: гр. Гендриковой – П. Г. Межева, mlle Шнейдер – горничные Катя и Маша, по фамилии мне неизвестные. С нами же поехал и доктор В. Н. Деревенко, приехавший в Тобольск, приблизительно, в начале сентября 1917 года.

Когда на пароходе мы приехали в Тюмень, то в поданном для нас составе поезда оказались только вагоны IV класса и один багажный. Комиссар Хохряков, в заботах о больном Алексее Николаевиче, долго хлопотал, волновался и бранился, пока не удалось получить один классный вагон. В этом вагоне поместились б. в. княжны, Алексей Николаевич с доктором Деревенко и служителем К. Г. Нагорновым, генерал Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден, Е. А. Шнейдер и Е. Н. Эрсберг. Все остальные, в том числе и я, и мистер Гиббс, поместились в общем вагоне IV класса. Комендант Родионов и в пути, так же как и в Тобольске, был без надобности груб и придирчив.

В Екатеринбург наш поезд прибыл часа в 2 ночи на 10/23 мая. Часов в 8 утра были поданы извозчики, на которых увезли великих княжен, Алексея Николаевича с Нагорным /так!/ и доктором Деревенко. Для принятия прибывших с поездом на вокзал приехал председатель Екатеринбургского областного совета Белобородов. Должен отметить характерную подробность, не предвещавшую для большевистских пленников ничего хорошего: когда княжны вышли из вагона с багажом в руках, лакей Нагорнов хотел помочь им перенести багаж до извозчика, но его остановили и грубо оттолкнули.

Часа через 2–3 увезли Татищева, Гендрикову и Шнейдер.

Отъезд детей б. Царя был обставлен так, что никто из нас не имел возможности с ними проститься. Из служительского персонала увезли Волкова, Харитонова, Нагорнова, Труппа и мальчика Седнева. С этого момента никаких сведений, кроме тревожных и неопределенных слухов, ни о ком из перечисленных лиц я не имею.

Все бывшие в вагоне IV класса (за исключением увезенных) снабжены были приказом местного совета о выезде из пределов Пермской губернии. Бумага была написана общая для всех: „Слугам бывшего Царя в числе 18 человек". С нами же была оставлена и баронесса Буксгевден. Только дней через 10 отправили нас в Тюмень, предоставив свободу дальнейшего передвижения.

Чем был обусловлен перевод б. Государя и его семьи из Тобольска в Екатеринбург, какая участь постигла их здесь – я знаю только по слухам и газетным известиям.

Как гувернер б. Наследника Алексея Николаевича, искренне привязанный к нему, я считаю необходимым удостоверить, что это мальчик с очень хорошими задатками, простой, добрый, доверчивый, живой и шаловливый (когда здоров). Алексей Николаевич – общий любимец всей семьи. Его воспитание и образование шло в соответствии с его возрастом и здоровьем. Способности у него хорошие – но замечалась склонность к лени.

Вообще в домашнем быту Государева семья производила отличное впечатление: все были искренне связаны чувствами простой, бесхитростной любви друг к другу. Как отношения родителей и детей между собою, так и отношения родителей к детям были самые сердечные, полные взаимной любви и уважения. Могу также отметить, что в семье наблюдалась неподдельная религиозность, с оттенком мистицизма в б. Государыне. Ни в Алексее Николаевиче, ни в в. княжнах не было никакого стремления к почестям, внешнему блеску и могуществу. Вкусы их были простые, отношения к окружающим также отличались простотой и сердечностью. После революции Государь взял на себя преподавание Алексею Николаевичу уроков истории и географии, а Государыня взяла на себя преподавание Закона Божия.

Из жизни в Тобольске я припоминаю случай, когда Государь был очень взволнован и огорчен, прочитав в газетах о Брест-Литовском договоре[16]. С этого момента Государь, видимо, еще больше страдал за Россию. Предательство немцев и большевиков возмущало Государя до глубины души. Вообще, по поводу распространенного в России мнения, что под крышей царского дворца свила себе гнездо германофильская партия, должен по совести засвидетельствовать, что за время своего продолжительного пребывания во дворце я ни разу не слышал и не замечал признаков какого бы то ни было влияния немецкого родства Государыни. Правда, в Царском Селе, по условиям своего положения, я не мог вступать в беседы по этому поводу ни с Государем, ни с Государыней, но все же какое-либо определенное настроение не могло бы ускользнуть от моего внимания. Немецкая речь и немецкий язык совсем не были приняты в Царской семье. Алексей Николаевич совсем не знает немецкого языка, в. княжны говорили по-немецки очень плохо и не любили его. Дети между собою всегда почти говорили по-русски. С Государем также говорили только по-русски, а с Государыней – по-русски и по-английски.

В Тобольске, когда Царская семья вела образ жизни поневоле уединенный и замкнутый, обитатели дома быстро сближались и вели непринужденные разговоры на темы, выходящие из рамок будничного обихода. По поводу немецких интриг и побед в связи с Брестским договором Государыня однажды выразила сожаление, что даже отречение Государя от престола не принесло никакой пользы для России. По поводу газетных заметок о том, что одним из секретных пунктов Брестского договора было предусмотрено перемещение Царской семьи в одну из нейтральных стран, Государыня воскликнула: „Je préfère mourir en Russie que d'etre sauvée par les Allemands" (я предпочту умереть в России, чем быть спасенной немцами). Такое отношение к германцам, по моему глубокому убеждению, не было рисовкой или притворством, так как было слишком искренним и проявлялось в тесном семейном кругу, когда не было смысла и цели быть неискренним. Не раз также Государыня негодовала на германцев, следя по газетам за тем, как немцы кусок за куском отрывали от России. Приведенную мною фразу Государыни по поводу отречения Государя от престола я, может быть, по несовершенному знанию русского языка передал не вполне точно. Смысл фразы тот, что оказалась бесполезной жертва, которую принес Государь, чтобы избежать внутренней, междоусобной войны во время войны против немцев. Вообще говоря, из всех разговоров и поступков Государыни за время пребывания в Тобольске я вынес впечатление, что она любит Россию, как свою вторую родину.

Никаких решительно догадок по поводу того, могли ли вмешаться в положение Царской семьи представители нейтральных или союзных держав, я не имею основания делать. Мне как-то в январе месяце этого года кн. В. А. Долгоруков сообщил, что его beau-père, обер-гофмаршал граф Бенкендорф, намерен был ходатайствовать через нейтральные государства о разрешении б. Государю и его семье выезда из пределов России в Японию. Были ли сделаны в этом направлении какие-либо шаги, – мне не известно. Вследствие этого я не могу высказать определенного суждения по вопросу о том, в какой мере основательны слухи, дошедшие и до меня, о том, будто некоторые члены б. Царской семьи увезены из Екатеринбурга большевиками, после того как они покинули город перед занятием его чехословаками, казачьими и Народной армии войсками.

Из предъявленных Вами вещей (предъявлены вещи, описанные в протоколе от /пропуск/) я признаю голубой с кистями кушак за принадлежащий Алексею Николаевичу. Металлическую пряжку от пояса в точности признать не могу, но утверждаю, что совершенно с такой же пряжкой пояс у б. Наследника был.

Относительно икон я показать ничего не могу, так как, по своим религиозным взглядам, я не понимаю иконопочитания и потому этим вопросом никогда не интересовался и не обращал внимания, у кого из членов Царской семьи и какие именно имеются иконы. Могу лишь удостоверить, что в комнатах, занимаемых в. княжнами и б. Наследником, было много икон.

По поводу предъявленного мне отрубленного пальца я затрудняюсь высказаться даже предположительно, так как в настоящем виде палец утратил какие-либо отличительные особенности. Пальцы на руке Государя были довольно плоские, с грубой кожей, у основания покрыты волосами. Не помню хорошенько вид и форму пальцев д-ра Боткина.

Знаю, что у д-ра Боткина были вставные зубы. Предъявленные Вами две пластинки вставных зубов похожи на те, какие имел Боткин. Пластинки были изготовлены ялтинским зубным врачом Кастрицким.

По поводу предъявленной Вами серьги с жемчужиной, признанной мною за принадлежащую б. Императрице, я представляю Вам, г. следователь, фотографическую карточку, снятую мною с Государыни в 1913 году в Ливадии. На этой карточке, как это ясно видно, в ушах Государыни вдеты серьги, из которых каждая состоит из одной крупной жемчужины в золотой оправе[17]. Я полагаю, что предъявленная мне серьга тождественна с изображенными на карточке.

Относительно драгоценностей прошу внести следующую поправку: я ошибся, сказав, что все драгоценности были зашиты в шляпах и костюмах б. в. княжен. Таким способом были спрятаны наиболее ценные вещи, часть же вещей была уложена в чемодан. Укладывала вещи М. Г. Тутельберг. Какие именно вещи были уложены в чемодан, каков внешний вид чемодана и какие другие вещи были сложены в том чемодане – не знаю, так как укладка производилась не на моих глазах. При решении вопроса о драгоценностях в. княжны обратились за советом к генералу Татищеву, м-ру Гиббсу и ко мне, и княжны последовали нашим указаниям.

Забыл Вам сказать, что генерал Татищев при выезде из Тобольска в Екатеринбург имел при себе около 30 000 рублей денег (точную цифру теперь не помню).

Относительно предъявленного Вами мальтийского креста я не могу сообщить никаких сведений, так как подобного креста мне видеть не приходилось.

Более по делу показать ничего не имею. Протокол прочитан.

Петр Андреевич Жильяр.
Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.

62

ПРОТОКОЛ

1918 года, октября 18–19 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда Иван Александрович Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 и 722 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, Михаил Иванович Летемин, 36 лет, происхожу из крестьян Сысертского завода, Екатеринбургского уезда, грамотный, под судом был: в 1911 году приговором Екатеринбургского окружного суда от/.../ за покушение на растление присужден к лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на четыре года. Наказание отбыл, за применением законных льгот, в 1913 году. От военной службы освобожден по болезни. Постоянно живу в месте приписки.

По ремеслу я портной и последние пять лет проживал в Сысертском заводе. В мае сего года в наш завод прибыл комиссар Мрачковский и начал набирать из ра-

бочих команду для охраны дома Ипатьева, в коем был заключен б. Царь со своей семьей. Узнав о цели приезда Мрачковского и осведомившись, что по условию службы полагалось 400 рублей жалованья в месяц, я пошел к Мрачковскому, который производил прием в помещении местного совета, и предложил свои услуги для несения службы по охране б. Царя. Мрачковский тут же справился о моем поведении и зачислил меня на службу с 20 мая 1918 года. Вся команда, в числе 30 человек, была набрана из сысертских рабочих. Из них я могу назвать следующих лиц: братья Стрекотины (старший – Андрей и младший, кажется, – Михаил), Иван Старков, Вениамин Сафонов, Николай Попов, Николай Подкорытов, Талапов Иван, Котегов Иван и Садчиков Николай. Других я, хотя в лицо и знаю, но фамилий одних совсем не знаю, а фамилии других – забыл.

До нашего прибытия в Екатеринбург дом Ипатьева охранялся, кажется, красноармейцами, но их почему-то признали негодными для охраны. Сначала всю команду (кроме меня) поместили в здании нового гостиного двора, а затем всех поселили в нижнем этаже дома Ипатьева, и с этого времени мы стали нести при доме караульную службу. Посты мы стали обслуживать числа с 24–25 мая. Из всех караульных только я один, с разрешения коменданта, поселился на частной квартире, так как со мной приехала жить и моя жена. Дом Ипатьева носил название „Дом особого назначения" и находился под начальством коменданта и его помощника. Комендантом дома сначала был Авдеев (имени и отчества его не знаю), а его помощником – Александр Мошкин.

Царь с семьей, служителями и доктором помещался в верхнем этаже дома, где учреждены были два караульных поста: пост № 1 – на площадке, за парадной дверью, и пост № 2 – на другой площадке, где находятся ванная и уборная. За время моей службы мне приходилось дежурить на этих постах раза три, но как протекала жизнь б. Царской семьи, наблюдать я не мог, так как двери из передней комнаты, где стоит чучело медведя, во внутренние покои, где проживала семья, всегда были затворены. В комнате, смежной с передней, налево от входа, помещался комендант со своим помощником. Кроме двух внутренних постов, установлено еще было семь наружных постов: пост № 3 – внутри ограды (двора), у ворот, пост № 4 – у калитки, снаружи двора, по линии парадного крыльца, пост № 5 – на первой будке, снаружи большого забора, пост № 6 – на будке по Вознесенскому проспекту, пост № 7 – на углу дома, внутри малого наружного двора, пост № 8 – в саду и пост № 9 – на заднем дворе. Были еще два пулеметных поста, обслуживаемые теми караульными, которые умели обращаться с пулеметами: пулеметный пост № 1 был устроен на балконе, выходящем в сад, а пост № 2 – внутри дома, в нижнем этаже, в той комнате, где в одном из двух окон, выходящих в сад, выставлена зимняя рама; на подоконнике этого окна и стоял пулемет.

На посту приходилось дежурить по четыре часа, с 12-часовым отдыхом между дежурствами. Наряды на дежурство назначал разводящий Павел Медведев[1]. Во время прогулок Царской семьи по саду, кроме дежурного постового, ставился еще добавочный караульный и дежурил один из помощников коменданта. До постройки второго большого забора Царская семья выходила в сад внутренним ходом, по лестнице, ведущей вниз с той площадки, где была уборная. Наследник все время был болен и ходить не мог, так что по лестнице его сносил на руках Государь, а дальше везли на кресле-коляске. После устройства второго забора Царская семья выходила на прогулку через парадные двери. Сначала прогулки допускались один раз в день, а впоследствии, по настоянию доктора, были разрешены две прогулки: первая – около десяти часов утра и продолжалась один час и вторая – после обеда и продолжалась 1 1/2 часа. Обед для семьи приносился из советской кухмистерской, а последние две-три недели обед готовили на кухне, устроенной в верхнем этаже дома. Сначала, пока охрана состояла только из сысертских рабочих, нам приходилось дежурить в три смены. Это обстоятельство вызвало среди команды ропот, вследствие чего, недели через две, состав команды был усилен рабочими Злоказовской фабрики. Тогда же для помещения всей команды был занят противоположный дом Попова. В этом доме, разделенном на две половины, поселились:

в одной половине – сысертские рабочие, а в другой – злоказовские. Злоказовских рабочих было 16 человек. В нижнем этаже дома Ипатьева поселилось несколько человек охраны, обслуживавших внутренние посты за №№ 1 и 2; всех было человек 8–10. Имен и фамилий их не знаю, но могу удостоверить, что они тоже были набраны из рабочих Злоказовской фабрики. Говорю это, основываясь на сведениях, сообщенных мне теми злоказовскими рабочими, которые жили в доме Попова.

После удаления от должности коменданта Авдеева, одновременно с ним были удалены и те злоказовские рабочие, которые несли внутреннюю охрану. Новый комендант Юровский нанял для внутренней охраны 10 человек латышей, которые и поселились в комнатах нижнего этажа Ипатьевского дома[2]. Имен и фамилий этих латышей я не знаю. Из злоказовских рабочих я также почти никого не могу назвать по фамилии, так как мне редко приходилось с кем-либо разговаривать, да и в казарму (дом Попова) я заходил только по служебной надобности. Вами прочитан мне список фамилий (прочитан список, описанный в протоколе от /.?./ августа с. г.) и здесь встречаются фамилии, которые я помню по перекличкам: Варакушев, Путилов, Мостиков, Хохряков, Клещев, Прохоров, Логинов – все это фамилии охранников из злоказовских рабочих. Турыгин, Вяткин, Садчиков, Талапов, Русаков, Подкорытов и Шевелев – все это наши сысертские рабочие, служившие в охране. Знакома еще фамилия Котов – это тоже охранник из сысертских рабочих. Из них на пулеметных постах дежурили: Турыгин, Садчиков[3], Шевелев и Талапов.

Я состоял на службе в команде Дома особого назначения до конца, т. е. до снятия с дома охраны. 16-го июля я дежурил на посту № 3 с 4-х часов дня до 8 часов вечера и помню, что, как только я вышел на дежурство, б. Царь и его семья возвращались с прогулки. Ничего особенного я в этот раз не заметил.

17 июля я пришел на дежурство к 8 часам утра. Предварительно я зашел в казарму и здесь увидел мальчика, состоявшего в услужении при Царской семье. Появление мальчика меня очень удивило, и я спросил: „Почто он здесь?" (почему он здесь?). На это один из товарищей – Андрей Стрекотин, к которому я обратился с вопросом, только махнул рукой и, отведя меня в сторону, сообщил мне, что минувшей ночью убиты Царь, Царица, вся их семья, доктор, повар, лакей и состоявшая при Царской семье женщина. По словам Стрекотина, он в ту ночь находился на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа[4] и видел, как в его смену (а он должен был дежурить с 12 часов ночи до 4 часов утра) сверху привели вниз Царя, Царицу, всех царских детей, доктора, двоих служителей и женщину и всех их доставили в ту комнату, которая сообщается с кладовой[5]. Дверь, ведущая из этой комнаты в кладовую, всегда оставалась запечатанной и охране строго было приказано не открывать этой двери, так как в ней хранились вещи, принадлежавшие домовладельцу Ипатьеву. В каком порядке следовали Царь, его семья, доктор и слуги, как доставлен был вниз Наследник – ничего этого я не знаю и никого об этом не спрашивал. Стрекотин мне только объяснил, что на его глазах комендант Юровский „вычитал бумагу" и сказал: „Жизнь Ваша покончена". Царь не расслышал и переспросил Юровского, а Царица и одна из дочерей перекрестились. В это время Юровский выстрелил в Царя и убил его на месте, а затем стали стрелять латыши и разводящий Павел Медведев. Сколько было латышей – я не спросил.

Из рассказа Стрекотина я понял, что убиты были решительно все. Поэтому я полагаю, что был убит и Наследник. В каком положении находился Наследник перед расстрелом, т. е. сидел, лежал или его держал кто-либо на руках – не знаю, никого об этом я не спрашивал. Не знаю также, в какой одежде были приведены на расстрел Государь и его семья. Сколько выстрелов было произведено во время расстрела – не знаю, не спрашивал. Нет, я припоминаю, что в разговоре заметил Стрекотину: „Пуль ведь много должно остаться в комнате", и Стрекотин мне ответил: „Почто много? Вон, служившая у Царицы женщина закрывалась от выстрела подушкой, поди, в подушке много пуль застряло". Тот же Стрекотин, между про-

чим, сказал мне, что после Царя был убит „черноватенький" слуга[6]: он стоял в углу и после выстрела присел и тут же умер. Других подробностей касательно расстрела я не знаю. Выслушав рассказ, я сказал: „Столько народу перестреляли, так ведь крови на полу должно быть много". На это мое замечание кто-то из товарищей (кто именно, не помню) объяснил, что к ним в команду присылали за людьми, и вся кровь была смыта. В этот раз беседовать дольше мне не пришлось, так как нужно было идти на караул.

Отбыв дежурство, я вернулся в казарму, и тогда мне объяснили, что, вероятно, нам придется идти „на фронт". Я сказал, что на фронт не пойду, так как „не рядился на это, а рядился только служить в караульной команде при Доме особого назначения". Поговорив немного об этом, снова свели речь на убийство Царя и его семьи. Находившийся в это время в казарме шофер Люханов объяснил, что всех убитых он увез на грузовом автомобиле в лес, добавив, что кое-как выбрался: темно, да пеньки на дороге. В какую сторону были увезены убитые и куда девали их трупы – ничего этого Люханов не объяснил, а я сам не спросил. Тогда я заинтересовался еще узнать, как вынесли убитых из дому, полагая, что опять-таки при переноске окровавленных тел должно остаться много кровавых следов. Кто-то из команды (кто именно, не помню) сказал, что вынесли трупы через черное крыльцо во двор, а оттуда – на автомобиль, стоявший у парадного крыльца. Говорили, что тела выносили на носилках. Сверху тела были чем-то закрыты, следы крови во дворе заметали песком. Андрей Стрекотин, который сообщил мне о расстреле, ушел из Екатеринбурга со всеми другими большевиками, и где он теперь находится – не знаю. Шофер Люханов – также эвакуировался вместе с красной армией.

Все то, что я узнал об убийстве Царя и его семьи, меня очень заинтересовало, и я решил, насколько возможно, проверить полученные мною сведения. С этой целью 18-го июля я зашел в ту комнату, где был произведен расстрел и увидел, что пол был чист. На стенах также никаких пятен я не обнаружил. В задней стене, на левой руке от входа, я заметил три дырочки глубиной с сантиметр каждая. Больше никаких следов стрельбы я не видел. Осмотр я производил уже вечером и торопился, боясь, что кто-либо из начальства заметит, что я интересуюсь этим делом. Следов пуль или штыковых ударов на полу осмотренной мною комнаты я не заметил, хотя, повторяю, что осмотр я делал беглый, наспех. Вообще следов крови я нигде не обнаружил.

В течение 18, 19, 20 и 21 числа июля как из помещений, занимаемых Царской семьей, так и из кладовых и амбаров увозили на автомобилях царские вещи. Увозом вещей распоряжалось два молодых человека – помощника Юровского. Вещи увозили на вокзал, так как уже советское начальство решило покинуть Екатеринбург, ввиду приближения чехословаков. Часть вещей, представлявших небольшую ценность, просто валялась в разных местах без всякого призора на дворе, на полу в комнатах и в амбаре. Из вещей, предъявленных мне Вами (предъявлены вещественные доказательства, описанные в протоколе от /.?./ сентября 1918 года), часть мною подобрана как брошенная, а часть мне разрешил взять комиссар Жилинский, приехавший в дом Ипатьева 22-го июля. Белье мне выдал из кладовой один из помощников коменданта. Отобранные у меня деньги в сумме 575 рублей – мои собственные деньги, заработанные мною своим трудом. Перед отъездом большевиков из города Павел Медведев выдал мне жалованье за полтора месяца вперед – всего 675 рублей. Собачку, принадлежавшую Царской семье, по кличке „Джэк", я взял себе, потому что она уже ранее привыкла ко мне, и я просто пожалел ее, опасаясь, что она пропадет с голода.

По поводу убийства Царской семьи мне еще передавал австриец, по имени Адольф, прислуживавший коменданту, что комендант в ту ночь предупреждал его, чтобы он не боялся, если услышит что-либо ночью. Тот же Адольф говорил, что слышал ночью какой-то плач, а потом окрик: „Тише!" Более показать ничего не могу.

Протокол прочитан. Записан верно.

Михаил Иванов Летемин.
Ив. Сергеев.

63

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1918 года, октября 22 дня, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, Алексей Андреевич Волков, 59 лет, происхожу из крестьян Тамбовской губернии, Козловского у., Вышневской волости, православный, грамотный, не судился, проездом нахожусь в городе Екатеринбурге. В 1911 году пожалован званием потомственного почетного гражданина[7].

С 1886 года я находился на службе при дворе б. великого князя Павла Александровича[8], сначала в должности рейткнехта, а потом в должности камердинера. В 1903 году я был назначен официантом при дворе б. Государя Императора, а в 1916 году был назначен на должность камердинера при б. Государыне Императрице. После Февральской революции, когда Государь со своей семьей был заключен под особую охрану в Царскосельском дворце, я продолжал свою службу при семье б. Царя. 1 августа 1917 года Государь с семьей был отправлен на жительство в Тобольск. Я также поехал с Царской семьей.

В Тобольске для жительства Царской семьи был отведен и приспособлен бывший Губернаторский дом. Здесь поместилась вся Царская семья, придворные служители и учитель французского языка П. А. Жильяр. Прибывшие в Тобольск придворные: генерал И. Л. Татищев, гофмаршал В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин, фрейлина гр. А. В. Гендрикова, гоф-лектриса Е. А. Шнейдер и доктор В. Н. Деревенко поместились в расположенном наискось Губернаторского дома Корниловском доме. Тут же поселился и учитель английского языка мистер Гиббс. Первое время, до марта 1918 года, условия содержания Царской семьи были вполне удовлетворительными, а затем введено было ограничение в виде определенной суммы ежемесячно: на содержание всей семьи и состоящих при ней лиц стали выдавать по 4200 рублей в месяц.

16 апреля по ст. ст. бывший Государь вместе с Государыней и в. к. Марией Николаевной были отправлены на жительство в город Екатеринбург, а б. в. к. Ольга, Татьяна и Анастасия Николаевны остались пока в Тобольске, вследствие болезни Наследника Алексея Николаевича. Распоряжение об отъезде Царя сделано было прибывшим в Тобольск комиссаром Яковлевым. Недели через две после отъезда б. Царя в Тобольск приехал комиссар Хохряков и сменивший коменданта Кобылинского некто Родионов. По их настояниям стали собираться в дорогу и все другие остававшиеся в Тобольске члены Царской семьи. Выехали из Тобольска в 12 часу дня 7 мая ст. ст. и прибыли в Екатеринбург 10 мая. Все царское имущество было уложено в сундуки и доставлено также в Екатеринбург. По прибытии поезда на ст. Екатеринбург Хохряков и Родионов увезли на извозчиках великих княжен и Наследника. Часа через два после отъезда членов Царской семьи из вагона был вызван я, и вместе с графиней Гендриковой, Е. А. Шнейдер, И. Л. Татищевым, поваром Харитоновым и мальчиком Седневым на четырех извозчиках мы были отправлены в город. На дороге Харитонов и мальчик Седнев были высажены у дома Ипатьева, а все остальные были доставлены в тюрьму под присмотром комиссара Мрачковского.

С этих пор до самого последнего времени я не имел и не имею никаких сведений о судьбе Государя и членов его семьи.

Из Екатеринбургской тюрьмы я, вместе с Е. А. Шнейдер и А. В. Гендриковой, был взят 20 июля нового стиля и доставлен на станцию Екатеринбург, а отсюда

в арестантском вагоне нас отправили в Пермскую тюрьму. Генерал Татищев был взят из тюрьмы приблизительно в 20-ых числах мая по ст. ст., но куда его отправили и какова его дальнейшая судьба – не знаю. 22 августа ст. ст. я, графиня Гендрикова и Е. А. Шнейдер ночью были доставлены в арестный дом и отсюда нас, вместе с другими заключенными, в числе 11 человек (из них я могу назвать жену полковника Знамеровского), повели через город в лес для расстрела. Окружены мы были вооруженным конвоем в числе 22 человек. Конвой состоял из русских и латышей. Когда вступили в лес, я, улучив удобный момент, при повороте дороги между цепью конвойных сделал прыжок в сторону и побежал в лес. Вдогонку в меня были произведены три выстрела, но я остался невредим, а погони за мной не сделали[9]. Благодаря этому мне и удалось спастись от смерти. Убегая, я слышал три залпа: полагаю, что это расстреливали моих товарищей по заключению.

Два дня я шел лесом без пищи и питья, придерживаясь полотна дороги. Скрывался я по деревням и по лесам, одевшись в бедную крестьянскую одежду. 6/19 октября, после полуторамесячных скитаний, я, наконец, вышел на занятую чехословаками ст. Упь и вчера прибыл в Екатеринбург, а сегодня вечером уезжаю в Тобольск к своей семье, где и буду проживать. Я обещаюсь сообщить Вам свой адрес и известить Вас о перемене такового. Более пока показать ничего не имею.

Прочитано.

Алексей Андреевич Волков.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.

64

ПРОТОКОЛ
допроса свидетельницы

1918 года, ноября 9–10 дня, в гор. Екатеринбурге, в камере своей член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и она показала:

Я, Мария Даниловна Медведева, 26 лет, жительница Сысертского завода, Екатеринбургского у., православная, не судилась, в настоящее время содержусь при 3 части милиции города Екатеринбурга.

Уже около 10 лет я состою в супружестве с жителем нашего завода Павлом Спиридоновичем Медведевым и имею от него троих детей. Муж мой – человек грамотный, непьющий и не буян, так что жили мы с ним очень дружно и хорошо. Меня и детей он очень любил и заботился о нас. Осенью 1914 года Павел был призван на службу в ополчение, но через два месяца был от службы освобожден, как горнозаводской рабочий. Живя дома, муж работал на заводе в сварочном цехе, а в свободное время занимался сапожным ремеслом. После революции, до масленицы нынешнего года, муж продолжал работать на заводе, а незадолго перед масленой записался в красную гвардию и уехал на службу в город Троицк. Сколько получал Павел за свою службу, не знаю, а я на себя и детей получала ежемесячно 175 руб.: деньги я получала от сысертского Совета раб. кр. и солд. депутатов. На Страстной неделе, за четыре дня до Пасхи[1], муж вернулся домой и прожил дома около трех недель. В Троицке муж ходил на войну с каким-то Дутовым. По словам мужа, на Дутовском фронте он участвовал в боях. Кто это такой Дутов, с которым воевали красноармейцы – не знаю[2]. Не знаю также, почему был отпущен Павел домой. Из

разговоров мужа я знаю, что начальником красногвардейцев на Дутовском фронте был комиссар Мрачковский.

В начале мая (считая по ст. стилю) муж записался в команду, набранную для охраны того дома, в котором была помещена Царская семья. Для найма охранников в наш завод приезжал комиссар Мрачковский. Записались из нашего завода 30 человек рабочих, и все уехали в Екатеринбург. Жалованья было положено по 400 р. при готовой квартире и столе. Недели через две после отъезда муж мой снова приехал в Сысертский завод с поручением набрать среди рабочих еще 20 человек для пополнения команды. Поручение было дано моему мужу комиссаром Голощекиным. Набор производился по записи, а записываться приходили в помещеие местного Совета Р.К. и С.Д. Муж мой жил в той же казарме, в которой помещались и другие охранники, но у него была отдельная маленькая комнатка, так как он был разводящим. В городе я навещала мужа четыре раза: останавливалась и жила я в отведенной мужу комнате. Из наших сысертских рабочих, служивших в команде, я могу назвать следующих: два брата Стрекотины (старший – Андрей и младший – Алексей), отец и сын Старковы (Иван Петрович и Иван Иванович), Николай Садчиков, Котов (имени его не знаю), Егор Столов, Константин Степанович Добрынин, Николай Зайцев, Сафонов „Файка" (а настоящее имя его не знаю), Иван Талапов, Котегов Иван, Турыгин Семен, Русаков (имени не знаю). Других не припомню. Вы спрашиваете меня про Михаила Летемина – и я вспомнила, что он тоже служил в команде по охране Царской семьи. Про службу с мужем я разговаривала мало, больше толковали о своих домашних делах, и потому я ничего не могу Вам сказать о том, как жила Царская семья в Ипатьевском доме.

Последний раз я приехала к мужу в город в первых числах июля с./г. (считая по старому стилю). Время я высчитываю вот как: 22 июля я бываю именинницей, после моих именин, на четвертый день, меня арестовали и увезли в город, т. е. это произошло 26 июля, а до дня ареста со дня возвращения моего домой из Екатеринбурга я прожила дома три недели. К мужу своему я явилась по его сообщению, переданному мне по телефону. Пошла я пешком вместе с женой Егора Столова – Марией Тимофеевной Столовой. От Сысерти до Екатеринбурга 45 верст. Вышли мы из дому в 2 часа ночи и пришли в город к 1 часу дня. Придя в казарму, я мужа здесь не застала: он ходил куда-то к начальству. Дожидаясь мужа, я обратила внимание на то, что дом, в котором содержался Царь с семьей, оставлен почти без охраны: всего только на двух постах были дежурные, остальные же посты были свободны. Заинтересовавшись этим, я спросила: „Почему постов-то мало занято, где Государь у вас?" На это один из служащих в команде (Иван Ив. Старков) отвечал: „Увезли"[3]. Кто и куда увез, я не спросила. Служившие в команде говорили тогда, что их теперь будут отправлять на фронт. Вскоре пришел муж и объяснил, что команду велено отправить не на фронт, а на вокзал ст. Екатеринбург I, где и будут жить до сдачи города. Оставшись наедине со мной, муж объяснил мне, что несколько дней тому назад Царь, Царица, Наследник, все княжны и слуги Царской семьи, всего 12 человек, убиты. Подробности убийства в этот раз муж мой не передавал. Вечером муж отправил команду на вокзал, а на другой день мы с ним уехали домой, так как начальство уволило его в отпуск на два дня, для раздачи денег семьям красногвардейцев.

Уже дома Павел Медведев рассказал мне несколько подробнее о том, как было совершено убийство Царя и его семьи. По словам Павла, ночью часа в 2 ему велено было разбудить Государя, Государыню, всех царских детей, приближенных и слуг. Павел послал для этого Константина Степановича Добрынина[4]. Все разбуженные встали, умылись, оделись и были сведены в нижний этаж, где их поместили в одну комнату. Здесь вычитали им бумагу, в которой было сказано: „Революция погибает, должны погибнуть и Вы". После этого в них начали стрелять и всех до одного убили. Стрелял и мой муж[5]. Он говорил, что из сысертских принимал участие в расстреле только один он, остальные же были не „наши", т. е. не нашего завода, а русские или не русские – этого мне объяснено не было. Стрелявших было тоже 12 человек. Стреляли не из ружей, а из револьверов: так, по крайней

мере, объяснял мне муж. Убитых увезли далеко в лес и бросили в ямы какие-то, но в какой местности, ничего этого муж мне не объяснил, а я не спросила.

Рассказывал мне муж все это совершенно спокойно. За последнее время он стал непослушный, никого не признавал и как будто свою семью перестал жалеть. Прожив дома два дня, муж уехал в город, и с тех пор я никаких сведений о нем не имела и не имею. Говорят, что он находился вместе с комиссаром Мрачковским. Из вещей, отобранных у меня, саквояж привез с собой мой муж, сказав, что эту вещь ему дал комендант. В саквояже были какие-то вещицы. Два серебряных кольца с какими-то надписями муж прислал мне из города с Елизаветой Зайцевой, женой Николая Зайцева. После занятия города Екатеринбурга чехами и казаками большинство рабочих Сысертского завода ушло с красной армией. Из рабочих, бывших в охране дома Ипатьева, большинство ушло с остальными красноармейцами, некоторые разбежались, и я не знаю, остался ли дома хоть один. До убийства Государя я от мужа не слыхала никаких намеков на то, как поступят с Царем и его семьей в случае приближения чехов к Екатеринбургу. Повторяю, что при свиданиях с мужем я не расспрашивала его о его служебных делах, да это и дело не моего ума. Припоминаю, что последний раз я пришла к мужу в пятницу[6], а уехали мы с ним домой в субботу. Дома муж пробыл до понедельника, а в понедельник утром уехал в город. Впоследствии от Елизаветы Зайцевой я слышала, что муж приехал в город в „веселом виде".

Более по делу показать ничего не имею. Протокол мне прочитан.

Мария Медведева, неграмотная, а за нее, по ее доверию и просьбе, расписался

Игорь Владимирович Богословский.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.

При допросе присутствовал товарищ прокурора Н. Остроумов.

65

ПРОТОКОЛ

1918 года, ноября 13 дня, в Верх-Исетском арестном доме член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, Прокопий Владимирович Кухтенков, 51 года, кр. Александровской волости и завода, Соликамского уезда, православный, грамотный, не судился[1]:

Уже более 10 лет я живу в Верх-Исетском заводе. Служил я десятником каменных работ. После Октябрьского переворота, в ноябре 1917 года, когда были смещены многие из состава высшей заводской администрации, управляющим заводом был назначен б. помощник управляющего инженер Дунаев, а для контроля его действий по управлению заводами фабрично-заводской комитет назначил особого комиссара. Выбор почему-то пал на меня, хотя я и указывал на свое недостаточное знакомство с конторской и технической стороной заводского дела. В должности комиссара я пробыл месяца полтора, а затем был освобожден от этого звания и стал работать каменщиком в прокатном цехе. В партию большевиков формально я вступил в январе 1918 года[2], но членский взнос уплатил всего лишь за один месяц. После заключения Брестского договора, признанного большинством сознательных рабочих вредным и позорным, я записался в красную армию, чтобы воевать против немцев. Очень короткое время нас, записавшихся в красную

армию, обучали военному строю, а затем отправили на фронт, но не на борьбу с немцами, а на борьбу с контрреволюционером Дутовым, в г. Троицк. Командовали этим фронтом комиссары Малышев[3] и Мрачковский. На фронте я пробыл дней 20 и затем был эвакуирован по болезни. Борьба наша с Дутовым была трудная: при отступлении приходилось делать переходы верст по 70, и в самой тяжелой обстановке, так что в Троицк меня привезли без памяти. В Верх-Исетск я возвратился перед Пасхой и некоторое время находился в больнице на излечении. Выписавшись из больницы, я был освидетельствован и освобожден от службы в красной армии.

В мае месяце я был выбран на должность заведывающего хозяйственной частью рабочего клуба и оставался в этой должности до отхода красной армии из Екатеринбурга. Клуб был учрежден партией большевиков (коммунистов), но его посещали и не состоявшие членами партии. Квартиру я имел при клубе. Делами клуба управлял президиум в составе семи членов. Из состава президиума я могу назвать: председателя Ивана Парамоновича (или Парменовича – не помню хорошенько) Сибрина и членов Ивана Федоровича Фролова и Александра Егоровича Костоусова[4], имен и фамилий остальных не знаю. Члены клуба имели право посещать его и в течение всей ночи: ввиду этого было установлено ночное дежурство членов президиума. Числа 18–19 июля н/ст., часа в четыре утра, в клуб пришли: председатель Верх-Исетского Исполнительного комитета Совета Р.К. и Красноарм. Деп. Сергей Павлович Малышкин, военный комиссар Петр Ермаков[5] и видные члены партии Александр Егорович Костоусов, Василий Иванович Леватных[6], Николай Сергеевич Партин[7] и Александр Иванович Кривцов. Все они прошли в так называемую партийную комнату. Когда я зашел было к ним в комнату, чтобы погасить электрические лампочки, кто-то из собравшейся компании сказал мне: „Товарищ Кухтенков, уходи: у нас деловой разговор", и я вышел из комнаты, а затем вскоре уехал на рынок за покупками. Вернувшись с рынка, я уже никого из них в клубе не застал.

На следующую ночь, также часа в четыре, те же самые лица, за исключением Малышкина, пришли в клуб. Вид у них, как и в прошлый раз, был „воинственный". Любопытство мое было сильно затронуто, и я решил, насколько возможно, узнать, о чем они совещаются. Было уже светло, и я подошел к партийной комнате, чтобы погасить электричество. Дверь в комнату была не притворена, и, подходя, я услышал сказанную кем-то отрывочную фразу: „ ...всех их было тринадцать человек, тринадцатый – доктор"[8]. Сказал это не то Партин, не то Леватных. Увидев меня, они сказали: „Уходи", а потом один из них (кто именно, не помню) сказал: „Ну, ладно, старик, прибирайся, мы в сад пойдем". Я сделал вид, что занимаюсь уборкой помещения и унес в ванную комнату драпировки, а затем, вслед за ними, потихоньку пробрался в курятник. Из курятника я вышел к огороду и через огородную дверь – в огород, смежный с клубным садом. В огороде я подполз к земляничной грядке и стал подслушивать разговор упомянутых в моем показании лиц[9]. Они сидели на скамейке, в расстоянии нескольких сажен от меня. Прежде всего я услышал следующую, сказанную Александром Костоусовым, фразу: „Второй день приходится возиться, вчера хоронили, а сегодня перехоранивали", при этом Костоусов „заматюкался" и утерся платком. Восстановить полностью и в связной форме весь происходивший в саду разговор я не могу, так как до меня доходили только отдельные фразы. Из всего мною слышанного я понял, что Леватных, Партин и Костоусов принимали участие в погребении тел убитого Государя и членов его семьи и своими впечатлениями делились с Александром Кривцовым и комиссаром Ермаковым. Вопросы больше предлагал Кривцов, а объяснения давали и хвастались своими поступками Леватных и Партин. Так, Василий Леватных, между прочим, сказал: „Когда мы пришли, то они еще были теплые, я сам щупал царицу – и она была теплая"[10]. Тот же Леватных, похваляясь, сказал: „Теперь и умереть не грешно, щупал у царицы ...". Далее следовали вопросы, как были одеты убитые, красивы ли они, сколько их. Про одежду убитых, кажется, Партин сказал, что они все были в штанах. Далее кто-то говорил, что в одежде

были зашиты драгоценные камни, пояс подобрал – глядеть не на что, а в нем тоже камни были зашиты. На вопрос: „Красивы ли были?", последовал ответ: „Красивых не было", а другой кто-то добавил: „У мертвых красоту не узнаешь". Про Царя говорили, что пальтишко у него было „некорыстное", и сам он оброс бородой. Про Наследника также был разговор, кто-то из собеседников сказал: „Про Наследника говорили, что он умер в Тобольске, ан и он тут". О месте погребения убитых было сказано, что сначала их похоронили в двух местах за вторым Екатеринбургом, а затем увезли дальше и похоронили в разных местах. Где именно – этого сказано не было; я, по крайней мере, не слышал. Кто-то из собеседников начал перечислять убитых, до моего слуха дошли следующие имена: „Никола, Сашка, Татьяна, Наследник, Вырубова". Называли еще другие имена, но я их не слышал. Тогда же еще было сказано: „Тринадцатый – доктор". На вопрос: „Да знаешь ли ты всех-то и которая из них она?", Леватных ответил: „Как не знать, когда я сам щупал?" Этот ответ был покрыт смехом. Дальше подслушивать я опасался, боясь быть замеченным, и ушел из огорода. Приник я к гряде с земляникой с той целью, чтобы объяснить свое присутствие в огороде, если бы меня заметили, тем, что я вышел полоть гряду.

Все названные мною лица выбыли из города перед занятием его чехословаками и казачьими войсками. Я также уехал с красной армией, но близ дер. Палкиной, когда я вышел в деревню за молоком, поезд, в котором я ехал, поспешно ушел, ввиду наступления чехов, и я оставлен был на произвол судьбы. Добравшись до Верх-Исетска, я здесь был через некоторое время опознан, и меня хотели убить, а потом побили и арестовали[11]. По делу я показал Вам чистую правду.

Показание мне прочитано. Записано верно.

Прокопий Владимирович Кухтенков.
Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

66

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1918 года, ноября 14 дня, в городе Екатеринбурге член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. у. у. с., и он показал:

Я, Петр Порфирьевич Богоявленский, 48 лет, помощник акцизного надзирателя 1-го уч. 1-го округа Пермской губернии, православный, живу в Екатеринбурге по 1-ой Мельковской улице, д. №3.

Первый акцизный участок, которым я заведовал, находится в городе Камышлове, где я и имею постоянное место жительства. В первой половине июня сего года (по новому стилю) ко мне зашел мой знакомый Василий Лукич Крысов – управляющий заводом Мешкова в селе Сухой Лог, Камышловского уезда. В разговоре, между прочим, Крысов сообщил мне, что один из рабочих управляемого им завода, приехав из Екатеринбурга, передавал ему, что видел своими глазами, как б. Государя на ст. Екатеринбург посадили в вагон. По словам того рабочего, Государь был в старой потрепанной шинели и при посадке его грубо втолкнули в вагон. Фамилии того рабочего мне Крысов не называл. Я очень хорошо помню, что разговор с Крысовым происходил у меня не в июле, а в июне месяце. Сведения

о том, что б. Государь убит, дошли до меня 26 июля (н. ст.), а разговор с Крысовым происходил у меня более чем за месяц до получения мною сведений об убийстве Царя[1 2]. Насколько достоверно сообщение Крысова – я не знаю, но помню, что он отнесся к сообщению рабочего как к факту, заслуживающему доверия, и потому даже выразил догадку, что Государя увезли в Ригу на основании одного из пунктов Брестского договора. Добавляю, что, как говорил мне Крысов со слов рабочего, поезд, в который посадили Государя, был роскошный и был отправлен в путь.

Узнав о том, что Вы производите следствие по делу об убийстве Государя, я счел себя обязанным довести до Вашего сведения все то, что я Вам изложил в настоящем показании. Более по делу показать ничего не имею.

Прочитано.

Петр Порфирьевич Богоявленский.
Член суда Ив. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

67

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1918 года, ноября 22/9 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, Николай Яковлевич Седов, 22 лет, штаб-ротмистр Крымского конного полка, временно проживаю в городе Екатеринбурге по Госпитальной улице в доме № 6.

Узнав о том, что Вы производите следствие по делу об убийстве б. Императора Николая Александровича и членов его семьи, я явился к Вам, чтобы сообщить следующие факты[1].

Как офицер полка, шефом коего была б. Императрица Александра Федоровна, я, по соглашению с некоторыми другими офицерами, преданными Царской семье, задался целью оказывать заключенному Императору возможную помощь. Почти всю минувшую зиму я прожил в городе Тюмени, где познакомился с Борисом Николаевичем Соловьевым, женатым на дочери известного Григория Распутина[2].

Соловьев, узнавши как-то о моем появлении в Тюмени, сообщил мне, что он стоит во главе организации, поставившей целью своей деятельности охранение интересов заключенной в Тобольске Царской семьи путем наблюдения за условиями жизни Государя, Государыни, Наследника и великих княжен, снабжения их различными необходимыми для улучшения стола и домашней обстановки продуктами и вещами и, наконец, принятия мер к устранению вредных для Царской семьи людей. По словам Соловьева, все сочувствующие задачам и целям указанной организации должны были явиться к нему, прежде чем приступить к оказанию в той или иной форме помощи Царской семье. В противном случае, говорил мне Соловьев, я налагаю „veto" на распоряжения и деятельность лиц, работающих без моего ведома. Налагая „veto", Соловьев, в то же время, предавал ослушников советским властям. Так им были преданы большевикам два офицера гвардейской кавалерии и одна дама. Имен и фамилий их я не знаю, а сообщаю Вам об этом факте со слов Соловьева[3].

Осведомившись о том, что я намерен отправиться в Тобольск, Соловьев объяснил мне, что в Тобольске принимает деятельное участие в заботах о Царской семье местный священник о. Алексей Васильев, которому пересылались для этой цели крупные денежные суммы[4]. В апреле сего года, на шестой неделе Великого поста, я отправился в Тобольск. На пути, в дер. Дубровно (верстах в 50–60 от Тобольска) я встретил „поезд" с Государем, Государыней и в. к. Марией Николаевной. Поезд состоял из трех троек с пулеметами и пулеметчиками, на следующей тройке ехал Государь с комиссаром Яковлевым, за ними следовала тройка с Государыней и в. к. Марией Николаевной, далее – тройка с Боткиным и князем Долгоруковым. В конце поезда были тройки со служителями и затем – с красноармейцами. Поезд я видел в самой деревне и имел возможность близко увидеть Государыню и Государя. Государыня узнала меня и осенила меня крестом.

По прибытии в Тобольск я пошел к отцу Алексею Васильеву и здесь имел разговор с его старшим сыном (кажется, зовут его Дмитрием) по поводу данного мне Б. Н. Соловьевым поручения выдать мне для передачи Соловьеву 10 000 рублей из той суммы денег, которую Васильев должен был привезти из Петрограда. Денег я никаких не получил, так как Васильев ответил, что никаких денег он сам не получал. Узнав от меня, что я не принадлежу к соловьевской организации, мой собеседник отнесся ко мне с бо́льшим доверием и стал рисовать мне личность Соловьева и его деятельность в самых мрачных красках, утверждая, что Соловьев преследует только своекорыстные цели и никакой реальной помощи Царской семье не оказывает.

На следующий день я уехал в Тюмень и, по прибытии туда, передал Соловьеву результаты моих переговоров с Дмитрием Алексеевичем Васильевым. Соловьев, в свою очередь, также стал дурно отзываться как об о. Алексее Васильеве, так и об его сыновьях, называя их „спекулянтами" и утверждая, что у него имеются доказательства их дурных поступков. Каких-либо определенных фактов Соловьев мне не сообщил. Второй раз я прибыл в Тобольск в конце сентября и остановился на квартире у детей профессора Боткина. В этот приезд я прожил в Тобольске около одного месяца и из достоверных источников получил сведения о том, что о. Алексей Васильев в обществе своих знакомых хвастался, что у него имеются на хранении письма и документы, относящиеся к Государю и имеющие важное значение. Были у него, по его словам, и собственноручные письма Государя, переданные ему для отсылки по принадлежности. Передавали мне также, что в числе документов у о. Алексея Васильева находится и акт об отречении Государя от престола. Из вещей, принадлежащих Царской семье, у о. Василия были три браунинга, из коих один с вензелем Государя. С этим браунингом, по словам о. Алексея, уехал в уезд его сын Александр. Маленький браунинг мне показывал сам о. Алексей. Он же сам говорил мне, что у него есть винтовка Государя.

О. Алексей Васильев служит настоятелем Благовещенской церкви. В левом приделе этой церкви о. Алексей где-то хранил палаш Наследника Цесаревича. Палаш этот о. Алексей мне показывал и вынес мне его именно из левого придела церкви. Документы, по имеющимся у меня сведениям, хранятся частью в стене его дома (в переборках, разделяющих внутренние помещения), частью – где-либо на чердаке дома и в одном из церковных алтарей. Внутренние переборки дома представляют из себя полые дощатые перегородки, свободное пространство между перегородками наполнено мусором. Сам о. Алексей был со мной настолько откровенен, что рассказал мне, как он устроил потайное помещение: вырезал часть переборки, выбрал мусор, положил в образовавшуюся пустоту документы и снова заделал отверстие и заклеил обоями. В каком именно месте устроен тайник – о. Алексей мне не указывал.

По словам о. Алексея, часть вещей хранится у бывшего царского служителя Кирпичникова[5] и у начальника охраны Царской семьи полковника Кобылинского. Должен сообщить, что о. Алексей Васильев находится в явно враждебных отношениях с полковником Кобылинским. О полковнике Кобылинском

мне известно, что он распродавал из дворца некоторые царские вещи после отъезда Царской семьи из Тобольска и одновременно у него появились большие деньги[6].

Прочитано. Добавляю, что из разговоров с о. Васильевым я вынес впечатление, что хранимые им документы он намерен использовать в личных целях.

Штаб-ротмистр Седов.
Член Екатеринбургского окружного суда И. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

68

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1918 года, ноября 26 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд,, и они показали:

Я, Александр Васильевич Самойлов, 42 лет, происхожу из крестьян В.-Уфалейского завода, Екатеринбургского уезда, православный, грамотный, не судился, живу близ ст. Екатеринбург II, на лесопильном заводе Халамейзера.

С 1915 года я служу кондуктором на Омской ж. д., с жительством в гор. Екатеринбурге. Перед Пасхой этого года я поселился на квартире у Александра Семеновича Варакушева, по 2-ой Восточной улице, в доме № 85. До этого я также жил вместе с Варакушевым около двух месяцев по Нагорной улице, в д. № 8. Варакушев прибыл в Екатеринбург откуда-то из-под Москвы и первое время работал на Злоказовском снарядном заводе, а с переходом власти к большевикам его с завода уволили, и он долгое время находился без службы и без работы. Лишь тогда, когда Варакушев записался в красную армию, он получил средства к существованию[7].

В мае сего года Варакушев определился на службу в отряд по охране б. Государя и его семьи, заключенных в Ипатьевском доме. Из кого состояла команда охранников, кто был ее начальником, как устроена была караульная служба, в каких условиях находились заключенные в доме Государь и Государыня с детьми – ничего этого я не знаю, так как этими вопросами я как-то не интересовался и ни о чем подобном Варакушева не спрашивал.

Числа 18–19 июля сего года[8], после того как комиссар Голощекин объявил на митинге, что б. Царь Николай Романов расстрелян, я спросил Варакушева: „Что, Александр Семенович, на похороны ходил?" – „Как, на похороны?", – в свою очередь спросил Варакушев. Я объяснил ему о сообщении Голощекина насчет убийства б. Императора. Варакушев на это сказал мне: „Плюнь на все это, сука Голощекин все набрехал". При этом Варакушев объяснил, что он сам лично видел, как провезли б. Царя и Царицу на автомобиле Красного Креста на ст. Екатеринбург I. По словам Варакушева, Царь и Царица были закованы в кандалы. Когда именно привезли их на вокзал, т. е. днем или ночью, – об этом как-то мы с Варакушевым не говорили. Помню, что из слов Варакушева было ясно, что перевезли б. Императорскую чету на станцию уже после того как было объявлено о расстреле б. Государя. О событии увоза Царя и Царицы на вокзал Варакушев говорил столь уверенно, что даже предлагал мне в тот же день сходить

на вокзал и собственными глазами убедиться, что б. Царь и Царица находятся в вагоне.

В этот раз я на станцию не пошел, так как побоялся проявить интерес к судьбе Царя. Прошу исправить: на станцию я пошел с Варакушевым в тот же день, когда имел с ним вышеописанный разговор, но не пошел смотреть тот поезд, в составе которого находился вагон, в котором будто бы находились Царь с Царицей. Поезд этот находился на седьмом пути и проходить к нему было рискованно, так как кругом бегали вооруженные комиссары и красноармейцы. Ввиду этого я посмотрел на тот поезд издали, с третьей платформы. Возле третьей платформы находится шестой путь: на этом пути стоял поезд, в котором помещалась охранная команда и многие комиссары со своими штабами. Поезд этот находился под сильной охраной вооруженных красноармейцев. За ним, на следующем пути, стоял другой поезд с пассажирскими же вагонами. В составе этого поезда и находился вагон с завешенными черной материей (а может быть, и закрашенными черной краской) окнами. На этот вагон и указал мне Варакушев, сказав, что в нем находятся Царь и Царица. Означенный поезд также охранялся вооруженными красноармейцами. Я не могу сказать, чтобы охрана этого поезда была многочисленнее, чем охрана других поездов: все пути были заполнены вооруженными людьми[9].

Вот все, что я видел, и о том, что в описанном вагоне находились б. Государь и Государыня говорю только со слов Варакушева. С Варакушевым мы после этого более не видались.

В скором времени началось отступление большевиков, и меня отправили на ст. Богданович, а оттуда на Егоршино и Алапаевск. В Алапаевске я завел с другими кондукторами об убийстве б. Императора разговор и сказал, что все это враки, так как Царь жив и его увезли в Пермь, и что об этом мне говорил охранявший Царя красноармеец Варакушев. По этому поводу затеяли спор, и кто-то из собеседников донес на меня комиссару Мрачковскому. На другой день меня призвал к себе Мрачковский и пригрозил мне расстрелом, если я буду распространять подобные слухи. С большевиками я прослужил еще один месяц и два дня, затем отстал от них, и при взятии чехами ст. В. Нейвинск я остался на станции и затем был доставлен в Екатеринбург.

Протокол мне прочитан. Записано верно.

Александр Васильевич Самойлов.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.

При допросе присутствовал товарищ прокурора Н. Остроумов.

69

ПРОТОКОЛ

1918 года декабря 6 дня (23 ноября). Член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, с соблюдением 443 ст. у. у. с., и она показала:

Я, Капитолина Александровна Агафонова, 23 лет, православная, грамотная, не судилась, живу в Екатеринбурге, по Васнецовской ул., д. № 116.

Моя девичья фамилия – Якимова, родители мои – крестьяне Юговского завода, Пермского уезда. Из нашей семьи один только брат Анатолий поступил на службу в ряды красной армии, другой мой брат Евгений находится в германском плену. Брат Анатолий почему-то (почему именно – не знаю) был освобожден от

воинской повинности, но вскоре после Февральской революции поступил добровольцем в армию, был отправлен на германский фронт и в одном из сражений был ранен. По выздоровлении своем Анатолий поехал в Екатеринбург, где и поступил рабочим на Злоказовскую фабрику. Я и мой муж, Григорий Тихонович Агафонов, служили тогда в Пермской казенной палате. После Октябрьского переворота я и муж, как не пожелавшие служить у большевиков, остались без работы. Брат Анатолий как-то в начале Великого поста приехал в Пермь и, узнав о нашем трудном положении, предложил свои услуги для подыскания моему мужу службы. В апреле брат письмом известил нас, что назначенный уездным комиссаром юстиции его товарищ Маленкин согласен дать моему мужу место секретаря. Муж предложение это принял, и мы переехали на жительство в Екатеринбург.

Брат Анатолий относился ко мне очень хорошо и бывал у нас почти каждый праздник, забегал к нам иногда и в будни. Состоя рабочим на фабрике, брат в то же время записался в красную армию. Приблизительно в июне месяце Анатолий был назначен на службу в команде, охранявшей дом Ипатьева, в котором содержалась Царская семья[10]. Получив это назначение, брат переселился на жительство в казарму, помещавшуюся в доме Попова. Интересуясь судьбой Царя и его семьи, я нередко спрашивала брата об их жизни, и тот мне сообщал некоторые подробности из повседневной обстановки и обихода. В общем, как будто бы, условия жизни были довольно сносными. О Николае Александровиче брат говорил, что он держал себя очень просто, вступал с красноармейцами в разговоры и сначала даже здоровался с ними за руку. О Государыне и в. княжне Татьяне брат говорил, что они держат себя гордо: всегда были нахмурены, молчаливы и говорили только с доктором и Государем. О Наследнике брат говорил, что у него больна нога, и по саду его возил в кресле мальчик-поваренок. На наружные посты при доме брата не назначали, а стоял он на посту внутри дома, да и то редко. Я не знаю хорошенько, какую именно должность он занимал в команде, но могу удостоверить, что он был не простым караульным, а каким-то начальником: разводил караульных на посты, составлял ведомости на жалованье и т. п.

Не помню теперь, какого именно числа в июле месяце, брат Анатолий часу в 11 утра пришел ко мне и сообщил, что он уедет на вокзал, а оттуда в Пермь. Вид у брата был измученный, и он очень волновался. Заметив это, я спросила: „Что ты волнуешься, что с тобой, может быть, Николая отправили?" В ответ на это брат попросил закрыть дверь на кухню и, волнуясь, сообщил мне, что минувшей ночью Николай Романов, вся его семья, доктор, фрейлина и лакей убиты. По словам брата, присутствовавшего при казни, злодеяние было выполнено таким способом: часу в третьем ночи (т. е. по настоящему времени – в первом часу, так как тогда часовые стрелки были переведены на два часа вперед) всех заключенных в доме лиц разбудили и попросили их сойти вниз. Здесь им сообщили, что скоро в Екатеринбург придет враг, и что поэтому они должны быть убиты. Вслед за этими словами последовали залпы, и Государь и Наследник были убиты сразу, все же остальные были только ранены, и поэтому их пришлось пристреливать, прикалывать штыками и добивать прикладами. Особенно много возни было с фрейлиной, она все бегала и защищалась подушками, на теле ее оказалось 32 раны[11]. Княжна Анастасия притворилась мертвой, и ее также добили штыками и прикладами. Сцены расстрела были так ужасны, что брат, по его словам, несколько раз выходил на улицу, чтобы освежиться. Кто именно участвовал в расстреле и сколько человек, брат не говорил. Помню, что он упоминал о каких-то латышах и говорил, что стреляли не красноармейцы, а какие-то главные, приехавшие из совета. Этих главных было пять человек[12]. После убийства тела убитых перенесли в автомобили и увезли в лес, где и похоронили в заранее приготовленную общую яму. Где именно находится место погребения, брат мне не объяснил. Кровь на полу замыли и, как выразился брат, к 6 часам утра „управились" совсем. О мальчике-поваренке брат говорил, что его пожалели и поместили на ту ночь в казарму, а затем предполагали поместить в приют. Говорил также брат, что в подушках нашли пачку крупных денег и бриллианты.

Весь описанный разговор с братом происходил за несколько дней до того, когда большевики опубликовали сведение об убийстве Николая Романова. Более по делу ничего не знаю.

Могу, впрочем, добавить, что брат мне передавал вот еще о каком случае: за неделю до расстрела царский лакей нашел в занимаемых Царской семьей комнатах две бомбы. Бомбы лежали где-то, не то на буфете, не то на шкафу и были покрыты пылью. По приказанию Николая II, эти бомбы были переданы коменданту.

Прочитано, записано верно.

Капитолина Александровна Агафонова.
Член окружного суда Ив. Сергеев.

70

Господину прокурору Омской судебной палаты

Прокурора Тобольского окружного суда

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

С представлением копии протокола допроса свидетеля Седова[13], доношу Вам, господин прокурор Судебной палаты, что, по получении такового, мною тотчас же назначено было негласное расследование, производившееся лично товарищем прокурора Волотовским для проверки тех внешних фактов, на которые ссылается Седов. Путем опроса детей бывшего лейб-медика Боткина и начальника отделения Военной контрразведки поручика Мельника[14] было установлено, что Седов действительно приезжал и жил в Тобольске, где он виделся с лицами, окружавшими семью бывшего Императора и бывал у священника Васильева. При расследовании выяснилось, что несколькими неделями раньше, по поручению начальника гарнизона подполковника Ефимова, в квартире о. Васильева был произведен обыск для отыскания оружия, которым, будто бы, его сын Александр снабжал каких-то лиц, но обыск этот никаких результатов не дал.

Ввиду этих данных, 23 декабря мною было предложено судебному следователю по Тобольскому уезду приступить к производству предварительного следствия по 2 ч. 1622 ст. улож. о наказ.

Вчера, 24 декабря, был допрошен священник о. Алексей Васильев, заявивший, что никогда никаких денег, оружия или документов б. Царской семьи у него не было и нет, что с Седовым он виделся, но об этом ему ничего не говорил и никогда никакого палаша не показывал. После этого весь день судебным следователем, в моем и товарища прокурора Волотовского присутствии, производился самый тщательный обыск в квартире священника о. Алексея Васильева, в подполье, на чердаке, за зеркалами и картинами, в мягкой мебели, в перегородках комнат (где никакого мусора не оказалось), за обоями, в печах и на печах, в сундуках и во всех решительно открытых и скрытых помещениях, но обыск не дал никаких результатов.

После этого, в присутствии о. Алексея Васильева и командированного епархиальным епископом депутата от духовенства, был произведен тщательный обыск и в Благовещенской церкви и ее алтарях, где настоятелем состоит о. Васильев, причем им самим и депутатом духовенства протоиереем Ременниковым были приподняты и открыты все шкафы и комоды, киоты икон, предъявлены жертвенники и приподняты облачения на престолах. Нигде в церкви никаких посторонних вещей или документов обнаружено не было.

Все предварительное расследование было произведено в строжайшей тайне, бумаги были писаны на пишущей машине лично товарищем прокурора Волотовским и, из опасения разглашения сведений при возможной потере пакета на почте, я отложил донесение Вам о получении от члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева копии протокола до окончания обыска. Милиционеры и начальники милиции, охранявшие дом и церковный двор во время обыска, идя на обыск, не знали, куда и для чего они идут. При окончании уже обыска на квартире о. Васильева я поехал к преосвященному Иринарху, управляющему Тобольской епархией, чтобы ознакомить его с предпринятыми судебной властью мерами и необходимостью произвести обыск в церкви, на что епископ согласился и командировал от себя представителя из среды духовенства.

Ввиду того, что всеми следственными участками в Тобольском уезде заведует один мировой судья Рачинский и других следователей нет, милицией под начальством помощника уездного комиссара, в присутствии товарища прокурора Исполатова, в порядке дознания, в то же время был произведен обыск у живущего близ Ивановского монастыря, в 8 верстах от города Тобольска, бывшего царского служителя Кирпичникова, точно так же не давший никаких результатов.

Копия этого донесения, одновременно с сим за № 17, представляется мною в Министерство юстиции.

25 декабря 1918 года № 17 гор. Тобольск
Подлинное за надлежащим подписом.

71

Г. прокурору Екатеринбургского окружного суда[1].

Товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда Н. Н. Магницкого

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Вследствие личного предложения доношу Вашему высокородию: в начале августа сего года мне было предложено исполняющим обязанности прокурора товарищем прокурора Кутузовым наблюдать за производством дознания по делу об убийстве Государя Императора Николая II.

Ознакомившись с этим делом, я пришел к заключению, что производство дознания по нему распадается на две части, а именно: расследование и выяснение лиц, убивших Императора и его семью, и розыски их трупов.

Ввиду того, что к наблюдению за дознанием, кроме меня, был еще прикомандирован другой товарищ прокурора[2], я, с разрешения прокурора, взял на себя наблюдение за второй частью дознания – за розыском трупов, не теряя связи с первой частью и знакомясь с данными, добытыми вне моего наблюдения.

К моменту моего вступления в дело уже было предположение, что трупы Царской семьи и самого Государя Императора находятся в 14 верстах от города Екатеринбурга в лесу, в шахтах, расположенных неподалеку от дороги на деревню Коптяки. Предположение это возникло отчасти по показаниям свидетелей, а отчасти потому, что жителями деревни Коптяков около упомянутых шахт найдены были два костра, в которых сохранились остатки от сожженных царских вещей, подробно перечисленных в протоколе осмотра. Костры эти находились в так называемом урочище „Четыре Брата", около старых рудничных разработок, именуемых „Ганин рудник"[3]. Около костров обнаружена была шахта, забросанная ветками, причем при поверхностном ее осмотре, а детального произвести было невозможно, ибо шахта эта была наполнена водою глубиной до 28 аршин, найдены были осколки брошенных туда бомб и лопата, вымазанная свежей глиной[4]. На эту-то шахту и

было обращено главное внимание, ибо, как я уже изложил выше, из показаний свидетелей устанавливалось, что трупы Государя Императора и его семьи были отвезены в лес и брошены в шахты. Еще до моего вступления в дело там же начаты были работы под наблюдением штабс-капитана Андрея Андреевича Шереметьевского. Работы эти заключались, главным образом, в откачке воды из шахты.

Первое, что я сделал по этому делу – это поехал и осмотрел работы, причем зная, что работы эти идут уже около двух недель, и что убыль воды в шахтах самая незначительная – несколько вершков в день, а при порче насосов – немедленное пополнение воды в шахте до прежнего уровня. Я, не будучи специалистом по горному делу, с разрешения прокурора Кутузова, пригласил помочь нам горного инженера, заведующего маркшейдерской частью при Горном управлении Валериана Сергеевича Котенева[5]. Как раз перед нашей поездкой началось наступление большевицких войск на Екатеринбург. Рабочие из шахт сбежали, ибо место, где производилась работа, было в сфере боевых действий, а с прекращением работы, конечно, шахта немедленно наполнилась водой до первоначального уровня. По ликвидации наступления Котенев произвел детальный осмотр шахты, профиля местности и производящихся там работ, причем пришел к заключению: „Вся произведенная работа пока что бесплодна и шахту, при тех малых средствах водоотлива и отсутствия на месте кузницы, откачать не представляется возможным". Надо сказать, что в саженях 60 от залитой шахты находилось озерко, явившееся на месте старой рудничной разработки, и тогда же возникла мысль, что озерко это по штрекам и штольням и питает шахту водой, а потому откачать шахту без одновременной откачки озера невозможно, и вся работа будет непроизводительна.

По возвращении в город Екатеринбург мною было созвано совещание, состоящее из двух горных инженеров, вышеупомянутого Котенева и Кузнецова, заведующего механической частью чугунно-плавильного Верх-Исетского завода Соловьева, командированного от военного ведомства капитана Ярцева и наблюдающего за работами, вместо выбывшего на фронт штабс-капитана Шереметьевского, его родного брата Александра Андреевича Шереметьевского. После того как Котенев познакомил всех с результатами осмотра, мною было предложено высказаться инженерам, что надо сделать, чтобы так или иначе, а шахту откачать хотя бы в недельный срок. По обмене мнений было решено: шахту можно откачать лишь при наличности хороших водоотливных средств, причем тут же, как необходимое условие, ставилась полная откачка озерка. По подсчету, прибыль воды в шахту равнялась от 200 до 300 ведер в час, каковое количество максимум могли брать поставленные там насосы, а при порче хоть одного из насосов, которые для исправления посылали в город, вода становилась на прежний уровень. Надо немедленно было найти водоотливное средство для шахты и для озерка. Должен сказать, что в то время в городе как со стороны должностных, так и частных лиц, сочувствия по этому делу не встречалось, и только благодаря энергии начальника гарнизона генерала Голицына, любезности Верх-Исетского заводоуправления и труда добровольцев – я позволяю себе так выразиться – удалось кое-что сделать.

При помощи Котенева удалось кое-как, чуть не силой, добыть несколько старых, порченых, заржавевших, совершенно не действующих насосов Альвейлера. Новых в то время достать в городе не было возможности. Верх-Исетский завод в суточный срок отремонтировал эти насосы и отослал, вместе с походной кузницей, на место работы. К озерку тот же завод поставил паровую машину. И по прошествии 6 дней и шахта, и озерко были откачаны. Находившийся все время неотлучно при работах Александр Шереметьевский подал мысль промыть на вашгерде весь ил из шахты и из озерка, равно и находящийся около шахты грунт, сняв его на пол-аршина. Таковая промывка и была произведена Шереметьевским, который, работая в невозможных условиях, был единственным человеком, относящимся к делу серьезно и с любовью.

В то время около 10 дней шли дожди. Ночевка в лесу под дождем, в местности, находящейся невдалеке от происходящих боев (верст 20), подчас совершенно без горячей пищи – не ослабляли энергии этого человека, а я скажу – усиливали.

В особенности это ярко бросалось в глаза, когда человек, работающий безвозмездно, переносит лишения и не ропщет, и с другой стороны, я приведу пример: должностное лицо, ныне уже уволенный начальник Уголовного розыска Кирста, которому специально было поручено это дело, которому отпускали средства на ведение его, совершенно игнорировал эту часть дознания, и лишь с трудом пришлось привезти его на место работ, и он тут же, в разговоре со штабс-капитаном Шереметьевским, позволил себе возмущаться добровольцами, работающими по этому делу, а равно удивляться, для какой надобности военные власти командировали офицера, в котором, по его мнению, не было нужды.

Надо сказать, что командировка эта возникла так: натыкаясь всюду на препятствия, отчасти благодаря общей инертности к этому делу, отчасти из-за отсутствия средств, я возбудил перед исп. об. прокурора товарищем прокурора Кутузовым ходатайство об оказании мне содействия. Тотчас же Кутузов отвез меня к генералу Голицыну, изложил ему наше безысходное положение и просил помощи. Генерал Голицын тогда же распорядился для постоянного содействия командировать какого-либо офицера, каковым и явился капитан Ярцев, слушатель Академии Генерального штаба. С этой поры работать стало легче, ибо такие мелочи, как охрана для рабочих и военнопленных, теперь устраивались просто, а ранее на это уходила масса времени, а иногда так и бесплодно.

При промывке грунта найдены были пряжки от дамских подвязок, кусочек жемчуга от серьги Императрицы[6], пуговицы и другие мелкие вещи, а на дне шахты, в иле, оказался отрубленный палец и верхняя вставная челюсть взрослого человека[7]. По высказанному тогда же мнению придворного врача Деревенки /так!/, палец этот и челюсть принадлежат доктору Боткину. Итак шахта нового, кроме вышесказанного, ничего не дала.

По всему же ходу дознания видно было, что именно тут же где-нибудь около шахты и закончилась та кровавая трагедия, расследованием которой мы занимались. Поэтому, посоветовавшись с прокурором, я решил обследовать всю близлежащую местность. Показаниями свидетелей удалось установить, что с 17 по 19 июля 1918 года так называемым „отрядом особого назначения" охранялось как раз то место, где находилась обследуемая нами шахта, охранялась местность эта на протяжении около двух квадратных верст. Никого туда не пропускали, ездили туда автомобили грузовики и красноармейцы, но что они там делали, не было известно. Границы охраняемого места удалось установить точно, а потому и было решено обследовать всю эту местность, именуемую урочище „Четыре Брата". В этом урочище когда-то, лет 10–12 тому назад, производилась добыча железной руды при помощи шахт. Когда разработку бросили, то шахты от времени частью обвалились, частью сохранились, как, например, та, которую мы обследовали, а частью остались в полуобрушенном состоянии. Всех старых шахт в этом урочище имеется до 60-ти. Благодаря дождям, которые были в конце июля и августе, все следы, которые могли бы остаться, конечно, оказались замытыми, ибо все шахты окружает глина, легко расплывающаяся при дождливой погоде. Таким образом каких-либо следов около шахт не было вероятия найти, могли лишь оказаться какие-нибудь случайные, на которые мы главным образом и рассчитывали.

Исследование таких полуразрушенных шахт сопряжено с большой опасностью, и поэтому для исследования пришлось организовать небольшой отряд, состоящий из специалистов горных работ – штейгеров и местных уроженцев Урала, по преимуществу охотников, привыкших ходить по такого рода местам и сознающих опасность такого хождения. Мне удалось найти двух штейгеров, как раз ранее заведовавших разработкой этих шахт, и им-то я и поручил быть руководителями при осмотре.

В конце августа, под личным наблюдением и. д. прокурора Кутузова, этот отряд обошел все шахты, обследуя их по мере сил и возможности, но существенных результатов достигнуто не было. Это объясняется тем, что обследовать полузасыпанную шахту можно только при помощи „крепей", а на таковые у нас не было ни сил, ни средств. Отряд этот мог только сказать, по наружному виду, что ничего

указывающего на то, что в эти шахты бросили трупы – не найдено, а есть ли внутри ее что-либо – сказать нельзя. Не надо упускать из вида дождей, которые, конечно, наружные-то следы и смыли. Предположение, что из шахты, если там находятся трупы, будет запах – неосновательно, так как в большинстве шахт все лето есть лед и разложение трупов произойдет не скоро, а тем более в глинистой почве.

Признавая, что так или иначе место это все-таки обследовать надо, я решил сделать еще попытку, прибегнув к помощи имевшейся в городе Екатеринбурге организации бой-скаутов и охотников добровольцев. Тогда же, по приказанию генерала Голицына, в мое распоряжение было откомандировано 50 бой-скаутов под начальством капитана Березовского[8]. В помощь им пошел летучий отряд Уголовного розыска и любители охотники. Пройдя цепью всю местность, которая охранялась „отрядом особого назначения", удалось лишь найти одну винтовку и шинель. В этот же день я повторил обследование шахт, и опять безрезультатно.

Надо сказать, что все производимые нами обследования могли только при счастливой случайности дать хорошие результаты, но мы не отчаивались и искали, ибо другого выхода не было. Как я уже излагал, средств у нас не было, кругом инертность, а подчас даже и недовольство. При этих условиях производить обследование старых шахт – это значит иметь 3% на успех. Обратиться к воинским чинам мы не могли, ибо Екатеринбург в то время переживал тревожное время, ввиду происходивших неподалеку боев, и каждый солдат был на счету. Рабочую силу у нас составляли военнопленные, которые, находясь все время под землей в шахте, ибо откачку снаружи, по техническим соображениям, производить не представлялось возможным, выйдя наружу, не имели возможности обсушиться, ибо шли дожди, и даже было такое время, когда эти военнопленные в течение четырех дней, кроме хлеба и чая, ничего не видели. Охрана их состояла из 4–5 человек, а кругом бродили банды красноармейцев. Только благодаря Верх-Исетскому заводоуправлению и самоотверженной деятельности Шереметьевского была возможность продолжать работу.

Часто получались сведения, что там-то и там-то должны находиться трупы Царя и его семьи. Все эти сведения проверялись опять-таки по мере сил и средств. Так проверены были: „Мокрый лог", „Березовая избушка", „Старые шахты" и т. п. И нигде ничего найдено не было. Правда, в „Старых шахтах" нашли пять трупов, но все они принадлежали австрийцам. Чистосердечно скажу, что обследованная нами местность – не обследована, ибо, если мне зададут вопрос: „Где царские трупы?", я прямо скажу: „Я их не нашел, но они в урочище Четыре Брата". Что могли сделать – сделали. Ведь это место, сплошь покрытое лесом и болотами с топкой почвой, надо обследовать не через мальчиков бой-скаутов, к ним мы прибегли по нужде, а людьми взрослыми и подчас даже специалистами. У нас не было средств иметь таковых, а без них на успех имелось не более 3%. Ведь если сравнить картину убийств великих князей в городе Алапаевске с убийством Императора и его семьи, то невольно надо сказать, картина совершенно тождественна. Такие же шахты, такие же костры и такая же охрана местности. А разве найденный отрубленный палец и челюсть доктора Боткина, который был убит вместе с Царской семьей, не указывают на нахождение где-нибудь вблизи трупов. А серьги Государыни, а зашитый у нее в корсете бриллиант, а следы от сожженных в костре корсетов и прочей одежды. Вот все эти и еще масса других данных приводят меня к выводу, что искали мы именно там, где надо искать, и, ничего не находя, все-таки работали, ибо надеялись хотя бы на те 3%.

При наступлении холодов работу я прекратил, с твердой уверенностью, что настанет время, когда дадут и средства и силы продолжать работу, и тем самым откинут всякие сомнения и предположения.

Товарищ прокурора Н. Магницкий.

30 декабря 1918 года.
Город Екатеринбург.

Совершенно секретно.

ПРОТОКОЛ

11 января 1919 года. Я, начальник Екатеринбургского военного контроля, штабс-капитан Белоцерковский, производил опрос машиниста Пермской жел. дороги Логинова Павла Ивановича, проживающего в гор. Екатеринбурге на ст. Екатеринбург I, который показал[1]:

Я был вынужден большевиками эвакуироваться при занятии Екатеринбурга чехами в направлении на Пермь, причем мне большею частью поручались, как машинисту высшего класса, ответственные поезда, а потому не один раз приходилось возить комиссаров. Все машинисты были эвакуированы на Пермь, и многие из них остались там, а в том числе и я. При ведении поездов к нам, машинистам, большею частью приставлялись не менее двух красноармейцев, наблюдающих за нашей работой.

Однажды мне пришлось пооткровенничать с товарищем председателя Екатеринбургской Чрезвычайной следственной комиссии Сахаровым[2], который мне рассказал под большим секретом, что он был на заседании, решавшем вопрос о расстреле бывшего Царя и всей Царской фамилии. Этот же Сахаров рассказывал, что было решено расстрелять 14 человек, а в том числе и бывшего Царя. На пальце у Сахарова, во время моего с ним разговора, я заметил кольцо с бирюзой и спросил, откуда у него такое красивое кольцо, на что получил ответ, что оно английской работы, ибо снято с руки Анастасии Николаевны.

Разговаривая на эту тему с другим комиссаром, фамилии коего я не знаю, я слышал точно такую же версию о расстреле бывшего Царя и всей Царской фамилии, причем, насколько помню, он рассказывал мне даже некоторые детали, а именно: после того как был вынесен всей Царской семье смертный приговор, было решено тотчас же всех их расстрелять, а потому команда красноармейцев при комиссаре Голощекине отправилась в дом Ипатьева и, так как прибывших было больше, чем предназначенных к расстрелу, то был брошен жребий, кто должен принимать непосредственное участие в расстреле. На расстрел бывшего Царя жребий пал комиссару Ермакову.

По прибытии в Ипатьевский дом была собрана вся Царская семья, и им было объявлено о состоявшемся постановлении Областного совдепа. На это объявление все присутствующие заплакали, кроме бывшего Царя. После объявления приговора приговоренным предложили приготовиться к расстрелу, на что бывший Царь ответил: „Я готов". Тотчас после этого Ермаков собственноручно убил бывшего Царя.

Этот же комиссар мне рассказывал, что трупы убитых вывезены в направлении ст. Богдановичи по Сибирскому тракту, где были вырыты две могилы, из которых одна была фиктивная, а другая действительная. Для того, чтобы нельзя было бы откопать эту действительную могилу и разыскать там тела расстрелянных, тотчас после того как эти тела были сложены, они были залиты цементом и известью, дабы представлять из себя в случае откопок общую глыбу.

У Сахарова здесь в Екатеринбурге живет мать Татьяна Ивановна.

Подписал: Павел Логинов.

Верно: Начальник Екатеринбургского отделения
Военного контроля штабс-капитан Белоцерковский.

ПРОТОКОЛ

1919 года, января 13 дня, г. Екатеринбург, инспектор 1 Отдела Екатеринбургского уголовного розыска, вследствие личного поручения г. начальника управления Уголовного розыска, основанного на предложении члена Екатеринбургского окружного суда г-на Сергеева от 13 января за № 96, по делу об убийстве б. Императора Николая II расспрашивал, на основании 258 и 271 ст. уст. угол. суд., нижепоименованное лицо, которое показало:

Я, Самсон Ильич Матиков, 22 лет, уроженец Грузии, студент Петроградского политехнического института, родители – отец Илья Кириллович Матиков и мать Мария Ильинишна проживают в Тифлисской губ., Телавского уезда, селе Кварели или Квемо-Ходашени, православный.

Месяца два времени до освобождения от большевиков г. Перми[3], т. е. с 5 ноября 1918 года, я проживал в г. Перми, куда прибыл из Петрограда под видом солдата, возвращавшегося с фронта из Персии. В Перми проживал по Оханской улице в д. № 29, квартира Шиляевой, с полковником Генерального штаба Георгием Осиповичем Клерже и братом Иосифом Ильичем и его семьей. В этой же квартире проживали помощник начальника военных сообщений 3 армии большевиков Георгий, кажется, Николаевич Бирон с женой и некто Шпилевский, тоже служащий у начальника военных сообщений. От Шпилевского я и мой брат и полковник Клерже при разговорах узнали, что Бирон участвовал в убийстве Николая II, почему в беседах и заводили разговоры при Бироне на тему убийства.

Бирон в виде хвастовства рассказал, хотя от подробностей уклонялся, но сказал, что он – Бирон – принимал участие в убийстве Николая II и его семьи при следующих обстоятельствах: дня за три до занятия Екатеринбурга чехословаками военный совет 3 красной армии постановил, в случае наступления белой гвардии и ввиду разных затруднений при перевозке, Царя с семьей и его свитой – расстрелять, и выполнение этого и руководство выполнения было поручено нескольким членам военного совета, в том числе и ему, Бирону.

Накануне взятия Екатеринбурга вся прислуга и сопровождавшие Николая II, как-то: Фредерикс (кажется, Фредерикс) были взяты и удалены в тюрьму – это было днем. Затем, приблизительно в 8 ч. вечера того же дня, явились в тот дом, в котором был Николай II с семьей, в числе приблизительно восьми человек и, прежде чем войти в комнату Николая II, кинули жребий – кому кого убивать (кроме Николая II, убить которого взял на себя латыш матрос „Пашка Берзин").

Когда вошли в комнату, Николай II сидел за столом один и пил чай и, как видно не подозревая о готовящемся, говорил: „Жарко, душно, выпить бы, выпить бы хорошо", а когда увидал у вошедших в руках обнаженные револьверы, то замолчал, поняв, видимо, в чем дело, задрожал и, когда над ним матрос Берзин стал издеваться-смеяться и сказал ему, что теперь ему довольно жить, то Николай II пал на колени и стал молить о пощаде, просил, ползал, плакал, а Берзин издевался, отвечая пинками и смехом. И, в заключение, Берзин из револьвера системы Кольта выстрелил в Николая II в лоб в упор и убил наповал.

После этого убийства была приведена в эту же комнату Императрица Александра Федоровна. По виду она, как видимо, была изнасилована, а если и не изнасилована, то над ней тоже издевались, но она вошла со скрещенными руками на груди и держа себя очень гордо и не проронила ни одного ни звука, ни слова. Что Государыня была изнасилована, я заключаю по тому, что, по словам Бирона, „она была обнажена и тело у нее очень красивое" (это слова Бирона). В Государыню было произведено два выстрела, и она оказалась лежащей на трупе мужа, т. е. Николая II.

По очереди были в ту же комнату приведены княжны и тоже расстреляны, причем они были так запуганы, что выглядели, по выражению Бирона, были в состоянии обалдения /так!/.

Последним был приведен больной Царевич Алексей, который тоже был убит, но Бирон не мог сказать, у себя ли был убит Царевич Алексей в комнате или же был приведен в жару и бессознательном состоянии и убит в комнате, в которой были убиты его родители.

Далее Бирон говорил, что все ценности или драгоценности, которые были на них, оставались так нетронутыми на убитых. Те же драгоценности и вообще вещи, которые были в квартире, то таковые частью были расхищены, а остальные погружены в вагоны и отправлены в Москву.

Трупы убитых, кроме Николая II, были погружены на грузовой автомобиль, увезены за город и похоронены в неизвестном месте, место не указал, а труп Николая II был взят на легковой автомобиль и, в четверти часа быстрой езды, брошен в бездонное болото с двумя двухпудовыми гирями, привязанными к ногам и голове. Вообще тех местностей, где похоронена Царская семья, и то болото, в которое брошен Николай II, Бирон не указал.

Про княжну Татьяну Николаевну Бирон рассказывал, что она бежала или исчезла с одним красноармейским офицером, начальником караула, задолго до этого, т. е. до убийства Царя, чуть ли еще не из Тобольска.

Заключенные в тюрьму из свиты и прислуги Государя должны быть расстреляны все /так!/, но, благодаря неорганизованности, многих они не могли найти в тюрьме, и расстреляны были не все.

О случившемся с нарочным было дано знать в Москву в Совет народных комиссаров, и этот последний их поступок одобрил.

Полковник Клерже и мой брат в данное время находятся в г. Омске, и полковник Клерже из рассказанного Бироном записал некоторые данные. Более мне ничего не известно.

Самсон Ильич Матиков.
Инспектор I отделения Смоленский.

74

М. Ю.
Член Екатеринбургского окружного суда
И. А. Сергеев
20 января 1919 года.
№ 101
г. Екатеринбург

Срочно. Секретно.

Г. судебному следователю
Омского окружного суда.

На основании 292 ст. у. у. суд. прошу Вас допросить проживающих в городе Омске: полковника Иосифа Ильича Матико /так!/ и полковника Генерального штаба Георгия Осиповича Клерже, предложив им, кроме обычных, нижеследующие вопросы:

1. Имели ли они случай познакомиться в бытность свою в городе Перми с деятелем советской власти Георгием Бирон /так!/, носившим звание помощника начальника военных сообщений? Где, когда и при каких обстоятельствах?

2. Не приходилось ли им слышать от означенного Бирона рассказ об участии его в убийстве б. Императора и членов его семьи и каково было содержание рассказов?

3. Если беседы касались этого дела, пусть свидетели подробно передадут сообщенные Бироном факты в их хронологической последовательности, с подроб-

ным указанием, насколько это возможно, времени и места и обстоятельств совершения преступления, лиц, участвовавших в его выполнении, их поведения, равно как и поведения потерпевших перед самым совершением преступления.

4. Не говорил ли им Бирон, по постановлению какой большевитской организации (Военного комитета, Областного совета и т. п.) решена была судьба б. Императора и членов его семьи, когда состоялось это постановление, чем оно было обусловлено и какие именно лица участвовали в совещании по этому вопросу?

5. Не сообщал ли им Бирон каких-либо сведений о том, как и где именно были скрыты тела убитых и, в частности, тело б. Императора, и кто принимал непосредственное участие в сокрытии тел убитых?

6. Не говорил ли Бирон что-либо о судьбе б. великой княжны Татьяны Николаевны и что именно?

7. Не упоминал ли Бирон в своих рассказах имени матроса „Пашки Берзина", что говорил он о нем и не делал ли каких-либо указаний, могущих повести к выяснению его личности?

8. Не встречались ли свидетели в той же квартире, где проживали они и Бирон, или в другом месте, с сослуживцем Бирона Владимиром Густавовичем Шпилевским?

9. Не сообщил ли им Шпилевский каких-либо сведений о деятельности Бирона вообще и об участии его в убийстве б. Императора – в частности? Пусть свидетели подробно передадут все слышанное ими от Шпилевского.

10. Независимо от этого, благоволите предложить свидетелям все те вопросы, выяснение которых окажется необходимым по ходу допроса, и рассказать все, что им по делу известно. Особенное внимание прошу обратить на возможно точное установление дат тех событий, которые были предметом рассказов Бирона (когда состоялось постановление об убийстве, когда и в каком часу выполнено), и описание места совершения злодеяния, так как эти данные имеют огромное значение в смысле определения веса и значения сообщенных Бироном сведений путем сопоставления таковых с другими данными дела. Желательно также выяснить, были ли свидетели случайными собеседниками Бирона, или же добывали от него сведения по заранее обдуманному плану и с определенной целью. В силу этого, полезно получить от свидетелей сведения об обстоятельствах, приведших их к жительству в Перми и об условиях их проживания там.

Прошу также выяснить, какое впечатление вынесли свидетели из рассказов Бирона о степени достоверности сообщенных им сведений: говорил ли Бирон о случившемся неохотно, или же в хвастливом тоне? Вменял ли себе в заслугу участие в убийстве бывшего Императора и членов его семьи, или же говорил о совершенном преступлении с чувством человека, исполнившего по необходимости выпавшую на его долю тяжкую и неприятную задачу?

Исполнением требования благоволите поспешить, ввиду необходимости в срочной проверке данных, которые имеют быть добыты допросом свидетелей.

Член Окружного суда И. Сергеев.

75

Г. судебному следователю по особо важным делам Н. А. Соколову.

Настоящее требование, в силу словесного Вашего заявления, возвращается без исполнения[4].

31 марта 1919 года.

№ 258. Судебный следователь при Омском окружном суде
(подпись неразборчива)

76

В. р. и. д.
Главнокомандующий
Западным фронтом
23 января 1919 г.
№ 119
г. Екатеринбург

Члену Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергееву.

На основании повеления Верховного Правителя от 17-го января сего года за № 36, приказываю Вам выдать мне все подлинное следственное производство по делу убийства бывшей Царской семьи и членов Дома, а равно все документы, вещи и материалы, принадлежащие членам семьи и состоявшим при них приближенным лицам, также убитым.

Передачу произвести по описи.

Один экземпляр описи, скрепленный подписями г. прокурора, г. следователя и моей, должен быть заготовлен для передачи Верховному Правителю.

Настоящая передача мне всего материала и вещей не прекращает продолжения Вами следственного производства, для чего Вы имеете право сохранить у себя копии необходимых документов[5].

Подлинное подписал.

Генерал-лейтенант Дитерихс.
С подл. верно: член суда Ив. Сергеев.

77

Будучи заключен большевитской властью в тюрьму в начале марта 1918 года как контрреволюционер и как обвиняющийся в уголовном деянии (искусственно созданная самими большевиками растрата, фактически не существующая), я в двадцатых числах (23) мая встретил и познакомился со схваченным и заточенным в эту же тюрьму генерал-адъютантом Его Императорского Величества Ильей Леонидовичем Татищевым. Сидя в заточении в так называемой „крепости" или Секретном отделении, первое время мы свободно в течение дня посещали одиночки соседей и могли беседовать и делиться впечатлениями друг с другом. Пользуясь этой возможностью и крайне интересуясь и болея душой за тяжелое положение Августейшей семьи, я часто просил генерала Татищева рассказать мне, что возможно. Многое из слышанного, благодаря пережитым в то время волнениям, уже стушевалось в памяти, особенно даты, все же, что сохранилось в памяти, я постараюсь кратко изложить.

Когда решен был правительством Керенского вопрос о высылке Августейшей семьи, то Государю Императору угодно было выразить желание предложить генерал-адъютанту И. Л. Татищеву сопровождать Его величество в ссылку, на что генералом Татищевым с глубокой радостью было изъявлено желание. Постараюсь точно передать слова самого уважаемого Ильи Леонидовича: „На такое монаршее благоволение у кого и могла ли позволить совесть дерзнуть отказать Государю в такую тяжелую минуту. Было бы нечеловечески черной неблагодарностью за все благодеяния идеально доброго Государя даже думать над таким предложением, нужно было считать его за счастье".

Для конвоирования Августейшей семьи была назначена команда от 4-го Л.-гв. Стрелкового полка под начальством полковника Кобылинского. Дорога и первое время жизни в Тобольске были терпимы. Августейшая семья и свита сравнительно были мало стеснены, пользовались относительно свободой как в отноше-

нии корреспонденции, так и передвижения в пределах сада и усадьбы, отведенных под резиденцию Государя. Солдаты команды конвоя, за небольшим исключением, были люди довольно хорошие, воспитанные и безусловно сочувствующие Государю и его семье. Пока не было командировано из Екатеринбурга большевитских комиссаров Дидковского и матроса Хохрякова, жизнь, как она ни была тяжела, все же была терпима.

С появлением же этих извергов жизнь настала ужасна, нетерпима. Постоянные издевательства как над членами Августейшей семьи, так и над чинами свиты, стали повседневными. Корреспонденция пошла через полуграмотную большевитскую цензуру. Началось разложение и среди личной прислуги Августейшей семьи, воровство, пьянство и интриги. (О последнем явлении мне передал, заключенный 12-го июня, камердинер Государя Т. И. Чемодуров.) Только чрезвычайная выдержка и крепкая натура Государя могла выдержать такую жизнь, Государыня же и дети часто стали болеть. Так продолжалось до момента отъезда в Екатеринбург. Конвой вскоре после прибытия большевитских комиссаров был заменен шайкой коммунистов матросов. В дороге при переезде из Тобольска в Екатеринбург Государя и Государыню сопровождали генерал-адъютант кн. Долгорукий и камердинер Чемодуров, конвоировали же те же матросы-большевики. До Тюмени ехали на лошадях, и некоторые реки в пути пришлось переходить с опасностью для жизни по наледи пешком, т. к. началось уже оттаивание рек. Ехали все время очень быстро и без всяких остановок. Лошади для смены заготовлялись заблаговременно.

По прибытии в Екатеринбург Августейшее семейство было помещено в доме Ипатьева. Государь Наследник /так!/ в сопровождении генерал-адъютанта И. Л. Татищева прибыл в г. Екатеринбург в середине мая 1918 года. Причем все лица свиты вскоре по прибытии в Екатеринбург были удалены и заключены в тюрьму, также были уволены и арестованы несколько слуг, как-то: матросы Нагорных и Седнев и камердинеры Чемодуров и Волков, а также фрейлины гг. Шнейдер и графиня Гендрикова. Уяснить причину удаления этих лиц было трудно, можно только предполагать желание большевиков совершенно изолировать Государя и окружить его своими сатрапами. Издевательства над Государем не прекращались, особенно этим издевательством отличались еврей Юровский – комиссар дома заключения, и Дидковский. Караул все время несли преимущественно латыши, мадьяры и частью рабочие Сысертского завода. Все посылки, адресованные на Государя, – расхищались, как это имел место следующий случай: великая княгиня Елизавета Федоровна[6] послала коробку шоколада, причем Государю передано было только лишь 3–4 плитки. Продукты к столу доставлялись в ограниченном количестве и не всегда доброкачественные. Двери всех комнат, даже спальни, закрывать на приборы было воспрещено.

С момента удаления ген. Татищева и личной прислуги Государя условия жизни Августейшей семьи мне уже неизвестны. Генерал-адъютант И. Л. Татищев 10-го июля, по особой бумаге за подписью Белобородова и Дидковского, должен был в 24 часа оставить пределы Уральской области. По полученным на другой день слухам через надзирателей генералы И. Л. Татищев и князь Долгорукий были найдены за Ивановским кладбищем убитыми. Точно смерть или вернее убийство того и другого установить не удалось. Только лишь найденные на одном из трупов расписка на имя гражд. Долгорукого в отобрании от него Дидковским 79 тысяч рублей денег и расписка Чуцкаева в отобрании двух револьверов дают право наверное предполагать, что убитые именно были генералы И. Л. Татищев и кн. Долгорукий. С другой стороны, столь зверское убийство было для нас всех заключенных совершенной загадкой, т. к. такой человек, как И. Л. Татищев, необыкновенно добрый, отзывчивый человек, казалось, даже таких озверевших людей, как большевики, не мог вызвать на убийство.

27 января 1919 г.
г. Екатеринбург.

Поручик И. Толстоухов.

78

Секретно.

Господину члену Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергееву.

Агента Екатеринбургского уголовного розыска С. И. Алексеева.

В дополнение к дознанию о деле об убийстве б. Государя Императора Николая II и его семьи, сообщаю Вам, что по собранным мною далее сведениям по этому делу оказалось следующее.

/.../

Красноармеец Ефим Григорьев Зайков из граждан Сарапульской вол., Екатеринбургского уезда, содержащийся в /Пермской/ губернской тюрьме, /показал/, что, находясь в рядах красноармейцев после взятия его в плен красноармейцами в боях около Лайского завода в октябре месяце м. г., слышал между ними молву, что Царь Николай II и вся его семья расстреляны и вывезены к Верх-Исетскому заводу. Сам Зайков состоял у красных в рабочей роте, а по взятии в плен сидел в тюрьме 33 дня. По взятии г. Перми остался от красных и явился сам к коменданту г. Перми, где и был задержан.

/.../

79

Семен Павлов Ремянников, содержащийся в /Пермской/ губернской тюрьме, объяснил, что он состоял для поручений при Управлении особого формирования штаба 3-ьей армии в гор. Перми. Недели за 1 1/2 до ухода красных из Перми он, Ремянников, завел разговор с командиром интернационального полка Оржеховским по поводу имеющегося при нем револьвера кольта, причем на вопрос его, Ремянникова, относительно этого револьвера Оржеховский ему ответил: „Это револьвер исторический, из него убит Николай II", и что он принадлежит умершему матросу Хохрякову, который расстреливал Николая II и схоронен на Театральной площади в Перми, где ему поставлен, как герою, особый памятник.

Ремянников, заинтересовавшись убийством Императора Николая II, спросил Оржеховского, где убит Николай II. Последний ему сказал, что в Екатеринбурге, в саду у Макаровской фабрики. Подробностей убийства Ремянников расспрашивать Оржеховского не стал, а лишь спросил, как вел себя при расстреле Государь, что больше его, Ремянникова, по словам его, интересовало. Оржеховский ему ответил, что Царь вел себя до самого момента смерти с достоинством и не падал духом, и даже перед расстрелом обращался с речью к солдатам[7], а Государыня упала духом, и с ней произошла истерика. Оба они, т. е. Государь Николай II и супруга его Александра Федоровна, расстреляны. Про семейство же их Оржеховский ничего не говорил, и где схоронены трупы их, тоже не сказал.

Упомянутый Ремянников принадлежит к числу сознательных большевиков, как человек, получивший высшее образование – окончивший Московский лицей. Задержан он в г. Перми, где остался от большевиков, не желая будто бы далее следовать за ними. Судя по его словам, он неоднократно переходил с одной стороны на другую, т. е. от красных к белым и обратно, и, между прочим, служил у красных в г. Казани, заведовал уголовным розыском и все это делал для спасения себя от большевиков. Местное офицерство г. Перми ему приписывает арест некоторых офицеров красными в г. Перми и содержание их в тюрьме, и вообще поведение его сомнительное.

/.../

Агент Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

№ 6-й

28 января 1919 года.

80

ПРОТОКОЛ
осмотра

1919 года, января 28 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, при нижеподписавшихся понятых, производил осмотр телеграмм, присланных к делу при сообщении начальника Екатеринбургской телеграфной конторы от 26 сего января за № 369. По осмотру оказалось:

53 телеграммы, часть коих написана чернилами, а большинство – отпечатано на пишущей машинке. Одни из них написаны на особых листиках бумаги и наклеены на обычного образца телеграфные бланки синего цвета, другие – написаны (или отпечатаны) на телеграфных бланках розового цвета, собранных по верхнему краю печатной подписью: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

По ознакомлению с содержанием текста всех 53-х телеграмм оказывается, что непосредственное отношение к настоящему делу имеет лишь одна телеграмма, отпечатанная на обрывке серого телеграфного бланка и наклеенная на синий телеграфный бланк, на коем имеются следующие отметки: *„Телеграмма 487. Москва из Екатеринбурга шт. фронта № 3190/а. Подана 27/VI-го 0 час. 5 мин. Военная. Три адреса. Москва Совнарком, Нарком военн бюро печати, ЦИК".*

Текст телеграммы дословно таков:

„Мною полученных Московских газет отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде от Екатеринбурга красноармейцами. Официально сообщено, что 21/6 мною с участием членов в военной инспекции и военного комиссара Ур. военного округа[8] *и Члена всерос след. комиссии был произведен осмотр помещений как содержится Николай Романов с семьей и проверка караула и охраны все члены семьи и сам Николай жив и все сведения о его убийстве и т. д. провокация точка"*[9].

Далее следует также отпечатанная на машине подпись: *„198 Главнокомандующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Берзин"*[10].

/.../

Член Екатеринбургского окружного суда И. Сергеев.
Понятые.

81

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1919 года, января 29-го дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Я, Павел Иванович Логинов, 43-х лет, гражданин гор. Слободского, Вятской губ., правосл., грам., не судился, живу в гор. Екатеринбурге, по Северной ул., д. № 43.

Я служил и служу паровозным машинистом на Пермской жел. дороге. При бегстве своем из Екатеринбурга комиссары и другие советские начальники силою оружия и угрозами принудили служащих ж. д. эвакуироваться вместе с ними. По службе тяги было забрано до 40 паровозных бригад. В числе эвакуированных оказался и я. Последние 2–3 дня я должен был находиться на своем паровозе под при-

смотром вооруженных матросов и красноармейцев. 23 июля (н. ст.) 1918 года мой паровоз был прицеплен к одному из штабных поездов. Этот поезд простоял на станции до 12 часов ночи на 25-ое июля (Петрогр. время, нов. ст.) и лишь часов за 5–7 до занятия Екатеринбурга чешскими и народными войсками был отправлен на Пермь через ст. Богдановичи – Егоршино – Алапаевск – Н. Салда – Сан-Донато. Семья моя, состоящая из жены и троих малолетних детей, осталась в Екатеринбурге.

В составе поезда, который я повел, было шесть пассажирских вагонов, несколько платформ и цистерна. Кто именно из советского начальства ехал в вагонах I-II класса – не знаю, не видел. Комендантом поезда назывался какой-то „комиссар Сибири", по фамилии Волков. Приметы его следующие: лет 28–30, высокий, черный, с длинными волосами, падающими на плечи (как у студентов давнего времени), с черными усами и небольшим пучком волос над нижней /так!/ губой. Одет был во „френч" и брюки „галифэ". Ранее я этого человека никогда не видал. В голове поезда (ближе к паровозу) следовал вагон III класса. В этом вагоне помещалась телеграфная рота.

Во время остановок на станциях ко мне на паровоз иногда заскакивал кто-либо из матросов или красноармейцев. На первой за Алапаевском станции (Ясашная) зашел ко мне на паровоз человек лет 30–32-х, среднего роста, плотный брюнет с густыми черными волосами и небольшой круглой бородкой. Одет он был в защитного цвета гимнастерку и брюки, вооружен был „наганом". Судя по акценту, это был латыш. Был он слегка „навеселе" (выпивши), но не пьян. По этой или иной какой-либо причине, латыш был очень словоохотлив и пустился в пространные беседы со мной о разных злободневных вопросах (по преимуществу вели разговор об оставлении Екатеринбурга, о разных случаях, бывших при поспешной эвакуации, и т. п.). Восстановить в своей памяти содержания всех этих разговоров я не могу. Не помню уже теперь, как и с чего зашел у нас разговор и о судьбе б. Императора. Твердо помню, что, когда разговор коснулся этого вопроса, латыш мне сказал: „Это дело покончено", и пояснил далее, что Николай Романов и вся его семья расстреляны. Заинтересовавшись этим заявлением, я попросил латыша сообщить мне, как и кем был произведен расстрел, и тот, взяв с меня слово держать в секрете все им сказанное, объяснил, что б. Государь и его семья были расстреляны в доме Ипатьева, согласно постановлению Областного совета. Исполнители казни бросили между собой жребий о том, кому и кого расстреливать. Убийство Государя выпало, по жребию, на долю б. Верх-Исетского военного комиссара Петра Ермакова. По словам латыша, осужденных на казнь приводили и расстреливали по одиночке. Когда на место казни был доставлен б. Император Николай II, комиссар Петр Ермаков объявил ему, что по постановлению Совета уральской области он приговорен к расстрелу. Государь сначала как будто не расслышал сказанного и спросил: „Что, что?", а затем на вопрос Ермакова: „Готовы ли Вы?", ответил: „Я готов". Вслед за этим раздался выстрел, и Государь упал мертвым, сраженный пулей, выпущенной из револьвера Петром Ермаковым. Как и кем был произведен расстрел членов Царской семьи – латыш мне не сообщил, но мне удалось узнать от него, что расстреляно всего будто бы 14 человек, в том числе Вырубова и доктор Боткин.

После расстрела тела убитых были завернуты в палатки и увезены на двух грузовых автомобилях по Сибирскому тракту в направлении к ст. Баженово – Богдановичи. В районе этой местности были вырыты две ямы: одна – ложная, оставшаяся пустой и вновь засыпана, а в другую яму сложили тела убитых и залили раствором извести и цементом, так что все тела заключены в одной глыбе и по одному их вырыть нельзя. Сделано это было с той целью, чтобы „контрреволюционеры" не могли, в случае нахождения трупов, устроить никаких похорон. Вот все, что мне удалось узнать от латыша.

Когда именно состоялось постановление о казни б. Императора и членов его семьи, кому было поручено выполнение задуманного убийства, когда, где и какие именно лица метали жребий о жертвах злодеяния – ничего этого я не знаю: латыш

мне не сказал, а я настаивать на подробностях опасался. Не знаю также, в каком из помещений дома Ипатьева совершено было преступление и не получил таких сведений о месте, где были вырыты описанные мною ямы, одна из которых послужила могилой убитых. Латыш называл себя комиссаром телеграфа и, насколько помню, говорил, что он состоял членом Областного совета. У меня сохранилась в памяти промелькнувшая тогда мысль: „Латыш вхож в совет, значит ему известно, что там делается".

На вопрос Ваш о том, не вынес ли я из рассказа латыша такого впечатления, что он сам был очевидцем или участником расстрела, – ответить затрудняюсь: с тех пор прошло уже шесть месяцев и за это время было столько пережито, что многое изгладилось из памяти, едва ли я даже задавался подобным вопросом. Беседа моя с латышом велась урывками, во время хода поезда, когда внимание мое отвлекалось управлением движения паровоза и наблюдением пути. Помню, что большая часть разговора о судьбе б. Царя и его семьи происходила у паровозного окна. Состав паровозной бригады был тогда следующий: помощник машиниста Афанасий Васильевых и кочегар Филипп Васильевых (брат Афанасия) и Петр Пиго. Все эти лица также ныне вернулись в Екатеринбург. Так как они были заняты своим делом, а я и латыш вели беседу в стороне, то, ввиду этого и за шумом движения поезда, они едва ли могли слышать что-либо из нашей беседы. Помню, что латыш угощал меня и моих сослуживцев папиросами „Ада" и в это время болтали о всяких пустяках. /.../

/Далее рассказ о различных людях и обстоятельствах, не имеющих отношения к делу об убийстве Царской семьи. Логинов прибыл в Пермь 28–29 июля./

Встречался я также в Пермии с б. товарищем председателя Екатеринбургской чрезвычайной следственной комиссии Валентином Сахаровым. С отцом В. Сахарова – служившим в лесопромышленных предприятиях, я был близко знаком. В. Сахаров окончил курс четырех классов реального училища и после смерти отца вышел из училища. По моей рекомендации В. Сахаров был определен на службу писцом в контору депо, но здесь он учинил подлоги и мошенничество и за это был смещен на должность табельщика, намошенничал и тут (вошел в сделку с рабочими и отмечал им лишние часы работы) и был вовсе уволен от службы. По слезным просьбам матери, Валентина устроили поденно – рабочим при ремонте паровозов. Кажется, в 1915 году В. Сахаров поступил на службу в Невьянск на снарядный завод, и с тех пор я редко встречал его. Помню, что у нас в депо он объявился на некоторое время в качестве слесаря. Слышал, что он сделался большевиком и ходил с комиссаром Сергеем Витальевичем Мрачковским (также служившим ранее в конторе депо старшим табельщиком) на Дутовский фронт. В Екатеринбурге я Сахарова более не встречал.

Бывая иногда в Перми у В. Сахарова, я вел с ним разговоры на разные темы и, между прочим, спросил его, правда ли, что семья Романовых убита. При этом я передал Сахарову содержание моего разговора с латышом, комиссаром телеграфа. Слушая мой пересказ, Сахаров поддакивал, утверждая, что все происходило так, как мне передавал латыш. Из дальнейших разговоров с Сахаровым я узнал, что он, как товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии, принимал участие в том совещании, которое вынесло решение о казни б. Императора. Состав совещания Сахаров поименно мне не указывал. Помню, что он назвал Белобородова и Голощекина (этого последнего по-русски называли Филиппом). Из слов того же Сахарова я вынес впечатление, что руководящая роль в этом деле принадлежала Голощекину. Подробно выяснить от Сахарова обстоятельства убийства было невозможно: с одной стороны, сам он был довольно сдержан, а с другой, – настойчивые и подробные расспросы мои могли возбудить подозрение и навлечь на меня преследование. В Перми Сахаров состоял в военно-полевом контроле под начальством латыша Музыканта (так называли его фамилию). В Кушве и Тагиле Сахаров, будучи при штабе военно-политического комиссара Мрачковского, занимался зверскими расстрелами интеллигентов и „буржуев". Приметы его следующие: лет 25–26, высокого роста, худощавый, блондин, болезненного вида, с правиль-

ными чертами лица, усов и бороды не имеет. В В.-Исетске у него живет мать Татьяна Ивановна. Младший брат его (имени не помню) был офицером и, кажется, находится в Москве.

Бывая с поездом в г. Кунгуре, я встречал здесь в.-исетских большевиков Александра Егоровича Костоусова, братьев Николая и Алексея Сергеевых Партиных, Василия Васильева Семеновских и Ивана (отчества не помню) Петухова. Они состояли при контрразведке и занимались расстрелами. Начальником их отряда был /Алексей/ Партин. О судьбе б. Императорской семьи я с ними разговора не имел и об участии их в этом деле ничего не слышал и не знаю. Все они уехали, кажется, на Вятку. Из числа в.-исетских „коммунистов", как я слышал, возвратились: Илья Болотов и его брат (имени не знаю), Николай Сивков, Егор Антипин. Илья Болотов участвовал в отобрании имущества у в.-исетских граждан, а Егор Антипин состоял помощником комиссара при „Штабе 1-го района" (Арсеньевский проспект, дом Чечеткина), ведавшем охрану /так!/ железной дороги. О деятельности Сивкова я ничего не слышал.

После взятия Перми Сибирскими войсками я получил возможность вернуться домой благодаря тому, что за два дня до этого по врачебному бюллетеню был помещен в больницу, где и укрывался от глаз советского начальства. Родители мои живут в В.-Исетском заводе, по 2 Ключевской ул., собствен. дом. Мой двоюродный брат – спичечный фабрикант Степан Вас. Логинов, умер летом прошлого года. Вернувшись в Екатеринбург, я зашел к племянникам (сыновья Степ. Вас.) и рассказал им, между прочим, все то, что слышал от латыша и Валентина Сахарова. Один из племянников сообщил полученные от меня сведения Военному контролю, где я и дал первоначальные показания. Более по делу показать ничего не имею.

Протокол мне прочитан. Добавляю, что какие именно шоферы управляли автомобилями, на которых были увезены тела убитых, латыш мне не говорил, и я о том не спрашивал. Фамилии „Люханов" я ни от кого не слышал. О том, что близ деревни Коптяки были найдены какие-то костры, я узнал лишь недавно, по возвращении в Екатеринбург. По этому поводу я здесь наводил разговор на тему об убийстве Романовых с прибывшим из Перми и служившим у большевиков шофером Мельниковым (имени и отчества его не знаю, живет в Мельковке, дом Дружинина)[1]. Он объяснил мне, что в ночь расстрела семейства Романовых он ездил по Ключевской дороге в сторону д. Коптяков – возил каких-то комиссаров. Тот же Мельников говорил мне, что туда привозили бочку керосина. Доехав до известного пункта, комиссары приказали Мельникову остановиться, а сами пошли дальше пешком. В отдалении находилась пешая и конная стража. Более подробных сведений от Мельникова получить мне не удалось, так как разговаривали мы с ним на ходу, проходя по улице города.

Прочитано.

Павел Иванович Логинов.

Член Екатеринб. окружного суда Ив. Сергеев.

82

М. Ю.
Член Екатеринбургского
окружного суда
И. А. Сергеев
4 февраля 1919 г.
№ 110
г. Екатеринбург

Господину судебному следователю
Пермского окружного суда.

Препровождая при сем приобщенный к делу об убийстве бывшего Императора Николая II кусочек дерева с пятнами, подозрительными на кровь, я, на основа-

нии 292 ст. у. у. с., прошу Вас подвергнуть этот кусочек дерева через сведущих лиц, принадлежащих к составу Пермского университета, исследованию с целью установить: 1) имеются ли на означенном кусочке дерева следы крови и 2) человеческая ли эта кровь[2]?

Для сведения сообщаю, что происхождение подозрительных пятен, как можно предполагать, относится к 16-му июля н. с. 1918 года.

Вскрытие посылки с кусочком дерева прошу Вас произвести перед самым исследованием, составив об этом особый протокол.

Член суда И. Сергеев.

83

Профессор
Иван Петрович
Коровин
г. Пермь
Вознесенская ул. 90
24 февраля 1919 г.
№ 4.

24 февр. 1919 г.
Господину судебному следователю
по важнейшим делам при Пермском
окружном суде.

Честь имею сообщить господину судебному следователю, что в настоящее время я не могу произвести исследование пятен на присутствие человеческой крови за неимением у меня Уленгутовской сыворотки.

Профессор И. Коровин.

Уведомить члена суда Сергеева о содержании письма в личном разговоре, что профессором Коровиным по телеграфу затребованы сыворотки и могут быть недели через 2–3, и запросить, что делать с требованием – ждать или возвратить.

/Подпись неразборчива/.
Исп. № 48.

84

ПРОТОКОЛ
осмотра

1919 года, февраля 4 дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев при нижеподписавшихся понятых производил осмотр документов, найденных по обыску у свидетеля Н. Ф. Дубовик[3] и представленных по делу при сообщении Екатеринбургского управления уголовного розыска от 25 января 1919 года за № 2039.

По осмотру оказалось:

1) Вырезка из печатной книги размером 3 х 3 вершка с изображением б. Государя Императора Николая Александровича и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. На левой стороне вырезки, на чистом участке бумаги сделана черными чернилами надпись следующего содержания: „Казнен через расстрел в городе Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 по приговору Президиума Областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, во главе которого

стоял Белобородов, Голощекин, Анучин, Уфимцев, Чуцкаев, Юровский, Сыромолотов, Войков, Успенский, Краснов, Сакович. Место расстрела и могилы неизвестны, есть предположение, что трупы сожжены и что этой же участи не миновали наследник с матерью". На оборотной стороне вырезки имеется печатный текст, представляющий (судя по содержанию) отрывок из жизнеописания Государя Александра 3-го.

2) Отпечатанный на желтой бумаге газетного формата № 144 (241) газеты „Уральский Рабочий" за 23 июля 1918 года. Газета эта, как явствует из заголовка, является органом „Уральского Областного и Екатеринбургского Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)".

На первой странице газеты помещена статья: „Казнь Николая Кровавого". Содержание этой статьи дословно следующее:

„В ночь с 16 на 17 июля по постановлению президиума Областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Урала расстрелян бывший царь Николай Романов. Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца.

Рабочие и крестьяне, поглощенные гигантской творческой работой и великой революционной борьбой, как будто не замечали его и оставляли его жить до народного суда. – Историей ему давно был вынесен смертный приговор. Своими преступлениями Николай Кровавый прославился на весь мир. Все свое царствование он безжалостно душил рабочих и крестьян, расстреливал и вешал их десятками и сотнями тысяч. Расстреливал он бедняков и тогда, когда они просто поднимались против своих хозяев, тогда, когда они шли к нему за помощью...

Николай второй был самым настоящим помещичьим царем, другом банкиров и грабителей. Когда февральская революция опрокинула приказно-помещичий строй, он остался жить „по недоразумению". Имя этому „недоразумению" – коалиция, Гучковы, Милюковы[4] и Керенский, отъявленные монархисты и политические прохвосты; вступив в управление страной, уберегли героя расстрела 9 января 1905 и Ленской бойни 1912 года[5] от народного суда и помешали рабочим и крестьянам, уничтожившим царскую монархию, уничтожить и коронованного палача.

Октябрьская революция вышибла из седла либеральных помещиков, реакционных буржуа и социал-предателей[6]. Власть перешла рабочим и крестьянам. Но самое горячее время для суда было пропущено. Николай должен был быть казнен вместе с царской монархией, социалистической же революции он не представлялся опасным претендентом на власть...

Социалистическая революция натолкнулась на отчаянное сопротивление имущих классов. Постепенно это сопротивление перешло – при содействии иностранных империалистов – в открытое контрреволюционное восстание против Советской власти, в ожесточенную борьбу за восстановление буржуазно-помещичьего самодержавия в полном объеме до императорской короны включительно. Под крылышком Скоропадского, ныне казненного[7], объявилась б. императрица, вдовствующая разбойница Мария Федоровна[8] с целой сворой бывших „великих князей и князьков".

Крупнейшая партия российской империалистической буржуазии (кадеты) – громко и во всеуслышание заявила, что вне царской монархии нет спасения от рабоче-крестьянской революции, и публично прокляла свою „ошибку" – невольное пособничество февральской революции.

Кадеты, потеряв надежду спастись с помощью царской монархии в России, бросились на Украину искать помощи у немецкого императора[9].

В то же время, возвратная тяга к монархии вспыхнула с небывалой силой в стане контрреволюционеров союзной масти. Появились очень показательные слухи о том, что Михаил Романов встал во главе Сибирского Правительства, хотя и отказался от восшествия на престол до... Учредительного Собрания[10].

В местах, захваченных чехословацкими и белогвардейскими бандами в Сибири и на южном Урале, власть очутилась в руках черносотенных погромщиков самой чистейшей марки, монархистов по профессии. – Истинные намерения бело-

гвардейцев четвертого /так!/ согласия обнаружились уже из того, что во главе всех их – (верховным полководцем) встал царский генерал Алексеев, преданнейший слуга Николая Кровавого[11], сам палач по убеждению. Империалисты обеих враждующих коалиций вполне доказали на деле, что они сознательно стремятся к восстановлению монархии в России и им нужна коронованная голова, нужен палач „Божией милостью".

Царская буржуазно-помещичья монархия, социалистическая, или диктатура рабочих и крестьян бедняков – так поставила перед народами история вопрос о их жизни и смерти.

Вокруг Николая все время плелись искусные сети заговоров. При переезде из Тобольска в Екатеринбург был открыт один из них. Другой был раскрыт перед самой казнью Николая[12]. Участники последнего заговора свои надежды на освобождение убийцы рабочих и крестьян из рабоче-крестьянского плена определенно связывали с надеждами на занятие красной столицы Урала чехословацко-белогвардейскими погромщиками.

Генерал Алексеев хотел заполучить к себе в главную ставку своего царя. Его расчеты не оправдались[13]. Народный суд над всероссийским убийцей опередил замыслы контрреволюционеров. Воля революции была исполнена, хотя при этом и были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни „коронованных особ". Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключений для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником. Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: Вы поставили ставку на императорскую корону? Она бита. Получите сдачи – одну пустую коронованную голову..."

Под статьей подпись автора – „Г. Сафаров".

На третьей странице той же газеты, в рубрике „телеграммы", под заголовком „Казнь Николая Кровавого", значится:

„Москва. 19 июля. На состоявшемся 19 июля первом заседании президиума Ц.И.К. Советов, Председатель Свердлов сообщает полученное по прямому проводу сообщение от Областного Уральского Совета о расстреле бывшего Царя Николая Романова. За последние дни столице красного Урала – Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имеющий целью вырвать из рук Советовласти коронованного палача. Ввиду всех этих обстоятельств президиум Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре посланы в Москву со специальным курьером.

Сделав это сообщение, Свердлов напоминает историю перевода Романова из Тобольска в Екатеринбург, когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев, в целях устройства побега Романова. За последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа, только развернувшиеся сейчас события помешали осуществлению этого суда. Президиум, обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановил признать решение Уральского Областного Совета правильным. Затем председатель сообщил, что в распоряжении Ц.И.К. находится сейчас важный материал: документы Николая Романова, его собственноручные дневники, которые он вел до последнего времени, дневники его жены, детей, переписка Романова. Имеются между прочим письма Григория Распутина Романову и его семье. Все эти материалы будут разобраны и опубликованы в ближайшее время. Опубликован декрет о конфискации имущества, принадлежавшего низложенному рево.../пропуск/ и членов императорского дома[14]. Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому императору Николаю Романову, Александре и Марии Федоровне Романовым, всем членам бывшего российского императорского дома, объявляется достоянием Российской социали-

стической республики. Под членами бывшего российского императорского дома подразумеваются лица, внесенные в родословную книгу императорского дома: бывший наследник „Цесаревич", бывшие великие князья, великие княгини, великие княжны, бывшие князья, княгини и княжны императорской крови"[15].

Других сведений, относящихся к настоящему делу, в газете не усмотрено.

Обычной подписи редактора и издателя в газете не имеется, но в заголовке указаны адреса: конторы (Екатеринбург, Главный пр., 42.б. „Уральская жизнь") и редакции (угол Покровского и Тихвинской, дом 23).

Член суда Ив. Сергеев.
Понятые.

85

Я, штатный преподаватель Военной академии генерал-майор Томашевский, 6 февраля 1919 года по предложению генерал-лейтенанта Дитерихса показываю:

Назначенный командиром дивизиона в 5-ю артиллерийскую бригаду в октябре 1916 года, я обратил внимание на фигуру старшего врача бригады Саковича.

Доктор Сакович чрезвычайно любил везде выскочить, играть роль. Ловок и ласков с начальством, он был любимцем самых младших офицеров бригады, назывался „гусаром", франтовато одевался, всегда со стеком, ухаживал за сестрами, всегда чрезвычайно счастливо играл в карты, участвовал в пирушках, словом был „славный малый". Громче всех пел „Боже Царя храни", никакой политикой не занимался. К своим обязанностям относился небрежно, к солдатам был строг, кажется, до рукоприкладства. Возиться с лечением не любил, часто негодовал, что младший врач „распускает".

Революция застала Саковича в отпуске в Москве. Приехав в бригаду, Сакович, преображенный, объявил, что еще в студенческие годы был видным партийным работником партии социал-демократов, каялся, что отсталое и реакционное общество офицеров дурно влияло на него. Усиленно стал „выскакивать" в новом революционном духе. Доставши несколько книг по социализму и государственному праву, стал их комментировать и поучать солдат. Объявил себя поборником сближения офицеров и солдат, стал говорить, что только он один в бригаде разбирается в моменте и может вести за собой солдат бригады.

Все уговоры и требования офицеров прекратить демагогию, разваливающую крепкую бригаду, не привели ни к чему. Бесшабашная демагогия продолжалась, и, наконец, после бурного объяснения с собранием офицеров бригады Сакович удалился в тыл, получив назначение в Екатеринбургский госпиталь. В бригаде осталось воспоминание /о нем/, как о демагоге беспринципном, легкомысленном, крайне нервном, истерическом человеке.

Деятельность Саковича в Екатеринбурге мне неизвестна.

Генерал-майор Томашевский.

86

Господину прокурору Пермского окружного суда.

Начальника Уголовного розыска города Перми Б. Н. Ярославцева.

РАПОРТ

Согласно публикации Вашей, помещенной в местных газетах, имею честь доложить Вам, господин прокурор, некоторые данные, известные мне об исчезно-

вении великого князя Михаила Александровича Романова из Королевских номеров.

В последних числах мая ст. ст. прошлого года, около 12 часов ночи я, как начальник Уголовного розыска города Перми был вызван в Чрезвычайную комиссию, где мне сообщили, что около часу тому назад, под видом ареста, был похищен великий князь и куда-то увезен. Предполагалось похищение его крайними левыми организациями или анархистами. Поэтому мне было предложено принять все меры к выяснению этого обстоятельства.

Явившись в Королевские номера, в помещение, занимаемое великим князем, я установил, что трое неизвестных лиц, вооруженные револьверами, предъявили комиссару номеров ордер от Чрезвычайной комиссии на право ареста великого князя, после чего один из них с обнаженным револьвером стал у телефона, находящегося около парадного входа, не выпуская никого из помещения и не допуская к телефону, а двое остальных поднялись по лестнице и, войдя в номер, занимаемый великим князем, предложили ему немедленно одеться в самой грубой форме, несмотря на то, что великий князь был болен и почти не вставал с постели, и затем вывели его на улицу и посадили в закрытый экипаж, стоявший несколько в отдалении от парадного подъезда, и увезли его по направлению к вокзалу по Торговой улице.

Данные сообщаются мной на основании показаний прислуги номеров, наблюдавших из окон. Один из производивших арест великого князя обращал на себя внимание грубыми окликами, высоким ростом, с лицом, носившем на себе следы оспы и беспорядочно обросшим бородой и усами.

После отправления великого князя, вооруженный, стоявший на парадном входе, вышел и скрылся, и вслед за этим комиссар номеров запросил Чрезвычайную комиссию об этом аресте, причем ему ответили, что никакого ордера не выдавалось, и прибывшие вслед за этим агенты Чрезвычайной комиссии, во главе с председателем последней Малковым и председателем Губернского исполнительного комитета Сорокиным, констатировали факт исчезновения великого князя и дали распоряжение воинским частям оцепить вокзалы, пристани, трактовые дороги и берег реки Камы, опросили всех постовых милиционеров о дальнейшем следовании закрытого экипажа с великим князем, но все поиски остались без результата.

Угнетенное состояние бывших на расследовании представителей Чрезвычайной комиссии, а также и председателя Сорокина, дали мне повод думать, что действительно похищение великого князя было для них весьма неожиданно и, как видно, вовсе не входило в их планы действия.

Вскоре после этого я был арестован, как контрреволюционер, и собрать дальнейших данных по этому делу не представилось возможным[1].

Начальник Уголовного розыска г. Перми Ярославцев.
6 февраля 1919 г., г. Пермь.
С подлинным верно: прокурор Пермского окружного суда П. Шамарин.

87

Министр юстиции
7 февраля 1919 года
№ 28 а. 2623
г. Омск.

Члену Екатеринбургского окружного суда Сергееву.

Поставляю Вас в известность, что Вы освобождены от производства следствия по делам: 1. об убийстве бывшего Императора и его семьи, 2. об убийстве великих князей Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Игоря Констан-

тиновича и великой княгини Елизаветы Федоровны, а равно графа Палей, и предлагаю Вам означенные дела сдать судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколову.

Министр юстиции С. Старынкевич[2].
Директор I департамента Кондратович.
Исп. об. начальника 2 отделения Лукин.

88

ПРОТОКОЛ
допроса свидетелей

1919 года, февраля 8 дня, в гор. Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюд. 443 ст. у. у. с., и они показали:

Я, Александр Андреевич Шереметевский, 30 лет, православный, грам., сын чиновника, не судился, живу в В.-Исетске, по Ключевской ул., № 22.

До Октябрьского переворота я служил фельдфебелем нестроевой команды 126 полка, а затем, уже при большевиках, служил некоторое время в интендантской команде. Уволен я был от службы 11 марта 1918 года и жил при отце.

По освобождении Екатеринбурга от власти большевиков я был назначен на охрану в распоряжении коменданта 9-го района. По распоряжению коменданта мне было поручено ближайшее наблюдение за ведением работ по откачиванию одной из шахт, расположенной в лесистой местности, верстах в 14–15 от города, по Исетской дороге, верстах в четырех от дер. Коптяков. На место работы я прибыл 2-го августа (н. ст.).

Близ этой шахты, саженях в трех от нее, было пепелище от сожженного костра, а саженях в десяти от шахты – следы другого костра. Костры были, по-видимому, небольшие, так как каждое пепелище занимало пространство не более девяти квадратных четвертей. Пепел этих костров был просеян до моего прибывания и, что там было найдено, – доподлинно сказать не могу[3].

Шахта, которую предстояло откачивать, была уже открыта. Устье шахты имело размеры, приблизительно, аршина три в длину и столько же в ширину. Стены шахты закреплены бревенчатым срубом. На стенах сруба кое-где были обнаружены осколки разорвавшихся ручных гранат. Глубина шахты до поверхности воды, или вернее – до поверхности льда, равнялась 8 аршинам, лед – толщиною около 1/4 аршина, в одном из углов шахты оказался пробитым, образовав отверстие, достаточное для прохождения человеческого тела. По удалении льда глубина шахты в части, заполненной водой, оказалась, по измерению, равной 13 аршинам. Откачка воды все время производилась ручными насосами. 11 августа работы по откачке пришлось приостановить ввиду того, что эта местность сделалась театром войны. 15-го августа наступила возможность продолжения работ, каковые и были закончены 19 августа. Дно шахты оказалось покрыто деревянным полом, а на поверхности пола скопился слой ила толщиной около 1/2 аршина. Весь ил был извлечен со дна и промыт на вашгерде, при чем найдены были: человеческий палец от руки, вставная верхняя челюсть, дамская серьга с жемчужиной, застежка для галстука, шанцевая лопата и несколько осколков ручных гранат. Все эти вещи были переданы и. д. прокурора Окружного суда А. Т. Кутузову[4].

Саженях в 40 от описанной шахты находился прудок, образовавшийся от почвенной воды, заполнившей старые выработки[5]. Прудок этот имел, приблизительно,

сажен 10 в ширину, столько же сажен в длину и глубиною (в середине) до 4-х аршин. Работа по откачке воды из прудка производилась с 20 по 30 августа. На дне прудка оказалось большое количество ила. Верхний слой ила был промыт, а все дно было прощупано багром. Никаких решительно вещей обнаружено при этом не было. В откачанной ранее шахте на 1/2 аршина выше пола был пробит коридор (также закрепленный), где собственно и производилась в свое время добыча руды. Коридор этот был высоты около двух аршин. Я сам заходил в этот коридор и проник вглубь его сажени на три, а далее пройти было нельзя, так как произошел обвал. Дно этого коридора твердое земляное, ничего заслуживающего внимания в коридоре замечено не было.

Верстах в 1 1/2 от описанной шахты находится еще шахта, обнесенная загородкой из тонких жердей и закрытая короткими бревнами. Одно из бревен было как будто пошевелено, а все остальные бревна сохранили свое прежнее положение. В шахту эту на воротке спускался штейгер Ерыкалов и багром прощупал ее дно, но ничего заслуживающего внимания не обнаружил, да и трудно было ожидать что-либо найти там, так как едва ли можно было спустить в шахту через то отверстие, которое могло образоваться по удалении одного бревна, человеческое тело. Пролегающая к шахтам местность была обыскана, но ничего относящегося к делу найдено не было. Более показать ничего не имею. Прочитано.

Александр Андреевич Шереметевский.
Член Окружного суда Ив. Сергеев.

89

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1919 года, февраля 11 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, Иосиф Никитич Мельников, 24 лет, правос., грам., не судился, происхожу из кр-н Тульской губ., Алексинского уезда, Варфоломеевской вол., д. Никулино, ныне живу в гор. Екатеринбурге, по 1-ой Мельковке, в д. № 40.

В 1915-м году я был призван на действительную военную службу и был назначен в 126 пехотный запасный батальон, а в феврале 1916 года я уже отправился на австрийский фронт, где и был ранен в левую руку. Случилось это 4 августа 1916 года. Выписавшись из лазарета, я, по освидетельствовании, был признан негодным к военной службе. После этого я уехал к своим родителям, проживавшим в с. Киргишанах, Красноуфимского уезда, где отец мой служил бухгалтером на постройке линии Казань – Екатеринбург ж. д. Отсюда мы переехали в Ревдинский завод. Здесь я работал в снарядном цехе до Пасхи 1917 г., а затем переехал в Сарапул. Тут мой отец поступил машинистом на той же строящейся Казань–Екатеринбург линии, а я определился помощником машиниста. В этой должности я прослужил почти ровно год и к Пасхе 1918 года приехал в Екатеринбург. Оставил я службу по той причине, что условия ухудшились в смысле оплаты труда и недостатка продовольствия.

В Екатеринбурге я сначала работал в городских учреждениях по исправлению колодцев и ключей для питьевой воды, а затем поступил на электрическую стан-

цию в качестве слесаря, но пробыл здесь недолго и наконец поступил слесарем в советский автомобильный гараж, так как мне давно хотелось изучить автомобильное дело. Гараж помещался там же, где и теперь (в д. Ларичева). Заведывающим гаражом был тогда какой-то техник, или инженер, Георгий Николаевич Штейман, делопроизводителем был пожилой человек – Иван Федорович Молотков. Звали его „старым полковником", но был ли он в действительности офицером – не знаю. В гараже было всего около 50 машин, из них легковых было всего машин 10–12, а остальные – грузовые. Поступил я в гараж 28 мая и, за недостатком помощников шофера, меня назначили также помощником шофера Василия Фадеевича Ефимова, управлявшего легковым автомобилем, предназначенным для разъездов начальнику военных сообщений полковнику Стогову, проживавшему на вокзале. Некоторые из служащих гаража жили в общежитии, помещавшемся в здании Горного училища, а другие – на частных квартирах. Я жил на частной квартире вместе с братом Сергеем, служившим помощником машиниста на Пермской ж. д. Когда именно было объявлено населению г. Екатеринбурга об убийстве б. Императора – я не знаю, и об убийстве я услышал только почти перед самой эвакуацией.

Вы спрашиваете меня, не возил ли я кого-либо на автомобиле в сторону дер. Коптяков, и я теперь припоминаю вот какой случай: месяца и числа не упомню, часов в 10 вечера, в воскресенье[6], за мной на квартиру заехал шофер Василий Ефимов и сказал мне: „Садись, поедем, требуют машину". Я сказал: „Только что мы Стогова отвезли – опять машину требуют". Ефимов ответил: „Что поделаешь. Велели подать в Американские номера". Я поехал с Ефимовым к Американской гостинице. Отсюда вышел какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, и спросил: „Кому подана машина?" Мы ответили, что машину требовали в Американские номера. Тогда молодой человек ушел в номера и вернулся вместе с двоими другими „комиссарами", из коих один был также молодой, а другой – пожилой, с черной бородой и усами, среднего роста, толстый, одет в кожаную тужурку и черные брюки, заправленные в сапоги[7]. Что у него было на голове – фуражка, шляпа или шапка – не помню, не заметил. Этот господин спросил нас: „Хватит ли у вас бензину, чтобы проездить всю ночь?" Узнав, что бензину у нас мало, он велел нам съездить в гараж и добавить бензину.

Исполнив приказание, мы вновь подали машину. В автомобиль сели указанные мною два молодых человека и пожилой господин. Помню, что один из молодых был без усов и бороды, довольно высокого роста, беловатый, одет в солдатскую шинель, другой – пониже ростом, с пробивающимися черненькими усиками, одет в штатскую черную одежду (пиджак вроде френча). Этот молодой человек сел в середину сиденья, а другие двое сели по краям сиденья. Дорогу нам указывали наши пассажиры. По их указаниям мы доехали до В.-Исетского, проехали некоторое расстояние по селению, выехали на помост, поднялись в гору, проехали через линию жел. дороги и поехали почти вдоль полотна ж. д., имея его по левую сторону. Проехали мы таким образом более 10 верст (сколько именно – в точности сказать не могу) и, по приказанию одного из комиссаров, остановились около ж. д. будки[8]. Здесь комиссары вылезли и пошли в лес по какой-то лесной дороге. Проехали мы не более часу. Уходя, комиссары приказали: „Ждите нас здесь".

После ухода комиссаров мы с Ефимовым пошли по той же дороге, куда ушли наши пассажиры, чтобы полюбопытствовать, куда и зачем они пошли. Едва мы отошли сажен 15, как увидели стоявший возле дороги грузовой автомобиль. На автомобиле был только один шофер – мужчина лет за 30, с рыжеватыми усиками и бородкой, одетый в гимнастерку. Шофер этот, хотя и служил в нашем гараже, но я до этого случая его не видел и не знал. Имени и фамилии его не знаю. Я спросил этого шофера: „Ты зачем сюда приехал?" Тот мне ответил: „Вот, привез бочку керосину, да бак с водой". Действительно, около автомобиля находилась большая бочка с керосином и медный бак с водой (ведер в 5–6). На машине лежали железная лопатка и кирка. Далее шофер объяснил, что с ним ехал какой-то солдат, который ушел в лес, передав ему приказание дожидать-

ся здесь. Задолго ли до нас прибыл грузовик, по чьему приказанию и где нагрузили на него бочку с керосином и бак – ничего этого я не знаю, не спрашивал.

Поговорив с упомянутым шофером, мы вернулись на будку. Я забыл Вам сказать, что, когда мы подъехали к будке, здесь находились какая-то дама, молодой человек и кучер, проезжавшие на лошади. Дама подошла к комиссарам и, сказав, что ей не позволяют ехать дальше, попросила у них разрешения проехать. Но комиссары велели ей подождать. С этой дамой и ее спутниками мы с Ефимовым пили на будке чай и молоко[9]. Прождали мы своих пассажиров часа три. Стало уже совсем темно. Вернувшиеся к нам пассажиры приказали везти их по той дороге, по которой они пошли от нас пешком. Тут мы путались по всяким дорогам до тех пор, пока у нас не погасло электричество. Потратили много времени на исправление фонаря и затем поехали в сторону Екатеринбурга.

Зачем нас водили комиссары по лесу, – сказать не могу: то ли они сами заблудились, то ли нас хотели сбить с пути. Знаю только, что мы нигде не останавливались и никаких людей не встречали. Не видели также и огней от разведенных костров и не знаю, зажигались ли там где-либо костры. Должен оговориться, что к нам вернулись только два комиссара – молодые, а пожилой остался в лесу. В Екатеринбург мы приехали часу в 5-м утра, завезли комиссаров в Американские номера и, по их приказанию, опять поехали в гараж за бензином для своей машины и вновь подали машину к Американской гостинице. На этот раз с нами поехал один комиссар, с черненькими усиками. Поехали мы в том же направлении, откуда только что вернулись и, свернув с большой дороги в лес, подождали здесь немного и затем к нам вышел пожилой комиссар (тот самый, которого мы привезли в числе троих), с которым мы вернулись в город уж часу в 10-м утра.

Зачем была сделана описанная мною таинственная поездка – положительно не знаю. Была ли оцеплена стражей местность, куда уходили комиссары – не знаю, не видел. Когда вернулся грузовик, на котором были привезены бочка с керосином и бак с водой – не знаю, никого об этом не спрашивал. Повторяю, что я совершенно не помню месяца и числа, в какие была совершена поездка. Не могу Вам даже сказать, было ли это до того, как пошли разговоры об убийстве б. Царя, или же после. Возможно, что это было и в июле месяце, за несколько дней до эвакуации, но скорее я склонен думать, что поездку в лес мы совершили приблизительно за неделю до занятия города чешскими и Сибирскими войсками[10]. Помню также, что после этой поездки наша машина стояла дня 3–4 в ремонте. К дому Ипатьева, где содержался б. Царь, я ни разу не подавал ни для кого своей машины. Требовались ли к этому дому грузовые и легковые автомобили – не знаю, не слышал.

Наряды на подачу автомобилей получал заведывающий Штейман, и уже он отдавал распоряжения шоферам – кому и куда ехать. Никаких разговоров о том, были ли какие-либо автомобили попорчены во время поездок по лесным малоезжим дорогам, были ли окровавлены, я ни от кого не слышал. Шофера по фамилии „Никифоров" я не знаю. Не знал я также шофера Сергея Люханова. Шофер Василий Ефимов эвакуировался с красными и уехал на родину в гор. Нарву. Я также был эвакуирован принудительно и был увезен в Пермь, где служил в том же гараже. При занятии Перми правительственными войсками я, в числе многих других эвакуированных, остался в городе, не желая следовать за красными. Ныне я служу добровольцем автомобильной команды при штабе 7-ой Ур. дивизии горных стрелков. Штейман и Молотков, как мне известно, остались в Перми, а где находятся в настоящее время – не знаю. Более показать ничего не имею[11].

Мельников.
Ив. Сергеев.

Протокол продолжен 18-го февраля 1919 года, причем нижепоименованная, допрошенная в качестве свидетельницы, с соблюдением 443 ст. у. у. с., показала:

Я, Александра Михайловна Пьянкова, 23 лет, кр. Сыльинской в., Красноуфимского уезда, правосл., грам., не судилась, живу в гор. Екатеринбурге, по Обсерваторской ул., д. № 94.

В настоящее время я служу горничной в гостинице Пале-Рояль, а ранее около года служила также горничной в Американской гостинице, расположенной на углу Покровского проспекта и Златоустовской улицы. В июне месяце гостиницу заняли большевики; служившие в гостинице остались на своих местах. В нижнем этаже дома поместился отряд красноармейцев, тут же было и управление коменданта. В верхнем этаже дома поселились служащие Чрезвычайной комиссии и разные комиссары. Председателем Комиссии был Лукоянов, молодой человек, лет 27 на вид, блондин, без усов и бороды, интеллигентного вида, носил офицерскую форму без погон, роста высокого, худощавый[12]. Членами Комиссии были: Горин – черноватый, красивый, ходил в студенческой форме, Родзинский – также молодой, беловатый, высокий. Лукоянов жил в № 15-м, а Горин и Родзинский – в № 11-м. Комендантом здания был некто Сахаров, живший в № 7 вместе с юношей лет 17-ти, по виду евреем. Фамилии Никулина я не помню.

В нижнем этаже в № 1-м жил молодой человек, лет 25, блондин, среднего роста, имени и фамилии его не знаю. Поселился он у нас в гостинице недели за три до эвакуации города и прожил всего дня три, а затем был переведен на службу в дом Ипатьева на охрану б. Императора Николая II. Этот молодой человек сожительствовал с дамой, по фамилии Сивилевой (имени не знаю), служившей делопроизводительницей в президиуме Чрезвычайной комиссии и проживавшей в комнате за № 4. Приметы Сивилевой след.: блондинка, на вид лет 26–27, полненькая, низкого роста, довольно красивая. Сожитель часто приходил к ней в гостиницу из дома Ипатьева, и я слышала не раз, как он говорил, что ему надоело служить в охране, и он хочет, чтобы его уволили оттуда. Тем не менее, он до самого конца, по-видимому, оставался на той службе, так как в гостиницу к нам не переезжал.

На предъявленной Вами фотографической группе я признаю вот этого человека (свидетельница указала на лицо, признанное обвиняемым Медведевым за Никулина) очень похожим на того, который жил в № 6-м, фамилии и имени его не знаю. Переехал он в нашу гостиницу из Пушкинских номеров. Человек этот, по-видимому, занимался расстрелами, так как всегда ходил увешанный патронами. Звали его „пулеметчиком". Мне представляется, что он до самой эвакуации жил в Американской гостинице.

Из комиссаров я знаю Голощекина и Юровского. За первым из них числился № 10, а за вторым – № 3. Юровский постоянно принимал участие в заседаниях Чрезвычайной комиссии, бывал на них и Голощекин. Комиссаров Белобородова, Чуцкаева и Сафарова я не знаю.

Об убийстве б. Императора я слышала только „от людей", а в гостинице от большевиков я никакого разговора по этому поводу не слышала. Упомянутая мною дама Сивилева еще за неделю до занятия города чехами уехала из Екатеринбурга. Она приехала в гостиницу с какой-то частной квартиры. Начальником отряда красноармейцев был какой-то Шиндер. Он сожительствовал с официанткой Феклой Дедюхиной[13] и при отъезде из города, по ее словам, похитил у нее портмоне с 60 рублями денег.

Принимал ли кто-либо из живших в гостинице большевиков какое-либо участие в убийстве б. Императора, сказать не могу, не знаю. Я полагаю, что имена и фамилии живших в гостинице большевиков лучше могут знать официантки, подававшие им обед и самовары. Более по делу показать ничего не имею.

Протокол мне прочитан.

Александра Михайловна Пьянкова.
Член Екатеринб. окружного суда Ив. Сергеев.

91

ПРОТОКОЛ
опроса

1919 года, февраля 12 дня, суб-инспектор Екатеринбургского уголовного розыска Колмогоров, в исполнении личного поручения г. начальника означенного розыска, основанного на предписании г. прокурора Екатеринбургского окружного суда от 7 сего февраля за № 1151, сего числа опрашивал содержащегося в Екатеринбургской тюрьме № 2 инженера Александра Петрова Пуйдо, который объяснил, что действительно с бывшим комиссаром снабжения Петром Лазаревым Войковым[14] знаком по службе в означенном Комиссариате, где он состоял заведывающим отделом сельскохозяйственного машиностроения.

Он 8–9 июля м. г. Комиссариатом снабжения из г. Екатеринбурга был командирован в г. Москву с докладом московскому Комиссариату продовольствия о состоянии изготовления сельскохозяйственных машин и орудий на заводах Урала, где он пробыл до 4 сентября, после чего 8 сентября он прибыл в г. Пермь, где, остановившись, встретился с вышеозначенным комиссаром Войковым, который и в г. Перми занимал прежнюю должность, т. е. комиссара снабжения. Об убийстве бывшего Императора Николая II-го лично с ним никогда не говорил, а в частной беседе в обществе на заданный Войкову какой-то дамой вопрос: „При каких обстоятельствах погиб Николай II?", Войков ответил, что мир об этом никогда не узнает.

Лично он сам никакого отношения к означенному убийству не имел и о таковом ему абсолютно ничего не известно. Когда он поехал в командировку в г. Москву, то о положении содержащегося в г. Екатеринбурге Николая II-го ему также ничего известно не было, и около дома, где содержался Николай II, стояла стража, а потому он полагает, что Император Николай II был жив.

До службы в Екатеринбургском комиссариате снабжения он Войкова не знал, а равно не знает и в настоящее время, откуда прибыл в г. Екатеринбург Войков. Более объяснить ничего не может, в том и расписался.

А. Пуйдо.

Изложенное постановление записать в настоящий протокол.

Суб-инспектор Колмогоров.

92

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, февраля 11 дня, г. Пермь. Чиновник Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев, согласно поручению члена Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеева от 6 февраля за № 114, производя расследование по делу об убийстве быв. Императора Николая II-го и его семьи и имея в виду, что в этом деле, по выяснившимся данным, принимал видное участие скрывшийся с большевиками из гор. Екатеринбурга гражданин Екатеринбургского уезда, Сысертской вол. и завода Павел Спиридонов Медведев[1], который сего числа мною разыскан в г. Перми[2], руководствуясь 2 пун. 257 ст. уст. угол. судопроизв.,

ПОСТАНОВИЛ:

Вышеупомянутого Медведева, 31 года, для пресечения способов уклоняться от следствия подвергнуть личному задержанию и доставить под стражей в г. Ека-

теринбург в местную тюрьму, где и содержать его впредь до распоряжения члена Окружного суда И. А. Сергеева, производящего следствие по данному делу, с выдачею кормового довольствия, а впредь до отправки содержать в Пермской губернской тюрьме, в особой камере от других заключенных, о чем ему и объявить с распискою на сем же.

Чиновник Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

Постановление объявлено.

Павел Спиридонов Медведев.

93

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, февраля 12 дня, в городе Перми, в губернской тюрьме. Чиновник Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев, производя расследование по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его семьи, расспрашивал в порядке производства дознания, в присутствии и под наблюдением прокурора Пермского окружного суда, гражданина Екатеринбургского уезда, Сысертской волости и завода, Павла Спиридонова Медведева, задержанного мною в городе Перми, который показал, что он имеет 31 год от роду, принадлежит к числу постоянных жителей Сысертского завода, где и родился. В месте приписки у него осталась жена Мария Данилова и трое детей, а именно: дочь Зоя – 7 лет, сыновья Андрей – 6 лет и Иван – 1 года. В Сысертском заводе у него свой дом и небольшое хозяйство по Сомовой улице № 36. По ремеслу он заводской рабочий – работал подмастерьем прокатного цеха на мелкосортной машине и, кроме того, знает отчасти сапожное ремесло.

Во время русско-германской войны был мобилизован как ратник ополчения 1 разряда, но был от военной службы освобожден, как работающий в заводе. При большевитском перевороте в числе других рабочих вступил в партию большевиков и вносил в эту партию установленный членский взнос до 1% с рубля, но платил взнос лишь в течение трех месяцев, а затем прекратил, не желая состоять в партии большевиков. Человек он малограмотный, учился всего два года в сельской школе и курса не окончил. За уголовные преступления не судился.

В мае месяце минувшего 1918 года в Сысертский завод прибыл комиссар Мрачковский Сергей Витальев, родом из Уфалейского завода – зять диакона Сысертского завода Кузовникова, командир Уфалейского фронта. Он начал приглашать рабочих Сысертского завода, состоящих в партии большевиков, на охрану дома в г. Екатеринбурге, где помещался бывший Император Николай II с семьею. До этого времени охрана этого дома состояла из других лиц, которые советской власти показались ненадежны, и поэтому Мрачковский прибыл нанимать людей для этой охраны в Сысертский завод, где организация партии большевиков считалась лучшей. Наем этой охраны состоялся 19 мая н. ст., в нее записалось 30 человек, желающих вступить, и в числе их записался он, Медведев.

Запись лиц, желающих вступить в охрану, делал гражданин Сысертского завода Николай Иванов Чуркин, который состоял помощником военного комиссара Сысертского завода. Жалованье вступившим в охрану было назначено 400 рублей в месяц при готовом продовольствии и обмундировании.

По прибытии в г. Екатеринбург они до 24 мая в охрану не вступали и жили в особом помещении с красноармейцами, а 24 числа мая приняли охрану означенного дома. Дом этот назывался при охране „Домом особого назначения", находит-

ся он в г. Екатеринбурге по Вознесенскому проспекту, принадлежит какому-то Ипатьеву.

Когда они вступили на охрану дома, то комендантом этого дома был Александр Авдеев, рабочий Злоказовского завода, а помощником Мошкин – тоже рабочий названного завода. Ранее дом охранялся какими-то красноармейцами – местными жителями, но никого из них по имени и фамилии он не знает. Первоначально на охрану дома вступили только лишь 30 человек нанятых рабочих Сысертского завода, а потом прибавили к ним еще 15 человек рабочих Злоказовской фабрики близ г. Екатеринбурга и вскоре еще прибавили латышей-коммунистов 10 человек, из партии коммунистов, находившихся в г. Екатеринбурге. Фамилии и имена этих латышей, а также и место приписки их, он не знает.

Из своей среды охранниками избирались разводящие. Первыми разводящими были избраны он, Медведев, и Алексей Никитин Никифоров – рабочий Сысертского завода, а потом был избран третий – Константин Степанов Добрынин – гражданин Сысертского завода, и затем избрали еще Ивана Андреева Старкова – тоже Сысертского завода. Старкова избрали вместо вышеупомянутого Никифорова, который заболел и уволился домой, так что последнее время на охране этого дома не состоял. Из среды злоказовских рабочих был тоже избран свой разводящий по имени Леонид[3], фамилию его не знает. Всего разводящих было 4 человека[4]. Исполняли они обязанность на две смены, поочередно днем и ночью наблюдая за исправностью караула и сменой постов. Внутри самого дома караул несли латыши, а остальные лица занимали караул в разных местах в ограде дома, в саду и на чердаке дома, где стоял пулемет. Всего было при доме 4 пулемета.

В охрану означенного дома поступили и состояли в этой охране вместе с ним, Медведевым, следующие лица – граждане Сысертского завода: 1) вышеупомянутый Алексей Никифоров – бывший разводящий, 2) Константин Степанов Добрынин – разводящий, 3) Иван Андреев Старков – разводящий, 4) Андрей Андреев Стрекотин, 5) Александр Андреев Стрекотин, 6) Михаил Павлов Котов, 7) Филипп Полиевктов Проскуряков, 8) Егор Алексеев Столов, 9) Александр Григорьев Орлов, 10) Роман Теткин – из Поварной улицы, 11) Николай Иванов Подкорытов, 12) Семен Михайлов Турыгин, 13) Виктор Луговой – из-за реки, 14) Василий Егоров Семенов, 15) Николай Иванов Попов, 16) Иван Семенов Талапов, 17) Николай Степанов Садчиков, 18) Григорий Александров Кесарев, 19) Николай Степанов Зайцев, 20) Андрей Алексеев Старков, 21) Семен Николаев Беломонин, 22) Михаил Иванов Летемин, 23) Вениамин Яковлев Сафонов (Файка), 24) Семен Степанов Шевелев, 25) Алексей Иванов Чуркин, 26) Александр Кронидов Алексеев, 27) Степан Вяткин из Поварной улицы и 28) Иван Павлов Котегов. Кто еще был 29-й – не может припомнить. До конца охраны дома не остались Иван Котегов, Виктор Луговой, Андрей Старков, Григорий Кесарев и Василий Семенов, которые уволились по болезни. Из числа злоказовских рабочих он ни одного по имени и фамилии не знает, были они из разных мест.

Вышеупомянутый Авдеев был комендантом дома при нем только первое время, также и его помощник Мошкин, а затем был уволен от обязанности за пьянство и кражу каких-то царских вещей. С ними были уволены еще каких-то четыре лица. Люди эти жили вместе с Авдеевым и Мошкиным в самом доме, где помещалась канцелярия.

После Авдеева вступил комендантом дома Юровский, лично которого он до той поры не знал. Помощником его вступил какой-то молодой высокий мужчина, на вид лет 30–32, темнорусый, бороды не имеет, усы маленькие, лицо чистое, говорит „буторовато", на вид русский. Однажды он видел, как человек этот гулял с барышней, пришедшей к тыну, окружавшему дом. Барышня была роста среднего, темнорусая, полная. Юровский и его помощник жили все время в доме, причем занимали канцелярию, помещавшуюся в верхнем этаже дома.

Караул при доме первое время также находился в самом доме внизу, а потом был переведен рядом с этим домом в дом Попова и помещался в верхнем

этаже. В самом „Доме особого назначения" помещались тогда только одни латыши. Из посторонних лиц, не состоящих в охране, никого при доме не было.

В „Доме особого назначения" были помещены следующие лица из Царской семьи: сам бывший Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери: Татьяна, Анастасия, Ольга и Ксения[5]. Вместе с ними находился доктор Боткин и прислуга их: повар, официант, горничная и еще трое мужчин. Последние трое мужчин прибыли в дом уже при них, кажется, из Тобольска, с царским имуществом, привезенным на лошадях на 20-ти, и пробыли в этом доме по нескольку дней[6]. Из них одного потом отправили в тюрьму и двух в подтюремок (арестный дом), за солдатскими казармами. За исключением этих трех последних лиц, в „Доме особого назначения" оставалось под этой охраной всего 11 лиц, которых я перечислил. Кроме них, был еще мальчик, племянник официанта, как его звать – не знает.

Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад. Сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его выносили в сад на руках. Выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще всегда сам ходил за ним. Супруга Царя в сад не выходила никогда, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, и иногда сидела возле сына, который обычно сидел в коляске. Царь по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было. А супруга Царя начинала седеть и была худощава. Дети вели себя „обыкновенно" и улыбались при встрече с караульными. Разговаривать с ними запрещалось.

Доводилось ему, Медведеву, разговаривать с Царем при встрече в саду. Однажды он спросил его: „Как дела, как война, куда ведут войско?" На это он ему ответил, что „война идет между собою, русские с русскими дерутся между собою". Также однажды Царь увидал, что он, Медведев, рвет лопушки в саду и спросил его, на что это он рвет. Он сказал ему: „Для табаку". Вообще много говорить не приходилось, так как все время следил за ними комендант Юровский и помощник его.

Пищу для Царской семьи первое время носили из советской столовой, находившейся на Главном проспекте. Носили эту пищу из столовой женщины и девушки, от коих принимал караул у парадного крыльца. В дом они не входили и затем носили молоко из монастыря. На пищу приносили суп, котлеты, белый хлеб и молоко. После разрешено было варить пищу в доме повару их, который и приготовлял пищу.

Неоднократно приглашался в дом священник для богослужения.

За все время охраны дома при нем, Медведеве, никакого издевательства над Царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось.

Спала Царская семья в двух комнатах, где устроены были у них кровати, в третьей комнате спал доктор и в четвертой прислуга. Царь и его семья, а также прислуга, занимали верхний этаж дома, состоящий из семи комнат, считая в том числе коридор и канцелярию коменданта.

16 июля 1918 года по новому стилю, под вечер, часов в 7, комендант Юровский приказал ему, Медведеву, собрать у всех караульных, стоящих на постах при охране дома, револьверы. Револьверов у охраны дома было всего 12 штук, все они были системы Нагана. Собрав револьверы, он доставил их коменданту Юровскому в канцелярию при доме и положил на стол. Еще утром в этот день Юровский распорядился увезти мальчика, племянника официанта, из дома и поместить в караульном помещении при соседнем доме Попова. Для чего все это делалось, Юровский ему не говорил, но вскоре после того как он доставил Юровскому револьверы, последний ему сказал: „Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство все" и велел предупредить команду караула о том, что если команда услышит выстрелы, то не тревожилась бы. Предупредить об этом команду он предложил часов в 10 вечера. В указанное время он, Медведев, команду предупредил об этом, а затем снова находился при доме.

Часов в 12 ночи комендант Юровский начал будить Царскую семью. Сам Николай II и все семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись и приблизительно через час времени все 11 человек вышли из своих комнат. Все они на вид были спокойные и как будто никакой опасности не ожидали. Из верхнего этажа дома они спустились вниз по лестнице, ведущей из ограды дома. Сам Николай II на руках вынес сына Алексея. Спустившись вниз, они вошли в комнату, находящуюся в конце корпуса дома. Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки. Затем комендант Юровский приказал принести стулья. Принесли 3 стула.

К этому времени в „Дом особого назначения" уже прибыли два члена Чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как он узнал впоследствии, был Ермаков, как звать его, не знает, родом из Верх-Исетского завода, и другой, ему совсем неизвестный. Первый из них, Ермаков, невысокого роста, черноватый, на вид лет 30, бороду бреет, усы черные, говорит – „приярыкивает", второй – роста высокого, белокурый, на вид 25–26 лет.

Комендант Юровский, его помощник и эти два лица спустились в нижний этаж, где уже находилась Царская семья. Из числа охраны находились внизу в той комнате, где была Царская семья, 7 латышей, а остальные три латыша были тоже внизу, но в особой комнате. Револьверы были розданы Юровским уже по рукам и находились у 7 латышей, бывших в комнате, двух членов следственной комиссии, самого Юровского и его помощника: всего было роздано по рукам 11 револьверов, а один револьвер Юровский разрешил взять обратно ему, Медведеву. Кроме того, у Юровского был при себе револьвер Маузер. Таким образом в комнате внизу собралось всего 22 человека: 11 подлежащих расстрелу и 11 человек с оружием, которых он всех и назвал.

На стульях в комнате сели супруга Николая II, сам Николай II и сын его Алексей, остальные стояли на ногах около стенки, причем все время были спокойны.

Юровский, спустя несколько минут, вышел к нему, Медведеву, в соседнюю комнату и сказал ему: „Сходи, Медведев, посмотри на улице, нет ли посторонних людей, и послушай выстрелы, слышно будет или нет". Он, Медведев, вышел за ограду и тотчас по выходе услыхал выстрелы из огнестрельного оружия и пошел обратно в дом сказать Юровскому, что выстрелы слышно.

Когда вошел в комнату, где находилась Царская семья, то они все уже были расстреляны и лежали на полу в разных положениях. Около них была масса крови, причем кровь была густая – „печенками". Все, за исключением сына Царя Алексея, были, по-видимому, уже мертвы. Алексей еще стонал. Юровский еще раза два или три при нем, Медведеве, выстрелил в Алексея из нагана, и тогда он стонать перестал. Вид убитых настолько повлиял на него, Медведева, что его начало тошнить, и он вышел из комнаты.

Затем Юровский тогда же приказал ему бежать в команду и сказать, чтобы команда не волновалась, если слышала выстрелы. Когда он пошел в команду, то еще в доме последовало два выстрела, а навстречу ему попали бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последние, встретясь с ним еще на улице у дома, спросили его: „Что лично ли застрелили Николая II? Вместо его чтоб другого не застрелили, то тебе отвечать приведется, ты принимал его". На это он им ответил, что хорошо лично видел, что они застрелены, т. е. Николай II и его семья, и предложил им идти в команду и успокоить, чтобы не волновалась охрана.

Видел он, Медведев, что таким образом расстреляны были: бывший Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери Татьяна, Анастасия, Ольга, Ксения, доктор Боткин и прислуга: повар, официант, горничная. У каждого было по несколько огнестрельных ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех также была в крови.

Покойные, видимо, ничего до самого момента расстрела о грозящей им опасности не знали. Сам он, Медведев, участия в расстреле не принимал[7].

Когда он, Медведев, вернулся к Юровскому в комнату, то Юровский приказал ему привести ему несколько человек из охраны и перенести тела убитых на автомобиль. Он созвал больше 10 человек из караульных, а кого именно, теперь не упомнит. Сделали носилки из двух оглобель саней, стоявших во дворе под сараем, к ним привязали веревкою простыню и таким образом перенесли все трупы на автомобиль.

Со всех членов Царской семьи, у кого были на руках, сняли, когда еще они были в комнате, кольца, браслеты и двое золот/ых/ час/ов/. Вещи эти тут же передали коменданту Юровскому. Сколько было снято с умерших колец и браслет/ов/, он не знает.

Все 11 трупов тогда же увезли со двора на автомобиле. Автомобиль с трупами был особый грузовик, который был доставлен во двор под вечер. На автомобиле этом с трупами уехали два члена следственной комиссии, один из коих был Ермаков, а другой, вышеописанных примет, ему неизвестный. Шофер на этом автомобиле был, кажется, Люханов по фамилии. Человек он среднего роста, коренастый, на вид более 30 лет, лицо бугревастое (угреватое). Трупы убитых были положены на автомобиль на серое солдатское сукно и сверху прикрыты тем же сукном. Сукно было взято в том же помещении дома, где оно хранилось куском.

Куда были увезены трупы, он, Медведев, достоверно не знает и никого об этом тогда не расспрашивал. Лишь позднее в городе Алапаевске он встретился с членом Чрезвычайной следственной комиссии, названным выше Ермаковым, и спрашивал его, куда девали трупы. Ермаков говорил, что он отвез их в шахту за Верх-Исетским заводом, там свалили все трупы в шахту, и затем будто бы взорвали эту шахту, бросая туда бомбы, чтобы она засыпалась землею[8]. Так ли было на самом деле, он, Медведев, не знает.

После увоза трупов из дома комендант Юровский приказал позвать команду и вымыть пол в комнате, где был произведен расстрел, а также замыть кровь в ограде, на парадном крыльце двора[9] и где стоял автомобиль, что и было исполнено тогда людьми, состоящими на охране. Когда это все было сделано, Юровский ушел из двора в канцелярию при доме, а он, Медведев, удалился в дом Попова, где было помещение для караульных, и до утра из помещения не выходил.

Караулы же при доме оставались на своих местах и не снимались до 20 июля[10], несмотря на то, что в доме уже никого не было. Это делалось для того, чтобы не вызвать волнение в народе и показать вид, что Царская семья жива.

Утром на следующий день, 17 июля, он, Медведев, вошел в дом и, придя в верхний этаж, нашел в доме большой беспорядок. Вещи царские были все перерыты и разбросаны в разных местах, а разные золотые и серебряные вещи – кольца, браслеты и друг. лежали в канцелярии на столах. Вещей золотых и серебряных было очень много, завалены все столы. В канцелярии в то время был помощник коменданта и латыши: рассматривали вещи. Самого коменданта Юровского где-то не было.

Обходя по комнатам дома, он, Медведев, подошел к одному столу, где лежала книжка „Закон Божий", взял эту книжку в руки и увидал под ней деньги: 60 рублей, десятирублевыми кредитными билетами. Деньги эти он взял себе, не объяснив никому. Тогда же он взял валявшиеся на полу три серебряные кольца, на коих написаны какие-то молитвы, несколько носовых платков и, кроме того, ему дал бывший помощник коменданта Мошкин носки мужские (одну пару) и одну женскую рубашку. Больше никаких вещей он не брал. На другой же день к нему, Медведеву, приехала его жена Мария Даниловна, и он передал ей упомянутые вещи и сам уехал вместе с нею домой. Комендант Юровский дал ему тогда 8000 рублей для раздачи семьям лиц, бывших в охране.

Вернулся в г. Екатеринбург 21 июля. Охрана при доме тогда уже была снята. До 24 июля пробыл в г. Екатеринбурге, причем уходил ночевать к своей сватье Марии Прокопьевой, урожденной Гуськовой, фамилию по муж/у/ не знает, живущей по Колобовской улице, № дома не знает.

24 июля отправился на вокзал ст. Екатеринбург II, где разыскал комиссара Мрачковского и с ним уехал на поезде до Нижнего Тагила. Затем комиссар Сысертского завода Алексей Яковлев Сафонов взял его к себе помощником по выпечке хлеба для армии, и он пробыл при нем до октября месяца. После этого его послали в числе других на „формировку" в г. Пермь, где он, Медведев, увидал областного комиссара Голощекина, который знал его лично ранее по городу Екатеринбургу, когда он состоял разводящим по охране „Дома особого назначения". Попросил Голощекина дать ему какую-нибудь службу, и Голощекин послал его с запиской своей в „отдел формирования". Из этого отдела с той же запиской, написав что-то на ней, комиссар Гольдберг послал его к вагону за известным номером на ст. Пермь II.

Вагон он нашел и в нем он застал трех неизвестных ему людей, которые спросили его, специалист ли он к этому делу, причем показали ему аппарат „ометр" /омметр/. Он ответил им, что в первый раз в жизни видит такой аппарат и не знает, для чего он идет. Затем они повели его на Камский мост через реку Каму, близ города Перми. Прийдя к мосту, они спустились с ним на 3-й бык и показали сооружения, устроенные для взрыва моста. К стенкам этого быка были привязаны мины, и от них шли проводники на правый берег реки. Показали ему способы соединения с „ометром" и, передав ему „ометр", велели находиться в помещении, устроенном на правом берегу Камы, и хранить „ометр", наблюдая за целостью проводов и в случае замеченной порчи исправлять их.

При мосте был особый комендант Колегов, и охраняли его мадьяры. Комендант и охрана помещались на левом берегу. Приняв таким образом на себя охрану сооружения для взрыва Камского моста, он жил некоторое время один в помещении на правом берегу Камы. Затем выхлопотал себе помощника, и ему назначили в помощь гражданина Сысертского завода Петра Васильева Алексеева, с которым он жил в этом помещении до занятия г. Перми правительственными войсками, т. е. до 24 декабря н. с.

Накануне этого дня вечером ему пришло письменное приказание взорвать мост. Присланы были ему 4 капсюля и подрывная машинка. Адресовано все это было не на его имя, а какому-то Бобылеву. Комендант Колегов объяснял, что они всегда так делают для „секретности". Капсюли и машинка доставлены были вечером 24 декабря. По соглашению с комендантом решили отложить взрыв моста до утра, а затем вновь отложили до вечера. Но часа в 4 дня пришел комиссар путей 5 участка Яковлев и приказал ему взорвать мост, объявив это приказание под расписку. Сам он, Яковлев, и комендант Колегов тотчас бегом побежали от него к разъезду железной дороги. Товарищ его, Алексеев, убежал еще раньше, а в это время к мосту со стороны правого берега подошли уже правительственные войска и уже начали стрелять из винтовок с моста в убегавших Яковлева и Колегова.

Он, Медведев, в это время сидел в своей избушке с аппаратом и ничего не предпринимал, решив не взрывать мост и перейти на сторону правительственных войск. Пробыв в избушке минут 20 времени, он вышел из избы, взяв с собой аппараты для взрыва и имевшийся при нем револьвер Нагана. В это время было уже темно. Когда он отошел значительное расстояние от моста, направляясь к Балашевскому заводу на правом берегу реки, откуда хотел на другой день прийти в г. Пермь и явиться к властям, его увидали с моста часовые правительственных войск и окликали его, спросив: „Кто идет?". Он ответил, что красноармеец. Они приказали ему идти к ним.

Он вернулся и пошел к ним на оклик, и они его около самого моста задержали. Обыскав его, они отобрали у него деньги 415 рублей, оставшиеся от жалованья, и отправили на левый берег. Затем привели на ст. Пермь II, где у него аппараты для взрыва и наган взяли, а также сняли сапоги и, в числе других добровольно сдавшихся красноармейцев, отправили его в красные казармы близ г. Перми. В этих казармах он пробыл с неделю времени и его, в числе других, откомандировали в 139 эвакуационный пункт в санитарную команду, где он и находился до сего времени.

По поводу расстрела бывшего Императора Николая II и его семьи он рассказывал на эвакуационном пункте одной сестре милосердия в перевязочном отделении, как ее звать и фамилию не знает – рыженькая она, одна находится в том отделении[11]. Более никому относительно расстрела Царской семьи не говорил.

Из числа его однообщественников, бывших на охране дома, где жила Царская семья, как ему известно по слухам, убиты на фронте Андрей Стрекотин, Николай Попов и Иван Старков. Остальные лица остались от него в следующих местах: Никифоров заведует хозяйственной частью в отряде Жебенева, во время расстрела он на охране не был. Добрынин был сначала в строю, затем ранен в ногу, вылечился и поступил в Левшино на пароход. Котегов в строю в отряде Жебенева. Стрекотин Александр – не знает где, кажется, тоже в Левшино на пароходе. Котов – не знает где. Проскуряков находится в строю. Столов – в Левшино. Вяткин и Орлов – в Левшино. Теткин – не знает где. Подкорытов, Турыгин, Талапов, Сафонов, Шевелев и Чуркин – в Левшино на пароходах. Какие обязанности исполняли они на пароходах, он не знает. Алексеев состоял в Перми вестовым при воинской части в гимназии на углу Сибирской и Петропавловской улиц. Луговой – неизвестно ему где. Семенов и Кесарев – в строю красной армии. Сысертские рабочие вошли преимущественно в I крестьянский полк, сформированный в Режевском заводе. В том же полку состоят Котегов, Семенов, Стрекотин и другие.

Припоминает и последнего – 30-го – бывшего на охране „Дома особого назначения". Это был гражданин Сысертского завода Александр Котегов из Задней улицы. Во время расстрела он был на охране. Где Котегов сейчас находится – не знает.

Более ничего по делу не знает.

Чиновник Уголовного розыска С. Алексеев.

При допросе присутствовал и. д. прокурора суда П. Шамарин.

94

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 14 дня. Чиновник Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев расспрашивал, в порядке производства дознания, сестру милосердия Надеждинской общины Красного Креста в гор. Перми, девицу – дочь гражданина г. Чердыни Лидию Семенову Гусеву, по делу убийства бывш. Императора Николая II-го и семейных его, которая показала, что она имеет от роду 30 лет, состоит сестрой милосердия при общине с 1909 г., до этого состояла несколько лет эпидемической сестрой милосердия губернского земства и в Чердынском земстве вообще исполняет эту обязанность с 16 лет. Училась в Чердынской женской прогимназии и вышла по болезни из 3-го класса.

Из родных имеет только мать Анну Васильеву Гусеву, живущую в г. Чердыни по Успенской ул. в соб. доме № 103, двух братьев и семь сестер, из коих 3 выданы в замужество, остальные малолетние, старший брат Сергей находится в военной службе в войсках Сибирской армии где-то в Сибири, младший – Игорь – в неизвестной отлучке с 1911 г., последний не живет с матерью вообще, как непослушный человек.

В русско-германскую войну она была откомандирована, в числе других сестер из общины, в Петроград, а затем на фронт, откуда и вернулась в Пермь уже при большевиках в марте 1918 г. Последнее время жила в Пскове и ничем не занималась ввиду расформирования отряда сестер милосердия большевиками, откуда и вернулась в Пермь и снова служила при общине сестер. На фронтах у большевиков не была, а лишь была на холерной прививке в Чердынском уезде.

Личность Павла Спиридонова Медведева из красноармейцев, состоявшего в санитарной команде 139 головного эвакуационного пункта, ей известна, так как она состоит сестрой милосердия в хирургическом (перевязочном) отделении этого пункта. Узнала она Медведева только с того времени, как он начал служить при этом отделении, где он подавал чай и обед и вообще услуживал ей и другой сестре Поповой, по имени и отчеству не знает, заведывающей хозяйственной частью при пункте. Поступила она, Гусева, служить в это отделение с 30 декабря нов. стиля.

Вскоре после поступления ее в отделение ей попала в руки газета „Освобождение России", в которой была помещена статья о семействе Николая Романова, быв. Императора. В статье этой описывалось убийство этой семьи большевиками, и что Николай Романов и все члены его семьи были расстреляны большевиками и при этом дочери Царя изнасилованы. Статья эта вызвала крайнее возмущение среди сестер действиями большевиков. Читала она статью в газете в дежурной комнате сестер милосердия в присутствии нескольких сестер милосердия. Тут же находился Павел Медведев. Когда сестры пошли из комнаты и она, Гусева, осталась одна, то Медведев сказал ей: „Это неправда, сестра, что пишут в газете. Я очевидец, конвойным был тут. Что плохо их кормили и дурно обращались – это неправда. Отношения к ним (т. е. к Царской семье) были хорошие. Кормили их хорошо: подавали суп и маленькие котлеты, в также 1/4 молока на день. Все, что в газетах пишут – то ложь. Была у них своя прислуга". На вопрос: „Как постель?" Медведев отвечал, что они спали на кроватях и одевались чисто. Затем он рассказал ей, что всю семью спустили вниз, всего их было 11 человек. Был сам Император Николай II, его супруга, сын и дочери (сколько дочерей и как их звать – не сказал) и прислуга, всего 11 человек. Часов в 11–12 ночи к ним постучался в двери один человек, просил одеться и выйти. Они оделись и вышли. Пришли 11 человек, из которых некоторые – латыши, а кто другие были – не сказал. Все эти лица спустились по лестнице вниз дома и вошли в комнату, где была Царская семья и прислуга, а конвойным патрулям велели уйти, и они ушли. Далее ничего он ей передать не мог, так как вошел санитар, итальянец Иосиф (фамилии его не знает) и сказал ей, что ее просят в перевязочную, и она тотчас ушла вместе с этим санитаром вниз корпуса.

После этого она встречалась с Медведевым ежедневно, но разговора по поводу недоконченного им рассказа о Царской семье не заводила, и сам он, в свою очередь, более ничего ей не говорил. Не заводила она с ним разговора по этому поводу потому, что ей некогда разговаривать с ним было в следующие случаи встречи: она все время занята в хирургическом отделении делом и говорить с ним не хотелось.

Что сделалось далее с Царской семьей и была ли она убита или расстреляна – ей Медведев не досказал, а также не сказал, были ли вооружены, и чем именно, те 11 лиц, которые вошли вниз в комнату за Царской семьей, и вообще об участи этой семьи она ничего от Медведева не слыхала и не знает, в каком положении находится Царская семья, живы или нет они. Сама она беспартийная и ранее ни к каким партиям не принадлежала. По поводу разговора с Медведевым о Царской семье она никому ничего не говорила, и никто не знает до сих пор, что у ней был разговор с Медведевым об этом. Не говорила она об этом никому постороннему, сама не знает, по какой причине, думала, что об этом разговоре Медведева знают на пункте разные лица – сестры и проч. При допросе же ее 13 сего февраля в ее квартире мною, чиновником Уголовного розыска Алексеевым, в присутствии г. прокурова Пермского окружного суда Шамарина, она скрыла факт разговора с Медведевым относительно семьи Николая II потому, что сильно была взволнована нашим приходом и, кроме того, была утомлена дежурством на пункте, где дежурила она пред этим бессменно два дня[12].

Более по делу ничего не знает.

Чиновник Уголовного розыска С. Алексеев.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, февраля 20 дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, рассмотрев настоящее дело, нашел:

21 июля 1918 года, расклеенными по городу печатными объявлениями, население города Екатеринбурга было извещено о состоявшейся в ночь с 16-го на 17-ое июля, по постановлению президиума Областного совета, казни б. Императора. В тех же объявлениях было сообщено, что жена и сын б. Императора отправлены в надежное место.

На возникшем по этому поводу 29 июля 1918 года, по освобождении города Екатеринбурга от советской власти, предварительном следствии установлены, между прочим, следующие данные:

30-го апреля 1918 года, по распоряжению Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов, доставлены были в город Екатеринбург на жительство находившиеся в заключении в городе Тобольске б. Император Николай Александрович, супруга его Александра Федоровна и дочь Мария Николаевна. 24 мая того же года были доставлены и остальные члены б. Царской семьи: Наследник Цесаревич Алексей Николаевич и великие княжны Ольга, Татьяна и Анастасия Николаевны. Для жительства Царской семьи и состоявших при ней лиц был отведен реквизированный для этой цели двухэтажный дом Ипатьева, находящийся на углу Вознесенской улицы и Вознесенского переулка. Из семи комнат верхнего этажа (не считая кухни и приходных комнат) шесть были предоставлены в пользование семьи, а одна была занята комендантом дома и его помощником, назначенными Уральским областным советом раб. и крест. депутатов. Коменданту была вверена охрана Царской семьи, ему же принадлежало заведывание условиями ее содержания, согласно с указаниями Областного совета.

Первое время охрана дома Ипатьева выполнялась нарядами красноармейцев, а затем, во второй половине мая месяца, для несения службы по охране дома была сформирована особая команда из рабочих Сысертского завода, Екатеринбургского уезда, в числе 30 человек. Состав команды впоследствии был дополнен еще 15 рабочими екатеринбургской фабрики Злоказовых и 10-ю латышами.

До конца июня 1918 года комендантом дома Ипатьева состоял рабочий Злоказовской фабрики Александр Авдеев, а помощником его рабочий той же фабрики Мошкин, а затем означенные лица были уволены, и в должность коменданта вступил один из видных агентов „советской власти" бывший фельдшер местного военного лазарета Яков Михайлович Юровский. Ко времени вступления Юровского в должность коменданта в доме находились: б. Император, Императрица, Наследник, в. княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а из приближенных и слуг – лейб-медик Е. С. Боткин, комнатная девушка Анна Демидова, повар Харитонов, лакей Трупп и 14-летний мальчик Седнев. Охранная команда из рабочих помещалась в доме Попова, расположенном напротив дома Ипатьева, а отряд латышей помещался в нижнем этаже дома Ипатьева и нес караульную службу на постах внутри дома. Всего было учреждено одиннадцать караульных постов, из них два пулеметных. Один из пулеметных постов был установлен на нижнем этаже дома Ипатьева, на окне, входящем в сад. Дом Ипатьева охранялся до 21 июля, а этого числа охрана была снята, и 22 июля дом был передан в распоряжение владельца.

Произведенным при следствии осмотром дома Ипатьева добыты следующие данные. В помещениях, занимаемых Царской семьей, в беспорядке разбросаны остатки малоценных вещей, принадлежавших членам семьи. В топках печей обнаружено присутствие большого количества пепла и обгорелых остатков от различных сожженных бумаг, документов и вещей. В одной из комнат нижнего этажа, выходящей окном на Вознесенский переулок, смежной с кладовой, обнаружены

в стене следы проникновения пуль. Такие же следы выстрелов обнаружены и в толще пола, с явственными признаками крови, пропитавшей ткань дерева по ходу пулевых каналов. Найдены и застрявшие в стене и в полу револьверные пули. На полу комнаты и на стене обнаружены явственные следы замывки. Все имущество, принадлежащее Царской семье, за исключением немногих оставшихся вещей, расхищено.

При осмотре местности, расположенной верстах в 15 от города, близ деревни Коптяков, найдены следы сожженных костров и в пепле обнаружены: бриллиант весом около 12 каратов, признанный свидетелями за принадлежавший б. Императрице, осыпанный изумрудами крест, признанный за принадлежащий одной из дочерей Государя, и разные остатки от сожженных принадлежностей обуви и одежды. В одной из находящихся в той местности шахт обнаружены осколки разорвавшейся бомбы, оторванный человеческий палец, вставная челюсть, признанная за принадлежащую лейб-медику Боткину, и жемчужные серьги, признанные за принадлежащие б. Императрице.

Показаниями свидетелей Михаила Летемина и Марии Медведевой установлено, что старшим в охранной команде (разводящим) был Павел Спиридонович Медведев, принимавший непосредственное участие в расстреле Царской семьи. Это участие Медведева удостоверил Летемину стоявший в ночь убийства на пулеметном посту Александр Стрекотин[1]. Те же свидетели удостоверили, что накануне убийства Царской семьи мальчик Седнев был переведен в помещение команды. Свидетель Владимир Кухтенков[2] удостоверил подслушанный им разговор в.-исетского военного комиссара Петра Ермакова и деятелей партии коммунистов-большевиков Александра Костоусова, Алексея Партина и Василия Леватных. Содержание разговора сводится к тому, что эти лица принимали участие в сокрытии трупов убитых Царя, Царицы, Наследника, вел. княжен, доктора Боткина и некоторых царских слуг. Тела убитых до сего времени обнаружить не удалось.

Задержанный 11 февраля сего года в городе Перми Павел Спиридонов Медведев объяснил при дознании, что в ночь на 17-ое июля, действительно, были расстреляны б. Император, его супруга, Наследник, четыре царских дочери, доктор, служанка, повар и лакей. Расстрелом руководил комендант Юровский, а он, Медведев, доставил для этой цели оружие и распоряжался переноской трупов убитых на грузовой автомобиль и уничтожением следов преступления путем смывания и стирания крови как в месте расстрела, так и во дворе. Объяснение Медведева вполне совпадает с установленными следствием объективными данными и показаниями свидетелей.

Обсудив изложенное и обращаясь ныне к разрешению вопроса об ответственности лишь одного задержанного Медведева, надлежит признать:

1. что по собранным следствием данным событие преступления представляется доказанным,

2. что б. Император Николай II, б. Императрица Александра Федоровна, Наследник Цесаревич, в. княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны убиты одновременно, в одном помещении, многократными выстрелами из револьверов,

3. что тогда же и при тех же обстоятельствах убиты состоявший при Царской семье лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, комнатная служанка Анна Демидова и слуги Харитонов и Трупп,

4. что убийство задумано заранее и выполнено по выработанному плану, что сопровождалось оно такими действиями, которые носили характер жестокости и особенных мучений для жертв преступления, причем убийцы завладели имуществом убитых[3],

5. что соучастие Павла Спиридонова Медведева в совершении означенного преступления по уговору и сообща с другими лицами представляется доказанным – я, производящий следствие член окружного суда Сергеев, руководствуясь 396 ст. уст. уг. суд.,

ПОСТАНОВИЛ:

крестьянина Пермской губ., Екатеринбургского уезда, Сысертской волости и завода Павла Спиридоновича Медведева, 31 года, привлечь по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого в том, что по предварительному уговору с другими лицами, задумав заранее лишить жизни заключенных в городе Екатеринбурге в доме Ипатьева б. Императора Николая II-го, супругу его Александру Федоровну, Наследника Алексея Николаевича и в. княжен Ольгу, Марию, Татьяну и Анастасию, а также состоявших при них лейб-медика Боткина, служанку Демидову Анну и слуг Харитонова и Труппа, он с этой целью в ночь на 17-ое июля 1918 года (н. ст.) заманил их в уединенную комнату нижнего этажа и здесь многочисленными выстрелами из револьверов причинил им смерть, после чего он и его соучастники завладели принадлежавшими убитым вещами и ценностями, т. е. в преступлении, предусмотренном 13 ст. и 2 и 4 ч. 1453 ст. ул. о наказ.

Член Окружного суда Ив. Сергеев.

96

ПРОТОКОЛ
допроса обвиняемого

1919 года, февраля 21–22 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованого в качестве обвиняемого, с соблюдением 403–405 ст. уст. уг. суд., предъявив ему обвинение в преступлении, предусм. 13 и 1453 ст. ул. о нак., формулированное в постановлении моем от сего февраля, причем допрашиваемый показал:

Я, Павел Спиридонович Медведев, 31, православный, грамотный, не судился, происхожу из кр. Сысертского завода, Сысертской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губ., женат, имеет /так!/ жену Марью Даниловну и дочь Зою – 8 лет, сына Андрея – 6 лет и сына Ивана – 1-го года, в Сысерти имею свой дом и хозяйство; занимался работой в сварочном цехе Сысертского завода, а в свободное время прирабатывал сапожным мастерством.

В народной школе я проучился только два года и вышел из школы, не окончив курса. В сентябре 1914 года я был мобилизован в качестве ратника ополчения 1-го разряда и был зачислен в ополченскую дружину № 2, расположенную в гор. Верхотурье. В дружине я пробыл всего два месяца и затем от военной службы был освобожден, как рабочий завода, работавшего на оборону.

После февральской революции, кажется, в апреле 1917 года, я, как и большинство рабочих завода, записался в партию большевиков и в течение трех месяцев вносил в кассу партии денежное отчисление в размере одного процента от заработка, а затем уплату денег прекратил, так как в партийной работе участия принимать не пожелал.

После октябрьского переворота, в январе 1918 года, меня записали в красную армию, а в феврале я уже был отправлен на Дутовский фронт. Начальником отряда, в котором я был назначен, состоял комиссар Сергей Витальевич Мрачковский. Воевали мы за городом Троицком, но война была для нас неудачной, и мы

больше „плутали" по степи, чем сражались. В апреле месяце я с фронта вернулся домой и отдыхал здесь недели три.

Во второй половине мая месяца в наш завод прибыл названный мною комиссар Мрачковский и стал набирать из среды рабочих команду для охраны дома, в котором содержался б. Император Николай II со своей семьей. Условия службы мне показались подходящими, и я записался в эту команду. Всего набрано было 30 человек: 1) Алексей Никитич Никифоров, 2) Константин Степанович Добрынин, 3) Иван Андреевич Старков, 4) Андрей Андреевич Стрекотин, 5) Александр Андреевич Стрекотин, 6) Михаил Павлович Котов, 7) Филипп Полиевктович Проскуряков, 8) Егор Алексеевич Столов, 9) Александр Григорьевич Орлов, 10) Роман Теткин, 11) Николай Иванович Подкорытов, 12) Семен Михайлович Турыгин, 13) Виктор (отчества не помню) Луговой, 14) Василий Егорович Семенов, 15) Николай Иванович Попов, 16) Иван Семенович Талапов, 17) Николай Степанович Садчиков, 18) Григорий Александрович Кесарев, 19) Николай Степанович Зайцев, 20) Андрей Алексеевич Старков, 21) Семен Николаевич Беломонин, 22) Михаил Иванович Летемин, 23) Вениамин Яковлевич Сафонов (по прозвищу „Файка"), 24) Семен Степанович Шевелев, 25) Алексей Иванович Чуркин, 26) Александр Кронидович Алексеев, 27) Степан Вяткин (отчества его не помню), 28) Иван Павлович Котегов, 29) Александр Котегов и 30) я – Павел Медведев.

Вы спрашиваете меня, не было ли еще в составе команды Егора Дроздова, Федора Емельянова, Николая Русакова и Петра Ладейщикова, и я теперь припоминаю, что Егор Дроздов и Федор Емельянов состояли в команде, а о Русакове и Ладейщикове я что-то утвердительно сказать не могу: то ли были, то ли нет. Дело в том, что состав команды отчасти изменялся. Так, за уходом (по болезни) Никифорова, Лугового, Кесарева и Семенова, были разновременно приняты Добрынин, Андрей Старков и Николай Зайцев. Сформированная Мрачковским команда прибыла в Екатеринбург 19-го мая (н. ст.).

Сначала нас поселили в здании нового Гостиного двора, где мы прожили до 24 мая. За это время, по распоряжению председателя Областного совета Белобородова, мы выбрали из своей среды двоих „старших". Избранными оказались я и Алексей Никифоров. 24 мая команда была переведена в новое помещение – в нижний этаж дома Ипатьева. Как раз в этот день, насколько помню, прибыла вся семья б. Императора. Император с семьей помещался в верхнем этаже дома. В их распоряжении был весь верх, за исключением одной комнаты (налево от входа), отведенной для коменданта и его помощника. Комендантом дома был тогда рабочий Злоказовской фабрики Александр Авдеев, а помощником его – Мошкин (имени и отчества не знаю). Находились в комендантской еще два–три человека, но я их имен и фамилий не знаю, а известно мне, что это были также злоказовские рабочие. Вы спрашиваете, не знал ли я братьев Василия, Ивана и Владимира Логиновых, и я припоминаю, что в числе находившихся при коменданте лиц были братья Логиновы, но по именам я их не знаю.

По вселении нас в дом Ипатьева комендант Авдеев повел меня, как старшего, принимать заключенных. Я с Авдеевым и Мошкиным прошел в угловую комнату (царская спальня), где находились следующие лица: Государь, его жена, сын, четыре дочери, доктор Боткин, повар, лакей и мальчик (имен и фамилий их не знаю). Пересчитав всего 12 человек, мы ушли. Ни в какие разговоры ни с кем не вступали. В соседней с царской спальней комнате помещались царские дочери. Первые два–три дня кроватей в этой комнате не было, а потом были поставлены кровати. Внутренним распорядком дома заведовал комендант, а служащие охранной команды только несли караульную службу. Сначала караул дежурил на три смены, а потом – на четыре.

В доме Ипатьева мы прожили 2–3 недели, а затем нам отвели помещение в расположенном насупротив доме Попова. Через несколько дней после этого состав команды был дополнен рабочими Екатеринбургской фабрики Злоказовых в числе 15 человек. Имен и фамилий этих рабочих я не помню. Злоказовские рабочие из своей среды также избрали „старшего" (разводящего) по фамилии

Якимов, а по имени, кажется, Леонид, по крайней мере его звали Ленькой[4], Караульных постов было всего 11, из них два внутренних, два пулеметных и четыре наружных.

Царская семья выходила ежедневно на прогулку в сад. Наследник был все время болен, и его выносил на руках Государь в кресло-коляску. Обед для семьи сначала приносили из советской столовой, а затем разрешено было готовить обед в устроенной в верхнем этаже кухне.

Обязанности разводящих заключались в заведывании хозяйством и вооружении команды, назначении дежурных на посты и в наблюдении за дежурными. Во время своего дежурства разводящий должен был находиться при канцелярии коменданта. Разводящие дежурили сначала по 12 часов, а затем был выбран третий разводящий – Константин Добрынин, и мы стали дежурить по восьми часов.

В конце июня или начале июля, хорошенько не помню, комендант Авдеев и его помощник Мошкин были смещены (они, кажется, попались в краже царских вещей) и был назначен новый комендант по фамилии Юровский, тот самый, который изображен на предъявленной Вами фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка Юровского). С ним же прибыл новый помощник коменданта, имени и фамилии которого положительно не могу припомнить. Приметы его следующие: лет 30–32-х, плотный, выше среднего роста, темнорусый, с небольшими усиками, бороду бреет, говорит как-то в нос (гнусавит).

Вечером 16-го июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в 8-м того же вечера приказал мне отобрать в команде и принести ему все револьверы системы Наган. У стоявших на постах и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта. Тогда Юровский объявил мне: „Сегодня придется всех расстрелять. Предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы". Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей Царской семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем было постановлено решение о расстреле. Должен Вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра, по распоряжению Юровского, был переведен в помещение караульной команды (дом Попова). В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из „латышской коммуны", поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта. Было их человек 10. Никого из них я по именам и фамилиям не знаю. Часов в 10 вечера я предупредил команду, согласно распоряжению Юровского, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. О том, что предстоит расстрел Царской семьи, я сказал Ивану Старкову. Кто именно из состава команды находился тогда на постах – я положительно не помню и назвать не могу. Не могу также припомнить, у кого я отобрал револьверы.

Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую семью. Объявил ли он им, для чего он их беспокоит и куда они должны пойти – не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась Царская семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал. Приблизительно через час вся Царская семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись. Еще прежде чем Юровский пошел будить Царскую семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, – Петр Ермаков, а другой – неизвестный мне по имени и фамилии, высокого роста, белокурый, с маленькими усиками, лет 25–26. Валентина Сахарова я знаю, но это был не он, а кто-то другой. Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царских дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника Царь нес на руках. Государь и Наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами. Впереди шел Государь с Наследником, за ними – Царица, дочери и остальные. Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена Чрезвычайной комиссии. Я также находился тут.

При мне никто из членов Царской семьи никаких вопросов никому не предлагал. Не было также ни слез, ни рыданий. Спустившись по лестнице, ведущей из

второй прихожей в нижний этаж, вышли во двор, а оттуда, через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа. Дорогу указывал Юровский. Привели /их/ в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел подать стулья: его помощник принес три стула. Один стул был дан Государыне, другой – Государю, третий – Наследнику. Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки. За ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так /как/ каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них). Наследник и Государь сели рядом, почти посреди комнаты. За стулом Наследника встал доктор Боткин. Служанка (как ее зовут – не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую. С ней встала одна из царских дочерей (четвертая). Двое слуг встали в левом (от входа) углу, у стены, смежной с кладовой.

У служанки была с собой в руках подушка. Маленькие подушечки были принесены с собою и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула Государыни, другую – на сиденье стула Наследника. Видимо, все догадывались о предстоящей им участи[5], но никто не издал ни одного звука. Одновременно в ту же комнату вошли 11 человек: Юровский, его помощник, два члена Чрезвычайной комиссии и семь человек латышей. Юровский выслал меня, сказав: „Сходи на улицу, нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы?". Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло всего 2–3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены Царской семьи: Царь, Царица, четыре дочери и Наследник уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла потоками. Были также убиты доктор, служанка и двое слуг. При моем появлении Наследник еще был жив – стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих. Картина убийств, запах и вид крови вызвали во мне тошноту. Перед убийством Юровский роздал всем наганы, дал револьвер и мне, но, я повторяю, в расстреле не участвовал. У Юровского, кроме нагана, был маузер.

По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате. По дороге в дом Попова мне попали навстречу бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последний из них спросил меня: „Застрелили ли Николая II? – Смотри, чтобы вместо него кого другого не застрелили: тебе отвечать придется". Я ответил, что Николай II и вся его семья убиты. Из команды я привел человек 12–15, но кого именно – совершенно не помню, и ни одного имени назвать Вам не могу. Приведенные мною люди сначала занялись переноской трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль. Трупы выносили на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли, взятые от стоящих во дворе саней. Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна, взятый из маленькой кладовой, находящейся в сенях нижнего этажа. Шофером автомобиля был злоказовский рабочий Люханов. На грузовик сели Петр Ермаков и другой член Чрезвычайной комиссии и увезли трупы. В каком направлении они поехали и куда дели трупы, не знаю. Кровь в комнате и на дворе замыли и все привели в порядок. В три часа ночи все было окончено, и Юровский ушел в свою канцелярию, а я – к себе в команду.

Проснулся я часу в 9-м утра и пришел в комендантскую комнату. Здесь уже были председатель Областного совета Белобородов, комиссар Голощекин и Иван Андреевич Старков, вступивший на дежурство разводящим (он был выбран на эту должность недели за три до того). Во всех комнатах был полный беспорядок: все вещи разбросаны, чемоданы и сундуки вскрыты. На всех бывших в комендантской комнате столах были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали и драгоценности, отобранные у Царской семьи перед расстрелом, и бывшие на них золотые вещи: браслеты, кольца, часы. Драгоценности были уложены в два сундука, принесенных из каретника. Помощник коменданта находился тут же.

Вы спросили меня, не знакома ли мне фамилия „Никулин", и я теперь припомнил, что такова именно фамилия того помощника. На предъявленной мне Вами фотографической группе я хорошо признаю вот этого человека за помощника коменданта Никулина (обвиняемый на предъявленной ему фотографической группе, присланной из Уголовного розыска, указал на одно лицо, отметив его карандашом). Со слов Никулина я знаю, что он ранее находился также в Чрезвычайной следственной комиссии. Вы говорите, что по имеющимся у Вас сведениям, на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа находился Александр Стрекотин, и я теперь припоминил, что, действительно, А. Стрекотин стоял тогда у пулемета. Дверь из комнаты, где стоял пулемет на окне, в парадную переднюю была открыта, открыта была и дверь в ту комнату, где производился расстрел. Разводящего Якимова при самом расстреле не было. Фамилия „Стрежнев" мне совершенно незнакома. Бажев насколько /так!/ состоял в команде из злоказовских рабочих. Фамилия „Курочкин" мне незнакома.

Обходя комнаты, я в одной из них под книжкой „Закон Божий" нашел шесть 10-рублевых кредитных билетов и деньги эти присвоил себе. Взял я также несколько серебряных колец и еще кое-какие безделушки.

Утром 18-го ко мне приехала жена, и я с ней уехал в Сысертский завод, получив поручение раздать деньги семьям служащих в команде. Вернулся я в Екатеринбург 21-го июля. Все вещи царские из дома уже были увезены и караул был снят.

24-го июля я уехал из Екатеринбурга вместе с комиссаром Мрачковским. В Перми комиссар Голощекин назначил меня в охрану приспособлений для взрыва Камского моста, в случае появления „белогвардейцев". Подорвать мост согласно полученного приказания я не успел, да и не хотел, решив добровольно сдаться. Приказание о взрыве моста пришло мне тогда, когда уже Сибирские войска стали обстреливать мост, и я пошел и сдался добровольно. Вскоре я поступил санитаром в эвакуационный пункт № 139, в г. Перми, где и находился до момента задержания. Здесь как-то я разговорился с одной из сестер милосердия и по поводу замечания ее, что в газетах пишут о дурном обращении с Царской семьей, сказал ей, что это все неправда. При этом я ей, так же подробно, как и Вам, рассказал, что я ранее служил в команде по охране дома Ипатьева, рассказал, как там жила Царская семья и как был произведен расстрел. Объяснил я ей все про Юровского, его помощника, двух членов Чрезвычайной комиссии и латышей, говорил, кто расстреливал, как замывали кровь и выносили на автомобиль трупы. Разговор этот происходил вскоре после поступления моего в пункт. Сестру эту потом издали мне предъявлял посланный Вами чиновник[6].

О том, куда скрыты трупы убитых, я знаю только вот что: по выезде из Екатеринбурга я встретил на ст. Алапаевск Петра Ермакова и спросил его, куда они увезли трупы. Ермаков объяснил мне, что трупы сбросили в шахту за В.-Исетским заводом и шахту ту взорвали бомбами, чтобы она засыпалась. О сожженных близ шахты кострах я ничего не знаю и не слышал. Более никаких сведений о месте нахождения трупов я не имею. Вопросом о том, кто распоряжался судьбой Царской семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а исполнял лишь приказания тех, кому служил. Из советского начальства в доме часто бывали Белобородов и Голощекин. Я не видел и не слышал, чтобы перед расстрелом Юровский вычитывал Царю какую-нибудь бумагу, или говорил что-либо по поводу предстоящей казни. Из числа названных мною служащих сысертской команды в день расстрела в команде отсутствовали: Иван Котов, Виктор Луговой, Андрей Старков, Григорий Кесарев и Василий Семенов. Алексей Никифоров уволился по болезни еще недели за три до этого. Где теперь находятся все упомянутые в моем показании лица – точно не знаю. Некоторые из команды находились до взятия Перми на пристани Левшинской, некоторые служат в красной армии.

Вот все, что я могу Вам объяснить по поводу предъявленного мне обвинения. Повторяю, что непосредственного участия в расстреле я не принимал. Предъявленный Вами Филипп Проскуряков до самого последнего времени находился в команде, но принимал ли он участие в уборке комнаты и переноске трупов – не помню.

Припоминаю, что перед отъездом моим в Сысерть Юровский разрешил мне взять принадлежавший Боткину чемоданчик. Более объяснить ничего не имею.

Прочитано. Записано верно.

Медведев.

Член Екатеринб. окружного суда Ив. Сергеев.

97–98

ПРОТОКОЛ
допроса свидетелей

1919 года, февраля 24 дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. у. у. с., и они показали:

97

Я, Фекла Алексеевна Дедюхина, 26 лет, правосл., кр. Шуролинской вол. и зав., Екатеринбургского уезда, грам., не судилась. В настоящее время содержусь под стражей в Екатеринбургской уездной тюрьме и числюсь за следственной комиссией от 16 июля 1918 года.

До ареста я около трех лет служила официанткой в Американских номерах, находящихся в гор. Екатеринбурге на углу Покровского проспекта и Златоустовской улицы.

Кажется, в начале июня м/г. гостиница была занята большевиками и здесь поселились: боевой отряд из русских красноармейцев и латышей, Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрревол., спекуляцией и саботажем и некоторые комиссары.

Из состава Чрезвычайной комиссии я знаю и могу назвать след. лиц: председателя Комиссии Лукоянова (имени и отчества его не знаю, жил в № 15) и членов Горина, Радзинского, Сахарова, имен и фамилий их не знаю /так!/. В № 1 жил некто Никулин (как его зовут – не знаю). На предъявленной Вами фотографической группе я его признать не могу (предъявлена группа, которая предъявлялась обвиняемому Медведеву). На вид он был лет 30–34, повыше среднего роста, коренастый, с рыжеватыми усами, с широким лицом. Был ли он членом Комиссии или занимал какую-либо другую должность – не знаю. Он куда-то выехал из гостиницы еще недели за две или за три до эвакуации города. Из комиссаров я знаю Голощекина и Юровского. За Голощекиным числился № 10-й, а за Юровским № 3 (лучший и самый большой). В нумерах этих они не жили, а приходили только на занятия.

Помещалось ли в гостинице Комендантское управление – не знаю, не замечала. Чем занималась Чрезвычайная комиссия, участвовали ли в ее заседаниях комиссары Голощекин и Юровский – не знаю. Комиссаров Белобородова и Чуцкаева я совершенно не знаю. Вообще должна Вам сказать, что я занималась только своей прямой работой – подавала на стол и убирала со стола и ничем другим не интересовалась и ни во что не вникала. Поэтому я совершенно ничего не знаю ни о лицах, населявших гостиницу, ни об их деятельности. Я, как бедная девушка, только зарабатывала кусок хлеба и ни к какой партии не принадлежала. Начальника боевого отряда Шиндера я знала, но о деятельности его ничего не знаю.[7]

О том, что большевики объявляли о казни б. Императора Николая II я слышу впервые только от Вас и положительно до сего времени ни от кого об этом ничего не слышала.

Не знаю и не видела, уехали ли какие-либо обитатели гостиницы куда-либо на автомобилях в ночное время, и не могу сказать, уезжал ли кто-либо из гостиницы в ночь с 16 на 17 июля.

Ни в какие разговоры о большевитских делах я ни с кем из ее жителей не вступала и никаких отношений ни с кем из них не имела. Более по делу показать ничего не имею.

Прочитано.

Фекла Алексеевна Дедюхина.
Член Окружного суда Ив. Сергеев.

98

Я, Прасковья Ивановна Морозова, 28 лет, кр. Нязенсторской вол. и зав., Красноуфимского уезда, Пермской губ., правосл., грамот., не судилась, живу по Никольской ул., д. № 28, кв. 8.

В июне 1917 года я поступила на службу официанткой в Американскую гостиницу, содержателем которой был Трефилий Ефремов. В самых первых числах июня 1918 года помещение гостиницы было реквизировано большевиками, и здесь поселился отряд красноармейцев из русских и латышей, занимавшихся расстрелами, и разные большевики, которых я ни назвать, ни припомнить не могу. Тут же поместилась и Чрезвычайная комиссия. Председателем Комиссии был некто Лукоянов (№ 15), а членами – Горин, Кайгородов, Рудзинский, Сахаров. Был у них какой-то „президиум", но кто был в этом президиуме – не знаю. Секретарем президиума был Яворский. Все они занимали номера в верхнем этаже дома: Горин – № 12, Кайгородов – № 10, Рудзинский – № 11, Сахаров – № 6. Знаю, что в Комиссию приводили людей на допросы, и допрашивал больше Рудзинский, а иногда и Сахаров, но тот больше кричал и ругался. Горин и Сахаров больше руководили расстрелами. Сахаров, кроме того, числился комендантом здания.

В № 1 у нас жил некоторое время исполнявший обязанности казначея молодой человек по фамилии Никулин, полный, шатен, на вид лет 25. В конце июня, или начале июля, он куда-то от нас переехал, но куда именно – не знаю. Он сожительствовал с молоденькой дамочкой, полненькой блондинкой, с служившей в „президиуме" делопроизводительницей. Фамилия этой дамы – не то Сивелева, не то Савельева. Уехав из гостиницы, Никулин приходил иногда к своей сожительнице ночевать.

Комиссия собиралась часто на заседания в № 3, числившимся за комиссаром Юровским. Юровский в гостинице не жил, но почти всегда присутствовал на заседаниях и сидел на главном месте, а по бокам его сидели Лукоянов и Горин. Комиссар Голощекин также часто приезжал на заседания, но числился ли за ним особый номер – не припомню. Какими делами занимались большевики на заседаниях – не знаю, так как во время заседаний без дозволения к ним входить запрещалось. Случалось иногда подавать им во время заседаний чай, или стакан воды, но при появлении прислуги они умолкали.

Фекла Дедюхина, служившая также официанткой, сошлась с состоявшим в отряде красноармейцем Шендером /так!/ и совсем „как с ума сошла": все к большевикам стала льнуть и перестала работать. Я стала ей выговаривать, как ей не противно принимать к себе Шендера, когда он приходит к ней после расстрелов, но Дедюхина отвечала, что ей это все равно. На этой почве у меня с нею вышла ссора, заподозрили меня в „контрреволюции" и уволили от службы 10-го июля.

О расстреле б. Императора я узнала из газет и объявлений и положительно ничего не могу Вам сказать о том, принимались ли по этому поводу какие-либо ре-

шения на заседаниях Комиссии. С Феклой Дедюхиной мне об этом разговаривать также не приходилось. Не знаю также, имел ли кто-либо из жильцов Американской гостиницы какое-либо отношение к охране дома Ипатьева и ко всему тому, что в этом доме произошло с Царем и его семьей. Более показать ничего не имею.

Протокол мне прочитан.

Параскева Морозова.
Член суда Ив. Сергеев.

99

М. Ю.
Председатель
Екатеринбургского
окружного суда
февр. 24 дня 1919 г.
№ 597
г. Екатеринбург.

Члену Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергееву.

Вследствие Вашего представления от 18 февраля с. г. за № 121 сообщаю, что Общее собрание отделений Окружного суда от 20 февраля с. г. постановило освободить Вас от производства следствия по делам об убийстве бывшего Императора Николая II и великих князей со времени передачи этих дел следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколову[8].

Определение Общего собрания о передаче Вами дела об убийстве великих князей члену суда Михновичу[9] оставить без исполнения.

Председатель суда В. Казем-Бек.
Завед. канцелярией М. Белоусова.

100

М. Ю.
Прокурор Тобольского
окружного суда
февраля 24 дня 1919 года
№ 7
г. Тобольск.

Секретно

Господину члену Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергееву.

С препровождением копии представления моего прокурору Омской судебной палаты уведомляю Вас, что производимым по сообщению Вашему от 30 ноября 1918 года за № 59 предварительным следствием никаких положительных результатов пока не добыто и никаких указаний на возможность получения их пока не имеется.

Что касается „открытия белогвардейского заговора с целью похищения царя и его семьи", то никаких сведений о таковом заговоре до меня не доходило. В августе 1917 года возникло предположение об организации какого-то заговора в связи с приездом в гор. Тобольск М. С. Хитрово, но, как видно из позднейших сообщений прокурора Московской судебной палаты Стааля, это предположение, повидимому, оказалось несостоятельным[10].

Впоследствии, в том же 1917 году, по сообщению тобольского городского головы, возникло предварительное следствие о существующем, по слухам, в То-

больске сообществе с целью ниспровержения существующего тогда государственного строя, но и это следствие не добыло решительно никаких данных для предположений о существовании какого-нибудь заговора.

В настоящее время товарищу прокурора Соловьеву мною поручено произвести расследование о всех имеющихся сведениях об организации заговора для увоза из Тобольска семьи бывшего Императора с осмотром имеющихся наблюдательных нарядов и производившегося следствия, и, по окончании его, это расследование будет препровождено Вам[11].

Прокурор суда Корякин.
Секретарь (подпись неразборчива).

101

Начальник Военного контроля
штаба начальника гарнизона.
24 февраля 1919 г.
№ 1150 /В.К.
г. Екатеринбург.

Совершенно секретно.

Члену Екатеринбургского окружного
суда Сергееву.

По приказанию Уполномоченного Командующего Сибирской армией по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии при сем препровождаю на Ваше распоряжение рапорт чина для поручений прапорщика Князева.

Приложение: рапорт за № 16.

Подполковник Белоцерковский.
Чин для поручений прапорщик Князев.

Чин для поручений
при Военном контроле.
20 февраля 1919 г.
№ 16.

Совершенно секретно.

Начальнику военного контроля.

РАПОРТ

Докладываю полученные мною агентурные сведения, имеющие, по моему мнению, отношение к делу об убийстве Государя Императора и его семьи.

Приблизительно около 1-го часу одной из ночей в июле месяце мин. года к плотине, отделяющей В.-Исетский пруд от Исетского озера, подошел пароход с 30-ю, примерно, красноармейцами. Приехавшие взяли у проживающих там дачников 8 лодок и на них до позднего утра перевозили с парохода что-то через озеро на берег, называемый местными жителями „Толстик".

Во время описанной операции вся местность охранялась красноармейцами.

Берег „Толстик" отстоит от плотины верстах в двух. На озере в эту ночь стоял туман, препятствовавший дачникам видеть, что возят красноармейцы, но они явственно слыхали довольно много беспорядочных выстрелов в направлении названного берега.

Лицо, сообщившее мне эти сведения, полагает, что сторожа близлежащих к плотине дач М. И. Перминовой и И. В. Ускова[12] видели кое-что из того, что делали в эту ночь красноармейцы. Так же мог это видеть некто Петров, железнодорожный красноармеец, который в то время проживал в даче Перминовой. Из упомянутых

сторожей в настоящее время в Екатеринбурге проживает у Ивана Влад. Ускова (Гоголевская, 45) Рыков, а Петров служит на ст. Челябинск.

Изложенное событие происходило как раз в то время, когда по Екатеринбургу распространился слух об эвакуации Государственного банка.

Независимо от сего доношу, что в то же приблизительно время, за неделю до взятия Екатеринбурга чехословаками, жена вышеуказанного гражд. Ускова на дороге между Екатеринбургом и Коптяками встретила ехавших верхами комиссаров Быкова и Юровского[13]. Неподалеку от этого места, где она встретилась с комиссарами, знакомый Усковой человек рыл яму. На вопрос Усковой, для чего он роет яму, этот человек ответил, что он роет межевую яму[14]. Когда Ускова проехала от этого места несколько ближе по направлению к Екатеринбургу, она увидела на дороге застрявший автомобиль.

Прапорщик Князев.

102

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 26 дня, г. Екатеринбург. Агент Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев составил настоящий протокол в следующем.

Производя дознание по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его семьи, я, агент Уголовного розыска Алексеев, агентурным путем узнал, что в г. Екатеринбурге скрывается красноармеец – гражданин Сысертской вол. и завода Филипп Полуектов Проскуряков, который, по имеющимся у меня сведениям, был в числе других лиц на охране дома Ипатьева в г. Екатеринбурге, где помещался Император Николай II с семьей. По сведениям, Проскуряков скрывается в г. Екатеринбурге при содействии своего родного брата – бывшего старшего милиционера 4-й части г. Екатеринбурга Александра Полуектова Проскурякова, с которым выбывал на днях в г. Пермь, а затем снова возвратился в г. Екатеринбург.

По наведенным мною справкам в Екатеринбургском адресном столе брат Проскурякова – Александр Проскуряков оказался прописанным на жительстве по Арсеньевскому проспекту дом № 20 и выбывшим 3 февраля неизвестно куда, самого же Филиппа Проскурякова в прописке совсем не оказалось. Принимая меры к розыску Проскурякова, я, Алексеев, прибыл в квартиру брата его Александра Проскурякова, где и дознал, что Александр Проскуряков находится в г. Екатеринбурге, а также и брат его Филипп, причем Александр снова занимает эту квартиру, но последние двое суток дома не ночевал и находится неизвестно где, а местопребывание его брата Филиппа совсем неизвестно.

Вследствие этого мною, агентом Уголовного розыска Алексеевым, учреждено было чрез чинов милиции 4-й части г. Екатеринбурга негласное наблюдение за квартирой Александра Проскурякова с предложением задержать его по явке в квартиру, известив меня о задержании, и 21 сего февраля вечером Александр Проскуряков задержан чинами милиции 4-й части гор. Екатеринбурга по явке в квартиру, а вскоре задержан пришедший к брату и Филипп Проскуряков, о чем я и был тогда же извещен. Явившись в 4-ю часть милиции г. Екатеринбурга, я, агент Уголовного розыска Алексеев, расспрашивал задержанного Филиппа Проскурякова по обстоятельствам дела, причем он, Проскуряков, отзываясь полным незнанием чего-либо по данному делу, объяснил, что он на охране Ипатьевского дома, где помещался Царь с семьей, совсем не был и ничего по этому делу не знает[15]. Был он мобилизован в числе других на охрану Ипатьевского дома, но дорогой сбежал и потому на охране не был.

При дальнейшем же расспросе его в следующий день 22 февраля, с предъявлением Павлу Спиридонову Медведеву, который уличил его, что он дал несправедливое показание о том, что он не был на охране Ипатьевского дома и что он, Филипп Проскуряков, был до конца пребывания Царя с семьею на охране этого дома, он, Проскуряков, изменил свое первоначальное показание и объяснил, что он действительно был на охране Ипатьевского дома, где находился Царь с семьею, но ничего по делу не знает, и где находится Царь и его семья, ему неизвестно. Живы они или нет – не знает.

При расспросе далее обо всех подробностях пребывания его на охране в доме Ипатьева он, Проскуряков, еще уклонялся от дачи каких-либо существенных сведений по делу и наконец подтвердил лишь то обстоятельство, что Павел Медведев вечером (какого числа – не упомнит), незадолго до оставления большевиками гор. Екатеринбурга, приходил в караульное помещение, где находилась охрана дома и в числе охранников был он, Проскуряков, и предупредил охрану, что в эту ночь будут выстрелы, чтобы они не тревожились и были в то же время наготове на всякий случай, причем сказал, что в эту ночь будет расстрел семьи. Что происходило в эту ночь в доме, он, Проскуряков, не знает, так как после прихода Медведева лег спать на печь. Утром слышал от красноармейца Андрея Старкова, что семью увезли из дома.

При последующем расспросе Проскуряков еще изменил свое показание в последней части и объяснил, что слышал от красноармейцев, бывших на охране дома, что Царя Николая II и его семью расстреляли и увезли куда-то на автомобиле. При этом Проскуряков объяснил, что сам он Николая II и его семью тогда не видал, действительно ли они расстреляны и вывезены – не знает, трупов он их не выносил и кровь замывать в комнате расстрела в числе других лиц не ходил. Наряжал ли Медведев охрану выносить трупы и замывать кровь в комнате расстрела – не слыхал.

Наконец на спрос мой, агента Уголовного розыска, 28 февраля Проскуряков, подтверждая свои прежние показания в отношении того, что он ничего по данному делу не знает и что были ли расстреляны в ночь на 17 июля нов. стиля Царь Николай II и его семья – ему неизвестно, добавил, что в то время, когда было это происшествие, он, Проскуряков, вместе с красноармейцем Егором Столовым, бывшим также в охране Ипатьевского дома, были посажены разводящим Павлом Медведевым в баню, при караульном помещении, где сидели два дня под арестом за то, что напились пьяны, а потому он, Проскуряков, и не знает, что происходило в эту ночь в доме Ипатьева, где находился Царь и его семья.

После освобождения его вместе с Столовым из-под ареста в бане его, Проскурякова, отправили вместе с другими красноармейцами в числе 15 человек в г. Пермь, где он и находился все время до освобождения города от большевиков правительственными войсками, причем исполнял караул по охране эшелонов красноармейцев на станциях г. Перми. Когда большевики начали уходить из Перми, он, Проскуряков, по совету своего дяди Матвея Иванова Проскурякова, остался от них в г. Перми и после ухода их ушел в г. Екатеринбург, а затем домой – в Сысертский завод. Когда он прибыл в Сысертский завод, то мать его Евдокия Степанова известила об этом по телефону его брата Александра Полуектова Проскурякова, служившего старшим милиционером 4-й части г. Екатеринбурга. Последний, прибыв в Сысертский завод, тогда же доставил его, Проскурякова, в г. Екатеринбург к коменданту. Комендант препроводил его к коменданту этапа в г. Екатеринбурге, который и выдал ему удостоверение в том, что он освобожден из-под ареста, как насильно мобилизованный красноармеец, и что он обязан явиться в своем месте жительства в следственную комиссию. Получив это удостоверение, он остался с ним в г. Екатеринбурге для приискания себе какой-либо службы и проживал с ним в этом городе с месяц времени или более. Жил он все это время у своей сестры, Клавдии Полуектовой Проскуряковой на Макаровской мукомольной мельнице в г. Екатеринбурге, где сестра его сожительствует с чехом, а также живет с чехом и другая его сестра.

Поступил он на охрану дома, где находился Царь с семьей, по своему желанию и насильно мобилизован для этой обязанности не был. Наймовать /так!/ людей на охрану дома приезжал в Сысертский завод комиссар Мрачковский. Жалованье поступившим в охрану было назначено 400 руб. в месяц. Он изъявил желание поступить в эту охрану за неимением работы в то время. До этого времени он проживал в г. Екатеринбурге, служил монтером по электричеству в гостинице Пале-Рояль, а затем, когда электрическая машина из этого дома была убрана, то занимался работой по проведению электричества в частных домах и прибыл домой в Сысертский завод недели за 2 до поступления в охрану дома. На охрану дома он поступил в мае месяце.

Из сысертских рабочих на охрану этого дома поступили всего 30 человек. Из них он помнит следующих лиц: 1. Семена Турыгина, 2. Александра Кронидова Алексеева, 3. Александра Орлова, 4. Степана Вяткина, 5. Вениамина (Файку) Сафонова, 6. Александра Турыгина, 7. Ивана Талапова, 8. Александра Стрекотина, 9. Андрея Стрекотина, 10. Ивана Старкова, 11. Андрея Старкова, 12. Николая Садчикова, 13. Егора Столова, 14. Константина Добрынина, 15. Михаила Летемина, 16. Михаила Котова, 17. Ивана Котегова, 18. Романа Теткина, 19. Николая Подкорытова, 20. Кесарева, 21. Александра Котегова, 22. Виктора Лугового, 23. Николая Попова, 24. Семена Шевелева, 25. Семена Беломонина, 26. Чуркина, 27. Николая Зайцева, 28. Александра Чуркина[16] и еще одного не припомнит. Все эти лица вместе с ним, Проскуряковым, были до последнего времени на охране дома, где находилась Царская семья и сам Царь.

В следующий день после расстрела Царя и его семьи Проскурякова, вместе с другими красноармейцами в числе 15 человек, отправили в г. Пермь, а остальные еще остались при доме. При отправке их в Пермь красноармеец Иван Старков сказал ему и Егору Столову, что Медведев сказывал ему, что Царя и семью его расстреляли. Затем слышал он, Проскуряков, в Перми от Ивана Талапова, что расстреляли Царя и семью и увезли куда-то на автомобиле-грузовике. Расстреляли и увезли латыши, а они, Талапов и другие, играли в это время в карты.

Кроме их, на охране дома были еще рабочие Злоказовской фабрики. Рабочих этих было всего 15 человек. Из них он знает Андрея Корзухина из села Уктуса, Клещева, Алексея Сидорова, Авдеева Александра. Рабочие эти, за исключением Авдеева, были до последнего времени на охране. Авдеев состоял комендантом дома первое время. Помощником его был рабочий Злоказовской фабрики Мошкин. Затем Авдеев и Мошкин были уволены за какую-то кражу вещей в доме и тогда поступил комендантом дома Юровский, и его помощник был Никулин, шофер по ремеслу, как он слышал от него самого, и эти лица были до последнего времени на своих обязанностях при доме. Никулин был среднего роста, на вид лет 25, светлорусый, имел небольшие усы, телосложения крепкого. У него была знакомая какая-то барышня или дама на вид лет 19, блондинка, невысокого роста, довольно полная, которая приходила к нему неоднократно в Ипатьевский дом, вызывала его звонком на улицу, и он вводил ее в дом. Юровский и Никулин находились все время внутри дома в комнате верхнего этажа, где помещался Царь и его семья. Медведев находился также большею частью с ними наверху дома.

Команда караульных первое время помещалась внизу дома, а затем ее перевели в соседний дом, где она находилась во время происшествия. В доме оставались из охраны лишь латыши, коих было человек 15[17]. Ни одного из них по имени и фамилии он не знает. Латыши несли посты по охране внутри дома, а рабочие Сысертского завода и Злоказовской фабрики несли наружные посты по охране.

Ему известно, что в доме находились сам Царь Николай II, супруга его, сын Алексей и четыре дочери, какой-то седоватый мужчина, повар, слуга и горничная. Всех их он видал в доме до последнего времени, т. е. до оставления ими караула при этом доме и отправки в г. Пермь. Царя, сына его Алексея и дочерей он видал неоднократно гуляющими в саду. Государыню видал редко, так как она не выходила из дома. Никаких насилий над Царем и его семьей, когда они жили в доме

Ипатьева, никем не учинялось. Пищу им приносили из советской столовой. Разогревал пищу повар их. Более ничего по делу не знает.

Агент Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

Арестантское.

Настоящий протокол представляю г. члену Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергееву и сообщаю, что задержанный по настоящему делу Филипп Полиевктов /так!/ Проскуряков содержится под стражею при 1-й части милиции г. Екатеринбурга.

Марта 2 дня 1919 года № 14.
Агент Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

103

ПРОТОКОЛ
допроса свидетелей

1919 года, февраля 26 дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, в камере своей, допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюд. 443 ст. у. у. с., и они показали:

Анна Назаровна Швейкина, 43-х лет, кр. Кыштымского зав. и вол., Екатеринб. у., православная, грамот., не судилась, живу в гор. Екатеринбурге, на Кузнечной ул., д. № 184.

Я служила около 25 лет горничной в Американской гостинице до занятия ее большевиками в начале июня прошлого года. После занятия гостиницы служащие, а в их числе и я, остались на своих местах. В гостинице поселились „Чрезвычайная комиссия" и боевой отряд палачей-красноармейцев. Председателем Комиссии был Федор Николаевич Лукоянов – молодой, очень болезненного вида человек. Главными после него были Горин, Родзинский, Кайгородов. В числе служащих были секретарь Яворский, делопроизводительница Сивелева и еще одна какая-то барышня, имени и фамилии которой не знаю. Комендантом здания был Валентин Сахаров. Лукоянов, Родзинский и Горин, кажется, – студенты, приехали они из Перми, откуда к ним приезжали их родственники. Кайгородов – мотовилихинский рабочий. Начальником боевого отряда был какой-то Шиндер, с которым вступила в связь официантка Фекла Дедюхина.

В № 1 жил недолгое время некто Никулин. Приметы его: немного выше среднего роста, лет 25–27, с полным, круглым лицом, коренастый, с темными волосами и небольшими темными усиками. Я очень хорошо помню, что он был темноволосый, и Пьянкова ошибочно Вам показала, будто волосы у него светлые. Этот Никулин недели за три до эвакуации из гостиницы куда-то переехал, но поселился ли он в доме Ипатьева, где жил б. Император со своей семьей, – этого я не знаю. Сожительствовал он с Сивелевой и тогда приходил к ней ночевать (она жила в № 4-м).

Сначала Комиссия собиралась на заседания не особенно часто, а недели за две до эвакуации Комиссия стала чаще собираться на заседания, и таковые иногда затягивались до утра. В тех заседаниях, которые были важными (судя по их продолжительности), участвовали комиссары Белобородов, Голощекин, Чуцкаев, Жи-

линский и Юровский. О чем они совещались – не знаю. За Юровским числился № 3-ий, но он в нем не жил, а только занимался. За Голощекиным числился № 10-й, но жил он в нем лишь последние 4–5 дней перед эвакуацией.

О казни б. Императора я узнала из газет и о том, кто задумал это преступление и совершил его – ничего не знаю. Ездил ли кто-либо из населявших гостиницу большевиков 16-го числа июля и в ночь на 17-ое июля в дом Ипатьева – не знаю. Не знаю также, был ли такой случай, что из гостиницы уехали вечером на автомобиле три человека, возвращались и опять уехали – ничего этого я не знаю, да и трудно уследить, так как вообще главная работа и суета происходила у нас по ночам: обыски, аресты, расстрелы.

Фекла Дедюхина жительствовавшая с начальником боевого отряда Шиндером (м. б., Шнейдер – хорошенько его фамилии не знаю) и все время „путавшаяся" с большевиками, вероятно, лучше осведомлена об их делах. Эта официантка чуть не подвела под расстрел официантку Морозову за то, что та ее стыдила за близость к большевикам и за сочувствие к ним. Все населявшие гостиницу большевики уехали из города перед вступлением в него чехов. Более показать ничего не имею. Прочитано.

Анна Швейкина.
Член суда Ив. Сергеев.

104

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 10 дня, помощник начальника Военного контроля Штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса надворный советник[1] Кирста производил допрос доктора Павла Ивановича Уткина[2], жительствующего в городе Перми на углу Покровской и Осинской, дом 25/71, по делу Императорской фамилии, в качестве свидетеля, который показал:

В последних числах сентября 1918 года, проживая в доме Крестьянского поземельного банка на углу Петропавловской и Обвинской улиц, каковой дом в это же время был занят Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, я, врач Уткин, был срочно вызван в вечернее время, между 5–6 часами, для оказания медицинской помощи.

Войдя в помещение, занятое больной, я увидел следующее: на диване лежала в полусознании молодая особа, хорошо упитанная, темная шатенка, с стриженными волосами. Подле нее находилось несколько мужчин, среди коих были Воробцов, Малков, Трофимов, Лобов[3] и ряд других лиц, фамилии коих мне неизвестны. Среди всех мужчин была одна женщина[4], на вид 22–24 лет, умеренного питания, блондинка.

Вследствие моей просьбы все мужчины удалились. Женщина же, бывшая подле больной, осталась, мотивируя тем, что ее присутствие мешать мне, врачу, не может. Я, врач Уткин, ясно предугадал, что женщина являлась в роли шпика.

На вопрос, поставленный мною больной: „Кто Вы такая?", больная, дрожащим голосом и волнующаяся, тихо сказала: „Я дочь Государя Анастасия". После сказанных слов больная потеряла сознание.

При осмотре больной пришлось обнаружить следующее: имелась больших размеров кровяная опухоль в области правого глаза и разрез в несколько сантиметров (1 1/2 – 2 сант.) в области угла правой губы. Изменений каких-либо на голове, груди обнаружить не удалось. В моем желании осмотра половой сферы мне было отказано. Затем я наложил больной хирургическую повязку и прописал ей внутреннее лекарство, после чего меня попросили удалиться из помещения.

В тот же вечер, около 10 часов, я, лично по своей инициативе, пришел к больной. Последняя была как бы в бреду, произносила отдельные слова и фразы. После этого посещения больше меня к больной не допускали. После того, когда я наложил больной повязку, последняя, взглянув на меня добрым взглядом, сказала: „Доктор, я Вам очень , очень благодарна".

Доктор П. И. Уткин.
Пом. нач. Воен. конт. Кирста.

105

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1918 года, февраля 11 дня, помощник начальника Военного контроля Кирста, на основании 258 ст. уст. угол. суд., при нижеподписавшихся понятых, произвел осмотр комнаты и кушетки, где была заключена великая княжна Анастасия Николаевна, и по осмотру оказалось:

Комната круглая, обита обоями цвета бордо – выцветшие. Имеет три двери. Одни из них стеклянные, выходящие в сад-двор, принадлежащий этому же дому, т. е. дому Крестьянского поземельного банка в г. Перми по Обвинской улице. В комнате два окна, выходящие на Обвинскую улицу и во двор. На полу небольшой квадратный кусок линолеума. Против окна, выходящего на Обвинскую улицу, у стены стоит кушетка, обитая темно-коричневыми обоями с цветами. Обивка старая: концы ее, спускающиеся к земле, вырезаны. Длиной она около 3-х аршин, шириной – 1 аршин с вершками. В головной и боковой части кушетки – спинка, первая высокая, вторая небольшая.

Следов кровяных или каких-либо надписей не видно. В момент осмотра комната была обставлена письменным столом, несколькими мягкими креслами и небольшой этажеркой. Комната в диаметре 6–7 аршин, следов выстрелов ни на стенах, ни на полу не заметно. Комната светлая, высокая, расположена во 2-м этаже. На обоях следы крови у головной части кушетки[5].

Пом. нач. Воен. конт. Кирста.

106

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 11 дня, помощник начальника Военного контроля Штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса надворный советник Кирста производил допрос гражданина Александра Семеновича Ребухина, жительствующего: Мотовилиха, Кладбищенская № 23, по делу архиепископа Андроника[6], в качестве обвиняемого, который показал:

При поездке в деревню Ключики, по Казанскому тракту, за провизией к моему бывшему дорожному мастеру Уездного земства Кондратию Павлову Каменских со мною ехали в ту же деревню Плешков Алексей Иванович и Берсенев Иван Петрович. Первый был начальником милиции Мотовилихи и уволен коммунистами, как социал-революционер. Второй был товарищем председателя Мотовилихинского комитета, тоже соц.-революционер. Он был во время существования волостного земства председателем волостной управы. Дорогой Плешков, Берсенев и я выпили спирта, который был у Плешкова и Берсенева. После выпивки

мною был задан вопрос Плешкову: за что его уволили из милиции? Он мне сказал, что у него личные счеты с помощником начальника милиции, с коммунистом Жужговым. „Несмотря, говорит, на то, что мы с ним сделали такое дело, как арест великого князя Михаила Александровича".

Я стал расспрашивать Плешкова: „Как было дело? Расскажи", – говорю. Он мне начал рассказывать, что они ночью приехали в номера, где помещался великий князь, забрали его и увезли на сибирский тракт, а там свернули в сторону и велели ему выйти. Далее он рассказывал мне, что Жужгов хотел выстрелить в него, но у него сделалась осечка, то есть револьвер не выстрелил, и в это время великий князь взял его за шиворот и повалил под себя, – „и когда, говорит, я выстрелил в князя, тогда только Жужгов освободился"[7].

Когда я спросил Плешкова, в каком месте точно это было, он мне сказал: „Ну, это я тебе не скажу". Дальше я спрашивал Плешкова: „А что, говорю, сделали с епископом Андроником?" Он мне сказал, что его ночью привезли к нему в милицию и что потом к нему пришел Мясников[8], который был или в то время председателем Исполнительного комитета, или не был, я лично не знаю (в общем он был таковым, кажется, три раза), и разговаривал с ним всю ночь, задавал епископу Андронику вопросы из Евангелия. Далее Плешков сказал мне, что утром епископа Андроника перевели в арестное помещение в этом же дворе, где была милиция, в помещении бывшей прачечной, что он тут просидел до ночи, и что ночью его, епископа Андроника, отправили с красноармейцами в Пермь. На мой вопрос: „А что с ним было дальше?", Плешков сказал мне, что его, кажется, расстреляли на сибирском тракте в лесу. Больше Плешков ничего мне не говорил.

107

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 11 дня, помощник начальника Военного контроля Штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса надворный советник Кирста производил допрос доктора Павла Ивановича Уткина, жительствующего в городе Перми, угол Покровской и Осинской, в доме 25/71, по делу Императорской фамилии, в качестве свидетеля, который показал:

По просьбе Вашей я добыл 2 рецепта из аптеки Губернского земства, которые мною были написаны для больной в чрезвычайке, назвавшейся дочерью Государя „Анастасией". Рецепты эти были написаны на бланках врача В. П. Иванова, данные мне в чрезвычайке членом таковой „Шленов" /так!/, надпись которого имеется на обороте рецепта[9].

Врач П. Уткин.
Пом. нач. Воен. конт. Кирста.

108

14 февраля — Гражданка Мария Филипповна Пантелеева, жительствующая по Обвинской № 20, объяснила:

Павел Иванович Логинов был машинист старого времени. Женат он на моей сестре Елизавете, и ныне живет он в Екатеринбурге по Арсеньевскому проспекту в доме Чечеткина. В город Пермь Логинов был эвакуирован из Екатеринбурга большевиками и прибыл в Пермь по новому стилю или в последних числах июля прошлого года, или в первых августа.

По прибытии он был тих и, по-видимому, далек от большевизма, но после сошелся с матросами и латышами и стал невыносим в жизни, как большевик. Мне часто приходилось спорить с ним и как-то в пылу спора Логинов сказал: „Что ж, если вам нужен Царь, то поезжайте на ст. Богдановичи, он там зарыт".

Затем, в начале его приезда в Пермь, он, будучи мирно настроенным, сказал мне, что в Екатеринбурге расстреляна вся семья Государя, но где похоронена, не сказал. Мне эти сведения Логинов говорил, что он узнал от латыша под большим *секретом. Фамилию латыша Логинов не назвал*[10].

Мария Пантелеева.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

109

16 февраля

Гражданин Николай Иванович Прохоров, жительствующий Пермь по Петропавловской № 58, объяснил:

Мне известно, что содержавшийся в тюрьме житель г. Екатеринбурга, Верх-Исетского завода, Грудин говорил, что он один из участников расстрела Государя Императора и его семьи, что расстрел произведен в Екатеринбурге, но где место, я не упомнил, может быть, и не обратил внимания. Помню только, что то /место?/ где преданы земле трупы расстрелянной семьи Государя, его и приближенных лиц, запахано.

Насколько мне известно, Грудин большевиками был сослан в Кизеловские копи на принудительные работы.

Николай Прохоров.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

110

17 февраля

Германский подданный, беженец г. Двинска, Иван Иванович Гиршфельд объяснил:

Живу я по малой Кунгурской улице в доме Неустроева. Сын домовладельца был красноармеец и ныне в плену, и лежит в лазарете в винном складе. Мать его рассказала моей жене, от которой я узнал, что в пермской чрезвычайке в конце августа или сентября содержались великие княжны, дочери Государя Императора. Их было двое. В чрезвычайке их били и мучили.

После этого разговора, дней через 4—5 ночью, как мне рассказывал караульный сторож (ныне он выехал в Гродненскую губернию – Адам Мишенис), подъехал автомобиль, выбрали место, вырыли могилу, а после 12 часов ночи привезли на автомобиле кого-то и там похоронили. Явление это было необычное, ибо прежде здесь же расстреливали и хоронили, почему я заинтересовался этим делом и нашел то место, которое Вам и укажу[11].

Неустроева зовут Аркадий.

Гиршфельд Ив. Иванович.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 18 дня, помощник начальника Военного контроля Штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса надворный советник Кирста производил допрос:

111

Рядовой Енисейского полка Аркадий Яковлев Неустроев, жительствующий в госпитале в здании винного склада, по делу Императорской фамилии, в качестве свидетеля, который показал:

Я служил в красной армии добровольцем в караульном батальоне в г. Перми и помню, что осенью прошлого года, кажется, в сентябре, был в карауле у губернской тюрьмы.

Ночью, думаю, было тогда часов 11, к тюрьме подъехала черная карета, слышно было, что в ней стонала какая-то женщина. Когда ее унесли, я спросил стоявших ближе к карете, кто это, и получил ответ, что женщина, привезенная в карете, – великая княжна. Называли и имя, но я точно не помню: кажется, Ольга, но не уверяю, могу ошибиться. Советую допросить бывшего со мной в карауле Маделина Ивана из Новой Деревни, собственный дом, Александра Старкова – на Слудке по Торговой улице, дом – не знаю.

Та карета, что привезла великую княжну к тюрьме, была из чрезвычайки пермской. Великая княжна, как тогда говорили в караульном помещении, была сильно избита. Карета тогда стояла у тюрьмы не более 20 минут. Конвой кареты был, кажется, из 6 человек. Больше о великой княжне ничего не знаю.

В красной казарме есть теперь пленные из моего 1 взвода 4 роты 1-го караульного батальона. Их можно найти еще в артиллерийском складе за красными казармами.

Аркадий Неустроев.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

112

25 февраля

Унтер-офицер Караульной команды 3 роты 1 взвода Козьма Егорович Рудометов, из крестьян Оханского уезда Пермской губернии, Повильской волости, объяснил:

Я был при красных в 4-й роте 1-го взвода караульного батальона и помню, что как-то осенью караульные моего взвода, вернувшись с поста в губернской тюрьме, говорили, что ночью в тюрьму привезли в карете какую-то женщину. Слышен был из кареты стон, и та женщина называлась Романовой. Это мне говорил Федор, фамилии его не знаю, забыл; он из Вятской губернии. Ныне он санитаром в каком-то лазарете в Перми.

Рудометов.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

113

7 марта

Телеграфист станции Пермь I-я, гражданин Троицкой волости, села Старая Елань, Владимир Андреевич Ермолаев, жительствующий по Малой Кунгурской улице, дом № 52, объяснил:

Моя сослуживица по телеграфу Баранова, ныне Шилова, Клавдия говорила в сентябре прошлого года, что за Камой была поймана молодая женщина, которую избил крестьянин и сдал в милицию Закамского поселка. Эту женщину из милиции забрала пермская чрезвычайка, узнав в ней одну из бежавших великих княжен. Причем тем же именем и назвалась та задержанная молодая женщина, когда ее избивали в Закамской милиции.

Об этом я ничего не говорил никому, кроме Аркадия Неустроева. Та же Баранова-Шилова говорила мне, что после увоза женщины, назвавшейся великой княжной, в Закамской милиции оставалось ее пальто, простого деревенского покроя.

Владимир Ермолаев.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

114

7 марта

Телеграфистка станции Пермь I-я, гражданка Клавдия Ивановна Шилова, жительствующая по Обвинской улице, дом № 22, объяснила:

Моя знакомая, служившая за Камой в адресном столе в поселке против станции Пермь I-я Ираида Степановна Юрганова, но может называться и Лунеговой, говорила, что за Камой поймали дочь б. Государя, которая там скрывалась, называясь сестрой милосердия, поймали великую княжну, имени точно сейчас не помню – не то Татьяну, не тоАнастасию – при следующих обстоятельствах:

Великая княжна зашла в дом крестьянина, где были у него двое детей, и попросила поставить самовар. Вскоре дети ушли из дому. Когда же дети вернулись из огорода, то в избе не нашли великой княжны и, обвинив ее в краже денег, задержали ее, спрятавшуюся от преследования в канаву.

Юрганова говорила, что задержанную великую княжну забрала к себе чрезвычайка. Одета была великая княжна в худую простую одежду, которую сняли с великой княжны, и она висела в Закамской милиции.

Юрганова – блондинка, выше среднего роста, средней полноты, вид сыщицы, разговор отрывистый, повелительный. Жила она в Перми с ювелиром Жоржем на Торговой улице. Ныне она уехала с большевиками с каким-то ихним командиром, служившим в Кунгуре. Квартира Юргановой по Екатерининской улице против толчка осталась за ней. В Перми у нее родственников нет, но в Чердыни, где она училась в гимназии, жила у матери – рабочей. У Юргановой была за Камой знакомая, по имени Клаша, она замужняя, блондинка тоже, выше среднего роста, с ней Юрганова служила в Перми. Клаша (Клавдия) ныне живет где-то за Камой, где есть у нее мать.

Клавдия Ивановна Шилова.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

115

ПРОТОКОЛ

1919 года, марта 7 дня, помощник начальника Военного контроля Штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса надворный советник Кирста производил допрос ревизора вагонного хозяйства Михаила Георгиевича Лозовского, жительствующего ст. Пермь II-я, дом № 13, квар. 3, по делу Императорской фамилии, в качестве свидетеля, который показал:

В дополнение к личному моему объяснению, данному Вам 12 февраля с. г., на основании справок, добытых мною на станции Екатеринбург I пас., могу изложить следующее:

19 июля 1918 года на этой станции действительно был потребован особый экстренный поезд в составе 2 классных вагонов и 1 тов. крытого для эвакуации медикаментов. Требование о срочном – в пять минут – составлении поезда было предъявлено военным комиссаром Поповым, помимо меня, к и. о. старшего помощника Деменеву, который лично занялся выполнением задания и мне сообщил о сем, когда встретил на платформе.

Вскоре после предъявления требования Попов мне предложил последить за составлением поезда и, передавая, что будут грузиться и отправляться медикаменты, как-то особенно усмехнулся. На это обстоятельство я обратил внимание и, когда встретился с Деменевым на платформе и увидел производящуюся погрузку ящиков, выразил свое недоумение, приблизительно, в словах: „Странно, Попов сказал, что отправляют медикаменты, а ящики не подходят". В действительности, насколько можно припомнить, ящики походили на укупорку музыкальных инструментов. Сколько было ящиков, сказать не могу, так как подходить близко к вагону нельзя было из-за стражи. Погрузка производилась средствами распоряжавшихся лиц, т. е. не железнодорожных рабочих и на 2 станционном пути со стороны Екатеринбурга II.

Меня и Деменева очень заинтересовал вопрос, как скоро и куда отправится означенный поезд, но таковой днем 19 июля не ушел и остался до вечера. А вечером последовало задание от коменданта В. Ф. Кузнецова к этому поезду присоединить другие вагоны, грузившиеся на 23 сев. пути у воинской платформы, поставить платформу с броневиком, служ. ваг. № 134 с комиссаром Шпилевским и дополнить какими-либо вагонами на Тагиль. Распоряжение коменданта Кузнецова о добавлении поезда какими-либо вагонами оказалось неприемлемым для комиссара Шпилевского, и, при создавшейся задержке в составлении, едва не расстрелял он составителя поездов Копнова, дежурного по парку Огурского и площадной бранью обругал старшего помощника Уфимцева.

Поезд под № 203 ушел из Екатеринбурга 20 июля, около 3-х часов утра. Точного времени отправления и записи лиц, сопровождавших поезд, не нашел на станции Екатеринбург, так как журнал оказался порванным с пропуском периода времени с 15 по 25 июля.

Из классных вагонов, входивших в состав поезда по справке, взятой в Екатеринбурге, я запомнил № 2441 II кл. Ящики по своему размеру могли вместить труп человека одного, а даже два[1].

Шпилевский, как мне известно, состоял машинистом на Омской дороге в Уфалейском депо.

М. Лозовский.
Пом. нач. Воен. конт. Кирста.

116

8 марта

Наталья Васильевна Мутных, жительствующая по 2-й Загородной улице, дом № 15, объяснила[2].

Мне случайно стало известным, что семья б. Государя Николая II: его супруга и 4 дочери из города Екатеринбурга были перевезены в Пермь и секретно ночью поселены в подвале дома Березина, где была мастерская.

Из этого подвала одна из дочерей бежала в сентябре месяце, была поймана где-то за Камой и увезена в чрезвычайку, а семья б. Государя перевезена в помещение, где был расположен Урал-снабжение на Покровской улице, оттуда в женский монастырь, где содержалась, но не в том месте, где были заключены буржуи.

Перед эвакуацией из Перми красных, недели за две, семья б. Государя была увезена по направлению к Вятке.

Быв. Государя семью в Перми держали очень секретно и окарауливали их только областники коммунисты и видные члены их партии. Даже есть им приносили ночью.

Я заинтересовалась содержанием семьи б. Государя в Перми и, воспользовавшись тем, что мой брат Владимир Мутных должен был идти на дежурство в место заключения семьи б. Государя, упросила его взять меня с собою и показать их мне. Брат согласился, и мы пошли. Было это в сентябре. В доме Березина мы зашли в подвал, и я видела комнату, в которой, при слабом освещении сальной свечи, различила б. Государыню Александру Федоровну и ее четырех дочерей. Были они в ужасном состоянии, но я их хорошо узнала. Со мной была тогда Аня Костина, секретарь Зиновьева: ныне она уехала в Петроград.

Семья же б. Государя спрятана в казармах, где-то в деревне.

Наталья Мутных.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

117

9 марта

Гражданка Клавдия Александровна Ощепкова, содержится ныне в тюрьме губернской, объяснила:

С Ираидой Юргановой знакома. Она – коммунистка, я же нет, и не сошедшись во взглядах, разошлась с ней.

Юрганова мне ничего не говорила по поводу задержания женщины в Закамском поселке, и по этому делу я ничего не знаю.

К. А. Ощепкова.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

118

17 марта

Гражданка Евгения Ивановна Соколова, жительствующая по Большой Ямской улице, дом Васильева, объяснила:

Уже давно я интересуюсь вопросом о судьбе Императорской фамилии. В гимназии имени Тургенева, где я преподаю историю и словесность, учились при совде-

пии родственники коммунистов, при помощи которых и других лиц мне удалось узнать, что бывшая Государыня с 4 детьми, будучи эвакуирована из Екатеринбурга, жила в каких-то номерах, что их охраняли видные коммунисты, не доверяя таковую красноармейцам, сильно издевавшимся над семьей, что одна из дочерей бежала было из номеров и, будучи задержанной в Нижнем Курье, избита там, препровождена в пермскую чрезвычайку, где пробыла около трех дней под охраной коммунистки Барановой[3]. Из чрезвычайки великую княжну перевели в одну из тюрем, где она умерла. Место могилы мне неизвестно.

Эти сведения мною были проверены, и они подтвердились. В Нижнюю Курью к знакомым я приехала между 7 и 10 сентября с. г., где пробыла дня три. В этот период времени я узнала от живущей в Нижних Курьях домовладелицы Степаниды Федосеевны (по прозвищу Цыганка), что 8 или 9 сентября с. г. в Курьях была арестована бежавшая из Перми великая княжна Анастасия, которую сильно избили, и говорила Степанида Федосеевна, что у великой княжны была рассечена губа и княжна умывалась на разъезде в Курьях. На великой княжне была белая кофточка. Затем, когда семью б. Государя вывозили из Перми, то их провожал на вокзал один из коммунистов, семья которого здесь в Перми.

Мне известно из тех же источников, что семья б. Государя, т. е. Государыня и три дочери, эвакуированы из Перми в Глазов в глухую деревушку, а оттуда через Москву в Казань. Вы записали неправильно: коммунисты охраняли семью б. Государя в Глазове, боясь издевательств красноармейцев, которым уже не раз подвергалась она.

Евгения Соколова.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

119

20 /марта/

Гражданка Степанида Федосеевна Подорова, жительствующая в Нижней Курье, собст. дом, объяснила:

В сентябре месяце я была на вокзале, приехав из Новопаинска, где узнала, что вчера на вокзале была арестована какая-то девушка. Идя с вокзала с Валей Алферовой – пермской гимназисткой – я узнала от нее, что действительно вечером была в вагоне арестована девушка и мальчик, которых с собой везла какая-то женщина, беженка с деревни Черной. Эта беженка, фамилии ее не помню, была у меня в Нижней Курье и говорила мне, что та девушка, что арестовали в вагоне, дочь б. Государя, бежавшая из Перми с подвала, где их держали. Женщина с деревни Черной, рассказывая это, плакала и говорила, что она была сильно избита и у ней была рассечена щека. Били ее плетью и увели в какой-то вагон, стоявший на пути, вместе с арестованным мальчиком.

Валя Алферова ехала с той арестованной девушкой в одном вагоне и видела ее, когда ее, арестованную, выводили из вагона. К той женщине-беженке в деревню Черную нужно ехать по железной дороге до разъезда Мышкино № 36 или 37. Из рассказов Вали Алферовой и той женщины из деревни Черной я поняла, что арестованную великую княжну они хотели увезти к себе домой. Валя Алферова должна знать тех людей, что видели арестованную великую княжну, причем в том поезде, что ехала великая княжна, был произведен обыск какими-то красными, которые приехали отдельным паровозом из Перми и ждали прохода того поезда.

Неграмотная.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

120

24 марта

Гражданка Вятской губернии, Орловского уезда, Чудиновской волости, Татьяна Лазаревна Ситникова, жительствующая: разъезд № 37 Пермской дороги, объяснила:

Осенью, было это, кажется, в воскресенье, в лесу у разъезда № 37 была задержана молодая женщина и заведена красноармейцами в сторожку у разъезда. Я, услыхав об этом, пыталась войти в сторожку и поглядеть на задержанную, но красноармейцы в средину не пускали. Все же я успела взглянуть и увидела в углу у печки барышню, волосы которой были темные, на носу горбинка[4], на лице у глаза большой синяк, на белой кофточке у груди кровь. Сидела та барышня грустная и пугливо глядела на глазевших на нее. Бывшие возле арестованной барышни красноармейцы смеялись, очевидно, подтрунивая над той барышней. Я ей предложила шаньгу[5], но она отказалась, сказав, что есть не может. Барышню ту одели в шинель, одели башлык и увели в Пермь, причем когда арестованная женщина сидела в сторожке, то, как я слышала, назвалась дочерью Государя Николая II.

Вскоре после того как увели задержанную дочь б. Государя, из города пришла рота красноармейцев, а до того по лесу и вокруг его все время была красноармейская разведка, и в лес крестьян не пускали.

Одета задержанная была в темную юбку, белую кофточку, на ногах были туфли. Когда я ей предложила шаньгу, задержанная спросила: „Что мне будет?"

Татьяне Ситниковой были предъявлены снимки семьи б. Государя Николая II, помещенные в „Ниве" за 1915 год № 33 и 1913[6] года за № 35, в котором Ситникова указала на великую княжну Анастасию.

Насколько я помню, в Пермь увели великую княжну два красноармейца. Красноармейцы были незнакомы.

Татьяна Ситникова неграмотная, а за нее расписался Григорьев.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

121

23 марта

Гражданин Вятской губернии, Яранского уезда, Торс-Санонской волости, Иван Филиппович Куклин, жительствующий: разъезд № 37 Пермской дороги, объяснил:

Я стрелочник на разъезде № 37 Пермской дороги и помню, что после дня Богородицы, осенью, красноармейцы задержали какую-то молодую барышню. Лета ей трудно было определить, так как она была очень загорелая и грязная. Женщину ту завели в сторожку, когда мне и сказали бабы с разъезда, что в сторожке сидит задержанная Царская дочь. Я пошел посмотреть. Зайдя в сторожку, я увидел в углу на нарах молодую барышню: волосы у ней были темные, под глазом синяк, верхняя губа рассечена, на беленькой кофточке кровь. Возле задержанной были 4 или 5 красноармейцев, разговаривали с задержанной и уговаривали ее не плакать, когда задержанная начинала плакать.

Та задержанная барышня говорила, что она дочь б. Государя Николая II, убежала от красных с Алексеем Наследником Цесаревичем и кухаркой[7], причем их она бросила тогда, когда ее в дороге хотел было задержать какой-то крас-

ноармеец, ударивший ее в лицо. Но от него она убежала, что же с ними, она не знает.

Как назвалась задержанная великая княжна – не помню, но Вы показываете мне карточки, на них я узнаю вот эту (указал на великую княжну Анастасию: Ивану Куклину были предъявлены снимки семьи б. Государя Николая II, помещенные в жунале „Нива" за 1915 год в № 33, за 1913 год в № 35 и в открытом письме, приобщенном к этому делу).

В сторожке великую княжну держали часа полтора, а затем два красноармейца увели ее в город Пермь по линии железной дороги. Великую княжну задержали утром, а увели в Пермь около 12 часов дня. В тот же день около 3 часов пришло из Перми много красноармейцев и что-то искали по лесам.

Куклин.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

122

23 марта

Гражданин Пермской губернии, Оханского уезда, Покровской волости, Федор Федотович Онянов, жительствующий: разъезд № 37 Пермской дороги, объяснил:

Осенью, после Богородицына дня, в день моего дежурства на телеграфе, мне рассказывали мои сослуживцы по разъезду, что в лесу красноармейцы задержали дочь Государя, и теперь она сидит в сторожке при разъезде. Повидать ее мне не удалось, так как отлучиться с дежурства не мог, но помню, что великую княжну красноармейцы увели в Пермь.

Вскоре после того как увели великую княжну, я лично видел много красноармейцев, пришедших из Перми и что-то искавших в лесу и прилегающей к нему местности, по направлению к Нижней Курье. Перед задержанием великой княжны в нашей местности все время была красноармейская разведка. Я слыхал, что некоторые из моих сослуживцев и их жены заходили в ту сторожку, где сидела задержанная великая княжна.

Онянов.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

123

23 марта

Гражданка Вятской губернии, Глазовского уезда, Афанасьевской волости, дер. Лазуковой, Устинья Ивановна Варанкина, жительствующая на разъезде № 37 Пермской жел. дороги и служащая стрелочницей, объяснила:

Под осень мне сказали, что красноармейцы привели барышню. С другими я пошла в сторожку и увидала, что в сторожке стояла девушка среднего роста, одетая в солдатскую шинель, с башлыком на голове. Под глазом у нее был синяк, около губы рассечено, на лице у губы была заметна кровь. Один или двое

красноармейцев увели девушку по полотну дороги в город. Лица девушки я заметить не могла.

Варанкина.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

124

23 марта

Гражданин Пермской губернии, Оханского уезда, Шлыковской волости, деревни Субботиной Максим Кузьмич Григорьев, стрелочник разъезда № 37 Пермской железной дороги, где и живу, 35 лет.

Под осень, когда было уже холодновато, месяца не упомню, часов, кажется, около 12 часов дня, я находился на разъезде № 37, когда мне сказал кто-то, что красноармейцы поймали в лесу около разъезда Царскую дочь. Ее посадили в сторожку при разъезде. Я побежал посмотреть.

В сторожке возле печки сидела на стуле девушка лет 18–19 на вид, не плакала, но видно было, что в кручине. Надета на ней была юбка, цвета не упомню, и беленькая кофточка, на груди – красные пятна крови, на голове платка не было. Волосы были подстрижены, темного цвета. На лице была кровь, над бровями синяки, около губ рассечено было. Смотрела она исподлобья, хмурая, но ничего не говорила. Я заметил, что нос у нее с горбинкой.

На предъявленных мне фотографических карточках я признаю вот эту девушку, которая очень походит на виденную мною тогда в сторожке арестованную (свидетелю были предъявлены фотографические карточки Царской семьи, открытое письмо и журнал „Нива" 1913 года № 35, стр. 685 и 1915 года № 33, стр. 621, причем свидетель на всех карточках указал на великую княжну Анастасию).

В сторожке я пробыл недолго, так как красноармейцы меня прогнали. При мне они говорили девушке: „Одевайся". Держали ее в сторожке с час времени и, надев на нее шинель и башлык, увели по полотну железной дороги по направлению к Камскому мосту. Красноармейцев в сторожке было человек 5–6, а повели девушку двое, остальные же остались. Красноармейцы смеялись над ней, особенно один, небольшого роста, который говорил: „Вот попалась", и продолжал смеяться, когда повели ее: он ушел с девушкой, с другим красноармейцем. У нас на разъезде был сторожевой пост, красноармейцы менялись каждый день новые, я никого из них не знал, компанию не водил.

После увода девушки из города пришло много красноармейцев, запретили нам ходить в лес, даже по коров, а сами ходили по лесу, что-то искали.

При мне имени девушки не называли.

Прочитано.

Григорьев.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

125

23 марта

Граждан/ка/ Вятской губернии, Яранского уезда, Торсалинской волости, Матрена Никитична Куклина, 44 лет, живу на разъезде № 37 Пермск. жел. дороги.

Осенью, после, кажется, Богородицына дня, около 12 часов дня, у нас на разъезде стали говорить, что красноармейцы поймали в лесу и привели Царскую дочь. Посадили ее в сторожку. Я побежала туда посмотреть, но в дверях стояли красноармейцы, и я подойти не посмела. Красноармейцев было человек 5. Потом издали я видела, как девушка около сторожки умывалась. Один из красноармейцев поливал ей воду. Одета она была в темно-зеленую юбку и, кажется, в беленькую кофточку. Лица ее я не видала, так как она стояла ко мне спиной. Роста была для женщины среднего. Красноармейцы увели ее опять в сторожку, где она пробыла еще недолго. А затем два красноармейца увели ее по железнодорожному полотну в сторону к городу. При этом я заметила, что на девушке надета была солдатская шинель, а на голове башлык, которым завязано почти все лицо.

Как увели ее, в тот же день из города пришла рота красноармейцев – русских, латышей и мадьяр. Они стали кого-то искать по лесу, а нам всем с того времени запрещено было долгое время уходить в лес без разрешения, даже по коров. Искали в лесу дня 3–4.

Потом я слышала, что задержали ту девушку в лесу около разъезда красноармейцы, стоявшие у нас на посту, когда ходили в лес на прогулку.

Прочитано.

За неграмотную Куклину расписался Куклин.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

126

23 марта

Гражданин Пермской губернии и уезда, Верхне-Муллинской вол., дер. Осинцы, Василий Семенович Рябов, 25 лет, стрелочник /на/ разъезде № 37 Перм. жел. дор., где и живу.

Под осень, числа и месяца не помню, я сдал дежурство и лег спать. Днем уже меня разбудили. Я услыхал разговор о том, что красноармейцы привели Царскую дочь. Выйдя, я увидал, как два красноармейца повели по полотну дороги к городу какую-то девушку, которую я видел только в спину. Один из сопровождавших снял с нее /так!/ шинель и одел ее в накидку на девушку, голова и лицо которой были закрыты башлыком. Из-под шинельки видно было темно-зеленое платье или юбка.

На посту у нас остались еще трое красноармейцев, с которыми я разговаривал по поводу арестованной и спрашивал их. Они говорили, что ходили в лес по грибы и около разъезда поймали Царскую дочь. Когда я спросил, что девают куда арестованных, то красноармейцы ответили: „Уведут – и ноги сушить". Что это значит – не знаю. Красноармейцы были не здешние, я их не знаю. Прочитано.

Рябов.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

127

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1919 года марта 26 дня. Помощник начальника Военного контроля Штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса надворный советник А. Ф. Кирста, в присутствии товарища прокурора Пермского окружного суда Д. С. Тихомирова и нижеподписавшихся понятых, производил осмотр сторожки при разъезде № 37 Пермской железной дороги, где, по показаниям допрошенных сего числа свидетелей, находилась великая княжна Анастасия Николаевна, причем оказалось:

Сторожка представляет из себя деревянный домик, состоящий из одной квадратной комнаты размером 4 арш. х 4 арш., с двумя окнами, выходящими на линию железной дороги одно и против него, в сторону к лесу, другое окно. В углу против двери, направо от нее, находится круглая печь, обитая жестью. У окна налево от двери находились нары для красноармейцев, убранные в настоящее время, и в углу у окна, налево от входной двери, против печки, сидела, по указанию допрошенных свидетелей, задержанная красноармейцами великая княжна. Вышина комнаты, приблизительно, 3 1/2 аршина. Стены ныне обиты жестью: по словам свидетелей, во время ареста великой княжны стены обиты не были. Сторожка отстоит от полотна железной дороги, приблизительно, на 25 шагов, от здания разъезда – на таком же расстоянии. Точно измерить расстояние не удалось ввиду большого количества снега.

Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.
Понятые: Куклин, Онянов.

128

28 марта

Рядовой 5-го Томского сибирского полка из граждан Вятской губернии, Орловского уезда, Чуриновской волости, Федор Васильевич Ситников, в Перми живет по Петропавловской ул., д. № 95, кв. 3, объяснил:

Было это в воскресенье в сентябре месяце после праздника Рождества Богородицы, я жил в то время у своих родных на разъезде № 37 Пермской дороги. Часов около 12 дня я увидел красноармейцев и толпившийся народ у сторожки станции разъезда № 37. Подойдя к сторожке, я от бывших здесь красноармейцев узнал, что они сейчас задержали дочь б. Царя Анастасию в лесу на опушке со стороны станции у горы. Я спросил, как это произошло, и красноармейцы мне ответили, что они пошли в лес пострелять, увидели на опушке шедшую женщину, крикнули ей, чтобы она остановилась, но та женщина побежала. Тогда они выстрелили, и она упала. После чего они ее задержали и привели вот сюда в сторожку, где она теперь и сидит.

Меня красноармейцы пустили в сторожку, и когда я зашел, то увидел сидевшую на нарах, ближе к заднему углу, против печки молодую девушку в наброшенной на плечи шинели, в т.-зеленой юбке, в белой блузке, на которой у груди была кровь, губа с правой стороны была рассечена от начала носа, волосы были темной шатенки. Задержанная та женщина говорила, что она Анастасия – дочь б. Государя. Бывшие здесь женщины и моя мать предлагали задержанной великой княжне хлеб, но она отказалась. Бывшие же здесь красноармейцы смеялись над великой княжной.

Вскоре великую княжну увели два красноармейца к Камскому мосту в вагоны красноармейцев 21 роты, литеры „А". Красноармейцы были не русские, а военнопленные австрийцы. Трое было до 27 лет, а двое – 35-33 лет.

Дня через два я спросил красноармейца Уткина Иосифа (откуда он родом не знаю, но у него есть знакомая телеграфистка ст. Пермь I Мария Антоновна Лоскутова, она может знать), который сказал, что задержанную дочь б. Государя они держали дня два в вагоне, а затем отправили в Пермь в чрезвычайку. Причем Уткин, смеясь, говорил, что это Анастасия Грачева, укравшая шубу, за что ее и задержали. Я полагаю, что в вагонах было совершено насилие, так как всей 21 роте коммунистов литеры „А" давали спирт.

Вы сейчас показываете мне снимки, на которых я узнаю вот эту (указал на великую княжну Анастасию), как на /так!/ женщину, которую я видел задержанной красноармейцами-австрийцами в сторожке разъезда № 37 Пермской дороги. (Федору Васильевичу Ситникову были показаны снимки Императорской фамилии, помещенные на открытой карточке и в журнале „Нива" № 33 за 1915 год и № 35 за 1913 год.)

Стрелок 5-го Томского сибирского стрелкового
полка Федор В. Ситников.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

129

29 марта

Пойманный правительственными войсками агитатор с Вятки, посланный Белобородовым в тыл для подпольной работы по разложению населения и армии, гражданин Архангело-Пашийского завода и волости Пермского уезда и губернии, содержащийся ныне в губернской тюрьме, Михаил Иванов Соловьев объяснил:

Я знаю, что преступление мое тяжкое, его я хочу искупить великой работой, поэтому предлагаю свои услуги как для освещения Вас о работе коммунистов, так и их ловле. Независимо от этого я прошу принять мои услуги по розыску семьи быв. Государя, так как мне как коммунисту хорошо известно, что б. Государь убит в Екатеринбурге, о Наследнике Цесаревиче Алексее не могу сказать, что сделано с ним, что же касается быв. Государыни Александры Федоровны и четырех дочерей Государя, то мне хорошо известно, что они из Алапаевска были привезены в Пермь, жили здесь и перед эвакуацией из Перми были вывезены по направлению города Вятки, где они сейчас, не знаю, но берусь узнать и сообщить Вам.

Показание мое искреннее, и я сознаю, что если я солгу, то понесу наказание. Я хочу помочь и помогу Вам в этом деле. Клянусь выполнить возложенную на меня ответственную и серьезную работу к родине.

Михаил Иванов Соловьев.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

130

30 марта

Гражданка Глафира Степановна Малышева, жительствующая по Большой Якимской № 4, объяснила:

Не помню месяца, но было так, что мой муж Рафаил Малышев, работавший на заводе Мешкова, не возвращался домой. Я пошла к своей свекрови и от нее узнала, что мой муж на дежурстве в доме Акцизного управления на углу Покровской и Обвинской улиц, наискось ломбарда, дом – красный.

Я пошла туда и в передней первого этажа застала мужа и с ним еще несколько человек в штатских костюмах, все заводские. Я спросила мужа, что он делает, и узнала от него, что на карауле и охраняет дочерей б. Государя. Я изъявила желание видеть кого-либо из них, и муж посоветовал мне подождать, пока одна из них спустится вниз сверху, где стояли их сундуки, и действительно, вскоре я увидела спускавшуюся с лестницы девушку невысокого роста, скорей среднего, стриженную, с очками в золотой оправе[8], волосы светло-русые с рыжеватым оттенком. Была худа, бледная, изможденная и на вид больная. Она быстро прошла мимо меня: я стояла издали и только мельком ее видела. Более об этом у меня с мужем разговора не было.

Глафира Малышева.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

131

30 марта

Гражданка Евдокия Николаевна Малышева, жительствующая угол Пермской и Обвинской, д. № 50/9. Чертежная лесоустроительной партии, объясняю:

Мой сын Рафаил Малышев – коммунист, женат и жил отдельно от меня, но часто приходил ко мне и помню, что как-то сын Рафаил, придя ко мне, рассказывал, что он сейчас с дежурства, где охранял семью б. Царя.

Недели за две Рафаил уехал из Перми, но куда и зачем, не знаю, ибо он и не прощался со мной. Когда я спросила Рафаила, где же живет Царская семья, Рафаил сказал: „В номерах", но в каких – не назвал.

Евдокия Малышева.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.

132

2 апреля

Гражданка Глафира Степановна Малышева, спрошенная дополнительно, объяснила:

Подтверждая мое показание от 30 марта, добавляю, что муж мой недели за две с половиной до занятия Перми Сибирскими войсками, находясь на заводе, совершенно неожиданно и спешно получил приказ немедленно выехать из Перми вместе с другими. Зайдя домой, он сказал, что едет на г. Оханск временно и рассчитывает скоро вернуться. Я дала ему денег, чтобы он нам купил муки. Тотчас же муж ушел, и я больше его не видала.

Помню, что лето было во второй половине, к осени, когда я ходила к мужу на дежурство в дом Акцизного управления: там муж мой дежурил безвыходно двое суток. После дежурства, придя домой, муж принес из Акцизного управления две салфетки, худые, грязные, выброшенные из сундука. На салфетках имелись какие-то буквы с коронками. Я салфетки выстирала, сейчас они у меня, и я их Вам представляю.

Прочитано. Подтверждаю. Исправляю, что салфетки принес не муж, а я сама взяла их с полу в то время, когда видела в Акцизном управлении девушку, о которой муж сказал, что это великая княжна. Салфетки лежали на полу в коридоре: мне сказали, что они никому не нужны и выброшены. Прочитано[9].

Глафира Малышева.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

133

2 апреля

Наталья Васильевна Мутных, опрошенная дополнительно к показанию от 8 марта, объяснила:

Семья б. Государя была привезена в Пермь в сентябре месяце и помещена сначала в доме Акцизного управления под менее строгим надзором, а затем Государыню с дочерьми перевели в подвал дома, где номера Березина, и там держали под строгим караулом, который несли исключительно областники. Все это я слышала от своего брата Владимира.

Когда я с Аней Костиной, которая была секретарем Зиновьева, зашли в подвал номеров Березина, во время дежурства моего брата, часа в 4–5 дня, то в подвале было темно, на окне горел огарок свечи. На полу были помещены 4 тюфяка, на которых лежали б. Государыня и три дочери. Две из них были стриженые и в платочках. Одна из княжен сидела на своем тюфяке. Я видела, как она с презрением посмотрела на моего брата. На тюфяках вместо подушек лежали солдатские шинели, а у Государыни, сверх шинели, маленькая думка. Караул помещался в той же самой комнате, где и арестованные.

Я слышала от брата, что караул был усилен и вообще введены строгости по содержанию заключенных после того, как одна из великих княжен бежала из Акцизного управления или из подвала. Бежавшей была Татьяна или Анастасия – точно сказать не могу.

В то время, когда из Перми стали эвакуироваться большие учреждения, недели за три до взятия Перми Сибирскими войсками, семья Государя была привезена на Пермь II, а оттуда на Глазов. Всех их поместили в деревне, вблизи красноармейских казарм, не доезжая верст 15–20 до Глазова, причем их сопровождали и охраняли Александр Сивков, Малышев Рафаил и Толмачев Георгий и боевики. Из деревни под Глазовым повезли их по направлению к Казани и сопровождали указанные три лица. На вокзале же в Перми, от женского монастыря к Глазову, сопровождали их Рафаил Малышев, Степан Макаров и областники.

По словам брата Владимира, тела Государя и Наследника сожжены.

Бежавшая княжна была поймана за Камой, избита сильно красноармейцами и привезена в чрезвычайку, где лежала на кушетке за ширмой в кабинете Малкова. У постели ее охраняла Ираида Юрганова-Баранова. Потом княжну отвезли в исправительное отделение за заставой. Умерла ли она от ран или ее домучили – не знаю, но мне известно, что эту княжну похоронили в 1 час ночи недалеко от того места,

где находятся бега-ипподром, причем большевики все это хранили в большой тайне. О похоронах я знаю по слухам.

Наталья Мутных.
Пом. нач. Воен. контр. Кирста.
Присутствовал товарищ прокурора Д. Тихомиров.

134

/.../

Наблюдая постоянно за расследованием, производимым Александром Федоровичем Кирста по делу об Императорской фамилии, будучи посвящен им своевременно во все детали розыска и дознания, я нахожу способ и пути расследования, избранные А. Ф. Кирста, единственно правильными и давшими уже, несмотря на более чем скромные средства, положительные и неоспоримые результаты (показания свидетелей, вещественные доказательства: кушетка, рецепты, салфетки).

Поэтому полагаю крайне необходимым дать возможность А. Ф. Кирста осуществить разработанный им план расследования и закончить начатые уже розыски, и, со своей стороны, изъявляю полную готовность продолжать работу с А. Ф. Кирста по этому делу, вплоть до окончания его и задержания всех виновных лиц.

2 апреля 1919 года
Товарищ прокурора Пермского окружного суда Д. Тихомиров.

135

Помощник начальника Военного контроля А. Ф. Кирста.

Показание по поводу пребывания бывшей Царской семьи в г. Перми, по эвакуации их дальше, Натальи Васильевны Мутных.

Была я часто у своего брата Владимира Мутных, занимавшего место секретаря в Областовете Урала, я часто прислушивалась к разговору брата с тов. Сафаровым и Белобородовым, они часто упоминали о Царской фамилии.

Из разговора брата я знала, что сам Николай и Наследник расстреляны и трупы их сожжены за городом Екатеринбургом, а семья, в составе четырех дочерей и Ал. Федоровны, вывезены в город Пермь. Слухи о их пребывании были всевозможные, не знали, чему верить. Но однажды, в сентябре месяце, я вошла с невестой моего брата Анной Костиной (секретарь тов. Зиновьева, временно командирована в Пермь) в Областовет к брату. Брата там не было, и мы пошли к нему на караул, эту ночь был на карауле. Я была очень заинтересована Царской семьей и попросила брата взять меня в их комнату, показать мне их. Сидели они в это время в номерах Березина по Обвинской улице в подвальном этаже. Зайдя туда, мне бросились в глаза бледные, немного изможденные лица молодых женщин. Сколько их было, хорошо не помню. Но видела, что обстановка, в которой они были, была небогатая. Спали они на тюфяках, без простынь и кроватей, прямо на полу. Слабый свет сального огарка был единственным светом их квартиры. Одна из великих княжен сидела и тихо насвистывала. Мне показалось, что это княжна Ольга, ибо я раньше слышала от брата, что княжна Ольга одна из боевых дочерей Государя. Я была в одной комнате с ними несколько минут, потом, простясь с Владимиром, мы ушли.

Позднее я узнала, что семья быв. Царя переведена в женский монастырь под более строгий арест, ибо одна из великих княжен покушалась на побег.

Затем, незадолго до эвакуации города Перми, семья была вывезена по направлению на Глазов.

Работая дальше, из желания узнать более подробно о Царской семье, я стала наводить еще кое-какие справки. Оказалось, что приехавшая Царская семья сначала жила еще в доме Акцизного управления, ул. Обвинской и Покровской, где содержалась в хороших условиях и не под очень строгим надзором. Когда же одна из княжен (кажется, Татьяна) хотела бежать, то их перевели в д. Березина в подвал, где я их видела. Несмотря на строгий надзор, одна из княжен все-таки бежала, но была поймана, и впоследствии она умерла от побоев или убита по приказанию представителей Областовета. Точно это не установлено (то есть, я не знаю). В настоящее время семья жила в 12 вер. от Глазова, а при осаде Глазова правит. войсками она была вывезена на Казань. О дальнейшем ее положении сведений не никаких.

Наталья Мутных.

/б. д./

136

Помощник начальника Военного контроля
Штаб 1 Сред.-Сиб. корп.
Надвор. сов. Кирста
7 апреля 1919 года
г. Екатеринбург.

Секретно.
Его превосходительству начальнику
штаба Сибирской армии[10].

РАПОРТ

Приказание Вашего превосходительства об исследовании дела об Императорской фамилии по данным, имеющимся в городе Перми, мною исполнено. Ныне остались для Перми детали и некоторая проверка фактов, добытых моей разработкой.

В каком положении дело, Вы изволили уже усмотреть из личного моего доклада. Продолжение в дальнейшем работы будет зависеть от приказания Вашего превосходительства, при условии развернуть дело в более широком масштабе, так как эти три месяца пришлось мне работать только одному, при самых скудных материальных и физических средствах и только в свободное от работы в Военном контроле время. Почему я предложил бы на благоусмотрение Вашего превосходительства мой план дальнейшей работы, если таковая в Перми удовлетворила Вас и будет принята Вами.

1. Необходимо ныне движение вперед вместе с корпусом генерала Пепеляева и исследование дела по линии Вятка – Казань и далее, если нужно будет. В каждом пройденном городе будет оставлен при Военном контроле (как месте, маскирующем работу) один–два человека для работы по тем инструкциям и заданиям, кои будут даны мною, при условии нахождения со мной в постоянной связи.

2. Сформирование розыскного отряда штаба Сибирской армии, который будет работать со мной, по моим заданиям и планам и непременном присутствии товарища прокурора Пермского окружного суда Тихомиров/а/, изъявивш/его/ согласие и работавш/его/ со мной; этот отряд, помимо работы на местах, будет выделять отдельные силы для работы и вне, если нужно будет, то и в тылу противника. При помощи его я устрою сеть, мимо которой не проскочит необходимый нам преступник.

Первая цель – спасти семью Государя Императора и поймать главных участников преступления, как-то: Юровского, Дидковского, Голощекина, Сафарова, Белобородова, Чуцкаева, Войкова, Тундула и других областников Урала. Для

этого необходимы преданные и способные люди, материально сильно обеспеченные, дабы ни о чем другом, кроме дела, они не заботились.

Возможность передвижения вперед, в первую очередь, после войск (подвижной состав из трех-четырех вагонов), денежные средства как на агентурную работу, так и на удовлетворение жалованья личного состава розыскного отряда.

Причисление к штабу Армии всего отряда, так как я могу взять на себя эту работу только при условии подчинения штабу Армии и при отчетности только ему. Состав отряда может быть таков:

Начальник розыскного отряда	1	1500 руб. в месяц
Товарищ прокурора	1	1500 руб. ”
Офицеров	5	по 1000 руб. ”
Агентов	15	по 800 руб. ”
Машинистка	1	600 руб. ”
Делопроизводитель, он же казначей	1	800 руб. ”
Писец	1	600 руб. ”
Конюхов	2	по 400 руб. ”
Сторожей	2	по 400 руб. ”

При пайке и квартирных – по обложению в армии.

Какие средства потребует агентура, трудно сказать. Я полагал бы авансировать отряд по мере требования и отчетности, но сумма агентурных, при самых неблагоприятных условиях, не превысит 10 000 рублей в месяц. Итого: 33 600 рублей в месяц.

Надворный советник Кирста.

137

Министр юстиции
7 февраля 1919 года
№ 25 а. 12437
г. Омск.

Судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколову.

Поставляю Вас в известность, что производство следствий по делам: 1. об убийстве бывшего Императора и его семьи, 2. об убийстве бывших великих князей Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича и великой княгини Елизаветы Федоровны, а равно графа Палей, бывшем в производстве члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева, мною возложено на Вас.

Министр юстиции Старынкевич.
Директор 1 Департамента Кондратович.
Исп. об. начальника 2 отделения.
/подпись неразборчива/

138

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, февраля 7 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, рассмотрев предложение господина мини-

стра юстиции от сего числа по делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и его семьи, на основании 288[1] ст. уст. угол. суд. постановил: по настоящему делу приступить к производству предварительного следствия[1].

Судебный следователь Н. Соколов.

139

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 7 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, прибыв лично к бывшему Главнокомандующему Западным фронтом генерал-лейтенанту Дитерихсу[2], предъявил ему ордер г. министра юстиции от 7 сего февраля за № 2437 и просил его выдать находящееся у него дело об убийстве бывшего Императора Николая Александровича и членов его семьи[3].

Генерал-лейтенант Дитерихс предъявил подлинное следственное производство члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева, озаглавленное: „Дело об убийстве бывшего Императора Николая II и членов Его Семьи". В деле этом оказалось двести шестьдесят шесть пронумерованных, прошнурованных, припечатанных сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда и скрепленных подписом Сергеева листов. Все листы дела, шнур и печать оказались целыми. В деле, кроме того, оказалось вшитым и непронумерованным отношение начальника Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы от 20 января 1919 года за № 374 на имя Сергеева[4].

На нахождение у себя дела генерал-лейтенант Дитерихс предъявил предписание Верховного Правителя от 17 января 1919 года за № 36.

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-лейтенант Дитерихс.

140

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, февраля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. /суд./, в присутствии нижепоименованных понятых, производил осмотр предметов, представленных к следствию 9 сего февраля генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом.

По осмотру этих вещей найдено следующее:

а. Вещи, значущиеся по описи № 6, подписанной членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым, как найденные при осмотре шахты.

1. Складная рамка для портрета.

Она сделана из коричневой кожи, а внутри обложена черной рубчатой, видимо, шелковой материей. С внутренней ее стороны имеется клеймо: „Эдуард Аккерман Берлин", на немецком языке.

В разложенном виде рамка имеет вид разложенного складного зеркала. Все три ее стенки – прямоугольники, причем стенка – основание и стенка задняя имеют одинаковые размеры: большие стороны – 9 сантиметров 3 миллиметра, меньшие – 7 сантиметров 3 миллиметра. Лицевая стенка имеет большие стороны раз-

мером – 8 сантиметров и меньшие – 6 1/2 сантиметров. В лицевой стенке имеется отверстие для портрета, овальной формы, обложенное по краям медью.

Будучи сложена, рамка напоминает также складной портсигар. В сложенном виде лицевая ее стенка, служащая для помещения портрета, уходит внутрь, а стенка-основание и стенка задняя соединяются между собой при помощи особого медного запора[5].

В этой складной рамке в особой бумажке, с надписью „серьга", помещена золотая серьга. В серьге вделаны в оправу белая, крупная, овальной формы жемчужина и маленький, 6 граней, бриллиант, причем оправа жемчужины соединяется с оправой бриллианта. Размер жемчужины в наиболее удлиненной части – 1 сантиметр, бриллиант имеет в диаметре 3 миллиметра[6].

2. Белая картонная коробочка, круглой формы, имеющая в диаметре 4 1/2 сантиметра.

В этой коробочке находятся следующие вещи:

Клочок белой гигроскопической ваты.

В белой папиросной бумаге: три части расколовшейся или раздавленной жемчужины, причем цвет всех трех частей и самый вид их очень сильно напоминает жемчужину в серьге, описанной в пункте 1-м сего протокола, с той лишь разницей, что все эти три части, как усматривается при их осмотре, подвергались действию огня и сильно пожелтели.

Часть какого-то украшения, состоящая из какого-то предмета, овальной формы, имеющего в длину 4 миллиметра и соединенных с ним, в золотой оправе, двух весьма маленьких бриллиантов.

Две разломанные части какого-то разломанного украшения, видимо, золотые, форма их неправильная, напоминающая несколько вид запятых.

Часть от какого-то украшения, медная, видимо, входившая в механизм запора браслета или иного какого-либо украшения.

Многогранный топаз, имеющий внутри отверстие для надевания его вместе с другими на нитку, проволоку и т. п. В диаметре он имеет 1 сантиметр.

Осколок такого же топаза[7].

3 пружинки из очень тонкой проволоки, сильно обгоревшей.

Пуля в оболочке, с усеченным концом, имеющая в длину 1 сантиметр 6 миллиметров и в диаметре 8 миллиметров.

Медная запонка для воротничка спереди. Дно ее обложено красным перламутром. На ней указана фабричная марка: „Олимп", латинскими буквами.

Два осколка от стекла, синего цвета, неправильной формы, из коих больший имеет в длину 1 сантиметр[8].

Три обрывка какой-то фотографической карточки, разобрать на коих изображение не представляется возможности.

3. Сверточек белой бумаги, опечатанный сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда, с надписью, сделанной, видимо, членом этого суда Сергеевым: „Вещ. доказат. по делу № 1 Ив. Сергеев".

В этом сверточке находятся следующие предметы:

В белой, разграфленной синими линиями бумаге, с надписями: „из костра с горки вблизи шурфа", находятся две пуговицы, из коих одна черная металлическая, фабрики „Лидваль", как значится на пуговице, а другая – белая перламутровая, состоящая из двух более крупных и множества мелких частей, уже переходящих в пыль. Обе пуговицы подвергались сильному воздействию огня. Первая из пуговиц, видимо, от мужского костюма.

В такой же бумажке, с надписью „из шурфа осколок бомбы", находится металлический осколок, покрытый местами ржавчиной, неправильной формы, видимо, рваной.

В такой же бумажке, с надписью „из костра около шурфа", находится другая такая же бумажка с надписью „найдены при промывке глины, бывшей под костром", а в ней следующие предметы: металлическая застежка от дамской сумочки, металлическая пряжка от дамских подвязок, часть какого-то украшения, скорее всего

серьги, представляющая собой три очень мелких бриллианта в золотой, видимо, оправе.

Какой-то очень маленький шарик, являющийся, видимо, частью какого-то украшения. Его природу определить трудно.

Эти предметы: застежка, пряжка, часть серьги с бриллиантами и шарик подвергались, как это ясно видно из их внешнего осмотра, сильному действию огня.

4. Образок, имеющий в длину по оправе 10 сантиметров и в ширину 8 1/2 сантиметров. Образок разрушен. Он состоит из следующих частей: медной оправы, расположенной по краям его, и только у краев сохранившейся эмали, покрытой голубоватой краской, на которой красками было сделано изображение, медной очень тонкой пластинки, на которой положена эта эмаль, мешочка из белой материи с ватой и вязаной подушечки с одним раздвижным кольцом, к которому пришита подушечка, видимо, для ношения образа на груди или на шее. Эмаль, на которой находилось изображение, разрушена, так что разобрать самого изображения не представляется возможным. Как видно из осмотра мешочка из белой материи, он покрыт глиной. Кольцо – оборжавлено /так!/. Из осмотра образа не видно, чтобы он повергался действию огня.

5. Образ трех святителей Гурия, Авива и Самона. Образ состоит из следующих частей: медной оправы, эмали, на которой написано красками само изображение, тонкой медной пластинки, на которую положена эмаль, мастичной массы, на которой лежит эта тонкая пластинка, и красной шерстяной материи, покрывающей эту мастичную массу с внутренней стороны. Сверху образа в оправе имеется кольцо, служащее, видимо, для ношения образа на груди или на шее. Эмаль, на которой сделано изображение святителей, в середине разрушенная, так что лика Авива не видно. Разрушена также и мастичная масса. Образ этот не подвергался действию огня, что ясно видно из его осмотра. Мастичная масса также не обгорела, между тем взятая ее часть, будучи зажжена, хорошо горела. Эта икона имеет в длину по оправе 10 сантиметров и в ширину 9 1/2 сантиметров.

6. Икона Николая Чудотворца. Она состоит из следующих частей: металлической оправы, эмали, на которой красками сделано само изображение святого, тонкой медной пластинки, на которой лежит эмаль, и мастичной массы под этой пластинкой. Эмаль в середине разрушена, так что самого изображения не видно, но на образе имеется надпись „Никол. Чуд.". Мастичная масса разрушена и представляет собой отдельные куски. Из осмотра их видно, что мастика с внутренней стороны была покрыта такой же материей, как и на иконе, описанной в пункте 5-м сего протокола. Из осмотра не видно, чтобы образ подвергался действию огня, между тем мастичная масса и этого образа, взятая в некотором количестве и зажженная, прекрасно горела. Длина иконы в оправе 7 1/2 сантиметров и ширина – 6 1/2 сантиметров[9].

7. Стеклянная банка, опечатанная сургучной печатью прокурора Екатеринбургского окружного суда. В банке в спирту человеческий палец с частью кожи. По вскрытии банки оказалось, что кожа состоит из двух лоскутов ее, один полуовальной формы, в длину около 3 и в ширину 2 сантиметров, другой – в виде полоски, в длину около 1 1/2 и в ширину около 1/2 сантиметров.

8. Челюсть искусственная. Она состоит из следующих частей: 14 зубов верхней челюсти, золотой пластинки и каучуковой массы. Между зубами набита глина.

9. Четыре кости, видимо, птицы. Кости обгорели[10].

10. Белая бумажка с надписью: „Осколки от флакона". В ней оказалось три осколка от флакона, зеленого цвета, причем на одном из них царская корона. Пробка от флакона, такого же стекла и цвета, также с царской короной, и тонкая жестяная пробка-покрышка[11].

11. Бумага с надписью: „железка от сапога". В ней оказалось:

Железная пластинка, имеющая вид полуподковки, с четырьмя отверстиями для гвоздей. Не заметно, чтобы она подвергалась воздействию огня. Местами она оборжавлена /так!/. Длина ее 7 1/2 сантиметров и ширина 1 сантиметр 7 миллиметров.

Костяная большая пуговица, круглой формы, имеющая в диаметре 3 сантиметра. Лицевая ее сторона покрыта рубчиками, между которыми следы приставшей глины. В пуговице – четыре дырочки для пришивания ее при помощи ниток.

Жестяная пуговица, имеющая форму тарелки, с четырьмя дырочками, служащими для пришивания пуговицы, не имеется указаний, чтобы обе эти пуговицы подвергались действию огня.

12. Бумажка с надписью: „осколки от бомбы". В ней оказалось:

14 частей-обломков какого-то железного предмета.

Кольцо, напоминающее кольца, на которых носят ручные гранаты.

Три гвоздя с широкими шляпами, из коих два имеют в длину 1 сантиметр, а один – 2 1/2 сантиметра.

Очень тонкий гвоздь без шляпки, имеющий в длину 1 сантиметр 8 миллиметров.

Тоненький винтик, имеющий в длину 1 сантиметр.

7 частей каких-то железных предметов.

Все предметы, находящиеся в этой бумажке, видимо, подвергались сильному действию огня.

13. Бумажка с надписью: „поддержка для галстука".

В бумажке оказалась машинка медная, имеющая в длину 4 сантиметра и в ширину 1 сантиметр 3 миллиметра. Она служит для пристегивания длинного галстука к рубахе. Машинка производит впечатление новой, бывшей мало в употреблении[12].

14. Бумажка с надписью: „осколки от бомбы".

В бумажке оказались следующие предметы: головка ручной гранаты с нарезами и три части стенок гранаты, причем одна часть имеет также нарезы, как раз совпадающие с нарезами головки. Части стенок гранаты имеют характер частей, разорвавшихся при взрыве гранаты.

15. Желтого цвета конверт без всякой надписи. В конверте оказались три бумажки.

В одной из них: 28 кусков эмали от одного или нескольких образцов, описанных в сем протоколе в п.п. 4–6, и кусков мастичной массы также одного из сих образцов. Два среднего размера крючка от мужского или женского платья и часть бирюзы, одинаковой, видимо, с описанной в п. п. 1 и 2 сего протокола. Из сих предметов крючки и часть жемчужины, видимо, подвергались действию огня.

В другой бумажке оказалось: 22 фестона от ботинок; 10 кнопок, какие обыкновенно пришиваются к дамским костюмам; 9 петель разной величины; 9 крючков разной величины; 2 пуговицы, из коих одна имеет в диаметре 3 сантиметра 3 миллиметра, а другая 1 1/2 сантиметра; 4 винтика тонких, имеющих в длину 1 сантиметр, без шляпок; 3 очень тонких гвоздика, имеющих в длину 2 сантиметра, также без шляпок; металлическая пряжка или от женского пояса или от туфли, имеющая в длину 4 сантиметра.

Обращает на себя внимание, что все предметы, находящиеся в этой второй бумажке, сильно обгорели. Кроме того, обращает на себя внимание также то, что одна из обгорелых петелек так и не разъединилась с крючком, а осталась вместе с ним.

В третьей бумажке оказалась шелковая черная ленточка, имеющая в ширину 1 сантиметр, а в длину 86 сантиметров.

Кроме того, на дне конверта оказались следующие предметы: 13 фестонов от ботинок; 4 кнопки от дамских, видимо, платьев; 5 петель разного размера; 7 крючков разного размера; и какая-то металлическая застежка от мужского или женского платья. Все эти вещи также сильно обгорели, причем одна из петелек не разъединилась с крючком.

Все эти предметы, описанные в сем протоколе под рубрикой „а" в пунктах 1–15, находятся в желтой картонной коробке, опечатанной сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда.

б. Железная лопатка, значущаяся в описи № 6, подписанной членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым, под рубрикой № 18. Лопатка эта – обыкно-

венная саперная лопатка. Она небольшая. Вместе с череном длина ее 53 сантиметра. Длина самой лопатки 26 сантиметров и ширина – 15 сантиметров. Черен ее из дерева мягкой породы. Лопатка – ржавая. Местами имеет засохшую глину.

в. Бриллиант, найденный в костре в лесу, около д. Коптяков, значущийся в описи № 11, подписанной членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым. Бриллиант вполне соответствует описаниям его, сделанным судебным следователем по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда Наметкиным в протоколе его от 8 сентября 1918 года (л. д. 29) и членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым в протоколе его от 14 того же сентября (л. д. 87). Бриллиант помещается в коробочке из-под перьев фабрики Карнаца, опечатанной печатью Екатеринбургского окружного суда.

г. Крест из изумрудов, найденный там же, где и бриллиант, значущийся по описи № 12, подписанной тем же Сергеевым. Крест этот представляет собой Мальтийский изумрудный крест на платиновой или серебряной основе. Размер его граней, образующих фигуру креста, 2 сантиметра 7 миллиметров. Всех изумрудов на нем 17. Он имеет петлю и три подвеса. Вокруг изумрудов между стенками основы, в петле и в подвесах, крест осыпан мельчайшими брызгами бриллиантов. Части подвесов повреждены: видимо, концы их оторваны. Крест имеет иглы. На них, видимо, были какие-то шарики. Из них цел только один. Этот шарик сильно напоминает шарик, описанный в пункте „а" 3-м сего протокола[13].

д. Деревянная икона, значущаяся в описи № 15, подписанной Сергеевым, под рубрикой 2,2. Икона изображает Ангела Хранителя. Она нарисована по дереву. На обороте ее надпись: „Христос Воскресе. 25 марта 1912 г. Ливадия". Надпись эта сделана карандашом.

е. Предметы, значущиеся в той же описи под № 4 и 5. Это два металлических знака с инициалами „А. Ф.", видимо, от чемоданов Царской семьи. На одном из них царская корона.

ж. 8 фотографических снимков, значущихся в описи № 15, подписанной тем же Сергеевым, под рубрикой 3,6. Эти фотографические снимки представляют собой снимки дома Ипатьева, разных его комнат, в которых проживала Царская семья.

з. Фотографический портрет Государыни Императрицы Александры Федоровны, значущийся по описи № 15, подписанной членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым, под рубрикой 3,6.

На обороте этого портрета имеется сделанная Сергеевым надпись: „фотографический снимок с б. Государыни Императрицы Александры Федоровны, снятый 2/15 ноября 1913 г. в Ливадии г-ном Жильяр и предъявленный им к делу". Эта надпись имеет подписи: „П. Жильяр. Член Окр. суда Ив. Сергеев". Выше этой надписи карандашом сделана отметка на французском языке, перевод которой на русский означает следующее: „Суббота 2/15 XI.1913". Видимо, Жильяр отметил на портрете дату, когда им был снят этот портрет с Императрицы.

Портрет изображает Императрицу в домашней обстановке: в одной из комнат, где она, видимо, пребывала в Ливадии. Императрица стоит в белом платье со сложенными руками. Она несколько запрокинула голову вверх и смеется. На ней серьги из белого жемчуга. Рядом с ней сидит боком на стуле Алексей Николаевич и держится руками за спинку стула.

Осмотр других предметов и, в частности, более подробный осмотр челюсти (п. „а" сего протокола) и лопаты (п. „б" сего протокола) был отложен.

Надписано: „имеется".

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-лейтенант Дитерихс.
Понятые.

141

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 325–333 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса и нижепоименованных понятых, через эксперта, фотографа Густава Вячеславовича Дивиша, имеющего фотографию на углу Лермонтовской и Костельной улиц в г. Омске, произвел фотографические снимки следующих предметов:

а. Рамки для портретов, описанной в п. „а" 1 протокола сего 10 февраля. Рамка была снята на одном негативе в разложенном виде.

б. Серьги, описанной в п. „а" 1 того же протокола, каковая серьга была снята на одном негативе с портретом Государыни Императрицы Александры Федоровны, описанном в п. „з" того же протокола, также снятым.

в. Трех частей жемчужины, топаза, части его, трех частей каких-то украшений и пружинок, описанных в п. „а" 2 того же протокола. Все эти предметы сняты на одном негативе.

г. Рамки, указанной выше в п. „а" сего протокола, в закрытом ее виде. На одном с нею негативе изображены: застежка, пряжка, часть украшений с 3 драгоценными камнями и шарик, описанные в п. „а" 3 протокола 10 сего февраля.

д. Трех образов, описанных в п. „а" 4–6 того же протокола. Все образа сняты на одном негативе.

е. Пальца, описанного в п. „а" 7 того же протокола. Палец снят в двух видах.

ж. Бриллианта и креста, описанных в п. „в", „г" того же протокола. Бриллиант и крест сняты на одном негативе.

Снимки производились при помощи объектива Буша, светосила 1 на 6 1/2, размер пластинки 13 на 18.

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-лейтенант Дитерихс.
Понятые. Густав Вячеславович Дивиши /так!/.

142

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 336–352 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса и нижепоименованных понятых предъявил эксперту, заведующему санитарным отделом Акмолинского областного управления врачу Григорию Ивановичу Егорову палец и часть кожи, описанные в п. 7 протокола сего 10 февраля.

Эксперт-врач Егоров, по осмотре сих предметов, пришел к следующим выводам:

1. Палец представляет собой две фаланги: ногтевую и среднюю. Вероятнее всего, это указательный палец, но сказать, какой именно руки – правой или левой – не представляет возможности, так как строение пальцев обеих рук одинаково.

2. Этот палец принадлежит, по всей вероятности, руке человека, знакомого с маникюром, и имеет вид выхоленный.

3. Эксперт более склонен признать, что это палец женщины, имевшей тонкие, длинные пальцы.

4. Он отделен по линии межфалангового сустава. Края сустава и кожа представляются ровными. Поэтому эксперт предполагает, что палец скорее отрезан каким-либо острым режущим предметом, чем оторван при разрыве какого-либо предмета[1].

5. Палец принадлежит взрослому человеку средних лет.

6. Оба кусочка кожи отделены от руки человека, но от какой именно части руки и какой именно, определить не представляется возможности.

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-лейтенант Дитерихс.
Понятые. Врач Григорий Иванович Егоров.

143

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, февраля 11 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса и нижепоименованных понятых, в г. Омске производил дополнительный осмотр челюсти, описанной в пункте „а" 8 протокола 10 сего февраля, и лопаты, описанной в п. „б" того же протокола.

По осмотру найдено следующее:

1. Искусственная челюсть, описанная в п. „а" 8 протокола 10 сего февраля, имеет 14 верхних зубов. Зубы держатся в каучуковой массе. В середине золотой пластинки имеется гнездо присоса, круглой формы. Резинового кольца – подушечки, иногда употребляющейся при искусственной челюсти, нет. Размер задней линии челюсти от края до края по прямой линии – 6 сантиметров. Размер челюсти с передней стороны по овалу челюсти – 13 сантиметров. Диаметр гнезда присоса – 2 сантиметра.

При осмотре челюсти ясно видно, что между зубами плотно внедрилась желтоватого цвета масса, напоминающая глину. Она набита только с передней стороны зубов, с внутренней стороны к нёбу ее нет.

Глина от зубов отделена и помещена в особый пакет.

2. Лопата, описанная в п. „б" протокола 10 сего февраля.

Лопата называется у саперов „малая, носимая". Ее ручка имеет вид конуса, расширяющегося постепенно в направлении головы ручки. Благодаря этому, ее можно носить у пояса. Она и носилась таким образом. Это ясно усматривается из того, что ручка лопаты около головки ее обтерта ремнем. Но так как ремень, видимо, скользил все же при ношении лопаты, то размер следа, оставленного ремнем или ремнями при ношении лопаты, определить нельзя.

На ручке лопаты, как раз на месте, где ручка ее терлась ремнем, имеются следы клейма, сделанного, видимо, при помощи какого-то мастичного оттиска. Разобрать содержание клейма не представляется возможным, так как клеймо это при ношении лопаты и трении ручки в этом месте ремнем стерлось.

На железе лопаты имеются инициалы, видимо, завода или мастера, изготовлявшего этот материал: „К" или „И" и цифра: „1916".

Местами, и с лицевой, и с задней стороны, лопата запачкана глиной, приставшей к ней сухой массой.

С задней стороны лопаты, ближе к одному из нижних углов железа лопаты, усматривается пятно. Оно от этого ближайшего к нему угла отстоит на 11 сантиметров. Пятно это имеет овальную форму. Самая большая его длина – 1 сантиметр, самая большая ширина – 7 миллиметров. Пятно это желтого цвета. Нельзя по внешнему его виду определить его свойства и картину происхождения, т. е. нельзя определить, есть ли это ржавчина или засохшая жидкость в виде пятна или в виде капли. Цвет его несколько напоминает кровь.

В расстоянии 3 сантиметров от этого пятна, ближе к другой стенке лопатки, усматривается полоска, такого же цвета, как и только что описанное пятно. Длина этой полоски – 7 сантиметров и ширина – 2 сантиметра[2].

Часть глины, усмотренной на лопате, была отделена от нее и помещена в особый пакет.

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-лейтенант Дитерихс.

Понятые.

144

М. Ю.
Судебный следователь
по особо важным делам
округа Омского окружного
суда Н. А. Соколов
11 февраля 1919 г.
№ 42.
Гор. Омск. Дело № 20.

В. срочно.

Г. судебному следователю
Владивостокского окружного суда.

Мною производится предварительное следствие об убийстве отрекшегося от престола Российского государства Государя Императора Николая Александровича и его семьи.

Вся Царская семья проживала перед смертью в г. Екатеринбурге в доме Ипатьева. Вся Царская семья была убита в ночь с 16 на 17 июля 1918 года нового стиля. Трупы ее в ту же ночь были вывезены за город по направлению к д. Коптяки, где, в лесистой местности, видимо, и были скрыты[3].

В одной из шахт этой местности впоследствии была найдена, в числе других вещей, искусственная челюсть взрослого человека. Имеются основания полагать, что эта челюсть принадлежит придворному лейб-медику Евгению Сергеевичу Боткину, также убитому вместе с Царской семьей.

При осмотре дома Ипатьева после убийства в помойной яме были найдены следующие предметы, видимо, принадлежащие убитым: дощечка от иконы, дощечка с остатками иконы, белая кофточка из маркизета, белый носовой платок, черная шелковая кофта, розовая ленточка, галстук с пришитой к нему лентой ордена св. Владимира, Георгиевская лента, пропитанная пунцовой краской и кусочек муаровой ленты.

Искусственная челюсть, уже осмотренная мною и признанная вещественным по делу доказательством, помещена в особый пакет, опечатанный печатью судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда. В настоящее время она, вместе с перечисленными выше вещами, найденными в помойной яме дома Ипатьева, находится в г. Владивостоке.

На основании 292 ст. уст. угол. суд. прошу Вас, г. судебный следователь:

а) допросить в качестве свидетеля, в порядке 443 ст. у. у. с., проживающего в г. Владивостоке секретаря английского консульства Виктора Сергеевича Боткина, родного брата лейб-медика Боткина, и, предъявив ему вышеуказанную челюсть, выяснить путем допроса его: 1) принадлежит ли эта челюсть покойному лейб-медику Евгению Сергеевичу Боткину; 2) если свидетель признает ее принадлежащей ему, пусть объяснит, по каким именно признакам он считает ее принадлежащей покойному; 3) не известно ли ему, когда и где была сделана эта челюсть;

б) произвести в порядке 315 др. ст. ст. у. у. с. осмотр вышеперечисленных вещей, найденных в помойной яме дома Ипатьева и, по осмотре, все эти вещи снять фотографическим аппаратом при помощи специалиста фотографа;

в) перед допросом Боткина прошу произвести осмотр пакета, в котором хранится челюсть, констатировать целость моей печати, имеющей следующий дословный оттиск: „Судебный Следователь по особо важ. дел. Омск. Окр. Суд."[4];

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.

145

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 11 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 325–333 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых, предъявил артиллерийскому технику прапорщику Вильяму Ивановичу Линдстрему, проживающему в г. Омске по Баронской улице в доме № 14, следующие предметы:

1. Металлический осколок, описанный в п. „а" 3 протокола 10 февраля.
2. 14 и 7 частей железного предмета, кольцо от ручной гранаты, описанной в п. „а" 12 того же протокола.
3. Части гранаты, описанные в п. „а" 14 того же протокола.

По осмотре сих вещей эксперт Линдстрем пришел к заключению, что: а) металлический осколок, указанный в п. 1-м сего протокола, б) 15 металлических частей из указанных в п. 2-м сего протокола, в) кольцо, указанное в том же пункте, и части гранаты, указанные в п. 3-м сего протокола, все действительно являются частями двух разных гранат: кольцо – русской гранаты, также и части, указанные в п. 2-м сего протокола; головки же и части, указанные в п. 3-м сего протокола – от какой-то не русской гранаты.

Эксперт просил о выдаче вознаграждения.

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-лейтенант Дитерихс.
Эксперт Вильям Линдстрем.

Понятые.

146

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, февраля 15–16 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых, производил осмотр предметов, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом.

По осмотру найдено следующее:

Вещи, значущиеся по описи № 4, подписанной членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым, как найденные при осмотре костров в лесу в 4 верстах от д. Коптяки.

Все эти вещи – в одном общем свертке бумаги, а затем они завернуты в отдельные пакеты:

1. В пакете, обозначенном № 1, находятся три бусы, из коих две крупные, а одна поменьше. Одна из крупных бус помутнела: видимо, ее давили, и, благодаря этому, ее полировка потеряла свой блеск. В бусах усматривается отверстие для ношения их или на шее в виде ожерелья, или в виде четок.

2. Две одинаковых пряжки, видимо, от туфель[5]. Длина каждой из них 5 сантиметров 3 миллиметра и ширина 1 1/2 сантиметра. Пряжки – медные. Они сильно обгорели. Каждая из пряжек имеет 46 отверстий для камней. В одной пряжке уцелело 11 камней, а в другой – 2 камня. Они также сильно обгорели. Кроме того, в отдельной бумажке в том же пакете вместе с пряжками находится 5 камней от этих пряжек, также обгорелых.

3. В пакетике под № 3 находится 7 тоненьких пружинок, весьма похожих на пружинки, описанные в п. „а" 2 протокола 10 февраля, признанные г. г. экспертами за принадлежность какого-либо украшения. Они сильно обгорели[6].

4. В пакетике под № 4 находятся два предмета: медная пряжка, видимо, от мужского пояса – ремня, но уменьшенного образца: как будто бы от пояса мальчика, и застежка к ней, также медная[7]. Длина пряжки 5 сантиметров 3 миллиметра, ширина – 4 сантиметра. На лицевой стороне пряжки – изображение государственного герба. Застежка как раз имеет в длину одинаковое с шириной пряжки измерение, т. е. 4 сантиметра и совершенно к ней подходит. И пряжка и застежка сильно обгорели.

5. В пакетике под № 5 парные планшетки от корсетов. Каждая пара состоит из двух металлических пластинок, из коих одна имеет металлические крючки, а другая – металлические петли. Петли надеваются на крючки и, таким образом, стягивают спереди обе половинки корсета, застегивают его. Всех пар 6, так что можно предположить, что эти планшетки от шести корсетов. Ширина всех планшеток одинакова: 1 сантиметр и 4 миллиметра. Длина же различна. Две пары имеют в длину по 20 сантиметров и каждая из пар имеет, соответственно, по 4 крючка и по 4 петли. Третья – 23 сантиметра, четвертая – 24 сантиметра, пятая – 25 сантиметров. Третья, четвертая и пятая пары имеют, соответственно, по 5 уже крючков и петель. Шестая имеет в длину 25 сантиметров 1 миллиметр и также 5 крючков и 5 петель. Все эти планшетки сильно обгорели.

6. Три металлических пластинки от корсетов. Они помещаются в пакете под № 6. Эти пластинки представляют собой так называемые „кости" корсета или корсетов. Они вшиваются в бока корсетов. Ширина всех трех пластинок одинакова: 1 сантиметр 3 миллиметра. Длина двух по 31 сантиметру и одной – 33 сантиметра. Эта последняя сломана на две неравные части. Все три пластинки сильно обгорели.

7. В пакете за № 7 находятся две металлические пластинки, видимо, также от корсетов. Видимо, эти две пластинки вставляются в спинку корсета или корсетов. Каждая из них имеет по краям по две дырочки. Размеры их одинаковы: ширина 9 миллиметров и длина 37 1/2 сантиметров. Обе пластинки сильно обгорели. У одной усматривается след приставшей к ней обгорелой какой-то материи.

8. В пакете № 8 находятся 12 пластинок, видимо, такого же назначения, как и две пластинки, описанные в предыдущем пункте. Ширина всех их одинакова: 6 миллиметров. Длина же различна. Три пластинки имеют в длину 35 1/2 сантиметров, четыре – 34 1/2 сантиметров, одна – 32 сантиметра, две – 31 сантиметр, две – 29 сантиметров. Все эти пластинки сильно обгорели.

Все эти принадлежности корсетов: планшетки и пластинки, описанные в п. п. 5–8 сего протокола, сильно измяты[8].

9. В пакете № 9 находится 9 маленьких пакетиков. В этих пакетиках находятся, видимо, пряжки металлические, но не от мужских подтяжек, как значится в описи члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева, представленной генерал-лейтенантом Дитерихсом, а от женских подвязок, при помощи которых, обычно, женщины соединяют чулки с корсетом, чтобы чулки не спадывали.

а. В первом пакетике находится одна пара металлических пряжек. На лицевой стороне каждой из них вдоль края в виде рельефа имеются три линии. Длина

каждой из них 4 сантиметра 3 миллиметра, наибольшая ширина – 2 сантиметра 2 миллиметра.

б. Во втором пакетике находится другая пара таких же пряжек, совершенно одинаковых между собой и с только что описанной парой как по внешнему виду, так и по размерам.

в. В третьем пакетике находится третья пара совершенно таких же пряжек, совершенно одинаковых между собой и с описанными в пунктах „а" и „б" как по внешнему виду, так и по размерам. В одной из сих пряжек имеется обгоревшая материя в виде маленького лоскуточка, видимо, шелковая.

г. В четвертом пакетике находится четвертая пара совершенно таких же пряжек, совершенно одинаковых между собой и с описанными в пунктах „а", „б", „в" как по внешнему виду, так и по размерам.

д. В пятом пакетике находятся два маленьких пакетика, из коих в одном находится пятая пара совершенно таких же пряжек, совершенно одинаковых между собой и с описанными в пунктах „а", „б", „в", „г" как по внешнему виду, так и по размерам. В одной из сих пряжек находится кусочек обгорелой материи, видимо, шелковой. В другом пакетике находится маленький кусочек вязаной, видимо, из шелка, материи, также обгорелый, являющийся, видимо, частью или подтяжек или корсета, где он соединяется с подтяжками.

е. В шестом пакетике находится шестая пара пряжек, похожих по форме на предыдущие, описанные в пунктах „а", „б", „в", „г", „д", но без рельефа. Длина каждой из них 4 1/2 сантиметра, ширина в самом широком месте 1 1/2 сантиметра.

ж. В седьмом пакетике находится седьмая пара пряжек, на лицевой стороне которых вырезано в металле украшение, имеющее вид кружева. Длина каждой пряжки 4 1/2 сантиметра, ширина – 1 1/2 сантиметра.

з. В восьмом пакете находится восьмая пара пряжек, на лицевой стороне которых вырезано в металле украшение, имеющее вид кружева, сходного с кружевом на пряжках, описанных в предыдущем пункте, но все же отличающегося от него своим рисунком. Каждая из пряжек имеет в длину 4 сантиметра и в ширину 2 сантиметра 1 миллиметр.

и. В девятом пакетике находится одна пряжка, совершенно сходная и по форме и по величине с пряжками, описанными в пункте „е". В ней находится кусочек обгорелой, видимо, шелковой материи, вероятно, от самих подвязок.

Все эти пряжки, описанные в пунктах 9 „а" – „и", обгорели[9].

10. В пакетике № 10 находятся 15 металлических пряжек и 4 крючка. Пряжки и крючки служат для пристегивания самых концов подвязок к чулкам. Пряжки через материю чулка накладываются на крючки и, таким образом, соединяют подвязки с чулками. Из этих всех пряжек (15) пять (5) совершенно сходны по форме, рисунку и величине. Длина каждой из них 4 сантиметра 6 миллиметров, ширина 4 сантиметра[10]. 10 остальных пряжек сходны одна с другой и разнятся от первых пяти несколько более простым рисунком и величиной. Длина 9 пряжек из этих десяти 4 сантиметра 3 миллиметра, ширина 4 сантиметра 1 миллиметр. У десятой пряжки уцелела только одна головка, вся же остальная ее часть отломана. Одна из 10 пряжек также несколько поломана. Эти десять пряжек имеют полное сходство с пряжкой, описанной в пункте „а" 3 протокола 10 февраля и снятой при помощи фотографии того же 10 февраля (пункт „г" протокола 10 февраля о фотографировании предметов). Все крючки совершенно сходны между собой и с тем крючком, который описан в протоколе 10 сего февраля в пункте „а" 15 под именем „какой-то металлической застежки от мужского или женского платья". Все пряжки и крючки сильно обгорели.

11. В пакетике за № 11 находится 7 металлических пряжек, видимо, или от мужских помочей, или от хлястиков жилетов или брюк[11]. Из этих 7 пряжек две, видимо, парных. Длина каждой 3 сантиметра 3 миллиметра, ширина 2 сантиметра 3 миллиметра. Длина третьей 3 сантиметра 2 миллиметра, ширина 2 сантиметра 3 миллиметра. На среднем ободке этой пряжки по-французски написано: „солид",

что означает, видимо, свойство застежки: крепкая. Длина четвертой пряжки 3 сантиметра 1 миллиметр, ширина 3 сантиметра 3 миллиметра. На нижнем ободке ее написано по-французски: „Парис". Длина пятой 3 сантиметра 3 миллиметра, ширина 2 сантиметра 3 миллиметра. Длина и ширина шестой такие же, как и пятой, но они разнятся несколько внешним видом и не являются парными. Общий вид всех описанных шести пряжек все же весьма похожий. Седьмая отличается от этих шести своим внешним видом и имеет не три ободка, как эти шесть, а только два. Длина ее 3 1/2 сантиметра, ширина 2 1/2 сантиметра. Все эти пряжки сильно обгорели.

12. В пакете за № 12 находится стекло, разбитое на несколько частей, из коих в наличности две. Оно имеет овальную форму и одна его сторона выгнута несколько. Длина его 6 сантиметров, ширина 4 1/2 сантиметра. Видимо, оно от большого медальона[12].

13. В пакете за № 13 находится два оптических стекла, из коих у одного отсутствует одна небольшая часть, а другое представляет, приблизительно, половину стекла, остальной же в наличности нет. Длина первого, приблизительно, 4 сантиметра (считая с отколовшимся краем), ширина 3 сантиметра. Длина второго, приблизительно, такая же, как и первого. Происхождение этих стекол не представляется возможным определить без специалиста оптика[13].

14. В пакете за № 14 находится пять больших и одна малая медные пуговицы с изображением государственного герба на них. Пуговицы круглой формы. Диаметр больших 2 1/2 сантиметра, малой – 1 сантиметр 7 миллиметров. На дне каждой из них имеется какая-то надпись. Одна из пуговиц была промыта, и надпись оказалась следующего содержания: „Вундер. 2 сорт. С. Петербург". Все эти пуговицы обгорели[14].

15. В пакете за № 15 находится 4 пуговицы, видимо, от женских пальто. От пуговиц остались одни металлические части. Материя же, покрывавшая их, сгорела. Две из них парные, круглой формы. Диаметр их 3 сантиметра 1 миллиметр. Две других одинаковы по своему внешнему виду, но одна из них больше, другая меньше. Большая совершенно такая же, как и пуговица, описанная в пункте „а" 15 протокола 10 сего февраля, признанная экспертом портным Леонтьевым /.../ за пуговицу от дамского пальто. Как и описанная, она имеет такие же размеры. Меньшая в диаметре 2 сантиметра 8 миллиметров. К дну ее пристало несколько ниточек или шерстинок черного цвета. Видимо, они от материи, которой была обтянута пуговица[15].

16. В пакете за № 16 находится медная пряжка прямоугольной формы. Длина ее 6 сантиметров, ширина 4 1/2 сантиметра. Происхождение ее определить затруднительно[16].

17. В пакете за № 17 находится две железных тоненьких пластинки, формы прямоугольников. У одной углы равномерно отрезаны. У этой последней стороны имеют 4 1/2 сантиметра и 3 сантиметра 8 миллиметров. У другой – 4 и 4 1/2 сантиметра.

Обе пластинки обгорели.

18. В пакете за № 18 находится три больших металлических крючка, из коих два одинаковой формы и величины. Крючки, видимо, от мужского костюма. Они все обгорели[17].

19. В пакете за № 19 находится металлический ключ, типа „американского". Длина его 5 сантиметров, ширина в головке 2 сантиметра 3 миллиметра, в туловище 1 сантиметр 3 миллиметра. Ключ, видимо, от чемодана. Он обгорел.

20. В пакете за № 20 находится две медных монеты, из коих одна двухкопеечного достоинства, чеканки 1898 года. Другая – копеечного достоинства, года чеканки разобрать не удалось.

21. В пакете за № 21 находятся три металлические пряжки, из коих одна, видимо, от мужских помочей, две или от дамских поясов, или туфель. Длина первой 4 сантиметра 2 миллиметра, ширина 1 сантиметр 3 миллиметра. Длина второй 4 сантиметра 2 миллиметра, ширина 1 1/2 сантиметра. Длина третьей 4 сантиметра, ширина 1 сантиметр 2 миллиметра.

Все эти пряжки обгорели.

22. В пакете за № 22 находится:

а. Двенадцать пуговиц. Из них две пуговицы перламутровых, причем одна представляет лишь половину пуговицы: диаметр первой (половинки) 1 1/2 сантиметра, диаметр второй 1 сантиметр 3 миллиметра. Три металлических пуговицы, причем две из них парные, а одна пуговица поменьше этих парных: диаметр больших 1 сантиметр 7 миллиметров, диаметр меньшей: 1 1/2 сантиметра. Три металлических пуговицы, имеющие в диаметре 1 сантиметр 4 миллиметра, фабрики Лидваль, совершенно схожие с пуговицей, описанной в пункте „а" 3 протокола 10 февраля /.../. Две белых пуговицы, из коих одна в диаметре 1 1/2 сантиметра, другая 1 сантиметр. Две пуговицы металлические, представляющие, собственно, остатки пуговиц, из коих одна имеет в диаметре 1 сантиметр 6 миллиметров, другая 1 сантиметр 9 миллиметров. Колечко металлическое, представляющее ободок пуговицы, имеющее в диаметре 1 сантиметр 7 миллиметров.

б. Кольцо, имеющее в диаметре 2 сантиметра, металлическое. К нему пристал клочок обгорелой материи, черного цвета.

в. Четыре кнопки, из коих три больших, одна – малая.

г. 9 колец, видимо, от женских корсетов.

д. 3 крючка и 2 петли.

е. Металлическая часть, представляющая собой обломок, видимо, от сумочки или портмоне. Она состоит из двух сторон, образующих прямой угол, одна из сторон коего имеет в длину 4 сантиметра 3 миллиметра, а другая 1 сантиметр 1 миллиметр.

Все предметы, описанные в этом пункте, сильно обгорели[18].

23. В пакете за № 23 находится медный патрон от револьвера. Пуля отсутствует, пистон использован.

24. В пакете за № 24 находится 28 обгорелых каких-то предметов, однородных, черного цвета, различной формы. Из них 17 представляются разделенными, а 11 соединены между собой очень тонкой проволокой. Предметы эти легко распадаются. На многих из них имеются отверстия, как бы для волос или щетины. Можно предположить, что предметы, описанные в этом пункте, представляют собой части обгорелой щетки. В числе описанных ее частей также имеется винтик, погнутый, без шляпки, около сантиметра длины. Видимо, он из числа других, коими была привинчена крышка щетки[19].

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

147

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, февраля 17–18 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 315–324 ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых производил осмотр кусков дерева, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом 9 сего февраля в ящике, опечатанном сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда, целость каковой установлена в протоколе 9 февраля.

По осмотру найдено следующее:

22 куска дерева, видимо, извлеченных членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым из пола и стены дома Ипатьева, как это видно из протокола его от 11–14, 18–20 августа 1918 года[1].

На кусках не имеется обещанных в протоколе нумераций и названий этих предметов. Также не усматривается и совпадений с описью № 15[2], предъявленной генерал-лейтенантом Дитерихсом, так что с полной и точной определенностью нельзя установить, откуда именно взят тот или иной предмет.

При осмотре каждого отдельного куска найдено следующее:

1. Кусок дерева, представляющий собой часть доски. Длина его 35 сантиметров, ширина – 19 сантиметров, толщина – 4 сантиметра. Одна сторона его выкрашена желтой краской, положенной не прямо на дерево, а на грунт. Видимо, этот кусок был выпилен из пола.

На нижней стороне имеется сделанная черным карандашом, видимо, Сергеевым, надпись: „№ 1. В передней нижнего этажа между дверями у входа с улицы..."[3]. Следующих слов разобрать совершенно не представилось возможным.

Окрашенная сторона доски имеет, видимо, след замывки: она покрыта каким-то слабым белым налетом. На этой стороне имеются два вычерченных черным карандашом прямоугольника. В середине одного из них усматривается два пятна, темновато-красного цвета, видимо, замытых. Пятна эти лежат на краске доски с некоторыми перемычками, так что определить их форму и размер не представляется возможным. Такое же по цвету, форме и приблизительно величине лежит и на одной из сторон прямоугольника, вычерченного карандашом. Приблизительно в середине другого прямоугольника, вычерченного также карандашом, усматривается маленькое пятнышко, такое же по цвету, как и только что описанные.

2. Кусок дерева, также представляющий собой часть доски. Длина его 23 сантиметра, ширина – 21 сантиметр, толщина – от 6 до 6 1/2 сантиметров. Одна сторона доски выкрашена такой же желтой краской, как и у предыдущего куска.

Никаких нумераций и надписей, указывающих на происхождение куска, на нем нет.

На той стороне доски, которая выкрашена желтой краской, черным карандашом вычерчены два прямоугольника. В середине одного из них усматривается отверстие овальной формы, имеющее в длину 1 1/2 сантиметра, в ширину 1 сантиметр 1 миллиметр. Края доски вокруг этого отверстия сплющены и вдавлены по направлению глубины отверстия, идущего внутрь дерева. Совершенно ясно видно, что это отверстие сделано пулей, ударившей в дерево с выкрашенной стороны. Зонд, введенный в это отверстие, идет через всю доску и выходит наружу с противоположной стороны. Таким образом, это отверстие – сквозное. Выходное отверстие также овальной формы. Его длина один сантиметр и ширина 9 миллиметров, но точный размер его дать трудно, так как с этой стороны доски получился отщеп, изменивший точную форму и величину отверстия. Принимая направление зонда, введенного в это отверстие со стороны доски, выкрашенной краской, за направление руки стрелявшего, ясно видно, что выстрел был произведен под острым углом к полу. Края этого отверстия с выкрашенной стороны доски как будто бы имеют еще иное окрашивание: темновато-красного цвета. Но без научного исследования не представляется возможным определить его природу, так как возможно, что это окрашивание, отличное от цвета краски, покрывающей доску, дается грунтом, на котором лежала краска, выкрошившаяся вокруг отверстия от удара, видимо, пулей.

В середине другого прямоугольника усматривается такое же по форме отверстие, как и только что описанное, имеющее в длину 2 сантиметра 3 миллиметра и в ширину 1 1/2 сантиметра. Зонд, введенный в это отверстие, проникает на 2 1/2 сантиметра и не идет дальше: он упирается в дно пули, ясно видимой простым глазом. Края доски вокруг этого отверстия, сделанного пулей, также сплющены и вдавлены по ходу отверстия по направлению к пуле. Вокруг этого отверстия с выкрашенной стороны доски также усматривается какое-то иное окрашивание, также темновато-красного цвета. При тщательном осмотре хода пулевого канала в мельчайших отщепах доски, находящихся в канале в ближайшем соседстве с пулей, найдено несколько шерстинок материи. Одни из шерстинок кремового цвета, другие – красного.

Эти шерстинки были осторожно извлечены из канала при помощи зонда и помещены в особый пакет. Направление этого пулевого канала такое же, как и первого, т. е. выстрел этот был произведен под таким же углом к полу, как и первый. Пуля не была извлечена до производства научного исследования тех окрашиваний, которые усмотрены около входных каналов пуль[4].

3. Кусок дерева, также представляющий собой часть доски, выпиленной, видимо, как и предыдущие куски, из пола. Длина этой части 8 сантиметров, ширина – 6 сантиметров 2 миллиметра, толщина – 7 сантиметров. Одна сторона доски также выкрашена такой же краской.

Ни номера, ни названия этот кусок не имеет.

Выкрашенная сторона имеет следы обводки черным карандашом. В середине куска, с выкрашенной стороны, имеется отверстие, почти круглой формы, диаметром 1 сантиметр. Края дерева вокруг этого отверстия сплющены и смяты по ходу отверстия внутрь дерева. Отверстие сквозное. Оно проникает всю толщину доски. Определить его размер с противоположной стороны невозможно, благодаря отщепам в доске. Поверхность доски с выкрашенной стороны, где имеется вход отверстия, и с противоположной, где имеется его выход, имеет как будто бы некоторое окрашивание темновато-красного цвета. Но определить его природу по наружному осмотру не представляется возможным. Отверстие несомненно представляется пулевым каналом, причем направление выстрела идет под острым углом к полу, как и в предыдущих случаях, но только несколько большим[5].

4. Кусок дерева, также представляющий собой часть доски, выпиленную, видимо, из пола. Длина его 9 1/2 сантиметров, ширина – 5 1/2 сантиметров и толщина – 6 сантиметров.

Кусок не имеет номера. На одной из боковых его стенок написано черным карандашом, видимо, Сергеевым: „ближе к вх. двери".

С одной стороны кусок окрашен такой же краской, как и предыдущие, и также имеет с этой стороны следы вычерчивания карандашом. С этой выкрашенной стороны усматривается на нем отверстие, полукруглой формы. Оно идет через толщу куска и выходит не с противоположной стороны, а, пройдя кусок наискось, выходит в одной из боковых стенок.

Размер отверстия с выкрашенной стороны несколько менее 1 сантиметра. Размер его в боковой стенке, благодаря тому, что стенки отверстия в дереве несколько сошлись, определить затруднительно. Края с выкрашенной стороны также сплющены и вдавлены внутрь по ходу отверстия. Окрашивания около отверстия ни с входной, ни с выходной стороны не усматривается. Отверстие это несомненно есть пулевой канал, причем и этот выстрел был произведен под острым углом, как и предыдущий, но наиболее малым.

5. Кусок дерева, также представляющий собой часть доски, видимо, выпиленную из пола. Кусок этот обернут в бумагу. Его длина 10 сантиметров, ширина 3 сантиметра, толщина 6 сантиметров.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Одна его сторона выкрашена такой же краской, как и предыдущие куски, и имеет с этой стороны следы очерчивания черным карандашом. Около самого края куска усматривается пятнышко, темновато-красного цвета, круглой формы, имеющее в диаметре 5 миллиметров. Оно расположено на той стороне куска, которая выкрашена краской, и при том близко к грани. Часть дерева у самой грани вблизи этого пятнышка или изъята при помощи долота, или же отщепилась. Боковая стенка куска, начиная как раз от грани, где имеется пятнышко и отщеп, имеет окрашивание, напоминающее кровь. Оно идет на протяжении 7 сантиметров в длину и 2 1/2 в ширину.

6. Кусок дерева, представляющий собой часть доски. Длина его 11 сантиметров, ширина 6 сантиметров, толщина 7 1/2 сантиметров.

Кусок не имеет номера. На одной из боковых его стенок черным карандашом, видимо, Сергеевым написано: „У столба арки".

Кусок с одной стороны выкрашен также желтой краской, но она светлее, чем

на предыдущих кусках. Она также положена не на дерево, а на грунт. Скорее всего, этот кусок также выпилен из пола, но в той его части, которая, очевидно, менее других подвергалась воздействиям посторонних тел: давлению каблуков и т. п. С выкрашенной стороны на куске также имеются следы очерчивания черным карандашом.

На выкрашенной стороне, у самого края куска, имеется в дереве вдавление, круглой формы, в диаметре 2 сантиметра, глубиной 1/2 сантиметра. В середине вдавления ясно видна пуля, внедрившаяся в дерево и сплющившаяся. Дно вдавления около пули и края его носят как будто бы следы крови. Боковая стенка куска имеет ясно видимый поток крови, направляющийся по этой боковой стенке как раз от края вдавления, где находится пуля. Длина потека 7 сантиметров, в ширину он занимает толщу доски. Но в длину потек, видимо, занимал всю длину куска (11 сантиметров), так как остальная его часть в этом именно месте изъята при помощи долота или стамески, вероятно, Сергеевым, как это усматривается из содержания протокола его от 25 января 1919 года.

До производства исследования крови пуля не извлекалась.

Все описанные в пунктах 1–6 куски дерева носят следы высверливания, выпиливания и выдалбливания их.

7. Кусок дерева, представляющий собой часть пластины (половины распиленного бревна), из которых иногда строят стены домов. Длина его 26 сантиметров, ширина 16 сантиметров, толщина от 2 1/2 до 6 сантиметров.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Одна из его сторон носит явные следы штукатурки и переплета драниц, на которые кладется последняя. На этой, покрытой налетом штукатурки, стороне дерева ясно усматриваются два вдавления. Оба они конической формы, причем края дерева около сих вдавлений сплющены по направлению хода вдавлений внутрь дерева. Диаметр одного из них 1 сантиметр, диаметр другого 6 миллиметров. Глубина первого – 2 сантиметра, глубина второго – 2 сантиметра 2 миллиметра. На дне этих вдавлений лежит слой штукатурки.

При осторожном зондировании вдавления, имеющего в глубину 2 сантиметра, оказалось, что слой штукатурки лежит на дереве. Видимо, пуля, пройдя штукатурку, ударила в дерево и отскочила. На дне же вдавления, имеющего глубину в 2 сантиметра 2 миллиметра, под слоем штукатурки прощупывается дно пули.

Пуля не извлекалась.

8. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Его длина 13 сантиметров, ширина 7 сантиметров, толщина 5 1/2 сантиметра.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Одна из сторон куска также носит следы штукатурки и переплета драниц, на которые она кладется. Этот кусок имеет сквозное отверстие, проходящее через всю толщу куска. Входное отверстие находится на той стороне, которая покрыта налетом штукатурки. Выходное – в противоположной. Отверстие – круглой формы. Его диаметр 6 миллиметров. Края отверстия со стороны входа вдавлены по направлению к выходу. Форма вдавления ясно указывает, что оно есть пулевой канал.

9. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Его длина 12 сантиметров, ширина 10 сантиметров и толщина 8 сантиметров.

Ни номера, ни названия кусок не имеет.

Одна из сторон куска также носит следы штукатурки и переплета драниц. На той стороне куска, которая покрыта налетом штукатурки, имеется отверстие, идущее через всю толщу куска и выходящее в противоположной стороне куска. Оно круглой формы; диаметр его 6 миллиметров. Края отверстия со стороны, покрытой штукатуркой, вдавлены внутрь по ходу отверстия. Ясно видно, что это отверстие есть канал пули, пробившей кусок дерева. На нем написано черным карандашом, видимо, Сергеевым: „пуля извлечена".

10. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Длина его 10 сантиметров, ширина – 8 1/2 сантиметров, толщина – 4 сантиметра.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Одна из сторон его также покрыта налетом штукатурки и носит следы переплета драниц. На этой именно его стороне имеется в дереве вдавление, круглой формы, диаметром и глубиной по 1 сантиметру. Края дерева вокруг вдавления сдавлены внутрь. Дно вдавления также покрыто легким налетом штукатурки. Ясно видно, что это вдавление есть удар пули в дерево, прошедшей через штукатурку.

11. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Его длина 17 сантиметров, ширина 11 сантиметров, толщина от 5 1/2 до 10 сантиметров.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Кусок также покрыт налетом штукатурки и имеет следы переплета драниц. С этой стороны в дереве имеется отверстие, круглой формы, имеющее в диаметре около 1 сантиметра. Введенный в это отверстие зонд проникает в толщу дерева на 8 сантиметров и не проходит далее, упираясь в какой-то твердый предмет, издающий при постукивании его зондом звук металла. Видимо, это отверстие сделано пулей, засевшей в дереве.

12. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Длина его 18 сантиметров, ширина – 17 сантиметров и толщина 5 1/2 сантиметров.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Одна сторона его покрыта налетом штукатурки и имеет следы переплета драниц. С этой стороны на дереве имеются два вдавления. Одно из них имеет в диаметре 1 сантиметр и глубиной оно 1/2 сантиметра. Ясно видно, что пуля, пройдя штукатурку, ударила в дерево и отскочила, оставив на нем легкое вдавление. Другое вдавление имеет в диаметре 8 миллиметров. Края дерева вокруг него сплющены и вдавлены внутрь по ходу вдавления. Глубина его 2 сантиметра 8 миллиметров. Далее зонд не идет и упирается в дно пули, засевшей в толще дерева, видимой простым глазом.

13. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Длина его 13 1/2 сантиметров, ширина 7 сантиметров, толщина 4 сантиметра.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Одна сторона его покрыта также налетом штукатурки и имеет следы драниц. На двух боковых стенках этого куска дерева ясно усматривается два круглой формы вдавления. Диаметр их около 1 сантиметра. Видимо, эти вдавления есть следы двух пуль, ударивших этот кусок дерева с боков.

14. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Его длина 11 1/2 сантиметров, ширина 6 сантиметров, толщина 10 сантиметров.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Одна сторона его покрыта налетом штукатурки. На одной из его боковых стенок имеется круглой формы вдавление, идущее вдоль боковой стенки, диаметром около 8 миллиметров. Ясно видно, что это вдавление было сделано пулей, ударившей этот кусок по боковой стенке.

15. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Его длина 12 сантиметров, ширина 5 1/2 сантиметров, толщина 8 1/2 сантиметров.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Вдоль одной из его боковых стенок идет вдавление, круглой формы, имеющее в диаметре 1 сантиметр 1 миллиметр. Одна из сторон куска имеет налет штукатурки и следы переплета драниц. Направление вдавления, идущего по боковой стенке, от той стороны, которая покрыта налетом штукатурки. Ясно видно, что это вдавление сделано пулей, ударившей кусок по боковой стенке.

16. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Длина его 12 1/2 сантиметров, ширина 6 1/2 сантиметров и толщина 6 сантиметров.

Он не имеет ни номера, ни названия.

Одна сторона его покрыта налетом штукатурки. С этой стороны в дереве имеется вдавление, круглой формы, имеющее в диаметре 1 сантиметр. Введенный в отверстие зонд проходит через всю толщу дерева и упирается в дно пули, застрявшей в дереве и вышедшей своим концом наружу на протяжении 1 сантиметра.

17. Кусок дерева, также представляющий собой часть пластины. Длина его 14 сантиметров, ширина и толщина по 8 сантиметров.

Одна из его сторон покрыта налетом штукатурки. На одной из боковых его стенок имеется в дереве отверстие, круглой формы, имеющее в диаметре 8 миллиметров. Зонд, введенный в это отверстие, проникает через всю толщу дерева и упирается в дно пули, вышедшей своим небольшим концом наружу.

18. Отщеп дерева. Он имеет в длину 11 сантиметров, в ширину 4 сантиметра и в толщину 1 сантиметр 6 миллиметров.

Он не имеет ни номера, ни названия.

В середине отщепа сидит пуля.

19. Отщеп дерева. Он имеет в длину 8 сантиметров и в ширину 1 сантиметр 8 миллиметров.

Ни номера, ни названия он не имеет.

Этот кусок завернут в бумагу.

Сбоку в этом отщепе имеется приставшая к одной из наружных стенок отщепа пуля, сидящая в своем гнезде. Она еле держится при отщепе и ее почти все стороны хорошо видимы. Пуля в оболочке. Конец ее или усечен, или вдавлен от удара. Длина пули 1 сантиметр 6 миллиметров, диаметр – 6 миллиметров.

20. Кусок дерева, представляющий собой часть, видимо, стены, обитой обоями. Его длина 9 сантиметров, ширина 7 сантиметров, толщина 4 1/2 сантиметра.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Кусок с одной стороны оклеен обоями, цвета крем, покрытыми желтовато-золотистыми полосками. По середине куска, с той его стороны, которая оклеена обоями, имеется пулевой канал, круглой формы, в диаметре 6 миллиметров. Канал идет к одной из боковых стенок куска, вблизи которой застряла пуля, ясно видимая простым глазом.

21. Кусок дерева, представляющий собой часть доски, оклеенную обоями. Длина его 11 1/2 сантиметров, ширина 8 сантиметров, толщина 3 1/2 сантиметра.

Кусок не имеет надлежащего названия.

Обои, коими он оклеен, также кремового цвета, золотисто-желтыми полосками, но иного рисунка, чем только что описанные. На середине куска со стороны, покрытой обоями, имеется круглой формы отверстие, диаметром около 1 сантиметра. Это отверстие – сквозное. Оно идет наискось через толщу куска и выходит в противоположной стороне ближе к боковой.

На стороне, покрытой обоями, чернилами черного цвета нарисована стрела, показывающая направление пулевого канала, и написано также чернилами: „направление пулевого канала". На этой же стороне также чернилами написано: „№ 1 – верхний".

22. Кусок дерева, представляющий собой часть доски, оклеенной обоями. Длина этого куска 16 сантиметров, ширина 13 сантиметров, толщина 4 сантиметра.

Кусок не имеет ни номера, ни названия.

Он оклеен обоями, такими же, как и только что описанный в предыдущем пункте.

На этом куске химическим карандашом написано: „А. Стрежнев. Екатеринбург. 10.V .18"[6].

Все куски дерева, описанные в п. п. 7–22 сего протокола, носят следы выдалбливания и выпиливания их.

Дерево всех кусков, описанных в сем протоколе, сосновое.

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

148

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 20 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 325–335 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых, предъявил эксперту оптику Константину Семеновичу Луговкину, проживающему в г. Омске на Симоновской улице в доме № 13, следующие предметы:

1. Стекло с осколком, описанные в п. 12-м протокола 15–16 сего февраля.

Г. эксперт пришел к заключению, что осколок есть часть этого же стекла. Стекло это оптическое. Одна сторона его плоская, другая сферическая. Оно было в какой-то оправе. Предназначение его эксперт определить затруднился.

2. Два стекла, описанные в п. 13-м того же протокола.

Г. эксперт пришел к выводу, что оба стекла, судя по их величине и шлифовке у краев, от одного и того же пенсне. Оба стекла двояковыпуклые, что свидетельствует о том, что ими пользовался человек дальнозоркий[7]. Оправа, в которой они были, охватывала лишь переносицу человека.

Уцелевшее стекло дает возможность определить его номер, что не могло быть сделано экспертом, ввиду отсутствия у него в настоящий момент сферометра.

Эксперт просил о выдаче вознаграждения.

Судебный следователь Н. Соколов.
Эксперт Константин Луговкин.

Понятые.

149

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 20 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 325–335 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых, предъявил экспертам ювелирам Константину Александровичу Цадрикову, проживающему в г. Омске, на Лермонтовской улице в доме № 2, и Яну Осиповичу Кяйришу, проживающему в г. Омске на Скорбященской улице в доме № 9, следующие предметы:

1. Три бусы, описанные в п. 1-м протокола 15–16 февраля.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что эти бусы три топаза. Они одинаковы, видимо, по внешнему виду с теми, которые изображены на предъявленных г. г. экспертам фотографических снимках (предъявлены на фотографическом снимке п. „в" протокола 10 сего февраля). Они могли составлять часть украшения, носившегося на шее. Возможно, что они составляли и часть четок. Внешний их вид свидетельствует, что они подвергались действию огня в сильной степени, а затем, видимо, попали в воду, вследствие чего они потрескались как снаружи, так и изнутри. Сорт этих топазов ценный, редкий[8].

/.../

4. Фотографические изображения, описанные в п. „б" протокола 10 сего февраля и в протоколе 12 сего февраля.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что серьга, предъявлявшаяся им (п. 3 протокола 10 сего февраля) и изображенная на предъявленном им фотографическом

снимке (п. „б" протокола 10 февраля), имеет большое сходство с теми серьгами, которые находятся в ушах женщины, изображенной на портрете как маленьком (п. „б" протокола 10 сего февраля), так и большом (протокол 12 сего февраля)[9]. Самое расположение жемчуга и бриллианта на серьге ясно указывает о таком сходстве. Г. г. эксперты с большим вероятием предполагают, что предъявлявшаяся им серьга тождественна с серьгой на предъявленных им сего числа изображениях ее[10].

Г. г. эксперты просили о выдаче им вознаграждения.

Судебный следователь Н. Соколов.
Константин А. Цадриков. Ян И. Кяйриш.

Понятые.

150

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 20 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 325–335 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых, предъявил экспертам: портному Алексею Егоровичу Леонтьеву, проживающему в г. Омске на углу Артиллерийской и Перевозной улиц в доме № 21–22, служащим в галантерейном отделении магазина Шаниной Александру Андреевичу Хабарову, проживающему на Ильинской улице в доме № 13, Юлии Васильевне Махан, проживающей на Учебной улице в доме № 13, следующие предметы:

1. Две пряжки, описанные в п. 2-м протокола 15–16 сего февраля[11].

Г. г. эксперты пришли к выводу, что эти две пряжки от дамских туфель. Такие пряжки ставились, по мнению г. г. экспертов Хабарова и Махан, исключительно к хорошим туфлям, заграничной работы.

2. Пряжку с застежкой, описанные в п. 4-м того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что эта пряжка с застежкой от пояса-ремня не взрослого человека, а мальчика, о чем свидетельствует ее величина.

3. Планшетки и пластинки, описанные в п. п. 5–8 протокола того же.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что парные планшетки, описанные в п. 5-м протокола 15–16 сего февраля, есть передние планшетки дамских корсетов. Они парные и ясно совершенно свидетельствуют, что они от шести, видимо, сгоревших корсетов.

С большой вероятностью можно полагать, что три пары из этих планшеток относятся к корсетам для фигур взрослых женщин, одна от корсета на меньшую фигуру, а две остальные пары от корсетов меньших фигур, чем последняя.

Все остальные пластинки также части сгоревших корсетов: задние, боковые и обыкновенные кости. О числе корсетов они не говорят и сказать, к какому виду парных планшеток они относятся, нельзя.

4. Пряжки, описанные в п. 9 „а"–„и" того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что эти пряжки есть пряжки от дамских подвязок, которые обыкновенно пришивают к корсетам. Их число и внешний вид свидетельствуют, что они относятся к шести корсетам. Корсеты, к которым они относятся, были хорошей работы. Оставшаяся в некоторых из пряжек обгорелая материя, есть часть резины самих подвязок. Обгорелая материя при пряжках, описанных в п. „д", есть часть самого корсета. Эта материя – вязаная. Она вязана из шелковой ткани: это свидетельствует, что корсет, к которому она относилась, был хороший, дорогой корсет.

5. Пряжки и крючки, описанные в п. 10 того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к заключению, что все эти предметы есть застежки и крючки от дамских подвязок при корсетах. Они принадлежат самое большее шести корсетам. Все эти предметы относятся к хорошим корсетам. Сами они заграничной, скорее всего, французской работы. На некоторых из застежек экспертам удалось обнаружить следы надписей. При разглядывании их через лупу удалось разобрать французское слово: „бутон".

6. Пряжки, описанные в п. 11 того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что все эти пряжки, кроме самой большой, есть принадлежность или мужских брюк, или мужских жилетов. Последняя пряжка есть принадлежность жилета. Все эти пряжки от хлястиков брюк и жилетов. Из них две парные. Все они хорошей работы, заграничной, кроме одной – самой большой: эта пряжка, видимо, русской кустарной работы.

7. Пуговицы, описанные в п. 14-м того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что все эти пуговицы есть принадлежность мужского костюма. Большие пуговицы или от кителя, или от тужурки, или от шинели, т. е. от их бортов. Меньшая – от погона или от рукава. Возможно, что пять больших пуговиц от одного костюма, например, от кителя, к которому пришивается пять пуговиц. Все эти пуговицы хорошего сорта. Если они фабрики Вундер, то они вообще были не в употреблении /так!/, так как пуговицы этой фабрики дороже других пуговиц, например, фабрики Буха и некоторых других.

8. Пуговицы, описанные в п. 15-м того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что эти пуговицы от дамских верхних костюмов. Они обгорели и представляют собой лишь металлические части обтянутых материей пуговиц. Часть ниток, сохранившихся при одной из пуговиц – шелковые нитки. Сорт пуговиц хороший.

9. Медную пряжку, описанную в п. 16-м того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что эта пряжка не есть принадлежность какого-либо костюма: она слишком велика для этого. Скорее всего, это есть пряжка от какой-либо дорожной вещи. Она сама хорошей работы.

10. Две пластинки, описанные в п. 17-м того же протокола.

Г. г. эксперты отказались определить их назначение.

11. Три крючка, описанные в п. 18-м того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что эти три крючка есть крючки от трех мужских брюк. Один из них стальной, заграничной работы. Два крючка простые, проволочные, русской кустарной работы.

12. Американский ключ, описанный в п. 19-м того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к заключению, что этот ключ – от чемодана. Ввиду этого они еще раз обращают внимание на то, что и пряжка, указанная в п. 9-м сего протокола, есть, вероятно, принадлежность чемодана.

13. Три пряжки, описанные в п. 21-м того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к заключению, что одна из них от мужских помочей, а две от женских поясов, вообще от каких-либо дамских нарядов.

14. Предметы, описанные в п. 22-м того же протокола.

Две перламутровые пуговицы могли быть пришиты к мужскому и к дамскому костюму.

Три металлические пуговицы от мужских брюк: две от пояса, одна от ширинки.

Три пуговицы Лидваля от мужских брюк: от ширинки.

Две белых пуговицы – совсем простые. Они могли быть от белья: такие употребляются у простонародья.

Остатки двух металлических пуговиц представляют собой остатки пуговиц, которые были обтянуты полотном. Они могли быть пришиты и к мужскому, и к дамскому белью.

Кольцо, представляющее собой ободок пуговицы, есть часть такой же, обтянутой некогда полотном.

Кольцо, описанное в п. „б", есть обыкновенное шторное кольцо, обши-

тое какой-то материей. Назначение его определить трудно. Оно могло быть пришито к зонтику.

Четыре „кнопки" представляют собой: малая – обыкновенную дамскую кнопку, а три большие – пуговицы, которые часто пришивают к брюкам. Три последних хорошей, заграничной работы.

9 колец есть „блочки", через которые проходит в корсетах шнуровка.

3 крючка и 2 петли: по мнению экспертов, один крючок и одна петля – парные, скорее всего, от мужского кителя или тужурки. Остальные – от дамских костюмов.

Обломок металлический есть, скорее всего, принадлежность какой-либо дамской сумочки небольшого размера, портмоне.

15. Обгорелые части предмета, описанные в п. 24-м того же протокола.

Г. г. эксперты пришли к выводу, что эти обгорелые части есть части обгоревшей или, точнее, сгоревшей щетки. Щетка эта была, вероятно, круглой или овальной формы, мужская: для волос, бороды, усов. Она была хорошей работы, потому что она была сделана на винтах, а не на клее, как делаются простые, дешевые щетки[12].

Г. г. эксперты просили о вознаграждении.

Судебный следователь Н. Соколов.
Эксперт Юлия Махан.
Александр Хабаров.
Понятые. Алексей Леонтьев.

151

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, февраля 23 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых, производил осмотр предметов, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом.

По осмотру их найдено следующее:

Вещи, значущиеся по описи № 15, подписанной членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым, в группе 3-й под рубрикой 10-й:

12 телеграмм и список чинов Екатеринбургской телеграфной конторы, командированных в разное время в красноармейские штабы[1].

Все эти предметы завернуты в отдельный лист бумаги, снабженный вышеприведенной надписью. По осмотре каждого отдельного предмета найдено следующее:

1. Подлинная телеграмма.

По своему внешнему виду эта телеграмма представляет специально для телеграмм изготовленный в типографии на розовой бумаге особый бланк. Он состоит из трех частей: верхней, средней и нижней. Верхняя часть содержит указания того учреждения, для которого изготовлен этот бланк и от которого исходит эта телеграмма. Средняя часть содержит в себе разные отметки телеграфа, а нижняя – самый текст телеграммы[2].

В верхней части телеграммы напечатано типографским шрифтом: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней части, из содержания отметок, сделанных на телеграфе, видно, что телеграмма была подана в Екатеринбурге 7 июля в 15 часов 49 минут, адресована в Пермь и записана в книге под № 740/а. Эти отметки сделаны все карандашом.

Самый текст телеграммы писан также черным карандашом. Содержание его дословно с сохранением орфографии следующее:

„Пермь Лукоянову и Матвееву 2 адреса Королевские номера Сыромолотову Если поезд Матвеева еще не отправлен то задержите запятая если отправлен принять все меры к тому чтобы он был задержан в пути и в коем случае не следовал месту указанному нами точка Случае ненадежности нового места стоянки поезд вернуть Пермь. Ждите шифрованную. Белобородов"[3].

Ниже этого текста имеется на бланке красный мастичный оттиск печати, дословно следующего содержания: „Областной Исполнительный Комитет Советов Рабочих Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала".

Почерк, коим писан самый текст этой телеграммы, видимо, принадлежит тому лицу, которым подписана телеграмма.

2. Подлинная телеграмма.

Ее внешняя форма совершенно такая же, как и описанной в п. 1-м. Она отличается от описанной в п. 1-м лишь цветом бланка: он – бледно-розовый.

В верхней части телеграммы, также типографским шрифтом, напечатано: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала". В средней графе телеграфных отметок значится, что телеграмма эта была подана в Екатеринбурге 7 июля в 22 часа, адресована в Пермь и записана в книге под № 779/А. Все эти телеграфные отметки сделаны черным карандашом.

Содержание телеграммы писано на пишущей машинке. Содержание это дословно следующее[4]:

„Пермь Военком Лукоянову

94182	*31321*	*29022*	*10712*	*37144*	*71361*	*32453*
75439	*52713*	*94932*	*54844*	*97467*	*83587*	*12576*
91635	*49782*	*75844*	*75389*	*54766*	*49102*	*точка*
12713	*58454*	*89375*	*88354*	*24944*	*97165*	*56615*
44930	*07112*	*89479*	*86*	*номер Белобородов*		

7 июля 1918 г. №."

Весь этот приведенный текст, включая и фамилию „Белобородов", писан на пишущей машинке.

Ниже этого текста – синеватый мастичный оттиск печати следующего содержания „Областной Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крест. и Сол. Депутат. Урала".

Затем ниже текста телеграммы имеется синеватый мастичный оттиск штемпеля: „За счет Президиума Областного Совета Урала". Ниже этого оттиска такого же цвета оттик штемпеля: „Председатель Областного Совета А Белобородов". Слова „А Белобородов" в этом тексте сделаны путем оттиска штемпеля.

3. Подлинная телеграмма.

Ее внешняя форма совершенно одинакова с таковой же в телеграмме, описанной в пункте 2-м.

В верхней ее части, таким же типографским шрифтом, напечатано: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней графе телеграфных отметок значится, что эта телеграмма была подана в Екатеринбурге 8 июля в 17 часов 33 минуты, адресована в Пермь и записана в книге под № 907/Б. Все эти пометки сделаны красным карандашом. Кроме того, в особой графе „служебных отметок" черным карандашом написано: „экстренно".

Самый текст телеграммы писан на пишущей машинке, видимо, той же самой, что и текст телеграммы, описанной в пункте 2-м, что ясно усматривается из внешнего вида некоторых букв, страдающих некоторыми дефектами, благодаря подработке шрифта машины.

Текст телеграммы дословно следующий[5]:

„Москва Секрсовнаркома Горбунову:
Для немедленного ответа 28203 64227 49334 93624
38382 53320 53384 82929 29213 04038 28355
04145 28343 11637 36324 53737 37433 33326
21482 62729 35413 04322 37332 54828 32233
23736 43304 52813 50232 23432 50265 02849
33242 73730 44313 62544 42453 72826 37254
62437 35403 34522 27262 73346 25403 84541
29262 04335 3340, номер 4639 Предобласовета Белобородов
8 Июля 1918 г. № 4639".

В этом тексте обозначение номера „4639", встречающееся в первый раз в тексте телеграммы, сделано от руки черным карандашом, а такое же обозначение, встречающееся во второй раз, сделано черными чернилами.

Ниже текста телеграммы имеется такого же цвета оттиск такого же мастичного штемпеля печати, такого же текста. Затем имеются два оттиска тех же самых штемпелей, что и на телеграмме, описанной в пункте 2-м.

Выше текста телеграммы в особой графе „служебных отметок" тем же шрифтом пишущей машины напечатано: „с обратной проверкой", что, очевидно, означает требование полученный в надлежащем месте непосредственного сношения с Екатеринбургом (Казань) текст телеграммы передать обратно в Екатеринбург для поверки.

Ниже этой надписи, уже в третьей части бланка, где должен помещаться самый текст телеграммы, черным карандашом сделана такая отметка: „вторично на № 563/38 Москва 22/7 56 пр. пор. 7", каковая отметка, видимо, означает, что текст этой телеграммы, вследствие служебного запроса из Москвы за № 563/38, был передан вторично 22 июля по проводу № 56, порядковым № 7. Ниже самого текста телеграммы имеется, соответственно такому предположению, карандашная отметка: „Кзн 56 пр. 22/VII 8 30", что, видимо, означает, что телеграмма вторично была передана непосредственно в Казань 22 июля по 56-му проводу в 8 часов 30 минут.

К бланку этой телеграммы приклеен, на двух телеграфных же бланках, Морзевский шрифт, представляющий, видимо, оттиск этой телеграммы на аппарате Уистона и сообщенный, вероятно, обратно в Екатеринбург. Ниже этих оттисков имеются две карандашные надписи: „По исправлении поверка верно 20/50"... далее следует подпись, разобрать которой не представилось возможным.

Вторая надпись следующая: „По исправлении будет верно"... Далее следует подпись, разобрать которой не представилось возможным.

Во второй надписи, перед подписью, имеется еще цифра „22". Можно предположить, что в первой надписи цифры 20/50 означают, видимо, время получения обратного текста, а во второй надписи цифра „22" означает число месяца.

4. Подлинная телеграмма.

Ее внешняя форма совершенно тождественна с таковой же на телеграммах, описанных в пунктах 2-м и 3-м.

В верхней части телеграммы, тем же типографским шрифтом, напечатано: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней части из содержания телеграфных отметок видно, что телеграмма была подана в Екатеринбурге в 17 часов 45 минут, адресована в Пермь и записана в книге под № 908/Б.

Текст ее писан на пишущей машине, видимо, той же, что и телеграмм, описанных выше. Текст имеет дословно следующее содержание[6]:

„Пермь Военком Лукоянову Уполномоченному Обласовета Матвееву Королевские Сыромолотову.

Если можно заменить безусловно надежными людьми команду охраны поезда всю смените пошлите обратно Екатеринбург точка Матвеев остается комендантом поезда точка Замене сговоритесь Трифоновым. Белобородов. 8 Июля 1918 г.".

Весь текст этой телеграммы, включая и слово „Белобородов", писан на пишущей машине.

Ниже этого текста имеется такой же оттиск такой же совершенно печати и оттиск двух таких же совершенно штемпелей, что и на телеграммах, описанных в пунктах 2-м и 3-м сего протокола.

Кроме того, в телеграмме указан ее номер „4640", написанный от руки черными чернилами.

5. Подлинная телеграмма.

Внешняя ее форма совершенно одинакова с таковой же на телеграммах, описанных выше в пунктах 2–4 сего протокола.

В верхней ее части, тем же типографским шрифтом, напечатано: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней части, в графе служебных телеграфных отметок, значится, что телеграмма эта подана в Екатеринбурге 9 июля в 11 часов 50 минут, адресована в Пермь и записана в книге под № 882/А.

Служебные отметки сделаны красным карандашом.

Весь текст телеграммы писан от руки черным карандашом. Содержание его дословно следующее[7]:

„Пермь Военком Лукоянову
73231 73452 28355 69528 76699
44913 38565 73732 16719 73436
91538 15037 83584 76974 02765
85425 71319 77014 91697 607 номер 8818 Белобородов
№ 4653".

В этой телеграмме весь текст, включая и подпись Белобородова, писан черным карандашом. Только № 4653 писан черными чернилами. Весь текст этой телеграммы, видимо, писан тем же лицом, что и текст телеграммы, описанной в пункте 1-м сего протокола. Только цифра „4653", указывающая, очевидно, исходящий номер телеграммы, видимо, писана другим лицом, причем в написании этой цифры с цифрами исходящих номеров на предыдущих телеграммах наблюдается большое сходство.

Ниже текста телеграммы имеется красный мастичный оттиск такой же печати, что и на телеграмме, описанной в пункте 1-м сего протокола. Кроме того, на бланке имеются два таких же оттиска таких же штемпелей, что и на телеграммах, описанных в пунктах 2–4 сего протокола.

6. Подлинная телеграмма.

Она написана чернилами черного цвета от руки на части листа белой писчей бумаги.

Лист бумаги с текстом телеграммы наклеен на обыкновенном телеграфном бланке, где сделаны телеграфные служебные пометки черным карандашом.

Из содержания пометок видно, что телеграмма была подана в Екатеринбурге 9 июля в 16 часов 22 минуты, адресована в Москву и записана в книге под № 535/б.

Содержание телеграммы следующее:

„Французскому Консулу Москва.
Приехал Екатеринбург пока живу Английском Консульстве слухи о Романовых ложны Бояр"[8].

Ниже этого текста мастичный оттиск с изображением Франции и текст французскими буквами: „вице-консулат а Екатеринбург".

На телеграмме указан адрес подателя, написанный также чернилами черного цвета, тем же лицом, которое писало и самый текст телеграммы:

„К Бояр, Вознесенская 27".

7. Подлинная телеграмма.

Она написана при помощи пишущей машины на части листа белой писчей бумаги, накленной на обыкновенном телеграфном бланке, на коем имеются служебные отметки.

Из содержания этих отметок видно, что телеграмма была подана в Екатеринбурге 16 июля в 0 часов 40 минут, адресована в Надеждинск и записана в книге под № 1478.

Содержание ее дословно следующее[9]:

„16 Июля 1918 г. ТЕЛЕГРАММА Военная вне очереди
Надеждинск Совдепу
Телеграмму передайте немедленно Андрееву 62227 22644 53620
56279 44027 12642 44031 42641 28346 24205 62790 20926
12420 94213 30412 79144 97420 56213 49036 22812 34320
66291 26321 15303 26374 22962 71124 41385 45118 58927
30220 52779 10360 82797 37282 63612 62914 51029 62138
50327 72263 62810 81444 21226 53347 70362 21026 20226
53624 21330 72103 63262 79260 81412 62051 44534 42518
54110 12149 12934 13324 41977 10028 53734 22011 21465
62123 41301 32293 49151 10513 40291 10584 24534 23443
67726 63100 21037 79452 84432 26770 52602 28341 30126
40710 36294 40526 65038 54927 23113 62305 3710 Урал-управление № 4572".

Ниже текста телеграммы мастичный оттиск, фиолетового цвета, печати: „Комиссариат Управления Исп. Ком. Сов. Раб. Крест. и Солд. Деп. Урала".

8. Подлинная телеграмма.

Ее внешняя форма совершенно тождественна с таковой же на телеграммах, описанных в пунктах 2–5 сего протокола.

В верхней ее части, таким же типографским шрифтом, напечатано: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней части, в графе служебных отметок, значится, что телеграмма была послана в Екатеринбурге, 17 июля, в 21 час, адресована в Москву и записана в книге под № 2029/А.

Содержание ее писано шрифтом пишущей машины, видимо, тем же самым, что и телеграмм, описанных в пунктах 2–4 сего протокола.

Содержание этой телеграммы дословно следующее:

„Москва Кремль Секретарю совнаркома Горбунову
с обратной проверкой
39343542293536492627372840333050272623493413512841343142335145 34
34254839423723472542283826023023414615543843314221132636172128313
33538443427403433283450284329442628493833342273426282629 19
Белобородов"[10]

В этом тексте слово „Белобородов" написано от руки чернилами черного цвета. Оно написано, видимо, тем самым лицом, коим подписаны и другие вышеописанные телеграммы.

Ниже текста телеграммы имеется красный мастичный оттиск печати, такой же, как и на телеграмме, описанной в пункте 1-м сего протокола.

Затем на бланке телеграммы имеется еще мастичный оттиск, фиолетового цвета, штемпеля: „За счет Президиума Областного Совета Урала".

Этот бланк телеграммы приклеен к двум другим, на которых наклеен такой же шрифт, представляющий, видимо, проверку этой телеграммы, как и телеграммы, описанной в пункте 3-м сего протокола. На этой поверке /так!/ имеется, сделанная черным карандашом, надпись: „Проверка верно ноч 18/VII 1-20", далее следует подпись, разобрать которую не представилось возможным.

9. Подлинная телеграмма.

Внешняя ее форма совершенно одинакова с таковой же на телеграммах, описанных в пунктах 2–5, 8 сего протокола.

В верхней ее части, таким же типографским шрифтом, напечатано: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней части, в графе служебных отметок, значится, что эта телеграмма была подана в Екатеринбурге 18 июля 18 часов 30 минут, адресована в Алапаевск и записана в книге 1713/А. Эти служебные отметки сделаны черным карандашом.

Все содержание телеграммы написано на пишущей машине, видимо, той же самой, что и телеграммы, описанные в пунктах 2–4, 8 сего протокола.

Самый текст следующего содержания:

„Алапаевск Совдеп Абрамову
Везжайте немедленно Екатеринбург для доклада 4851. Белобородов"[11].

В этом тексте только число „4851" написано от руки чернилами черного цвета, причем, видимо, это число писано не тем лицом, которым проставлялись исходящие номера на предыдущих телеграммах.

Ниже текста имеется фиолетовый оттиск мастичного штемпеля печати такого же содержания, как и на телеграммах, описанных в пунктах 1, 5, 8 сего протокола.

10. Подлинная телеграмма.

Ее внешняя форма совершенно одинакова с таковой же на телеграммах, описанных в пунктах 2–5, 8 и 9 сего протокола.

В верхней ее части, таким же типографским шрифтом, напечатано:

„Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней части, в графе служебных отметок, значится, что эта телеграмма подана в Екатеринбурге 18 июля в 18 часов 30 минут, адресована в Петроград и записана в книге под № 1714/А. Все эти отметки сделаны черным карандашом.

Весь текст телеграммы писан на пишущей машине, видимо, той же самой, что и текст телеграмм, описанных в пунктах 2–4, 8 и 9 сего протокола. Содержание его следующее:

„Петроград Смолный Зиновьеву
Уральский облсовет и облаком считая совершенно необходимым участие товарища Костиной специальной ответственной работе оставляет ее поэтому Урале передайте Молотову тоже о Боголепове 4852 Облсовет"[12].

В этом тексте только „4852" писано от руки черными чернилами. Видимо, это число писано тем же лицом, что и исходящий номер на телеграмме, описанной в пункте 9-м сего протокола.

Ниже этого текста совершенно такие же оттиски печати и штемпеля, как и на предыдущей телеграмме, описанной в пункте 9-м сего протокола.

11. Подлинная телеграмма.

Ее внешняя форма совершенно одинакова с таковой же на телеграммах, описанных в пунктах 2–5, 8–10 сего протокола.

В верхней ее части, таким же типографским шрифтом, напечатано:

„Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней части, в графе служебных отметок, значится, что эта телеграмма была подана в Екатеринбурге 18 июля в 18 часов 30 минут, адресована в Москву и Петроград и записана в книге под № 1715/А. Все эти пометки сделаны черным карандашом.

Весь текст телеграммы писан на пишущей машине, видимо, той же самой, что и телеграммы, описанные в пунктах 2–4, 8–10 сего протокола. Содержание его следующее:

„Москва два адреса Совнарком Ппрдседателю Цик Свердлову Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому

Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович Константин Константинович Иван Константинович Сергей Михайлович и Полей точка Несмотря на сопротивление стражи князья были похищены точка Есть жертвы обоих сторон поиски ведутся точка 4853. Предобласовета Белобородов"[13].

В этом тексте только число „4853" написано от руки чернилами черного цвета. Ниже текста такие же оттиски печати и штемпеля, что и на предыдущей телеграмме. В описанной телеграмме слово „Ппрдседателю" изображено в протоколе именно так, как оно значится в тексте.

12. Подлинная телеграмма.

Внешняя ее форма совершенно такая же, как и телеграмм, описанных в пунктах 2–5, 8–11 сего протокола.

В верхней ее части, таким же типографским шрифтом, напечатано: „Областной Исполнительный Комитет Советов Урала".

В средней части, в графе служебных отметок, значится, что эта телеграмма подана была в Екатеринбурге 19 июля в 12 часов, адресована в Пермь и записана в книге под № 2053.

Текст ее писан на пишущей машине, видимо, той же, что и все вышеописанные телеграммы, кроме описанной в пункте 7-м.

Текст имеет следующее содержание:

„Пермь Военком Лукоянову.

Прошу пригласить немедленно аппарату Сыромолотова для важных переговоров. 4857 Белобородов".

Ниже текста красный мастичный оттиск печати, такого же содержания, как и на телеграмме, описанной в предыдущем пункте и фиолетовый оттиск такого же штемпеля, как и на предыдущей телеграмме. В тексте число „4857" написано от руки чернилами черного цвета.

13. Подлинный список чинов Екатеринбургской телеграфной конторы, командированных в разное время в красноармейские штабы, составленный на 20 января 1919 года. Как не являющийся вещественным доказательством, список этот приобщен к делу[14].

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

152

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 24 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, прибыв к начальнику отделения контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего полковнику Николаю Павловичу Злобину, в порядке 325–335 ст. ст. уст. угол. суд., предъявил ему подлинные телеграммы, описанные в пунктах 2, 3, 5, 7 и 8 протокола 23 сего февраля.

Полковник Злобин объяснил, что для расшифрования сих телеграмм требуется значительное время.

С сих телеграмм были сняты копии, оставленные в распоряжении полковника Злобина[1].

Судебный следователь Н. А. Соколов.
Полковник Злобин.

153

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 24 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, прибыв в химико-гигиеническую и бактериологическую лабораторию Омского отделения Бактериологического института Уфимского губернского земства, в присутствии заведующего врачебно-санитарным отделением Акмолинского областного управления Г. И. Егорова и заведующих: химическо-гигиеническим отделением названной лаборатории Иосифа Герардовича Веракса и бактериологическим отделением той же лаборатории Александра Александровича Мелких, вскрыл пакеты, в коих находились вещественные доказетельства, присланные при требовании от 22 сего февраля за № 44[2].

Печати, коими были опечатаны эти вещественные доказательства, целы.

Кусок пола, описанный в пункте 2-м протокола 17-18 февраля сего года, был расколот и из него была извлечена пуля. На ее поверхности, под частицами дерева, оказалось несколько таких же шерстинок, как и шерстинки, присланные для исследования при требовании за № 44. Они были уложены в отдельный пакет и оставлены для исследования в лаборатории. Из куска, описанного в пункте 6-м протокола сего 17-18 февраля, была также извлечена пуля путем раскалывания куска в надлежащем месте.

Все эти части дерева, из которого были извлечены пули, были оставлены при соответственных кусках для надобности исследования.

Пули были взяты судебным следователем.

Судебный следователь Н. Соколов.
Завед. врачебно-санит. отд. Областного управления гр. Егоров.
Заведующий бактериол. лабораторией приват-доцент
Казанского университета доктор медицины Ал. Мелких.
Заведующий химико-гигиенич. отделом И. Веракса.

154

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, февраля 24 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых, производил осмотр предметов, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом.

По осмотру найдено следующее:

Предметы, значущиеся по описи № 15, подписанной членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым, в группе 3-й под рубрикой № 5-й.

Предметы эти находятся в особом пакете, опечатанном мастичной печатью Екатеринбургского окружного суда, на коем черным карандашом, видимо, Сергеевым написано: „Две надписи, срезанные со стены комн. № 5 нижн. этажа[3]. К прот. осм. от 14 авг. № 5".

В пакете оказались два куска обоев, вырезанных, видимо, из стены комнаты в доме Ипатьева, как это усматривается из предварительного следствия (протокол осмотра дома Ипатьева от 14 августа 1918 года, л. д. 41).

При осмотре каждого куска отдельно усматривается следующее:

1. Кусок обоев, имеющий форму неправильного четырехугольника, стороны коего составляют 9, 11, 18 и 19 сантиметров.

С обратной стороны этот кусок носит следы клея. Обои на этом куске цвета крем. Они, кроме того, покрыты желтовато-золотистыми полосками.

На этом куске имеется написанное черным карандашом слово.

Не удалось разобрать его смысла и даже определить, на каком языке оно написано. Первая буква в нем заглавное „К", вторая – малое „р" русское. Последующих букв разобрать не представилось возможным.

2. Кусок обоев, имеющий форму прямоугольника, стороны коего составляют 9 1/2 и 13 1/2 сантиметров.

Задняя сторона этого куска также носит следы клея. Цвет обоев такой же, как и предыдущего куска.

На этом куске имеется сделанная также черным карандашом надпись. Видимо, эту надпись передает в протоколе от 14 августа 1918 года (л. д. 41) член Екатеринбургского окружного суда Сергеев[4].

Сергеевым надпись передается следующим образом:

„Belsat (zar?) var in selbign Nacht Vom schlagn Knechten umgebracht".

При осмотре этой надписи оказывается, что: а) первые два слова в ней составляют одно слово; б) ни скобок, ни вопросительного знака в подлинной надписи нет; в) она изложена не в виде одной строки, а в виде двух строк, явно имея характер стихотворения; г) в подлинной надписи совсем нет слова „schlagn"; д) окончание слова „selbign" передано неправильно.

В действительности эта надпись имеет следующий вид:

„Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht".

Таким образом, надпись эта сделана на немецком языке, не готическим, а латинским шрифтом.

В этой надписи буква немецкая „r" написана в виде „г", как иногда она пишется при беглом письме. При этом человек, писавший эту букву, пишет ее несколько неразборчиво, так что более явственно отмечается крючок этой буквы.

Слово, принятое Сергеевым за слово „schlagn", как это совершенно ясно видно через лупу, означает слово „seinen". Неясность при чтении этого слова происходит от следующей причины. Сначала в тексте было написано слово „selbigen", но затем автор надписи зачеркнул это слово горизонтальной волнистой карандашной чертой и по зачеркнутому тексту написал слово „seinen".

Вышеприведенная надпись является двадцать первой строфой произведения Гейне „Belsazar".

В переводе на русский язык это последнее слово означает „Валтасар". Вышеприведенная фраза, в переводе на русский язык, имеет такой смысл: „В ту же самую ночь царь Валтасар был убит своими приближенными (подданными) ".

При сличении этой фразы с фразой Гейне в вышеуказанном его произведении оказывается, что в надписи отсутствует лишь слово „aber", означающее в переводе на русский язык „но", „однако", „все-таки".

У Гейне двадцать первая строфа читается так:

„Belsazar ward aber in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht".

Видимо, можно предположить, что автор надписи выбросил этот союз „но" из надписи, как выражающий самостоятельный смысл явления, а не являющийся противоположением двадцатой строфы, как она передается у Гейне.

Кроме того, автор в слове „Belsazar" употребляет букву „t".

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 26 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 325–335 ст. ст. уст. угол. суд., предъявил эксперту, начальнику технических артиллерийских заведений генерал-майору Николаю Васильевичу Копанскому, следующие предметы:

1. Пулю, описанную в п. „а" 2 протокола 10 сего февраля[5].

По измерении пули эксперт определил ее как принадлежащую трехлинейному револьверу системы Нагана.

Пуля не изменила своего наружного вида. Ввиду этого эксперт полагает, что если она проходила через человеческое тело, то только через его мягкие, тонкие части.

2. Пулю, извлеченную из куска дерева, описанного в пункте 2-м протокола 17–18 сего февраля.

Эксперту были оглашены данные предварительного следствия, относящиеся к извлечению этой пули (протокол от 14 и протокол от 20 августа 1918 года, протокол от 17–18 сего февраля и протокол от 24 сего февраля)[6].

По измерении пули эксперт пришел к выводу, что пуля – калибра 10 миллиметров (4 линии)[7]. Оболочка ее мельхиоровая. Она принадлежит оружию, имеющему шесть нарезов в стволе, несомненно иностранной системы. Определить точно род оружия эксперт в настоящий момент отказался, находя для этого необходимым произвести особое взвешивание пули. Пуля эта, по заключению эксперта, благодаря своему большому весу и прочности, способна пробить доску толщиной самое меньшее 15 сантиметров (6 дюймов).

Принимая во внимание свойство этой пули и малую степень проникновения ее в толщу дерева, эксперт полагает, что она прошла через значительную толщу человеческого тела.

3. Пулю, извлеченную из куска дерева, описанного в пункте 6-м протокола 17–18 сего февраля.

Эксперту были сообщены те же данные предварительного следствия. Пуля эта очень сильно сплющена. Вследствие этого ее измерения не производилось. Наружный ее вид приводит эксперта к определенному выводу, что она принадлежит трехлинейному автоматическому пистолету. Определить его систему в настоящий момент эксперт также отказался, находя необходимым для этого произвести особое взвешивание пули.

Приняв во внимание внешнюю форму этой пули и степень проникновения ее в толщу дерева, эксперт пришел к выводу, что эта пуля попала в дерево, пройдя через человеческое тело и, притом, задев человеческие кости.

4. Кусок дерева, описанный в пункте 7-м протокола 17–18 сего февраля.

Эксперту были оглашены те же данные предварительного следствия. Рассмотрев этот кусок дерева, эксперт пришел к определенному выводу, что углубление, имеющееся на этом куске, есть пулевой отпечаток. Вернее всего, этот отпечаток есть след пули от револьвера системы Нагана. Принимая во внимание степень проникновения ее в дерево и направление этого проникновения, эксперт пришел к выводу, что эта пуля прошла через значительную толщину человеческого тела.

Обнаруженная при осмотре 17–18 сего февраля в куске пуля была извлечена из него при помощи инструмента зубила, для чего целость куска дерева пришлось разрушить.

Пуля не изменила своего внешнего вида. По измерении ее эксперт пришел к определенному выводу, что эта пуля принадлежит автоматическому пистолету, повидимому, системы Браунинга. Определить точно систему оружия в настоящий момент эксперт отказался, найдя необходимым для этого произвести особое взвешивание пули.

Принимая во внимание внешний вид этой пули и степень проникновения ее в толщу стены, эксперт пришел к выводу, что эта пуля, если проходила через человеческое тело, то только через его тонкие, мягкие части.

5. Кусок дерева, описанный в пункте 8-м протокола 17–18 сего февраля.

Эксперт пришел к выводу, что отверстие в этом куске дерева есть след прошедшей через эту толщу пули. Пуля эта принадлежит трехлинейному револьверу, скорее всего, системы Нагана.

Степень проникновения ее в дерево свидетельствует о том, что если она проходила через человеческое тело, то лишь через его тонкие, мягкие части.

6. Кусок дерева, описанный в пункте 9-м протокола 17–18 сего февраля.

Эксперт пришел к выводу, что отверстие в этом куске дерева есть след пули, прошедшей через толщу его. Пуля эта трехлинейная, от револьвера, но системы определить не представляется возможным.

Ввиду степени ее проникновения в толщу дерева, эксперт полагает, что эта пуля, если она проходила через человеческое тело, прошла только через его тонкие, мягкие части.

7. Кусок дерева, описанный в пункте 10-м протокола 17–18 сего февраля.

По рассмотрении этого куска эксперт пришел к выводу, что имеющееся на куске вдавление есть отпечаток пули, принадлежащей трехлинейному револьверу или автоматическому пистолету.

Принимая во внимание степень проникновения ее в толщу дерева и направление проникновения, эксперт пришел к выводу, что эта пуля прошла значительную толщу человеческого тела.

8. Кусок дерева, описанный в пункте 11-м протокола 17–18 сего февраля.

Обнаруженная при осмотре этого куска пуля (17–18 февраля) была извлечена из него также при помощи инструмента зубила, для чего пришлось разрушить целость этого куска.

Внешний вид пули не изменен. По измерении ее эксперт пришел к определенному выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу Нагана.

Принимая во внимание ее внешний вид и степень ее проникновения в толщу дерева, эксперт пришел к выводу, что эта пуля, если проходила через человеческое тело, шла через тонкие, мягкие части.

9. Кусок дерева, описанный в пункте 12-м протокола 17–18 сего февраля.

Рассмотрев этот кусок, эксперт пришел к выводу, что обнаруженное при осмотре этого куска 17–18 сего февраля вдавление есть пулевой отпечаток. Его виду более всего соответствует пуля трехлинейного нагана. Имея в виду внешний вид отпечатка и степень его глубины, эксперт пришел к выводу, что эта пуля прошла через большую толщу человеческого тела.

Обнаруженная при осмотре этого куска пуля была извлечена из него при помощи того же инструмента зубила, ввиду чего целость этого куска была разрушена.

Наружный вид пули мало изменен. По измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля такая же, как и пуля, указанная в пункте 4-м сего протокола, т. е. она также принадлежит трехлинейному автоматическому пистолету. Для точного определения системы оружия необходимо произвести взвешивание ее.

Принимая во внимание ее внешний вид и степень проникновения в толщу дерева, эксперт полагает, что эта пуля, если проходила через человеческое тело, не задевала костей.

10. Кусок дерева, описанный в пункте 13-м протокола 17–18 сего февраля.

Рассмотрев этот кусок, эксперт пришел к выводу, что на этом куске имеются следы двух пуль, ударившихся в него. Одна принадлежит трехлинейному, а другая четырехлинейному револьверам.

Первая из пуль прошла через значительную толщу человеческого тела. Сделать какой-либо в этом отношении вывод относительно второй пули не представляется возможным.

11. Кусок дерева, описанный в пункте 14-м протокола 17–18 сего февраля.

Имеющееся в этом куске вдавление есть след пули, принадлежащей трехлинейному револьверу. Никаких выводов относительно этой пули сделать не представляется возможным.

12. Кусок дерева, описанный в пункте 15-м протокола 17—18 сего февраля.

Рассмотрев этот кусок, эксперт пришел к выводу, что отверстие на этом куске есть след пули, принадлежащей трехлинейному револьверу. Оно причинено рикошетом. Благодаря этому, не представляется возможным сделать какие-либо иные выводы.

13. Кусок дерева, описанный в пункте 16-м протокола 17—18 сего февраля.

Обнаруженная при осмотре этого куска 17—18 февраля пуля была извлечена из него при помощи того же инструмента зубила, для чего пришлось разрушить целость куска.

Наружный вид пули почти не изменился. По измерении ее эксперт пришел к определенному выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана; она одинакова с пулями, описанными в пунктах 1 и 8 сего протокола.

Приняв во внимание ее внешний вид и степень проникновения в толщу дерева, эксперт полагает, что эта пуля, если проходила через человеческое тело, шла через его тонкие, мягкие части.

14. Кусок дерева, описанный в пункте 17-м протокола 17—18 сего февраля.

Обнаруженная при осмотре этого куска 17—18 сего февраля пуля была извлечена из куска также при помощи зубила, для чего пришлось разрушить целость этого куска.

Наружный вид пули мало изменился. По измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана, и она одинакова с пулями, описанными в пунктах 1, 8 и 13 сего протокола.

Наружный ее вид и степень проникновения в толщу дерева свидетельствует, что если она проникла через человеческое тело, то лишь через его тонкие и мягкие части.

15. Отщеп дерева, описанный в пункте 18-м протокола 17—18 сего февраля.

Пуля была свободно извлечена из отщепа, переломившегося на две части.

Наружный ее вид мало изменен. По измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана, и она одинакова с пулями, описанными в пунктах 1, 8, 13 и 14 сего протокола.

Ее внешний вид указывает, что она, если проходила через человеческое тело, то прошла лишь через его тонкие и мягкие части.

16. Отщеп дерева, описанный в пункте 19-м 17—18 сего февраля.

Из этого отщепа пуля была свободно изъята руками. Ее наружный вид мало изменился. На оболочке несколько содрана.

По измерении пули эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана и она одинакова с пулями, описанными в пунктах 1, 8, 13—15 сего протокола.

Приняв во внимание ее внешний вид, эксперт пришел к выводу, что эта пуля, если проходила через человеческое тело, также шла через тонкие, мягкие части. Нарушение ее оболочки могло произойти от прохождения вблизи каких-либо металлических частей на костюме человека или стены /так!/.

17. Кусок дерева, описанный в пункте 20-м протокола 17—18 сего февраля.

Обнаруженная при осмотре этого куска 17—18 сего февраля пуля была извлечена также при помощи зубила, для чего кусок пришлось расколоть на две части.

Внешний вид пули мало изменен. При измерении ее эксперт пришел к выводу, что эта пуля принадлежит трехлинейному револьверу системы Нагана и одинакова с пулями, описанными в пунктах 1, 8, 13—16 сего протокола.

Ее внешний вид и степень проникновения в дерево приводят эксперта к выводу, что эта пуля прошла через значительную толщу человеческого тела, не задевая, однако, костей.

18. Кусок дерева, описанный в пункте 21-м протокола 17—18 сего февраля.

По рассмотрении этого куска эксперт пришел к выводу, что отверстие в этом куске причинено пулей, принадлежащей трехлинейному револьверу. Она, видимо, также прошла через мягкие человеческие части.

Пули, описанные в пунктах 2, 3 и 4 сего протокола, были переданы эксперту для производства взвешивания их.

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые. Генерал-майор Николай Васильевич Копанский.

156

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 325–335 ст. ст. уст. угол. суд., в г. Омске продолжал исследование через эксперта генерал-майора Николая Васильевича Копанского пуль.

Генерал-майор Копанский представил выданные ему три пули, описанные в протоколе 26 сего февраля, и объяснил:

1. По взвешивании пули, описанной в пункте 2 протокола 26 сего февраля, ее вес определяется около 15 грамм. Для более точного определения того рода оружия, которому она принадлежит, было произведено поверочное, более точное, измерение ее штангенциркулем. Точный ее диаметр оказался 11,43 миллиметра, т. е. 4 1/2 линии. Эта пуля принадлежит автоматическому пистолету системы Кольта, калибра 45.

2. По взвешивании пули, описанной в пункте 3-м протокола 26 сего февраля ее вес определяется в 5 1/2 грамм. Скорее всего следует признать, что эта пуля принадлежит автоматическому пистолету системы Браунинга, изготовленному в Европе (но не в России).

3. По взвешивании пули, описанной в пункте 4-м протокола 26 сего февраля вес ее определяется в 4 1/2 грамма.

Принимая во внимание ее вес и наружный вид (круговая накатка) следует признать, что она принадлежит трехлинейному автоматическому пистолету американского изготовления.

4. Количество исследованных пуль позволяет сделать вывод, что эти пули были выпущены из нескольких трехлинейных револьверов Нагана, одного пистолета системы Кольта и двух трехлинейных автоматических пистолетов.

Эксперт заявил, что по настоящему делу он отказывается получить за экспертизу вознаграждение и просит передать его на нужды Русской армии.

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-майор Николай Васильевич Копанский.

157

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, февраля 27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых производил осмотр представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом предметов.

По осмотру найдено следующее:

Предметы, значущиеся по описи № 15, подписанной членом Екатеринбургского окружного суда Сергеевым, в группе 3-й под рубрикой № 9.

В листе белой бумаги завернуты 13 конвертов. Все конверты одинаковы. На каждом из них напечатано типографским шрифтом: „Областной Совет Народного Хозяйства Урала". Указан также почтовый и телеграфный адрес этого учреждения. Все конверты занумерованы и на каждом из них имеется надпись о том, какие именно предметы в каждом из них находятся. Эта нумерация и надписи сделаны чернилами черного цвета, видимо, рукою профессора Диля.

На первом из них написано: „Конверт № 1". Клеенчатая записная книжка с дневником от 1 января по 4 мая ст. ст. включительно (1918 г.). Этот конверт опечатан сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда.

По вскрытии конверта в нем оказалась клеенчатая записная книжка, размерами 18, 11 и 1 1/2 сантиметра. Клеенка черного цвета.

Книжка эта заключает в себе записки – дневник женщины за 1918 год, начиная с 1 января и кончая 4 мая[1]. Все записки сделаны чернилами черного цвета.

Содержание дневника следующее:

„1-го Янв. Были у обедни в 3 ч. утра все кроме О. Н. и Т. Н.[2] (у них краснуха). Служил другой священник[3]. (Настоятель Собора О. Владимир Хлынов.)

3-го Янв. Изу[4] все не пускают в дом 1; солдаты даже поднимали вопрос о ее выселении из дома Корнилова[5]. Она ищет квартиру.

5-го Янв. В 3 часа была вечерня с водосвятием. У М. Н.[6] тоже краснуха. У Алексея Ник. была очень легкая; уже прошла.

6-го Янв. Были утром в церкви. Государь был в пальто без погон. Солдаты все эти дни скандалят по этому поводу, требуя, чтобы все сняли их. Служил тот же священник. О. Алексей вернулся из Оболана[7], /так!/ но служить еще не может. (!)

11-го по требованию солдатского комитета Иза должна была выехать из дома Корнилова и переехать в две комнаты на Рождественской улице.

14-го. В церкви не были. Солдаты постановили пускать в церковь только по двунадесятым праздникам. Была обедница дома в 11 1/2. Вечером „Les Deux Timides"[8].

18-го. На днях приехала первая партия солдат (11 человек в 4-й полк) на смену. Последние дни много разговоров относительно постановления охраны спирта (обещано по 400 р. каждому солдату).

21-го. Вчера и сегодня служба дома. Вечером „A la Porte" (Т. Н. и Mr Gilliard).

27-го. По постановлению солдатского комитета Панкратову[9] и Никольскому[10] предложено покинуть дом Корнилова и сдать должность. Комендант и офицеры утверждены. Относительно охраны спирта ничего еще не решено, по-видимому, ничего не будет.

28-го. Была утром в церкви (с солдатами, конечно). Всенощная и обедница были дома. О. Алексею все еще не разрешено служить (солдатским комитетом) даже в его церкви. Вечером „La Bête Noire" (Татищев, О. Н., Т. Н., М. Н. и я). В Корниловском доме после отъезда Панкратова и Никольского поселены (внизу) Матвеев (новоиспеченный офицер 2-го полка большевиков) и Киреев (председатель солдатск. комитета).

... Третьего дня комитет послал телеграмму, прося прислать сюда комиссара большевитского правительства. Вчера в местных телеграммах было известие о прекращении войны с Германией, Австрией и Болгарией[11] и распущении армии, но одновременно с этим мирные условия Троцким не подписаны (?!).

Тут же напечатан приказ Крыленко погромного характера о распущении армии и проч.

Февраль.

1-го. Установлен новый стиль, но продолжаю по старому. Вчера и сегодня уехала партия солдат из самых хороших 4 полка. Несколько человек, тоже из хороших, уехали несколько дней тому назад (вследствие роспуска годов их призыва).

Из Петрограда отказались прислать сюда комиссара.

2-го. Солдатский комитет не позволил Им и сегодня пойти в церковь. Обедница была в зале. Вчера дома вченощная. Ал. Ник. три дня лежал: подбил ногу. Сегодня встал.

4-го. Вчера и сегодня службы дома. Вечером „A la Porte" (Т. Н. и Mr Gilliard) и „Packing up" (М. Н., А. Н. и Ал. Н.).

7-го. Возобновление военных действий. Объявлена общая мобилизация (!).

По слухам немцы взяли Ревель, Режицу, Луцк и Ровно.

Говорят, в Иркутске японцы, и там полный порядок.

10-го. Комендант получил телеграмму, от комиссара над имуществом Карелина[12], что из учреждений Министерства двора больше никаких сумм на жизнь Царской Семьи выдаваться не будет, и постановлено из числа их личных сумм выдавать им (по установленному для всех положению) по 150 р. в неделю или 600 р. в месяц на человека. Государство дает только квартиру (Губернаторский и Корниловский дома), освещение и отопление, и солдатский паек.

11-го. Вчера и сегодня службы дома. Вечером „Fluide de John" (2-й раз) и „In and out a punt" (Т. Н. и Mr Gibbs /так!/).

12-го. По агентским телеграммам приняты совнаркомом мирные условия (унизительные), тем не менее военные действия немцами продолжаются.

Вчера и сегодня уехали три большие партии солдат нашего отряда. Из 350 чел., приехавших с нами, останутся всего приблизительно человек 150. Жаль, что уехали лучшие.

14-го. Взят Псков. Вчера говорили упорно о взятии Петрограда.

16-го. Новые условия хозяйства (уволено 11 человек служащих, большие сокращения во всем).

18-го. Службы дома вчера и сегодня. Вечером „The Cryst Goyes" /так!/ (Mr Gibbs и М. Н.) и „Медведь" Чехова.

20-го. Вчера вечером солдаты срыли ледяную гору (постановление комитета[13]). По слухам, большие беспорядки в Тюмени.

26-го. Службы дома вчера и сегодня. Священник и певчие (4–5 чел. с регентом) предложили даром служить.

В Тюмени все успокоилось. Вечером „Packing up" (М. Н. и А. Н.).

Март.

3-го. Солдатский комитет (после долгих обсуждений) постановил разрешить Царской Семье пойти в среду, пятницу и субботу утром в церковь[14].

В отряде всего осталось приблизительно 150 человек. Уехал тоже некоторое время тому назад офицер 1-го полка Мяснянкин (его заменяет солдат) и приехавший с нами член Ц. С. совдепа Бурняим[15].

Солдатам надоело нас сопровождать на прогулках (я почти не выходила, Татищев только ходил к дантистке, гулял больше Долгорукий и Жильяр); они хотели лишить нас вовсе прогулок, но потом разрешили нам выходить на 2 часа раз в неделю без солдат. (!)

10-го. Все вместе сегодня приобщались. Три раза были в церкви на неделе; остальные службы были дома без певчих. Пели Императрица и Дочки под управление диакона.

11-го. Приехал из Омска большевитский комиссар (Дутман)[16].

13-го. Приехали из Омска сто красногвардейцев для охраны города. Комиссар переехал в Корниловский дом.

15-го. Из Тюмени прибыли 50 красногвардейцев.

22-го. Тюменские красногвардейцы, по требованию Омских, уехали.

Последние пока себя держат хорошо, наш отряд тоже.

Весна в разгаре (на солнце вчера дошло до 21°).

25-го. Вчера всенощная дома. Сегодня в 8 час. утра обедница (в церковь не пустили) без певчих; пели Императрица и Дочки под управление диакона.

26-го. 3 члена совдепа приходили осматривать Корниловский дом (все хотят его занять).

28-го. Вчера вечером был большой переполох по поводу того, – солдаты отказались пустить в дом № 1 чрезвычайного комиссара (недавно тоже прибывшего из Омска) Дементьева[17]. Вследствие выраженной последним угрозы можно было ожидать столкновения красногвардейцев с нашим отрядом. Наш отряд вооружился и принял все меры для защиты.

Слава Богу, все обошлось мирно, после разговоров Дементьева с солдатами (выяснилось, что угрозы даже не было, а была вызвана что-то вроде тревоги для проверки охраны).

Говорят о нашем переводе или в архиереевский /так!/ дом или в Иоанновский мон. (для безопасности, когда начнется навигация).

29-го. Сегодня утром Дементьева допустили осмотреть двор и караул (в дом он не входил).

30-го. Пришла из Москвы бумага (привез посланный отсюда солдат) с приказом перевести нас из Корниловского дома в Губернаторский. С трудом и потеснившись нашли место в нижнем этаже. Получила разрешение вместо Паулина взять с собой в одну комнату Викочку (этого слова точно разобрать не удалось) [18]. Вечером мы переехали. Алексей Ник. заболел.

31-го. Солдатский комитет осматривал людские комнаты с тем, чтобы перевезти в дом и всех людей, которые жили на стороне. Прислуге запрещен тоже выход из дома. Вообще приказано завести Царскосельский режим.

Вчера простилась с Изой, которую не могу больше видеть. Только докторов пока свободно впускают и выпускают из дома.

Прибыли 60–70 красногвардейцев в город.

Говорят, идут 300 чел. для пополнения нашего отряда из Москвы.

Апрель.

1-го. Комиссия осматривала дом.

8-го. Пришла телеграмма из Москвы, одобряющая решение отрядного солдатского комитета о снятии Государем погон.

10-го. Приехавший вчера комиссар Яковлев[19] был сегодня утром в доме. С ним прибыл отряд в 150 чел., набранный им по дороге. Никакого Московского отряда, говорят, не будет.

Чрезвычайный Комиссар (по Тобольской губ.) Дементьев несколько дней тому назад уехал.

12-го. Комиссар Яковлев пришел в 2 ч. объявить, что Государь должен уехать с ним в 4 час. утра, он не может сказать куда (вероятно, по догадкам, в Москву и потом, м. б., за границу).

Предполагалось ехать всем, но из-за болезни Алексея Ник. этого нельзя; Государю же откладывать отъезд нельзя. Императрица решила ехать с Ним; Мария Ник. тоже едет с Ним. Остальные остаются здесь до поправления Ал. Ник. и до первого парохода. Бог даст, недели через три поедем вслед. Комиссар Яковлев вернется за ними сюда. Татищев остается здесь. Долгорукий и Боткин едут с Государем. Из прислуги едут только Чемадуров, Седнев и Демидова. Для охраны 5 стрелков и офицеры Набоков и Матвеев. Остальные стрелки и полковник Кобылинский остаются здесь. Ужасная ночь. В 4 часа уехали, экипажи ужасные (а до Тюмени 285 верст).

15-го. Были два раза известия с пути. Сегодня утром – о благополучном прибытии в Тюмень (вчера в 9 час. вечера).

Поставили в зале Походную Церковь и была отслужена обедня (пели 5 монашек).

Днем был крестный ход по городу. Епископ Гермоген арестован[20].

16-го. Были утром известия о благополучном следовании в поезде, но неизвестно куда и неизвестно откуда.

20-го. Три дня нет известия. Алексею Ник., слава Богу, лучше; третьего дня вставал.

Два раза в день службы в Походной Церкви. Вчера с Детьми приобщались. Вечером пришло известие (телегр. Матвеева), что застряли в Екатеринбурге. Никаких подробностей.

22-го. Заутреня и обедня в зале (в Походной Церкви), потом разгавливание (О. Н., Т. Н., А. Н., Татищев, Трина[21], В. Н. Деревенько, я, Кобылинский, Аксюша (пом. коменданта) и Кс. Мих. Битнер (последнее имя и фамилия не совсем ясны). Никаких известий.

23-го. В 11 час. обедня.

24-го. Пришли из Екатеринбурга. Днем (с первым пароходом) приехали из Екатеринбурга Набоков, Матвеев и 5 стрелков сопровождавших.

27-го. Были письма из Екатеринбурга. Приезжал Хохряков[22] – председатель здешнего совдепа (переходим в ведение совдепа).

28-го. Обедня и всенощная. За всенощной присутствовал Хохряков.

Май.

3-го. Хохряков приходит по несколько раз в день, видимо, очень торопится с отъездом. Приходилось ждать, из-за здоровья Ал. Ник., который медленно поправляется, но, слава Богу, теперь лучше; второй день выходит.

4-го. „Отряд" заменен красногвардейцами".

Осмотр остальных предметов был отложен.

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

158

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 28 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, прибыв в Министерство иностранных дел, предъявил заведывающему шифровальным отделом этого министерства Алексею Николаевичу Кулькову, в порядке 325–335 ст. ст. уст. угол. суд., шифрованные телеграммы, описанные в пунктах 2, 3, 5, 7, 8 протокола 23 сего февраля[1].

Г. Кульков объяснил, что для расшифрования их требуется продолжительное время. Ему были выданы копии сих телеграмм.

Судебный следователь Н. А. Соколов.
А. Кульков.

159

ПРОТОКОЛ

1919 года, марта 5-6 дня, судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда, в г. Омске допрашивал, в качестве свидетеля, нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр., предупредив, что на суде он может быть спрошен под присягой, и сделав внушение о необходимости показывать всю правду по чистой совести. На предложенные вопросы свидетель отвечал:

Петр Андреевич Жильяр – сведения о личности см. л. д. 81 том 1-й[2].

Свои показания, которые я давал уже по этому делу члену суда Сергееву, я подтверждаю и на Ваши, г. судебный следователь, вопросы дополнительно показываю следующее. /.../

/Опускаем несколько страниц, на которых Жильяр описывает жизнь Царской семьи до ареста и в Царском Селе./

В половине июля месяца /1917 г./ нам стало известно, – не знаю, каким образом, – что Государь и вся семья должны выехать из Царского в новое место для жизни. Сначала называли Юг, но потом оказалось, что мы едем в Тобольск. Я не могу добавить ничего нового к тому, что я показывал ранее о нашем отъезде в Тобольск.

Вы, г. следователь, спрашиваете меня, чем был вызван отъезд Царской семьи в Тобольск? Этот переезд был вызван опасением правительства за благополучие ее. Правительство тогда решило взять более твердый курс в управлении страной. Но, в то же время, оно опасалось, что новый курс может повлечь за собой народные вспышки, с которыми ему придется бороться вооруженной силой. Опасаясь, что эта борьба может ударить, так сказать, „рикошетом" на нас, правительство и решило выбрать для Царской семьи иное, более спокойное место. Обо всем этом я Вам передаю со слов или Ее Величества или кого-нибудь из великих княжен. Им же так мотивировал решение правительства Керенский.

Я еще раз укажу тех лиц, которые переехали с Царской семьей в Тобольск. Это были: Долгоруков, Татищев, Боткин, Гендрикова, Шнейдер и я. Впоследствии в Тобольск еще прибыли: Деревенько, мистер Гиббс и баронесса Буксгевден, выразившие желание находиться при семье еще в Царском.

Вся Царская семья поместилась в Тобольске в Губернаторском доме. С ней поместился я. Все остальные жили в Корниловском доме против Губернаторского.

Нового я ничего сказать не могу про жизнь семьи в Тобольске, кроме того, что я уже говорил на первом допросе. /.../

Охрана наша состояла из Царскосельских стрелков. Комендантом дома был тот же Кобылинский. Нас еще сопровождали до Тобольска представители правительства Макаров (кажется, он эмигрант) и член Государственной Думы Вершинин[3]. Они несколько дней пробыли в Тобольске и уехали обратно. Отношение их обоих к Царской семье было вполне приличное, корректное, даже, пожалуй, благожелательное, в особенности Макарова и в особенности к детям.

Приблизительно в первой половине октября к нам приехал комиссар правительства Панкратов с помощником своим Никольским. Они были главными распорядителями в нашей жизни и им подчинен был Кобылинский. Плохого я ничего не могу сказать относительно их, с точки зрения непосредственных интересов семьи Государя. Они принесли нам вред бессознательно: своим обращением с нашими стрелками, они их разложили.

Жители местные относились, видимо, к Царской семье хорошо, поскольку мы могли наблюдать это отношение, как узники. Иногда жители присылали семье конфекты, торты, вообще разные сласти. Когда они проходили мимо дома и видели кого-либо из семьи, всегда кланялись.

Отношение стрелков, в общей массе, было хорошее. Были некоторые из солдат хорошие люди. Они относились к нам хорошо, как хорошие люди. Были среди них и плохие. Но ничего нехорошего, скверного они не позволяли себе до большевитского переворота.

Большевики отняли благополучие у Царской семьи, как и у всей России.

Большевитский переворот сразу же отразился на настроении солдат. Те, которые из них были плохими, злыми людьми, стали грубее. Около 25 января солдаты выгнали Панкратова и Никольского и решили требовать присылки большевитского комиссара из Москвы. Они не допустили баронессу Буксгевден жить в Корниловском доме.

Совсем же худо стало после Брестского договора[4]. Солдаты стали вести себя неприлично. Однажды Алексей Николаевич заметил на доске качелей, которыми пользовались преимущественно великие княжны, какие-то надписи. Он не успел их прочесть и понять их смысла. Государь увидел их и попросил Долгорукова убрать эту доску. На этой доске солдатскими штыками были вырезаны скверные, циничные, глупые и грубые слова.

Было запрещено солдатами посещение Царской семьей церкви. Разрешено было ходить в церковь только по двунадесятым праздникам.

Солдаты потребовали снятия Государем погон. Два раза он отказывался делять это. Но, в конце концов, когда Кобылинский предупредил его, что это может повлечь за собой худшие неприятности как для него лично, так и для всей семьи, он принужден был подчиниться насилию.

Была приспособлена ледяная гора, которой пользовались дети. Когда однажды Государь с Императрицей поднялись на гору, чтобы получить возможность видеть отъезд хорошо относившихся к ним солдат (в то время, ввиду демобилизации армии, многие солдаты уезжали домой), оставшиеся, узнав об этом, срыли гору.

Становилось все хуже и хуже. Особенно худое наступило тогда, когда у семьи были отняты средства. Это случилось 12 февраля. В этот день была получена из Москвы телеграмма, – не помню, от кого именно, – устанавливавшая новый режим для заключенных. До этого содержание Царской семьи принимала на себя казна. Жизнь Царской семьи была приличной; уклад жизни соответствовал тем требованиям, в которых /так!/ жил бывший Император и его семья. Новым распоряжением уже большевитской власти ей оставляли только квартиру, отопление и освещение. Все остальное должно было быть свое[5]. Царская семья и все, кто жил с ней, должны были жить на свои средства. Но и в этом отношении нас притесняли. Я хотел прибегнуть к частному заработку: давать частные уроки в городе. Мне не позволили солдаты сделать этого и предложили покинуть дом, если мне не на что жить, оставаясь там.

По правилам, установленным большевиками, вся Царская семья могла жить, тратя в месяц на свое содержание и на содержание всей прислуги 4 200 рублей в месяц[6].

Такой режим, конечно, дурно отразился на ее благополучии. Со стола совершенно исчезли такие предметы, как кофе, масло, сливки. Испытывали большую нужду в сахаре, которого отпускалось по 1/2 фунта на человека в месяц. Обед состоял только из двух блюд. Людям, привыкшим от рождения к другим условиям жизни, все это было тяжело и гораздо тяжелее, чем иным людям, не знавшим такой жизни, какую знали эти люди.

Отсутствие средств, необходимость экономить их приводили к тому, что нельзя было оплачивать, как бы следовало, труд певчих, когда они пели за домашними богослужениями. Певчие предложили петь даром. Им дали уменьшенное вознаграждение.

Пришлось значительно сократить штат прислуги и уволить 10 человек.

Постепенно становилось все хуже и хуже. Настроение солдат, в конце концов, ухудшилось настолько, что однажды Кобылинский, отчаявшись справиться с ними, заявил Государю о своем намерении сложить с себя полномочия. Государь просил его остаться, и Кобылинский подчинился просьбе Государя.

Чтобы скрасить несколько жизнь, в особенности детям, мы ставили разные маленькие пьесы, в которых принимали участие дети. Государь старался найти забвение в физическом труде. Он пилил дрова с Татищевым, Долгоруковым, с дочерьми, со мною. Он занимался с Алексеем Николаевичем, преподавая ему историю и географию.

Однако, как ни старался владеть собой Государь, при всей его выдержанности, он не мог скрыть своих ужасных страданий, которым он подвергался преимущественно со времени Брестского договора. С ним произошла заметная перемена. Она отражалась на его настроении, духовных переживаниях. Я бы сказал, что этим договором Его Величество был подавлен, как тяжким горем.

В это именно время Государь несколько раз вел со мной разговоры на политические темы, чего он никогда не позволял себе ранее. Видно было, что его душа искала общения с другой душой, чтобы найти себе облегчение. Я могу передать смысл его слов, его мысли. До Брестского договора Государь верил в будущее благополучие России. После же этого договора он, видимо, потерял эту веру. В это время он в резких выражениях отзывался о Керенском и Гучкове[7], считая их одними из самых главных виновников развала армии. Обвиняя их в этом, он говорил, что тем самым, бессознательно для самих себя, они дали немцам возможность разложить Россию. На Брестский договор Государь смотрел как на позор перед союзниками, как на измену России и союзникам. Он говорил приблизительно так: „И они смели подозревать Ее Величество в измене? Кто же на самом деле изменник?"

На главарей большевитского движения Ленина, Троцкого Государь определенно смотрел как на немецких агентов, продавших Россию немцам за большие деньги.

Отношение Его и Ее Величества к немецкому правительству и к главе его императору Вильгельму, ввиду Брестского договора, было исполнено чувства презрения. Они оба выражали свои чувства за то, что немецкое правительство и император Вильгельм унизили себя до общения с большевиками и до таких приемов борьбы.

Так жили мы февраль и март. 30 марта из Москвы вернулся один какой-то солдат, посланный зачем-то в Москву от нашего солдатского комитета. Он привез Кобылинскому от Цика /так!/ бумагу, в которой говорилось, что наш режим должен быть отныне строже, что все должны переселиться в Губернаторский дом, и что на днях приедет особый комиссар с особыми полномочиями. 9 апреля такой комиссар приехал. Это был Яковлев. Он пришел к нам в дом впервые 10 апреля и был принят Государем. Тогда же он посетил больного Алексея Николаевича. Скоро после этого он ушел и опять вернулся уже с каким-то своим помощником (фамилии последнего я не знаю). Оба они опять посетили Алексея Николаевича. В этот же день Яковлев был принят Государыней. На Государя Яковлев произвел хорошее впечатление, и Его Величество говорил мне про него, что он человек „не дурной, прямой".

Для всех нас было полнейшей загадкой, для чего приехал Яковлев. Эта загадка разъяснилась 12 апреля. В этот день в 2 1/2 часа дня Яковлев явился к Государю и объявил ему, что он должен увезти его с собой. Государь категорически ответил Яковлеву, что он не поедет никуда из Тобольска, так как он не может оставить больного сына (Алексей Николаевич тогда был болен; у него повторилась та же самая болезнь, что и в Спале в 1912 году, с той лишь разницей, что ушиб повлек за собой паралич правой ноги), что он вообще не желает оставлять семьи. Тогда Яковлев заявил Государю, что он исполняет возложенное на него поручение и что ему, ввиду отказа Государя, остается сделать выбор: отказаться от исполнения поручения, и тогда могут прислать другого, менее гуманного человека, или же прибегнуть к насилию. В то же время он сказал Государю, что с ним могут ехать и другие лица. Ничего не оставалось делать, как только подчиниться требованию Яковлева. Все, что я Вам сейчас рассказал, я знаю со слов Ее Величества. Все это она рассказывала сама мне.

Никто не знал, куда именно увозят Государя. Его Величество спросил об этом Яковлева. Яковлев дал ответ, который в действительности не исчерпывал вопроса. Кобылинский же передал нам, что Яковлев назвал ему сначала Москву, но потом сказал, что место пока ему самому неизвестно, что об этом он получит указания в пути следования[8].

Все случившееся было большим ударом для семьи. Вся семья ужасно страдала. Ее Величество мучилась в выборе решений, что ей делать: ехать ли с Государем или остаться с Алексеем Николаевичем. Она решила, что она должна ехать с Его Величеством. Тогда же было решено, что с ними поедет Мария Николаевна. Вся остальная семья осталась до выздоровления Алексея Николаевича.

Отъезд был назначен Яковлевым в 4 часа утра 13 апреля. С вечера в 10 часов мы все вместе пили чай. Государь и Государыня со всеми простились и всех благодарили за службу.

В 3 часа утра были поданы экипажи. Это были ужасные экипажи: плетеные „телеги" (тележки) , на длинных „палках" (дрожинах), без всякого сиденья. Приходилось садиться прямо на дно и вытягивать ноги. Только одна телега имела „капот" (верх). Мы эту телегу решили использовать для Ее Величества. Почти ничего не было на дне этих телег. Пошли на двор, где находились свиньи служащего Кирпичникова. Там для них была солома. Эту солому положили в телегу с капотом и, кажется, также подложили в другие телеги. Потом в телегу с капотом еще положили матрас. Государь хотел ехать с Ее Величеством и Марией Николаевной. Но Яковлев потребовал, чтобы Государь ехал с ним. Они уехали 13 апреля в пятом часу утра.

Уехали, следовательно, следующие лица, которых я уже указывал Сергееву: Государь с Государыней и Марией Николаевной, Боткин, Долгоруков, Чемодуров, Седнев и Демидова. Сопровождали их 6 человек наших стрелков и два офицера: Матвеев и Набоков. Кроме того, было еще несколько человек из отряда Яковлева.

Спустя некоторое время один из кучеров, отвозивших Государя и других лиц, привез коротенькую записочку от Марии Николаевны. Она писала, что едут в очень тяжелых условиях: плохая дорога, плохие экипажи. Потом пришла на имя Кобылинского телеграмма от Набокова, извещавшего о прибытии в Тюмень.

Совершенно неожиданно для нас 20 апреля была получена Кобылинским телеграмма от Матвеева, что Государь и все другие оставлены в Екатеринбурге. Это для нас было полной неожиданностью. Все мы думали, что Государя везут в Москву.

24 апреля от Государыни пришло письмо. Она извещала в нем, что их поселили в двух комнатах Ипатьевского дома, что им тесно, что они гуляют лишь в маленьком садике, что город пыльный, что у них осматривали все вещи и даже лекарства. В этом письме в очень осторожных выражениях она давала понять, что надо взять нам с собой при отъезде из Тобольска все драгоценности, но с большими предосторожностями.

Она сама драгоценности называла условно „лекарствами". Позднее, на имя Тяглевой[9], пришло письмо от Демидовой, писанное, несомненно, по поручению Ее Величества. В письме нас извещали, как нужно поступить с драгоценностями, причем они были названы „вещами Седнева".

25 апреля в Тобольск вернулись офицеры Набоков и Матвеев и пять стрелков из шести. (Шестой не вернулся, и я не знаю, где он остался.) Они рассказали нам всем следующее.

Яковлев повез Государя по направлению к Омску. Не доезжая, приблизительно, верст сто до Омска, он отцепил паровоз и уехал в Омск. Затем ое вернулся, повернул поезд и прибыл в Екатеринбург. Здесь екатеринбургскими комиссарами поезд был задержан. Долгоруков был арестован и с вокзала отправлен в тюрьму. Все стрелки и офицеры также были арестованы и помещены в какой-то подвал, где их продержали два дня и выпустили только на третий, после их протестов. Смысл рассказа был такой, что можно было понять, что остановка поезда в Екатеринбурге была неожиданностью для Яковлева. Он, по их словам, метался туда и сюда, но сделать ничего не мог. Тогда он будто бы уехал в Москву и с дороги известил о сложении им с себя полномочий телеграммой на имя или Кобылинского или Хохрякова, председателя Тобольского совдепа.

Мы стали готовиться в дорогу. С драгоценностями мы поступили так. Часть их положили в чемодан. Часть княжны надели на себя. Часть использовали вместо пуговиц. Это было сделано таким образом. Отпороли на некоторых костюмах княжен пуговицы и драгоценные предметы, обернутые ватой и обшитые затем шелком, пришили к костюмам вместо пуговиц.

26 апреля в дом пришел впервые председатель совдепа Хохряков. После этого он стал очень часто ходить к нам в дом и торопил нас с отъездом. Помню, 6 мая[10], в день именин Государя, княжны хотели, чтобы было домашнее богослужение. Хохряков не позволил этого: некогда.

7 мая, часов в 11 утра, мы все сели на пароход Русь и отбыли часа в 3 дня. Ехали все те лица, которых я называл раньше Сергееву. Нас сопровождал отряд

под командой Родионова; отряд больше состоял из латышей. Родионов держал себя очень нехорошо. Он запер каюту, в которой находился Алексей Николаевич с Нагорновым /так!/, снаружи. Все остальные каюты, в том числе и великих княжен, по его требованию, были не заперты на ключ изнутри.

9 мая утром мы прибыли в Тюмень и в тот же день сели в поезд. В Екатеринбург мы приехали 10 мая часа в 2 утра. Всю ночь нас таскали с вокзала на вокзал. Приблизительно часов в 9 утра поезд остановили между вокзалами. Шел мелкий дождь. Было грязно. Подано было 5 извозчиков. К вагону, в котором находились дети, подошел с какими-то комиссарами Родионов. Вышли княжны, Татьяна Николаевна имела на одной своей руке любимую собаку[11]. Другой рукой она тащила чемодан, с трудом волоча его. К ней подошел Нагорнов и хотел ей помочь. Его грубо оттолкнули. Я видел, что с Алексеем Николаевичем сел Нагорный. Как разместились остальные, не помню. Помню только, что в каждом экипаже был комиссар, вообще кто-то из большевитских деятелей.

Я хотел выйти из вагона и проститься с ними. Меня не пустил часовой. Я не думал тогда, что вижусь с ними в последний раз, и даже не думал, что буду отстранен от них.

После этого наш поезд подали к вокзалу. Часа через три после этого я видел, как вывели из вагона Татищева, Гендрикову и Шнейдер и куда-то повели. Потом, несколько позднее, пришли к нашему вагону и взяли от нас Харитонова, маленького Седнева, Волкова и Труппа. Забыл упомянуть, что с детьми ехал еще и доктор Деревенько.

Спустя некоторое время к нам пришел Родионов и сказал нам, что мы „не нужны" и „свободны".

В наш вагон перешла баронесса Буксгевден. Кажется, дня через три мы получили от совдепа приказ (бумагу нам передал кто-то из лакеев) – покинуть пределы Пермской губернии и ехать обратно в Тобольск. Мы ехать не могли, так как путь был не свободен ввиду наступления где-то чехов. Несколько дней мы были в Екатеринбурге. Я ходил по городу и смотрел дом Ипатьева снаружи. 14 или 15 мая я видел следующее. Я шел с доктором Деревенько (Вы меня не так поняли: я не говорил Вам, что он уехал с детьми; я хотел сказать, что он остался в городе, где остались дети; он несколько дней был с нами в вагоне, а потом нашел себе комнату), – и мистером Гиббсом. Когда мы шли мимо дома Ипатьева, я видел такую сцену. На извозчике сидел лакей Седнев с солдатом, имевшим винтовку со штыком. На другого извозчика садился Нагорный. Когда он поднял глаза на нас, он нас увидел, узнал нас и долго и пристально на нас глядел. Но он не сделал ни одного жеста, который бы дал понять другим людям, бывшим около нас, что он нас знает. Извозчики, окруженные конными солдатами, быстро поехали к центру города. Мы быстро следовали за ними, пока могли. Но они скрылись от нас по тому направлению, где, как мы узнали, была тюрьма.

В числе 18 человек мы выехали к Тюмени. В Камышлове нам совдеп запретил дальше ехать. Мы здесь стояли целых 10 дней. Было грязно, холодно; кругом были болезни. Едва нас прицепили к какому-то сербскому поезду и мы прибыли в Тюмень. Мы все страдали. Но я не хочу по такому делу говорить о своих страданиях.

Во второй половине августа ко мне пришел Чемодуров. Это было в Тюмени, где я жил. Он мне сказал: „Слава Богу, Государь, Ее Величество и дети живы. Все же остальные убиты". Он мне говорил, что был в комнате /дома?/ Ипатьева, где расстрелян „Боткин и другие". Он говорил, что он видел трупы расстрелянных Седнева и Нагорнова и узнал их по платьям; что их положили в гроб и похоронили. Он рассказывал мне, что всех их одели в солдатское платье и увезли. Он, вероятно, так предполагал, потому что он говорил мне о волосах, которых он много видел в доме: как будто бы там нарочно стригли людей[12]. Мне трудно было понимать Чемодурова, потому что он говорил без всякой системы.

Он мне рассказывал, что режим Царской семьи был ужасен, что их притесняли. Они все ели вместе за одним столом, без скатерти. С ними обедал комендант Авдеев, часто пьяный, без кителя. Чемодуров рассказывал, что Авдеев неприлично

и оскорбительно вел себя с Государем. Желая взять с общей тарелки себе какое-нибудь блюдо, он тянулся рукой между Государем и Ее Величеством и локтем задевал Государя по лицу, сгибая руку. Княжны, по приезде в Екатеринбург, спали на полу: не было для них кроватей. Большевики отобрали у Ее Величества какую-то сумочку, бывшую у нее на руке, отняли золотую цепь, на которой были образки у постели Алексея Николаевича.

После прихода ко мне Чемодурова я вместе с мистером Гиббсом поехали в Екатеринбург к Сергееву, чтобы ему помогать: нам Чемодуров сказал, что он ведет расследование. Я был с Сергеевым и мистером Гиббсом в доме Ипатьева. Я видел комнату, где были следы пуль в стене и на полу. Стена и пол были уже выбелены[13], В доме я нашел „два египетских знака", которые Ее Величество имела обыкновение ставить часто на своих вещах, как знак благополучия: порт-бонер. Она их делала вот так: 卐 Один из таких знаков я нашел в спальне Ее Величества на обоях около кровати, другой был на косяке у окна какой-то комнаты, где был египетский знак и дата, написанные карандашом: „17/30 Апреля", день приезда Их Величеств в Екатеринбург[14].

Кроме того, я обратил внимание на печи. Все комнаты наверху были полны обгорелыми предметами. Я здесь узнавал очень много их уничтоженных вещей. Тут были зубные, головные щетки, шпильки, масса разных мелких вещей. На ручке одной из щеток, почти сгоревшей (она из белой кости) я различил инициалы „А. Ф.".

На меня произвело впечатление, что если они увезены, то „без ничего", „в чем были". Все вещи, которые они взяли /бы/ с собой, если бы они куда-либо переезжали по своей воле, были сожжены. Вот какое это на меня произвело впечатление. Но я скажу, что, уйдя из этого дома, я не верил тогда в их гибель. Мне казалось, что в комнате, которую я видел, так было мало места, где сидели пули, что я не верил в расстрел всех их.

После моего возвращения из Екатеринбурга в Тюмень, спустя значительное время, уже зимой, ко мне пришел Волков. Я не узнал его сначала, так как в газетах я читал, что после покушения на Ленина были расстреляны Гендрикова, Шнейдер и Волков[15], (упоминалось много других еще лиц). Волков рассказывал нам (мне, Буксгевден, Тяглевой, Эрсберг и другим), что он из вагона прямо был отправлен в Екатеринбургскую тюрьму. Затем отсюда с Гендриковой и Шнейдер он был переведен в Пермскую тюрьму. В Екатеринбургской же тюрьме сидел Татищев. Но его взяли однажды из тюрьмы и куда-то увели. Более он не возвращался в тюрьму. Что сталось с Татищевым, трудно было понять со слов Волкова. Он говорил, что в руках Татищева он видел приказ от большевиков покинуть пределы Пермской губернии. Содержась в Пермской тюрьме, Волков сидел там вместе с камердинером Михаила Александровича. Называл ли он фамилию этого камердинера, не помню[16]. Со слов этого камердинера он рассказывал следующее. Однажды ночью к Михаилу Александровичу, когда он проживал в Перми, явились четверо вооруженных людей. Один из них навел на этого самого камердинера пистолет и приказал ему не трогаться. Остальные на словах /так!/ сказали Михаилу Александровичу, что он должен следовать за ними. Михаил Александрович отказался сделать это и ответил, что он подчинится только тогда, когда к нему придет какой-то член совдепа, которого он лично знает. Тогда один из вооруженных подошел к великому князю, взял его за ворот сзади, тряхнул и что-то сказал, приблизительно так: „Вот еще один из Романовых...". Прибавил ли он какое-либо бранное слово, я не могу сказать.

Однажды увели из тюрьмы Волкова, Гендрикову, Шнейдер и других и привели в лес. Волков понял, что их хотят расстрелять. Он бежал. А когда избежал опасности и находился в лесу, он слышал на том месте, где остались другие, залпы. Он думает, что это расстреливали Гендрикову и других. Его самого большевики считали убитым, потому что в него стреляли и, когда он упал случайно, они думали, что он убит, потому что он слышал сзади голос: „Готов".

Я вижу предъявленное мне Вами фотографическое изображение рамки для портрета (предъявлен фотографический снимок рамки, описанной в п. „а" 1-м

протокола 10 февраля сего года)[17]; таких рамок у Царской семьи было очень много, так много, что я затрудняюсь сказать что-либо про нее, принадлежит ли она Царской семье или нет.

Сергеев показывал мне серьгу. Я думаю, что это серьга Государыни. У Ее Величества были такие серьги. Она их очень любила, и я часто снимал Ее Величество, когда она имела их на себе. Я представляю Вам еще два снимка моих, на которых она, по моему мнению, изображена в тех именно серьгах, одну из которых мне показывал Сергеев (свидетелем были представлены два фотографических снимка с Государыни).

Бриллиантовый камень, который мне показывал Сергеев, я признаю за один из тех, который был вместо пуговицы пришит к костюму одной из княжен.

Такого изумрудного креста, который мне показывал Сергеев, я не видел никогда.

Про палец, который мне показывал Сергеев, я ничего абсолютно не могу сказать: очень трудно судить, кому он принадлежал.

Также и про челюсть я ничего не могу сказать положительно. Но Боткин имел искусственную челюсть.

Относительно вещей, изображения которых Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические снимки с вещей, описанных в п.п. „а", 2–6, 9–15, „б", „д", протокола 10 февраля сего года), я ничего не могу сказать.

Я вижу две предъявленных мне Вами пряжки от туфель с камнями (предъявлены две пряжки, описанные в п. 2-м протокола 15–16 февраля сего года); такие пряжки были на туфлях у княжен.

Они также носили на шее такие белые бусы, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены бусы, описанные в пункте 1-м того же протокола).

Пряжка, которую Вы мне показываете (предъявлена пряжка, описанная в п. 4-м того же протокола), мне думается, от пояса Алексея Николаевича; мне ее уже показывал раньше Сергеев. Ее Величество иногда употребляла при работе большие очки. Предъявленное мне Вами стекло (предъявлено стекло, описанное в п. 12-м того же протокола) мне напоминает стекло от очков Ее Величества.

Я, конечно, ничего не могу сказать про два стекла, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены стекла, описанные в пункте 13-м того же протокола); Боткин пользовался иногда пенсне, причем оно было в оправе только у переносицы. (Очки Ее Величества были, как мне кажется, в черепаховой оправе. И я должен сказать, что меня немного смущает лишь то, что это стекло как будто бы несколько велико для ее очков.)

Предъявленные мне Вами пуговицы (предъявлены пуговицы, описанные в п. 14-м того же протокола), возможно, что и от шинели Государя, но, конечно, сказать, что это так именно, я не могу.

Относительно всех остальных вещей, которые я сейчас вижу (предъявлены все остальные вещи, описанные в протоколе 15–16[18] февраля сего года), я ничего сказать не могу.

Дневник, который я сейчас вижу (предъявлен дневник, описанный в протоколе от 27 февраля сего года)[19], я положительно признаю за дневник Гендриковой. Я знаю ее руку.

Показание мое Вами мне прочитано. Я прошу Вас исправить его и дополнить следующее.

/.../

Свои показания я Вам даю с указанием точных дат потому, что я имею у себя некоторые записи пережитых мной событий. Везде я указываю даты по старому стилю.

Вы неверно написали, что Алексей Николаевич уехал из вагона в Екатеринбурге с Нагорным. Это не так. Нагорный остался с нами в вагоне, и на следующий день он уехал с Родионовым и с вещами, надо думать, в Ипатьевский дом. Спустя несколько дней после этого я и видел его около Ипатьевского дома, как я Вам и говорил.

Я не помню, от кого я слышал, что Белобородов приезжал принимать Царскую семью из вагонов.

Приказ о нашем выезде из Пермской губернии я передал служителю Сергею Иванову[20]. Он его, кажется, передал в милицию в Тюмени, но хорошо не знаю этого.

Когда я был в Ипатьевском доме, я сам видел остриженные волосы. Чьи они были, я сказать не могу. От кого-то я слышал, что к ним в дом был допущен парикмахер. Я об этом писал Сергееву.

Относительно судьбы Михаила Александровича Волков, со слов камердинера, рассказывал еще следующее. Михаил Александрович принужден был подчиниться насилию вооруженных людей и пошел за ними. Один же из вооруженных остался около камердинера, чтобы он не мог известить никого о случившемся. Когда он ушел, камердинер кинулся в совдеп и рассказал там, что произошло. В совдепе произошел переполох, но все-таки члены совдепа не поспешили начать погоню за теми, кто увел Михаила Александровича. Спустя, приблизительно, час они стали искать Михаила Александровича. Трудно было что-либо определенное понять из слов Волкова о судьбе Михаила Александровича. Сообщаю, со слов Волкова, как подробность. Когда Михаил Александрович пошел за неизвестными, камердинер ему крикнул: „Ваше Высочество, не забудьте взять лекарство с камина". Из слов Волкова можно было понять, что камердинер, рассказывавший ему о Михаиле Александровиче, остался в тюрьме, когда Волкова повели на расстрел. В тюрьму же этот камердинер попал через несколько дней после увода Михаила Александровича.

Про шерстинки-нитки, которые Вы мне сегодня предъявляли, я ничего не могу Вам сказать. Слишком их мало, чтобы можно было судить по их внешнему виду о какой-либо одежде. Трудность еще увеличивается тем, что неизвестно, от одной ли это одежды или от нескольких шерстинки.

Показание мое мне прочитано, записано Вами правильно.

Жильяр.
Судебный следователь Н. Соколов.

160

ПРОТОКОЛ

1919 года, марта 6 дня. в г. Тобольске товарищ прокурора Тобольского окружного суда Т. Ф. Соловьев, вследствие поручения прокурора суда, опрашивал нижепоименованного, и он показал:

Я, Иона Анатольевич Литухин, начальник Тобольской судебной милиции, живу в г. Тобольске, Большая Архангельская, д. Криваикова.

С самых первых дней революции и по настоящее время я состою начальником Тобольской судебной милиции и могу удостоверить, что за время пребывания в г. Тобольске семьи б. Императора никаких сведений об открытии белогвардейского заговора с целью похищения Царя и его семьи ко мне не поступало.

Кроме арестов и обысков, в связи с приездом в г. Тобольск в августе 1917 г. фрейлины Хитрово, других каких-либо контрреволюционных заговоров открыто не было. Приезд Хитрово, как выяснилось потом, также ничего преступного в себе не заключал, и самое дело о Хитрово, как мне известно, было прекращено[1].

Больше показать по настоящему делу ничего не могу. Прочитано.

Литухин.

Добавляю: Во время пребывания в Тобольске семьи б. Государя начальником городской милиции состоял Сергей Волокитин, который в настоящее время на службе не состоит и проживает вне г. Тобольска.

Литухин.
Товарищ прокурора Соловьев.

161

ПРОТОКОЛ

1919 года, марта 9 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии нижепоименованных понятых производил дальнейших осмотр конвертов, описанных в протоколе от 27 февраля сего года, и находящихся в них предметов.

По осмотру найдено следующее:

/.../

4. Конверт № 6.

На этом конверте /черного цвета/ чернилами и тем же Дилем написано следующее: „Конверт № 6. 1. Текст телеграммы комиссара Белобородова № 4869 (2 экз.). 2. Удостоверение (черновик. копия) тов. Толмачева. 3. Обрезок экстренного отзыва на имя тов. Сибрина. 4. Ордер от 19.VII на грузовик, писанный красн. чернилами (всего шесть лоскутков, одного не достает). 5. Обрывок удостоверения (кр. чернилами) тов. Толмачева. 7. Начало текста телеграммы „всем советам" о белогвардейском заговоре (3 экз.)".

Конверт заклеен сургучом. В нем оказались следующие предметы:

а. Отпечатанная на пишущей машине, при помощи синей ленты, телеграмма № 4869, в двух экземплярах. Оба эти экземпляра являются, видимо, копиями подлинной телеграммы, напечатанной одновременно с копиями при помощи переводной бумаги. (Возможно, что синий цвет текста телеграммы происходит от цвета не ленты, а бумаги.)

Содержание телеграммы следующее: *„Вне очереди. Пермь. Военкому Лукоянову. Королевские Сыромолотову. Подкрепление задержите. Белобородов. 20 июля 1918 г. № 4869. Телеграмму принял"*[2].

В этом тексте указание номера телеграммы цифрой, самое обозначение „№" и слова „телеграмму принял" писаны чернилами черного цвета от руки.

Второй экземпляр телеграммы совершенно тождественен с первым, но в нем отсутствуют слова „телеграмму принял". Указание же номера цифрой и самое обозначение номера „№" сделаны, видимо, одной рукой.

б. Проект телеграммы в количестве трех экземпляров.

Один из них напечатан на пишущей машине синим шрифтом на бланке для подачи телеграмм, а два других на листах простой писчей бумаги, видимо, при помощи переводной бумаги. Проект представляет собой лишь начало телеграммы.

Содержание телеграммы следующее: *„Всем советам. Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала – Екатеринбургу – ввиду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда скобка раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя скобка"*... на этом обрывается текст телеграммы[3].

в. Проект удостоверения на имя „товарища Георгия Гурьева Толмачева".

Этот проект напечатан на пишущей машине на бланке, имеющем обозначение: „Российская Федеративная Республика Советов. Уральский Областной Совет Рабочих, Крестьянских и Армейских Депутатов Президиум".

Проект имеет дату „19 июля", без указания года. Проект никем не подписан. Содержание текста следующее: „Предъявитель сего товарищ Толмачев Георгий Гурьевич уполномачивается Президиумом Областного Совета Рабочих, крестьянских и армейских Деп. сопровождать эвакуируемые из Екатеринбурга бумаги и денежные суммы Президиума Областного Совета. Место остановки известно тов. Толмачеву. Все военные и гражданские власти и железнодорожные организации должны оказывать товарищу Толмачеву полное содействие. Председатель Областного Совета"[4].

/.../

5. Конверт № 7-й.

На этом конверте такими же чернилами и тем же Дилем написано: „Конверт № 7. /.../" В нем оказались следующие предметы:

/.../

ж. Маленький листик разграфленной синими линиями бумаги, на котором имеется запись черными чернилами и карандашом. Как будто бы почерк, коим сделана запись, напоминает почерк Императора. Содержание записи следующее: „... расхищают казну и иноплеменники господствуют. В бедах отчизны они думают о себе. Чтобы скоро водворилась тишина и благоденствие... насильственное пострижение тяжелая смерть... Вот что называется „нет ни праведному венца, ни грешному конца". Что за времена: всякий творит, что хочет. Вот картина настоящего. В народе разврат, Царск. Престол колеблется и своим падением грозит сокрушить надолго, может быть, навсегда могущество и славу русских. На стеклах не легкие узоры, а целые льдины"[5].

/.../

10. Конверт № 12-й.

На этом конверте такими же чернилами и тем же Дилем написано: „Конверт № 12. /.../ 3. лист бумаги с названиями семи городов. 4. простая узенькая повязка".

/.../

в. Лист бумаги, на котором карандашом написано: „Вятка. Пермь. Екатеринбург. Казань. Москва. Петроград. Ялта".

г. Белый коленкоровый бантик.

/.../

Понятые. Судебный следователь Н. Соколов.

162

Начальник Военного контроля
при Уполномоченном по охранению
государственного порядка и
общественного спокойствия
в Пермской губернии.
11 марта 1919 г.
№ 1497/В. К.

Совершенно секретно.

Прокурору Екатеринбургского
окружного суда.

По приказанию Уполномоченного командующего Сибирской армией по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии при сем препровождаю на распоряжение две сводки сведений на Царскую семью.

Приложение: две сводки.

Подполковник Белоцерковский.
Помощник начальника,
поручик (подпись неразборчива)

Форма № 2

Отделения Военного контроля при Уполномоченном по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

СВОДКА СВЕДЕНИЙ
на Царскую семью

Почтово-телеграфный чиновник Сибирев, состоявший на службе в Екатеринбургской почтово-телеграфной конторе, свидетельствует, что проживающая в селе Уктус Анфисова Таиса Васильевна (муж ее инвалид) ему говорила, что в доме инвалидов в Перми после занятия Екатеринбурга проживали великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны вместе с фрейлиной и что в этом же доме хранилось много имущества, принадлежащего Царской семье, о чем имелись отметки на ящиках, и вывезенного на Вятку.

/К/ № 1427/В.К. 11/III 1919 г.

Форма № 2

Отделения Военного контроля при Уполномоченном по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

СВОДКА СВЕДЕНИЙ
на Царскую семью

Почтово-телеграфные чиновники штаба Северо-Урало-Сибирского фронта в бытность большевиков, коим командовал Берзин, кои сейчас состоят на службе в почтово-телеграфной конторе города Екатеринбурга, Сибирев, Бородин и Ленковский могут засвидетельствовать разговор по прямому проводу Ленина с Берзиным, в котором первый приказывал Берзину взять под свою охрану всю Царскую семью и не допустить каких бы то ни было насилий на ней, отвечая в данном случае своей (т. е. Берзина) собственной жизнью[6].

/К/ № 1497/В.К. 11/III 1919 года.

163

ПРОТОКОЛ

1919 года, марта 12 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил дальнейший осмотр предметов, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом.

По осмотру найдено следующее:

Предметы, значущиеся по описи члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева № 15, в группе 3, под рубрикой 18-й.

Эти предметы находятся в особом пакете, опечатанном сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда. На пакете чернилами черного цвета сделана надпись: „3 телеграммы и 4 (четыре) бумаги, содержащих в себе переписку о жильцах дома Ипатьева. К № 18".

В этом пакете оказались следующие предметы:

/.../

2. Телеграмма № 2729.

Телеграмма имеет общий вид телеграммы, написанной черным карандашом на обыкновенном телеграфном бланке.

Она содержит 30 слов и значится: а) поданной в Москве 20 июня 1918 года в 14 часов 6 минут, б) принятой в Екатеринбурге 23 июня 1918 года.

Содержание ее следующее[1]: *„Екатеринбург председателю совдепа В Москве распространились сведения что будто бы убит бывший император Николай второй сообщите имеющиеся у вас сведения Управляющий делами совета народных комиссаров Владимир Бонч Бруевич[2] 499".*

На этой телеграмме черным карандашом положена резолюция: „Копию телеграммы сообщить Известиям и Уральскому рабочему". Ниже синим карандашом написано: „о жильцах дома Ипатьева". По этому тексту чернилами черного цвета написано: „В дело Цар.". Ниже текста телеграммы черным карандашом написано: „к делу о жильцах в д. Ипатьева".

3. Телеграмма № 814.

По форме она такая же, как и описанная.

Она содержит 18 слов и значится: а) поданной в Москве 21 июня в 19 часов 26 минут, б) принятой в Екатеринбурге 24 июня 1918 года.

Содержание ее следующее: *„Екатеринбург Президиуму Совдепа. Срочно сообщите достоверности слухов убийстве Николая Романова вестнику точка комиссар по пта Старк 887"*[3].

На телеграмме красным карандашом сделана отметка: „Ответ посл.". Ниже текста телеграммы черным карандашом написано: „К делу о жильцах д. Ипатьева".

4. Телеграмма № 819.

Она такая же по форме, как и предыдущие.

Телеграмма содержит 17 слов и значится: а) поданной в Москве 24 (видимо, июня же) 1918 года в 15 часов 15 минут, б) принятой в Екатеринбурге 24 (видимо, июня) 1918 года.

Содержание ее следующее: *„Екатеринбург Воробьеву[4] точка Прошу срочно сообщить достоверности слухов убийстве Николая Романова очень важно точка Комиссар пта Старк".*

На этой телеграмме красным карандашом сделана отметка: „Ответ послан".

Все отметки и резолюции на телеграммах, описанных в пунктах 2–4 сего протокола, кроме резолюции, начинающейся словами: „копию телеграммы", и резолюции, сделанной черными чернилами, сделаны, видимо, одной рукой.

5. Отпуск отношения № 918.

Отношение писано на пишущей машине при помощи синей ленты или через переводную бумагу синего цвета.

Оно имеет дату 8, видимо, мая. Писано оно на бланке „Совета Рабочих и Солдатских Депутатов".

Содержание его следующее: *„Начальнику Штаба 2 района Резерва Красной армии.*

Исполнительный Комитет просит Вас в срочном порядке выяснить, кто живет рядом с домом Ипатьева по Вознесенскому проспекту. Коменданту Особой охраны важно знать жильцов около дома Ипатьева. Товарищ Председателя Исполнительного Комитета. Секретарь".

Отпуск этот подписей не имеет. На нем черным карандашом сделана отметка: „О жильцах дома Ипатьева"[5].

6. Отпуск отношения № 2157.

Оно писано на пишущей машине, на простом листе писчей бумаги и, судя по цвету шрифта, видимо, было писано одновременно с подлинником через переводную бумагу.

Содержание его следующее: „*Комиссару Продовольствия.*

Президиум Исполнительного Комитета просит Вас выдать продовольственные карточки на семь человек жильцов дома Ипатьева по Вознесенскому проспекту.

Карточки прислать в Исполнительный Комитет для передачи Коменданту Особой охраны. Товарищ Председателя Исполнительного Комитета[6]. *Секретарь*".

Подписей на отпуске нет. Имеется сделанная черным карандашом надпись: „О жильцах Дома Ипатьева".

7. Подлинное отношение комиссара продовольствия от 3 июня за № 5606.

Оно напечатано на пишущей машине на бланке: „Российская Федеративная Республика. К. П. Екатеринбургский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Комиссариат продовольствия. 3 июня 1918 г. № 5606. Г. Екатеринбург. Успенская ул. д. № 26. Телефоны общий 8-40. Комиссара 3-41".

Содержание этого отношения следующее:

„*В Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Армейских Депутатов г. Екатеринбурга.*

На основании отношения Совета от 8 мая за № 2157 Комиссариат Продовольствия предложил 9 Участковому Продовольственному Комитету выдать семь комплектов карточек на жильцов дома Ипатьева по Вознесенскому проспекту.

В ответ на это предложение Участковый Комитет сообщил, что карточки для дома Ипатьева выданы на 9 человек гр. Щербакову 13 мая по предъявлении письменной просьбы и мандата о поручении гр. Щербакову продовольствовать дом особого назначения.

Ввиду изложенного Комиссариат просит сообщить, какое число карточек нужно для жильцов дома Ипатьева. За Комиссара Продовольствия А. М. (остальных букв фамилии нет), заведующий Участковым Комитетом А. Сундуков. Делопроизводитель Карточного Отдела... (подпись неразборчива)".

В тексте слово „Ипатьева" (последнее в содержании) написано карандашом вместо зачеркнутого слова: „Игнатьева".

На этом отношении красным карандашом написано: „На 11 челов."[7]. Ниже этой отметки одной буквой обозначена, видимо, фамилия того лица, которое положило эту резолюцию, но разобрать характера этой буквы не представляется возможным.

Ниже текста черным карандашом сделана отметка: „Секр. Относится к делу о жильцах дома Ипатьева".

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

164

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, марта 13 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил дальнейший осмотр предметов, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом 9 февраля сего года.

По осмотру найдено следующее:

1. Предметы, значущиеся по описи члена суда Сергеева № 15, в группе 3-й под рубрикой 7.

Предметы эти помещаются в конверте, опечатанном мастичной печатью Екатеринбургского окружного суда. На конверте химическим карандашом Сергеевым сделана надпись: 1. Расписка Медведева в получении 1080 р. /так!/ 2. Список наряда на караульные посты в доме Ипатьева. К прот. осм. от 11 авг. № 7"[8].

В конверте оказались следующие предметы:

а. Лист белой писчей бумаги, разграфленной синими линиями. Он представляет собой обрывок листа и имеет в длину 22 и в ширину 17 сантиметров.

На одной стороне его чернилами черного цвета написано следующее: „20 июля 1918 года получил Медведев денег для выдачи жалования Команде дома особого назначения получил от коменданта дома Юровского десять тысяч восемь сот рублей 10800 рублей. получил Медведев".

Весь текст этой расписки, несомненно, писан одним и тем же лицом. Ниже текста расписки цветным синим карандашом одним и тем же почерком написаны следующие слова: „Медведев дурак", „Кабан", „Храрршо" или „Храррто" или „Храрриго" (точно не удалось разобрать), „Фрайкем", „Лейбгрардия", „Харад..." (окончание не удалось разобрать), „Соловьев", „Егор Максимов", „Сельм" или „Сельн", причем слово „Кабан" повторяется 4 раза[9]. Все эти слова, написанные ниже текста расписки, писаны, видимо, малограмотным человеком.

На оборотной стороне листа бумаги написаны следующие слова и фразы: „Алексей", „Александр", „Петр", „Софья", „комендант дома особого", буква „А" с росчерками, причем все эти слова, кроме фразы „комендант дома особого", писаны, несомненно, одним лицом, видимо, недостаточно сильным в грамоте и письме. Слово „Алексей" один раз написано синим карандашом, семь раз чернилами черного цвета, четыре раза через „ѣ" и три раза через „е". Все остальные слова писаны такими же чернилами. Фраза „комендант дома особого" писана черным карандашом и, видимо, грамотным человеком. На этой же стороне листа имеются два мастичных красных оттиска печати: „Областной Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала". Затем имеется мастичный фиолетовый оттиск штемпеля: „Российская Федеративная Республика. Областной Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Армейск. Депутатов Урала. Комендант дома особого назначения . . . .191 . . . .№. . . .г. Екатеринбурге".

Этот лист бумаги сильно измят. Как видно из дела (л. д. 35 об. Том 1-й), этот документ был найден Сергеевым в печи дома Ипатьева.

б. Лист писчей бумаги, также разграфленной синими линиями. Он оторван от большого листа и имеет в длину 30 и в ширину 22 сантиметра.

Эта бумага имеет полное сходство по своему внешнему виду с бумагой листа, описанного в пункте „а". Только она несколько пожелтела, видимо, более выцвела. Размер графления у нее такой же, как и у бумаги в пункте „а". Этот лист сложен в несколько раз.

На одной стороне листа имеются записи фамилий мужчин. Все записи разбиты по группам. Всех групп 5. Перед четырьмя группами вверху каждой из четырех групп указано время, видимо, смен караулов. Лишь пятая группа не имеет таких указаний. Кроме того, почти против всех фамилий имеются цифры или буква „с", иногда также указан определенно пункт, у которого, очевидно, неслось дежурство тем или иным лицом. Против некоторых фамилий имеются кресты. Пятая группа, не имеющая вверху обозначения времени, расположена на листе бумаги от конца листа, а не от начала, так как вся верхняя часть листа занята двумя группами, ниже которых расположены две остальные, так что для пятой группы остался на листе только один угол листа: нижний, правый (если положить лист перед наблюдателем).

Сохраняя орфографию и обозначения, представляется возможным изобразить написанное на листе бумаги следующим образом:

„Лесников 7 Смен двух	2-я смена шести.
Вяткин 6	вяткин пулеме
Проскуряков 4	корзухин 8
Дроздов 5	дмитриев пулем
Путилов 3	скороходов 9
Смородяков 9	пелегов 3
Дерябин 8	Клещев 3
Лабышов	Котов 5

Хохряков Натер
Варакушов внизу
Фомин 2
Логинов 1

устинов 6
Бруслянин 7

додвух
Котегов с
русаков с
зайцов (или зайков)
сафонов с
орлов
талапов пу
подкорытов с

додесяти
турыгин пуле
чуркин
алексеев
теткин
с попов
с Садчиков п
с Старков
с Шевелев п

Варакушов
Путилов
Лесников
Смородяков
Хохряков
Устинов
Осокин
Клещев
Мудозвонов, Брус
Прохоров
Романов
Вяткин
дерябин
скороходов
дмитриев
Корзухин
пелегов"

В таком виде изображены группы на листе бумаги, но, как уже указано выше, это изображение сделано на одной стороне листа.

В первой группе слово „лесников", цифра „7", состоящая против этой фамилии, слова „смен двух", во второй группе слово „Клещев", слова над второй группой „2-я смена шести", все фамилии третьей группы, слова над ней „додвух", обозначение в этой группе против фамилии „талапов" пункта словом „пу", слова над четвертой группой „додесяти", все фамилии четвертой группы, обозначения в этой группе против фамилии „Турыгин" словом „пуле" и против фамилии „Садчиков" и „Шевелев" буквами „п" „п", все фамилии пятой группы сделаны химическим карандашом. Все остальные слова, цифры и буквы сделаны черным простым карандашом.

В первой группе против фамилии Путилова, Смородякова и Варакушова чернилами черного цвета проставлены палочки. Во второй группе против фамилии Клещева и Устинова также чернилами – крестики. В первой группе против фамилии Логинова и в третьей группе против фамилии Талапов черным карандашом поставлен знак – V. Все фамилии пятой группы отмечены крестиками, сделанными чернилами черного цвета, а против фамилии Лесникова, Осокина и Клещева стоят по два крестика.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

ПРОТОКОЛ

1919 года, марта 13 дня, товарищ прокурора Тобольского окружного суда Т. Ф. Соловьев, вследствие поручения прокурора суда производил осмотр 1) производства прокурора суда по делу по обвинению Маргариты Хитрово и других по 101 ст. угол. улож. и во 2) предварительного следствия мирового судьи 2-го участка Тобольского уезда по делу о распространении в г. Тобольске агитации, направленной против существующего в России государственного строя, причем оказалось следующее:

В производстве имеется телеграмма министра председателя Керенского следующего содержания:

„Тобольск Прокурору Суда Вне очереди. Из Петрограда. Расшифруйте лично и если комиссар Макаров или член думы Вершинин Тобольске, то их присутствии. точка. Предписываю установить строгий надзор за всеми приезжающими на пароходе в Тобольск, выясняя личность и место откуда выехали равно путь которым приехали а также место остановки точка Исключительное внимание обратите приезд Маргариты Сергеевны Хитрово[10] *молодой светской девушки, которую немедленно на пароходе арестовать, обыскать отобрать все письма паспорты и печатные произведения все вещи не составляющие личного дорожного багажа, деньги; обратите внимание на подушки; во-вторых, имейте в виду вероятный приезд десяти лиц из Пятигорска могущих впрочем прибыть и окольным путем точка. Их тоже арестовать, обыскать указанным порядком точка*[11]*. В виду того, что указанные лица могли уже прибыть Тобольск произведите тщательное дознание и случае их обнаружения арестовать обыскать тщательно выяснить с кем виделись точка У всех кого видели произвести обыск и всех их впредь до распоряжений из Тобольска не выпускать, имея бдительный надзор точка Хитрово приедет одна, остальные вероятно вместе точка Всех арестованных немедленно под надежной охраной доставить Москву прокулату точка Если они или кто-либо из них проживал уже Тобольске произвести тотчас обыск доме обитаемом бывшей царской семьей, тщательный обыск, отобрав переписку возбуждающую малейшее подозрение, а также все непривезенные ранее вещи и все лишние деньги точка Об исполнении предписания по мере осуществления указанных действий телеграфировать шифром мне и Прокулату Москву, приказания которого подлежат исполнению всеми властями точка Прошу Макарова или Вершинина телеграфировать, какой у них шифр точка нумер 2992.*

Министр Председатель Керенский."

Из производства далее видно, что во исполнение означенного предписания Керенского 18 августа 1917 года прокурорским надзором и чинами милиции произведены были обыски у Хитрово и других лиц, проживающих в Тобольске, с кем она виделась, не давшие, однако, положительных результатов, причем Хитрово была арестована и отправлена под охраной в Москву. В конце производства имеется телеграмма прокурора Московской судебной палаты Стааля от 21 сентября 1917 года, из которой видно, что дело Хитрово прекращено и препятствий к приезду ее в Тобольск не встречается[12].

Предварительное следствие мирового судьи возникло 31 декабря 1917 года. Поводом для его возникновения послужило дознание милиции, расследование исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов о титуловании во время богослужения 25 декабря 1917 года дьяконом Евдокимовым[13] б. Императора и его семьи „величествами и высочествами" и о приносе в необычное время иконы Абалакской Божией Матери в г. Тобольск, в связи с циркулировавшими слухами о имевшейся в городе Тобольске монархической организации. Из дела усматривается, что после допроса целого ряда лиц следствие, при постановлении мирового судьи от 30 ноября 1918 года, направлено к прекращению за отсутствием состава

преступления и определением Тобольского окружного суда от 2 декабря того же года, по этим мотивам, прекращено. Более по осмотру ничего существенного не найдено.

Товарищ прокурора Соловьев.

166

ПРОТОКОЛ

1919 года, марта 14 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов получил от члена Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеева второй том его следственного производства об убийстве Государя Императора Николая Александровича на 88 листах с вещественными доказательствами, описанными им в протоколах от 28 января и 4 февраля сего года[14]. Опись всему принятому оставлена у Сергеева для представления ее суду.

Судебный следователь Н. Соколов.

167

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1919 г., марта 14 дня, судебный следователь 2 Уч. округа Владивостокского окружного суда в г. Владивостоке в поезде генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса, в его личном присутствии и в присутствии прокурора Владивостокского окружного суда, равно приглашенных в качестве понятых – состоящих при генерал-лейтенанте Дитерихсе капитане Владимире Артуровиче Гирш и поручике Павле Яковлевиче Начарове, в порядке 315–321 ст. ст. уст. угол. суд., вследствие отдельного требования судебного следователя по особо важным делам округа Омского окружного суда Н. А. Соколова от 11 февраля 1919 г. за № 42[1], производил осмотр пакета, предъявленного сего числа генерал-лейтенантом Дитерихсом, причем по осмотру оказалось следующее:

Пакет, завернутый в белую бумагу, перевязанный крестообразно бечевкой и запечатанный личной сургучной печатью генерал-лейтенанта Дитерихса, с инициалами „М. Д."

По вскрытии пакета в нем оказались нижеследующие вещи:

1. Деревянная дощечка от иконы, с погнутым металлическим колечком, длиною 3 1/2 дюйма, шириною 2 1/2 дюйма. На обратной стороне дощечки имеется надпись, сделанная карандашом: „Спаси и сохрани. Мама. 1917 г. Тобольск", а сверху надписи поставлен карандашом крестик.

2. Деревянная дощечка с неясными остатками изображения лика святого, длиною в 2 1/2 дюйма, шириною в 2 дюйма. На обратной стороне имеется неясная надпись на славянском языке, причем представляется возможным разобрать только одно слово: „скорбящих"[2].

3. Белая маркизетовая блузка, размером для взрослой женщины, грязная, совершенно целая, отделанная прошивкой и вышитая гладью на груди, на рукавах и на воротнике. На груди, кроме того, имеется три группы белых маленьких пуговичек – по шести в каждой. На блузке в нескольких местах имеются следы ржавчины.

4. Грязный белый батистовый дамский носовой платочек, обшитый кругом узеньким кружевом. Углы его вышиты гладью: в 3-х углах – точки, а в 4-м – ветка с цветком. Платочек этот без метки.

5. Грязный, совершенно целый, дамский мешок-сумочка, затягивающийся витыми черными шнурами, из черной шелковой материи, с подкладкой из серого шелка.

6. Розовая шелковая с серыми отливами ленточка, длиною в 1 метр, шириною в 1 сантиметр, в нескольких местах запачканная грязью[3].

7. Черный муаровый военный галстук, с нашитой на нем лентой ордена св. Владимира, причем лента перерезана наискось в месте, где подвешивается орден. Подкладка галстука достаточно поношена. Как подкладка, так и самый галстук, запачканы грязью. Крючок, петля и пряжка на ленточной застежке покрыты ржавчиной[4].

8. Георгиевская лента, длиною в 6 1/2 дюйма, шириною в 1 дюйм, запачкана грязью и покрыта пунцовыми пятнами[5].

Черной шелковой кофточки и кусочка муаровой ленты в означенном пакете не оказалось и таковых, по заявлению генерал-лейтенанта Дитерихса, в его распоряжении совсем не было.

На сем осмотр был окончен, и протокол всем присутствующим был прочитан и ими подписан, а осмотренные вещи были упакованы и запечатаны печатью судебного следователя и снабжены соответствующей надписью.

И. д. судебного следователя Зеленецкий.
Генерал-лейтенант Дитерихс.

Понятые.

Присутствовал прокурор Владивостокского окружного суда Любодзецкий.

168

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1919 года, марта 14 дня, судебный следователь 2-го участка Владивостокского окружного суда в г. Владивостоке в поезде ген.-лейт. М. К. Дитерихса, в присутствии прокурора Владивостокского окружного суда, на основании отдельного требования судебного следователя по особо важным делам округа Омского окружного суда Н. А. Соколова от 11 февраля 1919-го года за № 42-м[6], допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443-й ст. уст. угол. суд., который показал:

Виктор Сергеевич Боткин, 47 лет, православный, подполковник Приморского драгунского полка (ныне служу секретарем Великобританского Е. В. консульства во Владивостоке), живу по Корейской ул. № 18/20, кв. 2, под судом не был, по делу посторонний (Евгения Сергеевича Боткина родной брат).

Родной брат мой Евгений Сергеевич Боткин состоял лейб-медиком при Ее Величестве Государыне Императрице Александре Федоровне. В последний раз я виделся с братом перед моим отъездом в Пензу из Петрограда в конце 1915-го или в начале 1916-го года. В то время у него было несколько вставных зубов в верхней и нижней челюсти. Полной искусственной челюсти у него не было. Предъявленная мне Вами, г. следователь, искусственная челюсть (предъявлена челюсть, полученная сего числа от ген.-лейт. Дитерихса) мне не знакома, но могла легко принадлежать моему брату, т. к. при упомянутом нашем последнем свидании у него зубы были в очень плохом состоянии.

Я хорошо помню, что брат всегда, даже в домашней обстановке, носил черный галстук военного образца с лентой ордена св. Владимира 3-ей ст. Предъявленный мне галстук (был предъявлен галстук, осмотренный по протоколу от сего числа)[7] – тождественный с теми галстуками, которые имел привычку носить брат, но утверждать, что ныне предъявленный мне галстук безусловно принадлежит моему брату, – не могу.

Более ничего показать не имею. Показание мне прочитано.

В. Боткин.

И. д. суд. следователя Зеленецкий.

Присутствовал прокурор Владивостокского окружного суда Любодзецкий.

169–174

Секретно.

Господину судебному следователю Омского окружного суда по особо важным делам.

Агента Екатеринбургского уголовного розыска
С. И. Алексеева.

В дополнение к дознанию по делу об убийстве бывшего Императора Николая II-го и его семьи сообщаю, что по собранным мною далее сведениям по этому делу оказалось следующее.

169

Гражданин Рязанской губ., Сапожковского уезда, Пригородской вол. и слободы Иван Владимиров Усков, живущий по Гоголевской ул. дом № 41 объяснил, что он бывший подрядчик по постройке жел. дор., домовладелец г. Екатеринбурга, имеющий каменоломню близ ст. Исеть жел. дор. Боясь большевиков, он скрывался от них и жил около ст. Исеть Пермской жел. дор. в 25 верст. от г. Екатеринбурга, скрывался на покосах и в других местах. По временам тихонько, не показываясь большевикам, наезжал домой. Дома у него находилась жена Мария Васильева, которая навещала его по временам[8].

В 15 число июля нов. стиля он, прибыв домой, узнал, что ему в этот день, незадолго до его приезда, доставлена в дом повестка Чрезвычайной следственной комиссии в г. Екатеринбурге, которой он вызывается на 12 число июля в Чрезвычайную комиссию, находившуюся в Американской гостинице. Несмотря на то, что повестка эта /была/ ему доставлена в дом с значительным пропуском срока вызова, так как он вызывался ею в комиссию на 12 число июля, а получил он повестку только 15 числа, он озабочен был явкой в комиссию и не знал, что делать – являться или нет, а в то же время и не показывался большевикам, делая вид, что его нет дома. Слухи тогда уже ходили о неустойчивом положении большевиков в гор. Екатеринбурге, так как чехи были уже недалеко от города.

Будучи знаком с двумя агрономами: Михаилом Ефимовым Горбуновым и Павлом Акимовым Жуковым, служившими у большевиков в комиссариате снабжения, один из коих – Горбунов – ушел с большевиками, а другой – Жуков – остался в г. Екатеринбурге, где и проживает в настоящее время, он увидался с ними и посоветовался по поводу явки его по повестке в Чрезвычайную комиссию, а в то же время спросил их, насколько устойчиво положение большевиков в Екатеринбурге ввиду наступления чехов. Они ему тогда определенного ответа не дали и посоветовали ему пока в комиссию по повестке не являться и послать к ним за ответом по этому поводу в комиссариат снабжения через день жену его, а самому не показываться большевикам. Тогда он поручил своей жене Марии Васильевой

сходить к Горбунову и Жукову за ответом в комиссариат снабжения, а сам уехал снова по направлению к ст. Исеть. День этот был, как он хорошо запомнил, понедельник 15 июля нов. стиля. /Так/ как случай этот составляет памятное событие для него, он оставил у себя и сохранил до сих пор повестку о вызове его в Чрезвычайную комиссию на 12 число июля. (Означенную повестку Усков предъявил мне при расспросе.) Комиссаром снабжения, в котором /так!/ служили упомянутые агрономы Горбунов и Жуков, состоял некто Войков. С личностью Войкова он мало знаком и потому рассказать о нем ничего не может[9].

Через день после указанного события, а именно в среду 17-го июля утром, жена его, Ускова Мария Васильева, сходила за ответом в комиссариат снабжения, где служили Горбунов и Жуков. Прийдя в комиссариат, она застала там весьма суетливое состояние, шум и беготню всех служащих, из чего ей стало сразу видно, что у большевиков происходит что-то неладное. Через некоторое время ее пригласили к себе Жуков и Горбунов и сообщили ей, что город эвакуируется, большевики уходят и что ему, Ускову, не надо теперь являться в следственную комиссию. Когда она пошла из комиссариата к себе домой, то уже увидала на столбах в улицах города вывешенные объявления советской власти о том, что город эвакуируется, и таким образом окончательно убедилась, что большевики оставляют город. Событие это Усков также хорошо запомнил, что это было в среду 17 июля нов. стиля[10]. В городе, по словам жены Ускова, было много разговора среди народа по поводу ухода большевиков и наступления чехов. Жена его Мария Васильева, будучи обрадована уходом большевиков из города в тот же день на лошади поехала к нему, Ускову, с известием об этом.

Кучер у ней тогда был Андрей Деридерцев, живущий в настоящее время в г. Екатеринбурге по Восенцовской ул., дом № 134. Едучи к ст. Исеть жел. дор., куда дорога ведет через Верх-Исетский завод и дер. Коптяки, жена его Мария Васильева встретила двух человек, ехавших верхами на лошадях ей навстречу по направлению от дер. Коптяков к Верх-Исетскому заводу. Личностей этих людей она до этого не знала, но невдалеке от места ее встречи с ними, около дороги, она увидала знакомого ей техника Ивана Аркадьева Фесенко[11], который работал шурф /так!/ для добычи руды, и от него узнала, что это проехали большевитские комиссары, одного из которых зовут Юровский, а другого он назвал фамилию, но она не припомнит[12]. Едучи далее, она еще встретила одного не знакомого ей лица /так!/, по-видимому, латыша, ехавшего также верхом по направлению от дер. Коптяков к Верх-Исетскому заводу. Местность, где она встретила этих лиц, она хорошо определить не может, но это было за Верх-Исетским заводом, около разъезда горнозаводской линии жел. дор. „Шувакаш" /так!/ или далее его к дер. Коптякам. Встретила она их приблизительно часа в 4 дня. Один из указанных двух лиц, ехавших верхами, был одет в частной одежде, а другой в солдатской форме. Люди эти, повстречавшись с ними, спросили кучера его жены Деридерцева, можно ли тут проехать на автомобиле, на это им кучер сказал, что на автомобиле проехать нельзя, так как дорога очень плохая[13].

Съездивши к нему, Ускову, на ст. Исеть, жена его Мария Васильева через день возвращалась обратно в г. Екатеринбург через дер. Коптяки и Верх-Исетский завод. Ехала также на лошади, с другим кучером Василием Ковалевым, живущим в настоящее время на ст. Исеть. В это время уже дорога оказалась исправлена, и в то же время заметно было на дороге след проезжавшего автомобиля по направлению к дер. Коптякам. Когда они проезжали через дер. Коптяки, то жители деревни их предупредили не ездить далее, так как около дороги стоит красноармейская охрана и не пропускает в город и Верх-Исетский завод. Несмотря на это, жена его, Ускова, поехала далее на Верх-Исетский завод и проехала благополучно до города, так как охраны уже в то время не оказалось. Было это часов в 8 утра 19 июля. На дороге им попадали /так!/ две женщины, шедшие от Верх-Исетского завода к дер. Коптякам, которые говорили им, что в это утро, когда они шли из Верх-Исетского завода, то охрана красноармейцев еще была и их не пропускали идти, а затем охрану сняли[14].

170

Жена Ивана Владимирова Ускова – Мария Васильева – подтвердила весь рассказ Ускова в отношении поездки в указанное время на ст. Исеть через Верх-Исетский завод и дер. Коптяки вперед и обратно, встречи ехавших верхами лиц и Фесенко и что один из указанных лиц, по словам Фесенко, был комиссар Юровский, личность которого она до этого совсем не знала, другие двое совсем ей неизвестные. Место встречи с ними она, Ускова, положительно определить не могла, отзывалась непонятностью определять места в дороге, но знает, что это было за Верх-Исетским заводом.

171

По собранным сведениям, согласно поручения г. прокурора Екатеринбургского окружного суда от 13 января за № 198, из расспросов путевого сторожа переезда № 120, называемого „Шувакищ" /так!/, находящегося на горнозаводской линии Пермской жел. дор. в 10 верстах от г. Екатеринбурга по дороге на дер. Коптяки чрез Верх-Исетский завод – екатеринбургского мещанина Михаила Федорова Дубровина и жены его Степаниды Павловой выяснилось, что однажды летом, в минувшем году, они видели автомобиль, засевший в грязи саженях в 50 от будки. Автомобиль этот был по виду грузовик и следовал по дороге от дер. Коптяков на Верх-Исетский завод. Был ли какой груз на этом автомобиле и кто на нем ехал, они не заметили. Когда именно это было, они не знают, но пояснили, что это было после мая месяца, когда еще в Екатеринбурге были большевики. Сами они живут в этой будке только с мая месяца мин. года. Была ли местность оцеплена красноармейцами в том крае, они отозвались, что не замечали. Переезд, у которого находится их будка, стоит на малой дороге, ведущей из г. Екатеринбурга чрез Верх-Исетский завод на дер. Коптяки.

/.../

172

Жена сторожа будки № 803, находящейся у переезда Кунгурской линии жел. дор. в 1 версте от Верх-Исетского завода по дороге на дер. Коптяки – Екатерина Васильева Провалова, происходящая из гражд. Березовской вол. и завода, Екатеринбургского уезда, объяснила, что ныне летом, незадолго до ухода большевиков из г. Екатеринбурга, какого числа – не знает, как-то однажды под вечер она видела прошедшие через переезд жел. дор. по дороге на дер. Коптяки два автомобиля, из коих один был легковой и другой – грузовой. На легковом автомобиле сидел комиссар Голощекин, личность которого она узнала с тех пор, как сделался переворот в государстве с царского строя, и когда Голощекин на площади у кафедрального собора в г. Екатеринбурге ораторствовал при большом стечении народа, вставая на стол. На грузовом автомобиле чего-то везли, покрытое серым, автомобиль был загружен до половины стенок, на нем сидело 3–4 неизвестных ей людей.

На другой день утром, на рассвете, она видела, как означенные автомобили возвращались обратно по дороге из дер. Коптяков в город, причем комиссар Голощекин ехал на легковом автомобиле и спал, видимо, от утомления в ночь. Тогда же Екатерина Павлова /так!/ видела другой грузовой автомобиль, следовавший по дороге на дер. Коптяки, в котором везли 3 бочки значительного размера, и было тоже 3–4 человека людей[15].

В то же время местность далее по дороге на дер. Коптяки была оцеплена красноармейцами, и оцепление это держалось /дня/ 2 или 3. Красноармейцы не пропускали ни пеших, ни конных проходить или проезжать по той дороге и не пускали в лес людей ходить за грибами и ягодами. Провалова указала некоторых лиц,

ходивших в то время за грибами и ягодами в указанную местность, которые, по выяснению их личностей, будут спрошены. Что делали в указанной местности большевики и красноармейцы – Провалова отозвалась незнанием.

173

Муж Проваловой – Иван Александров Провалов – гражданин Березовской вол. и завода, сторож будки № 803, находящейся на Кунгурской линии жел. дор., подтверждая рассказ своей жены – Екатерины Васильевой – об оцеплении местности по дороге на дер. Коптяки красноармейцами, добавил, что он автомобиля с бочками, следовавшего на дер. Коптяки, не видал, так как в то время, когда проходил этот автомобиль, не был дома, а также не видел легкового автомобиля с комиссаром Голощекиным. Грузовой автомобиль с каким-то грузом проходил по дороге на дер. Коптяки ночью.

Будучи в г. Екатеринбурге в дни, указанные его женой, он видел, что на Уктусской улице около б. пивного склада Злоказова красноармейцами поспешно грузились какие-то бочки с одного автомобиля на другой.

174

Гражданин Верх-Исетской вол. и завода Николай Михайлов Рогозинников и жена его Елена Антонова, состоящий сторожем /так!/ Верх-Исетского общественного кордона, находящегося у переезда Кунгурской жел. дор. по дороге на дер. Коптяки в том же месте, где живет в будке № 803 Иван Провалов с женой, объяснила /так!/, что она видела летом незадолго до оставления большевиками гор. Екатеринбурга, как по дороге на дер. Коптяки были провезены на 3-х длинных телегах-роспусках 3 бочки. Были ли они чем наполнены, не знает, размером – похожие на керосиновые. Тогда же провозили в ту сторону три воза дров и паровую машину, при которой были пожарные рукава и какие-то трубки[16]. Было это еще при большевиках, т. е. когда они еще не ушли из Екатеринбурга, но незадолго до ухода их из города.

В то же время местность по дороге на дер. Коптяки окарауливалась красноармейцами, и они не разрешали ходить и ездить в означенную местность. Караул у них стоял в местности около 4-х братьев, верстах в 5 от дер. Коптяков к Верх-Исетскому заводу. Караул этот видел, между прочим, лесник Дмитрий Иванов Краснов, живущий в Верх-Исетском заводе. Гражданка Верх-Исетского завода Анна Палкова (отчества ее не знает), Семен Петров Комаров, живущий в том же заводе и другие.

Для какой надобности возились бочки, дрова и паровая машина в указанную местность – не знает. Бочки и паровую машину возили на заводских лошадях Верх-Исетского завода, в числе которых было мастью карих и одна серая. Личностей возивших указанные предметы на лошадях они ни одного не знают.

Спустя несколько времени после этого они видели также, как провозили паровую машину в указанную местность уже после ухода большевиков из г. Екатеринбурга. В этот раз паровая машина провозилась больше размером, чем в первый раз[17].

Дальнейшие сведения по этому делу, согласно добытых указаний, мною собираются.

При этом прилагаются две фотографических карточки причастного к делу военного комиссара Верх-Исетского завода Петра Захарова Ермакова[18].

Агент Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

№ 16
16 марта 1919 года.

Казанская судебная палата
18 марта 1919 г. Г. прокурору Екатеринбургского окружного суда.
№ 146.

Препровождаю при сем, для приложения к делу об убийстве бывш. Императора Николая II и его семьи, выписки из газет „Вестник Маньчжурии" (№ 31) и „Амурская Жизнь" (№ 33).

Прокурор Казанской судебной палаты Миролюбов.
Секретарь И. Родионов.

Препровождается г. судебному следователю по особо важным делам Н. А. Соколову.

Марта 25 дня 1919 года № 2669.

Прокурор Екатеринбургского окружного суда В. Иорданский.
Секретарь Б. Богословский.

СВЕДЕНИЯ О НИКОЛАЕ 2 И ЕГО СЕМЬЕ

В газете напечатаны следующие сведения о семье Романова.

„Мы кратко сообщали вчера, что царь и его семья живы. По сообщению „Майничи Хроникль" дело обстоит следующим образом: друг одного из корреспондентов английской газеты „Морнинг Пост", только что прибывший из Петрограда, рассказывает, что великий князь Кирилл[1] получил 18 ноября письмо от великой княжны Татьяны, в котором говорится, что царица и великие княжны находятся в безопасности и что царь расстрелян не был.

Согласно этого письма, один большевитский офицер вошел к царю и объявил ему, что он назначен для приведения в исполнение смертного приговора. На вопрос – нет ли способа избежать этого, он ответил, что сам он относится к этому индеферентно /так!/, но что ему нужно иметь обезображенное тело, как доказательство приведения в исполнение данного ему приказания. Какой-то граф (имя которого в письме не упоминается) предложил себя на место царя. Царь настойчиво протестовал. Но граф настаивал, и большевитский офицер кончил спор тем, что застрелил графа, согласно его желанию. В это время царь воспользовался моментом и скрылся неизвестно куда.

Согласно письму, это может быть правдой, но кажется маловероятным. Британский двор едва ли одел бы траур (что много критиковалось некоторыми кругами общества)[2], если бы не было достаточных доказательств того, что несчастный царь был действительно умерщвлен, как об этом сообщает само большевитское правительство".

С подлинным верно:

И. д. производителя (подпись).

Выписка из газеты „Вестник Маньчжурии".

„К СУДЬБЕ НИКОЛАЯ II.

Корреспондент „Нью-Йорк Таймса", г. К. Аккерман, сообщил в свою газету следующие сведения, написанные личным слугой отрекшегося царя Домниным[3], не оставлявшим семьи Романовых до последней возможности – до 15 июля 1918 года, когда в доме Ипатьева появилась красная гвардия и увезла узника с намерением расстрелять. Было ли так в действительности, отзывается газета, сказать трудно. Есть и показания, что он и его семья были убиты, но есть и обратные – что все они были взяты из места заключения и спасены друзьями; только годы могут разоблачить эту трагическую тайну, но некоторый свет на эти события бросают показания Парфена Алексеевича Домнина, – материал, который получил в

свое распоряжение упомянутый Карл Аккерман. Вот что написал Домнин для корреспондента.

„Начиная с первых дней июля, над городом появлялись аэропланы и летали довольно низко, бросая иногда бомбы[4], в большинстве не приносившие вреда. В то же время появились и слухи, что чехословаки приготовляются занять город. В один из таких вечеров Николай вернулся со своей обычной прогулки по саду в необычном возбуждении; помолившись перед иконою Николая Чудотворца, он бросился на кровать, не раздеваясь; никогда раньше он так не делал.

– Позвольте мне Вас раздеть, – сказал я.

– Не беспокойся, старина[5], – ответил Николай, – у меня тяжело на сердце, и я чувствую, что уж недолго проживу. Может быть, сегодня... – и бывший царь не кончил фразы.

– Бог с Вами, что Вы говорите, – возразил я. И он рассказал мне, что во время прогулки в саду он получил известия о заседании специального комитета совдепа казачьих и красноармейских депутатов Урала, которое должно вырешить его судьбу, ввиду слухов, что он собирается бежать к чехословакам, в свою очередь обязавшимся будто бы вырвать его из рук советов.

– Я не знаю, что может случиться, – сказал Николай в заключение.

Царь содержался под строжайшим надзором: ему не позволялось ни покупать газет, ни даже выходить, сверх краткого времени для прогулок; прислуга постоянно обыскивалась, и меня один раз, например, заставили снять решительно все с себя, подозревая, что я проношу письма[6]. Еду давали скудно, да и то она состояла, главным образом, из картофеля и селедок. Хлеба же давали по полфунта в день на каждого члена семьи. Царевич все это время болел. Раз он вбежал в комнату отца в слезах и, совершенно вне себя, бросился на руки к отцу и, сквозь рыдания, едва выговорил:

– Милый папа, они хотят тебя застрелить.

– Воля Божия во всем, – ответил царь. – Но, милый мальчик, будь спокоен, будь спокоен. Где мама?

– Мама плачет.

– Поди, попроси маму перестать плакать. Божия воля должна свершиться.

– Папа, папа, – плакал царевич, – ты и так уже много страдал, за что же они хотят тебя убить?

– Алексей, – сказал царь, – я прошу тебя об одном, пойди и успокой маму.

Царевич вышел, а Николай стал на колени перед иконой и долго молился. Он вообще проводил за молитвой много времени; и если пробуждался по ночам, то уже больше не засыпал, а все время молился.

Лишь иногда ему разрешалось видеть царицу „Алису", как он звал ее. Раз и она пришла в слезах и сказала:

– Ты должен привести все свои письма и документы в порядок, дай свои последние распоряжения и завещание.

После этого Николай часто проводил ночи за письмами. Он написал много; среди писем были: к дочерям, к брату Михаилу Александровичу, к дяде Николаю Николаевичу, генералу Догерту, князю Гендрикову, графу Олсуфьеву, принцу Ольденбургскому, графу Сумарокову-Эльстон и многим другим[7]. Он не запечатывал письма, потому что их тщательно цензировали /так!/ в советах, и случалось нередко, что письма возвращались с пометкою: „не отправлять". Часто Николай целыми днями ничего не ел и все молился; было ясно, что он сильно беспокоился и болел сердцем. Поздним вечером, 15 июля, в комнату царя вошел комиссар охраны и объявил:

– Гражданин Николай Александрович Романов, вы должны отправиться со мной в заседание совета рабочих, казачьих и красноармейских депутатов Уральского округа.

– Скажите откровенно, – возразил Николай, – что вы желаете увести меня для расстрела.

– Нет, не опасайтесь, – ответил комиссар, улыбаясь. – Вас требуют на заседание.

Николай поднялся с кровати, одел свою серую солдатскую рубаху, сапоги, опоясался и вышел с комиссаром. Два солдата стояли у двери, а три других окружили и стали обыскивать б. царя. После этого один из латышей пошел впереди, царя поставили за ним, потом стал комиссар, в хвосте – остальные солдаты. Николай Александрович не возвращался долго, почти два с половиной часа. Он был очень бледен, и подбородок его нервно дрожал.

– Дай мне, старина, воды, – сказал он мне.

Я принес, и он залпом выпил большой стакан.

– Что случилось? – спросил я.

– Они мне объявили, что через три часа я буду расстрелян, – ответил мне царь.

На заседании, в присутствии Николая II, были прочитаны все детали контрреволюционного заговора тайной организации „защиты родины и свободы". Там указывалось, что организация стремилась подавить „рабоче-крестьянскую революцию, подстрекая массы против советской власти, обвиняя советы во всех злодействах и несчастьях, постигших страну, которые были причинены всему свету империализмом, войною, кровопролитиями, голодом, недостачей работы, расстройством транспорта, продвижения /так!/ немцев и т. д." Организация намерена была объединить все не советские фракции и социалистов наравне с монархистами.

Документы указывали, что всех своих намерений организация не смогла осуществить из-за несогласия правого крыла с левым и что во главе заговора стоял личный друг царя – генерал Догерт. В организацию входили и представители рабочих кругов, как то князь Кропоткин, ген. шт. полковник Сукарт, инженер Ильинский и др. Были также причины думать, что Савинков был в непосредственных сношениях с этой организацией и что именно Савинков предполагался во главе нового Правительства, как военный диктатор[8]. Все эти лица соблюдали очень строгую конспирацию. Боевую группу в Москве составляли около 700 офицеров; но после их переправили в Самару, где и ожидались подкрепления от союзников для восстановления уральского фронта, которым отделялась бы Великороссия от Сибири. Затем, когда дело уже началось бы, предполагалось мобилизовать всех сочувствующих, свергнуть советы и вновь выступить против Германии.

Документально указывалось, что в заговоре участвовали такие социалистические партии, как народные социалисты, правые социал-революционеры, отчасти – меньшевики, в согласии с кадетами. Главный штаб организации находился в сношениях с генералом Дутовым и Деникиным[9] За самые же последние дни был обнаружен и еще новый заговор, которым, при содействии генерала Дутова, предполагалось вырвать Николая II из советских рук. Кроме того, там же на заседании указывалось, что царь поддерживал секретную переписку с личными друзьями, с генералом Догертом, который, якобы, в одном из писем советовал царю приготовиться к возможности освобождения.

Ввиду такого положения вещей и решения эвакуировать Екатеринбург, совещание решило предать царя Николая Александровича смертной казни без дальнейшего промедления.

– Гражданин Николай Романов, – объявил председатель совета, – объявляю вам, что вы располагаете тремя часами на устройства своих дел. Стража, я предупреждаю вас, – иметь строжайшее наблюдение за Николаем Романовым и не спускать с него глаз.

Вскоре после возвращения Николая II с заседания к нему вошла Александра Федоровна с царевичем; оба плакали. Царица упала в обморок и был призван доктор. Когда она оправилась, она упала на колени перед солдатами и молила о пощаде. Но солдаты отозвались, что это не в их власти.

– Ради Христа, Алиса, успокойся, – сказал Николай II несколько раз тихим голосом.

Он перекрестил жену и сына, подозвал меня и сказал, поцеловав:

– Старина, не покидай Александры Федоровны и Алексея; ты знаешь, у меня никого больше нет, и не останется никого помочь им, когда меня уведут.

Впоследствии выяснилось, что, кроме жены и сына, никого не допустили попрощаться с Николаем II. Царь, его жена и сын оставались вместе, пока не прибыл председатель совета с пятью другими солдатами и еще двумя рабочими, членами совета.

– Оденьте пальто, – сказал председатель царю.

Николай II не потерял самообладание и стал одеваться. Он еще раз затем поцеловал и перекрестил жену, сына и слугу и, оборотясь к прибывшим, сказал:

– Теперь я в вашем распоряжении.

Царица и царевич забились в истерике, и, когда я бросился помочь им, председатель сказал мне:

– Это вы можете сделать потом, теперь же не должно быть никакого промедления.

– Позвольте мне идти за моим господином, – просил я.

– Никто не должен сопровождать его, – ответил председатель.

Царя взяли и увели, никому неизвестно куда, и тою же ночью он был расстрелян 20-ю красноармейцами.

Еще до рассвета, тою же ночью, 15 июля, председатель совета пришел опять. С ним было несколько красноармейцев, доктор и комиссар охраны. Они вошли в ту же комнату, где содержался царь, и доктор оказал помощь потерявшим чувство Александре Федоровне и царевичу. После того председатель совета спросил доктора:

– Можно ли взять их немедленно?

– Да, – ответил тот.

– Граждане Александра Федоровна Романова и Алексей Романов, – объявил председатель, – вы будете увезены отсюда; вам разрешается взять только самое необходимое, не свыше 30 или 40 фунтов.

Стараясь владеть собою, мать и сын бросались из стороны в сторону и были скоро готовы. Председатель не разрешил им попрощаться со своими близкими и все время торопил их[10].

– И вы, старик, – сказал он мне, – уходите прочь отсюда. – Теперь никого не останется, кому бы вы могли служить.

И, обращаясь к комиссару, он приказал:

– Завтра же вы должны убрать его отсюда.

Царицу и ее сына взяли в автомобиль и куда увезли – неизвестно. Наутро комиссар велел мне уйти и позволил взять несколько вещей бывшего царя; все же документы и письма были взяты стражею. Мне было очень трудно раздобыть даже железнодорожный билет, потому что вокзал и все вагоны занимались красноармейцами, увозившими ценные вещи из города".

Далее корреспондент приводит уже известный материал из „Утра Сибири" и рассказывает об истории предположенного в 1905 году отречения, что тоже нашей печати известно. Вот все, что мы можем пока знать из показаний человека, свыше двадцати лет и до конца бывшего ближайшим слугою несчастного царя.

С подлинным верно:

И. д. делопроизводителя (подпись).

176

М.В.Д.
Директор Департамента милиции
21 марта... дня 1919 г.
гор. Омск. № 376 *Секретно.*
По особому отделу
(3 отделение) Директору 1 Департамента Министерства юстиции.

Препровождая при сем выписку из протокола допроса содержащегося в Омской областной тюрьме Николая Арсеньева Саковича, Департамент милиции сооб-

щает, что дело об упомянутом Саковиче, полученное от Екатеринбургской временной следственной комиссии, находится в распоряжении Департамента милиции. Сакович дальнейшим содержанием под стражей перечислен за Екатеринбургской временной военно-следственной комиссией[11].

Исп. об. директора (подпись неразборчива).
Управляющий особым столом Романов.
Начальник отделения Игнатов.

Выписка из протокола члена Екатеринбургской следственной комиссии допроса врача Николая Арсеньевича Саковича от 24 августа 1918 года, находящегося на странице 15 обор. и 16 дела „Омской Следственной Комиссии о Саковиче Николае Арсеньевиче".

„Я случайно был приглашен на совещание Совета комиссаров после перевозки Царской фамилии в г. Екатеринбург из Тобольска[12]. Совещание происходило в Волжско-Камском банке в маленькой комнатке. Исправляю, что совещание было на Коробковской улице, в белом двухэтажном доме по левой стороне, если идти от центра города, кажется, в первом квартале. Это было в марте или в апреле. Так как дело не касалось здравоохранения, я не принимал участия в переговорах... (одно слово не разобрано) газету. Я лишь слышал, как говорили о необходимости перевоза и о том, подвергнуть ли поезд крушению или охранить его от провокаторского крушения, что-то было в этом роде. Когда стали голосовать, я отклонился от голосования и объяснил, что это к здравоохранению не относится. В этом собрании были все указанные выше комиссары. Может быть, кого-нибудь и не было. Я помню хорошо, что были Голощекин, Белобородов, Сафаров, Тунтул, Войков. Всего было человек 7 или 8.

С подлинным верно:

Начальник отделения особого отдела Департамента милиции
М.В.Д. Игнатов.

177

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественных доказательств

1919 года, марта 20–22 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил дальнейший осмотр предметов, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом 9 февраля сего года.

По осмотру найдено следующее:

Предметы, значущиеся по описи члена суда Сергеева № 15, в группе 3-й под рубрикой 20. Предметы эти находятся в конверте, опечатанном сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда. На конверте надпись черными чернилами: „Тетрадь Коменданта Дома Особого Назначения за май месяц № 20".

В конверте оказались следующие предметы:

/.../

2. Список „команды особого назначения".

Этот список отпечатан на пишущей машине при помощи ленты фиолетового цвета. В нем указываются лица, входившие в состав „команды", сумма, полученная каждым и затем на списке имеются подлинные расписки получателей денег.

Список лиц, входивших в состав этой команды следующий:

1. Талапов Иван Семенов.
2. Летемин Михаил Иванов.
3. Луговой Виктор Константинович.
4. Сафонов Вениамин Яковлев.
5. Никифоров Алексей Никитин.
6. Проскуряков Филипп Полиевктов.
7. Столов Егор Васильев.
8. Котегов Иван Павлов.
9. Дроздов Егор Васильев.
10. Емельянов Федор Васильев.
11. Вяткин Степан Григорьев.
12. Беломоин Семен Николаев.
13. Котегов Александр Алексеевич.
14. Алексеев Александр Кронидов.
15. Подкорытов Николай Иванов.
16. Шевелев Семен Степанов.
17. Садчиков Николай Степанов.
18. Турыгин Семен Михайлов.
19. Семенов Василий Егоров.
20. Стрекотин Александр Андреев.
21. Котов Михаил Павлов.
22. Русаков Николай Михайлов.
23. Медведев Павел Спиридонов.
24. Теткин Роман Иванов.
25. Стрекотин Андрей Андреев.
26. Старков Иван Андреев.
27. Орлов Александр Григорьев.
28. Чуркин Алексей Иванов.
29. Попов Николай Иванов.
30. Кесарев Григорий Александров.

В списке имеются подлинные расписки всех перечисленных лиц, кроме Дроздова, Беломоина и Вяткина: за первых двоих расписался „Никулин", а за последнего – „Медведев".

/.../

Сумма получения по этому списку – сто рублей.

В конце списка чернилами черного цвета написано: „ито 3000 рублей Получено от товарища Авдеева Начальник команды П. Медведев"[1].

Графа, в которой имеются подлинные расписки, озаглавлена сверху: „Подпись получ." Против каждой фамилии от руки проставлена цифра выдачи „100".

Это обозначение цифры, подлинные расписки и оглавление графы с подлинными расписками сделаны химическим карандашом фиолетового цвета.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

178

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественных доказательств

1919 года, марта 23–24 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил дальнейший осмотр предметов, предъявленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом 9 февраля сего года.

По осмотру найдено следующее:

/.../

1. Сшитая из листов разграфленной писчей бумаги тетрадь, на обложке коей черными чернилами написано: „Денежный Отчет заведующего хозяйством в доме Особого Назначения 3 по 30 июня 1918 год".

/.../

Расход распределяется в отчете по следующим группам: а) „для арестованных", б) „для дома особого назначения", в) для „команды, караула дома особого назначения", г) „по разным надобностям".

Этот отчет датирован 2 июля 1918 года и имеет подпись: „заведующий Хозяйством дома Особого Назначения Михаил Чащин". Ниже этой надписи красными чернилами сделана надпись: „Отчет Чащиным представлен на одну тысячу пятьсот руб 87 коп со всеми оправдательными документами А Шалапина 2/VII–1918 г.".

В соответствии с сим отчетом оправдательные документы, покрывающие расходы, следующие:

„для арестованных" –

2. Расписка из магазина общества потребителей от 2 июня 1918 года на 18 рублей 92 копейки за отпущенный чай в количестве 2 фунт.

3. Расписка Накаракова от 5 июня того же года на 50 рублей за отпущенные сухие овощи в количестве 20 фунт.

4. Расписка магазина С. В. Чистякова от 6 июня на 4 рубля за отпущенные дрожжи в количестве 1 фунта.

5. Расписка того же Накаракова от 10 июня того же года на 61 рубль за отпущенные 3 пуда сеяной муки и 1 порожний мешок.

6. Расписка извозчика Иевлева от 11 того же июня за доставку этой муки на 5 рублей.

7. Расписка извозчика Судукова от 12 того же июня на 10 рублей за доставку белья из прачечной.

8. Расписка извозчика № 589 на 6 рублей за доставку мяса и сухих овощей.

9. Расписка извозчика № 404 Абрама Колбина от 18 того же июня на 15 рублей за доставку белья в прачечную.

10. Расписка О. Жданова на 37 рублей 90 копеек за доставленное мясо в количестве 15 фунт и кулек.

11. Расписка Суворова от 19 июня на 25 рублей за доставленное сливочное масло в количестве 5 фунт.

12. Расписка Озерского или Озеркова от 20 июня (по новому стилю) на 79 рублей 80 копеек за поставленное „скотское мясо" в количестве 21 фунта.

13. Расписка Изагумна от 25 того же июня на 67 рублей 50 копеек за поставленное мясо в количестве 15 фунт.

14. Расписка Дговуся от 29 мая 1918 года на 80 рублей 95 копеек за стирку белья. В расписке указан адрес, видимо, прачечной: Никольская улица, дом № 26.

15. Расписка Протасова от 22 июня на 60 рублей за отпущенное мясо в количестве 15 фунт.

16. Расписка Позднякова на 52 рубля 50 копеек за отпущенное мясо в количестве 15 фунт.

17. Расписка Кратева на 86 рублей 10 копеек за отпущенное мясо в количестве 20 1/2 фунт.

Все остальные расходы покрываются следующими оправдательными документами:

/.../

19. Расписка секретаря Екатеринбургского продовольственного комитета (подпись неразборчива) от 4 июня на 80 копеек за 16 продовольственных карточек.

/.../

21. Расписка Перетыкина от 7 того же июня на 65 рублей за отпущенный воз соломы для набивки матрасов.

/.../

31. Расписка из Комиссариата продовольствия (подписей разобрать не удалось) от 25 июня в получении 247 рублей 60 копеек за английский табак в количестве 27 1/2 фунт.

/.../

33. Счет товарищества Ф. Ш. Богатиева с сыновьями от 8 июня – 26 мая 1918 года на 226 рублей 50 копеек за отпущенный табак в количестве 1 пуда 10 фунт и 1 порожний мешок. Подписи на этом счете неразборчивы.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

179

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, марта 24 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил дальнейший осмотр предметов, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом 9 февраля сего года.

По осмотру найдено следующее:

Предметы, значущиеся по описи члена суда Сергеева № 15 в группе 3-й под рубрикой 23.

Предметы эти находятся в конверте, опечатанном мастичной печатью Екатеринбургского окружного суда /.../. По вскрытии пакета в нем оказались следующие предметы:

1. /.../

2. Письмо с конвертом.

Конверт зеленого цвета, заклеенный и вскрытый. На нем чернилами серного цвета написано – (с сохранением орфографии) – следующее:

„Кенсорин. Сергеевичу Д-ру Архипову угол Восенцовской и Крестовоздвиженск. дом № 159"[2].

Письмо написано такими же чернилами, тем же лицом, на листе почтовой бумаги. Содержание письма – (с сохранением орфографии) – следующее:

„Кенсорин Сергеевич, вслучае моего отъезда на фронт я во имя наших с Вами отнош надеюсь не откожите моей старой маме в содействии в случае преследований ее только за то что она моя мать Вы конечно панимаете что о моем местоприбывании она ничего знать не будет уже только по томучто и я этого не знаю, но и в том случае еслиб я это знал то разумееться этого ей не сказал бы просто для чистоты ея совести наслучаи еслиб ее допрашивали. Я обращаюсь к Вам еще и по тому что Вы строгий в своих ... (следующего слова разобрать не удалось) принцыпах даже при условиях гражданской войны и при условии когда вы будете у Власти. Я имею все основания полагать что Вы с Вашими принцыпами останетесь в одиночестве но всеж Вы съумете оказать влияние на то чтоб моя мать которая совершенно не разделяла моих взглядов виновная следовательно только в том что родила меня, а также в том что любила меня[3]. Я значит на случай падения власти советов в Екатер. дать ей приют на время возможного погрома или предупредить и самый разгром квартиры принимая в внимание что я не продавал дела[4] чтоб не остав. служ. без работы которые очень и очень далеки от большевизма. Это может быть предсмертное письмо надеюсь что не ошибусь обращ. к вам. Я. М. Юровск...", последние буквы в фамилии написаны неразборчиво.

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

180

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, марта 24 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил, во исполнение постановления своего от сего числа, осмотр телеграмм, прислан-

ных начальником Екатеринбургской телеграфной конторы при отношении от 26 января сего года за № 369 члену суда Сергееву (л. д. том 2-й)[5].

По осмотру найдено следующее:

1. Подлинная телеграмма.

Она написана при помощи пишущей машины на таком же бланке, как и телеграммы, описанные в пунктах 2–5, 8–12 протокола 23 февраля сего года[6], но верхняя часть этого бланка отрезана и вся остальная наклеена на обыкновенном телеграфном бланке.

В графе служебных отметок значится, что она была подана в Екатеринбурге 26 июня 1918 года в 13 часов 45 минут, адресована в Москву и записана в книге под № 2743/Б.

Содержание ее следующее:

„Москва

Кремль Секрсовнаркома ГОРБУНОВУ
с обратной проверкой.

3 6 3 7 1 1 4 3 3 0 5 1 4 1 4 5 2 2 0 8 3 5 3 3 3 3 2 4 3 7 5 0
2 7 4 0 4 4 3 9 2 1 2 5 3 5 3 9 3 2 4 2 3 0 5 0 4 2 3 5 3 6 4 6
3 1 1 1 5 2 3 1 3 7 3 7 2 2 4 5 2 7 4 0 3 5 3 7 3 3 2 4 5 2 3 9
2 3 3 3 2 0 4 1 2 7 3 5 3 0 3 2 2 4 2 4 4 7 2 3 4 1 4 6 3 3 3 6
4 2 4 4 4 1 4 2 2 6 2 7 3 5 1 6 3 9 3 4 3 5 4 8 3 3 4 9 4 3 4 5
3 7 1 9 4 6 1 4 3 4 2 9 2 7 3 7 4 2 5 1 4 2 4 5 3 7 2 4 3 6 1 6
4 0 2 9 3 2 4 2 3 7 4 3 2 7 4 4 2 1 2 7 4 5 1 4 2 0 2 9 2 8 5 1
3 8 5 0 2 8 3 8 2 6 2 3 4 3 2 2 4 1 4 2 2 2 4 2 4 2 3 7 3 8 3 2
3 7 2 8 4 3 3 4 3 7 3 4 3 2 4 5 3 0 4 8 2 9 4 2 2 1 2 0 4 8 3 4
2 5 4 3 8 0 5 2 4 2 4 3 3 6 4 0 3 4 1 2 4 5 2 3 4 1 4 2 2 2 4 2
4 2 3 5 4 4 4 2 1 2 0 6 3 5 2 8 3 7 3 4 1 1 4 1 2 5 3 0 3 6 3 4 2
6 2 7 3 8 3 8 1 6 3 6 3 4 5 0 1 8 4 8 4 3 4 5 3 3 1 9 5 2 2 7 2 5
3 0 2 8 4 9 3 0 4 8 4 4 4 9 2 1 1 3 4 3 4 0 2 7 4 4 2 0 4 0 2 5 4 6

Предобласовета БЕЛОБОРОДОВ. 4323"[7].

Ниже этого текста, также шрифтом машины, написано: „26 Июня 1918 г. № ".

Ниже текста телеграммы имеется мастичный фиолетового цвета оттиск печати, как и на телеграммах, описанных в пунктах 2–4 протокола 23 февраля сего года, и оттиск штемпеля: „За счет Президиума Областного Совета Урала", как и на телеграммах, описанных в том же протоколе. Кроме того, в графе служебных отметок имеются карандашные отметки, что на номер 01009 июня 27 в 15 часов 25 минут текст телеграммы был вторично передан по 56-му проводу.

2. Подлинная телеграмма.

Она написана на части белого телеграфного бланка с оторванным верхом, наклеенной на таком же телеграфном бланке, как и предыдущая телеграмма. В графе служебных отметок значится, что она была подана в Екатеринбурге (штаб фронта) 27 июня 1918 года в 0 часов 5 минут, адресована в Москву и записана в книге под № 3190/а.

Содержание ее следующее:

„Три адреса Москва Совнарком, Нарком военн. бюро печати, Цик. Мною полученных московских газетах отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде от Екатеринбурга красноармейцами точка официально сообщаю что 21/6 мною с участием членов в. военной инспекции и военного комиссара Ур. военного округа и члена всерос. след. комиссии был произведен осмотр помещений как содержится Николай Романов с семьей и проверка караула и охраны все члены семьи и сам Николай жив и все сведения об его убийстве и т. д. провокация точка

198 главнокомандующий североуралосибирским фронтом Берзин"[8]

3. Подлинная телеграмма.

Она напечатана при помощи пишущей машины на розовом бланке и по своей внешней форме совершенно сходна с телеграммами, описанными в пунктах 2–5, 8–12 февраля сего года.

В графе служебных отметок значится, что она была подана в Екатеринбурге 2 июля 1918 года, адресована в Москву и записана в книге под № 94; время подачи – 14 часов 46 минут.

Содержание ее следующее:

„Москва Кремль

Секрсовнаркома ГОРБУНОВУ.

37291 64638 46204 03327 43384 03347 38524 13423 19401 62539
34424 04632 42202 45026 25412 84425 29364 03428 49382 53129
45285 01939 21133 43838 45303 72745 44453 41132 31423 42928
29354 03235 26352 53346 34424 25041 35361 13939 34201 85301
26324 41209 44233 24111 53424 82729 12094 92840 40284 63845
33482 1047.-

Предобласовета БЕЛОБОРОДОВ. 4436"[9].

2 Июля 1918 г.

№

Ниже текста находятся оттиски мастичного штемпеля печати, как и на телеграмме, описанной в пункте 1-м сего протокола, и оттиски штемпелей: „За счет Президиума Областного Совета Урала Председатель Областного Совета А Белобородов", как и на телеграммах, описанных в протоколе 23 февраля сего года.

/.../

6. Подлинная телеграмма.

По своему внешнему виду она одинакова с телеграммами, описанными в пунктах 1, 3, 4 сего протокола.

Содержание текста телеграммы писано чернилами черного цвета.

В графе служебных отметок значится, что она была подана в Екатеринбурге 28 июня 1918 года в 16 часов 6 минут, адресована в Москву и записана в книге под № 3162/Б.

Содержание ее следующее:

„Москва

Предсовнаркома Ленину.
Комфин Гуковскому[10]

Секрсовнаркома Горбунову

Ваша шифрованная разобрана Предобласовета Белобородов".

Ниже текста такие же оттиски печати и штемпелей, как и на телеграммах, описанных в пунктах 1, 3, 4 сего протокола.

/.../

7. Подлинная телеграмма.

Внешний вид ее таков же, как и телеграмм, описанных в пунктах 1, 3, 4, 6 сего протокола.

В графе служебных отметок значится, что она была подана в Екатеринбурге 13 июля 1918 года в 10 часов 18 минут, адресована в Москву и записана в книге под № 1371/А.

Содержание ее писано на пишущей машине. Оно следующее:

„Москва Кремль

Предсовнаркома Ленину.

Вопрос с Хайнкененами улажен.

Сафаров.

13 Июля 1918 г.
№ 4767"[11].

В этом тексте только цифра „4767" писана чернилами черного цвета.

Ниже текста телеграммы такие же оттиски печати и штемпелей, как и на телеграммах, описанных в пунктах 1, 3, 4, 6 сего протокола.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

181

ПРОТОКОЛ
осмотра вещественных доказательств

1919 года, марта 25 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., во исполнение постановления своего от 24 сего марта, производил осмотр предметов, описанных членом суда Сергеевым в протоколе его от 5 сентября 1918 года[1].

По осмотру найдено следующее:

1. Лист белой бумаги с бланком[2].

„Российская Федеративная Республика Советов. Уральский Областной Совет Рабочих, Крестьянских и Армейских Депутатов. Президиум".

/.../

На этом листе бумаги черным карандашом от руки написан текст, в который затем внесены изменения и поправки черными и красными чернилами.

Первоначальный текст, не имевший поправок, был таков:

„В виду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и в виду того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя), Президиум Ур. Обл. Сов. Раб. Кр-н Кр. Арм. Депутатов Урала, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом.

В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение.

Семья Романова, содержавшаяся вместе с ним под стражей, эвакуирована из города Екатеринбурга в интересах обеспечения общественного спокойствия Президиум Областного Совета Раб. Кр. и Красноар. Деп. Урала".

В этот текст черным карандашом, черными и красными чернилами внесены следующие поправки, благодаря которым текст принял следующий вид:

В первом предложении после слова „Урала" наверху черным карандашом приписано к тексту слово „Екатеринбургу", так что первое предложение получило следующий вид: „В виду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала Екатеринбургу".

Союз „и", соединявший это, только что описанное предложение, с следующим, зачеркнут черными чернилами. В этом же втором предложении между словами: „в виду ... того" наверху черным карандашом приписано слово: „возможности", так что второе предложение приняло следующий вид: „в виду возможности того, что коронованному палачу" и т. д.

В конце фразы: „раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя", после слова „царя" наверху черным карандашом приписаны слова: „и его семьи", так что эта фраза приняла следующий вид: „раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи". Первоначально эта фраза в тексте была поставлена, как пояснительное предложение, в скобки, как это и указано выше. Но затем в том месте текста, где стояла первая скобка, наверху строк черными чернилами написано было слово: „скобка". Там, где стояла вторая скобка, наверху, также черными чернилами, было написано такое же слово: „скобка",

но затем это слово зачеркнуто и вместо него написано слово „точка", каковая надпись сделана также черными чернилами.

В следующей после этого фразе „Президиум Ур. Обл. Сов. Раб. Кр-н. Кр. Арм. Депутатов Урала" слова „Обл. Сов. Раб. Кр-н. Кр. Арм. Депутатов Урала" зачеркнуты черными чернилами и заменены написанным над ним словом: „Обласовета".

Далее в предложении: „виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом" черными чернилами зачеркнут предлог „в", так что предложение приняло следующий вид: „виновного бесчисленных кровавых насилиях над русским народом".

Далее в предложении „В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение" зачеркнут предлог „с". Но, кроме того, при изучении текста этого предложения замечается следующее.

Первоначально, видимо, в обеих этих двузначных цифрах „16" и „17" черным карандашом были написаны только одни „1" (занимающие в этих двузначных числах места десятков). Цифры же „6" и „7", видимо, не были написаны совсем. По крайней мере, они не замечаются ни простым глазом, ни чрез лупу. Для них человек, писавший текст черным карандашом, оставил в тексте пустое место. Затем пустые места были заполнены написанием цифр „6" и „7", но эти цифры написаны уже не карандашом, а красными чернилами, коими также обведены и изображения единиц „1" в обоих числах по карандашному тексту. После этого эти цифры „16" и „17" были зачеркнуты черными чернилами и вместо них наверху написаны слова: „шестнадцатого", „семнадцатое". После таких исправлений предложение приняло следующий вид: „В ночь шестнадцатого на семнадцатое июля приговор этот приведен в исполнение".

Далее предложения: „Семья Романова, содержавшаяся вместе с ним под стражей, эвакуирована из города Екатеринбурга" и т. д., содержат следующие изменения: зачеркнут предлог „с", зачеркнуты слова „под стражей" и „из города", так что текст принял следующий вид: „Семья Романова, содержавшаяся вместе ним, эвакуирована из Екатеринбурга" и т. д. Эти изменения (зачеркнуто „с", „под стражей", „из Екатеринбурга" /так!/) все сделаны чернилами черного цвета.

В подписи „Президиум Областного Совета Раб. Кр. Красноар. Деп. Урала" зачеркнуты все слова, идущие за словом „Президиум", чернилами черного цвета и вместо этих слов написано одно слово: „обласовета", каковая надпись сделана также чернилами черного цвета.

Все эти поправки сделаны, видимо, одним лицом, коим писан и первоначальный карандашный текст.

Таким образом, документ этот в окончательном виде имеет следующее содержание:

„РОССИЙСКАЯ
Федеративная Республика
Советов
Уральский Областной Совет
Рабочих,
Крестьянских и Армейских
Депутатов. В виду приближения контрреволюционных
ПРЕЗИДИУМ. банд к красной столице Урала Екатеринбургу, в виду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда скобка раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи точка Президиум Ур. Обласовета исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного бесчисленных кровавых насилиях над русским народом
В ночь шестнадцатого на семнадцатое июля приговор этот приведен в исполнение. Семья Романова, содержавшаяся вместе ним, эвакуирована Екатеринбурга в интересах обеспечения общественного спокойствия.

Президиум Обласовета".

Таким образом, изучение этого документа дает возможность допустить, в настоящий момент, следующие предположения:

а. Документ является, видимо, черновиком телеграммы, на что указывают видимые попытки сократить текст, выкинув из него союзы, предлоги и сокращения с целью замены нескольких слов одним.

б. К этому выводу приводит также и содержание газеты „Уральский Рабочий", описанной членом суда Сергеевым в протоколе от 4 февраля сего года[3], так как выдержки из доклада Свердлова, помещенные в этой газете, содержат не только те же самые мысли, но и те же самые выражения, что и в описанном документе.

в. Написание в цифрах „16" и „17" первоначально лишь одних единиц „1", если это действительно имело место, дает основание полагать, что автор документа или не знал даты смерти Государя, или этот документ предшествовал его смерти.

г. Он пытается разделить судьбу Государя и его семьи и заведомо ложно скрывает от общества факт нахождения последней под стражей, выкинув из текста телеграммы надлежащее место.

2. Телеграмма, отпечатанная на пишущей машине.

Эта телеграмма, как это совершенно ясно усматривается при обозрении ее текста и сличения такового с текстом телеграммы, описанной в пункте 11-м протокола 23 февраля сего года, является копией последней, причем эта копия печаталась одновременно с вышеупомянутой подлинной при помощи переводной бумаги. Напечатана копия на листе простой белой бумаги. На ней, как и на подлиннике, чернилами черного цвета написан исходящий номер: „4853". Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на копии имеется черный мастичный оттиск штемпеля: „Екатеринбург. Телеграф. 16.6.18". Между тем подлинная телеграмма, как ясно видно из отметок на ней, была подана 18 июля 1918 года[4].

3. Телеграмма, отпечатанная на пишущей машине.

Содержание ее следующее:

„Телеграмма.

АЛАПАЕВСК

Совдеп.

Прислугу Ваше усмотрение выезд никому без разрешения Москву Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Обласовета точка Объявите Сергею Романову что заключение является предупредительной мерой против побега виду исчезновения Михаила Перми.

22 Июня 1918 г. *Белобородов.*

№ 4249"[5].

Выше текста телеграммы имеются отметки, сделанные красным карандашом: „23 85 22/VI".

Ниже текста написано черными чернилами: „Телеграмму принял: Комиссар А. Старков". В этой фразе слова „Телеграмму принял" писаны чернилами черного цвета, а самая подпись „А. Старков" сделана черным карандашом. Ниже этой надписи черным карандашом сделаны отметки: „22/VI 1918 г. 11–25".

4. Писанная при помощи пишущей машины телеграмма. Она написана на листе белой писчей бумаги.

Содержание ее следующее:

„Телеграмма.

ПЕТРОГРАД *Урицкому.*

Отношению высланных Вами великих князей переведенных Вятки Екатеринбург нами переведенных Алапаевск после побега Михаила Романова введен тюремный режим[6].

Предобласовета БЕЛОБОРОДОВ.

22 Июня 1918 г.

№ 4265".

Ниже этого текста чернилами черного цвета написано: „Телеграмму принял:", а далее следует подпись: „Х Гол...": следующих букв в подписи разобрать не удалось.

5. Писанная при помощи пишущей машины телеграмма.

Содержание ее следующее:

„Москва

Председателю Цик Свердлову

для ГОЛОЩЕКИНА.

Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний Центра опасения напрасны точка Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другим точка. – 4558[7]

Белобородов".

Ниже текста чернилами черного цвета сделана отметка: „4/VII". Далее чернилами черного цвета написано: „Телеграмму принял", а далее черным карандашом сделана подпись: „Комиссар То...": следующих букв разобрать не удалось.

/.../

7. Написанная на пишущей машине телеграмма.

Она имеет следующее содержание:

„Литера В

ПЕРМЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

Немедленно телеграфно сообщить когда был привезен пермь Михаил кому сдан каковы были указания режима от кого они исходили какие меры принимал губсовдеп усилению режима кем было отменено содержание его тюрьме точка что дало следствие кто арестован их фамилии также показания

ОБЛАСОВЕТ БЕЛОБОРОДОВ"[8].

Ниже этого текста карандашом черным написано: „Прин. Комиссар То...": следующих букв разобрать не удалось, но эта подпись одинакова с подписью на телеграмме, описанной в п. 5-м сего протокола.

8. Телеграмма Юровского, как она описана в протоколе члена суда Сергеева от 4 февраля сего года[9].

Таким образом, все телеграммы, описанные в пунктах 2–7 сего протокола, являются, видимо, копиями телеграмм и заменяют, видимо, в то же время расписки в получении подлинных телеграмм.

Машина, на которой они писаны, видимо, одна и та же, что и машина, при помощи которой писаны другие телеграммы, описанные в протоколе 23 февраля сего года, не имеющие копий, а именно телеграммы, описанные в пунктах 2, 3, 5, 8, 9, 10, 12 того же протокола. Отметки исходящего номера на всех этих телеграммах и надписи: „телеграмму принял" – также сделаны одной рукой.

Такое же сходство усматривается в шрифте машины, при помощи коей писаны телеграммы, описанные в пунктах 2–4, 8–12 протокола 23 февраля сего года, 1, 3, 7, 8, 9 протокола 24 марта с телеграммами, описанными в пунктах 3, 4, 5, 7 настоящего протокола, а также в отметках исходящих номеров на всех указанных телеграммах.

Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

182

ТОБОЛЬСКИЙ
ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА
Марта 27 дня 1919 г.
№ 1489.
г. Тобольск.

Секретно.

Господину прокурору Тобольского окружного суда.

С возвращением отношения от 19 марта с/г за № 10[1] имею честь сообщить, что за время пребывания здесь семьи бывшего Императора в моем распоряжении никаких сведений об открытии в г. Тобольске „белогвардейского заговора с целью похищения бывшего Царя и его семьи" – не было.

Время от время /так!/ среди городского населения возникали только слухи о якобы готовящихся заговорах. Слухи эти доходили и до меня. Особенно слухи усилились в начале 1918 г. (кажется, в январе и феврале) после привоза в зимнее время Абалакской иконы Божьей Матери в Благовещенскую церковь, в которой обычно совершались богослужения для бывшего Императора и его семьи, и после наименования диаконом этой церкви, во время богослужения, бывшего Императора и его семьи Величеством и Высочествами[2].

По распоряжению г. прокурора суда об этом случае производилось судебным следователем Зыковым следствие, но чем оно окончилось, мне неизвестно.

Городской Голова (подпись неразборчива).

183

М. Ю.
Начальник Екатеринбургской
II-го класса тюрьмы
29 марта 1919 г.
№ 1088
г. Екатеринбург

Судебному следователю Омского окружного суда по особо важным делам.

Препровождаю при этом метрическое удостоверение о смерти арестованного Павла Спиридонова Медведева, обвиняемого в соучастии в убийстве бывшего Императора Николая 2-го и его семьи, при этом сообщаю, что Медведев числился содержанием за Вами с 22 февраля с/г.

За начальника Екатеринбургской тюрьмы
Мухин.

В. П. И.
Священник
Градо-Екатеринбургской
Михайло-Архангельской церкви.
14/27 марта 1919 г.
№ 20.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

По метрическим книгам Градо-Екатеринбургской Михайло-Архангельской церкви записан умер 12 и погребен 14 марта ст. ст. арестант, из граждан Сысерт-

ской волости и завода Екатеринбургского уезда Павел Спиридонов Медведев, 31 года, от сыпного тифа. Значится умерший 1919 года[3].

Событие это записано в названных книгах за 1919 год в ст. № 50, что сим и удостоверяю.

Настоящее удостоверение выдается для представления г. начальнику Екатеринбургской тюрьмы, и для сего только действительно.

На подлинном мастичная печать.

Подлинное подписал

священник А. Глубоковский.

184

Начальник
Военного контроля
при Уполномоченном
по охранению государственного
порядка и общественного спокойствия
в Пермской губернии.
31 марта 1919 года.
№ 2054/ВК.
г. Екатеринбург.

Секретно.

Судебному следователю по особо важным делам Соколову.

При сем препровождается на Ваше распоряжение список большевиков Областного Совдепа.

Приложение: Список.

Вр. и. д. начальника капитан Шуминский.
За делопроизводителя (подпись неразборчива).

СПИСОК ОБЛАСТНОГО СОВДЕПА
(дан прапорщиком Селяниным)

1. Белобородов
2. Голощекин
3. Сакович
4. Войков
5. Быков
6. Сыромолотов
7. Сафаров
8. Украинцев
9. Киселев
10. Вайнер
11. Хотимский
12. Воробьев
13. Андронников
14. Андреев
15. Симашко
16. Авдеев
17. Карякин
18. Жилинский
19. Чуфаров
20. Юровский
21. Ефремов
22. Анучин.

Чрезвычайная семерка:
Чуцкаев, Голощекин, Юровский, Ефремов

Препровождается г. судебному следователю по особо важным делам Н. А. Соколову.

Апреля 1 дня 1919 года № 2887.

Прокурор Екатеринбургского окружного суда В. Иорданский.
Секретарь Б. Богословский.

185

Министерство
Иностранных Дел
Цифирное отделение
№ 40
31 марта 1919 года
г. Омск.

Совершенно секретно.

Г. судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколову.

Вследствие отношения от 25 сего марта за № 48 сообщаю, что подготовительными работами установлена наличность четырех различных ключей, почему для анализа таковых предоставленного в мое распоряжение материала недостаточно[4].

Для успеха дела необходимо обратиться к предшествовавшей телеграфной корреспонденции известных Вам лиц и учреждения, для чего прошу о спешном предоставлении в мое распоряжение всей могущей оказаться в местной телеграфной конторе означенной корреспонденции в лентах и переводе, вне зависимости от дат отправления и получения, причем особо ценными явятся телеграммы, в коих допущено смешение шифра с открытым текстом.

И. д. управляющего Цифирного отделения
(подпись неразборчива)

186

Начальник Отдела
контрразведки
при Штабе Верховного
Главнокомандующего
3 апреля 1919 г.
г. Омск.
№ 49.

Совершенно секретно.

Судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколову.

Сообщаю, что до настоящего времени не представилось расшифровать телеграммы, копии коих Вы мне передали[5].

Полковник (подпись неразборчива).
Делопроизводитель прапорщик Соколов.

187

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, апреля 1 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, рассмотрев предварительное следствие по настоящему делу об убийстве отрекшегося от престола Российского государства Государя Императора Николая Александровича, членов его семьи и других лиц, находившихся при Высочайшей семье, нашел следующее:

В ночь с 3/16 на 4/17 июля 1918 года в г. Екатеринбурге, в одной из комнат дома Ипатьева, был убит отрекшийся от престола Государь Император Николай

Александрович, его супруга Александра Федоровна, сын Наследник Алексей Николаевич, дочери великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия и находившиеся при них лица: доктор Евгений Сергеевич Боткин, лакей Алексей Егорович Трупп, повар Иван Михайлович Харитонов и служанка Анна Степановна Демидова.

Как установлено данными предварительного следствия, это убийство, непосредственно выполненное деятелями „советской власти" Яковом Михайловым Юровским, Прокофием Александровым Никулиным, Павлом Спиридоновым Медведевым и другими, следствием не выясненными еще лицами, было предметом предварительного обсуждения названных лиц как между собою, так и с рабочими, фактически несшими дежурство по заточению Царской семьи в доме Ипатьева. Следствием установлено, что 3/16 июля вечером Юровский, обсудивший к этому времени с другими лицами самый план убийства, послал Медведева объявить об этом рабочим, находившимся в своей казарме вблизи дома Ипатьева, и взять от них револьверы, нужные для совершения убийства.

Медведев исполнил это приказание. Он объявил рабочим о предстоящем расстреле Царской семьи и отобрал от них в нужном количестве револьверы.

Самое убийство было совершено между 12 и 3 часами ночи. После этого Медведев позвал рабочих-охранников в дом Ипатьева, где произошло самое злодеяние, и последние уничтожили бывшие там следы преступления: замыли кровь убитых на полу и на стенах и вынесли самые трупы в грузовой автомобиль, на коем Юровский и увез их по неизвестному направлению.

В числе рабочих-охранников был кр-н Сысертского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, Филипп Полиевктов Проскуряков. Бежавший из Екатеринбурга вместе с большевиками, по взятии его правительственными войсками, Проскуряков, после взятия Перми, возвратился в Екатеринбург и был задержан агентом уголовного розыска Алексеевым[1]. При допросе его Алексеевым он сначала объяснил, что он был „мобилизован" в охрану Царской семьи и фактически ее не нес, так как дорогой убежал. Изобличенный же во лживости своих объяснений задержанным Медведевым, Проскуряков изменил свое показание. Он признал факт нахождения своего в составе охраны до самой смерти Царской семьи и объяснил, что действительно перед совершением убийства Медведев приходил к ним в казарму, где он находился вместе с другими охранниками, и говорил им о предстоящем расстреле Царской семьи. Факт же уничтожения им следов преступления он отрицает. Впоследствии он снова изменил свое объяснение и показал, что он в ночь убийства находился под арестом в особом помещении и по делу ничего не знает.

Обсудив вышеизложенное и приняв во внимание: 1) что данными дознания и следствия Проскуряков достаточно изобличается как соучастник вышеописанного злодеяния, 2) что преступление его предусмотрено 13 и 2 ч. 1454 ст. улож. о нак., на основании 396 ст. уст. угол. суд., ПОСТАНОВИЛ: кр-на Сысертского завода, Сысертской волости, Екатеринбургского уезда, Филиппа Полиевктова Проскурякова привлечь по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого в том, что в ночь на 4/17 июля 1918 года в г. Екатеринбурге, по предварительному уговору с Яковом Михайловым Юровским, Прокофием Александровым Никулиным, Павлом Спиридоновым Медведевым и другими, следствием не установленными лицами, с заранее обдуманным намерением лишить жизни отрекшегося от престола государства Российского Государя Императора Николая Александровича, его супругу Александру Федоровну, сына Наследника Алексея Николаевича, дочерей великих княжен Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию и бывших при Высочайшей семье лиц: доктора Евгения Сергеевича Боткина, лакея Алексея Егоровича Труппа, повара Ивана Михайловича Харитонова и служанку Анну Степановну Демидову, согласился на учинение вышеуказанными лицами сего злодеяния и, по выполнении ими такового, принял участие, вместе с другими лицами, в уничтожении следов преступления: замывал кровь на полу и стенах дома Ипатьева, где произошло убийство, и переносил трупы убитых в грузовой автомобиль, на коем они и были

увезены Юровским и другими лицами в неизвестном направлении, т. е. в преступлении, предусмотренном 13 и 2 ч. 1454 ст. улож. о нак.

Судебный следователь Н. Соколов.

188

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 1-3 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге допрашивал, в порядке 403–409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованного в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по содержанию постановления своего от 31 марта сего года, и он объяснил:

Имя, отчество, фамилия Филипп Полиевктов Проскуряков.
Возраст во время совершения преступления 17 лет.
Сословие крестьянин.
Место рождения Сысертский завод, Сысертской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии.
Место приписки Сысертский завод.
Место жительства Сысертский завод.
Рождение брачное.
Народность русский.
Религия православный.
Образование учился 3 года в Сысертской пятиклассной школе.
Семейное положение холост.
Родители Полиевкт Михайлович и Евдокия Степановна.
Занятие во время совершения преступления электромонтер по профессии.
Имущественное положение не имею.
Особых примет не имею.
Привычному пьянству не подвержен.
Отношение к потерпевшим чужой.
Прежняя судимость не судился.

Виновным себя в предъявленном мне Вами, г. судебный следователь, обвинении я не признаю. Могу, на Ваши вопросы, рассказать следующее.

Отец мой – Полиевкт Михайлович Проскуряков, житель Сысертского завода. Мать мою зовут Евдокия Степановна. Кроме них, в семье у нас есть еще вот кто: старший брат Александр, 31 года, брат Андрей, 28 лет, брат Степан, 27 лет, сестра Пелагея, 25 лет, сестра Таисия, 21 года, сестра Клавдия, 19 лет, я и брат Василий, 13 лет.

Старший брат Александр служит сейчас старшим милиционером в 3-й части г. Екатеринбурга, Андрей – в красной армии и находится, вероятно, где-нибудь на фронте, Степан – в германском плену, Пелагея – замужем за Петром Зотовым Коряковым и живет в Сысерте, Таисия и Клавдия находятся в услужении в Екатеринбурге (у кого именно, – не знаю), Василий – дома при родителях.

Отец многие годы состоял мастером по железоделательной работе, все время проживал в Сысертском заводе. Там я и родился. 3 года я учился в Сысертской школе, но курса не кончил. Грамота мне плохо давалась, и отец тут как раз заболел. Он меня и взял из школы. Отдал он меня сначала там же на заводе в кузницу к Василию Афанасьевичу Белоносову в ученье. Проработал я у него с год и ушел: очень тяжелая работа. Старший брат устроил меня в художественный театр в „Пале-Рояль". Там я стал учиться „электрическому делу" – на моторе работать. Владел этим театром Владимир Михайлович Имшенецкий. Машинистом был некто Альман. А помощником у него был Михаил Иванов Цепенников. Здесь я прослужил с год, выучился электрическому делу и стал работать самостоятельно: проводить электричество по городу. Материалы я брал у монтера Ивана Андреева Старкова, с которым я тогда и познакомился. Потом я поступил на службу в Центральную электрическую станцию в Екатеринбурге, проработал здесь, приблизительно, с месяц и перед Пасхой 1918 года уехал домой.

Хорошо помню – 9 мая на базаре я встретил своего товарища Ивана Семенова Талапова. Он мне сказал, что к нам на завод приехал какой-то комиссар Мрачковский и производит набор среди наших заводских рабочих для охраны Царя. Мрачковского я сам лично не знал[2]. Слыхал только я, что он командовал на Дутовском фронте и вернулся оттуда. О словах Талапова я передал своему отцу. И отец и мать не советовали мне идти в охрану. Отец говорил мне: „Не ходи, Филипп. Одумайся". Но мне охота была посмотреть Царя. Я не послушался их совета и на другой же день отправился записываться в охрану. Запись происходила в доме Василия Еркова на Церковной улице, где помещался совдеп. Ее принимал наш сысертский рабочий Павел Спиридонов Медведев. Я хорошо помню, что именно он принимал запись[3]. В то время, когда я пришел записываться, там же был и помощник военного комиссара Николай Иванов Чуркин. Медведев сказал мне, что жалованья охране будут платить 400 рублей в месяц, что надо будет стоять на посту и не спать. Вот только эти условия он мне и сказал. Я тут же и записался. На собрании, которое устраивал по поводу набора рабочих в охрану Мрачковский, я сам не был и не могу Вам рассказать, что именно говорил там Мрачковский.

Было принято в охрану, как тогда говорили, ровно тридцать человек наших сысертских рабочих. Потом некоторые из них уволились. Таких было очень немного, и вместо них нанимали других из наших же рабочих. Я точно, определенно не могу сказать, кто именно был принят с самого первого раза, кто именно заболел и кто именно был принят впоследствии в охрану, взамен заболевших. Но я хорошо помню, что в охране состояли следующие лица: 1) Талапов Иван Семенов, 2) Летемин Михаил Иванов, 3) Луговой Виктор Константинов, 4) Сафонов Вениамин Яковлев, 5) Никифоров Алексей Никитин, 6) Столов Егор Алексеев, 7) Котегов Иван Павлов, 8) Дроздов Егор Алексеев, 9) Емельянов Федор Васильев, 10) Вяткин Степан Григорьев, 11) Беломоин Семен Николаев, 12) Котегов Александр Алексеев, 13) Алексеев Александр Кронидов, 14) Подкорытов Николай Иванов, 15) Шевелев Семен Степанов, 16) Садчиков Николай Степанов, 17) Турыгин Семен Михайлов, 18) Семенов Василий Егоров, 19) Стрекотин Александр Андреев, 20) Стрекотин Андрей Андреев, 21) Котов Михаил Павлов, 22) Русаков Николай Михайлов, 23) Медведев Павел Спиридонов, 24) Теткин Роман Иванов, 25) Старков Иван Андреев, 26) Старков Андрей Алексеев, 27) Орлов Александр Григорьев, 28) Чуркин Алексей Иванов, 29) Попов Николай Иванов, 30) Кесарев Григорий Александров, 31) Добрынин Константин Степанов, 32) Зайцев Николай Степанов и я. Из числа этих названных мною лиц уволились впоследствии Кесарев и Семенов. Кто именно был нанят вместо них, я не могу припомнить.

Из числа названных мною людей Сафонов, Вяткин, Стрекотин Андрей, Старков Иван, Добрынин, Летемин, Котов, Котегов Иван, Шевелев, Беломоин, Медведев состояли в партии большевиков-коммунистов у нас на заводе, как они мне сами говорили.

Все вместе мы и прибыли в город Екатеринбург во второй половине мая месяца. Поселились мы сначала в Новом Гостином Дворе, где находились красноар-

мейцы. Прожили здесь мы несколько дней без дела, а в конце мая нас переселили в дом Ипатьева, где находилась Царская семья. Поселили нас всех в нижних комнатах этого дома.

Главным начальником над домом и над нашим караулом был рабочий со Злоказовской фабрики Александр Мошкин. В нашей же команде был главным начальником Медведев. Он именно был начальником. Никто его на это не выбирал, а так, просто, с самого начала он принимал охрану. Он нам раздавал жалованье, он ставил на посты и вообще был у нас, как начальник. Мы все получали 400 рублей жалованья, а Медведев получал 600 рублей. Авдеев был весь день в доме, помещаясь в комендантской комнате. Он приходил с утра часов в 9 и уходил домой часов в 9 вечера. Мошкин все время находился в комендантской комнате, жил там. Медведев при них также находился все время в этой же комнате и ночевал даже там.

Караульные посты были следующие: 1) пост наружный у будки около ворот, 2) пост наружный у будки вблизи часовенки, 3) между заборами у окон дома, 4) в переднем дворе у дверей в дом, 5) в заднем дворе, 6) в саду; внутри дома было два поста: 7) у парадной двери в верхнем этаже около комендантской комнаты, 8) около уборной, где находился клозет и ванная комната; кроме того, было еще три пулеметных поста: 9) на чердаке дома у окна, 10) на террасе, выходившей в сад и 11) в нижнем этаже дома в средней комнате[4].

Приблизительно с неделю пронесли мы охрану, и Авдеев привел еще 15 человек, приблизительно, рабочих со Злоказовской фабрики. Вышло это, надо думать, потому, что нам было тяжело: приходилось дежурить по 4 часа, пошли дожди, а мы – народ непривычный. Из рабочих Злоказовской фабрики я помню вот кого: отца и сына Смордяковых, имени отца я не знаю, а сына звали, кажется, Александр; Путилова, кажется, Николая; Пермякова, кажется, Ивана; Люханова, кажется, Сергея; братьев Логиновых; Сидорова Алексея, Варакушева Александра, Корзухина Андрея; Клещева, имени не знаю; Хохрякова, имени также не знаю; Прохорова, имени также не знаю; Якимова, имени не знаю; Дерябина, Лабышова, Фомина; Дмитриева Семена, кажется, по имени; Скороходова, Пелегова; Бруслянина, по кличке – Мудозвонов; Осокина, кажется, Александра; Романова, имени не знаю. Фамилий Соловьева, Гоншкевича, Шулина, Петровых, Корякина, Тимофеева, Крашенинникова, Украинцева, Комендантова, Мишкевичей, Зотова и Устинова не помню. Может быть, они и были, но я не могу припомнить их в числе злоказовских рабочих. „Лесникова" или „Мостикова" не было среди охранников. Был „Мясников", но это не фамилия, а кличка Алексея Чуркина.

Злоказовские рабочие стали жить вместе с нами же внизу дома Ипатьева. Женщин никаких у нас в охране не было. У нас были свои повара, которые и готовили на всех. Сначала был поваром Иван Котегов, а потом Андрей Старков.

Приблизительно в самых последних числах июня или в первых числах июля месяца Авдеев арестовал Мошкина за то, что он украл что-то из царских вещей, кажется, какой-то золотой крестик. Но тут же был уволен и сам Авдеев. Вместо него заступил в начальники Юровский, этот самый, которого Вы мне сейчас показываете на карточках (предъявлены имеющиеся в распоряжении судебного следователя фотографические карточки Якова Михайлова Юровского)[5]. Раньше Юровского я не знал и никогда его не видел. Помощником его был Никулин. Я вижу предъявленную мне Вами фотографическую группу (была предъявлена фотографическая группа разных лиц – деятелей советской власти), и положительно удостоверяю, что на этой группе, в числе других, изображен именно Никулин. Я прекрасно знаю его наружность и положительно удостоверяю, что это и есть именно он.

Кто именно такие были Юровский с Никулиным, я положительно не знаю[6]. Появились они в доме одновременно. Находились они все в той комендантской комнате. Юровский приходил с утра, часов в 8–9 и уходил вечером в 5–6. Нику-

лин же жил в комендантской, ночевал тут. Медведев также продолжал ночевать в этой комнате. Спустя, приблизительно, с неделю после назначения Юровского и Никулина, нас, рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, перевели в дом Попова или Обухова против дома Ипатьева, а вместо нас внизу дома Ипатьева поселились латыши. Их было, приблизительно, человек 10.

До появления латышей охрану в доме несли мы, рабочие Сысертского завода. После появления латышей охрану в верхнем этаже дома, где жила Царская семья, стали нести исключительно латыши. Нас, русских рабочих, туда уже не впускали. Таково было приказание Юровского.

Пулеметчиками, которые стояли исключительно у пулеметов, были из наших сысертских рабочих следующие лица: Талапов, Александр Стрекотин, Семен Турыгин, Сафонов, Николай Садчиков, Добрынин, Летемин, Иван Котегов и Шевелев. Из злоказовских рабочих я могу назвать только одного Андрея Корзухина. Эти рабочие всегда стояли только у пулеметов. На остальных постах стояли при Авдееве все остальные рабочие. При Юровском же, со времени появления латышей, мы, рабочие, стали нести охрану исключительно наружную. Внутри дома находились исключительно латыши.

До появления их мне приходилось, как и другим, несколько раз стоять на постах внутри дома и у комендантской, и у уборной, так всего, примерно, раз шесть на обоих постах. Стоял я на этих постах и утром, и днем, и вечером, и ночью. Я видел за это время всю Царскую семью: самого Государя, Государыню, Наследника и дочерей: Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию. Мне приходилось хорошо их видеть, когда они шли на прогулку, в уборную или проходили из одной комнаты в другую. Гуляли они все, кроме Государыни. Я никогда не видел, чтобы она ходила гулять в сад. Наследника я, правда, видел только один раз, когда его несла на руках на прогулку старшая дочь Государя Ольга. Наследник все время был болен.

Жизнь свою они проводили так. Рассказываю я об этом со слов Медведева, который видел их, конечно, больше меня. Вставали они утром часов в 8–9. У них была общая молитва. Они все собирались в одну комнату и пели там молитвы. Обед у них был в 3 часа дня. Все они обедали вместе в одной комнате, т. е. я хочу сказать, что вместе с ними обедала и вся прислуга, которая была при них. В 9 часов вечера у них был ужин, чай, а потом они ложились спать. Время дня они проводили, по словам Медведева, так: Государь читал, Государыня также читала или вместе с дочерьми вышивала что-нибудь или вязала. Наследник, если мог, делал из проволоки цепочки для своих игрушек-корабликов. Гуляли они в день час-полтора. Никаким физическим трудом им не позволялось заниматься. Помню, Пашка Медведев сказывал, что Царь Николай Александрович просил раз позволения у Юровского чистить сад. Юровский ему этого не позволил.

Их пение я сам не один раз слышал. Пели они исключительно одни духовные песни. По воскресеньям у них служил священник с дьяконом, кажется, из Верхне-Вознесенской церкви.

Пищу им сначала приносили из советской столовой. Носили ее какие-то две женщины. Повар их ее разогревал. Но потом им позволили готовить у себя дома.

Кроме Царской семьи, в доме, в верхнем этаже, с ними жили еще следующие лица, которых я сам лично видел. Был доктор, из себя полный, седой, лет так, примерно, 55. Он носил черный пиджак, крахмальное белье, галстук, брюки и ботинки. Я хорошо помню, что он носил пенсне, как мне помнится, в золотой оправе (оба стеклышка были в оправе). Затем был лакей, лет 35, высокий, худощавый, смугловатый, волосы у него на голове были русые. Собственно голова у него была лысая, и волосы на голове были только по бокам. Бороду он брил, а усы он подстригал на английский фасон. Носил он черную тужурку-френч, брюки и ботинки. Был при них повар. Ему было лет 40, он был низенький, худощавый, несколько плешивый. Волосы на голове были черного цвета, усы маленькие черные, бороду брил. Носил он черный пиджак и брюки, заправленные в сапоги. Еще была при них

горничная, лет 40, высокая, худая, смуглая. Цвета волос я не видел, потому что голову она повязывала платком. Еще был при них мальчик. Мальчику было лет 15. Волосы у него были черные, носил он их косым рядом. Нос у него был длинный, глаза черные. Ходил он в черной однобортной тужурке, брюках и ботинках, хотя носил и сапоги[7].

Были еще при Царской семье каких-то два человека, как мне объяснял Медведев, тоже слуги. Один из них был высокого роста, худощавый, лет 35, светлорусый, коротко стриженый, бороду брил, усы подстригал. Нос средней величины, прямой. Остальных примет не помню, но лицо у него было чистое, как у женщины. Другой, также высокого роста, лет 30, волосы на голове были черные, косым рядом, усы и борода бритые. Первый носил черную тужурку, брюки и ботинки. Второй ходил в пиджаке, в крахмальном белье с галстуком, брюках и ботинках. Я еще видел, как первый выносил резиновую подушку с мочей Наследника. Этих двоих людей я видел только один раз, когда в первые же дни стоял на посту внутри дома[8]. Больше их я не видел. Медведев сказывал мне, что обоих их отвезли в тюрьму № 2, но за что, собственно, их отвезли в тюрьму, он мне не сказал, а я не интересовался.

Только один человек с воли допускался к Царской семье. Кто такой был этот человек, я не знаю. Из себя он был роста высокого, полный, лет около 50, с рыжеватой бородой, подстриженной клинышком, небольшими темно-рыжеватыми усами, в пенсне. Приходил он несколько раз[9].

Несколько раз я видел большевика Белобородова, который приходил в дом, должно быть, для проверки, как живет Царская семья. Мне по крайней мере Медведев сказывал, что для этого приходил он в дом. Белобородова этого я хорошо разглядел. Ему было на вид лет 25, из себя он был роста среднего, худощавый, лицо бледное, нос прямой, тонкий, усы и борода бритые. Больше никаких примет его указать не могу. Голоса его я не слыхал. Этот Белобородов ходил в дом и при Авдееве и при Юровском.

Вместе с Белобородовым приходил в дом еще какой-то человек. Ему было лет 35, роста он был невысокого, среднего, коренастый, плотный, волосы на голове черные косым рядом, усы маленькие, черные к верху, бороду брил, щеки после бритья всегда отливали синей чернотой, нос длинный, тонкий, глаза черные. Отличался этот человек большим брюхом. Фамилии его я не знаю. Медведев мне его фамилии не называл[10]. Но оба они (и Белобородов, и этот мне неизвестный) жили в Американской гостинице. Об этом мне сказывал Медведев. Еще я забыл сказать, что неизвестный волосы имел на голове курчавые. Всегда я видел их обоих приходящими вместе. И ходили, как я уже говорил, оба они в дом всегда вместе. Должно быть, они были оба „главные" какие-нибудь.

Про порядки в доме и про отношение к Государю и к его семейству со стороны начальства и охраны я могу по сущей совести объяснить следующее. Авдеев был простой рабочий, мало развитой. Бывал он и пьяненький иногда. Но ни он сам, ни охранники при нем ничем как есть Царской семьи не обижали и не утесняли[11]. Юровский с Никулиным держали себя самих совсем по-другому. При них Царской семье было хуже. Оба они выпивали у себя в комендантской, и Юровский и Никулин. Бывало, напьются в комендантской, и начнется у них пение. Никулин мог на пианино играть – в комендантской оно стояло. Вот, бывало, Никулин играет, а Юровский свои „шары" (глаза) нальет и начнут оба орать: „Отречемся от старого мира, отрясем его прах с наших ног. Нам не нужно златого кумира, ненавистен нам царский чертог" и т. д. Или, бывало, все поют: „Вы жертвою пали в борьбе роковой". Мошкин тоже позволял себе иногда петь эти песни, но всегда в отсутствие Авдеева, и Авдеев этого не знал. А эти не стеснялись[12]. При Авдееве никогда женщины не ходили к нам в дом. А Никулин имел, должно быть, любовницу, и она постоянно к нему шаталась, оставаясь у него после ухода Юровского. Она была лет 20, низенькая, полная, блондинка, глаза карие, нос маленький, прямой. Фамилии ее не знаю. Откуда она приходила и где жила, не знаю. Про нее Медве-

дев ничего не сказывал. Также и богослужения при Юровском стали совершаться реже.

Ну, и охранники при Юровском стали себя вести много хуже. Файка Сафонов сильно стал безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся Царская семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова. Писал он, например, „хуй" и разные другие слова, совсем неподходящие. Как он писал эти слова на стенах около уборной, видел Алексеев, стоявший тогда вверху дома вместе с Файкой (Файка стоял около уборной, а Алексеев около комендантской), и, вернувшись с охраны, он рассказывал нам всем об этом. Залез раз Файка на забор перед самыми окнами царских комнат и давай разные нехорошие песни играть.

Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломоин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше надо нарисовать. Это я сам видел, как Стрекотин эти вещи рисовал[13].

А раз я иду по улице мимо дома и вижу, в окно выглянула младшая дочь Государя Анастасия, а Подкорытов, стоявший тогда на карауле, как увидал это, и выстрелил в нее из винтовки. Только пуля в нее не попала, а угодила повыше в косяк.

О разных этих безобразиях Юровскому было известно. О поступке Подкорытова ему, я знаю, докладывал Медведев, но Юровский сказал: „Пусть не выглядывают".

Как я уже говорил, с того времени как в охрану поступили латыши, они стали жить внизу Ипатьевского дома, а мы, рабочие, все были переведены напротив /в/ дом Попова или Обухова. Там наверху мы занимали все комнаты, а внизу жили какие-то квартиранты. Со мной вместе в одной комнате помещался Столов. Медведев жил вместе с Александром Стрекотиным, Семеном Турыгиным и Иваном Котеговым. Все остальные размещались где придется. В этих же комнатах жили и злоказовские рабочие.

В последний раз я видел всю Царскую семью, кроме Государя, за несколько дней до их убийства. Они тогда все выходили гулять в сад и гуляли как есть все, кроме Государыни. Значит, тут были сам Государь, сын, дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Тут же был доктор, лакей, повар, горничная и мальчик. Я хорошо тогда разглядел, что Наследник был одет в рубаху и был подпоясан кожаным черным поясом с металлической небольшой пряжкой, на которой был изображен герб. Это я хорошо тогда разглядел, потому что Ольга Николаевна пронесла его близко от меня. Пряжка эта очень похожа на ту, карточку которой Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок с пряжки, описанной в пункте 4-м протокола 15–16 февраля сего года). Наследник и тогда был болен и его катал в колясочке живший при них мальчик. Теперь я вижу и самое пряжку (предъявлена пряжка, описанная в пункте 4-м протокола 15–16 февраля), и удостоверяю, что она очень похожа на ту, которая была на Наследнике. Доктор был в пенсне. Пенсне очень похоже на это стеклышко по величине и по форме, которое Вы мне сейчас показываете (предъявлены части пенсне, описанные в пункте 13 протокола 15–16 февраля сего года)[14]. В какой именно это было день, когда я видел их гуляющими в саду, я не могу припомнить, но было это незадолго до их смерти.

Убийство их произошло в ночь со вторника на среду. Числа я не помню. Я помню, что в понедельник мы получили жалованье. Значит, это было 15 числа в июле месяце, считая по новому стилю. (Нам жалованье платили два раза в месяц – 1-го числа и 15-го числа каждого месяца.)

На другой день после получки жалованья, значит, во вторник 16 июля, до 10 часов утра я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда, в эти же часы, на посту в нижних комнатах дома. Кончив дежурство, мы со Сто-

ловым пошли попьянствовать на Водочную улицу в дом № 85. В доме № 85 жил милиционер 2-й части по имени Адольф. Он был ранен в войне с Германией, и левая рука у него была сухая поэтому. Жил он с женой и матерью. Как их звать – не знаю. Какой он национальности, не знаю, но он русский подданный и участвовал, как я уже сказал Вам, в войне с Германией. С Адольфом я познакомился через старшего брата милиционера Александра. К этому Адольфу мы со Столовым и пошли, потому что, как мы это знали от него самого, у него был денатурат. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить от 5 часов. Медведев увидел, что мы пьяны, и посадил нас под арест в баню, находившуюся во дворе дома Попова. Мы там и уснули. Спали мы до 3 часов ночи. В 3 часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: „Вставайте, пойдемте". Мы спросили его: „Куда?" Он нам ответил: „Зовут, идите". Я потому Вам говорю, что это было в 3 часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа[15].

Мы встали и пошли за Медведевым. Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие-охранники, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль особенно было много (не самих пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной мне Вами фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка, имеющаяся при деле, полученная при фотографировании дома, видимо, членом суда Сергеевым), но были следы пуль и в других стенах. Штыковых ударов нигде в стенах комнаты не было. Там, где в стенах и в полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь. На стенах она была брызгами и пятнами. На полу – маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева из этой комнаты, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях. Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой, незадолго до нашего со Столовым прихода, расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Александра Стрекотина, – что произошло? Они мне сказали, что только что расстреляли всю Царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика.

Медведев приказал нам со Столовым убирать комнаты. Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже штуки 4–5 метел. Кто именно их принес, я не знаю. Думаю, принесли их со двора, где я их раньше видел. По приказанию Медведева, Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых. И в той именно комнате, где была побита Царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два латыша, сам Медведев, отец и сын Смордяковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл. Таким же образом, т. е. водой, мы смывали кровь во дворе и с камней. Пуль при уборке я лично никаких не находил. Находили ли другие, я не знаю.

Когда мы со Столовым пришли в нижние комнаты, тут никого, кроме нескольких латышей, Медведева и наших и злоказовских рабочих, больше не было. Юровского при этом не было. Никулин же, как говорил тогда Медведев, был в верхних комнатах, куда дверь из нижних комнат была заперта со стороны верхних комнат. Золотых вещей или каких-либо драгоценностей, снятых с убитых, в нижних комнатах я нигде не видел.

В то время, когда происходило убийство Царской семьи, на постах, как мне помнится, были следующие лица: Александр Стрекотин стоял тогда у пулемета в нижних комнатах, Садчиков – у пулемета на террасе, Шевелев – у пулемета на вышке, Кронидов – на улице у будки, Орлов – в переднем дворе, Андрей Стрекотин – на заднем дворе, Сафонов – у окон между заборами, Добрынин – в саду. Я хорошо помню, что именно Андрей Стрекотин стоял у пулемета в нижних комна-

тах. Это я очень хорошо помню. Он все обязательно видел. Относительно других могу кое-кого и спутать, особенно не ручаюсь. Стрекотин на самом деле все и видел. Когда я ходил за водой, я останавливался около него и расспрашивал, как же это их побили? Спрашивал я и Столов также и Медведева. Оба они со Стрекотиным говорили согласно и рассказывали следующее.

Во вторник утром, когда я стоял на посту, я сам видел, что Юровский пришел в дом часов в 8 утра. После него, спустя несколько времени, в дом прибыли Белобородов с пузатым. Это я сам видел. Как я уже говорил, я тогда ушел с поста в 10 часов утра. Медведев же сказывал мне, что они втроем, т. е. Юровский, Белобородов и этот пузатый, спустя несколько времени, поехали кататься на автомобиле[16]. Дома в это время оставался Никулин. Перед вечером они втроем вернулись. Значит, вернулись Юровский, Белобородов и этот пузатый. Вечером Юровский сказал Медведеву, что Царская семья ночью будет расстреляна, и приказал ему предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы. Вот этого я толком понять не могу. Правда это была или нет, я этого доподлинно не знаю, потому что никого из рабочих об этом я спросить не догадался, отбирал ли на самом деле у них Медведев револьверы. Для чего это нужно было, я сам не понимаю: по словам Медведева, расстреливали Царскую семью латыши, а они все имели наганы. Я тогда еще не знал, что Юровский еврей. Может быть, он, руководитель этого дела, и латышей для этого нагнал, не надеясь на нас, на русских? Может быть, он для этого и захотел постовых русских рабочих обезоружить? Пашка Медведев приказание Юровского в точности исполнил: револьверы отобрал, передал их Юровскому, а команду предупредил о расстреле Царской семьи часов в 11 вечера.

В 12 часов ночи Юровский стал будить Царскую семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский будто бы такие объяснения привел Царской семье: ночь будет „опасная", т. е., как я понимаю, он им сказал, в верхнем этаже будет находиться опасно на случай, может быть, стрельбы на улицах, и поэтому потребовал, чтобы они все сошли вниз. Они требование Медведева исполнили и сошли в нижние комнаты в сопровождении Юровского, Никулина, Белобородова и этого курчавого, пузатого. Здесь были сам Государь, Государыня, Наследник, все четыре дочери, доктор, лакей, горничная и повар. Мальчика же Юровский суток, кажется, за полтора приказал увести в помещение нашей команды, где я его видел до убийства сам. Всех их привели в ту самую комнату, где в стенах и в полу было много следов пуль. Встали они все в два ряда и немного углом вдоль не одной, а двух стен. Ни про какие стулья при этом Пашка мне не сказывал. Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу. Государь не дослышал и спросил Юровского: „Что?" А он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил Государю, показывая ему револьвер: „Вот что". И будто бы при этом добавил: „Ваши родственники не велят Вам больше жить". Что означали эти слова, я не понимаю. Хотя я не понимаю этих слов, но я не просил у Медведева никаких объяснений этим непонятным словам. Я не могу также точно удостоверить, что именно так мне передавал слова Юровского Пашка. Может быть, Юровский и по-другому сказал Государю: „Ваш род не должен больше жить". Пожалуй, что так оно и будет. Пожалуй, что вот так он и сказал.

Хорошо я еще помню, что, передавая мне про бумагу, которую Юровский вычитывал Государю, он называл ее, эту бумагу, „протоколом". Именно так ее называл Пашка. Это я хорошо помню. Как только это Юровский сказал, он, Белобородов, пузатый[17], Никулин, Медвелев и все латыши (их было, по словам Пашки, 10, а не 11 человек) выстрелили все сначала в Государя, а потот тут же стали стрелять во всех остальных. Все они пали мертвыми на пол. Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули две-три в Государя и в других лиц, кого они расстреливали. Показываю сущую правду. Ничего вовсе он мне не говорил, что он будто бы сам не стрелял, а выходил слушать выстрелы наружу: это он врет. Ничего он мне также не говорил ни про подушки, ни про то, что семья Царская сидела на стульях, когда ее расстреливали.

Когда их всех расстреляли, Александр Стрекотин, как он мне сам это говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх. После этого их всех навалили на грузовой автомобиль, кажется, один, и куда-то увезли. Шофером был на этом автомобиле рабочий Злоказовской фабрики Люханов. Об этом я Вам передаю со слов Медведева. Люханова я сам хорошо знал. Он никогда караульной службы не нес, потому что он был шофер и целый день находился, если не ездил на автомобиле, в комендантской комнате. Ночью он уходил на свою квартиру (не знаю, где он жил). Ездил он всегда с нашими комендантами, т. е. с Авдеевым и Юровским. Из себя он такой: лет ему не больше 40, роста среднего, среднего телосложения, лицо худощавое и несколько нечистое: или от угрей или от оспы. Усы небольшие, черненькие, бороду брил и немного оставлял спереди под нижней губой, нос тонкий, прямой. Волос на голове не помню, глаз также и других его примет указать не могу. Носил он, кажется, френч, сапоги, а на голове кепку, кажется, суконную. По словам Медведева, на этом грузовом автомобиле с трупами убитых уехали: Юровский, Белобородов, пузатый и несколько человек латышей. Из наших же рабочих-охранников не попал ни один.

Я ни от кого не слыхал, чтобы у кого-нибудь из убитых был бы обрублен палец. Об этом мне никто не говорил. Сам я трупов убитых не видел. По какому направлению они уехали, не знаю. Этого тогда не знал, должно быть, и сам Медведев, потому что обставил это дело Юровский тайной.

После уборки комнат мы со Столовым пошли, было, в наше помещение в дом Попова, но нас Медведев посадил опять в баню досиживать арест. Пошли мы в баню и проспали там часов до 10 утра. Это, значит, было уже в среду. В 12 часов я стал на пост снаружи у будки на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Простоял я два часа. Тут мы со Столовым пошли в город и прошатались до вечера. Знакомых мы никого не видели и никому про убийство не говорили. Вечером мы пришли в казарму, поели и спали.

В четверг 18 июля с 6 часов утра меня Медведев поставил на пост внутри дома у комендантской. До этого времени ни один рабочий, как только появились латыши, в доме не ставился, когда была жива Царская семья, а тут, как их убили, опять поставили нас. Около уборной никого не было. А меня, помню, сменил тогда Александр Котегов. Когда я в этот день 18 июля вступил на пост, в доме были уже Юровский, Никулин, Медведев и латыши. Из наших рабочих и из злоказовских не было никого. Я хорошо помню, что Юровский, когда я пришел становиться на пост, был уже в доме. Должно быть, он и ночевал тогда тут. У них шла уборка царских вещей, и они все очень торопились. Укладывали вещи все положительно, какие только можно было уложить. Но доподлинно сказать, какие именно вещи укладывались, я не могу, потому что сходить с поста я не мог. Видел я издали, что укладывались в чемоданы сапоги, вообще обувь и платье. О чем разговаривали в это время между собой Юровский, Никулин и Медведев, я не слышал. Были они все спокойные и, как мне тогда казалось, Никулин и Юровский были несколько пьяные.

В этот день вещи еще никуда не вывозились, а только укладывались. Сойдя с поста, я пошел в караульное помещение, поспал, поел и пошел со Столовым к брату Александру во 2-ю часть милиции. Брату я ничего про убийство не рассказывал. До вечера мы со Столовым проболтались по городу и к вечеру пришли в караульное помещение. Тут нам Медведев объявил, что мы все должны уезжать из Екатеринбурга.

19 июля утром нас отправили на станцию Екатеринбург I. Но нас не всех враз отправили на станцию. Которые из наших и остались. Я помню, что в нашей партии были тогда со мной вот кто: Столов, Теткин, оба Турыгина, Талапов, Вяткин, Котов Михаил и из злоказовских Андрей Корзухин. Несколько суток мы терлись на станции без всякого дела. Нашу партию прикомандировали для охраны штаба 3 красной армии. Штаб тогда был уже в вагонах. Около штаба мы и находились. В это время я видел, что на вокзал в автомобилях привозили царские вещи, кото-

рые раньше укладывались в чемоданы и в сундуки. Их привозили и складывали в несколько вагонов. Вагонов было, приблизительно, три. Они были американские: большие, окрашенные в темно-коричневую краску. Я не совсем точно Вам сказал: вагоны я видел, но я не видал, как привозили вещи и как их складывали в вагоны. Об этом мне передавал Талапов. Он же говорил мне, что шофером был на том автомобиле, на котором вещи возились, Люханов, а таскали вещи в вагон латыши. Как уезжал Юровский, я видел сам. Он уехал, как мне кажется, в ночь на 21-е июля по направлению к Перми. С ним уехала его семья и Никулин. Я это сам видел. С Юровским же уехали и все латыши, которые жили в Ипатьевском доме внизу и убивали семью Государя и его самого. Это я также сам видел. Мы все, которых я Вам указал, уехали из Екатеринбурга со штабом 3-й армии в то время, когда, как говорили, город уже занимался. Уехали мы в Пермь.

Когда я еще находился в Екатеринбурге, я слышал от Медведева, что Юровский должен уехать в Москву. В Перми я Юровского ни разу не видел. Не видел там я также и Никулина, Авдеева и Мошкина, а также и не видел других рабочих-охранников, которые остались тогда в Екатеринбурге.

Кроме названных рабочих, с нами же уехал и Александр Стрекотин. Мы все в Перми несли охрану штаба 3-й армии. Про убийство Царской семьи мы со Стрекотиным разговаривали и в Перми. Нового он мне ничего не говорил. В частности, я, например, его спрашивал, куда же увезли трупы убитых, но Стрекотин этого не знал. Это должен бы знать, по-моему, Люханов, но я его не видал ни разу, как уехал из Екатеринбурга. Люханов же уехал из Екатеринбурга вместе с Юровским. Это я хорошо помню. Я его видел тогда, когда он садился в вагон. Я не видел его семьи, чтобы она уезжала с ним. Он, равно как, один уезжал, без семьи. С Юровским же уехала и его семья. Любовницы Никулина я тогда не видел в поезде, и уехала она или же нет, не знаю. Вся наша партия в Перми сначала жила в вагонах, а потом нас перевели в какую-то, кажется, гимназию на углу, кажется, Екатерининской и какой-то другой улицы. Все вместе мы нашей партией жили в одной комнате. Про убийство Царской семьи мы вели со Стрекотиным разговоры в вагонах, когда ехали в Пермь. Потом мы уже больше с ним об этом деле не говорили.

Когда войска генерала Пепеляева стали брать Пермь[18], штаб 3-й армии и все рабочие нашей партии уехали из Перми куда-то по направлению к Вятке. Я же один отстал от них. Около Перми есть Новая Деревня (с полверсты от Перми), там живет мой двоюродный брат Матвей Иванович Проскуряков. Я у него бывал и с ним стал советоваться, как мне быть, уходить с красными или остаться в Перми? Он мне советовал остаться. Я и не поехал, а вернулся в Екатеринбург, когда Пермь была взята. Матвею Ивановичу я тоже ничего не говорил про убийство Царской семьи.

Приехав в Екатеринбург, я поселился у брата Александра. Он меня повел к этапному коменданту штабс-капитану Ваулину. Так как брат меня взял на поруки, то Ваулин меня под стражу, как красноармейца, не взял. Я стал находиться у брата и искать себе здесь в городе должности, но про меня узнали в уголовном розыске и, когда мы с братом были в отсутствии, за нами приходили из розыска. Тогда мы с братом сами пошли в 4-ю часть, куда нам велено было прийти. Там меня забрал седенький чиновник (Алексеев) и стал допрашивать. Я напугался и стал ему врать, что я на охране вовсе не был. Потом я сознался, что был на охране, но стал говорить, что ничего не знаю. Но потом я сказал, что ничего не знаю потому, что был в бане, куда был заперт Медведевым. Теперь Вам я рассказал все, что знал про это дело.

Я вполне сам сознаю, что напрасно я не послушался отца и матери и пошел в охрану. Я сам теперь сознаю, что нехорошее это дело сделали, что побили Царскую семью, и я понимаю, что и я нехорошо поступил, что кровь убитых уничтожал. Я совсем не большевик и никогда им не был. Сделал я это по глупости и по молодости. Если бы я теперь мог чем помочь, чтобы всех тех, кто убивал, переловить, я бы все для этого сделал.

Куда выкидывались опилки, пропитавшие кровь, и тряпки, я не знаю. Выкидывал ли кто и какие именно вещи в помойную яму во дворе дома Ипатьева, я тоже не знаю. Также я не видел, кто и какие именно вещи убитых сожигал в печах.

Когда я видел Государыню проходящей в уборную, я не замечал, были ли на ней серьги.

Я вижу предъявленный мне Вами снимок фотографический с надписи, сделанной на обоях, и самый кусок обоев с этой надписью (предъявлены фотографический снимок и самый кусок обоев с надписью, описанный в пункте 1-м протокола 24 февраля сего года, л. д. 82, том 2-й) и положительно удостоверяю, что эта надпись означает слово „Кронидов", т. е. расписался на обоях рабочий охранник Кронидов[19].

Я вижу кусок дерева с обоями и надписью на них „Стрежнев". Кто написал это слово, не знаю. Никакого Стрежнева я не знал и не знаю. (Обвиняемому был предъявлен кусок дерева с обоями с надписью на них, описанный в пункте 22-м протокола 17–18 февраля[20] сего года, л. д. 55 об., том 2-й.)

Я вижу предъявленный мне Вами снимок с кольцом и частями гранаты (предъявлены части гранаты с кольцом, описанные в пункте 12-м протокола 12 февраля сего года, л. д. 12 об., том 2-й) и показываю: гранаты с такими кольцами были в доме Ипатьева и находились в особом ящике на террасе и на вышке при пулеметах. Брали ли их, когда совершалось убийство, я не знаю. Таких гранат, снимок с частей которой Вы мне показываете сейчас (предъявлен снимок частей гранаты, описанных в пункте 14-м протокола 10 февраля сего года, л. д. 13, том 2-й), в доме Ипатьева не было[21].

Человек, фотографические карточки которого Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические карточки Петра Захарова Ермакова, представленные при дознании агентом Алексеевым, л. д. 11 об., т. 3-й), сильно похож на того самого, которого я называл пузатым и курчавым, и который приходил во вторник с Белобородовым в дом Ипатьева. Действительно ли у него такое брюхо, как мне казалось, я не могу сказать. Может быть, он так одет был, что брюхо у него казалось мне большим, а на карточке этого как будто бы не заметно. Я припоминаю, что и Медведев, кажется, также называл его по фамилии „Ермаков" и говорил про него, что это комиссар, но какой именно комиссар и откуда именно, он не сказывал.

У всех рабочих, которые стояли на посту, револьверы были Нагана. Раньше постовые имели только одни винтовки, а за несколько дней до убийства откуда-то появились у нас револьверы Нагана. Кто и откуда их принес, я не знаю. Раздавал их тогда по рукам Медведев. Было их всего 7 штук. У латышей же все время были наганы. У самого Юровского был револьвер среднего размера, системы Браунинга или Маузера, без барабана, черного цвета. У Никулина был большой револьвер, кажется, на 25 патронов, с барабаном. У Медведева был револьвер Нагана.

Куда девался мальчик, который прислуживал Царской семье и которого до убийства перевели в нашу казарму, я не знаю. Я видел его после убийства. Он спал на моей койке, и я с ним разговаривал. Знал ли он про убийство Царской семьи, не знаю. Он не плакал, и ничего про это мы с ним не говорили. Он мне сказал, что комендант хочет его отправить домой, и называл какую-то губернию, но я забыл название ее. При этом он мне жаловался, что Юровский отобрал у него одежду. Одет он в то время был в черную со стоячим глухим воротничком тужурку из сукна, черные суконные брюки и сапожки. На нем сверху было одето старенькое черное пальто, с петличкой сзади, фасона гимназического. Какая у него была фуражка или шляпа, я не помню.

Я хорошо помню Виктора Лугового. Он нашего Сысертского завода. Из себя он такой высокий, худой. Я прекрасно помню, что он до самого убийства был в охране. Я очень хорошо помню, что он был в числе других рабочих, убиравших комнаты после убийства, когда мы пришли туда со Столовым. Я очень хорошо

помню, что он, например, заметал метелкой опилки в комнате, где произошло самое убийство.

В нижних комнатах жил пленный мадьяр по имени, кажется, Рудольф, а не Адольф. Он был невысокого роста, коренастый, лет 26, волосы на голове черные, длинные, усы светло-русые, бороду брил, нос прямой небольшой. Рудольф прислуживал и Авдееву с Мошкиным, и Юровскому. Он, очевидно, был в доме, когда шло убийство Царской семьи, потому что я видел его потом в поезде уезжавшим вместе с Юровским.

Из баб к нам в казарму приходили жены к Медведеву, Вяткину, Андрею Стрекотину, Андрею Старкову. Но в день убийства никого из баб у нас не было в казарме. Только вскоре после убийства к Медведеву приезжала его жена.

Остался ли кто из рабочих нашего завода или злоказовских здесь и кто ушел за большевиками, я не могу сказать.

Ни одного из латышей я назвать не могу. Все они говорили по-русски очень плохо и говорили между собой не по-русски[22]. А один был, который с Юровским говорил не по-русски, но и не так, как говорили между собой латыши, а как-то по-другому, как будто бы по-„жидовски", но точно этого сказать не могу. Утверждаю лишь, что один такой латыш был, который говорил именно с Юровским не так, как говорили между собой латыши. Из себя этот „латыш" был лет 30, низенький, плотный, нос имел длинный, волосы, глаза и брови черные, уши большие, бороду брил, усы черные, средней величины, лицом смуглый. Похож он был на еврея. Его не было в комнатах в то время, когда мы пришли туда со Столовым и когда убирали мы, рабочие, комнаты. Очевидно, он в числе других отвозил трупы убитых.

Когда я стоял на посту внутри дома, я ни одного раза не видел, чтобы Государыня входила в комендантскую комнату. Думаю я, что этого и быть никак не могло, потому что Юровский нехорошо обходился с ними. Если туда в комендантскую комнату попали четки Государыни, то, может быть, их там забыли, когда укладывали вещи в чемоданы после убийства[23].

Я вижу две предъявленные мне Вами фотографических группы (предъявлены две фотографических группы, имеющихся при деле, с изображением советских деятелей). На одной из них я узнаю двоих рабочих со Злоказовской фабрики. Один из них, кажется, был помощником шофера Люханова и фамилия ему, кажется, Лабышов, хотя точно сказать этого не могу. Но он сильно похож на него. Уехал ли он в Пермь или же нет, сказать не могу. Другой же, по фамилии мне неизвестный (забыл ему фамилию), мне очень хорошо известен. Он до конца был в охране. Замывал также кровь и вместе с нами уехал в Пермь.

На другой карточке я узнаю Юровского, Никулина, как уже я Вам говорил раньше.

Дочери Государя ходили в высоких полусапожках и в туфлях. Были ли на туфлях пряжки, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены две пряжки, описанные в пункте 2-м протокола 15–16 февраля 1919 года, л. д. 45, том 2-й), я не замечал: может быть, были, может быть, нет. Государя я видел, когда он проходил в уборную или когда выходил в сад. Я помню, что мне приходилось его видеть в тужурках серого и черного цвета со стоячим воротником. Хорошо помню, что пуговицы на этих тужурках были желтые, медные, с гербами, как те, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены пуговицы, описанные в пункте 14-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 48, том 2-й). Носил он сапоги. В его бороде были заметны седеющие волосы[24].

Княжны выходили в сад в летних платьях: кофточках и юбках, разных цветов. Кофточек с красными нитками (пункт 2-й протокола 17–18 февраля сего года, л. д. 51, том 2-й)[25] я на них не замечал. Пояса на них я видел: пояса были цветные с пряжками, похожими на такие, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены две пряжки из трех, описанных в пункте 21-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 48 об., том 2-й; пункт 2-й протокола 20 февраля сего года, л. д. 61, том 2-й; пункт 13-й протокола 20 февраля сего года, л. д. 63 об. том 2-й)[26].

Больших пуговиц на костюмах княжен я никогда не видел. В верхних платьях я их также не видел.

Такой пряжки, какую Вы мне сейчас показываете (предъявлена пряжка, описанная в пункте 16-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 48, том 2-й), я ни у кого из лиц Царской семьи и бывших с ней не видел[27].

Таких бус, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены бусы, описанные в пункте 1-м протокола 15-16 февраля сего года, л. д. 45, том 2-й), я не видел никогда на княжнах, Государыне и горничной[28].

Государыни в очках я никогда не видал.

Таких образов, креста, бриллианта и лопаты, какие изображения этих предметов я сейчас вижу на предъявленных мне Вами фотографических карточках (предъявлены фотографические снимки образов, описанных в пунктах 4–6 протокола 10 февраля сего года, л. д. 11 об. – 12, том 2-й; железной лопаты, описанной в пункте „б" того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й; бриллианта и креста, описанных в пунктах „в", „г" того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й), я не видел ни у кого в доме, где жила Царская семья[29].

Выбрасывал ли, какие именно вещи и кто именно в помойную яму при доме Ипатьева, я не видел и ничего про это не слышал.

Я вижу предъявленную мне Вами расписку Медведева на 10800 рублей (предъявлена расписка, описанная в пункте 1 „а" протокола 13 марта 1919 года, л. д. 125, том 2-й)[30]. Расписка эта писана его рукой и им подписана, а слов, написанных на ней синим карандашом, я понять не могу и лиц, фамилии которых были бы похожи на эти слова, я не знаю.

/.../

Кто заведовал хозяйством Царской семьи, я не знаю. Никакого Михаила Чащина (л. д. 29 об., том 3-й) я совершенно не знаю[31].

Кем писан черновик телеграммы о казни Государя, который Вы мне сейчас показываете (предъявлен документ, описанный в пункте 1-м протокола 25 марта сего года, л. д. 41, том 3-й)[32], я не знаю.

/.../

При мне, когда я находился в охране, электрической сигнализации не проводилось.

/.../

Когда я, после убийства Царской семьи, стоял на посту в верхнем этаже дома, я не видел там никаких повреждений. Я не видел, например, сорванных с петель дверей, каких-либо взломов, следов штыковых ударов на дверях и стенах. Ящик в двери для корреспонденции был на месте[33].

/.../

Про пузатого я хорошо помню: Медведев сказывал, что он именно комиссар и живет именно в Американской гостинице.

Стульев, поврежденных пулями и находившихся в нижних комнатах дома Ипатьева, я после убийства не видел.

Нас, рабочих, никуда из Екатеринбурга после убийства охранять в лесу какую-либо местность не посылали.

Время своего поступления в охрану я считаю по старому стилю.

Рабочий Александр Кронидович Алексеев имел кличку: „Кронидов", по которой чаще его и называли, чем по фамилии.

Больше объяснить я ничего не могу. Объяснение мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Филипп Полиевктович Проскуряков.
Судебный следователь Н. Соколов.

При допросе присутствовал

Прокурор Екатер. окр. суда В. Иорданский.

189

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 2 дня, г. Пермь. Агент Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев расспрашивал, в присутствии прокурора Пермского окружного суда Шамарина, в его камере, доставленного с фронта солдата 1-го Пермского пехотного стрелкового полка, 1-й роты, 3-го взвода, Анатолия Александровича Якимова, происходящего из граждан Юровской волости и завода Пермского уезда, который объяснил, что он имеет от роду 31 год. По ремеслу токарь.

До 1916 года работал при Мотовилихинском пушечном заводе, а затем поступил добровольцем и был на румынском фронте. В 1917 году, будучи рядовым, был эвакуирован с фронта по болезни и прибыл 28 октября в Мотовилихинский завод, затем уехал в Екатеринбург и поступил токарем на Злоказовский металлический завод близ города Екатеринбурга. Женат на Марии Николаевой, урожденной Босых. Детей не имеет. С женой совместно не живет, так как жена его сожительствует с Николаем Егоровым Лоскутовым. В настоящее время она находится в Мотовилихинском заводе, „на Висиме", подробный адрес ее не знает. Мобилизован он в настоящее время в армию, как имеющий призывной по мобилизации возраст. Последнее время перед мобилизацией проживал в Мотовилихинском заводе, в доме своего дяди по отце – Павла Данилова Шаньжина, живущего по Инженерной улице, дом № 94. Ничем это время не занимался.

Проживая на Злоказовской металлической фабрике близ города Екатеринбурга и состоя токарем, он, по добровольному желанию, „нанялся", в числе других рабочих названной фабрики, на охрану бывшего Императора Николая II-го и его семьи, помещавшихся в городе Екатеринбурге, по Вознесенскому проспекту, в доме Ипатьева, каковой дом при советской власти назывался „Домом особого назначения". Наем рабочих на охрану означенного дома производил Александр Дмитриев Авдеев, бывший рабочий на той же Злоказовской фабрике, который состоял тогда комендантом этого дома. Помощником его был Александр Мошкин, тоже бывший рабочий этой фабрики. Нанялся он, Якимов, на охрану дома вместе с другими рабочими в мае месяце прошлого года и поступил на охрану 30 мая нового стиля. Товарищи его по охране – рабочие Злоказовской фабрики – избрали его из своей среды разводящим. На обязанности его лежало разводить караульных по постам и выходить на звонок – докладывать коменданту о приходящих лицах. Жалованье он получал одинаковое с другими караульными: по 400 рублей в месяц, за вычетом провизионных.

На охрану дома из рабочих Злоказовской фабрики было нанято всего 16 человек, а именно: 1) сам он – Якимов, 2) Никита Дерябин, отчество его и место приписки не знает, 3) Григорий Тихонов Лесников из Куштинского завода, Соликамского уезда, 4) Михаил Смородяков, отчество и место приписки не знает, 5) Николай Путилов из Ижевского завода, Сарапульского уезда, 6) Леонид Иванов Брусьянин, место приписки не знает, мать живет фельдшерицей в Дедюхине, 7) Александр Иванов Устинов из Пожевского завода, Соликамского уезда, 8) Александр Прохоров, отчество не знает, родом из Уфимской губернии, Катав-Ивановского завода, 9) Степан (или Павел) Вяткин из села Уктуса, Екатеринбургского уезда, 10) Александр Корзухин из села Уктуса, 11) Пелегов Василий, отчество не знает, откуда происходит, не знает, 12) Иван Николаев Клещев из Екатеринбургского уезда, родители его живут на суконной фабрике Ушкова за Екатеринбургом, 13) Александр Осокин, отчество и место приписки хорошо не знает, известно ему, что он Казанской губернии, жил до этого в Екатеринбурге, 14) Иван Иванов Романов из города Ярославля, 15) Семен Дмитриев, отчество не знает, из Петрограда и 16) Александр Варакушев из города Тулы. Кроме их, на охране дома было еще 28 человек рабочих Сысертского завода.

Рабочие Злоказовской фабрики и Сысертского завода состояли на наружной охране дома. Была еще внутренняя охрана, в которой состояли пять латышей и пять русских. Из латышей одного звали „Лякс", а остальных по имени и фамилии не знает. Из русских знает только одного Кабанова, имя и отчество его не знает, а остальных совсем не знает по имени, отчеству и фамилии[1]. Откуда происходит Кабанов и остальные русские, – тоже не знает. Кабанов будто бы из Омска. Рабочие Злоказовской фабрики и Сысертского завода, состоявшие на охране, проживали в доме Попова против дома Ипатьева, а латыши и русские, состоявшие на внутренней охране, помещались в том же доме Ипатьева, внизу.

Последнее время комендантом этого дома был еврей Юровский, имя и отчество не знает, часовых дел мастер и фотограф. Помощником его состоял Никулин, имя и отчество, а также происхождение его и место приписки не знает, слышал, что он происходит из Омска. Авдеев и Мошкин, бывшие ранее, первый – комендантом дома, а второй – его помощником, были уволены за кражу царских вещей и при доме этом не жили. За кражу царских вещей были уволены, вместе с Авдеевым и Мошкиным, еще другие рабочие Злоказовской фабрики, а именно: Иван, Василий и Владимир Логиновы, Николай и Станислав Мишкевичи, Соловьев Александр Федоров, Гоншкевич Василий Григорьев, Корякин Николай, Крашенинников Иван, Сидоров Алексей, Украинцев Константин Иванов, Комендантов Николай, Лабушев Леонид Васильев и Валентин Сергеев Люханов. Были ли эти лица при доме Ипатьева тоже на охране, или какую другую несли обязанность, он не знает, но ему известно, что находились они при этом доме только день или только ночь, а в остальное время находились при заводе Злоказова. Последнее время, когда был комендантом дома Юровский, их уже не было.

Помощник коменданта Никулин был знаком или состоял в любовной связи с Евдокией Максимовой Бахаревой, урожденной Сивилевой, которая ему, Якимову, ранее была известна по Мотовилихинскому заводу, где она вышла замуж за Бахарева (парикмахера) и где живут ее родители по Инженерной улице, дом № 3, вверху. Где она находится в настоящее время, неизвестно. Бахарева служила в Чрезвычайной комиссии в Екатеринбурге, в которой состоял и Никулин до обязанности коменданта Ипатьевского дома. Познакомились они с Никулиным будто бы в городе Екатеринбурге.

Разводящих всего было трое, а именно: он – Якимов, Семенов, Константин Добрынин и временно заступал место Семенова – Иван Старков. Последние трое принадлежат к числу рабочих Сысертского завода. Дежурили они понедельно. Павел Спиридонов Медведев был начальником всей охраны Ипатьевского дома и проживал вместе с ними при доме Попова в отдельной комнате. На неделе 15–16 июля нового стиля очередь исполнения обязанности разводящего была у него, Якимова, с 2 часов дня до 10 часов вечера, а с 10 часов вечера до 6 часов утра исполнял эту обязанность Константин Добрынин.

Утром 16 или 17 июля нового стиля, хорошо число не помнит, ему и другим рабочим сообщил один из состоящих в охране из числа рабочих Злоказовской фабрики вышеупомянутый Иван Клещев, что в эту ночь Царь Николай Романов и вся его семья: Царица, Наследник и четыре дочери расстреляны. Вместе с ними расстреляны, как говорил Клещев, доктор Боткин, фрейлина Демидова, повар и лакей, всего – 11 человек. Клещев говорил, что видел в окно, стоя на посту в саду в эту ночь, как расстреливались все лица и что это также видел бывший на посту с другой стороны дома, тоже в окно, Никита Дерябин, который и подтвердил ему, Якимову, рассказ Клещева. Клещев и Дерябин говорили, что около 2-х часов ночи комендант дома Юровский вошел в комнаты верхнего этажа дома, где помещался Царь с семьей и предложил им сойти вниз дома, говоря, что дом будут обстреливать. Царь с семьей и живущие с ними лица, доктор Боткин и прислуга, оделись и начали спускаться к низу. Спустившись в нижний этаж дома, вошли в комнату: комната эта глухая, как будто углубленная в землю, с одним окном, которое обращено на улицу.

По приходе в комнату Юровский сказал: „Николай Александрович. Вас родственники хотели спасти, но этого им не пришлось, и мы должны Вас сами расстрелять". После этого начали расстреливать всех лиц, вошедших в комнату. Сначала застрелили Царя, и он упал, а затем залпом начали расстреливать и остальных лиц. Стреляли несколько раз, расстреливаемые падали поочередно. Дочь Царя Анастасия Николаевна после выстрела упала, а когда начали всех расстрелянных осматривать, то она оказалась жива, и ее прикололи штыком. Фрейлина Демидова защищалась при расстреле подушкой и пулями не могли ее умертвить, а закололи штыками. Расстрел производили из револьверов. Револьверы были, как известно ему, Якимову, только у внутренней охраны, у наружной охраны револьверов не было. У внутренней охраны, кроме того, были и винтовки. Сколько было револьверов у внутренней охраны, он не знает, об этом известно было начальнику охраны Медведеву.

Расстрел производили, по словам Клещева и Дерябина, латыши – 5 человек, состоявшие на внутренней охране при доме, и пять человек русских, состоявших также в числе внутренней охраны при доме, в том числе был и помощник коменданта Никулин. При всем этом распоряжался комендант дома Юровский и тут же находился начальник охраны Павел Спиридонов Медведев. Медведев, по словам Клещева и Дерябина, стоял сзади стрелявших. Юровский, по их словам, стоял за дверьми в углу, остальные лица, производившие расстрел, стояли в дверях и за дверьми в коридоре.

Царь стоял на середине комнаты, против дверей, рядом с Царем стоял доктор Боткин, а с Боткиным в кресле сидел /так!/ Наследник Алексей. Влево от дверей у стены стояли официант и повар, а в глубине комнаты у стены стояли Государыня и великие княжны.

Подробности расстрела и расположение лиц при расстреле, рассказывал Дерябин, который стоял у окна, обращенного из той комнаты на улицу, и все происходившее в доме видел. Относительно того, как комендант Юровский сказал Царю пред расстрелом: „Николай Александрович. Вас родственники хотели спасти, но не придется, Вы должны быть расстреляны", – слышал Клещев через окно на улице, стоя на посту у этого дома[2].

Царскую семью затем „ощупывали" после расстрела и в поясах, видимо, находили зашитые ценности. После всего этого трупы убитых те же лица, которые производили расстрел, стали выносить из дома на грузовой автомобиль. Леонид Брусьянин, стоявший в это время на посту в ограде, увидев выносимые из дома трупы, испугался и убежал в дальнюю ограду. Об этом Брусьянин также рассказывал в караульном помещении в доме Попова ему, Якимову, и другим товарищам по охране. Рассказывал об этом также стоявший на посту в ограде дома у подъезда Григорий Лесников. Видел Лесников только, как укладывали расстрелянных на автомобиль.

Трупы всех одиннадцати убитых на автомобиле увез шофер Сергей Иванов Люханов, родственник бывшего коменданта дома Авдеева. Люханов все время находился в качестве шофера при автомобиле при „Доме особого назначения". Автомобиль у него был легковой – желтой окраски. Грузового автомобиля до этого времени при доме не было. У Люханова был ранее помощник Леонид Лабушев, происходящий откуда-то из Малороссии, который последнее время уже не служил при этом доме, и Люханов ездил на автомобиле один. На автомобиле ездил более комендант Авдеев, а бывший после Авдеева комендант Юровский чаще ходил пешком и ездил на лошади. Сам он, Якимов, автомобиль-грузовик не видел, а слышал об этом автомобиле от стоявших на посту Клещева и других.

Когда увезли трупы из дома, то русские, бывшие на охране внутри дома и производившие расстрел Царя с семьею, замывали, по словам Клещева, кровь в той комнате, в которой производился расстрел, „сгруживали", по словам Клещева, в одну кучу метлой и „сваливали" в подполье, а потом замывали остатки водой.

Сам он, Якимов, в расстреле участия никакого не принимал и очевидцем этого расстрела и увоза не был. Все это он передает со слов вышеупомянутых бывших на охране лиц Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова, которые передавали ему об этом утром на следующий день[3].

Трупы умерших, как он, Якимов, позднее слышал, свезли на автомобиле куда-то в болото за Верх-Исетский завод и схоронили в яму. Дорога к тому месту была настолько плохая, что автомобиль застрял в грязи. Кто ему, Якимову, об этом говорил, он не припомнит, но кажется, это говорил Павел Медведев.

В доме, где Царь помещался с прислугой, жил еще мальчик, как его звали, не знает. Мальчик этот с вечера оказался в помещении для караула, находившемся рядом с домом Ипатьева, в комнате у Медведева. Мальчика этого отправили, по словам Медведева, в Петроград, перед тем как им нужно было уезжать из Екатеринбурга.

Из числа лиц, бывших при внутренней охране, принимавших участие в расстреле, был один по фамилии, как он припоминает, Ермаков. Слыхал он также между этими лицами фамилию одного – Костоусов. Фамилий Леватных, Малышкина и Партина не помнит. Костоусова он видал, помнит, что ходил он в простых белых очках. Костоусов, по словам Клещева, замывал пол в комнате расстрела.

После расстрела Царя и его семьи они прожили при доме до 19 июля, и в ночь на 20 июля их отправили на вокзал Екатеринбург, где они пробыли в вагонах до 25 июля, и потом их отправили в Пермь. В Перми его, Якимова, и других 7 человек назначили к комиссару снабжения Горбунову для охраны его. Затем его, Якимова, и других 6 человек, назначили в интендантство вахтерными на ст. Левшино горнозаводской линии жел. дороги. Со станции Левшино он, Якимов, перешел в Мотовилиху и поступил в биржу труда в качестве писца-регистратора, где и служил до освобождения Перми и Мотовилихинского завода от советской власти. При освобождении Перми остался от большевиков, не желая больше следовать за ними и состоять в их партии, и проживал у своего дяди Павла Шаньжина, где и застала его мобилизация, и он вступил в ряды правительственной армии, причем находился, во время задержания его по данному делу, на фронте по Глазовскому направлению, в 80 верстах от г. Глазова. Где в настоящее время находятся его товарищи по охране, он не знает.

Один из них, Иван Клещев, был арестован большевиками во время нахождения в Левшино за кражу сукна и приговорен к общественным работам на 6 месяцев. Сидел он некоторое время в арестном доме в г. Перми и затем был отправлен большевиками куда-то на работу за ст. Левшино, по реке Чусовой. Арестован он был в сентябре или октябре месяце, срок отбытия работ ему должен был окончиться в феврале месяце. Где Клещев находится в настоящее время, ему неизвестно. Не остался ли кто-нибудь в этих краях из лиц, бывших на охране дома от большевиков по освобождении занятой ими местности, ему также неизвестно. Коменданта дома Юровского он встречал в Перми при большевиках на Монастырской улице шедшим по дороге. Было это в сентябре или августе, в последних числах августа, а более не видал.

Никулина тоже встречал на улице города Перми. Никулин говорил, что служит в отделе районного укрепления при штабе 3-й армии и указал, что отдел помещается на сенном рынке в 3-м доме от угла Кунгурской улицы. Встречал Никулина тоже в августе или сентябре.

Где находятся в настоящее время Юровский и Никулин, ему неизвестно. Более ничего по делу объяснить не может.

Агент Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

При опросе присутствовал прокурор Пермского окружного суда
Н. Шамарин.

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 4 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

190

Семен Георгиевич Логинов, 34 лет, из мещан г. Бийска, постоянное жительство в последнее время имел в г. Омске, на Лермонтовской улице, дом № 13, православный, грамотный, в деле чужой, не судился.

Мой отец жил в г. Бийске и имел маслоделательные заводы в Бийском уезде. Я жил при нем и учился в Бийском городском четырехклассном училище, где кончил курс. После окончания училища я поступил в Бийский казенный винный склад. Здесь я прослужил приблизительно полгода и уехал в Иркутск. Отсюда я уехал за границу и поступил в Цюрихе в политехникум. Здесь меня захватила Русско-японская война. Я возвратился в Россию и поступил добровольцем в 12-й Иркутский запасный батальон. В этой войне я был ранен.

После окончания войны я возвратился к отцу, жил у него, но в 1908 году, приблизительно, уехал в г. Троицк, Оренбургской губернии, с целью приискания заработка, так как с отцом у меня установились натянутые отношения: он пил, мучил семью; из-за этого у нас и пошли с ним нелады. В Троицк же именно я попал потому, что прочитал в газетах какое-то объявление, предлагающее заработок. Здесь я был хроникером одной газеты, заведовал типографией. В Троицке и его пределах я прослужил до 1915 года. В этом году я поступил добровольцем в Армию в 19-й Сибирский стрелковый полк и сразу же был зачислен в команду кандидатов школы прапорщиков. Участвовал я в боях и два раза был ранен. Отравлен был газами. В 1917 году я был в стенах школы прапорщиков в г. Омске, где меня захватила революция. 24 июня я получил производство в чин прапорщика.

В то время Омский совдеп издавал свою официальную газету „Известия", в которой я, с целью заработка, и работал в качестве сотрудника. После большевитского переворота я стал заведовать конторой этой газеты. Председатель Омского совдепа Косарев[4], зная, что я по убеждениям не большевик, а разделял убеждения социал-демократов меньшевиков интернационалистов, потребовал от меня, чтобы я, заведуя конторой, не саботажничал, а работал в контакте с большевитской властью, на что я изъявил согласие. Общая разруха жизни меня несколько затянула: я стал играть в карты, проигрался, еще более затянулся и продолжал служить у большевиков в надежде поправить свои материальные дела, так как я уже к этому времени обзавелся семьей: имел жену и ребенка, помогая также и матери, которую бросил отец. Так продолжалось до бегства большевиков из Омска. Вместе с другими деятелями я принужден был эвакуироваться из Омска. Дней за шесть до падения советской власти в Омске я, как офицер, был назначен к выполнению некоторых чисто технических функций по охране города, причем в моем подчинении была и милиция. Вот это-то обстоятельство и заставило меня, главным образом, уезжать из Омска вместе с большевиками, так как я опасался мести, особенно в первые дни по очищении города от большевиков.

Приехал я в Тюмень, приблизительно, числа 10 июня, и числа 12 июня я уехал в Екатеринбург. Здесь мне было предложено, как офицеру-специалисту, выехать на фронт. Я уехал в Тюмень, где председатель оперативного штаба Усиевич[5] кате-

горически потребовал от меня, чтобы я отправился на фронт. Всячески стараясь уклониться от выполнения этого требования, я, в конце концов, получил назначение казначея полевого штаба. Все время я находился после этого при штабе 1-й Сибирской армии, отступавшей на Камышлов и затем к Ирбитскому заводу. Здесь, приблизительно числа 30 июля, мне было предписано сдать все денежные суммы начальнику хозяйственной части восточной дивизии Антонову, находившемуся в Алапаевске, что мною и было выполнено, приблизительно, 1 августа. После этого я выехал в Пермь. Отобраны от меня суммы были потому, что большевики заподозрили меня в неблагонадежности и в попытке бежать от них. Поэтому, когда я прибыл в Пермь, меня арестовала Чрезвычайная следственная комиссия. Не имея никаких, однако, доказательств моей вины, она меня освободила. Пробыв некоторое время в Перми, я решил уехать в Сибирь. Мне удалось уехать из Перми, и 3 сентября я приехал в Курган. В Сибирь я потому выехал, что в Омске, когда меня эвакуировали большевики, осталась моя семья. Из Кургана я отправился в Иркутск, думая купить здесь товаров для торговли. Но здесь я сильно проигрался в карты. Я вернулся опять в Курган. После этого я решил ехать опять в советскую Россию, думая получить какое-либо дело у большевиков, чтобы иметь в своем распоряжении опять денежные средства. 29 октября я выехал в Уфу, куда прибыл 1 ноября. Отсюда я отправился в Москву, где мне и удалось получить довольно значительную сумму. С деньгами я снова пробрался в Сибирь, и 18 февраля, приблизительно, я прибыл в Екатеринбург, где и был арестован Военным контролем.

Из Уфы в Москву я ехал через Пермь. Вместе со мной ехал в Москву идейный большевик Алексей Александрович Григорьев, бывший студент, кажется, Петроградского университета, и бывший офицер. Он ехал в Москву для доклада о политическом и военном положении Сибири. В Перми в то время находилась женщина-врач Голубева (имени ее я не знаю – в шутку ее называли „Матреной"). Голубева большевичка по убеждениям и служила у большевиков: заведовала санитарным поездом при 1-й Сибирской армии. Родом она, кажется, из Барнаула. Знаю я, что она сожительствовала с рабочим, видимо, (неинтеллигентным человеком), Селезневым, родом из Барнаула. Тогда он ничего не делал и околачивался без дела около Голубевой. Голубева, я знал, еще служила казначеем у большевиков. В Перми же тогда находился и бывший председатель Омского совдепа Владимир, кажется, Константинович Косарев, а также и его жена (гражданская), латышка по фамилии Боббе (родом она из Риги). В Перми Косарев был секретарем Уральского областного комитета партии большевиков-коммунистов, при нем находилась и Боббе.

Всей компанией мы и поехали в Москву. У меня цель была получить от большевиков деньги. Косарев был вызван в Москву телеграммой Свердлова, а Голубева так просто поехала со своим гражданским мужем в Москву. Там мы все остановились на Новой Басманной, 10–12. Это был громадный дом Басманного товарищества, реквизированный большевиками. Пришли мы все в этот дом часов в семь вечера. Стали мы ложиться спать. Ни у меня, ни у Григорьева не было подушек, а у Голубевой было две подушки. Я сказал ей, приблизительно так: „Недурно было бы, если бы Вы дали нам хоть одну подушку". Она сказала, что не может дать нам подушку, потому что их с ее мужем тоже двое. При этом она сказала, что одна из этих подушек „историческая". Я заинтересовался ее словами и попросил у нее объяснения, что это значит? Тогда она мне сказала, что подушку, которую назвала она исторической, ей дал Голощекин из числа других вещей Царской семьи. Подушку эту я тогда же рассматривал. Это была пуховая подушка (не перьевая, а пуховая), замечательно мягкого пуха. Форма ее квадратная, причем стороны ее, приблизительно, около 3/4 аршина. Нижней наволочки подушки я не видел, верхняя же принадлежала Голубевой. Тогда же Голубева мне сказала, что из царских вещей у нее есть еще ботинки, которые ей также дал Голощекин, и эти ботинки она тогда же мне показала. Это были женские ботинки, из хрома или шевро, очень хорошей мягкой кожи, на пуговицах, большого размера, приблизительно номер на 9-й мужских калош. Величина их меня смутила, и я выразил сомнение принадлежности их кому-либо из Царской фамилии. Тогда Голубева категорически мне

опять сказала, что эти ботинки она получила именно от Голощекина и что они именно из вещей Царской семьи[6]. Подробно Голубева мне не говорила, где, когда, при каких обстоятельствах получила она их от Голощекина. Сказала только, что получить что-либо из царских вещей от Голощекина было очень трудно, что он давал их только „по протекции". Этот мой разговор с ней происходил в присутствии всех указанных мною лиц, т. е. Григорьева, Селезнева, Косарева и Боббе. Рассказ Голубевой внушал и сейчас внушает мне полное доверие в его достоверность. Голубева – известная большевичка, деятельная работница. Она-то именно и могла и должна была получить от Голощекина что-либо из царских вещей – по ее положению. Получила Голубева эти вещи от Голощекина, по ее словам, в Перми, куда были привезены царские вещи. Про самое убийство Царской семьи мы тогда разговора не вели.

24 декабря я выехал из Москвы вместе с Григорьевым. С нами ехал и Голощекин. В вагоне мы стали разговаривать с Григорьевым о возможности приобрести в Екатеринбурге типографию, и я, между прочим, упомянул о типографии Шаравьевой. Виноват, этот разговор происходил между всеми нами, т. е. мной, Григорьевым и Голощекиным. В разговоре Голощекин и сказал, что против Харитоновского сада, где находилась типография, о которой у нас шла речь, содержалась семья Императора. (Вы меня не совсем правильно поняли: в Харитоновском саду была частная типография, из которой можно было получить шрифт. Вот, когда было сказано про Харитоновский сад, Голощекин и упомянул тогда о семье Императора.) Я слышал о казни бывшего Императора: об этом я читал тогда в объявлениях и газетах, выпущенных большевиками. Насколько помню, там сообщалось о казни одного Императора, и это сообщение производило впечатление какой-то недоговоренности. Вот, когда у нас зашел об этом с Голощекиным разговор, я и спросил его, зная его роль в Уральском областном совете, действительно ли расстрелян Император и что сталось с его семьей? Голощекин мне ответил, что и он сам, и его семья, и все, бывшие с ними, расстреляны. На этом наш разговор и кончился.

Голощекина я узнал в то время, когда прибыл из Омска в Екатеринбург. Он тогда был здесь военным комиссаром и членом Областного совета. Он, приблизительно, около 40 лет, выше среднего роста, полный, волосы на голове светло-русые, с рыжеватым оттенком, вьющиеся. Бороду бреет, усы очень маленькие, такого же цвета, что на голове /так!/. Он их подстригал по-английски. Лоб большой, открытый. Остальных его примет я описать не могу. По национальности он еврей, имя его, кажется, Исак. Партийная его кличка – Филипп. Что он представляет собой в прошлом, какова его профессия, – не знаю. Производил он впечатление развитого человека. Я не заметил, чтобы он страдал излишней нервозностью. Но он имеет привычку все время ходить. Когда мы ехали в вагоне, он все время ходил. Я ему что-то заметил по этому поводу. Он мне сказал, что в нем говорит старая привычка – ходить, усвоенная им в тюрьме. Где именно он сидел, за что, я его не спросил. Больше ничего мы не говорили с Голощекиным про убийство Царской семьи. Говорили только то, что я Вам рассказал.

Только еще он мне сказал, что она была расстреляна в ночь на 17 июля (по новому стилю). Это он говорил, употребляя именно выражение „расстреляна". Расспрашивать более подробно его об этом событии я не мог: я стеснялся сделать это, так как рассчитывать на его доверие ко мне я не имел оснований. В частности, например, я его не спрашивал, где схоронили или вообще куда девали трупы расстрелянных. Разговор мой с Голощекиным не оставлял у меня ни малейшего сомнения в том, что все обстоятельства этого дела ему прекрасно известны. Он не мог не знать этих подробностей. Он был тогда здесь военным комиссаром, членом Областного совета, весьма влиятельным деятелем советской власти. Расстрел Императора, как объявляли сами же большевики, произошел по постановлению Областного совета. Как же ему не знать о подробностях этого дела, когда он был в этом самом совете наиболее влиятельным деятелем, когда на руках у него были царские вещи, и он ими распоряжался?

Из других деятелей советской власти в Екатеринбурге я знал еще Белобородова. Он был председателем Областного совета. Влияние его также было велико. Наружность его такова. Ему на вид около 30–35 лет, среднего роста, худощавый, лицо, пожалуй, скорее полноватое, скорее смуглое, волосы на голове темно-русые, косым, кажется, рядом. Усы и бороду брил. Остальных примет его не помню.

Видел я, находясь в Москве, комиссара финансов Сыромолотова. Ему на вид лет 40 с лишним. Среднего он роста, полный, лицо кругловатое, полное, смуглое. Бороду бреет, усы – темно-русые, подстриженные по-английски. Волосы на голове темно-русые, коротко стриженные. Видел я его только один раз мельком.

В Перми Белобородов продолжал быть председателем Областного совета, и, когда меня арестовали, я его видел в чрезвычайке. Сыромолотова я видел в приемной у Свердлова. Голощекин пользовался в Москве влиянием. Из его слов можно было понять, что в Москве он останавливался у самого Свердлова. Откуда происходит Свердлов, что он собой представляет в прошлом, я не знаю. Знаю только, что он еврей, Яков по имени.

Припоминаю: Белобородов – рабочий Лысьвенского завода, кажется, Екатеринбургского уезда. Он производил впечатление человека неинтеллигентного. Больше по этому делу показать я ничего не могу. Показание мое мне прочитано.

Семен Георгиевич Логинов.
Судебный следователь Н. Соколов.

191

Антон Яковлевич Валек, 35, мещанин г. Харькова, в последнее время постоянно жил в Петрограде, Старо-Петергофский проспект, 58, фотография Универсаль, православный, не судился[7].

Я принадлежу к партии большевиков-коммунистов, и в настоящее время я арестован Военным контролем. В 1918 году, в июле месяце, я был в г. Екатеринбурге по партийным делам и уехал отсюда, вероятно, в половине июля. Точно числа указать не могу. Уехал я отсюда через фронт в Сибирь и помню, что на территории Сибири я в газетах каких-то прочитал о казни бывшего Императора. Хорошо я не помню подробностей газетных сообщений по этому поводу, но как-то глухо, неопределенно сообщалось тогда об этом в прессе, возбуждая сомнение в достоверности самого факта.

В августе месяце, находясь в Томске, я был у партийного деятеля большевика Ильмера, кажется, латыша[8]. Он играл, как большевик, видную роль в городе Омске и, кажется, вывозил из кредитных учреждений г. Омска ценности. В момент убийства отрекшегося Императора он был в Екатеринбурге. Совершенно не могу припомнить, по какому поводу, но у меня зашел с Ильмером разговор про это дело, и я спросил его, правда ли, что убит Император? Ильмер мне сказал, что это правда, и что убита вся семья Императора. Что он говорил про других, находившихся при Императоре лиц, и говорил ли что, я не помню и боюсь ошибиться. Насколько я помню, подтверждая факт убийства, он употреблял выражение „расстреляны". Никаких дальнейших подробностей этого дела он мне больше не сообщал, и я его об этом не спрашивал. В самом же факте я уже не сомневался, так как, зная, какое положение занимал Ильмер, как большевик, я этот источник считал и считаю совершенно достоверным. При этом Ильмер рассказывал мне, что те лица, которые убивали семью Императора, сказали ему, приблизительно, так: „На нашу долю выпало прекратить (или уничтожить) род (или династию) Романовых". Читалось ли что при этом Императору или нет, я не помню, что именно гово-

рил по этому поводу Ильмер, и говорил ли что. После этих сказанных Императору слов в него стали стрелять, а затем и в других лиц.

В последних числах ноября прошлого года я, по партийным делам, был в Перми. Не могу точно припомнить, когда, где и с кем из большевиков я разговаривал об этом деле. Совершенно этого не могу припомнить. Могу Вам сказать, что у меня в результате сложилось мнение: вся семья убита и сожжена. Был у меня по этому поводу разговор с Белобородовым. Разговор был мимолетный, совершенно поверхностный, и я не могу также припомнить, по какому поводу он возник. Помню, я его спросил, достоверен ли факт убийства семьи Императора? Белобородов, как бы отмахнувшись от подобной темы разговора, сказал мне, приблизительно, так: „Всех прикончили". Больше я его не стал расспрашивать об этом деле, так как тон его ясно показывал о нежелании продолжать на эту тему дальнейший разговор. Я его спросил, принимал ли участие в убийстве Императора сам он? Он мне сказал, что он в это время спал.

На вид Ильмеру 32–33 года, роста среднего, худощавый, лицо длинное, белое, но несколько с загаром, как у латышей. Волосы на голове, усах и бороде темно-русые. Усы у него небольшие, борода – только на подбородке. Нос продолговатый, совершенно прямой, лоб высокий, кажется, прямой. Глаза, кажется, темно-голубые, подбородок, кажется, острый. Остальных его примет не помню. Наружность его лучше меня опишет, я думаю, Логинов. По-русски он говорит хорошо, но в общем его тоне чувствуется нерусское его происхождение. В Томске он жил (если только теперь не уехал), кажется, на Кирпичной или Черепичной улице. Номера дома, его положения в отношении других домов, его номера не помню. Жил он там в какой-то компании латышей[9].

Белобородову можно дать 24–25 лет, роста среднего, среднего телосложения, светло-русый, усы и бороду брил, нос прямой, но широкий, глаза светло-карие. Не могу указать дальнейших примет. Ильмер по национальности латыш, Белобородов – русский. Белобородова я знаю с 1908 года. Я тогда работал в Надеждинском заводе в газомоторном цехе монтером, а он служил в цеховой конторе. Родом он откуда-то с Урала.

Голощекина, Сыромолотова, Саковича, Юровского я лично не знал. Относительно Юровского я слышал только, что раньше он имел часовой магазин в Томске. Больше показать я ничего не могу.

Показание мое мне прочитано, записано правильно.

Антон Яковлевич Валек.
Судебный следователь Н. Соколов.

192

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 6–10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Евгений Степанович Кобылинский, 40 лет, полковник, штаб-офицер для поручений при главном начальнике Тюменского военного округа, живу в г. Екатеринбурге, 2-я Болотная, дом № 34, православный, не судился.

Я командовал ротой лейб-гвардии Петроградского полка, когда началась Великая Европейская война. 8 ноября 1914 года в боях под Лодзью я был ранен пу-

лей в ногу. Ранение осложнилось: был задет нерв, и я до марта 1915 года был неработоспособен. В это время, т. е. в марте 1915 года, я явился в батальон и попросился снова на фронт. На фронте я принял командование батальоном. В июле 1915 года, участвуя в боях с Австрией, я под Гутой-Старой был сильно контужен бризантным снарядом. Пролежав с неделю в околодке, я отправился на фронт. Опять пришлось участвовать во многих боях, но контузия дала себя знать. Она вызвала у меня нефрит в очень тяжелой форме, и я в сентябре месяце 1915 года был отправлен в лазарет в Царское Село. Отсюда я был отправлен в Ялту и, по возвращении в Царское и освидетельствовании меня в 1916 году, был признан для строя негодным. После этого я состоял в запасном батальоне названного мною полка. Здесь меня и застала революция.

5 марта поздно вечером мне позвонили по телефону и передали приказание явиться в штаб Петроградского военного округа. В 11 часов я был в штабе и узнал здесь, что вызван по приказанию генерала Корнилова (знаменитого Корнилова, командовавшего тогда Военным округом), к которому и должен явиться[1]. Когда я был принят Корниловым, он сказал мне: „Я Вас назначил на ответственную должность". Я спросил Корнилова: „На какую?" Генерал мне ответил: „Завтра сообщу". Я пытался узнать от Корнилова, почему именно я назначен генералом на ответственную должность, но получил ответ: „Это Вас не касается. Будьте готовы". Попрощался и ушел. На следующий день, 6 марта, я не получил никаких приказаний. Так же прошел весь день 7 марта. Я стал уже думать, что назначение мое не состоялось, как в 2 часа ночи мне позвонили на квартиру и передали приказ Корнилова – быть 8 марта в 8 часов утра на Царско-Сельском вокзале. Я прибыл на вокзал и увидел там генерала Корнилова со своим адъютантом прапорщиком Долинским. Корнилов мне сказал: „Когда мы сядем с вами в купе, я Вам скажу о Вашем назначении". Сели мы в купе. Корнилов мне объявил: „Сейчас мы едем в Царское Село. Я еду объявить Государыне, что она арестована. Вы назначены начальником Царско-Сельского гарнизона. /.../"

/Опущены страницы, на которых Кобылинский описывает пребывание Царской семьи в заключении в Царском Селе./

31 июля весь день прошел у меня в беготне, приготовлениях к отъезду. Память мне не сохранила ничего выдающегося за этот день, да ничего особого, кажется, и не случилось в этот день. В 12 часов ночи приехал Керенский. Отряд был готов. Поехали мы с ним в 1-й батальон. Керенский держал к солдатам такую речь: „Вы несли охрану Царской семьи здесь. Вы же должны нести охрану и в Тобольске, куда переводится Царская семья по постановлению Совета министров. Помните: лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не по-хамски. Довольствие будет выдаваться по Петроградскому округу. Табачное и мыльное довольствие – натурой. Будете получать суточные деньги". То же самое Керенский говорил и в 4-м батальоне. Когда же нужно было ехать во 2-й батальон и я сказал об этом Керенскому, он ответил мне: „Ну их к черту". Так во второй батальон он и не поехал. Считаю нужным теперь же отметить, что условия, в которые были поставлены солдаты 1-го и 4-го полков были иные, чем условия, поставленные для солдат 2-го полка. Первые были одеты с иголочки и обмундирование у них было в большом количестве. Солдаты 2-го полка, вообще-то худшие по своим моральным свойствам /.../, были в грязной одежде и обмундирования у них было меньше. Эта разница, как я скажу потом, имела впоследствии большое значение[2].

/.../

Выехала Семья, приблизительно, часов в 5 утра на вокзал и села в поезда. Поездов было два. В первом следовала Семья, свита, часть прислуги и рота 1-го полка. Во втором поезде – остальная прислуга и остальные роты. Багаж был распределен в обоих поездах. В первом же поезде ехали член Государственной Думы Вершинин, инженер Макаров[3] и председатель военной секции прапорщик Ефимов, отправленный в поездку по желанию Керенского для того, чтобы он, по возвращении из Тобольска, мог бы доложить совдепу о перевозе Царской семьи. Размещение в поезде происходило так: в первом вагоне международного общества, очень

удобном, ехали Государь в отдельном купе, Государыня в отдельном купе, княжны в отдельном купе, Алексей Николаевич с Нагорным в купе, Демидова, Теглева и Эрсберг в купе, Чемодуров и Волков в купе. Во втором вагоне ехали: Татищев и Долгорукий в одном купе, Боткин один в маленьком купе, Шнейдер со своей прислугой Катей и Машей в одном купе, Жильяр в отдельном купе, Гендрикова со своей прислугой Межанц[4]. В третьем вагоне ехали: Вершинин, Макаров, я, мой адъютант подпоручик Николай Александрович Мундель[5], командир роты 1-го полка прапорщик Иван Трофимович Зима, прапорщик Владимир Александрович (точно не уверен, так ли его зовут) Меснянкин и в отдельном маленьком купе помещался прапорщик Ефимов, с которым никто не изъявлял желания ехать вместе. В четвертом вагоне помещалась столовая, где обедала Царская семья, кроме Государыни и Алексея Николаевича, обедавших вместе в купе Государыни. В трех, кажется, вагонах 3 класса ехали солдаты. Кроме того, были еще багажные вагоны.

Ехали благополучно до Перми. (Забыл сказать, что следовали мы под японским флагом.) Перед самой станцией в Перми наш поезд остановился. В вагон, в котором находился я, вошел какой-то человек, видимо, из каких-нибудь маленьких железнодорожных служащих, с большой седой бородой, и, назвавшись председателем железнодорожных рабочих, заявил, что „товарищи" рабочие-железнодорожные желают знать, что это за поезд следует, и, пока не узнают, они не могут пропустить его дальше. Вершинин с Макаровым показали ему бумагу за подписью Керенского. Поезд пошел дальше. В Тюмень мы приехали, кажется, 4–5 августа (по старому стилю). Приехали мы в Тюмень вечером и тут же разместились на два парохода. Царская семья, свита, все другие лица и рота 1-го полка ехали на пароходе „Русь", часть прислуги и рота 2-го и 4-го полка – на пароходе „Кормилец". Пароходы были хорошие, удобные, конечно, „Кормилец" был хуже. Приехали мы в Тобольск, кажется, 6 августа под вечер, так часов в 5–6. Дом, где должна была жить Царская семья, был не готов, и мы несколько дней провели на пароходах.

Когда мы ехали в поезде, поезд не останавливался на больших станциях, а на промежуточных. Здесь Государь и желающие часто выходили и следовали пешком, гуляя, а поезда медленно двигались за ними. Когда мы жили на пароходе, ездили верст за 10 от города, где Семья также выходила на берег.

В это время, когда Семья еще жила на пароходе, инженер Макаров приводил в порядок дом. Там же находились Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Тутельберг, Эрсберг, Теглева, Демидова, устраивавшие обстановку в доме.

Когда дом был готов, Семья перешла в него. Для Государыни был подан приличный экипаж на резиновом ходу. Она переехала в дом с Татьяной Николаевной. Все остальные лица перешли пешком. Для жизни Царской семьи, лиц свиты и прислуги было отведено два дома: дом, в котором жил губернатор, и дом Корнилова, находящийся вблизи губернаторского. Из обстановки из Царского не было взято ничего. Дом обслуживался губернаторской обстановкой, но часть разных вещей пришлось приобрести и заказывать уже в Тобольске. Взяты были из Царского для Царской семьи лишь их походные кровати. Что именно из вещей было взято Царской семьей из Царского, я хорошо не знаю. Это знают лучше меня другие лица, как Теглева и другие. Впоследствии многие вещи были дополнительно присланы из Царского, когда недостаток был выяснен в вещах при Макарове.

Размещение в Губернаторском доме произошло таким образом. Когда входишь в нижний этаж дома, попадаешь в переднюю, из которой идет через весь этаж коридор, делящий его на две половины. При входе в переднюю первая комната, угловая, на правой стороне, занималась дежурным офицером. Рядом с ней была комната, где жила Демидова и обедали с ней Теглева, Тутельберг, Эрсберг. Рядом с этой комнатой – комната, где жил и давал уроки Алексею Николаевичу, Марии Николаевне и Анастасии Николаевне Жильяр. Рядом с этой комнатой помещалась царская столовая. На левой стороне против дежурной угловой комнаты была комната Чемодурова, рядом с ней – буфетная, рядом с буфетной – комната Теглевой и Эрсберг, рядом с этой – комната Тутельберг. Над комнатой Чемодурова шла лестница в верхний этаж. Она прямо приводила в угловую комнату, где был каби-

нет Государя. Рядом с его кабинетом был зал, в зал также можно было попасть и из передней, куда вела парадная лестница (в зал можно было попасть и из кабинета, соединявшегося с залом дверью). Из зала дверь также выходила в коридор, деливший дом на две половины. Первая комната направо по этому коридору была гостиная, рядом с ней – спальня Государя и Государыни. Рядом с их спальней – комната княжен. На противоположной стороне, рядом с передней, шкафная комната. Рядом с ней, против гостиной и спальни Государя и Государыни – комната Алексея Николаевича, рядом с ней – уборная, а рядом с уборной – ванная.

Все остальные лица свиты помещались в Корниловском доме.

Из Царского прибыли с Семьей следующие лица:

1) генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, 2) гофмаршал князь Александр Васильевич Долгорукий, 3) доктор медицины Евгений Сергеевич Боткин, 4) личная фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, 5) личная фрейлина баронесса София Карловна Буксгевден /перечеркнуто/, 6) гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, 7) Петр Андреевич Жильяр, 8) няня Александра Александровна Теглева, 9) комнатная девушка у княжен Елизавета Николаевна Эрсберг, 10) комнатная девушка при Государыне Мария Густавовна Тутельберг, 11) другая комнатная девушка при Государыне Анна Степановна Демидова, 12) у Гендриковой воспитательница /так!/ Викторина Владимировна Николаева /перечеркнуто/, 13) прислуга при Гендриковой Паулина Межанц /перечеркнуто/, 14) при Шнейдер горничные Катя и Маша (фамилий их я не знаю) /перечеркнут весь пункт 14/, 15) камердинер Государя Терентий Иванович Чемодуров, 16) помощник Чемодурова Степан Макаров, 17) камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков, 18) лакей при княжнах Иван Дмитриевич Седнев, 19) человек при них же Михаил Карпов, 20) человек при Наследнике Клементий Григорьевич Нагорный, 21) лакей Жильяра Сергей Иванов /слово „Жильяра" перечеркнуто и надписано „Насл. Цес."/, 22) лакей при Татищеве и Долгоруком Тютин /перечеркнуто/, 23) официант Франц Журавский, 24) лакей Алексей Трупп, 25) лакей Григорий Солодухин, 26) лакей Дормидонтов, 27) лакей Киселев, 28) лакей Ермолай Гусев, 29) повар Иван Михайлович Харитонов, 30) повар Кокичев, 31) повар Иван, кажется, Верещагин, 32) поварский ученик Леонид Седнев, 33) кухонный служитель Сергей Михайлов, 34) кухонный служитель Франц Пюрковский, 35) кухонный служитель Терехов, 36) писец, исполнявший в Тобольске обязанности дворника, Александр Кирпичников, 37) парикмахер Алексей Николаевич Дмитриев, 38) заведующий погребом Рожков. После нашего приезда в Тобольск прибыли: 39) доктор Владимир Николаевич Деревенько, 40) мистер Сидней Иванович Гиббс. (Баронесса Буксгевден также прибыла впоследствии.)

Служителя с фамилией „Смирнов" (л. д. 14, том 1-й) я что-то не помню.

Тихо и мирно потекла жизнь в Тобольске. Режим был такой же, как и Царском, пожалуй, даже свободнее.

В дежурной комнате находился дежурный офицер. Никто не вмешивался во внутреннюю жизнь Семьи. Ни один солдат не смел входить в покои. Вставали все в Семье рано, кроме Государыни /.../. После утреннего чая Государь обыкновенно гулял, занимаясь всегда физическим трудом. Гуляли и дети. Занимался каждый, кто чем хотел. После прогулки утром Государь читал, писал свой дневник. Дети занимались уроками. Государыня читала или вышивала, рисовала что-нибудь. В час был завтрак. После завтрака опять обыкновенно Семья выходила на прогулку. Государь часто пилил дрова с Долгоруким, Татищевым, Жильяром. В этом принимали участие и княжны. В 4 часа был чай. В это время часто занимались чем-либо в стенах дома, например, фотографией, или просто сидели у окон дома, наблюдая внешнюю жизнь города. В 6 часов был обед. После обеда приходили Татищев, Долгорукий, Боткин, Деревенько. Иногда бывала игра в карты, причем из Семьи играли Государь и Ольга Николаевна. Иногда по вечерам Государь читал что-нибудь вслух, все слушали. Иногда ставились домашние спектакли: французские и английские пьесы[6]. В 8 часов был чай. За чаем велась домашняя беседа. Так засиживались часов до 11, не позднее 12, и расходились спать. Алексей Николаевич ложился спать

в 9 часов или около этого времени. Государыня всегда обедала наверху. С ней иногда обедал Алексей Николаевич. Вся остальная семья обедала внизу в столовой.

Все лица свиты и вся прислуга свободно выходили из дома, когда и куда хотели. Никакого стеснения никому в этом отношении не было. Августейшая семья, конечно, в этом праве передвижения была, как и в Царском, ограничена. Она выходила лишь в церковь. Богослужения отправлялись так. Всенощная всегда служилась на дому, причем причт был от Благовещенской церкви. Служил священник о. Васильев. К обедне Семья ходила только к ранней. Для того, чтобы пройти в церковь, нужно было пройти садом и через улицу. Вдоль пути следования всегда ставился караул. Караул был и около самой церкви, причем в церковь посторонние не допускались.

Как Вы, г. судебный следователь, и сами можете видеть, хотя бы из одного перечня прислуги, бывшей при Августейшей семье, правительство старалось обставить жизнь ее так, как это приличествовало ее положению. Когда мы уезжали из Царского, Керенский сказал мне: „Не забывайте, что это бывший Император. Ни он, ни семья ни в чем не должны испытывать лишений". Власть над охраной и домом была в моих руках. Ко времени переезда нашего в Тобольск я думаю, что Семья привыкла ко мне и, как мне кажется, не могла иметь против меня какого-либо неудовольствия. Сужу об этом по тому, что перед нашим отъездом из Царского Государыня пригласила меня к себе и благословила меня иконой.

Но тихая, мирная жизнь продолжалась недолго. Я усматриваю некоторое сходство в начальном периоде царскосельского заключения и тобольского. Сравнительно сносные условия жизни в Царском ухудшались постепенно. Верховная власть того времени постепенно теряла почву под ногами. Вместе с тем общее разложение захватывало и солдат: они разлагались все больше и больше. В конце концов, чувствуя, что за власть приходится уже бороться, правительство Керенского, желая блага Семье, и решило перевести ее из этого очага политической борьбы в тихое, спокойное место, где ей будет лучше. Расчет был правильный. Отношение коренного населения города к Августейшей семье было хорошее. Когда мы подъезжали к Тобольску, народ высыпал к пароходам, стоял и глядел на них. Когда Семья следовала на жительство в Губернаторский дом, чувствовалось, что население хорошо относится к ней. Оно, видимо, боялось открыто тогда проявлять свои симпатии и делало это тайно. Много приносилось разных приношений для Августейшей семьи, преимущественно из съестного – сладкого, хотя должен сказать, что по назначению мало доходило: поедалось по пути прислугой. (Я потом постараюсь вспомнить, от кого именно поступали приношения.) Но общая разруха скоро захватила и Тобольск, на который стали больше обращать внимание разные политические деятели уже потому только, что здесь жила Царская семья.

В моих руках власть была только до сентября месяца. В сентябре месяце к нам прибыл комиссар правительства Василий Семенович Панкратов. Он привез с собой бумагу, за подписью Керенского, в коей говорилось, что я поступаю в полное подчинение Панкратова и должен исполнять то, что он мне будет приказывать. Этот Панкратов, как он сам рассказывал, будучи 18 лет, убил в Киеве, защищая какую-то женщину, какого-то жандарма. Был за это судим и заключен в Шлюссельбургскую /так!/ крепость, где в одиночном заключении пробыл 15 лет. После этого он был сослан в Якутскую область, где пробыл 27 лет[7]. Его помощником был прапорщик Александр Владимирович Никольский, родом или из Самары, или Саратова, или Оренбурга – откуда-то[8] отсюда. За принадлежность к партии с.-р. он был сослан также в Якутскую область, где и сошелся с Панкратовым. Когда Панкратов был назначен комиссаром к нам, он потребовал в помощники к себе Никольского.

Панкратов был человек умный, развитой, замечательно мягкий. Никольский – грубый, бывший семинарист, лишенный воспитания человек, упрямый, как бык. Направь его по одному направлению, он и будет ломить, не взирая ни на что. Когда они приехали и ознакомились с нашими порядками, Никольский сразу же заявил мне о своем удивлении по поводу их: „Как это у вас так свободно уходят, прихо-

дят (свита или прислуга)? Так нельзя. Так могут и чужого человека впустить. Надо их всех снять". Я стал его отговаривать от этого, так как часовые и без того прекрасно всех знают. Никольский ответил мне: „А нас, бывало, заставляли сниматься и в профиль и в лицо! Так надо же и их снять!" Он побежал к фотографу Усаковскому, и были сняты со многих фотографические карточки, на которых были сделаны соответствующие надписи. К характеристике этого человека расскажу еще такой факт. Шаловливый, очень резвый мальчик Алексей Николаевич выглянул раз, как ребенок, через забор. Увидев это или узнав об этом, Никольский сейчас же прибежал на место и поднял целую историю: разнес солдата и в резкой форме сделал замечание Алексею Николаевичу. Мальчик обиделся на это и жаловался мне, что Никольский „кричит" на него. Я тогда же потребовал от Панкратова, чтобы он унял усердие не по разуму Никольского.

Хотя, как я уже Вам сказал, Панкратов сам лично не был способен совершенно причинить сознательно зло кому-либо из Царской семьи, но тем не менее выходило, что эти люди его ей причиняли. Это они делали как партийные люди. Совершенно не зная жизни, они, самые подлинные эсеры, хотели, чтобы все были эсерами, и начали приводить в свою веру солдат. Они завели школу, где учили солдат грамоте, преподавая им разные хорошие предметы, но после каждого урока понемногу они освещали солдатам политические вопросы. Это была проповедь эсеровской программы. Солдаты слушали и переваривали по-своему. Эта проповедь эсеровской программы делала солдат, благодаря их темноте, большевиками. Хотели они издать эсеровскую газету, конечно, „Земля и Воля".

В г. Тобольске в то время жил какой-то ссыльный, Писаревский, фанатик партийный, эс-дек, непримиримый враг эсеров. Вот этот Писаревский всеми правдами и неправдами и повел на солдатах борьбу с Панкратовым и Никольским. Писаревский издавал газету, большевитского направления, „Рабочую Газету". Видя, что Панкратов пользуется у солдат некоторым влиянием, он стал приглашать их к себе на чашку чая и стал развращать их. В конце концов, очень скоро после прибытия к нам Панкратова с Никольским весь отряд разбился на две партии: Панкратовская партия и партия Писаревская, или, другими словами, партия большевиков. В нее и пошли солдаты 2-го полка, наиболее бедные и наиболее развращенные. Лишь небольшую часть составляла третья группа, я бы сказал, нейтральная, состоявшая преимущественно из солдат призывов 1906–1907 годов.

Когда солдаты под влиянием этой партийной борьбы вожаков стали разлагаться, они стали хулиганничать. Цель у них была иногда вовсе не причинить неприятность Августейшей семье. Они, не зная уж, чего бы им потребовать для самих себя, преследовали свои личные интересы, но страдала-то от этого именно Семья или кто-либо из приближенных. Прежде всего, под влиянием этой партийной борьбы вожаков, разлагаясь все более и более, они как-то пришли ко мне и стали мне говорить, приблизительно, в таких выражениях: „Мы вот на нарах спим. У нас довольствие плохое, а „Николашка" (подлинные слова их), хоть и арестован, а у него мясо в помойку кидают". Жизнь в то время в Тобольске была не дорога. Хотя мы и получали не по петроградским окладам, как обещал Керенский (это так и осталось обещанием его), а по омским, но эти оклады были вполне достаточны, так что питание солдат было хорошее. Чтобы избежать дальнейших каких-либо выпадов солдат по этому же поводу, чтобы предупредить возможную неприятность на этой почве для Семьи, пришлось, переговорив с губернским комиссаром Пигнатти, увеличить суточное довольствие на 1000 рублей и заменить хорошее питание солдат излишне роскошным.

Как я уже говорил, Керенский обещал солдатам перед отъездом суточные деньги. Это обещание тоже осталось только обещанием. Прошел ноябрь месяц, а никаких суточных нам не присылали. Пришли ко мне опять солдаты и стали говорить: „Вот обещают все только, а ничего не дают. Мы сами себе достанем суточные. Пойдем и разгромим магазины, вот и будут у нас суточные". Пришлось мне пойти к Пигнатти и занять у него, как комиссары, 15 000 рублей. Раздал солдатам по 50 копеек суточных, замазал рты. Солдаты тогда же решили послать в Москву

или Петроград делегатов по этому поводу и выбрали солдат Матвеева и Лупина. Приехали они (Матвеев тогда вернулся уже офицером) и сказали, что деньги обещали прислать. Снова мне пришлось идти к Пигнатти и „просить" у него 15 000 рублей, так как „обещаниям" солдаты уже не верили и, распустившись до последней возможности, могли натворить много дурного.

Прочитали они как-то в газетах о роспуске солдат призывов 1906–1907 годов и потребовали увольнения. Кое-как, опираясь на личные интересы солдат более поздних сроков, которым тогда было бы тяжелее, удалось отговорить их от этого требования.

Произошел большевитский переворот. Стихийное движение, захватившее всю Россию, стало еще больнее бить и нас. Произошел следующий факт. О. Васильев[9], совершавший богослужения, был не на высоте призвания. Он был бестактный человек и своими выходками оказывал медвежьи услуги Августейшей семье. Первая его выходка имела место 21 октября (еще до большевитского переворота). В этот день (день восшествия на престол Государя Императора) вся Семья приобщалась у обедни (накануне, во время всенощной, бывшей на дому, Семья исповедовалась). Никто положительно не обратил внимания на богослужение именно в этот день. Но о. Васильев позволил себе устроить такую вещь: когда Семья вышла из церкви, раздался звон и продолжался до самого входа ее в дом. Подошло Рождество. 25 декабря вся Августейшая семья была у ранней обедни. После обедни начался молебен. Обыкновенно бывало так. Чтобы не держать солдат на холоде, я отпускал их с постов до окончания богослужения, оставляя лишь небольшую часть около самой церкви. Так было и на этот раз. Иногда кто-нибудь из оставшихся около церкви солдат заходил в церковь, но, как я замечал, делали это только более старые, большинство же заходило просто для того, чтобы отогреться. Вообще же в церкви солдат всегда бывало мало. В этот же день, придя в церковь, я обратил внимание, что солдат было больше, чем всегда. Чем это объяснить, я не знаю. Может быть, это потому произошло, что все-таки был большой праздник. Когда молебен стал подходить к концу, я вышел из церкви, чтобы приказать солдату созвать караул. Больше я в церковь сам не входил и конца молебна не слышал. Когда молебен кончился и Семья вышла из храма, бывший там Панкратов сказал мне: „Вы знаете, что сделал священник? Ведь диакон отхватил многолетие Государю, Государыне и вообще всем, именуя их так. Солдаты, как услыхали это, подняли ропот". Вот из-за этого пустячного, но совершенно никому не нужного поступка о. Васильева и поднялась целая история. Солдаты стали бунтовать и вынесли решение: убить священника или, по крайней мере, арестовать его. Кое-как, с превеликим трудом, удалось уговорить их самим не предпринимать никаких репрессивных мер, а подождать решения этого дела в Следственной комиссии. Епископ Гермоген тогда же услал о. Васильева в Абалакский монастырь, пока не пройдет острота вопроса. Я поехал к нему и попросил дать другого священника. Был назначен соборный священник о. Хлынов.

Этот случай, во-первых, совершенно разладил мои отношения с солдатами: они перестали доверять мне и, как им ни доказывал обратное, они стояли на своем: „А! Значит, когда на дому служба бывает, всегда их поминают". И постановили: в церковь совсем Семью не пускать. Пусть молятся дома, но каждый раз за богослужением должен присутствовать солдат. Едва мне удалось вырвать решение, чтобы Семья посещала церковь хотя бы в двунадесятые праздники. С решением же их, чтобы за домашними богослужениями присутствовал солдат, я бороться был бессилен. Таким образом бестактность о. Васильева привела к тому, что солдаты все-таки пробрались в дом, с чем до того времени мне удавалось благополучно бороться. После этого произошел следующий случай. Присутствовал как-то на богослужении солдат Рыбаков. Священник, кончая богослужение и поминая всех святых, помянул и „царицу Александру" (святую). Целую бурю поднял Рыбаков из-за этого. Пришлось мне вести его к себе, находить календарь и доказывать ему, что поминалась не Александра Федоровна, а святая царица Александра[10].

Пошла демобилизация армии. Стали увольняться солдаты. Стали уходить и

мои стрелки. Вместо уезжавших, солдат более старых годов, стали мне присылать из Царского пополнения, солдат более молодых годов и более развращенных там в самом котле политической борьбы. Партия Писаревского стала расти все больше. Все больше и больше стало прибывать к нам большевиков. В конце концов Панкратов был объявлен под влиянием, конечно, агитации Писаревского „контрреволюционером" и изгнан солдатами. Он уехал. Уехал и Никольский. Солдаты же отправили в центр телеграмму, прося прислать к ним уже „большевитского" комиссара. Пока комиссар не ехал.

Не знали, к чему придраться. Решили: запретить свите гулять, пусть сидят все и не гуляют. Стал я доказывать всю нелепость этого. Тогда решили: пусть гуляют, но чтобы провожал солдат. Надоело им это и постановили: каждый может гулять в неделю два раза, не более двух часов, без солдат.

Как-то однажды, желая проводить уезжающих старых, хороших солдат, Государь и Государыня поднялись на ледяную гору, устроенную для детей. Руководствуясь, конечно, одним чувством бессильной злобы, солдаты тотчас же срыли эту гору, мотивируя, однако, свой поступок тем, что кто-нибудь из посторонних может подстрелить их, а они будут отвечать.

Как-то однажды Государь надел черкеску, на которой у него был кинжал. Увидели это солдаты и подняли целую историю: их надо обыскать, у них есть оружие. Кое-как удалось уговорить эту потерявшую всякий стыд ватагу, что не надо производить обыска. Пошел я сам и просил Государя отдать мне кинжал, объяснив ему о происшедшем. Государь передал кинжал (его потом увез Родионов), Долгорукий и Жильяр передали мне свои шашки. Повесили мы их у меня в канцелярии на видном месте.

Я привел Вам слова Керенского, когда мы уезжали из Царского. Семья действительно ни в чем не нуждалась в Тобольске. Но деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Я писал по этому поводу генерал-лейтенанту Аничкову, заведовавшему хозяйством гофмаршальской части, но результатов никаких не было. Наконец повар Харитонов стал мне говорить, что больше „не верят", что скоро и отпускать в кредит не будут. Пришлось мне обратиться к управляющему Тобольским отделением Государственного банка Черняховскому. Он посоветовал мне обратиться к купцу Янушкевичу, монархисту, имевшему в банке свободные деньги. Под вексель, за моей, Татищева и Долгорукого подписями, Янушкевич дал мне 20 000 рублей. Я просил, конечно, Татищева и Долгорукого молчать об этом займе и не говорить об этом ни Государю, ни кому-либо другим из Августейшей семьи. Но все эти истории были мне тяжелы. Это была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности. Тяжело ведь было искать и „выпрашивать" деньги для содержания Августейшей семьи. И вот, когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погон, я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое бессилие. Пошел я в дом и попросил Теглеву доложить Государю, что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: „Ваше Величество, власть выскальзывает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше Вам быть полезным. Если Вы мне разрешите я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу". Государь обнял меня за спину одной рукой. На глазах у него навернулись слезы. Он сказал мне: „Евгений Степанович, от себя, от жены и от детей я Вас очень прошу остаться. Вы видите, что мы все терпим. Надо и Вам потерпеть". Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть.

Пришел как-то ко мне солдат 4-го полка Дорофеев (к этому времени физиономия отряда уже совершенно изменилась) и сказал мне, что у них было собрание отрядного комитета, и решили они комитетом, чтобы и Государь снял погоны, что для этого его и послали, чтобы вместе со мной пойти и снять их с Государя. Я стал отговаривать Дорофеева от этого. Вел он себя в высшей степени вызывающе, по-хулигански грубо, называя Государя „Николашкой". Я говорил ему, что нехорошо выйдет, если Государь не подчинится их решению. Дорофеев ответил мне: „Не подчинится — тогда я сам с него сорву их". — „А если он тебе по физиономии за

это даст?" – „Тогда и я ему дам". Что было делать? Стал я говорить ему, что все это не так просто, что Государь наш – двоюродный брат английскому королю, что из-за этого могут выйти большие недоразумения, и посоветовал им, солдатам, запросить по этому поводу Москву. На этом я Дорофеева кое-как поймал, и с этим он от меня ушел. Телеграмму они дали. Я же отправился к Татищеву и через него просил Государя не показываться солдатам в погонах. Тогда Государь стал сверху надевать романовский черный полушубок, на котором у него не было погон.

Для детей были устроены качели, которыми пользовались, конечно, главным образом княжны. Во время караула 2-го полка, когда караульным был унтер-офицер большевик Шикунов, солдаты вырезали штыками на качелях совершенно непозволительную похабщину. Государь видел это, и ее убрали.

Не помню какого числа получил я телеграмму от комиссара над бывшим Министерством двора Карелина. В телеграмме говорилось, что у народа нет средств содержать Царскую семью. Пусть она содержится на свои средства. Советская власть дает солдатский паек, квартиру, отопление и помещение. Это было, конечно, едва ли не самым главным ухудшением положения Семьи при большевиках. В телеграмме еще говорилось, что Семья не может тратить больше 600 рублей в месяц на человека. Распоряжение это ухудшило, конечно, стол Семьи. Оно отразилось и на положении лиц свиты. На свои средства Августейшая семья содержать ее уже не могла. А если у кого-либо из нее не было личных средств, то эти лица должны были уходить. Уволено тогда было несколько человек: 1) лакей Солодухин Григорий Иванов, 2) лакей Гусев Ермолай, 3) лакей Дормидонтов, 4) лакей Киселев, 5) повар Верещагин, 6) кухонный человек Семен Михайлов, 7) кухонный человек Франц Пюрковский, 8) помощник Чемодурова Степан Макаров, 9) гардеробщик Ступель (я забыл его указать в числе прислуги) и кто-то еще, но не могу припомнить.

По поводу суточных денег солдаты еще раз послали в Москву солдата Лупина, большевика. Вернувшись оттуда, он, конечно, в соответствующих красках рисовал положение в Москве и привез радостное известие для солдат: суточными будут удовлетворять не по 50 копеек, как было при Временном правительстве, а по 3 рубля. Ну, тут уже все солдаты стали большевиками: вот что значит комиссары! Временное правительство по 50 копеек обещало, да и то едва получили, а комиссары по 3 рубля дают. Этот же Лупин привез бумагу[11], в которой говорилось, что Татищев, Долгорукий, Гендрикова и Шнейдер должны считаться арестованными. Он же привез известие, что скоро нас всех сменят, т. е. весь состав охраны: приедет новый комиссар и привезет с собой новый отряд. В солдатах, как я думаю, говорило тогда чувство страха перед этим будущим новым комиссаром, и они постановили: всех лиц свиты перевести в Губернаторский дом и считать всех арестованными, в том числе и прислугу. Тогда и были все переселены, кроме Гиббса (англичанин не любил ни с кем жить и поселился один в отдельном особом помещении), в Губернаторский дом.

Пришлось сделать кое-какие перегородки в доме. Рядом с комнатой Чемодурова, за счет передней, устроили комнату для Демидовой, Теглевой и Эрсберг. Комнату Демидовой перегородили холщовой перегородкой, и здесь поселились Татищев и Долгорукий. В комнате Эрсберг и Теглевой поселилась Шнейдер с двумя своими горничными. В комнате Тутельберг – Гендрикова со своей воспитательницей Николаевой. Тутельберг поселилась под парадной лестницей за перегородкой. Вот путем такого уплотнения удалось нам не нарушить покоя Августейшей семьи. Гиббс поселился во флигеле, но рядом с кухней. Таким образом, арестовали положительно всех, даже и прислугу. Только некоторым из прислуги разрешалось ходить в город, в случаях неотложной надобности.

Как я уже говорил, Лупин привез известие о предстоящем приезде к нам особого комиссара. Комиссар нам был прислан, но не тот, о котором говорил Лупин. К нам, именно к охране Семьи, был прислан из Омска комиссар еврей Дуцман[12]. Он поселился у нас в Корниловском доме, но положительно ничем себя не проявлял. Никогда он в дом не приходил. Его скоро выбрали секретарем губернского совдепа, где он все время и находился. В составе совдепа тогда заправилами были:

Дуцман, еврей Пейсель, латыш или еврей Дислер. Кроме того, в заседаниях совдепа, очевидно, принимал участие еврей Заславский[13]. Он был, как я понимаю, представителем Екатеринбурга или, вернее, Уральского областного совета. Цель его прибытия в Тобольск для меня самого не ясна. Должен сказать, что в то время большевики омские вели борьбу с большевиками екатеринбургскими. Первые, т. е. омские, хотели считать Тобольск в своей сфере – Западной Сибири, а большевики екатеринбургские – в своей Уральской. Так вот, Дуцман был представителем омских большевиков, а Заславский – екатеринбургских. Меня берет подозрение, не из-за нас ли тогда приехал Заславский в Тобольск, т. е. не было ли уже тогда у екатеринбургских большевиков мысли взять нас из Тобольска и перевести в Екатеринбург?

В совдеп часто шатался уже упоминавшийся не один раз мною большевик Матвеев. Как-то он сказал мне, что совдеп просит прислать к нему по два человека выборных от каждой роты солдат. Выбрали 6 человек. Пошел с ними я сам и застал в совдепе всех только что названных мною лиц. Мне было объявлено, что совет решил перевести всю Царскую семью „на гору", т. е. в тюрьму (в Тобольске тюрьма помещалась на горе, и ее часто так называют „на горе"). Я заявил этим господам, что охрана Царской семьи подчиняется не местному совету, а центру. Это не помогло. Пришлось мне встать на другую почву и говорить, что этого никак нельзя выполнить, так как придется тогда переводить в тюрьму и всех солдат нашей охраны, чего нельзя сделать. Без солдат же нашей охраны никак нельзя обойтись, потому что, если будет какое-либо нападение, нас некому будет защищать. Солдаты наши загалдели, и совет принужден был отступить, заявив мне, что, собственно говоря, решение по этому вопросу он еще не вынес, а только принципиально высказывается.

После приезда Лупина все мы ожидали приезда нового комиссара. Разнесся слух, что едет сам Троцкий[14]. Приехал комиссар Яковлев[15]. Он прибыл в Тобольск 9-го апреля вечером и остановился в Корниловском доме. Вместе с ним прибыл какой-то Авдеев (его помощник, как я его считал)[16], телеграфист[17], через которого Яковлев сносился по телеграфу с Москвой и Екатеринбургом, и какой-то молоденький мальчишка.

Наружность Яковлева такова. Ему на вид лет 32–33, жгучий брюнет, волосы на голове большие, косым рядом, причем он имеет привычку встряхивать головой и рукой поправлять волосы спереди назад. Усы черные, подстриженные по-английски, борода бритая, глаза черные, нос прямой, тонкий, лицо белое, но со смугловатым оттенком, длинное, чистое. Лоб прямой, средний, подбородок острый, уши средние, не торчащие, глаза черные, жгучие, южного типа. Роста выше среднего, худой, но мускулистый и сильный. Хорошо сложен, лицо довольно красивое. Видимо, русский, производит впечатление энергичного мужчины. Одет он был в матроску, а под ней вязаную фуфайку, черные суконные брюки и высокие сапоги. Речь у него отрывистая, но без каких-либо дефектов. Руки его чистые и пальцы тонкие. Он производил впечатление интеллигентного человека и, во всяком случае, если и не вполне интеллигентного, то „бывалого" и долго жившего где-либо за границей. Выходя от Жильяра, он простился с ним: „Bonjour". Это тонкость. Так говорят только люди, умеющие хорошо говорить по-французски. В ноябре месяце прошлого года в Тобольске меня допрашивали какой-то судейский из Тобольска и какой-то товарищ прокурора из Ялуторовска[18]. Этот товарищ прокурора мне и говорил, когда я ему рассказал, что Яковлев говорит по-французски: „Яковлев, он не только по-французски говорит, и по-немецки и по-английски". Допрашивали они меня по делу убийства Царской семьи. Когда я по этому поводу имел разговор с Пигнатти, он мне сказал, что допрашивали меня по приказанию из Омска. А судейский этот был в Тобольске председателем следственной комиссии. Впоследствии, по приезде, Яковлев рассказывал мне, что он жил в Финляндии и там за что-то был приговорен к смертной казни через повешение, но ему удалось бежать, и он жил в Швейцарии, Германии. Звали его, кажется, Василий Васильевич. (Товарищ прокурора был, кажется, из Ишима, но хорошо не помню.)

Авдееву на вид лет 26–27, небольшого роста, скорее худой, светлый шатен. Длины волос на голове и прически не помню. Усы небольшие, бороду брил. Нос небольшой, тупой. Он имел вид грязный, неинтеллигентный. Одет был в солдатскую одежду. Лицо у него скорее круглое и неполное, но и не испитое. Остальных примет его не помню.

Юноша был лет 16, высокого роста, худой, напоминал юношу-ученика какого-либо учебного заведения. Светлый шатен, волосы носил пробором, ни усов, ни бороды, конечно, не имел. Нос прямой, длинный. Одет он был во все защитное: гимнастерку, штаны и сапоги и солдатскую шинель.

Телеграфист имел лет 36–37, высокого роста, худощавый, жилистый, темный шатен, волосы на голове длинные, на пробор, бороду брил, усы с рыжеватым оттенком, лезли в рот. Одет он был в тужурку телеграфиста.

Откуда родом все эти лица, я не скажу. Сам же Яковлев говорил про себя, что он из Уфы или из Уфимской губернии. С ним прибыл отряд красноармейцев, очень молодых, конных и пеших. Про отряд Яковлев говорил, что его он набрал тоже в Уфе или Уфимской губернии. Вообще идея была та, что его, Яковлева, в Уфе знают, и он сам там людей знает, почему он и привез набранный там отряд. Отряд его разместился частью в Корниловском доме, частью в помещениях, в которых жили мои солдаты.

10-го утром[19] Яковлев пришел ко мне вместе с Матвеевым и отрекомендовался мне „чрезвычайным комиссаром". У него на руках было три документа. Все эти документы имели бланк „Российская Федеративная Советская Республика". Документы имели подписи Свердлова и Ованесова (или Аванесова)[20]. Первый документ был на мое имя. В нем мне предписывалось исполнять беспрекословно все требования чрезвычайного комиссара товарища Яковлева, на которого возложено поручение особой важности. Неисполнение мною его требований влекло за собой расстрел на месте. Второй документ был на имя нашего отряда. Он аналогичен по содержанию с первым. Санкция была в нем такова: суд революционного трибунала и также расстрел. Третий документ был удостоверение в том, что предъявитель удостоверения есть такой-то, на которого возложено поручение особой важности. О сущности же поручения в документах не говорилось.

Не говоря мне ничего о цели своего приезда, Яковлев заявил, что он желает говорить с отрядом. К 12 часам я собрал отряд. Яковлев, с первых же слов, заявил солдатам, что вот-де их представитель товарищ Лупин был в Москве и хлопотал о суточных деньгах, что деньги он привез, причем каждому будет выдано по 3 рубля суточных. Затем он предъявил свое удостоверение, содержание которого было оглашено Матвеевым. Солдаты стали осматривать удостоверение, стали особо подробно рассматривать печать на нем, видимо, питая некоторое сомнение к личности Яковлева. Он это сразу же понял и снова начал говорить солдатам о суточных, о том, что вот-де теперь они все отпускаются, и т. д.

Видно было, что он прекрасно умеет говорить с толпой, умеет играть на ее слабых струнах, и говорил он хорошо, красно. В конце он сказал, что вот-де между отрядом и местным советом произошли недоразумения из-за вопроса о перевозе Царской семьи в тюрьму, что он эти недоразумения выяснит. Тут он отправился со мной смотреть дом. Обошел он снаружи дом, зашел в нижний этаж, поднимался наверх. Как мне помнится, он Государя и княжен видел издали: они были во дворе. Государыни, кажется, он в этот день не видел. А к Алексею Николаевичу они ходили, как мне кажется, с Авдеевым. Было тогда такое впечатление, что Яковлев как бы хочет Авдеева убедить в том, что Алексей Николаевич болен. Помню, дежурным офицером тогда был прапорщик Семенов. Авдеев хотел тогда же находиться в дежурной комнате, но, помню, Семенов протестовал против этого и отбился от него. Больше ничего в этот день не произошло.

11 апреля Яковлев[21] опять потребовал собрать отряд. На собрание от совета явились: Заславский и студент Дегтярев, бывший тобольский комиссар юстиции. Имя его Николай. Он был из Омска и, следовательно, являлся представителем в Тобольском совете, так сказать, сибирских интересов, а не уральских, как Заслав-

ский. Студент стал держать к солдатам речь, все содержание которой сводилось к обвинениям Заславского в том, что он искусственно нервировал отряд, создавая ложные слухи о том, что Семье угрожает опасность, что под дом ведутся подкопы (слухи такие действительно были, и одна ночь была тревожная; пошли они от совета же, и я лично узнал об этом от него же, когда был там по поводу перевода Семьи в тюрьму; этим тогда совет и мотивировал свое решение перевести Семью „на гору") и т. п. Идея речи заключалась именно в этом. Заславский защищался, но бесполезно. Его ошикали, и он удалился. Он приехал в Тобольск за неделю, приблизительно, до прибытия Яковлева и уехал из Тобольска часов за 6, приблизительно, до отъезда Яковлева. Яковлев во время этого, так сказать, судбища над Заславским принял сторону Дегтярева. Что означало это собрание отряда, для чего все это проделывал Яковлев, я скажу потом.

В этот день часов в 11 вечера ко мне пришел капитан Аксюта и сказал мне, что Яковлев собирал отрядный комитет и заявил комитету, что он увозит Царскую семью. Об этом Аксюта мне передавал со слов члена этого комитета солдата Киреева. Именно так и было, как я говорю: Яковлев заявил об увозе не одного только Государя, а всей Августейшей семьи.

12 апреля[22] утром Яковлев пришел ко мне. Он сказал мне, что по постановлению „Центрального Исполнительного Комитета" он должен увезти всю Семью. Я спросил его: „Как же? А Алексей Николаевич? Ведь он же не может ехать. Ведь он болен". Яковлев мне ответил: „Вот в том-то и дело. Я говорил по прямому проводу с Циком. Приказано всю семью оставить, а Государя (он называл Государя обыкновенно „бывший Государь") перевезти. Когда мы с вами пойдем к ним? Я думаю ехать завтра". Я предложил ему пойти после завтрака часа в 2. Тут он ушел от меня. Я отправился в дом и, кажется, через Татищева просил Государя ответить, когда он может принять меня с Яковлевым. Государь назначил после завтрака в 2 часа.

В 2 часа мы вошли с Яковлевым в зал. Посредине зала рядом стояли Государь и Государыня. Остановившись на некотором отдалении и поклонившись им, Яковлев сказал: „Я должен сказать Вам (он говорил, собственно, по адресу одного Государя), что я чрезвычайный уполномоченный из Москвы от Центрального исполнительного комитета, и мои полномочия заключаются в том, что я должен увезти отсюда всю семью, но так как Алексей Николаевич болен, то я получил вторичный приказ выехать с одним Вами". Государь ответил Яковлеву: „Я никуда не поеду". Тогда Яковлев продолжал: „Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если Вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвечаю своей головой. Если Вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Будьте готовы. Завтра в 4 часа мы выезжаем".

Яковлев при этом снова поклонился Государю и Государыне и вышел. Одновременно и Государь, ничего не сказав Яковлеву на его последние слова, круто повернулся, и они оба с Государыней пошли из зала. Яковлев направлялся вниз. Я шел за ним. Но Государь, когда мы выходили с Яковлевым, сделал мне жест остаться. Я спустился с Яковлевым вниз и, когда он ушел, поднялся наверх. Я вошел в зал, где были Государь, Государыня, Татищев и Долгорукий. Они стояли около круглого стола в углу зала. Государь спросил меня, куда его хотят везти. Я доложил Государю, что это мне самому неизвестно, но из некоторых намеков Яковлева можно понять, что Государя хотят увезти в Москву. Так я думал тогда вот почему. Когда Яковлев пришел ко мне 12 апреля утром и впервые сказал мне, что он увезет Государя, он мне при этом говорил, что он вернется вторично за Семьей. Я его спросил: „Когда же Вы думаете вернуться?" На это Яковлев сказал: „Ну что же? Дней в 4–5 доеду, ну там несколько дней и назад. Через 1 1/2–2 недели вернусь". Вот почему я и доложил тогда Государю, что Яковлев, видимо, хочет увезти его в Москву. Тогда Государь сказал: „Ну, это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам отсечь себе руку, чем сделаю

это". Сильно волнуясь, Государыня сказала: „Я тоже еду. Без меня опять его заставят что-нибудь сделать, как раз уже заставили", и что-то при этом упомянула про Родзянко[23]. Безусловно, Государыня намекала на акт отречения Государя от престола.

На этом разговор кончился, и я пошел в Корниловский дом к Яковлеву. Яковлев спросил меня: „Кто же едет?" И еще раз повторил, что с Государем может ехать, кто хочет, лишь бы не много брали вещей. Я снова пошел в дом и просил Татищева узнать, кто именно едет, обещав зайти через час. Когда я пришел, Татищев сказал мне, что едут: Государь, Государыня, Мария Николаевна, Боткин, Долгорукий, Чемодуров, лакей Седнев, девушка Демидова. Яковлев снова сказал: „Мне это все равно". У Яковлева, я уверен в этом, была в то время мысль: как можно скорее уехать, как можно скорее увезти. Встретившись с противодействием Государя ехать одному, Яковлев думал: „Все равно, пусть берут, кого хотят; только бы уехать, только бы скорей". Вот почему он так часто и повторял тогда слова: „Мне все равно, пусть едет еще, кто хочет", не выражая на словах второй части своей мысли: „Только бы поскорей". Об этом он не говорил, но все его действия обнаруживали это желание, – он страшно торопился. Поэтому он и обусловил: не много вещей, чтобы не задержать время отъезда.

В этот день я в дом больше не входил. Там было не до меня, и я не решался идти к ним. В доме в это время шли сборы, и Государыня, как мне говорил Жильяр, страшно убивалась. Очень выдержанная женщина, она плакала, мучась между принятым решением быть около Государя и необходимостью оставить самого любимого в семье – сына. Я обращаю Ваше внимание хотя бы вот на это обстоятельство. Почему Государыня так убивалась? Если бы тогда она знала, что ее везут в Екатеринбург, чего бы убиваться? Екатеринбург не так далеко от Тобольска. Безусловно, она, как и все в доме, чувствовала из всех действий, всех поступков Яковлева догадывалась, что вовсе не в Екатеринбург их везут, а далеко, в Москву; что цель их увоза туда не их личное благополучие, а что-то необходимое, что-то связанное с государственными интересами; что там в Москве Государю и ей придется на что-то решиться, что-то серьезное, ответственное предпринять. Так текли и мысли Государя. Он их и высказал в словах о Брестском договоре.

Всю эту ночь я не спал. Вечером, по требованию Яковлева, я снова собрал отряд. Яковлев объявил отряду, что он увозит Государя, не указывая, куда именно, и просил отряд держать это в секрете. Вот опять я обращаю Ваше внимание на это обстоятельство. Почему Яковлев просил отряд держать увоз Государя в секрете? От кого он это скрывал? Я объясняю его мысль таким образом. Я уже говорил Вам, что в местном совдепе (еще раз укажу его заправил: Дуцман, Пейсель, Дислер, Каганицкий, Писаревский, его супруга, Хохряков) вообще было два течения: сибирское, считавшее Тобольск в сфере своих западносибирских интересов, и уральское, считавшее Тобольск своим. Представителем последнего течения был Заславский. Что именно его привело в Екатеринбург, я не могу сказать, многое в этом отношении мне самому неизвестно. Из-за нас ли специально он приехал в Тобольск или нет, не знаю. Из всех же речей Яковлева можно было совершенно ясно понять, что он, Яковлев, считал себя и в действительности был представителем третьей силы: центральной, московской. Прибыв сюда в Тобольск, он, видимо, боялся противодействия увозу тобольского совдепа. Но с тобольским совдепом он уладился. Противился, видимо, Заславский. Вот для чего и было, по моему мнению, устроено это подобие судбища и над Заславским, когда он свел его перед солдатами с Дегтяревым. Этим самым он устранил здесь, в Тобольске, последнюю возможность противодействия увозу Государя из Тобольска. Однако, как я скажу потом, в своих расчетах он, Яковлев, ошибся. Цель же его просьбы к солдатам держать все в секрете объясняется именно боязнью его, что не дадут увезти, не дадут местные силы. Отсюда вывод только один: являясь сам представителем третьей силы – центральной, московской, он работал на нее, на Москву, куда именно он и хотел для чего-то увезти Государя.

Солдаты были все-таки несколько смущены заявлением Яковлева и еще просьбой держать все в секрете. Заметно было, что они потрушивали за себя: как бы чего потом не было. Они стали говорить Яковлеву, что необходимо, чтобы и они сопровождали Государя. Яковлев отклонил это, ссылаясь на то, что его отряд надежный, но пошел на компромисс. Был выбран маленький отряд из нашей охраны. В него вошли: Матвеев, Карсавин, Шикунов, Лупин, Лебедев, Набоков (Лебедев и Набоков – родом с Украины, Шикунов – тверской, все остальные – из центральных губерний; Набоков уехал после, кажется, в Томск, к какому-то своему родственнику).

В 4 часа утра были поданы сибирские „кошевы" – плетеные тележки на длинных дрожинах, одна была с верхом. Сиденье было без /из?/ соломы, которая держалась при помощи веревок, прикрепленных к бокам кузова тележки. Вышел Государь, Государыня и все остальные. Государь меня обнял, поцеловал, Государыня дала мне руку. Яковлев сел с Государем. Он хотел и требовал, чтобы с Государыней сел Матвеев. Но она это категорически отклонила и села с Марией Николаевной. Яковлев уступил. Долгорукий сел с Боткиным, Чемодуров – с Седневым, Демидова – с Матвеевым. Впереди и сзади было несколько подвод с солдатами нашими и пешими из яковлевского отряда, причем на этих подводах было два пулемета и конная охрана из отряда Яковлева. Еще несколько подвод было с вещами. Какие вещи были взяты в это время из Тобольска, я не знаю. Отъезд состоялся часа в 4 с чем-нибудь[24].

Уехали, и создалось чувство какой-то тоски, уныния, грусти. Это чувство замечалось и у солдат. Они сразу стали много сердечнее относиться к детям. Помню, тогда же удалось добиться поставить в зале походную церковь.

И дорогой Яковлев страшно торопился. Гнали во всю (об этом мне самому потом говорили ямщики на станциях, когда я уезжал в Тюмень). Когда приезжали на станцию, сейчас же перепрягали лошадей и мчались дальше. Перепрягали лошадей и в с. Покровском на станции, как раз против дома Распутина. Мне передавали, что у его дома стояла жена, у окна сидела дочь. Обе они крестили уезжавших. Я просил Лебедева и Набокова (порядочные люди) телеграфировать мне с дороги, как будут ехать. От Лебедева я получил телеграмму из с. Ивлева, от Набокова – из с. Покровского. Они кратко телеграфировали: „Едем благополучно". С одной из железнодорожных станций была получена телеграмма: „Едем благополучно. Христос с Вами. Как здоровье маленького? Яковлев". Это, очевидно, телеграмма Государя или Государыни, поданная с разрешения Яковлева и им подписанная.

20 апреля[25] отрядным комитетом была получена от Матвеева телеграмма, извещавшая о приезде в Екатеринбург. Точных выражений телеграммы я не помню. Нас же всех эта телеграмма огорошила: что такое случилось, почему в Екатеринбург? Все были этим поражены, так как все были уверены, что Государя с Государыней повезли в Москву. Стали ждать возвращения солдат нашего отряда. Когда они вернулись, Лупин сделал доклад нашему отряду, ругательски ругая екатеринбургских большевиков. Мне же Лебедев и Набоков рассказали следующее.

Когда прибыли в Тюмень, Государя, Государыню и других поместили в классный вагон (больше ничего о вагоне, об удобствах не могу сказать). Вагон этот охранялся нашими шестью солдатами. Из Тюмени поехали на Екатеринбург, на какой-то станции узнали, что чрез Екатеринбург не проедут, что там их задержат (вот тут-то Яковлев и ошибся: Заславский раньше его на несколько часов выехал из Тобольска и, как я думаю, предупредил о предстоящем отъезде из Тобольска). Узнав об этом, Яковлев кинулся на Омск, чтобы оттуда держать путь: Челябинск – Уфа и т. д. Как я понял тогда Набокова, они были под самым Омском, как их поезд задержали. Яковлев вышел узнать, в чем дело. Оказалось следующее: Екатеринбург известил Омск, что Яковлев объявляется вне закона, что он везет Семью в Японию. Тогда Яковлев отправился в Омск и говорил по прямому проводу с Москвой. Возвратившись назад, он сказал: „Я получил приказание ехать в Екатеринбург". Поехали в Екатеринбург. Здесь Государя, Государыню, Марию Никола-

евну, Боткина, Чемодурова, Седнева, Демидову отправили в дом Ипатьева, а Долгорукого – прямо в тюрьму. Всех наших солдат сначала задержали в вагоне. Затем их всех вывели по одиночке, обезоружили и куда-то посадили. Продержали их в заключении несколько дней и выпустили. Можно было понять, что отношение к ним, нашим арестованным солдатам, было различное: к Лебедеву, Набокову относились хуже, к другим лучше, особенно к Матвееву, и освобождение их состоялось в разное время. Матвеев ходил зачем-то к Голощекину и Белобородову. Когда всех их освободили и они были уже в вагоне, чтобы возвращаться в Тобольск, к ним приходил Яковлев и говорил, что он сложил с себя полномочия, что он едет в Москву и что солдаты должны с ним ехать, чтобы там, в Москве, доложить о случившемся. Ясно было, что для Яковлева, как говорили наши солдаты, остановка в Екатеринбурге была фактом проявления неповиновения екатеринбургских большевиков приказанию центра.

В чем же дело? Почему, в самом деле, Яковлев не мог доехать до Москвы (солдаты говорили, что он „бросил" их, в конце концов, и один укатил в Москву)? Я объясняю себе это таким образом. В Екатеринбурге был свой центр большевизма. Здесь была своя столица всего „Урала" – „красный Екатеринбург". Я слышал от кого-то, что Москва упрекала екатеринбургских большевиков в том, что они „много тратят денег", и грозила им не давать больше денег. Вот, преследуя свои, местные, уральские (конечно, в конце концов, „личные") интересы, большевики екатеринбургские и задержали Августейших особ в Екатеринбурге, как „заложников", чтобы разговаривать с Москвой им было свободнее, чтобы Москва была более податлива на их требования. Не знаю, может быть, и ошибаюсь, но я мыслю так. Затем оставшийся после Яковлева телеграфист получил от него телеграмму, приблизительно следующего содержания: „Собирайте отряд, уезжайте. Полномочия я сдал. За последствия не отвечаю". Часть отряда Яковлева оставалась в Тобольске. Поэтому он так и писал. Телеграфист, молодой юноша, и отряд уехали. Куда уехали, – не знаю. Авдеев же уехал раньше Яковлева в Тюмень, куда его послал Яковлев приготовить поезд для дальнейшего следования.

Потом в отрядный комитет из Москвы пришла телеграмма (не знаю, от кого именно), в которой говорилось, что комиссаром вместо Яковлева назначается Хохряков[26]. Про появление этого Хохрякова в Тобольске я могу сказать следующее. Настоящих большевиков в тобольском совдепе не было довольно долго. Там руководили преимущественно эсеры. Даже тогда это было, когда уже почти везде советы были из коммунистов. Одно время даже наш Никольский был председателем совдепа. Потом прибыл в Тобольск из Омска „чрезвычайный" комиссар Дементьев[27]. Он приезжал налаживать организацию именно большевитской власти. С ним прибыл из Омска особый отряд. Еще в то время Екатеринбург проявлял свои права на Тобольск, и туда прибыл какой-то отряд из Тюмени. Но Дементьев, как представитель сибирского течения, осилил, и тюменский отряд уехал. Наладив „власть", Дементьев уехал в Омск. (Он родом из Тобольска: выгнанный семинарист.) Вот в это-то время организации советской „власти" в Тобольске первым большевитским председателем совдепа и был Хохряков.

В это время в Тобольск сходились с разных сторон разные большевитские отряды. Образовался там и отряд латышей. Они задолго до отъезда всех остальных членов Семьи из Тобольска были уже там и чинили свои безобразия, например, производили обыск у Буксгевден. Кто был их командиром тогда, я не знаю. Но этот их командир не понравился Хохрякову, и Хохряков выписал из Екатеринбурга какого-то Родионова. Родионов и стал у латышей начальником отряда. Спустя некоторое время после назначения Хохрякова нашим комиссаром вместо Яковлева, он получил от кого-то из Москвы телеграмму, в которой говорилось, что ему поручается перевезти всю остальную семью в Екатеринбург. Я должен сказать, что Родионова Хохряков вытащил из Екатеринбурга уже после того, как он был назначен к нам комиссаром. Таким образом, выписывая именно Родионова, Хохряков имел в виду уже именно нас, а не вообще Тобольск. Он уже распоряжался не как председатель совдепа, а как чрезвычайный комиссар по охране Се-

мьи. Некоторое время после назначения его комиссаром, но еще до замены нашего отряда латышами, когда караул несли еще наши солдаты, я однажды хотел пройти в дом. Солдаты меня не пропустили, сославшись на приказ Хохрякова. Я обратился к Хохрякову. Он мне сказал: „Они меня не поняли". Я продолжал после этого в течение нескольких дней ходить в дом. Но скоро прибыл Родионов, и состоялась замена нашего караула латышским отрядом. Латыши как-то сразу заняли все посты и не пропустили меня в дом. Это было за несколько дней до отъезда Семьи[28]. О том, что там происходило после этого, передаю со слов других лиц, оставшихся в Тобольске – Николаевой и Михаила Карпова.

Припоминаю еще вот что. Родионов еще при мне, как только появился у нас, пришел в дом и устроил всем форменную перекличку. Это поразило меня и всех других. Хам, грубый зверь, сразу же показал себя. После этого как-то сразу латыши заняли посты неожиданно для меня, и я уже не мог попасть в дом. Николаева же и Карпов говорили мне, что латыши держали себя таким образом. Была в доме в это время одна, всего-навсего, кажется, служба. Латыши обыскали священника, обыскали, грубо „ощупывая", монашенок, перерыли все на престоле. Во время самого богослужения Родионов поставил латыша около престола следить за священником. Это так всех угнетало, на всех так подействовало, что Ольга Николаевна плакала и говорила, что если бы она знала, что так будет, то она и не стала бы просить о богослужении. Когда меня не впустили больше в дом, я и сам не выдержал и заболел: слег в постель.

Семья уехала 7 мая. Я не мог встать с постели и не мог проститься с ними. Уехали, следовательно, с Семьей следующие лица: 1) Татищев, 2) Деревенько, 3) Гендрикова, 4) Буксгевден, 5) Шнейдер, 6) Жильяр, 7) Гиббс, 8) Теглева, 9) Эрсберг, 10) Тутельберг, 11) Межанц, 12) Катя, 13) Маша, 14) Волков, 15) Нагорный, 16) Иванов, 17) Тютин, 18) Журавский, 19) Трупп, 20) Харитонов, 21) Кокичев, 22) Леонид Седнев, 23) Пюрковский, 24) Терехов, 25) Кирпичников, 26) Дмитриев[29]. Я ошибочно показал уволенным Франца Пюрковского. Он не был уволен. Остались тогда в Тобольске, кроме уволенных, Николаева и Карпов, причем Николаева должна была выехать в Екатеринбург потом. После нашего переезда в Тобольск из Царского в Тобольск еще прибыли комнатные девушки Анна Уткина и Анна Павловна Романова. Их солдаты не пустили тогда в дом. Они остались жить в Тобольске и в Екатеринбург не ездили.

Откуда взялся в Тобольске Хохряков, я не знаю. Наружность его такова. Ему лет 30, роста ниже среднего, крепкий, коренастый, широкий темный шатен, волосы на голове зачесывал, кажется, назад, бороду брил, усы небольшие. Глаза, кажется, сероватые, близорукий. Нос прямой, широкий, уши – не торчащие, лоб небольшой. Человек он неинтеллигентный, неразвитой, но сам себя он считал, конечно, человеком все понимающим. Он был кочегаром на броненосце Император Александр II. Носил он черную кожаную куртку, защитные штаны, гетры и ботинки, на голове – фуражка, защитного цвета.

Также не знаю, откуда был Родионов. Ему было лет 28–30, роста ниже среднего, светлый шатен, не представляю хорошо его прически. Усы подстригал, бороду брил. Глаза, кажется, голубые. Носа, рта, лба не представляю. Человек он неинтеллигентный и производил отталкивающее впечатление. Морда у него какая-то „бабская", с ехидной улыбочкой. В нем чувствовался жестокий зверь, но зверь хитрый. Буксгевден уверяла, что во время одной своей заграничной поездки она видела его на одной из пограничных станций в форме русского жандарма. Я бы сказал, что в нем действительно чувствовался „жандарм", но не хороший, дисциплинированный солдат-жандарм, а кровожадный, жестокий человек с некоторыми приемами и манерами жандармского сыщика.

Когда этот Родионов появился у нас, он производил обыск у Нагорного, когда тот пришел из города. Он нашел у него письмо от сына доктора Деревенько к Алексею Николаевичу и сказал об этом Хохрякову: „Вот тип! Говорит, что у него ничего нет, а у самого письмо!" И, обращаясь ко мне, добавил: „А при Вас, наверно, и не то еще приносили". Хохряков обрадовался: „А! Давно я точу зуб на эту

сволочь! Осрамил нас!" Это говорил матрос Хохряков про матроса Нагорного. Иначе, конечно, и быть не могло: один – „краса и гордость русской революции", другой – преданный Семье человек, глубоко любивший Алексея Николаевича и им любимый. За это он и погиб: осрамил красу и гордость русской революции. За этот же „срам", конечно, погиб и Седнев, также матрос и также преданный Семье человек[30].

После отъезда Семьи я был долгое время отрезан от всякого источника сношений с какими-либо людьми, которые бы могли сообщить что-либо. В июне пал Омск[31]. Омские большевики бежали на пароходах и прибыли в Тобольск. Наши тобольские бежали с ними. Власть у нас взяли офицеры. Тюмень продолжала оставаться в руках большевиков. Получился фронт. Вот в это время я услышал о Хохрякове. Он „командовал" (как же? – ведь матрос-кочегар) где-то около с. Покровского по реке. Говорили, что командовал чем-то и Матвеев. (Хохрякова, как мне потом говорила Теглева, не пустили в дом Ипатьева, хотя он и был уверен, что он там будет комиссаром.) Потом пала Тюмень, и из Тюмени прибыли все уехавшие с Семьей лица, кроме следующих: 1) Долгорукого, 2) Татищева, 3) Деревенько, 4) Гендриковой, 5) Боткина, 6) Шнейдер, 7) Теглевой, 8) Эрсберг, 9) Тутельберг, 10) Волкова, 11) Нагорного, 12) Чемодурова, 13) Седнева, 14) Труппа, 15) Харитонова, 16) Леонида Седнева, 17) Иванова.

Приехавшие рассказывали следующее. Обращение с Семьей, когда она еще ехала, было возмутительное. Родионов запрещал запирать изнутри каюты на пароходе, а Алексея Николаевича и Нагорного запер снаружи. Нагорный не утерпел и сильно с ним поругался из-за того, что он запер больного ребенка. (Еще здесь, в Тобольске, он усвоил эту манеру и не позволил Ольге Николаевне не только запирать на ночь дверь их спальни, но и затворять ее.) Когда поезд прибыл в Екатеринбург, в дом были отвезены Алексей Николаевич, Ольга Николаевна, Мария Николаевна, Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна. С Государем и Государыней в дом были пропущены все, уехавшие с ними, кроме Долгорукого. Он был отправлен в тюрьму, о чем я впервые только от приехавших и узнал. Когда приехали в Екатеринбург дети, тотчас же были арестованы следующие лица: Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Волков. Но потом, как мне говорил Жильяр, Седнева и Нагорного увезли из дому. Эту картину увоза их они видели вместе с Гиббсом. Из остальных, не возвратившихся в Тобольск, в Екатеринбурге остался Деревенько. Теглева, Эрсберг и Иванов остались в Тюмени, Тутельберг – в Камышлове. Следовательно, в доме Ипатьева оставались следующие лица при Царской семье: Чемодуров, Седнев (мальчик), Трупп, Харитонов, Демидова и Боткин.

Спустя некоторое время после освобождения Екатеринбурга в Тобольск прибыл Чемодуров. Я видел его и говорил с ним. Должен прежде всего Вам сказать, что Чемодуров вернулся в Тобольск совершенно разбитый и совсем душой больной старик. Недавно он и умер. Его рассказы были бессвязны. Он мог только отвечать на вопросы, причем ответы его часто бывали противоречивы. Передаю то главное из его рассказов, что сохранила память.

Когда Государь с Государыней и Марией Николаевной прибыли в дом Ипатьева, их обыскали. Обыскивали хамски, грубо. Государь вышел из себя и сделал замечание. На это ему было в грубой форме указано, что он арестованный. Как главного начальника Чемодуров называл Авдеева. Про Дидковского он ничего не говорил. Спросить его об этом я не мог, так как я не знал же обстоятельств дела. Обед был плохой. С ним запаздывали: приносили его готовым из какой-то столовой вместо часа в 3–4. Обед был общий с прислугой. Ставилась на стол миска, ложек, ножей, вилок не хватало. Участвовали в обеде и красноармейцы. Придет какой-нибудь и лезет в миску: „Не, с вас довольно. Я себе возьму". Княжны спали на полу, так как кроватей у них не было. Устраивалась перекличка. Когда княжны шли в уборную, красноармейцы, якобы для караула, шли за ними в уборную. Вообще, даже со слов Чемодурова, неспособного дать ясную картину, благодаря своему угнетенному состоянию, можно было понять, что Августейшая семья подвергалась невыносимым моральным мукам. В убийство Августейшей семьи Чемодуров не

верил. Он говорил следующее. Убили Боткина, Харитонова, Демидову, Труппа, а Августейшую семью вывезли, причем убийством названных лиц симулировали убийство Семьи. Для этого, как можно было понять Чемодурова, симулировали и разгром дома: сожжение вещей и бросание их в помойку. Я помню, что он мне говорил о найденных где-то остатках икон, ордене Владимира, с которым не расставался Боткин.

Спустя некоторое время прибыл в Тобольск Волков. Он рассказывал, что вместе с Гендриковой и Шнейдер он из вагона был отправлен в Екатеринбургскую тюрьму, откуда их перевели в Пермскую. Из Пермской тюрьмы их троих вместе с какими-то еще лицами повели на расстрел. Но дорогой он бежал, а всех остальных расстреляли. Про разговоры с камердинером Михаила Александровича, сидевшим в тюрьме вместе с ним, Волков ничего не говорил и не рассказывал о том, что с ним сидел такой человек[32].

Про убийство Государя я впервые прочитал в Тобольске, или в омской газете „Заря", или в тобольской газете „Народное слово". Там приводилось большевитское сообщение о „казни" Императора Николая „Кровавого". Было это еще тогда, когда в Екатеринбурге были большевики. Сообщение произвело на меня впечатление какой-то недоговоренности и малой достоверности. Я в это не поверил. Вот все, что я мог Вам рассказать по делу.

На Ваш вопрос, что представляли собой лица Августейшей семьи в частной, общечеловеческой жизни, могу сказать следующее.

Государь был человек умный, образованный, весьма интересный собеседник, с громадной памятью, особенно на имена. Хорошо он знал историю. Он любил физический труд и жить без этого не мог: он так был воспитан. В своих потребностях он был очень скромен. Вытертые штаны, износившиеся сапоги на нем я видел еще в Царском. Вина он почти не пил. За обедом ему подавался портвейн или мадера, и он выпивал за обедом не больше рюмки. Он любил простые русские блюда: борщ, щи, каша. Припоминаю, между прочим, такой случай. Он зашел однажды в погреб с винами и, увидев коньяк, сказал Рожкову, чтобы он отдал его мне: „Ты знаешь, я его не пью". Это мне именно так и передавал Рожков. И я сам никогда не видел, чтобы он пил что-либо, кроме портвейна или мадеры.

Был он весьма религиозен. Не любил он евреев и называл их „жидами". Не любил он, не переваривал немцев. Отличительной чертой в его натуре, наиболее его характеризовавшей, это было свойство доброты, душевной мягкости. Это был человек замечательно добрый. Если бы это зависело лично от него, как человека, он бы не способен был совершенно никому причинить какого-либо страдания. Вот это его свойство и производило сильное впечатление на окружающих. Добрый он был и весьма простой человек, прямой и бесхитростный. Держал он себя очень просто. С солдатами в Тобольске он играл в шашки. Кто именно играл с ним из солдат в шашки, я не могу припомнить. Но я помню, что он любил прапорщика Тура и фельдфебеля Грищенко. Многие ведь и солдаты, я уверен, в душе питали к Семье хорошие чувства. Например, когда солдаты (хорошие, настоящие солдаты) уходили из Тобольска, они тихонько ходили к нему наверх и прощались, целовались с ним. У него у самого в душе сидело: русский человек – это мягкий, хороший, душевный человек; он многого не понимает, но на него можно воздействовать добром. Так это и было у него. Иногда из-за этого мне было тяжело. Солдатишки, наиболее развращенные, позволяли себе хулиганские выходки, конечно, больше всего за глаза Августейшей семьи: трусили все-таки. В глазах же держались более или менее прилично. Это и вело к тому, что Августейшая семья не понимала своей опасности.

Россию он любил, и не один раз мне приходилось слышать выражение боязни быть увезенным куда-нибудь за границу. Искусств Государь не знал. Но он любил сильно природу и охоту. Без этого он томился и по охоте скучал. Его слабость заключалась в его бесхарактерности. Он не имел твердого характера и подчинялся супруге. Это я наблюдал даже в мелочах. Всегда когда, бывало, обращаешься к нему по какому-либо вопросу, обыкновенно получаешь ответ: „Как жена, я ее спрошу".

Государыня – умная, с большим характером, весьма выдержанная женщина. Отличительной чертой ее натуры была властность. Она была величественна. Когда, бывало, беседуешь с Государем, не видишь Царя. Когда находишься перед ней, всегда, бывало, чувствуешь Царицу. Благодаря своему характеру, она властвовала в семье и покоряла Государя. Конечно, она сильней и страдала. У всех на глазах она сильно старела. Она хорошо, правильно говорила и писала по-русски. Россию она, безусловно, любила. Так же, как и Государь, она боялась увоза за границу. Она хорошо вышивала и рисовала. В ней не только не была видна немка, но можно было подумать, что она родилась в какой-то другой стране, враждебной Германии. Это объяснялось ее воспитанием. Рано, маленькой девочкой лишившись матери, она все время воспитывалась в Англии у бабушки, королевы Виктории. Никогда я не слыхал от нее немецкого слова. Она говорила по-русски, английски, французски.

Была она, безусловно, больная. Мне Боткин говорил, в чем было у них дело. Дочь Гессенского, она унаследовала их болезнь: хрупкость кровеносных сосудов. Это влекло за собой параличи при ушибах, чем и страдал Алексей Николаевич. Эта болезнь в мужском поколении до полового созревания, и затем болезненные явления исчезают. У женщин же, страдающих ей, не наблюдается никаких болезненных явлений до климактерического периода. С этого времени у них начинает развиваться истерия. Она и страдала истерией. Это было совершенно ясно. На этой почве, как мне говорил и Боткин, у нее и развился религиозный экстаз. Это была уже ее сущность. Все ее рукоделия, вообще занятия, имели именно такой характер. Она вышивала, вообще что-либо работала только из одной области: духовной. Если она что-либо дарила и писала, обязательно что-нибудь духовное: „Спаси и сохрани" или что-нибудь другое, но в том же духе. Мужа она, безусловно,любила, но не любовью молодой женщины, а как отца своих детей: женщины в ней не чувствовалось. Как женщина она уже не существовала. И в этом отношении Государь сохранился куда больше ее. Любила она всех детей, но больше всего Алексея Николаевича.

Ольга Николаевна – недурная блондинка, кажется, 23 лет.[33] Барышня – в русском духе. Она любила читать. Была способная, развитая девушка. Хорошо говорила по-французски, по-английски и плохо по-немецки. Она имела способности к искусствам: играла на рояле, пела и в Петрограде училась пению (у нее было сопрано), хорошо рисовала. Была она очень скромная и не любила роскоши. Одевалась она очень скромно и вечно одергивала в этом отношении других сестер. Сущность ее натуры, я бы сказал, вот в чем: это русская, хорошая девушка, с большой душой. Она производила впечатление девушки, как будто испытавшей какое-то горе. Такой на ней лежал отпечаток. Мне казалось, что она больше любила отца, чем мать, а затем она больше всего любила Алексея Николаевича и звала его „маленький", „беби".

Татьяна Николаевна, кажется, 20 лет. Она была совсем другая. В ней чувствовалась мать. Та же натура, тот же характер. В ней именно чувствовалось, что она дочь Императора. К искусствам она склонности не питала. Ей, может быть, лучше бы было родиться мужчиной, и, как мне кажется, будь иная судьба, она стала бы „Царевной Софьей". Это чувствовалось всеми. Когда Государь с Государыней уехали из Тобольска, никто как-то не замечал старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли к Татьяне: „Как Татьяна Николаевна". Она была ближе всех дочерей с матерью и, видимо, любила ее больше отца.

Мария Николаевна – 18 лет, высокая, сильная, самая красивая из всех. Она хорошо рисовала. Из всех сестер это была самая простая и самая приветливая. Вечно она, бывало, разговаривает с солдатами, расспрашивает их и прекрасно знает, у кого как звать жену, сколько ребятишек, сколько земли и т. п. Вся подноготная вот подобных явлений ей всегда была известна. Она, как и Ольга Николаевна, больше любила отца. За ее свойство простоты, приветливости она и получила название в семье „Машки". Так звали сестры и Алексей Николаевич.

Анастасия Николаевна имела, кажется, 17 лет. Физически она была развитее своего возраста. Она была низенькая, очень полная – „кубышка". Такой вид имела потому, что ее очень маленький рост не соответствовал ее полноте. Ее отличительной чертой была способность подмечать слабые стороны людей и передразнивать их. Это был природный комик. Вечно, бывало, она всех смешит. Она также больше любила отца и больше других сестер Марию Николаевну. Звалась она сестрами и братом почему-то „швибз".

Все они были очень милые, симпатичные, простые в общем, даже и Татьяна Николаевна, девушки – чистые, невинные. Куда они были чище в своих помыслах очень многих их современных девиц-гимназисток, даже младших классов.

Кумиром всей семьи был Алексей Николаевич. Он был еще ребенок. Характерные отличия в нем еще не выработались. Он был умный, способный мальчик, весьма шаловливый и живой. Он говорил по-русски, английски и французски. По-немецки не знал ни слова.

Про всю Августейшую семью в целом я могу сказать, что все они очень любили друг друга, а жизнь в своей семье всех их духовно так удовлетворяла, что они иного общения не требовали и не искали. Такой удивительно дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу.

Вот теперь я могу сказать, что настанет время, когда русское общество узнает, каким невероятным мукам подвергалась эта семья, когда разные газетные писаки с первых и до последних дней революции наделяли их интимную жизнь разными своими измышлениями. Возьмите хоть всю эту грязь с Распутиным. Мне много приходилось беседовать по этому вопросу (не о Распутине, а о Государыне) с Боткиным. Государыня болела истерией, болезнь привела ее к религиозному экстазу. Кроме того, так долго жданный и единственный сын болен и нет сил помочь ему. Ее муки, как матери, на почве этого религиозного экстаза и создали Распутина. Распутин был для нее – святой. Властвуя над мужем, она и его увлекла на этот путь. Вот, когда живешь и имеешь постоянное общение с этой семьей, тогда, бывало, понимаешь, как пошло и подло обливали эту семью грязью. Поняли бы хоть одно то, что Александра Федоровна, как женщина, не существовала несомненно уже давно. Можно себе представить, что они все переживали и чувствовали, когда читали в Царском все милые русские газеты.

Их обвиняли чуть ли не в измене в пользу Германии. Я уже говорил в этом отношении про Государя. Он не любил две нации: евреев и немцев. Государыня терпеть не могла Вильгельма. Она говорила: „Меня обвиняют, что я люблю немцев. Никто не знает, как я ненавижу этого Вильгельма за все то зло, какое он причинил моей Родине". Под родиной она разумела при этом не Россию, а свою родину. Со слов Жильяра и Татищева могу также сказать (как образец ее дальновидности), что однажды, разговаривая с ним о развале России, она говорила, что то же самое будет и в Германии. Такое же отношение к Императору Вильгельму было и у княжен. Вам расскажут, вероятно, Теглева и другие, что княжны роздали прислуге однажды подарки, полученные ими от Вильгельма при свидании его с Августейшей семьей на яхте. Больше я ничего вспомнить не могу.

Боткину было лет 50, высокого роста, полный. На голове уже была небольшая лысина и „заливы" с краев, волосы на голове седые, борода седая, усы также, причем они спускались вниз, губы толстые. Он носил очки в золотой оправе и пенсне с оправой только на переносице. Носил орден Владимира 3-й степени, с которым не расставался. Поехал он в серой тройке и рыжих ботинках. У него верхняя челюсть, кажется, была искусственная. Он был доктор Государыни и был очень предан Семье. Даже Керенскому однажды за глаза он не называл иначе Государя и Государыню, как „Их Величествами".

Татищев был лет 60, высокий, худощавый, но выглядел моложе все же своих лет. Волосы на голове седые, кажется, пробором, усы и борода седые, подстриженные. Нос прямой, уши небольшие, лоб прямой, невысокий. Уехал он или в синей, или в серой тройке.

Долгорукий имел 40–42 года. Высокий, средней полноты, шатен, на голове носил пробор, бороду брил, усы у него были небольшие. У него была на голове небольшая лысина. Глаза серые, нос небольшой, прямой. Носил он военную форму.

Гендрикова имела лет 30, среднего роста и телосложения. Лицо красивое, маленький нос, рот и ровные зубы, брюнетка.

Шнейдер имела лет 60, среднего роста, худая. Нос очень маленький, „пуговкой", красноватый, рот небольшой, шатенка, седины было очень мало.

Демидова была лет 42, высокая, полная, блондинка, лицо красноватое, нос прямой и небольшой, глаза голубые.

Харитонову было лет 45, невысокого роста, худощавый, брюнет или темный шатен, кажется, носил бобрик, но на голове были большие „заливы", брил усы и бороду; приблизительно на грани щеки и скулы, кажется, правой, у него была небольшая бородавка, из которой торчало несколько длинных волос. Нос у него был острый, глаза серые. Носил он черные штаны навыпуск и черную тужурку со стоячим воротником.

Труппу было лет 60, высокий, среднего телосложения. Волос на голове у него почти не было, усы и бороду брил. Цвет лица у него был розовый, нос прямой, глаза, кажется, серые. Носил он серые брюки и серую тужурку, прежнюю форму, только без прежних пуговиц, черное пальто и черную фуражку.

Седневу было лет 28, высокий, среднего телосложения, брюнет, на голове волосы на пробор, усы и бороду брил. Нос прямой, лоб средней величины, прямой. Носил высокие сапоги, черные штаны, защитную рубаху и подпоясывался поясом-шнуром с кистями.

Нагорному было лет 28–30, высокий, сутуловатый, широкий, не худой, темный шатен. Волосы на голове носил, кажется, на пробор, бороду брил, усы подстригал по-английски, нос прямой, глаза, кажется, голубые. Носил он черные штаны навыпуск и защитного цвета китель на крючках.

Таких рамок, как та, фотографический снимок которой Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок с рамки, описанной в п. 1 „а" протокола 10 февраля сего года, л. д. 10, том 2-й), у Семьи было очень много[34].

Такие серьги, как серьга, изображение которой я сейчас вижу (предъявлено фотографическое изображение серьги, описанной в том же пункте того же протокола, л. д. 10 об., том 2-й), я видел на Государыне. Она их носила.

Про образа, фотографические изображения которых я вижу (предъявлены фотографические изображения образов, описанных в пунктах 4–6 того же протокола), я Вам ничего сказать не могу. Были ли у них такие, не знаю.

Изображение пальца, которое я вижу (предъявлен снимок пальца, описанного в пункте 7-м того же протокола, л. д. 12, том 2-й), мне напоминает палец Государыни. У нее пальцы были длинные, тонкие. Он похож на ее пальцы в верхней его части. Конец же его на фотографии, видимо, изменился: сморщился. Ногти у нее были длиннее конца пальцев и были полукруглые. За ногтями она ухаживала. Ни Государь, ни Боткин, ни Демидова маникюром не занимались.

Были ли у Государя или у кого-либо еще подковы на сапогах, я не знаю.

На предъявленном мне Вами портрете Государыня снята с Алексеем Николаевичем и Апраксиным (предъявлен портрет, описанный в пункте „з" того же протокола, л. д. 14, том 2-й).

Я вижу предъявленные мне Вами бусы и пряжки туфель (предъявлены бусы и пряжки от туфель, описанные в пунктах 1 и 2 протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 45, том 2-й)[35]. Такие бусы были в ожерельях княжен. На туфлях я иногда видел у них такие же пряжки с блестящими камнями. Княжны и Государыня носили дома туфли, на воздухе они иногда бывали в сапогах. При этом должен сказать, что нога Государыни была очень большая: длинная, но тонкая, так что ботинок с ее ноги вполне соответствует 9-му номеру мужских калош (см. л. д. 100, том 3-й).

Предъявленная мне Вами пряжка (предъявлена пряжка, описанная в пункте 4-м того же протокола, л. д. 45 об., том 2-й), безусловно, от пояса Алексея Николаевича. Совершенно такая же была и на его поясе, который он носил.

Предъявленные мне Вами стекла от пенсне весьма напоминают своей формой стекла от пенсне Боткина (предъявлены стекла, описанные в пункте 12-м того же протокола, л. д. 47 об., том 2-й). Боткин при чтении всегда снимал очки и пенсне. Он, очевидно, был дальнозоркий /так!/.

Государыня в Тобольске при работе носила большие очки в роговой, кажется, оправе. Стекла ее очков весьма похожи на те стекла, которые я сейчас вижу (предъявлены стекла, описанные в пункте 13-м того же протокола, л. д. 47 об., том 2-й). Величина ее стекол была такая же. Может быть, ее стекла и казались меньше, но ведь эти стекла без оправы, а ее стекла были в оправе. Эти очки ей прописал доктор в Тобольске – Григоржевский.

Пуговицы, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены пуговицы, описанные в пунктах 14–15 того же протокола), по моему мнению, от кителя Государя и от верхних костюмов княжен. Последние были обтянуты у них материей.

Княжны имели пояса с обыкновенными женскими пряжками, похожими на те, которые я сейчас вижу (предъявлены пряжки, описанные в пункте 21-м того же протокола, л. д. 48 об., том 2-й).

Относительно корсетов я могу сказать, что Демидова носила корсет. Ее корсет должен был быть с более длинными передними планшетками, чем корсет Государыни.

Однажды мне приходилось кому-то из семьи передавать корсет. Я помню, что он был белый, шелковый.

Государь вел дневник. Вела ли Государыня, не знаю. Дети все вели дневники[36]. Но перед отъездом из Тобольска Мария и Анастасия Николаевны свои дневники уничтожили.

У Боткина была небольшая овальной формы щеточка, которой он расчесывал волосы на голове, усах и бороде. Он ее носил в кармане одежды.

Княжны были обриты, после кори, в Царском. Волосы у них отросли. Но потом их еще обрили, и при отъезде из Тобольска волосы у них не достигали плеч[37].

У Государя не было при себе ни револьвера, ни шашки. У него был кинжал, который и увез Родионов. Никакого палаша у Алексея Николаевича также не было. Из Царского должен был ехать в Тобольск боцман Деревенько, но он проворовался и был уволен[38]. Между тем сундук с его вещами пришел в Тобольск. Когда солдаты хотели производить обыск в Семье, мы с Жильяром, принимая меры предосторожности, вскрыли сундук Деревенько (собственно, его вскрыл Нагорный), и там оказался морской палаш. Этот палаш был передан Кирпичникову, а он, вероятно, отдал его священнику Васильеву, у которого он жил.

Чемодуров ничего мне не говорил про волосы в доме Ипатьева.

Я от кого-то слышал, что к Семье ходил доктор Деревенько, когда она содержалась в Екатеринбурге.

Я читал в какой-то газете, не помню, какой именно, кажется, в „Заре", что к Государю, когда он содержался в Екатеринбурге, приезжало какое-то лицо, предлагавшее спасение ему на известных условиях. Там писалось, что, узнав, что посланный был от Императора Вильгельма, Государь его не принял.

Чемодуров говорил, что он видел убитых Седнева и Нагорного. Трупы их уже разложились, и он узнал их по фигурам и платью.

Парфена Алексеева Домнина в числе прислуги Августейшей семьи не только в Тобольске и в Царском не было, но, как я уверен, и вообще-то никогда не было (л. д. 56, том 3-й)[39].

Офицерский состав в Тобольске был такой: 1) капитан Федор Алексеевич Аксюта, родом из Ставрополя Кавказского, где у него живет теща и дочь, 2) подпоручик Николай Александрович Мундель, статский советник, служил в Петрограде начальником отделения в Министерстве финансов, 3) прапорщик Иван Трофимович Зима, учитель, родом с Украины, кажется, из Проскурова, 4) прапорщик Александр Владимирович Месянянкин, студент Петроградского университета, родом, кажется, тоже из Ставрополя Кавказского, 5) подпоручик Александр или Николай Флегонтович Каршин, родом из Иркутска, студент Петроградского универ-

ситета, 6) прапорщик Семенов, родом, кажется, из Самары, из фельдфебелей, имеет 4 Георгия, 7) прапорщик Пыжов, откуда родом, не знаю, портной, выслужился в эту войну.

Такого бриллианта и креста, изображения которых Вы мне сейчас показываете (предъявлены изображения креста и бриллианта, описанных в пунктах „в" и „г" протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й), я никогда не видел ни у кого из лиц Августейшей семьи.

Я не знаю, была ли у Боткина такая застежка для галстука, какая изображена на предъявленном мне Вами снимке (предъявлен снимок застежки, описанной в пункте 13-м протокола 10 февраля сего года, л. д. 12 об., том 2-й). Но галстуки он носил длинные, а не бантиками[40].

Предъявленный мне Вами дневник (предъявлен дневник, описанный в протоколе 27 февраля сего года, л. д. 91, том 2-й) принадлежит, безусловно, графине Гендриковой[41]. В нем упоминаются имена: Иза – это баронесса Буксгевден, Трина – это Шнейдер, Бурыхин (а не Бурняим, как поняли Вы запись в дневнике) – солдат отряда нашего, Кс. Мих. Битнер – это Клавдия Михайловна Битнер /так!/.

Бурыхин – богатый коммерсант, женатый на московской купчихе. Имя его Иван Иванович. Он живет, кажется, в Новочеркасске. Он никогда не заменял Месянянкина. Это Гендрикова ошибается в своих записках. Он вполне интеллигентный человек и человек порядочный. Если он и был членом Царскосельского совдепа, то ведь он попал туда в первое время революции, да еще в солдатской шинели.

Битнер преподавала в Тобольске детям русский язык, историю, географию, арифметику[42].

/.../

В Тобольск приезжала и Хитрово. Это молоденькая девушка, проникнутая чисто „институтским" обожанием к Ольге Николаевне. Из-за ее приезда была целая история, раздутая тогда газетами. Ее обыскивали и ничего не нашли[43].

Обстановка, заказанная мною в Тобольске (очень простая), была мною продана и деньги внесены в Тобольское казначейство. Между прочим, рояль, купленный мною для Семьи (покупал Макаров у бывшего вице-губернатора Гаврилова), я продал купцу Еремееву.

/.../

Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно, и я готов подтвердить его на суде под присягой.

Полковник Евгений Степанович Кобылинский.
Судебный следователь Н. Соколов.

193

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественных доказательств

1919 года, апреля 14 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр фотографического снимка, присланного начальником отдела контрразведки при Штабе Верховного Главнокомандующего при отношении от 3 сего апреля за № 8 (л. д. 141, том 3-й).

По осмотру найдено следующее:

Фотографический снимок изображает написанную чернилами черного цвета на бланке президиума Уральского областного совета „росписку", датированную 30 апреля 1918 года и имеющую номер, указанный цифрой „1".

Бланк имеет следующий вид и содержание:

„Рабочее и Крестьянское
Правительство
Российской Федеративной Республики
Советов.
Уральский Областной Совет
Рабочих,
Крестьянских и Солдатских
Депутатов
ПРЕЗИДИУМ
№ 1".

Вид и содержание самой „росписки" следующие:

„Екатеринбург, 30 апреля 1918 г.

Росписка

1918 года,апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета Раб., кр. и солд. Депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывш. вел. княгиню Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге.
А. Белобородов

Чл. Обл. Испол. Комитета
Б. Дидковский".

Между подписями Белобородова и Дидковского мастичный оттиск печати: „Областной Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала".

Весь текст этого документа писан, видимо, Белобородовым[1].

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

194

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 15–25 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил дополнительный осмотр дома Ипатьева[2].

По осмотру найдено следующее:

Дом Николая Николаевича Ипатьева, где держались большевиками в заключении Государь Император Николай Александрович и другие лица Августейшей семьи, находится в г. Екатеринбурге на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка.

Дом имеет два жилых этажа: верхний и нижний, полуподвальный. Парадный ход в верхний этаж – с Вознесенского проспекта, парадный ход в нижний этаж – с Вознесенского переулка.

Дом каменный, отштукатуренный, покрыт белой известковой краской. Крыша железная, зеленая. В каменной ограде со стороны Вознесенского проспекта находятся створочные ворота, окрашенные в коричневую краску. Вблизи их, со стороны того же проспекта, – калитка, окрашенная так же, как и ворота. В калитке выпилено маленькое окошечко, обращенное во двор.

На самом углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка около стены дома – деревянная, уже старая будка, окрашенная такой же краской, как и ворота с калиткой.

Во дворе дома находятся каменные и деревянные службы с различными сараями для нужд хозяйства, погреб, баня и деревянные сараи-навесы.

При доме имеется небольшой садик, идущий вдоль Вознесенского переулка. Форма его почти квадратная; в длину он имеет 56 аршин, в ширину – 47[3]. В садике растут простые тополя, несколько берез, несколько лип, одна ель, кусты акации и сирени.

Дом своим внешним видом и хозяйственными службами оставляет довольно благоприятное впечатление в сравнении с другими зданиями. Садик же мал и однообразен.

Часть Вознесенского проспекта, на который обращен своим лицевым фасадом дом, переходит как раз против дома Ипатьева в площадь. На этой площади против дома Ипатьева находится церковь Вознесения. Почва земли от этой площади круто понижается к самому дому и имеет довольно значительно выраженный уклон чрез всю усадьбу Ипатьева.

При обследовании наружных стен дома и его служб усмотрена на стене дома, обращенной к Вознесенскому проспекту, надпись, вырезанная каким-то острым предметом, расположенная в нескольких строках, следующего содержания:

„царь николай сидел на троне из народа пил он кровь торговал он водкой пивом был ленивый на все руки был готов".

Характера почерка эта надпись не передает.

На штукатурке ограды у ворот и калитки имеются надписи, вырезанные каким-то острым предметом:

„Царя русского Николу за хуй сдернули с престолу", „Григорий Суетин"[4], повторяющаяся два раза; надпись, в которой удается прочесть только слово „Садчиков"[5].

Характера почерков и эти надписи не выражают.

При обследовании будки внутри ее на стене усмотрен рисунок, сделанный по бумаге, наклеенной на стене будки. Рисунок изображает кровать и фигур лежащих на ней в циничных позах мужчины и женщины. На другой внутренней стенке той же будки черным карандашом сделаны надписи „Гр. Лесников"[6], „Старков Иван[7] на хую у теб...", дальнейшего текста разобрать не представилось возможным.

Вследствие невозможности снять рисунок и эти надписи в помещении будки при помощи фотографического аппарата, части досок с изображением и надписями были выпилены для приобщения к делу.

/.../

Рядом с комнатой великих княжен находится комната, обозначенная на чертеже цифрой III. /.../[8] В этой комнате – 4 окна, причем два обращены на Вознесенский проспект, а два – на Вознесенский переулок. Все окна имеют двойные рамы. Окно, обращенное на Вознесенский проспект и ближайшее к гостиной, имеет снаружи частую железную решетку, покрывающую все окно. Окно, обращенное

на Вознесенский переулок и ближайшее к комнате великих княжен, имеет фортки, такие же, как и описанные раньше.

На левом косяке окна, обращенного на Вознесенский проспект и не имеющего решетки (на левом косяке – если смотреть из окна на Вознесенский проспект), имеется знак и надпись, сделанные черным карандашом, принадлежащие, как свидетельствует Жильяр, Государыне Императрице. Знак и надпись имеют следующий вид:

„ 卐 17/30-го Апр: 1918 г."[9]

/.../

В комнате, обозначенной на чертеже цифрой V1[10], два окна, с двойными рамами, обращенные в сад. В этой комнате Сергеевым были найдены надписи „Толстобровъ" и т. д. и циничные изображения. Надписи и изображения целы. Надпись, являющаяся одной надписью, сделана черным карандашом на стене, противоположной окнам: „Толстобров Петр. А. Стрежнев. 3/VI/18. А. Стрежнев"[11]. Она расположена в виде нескольких строк и принадлежит, безусловно, одному лицу.

Циничное изображение находится на стене, отделяющей эту комнату от комнаты, обозначенной на чертеже цифрой VIII. Оно изображает половые органы мужчины и женщины в их соединении. Против этого изображения имеется сделанная черным карандашом надпись, как пояснение самого изображения: „Александра и Распутин".

/.../

Опечатанная комната, обозначенная на чертеже цифрой II, и есть та, где произошло убийство Государя Императора Николая Александровича и его семьи. Ее внешний вид соответствует описанию ее в акте Сергеева (л. д. 39 об. и след., том 1-й)[12].

При настоящем осмотре отмечаются следующие обстоятельства:

а. В единственном окне этой комнаты, выходящем на Вознесенский переулок, две рамы. Наружная рама заперта на шпингалеты. Снаружи окно покрыто железной решеткой. Ширина подоконника от внутреннего его края до внутренней рамы в окне – 85 сантиметров, между рамами – около 10 сантиметров, от наружной рамы до решетки – 21 сантиметр, от решетки до края наружной стены дома – 17 1/2 сантиметров. Таким образом, ширина всего подоконника – 1 метр 33 сантиметра.

б. На лицевой стороне арки, ближайшей к правому косяку двери, ведущей из этой комнаты в кладовую, обозначенную на чертеже цифрой III (к правому косяку, если обернуться лицом к кладовой), снята часть деревянной обшивки, покрывающей арку, вместе с обоями. Над этой выемкой имеется сделанная черным карандашом надпись: „Рисовал А. А...", подпись фамилии неразборчива.

в. Под этой выемкой в штукатурке арки имеется в толщу штукатурки углубление конусообразной формы, несомненно пулевого характера. Его глубина 2 1/2 сантиметра, диаметр с краев – 1 сантиметр. От пола оно находится в расстоянии 1 метра 6 сантиметров. Этот пулевой отпечаток не отмечен в акте Сергеева.

г. На стене, обращенной к Вознесенскому переулку, имеются три надписи, сделанные черным карандашом, не отмеченные Сергеевым: „Прашу не курить", „Борзна", „Кародонов".

д. На самом краю подоконника чернилами черного цвета, весьма толстыми линиями сделаны одна под другой три надписи: „24678 ру. года", „1918 года", „148467878 р", а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком: „87888".

е. В расстоянии полувершка от этих надписей на обоях стены такими же чернилами и такими же черными линиями написаны какие-то знаки, имеющие следующий вид: [13]

ж. В стене, отделяющей комнату убийства от кладовой, произведены выемки штукатурки с обоями и дерева, как о том значится в акте Сергеева от 20 августа

1918 года (л. д. 55, том 1-й). Некоторые пулевые удары в этой стене Сергеевым были приняты, видимо, сначала за штыковые удары, так как против номеров, указанных цифрами 1–6 исключительно, имеются карандашные отметки: „шт". На обоях этой стены в непосредственной близости с выемками по направлению к косяку двери, ведущей в кладовую, замечается множество кровяных брызг, почерневших уже от времени, но некоторые из них сохранили еще характерный для крови окрас: красновато-желтый. Все они идут по направлению от места выемок, т. е. снизу от пола вверх и слева вправо от выемок. Характерна сама форма брызг: совершенно явственно видно, что некоторые из брызг дали характерную для кровяной брызги при полете ее „ковычку". Самая высокая от пола брызга отстоит от него на 1 метр 80 сантиметров, самая ближайшая к полу отстоит от пола на 73 сантиметра. Эти брызги не отмечаются в актах Сергеева.

з. В стене, обращенной к Вознесенскому переулку, имеются три вырезки дерева с обоями. Две из этих вырезок вполне соответствуют кускам дерева, описанным в протоколе осмотра их от 17–18 февраля 1919 года (пункты 20–21, л. д. 55 – 55 об., том 3-й), где было попадание пуль. В непосредственной близости с выемкой куска дерева, описанного в пункте 20-м упомянутого протокола, т. е. того именно, в котором и засела пуля, наблюдается также множество таких же кровяных брызг. Они идут в непосредственной близости от самых краев выемки, так что одну из брызг покрывает карандашная линия, которой Сергеев, видимо, обозначал площадь для выемки дерева с пулей. Некоторые из брызг имеют такую же характерную для кровяной брызги кавычку. Направление брызг от выемки вверх и направо, вниз и налево. Эти кровяные брызги также не отмечаются в актах Сергеева.

и. В этой же стене имеются две вырезки кусков дерева и обоев, описанные в пункте 22-м протокола 17–18 февраля 1919 года (л. д. 55 об., том 2-й) и в пункте 2-м протокола 24 февраля 1919 года (л. д. 82 об., том 2-й).

к. В полу комнаты имеются выемки дерева в соответствии с актом Сергеева от 18 августа 1918 года (л. д. 42, том 2-й).

л. Ясно видимых штыковых ударов нигде в комнате убийства не усматривается, но обращает /внимание/ в этом отношении на себя арка, о которой упоминается в сем протоколе выше, в пункте „б". На расстоянии 1–1 1/2 аршина от пола как раз на той высоте, где вырезана обшивка, на той стороне арки, которая ближе всего к правому косяку двери из комнаты убийства в кладовую (если смотреть на эту дверь из комнаты убийства), усматриваются продолговатые в 1–2 миллиметра разрывы обоев. Получается впечатление, что по этой стороне арки как будто бы скользило острие штыка.

м. В комнате убийства имеются принадлежности для освещения ее электричеством.

/.../

В комнате, обозначенной на чертеже цифрой IV[14], имеется два окна, с двойными рамами, обращенные в сад, из коих одно окно также находится под террасой. Из надписей, усмотренных в этой комнате Сергеевым, уцелели:

сделанная черным карандашом в несколько строк надпись: „повсей подеревне погасли огни гриша ссашурою спать полегли",

сделанная также черным карандашом, но весьма слабым оттиском, возможно, и каким-либо острым предметом, надпись „Карташов Иван", не передающая почерка писавшего.

Остальные надписи уничтожены, причем на стене имеются и следы их стирания.

/.../

Из столовой верхнего этажа имеется выход на террасу, каковая, видимо, не осматривалась и не описывалась в актах ни Наметкиным, ни Сергеевым.

Терраса идет вдоль стены дома, обращенной в сад, и оканчивается, с одной стороны, между дверью из столовой на террасу и окном из столовой в сад, с другой стороны – на уровне стены дома, выходящей к Вознесенскому проспекту. Терраса на деревянных столбах, обнесена перилами и верхними столбами, доходя-

щими до крыши, покрывающей террасу – стойками. Ее длина 7 сажен, ширина – 5 аршин. Вниз с террасы идет лестница в сад[15].

Верхние столбы – стойки – покрыты надписями. Ими же покрыта и вся стена дома, обращенная на террасу. Все эти надписи полны цинизма. Удается читать следующие:

1. У самого начала лестницы с террасы в сад на одной из стоек сделана черным карандашом надпись:

„Прошу // Ехал из // ярмарки // хуй ли // говорить // заехал в // деревню // дай ка // по // покурить".

Ниже и сбоку этой надписи подпись, сделанная таким же карандашом и таким же почерком, напоминающая слова: „И. Шамарский", но точный ее смысл разобрать не удалось.

2. На стене террасы имеется вырезанная каким-то острым предметом большими буквами надпись:

„Саря рускаго николу за хуй
сдернули спристолу".

3. Ниже этой надписи имеется сделанная черным карандашом надпись:

„руской царь у нас был никола
Его за хуй стащили спрестола он
всей ... был ... чего..." Остальных слов разобрать не представилось возможным, так как некоторые слова выскоблены.

4. Далее к Вознесенскому переулку на стене террасы имеется сделанная черным карандашом надпись, напоминающая почерк надписи, только что описанной, и надписи, сохранившейся в комнате нижнего этажа, обозначенной цифрой IV на чертеже дома:

„Ехал с Тобольску // Гришка купец заехал // Он в царский дворец // повсем хоромам // погасли огни Сашка // и Гришка спать // по легли приходит // Николашка и // видит безна полна // давай паскареи // бутылку вина".

5. Далее, ближе к тому же переулку, имеется надпись, сделанная таким же карандашом и таким же почерком, как и описанная:

„Повсей // подеревне // погасли // огни // Сашка // с Гришкой // спать // полегли".

6. Далее, ближе к тому же переулку, имеется надпись, сделанная черным карандашом:

„Русый локон // длинный локон // очи ясныя порой // я встречаю вас // у окон с восхищеною // душой о когдаб не рок // противныя твоих // пристрасных // глаз очи ясны локон длинный // незабуду вечно // вас".

7. По тексту этой надписи, только что приведенной, черным карандашом написано:

„в 12 часов дня // писал писака, а разберет // собака".

8. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, черным карандашом сделана надпись:

„Помнишь // милая весною // в ароматный // Майский день // обрывала ты со мною расетхвшую // сирень".

9. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, написано черным карандашом печатными буквами: „Спешите", а ниже этого слова, от руки: „прочесть".

10. Под текстом этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом и сильно вытертая или выскобленная. Удается прочесть:

„Хвала тебе... Садчиков и честь[16]
У меня для тебя ... есть
И если знать его хотишь, то заглавий..."

Весь смысл, очевидно, заключается в желании автора, чтобы читались заглавные буквы начальных строк этого „стихотворения".

11. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется сделанная черным карандашом надпись:

„Сашка и Гришка // Сидят за столом // Сам Николашка // пошол за вином".

12. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется сделанная черным карандашом надпись:

„Да здравствует сосыалистическая красная армия и флот
а Николай романов ...” Следующие слова уничтожены.

13. Под этой надписью, тем же почерком и таким же карандашом, написано:

„Да Здравствует федеративная республика Советов”.

14. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, написано черным карандашом:

„Романов // Николай”.

15. В росчерке буквы „Р” в слове „Романов” написано черным карандашом:

„Иди // ебет // ногами // топат”.

16. Далее, ближе к Вознесенскому переулку имеется надпись, сделанная черным карандашом. По краям этой надписи имеются карандашные обводные линии, придающие надписи вид письма: как будто бы к Государю кто-то обращался с подобным письмом. Ниже текста надписи, составляющей текст этого письма, написано большими буквами: „Гришка Распутин”.

Вся эта надпись, вместе с подписью Распутина, имеет следующий вид:

„Его величества

Николай	всекакията
александрович	Каменданты
Кудаты	дакамисары
скрылся утнас	етиих вжопу
Навеки нам болше	мать такую
вас невидать	сволочь бох
Мы погибнем	послал
безвас ився	дакамендантов
Россия погибнет	дакамиссаров
безвас	еттих вжопу
секретарь Маилов	мать такую
Абусилов комисар	сволочь черти
	послали нарот
	мучит
	Николай
	Александрович
	уничтошь
	Камендантов
	дакамисаров
	всю эту сволочь

Гришка Распутин”.

17. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется надпись, сделанная черным карандашом, имеющая следующий вид:

„№ 6 Верхаш 1918 VII/15 / Карау...”[17]

Буквы в этой надписи все сопровождаются росчерками, к начертанию коих склонен, видимо, автор во время писания. Надпись производит впечатление, что ее сделал человек, видимо, не умеющий вполне свободно писать по-русски: буква „В” в слове „Верхаш” напоминает в то же время и букву „П”. Он, видимо, затруднился написать окончание слова „Карау” и после буквы „у” написал что-то вроде буквы „ий”.

18. Ниже этой только что приведенной надписи, имеется надпись, сделанная, видимо, на мадьярском языке, таким же черным карандашом и тем же почерком, как и только что описанная, имеющая следующий вид:

„Verhás András 1918 VII/15e
örsegen”.

19. Ниже текста этих надписей вытерты тексты каких-то надписей, сделанных черным карандашом. Однако по вытертому тексту представляется возможным разобрать:

„охранял Николашку и... Сашку // 3/VI // А...".

Не представляется возможным разобрать следующих слов, но характер росчерков в этих уничтоженных буквах, сохранившийся, а в особенности характер написанного ниже слова „Екатеринбург", также снабженного росчерками, напоминает сильно почерк того лица, которым сделана на арке, описанной в сем протоколе в п. „б" надпись: „Рисовал А. А...".

20. Рядом с этой вытертой надписью написано, видимо, одним почерком черным карандашом:

„Котегов Иван Павл. // Русаков Николай"[18].

21. Ниже текста этой надписи черным карандашом крупными буквами написано:

„20го Мая // Заменен другим // караулом из // особокараульной конвойной // команды Караульный // Начальник // гражданин Закис"[19].

22. Ниже этой надписи имеется сделанная черным карандашом надпись следующего содержания:

„У Гришы Распутина // хуй 8 вершков он // как на ето хуй посадит // Шуру она засмиется".

23. Между строк этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом:

„шура дура шура блять // гришке на хуй сять".

24. Ближе к Вознесенскому переулку имеется сделанная черным карандашом надпись:

„4-го мая был караул особой караульной команды
охранял николашку и его сашку".

25. Ниже этой надписи имеется вытертая надпись, сделанная черным карандашом, в которой читается: „Даздравствует".

26. Ниже этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом:

„Даздравствует // власть // совета".

27. На обоих столбах террасы (верхних) к Вознесенскому переулку имеются надписи, сделанные черным карандашом. Только на одном из столбов удается прочесть слова:

„Черт намазал сибе нос..."[20].

28. На стене дома под террасой карандашом написано:

„пролетарии всех стран // соединяйтесь".

29. Вблизи с этой надписью вырезана на стене надпись:

„Да здравствует всемирная революция
Долой Международный Империализм и капитал
и к черту всю монархию".

При осмотре стены дома, выходящей в сад, усматриваются многочисленные кровяные капли и брызги. Эти капли занимают по стене пространство до 4 аршин. Они расположены под окном, выходящим в сад из столовой[21], и имеют направление вниз от этого окна и справа налево, если смотреть из этого окна в сад. Некоторые брызги, сохраняя такое же направление, т. е. вниз от окна и справа налево, расположены под террасой. Две больших капли находятся у самого края второго от Вознесенского переулка окна нижнего этажа дома, между этим окном и первым окном этого же этажа к Вознесенскому переулку. Капли эти сохраняют такую же форму, т. е. сверху вниз и справа налево, если смотреть из верхнего этажа столовой из окна. Между вторым и третьим окнами нижнего этажа и между третьим и четвертым окнами того же этажа, считая от Вознесенского переулка, находятся круглой формы кровяные пятна, в диаметре 2 сантиметра, напоминая как бы хватание окровавленными пальцами стены дома. Все эти кровяные пятна, брызги и пятна /так!/ весьма бледного цвета, как будто бы кровь была разбавлена водой, попадая в этих местах на стену. Начинаются капли и брызги под окном из столовой в сад в расстоянии от подоконника этого окна в 1 1/2 аршина и идут ниже. Пятна же расположены между самыми окнами, находящимися почти на уровне почвы.

Начат был осмотр дома в период таяния снега, когда еще снег покрывал землю в саду. После освобождения земли от снега, при осмотре сада, под кустом сирени, под слоем прошлогодних листьев, было найдено написанное чернилами черного цвета на части листа белой писчей бумаги, сильно измятом, письмо, видимо, на мадьярском языке[22]. Под этим же кустом сирени, и под такими же листьями, найден клочок бумаги, писанный карандашом. Этот клочок является частью той самой рукописи о „новой школе", клочки которой были найдены Сергеевым в печи комнаты нижнего этажа, обозначенной на чертеже цифрой V[23].

/.../

Для присутствования при осмотре был приглашен служащий дома Ипатьева Василий Терентьевич Тюляев. Он дал следующие при осмотре объяснения[24].

а) Раньше весь верх дома занимал сам владелец Ипатьев. Он же занимал и комнаты, обозначенные на чертеже нижнего этажа дома цифрами VII, IX, X, XIV, в каковых помещалась кухня и прислуга, а все остальные комнаты нижнего этажа занимала контора Ипатьева.

б) Сообщение верхнего этажа с нижним производилось или по лестнице, которая идет сверху вниз из комнаты, обозначенной на чертеже верхнего этажа цифрой VI, и выходит вниз в коридорчик между комнатами нижнего этажа, обозначенными на чертеже нижнего этажа цифрами VI и VII, или же по лестнице, которая идет сверху вниз от уборной из проходной комнаты, обозначенной на чертеже цифрой XIII, и выходит в сени, обозначенные на чертеже нижнего этажа цифрой XIV. Лестница же, которая из этих сеней ведет наверх в вестибюль и которая была найдена в момент осмотра забитой и заклеенной, всегда была в таком виде.

После оставления дома большевиками, по объяснению Тюляева, двери в коридорчик как из комнаты, обозначенной на чертеже нижнего этажа цифрой VII, и самая лестница в этом коридорчике были найдены забитыми. Таким образом, сообщение верхнего этажа с нижним, если не принимать во внимание сообщения через парадное крыльцо и двор, при большевиках могло производиться только через лестницу, ведущую вниз от уборной и выходящую в сени, обозначенные цифрой XIV.

в) Весь дом при большевиках был обнесен двумя заборами. Первый забор начинался в Вознесенском переулке от границы, образованной стеною дома и забором сада, и, загибаясь здесь под прямым углом к стене дома или забору сада, шел по Вознесенскому переулку и далее по Вознесенскому проспекту вблизи стен дома и оканчивался у парадного крыльца в верхний этаж дома со стороны Вознесенского проспекта, оставляя это крыльцо свободным.

На самом углу Вознесенского переулка и Вознесенского проспекта к этому забору был пристроен другой забор, который шел вдоль Вознесенского проспекта, оставляя свободной часовню, находящуюся перед домом со стороны Вознесенского проспекта. В этом наружном заборе было двое ворот: одни были обращены к Вознесенскому переулку, а другие находились в стене прямо противоположной, против них, недалеко от ворот самого дома. Таким образом, благодаря первому забору, из парадного хода нижнего этажа нельзя было выйти на улицу: забор этот оканчивался перед парадным крыльцом в верхний этаж и замыкал путь следования.

Таким образом, путь следования Августейшей семьи в ночь на 17 июля 1918 года в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа дома, где она подвергалась злодеянию, цифрой II, был таков:

Из проходной комнаты верхнего этажа, обозначенной на чертеже цифрой XIII, она проследовала по лестнице, идущей из этой комнаты от уборной, в сени нижнего этажа, обозначенные на чертеже нижнего этажа цифрой XIV. Из них она проследовала через дверь во двор и отсюда в дверь, ведущую со двора в сени, обозначенные на чертеже цифрой XIII. Представляется мало вероятного /так!/, чтобы Августейшая семья из сеней, обозначенных цифрой XIV, следовала в сени, обозначенные цифрой XIII, чрез маленькую дверь, соединяющую эти сени: слишком высок порог этой двери от пола этих последних. Из сих сеней она следовала к ком-

нате, обозначенной цифрой II, чрез комнаты, обозначенные цифрами VIII, VI, IV и I. После свершения над ней злодеяния в комнате, обозначенной цифрой II, трупы ее, видимо, выносились убийцами таким же путем, т. е. чрез комнаты, обозначенные цифрами I, IV, VI и VIII, в сени, обозначенные цифрой XIII, и отсюда во двор к автомобилю.

Дом Попова, где находилась команда красноармейцев-охранников, находится против дома Ипатьева по Вознесенскому переулку.

В момент осмотра дома Ипатьева весь его верх был занимаем Управлением начальника инженеров армии. Была занята и комната, где имел пребывание Государь Император с Государыней и сыном. Во время посещений дома судебным следователем, он заставал в доме много праздных людей, осматривавших дом, трогавших руками надпись и знак Государыни на косяке их комнаты. Надпись эта постепенно стиралась и становилась все менее заметной. В целях ее сохранения она была покрыта стеклом, вделанным в особую рамку, и опечатана печатью судебного следователя.

По требованию судебного следователя, обращенному к Начальнику штаба Командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Гайды генерал-лейтенанту Богословскому, согласно распоряжению последнего, эта комната была освобождена Управлением начальника инженеров армии, заперта на ключ, оставленный у себя судебным следователем, и опечатана его сургучной печатью.

Комната, где произошло убийство Августейшей семьи, была также опечатана той же печатью.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

195

Бактериологического института
Уфимского губернского земства
химико-гигиенич. и бактериологическая
лаборатория.
25 апреля 1919 года.
№ 27.

ПРОТОКОЛ

Исследование вещественных доказательств по делу № 20 произведено И. Г. Веракса, заведующим химико-гигиеническим отделом Бактериологического института Уфимского губернского земства.

/.../

/Химико-микроскопическое исследование/

Подозрительные пятна на доске № 297[1] были так малы, в особенности пятно в области карандашного очерчивания у края доски, что представлялось сомнительным, дадут ли они положительную реакцию с гваяковой настойкой. С другой стороны, если бы реакция оказалась лишь слабо-положительной, возникло бы сомнение, не вызвали ли ее вещества, соскобленные с исследуемой доски, входящие в состав краски, древесины, шпаклевки и т. п. Поэтому необходимо было предварительно убедиться, не даст ли положительной реакции с гваяковой настойкой вещество самой доски со слоем половой краски.

С этой целью мною была соскоблена, вычищенной предварительно полукруглой стамеской, часть крашеной поверхности доски № 297 в том месте, где не

усматривалось никаких подозрительных пятен. Соскоб в количестве, превышающем то количество его, какое могло дать подозрительное пятно, был обработан в фарфоровой чашке (лично мною вымытой с предварительной обработкой чашки хромовой смесью) однопроцентным аммиаком. Аммиак – 25%-й от фирмы Kahlbaum в Берлине точно разбавлен чистейшей дистиллированной водой, мною приготовленной путем перегонки аптекарской дистиллированной воды после прибавки к ней серной кислоты и марганцово-кислого калия (последние реактивы чистейшие – H_2SO_4 от Тентелевского завода в Петрограде).

Однопроцентного аммиака прибавлено было 2 куб. см. После шестичасового размачивания жидкость профильтрована через очень малый фильтр (воронка предварительно вымыта хромовой смесью и дистиллированной водой), фильтр и соскоб промыт 5-ю куб. см чистейшей дистиллированной воды. Фильтр собран в предварительно вымытую и прокаленную платиновую чашку. Фильтрат выпарен путем медленного нагревания чашки таким образом, что чашка стояла на медном воздушном шкафу, внутри которого температура поддерживалась не выше 80° Ц. После испарения воды к сухому остатку прибавлено 0,2 куб. см 60%-й уксусной кислоты, 2 куб. см ректификованного спирта в 97°, 1 куб. см гваяковой свежеприготовленной спиртовой настойки и 1 куб. см озонированного скипидара: желтоватый цвет смеси не изменился в течение 50 минут.

Параллельно с этим испытанием было произведено испытание реактивов, а именно: сделана смесь 1 куб. см 60%-й уксусной кислоты, 3 куб. см 97° спирта, 3 куб. см гваяковой настойки – свежеприготовленной 1%-й и 3 куб. см озонированного скипидара – желтоватый цвет смеси не изменился в течение 60 минут. Под озонированным скипидаром подразумевается долго стоявший на свету в открытом сосуде пожелтевший французский скипидар.

Кроме сего, одновременно и параллельно с вышеописанным испытанием соскоба доски № 297 были произведены испытания того же способа, с соблюдением всех тех же условий опыта, но с прибавкой к соскобу разведенной в тысячу раз человеческой крови (сохранившейся до того 3–4 дня) в количестве 0,1 куб. см, 0,3 куб. см, 0,5 куб. см и 1,0 куб. см.

Результат получился следующий:

Экстракт из соскоба, к которому было прибавлено 0,1 куб. см разведенной крови, вызвал весьма слабое зеленое окрашивание гваяковой реактивной смеси, спустя 15 минут. Экстракт из соскоба с 0,3 куб. см разведенной крови вызвал немедленно ясное (отчетливое) зеленое окрашивание гваяковой реактивной смеси. Зеленое окрашивание реактивной смеси наступило еще яснее с экстрактом соскоба, к которому было прибавлено 0,5 куб. см разведенной крови, и, наконец, экстракт соскоба, к которому было прибавлено 1,0 куб. см разведенной крови, вызвал немедленное темно-сине-зеленое окрашивание гваяковой реактивной смеси.

Таким образом, мною установлено, что соскоб половой доски № 297 с окрашенной ее поверхности самостоятельно не дает реакции с гваяковой настойкой, и что несомненная положительная реакция получилась при нахождении в соскобе 0,3 куб. см разведенной в тысячу раз человеческой крови.

После сего приступлено к испытанию подозрительных пятен, имевшихся на вещественных доказательствах.

„Часть доски" № 297 имеет на крашеной поверхности два пятна в области карандашных очерчиваний – одно около средины доски, называем это пятно 297-А, и другое у края доски – 297-Б.

„Часть доски" № 298[2] имеет кровяной потек без сгустков засохшей крови по каналу пули, засевшей в доске и 24 февраля извлеченной, называем его № 298-А. Другое подозрительное пятно на доске 298 имеется у входа в сквозной пулевой канал. Так как это пятно очень незначительно, мною доска расколота по ходу пулевого канала. По вскрытии канала в нем усмотрен подозрительный потек, являющийся продолжением подозрительного пятна, находящегося у входа в пулевой канал, и доходящий до половины канала. Сгустков засохшей крови в потеке не усмотрено, называем этот потек № 298-Б.

„Часть доски" № 299[3] имеет сквозное пулевое отверстие. Так как у его краев подозрительные пятна очень невелики, то доска расколота по пути пулевого канала. При раскалывании доски обнажился, однако, не весь пулевой канал, а лишь нижняя его часть, равная, приблизительно, половине всего канала. По пути всего канала усматривается подозрительный потек, являющийся продолжением подозрительных пятен у входа в канал. При этом засохших сгустков крови в потеке не обнаружено.

„Часть доски" № 300[4]. Для испытания на присутствие крови взят соскоб с той поверхности доски, которая образует половую щель и на которой виден частичный пулевой канал. На этой поверхности доски усматривается подозрительный потек с весьма малыми сгустками засохшей крови.

„Часть доски" № 301[5] представляет собой край доски. Недалеко от поверхности ребра, образующей половую щель, есть ложе пули, вынутой 24 февраля 1919 года. Область ложа пули окрашена подозрительным потеком, который распространяется непрерывно и на поверхность доски, образующую половую щель. При извлечении пули откололся осколок доски, каковой необходимо приложить к своему месту, дабы видно было, что пятно у ложа пули и потеки на щелевой поверхности доски непрерывно переходят друг в друга. Потеки на щелевой поверхности местами переходят в весьма тонкие засохшие сгустки. /.../[6]

Таким образом, для испытания гваяковой настойкой и для получения кристаллов гемина (кристаллов Тейхманна) были подвергнуты подозрительные пятна 297-А, 297-Б, 298-А, 298-Б, 299, 300, 301. Соскоблены целиком пятна № 297-А, № 297-Б, а от остальных, т. е. №№ 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301, ввиду их большой величины и для оставления материала для испытания по Uhlenhuth-у были сделаны лишь частичные соскобы.

Соскобы, каждый в отдельной фарфоровой чашке (предварительно хорошо вымытой после обработки хромовой смесью), смочены несколькими каплями чистейшей дистиллированной воды, а затем двумя кубическими сантиметрами однопроцентного аммиака. После шестичасового настаивания жидкости профильтрованы (фильтры № 589 – черная лента диам. 5 см фабрики Шлейхера и Шюлля) (воронки после обработки хромовой смесью хорошо вымыты). Фильтраты экстрактов приняты в предварительно вымытые и прокаленные платиновые чашки. Фильтры и соскобы промыты два раза небольшим количеством чистейшей дистиллированной воды. Промывные воды собраны в те же платиновые чашки по принадлежности. Таким образом, в каждой платиновой чашке образовалось от 5 до 8 куб. см жидкости (экстракта). Для производства дальнейших испытаний необходимо было подвергнуть полученные экстракты концентрации, каковая произведена путем испарения воды (и других летучих веществ, например, аммиака) нагреванием. Нагревание происходило таким образом, что платиновые чашки с экстрактами поставлены были открытыми на верхнюю поверхность медного воздушного шкафа, внутренняя температура которого не превышала 80° Ц. Когда содержимое чашек уменьшилось, приблизительно, до 2 куб. см у №№ 297-А и 297-Б и до 3–4 куб. см у №№ 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301, нагревание было прекращено.

Для производства испытания гваяковой настойкой было поступлено следующим образом: из каждой платиновой чашки отлито в промоченные совершенно чистые пробирки, приблизительно, по 0,5 куб. см испытуемых экстрактов. В каждую пробирку прибавлено затем по 0,3 куб. см 60%-й уксусной кислоты. Смеси испытаны каждая синей лакмусовой бумажкой (изготовленные из азолитмина) – реакция везде оказалась резко кислой. Засим прибавлено по 2 куб. см свежеприготовленной однопроцентной гваяковой настойки (1 грамм resinae geraici – 99 граммов 95° этилового спирта с последующим фильтрованием) и по 2 куб. см озонированного скипидара.

Резко положительную реакцию дали №№ 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301, выразившуюся в том, что реактивная смесь приобрела немедленно темно-синее окрашивание. Явственно отчетливую реакцию дал № 297-А – немедленно появилось отчетливое светло-синее окрашивание реактивной смеси. /.../

№ 297-Б (около 0,5 куб. см экстракта, как указано выше) дал неясное изменение цвета гваяковой смеси. Поэтому испытанию гваяковой настойкой подвергнуто все содержимое платиновой чашки, т. е. весь экстракт из подозрительного пятна. Сделано было так: ко всему экстракту прибавлено 0,5 куб. см ледяной уксусной кислоты (после чего жидкость приобрела резко-кислую реакцию на лакмусовую бумажку), 2 куб. см гваяковой 1%-й настойки и 2 куб. см озонированного скипидара. Немедленно появилось слабое синее окрашивание реактивной смеси, отчетливо видимое при сравнении с контрольной смесью из 0,5 см – уксусной кислоты + 2 см – гваяковой настойки + 2 см – озонированного скипидара.

Следствием описанных испытаний гваяковой настойкой явилась установка присутствия крови в подозрительных пятнах вещественных доказательств №№ 297-А, 297-Б, 298-А, 298-Б, 300 и 301. /.../

Таким образом, испытание подозрительных пятен № 297-Б является законченным, вследствие израсходования самого вещества пятен.

Дальнейшее исследование оставшихся экстрактов направлено было на получение кристаллов гемина (Teichmann-овская реакция).

Для этой цели содержимое платиновой чашки № 8, т. е. экстракт подозрительного пятна № 297-А, ввиду малого его количества и полной прозрачности, был подвергнут испытанию без какой-либо дополнительной обработки следующим образом: весь экстракт перенесен на предметное стекло (тщательно вымытое после обработки хромовой смесью). Перенос экстракта на предметное стекло совершен так: на средину стекла наносились особой маленькой пипеткой 2–3 капли экстракта, кои испарялись досуха. На образовавшееся пятно вновь наносились 2–3 капли экстракта и вновь испарялись и так до тех пор, пока весь экстракт не оказался на предметном стекле. Испарение жидкости производилось нагреванием предметного стекла на верхней поверхности медного воздушного шкафа, внутри которого поддерживалась температура не выше 40° Ц. Когда весь экстракт был перенесен на предметное стекло, к последней его капле прибавлено несколько пылинок мелко истертого химически чистого хлористого натрия. Когда влаги на стекле осталось очень немного, испарение ее (высыхание препарата) закончено при комнатной температуре. Пятно увлажнено было засим путем трения о него едва смоченным в чистейшую дистиллированную воду концом стеклянной палочки и прикрыто покровным стеклышком так, чтобы оно несколько приподымалось: достигнуто это нанесением на предметное стекло несколько совершенно чистых песчинок морского песка. Под покровное стекло впущено стеклянной палочкой такое количество ледяной уксусной кислоты, чтобы все пространство между предметным и покровным стеклом ею наполнилось. Нагрето осторожно на очень малом огне – пламени фитильной спиртовой горелки до начала появления пузырей пара. После сего производилось медленное испарение уксусной кислоты путем оставления предметного стекла на медном шкафу, внутри которого поддерживалась температура не выше 40° Ц. Цвет жидкости между стеклами был светло-буроватый. Наблюдение под микроскопом за появлением кристаллов гемина производилось каждые 5–10–15 минут. Однако таковых усмотрено не было не только до момента, когда жидкости между стеклами осталось очень мало, но и тогда, когда почти вовсе испарилась ледяная уксусная кислота, вновь введенная между стеклами.

Таким образом, доказать, что тонкое подозрительное пятно № 297-А является пятном человеческой крови, не удалось. Устанавливается лишь, что это пятно, равно как и пятно № 297-Б, – кровяные пятна.

С главными количествами экстрактов, оставшихся от испытания с гваяковой настойкой и полученных от пятен №№ 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301, до производства с ними реакции Teichmann-а была проделана следующая операция, имеющая целью возможную очистку кровяного пигмента от примесей, каковыми могли быть, например, экстрактивные в слабом аммиаке составные части дерева. К экстрактам, к каждому отдельно, было прибавлено сперва по небольшому количеству слабого раствора чистейшего таннина (Gerbsäure I, фабр. Кальбаума в Берлине). Затем прибавлялась по одной капле однопроцентная уксусная кислота с по-

следующим погружением в перемешиваемую жидкость весьма тонкой синей лакмусовой бумажки. Прибавление уксусной кислоты было прекращено по достижении слабо-кислой реакции у всех экстрактов. К этому моменту из растворов выпали рыхлые хлопчатые осадки, окрашенные в красновато-буроватый цвет, причем интенсивность и оттенок окраски осадков в различных платиновых чашках не были одинаковыми. Наименьшие по величине, но наиболее чисто окрашенные в красноватый цвет осадки образовались в чашках 1 и 4 (№ 298-Б и 300), остальные три осадка (№ 298-А, 299 и 301) были бо́льшие по объему, но имели более серый оттенок по цвету. Все осадки были трижды промыты чистейшей дистиллированной водой, к которой были прибавлены предварительно малейшие количества раствора таннина и уксусной кислоты. Промывка осадков производилась следующим образом: содержимое платиновых чашек перелиты в помеченные номерами чашек пробирки для центрифугирования. После оседания осадков в них сливалась стоявшая над ними прозрачная бесцветная жидкость. К осадкам вновь прибавлялась вода, после чего пробирки встряхивались и оставлялись в покое до нового оседания осадков. Когда, после третьей прибавки воды, последняя была слита, осадки подвергнуты испытанию по способу Тейхманна.

Особыми пипеточками, изготовленными мною для каждой пробирки отдельно, осадки, заключавшие все еще много воды, наносились по каплям на совершенно чистые предметные стекла, помеченные алмазом номерами платиновых чашек. Стекла укладывались затем на медный воздушный шкаф, имевший внутри себя температуру не свыше 40° Ц. Когда одна капля высыхала, на то же место наносилась новая до тех пор, пока не оказалось, что на предметном стекле находилось достаточное количество вещества. Дальнейшая подготовка препаратов и наблюдение за появлением кристаллов гемина производились совершенно так, как описано выше при испытании пятна 297-А. При этом все испытуемые экстракты, т. е. № 298-А, 298-Б, 299, 300 и 301 дали Тейхманновские кристаллы гемина.

Образование (выпадение из раствора) кристаллов гемина шло не во всех случаях одинаково легко. В то время, как экстракты № 298-Б и 300 (особенно 300) образовали довольно скоро указанные кристаллы, остальные – № 298-А, 299 и 301 (в особенности 298-А) образовали их труднее. Замечено было, что кристаллы гемина образоывались особенно трудно (не скоро или не с первого приготовленного препарата) из тех экстрактов, которые содержали в приготовленных микроскопических препаратах много жироподобных (или жировых) микроскопических капелек. Цвет выпаривающейся в этих случаях жидкости, заключавшейся между предметным и покровным стеклами, был бурый, а консистенция выпарившейся между стеклами до малого объема жидкости была густая и вязкая. По-видимому, из соснового дерева досок извлекались, одновременно с веществом крови, еще смолистые вещества.

Следует заметить, что полученные во всех случаях кристаллы гемина были ромбической формы, разной величины, иногда длинные, иногда короткие, иногда очень крупные, чаще всего весьма мелкие. Совершенно правильную форму они имели при начале их образования. Но как только образование кристаллов началось, то почти всегда уже на следующий день не удавалось найти в старых препаратах виденных накануне красивых правильных кристаллов гемина, а вместо них были: либо увеличенные кристаллы, потерявшие резкую очерченность на концах, либо друзы кристаллов, чаще всего в виде снопов. Друзы эти состояли чаще всего из правильных ромбических пластинок, т. е. из тех же кристаллов гемина, сросшихся вместе.

Рассматривание микроскопических препаратов производилось Цейсовским микроскопом, без выдвигания трубы, с окуляром Гюйгенса № 4 и объективом Д.

Таким образом, настоящим исследованием установлено, что кровяноподобные пятна и потеки на вещественных доказательствах №№ 298, 299, 300 и 301 образованы кровью и при том человеческой. /.../

Заведывающий химико-гигиеническим отделом И. Веракса.
Заведывающий врачебно-санитарным отделом Управления
Акмолинской области Егоров.

196

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 29 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в селе Воздвиженке, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, и он показал:

Петр Алексеевич Леонов, 26 лет, кр-н Каслинского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, живу в с. Воздвиженке, Воскресенской волости, Екатеринбургского уезда, православный, грамотный, не судился[1].

Мой отец 25 лет служил у известных в нашем уезде заводчиков братьев Злоказовых. Он заведывал у них дачами и озерами. Я, по окончании приходской и низшей сельскохозяйственной школ, поступил, было, в инструкторскую школу, но в 1910 году принужден был учение оставить, так как в этом году с нами случилась большая беда: отца зарезали.

Тогда я поступил на службу в контору Злоказовых и прослужил у них до 1914 года. В этом году я был принят на военную службу и был прикомандирован к управлению воинского начальника в Екатеринбурге в качестве писаря-машиниста. В июле месяце 1915 года я был переведен писарем в Главный Штаб в Петроград и пробыл в Штабе до мая месяца 1917 года. В мае месяце меня перевели в Управление главноуполномоченного по снабжению заграничными металлами заводов, работающих на оборону. Здесь я нес обязанности помощника бухгалтера. После большевитского переворота нас раскассировали, и я поступил доверенным в петроградскую контору Злоказовых. В марте месяце я приехал в Екатеринбург. Племянник Злоказовых Борис Леонидович Бекетов выпросил у Злоказовых уступить меня ему. Я и перешел на службу к Бекетову.

Как один из наиболее видных представителей в Екатеринбурге буржуазии, Бекетов стал подвергаться гонениям от большевиков. В марте месяце он был арестован. Семья его разъехалась. Я остался один хранителем его имущества и вообще представителем его интересов.

Благодаря этому моему положению мне пришлось познакомиться с великим князем Игорем Константиновичем. На первый день Пасхи, когда я был в доме у Бекетова, меня вызвал к себе в Американскую гостиницу некто Владимир Карлович Маус[2]. Кто он такой был, я не знаю. Он сам себя называл ротмистром в отставке какого-то гвардейского кавалерийского полка и ездил на ипподроме, как любитель рысистого спорта. Часть лошадей, как он говорил, принадлежала ему, а часть какому-то Вишневецкому. Я тоже ездил на ипподроме на Бекетовских лошадях. Здесь мы с Маусом и познакомились. Когда я пришел к нему в номер, там были екатеринбургский купец Корольков и еще какой-то господин. Мы все пошли к нему в Атамановскую гостиницу, где он снимал номер. Когда мы пришли к нему, тут объяснили мне, что господин этот – управляющий или секретарь великого князя Сергея Михайловича (фамилии его я не знаю). Скоро в его номер вошел Игорь Константинович[3]. Ему меня рекомендовали, как человека, имеющего знакомства в буржуазных кругах. Игорь Константинович и обратился ко мне с просьбой найти ему и другим великим князьям комнаты. Он говорил при этом, что жить в гостинице им „дорого", так как у них нет средств. Я нашел комнаты у Бекетова и у художника Ульянова.

На Пасхальной неделе вместе с Игорем Константиновичем мы ходили к жилищному комиссару Жилинскому[4], чтобы получить право на эти комнаты. Игорь Константинович сам в комнату, где находился Жилинский, не входил, а стоял за дверью. Я же говорил с Жилинским от имени князя. Жилинский проявил злобу и

грубость в отношении князя. Он не дал разрешения на комнаты: „Пусть живет по гостиницам! У них денег много! Они всю Россию обворовали". Накричал Жилинский и на меня.

Несколько раз я после этого бывал у князя в номере. Я предлагал ему скрыться и предлагал свой паспорт ему. Игорь Константинович говорил, что он не сделал ничего худого перед Родиной и не считает возможным поэтому прибегать к подобным мерам. Он высказывал при этом: „Я чувствую, что нам здесь жить не позволят. В Вятке к нам тоже хорошо относилось население. Нас оттуда перевели сюда. Отсюда нас тоже переведут".

Во вторник на Фоминой неделе[5], когда я был у князя, какой-то красноармеец принес ему бумагу. Там говорилось, что все князья должны переселиться в Алапаевск, согласно постановлению местных „комиссаров". За чьей подписью была эта бумага, не помню. Расставаясь, я дал Игорю Константиновичу свою визитную карточку, указав на ней адрес: Златоустовская, 40. Это адрес в Екатеринбурге Бекетова, у которого я жил.

В конце концов стали большевики подвергать гонениям и меня. Они едва не арестовали и меня. Мне удалось отбиться от ареста, но пришлось дать подписку о невыезде.

Чтобы себя от них обезопасить, я решил поступить на службу в какое-нибудь большевитское учреждение. В окружном Военно-техническом управлении служил мой младший брат Александр. Вот туда я и поступил на должность заведующего складом автоотдела, помещавшимся на Уктусской улице рядом с гаражом. С гаражом автосклад ни в каких отношениях подчиненности не находился. И гараж и склад были подчинены Военно-техническому управлению. Во главе этого Управления стоял какой-то полковник Сахаров. Помощником его был какой-то инженер Гиз. Сахарову было на вид года 32: низенький, полный, лицо круглое, чистое, довольно красивое, блондин, небольшие усы, бритая борода. Остальных его примет я не могу описать. На меня он производил впечатление человека нерусского. Гизу на вид было лет 38, среднего роста, худощавый, лицо длинное, худое, щеки впалые, нос тонкий, длинный, глаза ввалившиеся, волосы на голове темные, стриженные коротко, усы и борода бритые. Он также мне казался не русским.

Кто такие были Сахаров и Гиз, никто не знал. И действительно ли они были Сахаров и Гиз, тоже никто не знал. Во всяком разе оба они были чужие нашим местам. Самым же главным лицом над Управлением был полковник Стогов.

Я хорошо помню, что поступил на службу 14 июля по новому стилю в воскресенье. 15 и 16 июля я принимал склад. Кроме того, 16 июля я был дежурным по Управлению. Дежурство мое кончалось 17 июля в 10 часов утра. Вечером 16 июля до полночи от комиссара снабжения фронта Горбунова мною была принята телефонограмма, в коей требовалось подать 3 больших и 2 малых грузовых автомобиля к зданию 1-й гимназии, где помещалась канцелярия Горбунова и где находились сам он и помощник Стогова Бирон. Телефонограмму передала мне какая-то барышня. Забыл еще сказать, что в телефонограмме говорилось о подаче 2 бочек бензина на одном из грузовиков. Телефонограмму я записал в особую книгу. Затем я составил наряд, т. е. записал в особую книгу полученное требование, оторвал его из книги, оставив в ней заполненный корешок, и пошел с нарядом в гараж[6].

В гараже никого не было, кроме, кажется, старика-сторожа. Тогда я отправился в Управление и разбудил шофера Никифорова. Он, кажется, с другими какими-то шоферами помещался в здании Управления. Этому Никифорову на вид года 34, среднего роста, коренастый, лицо полное, волосы темнорусые, усы небольшие, пушистые, бороду брил. Как я помню, тогда он был только один в комнате. Никифоров обещал заехать к другим шоферам, помещавшимся в здании Уральского горного училища, и послать их. Действительно, три шофера пришли и уехали на грузовых автомобилях. Часа в два ночи вернулся откуда-то шофер Сирик и уехал пятым.

Никифоров и Сирик уехали на больших автомобилях. Один из шоферов, присланных Никифоровым, также уехал на большом автомобиле, а два осталь-

ных – на малых. Фамилий этих двоих шоферов я не знаю. Один из них и увез на большом автомобиле две бочки бензина. Бочки эти были железные, с железными обручами. Они стояли с бензином на большом автомобиле в готовом виде, как я тогда полагал, для надобностей автомобилей. Спустя некоторое время Никифоров вернулся в Управление, но без автомобиля. Он рассказал мне, что от здания 1-й гимназии его послали в Американскую гостиницу, где тогда уже помещалась чрезвычайка. Здесь какие-то люди приказали ему идти домой и выдали ему пропуск: тогда ходить по городу без пропуска было нельзя. Он и ушел.

Утром, кажется мне, что часов в 7, за мной кто-то пришел из гаража посмотреть один из возвратившихся автомобилей. Я пошел. Все автомобили, выезжавшие в ночь на 17 июля, возвратились, кроме автомобиля Сирика. Автомобиль же Никифорова был в таком виде: в левом заднем углу, приблизительно на 3/4 аршина впереди от задней стенки доска платформы имела неправильной формы пробоину длиною, приблизительно в 1 аршин и шириною во всю ширину доски, т. е. приблизительно в 3 1/2 вершка. От левой боковой стенки это пробитие было, приблизительно, в пол-аршина. На таком же расстоянии от той же левой стенки и не доходя, приблизительно, на аршин до передней стенки в левом переднем углу автомобиля было такой же неправильной формы пробитие шириною в доску, т. е. вершка в 3 1/2 и длиною, приблизительно, в 2 1/2 четверти аршина. На таком же расстоянии от передней стенки и в расстоянии, приблизительно, 1/2 аршина от правой боковой стенки, в правом переднем углу автомобиля было таких же размеров пробитие доски, как и второе. Края этих пробитий неровны, как бы от пробития, пролома досок чем-то тяжелым.

Вся платформа автомобиля была запачкана кровью. Видно было, что платформу мыли и заметали, видимо, метелкой. Но тем не менее, кровь явственно была видна на полу платформы, а в особенности на изломах досок описанных пробитий. Видно было, что мылся вообще весь автомобиль. Однако местами, например, около рессор, он был в грязи.

Шофера, который привел в таком виде автомобиль, я не видел, и мне его никто не называл. Кто меня тогда позвал к этому автомобилю и кто его осматривал, я положительно не могу припомнить. Несколько часов спустя, когда Гиз встал (он жил в Управлении), я сказал ему о порче автомобиля и о том, что он в крови. Он вместе со мной его смотрел. Однако он ничего не сказал по этому поводу.

Автомобиль Сирика вернулся в ночь на 19 июля, но в какие часы, я не могу припомнить. С 20 июля Управление стало грузиться и уезжать в Пермь. Погрузили все имущество, в том числе и окровавленный автомобиль и все книги. 24 июля мы должны были уезжать. Однако я в этот день 24 июля удрал с вокзала в лес, в дачное место Шартаж, откуда вернулся в Екатеринбург по его взятии Сибирской армией[7].

Окровавленный автомобиль, безусловно, видел Никифоров. Видел его мой брат. Я хорошо помню, что видел его и заведывавший гаражом Штейман. Я помню, что по поводу крови на автомобиле был разговор среди шоферов в гараже. В какой именно это было день, я не помню. Кто-то сказал тогда, что, вероятно, в автомобиле возили мясо. Я указал на неурочное для этого время. Тогда Штейман с оттенком пренебрежения сказал, приблизительно, такую фразу: „Ну, может быть, буржуев каких-нибудь расстреляли".

Этого Штеймана все считали за самого настоящего большевика. Он себя держал дерзко, нахально и выдавал себя за большевика. Однажды какой-то шофер, вернувшийся с фронта, рассказывал, что красные отдали неприятелю три автомобиля и взяли у него два поврежденных. Я иронически что-то заметил по этому поводу про „успех" красных. Штейман, как большевик, меня остановил замечанием, что этот факт не говорит вовсе о „наших" неуспехах. Вообще, когда он говорил про большевиков, то он употреблял выражение „мы". Я прекрасно помню, что его помощник Крутиков рассказывал, что Штейман, шофер Николаев, его помощник Федор Молотков и он, Крутиков, приехали из Ревеля, как командированные в Омск от большевиков по автомобильному делу. У Штеймана, безусловно, были

связи со Стоговым. Он проворовался со спиртом. Другого давно бы чрезвычайка расстреляла. А ему все сошло. Я прекрасно помню, тогда говорили, что сделал это для него Стогов.

Меня допрашивал по этому делу Кирста. Он меня допрашивал необстоятельно. Он мне говорил тогда, что Царская семья жива[8], и допрашивал тогда он меня не потому, что он меня отыскал, а потому, что меня к нему послал Бекетов, которому я тогда же рассказал про случай с автомобилем. Я помню хорошо, что слухи про убийство Государя пошли очень скоро после возвращения окровавленного автомобиля. Затем об убийстве Государя объявил на митинге Голощекин. Мне кажется, что это было 19 июля. Кирста же меня уверил, что это было 20 июля. В своем показании я и исходил от этой даты, а не от дня моего поступления на службу. Теперь же я даю Вам показание, тщательно проверив события.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Петр Алексеевич Леонов.
Судебный следователь Н. Соколов.

197

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 30 дня, агент Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев, производя дальнейшее дознание по делу об убийстве б. Государя Императора Николая II и его семьи, расспрашивал /приехавшего/ в гор. Екатеринбург с фронта в отпуск для свидания с родственниками горного техника Ивана Архипова Фесенко, живущего по Дубровинский ул. дом № 10, кв. 1 внизу, который показал, что он происходит из граждан Киевской губернии, Каневского уезда, Корсуньской вол., имеет 21 год от роду. Состоит в настоящее время на военной службе в команде связи 12-й стрелковой дивизии в Западной армии. Прибыл в гор. Екатеринбург 15 сего апреля в отпуск сроком до 9 мая нов. стиля и проживает при своих родителях по Дубровинской ул., в доме № 10 Соколова, кв. 1 внизу.

В г. Екатеринбурге проживает с родителями с детского возраста, причем окончил курс в Уральском горном училище в 1918 году по горному отделу. Семейство его состоит из отца, матери и 4-х братьев, из коих один брат его Феодосий, старше его возрастом, находится на военной службе в той же команде связи, а двое младших, Григорий и Петр, учатся в 1-м классе Уральского горного училища. Отец его Архип Афанасьев Фесенко служил ранее счетоводом на жел. дор., а ныне состоит агентом при Министерстве снабжения. Мать занимается хозяйством.

По окончании учебных занятий в Уральском горном училище, которые закончены были в марте месяце 1918 г., спустя недели две он поступил в технический отдел при жилищном комиссариате, где прослужил приблизительно 1 1/2 месяца, а затем, через своего преподавателя – горного инженера Матвея Федоровича Шитова, поступил на службу в Верх-Исетский железоделательный завод, по горному отделу, на обязанность маркштегеря /маркшейдера?/ и ему была поручена разведка местонахождения руд, начиная с Решотского рудника и далее.

Работами в означенной местности он занимался приблизительно месяц времени. Работа его заключалась в том, чтобы производить разведку местонахождения руд посредством рытья шурфов и отмечать на карте продольные и поперечные просеки леса в этой местности. Работу он начал с Решотского рудника и шел по направлению на Клоповский рудник, находящийся за разъездом „Шувакиш" горнозаводской линии Пермской жел. дор., в ту сторону, куда ведет дорога к дер. Коптякам и где находится местность, так называемая Четыре Брата[1]. При нем находились все время рабочие, коих было несколько человек, преимущественно жите-

ли Верх-Исетского завода. Имена и фамилии их не помнит, но это можно выяснить по табелям, имеющимся при геологическом музее Верх-Исетского завода.

Жили они некоторое время в бараке на Клоповском руднике за разъездом Шувакиш вблизи линии жел. дор. Производя осмотр местности и ведя просеку, он дошел до участка Исетского рудника, находящегося в местности около Четырех Братьев, и тут во время остановки с рабочими он сделал затес на одной толстой растущей сосне и отметил, что был тут: „11 июля 1918 г. горный техник Фесенко И. А. г. Екатеринбург"[2]. Надпись эту он сделал химическим карандашом. Сделал он эту надпись на дереве просто из желания отметить свое пребывание тут, как это делается обыкновенно многими из гуляющих в лесу, и вовсе не думал придать ей какое-либо особое значение и не полагал, что в этой местности свершилось или должно свершиться какое-либо важное дело.

Ни к каким политическим партиям он, Фесенко, как тогда, так и ныне не принадлежал, а в особенности не состоял в партии большевиков. В этом убедиться можно из того, что в Уральском горном училище произошел между учениками раскол на политической почве, и не вступившие в партию большевиков кончили курс в горном училище, а вступившие в партию отделились и кончали в так называемом „Уральском рабочем политехникуме", учрежденном при большевиках.

Однажды во время работ, когда они подходили к завороту с дороги к Исетскому руднику, в местности около Четырех Братьев, он видел ехавших верхами на лошадях Юровского и с ним двух неизвестных лиц, одного из которых рабочие называли Ермаковым[3], а другой был пленный австриец, мадьяр или кто другой – он не знает. Юровского он знал до этого, он занимал какое-то видное место при большевиках и был многим известен, а Ермакова и пленного видел в первый раз в жизни и до этого их совершенно не знал. Ехали они по направлению от Верх-Исетского завода к дер. Коптякам и повстречались с ним верстах в полуторах от разъезда Шувакиш к Коптякам.

Встретясь с ним, они спросили его сначала, чем он тут занимается. Он объяснил им, что занимается разведкой руд. Тогда они спросили его, можно ли будет проехать по этой дороге на Коптяки и далее на автомобиле-грузовике и при том объяснили ему, что им нужно провезти 500 пуд. хлеба[4]. Он, Фесенко, сказал им, что дорога, кажется, хорошая: проехать на автомобиле можно. Сказал он им это наугад, т. к. до деревни Коптяков он тогда еще не дошел. Дорога вообще та плохая. Разговор с ним вел более Юровский.

Повстречались они с ними под вечер, приблизительно часов около 5-ти. Было это около 11 июля или после этого числа, – он хорошо не упомнит, но только знает, что в те именно числа[5].

Проехавши на дер. Коптяки, двое из упомянутых лиц – Юровский и Ермаков – вскоре вернулись обратно, а третий – пленный – с ними обратно не проезжал. Относительно дороги Юровский и Ермаков расспрашивали его, Фесенко, на обратном пути. О третьем товарище, возвращаясь обратно, они говорили, что он поехал осматривать дорогу.

В тот же день, когда проезжали эти лица, ехали по той дороге из города Екатеринбурга на свою дачу с кучером жена Ивана Владимирова Ускова[6], которой попали навстречу Юровский и Ермаков. Ускова разговаривала с ним и сообщила новости в городе и что в городе паника, и что город эвакуируется, и что красные доживают последние дни.

После проезда Юровского и Ермакова он еще работал сколько-то времени, день или два, в означенной местности, а затем работы были прекращены, так как красноармейцы начали выгонять из той местности людей под предлогом военных действий. Была ли оцеплена данная местность красноармейцами, он не видал и вообще красноармейцев в этой местности не видел. В какие числа им производились работы в означенной местности, также можно установить по табелям работ, имеющимся в Верх-Исетском геологическом музее.

В последний день работ в означенной местности он видел – проходил по дороге на дер. Коптяки грузовой автомобиль защитного цвета, – грязный, большой

величины, который долго шумел около их места работы, между их бараком и дорогой, видимо, застрял в грязи[7]. Услыхал он, Фесенко, проснувшись рано утром у себя в бараке, как пыхтел автомобиль, а видел автомобиль, шедший по дороге на дер. Коптяки, часов в 8 утра. Был ли это один и тот же автомобиль, он не видал, так как утром не видел автомобиля за леском, а только слышал, проснувшись, звук его.

В тот же день, как он видел автомобиль, следовавший на Коптяки, он видел карету, следовавшую также по дороге на дер. Коптяки, каковая карета была запряжена одной лошадью. На козлах, кажется, сидел кучер, которого он рассмотреть хорошо не мог и наружность кучера описать не может. Карета была глухая, со стеклянными дверцами – черная, приличная, особых примет ее не заметил. Какой масти была лошадь – серая или темной масти, – не припомнит. Людей, сидевших в карете, не видал. Автомобиль, проходивший вперед кареты, был, по-видимому, пустой, никакого груза на нем заметно не было. Из людей на автомобиле он видел только одного шофера, личность которого не рассмотрел. Насколько помнит, видел он вышеупомянутый автомобиль и карету в последний день работ в означенной местности.

После этих работ он, Фесенко, возвратился в г. Екатеринбург и жил при своих родителях, а затем город вскоре был освобожден от большевиков, и более он при них не работал.

По делу об убийстве быв. Императора Николая II и его семьи он ничего не знает и ни от кого ничего по этому поводу не слыхал.

Вскоре после освобождения от большевиков г. Екатеринбурга военные власти производили по этому поводу дознание, причем арестовывали в виде заложников отца его, Фесенко – Архипа Афанасьева, и младшего брата Петра, а в квартире их производили два раза обыск с целью отыскания царских вещей, но ничего у них не нашли. Сам он, Иван Фесенко, и еще два брата его, Феодосий и Григорий, находились в это время на работе, также по разведке руд от Верх-Исетского завода, на озере Ваятыле, в 28 верст. от г. Екатеринбурга. Когда он, Фесенко, прибыл домой с названного рудника, то его допрашивал по этому делу комендант 9-го района г. Екатеринбурга – капитан Бирюля. Управление коменданта было в доме Первушина по Уктусской улице, где помещался Комиссариат народного просвещения, причем он, Фесенко, все время находился на свободе.

Более ничего по делу не знает.

Агент Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

№ 34
3 мая 1919 года.

198

ПРОТОКОЛ

серологического исследования по способу Уленгута вещественных доказательств по делу № 20, доставленных г. заведующим врачебно-санитарным отделом Управления Акмолинской области Г. И. Егоровым и судебным следователем по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколовым, при отношении г. управляющего Акмолинской области, на имя Омского отделения Уфимского бактериологического института, за № 2318 от 22 февраля 1919 года[8].

/.../

При тщательном осмотре вещественных доказательств, произведенном мною совместно с И. Г. Веракса, оказалось, что для производства исследования по Уленгуту совершенно недостаточно материала на окрашенной стороне половой доски,

описанной в пункте 1-м протокола судебного следователя от 17–18 февраля 1919 года[9].

Достаточными как для химико-микроскопического исследования, так и для серодиагностического исследования по Уленгуту оказались следующие вещественные доказательства:

1. Часть доски, описанная в п. 2-м протокола с 2-мя пулевыми отверстиями – одним глухим и одним сквозным.

2. Часть доски, описанная в п. 3-м протокола.

3. Часть доски, описанная в п. 5-м протокола.

4. Часть доски, описанная в п. 6-м протокола.

Преципитирующие сыворотки, по отношению к кровяной сыворотке человека и барана, были получены Отделом народного здравия Министерства внутренних дел из Томского университета.

Кроме того, я воспользовался имеющейся у меня преципитирующей сывороткой, по отношению к крови человека, Саксонской сывороточной станции (оригин. Уленгута) с очень высоким титром (1:20 000). Предварительными опытами было установлено, что все сыворотки работают строго специфично, не давая осадков и помутнения с инородными сыворотками, причем Саксонская сыворотка давала более резкую реакцию, чем Томская.

После предварительного испытания сывороток я приступил к исследованию, путем реакции преципитации, указанных выше, описанных в п. п. 2, 3, 5 и 6, вещественных доказательств.

Для этой цели взяты путем соскабливания и срезывания ножом части дерева, на которых имелись подозрительные пятна, похожие на кровяные. Соскобленные крошки дерева из каждого пятна были помещены в совершенно чистые пробирки (из каждого пятна в отдельную пробирку) и залиты физиологическим раствором (0,85%) поваренной соли с таким расчетом, чтобы после извлечения крови получились возможно более крепкие растворы. Крошки дерева настаивались с раствором соли при комнатной температуре (прохладной комнаты) 24 часа. Для контроля, кроме того, были взяты соскобленные крошки и стружки из такой части досок, где не было решительно никаких подозрительных на кровь пятен.

Из части доски, описанной в п. 2-м протокола судебного следователя, было взято для исследования две пробы дерева: одна (№ 1) из стенки слепого канала от пули, засевшей в толще доски и 24 февраля извлеченной, и другая проба (№ 2) из стенки другого сквозного пулевого канала. Для взятия пробы из стенки этого канала этот последний был вскрыт путем раскалывания доски И. Г. Веракса – химиком Уфимского института – в моем присутствии.

Таким же образом расколота была доска для вскрытия пулевого канала, описанного в п. 3-м протокола. Проба дерева (№ 3) взята из стенки канала, оказавшейся окрашенной в буроватый цвет, по-видимому, пропитавшей ее кровью. Из части доски, описанной в п. 5-м протокола, взят соскоб дерева (№ 4) из места подозрительного пятна, имеющего вид кровяного потека.

Наконец, последняя проба (№ 5) взята из части доски, описанной в протоколе под п. 6-м, а именно из стенки пулевого канала и с той поверхности доски, которая является стенкой половой щели. При раскалывании доски для извлечения пули 24 февраля 1919 года (судебным следователем) оказалось, что пятно пулевого канала и потеки на щелевой поверхности доски непосредственно переходят друг в друга, а потому соскоб дерева из стенки пулевого ложа и с половой поверхности доски соединены вместе и помещены в одну пробирку.

После настаивания крошек дерева с 0,85%-ным раствором поваренной соли полученные настои были профильтрованы через фильтровальную бумагу, причем получены совершенно прозрачные фильтраты.

Все фильтраты (№№ 1–5), кроме настоя из чистого дерева, дали ясную реакцию на белок кипячением с уксусной кислотой и пробу Heller-а с азотной кислотой. Таким образом, установлено было, что пропитывавшая доски пола жидкость была несомненно белковая.

Для определения, не белок ли это кровяной сыворотки и, в частности, не человеческой ли крови принадлежат эти пятна, и было произведено исследование фильтратов по Уленгуту.

Для этой цели взято 3 серии небольших совершенно чистых пробирок по 9 в каждой серии.

В №№ 1–5 каждой серии налито по 0,9 куб. см полученных фильтратов-экстрактов из пятен. В № 6 – такое же количество сильно разведенной сыворотки лошади. В № 8 – разведенная сыворотка барана. В № 9 – разведенная сыворотка человека (смесь из 10 сывороток нормальных и сифилитических).

Во все пробирки первой серии прибавлено по 0,1 куб. см Томской преципитирующей сыворотки по отношению к крови человека. В пробирки второй серии прибавлено тоже по 0,1 куб. см такой же сыворотки Саксонской (оригинальной Уленгута). В пробирки третьей серии прибавлено по 0,1 куб. см Томской преципитирующей сыворотки по отношению к крови барана.

Опыт ставился при комнатной температуре. Кроме этих пробирок, поставлено было еще 3 пробирки, в качестве контрольных, с разбавленными в 10 раз физиологическим раствором поваренной соли всеми тремя преципитирующими сыворотками, дабы убедиться в том, что при продолжительном стоянии самопроизвольного помутнения в растворах преципитирующих сывороток не получается.

Все наблюдение продолжалось три часа.

Результаты опыта /.../ /следующие/:

1. Преципитирующая противобаранная сыворотка дает положительную реакцию только с бараньей сывороткой, не вызывая никаких изменений в экстрактах из вещественных доказательств и в других контрольных пробирках. 2. Преципитирующие сыворотки, по отношению к крови человека, как Томская, так и Саксонская, дали положительную реакцию с сывороткой человеческой (пробирки № 9, I и II серий) и со всеми экстрактами из вещественных доказательств, не давши помутнения с сыворотками лошади, барана и в других контрольных пробирках.

На основании полученного по способу Уленгута положительного результата реакции, специфичность которой доказана наукою, необходимо вывести заключение, что полученные нами настаиванием с физиологическим раствором соли экстракты из подозрительных пятен на дереве есть растворы кровяной сыворотки человека, а пятна на досках пола, описанные в протоколе судебного следователя по делу № 20 под пунктами № 2 (в том и другом пулевом ложе), №№ 3, 5 и 6, принадлежат несомненно крови человека.

Заведующий диагностич. лабораторией
Омского медицинского общества
приват-доцент Казанского университета
доктор медицины Александр Алексеевич Мелких.
Г. Омск 11 мая 1919 года.

199

ПРОТОКОЛ

1919 года, мая 7–11 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге допрашивал, в порядке 403–409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованного в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по содержанию постановления своего от / / сего мая, и он объяснил:

Имя, отчество и фамилия: Анатолий Александрович Якимов.

Возраст во время совершения преступления: 31 года.
Сословие: крестьянин.
Место рождения: Мотовилихинский завод, той же волости, Пермского уезда[1].

/.../

Прибыл в Екатеринбург я в первых числах ноября месяца 1917 года. Тогда же я и поступил на Злоказовскую фабрику. Фабрикой в это время еще владели пока хозяева Злоказовы, но уже существовал фабричный комитет из рабочих. Был и комиссар фабрики. Этим комиссаром был Александр Дмитриев Авдеев[2]. Откуда он родом, я не знаю. Полагаю я, что он по ремеслу слесарь. Говорили про него, что он был где-то машинистом на каком-то заводе при локомобиле. /.../

В декабре месяце Авдеев отвез хозяина фабрики Николая Федоровича Злоказова в острог. Вместо хозяев образовался деловой совет. Этот совет и стал править фабрикой. Главой на заводе и стал Авдеев. Около него самыми приближенными к нему лицами были рабочие: братья Иван, Василий и Владимир Логиновы, Василий Григорьев Гоншкевич, Николай и Станислав Мишкевичи, Александр Федоров Соловьев, Николай Корякин, Иван Крашенинников, Алексей Сидоров, Константин Иванов Украинцев, Алексей Комендантов, Леонид Васильев Лабушев, Сергей Иванов Люханов и его сын Валентин. /.../

В апреле месяце стало известно в городе, что к нам в Екатеринбург привезли Царя. Объясняли об этом среди нас, рабочих, так, что Царя-де хотели выкрасть из Тобольска, поэтому его и перевезли в надежное место: в Екатеринбург. Такие разговоры тогда в нашей среде ходили.

В первых числах мая месяца, в скором времени после перевезения к нам Царя, стало известно, что наш Авдеев назначен главным начальником над домом, где содержался Царь. Дом этот почему-то все называли „Дом особого назначения", а про Авдеева говорили, что он над этим домом „комендантом" назначен. Действительно, скоро сам Авдеев об этом нам объяснил на митинге.

Как произошло его назначение, я хорошо Вам объяснить не берусь. Авдеев был большевик самый настоящий. Он считал, что настоящую хорошую жизнь дали они, большевики. Он много раз открыто говорил, что большевики уничтожили богачей-буржуев, отняли власть у Николая „кровавого" и т. п. Постоянно он терся в городе со здешними заправилами из Областного совета. Я думаю, что таким образом он, как ярый большевик, и был назначен Областным советом комендантом Дома особого назначения. На митинге же, который он тогда собирал, он нам рассказывал, что вместе с Яковлевым он ездил за Царем в Тобольск.

Что это был за Яковлев, я сам не знаю[3]. Авдеев же рассказывал нам на митинге, что Яковлев – рабочий из г. Златоуста. Авдеев его поносил и говорил нам, что Яковлев Царя хотел увезти из России и повез его для этого в Омск. Но они, т. е. екатеринбургские большевики, все это узнали и не допустили увоза Царя, сообщив о намерении Яковлева в Омск. Смысл его речи был именно тот, что Яковлев держал руку Царя, а он, Авдеев, вместе с большевиками охраняет „революцию" от Царя.

Про Царя он тогда говорил со злобой. Он ругал его, как только мог, и называл не иначе, как „кровавый", „кровопийца". Главное, за что он ругал Царя, была ссылка на войну: что Царь захотел этой войны и три года проливал кровь „рабочих", что рабочих массами в эту войну расстреливали за забастовки. Вообще он говорил то, что везде говорили большевики. Из его слов можно было понять, что за эту его заслугу перед „революцией", т. е. за то, что он не допустил Яковлева увезти Царя, его и назначили комендантом Дома особого назначения. И, как видать было, этим самым назначением Авдеев был очень доволен. Он был такой радостный, когда говорил на митинге, и обещал рабочим: „Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя".

/.../

Как я сужу по словам Авдеева, в то время, когда он поступил комендантом Дома особого назначения, охрана этого дома состояла из мадьяров. Авдеев тогда определенно говорил об этом и собирался мадьярскую охрану заменить русской. Он именно говорил про мадьярскую охрану, а не про какую-либо другую. Свое слово „показать" рабочим Царя Авдеев сдержал. Постоянно туда ходили с нашей фабрики рабочие, но только не все, а те, которых выбирал Авдеев. А выбирал он уже указанных мною своих приближенных. Это были братья Логиновы, Мишкевичи, Соловьев, Гоншкевич, Корякин, Крашенинников, Сидоров, Украинцев, Комендантов, Лабушев и Валентин Люханов. Что же касается самого Сергея Люханова, то он постоянно находился при электрической станции на фабрике. Без него там не могли обойтись. Но в то же время он был и шофер, и часто отлучался к Авдееву, должно быть, как шофер, развозя его на автомобилях.

Все эти рабочие, как они говорили, охраны в Доме особого назначения не несли, а „помогали" Авдееву, были его помощниками. Ходили они не все вместе, а по одному. И находились они в Доме особого назначения не подолгу, а так, день-два. Главная цель у них, как я думаю, была в деньгах. За пребывание в Доме особого назначения они получали особое содержание из расчета 400 рублей в месяц, за вычетом карманных. Кроме того, они и на фабрике получали жалованье, как состоявшие в фабричном комитете или деловом совете. Одним словом, эти рабочие пользовались своим особым положением при Авдееве и извлекали из него выгоду. Охраны они в доме не несли, как можно было понять из их разговоров, а „помогали Авдееву", были его помощниками. /.../

Мадьярской охраны, когда мы пришли в дом Ипатьева, уже не было. Охрана состояла из рабочих Сысертского завода и рабочих с разных еше других фабрик и заводов: Макаровской фабрики, завода Ятиса, с Монетного двора. Сысертские рабочие остались, когда пришли мы. Все же остальные рабочие тут же ушли. Вместе с сысертскими рабочими мы все расположились в нижних комнатах дома Ипатьева. /.../

В момент нашего прибытия в дом Ипатьева не было ни среди нас, злоказовских рабочих, ни среди сысертских никакого особого начальника. Были лишь разводящие. В первую неделю у нас, злоказовских рабочих, был разводящим я. У сысертских был разводящим Медведев и еще кто-то другой. Медведев, пожалуй, был главным среди сысертских рабочих лицом, так сказать вообще распоряжался среди них. К нему обращались с разными вопросами, но особой власти он никакой не имел. Раньше его на таком же положении был Никифоров, он скоро заболел и ушел, его тогда и заменил Медведев. Это так было, однако, в первое время после нашего прихода в дом Ипатьева.

Спустя же приблизительно с неделю такой порядок изменился. Прежде всего нас всех, охранников, перевели в дом Попова. Медведев сделался уже начальником над нами всеми, то есть и злоказовскими и сысертскими. Было выбрано трое разводящих, которые были обязаны ставить на посты всех охранников. Такими разводящими были я, Вениамин Сафонов и Константин Добрынин. Когда же, незадолго до убийства, Сафонов заболел, его заменил Иван Старков. Значит до самого убийства Царской семьи разводящими были: я, Иван Старков и Константин Добрынин. /.../

Наше переселение в дом Попова произошло по нашему требованию. В особенности на этом настаивали сысертские рабочие. К ним, как к дальним от города, приезжали жены. А между тем, в доме Ипатьева они останавливаться не могли, так как туда никого не пускали. Вот поэтому нас всех и перевели в дом Попова. В нижних же комнатах дома Ипатьева, после нашего оттуда ухода, никого не осталось, кроме Рудольфа[4]. /.../

Авдеев был пьяница. Он любил пьянство и пил всегда, когда можно было. Пил он дрожжевую гущу, которую доставал на Злоказовском заводе[5]. Пил он и здесь, в доме Ипатьева. С ним пили и эти его приближенные. Когда последние переселились в дом Ипатьева, они стали воровать царские вещи. Часто стали ходить в кладовую и выносить оттуда какие-то вещи в мешках. Мешки они вывозили и в

в автомобиле, и на лошадях. Возили они вещи к себе домой по квартирам. Пошли об этом разговоры. Говорили по поводу этого воровства и наши охранники, в особенности Павел Медведев. Говорили об этом и на фабрике Злоказовых, указывая определенно как на воров на Авдеева и Люханова. Это, конечно, так и было. Авдеев со своей компанией намозолил еще на фабрике глаза рабочим. Все они пристроились так к легкой работе в комитете, да в деловом совете, получали деньги и пили гущу. Когда они переселились в дом Ипатьева, стали они так же вести себя и здесь: гущу пили и царские вещи воровали.

Кто об этом вынес наружу и довел до сведения, надо думать, Областного совета, – не знаю. Знаю я только, что Павел Медведев сколько раз собирался на Авдеева донести. Может быть, он и донес.

Приблизительно числа 3-4 июля, как раз в мое дежурство, Авдеев куда-то ушел из дома. Я думаю, что его тогда вызвали в Областной совет по телефону. Спустя немного времени ушел и Мошкин. Он, я знаю, ушел тогда по вызову по телефону в Областной совет. Остался за Авдеева Василий Логинов. Спустя некоторое время после ухода Авдеева и Мошкина пришли в дом Ипатьева Белобородов, Сафаров, Юровский, Никулин[6] и еще каких-то два человека. Один из этих двоих был лет 45, высокий, упитанный, лицо круглое, широкое, красноватое; волосы на голове черного цвета, прически не помню; усы черные, большие, густые, с легкой проседью; борода большая, окладистая, черная, с легкой проседью; нос небольшой, толстый, широкий; глаз не помню. Из одежды помню на нем только белую майку-гимнастерку. Другого наружности я не могу описать. Помню только, что он был молодой: лет 20 с чем-нибудь.

Белобородов спросил нас, бывших в доме, кто у нас остался за Авдеева. Василий Логинов сказал ему, что за Авдеева остался он. Тогда Белобородов объяснил нам, что Авдеев больше не комендант, что он с Мошкиным арестован. За что именно они были арестованы, Белобородов нам не объяснил. Об этом, помню я, тогда Белобородов сказал Медведеву, который тоже приходил из дома Попова. Тут же Белобородов нам и объяснил, что Юровский – новый комендант, а Никулин – его помощник. С того же момента Юровский стал распоряжаться в доме, как уже комендант. Он тут же приказал Логинову и другим из авдеевской компании (я не могу припомнить, кто именно из них в тот момент находился в доме) „улетучиться" из дома.

Помню я, что все указанные мною лица: Белобородов, Сафаров, Никулин, Юровский и еще двое мне неизвестных были во всех комнатах дома; были они и в тех комнатах, где проживало семейство Николая Александровича. Но я с ними туда не ходил. Были они там недолго. Надо думать, Белобородов осведомлял их о назначении Юровского и Никулина.

Юровский тогда же спрашивал Медведева, кто несет охрану внутри дома, то есть на постах № 1 и 2. Узнав, что внутреннюю охрану несут эти самые „привилегированные" из партии Авдеева, Юровский сказал: „Пока несите охрану на этих постах вы, а потом я потребую себе людей на эти посты из Чрезвычайной комиссии". Я категорически утверждаю подлинность этих слов Юровского о людях из „Чрезвычайной комиссии".

Действительно, через несколько дней люди из Чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было 10 человек. Их имущество привозилось на лошади. Чья была эта лошадь, кто был кучером, – не знаю. Но только всем тогда было известно, что прибыли все эти люди из чрезвычайки из Американской гостиницы. Из числа прибывших пятеро были не русских, а пятеро русских. Я категорически утверждаю, что пятеро из них были именно русских людей: они, эти пятеро, все были самые русские люди, говорили по-русски. Остальные же пятеро по виду были не русские. По-русски, хотя говорили, но плохо. /.../

Хорошо я знаю, что /одному из русских/ фамилия была Кабанов. Это я весьма хорошо помню и положительно это удостоверяю. Что касается остальных четырех из русских, то я не могу указать, которому из них какая принадлежит фамилия. Но только я помню, положительно удостоверяю, что эти русские, кроме Каба-

нова, носили фамилии Ермакова, Партина и Костоусова[7]. Указать же, который из описанных мною русских носил фамилию Ермакова, Партина и Костоусова я не могу, но только, повторяю, они носили эти фамилии. Пятому же фамилию я забыл и не могу сказать, был ли среди них человек с фамилией Леватных[8]. Одного же из описанных мною людей, фамилия которому Кабанов, я запомнил именно по наружности. Эти же фамилии я потому запомнил, что меня, как разводящего, иногда посылали или Юровский или Никулин за кем-нибудь из них: „Позови Ермакова, позови Партина, позови Костоусова".

Всех этих прибывших из Американской гостиницы людей мы безразлично называли почему-то „латышами". Нерусских мы называли потому „латышами", что они были не русские. Но действительно ли они были латыши, никто из нас этого не знал. Вполне возможно, что они были и не латыши, а, например, мадьяры. Среди нас же все эти десять человек, в том числе и пятеро русских, просто назывались „латышами". Они поселились в нижнем этаже дома, в комнатах, обозначенных на чертеже цифрами II, IV и V[9]. Обедали же они и пили чай в комендантской комнате. Они все были на особом положении, сравнительно с нами. Пожалуй, неверно не будет, если сказать, что было у нас три партии: вот эти самые „латыши", злоказовские рабочие и сысертские. К „латышам" Юровский относился как к равным себе, лучше относился к сысертским и хуже к нам. Различное отношение его к нам и к сысертским объяснялось тем, что нас он причислял к тем же рабочим со Злоказовской фабрики, которые были изгнаны вместе с Авдеевым. Кроме того, некоторую роль играл в этом и Медведев. Он лебезил перед Юровским и Никулиным, угодничал перед ними. Поэтому они и относились лучше, с большим расположением, к сысертским.

/.../

Вы спрашиваете меня, почему я пошел караулить Царя. Я не видел тогда в этом ничего худого. Как я уже говорил, я все-таки читал разные книги. Читал я книги партийные и разбирался в партиях. Я, например, знаю разницу между взглядами социалистов-революционеров и большевиков. Те считают крестьян трудовым элементом, а эти – буржуазным, признавая пролетариатом только одних рабочих. Я был по убеждениям более близок большевикам, но и я не верил в то, что большевикам удастся установить настоящую, правильную жизнь их путями, т. е. насилием. Мне думалось и сейчас думается, что „хорошая", „справедливая" жизнь, когда не будет таких богатых и таких бедных, как сейчас, наступит только тогда, когда весь народ путем просвещения поймет, что теперешняя жизнь не настоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел Царя и думал, что его надо держать под стражей, вообще в заключении, для охраны революции, но до тех пор, пока народ его не рассудит и не поступит с ним по его делам: был он плох и виноват перед Родиной, или нет. И если бы я знал, что его убьют так, как его убили, я бы ни за что не пошел его охранять. Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он был Царь всей России. А такое дело, какое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким. Убийство же всех остальных из его семьи еще и того хуже. За что же убиты были его дети? А так, я еще должен сказать, что пошел я на охрану из-за заработка. Я тогда был все нездоров и больше поэтому пошел: дело нетрудное.

/.../

Только одно я сам наблюдал из жизни Царской семьи: они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни: „Умер бедняга в больнице военной"[10]. Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слыхал.

Богослужения совершались в доме, но за все время, пока я находился в доме, богослужений совершались три раза[11]. Два раза служил священник Сторожев и один раз священник Меледин. Но служили и до нас. Как я знаю? Потому это я знаю, потому именно, что я как раз и ходил за священниками, когда совершалось богослужение.

Первый раз послал меня Авдеев за священником и указал мне церковь, из которой требовался священник. Фамилии священника он мне не указал. Я в церкви уже узнал, что служил Меледин. Я хотел его звать, но он в это время служил обедню. Тогда я позвал Сторожева. За ним ходил я же и второй раз. Я же потом ходил и за Мелединым. Отыскивая священников, я обращался к церковному старосте, который стоял за свечным ящиком. Кто он такой – не знаю. Но он однажды меня просил, нельзя ли ему служить вместо дьякона: „Мне больно хочется посмотреть Царя".

Богослужений при Авдееве было за мое нахождение в доме два. При Юровском – одно. Сам я ни разу не присутствовал при богослужениях: нас в комнаты не допускали. На богослужениях присутствовали Авдеев, Юровский. Издали я слышал во время богослужения мужские и женские голоса: должно быть, они и пели сами.

/.../

Непосредственно наблюдать, как Авдеев относился к Царю и его семье, мне не приходилось. Но я наблюдал самого Авдеева, имевшего с ними общение. Авдеев был пьяница, грубый и неразвитой. Душа у него была недобрая. Если, бывало, в отсутствие Авдеева кто-нибудь из Царской семьи обращался с какой-либо просьбой к Мошкину, тот всегда говорил, что надо подождать возвращения Авдеева. Когда же Авдеев приходил и Мошкин передавал ему просьбу, у Авдеева был ответ: „Ну их к черту!" Возвращаясь из комнат, где жила Царская семья, Авдеев, бывало, говорил, что его просили о чем-либо, и он отказал. Это отказывание ему доставляло видимое удовольствие. Он об этом радостно говорил. Например, я помню, его просили разрешить открывать окна, и он, рассказывая об этом, говорил, что он отказал в этой просьбе.

Как он называл Царя в глаза, не знаю. В комендантской он называл всех „они". Царя он называл Николашкой.

Я уже говорил, что он, как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных рабочих. А потом они вовсе перекочевали в дом, когда их поперли из комитета и совета. Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и воровали царские вещи. Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома. Как раз в это время пришел Белобородов и спросил его. Кто-то соврал из приближенных Авдеева и сказал Белобородову, что Авдеев вышел из дома. А в нижний этаж он попал тогда после посещения в таком пьяном виде Царской семьи, он в таком виде ходил к ней. Пьяные, они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не могли быть приятны для Царя. Пели они все „Вы жертвою пали в борьбе роковой", „Отречемся от старого мира", „Дружно, товарищи, в ногу".

Вот, зная Авдеева, как большевика, как человека грубого, пьяного и душой недоброго, я думаю, что он обращался с Царской семьей плохо: не мог он обращаться с ней хорошо по его натуре, по его поведению. Как я сам его наблюдал в комендантской, думаю, что его обращение с Царской семьей было для нее оскорбительным. Припоминаю еще, что вел Авдеев со своими товарищами разговоры и про Распутина. Говорил он то, что многие говорили, о чем и в газетах писали много раз, что Государыня жила будто бы с Распутиным.

/.../

При Юровском мы были все отшиты от дома. В комендантской уже не приходилось задерживаться, как это бывало при Авдееве. Придешь, бывало, по звонку (в дом Попова из комендантской звонок был проведен), прикажет что-нибудь и уходи. Собственно, нам, разводящим, не приходилось по звонку ходить. По звонку вызывался Медведев, а через него уже нас звали.

Около Юровского был Никулин, Медведев тоже „примазывался" к нему, близки были все эти „латыши" из чрезвычайки. Поэтому я не могу Вам описать, как Юровский в душе относился к Царю. Авдеев все-таки был для нас ближе, потому что он был свой брат-рабочий и был у нас на виду, а Юровский держал себя как начальник и нас отстранял от дома.

А вот, что могу только отметить. Он, как дом принял, сейчас же пулеметный пост на чердаке поставил, как я уже говорил. Новый пост он на заднем дворе поставил. Пьяные безобразия он прекратил. Никогда я его пьяного или выпившего не видел[12].

К Никулину ходила из чрезвычайки Сивелева, но она не допускалась в комендантскую.

Однако ж он, Юровский, что-то однажды изменил, или вовсе отменил относительно монашеских приношений: к ухудшению положения Царской семьи; но что именно он изменил или отменил, я не помню. Что-то такое непонятное для меня вышло и со священником. Богослужение, как я помню, при Юровском один было раз. Это было в субботу 13 июля, позвал меня к себе Юровский и велел мне позвать „которого-нибудь священника". Он меня сначала спросил, какие священники служат. Я ему назвал о. Меледина и о. Сторожева. Тогда он мне велел позвать которого-нибудь. Тогда он, Меледин, жил поближе (Водочная 168), то я тогда же в субботу вечером его и позвал. Вечером же я и сказал Юровскому, что Меледина я позвал, назвав его по фамилии. Утром меня Юровский позвал и спросил снова: какого священника я позвал? Я сказал ему, что позвал о. Меледина. Тогда Юровский меня спросил: „Это который живет на Водочной, где доктор Чреновин проживает?". Я сказал, что именно так. Тогда Юровский меня послал к Меледину сказать ему, чтобы он не приходил: „Пойди и скажи Меледину, что обедницы не будет: отменена. А спросит, кто отменил, так скажи, что они сами отменили, а не я. Вместо Меледина позови Сторожева". Но я что же, пошел к Меледину и говорю: „Так и так, обедницы не будет". Он меня спросил: „Почему?" Я сказал, как велел Юровский, что они сами отменили. Тут же я пошел к Сторожеву и позвал его. Что это означало, что не захотел Юровский Меледина, а пожелал Сторожева, не знаю.

И со мной тоже Юровский поступил против желания команды и по своему желанию. 12 июля команда выбрала вместо Медведева меня в начальники. В воскресенье 14 июля я отлучался из дома дольше позволенного мне времени. Тогда Юровский меня отменил, а вместо меня назначил Медведева. Так он до конца и был.

Последний раз я видел Царя и дочерей 16 июля. Они гуляли в саду часа в четыре дня. Видел ли я в этот раз Наследника, не помню. Царицы я не видел. Она тогда не гуляла.

15 июля в понедельник у нас в нашей казарме в доме Попова появился мальчик, который жил при Царской семье и катал в коляске Наследника[13]. Я тогда же обратил на это внимание. Вероятно, и другие охранники также на это обратили внимание. Однако никто не знал, что это означает, почему к нам перевели мальчика. Сделано же это было, безусловно, по приказанию Юровского.

16 июля я был дежурным разводящим. Я дежурил тогда с 2 часов дня до 10 часов вечера. В 10 часов вечера я поставил постовых на все 8 постов. Посты за №№ 1, 2, 11 и 12 окарауливались не нами; хотя пост № 11 и окарауливался иногда нами, но чаще мы туда никого не ставили, так как там и без того жили „латыши". Но я помню только 4 поста, кого именно я поставил из своих, остальных же 4 постов, на которые тогда попали сысертские, – я не помню. Пост № 3 (во дворе дома у калитки) занял Брусьянин, пост № 4 (у калитки в заборе вблизи парадного крыльца, ведущего в верхний этаж) занял Лесников, пост № 7 (в старой будке между стенами дома и внутренним забором) занял Дерябин, пост № 8 (в саду) занял Клещев. Постовые, которых я поставил в 10 часов вечера, должны были сменяться в 2 часа ночи уже новым разводящим, которому я сдал дежурство – Константином Добрыниным.

Сдав дежурство, я ушел в свою казарму. Помню, что я пил чай, а потом лег спать. Лег я, должно быть, часов в 11. В одной комнате со мной помещались Клещев, Романов и Осокин. В соседней с нами – Дерябин, Лесников, Брусьянин, Смородяков, а далее, также в одной комнате, Прохоров, Устинов, Корзухин, Пелегов.

Когда я ложился спать, Романова и Осокина не было в комнате; они, вероятно, куда-нибудь уходили и вернулись домой позднее, когда я уже спал.

Часа, должно быть, в 4 утра, когда уже было светло, я проснулся от слов Клещева. Проснулись и спавшие со мной Романов и Осокин. Он говорил взволнованно: „Ребята, вставайте! Новость скажу. Идите в ту комнату!" Мы встали и пошли в соседнюю комнату, где было больше народа, почему нас и звал туда Клещев. Я помню, что все указанные мною лица были тогда в этих трех комнатах, кроме Корзухина и Пелегова. Были ли они в это время дома, не помню. Помню, был еще Путилов.

Когда мы собрались все, Клещев сказал: „Сегодня расстреляли Царя". Все мы стали спрашивать, как же это произошло, и Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин рассказали нам следующее. Главным образом рассказывали Клещев с Дерябиным, взаимно пополняя слова друг друга. Говорили и Лесников с Брусьяниным, что видели сами. Рассказ сводился к следующему.

В 2 часа ночи к ним на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупреждали их, что им в эту ночь придется стоять дольше 2 часов ночи, потому что в эту ночь будут расстреливать Царя. Получив такое предупреждение, Клещев и Дерябин подошли к окнам: Клещев к окну прихожей нижнего этажа, которая изображена на чертеже у Вас цифрой I, а окно в ней, обращенное в сад, как раз находится против двери из прихожей в комнату, где произошло убийство, т. е, в комнату, обозначенную на чертеже цифрой II; Дерябин же – к окну, которое имеется в этой комнате и выходит на Вознесенский переулок.

В скором времени – это было все, по их словам, в первом часу ночи, считая по старому времени, или в третьем часу по новому времени[14], которое большевики перевели тогда на два часа вперед – в нижние комнаты вошли люди и шли в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа I. Это шествие наблюдал именно Клещев, так как ему из сада через окно это было видно. Шли они все, безусловно, со двора через дверь сеней, обозначенных на чертеже цифрой XII, а далее через комнаты, обозначенные цифрами VII, VI, IV, I, в комнату, обозначенную цифрой II.

Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь. Сзади за ними шли Медведев и „латыши", т. е. те десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое русских были с винтовками.

Когда они все были введены в комнату, обозначенную цифрой II, они разместились так: посредине комнаты стоял Царь, рядом с ним на стуле сидел Наследник по правую руку от Царя, а справа от Наследника стоял доктор Боткин. Все трое, т. е. Царь, Наследник и Боткин были лицом к двери из этой комнаты, обозначенной цифрой II, в комнату, обозначенную цифрой I.

Сзади них, у стены, которая отделяет комнату, обозначенную цифрой II, от комнаты, обозначенной цифрой III (в этой комнате, обозначенной цифрой III, дверь была опечатана и заперта; там хранились какие-то вещи), стали Царица с дочерьми. Я вижу предъявленный Вами фотографический снимок этой комнаты, где произошло убийство их. (Предъявлен фотографический снимок описанной в п. 8 протокола 15 апреля 1919 года, л. д. 185, том 3-й.)[15] Царица с дочерьми и стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату, как раз вот тут, где, как видно на снимке, стена исковырена. В одну сторону от Царицы с дочерьми встали в углу повар с лакеем, а в другую сторону от них, также в углу, встала Демидова. А в какую именно сторону, в правую или в левую, встали повар с лакеем, и в какую встала Демидова, не знаю.

В комнате, вправо от входа в нее, находился Юровский. Слева от него, как раз против двери из этой комнаты, где произошло убийство, в прихожую, обозначенную цифрой I, стоял Никулин. Рядом с ним в комнате же стояла часть „латышей". „Латыши" находились и в самой двери. Сзади них стоял Медведев.

Такое расположение названных лиц я описываю со слов Клещева и Дерябина. Они пополняли друг друга. Клещеву не видно было Юровского. Дерябин видел через окно, что Юровский что-то говорил, маша рукой. Он видел, вероятно, часть

его фигуры, а главным образом руку Юровского. Что именно говорил Юровский, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не слышно было его слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал. Он говорил – я это хорошо помню, – что Юровский так сказал Царю: „Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены Вас сами расстрелять".

Тут же, в ту же минуту за словами Юровского, раздалось несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьверов. Ни Клещев, ни Дерябин, как я помню, не говорили, чтобы стрелял Юровский, т. е. они про него не говорили совсем, стрелял он или же нет. Им, как мне думается, этого не видно было, судя по положению Юровского в комнате. Никулин же им хорошо был виден. Они оба говорили, что он стрелял. Кроме Никулина, стреляли некоторые из „латышей". Стрельба, как я уже сказал, происходила исключительно из револьверов. Из винтовок никто не стрелял.

Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, женский „визг", крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за ним Наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их словам, была она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки.

Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали и докалывали. Но из лиц Царской семьи, я помню, они называли только одну Анастасию, как приколотую штыками.

Подушек Клещев с Дерябиным насчитали две. Одна была у Демидовой в руках. У кого была другая, они не говорили. Когда все они были убиты и лежали еще в этой комнате, они стали осматривать: расстегивать одежду и искать, должно быть, вещи. Я помню, упоминали Клещев с Дерябиным про пояса, которые тогда отстегивались у женщин. Говорили они, что в обеих или в одной подушке была найдена или были найдены шкатулочка или же несколько шкатулочек. Все найденные вещи у покойных Юровский взял себе и отнес, как они говорили, наверх.

Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, через которые их вели и на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоявший за воротами дома в пространстве между фасадом дома, где парадное крыльцо в верхний этаж, и наружным забором: здесь обычно и стояли автомобили.

Это уже видели Лесников с Брусьяниным. Как их выносили со двора, то есть через ворота или же через калитку, не было разговора. Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один.

Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиль, на него положили трупы и сверху их закрыли этим же сукном. Кто ходил за сукном в кладовую, не было разговора. Ведь не было же у нас „допроса", как сейчас. Кабы я знал раньше, мог бы спросить.

Шофером на этом автомобиле был Сергей Люханов. Именно его называли и Брусьянин, и Лесников. Автомобиль с трупами Люханов повел в ворота, которые выходили на Вознесенский переулок, и далее вниз по Вознесенскому переулку мимо дома Попова. Вместе с трупами уехал сам Юровский и человека три „латышей", но русских „латышей" или же не русских – не знаю: не допытывались мы.

Когда трупы были уже унесены из дома, тогда двое из „латышей" – молодой в очках и другой молодой, лет 22, блондин – стали метелками заметать кровь и смывать ее водой при помощи опилок. Говорили Клещев с Дерябиным, что кровь с опилками куда-то выкидывалась. В какое-то, как я понял, подполье в самом доме, но хорошо я этого не помню. Еще кто принимал участие в уборке крови, я положительно не знаю. Из рассказов их выходило так, что постовых для этого дела не трогали. Все они продолжали стоять на своих постах, пока их не сменили.

Рассказы Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова были столь похожи на правду, и сами они были так всем виденным ими поражены и потрясены, что и

тени сомнения ни у кого не было, кто их слушал, что они говорят правду. Особенно был расстроен этим Дерябин, а также и Брусьянин. Дерябин прямо ругался за такое дело и называл убийц „мясниками". Он говорил про них с отвращением. Брусьянин не мог вынести этой картины, когда покойников стали вытаскивать в белых простынях и класть в автомобиль: он убежал со своего поста на задний двор.

В один из последующих дней или же сам Медведев, или же кто-либо с его слов, говорил мне, что увез Люханов трупы за Верх-Исетский завод. Автомобиль шел лесистой местностью. Почва пошла, по мере дальнейшего следования автомобиля, мягкая, болотистая, и автомобиль стал останавливаться: колеса его тонули. С трудом, но все-таки автомобиль дошел до места, где оказалась заранее вырытая яма. В нее положили, в одну, все трупы и зарыли. Я прекрасно помню, Лесников говорил, что лопаты брались тогда Юровским с собой из дома Ипатьева, когда он поехал с трупами.

Я Вам говорю сущую правду. Ничего ни я, ни другие наши злоказовские рабочие, которые слушали рассказ Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова, с вечера не знали о предстоящем убийстве. К нам в казарму Медведев с вечера не приходил и ничего про это нам не объяснял. И никто из нас не ходил убирать комнаты после убийства. Я допускаю, что сысертские могли об этом знать через Медведева заранее, а в особенности Добрынин, Иван Старков и Андрей Стрекотин: они были весьма близки к Медведеву. Меня же Медведев не любил, как и Юровский.

В доме Попова комнаты, в которых мы проживали, были хотя и не отделены (по всему дому можно было сообщаться через комнаты), но сысертские держались отдельно от нас и мы от них. У нас было и свое отдельное крыльцо, а у сысертских – свое. Среди сысертских гораздо было более большевиков, чем среди наших рабочих. Допускаю я вполне, что Медведев мог звать своих из казармы убирать комнаты. Также можно допустить, что Стрекотин в ночь убийства стоял на посту у пулемета в нижней комнате, где мимо него носились трупы. Юровский мог приказать Медведеву поставить сюда надежного человека из пулеметчиков, каковым и был Стрекотин (у пулеметов вообще ставились из солдат, умевших обращаться с пулеметами).

Относительно оружия я могу сказать следующее. У Юровского было два револьвера. Один у него был большой маузер, другой – наган. У Никулина был также наган. Кроме того, я видел в комендантской комнате большой револьвер, похожий по устройству на браунинг, но не браунинг, гораздо большего калибра револьвер. Я не знаю, как он назывался; возможно, что и был кольт. У всех „латышей" были револьверы. Этих револьверов я не видел, но, судя по кобурам, думаю, что у них были наганы. У Медведева, когда я только еще поступил в охрану, был наган[16]. Кроме того, был один наган у Сафонова и Добрынина, как разводящих. При Юровском откуда-то было доставлено несколько наганов. Один был дан мне, как разводящему, два – двум дневальным из сысертской команды (дневальные дежурили по 12 часов в казарме на половине сысертских у звонка, проведенного из комендантской, и постоянно менялись: дежурили все сысертские по очереди). Три револьвера были даны на посты за №№ 5, 6 и 9. Все они были наганы. Револьверы на постах так и оставались в будках и на террасе.

О том, чтобы Медведев перед убийством брал у кого-либо револьверы, я ни от кого не слышал.

Рассказ об убийстве Царя и его семьи на меня подействовал сильно. Я сидел и трясся. Спать уже не ложился, а часов в 8 утра отправился я к сестре Капитолине[17]. У меня были хорошие отношения с ней. Я пошел к ней, чтобы поделиться с ней мыслями. Мне на душе было страшно тяжело. Потому к ней и пошел я, чтобы поговорить с близким человеком. Сестру я застал одну. Муж ее был на службе в комиссариате юстиции. Я как пришел, сел в кухне. Сестра, увидев, должно быть, мое расстроенное лицо, спросила: „Ты что это?" Я сказал ей: „Царя расстреляли". Первый же вопрос сестры был: „Неужели и ты там был?" Она меня хотела, очевидно, спросить, неужели и я принимал сам участие в убийстве Царя. Я рассказал сестре то же самое, что рассказал и Вам, но только не так подробно. Возможно, что

я говорил ей, что Царская семья расстреляна „по постановлению Областного совета", я так думал и так сейчас думаю. Ведь, вероятно, Юровский не сам же это устроил. А как вся власть тогда была в руках Областного совета, то я и думаю, что убийство Царской семьи произошло по приказанию из Областного совета.

На Ваш вопрос, был ли у меня разговор с зятем Агафоновым приблизительно за неделю до расстрела Царской семьи по поводу того, что ей грозит смерть ввиду приближения „врага", то есть чехословаков, припоминаю, что действительно разговор у меня об этом был. Среди красноармейцев ходили тогда разговоры: что будет, если подойдут чехи, как поступят с Царской семьей? Высказывались предположения, что их могут расстрелять. Эти предположения я мог высказать зятю. Я не говорил сестре, что я сам видел расстрел Царской семьи. Все я рассказывал ей с чужих слов. Вероятно, она, ввиду моего расстроенного вида, подумала, что картину убийства я сам видел своими глазами. Я не называл ей число полученных Демидовой штыковых ран: 32. Это не так. Дерябин говорил, что ее ударили штыком раз 30. Так и я ей говорил.

Я был у сестры часа два, и приблизительно в 10 утра я пришел опять в дом Попова. Не помню, как у меня протекло время до 2 часов дня, когда я опять встал на дежурство. (С 10 часов вечера 16 июля, как я уже говорил Вам, встал на дежурство вместо меня Добрынин, дежуривший до 6 часов утра 17 июля, с 6 же часов утра 17 июля стал Иван Старков.) Я сменил тогда Ивана Старкова. Я расставил тогда охрану на все посты, кроме поста № 7. Старков мне сказал, что на этот пост уже теперь не надо ставить караула (под окнами дома). Караульный, очевидно, после ухода с этого поста Дерябина и не ставился туда. Я так тогда понял Старкова. Оба мы понимали, почему уже не надо было ставить туда постового, и ничего больше про это не говорили.

Расставив посты, я вошел в комендантскую. Там я застал Никулина и двоих из „латышей" не русских. Там же был и Медведев. Все они были невеселые, озабоченные, подавленные. Никто из них не произносил ни одного слова. На столе комендантской лежало много разных драгоценностей. Были тут и камни, и серьги, и булавки с камнями, и бусы. Много было украшений. Частью они лежали в шкатулочках. Шкатулочки были все открыты.

Дверь из прихожей в комнаты, где жила Царская семья, по-прежнему была закрыта, но в комнатах никого не было. Это было ясно: оттуда не раздавалось ни одного звука. Раньше, когда там жила Царская семья, всегда слышалась в их комнатах жизнь: голоса, шаги. В это же время там никакой жизни не было. Стояла только в прихожей у самой двери в комнаты, где жила Царская семья, их собачка и ждала, когда ее впустят в эти комнаты. Хорошо помню, я еще подумал тогда: „Напрасно ты ждешь"[18].

Вот еще что я тогда заметил. До убийства в комендантской стояли кровать и диван. В этот же день, т. е. в 2 часа дня 17 июля, когда я пришел в комендантскую, там еще стояло две кровати. На одной из них лежал „латыш". Потом Медведев как-то сказал нам, что „латыши" больше не идут жить в комнату, где произошло убийство, в которой раньше они жили. Очевидно, тогда две кровати и были перенесены в комендантскую. Виноват, насколько могу припомнить, Медведев говорил, что „латыши" (все 10 человек) совсем не идут больше жить вниз дома, и, как я тогда понял его, они тогда уже ушли опять в чрезвычайку, кроме тех двоих, которые, вероятно, остались еще в комендантской. Но видел и этих в доме я только один раз: в этот именно день – 17 июля. Больше же ни этих двоих, ни всех остальных я не видел ни одного раза.

С 2 часов дня 17 июля я дежурил до 10 часов вечера. Юровского я не видел в этот день в доме вовсе. Я не думаю, чтобы он мог быть в доме, и я бы его не видел. Я думаю, что его совсем не было в этот день в доме, по крайней мере, с 2 часов дня до 10 часов вечера его там не было. Вывоза вещей из дома 17 июля также не было. Не знаю, шла ли разборка и укладка вещей в этот день.

17 июля Медведев сказал нам, что нас всех охранников отправят на фронт. Поэтому 18 июля я с утра отправился на Злоказовскую фабрику получить там

некоторые денежные суммы, причитавшиеся нам за прежнее время, и вещи. К 2 часам дня я был опять в команде и в 2 часа встал на дежурство. В этот день, 18 июля, вывозились вещи из Ипатьевского дома. Я один раз сам видел, как в легковой автомобиль выносились какие-то сундуки, ящики. Автомобиль с этими вещами и ушел куда-то. Шофером на нем был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов. Кроме того, вывозились вещи также на двух лошадях. Какие были люди при этих лошадях – не знаю. Помню, я и сам тогда видел в прихожей какой-то или сундук или ящик, также предназначенный к вывозу. Помню, что кого-то звали из наших его нести, выносить вещи. Кого звали – не могу припомнить. Но помню, что Лесников, ходивший выносить вещи, говорил, что из зала он нес какой-то маленький и ужасно тяжелый сундук. Ценности же, бывшие в комендантской, в этот день, 18 июля, так и лежали там же и в таком же виде. Юровского в этот день, 18 июля, я не видел в доме. Это я хорошо помню. Кажется, я видел его часов в 6 вечера. /.../

19 июля Юровский, приблизительно с утра, был в доме Ипатьева. В этот день также вывозились вещи из дома, но память мне решительно ничего об этом не сохранила. /.../

Еще я из жизни Царя припомнил следующий случай. Однажды пришел я в комендантскую комнату и застал там Никулина и Кабанова. Никулин при мне спросил Кабанова, о чем он разговаривал в саду на прогулке с Царем. Кабанов ответил, что Царь спрашивал его, не служил ли он ранее в кирасирском каком-то полку. Кабанов, по его словам, ответил утвердительно и говорил, что, действительно, он в этом полку служил и однажды был на смотру этого полка, который тогда производился Царем. И Никулин, и Кабанов удивились еще тогда памяти Царя[19].

Куда девался мальчик из нашей команды, я не знаю. По этому поводу я могу рассказать следующее. Я видел мальчика этого издали в один из последующих дней после убийства. Он сидел в той комнате, где обедали сысертские рабочие, и горько плакал, так что его рыдания были слышны мне издали. Я сам к нему не подходил и ни о чем с ним не разговаривал. Мне, не помню кто именно, рассказывали, что мальчик узнал про убийство Царской семьи и всех других, бывших с ней, и стал плакать. /.../

Еще я могу рассказать про такой случай. Я запомнил фамилии двух московских рабочих из охраны Стогова[20]. Одного фамилия была – Бушуев, а другому – Мясников. Когда мы сели к ним в вагон и они узнали от нас, что мы из охраны Царя, Мясников стал говорить, что Царь за несколько дней до этого уехал. Он говорил, что сам видел, как он садился в вагон[21]. Тогда мы все стали ему говорить, что Царь расстрелян. Он больше не стал ничего говорить и согласился с нами, что, вероятно, он ошибся и кого-нибудь другого принял за Царя.

Находясь в Перми, я ни от кого не слышал, чтобы была увезена Царская семья. Конечно, я бы этому и не поверил, так как не сомневался в правдивости того, что я слышал от Дерябина, Клещева и Медведева.

Время я везде в своем показании указываю по новому стилю.

Больше объяснить я ничего не могу. Объяснение мое мне прочитано, записано с моих слов правильно.

Анатолий Александров Якимов.
Судебный следователь Н. Соколов.

200

ПРОТОКОЛ

1919 года, мая 16 дня, судебный следователь по особо важным делам Николай Алексеевич Соколов в городе Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр документов, представленных агентом Уголовного розыска Сретенским при дознании от 7-го сего мая (л. д. 139, том 4) [1].

По осмотру их найдено следующее:

1. Половина листа белой писчей бумаги. Эта половина сложена пополам, так что каждая представляет собой четвертушку листа. На первой странице четвертушки черными чернилами написано следующее:

„Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорок выдать из вашего склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего. Обл. Комиссар Снабжения Войков"[2].

Весь приведенный текст этого требования писан одной и той же рукой, как и подпись самого требования, т. е. Войковым. Ниже этого текста на этой же странице четвертушки приложен синий оттиск мастичной печати:

„Комиссар Снабжения Обл. Совет Раб., Кр., Сол. Депутатов Урала".

Рядом с этим оттиском печати черным карандашом написана расписка следующего содержания:

„Серной кислоты 2 п. 31 ф. получил 17/VII Секрет. Зимин".

Весь текст этой расписки писан одной и той же рукой, т. е. рукою Зимина.

По тексту написанного на первой странице четвертушки синим цветным карандашом написана большая буква „К".

На другой странице той же бумаги написано чернилами черного цвета:

„4 ящ. кисл. серной.
На лицо 4 х 2 п. 31 ф.
11 п. 04 ф.

пд. 15	Р 166.50	
Упак.	30	
	196.50	18/VII".

Весь текст этого расчета писан одной и той же рукой. По тексту расчета синим цветным карандашом написана буква „К". Это обозначение сделано, видимо, той же рукой, как и обозначение этой буквы в первом случае.

2. Четверть листа белой писчей бумаги.

На этой четвертушке чернилами черного цвета написано следующее требование:

„Предлагаю выдать еще три кувшина японской серной кислоты предъявителю сего. Обл. Комиссар Снабжения Войков".

Весь текст этого требования и подпись писаны той же рукой, что и текст первого требования, т. е. Войкова.

Ниже его приложен такой же оттиск той же печати, что и на первом требовании. Рядом с оттиском печати черным карандашом написана расписка следующего содержания:

„Три кувшина серной кислоты получил 17/VII Секр. Зимин".

Текст этой расписки и самая подпись написаны той же рукой, что и текст первой расписки, т. е. рукою Зимина"[3].

Подлинное подписали:

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

201

Г. Судебному следователю Омского окружного суда по важнейшим делам Н. А. Соколову.

Жители Верх-Исетского зав. (угол 10 Опалихи и проезж. ул. св. д. № 556) Семен Федоров Карлуков, 58 лет, и жена его Афанасья Степанова, 57 лет, говорят, что по дороге в дер. Коптяки верстах в полуторах от местности за ур. „Четырьмя Братьями" Карлуковы имеют покос[4]. Незадолго перед изгнанием большевиков косить траву на этом покосе Карлуковы подрядили троих пленных австрийцев, которых сама Карлукова свела на покос в понедельник (15 июля). Австрийцы ночевали на покосе. Афанасья Карлукова навещала косцов во вторник и в среду (16, 17 июля) и по дороге ничего не заметила[5].

Когда Семен и Афанасья Карлуковы пошли на покос утром в четверг (18 чис.), не доходя расстояния до двух верст до Четырех Братьев в узком месте дороги навстречу им попал грузовой автомобиль; на нем сидели три или четыре красноармейца, они везли две или три бочки с железными обручами, черные, из-под сала или керосина. Карлуковы отошли еще с четверти версты, – попал им навстречу второй легковой автомобиль „с шарами" (фонарями), на нем сидело три или четыре красноармейца. Прошли еще с полверсты, приблизительно, где из леса на дорогу вышли известные Карлуковым красноармейцы Ермаков и Ваганов[6], причем Ваганов не приказал дальше проходить, пригрозив в случае ослушания застрелить их. Дальше в лесу видны были другие красноармейцы. Карлуковы воротились домой.

В пятницу утром Карлуковы опять пошли на покос приблизительно в том же месте, где накануне встретились два автомобиля, и в этот день встретился легковой автомобиль „с шарами". На нем сидели четыре или пять красноармейцев. Затем Карлуковы прошли Четырех Братьев, и в полверсте от того места в лесу на поворотке-тропе с покоса Костоусова в лесочке стоял фаэтон с кучером на гнедой лошади. Около экипажа стояли два господина, солидные, с черными усами, в черных шляпах, в черных накидках. В руках одного господина был белый сверток длиною в пол-аршина, как будто из скатерти. Эти два господина, увидев Карлуковых, сели в экипаж и уехали по направлению к В.-Исетску. Кучер был лет 30, с русой бородкой[7].

Недалеко от этого места Карлуковы на дороге увидели на вороной большой лошади красноармейца, который не стал их пропускать далее. Карлуковы предложили солдату поесть молока и хлеба – он с радостью принял это, сказал, что два дня ничего не ел, морят голодом, приказано им двигаться по 20 шагов в час и что ночью уедут[8].

Когда Карлуковы в это утро шли из В.-Исетска, на дороге догнали их неизвестные три женщины, которые говорили, что пошли в лес по ягоды, чернику, что накануне они тоже ходили к заимке Зубрицкого (недалеко от Четырех Братьев). Там в лесу около городьбы лежали цепью красноармейцы и прогнали женщин. На этот раз женщины хотели идти дальше заимки Зубрицкого и свернули в сторону с большой дороги к покосу Самойлова Павла.

После того в субботу, воскресенье и понедельник Карлуковы ходили на покос грести сено. Тогда их никто больше не останавливал, хотя красноармейцы проезжали по дороге в сторону Коптяков и Плотинки на берегу озера и обратно. Австрийцы говорили, что в четверг красноармейцы хотели прогнать их с покоса, но австрийцы не послушались и продолжали работать. Они не говорили, что творилось около их и почему воспрещалось им оставаться на покосе.

Карлуковы могут указать места, где в четверг и пятницу встречали красноармейцев.

Коллеж. Ас. Сретенский.

17 мая 1919 года.

ПРОТОКОЛ

1919 года, мая 19 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр предметов, изъятых членом суда Сергеевым в комнате, где произошло убийство Августейшей семьи, по акту его от 23 января 1919 года[1].

По осмотру найдено следующее:

1. Вырезанный из стены кусок обоев.

Кусок неправильной формы. Его размеры в длину (наибольшую) 27 и в ширину (наибольшую) 13 сантиметров. На этом куске уцелели остатки лишь слов какой-то надписи: „ин", а перед буквой „и" в этом слоге последние черты, видимо, буквы „т" и далее остатки слова, видимо, „Александра" – „андра". Эти слова „ин" и „андра" написаны черным карандашом.

Ниже этих сохранившихся остатков таким же черным карандашом написано:

„10 V 18 г.
с 2 час. ночи до 4-х"[2].

2. Кусок таких же обоев, также неправильной формы, имеющий в длину и в ширину (наибольшую) до 17 сантиметров. На этом куске фиолетовым химическим карандашом написано:

„Николай сказал народам
вам хуй не Республика".

Почерк этой надписи иной, чем на предыдущем куске.

3. Кусок обоев, имеющий форму ленты, также вырезанный со стены. При вырезывании он, видимо, был разрезан сам на 3 части, но все эти три части составляют один кусок. Длина всего куска 1 метр 2 сантиметра, ширина 21 сантиметр.

На этом куске имеется надпись, сделанная химическим карандашом и тем же почерком, что и на куске, описанном в п. 2 сего протокола. Надпись имеет следующий вид:

„Никола он ведь не Романов а родом чухонец
Род дома Романовых кончился Петром III
тут пошли все чухонская порода"

Несколько выше этой надписи на среднем куске (в общей ленте) имеется надпись, сделанная черным карандашом. Она начинается как раз от места разреза, отделяющего средний кусок от первого крайнего, почему некоторые слова в ней отсутствуют. Представляется возможным разобрать следующие слова:

„Я нижеподписавшийся
гражданин такой
та обязуюсь уплатить
такому то 5000 руб."

Почерк, коим сделана эта надпись, напоминает почерк лица, коим писаны на террасе дома Ипатьева надписи: „русый локон" (п. 6-й протокола 15–25 апреля 1919 года, л. д. 198, том 3-й /.../) и „помнишь милая весною" (п. 8-й того же протокола, л. д. 198 об., том 3-й)[3].

4. Две доски, оклеенные картоном и сверху обоями. Они обе имеют вид прямоугольников. Длина обеих их одинакова – 43 сантиметра, ширина одной 22 1/2 сантиметра, ширина другой – 25 сантиметров. Толщина обеих также одинакова – 3 сантиметра. Обе эти доски представляют две части, соседние одна с другой и являются той самой обшивкой арки, выемка которой и описывается в п. „б" протокола 15–25 апреля 1919 года (л. д. 196, том 3-й). /.../[4]

На одной из этих досок (верхней доске, если сложить их обе вместе) имеется совершенно определенное пулевое отверстие, проникающее всю толщу доски.

Входное отверстие находится на стороне, покрытой обоями, и имеет в диаметре 1 сантиметр. Выходное отверстие на задней стороне доски носит такую же круглую форму. Здесь вокруг его в доске образовались отщепы. Диаметр его несколько больше входного: около 1 1/2 сантиметра. Под ним, т. е. под этим пулевым каналом, в доске как раз и находится тот пулевой канал в штукатурке арки, который описывается в п. „в" протокола 15–25 апреля 1919 года (л. д. 196, том 3-й).

Таким образом представляется совершенно несомненным, что пулевое попадание имело место и в лицевую сторону арки, к которой примыкает дверь, ведущая из комнаты убийства в кладовую. Это пулевое попадание не отмечено в актах Сергеева.

На лицевой стороне этой же доски имеются совершенно ясно видимые четыре штыковых удара. Из них три проникают в толщу доски на 1 сантиметр, а одно наружное, проникающее слой обоев и картона и едва углубляющееся в слой дерева. Глубина последнего – 3 миллиметра. Глубокие три отверстия имеют одинаковые размеры: в длину 8 и в ширину 4 миллиметра. Поверхностное имеет в длину 5 миллиметров. Все эти штыковые удары находятся под пулевым отверстием и отстоят от него книзу на 6 3/4 сантиметра. Одно от другого они все в непосредственной близости. Для точного установления происхождения этих отверстий в них осторожно вкладывалось острие штыка трехлинейной винтовки русской. Форма отверстия как раз совпала с формой штыка[5].

На этой доске имеются два рисунка, сделанные фиолетовым химическим карандашом. Один рисунок изображает обнаженного мальчика и перед ним, видимо, обнаженную женщину. Сзади первого нарисовано дерево. На рисунке имелись, видимо, надписи пояснительного характера к рисунку, сделанные также химическим карандашом. Разобрать их невозможно, так как они, видимо, уничтожены были Сергеевым. Читаются лишь слова „Адам", „ты".

Рядом с этим рисунком имеется рисунок, изображающий женскую голову с раскрытым ртом и вложенным в рот каким-то предметом. Последний уничтожен, но в соответствии с ним уцелел слог „Рас". Самый рисунок головы также снабжен надписью. Надпись уничтожена, но читаются слог „ндра", остатки, видимо, слов „Григорий Распутин", слово „хуй".

На этой же доске изображен мужской половой член и, в соответствии с этим изображением, надпись, сделанная черным карандашом (как и самое изображение члена): „немецкий снаряд". Вблизи с этим изображением и надписью черным карандашом сделаны надписи: „10 V 18 г.", „Кто... (следующее слово уничтожено)... то уходи".

Вблизи этих трех рисунков имеется надпись, сделанная черным карандашом: „худож...", следующие буквы уничтожены и ниже: „Стрежнев" или „Стрекотин". Эта фамилия также уничтожена, причем явственно видны лишь первые буквы: „Стр"[6].

Ниже этих рисунков и надписей на той же доске написано также химическим фиолетовым карандашом: „Стоял на посту с 2-х до 4-х с 8 и 10 и 24 8 р охраник", но в общем эта надпись почти вся уничтожена, так что она не передает почерка.

На другой доске, таким же химическим карандашом, также сделана надпись, также уничтоженная. Можно прочесть в ней первую строку и часть второй:

„Кто писал, тому бутылка пива
а кто..."

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

Г. судебному следователю Омского окружного суда по особо важным делам.

203

1. Настасья Павлова Зыкова, 46 л., жительница дер. Коптяков Верх-Исетской в., говорит, что в прошлом году, 18 июля, в 2 часа утра она сына своего Николая повезла на лошади в г. Екатеринбург на призыв. Сама сидела в коробке, сын на козлах правил лошадью[7].

Отъехали от деревни версты 4, проехали мост на большом покосе, не доехали до местности „Четыре Брата" с версту, как вдруг по дороге навстречу им подъехали верхом на лошадях два красноармейца. Один из них был одет по-матросски[8]. Последний над головами их махнул револьвером, строго приказал не смотреть вперед, немедленно заворотить лошадь и убираться из этого места.

Зыковы воротили лошадь, поехали обратно. Красноармейцы проводили их с полверсты, до моста на большом покосе[9]. Зыкова не видела, что было и делалось впереди, но сын Николай говорил, что впереди на дороге он видел войско, обоз, как будто два автомобиля.

По прибытии в деревню они рассказали об этом жителям, которые сильно напугались, предположив, что красноармейцы хотят наступать на Коптяки. Но в деревню никто не прибывал, только в тот же день около полудня из В.-Исетского завода приехали жители того завода Василий и Настасья Зыковы и говорили, что их по дороге никто не останавливал.

Сын Николай служит на военной службе.

204

2. Петр Алексеев Зубрицкий, 42 л.

3. Николай Михайлов Швейкин, 43 л., и

4. Николай Васильев Папин, 36 л., говорят, что когда от Зыковых стало известно о движении войск на деревню Коптяки, то жители встревожились, но, не дождавшись никого, трое они отправились пешком по дороге на Верх-Исетский зав., прошли местность „Четыре Брата", никого не встретили и не заметили, кроме троих австрийцев, косивших траву на большом покосе, поэтому воротились домой, причем, пройдя „Четыре Брата", по левую сторону заметили свежепроложенную дорогу, тут остановились и стали обсуждать, не пойти ли по свежей дороге. Пока об этом говорили, как вдруг впереди той дорожки, в лесу, послышались два отдельных взрыва от бомбочек[10] и вскоре из леса по тропе к ним подъехал верхом на лошади красноармеец с винтовкой, шашкой и револьвером. Красноармеец нахождения здесь людей, видимо, не ожидал, смутился, как будто сам испугался. Они спросили солдата, что тут происходит: жители дер. Коптяков напуганы передвижением солдат. Он на это пояснил, что ожидается наступление чехов, красноармейцы делают разведку, будет учение и, может быть, стрельба: на это жители пусть не обращают внимания, население может быть в покое. После этого они ушли домой. Навстречу им попали Николай Вас. Алферов, Степан Иванов Бабинов и Федор Александров Горбунов, шедшие косить траву.

205

5. Николай Васильев Алферов, 49 лет, житель дер. Коптяков, пояснил, что летом прошлого года он и одновременно его отец Степан Иванов Бабинов и Федор

Александров Горбунов утром отправились на покос, находящийся ближе местности „Четыре Брата" и не очень далеко от ям, к которым красноармейцами проторена была свежая дорога, на той же стороне от большой дороги, в 1/2 версте от нее. Навстречу попали Зубрицкий, Швейкин и Папин. Днем во время работы слышали 5 отдельных ружейных выстрелов, произведенных около ям. Больше никого не видели и ничего не слышали.

206

6. Александра Гаврилова Зубрицкая, 38 лет, происходит из В.-Исетского завода, но проживает на заимке, в стороне от коптяковской дороги, по правую сторону, если следовать на Коптяки, против местности „Четыре Брата" приблизительно в версту[11].

Она говорит, что 18 июля 1918 г., около 9 ч. утра, она с дочерью своей Валентиной поехала на лошади с заимки в В.-Исетский зав., отъехала с версту от местности „Четыре Брата" и в стороне, недалеко от дороги, в лесу, на возвышенности, на двух лошадях сидели красноармейцы, а на земле около них лежали много красноармейцев, которые ни о чем с ней не разговаривали.

На следующий день после этого, 19 июля, около 7–8 часов утра, когда она находилась в доме в В.-Исетском заводе, по 2 Закутиловой улице (д. № 32), увидела, как по коптяковской дороге из леса вышли к В.-Исетскому заводу два автомобиля легковых, в какой цвет они были окрашены, не помнит, не обратила внимания. На них сидели человек по 5 красноармейцев с поникшими головами и качались, как будто пьяные или не проспавшиеся. Вскоре за ними по дороге пошел грузовой автомобиль. В нем сидело три красноармейца, и около них стояла большая бочка, вышиною до 2 арш. У этого автомобиля на правом заднем колесе шина была разорвана и подвязана веревкой, причем на улице автомобиль был остановлен, и шина перевязывалась веревкой.

207

7. Михаил Игнатьев Бабинов, 43 лет, житель дер. Коптяков, говорит, что приблизительно через неделю после того, как красноармейцы воспрещали проезжать через местность „Четыре Брата", когда в Екатеринбурге были уже чехи[12], он, Бабинов, и однодеревенцы его Михаил Дмитриев Алферов[13], Яков Дмитриев Алферов, Николай Васильев Папин, Павел Филаретов Алферов, Николай Васильев Лагунов и Гаврило Егоров Алферов ходили к ямам, в местности „Четыре Брата" для обследования, что именно могли там делать красноармейцы.

На свежепроторенной дороге на расстоянии до 100 сажен от коптяковской дороги Бабинов видел колеи от автомобильных колес.

Около ям на плоскости земли заметно было пепелище размером до 1 1/2 арш. Тут были угольки от прутиков и концы сгоревших досок от ящика. Часть углей и золы была сгребена в углубление земли рядом с пепелищем, и сверху оно было закидано землей. По разрытии пепелища в нем найдены были медная пуговица, пряжки, крест и проч[14].

Саженях в 1 1/2 от пепелища есть старая шахта. В ней найдены были железная лопата, обрывок веревочки и лоскуток парусины.

Недалеко от шахты, в разрезе виднелись две брошенные носилки, сосновые, свежесрубленные, с затесанными концами, чтобы удобнее было держать руками.

Около ям и шахты трава была утоптана, а далее по сторонам была высокая, густая и несмятая трава[15].

Коллеж. асс. Сретенский.

22 мая 1919 г.

Справка.

20 мая 1919 г. лично от профессора Коровина получено сведение, что Уленгутовская сыворотка на днях получена и исследование может быть произведено[1].

(Подпись неразборчива).

Назначить исследование в Институте патологич. анатомии и гистологии с 10 час. утра 25 мая. Уведомить профессора Коровина устно, а товарищу прокурора Тихомирову послать письменное уведомление.

(Подпись неразборчива.)

Исп. 22 V № 197.

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ АКТ

1919 года, мая 25 и 26 дня, в г. Перми по предложению господина судебного следователя по важнейшим делам Пермского окружного суда от 25 мая сего 1919 года я, нижеподписавшийся, в заведуемом мною Институте патологической анатомии и гистологии Пермского государственного университета, в присутствии господина судебного следователя по важнейшим делам Александра Иосифовича Короновского и нижеподписавшихся понятых, производил микроскопическое, спектроскопическое и химическое, с реакцией Уленгута, исследование пятен на куске дерева для разрешения предложенных в отношении члена Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеева от 4 февраля сего года за № 110 следующих вопросов: 1) имеются ли на означенном куске дерева следы крови и 2) человеческая ли это кровь?[2]

Подлежащий исследованию кусок дерева укупорен в бумажную коробку, завернут в холст и писчую бумагу, обшит нитками и обвязан шнурком и опечатан печатями Екатеринбургского окружного суда и г-на товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда. На холсте имеется надпись: „вещ. доказат. к № 110, Член Суда Ив. Сергеев. Пермь Прокурору Окр. Суда". Указанные коробка, обертка, шнурки и печати целы. По вскрытии пакета /пропуск?/ кусок дерева длиною около 3,6 сант., шириною около 4,0 сант. имеет клиновидную форму, при этом с одной стороны окрашен желтой масляной краской, а с другой стороны, идущей в перпендикулярном направлении к первой на протяжении трех четвертей, запачкан подозрительной жидкостью, причем получается впечатление, что указанная помарка получилась вследствие протекания подозрительной жидкости, и нижний край пятна представляется более интенсивно окрашенным, чем средняя часть. Пятно имеет буровато-красноватую окраску, причем на буровато-красном фоне по местам видны желтоватые пятна смолистых веществ.

Методы исследования.

После микроскопического исследования и описания подозрительных пятен на доставленном в Институт куске дерева были сделаны соскобы с более замаранных мест.

Первая часть соскобов была употреблена для Ван-Дееновской пробы на присутствие крови. Для этого кусочки смачивались перегнанной водой и потом через три часа высушивались Шведской пропускной бумагой. Край влажного листа на бумаге смачивался Гваияковской /гваяколской?/ настойкой и озонированным терпентинным маслом (скипидаром). В случае присутствия крови край смоченного листа на бумаге окрашивается в синеватый цвет.

Вторая часть соскобов употреблялась для Бенцидиновой пробы. Для этого соскобы размазывались в перегнанной воде. К водной вытяжке прибавлялся

раствор Бенцидина в спирте и уксусной кислоте. В случае присутствия крови вытяжка обыкновенно окрашивается в зеленовато-синеватый цвет, по прибавлении перекиси водорода.

Третья часть соскобов употреблялась для Тейхмановской пробы на присутствие крови. Для этого соскобы тщательно размазывались в перегнанной воде. Полученные вытяжки потом засушивались на предметных стеклах при 60° Ц. На полученные на предметных стеклах пятна клались маленькие кусочки поваренной соли и накладывались покровные стекла. Под покровные стекла подводилась ледяная уксусная кислота. После минутного действия кислоты при комнатной температуре препараты подогревались на спиртовой лампе до появления пузырьков газа и по охлаждении исследовались под микроскопом при увеличении в 400 раз. При таком способе исследований в случае присутствия крови получаются кристаллы Тейхмана, растворяющиеся в аммиаке и в крепкой серной кислоте и не растворяющиеся в воде, алкоголе, серном эфире и хлороформе.

Четвертая часть соскобов употреблена для спектрографического исследования. Для этого соскобы размачивались при 38° Ц в насыщенном при комнатной температуре водном растворе буры. Полученный раствор исследовался спектроскопом. При таком исследовании вытяжек из пятен, содержащих кровь, получаются обыкновенно две более или менее ясные полосы поглощения в желтом и зеленом полях спектра.

Пятая часть соскобов размачивалась в физиологическом растворе поваренной соли и жидкости Пагини. Полученные после размачивания соскобов жидкости исследовались под микроскопом при увеличении в 350 раз сначала неокрашенными, а потом окрашенными гематоксилином и хозином. Последование этих препаратов производилось при увеличении в 350 раз.

Шестая часть соскобов употреблена для производства Уленгутовской биологической пробы на присутствие человеческой крови. Для этого соскобы тщательно размачивались в 0,8% водном растворе поваренной соли. Полученные вытяжки фильтровались. Совершенно прозрачные фильтраты наливались в узкие пробирки в количестве от 2,0 до 4,0 к. сант. К фильтратам прибавлялось по 0,2 к. с. Уленгутовской реактивной сыворотки. В случае присутствия крови или содержащей белок жидкости от человека, полученные смеси в пробирках быстро мутятся, а спустя некоторое время в них появляются белые хлопья, осаждающиеся на дно пробирки.

Результаты исследования.

При исследовании пятна на присутствие крови Ван-Дееновская и Тейхмановская пробы дали положительный результат. При спектроскопическом исследовании вытяжек из данного пятна получены две довольно ясные полосы поглощения в желтом и зеленом полях спектра. При микроскопическом исследовании соскобов из данного пятна найдено незначительное количество деформированных красных кровяных телец, большею частью обесцветившихся. Уленгутовская биологическая проба (титр 1:1000 и 1:2000) дала положительный результат.

Исследованный кусок дерева снова закупорен в бумажную коробку, обшит холстом и опечатан печатью судебного следователя по важнейшим делам Пермского окружного суда.

Исследование производил профессор Пермского государственного университета, доктор медицины Иван Петрович Коровин. При исследовании присутствовали:

(Подпись неразборчива) – врач при Институте патологии, анатомии и гистологии П.Г.У.
Студент медик Иван Степанович Богословский.
Михаил Круглов.
И. д. судебного следователя Короновский.

Мнение.

На основании микроскопического, спектроскопического и химического, с реакцией Уленгута, исследования необходимо прийти к заключению, что на одной

стороне доставленного куска дерева имеются несомненные следы крови, которые нужно признать человеческой, так как реакция Уленгута дала положительные результаты.

Профессор Пермского государственного университета,
доктор медицины Иван Петрович Коровин.

Г. Пермь, 1919 года, 26 мая.

Прошу выдать мне вознаграждение за произведенное по данному делу исследование.

Профессор И. Коровин, 26 мая 1919 года.

Справка.

Исследование продолжалось 25 мая 1919 г. с 10 часов утра по 2 час. дня.
26 мая 1919 г. с 5 часов вечера до 9 час. вечера.

Верно:

И. д. судебного следователя Короновский.

Г. суд. следователю по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколову на распоряжение вместе с вещественным доказательством – кусочком дерева.

Член суда Ив. Сергеев[3].

№ 152.

209

Господину судебному следователю Омского окружного суда по особо важным делам.

Агента Екатеринбургского уголовного
розыска С. И. Алексеева.

В дополнение к дознанию по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его семьи сообщаю Вам, что мною собраны по настоящему делу следующие сведения.

В г. Перми 2 ч. по Пермской ул. в доме № 75 кв. 1, проживали несколько человек большевиков, принадлежащих к числу деятелей советской власти, а именно: 1) Петр Григорьев Никулин, 29 лет, из г. Ирбита. По партийному билету. Служащий штаба 3 армии. 2) Шипицын Никандр Сильвестров, 31 года. Областной комиссар снабжения Урала. 3) Ченцов Борис Михайлович. Ученик 6 класса Ирбитской гимназии. /.../

Из расспросов хозяйки этого дома Марии Георгиевой Корешевой, которая проживала в общих комнатах с упомянутыми лицами, выяснилось, что один из этих лиц, Петр Никулин, говорил: „Пьем чай из запасов Николая II". Более ничего про семью Романовых не рассказывал.

Борис Ченцов говорил: „Вся семья Романовых уничтожена", а мальчику,сыну Корешевой, Павлу Геннадиеву, 8 лет, говорил, что Царь изрублен и полит ядом.

Все эти лица при взятии г. Перми выбыли далее с большевиками. Где протекала их деятельность при большевиках, пока еще не выяснено. /.../

Агент Уголовного розыска С. Алексеев.

№ 41
28 мая 1919 года.

210

ПРОТОКОЛ

1919 года,июня 4 дня,ко мне, судебному следователю по особо важным делам Н. А. Соколову, явился командированный в город Омск к военному министру Н. А. Степанову поручик Б. В. Молоствов и, представив три документа[4], помещенные в деле вслед за сим протоколом, доложил, что по сведениям, добытым им в контрразведке штаба Верховного главнокомандующего, Яковлев был арестован в городе Уфе по распоряжению генерала Шениха и препровожден в штаб Западной армии, а оттуда в город Омск в распоряжение Первого генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего (телефонограмма подполковника Клеланда от 30 декабря 1918 года № 3969)[5].

По ошибке конвоира Яковлев был передан, однако, в распоряжение полковника Зайчека[6] 2 января 1919 года, и следы его в дальнейшем теряются[7].

По тем же сведениям, Яковлев предлагал за свое освобождение 500 000 рублей.

Судебный следователь Н. Соколов.
Поручик Борис Владимирович Молоствов.

/Приложенные документы в настоящем издании не приводятся./

211

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 14–15 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120[8], в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Павел Иванович Уткин, 44 года, православный, врач, живу в г. Екатеринбурге по Тарасовской Набережной, дом № 8, не судился[9].

В сентябре месяце 1918 года я жил в г. Перми на углу Петропавловской и Обвинской улиц в доме Крестьянского поземельного банка. Это большой дом в три этажа. В нижнем этаже помещался банк, а в двух верхних этажах находились квартиры, которые и сдавались банком частным лицам. Я поселился в верхнем этаже этого дома в мае месяце 1918 года, сняв там квартиру у управляющего банком Лощилова по годовому контракту. В конце первой половины сентября месяца здание банка стала занимать Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Она сначала заняла нижний этаж, где помещался самый банк, а потом стала выселять квартирантов и занимать их помещения. В конце концов заняли и мою квартиру, оставив мне одну комнату, где я помещался со своей семьей: женой Зоей Александровной и двумя маленькими детьми.

В то время, когда я жил в этой одной комнате, приблизительно часов в 5–6 вечера вскоре после 20 сентября, ко мне пришел какой-то вестовой из чрезвычайки и сказал мне: „Доктор, сию же минуту к Малкову". Малков, как это мне было известно, был председателем чрезвычайки. Я сейчас же пошел за вестовым.

Он привел меня во второй этаж того же дома в квартирную комнату, где находились большевики, работавшие в чрезвычайке: Малков, Лобов, Воробцов, Шленов и какие-то еще другие. Они провели меня в соседнюю комнату. Эта соседняя

комната имеет вид полукруглой комнаты, благодаря тому, что одна ее стена, а, может быть, и части двух стен, примыкающих к этой стене, были полукруглые, образуя дугу[10]. В этой комнате на кушетке лежала женщина. Я понял, что меня пригласили к больной. В эту полукруглую комнату со мной вошли и названные мною деятели из чрезвычайки, а может быть, еще и другие лица. Здесь же находилась какая-то незнакомая мне женщина, лет 22–24, блондинка, среднего роста и питания. Я помню общий ее облик и могу указать отдельно некоторые ее черты лица: нос у ней был прямой и тонкий, рот небольшой, губы тонкие, волосы были заплетены и лежали сзади, образуя так называемую греческую прическу, глаз ее я не помню. Во что она была одета, я положительно не помню.

Когда я вошел в эту полукруглую комнату, кто-то из вошедших со мной большевиков сказал мне: „Потрудитесь оказать помощь". Я стал осматривать лежавшую на кушетке женщину. Я помню хорошо, что под одним глазом, кажется, под левым, у нее был большой кровоподтек, шедший от угла глаза по скуловой кости. Соответственно ему угол левой губы был рассечен. Это повреждение носило поверхностный характер. Общее же впечатление было то, что больную, видимо, побили: ударили кулаком по скуловой кости и поставили ей под глазом синяк, сдернув в то же время ногтем угол рта. Исследовав замеченные мною повреждения, я стал осматривать ее грудь. На груди знаков насилия никаких у нее не было. В это время больная, как заметно было, была в бессознательном состоянии. Она сильно вздрагивала. В тот момент, когда я начал производить освидетельствование больной, все бывшие в комнате мужчины удалились, осталась одна женщина, о которой я говорил. Спустя некоторое время после приступа к освидетельствованию больная очнулась и посмотрела на меня. Я спросил ее: „Кто Вы такая?" Она дрожащим голосом, но совершенно внятно ответила мне буквально следующее: „Я дочь Императора Анастасия".

Я хотел вести освидетельствование дальше и сделал попытку приподнять ее рубашку. Но женщина, все время находившаяся тут же вблизи меня, крикнула: „Товарищи!" Тут же вошло в комнату несколько человек, и мне было сказано: „Доктор, это Вашему освидетельствованию не подлежит". Я принужден был прервать дальнейшее освидетельствование. Тогда я вышел в соседнюю квадратную комнату и спросил бумаги, чтобы написать рецепт. Мне дали бланки доктора Иванова, на которых я и выписал для больной йод, свинцовую примочку, бромистые соли с валерьяной и перевязочные материалы. Шленов сделал на обороте рецептов надписи и был кто-то послан за лекарством[11].

Я пошел в свою квартиру, причем мне было сказано кем-то из большевиков: „Сейчас за Вами пришлем". Действительно, не успел я дома выпить чашку чая, как за мной кто-то опять пришел из чрезвычайки. Я снова отправился к больной.

Лекарства и перевязочные материалы были уже принесены. Я обмыл поврежденные у больной места, смазал угол рта йодом, положил свинцовую примочку и дал микстуру. После этого я остался у постели больной, чтобы самому дать ей еще микстуры. Я помню, что приблизительно я пробыл тогда около нее с час и дал ей микстуры ложки четыре. Вы меня спрашиваете, почему я это делал. Я это делал, как врач, по моральным побуждениям. Заведуя при большевиках тюрьмой и арестантскими отделениями, я видел, как они обращаются с больными: лежит больной арестант, а придешь – его нет. Желая получить полную уверенность, что назначенные ей лекарства ей будут даны, я и оставался около нее приблизительно, как я говорю, с час. Больная была в полубессознательном состоянии. Она то открывала глаза, то закрывала. Женщина, находившаяся при больной и, очевидно, являвшаяся „шпиком", все время была безотлучна при больной. Поэтому я разговаривать с Анастасией Николаевной не мог. Уходя, я сказал „шпику", чтобы Анастасии Николаевне продолжали давать микстуру через каждый час.

Приблизительно между 9 и 10 часами вечера я, по своей собственной инициативе, опять пришел к Анастасии Николаевне. В квадратной комнате были опять большевики, но их было уже меньше. Я прямо заявил, что иду навестить больную, и прошел беспрепятственно. В комнате с Анастасией Николаевной была все та же

женщина-шпик. Я спросил ее: „Ну, как чувствует себя больная?" От этих, очевидно, моих слов Анастасия Николаевна очнулась. Она открыла глаза и посмотрела на меня благодарными глазами. Я чувствовал, что она глазами своими, молча, выражает мне благодарность. Я ей сказал: „Ну, пока пейте. Будет лучше". Анастасия Николаевна в ответ на эти мои слова протянула мне руку и сказала: „Я Вам очень, очень, милый доктор, благодарна".

Утром я снова направился к Анастасии Николаевне. В квадратной комнате был Шленов и еще какие-то большевики. Кто-то мне сказал из них: „Больше в Вашей помощи больная не нуждается". Так я больше и не видал Анастасии Николаевны.

Я так могу обрисовать ее наружность, т. е. той именно девушки, которая мне тогда назвалась Анастасией Николаевной. Эта девушка была роста выше среднего, прекрасно упитанная, лет 18–19 на вид: по крайней мере, я бы ей вполне дал эти годы. Она была шатенка. Нос у нее был совершенно правильный, прямой и имел маленькую горбинку. Глаза у нее были темные, продолговатые. Формы бровей я не помню. Лоб – большой, не плоский, слегка овальный. Рта не могу описать: он у нее все время подергивался. Губы не толстые и не тонкие. Подбородок круглый. На уши не обратил внимания. Шея круглая и короткая. Волосы ее были стрижены и не доходили до плеч. Была ли у нее спереди какая прическа волос, не помню, помню только, что волосы у нее были стрижены. Она производила прекрасное впечатление своим лицом: лицо прелестное, и сложена она была прекрасно. Я хочу сказать, что она не имела не только никаких патологических, с нашей медицинской точки зрения, недостатков, но и вообще прекрасно была сложена в смысле гармонии ее линий. Полнота ее нисколько не была чрезмерной в соответствии, например, с ее ростом[12]. Она была замечательно гармонично сложена. Грудные ее железы были хорошо, но не чрезмерно развиты, и груди ее были в полной гармонии с ее наружностью.

Она была в прекрасной, из тонкого полотна, рубахе. Прошивок и кружев на рубахе нигде не было. Ворот рубахи был довольно низко срезан, так что часть грудей была видна из-под рубашки. Поверх рубашки она была покрыта только одной простыней. Простыня была также из тонкого полотна. Меток ни на рубахе, ни на простыне я никаких не видел. Когда Анастасия Николаевна подавала мне руку, я ее руку разглядел: рука была средняя, упитанная, красивая. Все части руки были округленные, пальцы были красивые, средней величины, ногти – подстриженные, совершенно чистые. Был ли маникюр, – не заметил.

Когда я уходил домой, прописав Анастасии Николаевне лекарства, меня кто-то из большевиков спросил: „Что у нее, по-Вашему? Что Вы у нее находите?" Я сказал: „Душевнобольная. Просто помешалась на мании величия. Отправьте ее в психиатрическую лечебницу". Мне никто на это ничего не ответил. Только Шленов на меня так взглянул, что передать его взгляд, знаете, довольно мудрено, знаете. Так я говорил тогда большевикам, конечно, нарочно: из психиатрической ведь лечебницы она легко могла спастись. Сомнения же в том, что это и была именно дочь Государя Императора Анастасия Николаевна, у меня ни малейшего не было и сейчас нет. Какая же цель, знаете, человеку ускорять свою кончину, называя себя своим именем, когда кто к ним попадет?

Я тогда основывался на словах больной, на ее мне заявлении. Лично же я никогда при жизни Анастасии Николаевны не видел: не приходилось мне ее видеть. Вообще из Августейшей семьи я видел в 1913 году Государя Императора, Государыню Императрицу и Алексея Николаевича. Из дочерей я тогда видел Татьяну Николаевну и Ольгу Николаевну. Анастасия же Николаевна имела, по-моему, сходство с Елизаветой Федоровной, которую мне приходилось видеть в Москве (в 1913 году я видел Августейшую семью в Москве).

О том, что мне пришлось оказывать помощь Анастасии Николаевне, я никому положительно тогда не сказал, кроме жены своей. Ей я сказал и запретил при этом говорить кому бы то ни было.

Пермь была освобождена от большевиков 24 декабря. Кажется, через месяц или полтора меня вызвал повесткой Военный контроль. Я отправился туда. Меня потребовал к себе помощник начальника Военного контроля Александр Федорович Кирста и стал меня расспрашивать про то, как я оказывал помощь Анастасии Николаевне. Из его расспросов я ясно видел, что он знает про то, что я оказывал помощь Анастасии Николаевне, но откуда об этом узнал Александр Федорович, я и до сих пор не понимаю. Его же об этом я не спрашивал. Я Александру Федоровичу тогда же все рассказал. Он мне дал лист бумаги и попросил меня самому записать свое показание. Я его тогда же, т. е. в тот же день, как был вызван, и написал собственноручно.

После допроса я отправился в аптеку, в которой были изготовлены по моим рецептам лекарства. Эти рецепты были в аптеке губернского земства, где я их и получил от управляющего Корепанова. Я полагал тогда же еще, что лекарства по моим рецептам были приготовлены в аптеке бывшего губернского земства, а при большевиках в „советской" аптеке, потому что эта аптека, во-первых, была советской, а, во-вторых, она была ближайшей к чрезвычайке. Действительно, здесь я их и нашел. Они, рецепты эти, особо хранились у Корепанова, и вот почему именно: я тогда же, когда эти рецепты писал, думал, как же мне поступить? На кого писать лекарства, на имя Романовой или же нет? Я об этом, насколько помню, даже спрашивал тогда большевиков и получил приказание поставить одну какую-нибудь букву. Я и поставил на рецепте букву N. В аптеке тогда же и обратили внимание на эти рецепты, поняли, что этот случай необычайный. Поэтому эти рецепты и не были занесены, например, в книгу, куда они должны бы быть занесены. Достав рецепты, я отнес их к Александру Федоровичу и вручил их ему. Он, как я помню, тогда составил об этом протокол.

Я помню, что как-то потом Александр Федорович показывал мне снимки с Анастасии Николаевны. Он мне показывал, во-первых, журнал, кажется, „Искру", где был помещен портрет Анастасии Николаевны в какой-то общей группе. За какой год был этот журнал, не помню. С кем была там изображена Анастасия Николаевна, также не знаю. Но только помню, что ни Государя, ни Государыни в этой группе не было. Затем Александр Федорович показывал мне портрет-открытку одной Анастасии Николаевны. На этой открытке она изображена en face, стоя. Никакого сомнения нет, что я оказывал помощь именно Анастасии Николаевне. Между нею и ее портретами, которые мне показывал Александр Федорович, полнейшее сходство.

Вы меня спрашиваете, почему же я сам не пошел после освобождения Перми от большевиков по своей инициативе к власти и не заявил о том, что пользовал Анастасию Николаевну, а дал показания только по вызову меня Александром Федоровичем через повестку? Я боялся повредить делу, так как не знал, полезно это будет делу или нет. Я, знаете, даже и Александру Федоровичу говорил: „Александр Федорович, можно ли здесь все говорить?" Он просил меня все говорить. Я и говорил ему то, что теперь и Вам говорю.

Больше, собственно, я ничего не знаю. А вот как-то, месяца два тому назад, иду я по Перми и вижу эту самую женщину-шпика, которая была около Анастасии Николаевны. Я тут же пошел в Контроль и говорю Александру Федоровичу: „Александр Федорович, я уверенно могу сказать, я видел эту женщину-шпика". Тут я ему рассказал все, что сейчас видел. Он мне говорит: „Да, доктор, мы знаем, что она здесь бывает. Мы знаем теперь все нити. Анастасия Николаевна попала сюда из Закамской слободы".

Комната, где я видел Анастасию Николаевну, имела, кажется, не менее 3 окон и двух дверей. Окна были большие, ширина их, приблизительно 1 1/4 аршина, высота – 3 с лишним аршина. Устройства рам не помню. Двери были двустворчатые, кажется, окрашенные в светлозеленый цвет. Комната была обита обоями бордового цвета, полы были паркетные, потолок белый, оштукатуренный.

Кушетка была длиной 3 аршина, шириной с аршин. Она была обита дерматином черного цвета, спускавшимся вершков на 6 к полу. Кушетка стояла около

стены. Она имела полукруглое изголовье. Анастасия Николаевна лежала на кушетке головой к стене, а ногами к окну. Из обстановки в этой комнате был еще, как помню, венский стул и письменный стол, длиной 1 3/4 аршина приблизительно и, соответственно, ширины, покрытый газетой. Остальных подробностей не помню.

В Пермь я попал при таких обстоятельствах. Я кончил медицинский факультет Московского университета в 1912 году. В 1913 году я работал в Самарской губернской земской больнице. Как-то в этом году со мной произошло несчастье. У меня закружилась голова, я упал и сильно зашиб себе голову. Я потерял при этом много крови и пролежал с месяц в больнице. После этого я отправился в Самарский уезд и поступил в 1914 году в земские врачи, сначала в с. Елшанку, а потом в с. Елховку. В 1915 году я перешел на службу в Уральскую область в г. Гурьев. Меня привлекли сюда лучшие условия: город, материальные условия, близость моря. Я здесь был врачом киргизского населения, состоя уже на правительственной службе. Но борьба с чумой представляла большие трудности, и я в 1916 году ушел в г. Грозный к Терским нефтепромышленникам. Там я был мобилизован и был прикомандирован к генерал-губернаторству областей Турции, занятых по праву войны. Постоянное пребывание я имел в округе Харсан. Весной 1917 года я был освобожден от службы по освидетельствовании меня комиссией. В июне месяце я прибыл в Самару, но не мог найти себе здесь квартиры. В 1915 году я женился и, когда я приехал в Самару в 1917 году, у меня был уже ребенок. Не найдя себе в Самаре квартиры, я уехал в Пермь.

Сюда я прибыл в первых числах августа месяца 1917 года и поселился на квартире по Пермской улице в доме № 136, в квартире землемера Ефимова, где я прожил до мая 1918 года. В мае я перешел в дом Крестьянского банка. В этом доме при большевиках, когда они мне оставили одну комнату, я жил всего лишь несколько дней и перешел в квартиру, освобожденную врачом Борщовым на углу Покровской и Осинской улиц. В Перми я был принят ординатором в Александровскую больницу и состоял преподавателем в фельдшерской школе, заменяя врача Мелешко, пока он не вернулся. По возвращении его я остался без места.

Из-за куска хлеба я поступил в „судебные" врачи по уезду. Тогда врачебным делом ведал „Губернский комиссариат здравоохранения", где комиссаром был Шпак. Я принужден был подать в комиссариат прошение о принятии меня на службу и был назначен судебным врачом по Пермскому уезду. Городским же врачом был врач Ложкин, который тогда заведывал и местами заключений. Когда же он был мобилизован красными, на меня возложили и заведывание местами заключений. По должности судебного врача я получал жалованья 500 рублей при 10 рублях суточных во время разъездов и, кроме того, за заведывание местами заключений я получал 450 рублей в месяц. Служить меня при большевиках заставила, конечно, как и всех в Перми, жизненная необходимость.

В настоящее время я предполагаю переехать на жительство куда-нибудь в Сибирь, как край более благоустроенный во всех отношениях.

К генералу Дитерихсу я явился с письмом от товарища прокурора Тихомирова потому, что меня не было в Перми, когда туда приезжал генерал Дитерихс для отыскания трупов Гендриковой и Шнейдер[13], и я не мог ему рассказать про то, что я пользовал Анастасию Николаевну. Нового же сообщить ему по делу, кроме того, что я сейчас показал Вам, я ничего больше не могу.

Я вижу предъявленный мне Вами фотографический снимок (свидетелю был предъявлен фотографический снимок с великой княжны Анастасии Николаевны, снятый с нее в ставке в 1916 году и полученный судебным следователем Н. А. Соколовым от генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, л. д. 168, том 4), на котором изображена какая-то девица и какой-то военный, и я затрудняюсь сказать, есть ли сходство между девицей, которая изображена на этой карточке, и той девицей или женщиной, которую пользовал я и которая себя называла дочерью Императора Анастасией.

Я вижу предъявленный мне Вами фотографический снимок с двух девиц (свидетелю был предъявлен фотографический снимок с великих княжен Ольги

и Татьяны, полученный судебным следователем Н. А. Соколовым от генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, л. д. 168, том 4) и могу сказать следующее: сходство с одной из них (свидетель указал на изображение Татьяны Николаевны) я совершенно исключаю, а вот с этой девицей (свидетель указал при этом на изображение Ольги Николаевны) есть, но та ли это девица или женщина изображена на этом снимке, которую я лечил и которая называла себя дочерью Императора, я сказать затрудняюсь.

Я вижу фотографический снимок с изображением трех девиц (свидетелю был предъявлен фотографический снимок с изображением великих княжен Ольги, Татьяны и Анастасии Николаевны) и думаю, что одна из них, именно та, которая лежит головой на земле (при этом он указал на Татьяну Николаевну), похожа на ту девицу или женщину, которую я пользовал и которая себя называла дочерью Императора Анастасией. Две же остальных не похожи на нее (при этом свидетель указал на Ольгу Николаевну и Анастасию Николаевну).

Я вижу предъявленный мне Вами фотографический снимок с изображением трех девиц (свидетелю был предъявлен фотографический снимок с изображением великих княжен Ольги, Марии и Анастасии Николаевны, имеющийся в распоряжении судебного следователя Н. А. Соколова) и думаю, что больше сходства между той девушкой, которую я пользовал, и одной из этих, вот именно с этой крайней, которая сидит на крыльце (свидетель при этом указал на Анастасию Николаевну), но утвердительно сказать, что на снимке изображена именно та, которую я пользовал, я не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Когда девушка сказала мне, что она дочь Императора Анастасия, женщина-шпик слышала это. Но она ничем себя в ответ на слова Анастасии Николаевны не проявила.

Прочитано. Я прошу Вас исправить показание только в одном отношении: Анастасия Николаевна сказала мне не так, как записано у Вас: „я дочь Императора Анастасия", а вот как: „я дочь Государя Анастасия". Вот именно эти четыре слова она и сказала.

Прочитано.

П. Уткин.
Судебный следователь Н. Соколов.

При допросе присутствовал прокурор Екатеринбургского окружного суда В. Иорданский.

212

ПРОТОКОЛ

1919 года, мая 23 дня – июня 17 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса[1], прокурора Екатеринбургского окружного суда В. О. Иорданского и других нижеподписавшихся в сем акте лиц производил осмотр пути, идущего к руднику, в районе которого были обнаружены вещи Августейшей семьи, сего рудника и окружающей его местности[2]. По осмотру найдено следующее:

Рудник, в районе которого были найдены вещи Августейшей семьи, расположен в лесной даче, бывшей до 1910 года во владении наследника графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор, а ныне принадлежащей акционерному обществу „Верх-Исетских Горных и Механических Заводов, бывших Яковлева".

Дорога, которой можно попасть из города Екатеринбурга к этому руднику, идет из города через Верх-Исетский завод на д. Коптяки, отстоящую от Екатеринбурга в 18 верст[3].

/.../

Первая дорога, идущая с Коптяковской дороги к руднику[4], пройдя чащей леса 159 шагов, выходит на небольшую лесную полянку. Как раз на самом полотне дорожки на этой полянке имеется старая, круглой формы, яма, неглубокая, препятствующая дальнейшему следованию по полотну дорожки. По обеим сторонам этой ямы идут две колеи дорожки, обходящей яму с обеих сторон. Колея обоих обхождений достаточно широкая для проезда, хотя бы и в автомобиле. Но колея, идущая от ямы в северо-восточном направлении, идет по самому гребню ямы и имеет след как бы срыва колеса экипажа или автомобиля на гребне ямы.

В яме, в расстоянии одного аршина от этого срыва и концом к нему, лежит старое сосновое бревно, длиною 6 аршин и толщиною 6 вершков. Конец его, обращенный к дну ямы, трухлявый. Он несколько расщиплен, видимо, от удара. Другой же конец бревна, обращенный к срыву, имеет следы как будто бы нажима на дерево частей автомобиля. Таких следов на конце бревна – 7, причем на дня /так!/ самого крайнего к концу бревна нажима имеется полоска беловатой массы, как будто бы напоминающей своим видом тонкий слой резины, расплавившейся на дереве под действием лучей солнца.

В расстоянии 10 шагов от этой ямы лежат на лужайке два других сосновых бревна, а рядом с ними усматривается в земле некоторое вдавление и примятость старой прошлогодней травы по длине и форме этого лежащего в яме бревна[5].

Впечатление, получаемое от осмотра этой местности, то, что здесь проходил какой-то экипаж на широком ходу. Его колесо слегка сорвалось по гребню ямы, и экипаж поднимался при помощи бревна, лежащего в 10 шагах от места срыва. Обращают на себя внимание еще два молодых сосновых деревца: они находятся как раз против срыва и в непосредственной близости к одной колее этого следа, обходящего яму, ближайшей к лесу. Оба эти деревца, как явственно видно, подрублены выше корня топором и повалены в сторону от колеи по направлению к лесу, видимо, для того, чтобы экипаж шел дальше, не задевая за эти деревца. /.../[6]

В расстоянии трех шагов от этой ямы имеется старое кострище, круглой формы, в диаметре 1 1/4 аршин. Около него молодая, тонкая, сломленная сосенка. Костер этот обращает на себя внимание в сравнении со всеми другими, встречавшимися при осмотре ранее, в том отношении, что в кострище имеются обуглившиеся деревянные части, мало напоминающие действия на них огня. Ткань некоторых из сосновых частей дерева, нося изменение от ожогов, цела. Создается впечатление, что как будто бы здесь, в этом кострище, части дерева подвергались действию не огня, а каких-либо кислот. В непосредственной близости с кострищем лес несколько отодвинулся в сторону и образовал небольшую лесную полянку в несколько шагов, как бы открывая возможность бросить сюда из костра некоторые предметы. При обследовании этой полянки, под прошлогодней упавшей травой, найдено 5 сосновых палочек, имеющих совершенно такие же ожоги, как и встречающиеся сосновые части в самом кострище[7].

В дальнейшем продолжении дорожки, в восточном от нее направлении, идет от самой дорожки небольшая лесная полянка. На ней у опушки леса стоит старый сосновый пень, единственный в данном месте и весьма удобный для сидения. Он отстоит от дороги в 8 шагах.

В дальнейшем следовании дорожка выходит через 53 шага на небольшую, довольно лесную поляну. На этой поляне, к востоку от дорожки, явственно видны остатки бывшего здесь некогда жилья для рабочих во время разработки рудника. В северном направлении площадки уцелели и остатки бани.

Почти против места нахождения бывшего барака в западном направлении находится та самая шахта, которая описывается судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным в акте его от 17–30 июля 1918 года (л. д. 5, том 1-й). Дорожка идет далее этой шахты, проходит к Ганиной яме, идет за нее в северо-западном направлении и теряется в лугах, окружающих Ганину яму в северо-восточном, северном и северо-западном направлениях.

Три свертки с Коптяковской дороги (вторая, третья и четвертая от Четырех Братьев) почти тут же свертываются в одну и снова разделяются на две, причем одна идет к Ганиной яме и выходит на самую первую от Четырех Братьев свертку у Ганиной ямы, пройдя от Коптяковской дороги расстояние в 140 шагов до Ганиной ямы. Другая выходит на ту же первую свертку против как раз шахты, идет мимо нее и теряется далее в лесу в северо-западном направлении. На этой дорожке имеется старая береза, находящаяся от шахты в расстоянии 26 шагов.

Пятая свертка к руднику от Коптяковской дороги идет в юго-западном направлении, проходит мимо Ганиной ямы, пересекает ту дорожку, вблизи которой растет старая береза, и выходит на дорожку, идущую к плотинке.

Шахта, описанная судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным в акте его от 17–30 июля 1918 года (л. д. 5, том 1-й)[8], представляет собой идущее под землею в перпендикулярной плоскости к поверхности земли углубление. Стенки этого углубления ровные. Они выложены срубом из круглых бревешек, толщиною 3–4 вершка, и, кроме того, самое углубление перегорожено внутренней стенкой из таких же бревешек, идущей также в перпендикулярной плоскости к поверхности земли, на два отделения. Таким образом шахта представляет собой два глубоких колодца с деревянными срубами, имеющие одну общую стенку из таких же бревешек, как и три остальные стенки у каждого колодца, причем каждый из колодцев имеет квадратную форму. Верхние бревешки сруба в обоих колодцах, видимо, положены недавно: они новые в сравнении с нижними бревешками. Кроме того, на стенках срубов лежат доски и бревна, составляющие потолок над шахтой, стоя на котором можно обозревать состояние шахты. Она также обнесена загородкой из тонких слег.

Размеры обоих колодцев различны: один больше, другой меньше. Больший, находящийся в западном направлении от общей стенки колодца, имеет в квадрате 1 метр 85 сантиметров, меньший, находящийся в восточном направлении от общей стенки, имеет в квадрате 1 метр 23 сантиметра.

Как можно заключить из общего осмотра этой шахты, больший колодец, видимо, служил для спуска людей в шахту и для добывания руды: в боковые его стенки вбиты железные скобы, расположенные одна под другой для спуска в колодец, внизу видна деревянная полка, на которую может вставать человек, спустившийся до известной глубины. Малый же колодец служил, видимо, для постановки в нем машин при откачивании воды из шахты во время работ на ней. Уровень воды в обоих колодцах стоит от поверхности земли на 2 1/2 сажени[9]. Шест, опущенный в большой колодец, идет под водой на 1 аршин[10] и упирается в слой льда. Этот слой льда пробивается без особых затруднений и шест идет дальше снова под водой на глубине 2 сажен 1 фута 9 дюймов. Дальше шест не идет в большом колодце, упираясь во что-то твердое, на ощупь трудно определимое. Опущенный в малый колодец шест идет под водой на глубине 1 аршина и упирается в толстый слой льда, которого он не пробивает. Разрушений на стенках обоих колодцов шахты не замечается никаких. Трудно определить, не откачав воду из шахты, действительно ли стенки ее подвергались действию разрыва гранат.

В непосредственной близости с шахтой, в расстоянии от нее не более одного шага, идет насыпанная глиняная площадка, расположенная от шахты в юго-восточном, восточном, северо-восточном, северном и северо-западном направлениях. Площадка эта состоит из глины, насыпанной прямо на дерн площадки. Высота ее над уровнем площадки 1 1/4 – 1 1/2 аршина. Эта площадка давнего происхождения и, видимо, была насыпана при разработке шахты. На этой глиняной площадке, в северном от шахты направлении, на самом ее почти гребне, в расстоянии от шахты 8 метров 54 сантиметра и находится то кострище, где был найден крестьянами деревни Коптяков Кульмский крест и другие вещи Августейшей семьи[11].

Признаки кострища заметны. Оно имеет почти круглую форму, в диаметре 1 метр. В нем имеются в весьма малом количестве угольки, происхождение коих определить затруднительно. Возможно, что и они имеют сходство с угольками

в кострище, что находится у ямы с бревном на первой свертке к руднику от Коптяковской дороги.

Тут же за откосом этой площадки почти в южном направлении имеется старая яма или шурф, покрытая травой, на дне которой валяются трубы от насосов, при помощи которых, видимо, выкачивалась вода из шахты.

Описанная выше старая береза, мимо которой идет по руднику дорожка с Коптяковских сверток, и есть та береза, где была надпись Фесенко. Зарубка, на которой была сделана эта надпись, сохранилась. Надпись же стерта. На этой дорожке, в расстоянии 29 шагов от костра, на глиняной площадке около шахты находится другой костер, где был найден большой бриллиантовый камень Государыни Императрицы и другие вещи[12]. Признаки этого кострища сохранились, и границы его определяются довольно ясно. Это кострище больше того, что находится на глиняной площадке у шахты. Оно круглой формы, занимает площадь, выходящую за колеи дороги, и имеет в диаметре 3 метра. В нем не найдено угольков. Имеются лишь в составе почвы мелкие предметы, как бы напоминающие угольки.

Общее состояние рудника в местности, где находится описанная выше открытая шахта, представляется в таком виде.

Одна группа разработок идет в северо-западном направлении от описанной шахты по направлению к Ганиной яме и кончается у этой ямы. Трудно определить без производства раскопок, что представляют собой эти разработки: поверхностные ли щупы, изыскания руды, или шурфы, или старые, обвалившиеся естественно или заваленные искусственно, обложенные дерном и покрытые (некоторые) хворостом шахты. В этом направлении таких разработок насчитывается около 21.

Другая группа разработок находится по другую сторону дорожки от шахты, каковая дорожка идет первой от Четырех Братьев с Коптяковской дороги. Эти разработки идут от шахты в северном, северо-восточном, восточном, юго-восточном направлениях и представляются в таком же виде, как и разработки первого рода. Их насчитывается, приблизительно, около 33.

Третью группу разработок представляет разработка описанной открытой шахты и других, идущих за ней. Разработка этой шахты идет на юг и проходит под землей. Потолок разработки имеет обвалы. Их можно насчитать три. Первый в 15 шагах от шахты, второй – в 20 шагах и третий – в 35 шагах.

На расстоянии 69 шагов от шахты по дну разработки идет площадка, имеющая в длину 16 и в ширину 14 шагов. Она очень мало покрыта травой и рыхла. В нее значительно уходит на значительную глубину шест. Как будто бы в этом месте насыпана над чем-то глина.

Можно предположить, что здесь кончается разработка описанной открытой шахты и дальше идет разработка уже другой шахты, причем эта последняя разработка идет навстречу разработке от описанной открытой шахты. Бросается в глаза левый берег этой второй (новой) разработки. Он значительно осыпан на протяжении 61 шага, и его обвалы не покрыты травой.

Вторая разработка кончается у старой обвалившейся или обваленной шахты, от которой валяются и видны некоторые деревянные части ее сооружения.

В расстоянии 3 шагов от этой обвалившейся или обваленной шахты имеется, в восточном ее направлении, другая, имеющая такой же вид. Обе эти шахты очень близко расположены к дороге, где имеется яма с бревном. Одна из них отстоит в расстоянии 5, другая в расстоянии 8 шагов от этой дорожки.

Далее, в южном направлении идет множество других разработок, занимающих к югу протяжение не менее 250 шагов.

При осмотре описанной местности таковая, по возможности, тщательно исследовалась. При исследовании ее были найдены следующие предметы, обратившие на себя внимание[13]:

а. При исследовании местности в районе Красной казармы были найдены на поляне прибитыми к земле: 1) пара мужских замшевых перчаток и 2) бумажная подкладка для картуза, свернутая в полоску из газеты, каковые предметы были найдены *23 мая*.

б. При исследовании кострищ, находящихся вблизи тропы, идущей от дороги „на плотинку" к березовой стланке, в самых кострищах ничего не найдено. Вблизи же первого из сих костров, *23 мая* найдено: 1) Вблизи самого костра длинная железная пластинка, представляющая собой или тонкий обруч от бочки, или же железную обшивку от деревянного ящика, 2) также вблизи самого костра замятый в землю осколок от разбитой чашки или тарелочки, 3) также вблизи самого костра верхняя половинка бумажной коробочки от зубного порошка, 4) в расстоянии 5 шагов от кострища в юго-западном направлении дамский шнуровой ботинок, лежавший каблуком вверх и несколько слившийся с поверхностью земли, 5) в том же расстоянии от костра тонкий, длинный кусок какой-то материи, видимо, от женского костюма, 6) в расстоянии 25–40 шагов от кострища, ближе к лесу, под прошлогодними листьями и травой, 4 обрывка советских газет.

Из этого кострища взята средняя проба земли для исследования ее.

в. При исследовании кострища около ямы с бревном *23 мая* было найдено: 1) Около самого кострища небольшая железная пластинка, 2) в расстоянии от кострища 4 шагов вдоль дорожки толстый обрывок веревки, 3) вблизи кострища 5 сосновых палочек, как уже указано выше, 4) в самом кострище несколько кусочков слоев сосновых палочек, напоминающих по цвету слои на пяти указанных палочках.

Из этого кострища взята также средняя проба земли для исследования ее. От бревна у ямы был отрезан один конец со следами нажимов на нем и полоской на одном из них.

г. При исследовании полянки с пнем *24 мая* было найдено: 1) Под прошлогодними листьями и травой в двух местах вблизи пня несколько скомканных листиков из какой-то медицинской книжки и один листик из книжки или газеты, 2) под такими же листьями и травой 12 обрывков советских газет, 3) вблизи пня под такими же листьями и травой два обрывка газеты на немецком языке, 4) также вблизи пня под такими же листьями и травой большевитская переписка, писанная карандашом, 5) вблизи пня под листьями и травой яичная скорлупа.

д. При исследовании полянки вблизи открытой шахты найдены примятыми к земле: 1) На дорожке через полянку у шахты (первая свертка от Четырех Братьев, идущая к руднику), между полянкой с пнем, где имели место все нахождения вещей, поименованная в предыдущем пункте, и самой полянкой, где находится открытая шахта, *24 мая,* кусочек белой материи, видимо, от мужского или женского белья, клочок материи защитного цвета с привязанной к нему тесемочкой серого цвета. На самой полянке вблизи глиняной площадки у открытой шахты, *25 мая:* 2) обрывок советской газеты, 3) оболочка от четвертка табака фирмы Шапошникова с советской этикеткой, 4) 4 осколка от чайной чашки, 6 осколков от чайного блюдца, 2 полуразбитых чайных стакана и осколки третьего стакана.

е. При исследовании места вокруг костра, находящегося на глиняной площадке, найдены *25 мая:* 1) в северо-западном направлении от кострища по склону старого шурфа или ямы три кусочка обгорелого сукна или войлока от обуви и одна кость от дамского корсета, 2) на глиняной площадке затоптанными в верхние слои глины кусочки какой-то одежды, сплошь покрытые глиной, так что ни цвета, ни качества их видеть нельзя. *26 мая:* 3) на склоне того же шурфа или ямы свыше 30 кусочков какого-то обгорелого предмета с кусочками сохранившейся местами материи и гвоздиками, 4) на склоне того же шурфа или ямы пять обгорелых костей дамского корсета и одна тонкая железная проволочка в виде ленты, также обгорелая, 5) на глиняной площадке вблизи костра винтовочный патрон, 6) там же осколки от зеленого флакона, 7) там же 14 осколочков какого-то разбитого глиняного или гипсового предмета, 8) там же 4 осколка толстого стекла, 9) там же 13 обгорелых косточек млекопитающего, 10) там же один осколок аметиста.

Природу костей не представляется возможным определить без научного исследования. Все указанные предметы были найдены втоптанными в верхние на-

ружные слои на глиняной площадке или же под прошлогодними листьями и травой по склонам шурфа или ямы.

ж. При исследовании кострища у старой березы обнаружено *26 мая:* 1) несколько кусочков какой-то обгорелой материи, 2) одна металлическая обгорелая застежка, видимо, от корсетных подвязок, 3) две обгорелые пуговицы, 4) шесть кнопок, 5) одно обгорелое металлическое колечко, 6) обгорелый крючок, 7) несколько кусочков от обгоревших, видимо, корсетных планшеток и один металлический угольничек от такой планшетки.

Все найденные в этом месте предметы были обнаружены в самом кострище.

з. При исследовании глиняной площадки, на которой находится кострище, в верхних слоях глины, втоптанными в площадку, найдены следующие предметы.

25 мая: 1) один винтовочный патрон, 2) два патрона от револьвера, 3) оболочка от пули без свинца, 4) девять кусочков свинца.

26 мая: 5) пять топазных бус с двумя осколочками от них, 6) один рубин и рядом с ним два маленьких осколочка белого стекла, 7) семь осколочков, видимо, от белого хрустального флакона, 8) одна пуговица, 9) несколько кусочков, рассыпающихся при дотрагивании, видимо, свинцовой бумаги, 10) два зеленых осколка от флакона, на одном из которых уцелели остатки надписи на английском языке, указывающей, видимо, то вещество, которое было во флаконе, 11) три осколочка белого стекла.

27 мая: 12) две револьверных пули, найденные в непосредственной близости одна от другой, причем одна из них сплющена и, как будто, имеет признаки крови, 13) одна большая петля, видимо, от мужского костюма, 14) три пуговицы, 15) один маленьких гвоздик, 16) один осколок толстого стекла желтого цвета, 17) 22 осколка белого стекла и 1 весьма маленький кусочек как будто бы слюды, 18) шесть топазных бус, 19) два бриллиантовых камня, 20) тоненькая золотая цепочка, видимо, от дамского браслета, 21) 11 жемчужинок круглых, 22) две маленьких, видимо, топазных бусинки, 23) два осколка от жемчужины, 24) два осколка сапфира, 25) один осколок рубина, 26) две части какого-то золотого украшения, 27) 11 осколков изумруда, 28) один кусочек серебра или платины.

28 мая: 29) два небольших гвоздя, 30) два фестона от обуви или корсета, 31) одна петля, 32) одна пуговица, 33) часть какого-то драгоценного украшения, представляющая собой обломок зеленого серебра или платины с 4 бриллиантовыми камнями, 34) два маленьких кусочка белого стекла, 35) два кусочка эмали, 36) один кусочек, видимо, слюды.

1 июня: 37) два осколочка какой-то кости млекопитающего, сильно обгорелые, 38) одна круглая малая жемчужина, 39) один маленький обрывок тоненькой золотой цепочки, видимо, от дамского браслета, 40) один обломок какого-то золотого украшения, 41) один маленький, квадратной формы, обгорелый кусочек, видимо, серебра или другого белого металла, 42) два обгорелых кусочка черно-фиолетового цвета, трудно определимые без специального исследования, 43) один металлический крючок, 44) одна металлическая петелька, 45) семь осколочков белого стекла, 46) шесть осколочков зеленого цвета, видимо, от флакона, 47) один осколочек темно-желтого цвета, видимо, от флакона, 48) два обгорелых кусочка какой-то кости млекопитающего, 49) в той же площадке, но в другом месте ее, 13 кусочков каких-то костей млекопитающего, видимо, обгорелые, 50) одна обгорелая пуговица от дамского пальто, 51) свыше 10 каких-то обгорелых предметов, видимо, или обуви, или же другого какого-либо предмета от костюма, 52) три кусочка материи темно-зеленого цвета, 53) один небольшой гвоздик, 54) один кусочек стекла зеленого цвета, видимо, от флакона и 55) одна пуговица.

и. *1 июня* в кострище около старой березы были еще найдены следующие предметы: 1) одна обгорелая петля и 2) маленькая кнопочка, видимо, от обуви.

к. При обследовании верхних видимых частей шахты открытой на крепи ее, *26 мая,* найдены 15 кусочков красной парафиновой свечи.

л. При обследовании ямы около открытой шахты, на дне которой лежат трубы насоса, на склоне ее *27 мая* найдены: 1) золотая оправа от пенсне, стекла которого не имеют оправы (видимо, Боткина) и 2) шнурок, видимо, от пенсне, сильно замазанный глиной.

м. При обследовании местности около самой открытой шахты (между глиняной площадкой и открытой шахтой), в непосредственной близости с шахтой, *4 июня* были найдены: 1) пять осколков желтого стекла, 2) два осколочка белого стекла, 3) один кусочек красной парафиновой свечи, 4) две части ручной гранаты.

н. При обследовании дорожек в западном направлении от рудника *5 июня,* на пересечении пятой свертки от Коптяков к руднику и дорожки на плотинку, найден обрывок советской газеты.

о. *5 июня* снова между открытой шахтой и глиняной площадкой было найдено пять осколков тонкого белого стекла.

п. *7 июня* вблизи пересечения пятой свертки с Коптяковской дороги к руднику и дорожки на плотинку в лес найден обрывок советской газеты.

р. *13 июня* вблизи Ганиной ямы найдены 2 части ручной гранаты.

с. *17 июня* в старой яме, на дне которой лежат трубы от насоса, вблизи открытой шахты, найден флакон с английскими солями, в совершенно исправном виде.

Более никаких предметов в описанном районе при наружном осмотре такового и розысках не усмотрено.

Из кострищ около открытой шахты и около старой березы, на которой была найдена надпись Фесенко, взята средняя проба земли для производства исследований.

Общий осмотр всей описанной местности дает основание признать, как наиболее вероятные при настоящем положении предварительного следствия, следующие обстоятельства:

1. Дорога от города Екатеринбурга до рудника и даже до самой открытой шахты не может встретить никаких препятствий к доставлению сюда трупов, хотя бы и в автомобиле. Автомобиль может по этой дороге в дождливое время или тогда, когда лесные ложки несколько сыроваты, вязнуть по ложбинам и должен следовать тихим ходом в некоторых местах дороги, но таковая в общем ее протяжении везде для него проходима.

2. Описанный рудник, где имеется открытая шахта, является наиболее глухим из всех имеющихся в данной местности. В сравнении с ним рудник у Красной казармы и рудник вблизи Коптяковской дороги слишком открыты, так как первый находится на открытой местности, а второй – вблизи большой Коптяковской дороги, с которой он даже видим. Описанный же рудник совершенно исключителен в этом отношении. С одной стороны, он является глухим, т. е. наиболее удаленным от железной дороги и совершенно закрытым со стороны дорог лесом, а, с другой стороны, к нему близко подходят и сам он покрыт хорошо проездными дорожками.

3. Его положение и расположение дорожек таково, что он весьма удобно может быть оцеплен заградительными кордонами: со стороны Коптяков и железной дороги по Коптяковской дороге, а со стороны сенокосных мест по тропе, где были усмотрены кострища.

4. Определить возможное местонахождение трупов Августейшей семьи, при наружном осмотре данной местности, или частей сих трупов, буде самые трупы расчленялись и уничтожались, не представляется возможным. Таких мест в данной местности слишком много и для правильного разрешения этой задачи необходимо планомерное производство работ по раскрытию старых шурфов, шахт и других мест, внушающих некоторые в сем отношении подозрения.

Волей господина Верховного Правителя, лично объявленной 3 июня сего года господином Верховным Правителем судебному следователю, производство сих

работ возложено на генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, в согласии с данными предварительного следствия[14].

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-лейтенант Дитерихс.
Прокурор Екатеринбургского окружного суда В. Иорданский.
Понятые.

При осмотре присутствовали и вышепоименованные вещи обнаруживали:

Генерал-майор Сергей Алексеевич Домонтович.
Инженер Виктор Янович Бржездзецкий, дворянин.
Поручик Павел Яковлевич Начаров.
Великобританский подданный Роберт Альфредович Вильтон.

213

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 17 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

/.../

Дмитрий Аполлонович Малиновский, 26 лет, капитан гвардии, помощник начальника Екатеринбургской учебной инструкторской школы, православный, не судился.

В составе лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады я участвовал в Европейской войне, находясь преимущественно на Юго-западном фронте. Два раза я был ранен. Ввиду развала армии после установления большевицкого режима я ушел на Дон. В Новочеркасске я встретил генерал-адъютанта Н. И. Иванова[1], с которым я был лично знаком. Он посоветовал мне, как петроградцу, ехать в Петроград и заняться вербовкой офицеров для отправки их на Дон. Пробыв на Дону дней 10, я уехал в Петроград с письмом от Иванова к некоторым его знакомым и с письмом из штаба Добровольческой армии к полковнику Хомутову, находившемуся в Петрограде и связанному с Добровольческой армией. Доставить, однако, письма полковнику Хомутову я не мог, так как он в это время был арестован. Помотавшись несколько дней без дела, я через некоторых своих знакомых вошел в организацию генерала Шульгина. Эта организация, состоявшая из офицерских элементов, имела в виду свержение власти большевиков, установление военной диктатуры и созыв Земского собора для установления образа правления в единой, великой России. Я бы сказал, что это была чисто русская организация, ориентировавшаяся на свои силы: русские. Средства она получала от местных финансовых кругов, хотя, как мне кажется, была в этом отношении связана и с посольствами: шведским и английским.

Этой организацией я был отправлен в первых числах мая месяца в г. Екатеринбург для выяснения условий, в которых находится здесь Августейшая семья, ознакомления по этому вопросу нашей организации и принятия мер к облегчению участи Августейшей семьи, вплоть до увоза ее отсюда.

Здесь я поступил на старший курс Академии Генерального штаба, находившейся тогда в Екатеринбурге[2]. Разобравшись несколько в окружающих меня людях, я сошелся ближе со следующими офицерами, бывшими в Академии: капитаном Ярцовым, капитаном Ахвердовым, капитаном Дилингсгаузеном и капитаном

Гершелманом. Я поделился с ними своей задачей. Мы решили узнать как следует те условия, в которых содержалась здесь в Ипатьевском доме Августейшая семья, а в дальнейшем действовать так, как позволят нам обстоятельства. Получали мы сведения эти, как могли. Мать капитана Ахвердова, Мария Дмитриевна, познакомилась поближе с доктором Деревенько и узнавала от него, что было можно.

Деревенько[3], допускавшийся время от времени к Августейшей семье, дал ей план квартиры верхнего этажа дома Ипатьева. Я не знаю, собственно, кто его начертил. Может быть, чертил его Деревенько, может быть, сама Ахвердова со слов Деревенько, может быть, и Дилингсгаузен. Я же его получил от последнего. Там значилось, что Государь с Государыней жили в угловой комнате, два окна которой выходят на Вознесенский проспект, а два – на Вознесенский переулок. Рядом с этой комнатой была комната княжен, отделявшаяся от комнаты Государя и Государыни только портьерой. Алексей Николаевич жил вместе с отцом и матерью. Демидова жила в угловой комнате по Вознесенскому переулку. Чемодуров, Боткин, повар и лакей все помещались в комнате с аркой. Больше этого, то есть кроме вот плана квартиры и размещения в ней Августейшей семьи, мы ничего от Деревенько не имели.

Нас интересовало, конечно, в каком душевном состоянии находится Августейшая семья. Но сведения эти были бедны. Я не знаю, почему это так выходило: Ахвердова ли не могла получить более выпуклых сведений об этом от Деревенько или же Деревенько не мог сообщить ничего ценного в этом отношении и, если не мог, то не отдаю себе отчета и теперь, почему это было так: потому ли, что Деревенько не хотел этого делать, или же потому, что не мог дать никаких ценных сведений, так как за ним за самим следили и при его беседах с лицами Августейшей семьи всегда присутствовали комиссары. Повторяю, сведения эти были какие-то бледные. Знали мы от него, вернее от Ахвердовой через него, что Августейшая семья жива.

Припоминаю, между прочим, вот что. Я помню, по сведениям Деревенько выходило, что у княжен были в комнате четыре кровати, между тем, когда я потом попал в дом Ипатьева, я не видел там, в этой комнате, никаких кроватей, не только в комнате княжен, но и в комнате Государя и Государыни. А попал я туда один из первых. Может быть, впрочем, кровати увезли большевики? Ахвердова же, получавшая сведения от Деревенько, относилась сама к нему с доверием.

Кем-то из нашей пятерки были получены еще следующие сведения о жизни Августейшей семьи. Какой-то гимназист снял однажды своим фотографическим аппаратом дом Ипатьева. Его большевики сейчас же „захлопали" и посадили в одну из комнат нижнего этажа дома Ипатьева, где жили, вероятно, красноармейцы. Сидя там, этот гимназист наблюдал такие картины. В одной из комнат нижнего этажа стояло пианино. Он был свидетелем, как красноармейцы ботали по клавишам и орали безобразные песни. Пришел сюда какой-то из начальствующих лиц. Спустя некоторое время к нему явился кто-то из охранников и с таким пренебрежением сказал, прибегая к помощи жеста, по адресу Августейшей семьи: „Просятся гулять". Таким же тоном это „начальствующее лицо" ответило ему: „Пусти на полчаса". Об этом этот гимназист (я совершенно не могу его назвать и указать, где он живет) рассказал или своим родителям, или тем лицам из старших, у которых он жил. Сведения эти дошли каким-то образом до нашей пятерки (но кто мне их передавал, я не помню).

Был случай разрыва гранаты где-то около дома Ипатьева. Деревенько передавал Ахвердовой, что это дурно отразилось на душевном состоянии Наследника.

Проходя мимо дома Ипатьева, я лично всегда получал тяжелые переживания: как тюрьма древнего характера: скверный частокол с неровными концами. Трудно было предполагать, что им хорошо живется.

Источником, через который получались нами сведения, был еще денщик Ахвердова, имени и фамилии его не знаю; впрочем, кажется, по фамилии – Котов. Он нашел знакомство с каким-то охранником и узнавал от него кое-что.

Я осведомлял нашу организацию в Петрограде посылкой телеграмм на имя капитана Фехнера (офицер моей бригады) и есаула Сводного казачьего полка Рябова. Но мне ответа ни разу прислано не было, и не было выслано ни единой копейки денег. Но что же можно было сделать без денег?

Стали мы делать, что могли. Уделяли от своих порций сахар, и я передавал его Ахвердовой. Кулич испекла моя прислуга из хорошей муки, которую мне удалось достать. Я его также передал Ахвердовой. Та должна была передать эти вещи Деревенько для доставления их Августейшей семье. Она говорила мне, что все эти вещи дошли до назначения.

Это, конечно, так сказать, мелочи. Главное же, на что рассчитывала наша пятерка, – это был предполагаемый нами увоз Августейшей семьи. Я бы сказал, что у нас было два плана, две цели. Мы должны были иметь группу таких людей, которые бы во всякую минуту на случай изгнания большевиков могли бы занять дом Ипатьева и охранять благополучие семьи. Другой план был дерзкого нападения на дом Ипатьева и увоз семьи. Обсуждая эти планы, пятерка посвятила в него /так!/ семь еще человек офицеров нашей же Академии. Это были: капитан Дурасов, капитан Семчевский, капитан Мягков, капитан Баумгартен, капитан Дубинин, ротмистр Бартенев, седьмого я забыл. Этот план держался нами в полном секрете, и я думаю, что большевикам он никоим образом известен не мог быть. Например, мадам Ахвердова об этом совершенно не знала. Однако, что бы мы ни предполагали сделать для спасения жизни Августейшей семьи, требовались деньги. Их у нас не было. На помощь местных людей нельзя было рассчитывать совершенно: все было подавлено большевицким террором. Так с этим у нас ничего и не вышло, с нашими планами, за отсутствием денег, и помощь Августейшей семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем ином не выразилась.

За два дня до взятия Екатеринбурга чехами я, в числе 37 офицеров, ушел к чехам, и на другой день, после взятия города чехами, утром я пришел в город.

/.../

Гвардии капитан Малиновский.
Судебный следователь Н. Соколов.

214

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 18 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

Дмитрий Аполлонович Малиновский, сведения о личности см. л. д. 88 том 5[4].

29 июля (по новому стилю), когда я находился в штабе гарнизона, я услышал, что откуда-то принесли какие-то ценные вещи, которые наводят на размышления относительно благополучия Августейшей семьи. Вещи эти были тогда у районного коменданта капитана Владимира Артуровича Гирша, помещавшегося тогда в том же здании, где и наш штаб[5]. Это было часов в 5 вечера. Я сейчас же отправился к коменданту. (От кого тогда я услыхал об этом, теперь положительно не могу припомнить.)

В одном свертке я видел следующие вещи: три топаза, две пряжечки с драгоценными камнями, видимо, от хороших дорогих туфель, тоненькие какие-то пружинки, которые я тогда объяснил, как обгоревшую принадлежность какого-то дамского костюма, пряжка от пояса мальчика (малого образца) с застежкой

к ней, с гербом, 6 пар передних планшеток от корсетов, много костей корсетов, пряжки от дамских подвязок, пряжки от хлястиков жилетов или брюк, разбитые стекла от пенсне и стекло, как мне показалось, от лорнета, несколько металлических пуговиц с гербами, большие пуговицы, видимо, от дамских пальто, медная пряжка от пояса, две какие-то тоненькие пластинки, американский ключ, две медные монеты, пряжки или от мужских помочей или от женских поясов, пуговицы, какие-то маленькие колечки, кнопки, крючки, какая-то часть металлическая от сумочки или портмоне, кажется, еще был патрон от револьвера и какие-то обгорелые части какого-то предмета, сцепленные одна с другой тоненькой проволокой.

Я вижу все предъявленные мне сейчас Вами предметы (предъявлены предметы, описанные в протоколе 15-16 февраля сего года, л. д. 45-49, том 2) [6]. Все их я тогда видел. Вот только не помню хорошо что-то патрона и пряжки большой, офицерского образца, от пояса (п. п. 16 и 23 того же протокола, л. д. 48 и 49 том 2).

Затем, в числе этих же вещей, был еще драгоценный крест из изумрудов и мелких бриллиантов. Это тот самый крест, фотографическое изображение которого Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение креста, описанного в пункте „г" протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об. том 2) [7]. Все вот эти вещи я тогда и видел в одном свертке в руках капитана Гирша. Все они были сильно обгоревшие.

Разговоры же были такие. Где-то за городом, верстах приблизительно в 12, в лесу, в кострах найдены крестьянами, кажется, эти вещи и там же находятся обгорелые трупы. Так именно тогда говорили.

Удалось выяснить, что вещи эти привез в город офицер Шереметевский. Кто-то послал за находившимся тогда в Екатеринбурге камердинером Государя Чемодуровым и доктором Деревенько. Как вел себя Деревенько, я что-то не помню. Я только помню, что он, кажется, опознал все-таки какие-то вещи. Чемодуров же удостоверил, что такие кресты, как тот, который был у нас в руках, носили все княжны. Он опознал пряжку малого образца, как принадлежащую к поясу Алексея Николаевича, а две пряжки с драгоценными камнями, как принадлежащие к туфлям одной из княжен. Что он говорил про остальные вещи, не помню. Возможно, что ему и не задавалось таких вопросов относительно других вещей, а спрашивали только про такие вещи, которые бросались в глаза нам, спрашивавшим об этом. Вещи все эти так и оставались у Гирша. Ко мне они не попадали. Они, как мне помнится, были сданы Гиршем, кажется, в штаб гарнизона и хранились там в несгораемом шкафу.

Я начал тогда же искать Шереметевского, искал его часа два, нашел. Шереметевский сказал мне, что все эти вещи он получил от каких-то крестьян, а крестьяне нашли их в местности около д. Коптяков, оцеплявшейся большевиками как раз в скором времени после убийства Государя, в кострах.

В тот же день я получил официальное предписание от начальника гарнизона Шериховского произвести, при участии судебных властей, расследование по поводу нахождения этих вещей. Был нами для этого приглашен в штаб гарнизона судебный следователь по важнейшим делам Наметкин. Инициатива приглашения его принадлежала мне, потому что мне его указали. Наметкин же был именно потому приглашен, что он был следователем по важнейшим делам, а разве это дело не важнейшее? Вот почему мы его и пригласили. Он нам сказал, что он не может ничего делать без предложения прокурора суда. Я начал искать тогда прокурора Кутузова, но его в городе не было. Он тогда был в Шарташе. Я стал туда посылать телефонограммы, но добиться ничего не мог.

30 июля утром нас собралась компания: я, капитан Ярцов, ротмистр Бертенев, штабс-капитан Бафталовский, капитан Политковский, штаб-ротмистр Ивановский, капитан Сумароков, ротмистр Матвеенко, Шереметевский, Чемодуров и Деревенько. Нам был подан маленький автомобиль и несколько экипажей. Всей компанией мы отправились к судебному следователю Наметкину. Он еще спал. Я попросил его разбудить. С двумя офицерами, из которых один был Сумароков, мы вошли к Наметкину. Я предложил ему ехать с нами. Он опять стал говорить, что

не может ехать с нами без предложения прокурора. Тогда я сказал ему: „Теперь вся власть в руках военных. Ваша власть гражданская еще не сорганизовалась. Начальник гарнизона требует, чтобы Вы, как следователь по важнейшим делам, отправились бы туда с нами, где найдены вещи Августейшей семьи". Он снова стал отказываться. Тогда я сказал ему, что нас здесь 12 вооруженных офицеров и мы особенно его просить не станем. Он, вероятно, мой намек понял, собрался и поехал.

Я тут помню только одно: была среди нас какая-то группа, собиравшаяся тогда прямо из города ехать, вероятно, на этом же автомобиле, на место. Я помню, что тогда были об этом разговоры. Но ездила ли она на автомобиле и кто именно ездил, я этого совершенно теперь не помню.

Я же вместе с другими поехал из города по железной дороге до станции Исеть. Высадившись на станции Исеть, мы переехали Исетское озеро на лодках, дошли до Коптяков пешком, а от Коптяков поехали к месту, куда мы стремились, на лошадях. Лошадей нам дали в Коптяках. С нами ехали какие-то коптяковские крестьяне, правившие лошадьми, и два-три крестьянина, кажется, те самые, которые нашли вещи. Ехали мы к месту из Коптяков большой дорогой, которая ведет в город Екатеринбург. К этому же месту мы поехали первой от Коптяков сверткой. Я помню, что она имела вид слегка проезженной дорожки, эта свертка. Как будто по ней раз проехали на колесах. Но особой утолоченности на ней я не видел. Выехали мы по ней как раз к Ганиной яме. Проехав еще немного от Ганиной ямы, мы остановились и пошли пешком туда, куда вели нас крестьяне.

Мы пришли к открытой шахте. Она имела два колодца, один побольше, другой поменьше. Заглянули мы в колодцы. В них виднелась вода, стоявшая от поверхности почвы приблизительно на 7-8 аршин. Мы стали прощупывать шестом воду. Я помню, что в большом колодце, приблизительно на аршин под водой, был слой льда. Тогда в этот колодец спустился капитан Бафталовский и стал исследовать колодец. Слой льда был толщиной меньше четверти[8]. Под ним снова шла вода. Шестом Бафталовский стал прощупывать лед. В одном из углов колодца во льду было отверстие величиной около аршина. Форму этого отверстия я описать не могу, так как сам его не видел. По описанию же Бафталовского, свободное пространство в слое льда занимало площадь в квадрате или в окружности около аршина. Под слоем льда снова шла вода, глубиной сажени две. Дальше шест не шел, упираясь в какое-то дно, сверх которого, как он говорил, был ил.

В малый колодец шахты никто не спускался. Вода в нем стояла на таком же уровне. Так же мы прощупывали малый колодец, и, как мне помнится, в нем под водой на таком же уровне был слой льда. Думаю я, что так было, но точно удостоверить, что лед был и в малом колодце, я не могу. Может быть, я и забыл. Вообще, я должен сказать, что мы на состояние малого колодца почему-то обратили мало внимания.

Около этой шахты был костер. Величиной он был, приблизительно, аршина полтора. Костер был круглой формы. Он произвел на меня вот какое впечатление: он был сначала разбросан, а затем засыпан землей, которую кто-то раскопал и слегка тоже разбросал. Другой костер был подальше несколько от шахты, около березы с надписью, где была дата „11 июля 1918 года" и фамилия „Фесенко".

Стали мы рыться в этих обоих кострах. Я помню, что, в присутствии капитана Политковского, одним из крестьян, приехавших с нами, в костре около березы был найден большой камень бриллиантовый, фотографическое изображение которого Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение бриллианта, описанного в пункте „в" протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об. том 2)[9]. Кроме этого бриллианта, тогда же было найдено в кострах этих и около них: один осколочек жемчуга и два осколка изумруда, много кусков обгорелой ткани от одежды, кнопки от дамских, несомненно, костюмов, обрывок кружева, также обгорелый, какие-то принадлежности корсетов (теперь не помню, какие именно), пряжки, кажется, от подтяжек мужских (не помню, сколько именно). Нахождения обгорелой дамской сумочки не помню. Хорошо помню, что один лоскут одежды, кажется, по цвету серый, пах сильно керосином.

Нахождения в глине около самой шахты осколка ручной бомбы не помню.

Кроме найденных указанных мною вещей, Бафталовский извлек из стенки большого колодца один осколок ручной гранаты. Он его выковыривал тогда чем-то из дерева и говорил, что такими осколками стенки колодца избиты. Я помню, что из большого же колодца Бафталовский тогда же вытащил кусок материи защитного цвета, видимо, от палатки. Я слышу протокол судебного следователя Наметкина об осмотре шахты (прочтен акт судебного следователя по важнейшим делам Наметкина от 14–30 июля 1919 года, л. д. 3, том 1)[10]. Он соответствует действительности, но я не представляю себе, что он называет в нем „черными блестящими обломками", и мне кажется, что он ошибается, указывая малый колодец, как место нахождения кусочка от палатки. Этот кусочек, как мне помнится, был найден в большом, а не в малом колодце шахты.

Нахождения списка с телефонными адресами советских деятелей я не помню.

Нам, военным, не пришло тогда в голову посмотреть, какой именно дорожкой сюда приезжали люди и в каком виде была эта дорожка. Я почему-то тогда полагал, что, если сюда привозили Августейших особ, то их и привозили именно той дорожкой с Коптяковской дороги, которой прибыли с Коптяков мы. А про нее я уже Вам сказал, что она имела след от колесного экипажа, но не сильно укатанный, а слегка. Больше тут мы никаких дорожек не осматривали. В частности, мы тогда совсем не видели дорожки, на средине которой была широкая яма с лежащим на дне ее бревном. Третьего костра именно около этой ямы мы тогда не видели.

Были мы тогда на месте часа три и уехали в Коптяки. У меня из осмотра осталось полное убеждение, что здесь около шахты в кострах была сожжена одежда Августейшей семьи. Вот только тогда мы не обратили как следует внимания на состояние дорог и проглядели следы на них. Я совершенно теперь не могу Вам сказать, где именно у шахты были следы экипажей, где они кончались, до какого места доезжали люди, которые были здесь. Я только помню, что местность около шахты была сильно истолчена пешими следами людей: высокая трава была сильно помята.

Уезжая с места, я полагал, что теперь начнется следствие, и Наметкин будет допрашивать свидетелей. Он там на месте у шахты что-то себе писал в книжечку. Когда же мы прибыли в Коптяки и все пошли дальше, чтобы таким же путем ехать в город, собрался уезжать и он. Я удивился этому и указал на это Ярцову, как старшему среди нас. Решено было, что останусь я сам. Со мной остались тогда Матвеенко и Сумароков. Мы решили сами производить следствие, раз судебный следователь не хочет[11].

/.../

Гвардии капитан Малиновский.
Судебный следователь Соколов.

215

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 19–22 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр предметов, обнаруженных при осмотре рудника и окружающей его местности 23 мая – 17 июня сего года[1].

Вещи, найденные в районе Красной казармы.

1. Пара мужских замшевых перчаток.

Обе перчатки серого цвета, парные. Они застегиваются на кнопки, по одной у каждой. Правая перчатка по шву указательного и большого пальцев разорвана и зашита через край довольно небрежно. Перчатки уже поношенные. На наружной стороне обеих перчаток, где они покрывают тыльную часть руки, усматриваются большие темные пятна, напоминающие несколько кровь. На обеих перчатках с на-

ружной стороны усматриваются маленькие, приставшие к перчаткам капли парафина. Часть их при осмотре и исследовании свойств этих капель была отделена и помещена в особый пакетик[2].

/.../

Вещи, найденные около кострища у тропы, отделившейся от дорожки на плотину и вышедшей к березовой стлани.

/.../

4. Длинная узкая полоска белой материи.

Ее длина 1 метр 12 сантиметров и ширина 6 миллиметров. Полоска состоит из двух одинаковой ширины (6 миллиметров) полосок, сшитых белыми нитками, и является, видимо, кромкой какого-то, скорее всего женского, платья, от которого она оторвана.

/.../

7. Женский ботинок.

Ботинок черной кожи, побелевшей местами от сырости. Он с ноги взрослой женщины. Кожа его весьма хорошая. Фасон его с удлиненным носком, на который нашит носочник, на низком каблуке. Ботинок шнуровой. У шнура уцелела лишь часть его, пропущенная в нижних гнездах к носку. Шнур представляет собой хорошую шнуровую тесьму, видимо, черного цвета, выцветшую от сырости. Гнезда для шнура имеют фестоны, края которых снаружи обложены каким-то особым веществом, вероятно, гуттаперчевой массой, на которой красиво вытеснены рубчики. Ботинок с правой ноги. Он уже сильно поношенный. На каблуке его имеются следы дополнительной набойки. Около носка с правой стороны он лопнул. Совершенно явственно видно, что ботинок был разрезан сзади во всю его заднюю стенку, вместе с подкладкой, и через это, видимо, отверстие он был снят с ноги. Подкладка ботинка из какой-то плотной хорошей материи. В трех местах на этой материи имеется фабричное клеймо – имеется затканная из ниток фабричная надпись: „якорь" и ниже „С. Петербург". Задняя стенка каблука ботинка и лицевая сторона самого задника над каблуком как будто бы имеют следы ожога.

/.../

Вещи, найденные на полянке с пнем.

14. Листики из медицинской книжки.

Этих листиков несколько. Они все слиплись и с большим трудом отделяются друг от друга. В них остатки, видимо, истлевших человеческих экскрементов, слепивших их. Листики представляют собой части какой-то медицинской книжки, из которой они и вырваны. Сверху листиков имеется заглавие „Алфавитный указатель". Из содержания записей видно, что листики вырваны, по всей вероятности, из какого-либо медицинского пособия или врачебного календаря. На одном из них сохранилась нумерация страницы – „54".

15. Листик из медицинской книжки.

Этот листик сложен в несколько частей, также слепленных между собою, видимо, истлевшими человеческими экскрементами. При разделении этих частей от листика отделились два небольших кусочка. Листик вырван из медицинской, видимо, книги, а не газеты. Его шрифт похож на шрифт предыдущих листиков, но на них он мельче и является, видимо, по сравнению с шрифтом, коим напечатан описываемый сейчас листок, петитом[3].

16. 12 обрывков советских газет.

а) Один обрывок газеты „Известия Уральского Областного Совета". Как видно из текста объявлений, этот номер был выпущен 13 июля 1918 года (по новому стилю).

/.../

17. Два обрывка газеты на немецком языке.

Газета сохранила дату „26 июня 1918 года". Весь текст обоих обрывков на немецком языке, но в той рубрике верхней части газеты, где часто помещаются начальные тексты объявлений, на русском языке написано: „Третий ин..." (дальней-

ший текст оторван, орфография при этом сохранена). Газета, несомненно, большевицкого характера, как это видно из текста отрывков. В ней отрицательное отношение к выступлению чехословаков в России и к Великой Европейской войне. Первое явление трактуется, как служение чехословаков союзникам. Второе – как бойня в интересах капитала. Первая верхняя строка газеты, видимо, обычный лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь", от которого сохранилась только часть первого слова на немецком языке.

18. Яичная скорлупа.

Скорлупа в виде нескольких десятков мелких ее кусочков[4].

19. Два обрывка записки, писанной карандашом.

Записка эта сильно запачкана грязью и разорвана на две части. Весьма трудно установить точно смысл написанного. Однако можно понять, что в записке говорится о приказе комиссара Анучина комиссару Мрачковскому за № 7407, адресованном Мрачковскому в Уфалей, выслать в Екатеринбург Костромской полк для защиты шоссе. Общий же смысл записки следующий. Автор записки спрашивает у какого-то большевицкого комиссара указаний, как ему поступить в связи с указанным приказом.

Вещи, найденные на первой от Четырех Братьев свертке к руднику, между полянкой с пнем и полянкой у открытой шахты.

20. Кусок-обрывок белой материи.

Этот кусок имеет длину 22 и ширину 19 сантиметров. Он из какого-то бумажного материала и является обрывком нижнего белья. Видимо, он от подола, так как у него имеется нижний подрубленный рубец. Кроме того, у него имеется также продольный рубец. Оба рубца пошиты белыми нитками.

21. Кусок материи защитного цвета.

Этот кусок имеет форму равнобедренного треугольника и является обрывком какой-то материи защитного цвета. Видимо, он оторван не от одежды, а от цельной материи, не бывшей в употреблении, так как материя этого кусочка представляется новой. Местами краска этого кусочка сошла, и он представляется белым. Посередине его усматривается темноватого цвета полоска, подозрительная на кровь. К этому обрывку, у конца его, привязана узлом узкая длинная полоска, имеющая в длину 29 сантиметров и в ширину два сантиметра. Полоска из редкой пестрой материи, сотканной из черных и белых ниток. Получается впечатление, что из обрывка материи и этой полоски была связана, для какой-то цели, длинная тесемочка.

/.../

Вещи, найденные по склону старого шурфа около глиняной площадки и на этой площадке.

/.../

28. Одна железная пластинка от дамского корсета.

Ее длина 36 сантиметров и ширина 6 миллиметров. Эта пластинка имеет на одном конце металлический наконечник. Она по своим размерам и виду одинакова с теми 12 пластинками, которые описаны в пункте 8 протокола 15–16 февраля сего года (л. д. 46, том 2)[5]. Она сильно обожжена и помята.

/.../

Вещи, найденные по склону того же шурфа и на глиняной площадке.

/.../

31. Корсетные кости.

Кости железные, обгорелые. Из них две имеют в ширину 1 сантиметр 3 миллиметра и в длину одна – 35 сантиметров, другая – 29 сантиметров. Две имеют в ширину 7 миллиметров и в длину 31 1/2 сантиметра, одна в ширину 6 миллиметров и в длину 33 сантиметра.

/.../

35. Один осколок аметиста.

Камень вишневого цвета хорошего блеска. Он не имеет граней и имеет форму „кабошон". Его длина 5 миллиметров, ширина 4 миллиметра и толщина камня 3 миллиметра. Его одна сторона явственно имеет следы разрушения камня: как будто бы этот осколочек отделен от камня при помощи какого-либо режущего тяжелого предмета. Другая сторона камня, примыкающая к области разреза, носит также следы разрушения камня: верхние его слои отсутствуют или от ударов вблизи их, или же потому, что камень давился.

/.../

37. Медный ружейный патрон.

Патрон – от русской трехлинейной винтовки. Он использован и не представляет никаких особенностей.

38. 14 осколков костей.

Все кости, видимо, рублены. Они все носят ясно выраженные признаки ожогов их. Определить природу костей и самый характер ожогов не представляется возможным без научного исследования их. 14-ый осколок образовался отделением от одной из костей в момент осмотра[6].

Вещи, найденные в районе кострища у старой березы 26 мая и 1 июня.

Вещи, найденные 26 мая.

/.../

40. Одна пряжка от дамских подвязок. Эта пряжка по своему внешнему виду и размерам совершенно одинакова с пряжками, описанными в пункте 9.ж. протокола 15–16 февраля сего года (лист дела 46 об. том 2)[7]. Она сильно обгорела. В этой пряжке находится кусочек обгорелой материи /.../.

41. Одна пуговица от мужского костюма.

Она имеет в диаметре 1 1/2 сантиметра и имеет обозначение „Лидваль С.П.Б.". Пуговица эта также сильно обгорела.

42. Одна пуговица от мужского костюма.

Она имеет в диаметре 2 сантиметра и также, видимо, обгорела. Пуговица черного цвета, костяная.

/.../

45. Круглое металлическое колечко.

Колечко имеет в диаметре 1 сантиметр 1 миллиметр. Оно обгорело. Вероятно, колечко является принадлежностью корсетной шнуровки.

45.2. Маленький металлический угольничек.

Угольничек имеет в длину и в ширину 7 миллиметров. Он сильно обгорел. Угольник является, видимо, принадлежностью корсетной планшетки.

46. Кусочки металла корсетной планшетки.

Они образовались вследствие обгорания планшеток и очень легко превращаются в пыль.

/.../

Вещи, найденные на глиняной площадке.

Вещи, найденные 25 мая.

48.2. Один винтовочный патрон.

Патрон принадлежит винтовке, видимо, системы Бердана. Он использован и сильно измят. В нем находится кусочек какого-то предмета, для извлечения которого патрон был пробит гвоздем. Этот кусочек оказался комочком засохшей грязи.

49. Один патрон от револьвера.

Патрон принадлежит револьверу, видимо, системы Кольта, 45 калибра. Патрон использован.

50. Один патрон от револьвера.

Патрон принадлежит, видимо, револьверу системы Браунинг. Он использован.

51. Стальная оболочка от пули.

Оболочка пуста, в ней нет самой пули. Лишь в самом конце оболочки усматриваются остатки свинца. На самой оболочке усматриваются следы нарезов, как

результат прохождения ее по стволу ружья и какие-то пятна, природу которых не представляется возможным определить без научного исследования. Оболочка принадлежит пуле от револьвера. Она несомненно подвергалась действию огня.

52. 10 кусочков свинца.

Все они разной величины и неправильной формы. Некоторые из кусочков к концу их имеют вид застывшей капли. Совершенно ясно представляется, что кусочки эти образовались от растапливания свинца в огне.

Вещи, найденные 26 мая.

/.../

61. Одна пуля.

Пуля от револьвера системы, видимо, Нагана. Она имеет следы нарезов на ее оболочке, как результат прохождения ее по каналу ствола. Она деформирована, сильно запачкана глиной и подвергалась, видимо, слегка действию огня. Местами на оболочке ее усматриваются темновато-желтого цвета пятнышки, подозрительные на кровь.

62. Одна пуля.

Пуля от револьвера системы также, видимо, Нагана. Она также имеет следы нарезов, как результат прохождения ее по каналу ствола. Также она запачкана глиной и имеет подозрительные на кровь пятнышки.

/.../

79. Один кусочек металла.

Металл, видимо, благородный: серебро или платина. Он имеет в длину 5 миллиметров и в ширину 3 миллиметра. Кусочек – неправильной формы, края его носят совершенно явственно выраженные следы разрушения основного предмета, которому принадлежит кусочек. Видимо, этот предмет разрушался каким-то твердым и режущим предметом.

Вещи, найденные 28 мая.

/.../

84. Часть разломанного украшения.

Основа этого украшения сделана, видимо, из серебра или платины. Само украшение имеет форму запятой. Кавычку запятой составляет бриллиант, сидящий в оправе металла, имеющий в диаметре 3 миллиметра. Линию запятой составляют две пластинки металла, между которыми сидят в гнездах бриллианты. Их насчитывается три, причем один из них имеет диаметр 1 1/2 миллиметра, а два – по 1 миллиметру. Кроме того, в оправе видно гнездо бриллианта, самый же бриллиант отсутствует. Конец украшения разломан: совершенно ясно видно, что он подвергся воздействию какого-то твердого режущего предмета и разрезан этим предметом, причем удар пришелся как раз по гнезду, где сидел бриллиант. Удар раздробил и самый бриллиант (пятый в этом украшении, кроме отсутствующего в гнезде), оставив лишь самую незначительную частичку его. При сравнении этого украшения с кусочком благородного металла, описанным выше в пункте 79 сего протокола, ясно представляется, что этот кусочек принадлежит к одному украшению с описываемым предметом: тот же металл и те же углы, полученные при разрушении[8].

/.../

Вещи, найденные 1 июня.

88. 18 обломков костей.

Все они имеют следы ожогов. Не представляется возможным определить природу этих костей без научного исследования[9].

/.../

92. Один кусочек белого металла.

Он квадратной формы и имеет стороны в квадрате 9 миллиметров. Он покрыт копотью. По очищении его от копоти он оказался кусочком простой жести и является, видимо, частью гранаты.

/.../

Вещи, найденные при исследовании верхних видимых частей открытой шахты.

104. Куски красного парафина или воска.

Таких кусочков свыше 10. Но они постоянно делятся при дотрагивании на более мелкие. Кусочки – красного цвета. Они, скорее всего, являются кусочками красного воска, так как издают характерный для воска запах[10].

Вещи, найденные в яме около открытой шахты.

105. Оправа от пенсне.

Оправа полностью сохранилась, она, видимо, золотая. Оправа, как видно из ее устройства, только держала края стекол у пенсне около переносицы. Без специального исследования через экспертизу не представляется возможным ныне же определить, относится ли эта оправа к стеклам пенсне, одно из которых описывается в пункте 13 протокола 15–16 февраля сего года (лист дела 47, том 2)[11].

/.../

Вещи, найденные между открытой шахтой и глиняной площадкой.

109. Кусочки красного воска.

На них разделился при осмотре один первоначальный кусочек. Они тождественны кусочкам, описанным в пункте 104 сего протокола.

110. Два осколка от ручной гранаты.

С частями этих кусочков совершенно тождествен кусочек, описанный в пункте 92 сего протокола. Они также покрыты копотью.

/.../

Вещи, найденные вблизи Ганиной ямы.

114. Две части гранаты.

Определение вида гранаты по этим частям не представляется возможным сделать без производства экспертизы. Обе части являются частями использованной гранаты, то есть разорвавшейся.

Вещи, найденные в старой яме около открытой шахты.

115. Флакон с солями.

Флакон маленький. Он имеет длину вместе с пробкой 7 сантиметров. Он совершенно сохранился и нигде не имеет никаких повреждений. Пробка его очень крепко сидит в флаконе и не извлекается. В нем находятся соли. При сличении стекла этого флакона с осколками белого стекла с желтоватым оттенком, описанными в пунктах 53, 55, 56, 67 – во второй части этого пункта /.../, между ними наблюдается большое сходство[12].

/.../ Судебный следователь Н. Соколов.

Понятые.

216

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 25 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 324–335 ст. ст. уст. угол. суд., через врача Николая Яковлевича Бардукова, имеющего также и диплом ветеринара, производил наружный осмотр собаки, труп коей извлечен сего числа из малого колодца шахты[1]. По наружному осмотру найдено следующее:

Труп принадлежит собаке самке. Собака принадлежит к одному из типов комнатных малых собачек. Шерсть – длинная, достигающая местами полтора дюйма, на верхних частях трупа черная с рыжеватым местами оттенком, а на ногах переходящая в рыжеватый оттенок, более ясно определимый. Хвост покрыт длин-

ными волосами, его длина 6 дюймов. Длина туловища от корня хвоста до шеи 12 дюймов. Высота собачки 9 дюймов (ширина туловища 4 дюйма и высота ног 5 дюймов). Длина шеи 3 дюйма. Голова маленькая: около 2 дюймов длиной[2]. Кожа на голове отсутствует. Глаза – громадные, по сравнению с общей величиной собаки. Костяк головы представляет собой как бы полушарие. Глаза наполовину вытекли. Правая лобная кость разрушена. Швы черепной коробки разошлись, и из них вытекает мозговая масса, довольно плотная. Вся кожа мадерирована. Шерсть легко сползает. Рот закрыт. Челюсти целы. Верхний зуб с правой стороны цел, с левой отсутствует. Сохранившийся верхний зуб и два нижних типично выдались вперед. Язык довольно плотно выставляется свешанным на один дюйм вправо, крепко зажатый между челюстями. Три лапы целы. Правая передняя лапа обнажена от мышц и костей до локтя, причем запястье и фаланги отсутствуют. Нижний конец предплечья цел. Никаких иных повреждений при наружном осмотре трупа собаки не усматривается[3].

Ввиду отсутствия нужных инструментов и необходимости предъявления трупа собаки свидетелям вскрытие внутренних органов не производилось.

Судебный следователь Н. Соколов.
Врач Н. Бардуков.
Понятые.

Мнение:

Оставляя вопрос о причине смерти собаки открытым впредь до вскрытия ее трупа, я нахожу возможным ныне же признать, что эта собака принадлежит к породе собак „кинг-чарльз" (английская порода) или же к одной из японских комнатных пород, о чем свидетельствует как ее общий вид, так и, в особенности, строение ее головы, слишком типичное для этих пород. Ей около двух лет.

Врач Н. Бардуков.

217

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 27 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Сидней Иванович Гиббс, 40 лет, подданный Великобритании, в настоящее время состою секретарем Английской дипломатической миссии[4].

У Анастасии Николаевны была маленькая собачка какой-то японской породы. Это была очень маленькая собачка с длинной шерстью. Окрас ее был черно-рыжий. Черная шерсть была у нее на верхних частях ее тела, рыжеватая шерсть – на нижних частях. Хвостик ее был длинный и имел длинную шерсть. Ушки у нее были длинные. Ее отличительные приметы были вот какие: у нее были большие круглые глаза, зубы ее были обнажены и постоянно виднелись, язык у нее был длинный и висел изо рта, не помню, на какую сторону. Пола ее я не помню. Кличка ее была „Джемми". Таких собачек, очень маленьких, часто носят на руках.

Принадлежала она Анастасии Николаевне, любили эту собачку все они, а в особенности Императрица.

Я сегодня видел собачку у шахты. Я утверждаю, что эта собачка, которую я видел у шахты, и есть Джемми. Я обратил внимание и на ее шерсть, и на форму глазных впадин, и на зубы ее. Это, безусловно, она[5].

Показание мое мне прочитано.

С. И. Гиббс.
Судебный следователь Н. Соколов.

218

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 27 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 324–335 ст. ст. уст. угол. суд., через врача Николая Яковлевича Бардукова, имеющего также и диплом ветеринара, производил внутренний осмотр трупа собаки, извлеченной из шахты 25 сего июня.

По осмотру найдено следующее:

Грудная полость.

Плевральные мешки пусты. Легкие, спаявшиеся, синеватого цвета от разложения; при разрезе воздуха не выходит. Плевра отделяется легко. Сердце нормальной величины и плотности. Желудочки пусты. Епикардий снимается легко . В сердечной сорочке жидкости нет.

Брюшная полость.

Брызжейка пропитана толстым слоем жира. Желудочек и кишки ненормального ничего не представляют, умеренно наполнены кашицеобразной пищевой массой. Печень и селезенка нормальны как по размерам, так и в разрезе. Почки и мочевой пузырь нормальны. Общая степень разложения всех внутренних органов незначительна.

Черепная область.

Отсутствует вся правая лобная кость. В области же затылочной и височной костей с той же стороны как снаружи, так и на твердой мозговой оболочке большой кровоподтек розовато-красного цвета, причем снаружи этот кровоподтек под кожей идет до половины шеи. Черепная полость пуста.

Судебный следователь Н. Соколов.
Врач Н. Бардуков.
Понятые.

Мнение:

Ввиду данных наружного и внутреннего осмотра трупа собаки я полагаю, что смерть ее последовала от травматического повреждения ее головы и черепного мозга. Принимая во внимание место ее нахождения и данные осмотра и вскрытия, полагаю, что смерть ее последовала около года тому назад[6].

Врач Н. Бардуков.

219

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

Михаил Дмитриевич Алферов – сведения о личности см. л. д. 11, том 1[1].

После Петрова дня[2] через несколько дней все это было. Какого числа и в какой день это было, я не помню, а только после Петрова дня вскоре, всего через несколько дней. Собирался я на покос идти. И другие собирались. По этому случаю весь народ рано встал. Я был на улице и услыхал от кого-то, что Настасья Зыкова с сыном и со снохой в город ездила, и ее туда не пропустили, что по нашей Коптяковской дороге от города „войско" идет[3]. Вот так именно тогда и сказывали. Не знаю, как другие, а я тогда думал, что красные, должно быть, из Екатеринбурга уходят и идут по Коптяковской дороге: мы все-таки слыхали в ту пору, что чехи приближаются к городу. Ну, мы пождали-пождали несколько, никого не идет и никого не слыхать.

Трое из наших ребят – Петр Зубрицкий, Николай Швейкин и Николай Папин – пошли узнать, что там такое происходит на Коптяковской нашей дороге[4]. А за ними еще потом поехал Андрей Шереметевский[5]. Он ездил верхом и вернулся раньше наших мужиков. Он нам и сказал, что ничего такого не происходит, а не пропускают потому по дороге, что хотят бомбы у рудника метать, практику делают красноармейцы.

Ну, я поверил и пошел себе на работу косить. Не на память мне теперь, были ли в то утро разрывы гранат слышны от рудника. Может быть, и были разрывы, а может быть, и не было их слышно. Мой покос далеко от рудника, совсем в другую сторону за озером. И я не слыхал в этот день никаких разрывов от гранат.

Три дня, по-моему, не было пропуска по Коптяковской дороге от нас. Так же было и от полотна железной дороги. Кого не пропускали в это время от Коптяков – не знаю. А со стороны железной дороги не пропустили нашего коптяковского Михаила Васильева Бабинова. Он до этого еще времени, до оцепления уехал из Коптяков в город и, когда ехал назад, его около переезда не пропустили. Он тогда три дня и ждал. Об этом я тоже от народа слыхал, а не от него самого, но это так и было, как я сказал. Это все у нас знали.

Когда стал пропуск и наши стали ездить в город, народ сказывал, что почему-то появилась дорожка к руднику. Там у нас сверток несколько. Все они глухие, и езды по ним никакой у нас не бывает. Разве только на покосы когда проезжают. А тут сказывали, что к руднику прямо проложили дорожку. Сказывали именно про ту дорожку, которая первая от Четырех Братьев идет к руднику. Только вот про нее и говорили[6].

После этого в субботу я поехал с женой Анной в город. В какую это было субботу после Петрова дня, первую или вторую, теперь не упомню.[7] В городе я встретился с Николаем Папиным. Он там был с сестрой Пелагеей, а была ли с ним его жена Александра, не помню. В этот же день мы все вместе и поехали домой. Когда я еще в город ехал, я на эту первую от Четырех Братьев свертку посмотрел. Была эта дорожка раньше как есть глухая, совсем пропащая дорожка. Можно сказать, про нее и забыли. А тут гляжу, действительно, дорога прямо огромадная, как и Коптяковская, черная, наезжанная, трава на ней прямо вся была положена. Ну, а были ли на ней следы от автомобиля, сказать не берусь. Не было тогда у меня такого намерения, чтобы посмотреть такие следы.

Едем мы все из города. И надумали мы с Николаем сходить к руднику и посмотреть, для чего же эту дорожку проложили. Пошли мы втроем: я, Николай и его сестра Пелагея. И вот она какая, скажу я тебе, была. Это уж поверь, так было, как я скажу. След был прямо здоровенный, накатанный. Колея была совсем основательная. Она была от колес. А вот только не в разум тогда было, проходил тут автомобиль, аль нет. Прямо не обратил я тогда на это никакого внимания. Я хорошо помню, что на этой дорожке была яма широкая. Хорошо помню я, что след от колес так и шел мимо этой ямы с правой стороны, как мы шли от Четырех Братьев. А с левой стороны от этой ямы шли конные следы лошадей. Также вот тогда не заметил я, был ли срыв к яме от колеи, которая шла с правой стороны от ямы, и

было ли на дне ямы бревно. Бревно, впрочем, кажется, было. Кажется, равно как было. Да и должно быть ему тут от большевиков. Кто же его станет носить сюда? Кому это нужно? А только мы на него не поглядели. Не знали мы, что надо бы его смотреть.

Дальше дорожка так и шла. Шла она до самой открытой шахты. Здесь она кончалась и дальше этого места никакого следа от колес не было. Тогда высокая трава стояла. Хорошо было следы разглядывать. Я и говорю, что только до этой открытой шахты шли колесные следы, и никуда больше они не шли. От шахты были следы, проторенные к огнищу у старой березы. Может быть, также и к Ганиной яме был следок, но если и был, то никак не колесный, а пеший. А больше я думаю, что если они и ходили к Ганиной яме, то от старой березы проторенной тропкой. Потому я так думаю, что трава у Ганиной ямы была высокая. Дальше огнища у старой березы мы не ходили, и я не могу объяснить, был след дальше, на дорожку к плотинке, или не был.

Ну, смотрим мы, – шахта. Заглянули мы в большой колодец – вода. Над ней было аршина 3–4, а потом вода. Видать было веревку на палках. Палок много тогда было набросано в этот колодец. Она и держалась на палках.

Около шахты (в малый колодец мы что-то тогда не поглядели) была земля набросана. Видать было, что с одного места глиняного бугорка земля взята и набросана на другое место. Мы подумали, что тут не оружие ли зарыто, и ушли.

Выходили мы одной из прямых дорожек, которые от шахты выходили на Коптяковскую дорогу. Тут мы никаких колесных знаков не видали. Никакой тут укатанности не было. Совсем не так тут было, как на первой свертке, по которой мы пришли. Ну, мы сели на наших лошадей и поехали в Коптяки.

На другой день собралось нас восемь человек: я, Николай Папин, Яков, Павел и Гавриил Алферовы, Николай и Александр Логуновы и Михаил Бабинов[8]. Поехали мы на шахту на лошадях. Ехали мы первой от Коптяков дорожкой, которая ведет к Ганиной яме. Лошадей мы оставили у Ганиной ямы, а сами пошли к шахте пешком. Около Ганиной ямы – покос верх-исетского Болотова. Тут, в шалаше, два человека работало. Одного я знаю. Это верх-исетский Кромцов. С ним еще другой был, мне неизвестный. Эти люди сюда пришли уже после большевиков и, видать, ничего не видали и к шахте не ходили.

Ну, мы пришли все к шахте. Покопали мы маленько насыпанный бугорок. Ничего нет. Тогда мы спустили Бабинова в большой колодец. Воды в нем оказалось четвертей шесть, а под ней толстый слой льда. Попробовал Бабинов маленько шестом. Лед был пробит в одном углу на небольшое пространство, не видать хорошо было, на какое. Как далеко подо льдом вода стояла, – не знаю. Мы тогда не измеряли. Малый колодец мы совсем тогда не глядели. Вытащили мы из большого колодца обрывок веревки с аршин длиной и в палец толщиной. Веревка была новая. Видать, что это была упаковка от ящика. Потом еще там оказалась саперная лопата большая, „возимая".

Стали мы опять копать в бугорке и докопались до костра. Как докопались мы до кострища, так оказались кости корсетные. Я знаю, что это именно у корсетов такие кости бывают. Стали находить и другие разные вещи: пуговицы, кнопки. Стали смотреть другой костер у березы. Там тоже стали находить разные пуговицы, крючки, пряжки. Нашли мы пуговицы с гербами, стекла. Видим мы, тут дело не простое. Видать, что прямо одежу тут сожигали с людей не простых. А как нашли мы крест из каменьев, ну тут мы все и поняли, что Государя тут жгли[9]. Собрали мы все вещи, какие нашли, и тут же ушли.

Вещи, которые мы тогда обнаружили, вот и есть те самые, которые я сейчас вижу (свидетелю были предъявлены вещи, описанные в протоколе 15–16 февраля сего года, л. д. 45–49, том 2), и крест был тот самый, снимок которого Вы мне показываете (предъявлен фотографический снимок креста, описанного в пункте „г" протокола 10 того же февраля, л. д. 13 об., том 2)[10].

Про костры я вот что могу сказать. Костер, который был близко от шахты, был большой, продолговатый, в длину аршина полтора, а в ширину с аршин. В нем

много было красноты от глины, потому что был он разведен на глине. Золы в нем было совсем немного и угольков было немного. Вещи все были все-таки в самом кострище под землей, набросанной на самое кострище. А крест был несколько в стороне от кострища, но только почти у самой грани его. Он несколько закатился в ямку и, видать, поэтому его огнем-то и не захватило. Колышков около этого кострища никаких вбито не было. Другой костер, который был у старой березы, был немногим поменьше. Он засыпан не был, и вещи, которые мы находили, так в нем и были. В этом кострище тоже колышков не было.

Вот забыл я еще сказать, что в этот же раз мы нашли носилки. Носилками мы называем в нашей местности две палки, на которых мы носим сено. Мы для этого срубаем тоненькие слежки, затесываем у них концы, чтобы рукам удобнее было держать их, и носим на них сено. Вот две таких носилки сосновых, толщиной в вершок, а у /конца?/ и побольше несколько, длиною аршина три, мы и нашли. Они были брошены в траву за шахтой по разрезу, шагов на 6–8. Я и сосенку эту нашел, от которой одна носилка была срезана. Около нее и стружки валялись. Видать было, что здесь ее срезали от сосенки и здесь же затесывали[11]. Крови на них не видно было. Их, кажется, потом взял чиновник седенький (Алексеев).

Все вещи, какие мы нашли, в этот же самый день отобрал у меня Шереметевский. Он тогда все переписал, что у меня взял, а мне выдал расписку за своей подписью[12].

Потом тут вскоре приехала из города какая-то военная „комиссия". Она приезжала к нам со станции Исети на лодках, а на рудник мы ее возили на лошадях. Возил тогда я, Степан Иванов Бабинов и маленькие ребятишки. Опять тут мы выезжали к руднику дорожкой, которая ведет к Ганиной яме от Коптяков. Ну, тут они лазили в большой колодец и рылись в кострах. В костре у старой березы тогда Степан Бабинов нашел камень белый, который Вы мне сейчас на снимке и показываете (предъявлен фотографический снимок бриллианта, описанного в пункте „в" протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2). Комиссия тут везде ходила, но только видать было, что без толку. Следы не глядели, а что было, заминали[13].

Вот в этот раз я еще один костер нашел: у той самой ямы, про которую я тебе сказывал, что ее объезжали с правой стороны. Тут ничего особого в этом кострище не оказывалось, а валялись в кострище дощечки. Ну, прямо сказать, это были дощечки от ящика. Были они не строганные и было их несколько и прямо хорошо видать было, что в этом самом кострище сожигался ящик. Я вижу вот теперь сосновые палки, которые ты мне показываешь (предъявлены сосновые палочки, описанные в пункте 11 протокола 19–22 сего июня, л. д. /.../, том 5)[14]. Нет, те дощечки были белые и не толстые.

Больше я ничего сказать не могу. Когда комиссия приезжала, я тут ходил по разрезу от открытой шахты и могу сказать, что сюда по разрезу, к югу от открытой шахты, никаких следов не было. Вот туда по дорожке, которая мимо березы идет и выходит на дорожку, что идет на березовую слань, я не ходил. А только я думаю, что ничего там и быть не может. Видал, где они работали три дня: они около этого рудника работали. Тут место глухое. Дальше провезти трупы они не могли, скажем, хоть к озеру: там людно и народ везде. Как там местность оцепишь? На озере они, большевики, были. Они приезжали из города или из Верх-Исетска на пароходе по Исети до нашего озера и ездили на лодках в д. Мурзинцы. Но это было задолго до оцепления рудника, пожалуй, за месяц.

Когда комиссия военная приезжала, меня тогда допрашивали. Расписку, которую мне выдал Шереметевский, у меня отобрал какой-то военный капитан. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Михаил Демитрев Алферов.
Судебный следователь Н. Соколов.

/.../

220

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 27 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Настасья Павлова Зыкова, 47 лет, кр-нка д. Коптяков Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православная, неграмотная, в деле чужая, не судилась[1].

После Петрова дня через несколько дней, помню хорошо, что в среду, именно в первую среду после Петрова дня, я с сыном Николаем и женой его Марией выехала в г. Екатеринбург. Сына тогда призывали в красную армию. Вот мы на призыв и ехали. Ехали мы в коробке. На козлах сын сидел, а мы со снохой на сиденье рядом. Выехали мы тогда в три часа – в четвертом[2]. Я потому время Вам указываю, что у меня в доме часы есть, и я хорошо помню, что мы тогда, в это время, выехали из дома. Проехали мы версты с четыре. Проехали мы „Большой покос", стали подниматься в горку. Не помню вот, проехали мы первую от Коптяков свертку к руднику, или к Ганиной яме, или не проехали, как нам навстречу двое верховых. Один был в матросской одежде, я его хорошо узнала. Это был верх-исетский матрос Ваганов[3]. Другой был в солдатской одежде: в солдатской шинели и в солдатской фуражке.

Верховые скоро нам навстречу ехали: впереди Ваганов, а сзади солдат. Как они только к нам подъехали, Ваганов на нас и заорал: „Заворачивайтесь назад". А сам вынул револьвер и держит у меня над головой. Лошадь мы быстро завернули круто, чуть коробок у нас не свалился. А они скачут около нас, и Ваганов орет: „Не оглядывайтесь, гребу вашу мать. Застрелю". Лошадь у нас сколько духу в ней было скакала. А они нас провожают, и Ваганов все револьвер у меня над головой держит и кричит: „Не оглядывайтесь, граждане. Гребу вашу мать". Так мы скакали до слани, за которой Большой покос. Так они нас провожали около полверсты или трех четвертей версты. А потом отстали. Мы, конечно, назад не оглядывались, как только они нам это сказали. А когда они к нам навстречу подскакали, я видала впереди, далеко от нас, какую-то темную кучу, как бы вроде кучу людей в сером. Стука колес я никакого не слыхала тогда от этой кучи. Что это такое было, я не поняла, а показалось мне, что идет войско.

Прискакали мы домой в Коптяки, рассказали народу, что видали. А что потом было, я не знаю. Только слыхала я, что днем приходили к нам какие-то солдаты за молоком из красноармейцев. Сама я их не видала. У кого они брали молоко, толком не знаю. А должны бы они брать молоко у Пелагеи Горбуновой: у них коров по многу бывает.

В этот день действительно я слыхала от того как бы вроде места, где мы с Вагановым встретились, какие-то разрывы сильные.

Другого, который был с Вагановым, я плохо заметила[4]. Помню я, что ему было на вид побольше 20 лет, молодой, смугловатый, усики маленькие, бороды не было, лицо худощавое. Чей он такой, не знаю. Я его никогда не видала. Больше я ничего не знаю.

В то время, когда все это было, о чем я сейчас говорила, было сухо, дождей не было. Больше ничего показать не могу. Показание мое мне прочитано.

Я неграмотная.

Судебный следователь Н. Соколов.

221

Г. судебному следователю по особо важным делам.

По указанию жит. дер. Коптяков Настасьи Павловой Зыковой, жители Верх-Исетского зав. Настасья Дмитриева Зыкова, 56 л., и муж ее Василий Иванов Зыков, 59 л., говорят, что летом прошлого года, днем, оба они на лошади поехали из В.-Исетского зав. в дер. Коптяки: Настасья – собирать ягоды, а Василий – косить. По дороге они красноармейцев не видели, только встретили троих коптяковских, Зубрицкого, Папина и Швейкина, которые говорили, что их деревня окружена войсками, и почему и для чего, – не знают. На следующий день утром Настасья Зыкова из Коптяков поехала было домой, но навстречу ей попали какие-то люди и сказали, что красноармейцы до вечера проезжать воспретили. Сама Зыкова красноармейцев не видела.

Сын б. садовника при доме главного начальника Павел Северьянов Полков, 13 лет, живет при отце в В.-Исетском зав. по 1-Ключевской ул., д. № 103, говорит, что в прошлом году, незадолго перед уходом большевиков из г. Екатеринбурга, днем, на красном жеребце, Зимин ездил к магазину „Русское Общество"[5]. Павел правил лошадью вместо кучера. В этом магазине Зимин получил ящик[6] и доставил во двор дома главного начальника. Кучер пробовал переставить привезенный ящик на другой экипаж, но кислотой облил себе брюки. После этого Павел ушел в свое помещение, и когда под вечер вышел во двор, тогда приехал верхом на вороном иноходце мужчина с черной бородкой. Он был в экипаже, на котором положены были завернутые лопаты, а Павел сел верхом на вороного иноходца и поехали к дому, где находился Царь. Мужчина ушел через калитку во двор, вскоре на улицу вышел военный молодой мужчина, сел верхом на вороного иноходца и уехал в сторону Вознесенской церкви. После того вышли трое мужчин, в числе их был тот, который приехал от дома главного начальника. Они сели на экипаж, где был сверток с лопатами, и уехали в сторону Главного проспекта. О выезде дворника Черных ничего не знает.

Колл. Ассес. Сретенский.

29 июня 1919 г.

222 – 223

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 3 дня, агент Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев расспрашивал по делу об убийстве б. Императора Николая II и его семьи нижепоименованных лиц, которые показали:

222

Гражданка Анастасия Прокопьева Суслопарова, живущая в г. Екатеринбурге, 1 ч. Набережная, Тимофеевская ул. дом № 10, объяснила, что летом в прошлом году с мая месяца жила на даче в дер. Коптяки, Верх-Исетской вол. в доме Федора Зворыгина.

В один день, кажется, 17-го июля нов. стил., часа в 2 утра поехала на лошади с хозяином дома Зворыгиным и еще каким-то мужчиной в г. Екатеринбург. Отъехавши версты 3 от дер. Коптяков, около Большого покоса им попал навстречу какой-то местный крестьянин названной деревни, который ехал на лошади в телеге с двумя женщинами – женой и матерью – и был, видимо, перепуган[7]. Он сообщил им, чтобы не ездить по этой дороге и что ему навстречу попали красноармейцы: едут к ним в деревню несколько телег и везут какой-то воз, причем один

красноармеец грозил застрелить из револьвера его мать. Они вернулись обратно в деревню и часов в 5 утра того же дня снова поехали по той же дороге в город. Навстречу им попал один красноармеец верхом на лошади, насколько помнит, рыжеватой масти и, не останавливая их, проехал далее на дер. Коптяки. Дорогой их никто в этот раз не остановил, и они доехали до города[8].

На другой день она возвращалась из города в дер. Коптяки с другим уже возчиком – Антипиным, имя и отчество его не знает, живущим в г. Екатеринбурге по Усольцевской ул. в своем доме, и монахиней Успенского монастыря в г. Екатеринбурге Евфимией (позолотчица). Выехали они из города часов в 5 дня и приехали к переезду через линию горнозаводской жел. дор. часов в 7 вечера. Отъехавши от будки у переезда сажен 50, они увидели стоявший в леске около дороги автомобиль-грузовик, около которого было человека 3 людей, один из коих был рыжеватый, приметы остальных не заметила. Люди эти воспретили им ехать далее и сказали, что до 11-ти часов завтрашнего дня по этой дороге проезжать нельзя, предложили им вернуться к переезду и никого не пропускать ехать по той дороге[9].

Она, Суслопарова, с кучером Антипиным и монахиней Евфимией вернулись к переезду. Кучер их Антипин уехал домой в город, а она с монахиней осталась у будки дожидаться разрешения проезда до следующего дня. Позднее, в тот же вечер, на легковом автомобиле прибыли к переезду два комиссара, личности ей неизвестные. Один из них полный, невысокого роста, с черными с проседью усами и небольшой бородой, а приметы другого она не заметила. Комиссары ушли далее от будки пешком, а двое шоферов автомобиля остались при автомобиле у будки, причем покупали они и пили у будочника молоко. Тогда же приехала к будке какая-то женщина с ребенком лет 4 и какой-то молодой мужчина с ней, блондин. Кучер у них был горбатый. Женщина эта была будто бы жена комиссара и настойчиво требовала пропустить ее проехать далее в дер. Коптяки, но в этом ей тоже было отказано, и она оставалась ночевать у будки.

Ночью она, Суслопарова, сидела около будки и на рассвете видела, что по дороге от дер. Коптяков через переезд полотна жел. дор. у будки проезжало много красноармейцев на телегах, коробках и верхами. Личностей ни одного из них она не знает.

В следующий день утром, часов в 9, был разрешен проезд[9], и она уехала с тем же кучером Антипиным в дер. Коптяки. По какому случаю не было пропуска для проезда в означенной местности по дороге на дер. Коптяки, и что делали тут красноармейцы и другие большевики, – не знает.

223

Шофер Иосиф Никитин Мельников, живущий в г. Екатеринбурге 4 ч. ул. Мельковская кв. 3, к своему показанию, данному раннее при дознании, добавил /.../[10]

/Опускается рассказ Мельникова, тождественный его первым показаниям, до момента возвращения к будке из леса отвезенных им и Ефимовым на автомобиле трех пассажиров.../

Возвратились трое мужчин обратно, когда было уже темно[11]. Усевшись в локомобиль, они велели ехать к дороге в ту сторону, где стоял грузовой автомобиль. Проехав некоторое расстояние, они заехали на лесную дорогу, фонари у них погасли, и они остановились, чтобы направить освещение, при этом понадобились им спички, спичек ни у кого из них не оказалось. В это время к ним подъехал верхом на лошади какой-то мужчина, который дал им коробку спичек, и они направили фонари у локомобиля. После чего поехали далее по дороге, и оказалось, что они едут к Верх-Исетскому заводу, а не далее от города. Возвратились в г. Екатеринбург они часа в 4 утра. Тогда пассажиры велели им съездить в гараж и взять бензину для локомобиля и снова подать его. Они съездили в гараж, взяли бензину бак.

Бензин отпускал сторож при гараже Степан Вятский, невысокого роста, лет 36–37, имел усы, бороду брил, русый, курил трубку. Жил он во дворе при гараже внизу, он же считался кладовщиком. Где он находится в настоящее время – не знает.

Локомобиль они подали к Американской гостинице. Поехали на нем те же самые пассажиры, но только не упомнит, все ли трое они поехали или двое. Направились они на локомобиле в ту же сторону, куда ездили в первый раз, и ехали той же дорогой. Переехавши у будки линию жел. дороги, они заехали в лес по лесной дороге справа, отъехали от будки с версту расстояния, остановились. Пассажиры уходили далее по дороге пешком и вернулись минут через 10–15. Затем поехали обратно в г. Екатеринбург и приехали часов в 9 утра, после чего их уволили с локомобилем совсем по домам на отдых.

Сколько человек вернулось обратно пассажиров в этот раз в город, – не упомнит. Зачем была поездка означенных мужчин в вышеуказанную местность, – не знает. По делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его семьи ему совершенно ничего не известно.

По предъявлении ему, Мельникову, фотографических карточек Юровского, Костоусова, Сахарова и Моисеевского он не признал в них тех людей, которых возил на локомобиле по дороге в дер. Коптяки. Больше ничего по делу не знает.

Агент Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

№ 57
2 июля 1919 года.

224

ПРОТОКОЛ

1919 года июля 2 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 707 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Вера Николаевна Карнаухова, 27 лет, мещанка г. Чердыни Пермской губернии, постоянное местожительство имела в г. Перми, православная, грамотная, Федору Лукоянову родная сестра, не судилась[1].

Федор Николаевич Лукоянов – мой родной брат[2]. Он был большевик. На него было возложено организовать Уральскую областную чрезвычайную следственную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и преступлениями по должности, что им и было сделано. Потом он был председателем этой комиссии. Я знаю, что эта комиссия делилась на отделы, но кто входил в ее состав, я не знаю. Я слышала фамилию Юровского, но я не знаю, какое отношение он имел к этой комиссии.

Или за несколько дней до взятия Екатеринбурга чехами, или вскоре после взятия его Федор приехал в Пермь. Еще до его приезда, когда в Екатеринбурге были большевики, я читала в газетах сообщение о „расстреле Государя". Было употреблено именно это выражение. В сообщении говорилось, что Государь расстрелян по постановлению Областного совета. Про его семью сообщалось, что она вывезена из Екатеринбурга в безопасное место. Я тогда этому сообщению поверила, но оно оставило у меня в душе чувство горечи. Какое же имеет право „Областной совет" убивать Государя? Если это было нужно, если большевики действительно были властью „народной", это мог сделать только какой-нибудь „высший совет", чтобы видно было, что действительно этого захотел и так решил его судьбу народ.

Почему же его нужно было убивать? Ведь он же и так от всего отказался и все отдал. За что же его убивать? Но я была доверчива. Я этому поверила.

Когда приехал брат Федор и я пришла в нашу родную семью (я живу при муже), я спросила его при всех: правда ли убит Государь и что сталось с семьей? Брат при всех стал рассказывать, что Государь убит, а семья была вывезена в Пермь. Я его опять стала спрашивать, как же ее увезли? Он сказал мне, что из Екатеринбурга были вывезены вещи Царской семьи под усиленной охраной и в числе вагонов, в которых были эти вещи, был один, в котором находилась семья. Заметно было, что брат не желал продолжать этого разговора и „смял" его: заговорил о другом. У меня осталось чувство некоторого недоверия к словам его, потому именно, что он уклонился от разговора. Я поняла, что он не хочет говорить при матери, что он щадит ее. Спустя некоторое время я спросила его одного, правда ли, что убит Государь и что сталось с семьею? Федор мне коротко ответил, что Государь убит, а семья жива. Но тут же он мне сказал: „Вера, мне тяжело говорить об этом". Больше говорить мы не стали. Я затрудняюсь сказать, почему именно тяжело было брату: потому ли, что расстреляна и семья, или потому, что расстрелян хоть один Государь. Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, потому что у нас дружная была семья и я могу ошибиться в оценке брата, так как я люблю его. И мне кажется, что он все равно должен был бы страдать хотя бы и от казни одного Государя. Я должна сказать, что действительно тогда многие говорили так, как говорил брат, то есть рассказывали, что на станции Пермь 2 стоит поезд, который усиленно охраняется, и что в нем Царская семья и ее вещи. Но я не знаю ни одного человека, который бы их видел. Это неправда, что они жили в самом городе. Вот Михаил Александрович жил, и это все знали.

Потом, спустя некоторое время, когда не стало этого поезда, пошли иные слухи в Перми: говорили, что вся семья убита.

В сентябре месяце Федор женился. У него на свадьбе был некто Дмитрий Михайлович Полушин. Он сын купца, родом из Красноуфимска. Он состоял при Уральской областной чрезвычайной следственной комиссии. Какую он там роль играл, я не знаю. /.../

На другой день после свадьбы, когда я пришла к своим, я застала у нас Полушина. Мы с ним сидели вдвоем. Я его спросила, правда ли, что убит Государь, что сделали с его семьей? Полушин мне ответил, что они убиты все. Я его спросила, как же это произошло? Он мне сказал, что их свели в подвал дома, или же в подвальное помещение и там „встретили залпами". Он мне сказал, что все это было на его глазах. Я отнеслась к его словам с доверием: я знала, что он состоял при Следственной комиссии. Я поверила ему, а не брату. Вы спрашиваете почему? Потому что брат, говоря про это дело, как мне казалось, щадил мать (когда говорил при матери) и меня (когда говорил со мной). /.../

Я не помню числа и месяца, пришел как-то в комитет входивший в состав Чрезвычайной следственной комиссии большевик Мясников[3], человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем-то разговаривал и до меня донеслась его фраза: „Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как и с Михаилом". Мне самой казалось более вероятным, что Михаила Александровича они тоже убили[4]. Когда Мясников говорил это про Михаила Александровича и про Государя, в то время ничего еще не было известно про убийство Государя.

Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Я слышу содержание телеграммы, которую Вы мне прочитали (прочитана телеграмма, описанная в пункте 1 протокола 23 февраля сего года, лист дела 71 об., том 3). Я могу только сказать, что Сыромолотов был комиссар финансов, а Матвеев – сын пермского присяжного поверенного, студент, был каким-то начальником или комиссаром. Что означает содержание этой телеграммы, я не знаю[5].

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Только в одном Вы ошиблись: брат говорил не про „вещи" Царской семьи, а про „ценности", которые были вывезены большевиками из Екатеринбурга. Прочитано.

Вера Николаевна Карнаухова.
Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 8 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 712 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Преосвященный Григорий, епископ Екатеринбургский и Ирбитский, живу в г. Екатеринбурге.

Приблизительно в апреле я узнал, что в Екатеринбурге в доме Ипатьева содержится Царь.

Богослужение первое совершал у них священник о. Анатолий Меледин, а затем о. Иоанн Сторожев[6]. Я приказал о. Сторожеву попытаться установить как-либо общение с Августейшей семьей, чтобы облегчить ее положение. О. Сторожев был более других подходящ для этого, так как ранее он был товарищем прокурора – человек образованный и наблюдательный. Он у них и служил после о. Меледина. О своих впечатлениях о. Сторожев мне докладывал. Он говорил мне, что Царь (до последнего богослужения, которое было совершено 14 июля по новому стилю в воскресенье) – благодушен и спокоен. Царевны веселы. Они показались о. Сторожеву в столько благодушном настроении, что, как он говорил мне, – „скажи им шутку, так и расхохочутся". В хорошем настроении духа был и Наследник. Царица же, по его словам, была замкнутая и суровая. Во время богослужения она сидела, видимо, будучи нездорова. Не было никакой возможности беседовать с ними. Единственным выражением непосредственного общения с ними было то, что о. Сторожев подал, молча, Царю просфору, и Царь, молча поклонившись, принял ее.

Последнее молитвенное общение о. Сторожев имел с Августейшей семьей в воскресенье 14 июля по новому стилю. После этого он мне докладывал, что нашел в них большую перемену. Царь подавлен и угрюм. Царевны растеряны, а также и Наследник. Царица же, против обыкновения, благодушна и спокойна. Юровский тоже был не в себе. Перед началом богослужения он спросил Царя: „Ваши все в сборе?". Царь угрюмо ответил ему: „Все". После окончания богослужения о. Сторожев попросил у Юровского разрешения отдохнуть в его комнате. Тот позволил и был довольно любезен с о. Сторожевым: предлагал ему курить. И он, Юровский, когда они с о. Сторожевым были в его комнате после богослужения, перекрестился (он крещеный еврей) и сказал: „Ну, слава Богу, сердце на месте стало"[7].

На о. Сторожева общение с Августейшей семьей в последнее богослужение 14 июля оставило впечатление, что как будто бы до этого дня что-то происходило с Августейшей семьей, что изменило ее настроение.

Потом докладывал мне иеромонах Гавриил, что какой-то богомолец (неизвестный) ему, Гавриилу, со слов своих родственников рассказывал, что эти его родственники, имеющие какое-то отношение к телефонной станции в Екатеринбурге, соединялись проводами с телеграфом в доме Ипатьева и слышали в последние дни пребывания Августейшей семьи в этом доме крики и мольбы: „Пощадите".

Летом прошлого года (точно времени указать не могу) во время приема пришел ко мне какой-то господин, довольно невзрачного вида: лет, так, 40, роста среднего, худощавый, брюнет. Имел он, кажется, небольшие черные усы и такую же бороду. Черты лица тонкие, довольно правильные. Он мне, с первых же слов, сказал: „Я Вам, Владыко, привез поклон от митрополита Одесского Платона". Митрополита Платона я хорошо знал. Но все-таки ко всем подобным лицам, как явившийся ко мне господин, я относился осторожно, опасаясь провокации. Я спросил его: „Как же Вы через фронт перебрались?" Он мне ответил, что фронта никакого нет: был немецкий кордон, и немцы его пропустили. А дальше он ника-

ких „товарищей" не видел. Видел только двоих красноармейцев. Они у него спросили вид. Он его стал вынимать, чтобы показать им. Но и смотреть его не стали и уехали. Я его спросил, что же его привело ко мне? Тогда он мне сказал: „Мне необходимо установить связь с Царем. Не можете ли Вы мне помочь в этом?" Я осторожно ему ответил: „И сам не имею связи и помочь не могу". Но однако потом, поговорив с ним, я вижу: человек как будто порядочный и можно ему довериться. Тогда я ему сказал, что в Екатеринбурге содержится епископ Гермоген[8], с которым установлена связь через посылку ему провизии из женского местного монастыря, что таким же образом можно попытаться установить связь и с Царем.

Как потом мне доложено было, этот человек действительно был в монастыре и просил, чтобы Царской семье посылалось молоко и яйца. Все это и носилось ей двумя монахинями, кажется, Марией и Антониной[9]. Первый комендант Авдеев охотно принимал все эти приношения. Юровский же принимал монахинь сурово, отказывался сначала принимать приношения, но потом смягчился и принял. Так они и носили молоко и яйца до вторника. В понедельник Юровский сказал им, чтобы они принесли бóльшие порции в сравнении с тем, что они носили раньше. Они это исполнили и принесли молоко и яйца в бóльших порциях во вторник. В этот день Юровский им сказал: „Больше не носите". Больше они и не носили.

Как мне известно, этот господин, о котором я Вам говорил, называл себя в монастыре Иваном Ивановичем. Один раз он был в монастыре не один, а вместе с каким-то другим лицом, видимо, иностранцем, похожим, как мне было доложено, на немца, и они говорили между собой не по-русски[10].

Показание мое мне прочитано. Все, что изложено в нем, правильно записано с моих слов.

Епископ Григорий Екатеринбургский и Ирбитский.
Судебный следователь Н. Соколов.

226

Временная военно-следственная
комиссия при коменданте
гор. Екатеринбурга.
8 июля 1919 г.
№ 80025.
На № 5845.

Прокурору Екатеринбургского
окружного суда.

Следственная комиссия при сем препровождает салфетку с инициалами Н. II и найденную среди бумаг Комиссии переписку, имеющую отношение к делу об убийстве бывшего Императора Романова.

Уведомляю, что переписка и салфетка получены в числе других бумаг, присланных в Комиссию от коменданта города. Препроводительной бумаги не имеется.

Приложение: опись бумаг.

За председателя Комиссии (подпись неразборчива)
Делопроизводитель (подпись неразборчива).

Настоящую переписку, с указанными в описи при ней вещами, препровождаю г. судебному следователю по особо важным делам Н. А. Соколову.

Июля 9 дня 1919 года № 6196.

Прокурор Екатеринбургского окружного суда В. Иорданский.
Секретарь Б. Богословский.

ОПИСЬ БУМАГ

№

1 Прошение Маркара Саракисович Мугдуси-Огнисьянс.
2 Телеграмма Пр. Обл. Совд. на двух листах.
3 Телеграмма Областн. Ком. на двух листах.
4 Заказное письмо князю Долгорукову.
5 Телеграмма Обл. Комисс. Сов. Крест. Депут.
6 Конверт с адресом Петроград Долгорукову.
7 Прошение Седнева Ивана Дмитриева.
8 Телеграмма Алапаевск совдеп. Белобородова.
9 Телеграмма на шести листах.
10 Конверт с адресом г. Тобольск Кобылинскому.
11 Уральское Областн. Бюро товарищу Сафарову.
12 Переписка об устройстве встречи на четырех листах[11].
13 Скатерть белая.

И. д. председателя комиссии (подпись неразборчива)
Делопроизводитель поручик (подпись неразборчива).

227

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 9 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 712 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованную в качестве свидетеля, и она показала:

Монахиня Августина, 58 лет, монашествую в Новотихвинском монастыре в г. Екатеринбурге, грамотная.

Я заведую художественным отделом нашего монастыря. Как-то летом прошлого года к нам в монастырь явился какой-то мне незнакомый господин и пожелал сделать у нас заказ: икону мученицы Маргариты. В первый же свой приход к нам он завел речь про Царскую семью. Он стал говорить, что необходимо спасти ее, что для этого надо сплотить офицерство, что надо все сделать для предотвращения опасности, которая может угрожать ей. Я указала этому человеку на доктора Деревенко, как на единственного человека в городе, могущего сказать ему что-нибудь определенное. Сам же он собирался идти в Академию Генерального штаба к офицерам[1]. У доктора Деревенко этот господин был, и, возвратившись от него, он нам сказал, что Царская семья, по словам Деревенко, нуждается в продуктах.

Мы стали посылать Царской семье молоко. Комендант дома Авдеев, с которым предварительно переговорил по этому поводу Деревенко, охотно разрешил посылку молока Царской семье. Он только потребовал, чтобы наши послушницы носили его не в монашеском одеянии, а в светском платье: он, должно быть, опасался своих же красноармейцев. И стали мы носить молоко. Носили его две наши послушницы Мария и Антонина. В первый раз мы послали им молоко 5 июня по старому стилю. Молоко было принято, кажется, Авдеевым или его помощником. А так как Авдеев, по словам послушниц, относился к ним снисходительно, то мы стали улучшать наши приношения. Вместе с четвертью молока[2] мы стали посылать бутылку сливок, а потом начали посылать и другие продукты: яйца, сливочное масло, хлеб, разные печения (пироги, ватрушки), редис, огурцы, ботвинью, мясо,

колбасу. Все это охотно принималось Авдеевым или его помощником. А один, кажется, раз Авдеев передал нашим послушницам, что „Император" нуждается в табаке. Мы посылали и табак. Так у нас дело и шло[3].

Потом Авдеева почему-то не стало и его сменил Юровский. Он запретил носить что-либо, кроме молока. При нем мы только и носили одно молоко. Так продолжалось до 4 июля по старому стилю. В этот день послушницы пошли, но у них молока не взяли и сказали им, что больше не надо. Послушницам нашим показалось, что Царской семьи в этот день в Ипатьевском доме уже не было. Второго же июля по старому стилю Юровский наказал нашим послушницам принести на другой день полсотни яиц в корзине[4] и четверть молока. В это же время он передал послушницам записку одной из княжен, в которой просили нас прислать им ниток. Все это было сделано.

Иван Иванович Сидоров, как себя называл незнакомый господин, заказавший нам икону мученицы Маргариты, был у нас в обители несколько раз. Он не называл себя, кто он на самом деле, но как-то в разговоре со мной он однажды проговорился и сказал: „У нас при дворе". С ним однажды был какой-то господин, которого он называл своим „адъютантом". Однажды они разговаривали с этим адъютантом не по-русски, но на каком именно языке, я не знаю. Этот адъютант, по-моему, однако, тоже русский, как и Иван Иванович. Уехали они тогда же, когда ничего не было известно про убийство или увоз Царской семьи. Но недели три тому назад этот адъютант был у нас в обители. Кто он такой, я не знаю.

Иван же Иванович хотел именно того, чтобы Государь Николай Александрович был опять царем, а не Михаил Александрович. Про Михаила Александровича он выражался, что у него „не такой характер". Иван Иванович хотел, чтобы через нас Царской семье были переданы письма и икона в футляре. Но в то время, когда он был у нас в Екатеринбурге, сделать этого было никак нельзя. Поэтому эту икону и письма он оставил нам, чтобы мы передали все это, когда будет можно. Однако передать все это и потом мы не могли. Так все это у нас и осталось. Я вот теперь Вам представляю конверт с письмами, как я его получила от Ивана Ивановича, и икону в футляре. Еще у меня есть карточка с Ивана Ивановича. Ее тоже Вам представляю[5]. Иван Иванович был в Академии Генерального штаба у офицеров и говорил мне, что там он „не сошелся во взглядах". Я его тогда поняла так, что он не сошелся во взглядах по вопросу о спасении Царской семьи и о том, чтобы Государь Император Николай Александрович снова был царем, как этого хотелось Ивану Ивановичу.

Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Монахиня Августина.
Судебный следователь Н. Соколов.

228 – 229

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 9 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 712 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

228

Антонина Владимировна Трикина, 20 лет, послушница Новотихвинского монастыря в г. Екатеринбурге, грамотная.

Как-то в прошлом году пришел к нам в монастырь какой-то мне незнакомый господин, вот этот самый, карточку которого Вы мне сейчас показываете (предъявлена фотографическая карточка, представленная к следствию монахиней Августиной, именовавшего себя Иваном Ивановичем Сидоровым). Стал он разговаривать про большевиков, про наш монастырь. Я тогда духовными книгами у входа в обитель торговала. Он книжки разные купил. Потом он к матушке Августине ходил, икону там заказал. Потом он еще стал приходить и два раза был с каким-то другим господином, с которым он иногда говорил не по-нашему. После того как стал этот господин к нам ходить, однажды пришел к нам доктор Деревенко. Я его видела сама. Он мне сказал, что у него, Деревенко, был разговор с комендантом Ипатьевского дома Авдеевым и тот дозволил в этот дом Царской семье разную провизию доставлять. Я знала, что Иван Иванович, как называл себя этот человек, который на карточке изображен, должен был идти к доктору Деревенко относительно Царской семьи. Вот после этого Деревенко к нам и пришел. Ну, тут матушка Августина приказала нам с послушницей Марией идти в дом Ипатьева и нести туда четверть с молоком. Мы ее отнесли. Это было 5 июня по старому стилю. Потом мы так и стали носить разную провизию Царской семье.

Носили яйца по два десятка, сливки, сливочное масло, иногда мясо, колбасу, редис, огурцы, ботвинью, разные печенья (пироги, ватрушки, сухари), орехи. Как-то сам Авдеев сказал нам, что Император нуждается в табаке и просит прислать ему табаку. Так он и сказал тогда – „Император". Мы и табаку доставали и носили. Все от нас всегда принимал или Авдеев или его помощник. Как, бывало, мы принесем провизию, часовой пустит нас за забор к крыльцу. Там позвонят, выйдет Авдеев или его помощник и все возьмут. Авдеев и его помощник очень хорошо к нам относились, и никогда ничего мы худого от них не слыхали.

22-го мы принесли разную провизию. Ее от нас взяли. Кажется, помощник Авдеева взял, но тут заметно было, что у них смущение было, брать или не брать. Мы ушли, но скоро нас догнали двое красноармейцев с винтовками, посланные из Ипатьевского дома, и нас вернули назад. Там к нам вышел новый уже комендант, вот этот самый, карточку которого я вижу (предъявлена карточка Юровского), по фамилии, как потом мы узнали, Юровский, и строго нас спросил: „Это вам кто позволил носить?" Я сказала: „Носим по разрешению коменданта Авдеева и по поручению доктора Деревенко". Тогда он стал нам говорить: „А другим арестованным вы носите, которые в тюрьмах сидят?" Я ему отвечаю: „Когда просят, носим". Ну, больше ничего не было, и мы ушли. На другой день, 23 и 24 июня, мы опять носили провизию. Носили молоко в четверти и сливки в бутылке. 24-го, когда мы принесли молоко и сливки, Юровский опять к нам пристал: „Вы это что носите?" Мы говорим: „Молоко". „А это что в бутылке? Тоже молоко? Это сливки". Ну, после этого мы и стали при Юровском носить только одно молоко. Так мы и носили до 4 июля по старому стилю.

2 июля Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока, и яйца велел упаковать в корзину. Записку тут он дал какой-то из княжен, чтобы ниток доставить. Мы все это во вторник доставили.

В среду мы опять принесли четверть с молоком[6]. Пришли мы, ждали, ждали, никто у нас не берет. Стали мы спрашивать часовых, где комендант? Нам отвечают, что комендант обедает. Мы говорим: „Какой обед в 7 часов?" Ну, побегали, побегали они и говорят нам: „Идите. Больше не носите". Так у нас и не взяли тогда молоко. Идем мы и смотрим: какие-то печатные объявления расклеены в разных местах[7]. Стали мы читать и видим: Император расстрелян, а семья вывезена. Мы побежали к доктору Деревенко, ему сказали: „Вот молока не взяли. В доме никого, должно быть, нет, а в объявлениях пропечатано, что Царь расстрелян, а семья вывезена". Доктор ничего не знал, сильно смущен был и в лице изменился. Больше я ничего не знаю и показать ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Носили мы Царской семье провизию не в монастырском одеянии, а в вольном платье. Нам так доктор Деревенко сказал, а он об этом с Авдеевым уговорил-

ся. Авдеев и знал, что мы из монастыря носим, но никому, должно быть, из своих красноармейцев этого не сказывал. Объявления про расстрел Царя, которые были расклеены 4 июля, про которые я говорила, были напечатаны в типографии, но в какой, – не знаю.

Прочитано.

Антонина.
Судебный следователь Н. Соколов.

229

Мария Львовна Крохалова, 29 лет, послушница Новотихвинского монастыря в г. Екатеринбурге, грамотная.

В прошлом году позвала меня матушка Августина к себе и приказала мне: „Надень светское. Будешь с Антониной молоко носить в Ипатьевский дом". Тут сказала она, что Царской семье это молоко пойдет. Светское я надела, Антонина тоже, и понесли мы молоко. Четверть понесли. А было это 5 числа июня месяца. Потом мы стали носить сливки, сливочное масло, редис, огурцы, ботвинью, разные печенья, иногда мясо, колбасу, хлеб. Все это брал у нас или Авдеев или его помощник. За забор нас впустят, к крыльцу мы подойдем, часовой позвонит, выйдет Авдеев или его помощник, возьмут от нас провизию, и мы уйдем. А раз Авдеев нам сказал: „Теперь Алексею Николаевичу лучше. Нельзя ли рому принести?" Мы и рому принесли небольшой флакончик. Очень хорошо к нам Авдеев и его помощник относились. Так и носили мы провизию до 22 июня.

22 числа приносим. Какой-то, кажется, солдат взял у нас провизию, но какое-то смущение у них было и что-то такое непонятное говорили: „Брать или не брать?" Взяли. Дорогой нас солдаты с винтовками догнали и назад вернули. Мы пришли. К нам вышел новый комендант, вот этот самый, который на карточке изображен (предъявлена карточка Юровского), Юровский по фамилии, и говорит строго нам: „Кто вам носить дозволил?" Мы отвечаем: „Авдеев приказал по распоряжению доктора Деревенко". А он говорит: „Ах, доктор Деревенко. Значит, тут и доктор Деревенко". Видать, что он тут доктора Деревенко с Авдеевым в одном повинил, что оба они Царской семье облегчение дали. А потом нас и спрашивает: „Вы откуда носите?" Ну, мы знали, что известно было Авдееву, кто мы такие и откуда молоко носим. А тут скрываться, хуже, пожалуй, будет. Мы и говорим: „С фермы носим". „Да с какой фермы?" Мы и сказали: „С монастырской фермы". Юровский тут же наши имена записал. Ничего больше он нам не сказал.

Запрещения не было носить, мы и на другой день снесли провизию, и на третий день (24 июля по старому стилю) понесли. Тут нас Юровский спрашивает, на каком основании мы сливки носим. Мы говорим, что мы молоко носим, а не сливки (в отдельной бутылке), а что не было запрещения носить, кроме четверти, еще и бутылку. Он сказал, чтобы мы носили только одну четверть молока, а больше бы ничего не смели носить. Мы стали носить одно молоко.

2 июля по старому стилю, в понедельник, Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока и еще велел счет принести. Записку он еще дал нам от одной из княжен, чтобы ниток доставить. Мы все это отнесли во вторник.

Понесли мы провизию 4 июля, вошли за забор, там грузовой автомобиль стоит. Часовой и еще какой-то – смущенные. Позвонили, никто не идет из дома. Раньше этого никогда не было. Как мы, бывало, только принесем, сейчас же они позвонят, Юровский выйдет и возьмет у нас. А тут звонили, звонили, никого нет. Мы спрашиваем: „Юровский где?" Они смущенно так говорят: „Завтракает". Мы

пождали и пошли к калитке. Там за калиткой часовой стоит. Выглянул к нам и говорит как-то непонятно: „Не нужно им больше молока. Они больны. Да вы подождите". И тут он убежал. Слышно было, как он во дворе кого-то спросил: „Что же им сказать?" Потом выходит, а сам взволнованно руки пожимает и говорит: „Знаете что? Не носите больше. Уходите". Ничего от нас тогда не было взято, и мы ушли. Пошли мы к доктору Деревенко, а дорогой идем, смотрим, объявления расклеены: Государь расстрелян, а семья вывезена. Объявления те были печатные, как книжки. Больше я ничего не знаю. Показание мое, мне прочитанное, записано, и я готова его, по сущей совести, подтвердить на суде.

Рома мы не приносили. Прочитано.

Мария.
Судебный следователь Н. Соколов.

230 – 232

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

230

Василий Яковлевич Лобухин, 15 лет, кр-н б. Лобухина, Шарташской /так!/ волости, Орловского уезда, Вятской губернии, живу в будке № 247 при разъезде № 120 Тагильской линии, православный, грамотный, в деле чужой, не судился.

У меня отец служит сторожем линейным при разъезде № 120 горнозаводской линии. В прошлом году во время сенокосов как-то ночью (дня и числа я не помню) через переезд № 184 прошел грузовой автомобиль[1]. Я сам в это время спал в чулане и этого автомобиля не видал. Поэтому я не могу сам сказать, какой это был автомобиль, но мать его видала и сказывала, что он был грузовой. С этого автомобиля люди еще ведро у нас брали для воды. Мать сказывала, что водой они автомобиль заливали: в какое-то отверстие в автомобиль они воду лили. А про то, что в автомобиле находилось, мать не сказывала.

На другой день ничего такого не было[2]. Днем я не видал ничего особенного. Я говорю про день после этой ночи, когда через переезд грузовой автомобиль прошел, про который мать сказывала. Только видал я, что днем проехали по дороге из города к Коптякам каких-то двое верхами. Один был в солдатской одежде, а другой одежды я не разглядел. В лицо я их не разглядел. Эти проехали и назад вернулись на город в этот же день. Несколько часов прошло, пока они вернулись. Других же никого в этот день на Коптяки не пропускали. Проезжавшие из города возвращались назад и говорили, что „к Четырем Братьям не пускают". Но где именно у них была застава, я не знаю. Только около нашего переезда никакой заставы не было. День этот прошел и ночь прошла.

А на следующий день[3] утром часов в 7 прошел времянкой грузовой автомобиль и пошел по Коптяковской дороге, но саженях в 150 от нашего переезда он остановился. Что именно на нем было, я хорошо не заметил. Показалось мне, что на нем были или бочки или ящики. После обеда еще один грузовой автомобиль прошел и в том же месте остановился. Тут я хорошо заметил, что в этом автомобиле в железных бочках бензин везут. Я вздумал попросить бензину, взял бутылку и пошел туда, где на Коптяковской дороге стояли эти два грузовых автомо-

биля, я и в этот раз хорошо не заметил, что было на первом из автомобилей, который первым пришел. На втором же было бочки три бензина или, может быть, две. Бочки все были железные. Около обоих автомобилей было человек 5 людей. Лиц их я не помню и описать не могу. Помню только я, что один был в черной кожаной куртке, другой – в солдатской одежде. Я попросил у них налить мне бензину. Они мне бутылку налили. В это время дорогой от города к Коптякам шел какой-то мужчина. Ему эти, бывшие около автомобилей, сказали, что „там дальше не пропустят". Он их спросил, что это они везут в бочках, и они ему ответили: „Там впереди автомобиль прошел. На него бензину не хватило". Мужчина повернул на полотно железной дороги и пошел полотном к станции Исет. Через некоторое время оба грузовых автомобиля времянкой же вернулись назад пустыми.

Часов в 5–6 вечера в этот же день, когда грузовые автомобили уже ушли, около нас остановился один легковой автомобиль. Он к нам пришел времянкой. На нем было четверо людей. Двое сидели, где „господа" сидят – сзади, а двое – впереди, где шоферы ездят. Я только заметил, что из трех /так!/, которые сзади сидели, один был в какой-то черной суконной одежде, а другой – в солдатской. Лиц их я не разглядел. Они соскочили с автомобиля и пошли по дороге к Коптякам. А двое, которые спереди сидели, остались у автомобиля. Один из них был высокий, худощавый, одетый в гимнастерку солдатского сукна и солдатские штаны, заправленные в сапоги, лицо у него было худое, борода и усы были бритые. Другой был низенький, тоже худощавый, одетый тоже в солдатскую гимнастерку и черные брюки, ботинки; борода и усы у него тоже были бриты[4].

В это время у нашей будки собрались три подводы дачников, которых не пропустили проехать в Коптяки. Чьи были эти дачники, я не знаю. Они у нас пили чай и ждали, когда можно будет проехать в Коптяки.

Около 12 часов ночи[5] по дороге от Коптяков проехал через наш переезд грузовой автомобиль, должно быть, тот самый, который первый прошел из города ночью. Он шел сам. Вместе с ним шло 10–12 коробков и, кажется, несколько еще дрог. В наш автомобиль село несколько человек (я их совсем не разглядел), и они уехали времянкой в город. А грузовой автомобиль, коробки и дроги поехали на город прямо от нашего переезда. Там в логу у них автомобиль застрял. Кто-то из них взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик. Сами мы не видали, как застрял автомобиль и как брали у нас шпалы. Это мы утром увидали, что у нас ограда разобрана и мостик набросан из шпал. Как ночью проходил автомобиль: времянкой или через лог, мать не сказывала. В автомобиле, коробках и дрогах, когда все они возвращались назад, сидели солдаты. Больше я ничего не знаю. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Мать моя умерла 1 сентября. Прочитано.

Василий Лобухин.
Судебный следователь Н. Соколов.

231

Яков Иванов Лобухин, 54 лет, кр-н б. Лобухина, Шараповской /так!/ волости, Орловского уезда, Вятской губернии, живу при разъезде № 120 горнозаводской линии, где служу линейным сторожем,православный, неграмотный, не судился.

Как-то ночью летом прошлого года (не помню числа и месяца), во время сенокосов, когда я и семейные мои спали, я проснулся от шума автомобиля. Дело это было удивительное, потому что никогда раньше того дела не бывало, чтобы автомобили мимо моей будки, да еще по ночам, ходили. Я в окно выглянул: ви-

жу, идет времянкой по дороге к Коптякам грузовой автомобиль. Я не видел, что в нем было. Совсем я этого не заметил. Только заметил я, что сидело в нем человека четыре с винтовками, кажется, в солдатской одежде. Было это на рассвете. Кто из семейных моих видал их еще, я не знаю. Дома тогда у меня были покойная моя жена и двое сыновей – Семен и Василий. Ну, мы тут легли.

Спустя несколько времени к нам в дверь начал кто-то стучать. Я вышел к двери, отворил. Там стоит какой-то человек, лет 30 на вид, невысокого роста, не худой и не толстый – „из ровных". Лица его я не помню. Был он в зеленом, кажется, стеганом пиджаке. А больше ничего про него сказать не могу. Этот человек сказал мне: „Дайте мне ведро". Я ему дал два ведра. Баба моя на него за стук осердилась и сказала ему, что он нас напугал. Он на нее за это осерчал и говорит: „Вы тут, как господа, спите. А мы всю ночь маемся. У нас тут автомобиль согрелся. На первый раз простим, а в другой раз так не делайте". Ну, мы испугались и ничего больше его не спрашивали. Тут день наступил.

Народ, который ехал на Коптяки, возвращался назад и сказывал, что на Коптяки не пропускают. Где у них стояла застава, точно не скажу, а сказывали, что от моего переезда за гатью или на гати. И не было пропуску дня три-четыре. В эти дни приезжало из города еще три автомобиля и, как мне помнится, все три грузовые. Помню я, что на одном бочка была пудов на 20, а не помню, железная или же деревянная. Не заметил я, что на автомобилях провозили.

В последний самый день, уже вечером, от Коптяков прошел грузовой автомобиль. Прошел он через переезд и пошел прямо через лог, а не времянкой, как шли все остальные. Были ли за ним коробки, я не заметил. Этот автомобиль в логу и засел в топком месте. Должно быть, вода им для него понадобилась, потому что скоро к моему колодцу подъезжал коробок. В коробке, как я издали видел, была бочка. Какая, деревянная или железная, – не разглядел. Налили они в бочку воды и уехали к логу. Видал я, что двое приезжали за водой. Один был в солдатской одежде (не помню, в какой именно), другой – в какой-то вольной. Лиц их я не заприметил. Тут мы все полегли спать. Должно быть, автомобиль у них в логу застрял, потому что лошадь там, как слыхать было, всю ночь ржала, а за ночь они там целый мостик выстроили: из шпал и из тесу от моей городьбы. Это уж я потом тес назад взял, и там одни шпалы остались. Никого я из тех, кто тогда в эти дни с автомобилями приезжал, указать не могу.

Больше я ничего не знаю. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Я неграмотный.

Судебный следователь Н. Соколов.

232

/.../

Степанида Павлова Дубровина, 34 л., мещанка г. Екатеринбурга, живу при переезде № 185 в казенной будке № 275, православная, неграмотная, не судилась.

Я жена сторожа Михаила Федорова Дубровина, которого Вы сейчас допросили[6]. Я помню, что летом прошлого года, незадолго до ухода красных из Екатеринбурга, мимо нашего переезда по дороге из города прошел грузовой автомобиль. В какое время дня это было, я не помню. Автомобиль, как перешел наш переезд, пошел дальше времянкой к переезду № 184. В автомобиле сидели какие-то люди. Ни этих людей, ни их одежды я не заметила, была большая железная бочка, ведер на 10–12.

Я слыхала, что летом прошлого года не пропускали людей в Коптяки. Кажется, в это время и везли бочку. Но только около нашего переезда никаких тогда застав не было. Автомобили и другие ходили все тогда через наш переезд. Но только я не обращала внимания, кто в них ездил. Раньше такой езды из города на автомобилях мимо нас не было и бочек в автомобилях не возили. Больше я ничего не знаю. Показание мое мне прочитано. Я неграмотная.

Судебный следователь Н. Соколов.

233 – 234

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на 803 версте Кунгурской линии, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

233

Екатерина Васильева Привалова, 39 л., кр-нка Березовского завода, той же волости, Екатеринбургского у., православная, неграмотная, не судилась[7].

В прошлом году летом во время сенокосов (ни дня, ни числа не помню) я помню, что через наш переезд (я жена сторожа при переезде на главной Кунгурской линии, на 803 версте) прошел по направлению к Коптякам грузовой автомобиль. Кто на нем сидел, я не заметила. Я только заметила, что в этом автомобиле было две или три бочки. Какие были это бочки, деревянные или железные, я не заметила. Кажется, это было под вечер. Когда шел назад этот автомобиль, я не видела.

Помнится мне, что в этот же день, но только раньше грузового автомобиля, прошел также к Коптякам легковой автомобиль. В нем сидело три или четыре человека. Из них я разглядела только одного: Голощекина[8]. Я раньше его видела и в лицо знала. На другой день рано утром, на зорьке, когда я корову выгоняла, этот автомобиль назад прошел. В нем опять сидел Голощекин с несколькими людьми, но этими или другими, – не знаю. Он сидел в автомобиле и спал. Было все это в те дни, когда не было пропуска в Коптяки. Больше ничего не знаю.

Прочитано. Неграмотная[9].

Судебный следователь Н. Соколов.

234

Иван Александрович Привалов, 46 лет, кр-н Березовского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, служу линейным сторожем на Кунгурской линии на 803 версте, православный, грамотный, не судился.

Мой переезд на 803 версте охраняется. Он, однако, запирается только на накладку, но не на замок, так что открыть его может каждый проезжающий, не вызывая меня из будки. Я не видел, чтобы ночью в прошлом году, когда не было пропуска на Коптяки, проходил бы грузовой автомобиль, чем-либо подозрительный. Может быть, это и было, но ни я, ни мои семейные этого не видели. Издали я видал, что „шныряли" в эти дни автомобили из города, но кто в них ездил и что в них возили, я не видел. Я видел тогда только грузовой с солдатами. У солдат были винтовки. Больше я ничего не знаю.

Прочитано.

Привалов.
Судебный следователь Н. Соколов.

/.../

235

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 6 – июля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр работ по раскопкам старого рудника, описанного в протоколе 23 мая – 17 июня сего года[1] (л. д. том) /так!/, возложенных волей Верховного Правителя на генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса.

По осмотру найдено следующее:

а. По окончании обследования глиняной площадки, находящейся вблизи открытой шахты[2] и изображенной на фотографических снимках на л. д. том в целях нахождения в верхних ее пластах предметов, относящихся к делу, площадка была разрезана во всю ее ширину и глубину, как это изображается на фотографическом снимке на листе дела том . По разрезе площадки оказалась, что она насыпана на естественный грунт земли, покрытый травой, как и вся полянка вблизи шахты. Трава эта, находящаяся под площадкой, умерла. Представляется очевидным, что эта площадка давнего происхождения и насыпана, видимо, при разработке шахты, когда грунт ее выкидывался из шахты и складывался вблизи на лужайку. Разрезы площадки не обнаружили присутствия в ней каких-либо предметов, относящихся к делу. Находящийся на площадке костер был сохранен при разрезах для обследования его почвы вместе с площадкой путем просеивания и промывки ее. 10 июня почва глиняной площадки бралась по частям и просеивалась на особых железных решетках. По накоплении достаточного количества материала от просевки почвы площадки, крупные куски и, в некоторых случаях, просеянная почва тут же промывались через металлическую сетку. Промывка площадки началась 13 июня.

При просевке и промывке почвы глиняной площадки были обнаружены следующие предметы:

3 июля: часть какого-то разломанного золотого предмета в виде тоненькой продолговатой золотой пластинки, часть тоненькой золотой цепочки в виде двух соединенных ее петелек и маленькая часть самой петельки;

6 июля: 2 малых сапожных гвоздика, из коих один без головки, и головка третьего гвоздика, очень маленький кусочек, видимо, золота в виде части какого-то разломанного золотого предмета и разломанная петля, видимо, от дамского костюма;

8 июля: семь кусочков расплавленного в огне свинца и один маленький сапожный винтик.

До 10 июля была разобрана, для просевки и промывки, приблизительно, одна четвертая часть глиняной площадки. Остальная часть ее осталась не использованной этими способами[3].

б. 15 июня был произведен разрез старой ямы с трубами от насосов на дне ее, находящейся вблизи открытой шахты в южном направлении, каковая яма описана в акте осмотра местности от 23 мая – 17 июня (л. д. том) и изображена на фотографическом снимке, находящемся на листе дела том . Работы по разрезу этой ямы были окончены 24 июня. Разрез был произведен глубиной на 4 аршина до материковой земли. Раскопки не обнаружили никаких предметов, относящихся к делу.

в. 16 июня был произведен разрез полянки, где имелись признаки жилья для рабочих, вблизи открытой шахты, изображенной на фотографических снимках на листах дела том . Разрез ее был кончен того же 16 июня. Раскопки производились на глубину 8 вершков до материковой земли и на глубину последней на 4 вершка. Раскопки установили, что эта полянка, на высоте 8 вершков от материковой земли носит характер искусственной насыпки, давнего происхождения, сделанной, видимо, во время постройки бараков для рабочих. Раскопки не обнаружили никаких предметов, относящихся к делу.

в. /так!/ Такие же разрезы были сделаны на полянке с пнем, обозначенной на фотографическом снимке на листе дела том . Разрезы были начаты 23 июня и окончены 27 июня. Полянка была прорезана на глубину 1 аршина. В разрезах ничего относящегося к делу не обнаружено и не получено никаких указаний на искусственное задернение полянки.

г. Такие же разрезы были сделаны на одной из лесных полянок между полянкой с пнем и полянкой у открытой шахты. Эти разрезы были начаты 20 июня и оконченя 21 июня. Глубина их также 1 аршин. При этих разрезах также не обнаружено никаких предметов, относящихся к делу.

д. Описанный в акте от 23 мая – 17 июня (л. д. том) разрез к югу от открытой шахты, принятый при наружном осмотре за разработку, идущую от этой шахты под землей и имеющую обвалы, подвергался разрезам. Разрезы были начаты 10 июня и окончены 14 июня. Разрезыванию подвергалось лишь дно выработки, а не береговые откосы с обвалами, обозначенные на фотографическом снимке на листе дела [4].

Дно было пройдено по длине всей выработки и разрезы производились глубиною на 2, а местами на 3 аршина. Была также исследована и разработка, у которой кончается самый разрез, обозначенный на фотографическом снимке на листе дела том . Разрезы дна не обнаружили присутствия в нем каких-либо предметов, относящихся к делу. Самая же эта выработка оказалась не имеющей никакой связи с открытой шахтой. Она является поверхностным разрезом, наружной разработкой, имевшей целью добычу руды без применения шахт. Разработка, у которой кончается разрез и которая изображена на фотографическом снимке на листе дела том , оказалась не шахтой, а естественным обвалом берегов разработки. В дальнейшем ходе работ подлежали исследованию береговые откосы разработки, к обследованию коих не могло быть приступлено до 10 июля.

е. С 19 июня были начаты работы по исследованию Ганиной ямы. С этого числа была начата откачка воды из озера, оконченная 23 июня. 24 июня озеро совершенно обнажилось от воды и достаточно обсохло. Глубина его оказалась 1 1/2 сажени[5]. Оно является старой, заброшенной наружной разработкой руды. После окончания разработки оно покрылось водой. Через все дно озера идет с запада на восток канава, обнесенная с обеих сторон деревянными стойками, толщиною в 2–3 вершка (шегень), имеющая задачей спуск воды в особо прорытую яму: зунд.

С 24 июня была начата прорезка береговых откосов Ганиной ямы, глубиною на 1 1/2 сажени. Она была окончена 10 июля. Никаких имеющих отношения к делу предметов прорезка береговых откосов не обнаружила. В дальнейшем ходе работ подлежало обследованию дно ямы, к производству каковых работ не могло быть приступлено до 10 июля.

ж. Последняя группа разработок включает в себя разработку подозрительных по обвалам старых изысканий и выработок, природу коих не представлялось возможным определить при наружном осмотре местности, а также и разработку открытой шахты.

В целях удобства все эти старые заброшенные обвалившиеся разработки были занумерованы под номерами 1–29 включительно. Раскопками их было установлено следующее[6]:

/.../

2. Шахта № 2.

Эта шахта находится в восточном направлении от открытой шахты (№ 7) в расстоянии 8 шагов от первой от Четырех Братьев свертки к руднику. Эта шахта изображается на фотографическом снимке на листе дела том . В ней не оказалось крепи, и шахта предварительно была закреплена. Засыпка в ней оказалась на глубине 7 аршин 4 вершка. Под ней материковый грунт. На этой глубине от шахты идет рассечка в восточном направлении в длину 3 аршина. Эта рассечка также была пройдена на всем ее протяжении до материковой земли. Никаких предметов, относящихся к делу, при раскопках этой шахты не было обнаружено. Работы с этой шахты были начаты 10 и окончены 13 июня. Эта шахта служила целям добывания из рассечки руды.

3. Шахта № 3.

Эта шахта находится в северном направлении от открытой шахты (№ 7) и в расстоянии 13 шагов от дорожки (первой свертки от Четырех Братьев к руднику). Разработка этой шахты была начата 12 июня. Шахта не имела крепи и была предварительно закреплена. Глубина засыпки оказалась 5 аршин 4 вершка. Ниже ее оказалась вода, стоявшая на глубине 2 аршин. Вода из этой шахты ушла откачиванием воды из открытой шахты (№ 7). При раскопках этой шахты на глубине 1 1/2 аршин в засыпке был обнаружен носовой платок, а на глубине 2 аршин – обрывок советской газеты. По осушке шахты от воды раскопки производились на глубину 7 аршин до материковой земли. Материковая земля была обнаружена 30 июня. В этой шахте на глубине 4 аршин оказался обвал, идущий в южном направлении, и рассечка, идущая в северном направлении, также обвалившаяся, без крепи. Обвал был пройден на протяжении 3 аршин. Далее идет какой-то сруб, природу которого можно определить только раскопками. Как обвал, так и рассечка не были обследованы до 10 июля.

/.../

7. Шахта № 7.

Этим номером обозначается открытая шахта, описанная в акте 23 мая – 17 июня (л. д. том)[7].

Толщина слоя льда в большом колодце этой шахты была 3 вершка, в малом – 4 вершка. Лед в малом колодце был пробит щупом. Под слоем льда в малом колодце шахты снова оказалась вода на глубине 4 аршин. Вода из этой шахты начата была откачкой 12 июня. 25 июня откачка воды была окончена. По откачке воды выяснилась следующая разница в состоянии двух колодцев этой шахты: пол под водой, удаленной из шахты путем откачивания ее, оказался в малом колодце шахты выше пола в большом колодце шахты на 12 вершков. Вся твердая масса, бывшая под водой в малом колодце шахты, была извлечена из колодца и положена на особо приготовленный брезент для особого исследования ее.

При выемке этой массы в составе ее оказались следующие предметы: 25 июня на глубине 3 вершков массы был обнаружен труп собаки[8], а 26 июня на глубине 4 вершков был найден перочинный нож и серебряная рамочка, видимо, от малого образка. Под этой массой оказался пол из вершкового теса, проложенный прямо на грунт. Пол был весь извлечен из малого колодца.

В большом колодце шахты под водой оказался пол из перерубленных пополам горбылей, толщиною в 3 вершка. Для удобств выкачивания воды из шахты во время выкачивания воды были вынуты два нижние звена в стенке, разделяющей колодец шахты, через каковое отверстие уходила вода из малого колодца в боль-

шой. Течением воды на пол большого колодца был нанесен ил. Ил этот был весь извлечен. Был вынут также и пол большого колодца. Пол лежал на материковой земле, также взятой на глубине 3 вершков для исследования. 28 июня судебным следователем была лично обследована шахта, причем колодцы ее представились в следующем виде.

Сруб большого колодца шахты – старый, но везде хорошо сохранившийся. Он сделан из разных пород бревен, но преимущественно сосновых, толщиною от 3 до 4 1/2 вершков. В стены сруба вбиты железные скобы, по которым и производился спуск в большой колодец. Нигде не обнаружено на стенах большого колодца следов разрушения их гранатами. Все бревна в полной исправности. Но на самых бревнах имеется много наружных небольших царапин и расщепов, возможно, и от внедрения в бревна небольших осколков гранат.

Глубина большого колодца шахты до пола оказалась 5 сажен 7 вершков[9]. Грунт под полом в большом колодце глинистый и мелко-каменистый, твердый. Стены большого колодца обметались для отыскания предметов, но таковых при спуске обнаружено не было. Никакого сообщения с малым колодцем большой колодец не имеет. Сообщение, как уже указывалось выше, с малым колодцем получилось после удаления из общей стенки двух нижних звеньев для стока воды. Также не оказалось и никаких коридоров из этого большого колодца шахты. Таким образом, предположение, сделанное при наружном осмотре этого колодца шахты (л. д. том), что чрез этот колодец производилась добыча руды, отпадает. Большой колодец является колодцем исключительно для откачки воды.

Сруб малого колодца шахты представляется в совершенно таком же виде, как и большого колодца. Глубина малого колодца до пола меньше глубины большого колодца на 12 вершков, т. е. глубина малого колодца составляет 4 сажени 2 аршина 11 вершков[10]. Грунт малого колодца такой же по составу и качеству, как и большого колодца. На уровне пола малого колодца шахты идет, в восточном направлении, коридор, имеющий в длину 7 аршин, в высоту 1 3/4 аршина и в ширину 1 1/4 аршина. Этот коридор закреплен деревянными лежнями, стойками, огнивами и подхватами. Кончается он стенкой, также закрепленной при помощи горбылей и одной стойки. Стенка была разобрана, причем под ней ничего постороннего не найдено. Этот коридор и является местом, откуда производилась добыча руды, называясь местным названием „забой". Таким образом, малый колодец и является в действительности рабочей шахтой, откуда производилась добыча руды.

Таким образом, состояние обоих колодцев шахты № 7 абсолютно исключает всякую возможность нахождения где-либо в ней или ее разработке трупов Августейшей семьи.

Масса, находившаяся в малом колодце шахты на глубине 12 вершков над полом, была осмотрена на брезенте. Эта масса представляет собой преимущественно глину, совершенно такого же вида, как и глина площадки у самой шахты, с небольшой примесью камней, щепок, палок и корней. Она закрывала самый проход в коридор из малого колодца шахты, приблизительно, на половину его высоты. Совершенно ясным представляется, что вся эта масса является засыпкой колодца шахты глиной, взятой тут же с площадки у шахты, причем прекращение доступа в коридор из малого колодца шахты ясно свидетельствует, что эта засыпка – позднейшего происхождения и не имеет связи с добычей руды из шахты.

Вся засыпка, вынутая из малого колодца шахты, была подвергнута, после осмотра ее, промывке на решетах. При промывке засыпки были найдены следующие предметы:

2 июля – серебряный, вызолоченный значок с эмалью Уланского Ее Величества полка с датой „1803 17/V 1903"[11];

7 июля – осколок жемчужины, прекрасного свойства, обломок какого-то золотого предмета, один топаз, 5 кусочков расплавленного свинца, кусочек белого стекла, один фестон, видимо, от шнуровки корсета, одна кнопка, два винтика, видимо, от обуви, два обломочка гвоздей и один тонкий гвоздик, видимо, от обуви;

8 июля – 2 кусочка красного парафина[12], цинковый обломок, местами покрытый следами краски, видимо, являющийся частью иконы, 3 кусочка, покрытые и смешанные с глиной, грязного цвета, сильно издающие запах сала[13];

9 июля – 1 кусок какого-то беловатого предмета, запачканного глиной, издающего запах сала;

10 июля – 4 осколочка белого стекла, осколок, видимо, гранаты, английская булавка, 5 кусков синей материи[14], 1 кусок – черной материи, синими полосками[15], 2 куска черной материи, 1 – светложелтой, 1 кусочек – белой, розовыми полосками, 1 пуговка от дамского платья, часть стеариновой свечи, 10 кусочков белого воска или парафина, 2 кусочка красного парафина, 8 крупных кусков какого-то предмета, грязноватого цвета, сильно запачканного глиной, и несколько мелких кусочков такого же предмета с сильным запахом сала, небольшой кусочек цинка с остатками краски, видимо, от одной и той же иконы, как и кусочек, найденный 8 июля, небольшой кусочек кожи от обуви, 7 обуглившихся кусков дерева, из коих три представляют собой большие головешки, и несколько кусков углей, рассыпающихся на части.

Таким же образом был промыт ил, бывший над полом большого колодца шахты, и материковая земля, взятая после извлечения из колодца пола. При этой промывке *10 июля* было найдено: 9 кусочков такой же синей материи, как и в малом колодце шахты, 3 каких-то металлических обломка, возможно, от гранаты, маленький кусочек свинцовой бумаги, два маленьких осколочка желтого стекла, 3 осколка зеленого стекла от флакона, 4 осколка белого стекла и около 20 кусочков углей, рассыпающихся при осмотре на более мелкие.

Таким образом, эта открытая шахта № 7 не имеет никакой связи с разрезом, идущим к югу от нее. Разрез, как уже указано выше, является совершенно самостоятельной разработкой руды на поверхности земли без системы шахт.

/.../

12. Шахта № 12.

Эта шахта находится в юго-восточном направлении от шахты № 11 и отстоит от дорожки в 40 шагах. Она не имела крепи и была предварительно закреплена. Засыпка в ней оказалась на глубине 5 аршин. Под засыпкой – материковая земля. Работы с этой шахтой были начаты 15 июня и окончены 16 июня. 15 июня при разработке этой шахты в засыпке, на глубине 2 аршин от поверхности ее, был найден топор с обломанным черенком.

/.../

27. Шахта № 27.

Она находится в южном направлении от шахты № 26 и отстоит от дорожки на 35 шагов. В ней оказалась засыпка. Засыпка была пройдена на глубине 8 аршин, причем материковой земли еще не было обнаружено на этой глубине. Крепи эта шахта не имела и была предварительно закреплена. Работы с ней были начаты 3 июля и были прерваны 10 июля.

/.../

В шахтах №№ 13–29 не обнаружено никаких предметов, относящихся к делу.

з. Одновременно с просевкой и промывкой глиняной площадки была промыта 5 июля также и земля из кострища у старой березы. При промывке ее было найдено: этикетка, видимо, от какой-либо баночки с лекарством, с надписью: „хим. лаб. „Стелла" Стокгольм–Лондон", кусочек расплавленного свинца и кнопка, видимо, от дамского платья.

и. Сохраненный при разрезах площадки глиняной у шахты № 7 костер тщательно просеивался на металлических решетах. При просевке почвы, взятой из кострища, было найдено 18 июня: 3 фестона от ботинок, одна металлическая пуговица от мужского платья, одна малая круглая совершенно сохранившаяся жемчужина, 2 осколка прекрасного по своим свойствам жемчуга от раздавленной, видимо, жемчужины.

к. При откачке воды из шахты № 7 для отвода выкачиваемой воды из большого колодца шахты была прорыта в западном направлении от шахты канавка.

При прорывке ее был обнаружен в расстоянии 2 аршин от шахты и в расстоянии 2 вершков от глиняной площадки (от ребра ее) новый костер. Костер этот был, видимо, засыпан глиной, взятой с площадки. Его размеры определить невозможно с точностью, так как он виден, главным образом, по разрезам канавки. Однако его ширина, принимая во внимание разрезы канавки, приблизительно составляла около 4 аршин. В месте обнаружения этого костра было найдено 20 июня 5 осколков белого стекла.

л. Во время производства описанных в сем акте работ, кроме указанных предметов, были обнаружены еще следующие: *12 июня* – во время разработки шахты № 2, в районе ее, была найдена часть какой-то тонкой материи, возможно, и платок, сплошь покрытый глиной. Представляется вероятным, что эта материя была выкинута из шахты № 2 при выкидывании из нее засыпки и не была в тот момент замечена. *27 июня* в северо-западном направлении от шахты № 7 в траве, в расстоянии 17 шагов от этой шахты, были найдены три пластинки белого металла, видимо, от рамочки к образу. Того же числа, в том же направлении от той же шахты, в расстоянии от нее 6 шагов был найден ударный механизм от гранаты.

Согласно воле господина Верховного Правителя, объявленной лично им судебному следователю 3 июня, главное руководство работами по раскопкам для отыскания трупов Августейшей семьи, или частей их трупов, а также и вещей Августейшей семьи в районе рудника, в согласии с данными предварительного следствия, принадлежало генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу, непосредственно и лично руководившему ими до 20 июня включительно. С этого же времени, ввиду назначения генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса на пост Главнокомандующего фронтом, наблюдение за работами принадлежало уполномоченному от генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса лицу – генерал-майору С. А. Домонтовичу, под главным руководством генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса[16]. Последним работы осматривались в этот период времени 28 и 29 июня.

10 июля, по распоряжению генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, дальнейшее производство работ было прервано ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу.

/.../

11 июля судебным следователем был получен через генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса приказ господина Верховного Правителя, приведенный за сим актом в приказе генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса от 11 сего июля за № 294, в копии к делу приложенном.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.
Генерал-лейтенант Дитерихс.
Генерал-майор С. А. Домонтович.
Понятые.

236

Главнокомандующий
Войсками восточной группы
армий и боевой флотилии.
11 июля 1919 года.
№ 294

Совершенно секретно.

Судебному следователю по особо
важным делам Н. А. Соколову.

По докладу моему и по повелению Верховного Правителя приказываю Вам выехать из г. Екатеринбурга и вывезти вместе с собой все акты подлинных след-

ственных производств по делам об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая II, его семьи и великих князей вместе с вещественными по сим делам доказательствами и обвиняемыми.

В настоящий момент Вы имеете принять все меры к сохранению указанных следственных производств в месте, о котором Вы имеете получить личные мои указания, и где Вы должны пребывать впредь до получения Вами особых распоряжений.

Всем военным властям и гражданским вменяю в обязанность оказывать Вам полное, в исполнение возложенного на Вас волей Верховного Правителя приказания, содействие[17].

Главнокомандующий Генерального штаба генерал-лейтенант Дитерихс.
Начальник Штаба полковник Сальников.
Печать Главнокомандующего.
С подлинным верно.
Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов.

237 – 238

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 17 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Тюмени[1], в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетельниц, и они показали:

237

Александра Александровна Теглева – сведения о личности см. л. д. том [2]

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: две сцепленные золотые петельки и часть петельки (предъявлены эти предметы, найденные 3 июля при промывке и просевке глиняной площадки, л. д. об. том). Эти предметы вполне могут быть от цепочек, на которых у княжен были кресты на шеях[3]. Я вижу предъявленный мне Вами значок в виде флажка (предъявлен значок Уланского Ее Величества полка, найденный 2 июля при промывке малого колодца шахты, л. д. том). Этот значок принадлежит Государыне. Это ее значок.

Относительно цинкового кусочка со следами краски (предъявлен этот кусочек, найденный 8 июля при той же промывке, л. д. том), я ничего сказать не могу, так как не могу себе по этому кусочку представить самого предмета.

Я вижу предъявленную мне Вами материю лилового цвета, а не синего, как Вы говорите (предъявлены кусочки синей материи, найденные 10 июля при промывке малой и большой шахты, л. д. том). Это не от костюмов княжен, а, вероятно, от юбки Государыни. У нее была такая юбка.

Из остальных кусочков материи (предъявлены все остальные кусочки материи, найденные 10 июля при промывке малой шахты) я признаю один: черный с серыми полосками. Это от пальто Боткина.

Прочитано. А. Теглева.
Судебный следователь Н. Соколов.

238

Елизавета Николаевна Эрсберг, сведения о личности см. л. д. том [4].

Я вижу предъявленные мне Вами предметы[5]: золотые две петельки и часть петельки, серебряный значок Уланского полка и кусочек материи (предъявлены эти предметы, найденные 2 июля при промывке глиняной площадки, 2 июля при промывке малого колодца шахты, 10 июля при промывке того же колодца и 10 июля при промывке большого колодца шахты, л. д. том).

Я могу сказать относительно их следующее. Золотые петельки, возможно, принадлежат к шейным цепочкам от крестов княжен. Значок Уланского полка, безусловно, Государыни. Она его носила на браслете. Из кусочков материи я могу опознать только один, фиолетового цвета. Из такой материи была у Государыни юбка.

Прочитано. Елизавета Эрсберг.
Судебный следователь Н. Соколов.

239

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 18 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Тюмени, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Сергей Иванович Иванов, 33 лет, кр-н д. Дубининой Горки, Кончанской волости, Боровичского уезда, Новгородской губернии, живу в г. Тюмени на углу Успенской и Иркутской улиц в доме № 13–14, православный, грамотный, в деле чужой, не судился.

Я служил лакеем при Алексее Николаевиче с 1912 года.

/.../

В Тобольске мы сначала жили хорошо: лучше, чем в Царском, так как солдаты как-то привыкли к ним и к нам. Но потом стало все это ухудшаться. Это пошло после большевитского переворота. Солдаты стали распущеннее и стали себя вести опять так же, как и в Царском. Они испортили у детей горку, чтобы они не могли кататься, писали нехорошие слова на качелях, где качались княжны, перестали пускать их в церковь.

Так продолжалось до самого отъезда из Тобольска Государя. За ним приезжал в Тобольск комиссар Яковлев[6]. Я не могу Вам рассказать, как он в первый раз приходил к Государю, что он с ним говорил. У нас все думали тогда, что Государя везут в Москву. Я знаю от Седнева, что Седнев его спросил, куда же они едут? Государь сказал ему, что достоверно он сам не знает этого, но думает, что его везут в Москву или куда-либо дальше. А вот в момент отъезда я наблюдал отношение Яковлева к Государю. Государь поехал в одной шинели. Яковлев мне сказал: „Принесите ему что-нибудь". Я не понял, про кого говорит Яковлев, и спросил его: „Кому?" Он пренебрежительно махнул рукой в сторону Государя и сказал: „Ну, как его? Этому..." и махнул рукой. Я помню, что с Яковлевым приезжал тогда, кажется, его помощник Авдеев.

После отъезда Государя, Государыни и Марии Николаевны, спустя некоторое время, в доме у нас появился комиссар Хохряков[7]. Он должен был перевезти детей в Екатеринбург, где задержали Государя, Государыню и Марию Николаевну. А за несколько дней до нашего отъезда приехал еще начальник отряда Родионов[8]. Отряд у него был почти сплошь не из русских. Мне кажется, что это были латыши, но достоверно сказать, что это так, не могу. Может быть, тут были и мадьяры и латыши. С одним же из этих красноармейцев произошел удивительный случай. Его узнал лакей Трупп. Он оказался его родным племянником: сыном родного брата Труппа. Имени его и местожительства я не знаю. Но лакей Трупп родом откуда-то, кажется, из-под Риги. Он был польский латыш.

Яковлев, по-моему, человек не „привилегированный". Он мне казался рабочим, но из развитых. Авдеева я себе не представляю. Хохряков был, кажется, матрос. А вот про Родионова я сказать определенно что-либо затрудняюсь. Он мне больше всего напоминает „жандармского офицера". Такие все приемы были у него: весьма ехидные. Улыбочка у него была с ядом. Татищев говорил про него, что он его встречал за границей в Берлине.

Этот Родионов обращался с ними плохо. Он старался показать свою власть и требовал от княжен, чтобы они не смели запирать и закрывать дверей своих комнат на ночь, объясняя это тем, что он, если пожелает, может во всякое время прийти к ним. Даже в алтарь он поставил солдата, когда совершалось на дому богослужение. Когда мы ехали на пароходе, он запер на замок Алексея Николаевича вместе с Нагорным.

Из лиц, бывших при Царской семье, в дом Ипатьева попали: в первый отъезд Государя с Государыней и Марией Николаевной – Чемодуров, Седнев, Демидова, Боткин; во второй приезд детей в дом были взяты – Трупп, Харитонов, Нагорный и мальчик Седнев. Увезли еще тогда же во второй раз Гендрикову, Татищева, Шнейдер и Волкова.

Из вещей Царской семьи я знаю только вещи одного Алексея Николаевича. Я вижу предъявленную мне Вами пряжку с гербом от пояса, с застежкой (предъявлены эти вещи, описанные в пункте 4-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 45 об., том 2-й)[9]. Я положительно признаю ее за пряжку Алексея Николаевича. Именно она была у него на его ремне. Ремень на нем был желтый, к которому эта пряжка принадлежала. Алексей Николаевич любил одеваться просто, по-солдатски. Он носил гимнастерку, защитные штаны и сапоги. Гимнастерку он и подпоясывал этим поясом. Сверху он носил шинель из солдатского хорошего сукна на шелковой подкладке до пояса. Подкладка была тоже защитного цвета и шелк был в полоску: рубчиками.

Предъявленные мне Вами пуговицы с гербами (предъявлены пуговицы, описанные в пункте 14 того же протокола, л. д. 48, том 2-й) вполне могут относиться к шинели Алексея Николаевича. Его шинель имела крючки, которыми она застегивалась, а по середине шинели шли пуговицы: вот такие, как эти. (Я забыл, какой портной шил на Алексея Николаевича. Кажется, шил Нольдштром, или еще кто-то. На прислугу шил Лидваль.)

Государь в последнее время носил простой желтый пояс с пряжкой офицерского образца. Я вижу предъявленную мне Вами пряжку от пояса (предъявлена пряжка, описанная в пункте 16-м того же протокола, л. д. 48, том 2-й). Я думаю, что от пояса Государя пряжка: такая же была у него на поясе.

Какие пуговицы были на костюмах Алексея Николаевича, я не помню: както не обращал внимания я на это и опознать пуговиц не могу.

Я вижу предъявленный мне Вами клочок материи защитного цвета (предъявлен кусочек материи защитного цвета, найденный 25 мая вблизи глиняной площадки, л. д. об., том). Я ничего определенного про него сказать не могу. Возможно, что он от кармана брюк Алексея Николаевича. Я вижу три предъявленные мне Вами кусочка обгорелого сукна, а не войлока (предъявлены три кусочка „войлока", найденные 25 мая вблизи кострища на глиняной площадке, л. д.

том)[10]. Я положительно думаю, что это остатки сукна от шинели Алексея Николаевича: совершенно такого же сукна была у него шинель.

Алексей Николаевич, как мальчик, любил собирать свинцовую бумагу, винтовочные и револьверные патроны. Таких вещей много было у него в карманах. Еще он собирал старые гвозди.

Я Алексея Николаевича люблю. Хороший он был мальчик. Он был веселый, довольный. Любил он шутки, игры. С Нагорным они всегда, бывало, спорят из-за всего, но только не зло, а по-хорошему. Он любил больше всего играть с ружьем: в солдат. Любил еще играть на балалайке. Характер, однако, он имел не такой, как у отца, а настойчивый и походил характером на мать. Его все они любили, но он сам больше подвержен был, по-моему, матери, чем отцу. Она была больше с ним, и он всегда ссылался на ее приказания.

Больше показать ничего не могу. Показание мое мне прочитано.

Сергей Иванович Иванов.
Судебный следователь Н. Соколов.

240 – 241

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 22 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Ишиме, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

240

Анатолий Иванович Белоградский, 46 лет, врач-инспектор Красного Креста в районе Сибирской армии, сейчас нахожусь, по случаю эвакуации Екатеринбурга, в г. Ишиме, Тобольской губернии, православный, в деле чужой, не судился.

Я теперь не помню, какого числа это было в прошлом году[1]. Только я был приглашен тогда товарищем прокурора Александром Тимофеевичем Кутузовым[2] присутствовать при осмотре дома Ипатьева, где содержалась в заключении Императорская семья. Я думаю, что я был тогда приглашен как понятой. Тогда при осмотре были: Кутузов, исполнявший в то время обязанности прокурора суда, товарищ прокурора Николай Иванович Остроумов, судебный следователь по важнейшим делам Наметкин, представитель Академии Генерального штаба, по фамилии мне неизвестный, доктор Деревенко и Чемодуров.

Вошли мы прежде всего в вестибюль с парадного хода, который ведет в верхний этаж дома Ипатьева. Я помню, что в нем была сорвана дверь, ведущая в то отделение, где находятся ванная и уборная. Дверь эта носила в области верхнего косяка многочисленные следы ударов штыка. Особого в этом мы ничего тогда не усмотрели, так как следы этих ударов, судя по самому расположению их, свидетельствовали лишь о простом озорстве, хулиганстве бывших здесь красноармейцев. Вестибюль, о котором я сейчас говорил, вот этот самый, который изображен на предъявленном мне Вами фотографическом снимке (предъявлен верхний фотографический снимок на листе дела 214-м, том 3-й). Видимая на снимке дверь и была сорвана с петель. Иных следов разрушения в вестибюле я не помню.

Дальше мы пришли в прихожую, где, вероятно, раздевались приходившие в дом люди. Здесь, как мне помнится, печки были открыты (хорошо не помню, в этой ли комнате) и на полу лежала зола, а, может быть, она и при нас была извлечена.

Затем мы прошли в зал, гостиную, столовую, комнату Демидовой, комнату великих княжен и комнату Государя и Государыни. В гостиной, вот этой самой комнате, которую я сейчас вижу на снимке (предъявлен фотографический снимок на листе дела 215-м, том 3-й, нижний снимок), была плетеная кушетка Государыни, как говорил тогда Деревенко, та самая, которая и изображена на снимке. В столовой, изображенной на предъявленном мне Вами фотографическим снимке (предъявлен верхний фотографический снимок на листе дела 216-м, том 3-й), в буфете, обозначенном на этом снимке, были иконы, принадлежащие, как тогда говорили, Августейшей семье. Здесь же стояла коляска на резиновых шинах, принадлежащая кому-то из Августейших особ, как она и изображена на снимке. Комната великих княжен и комната Государя и Государыни были, кажется, в таком виде, как они значатся на предъявленных мне Вами фотографических снимках (предъявлены фотографические снимки на листе дела: нижний снимок на листе дела 216-м, том 3-й и верхний на листе дела 217-м, том 3-й).

Я не помню хорошо, при нас ли тогда была извлечена зола из печи в комнате княжен, или же она была извлечена еще до нас. В комнате Государя и Государыни, как я помню, на умывальнике был беспорядок: как будто бы кто пользовался умывальником и оставил его в таком виде. Я не помню, были ли кровати в комнатах, где имела пребывание Августейшая семья, или же кроватей вовсе не было. Общее впечатление, какое оставлял тогда дом Ипатьева, было вот какое: дом брошен хозяевами, хозяев нет в нем, в нем хозяйничали чужие люди, уничтожившие в печах разные мелкие по величине вещи Августейшей семьи; лишь немногие вещи уцелели из мелочи. Иных подробностей и деталей я не помню. В частности, например, не могу припомнить нахождения иконы, у которой бы был сорван венец из бриллиантов[3], или что-либо подобное.

Комната, где помещались комиссары, оставляла впечатление, что здесь находилась какая-то банда: все здесь было навалено и разбросано. Припоминаю, что в этой комнате, кажется, где-то были найдены четки, кажется, Императрицы. Эта самая комната изображена на предъявленном мне Вами фотографическом снимке (предъявлен фотографический снимок на листе дела 215-м, том 3-й, верхний снимок). Я не помню, находили ли тогда в доме какие-либо окровавленные предметы, например, тряпки, полотенца, салфетки.

Кроме верхнего этажа, осматривали мы тогда и нижний этаж. В нижнем этаже комнаты были подвальные, грязные. Я хорошо помню, что в одной из комнат нижнего этажа были какие-то иконы, и Деревенко тогда же называл эти иконы и говорил, кому принадлежит какая. В одной из комнат нижнего этажа, видимо, и произошел расстрел Августейшей семьи. Это та самая комната, которую я сейчас вижу на снимке (предъявлен нижний фотографический снимок на листе дела 220-м, том 3-й). В стене ее, соседней с другой комнатой, дверь в которую была тогда заперта, в этой двери и в стене с окном были следы пуль. Следы пулевых попаданий были также и в полу. Самый пол этой комнаты носил явственные следы замывки. Были ли такие же следы замывки в прихожей комнате, теперь не помню.

Когда мы были в этой комнате, сюда явился, как я это хорошо помню, Кирста[4]. Не могу Вам ничего рассказать про то, как он относился к тому, что было перед нами. Теперь я не помню этого. Помню лишь, что у меня осталось тяжелое впечатление от Кирсты: как будто актер какой явился сюда. Так он как-то легкомысленно, несерьезно держал себя в это время. Заходили мы тогда и на террасу. Там, я помню, были одни лишь надписи скабрезного характера. Больше я ничего не могу Вам рассказать про дом Ипатьева.

Я знал врача Кенсорина Сергеевича Архипова[5]. Он работал в 1916 году в качестве ординатора в Екатеринбургском местном военном лазарете. Он работал в хирургическом отделении. Я про него могу сказать следующее. Он, как мне изве-

стно, не имеет диплома об окончании высшего медицинского учреждения и получил звание врача по монаршей милости в войну, как лицо, прослушавшее 10 семестров. Он умел и мог работать. Но на нас врачей (я в этом лазарете был старшим врачом, когда там работал Архипов) он производил странное впечатление. Это был резкий, дикий человек. Говорит-говорит и обязательно спорит какую-нибудь дичь. Это был неуравновешенный человек, резкий неврастеник. Он ушел от нас в 1916 году, но куда, я не знаю. По моему мнению, когда началась революция, его не было в Екатеринбурге. Он был где-то на стороне, но где именно, не знаю.

Юровского[6] я тоже знал. Это крещеный еврей, ротный фельдшер. Он был в близких отношениях с Архиповым. Оба они были в одном отделении. Что их сводило, я не знаю. Но близость их была заметна всем. В то время у нас была субординация. Ротный фельдшер был в повиновении у врача. У них же отношения были особые: близкие. Тогда Архипов как-то заболел воспалением легких. Говорили, что около него неотступно находился Юровский. Я сам тогда как-то навестил Архипова и видел там у него Юровского. Политического облика Архипова и Юровского я не знаю: я был для них человеком определенным – монархист, и они при мне держались замкнуто.

Когда произошла революция, Юровский сразу всплыл на поверхность. Он был избран командой лазарета в совет рабочих депутатов. Первым делом он стал мутить у нас в лазарете: гнилым мясом кормил больных. Ничего из этого у него не вышло. Тогда он взял у нас двухмесячный отпуск и куда-то пропал. Я уехал после этого на Кавказ и вернулся к осени. Произошел большевитский переворот: Юровский попал в заправилы у екатеринбургских большевиков. Что он у них делал, я не знаю, но он втирался везде, как было слышно, и, в конце концов, попал в коменданты дома Ипатьева.

Немного знал я и врача Саковича[7]. Это был кадровый военный врач. Имя его до революции Уралу не было известно. Откуда он появился на Урале, я не знаю. О нем стали говорить в революцию. Когда произошел большевитский переворот, он стал областным комиссаром здравоохранения: большим лицом у большевиков. Это был человек, видимо, приспосабливавшийся к большевикам и не считавшийся с моралью. Я однажды помню, как на одном профессиональном собрании врачей в нашем госпитале он, обращаясь к врачам, сказал: „Я по убеждениям всегда был эсер". Много тогда мы смеялись над этими его словами: кадровый военный врач, кончивший Военную академию, состоящий на действительной военной службе и вдруг эсер: кажется, ни в какие ворота не влезешь. Его противниками были врачи Спасский и Барохович. (Последний служит, вероятно, и теперь земским врачом во Владимирской губернии.)

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: вырезка из медицинских пособий (предъявлены листки из медицинских книг, описанные в пункте 14 и 15 протокола 19–22 июня сего года, л. д. том) и кости (предъявлены кости, описанные в пунктах 37 и 38 того же протокола, л. д. том)[8]. По поводу их я могу сказать следующее. Вряд ли эти листочки из медицинских пособий могут быть „фельдшерской" литературой. Это скорее врачебные пособия. Что же касается костей, то я не исключаю возможности принадлежности всех до единой из этих костей человеку. Определенный ответ на этот вопрос может дать только профессор сравнительной анатомии. Вид же этих костей свидетельствует, что они рубились и подвергались действию какого-то агента, но какого именно, сказать может только научное исследование. Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Анатолий Иванович Белоградский.
Судебный следователь Н. Соколов.

Валериан Сергеевич Котенов, 34 лет, горный инженер, временно, по случаю эвакуации Екатеринбурга, нахожусь в г. Ишиме, Тобольской губернии, православный, в деле чужой, не судился.

В прошлом году летом моя мать жила на даче в Коптяках. Хорошо помню, 18 июля по новому стилю, приехал ко мне кр-н, у которого жила на даче моя мать, по фамилии, кажется, Швейкин[9], и привез мне записку от матери. Мать писала, что Коптяки окружены и что пребывание там не безопасно. Записка была привезена мне в мое отсутствие, так что расспросить кр-на, доставившего записку, в чем там было дело, я не мог.

В тот же день 18 июля, приблизительно часа в 3 дня, я выехал в Коптяки. Я запряг две лошади. На одной поехал я сам, на другой – мой кучер, имя и фамилию которого я забыл. Поехали мы обычной дорогой на Коптяки через Верх-Исетский завод. Ехали мы к разъезду № 120 не времянкой, а основной дорогой к переезду № 184[10]. Проехали мы переезд, отъехали несколько десятков сажен от него и выехали на полянку, первую за переездом, ту самую, которая изображена на предъявленном мне Вами фотографическом снимке (предъявлен фотографический снимок, находящийся вверху листа дела том).

Здесь на полянке стоял один грузовой автомобиль, защитного цвета, приблизительно 2 тонн. Недалеко от автомобиля стояла лошадь вороная, небольшая, со стриженой гривой, запряженная в коробок. В коробке сидел мужчина, мне не известный. Наружности его я себе не представляю и не могу сказать, был ли он стар или молод. Помню я лишь, что на голове у него была черная кожаная фуражка. Он сидел не на козлах, а в самом коробке. Около него, положив ногу на подножку коробка, стоял другой мужчина. Наружности его я также не заметил и совершенно не видел его лица, так как он стоял ко мне спиной. Он был в черной коричневой /так!/ фуражке, и, как мне тогда показалось, он был шофером грузового автомобиля. Недалеко от автомобиля расхаживал какой-то, видимо, красноармеец. Он был в гимнастерке, защитных шароварах, папахе. У него были небольшие рыжие усы, бритая борода. Из-под папахи виднелись рыжие волосы на голове. На вид ему было лет 25. Этот красноармеец имел в руках наган. Он подошел ко мне, когда я подъехал к ним, и, грозя мне револьвером, сказал мне, что дальше ехать нельзя. Я спросил его, в чем дело. Он мне ответил, что в лесу идет ловля белогвардейцев, скрывающихся в лесу. Я стал ему говорить, что у меня в Коптяках срочное дело, что я еду по делам триангуляции Урала. Тогда он мне ответил: „Вон стоит товарищ из Чрезвычайной комиссии. И его не пускаем". После этого разговаривать, конечно, было нечего. Его слова о товарище из Чрезвычайной комиссии относились именно к человеку, который сидел в коробке.

Тогда я попросил напиться у красноармейца. Он мне указал на автомобиль. Я полез на автомобиль. На автомобиле стоял железный бочонок от бензина. Я утверждаю, что это был именно бочонок от бензина. В таких бочонках всегда бывает бензин. Здесь же на автомобиле стоял медный кувшин, вроде корчаги, а около него медный же ковш. В кувшине была вода. Я сел на бочонок из-под бензина и стал пить воду из медного кувшина. Сидя на бочонке, я его покачивал и чувствовал, что бочонок был пуст. В это время я снова стал говорить красноармейцу, чтобы он нас пропустил, что, авось, мы никаких белогвардейцев не встретим. Тогда он мне сказал, что если он меня и пропустит, то дальше все равно стоит застава, которой приказано, в случае чего, стрелять.

После этого я повернул лошадей и поехал в объезд по полотну вновь строющейся дороги, идущей к медному руднику. Я выехал на медный рудник, а отсюда я прибыл к Исетскому озеру на дачу Логинова, находящуюся в северо-восточном направлении от Коптяков. Никаких кордонов здесь по дороге, по которой я ехал, не было. Разговор мой с красноармейцем происходил, приблизительно, часов в 5

вечера. В Коптяки я приехал в час ночи на 19. Утром часов в 12 я выехал в Екатеринбург[11]. Ехали мы обычной дорогой из Коптяков в Екатеринбург. Никаких застав в это время уже не было на Коптяковской дороге.

Я точно воспроизвожу Вам числовые даты. Я их помню хорошо.

Выезжая в Коптяки, я ничего не слышал об убийстве Царской семьи. После возвращения в Екатеринбург числа 20 или 21 в городе был митинг. Мне рассказывал товарищ мой инженер Антон Евгеньевич Гутт, бывший на этом митинге, что на нем Голощекин[12] объявил о расстреле Императора. Про Августейшую семью, насколько я помню, Голощекин, по словам Гутта, говорил, что она вывезена. Гутт рассказывал, что кто-то из публики, когда Голощекин сказал о расстреле Императора, крикнул: „Покажите труп", и это замечание будто бы вызвало у Голощекина и у бывшего на митинге Белобородова замешательство. Когда появилось в городе печатаное объявление о казни Императора, расклеенное большевиками по городу, я не могу сказать. В городе знали о перевозе сначала одного Императора с Императрицей и дочерью, а потом всей остальной семьи. Забора в первый момент в городе еще не было около дома Ипатьева. Он был выстроен потом в два приема: сначала был выстроен малый забор, а потом большой.

Юровского я знал в лицо. Он был фотограф в Екатеринбурге и имел мастерскую. По национальности он был еврей, перешедший в православие[13]. В войну он заделался в ротные фельдшера. Ничем он положительно не выделялся до революции. В революцию он выплыл и о нем стали говорить при большевиках, как о большевике. Он был и комиссаром юстиции и деятелем в чрезвычайке. В то же время он был и комендантом в доме Ипатьева. Голощекина я видел один раз. Откуда он и что он собой представляет, не знаю. По национальности он тоже жид.

Борис Владимирович Дидковский[14] приехал на Урал из Женевы, где он был коллекционером профессора Дюпарка. Дюпарк, профессор по геологии, приезжал на Урал и работал на Николае-Павдинском горном округе. С ним и приезжал тогда Дидковский. Какой он национальности, я не знаю. Доктора Кенсорина Сергеевича Архипова я не знаю.

В первые дни после падения власти большевиков в Екатеринбурге мне пришлось задержать мать Юровского. Она тогда скрывалась в одном из подвалов какого-то полуразрушенного дома на какой-то улице около Екатеринбурга II. Она там скрывалась с какой-то другой еврейкой, мне не известной.

У Дидковского при большевиках была любовница, какая-то девчонка. Я видел однажды на ней очень изящные дамские походные сапоги. Потом мне пришлось видеть фотографическую карточку одной из великих княжен, когда она пилила дрова с Государем. Сапоги на ней, как они были изображены на снимке, очень походили на сапоги, которые я видел на любовнице Дидковского. Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Я точно могу Вам определить количество бензина, которое должно было входить в бочонок, что был на грузовом автомобиле. Это был бочонок на 10–11 пудов. Прочитано[15].

Горный инженер Валериан Сергеевич Котенов.
Судебный следователь Н. Соколов.

242

ПРОТОКОЛ

1919 года, июля 23–27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Ишиме, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Мария Густавовна Тутельберг, 56 лет, мещанка из г. Ревеля, проживаю временно в г. Ишиме, лютеранского вероисповедания, грамотная, в деле чужая, не судилась.

Я состояла в должности камер-юнгферы при Ее Величестве Государыне Императрице Александре Федоровне. На эту должность я была назначена в год выхода замуж Ее Величества за Государя Императора Николая Александровича по рекомендации камер-фрау при Государыне Императрице Марии Федоровне[1] фон-Флотовой. Из женского персонала я самая старая слуга при Ее Величестве.

/.../

В Тобольск мы выехали 1 августа и прибыли туда 6 августа по старому стилю. До 13 августа мы жили на пароходе, так как дом для нас был не готов. 13 числа Царская семья перешла с парохода в Губернаторский дом. Из лиц, находившихся при Царской семье, с ней жил в этом доме только один Жильяр. Все остальные жили рядом в доме Корнилова. В Тобольске жили хорошо, пока управлял Кобылинский и не утесняли нас большевики. Был, правда, назначен, спустя некоторое время после нашего прибытия в Тобольск, комиссар Панкратов и его помощник Никольский[2]. Панкратов первое время держал себя, как „хозяин". Но, когда он узнал на самом деле Государя и всю его семью, он стал хорошо к ним относиться, и заботился, как мог, о них. Про Никольского я ничего не могу сказать. Я его не знала и ничего о нем не слышала. Обидел ли он однажды Алексея Николаевича и чем, я не знаю. До вмешательства большевиков в нашу жизнь мы жили хорошо. Стол был хороший и всего было достаточно.

Когда же большевики распорядились, чтобы Царская семья жила на свои средства, тут стало хуже. Стол стал совсем другой, было уволено много прислуги. Солдаты стали вести себя нехорошо. Однажды я сама видела, как они сидели, развалившись, когда мимо них проходил Государь, и не приветствовали его. Однажды они написали какие-то нехорошие слова на качелях, где качались княжны. Однажды они перерыли ледяную гору, на которой катались дети. Это было им очень грустно, потому что строили они эту гору сами и никаких иных развлечений у них не было. Потом солдаты перестали пускать Царскую семью в церковь, и богослужение совершалось на дому. Они иногда не пускали даже певчих, и Великим постом пели хором за богослужениями Государыня и княжны под управлением дьячка. Потом солдаты выселили всех из Корниловского лома в Губернаторский и перевели всех выселенных туда на положение арестованных.

Время дня проходило у детей в занятиях. Государь или читал, или занимался физическим трудом во дворе. Иногда он шел в караульное помещение солдат с Алексеем Николаевичем и был там с солдатами.

В апреле месяце приехал комиссар из Москвы Яковлев[3]. С ним были еще какие-то два лица, но я их не помню. Я не знаю, как Яковлев обращался с Государем и Государыней и что с ними говорил. Государыня же тогда была очень огорчена предстоящим отъездом из Тобольска. Я прямо должна сказать, что это был для Ее Величества самый тяжелый момент. Этот момент был для нее гораздо тяжелее, чем революция. Она страшно убивалась. Я попыталась ее утешить. Она сказала мне: „Не увеличивайте, Тутельс, моего горя. Это самый для меня тяжелый момент. Вы знаете, что такое для меня сын. А мне приходится выбирать между сыном и мужем. Но я решилась и надо быть твердой. Я должна оставить мальчика и разделить жизнь или смерть мужа".

Уехал Государь с Государыней и Марией Николаевной 13 апреля по старому стилю. С ними уехали: Долгорукий, Боткин, Чемодуров, Седнев и Демидова. Экипажи им были поданы плохие. Государыня писала потом Ольге Николаевне, что ее экипаж развалился дорогой, и они ждали в какой-то избушке в деревне, пока им дали другой экипаж. В этом письме она жаловалась на дорогу. Она писала, что по приезде в Екатеринбург она чувствовала себя плохо и дня четыре лежала: страдала сердцем. Она жаловалась на тесноту помещения. Кажется, еще и Демидова пи-

сала кому-то, что первое время они все жили в каком-то подвальном помещении и пищу им давали солдатскую. Потом их перевели в другое помещение и стали им давать пищу из какой-то столовой. Обедали они вместе с прислугой.

Куда увозил Яковлев Государя с Государыней из Тобольска, я не знаю. Удивились ли тогда дети, что они остались в Екатеринбурге, я не знаю. Что говорили солдаты по своем возвращении после проводов их, я не знаю и не знаю, возвращались ли даже эти солдаты.

В мае месяце к нам пришел новый комиссар Хохряков и какой-то Родионов[4]. Кто такой был Хохряков и Родионов, не знаю. Главным из них, как мне казалось, был Родионов. Он похож был на интеллигентного человека: на офицера, но грубого. Я не знаю, как он обращался с княжнами, а с монашками, которые тогда приходили петь за богослужением, он обходился худо: он их обыскивал перед тем, как пустить их в комнаты. Когда мы потом в Тюмени садились в вагон 4-го класса, он нам сказал: „Вам теперь по-другому жить придется".

В Тобольск Царской семье были лишь взяты вещи из одежды, белья, обуви, посуды, столового белья. Были взяты походные кровати, некоторые картины и ковры, немного ламп. Эти вещи частью были взяты при отъезде самой Царской семьи, частью они были доставлены впоследствии. Когда Государь с Государыней и Марией Николаевной уезжали из Тобольска, они взяли свои походные кровати. Когда уезжали мы с детьми, тогда Родионов взял все из дома: все вещи, принадлежащие Губернаторскому дому.

Опознавал ли Татищев или Гендрикова или Буксгевден Родионова, я не знаю и не слыхала об этом ничего. Я ничего не знаю, как обходился Родионов с Нагорным. Я не слышала, чтобы Родионов плохо обращался с княжнами и Алексеем Николаевичем. Я слышала, что он „советовал" княжнам не запирать дверей их кают, мотивируя это требованиями безопасности для них же самих: может ведь случиться пожар. Я знаю, что он запер каюту Алексея Николаевича снаружи на замок, но, по-моему, он это сделал из хороших побуждений: мало ли кто может взойти, а внутренней охраны не было.

Мы приехали в Екатеринбург 9 или 11 мая. Детей тогда же увезли в дом Ипатьева. Взяли из нашего поезда Гендрикову, Татищева, Шнейдер, Труппа, Харитонова, Нагорного, Волкова, мальчика Седнева. Пробыли мы несколько дней в городе в вагоне. Я ходила в эти дни в город и смотрела дом Ипатьева, где находилась Царская семья. Дом Ипатьева в это время уже был обнесен забором, но сначала одним: у самых окон дома. Когда мы еще не уехали из Екатеринбурга, был выстроен и второй забор, закрывший дом с улицы вместе с воротами. Спустя некоторое время я уехала в Камышлов, где и жила.

Я вижу предъявленную мне Вами фотографическую рамочку (предъявлена фотографическая рамочка, описанная в пункте „а" 1 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10, том 2-й)[5]. Такой рамочки не было в вещах Ее Величества. Возможно, что она принадлежит одной из княжен.

Я вижу фотографическое изображение серьги, предъявленное мне Вами (предъявлено фотографическое изображение серьги, описанное в том же пункте того же протокола, л. д. 10 об., том 2-й). Я положительно утверждаю, что на этом снимке изображена одна из парных серег Ее Величества. Каждая из таких серег имела белую прекрасную жемчужину и над ней – бриллиант. Это были самые любимые серьги Ее Величества. В них она поехала из Тобольска. Она их на ночь снимала. Я вижу предъявленные мне Вами фотографические карточки Ее Величества (предъявлены две фотографические карточки, полученные на предварительном следствии от г. Жильяра, одна из каких описана в пункте „з" протокола 10 февраля сего года, л. д. 14, том 2-й, и другая значится в протоколе 5 марта сего года, л. д. 111, том 2-й). На этих снимках Ее Величество изображена в этих именно серьгах.

Про фотографическое изображение трех частей жемчужины на предъявленном мне Вами снимке (предъявлен снимок частей жемчужины, описанных в пункте „а" 2 того же протокола, л. д. 10, том 2-й) я затрудняюсь сказать что-либо опре-

деленное, так как снимок свойств жемчуга не передает. Из золотых украшений, изображенных на том же снимке, я останавливаюсь на одном и думаю, что это есть часть той самой серьги Ее Величества, о которой я сейчас говорила: та именно часть, которая составляет дугу серьги.

Я вижу предъявленный мне Вами снимок топаза и осколка его (предъявлен снимок топаза и осколка топаза, описанных в том же пункте, л. д. 10, том 2-й). Это бусы горного хрусталя. Такие бусы были у всех княжен. Была ли в них Мария Николаевна, уезжая из Тобольска, я не помню. А княжны имели эти бусы на себе.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами вещи, как Вы говорите, „два осколка от стекла". Я категорически удостоверяю, что это вовсе не осколки стекла. Это осколки изумруда. У Ее Величества было очень много таких вещей, в которых были изумруды. Эти осколки от очень крупного изумруда. Но я затрудняюсь сказать, от какого именно предмета эти осколки. Возможно, что это разбитое изумрудное яйцо Ее Величества, возможно, что это и от других предметов.

Я должна сказать, что с драгоценными вещами мы поступили, когда мы все с детьми уезжали из Тобольска, таким образом. Мы бриллианты и большую часть жемчугов пришили вместо пуговиц к костюмам трех княжен – Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны и Анастасии Николаевны. Костюмы эти были из шерстяной материи. Один костюм был серого цвета (материя „фантазия"), другой – синего (шевиот) и третий – черного (также шевиот). Это были летние наружные костюмы, в которых можно было ехать в дорогу. Затем были зашиты бриллианты в черную бархатную шляпу Ольги Николаевны и в синюю шляпу (не знаю, из какой материи) Татьяны Николаевны. Не знаю, были ли зашиты бриллианты в шляпу Анастасии Николаевны. Также бриллианты и жемчуга, рубины, сапфиры и изумруды были зашиты в лифчики Татьяны Николаевны и Анастасии Николаевны. Ольга же Николаевна надела на себя несколько ниток жемчугов. Некоторые драгоценности, более простые, мы положили вместе с другими вещами в сундук. Сундук был простой, из полированного дуба, с инициалами Ее Величества. Он был размерами, в длину – аршина 1 1/2[6], в высоту – четверти 2, в ширину – четверти 3. Сама я драгоценностей не зашивала никуда. Я только передавала драгоценности Ее Величества Теглевой и Эрсберг, а они зашивали их.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами две пуговицы: одну фирмы Лидваля, другую, рассыпающуюся, перламутровую. Про первую я ничего сказать не могу, так как она мужская. Про вторую пуговицу я могу сказать положительно, что такие пуговицы ставились к подвязкам Ее Величества и княжен. Шил ли на Государя и Алексея Николаевича портной Лидваль, я не знаю. Фамилию портного Нольдштром я слышала. На Ее Величество и княжен шили портные Бризак и Михайлов, а ранее шил еще Китаев.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами фотографические изображения образков (предъявлены фотографические изображения образков, описанных в пунктах 4-6 того же протокола, л. д. 11 об. – 12, том 2-й). Ничего определенного про них сказать не могу. Таких образков маленьких у них было много, и они могли взять их с собой, если бы они, например, куда-либо собирались ехать из дома.

/.../

Я вижу осколки эмали (предъявлены эти осколки, описанные в пункте 15-м того же протокола, л. д. 13, том 2-й). Это, вероятно, от образков, которых изображения Вы мне показывали.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: кнопки, крючки, петли, фестоны, 2 пуговицы, винтики, гвоздики, пряжку от пояса, ленточку и крючок от подвязок или, как у Вас написано, „металлическую застежку от мужского или женского платья" (предъявлены эти предметы, описанные в пункте 15-м того же протокола, л. д. 13 и 13 об., том 2-й). Про эти вещи я могу сказать следующее. Кноп-

ки – это хорошие кнопки, французские. Они все. видимо, бризаковские и могли быть от костюмов и Ее Величества и княжен. То же самое я должна сказать и про крючки и про петли. Фестоны вполне могут быть от их корсетов. Из двух пуговиц одна мужская и я про нее ничего сказать не могу, а другая вполне подходящая для синего верхнего костюма Ее Величества: такие именно пуговицы, только обтянутые материей, были на ее костюме. Про винтики и гвоздики я ничего сказать не могу. Пряжка от пояса может быть только нижней частью пряжки, верхней же части я не вижу. Государыня, однако, таких пряжек не носила. Это может быть от пряжки княжен. Ленточка, как указывает самый ее вид, была пришита к какому-то костюму. Возможно, что она и от костюма Ее Величества и княжен. Крючок от подвязок не принадлежит Ее Величеству, возможно, что он принадлежит кому-либо из княжен.

Я вижу предъявленные мне Вами изображения бриллианта и креста (предъявлены изображения сих предметов, описанных в пунктах „в" и „г" того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й). Я могу сказать про них следующее. Я категорически опознаю и бриллиант и крест. Эти вещи принадлежат Ее Величеству. Этот бриллиант – в серебряной оправе. Это подарок Ее Величеству от Его Величества по случаю рождения одной из княжен. Крест – это подарок Ее Величеству Государыни Императрицы Марии Федоровны. Бриллиант был зашит вместо пуговицы в костюм одной из княжен, а крест в лифчик одной из княжен.

Я вижу предъявленные мне Вами три бусы, пару пряжек от туфель, тоненькие пружинки и пряжку от мужского пояса маленькую (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 1–4 протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 45 об., том 2-й)[7]. Бусы эти такие же, про какие я говорила и раньше: это бусы горного хрусталя от ожерельев княжен. Такие пряжки от туфель кого-либо из великих княжен: у них были такие пряжки на туфлях с камнями. Пряжка от пояса – пряжка Алексея Николаевича: совершенно такая же была у него на ремне. Про пружинки я также ничего не могу сказать, как и про те, которые Вы мне показывали раньше.

Я вижу предъявленные мне Вами корсетные кости и планшетки (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 5–8 того же протокола, л. д. 45 об. – 46, том 2-й). По внешнему виду их я, конечно, не могу сказать, кому они принадлежат. В корсетах Ее Величества спереди и с боков были железные пластинки, обтянутые лайкой. Сзади в ее корсетах находился китовый ус. Как были устроены корсеты княжен, я не скажу, а также и про корсет Демидовой ничего не знаю. Но вообще я могу сказать, что княжны должны были всегда носить корсеты. Также всегда носила корсет и Демидова.

Я вижу предъявленные мне Вами пряжки и крючки (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 9 и 10 того же протокола, л. д. 46 об. – 47, том 2-й). Пряжки могут относиться к подвязкам княжен и Демидовой. Крючки – также. У Ее Величества у подвязок крючков таких не было.

Я не знаю, носил ли Боткин пенсне. Я видела у него очки.

Государыня в Тобольске носила очки во время работы. Ее Величество, вероятно, от слез стала страдать глазами в Тобольске, и ей какой-то тобольский доктор назначил очки. Они были большие и в черепаховой оправе. Принадлежит ли стекло, которое Вы мне сейчас показываете (предъявлено стекло, описанное в пункте 12-м того же протокола, л. д. 47 об., том 2-й), к очкам Ее Величества, я не знаю.

У Государя Императора и у Алексея Николаевича на их шинелях были такие же пуговицы, как и те, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены пуговицы, описанные в пункте 14-м того же протокола, л. д. 48, том 2-й).

/.../

Про американский ключ и про монеты, которые я вижу (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 19 и 20 того же протокола, л. д. 48 об., том 2-й), я ничего сказать не могу. Я могу лишь сказать, что Алексей Николаевич любил собирать и хранить у себя разные ненужные предметы. Возможно, что эти вещи и его.

Я вижу три предъявленные мне Вами пряжки (предъявлены пряжки, описанные в пункте 21-м того же протокола, л. д. 48 об., том 2-й). Из них одна – от туфель Ее Величества. Это были шевровые туфли, черной кожи, или же цвета бронзы (двое было туфель с такими пряжками) на невысоких каблуках, с узким длинным носком. (Обувь Ее Величества и великих княжен изготовлялась Вейсом.) В таких туфлях Ее Величество вполне могла выехать в дорогу. Другая пряжка есть часть пряжки с драгоценным украшением от пояса или Ее Величества или княжен. Третья пряжка – от мужских помочей.

Я вижу 12 предъявленных мне Вами пуговиц, колечко с обгорелой материей, кнопки, фестончики от корсетов, 3 крючка, 2 петли, обломок какого-то металлического предмета (предъявлены эти предметы, описанные в пункте 22-м „а"–„е" того же протокола, л. д. 48 об. – 49, том 2-й). Из этих пуговиц 5 мужских, и я про них ничего сказать не могу. 7 же остальных – женские пуговицы, бельевые. Они вполне могли принадлежать к белью Ее Величества или княжен. Колечко, вернее всего, от зонтика. Кнопки, вероятно, от юбок. Кнопки все эти французские, хорошие, вероятно, бризаковские. Фестоны – все от корсетов, возможно, и Ее Величества и княжен. (Корсеты им делали какие-то петроградские мастера, фамилии их не знаю.) Крючки и петли – безусловно, бризаковские. Что представляет собой обломок металлического предмета, я не знаю.

Я вижу предъявленную мне Вами пару мужских перчаток (предъявлены перчатки, описанные в пункте 1-м протокола 19–22 июня сего года, л. д. том)[8]. Я не знаю, чьи они. Государь и Алексей Николаевич не любили носить перчаток. Государь надевал перчатки только в исключительных случаях, когда этого требовал этикет. Зимой он носил перчатки старые, вязаные, сильно заштопанные.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами обгорелые какие-то предметы (предъявлены эти предметы, описанные в пункте 30 того же протокола, л. д. том)[9]. Среди них я вижу части обуви. Вероятно, это обгорелая мужская обувь. Но среди обгорелых предметов, как мне думается, есть и сплавившаяся от огня материя. Кроме того, кусочки этой материи ясно сохранились в некоторых кусках. Эта сплавившаяся материя и отдельные кусочки материи мне напоминают темно-синего цвета, рубчатую материю: „серж" английский, из которой были сшиты дорожные костюмы Государыни и княжен.

/.../

Я вижу предъявленный мне Вами рубин (предъявлен рубин, описанный в пункте 54-м того же протокола, л. д. том)[9]. Вполне возможно, что это рубин и Ее Величества. Но очень трудно сказать, в состав какого именно драгоценного предмета он входил. Относительно рубиновых камней я должна еще сказать следующее. Государь подарил Ее Величеству рубиновое кольцо, когда Ее Величеству было еще 15 лет. Они тогда уже были влюблены друг в друга. Это было на свадьбе великой княгини Елизаветы Федоровны, когда Государь подарил Ее Величеству кольцо. После этого они 8 лет мечтали друг о друге, и Ее Величество, когда Государь, будучи еще наследником, совершал свое кругосветное путешествие, очень волновалась за него, а особенно Ее Величество убивалась, когда Государю какой-то злодей в Японии причинил повреждение головы. Об этом мне рассказывала старая няня Ее Величества мисс Очерт. Это рубиновое кольцо Ее Величество носила всегда на шейной цепочке вместе с крестами.

/.../

Я вижу обрывок цепочки (предъявлен обрывок золотой цепочки, описанный в пункте 71-м того же протокола, л. д. том)[9]. Это обрывок, безусловно, от браслета. Для шейных цепочек Ее Величества и княжен он тонок. Это обрывок той цепочки, которая ставится около запора браслетов, как предохранитель: браслет раздвинется, если запор откроется, а цепочка не дает браслету упасть с руки. Таких браслетов с такими цепочками у Ее Величества и у княжен было несколько. Такие браслеты были на них на всех в момент отъезда их из Тобольска.

Я вижу предъявленные мне Вами 11 жемчужин (предъявлены жемчужины, описанные в пункте 72-м того же протокола, л. д. том)[9]. Жемчужных украшений вообще у них было много. Ольга Николаевна надела на себя много жемчугов в момент отъезда из Тобольска. Кроме того, у Ее Величества из таких жемчужин, как эта, была целая цепочка. Она хранилась в коробке с образами.

Я вижу две маленькие бусы (предъявлены две бусы, описанные в пункте 73-м того же протокола, л. д. том)[9]. Я уверена, что это две бриллиантовые бусинки. У них нет игры, но это уж такие бриллианты. Эти бриллианты от цепочки браслета Ее Величества. В цепочке этого браслета были жемчужинки, а между ними вот такие бусинки. Этот браслет был зашит в лифчик или Татьяны Николаевны или Анастасии Николаевны.

Я затрудняюсь сказать, откуда, т. е. от какого именно предмета две части жемчужины, которые я сейчас вижу (предъявлены два осколка жемчужины, описанные в пункте 74-м того же протокола, л. д. том)[9]. Я должна еще сказать, что Ольга Николаевна в мешочке надела себе на шею много разных жемчужных украшений. Для серьги Ее Величества этот жемчуг сероват.

Я вижу предъявленные мне Вами осколки сапфира (предъявлены два осколка сапфира, описанные в пункте 75-м того же протокола, л. д. том)[9]. У Государя был перстень с такими сапфирами: кабошон, как и эти камни[10].

Я вижу предъявленный мне Вами камень (предъявлен камень, описанный как рубин в пункте 76-м того же протокола, л. д. том). Это не рубин, а аметист. Драгоценностей с такими камнями было много и у Ее Величества и у княжен. Они были зашиты в лифчиках княжен.

/.../

Я не могу определить, от какого именно предмета эти 11 осколочков изумруда, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены 11 осколков изумруда, описанные в пункте 78-м того же протокола, л. д. том)[9]. Изумруды же вообще были зашиты в лифчиках княжен.

/.../

Я вижу часть украшения с бриллиантами (предъявлено украшение, описанное в пункте 84-м того же протокола, л. д. том). Оно мне положительно напоминает брошь Ее Величества. Это часть от нее, от броши. Эта брошь была в лифчике одной из княжен.

/.../

Я вижу обломок золотого предмета (предъявлен этот обломок, описанный в пункте 91-м того же протокола, л. д. том)[9]. Этот обломок скорее всего от серьги. Он, вполне возможно, что и от серьги Ее Величества, той ли, парную к которой Вы мне показывали на снимке, или другой какой-либо из ее серег, сказать не могу.

Я вижу предъявленные мне Вами крючок и петельку (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 94 и 95 того же протокола, л. д. том)[9]. Это дамские крючки, бризаковские. Они будут от платьев Ее Величества или же великих княжен.

/.../

Я вижу большую предъявленную мне Вами пуговицу (предъявлена пуговица, описанная в пункте 97-м того же протокола, л. д. том)[9]. Она принадлежит к синему дорожному костюму Ее Величества. Это такая же, как Вы мне показывали и раньше.

/.../

Я вижу предъявленный мне Вами флакончик с солями (предъявлен этот флакончик, описанный в пункте 115-м того же протокола, л. д. том). У Ее Величества был флакончик с солями такого же стекла, который она брала с собой в дорогу, но он был меньше. Такой же величины был у Ольги Николаевны.

Я вижу предъявленные мне Вами осколки стекла (предъявлены эти осколки, описанные в пунктах 33, 34, 55, 56, 59, 60, 66, 67, 86, 99, 100, 101, 107, 108, 112[9] того же протокола). Здесь имеются, по моему мнению, осколки таких пред-

метов: зеленого флакона с солями, осколки которого Вы мне показывали и ранее; осколки простой бутылки из белого стекла, в такой бутылке у них могла быть святая вода Саровских ключей, которую Ее Величество обязательно бы взяла с собой, если бы поехала куда-нибудь в дорогу; осколки простой бутылки желтого стекла, которая вряд ли принадлежит к вещам Царской семьи; осколки от стекол рамочек; стекла в рамочках были у них прямые, а не выпуклые; выпуклые тоненькие стекла от каких-нибудь украшений, например, медальонов или часов; осколки от флакончиков с солями, как тот флакончик, который Вы мне показывали; от какого предмета осколки цвета йода, я не знаю.

/.../

Я вижу предъявленный мне Вами носовой платок (предъявлен носовой платок, найденный в шахте № 3, л. д. том)[11]. Трудно о нем сказать что-либо, пока он не вымыт. Но к белью Ее Величества он отношения не имеет.

Я видела труп собаки, который Вы мне показывали[12]. Я категорически утверждаю, что это есть труп собачки Джемми, принадлежавшей Анастасии Николаевне. Это была очень маленькая собачка, которую Анастасия Николаевна носила на руках. У них было 3 собачки. Одна собака была большая, породы „спаниель", принадлежавшая Алексею Николаевичу. Другая была французский бульдог, обычной величины для этой породы, принадлежавшая Татьяне Николаевне. Джемми же была самой маленькой. Бежать за экипажем она не могла. Ее подарил Анастасии Николаевне в войну какой-то офицер, лежавший в лазарете в Царском.

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: серебряную рамочку, перочинный ножик (предъявлены эти предметы, извлеченные 26 июня сего года из малого колодца шахты, л. д. том). Ничего я про эти предметы сказать не могу. Я не помню, были ли у Ее Величества образа в такой рамочке. Я не знаю, чей это ножик.

Я вижу предъявленный мне Вами Уланский значок. Этот значок принадлежит Ее Величеству. Ее Величеству он был поднесен командиром полка Орловым, а Ее Величество была шефом этого полка. Он, этот значок, зашит не был в числе драгоценностей и его Ее Величество имела просто при себе в чем-либо. (Свидетельнице был предъявлен значок, найденный при промывке засыпки, извлеченной из малого колодца шахты, л. д. том). Я вижу предъявленный мне Вами осколок жемчужины (предъявлен этот осколок, найденный там же, л. д. том). Этот жемчуг белый, прекрасный. Вполне возможно, что он от серьги Ее Величества, одну из которых Вы мне показывали на снимке.

/.../

Я вижу два цинковых обломочка со следами краски на них (предъявлены эти кусочки, найденные в том же колодце 8 и 10 июля, л. д. том). Я хорошо знаю, что у Ее Величества были такие простые маленькие образки из цинка, на которых изображения были написаны краской по цинку. Ее Величество могла взять их с собой в дорогу.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: 3 фестона, металлическую пуговицу, круглую жемчужину и два осколка от жемчужины (предъявлены эти предметы, найденные при промывке кострища у шахты № 7, л. д. том). Фестоны – такие же корсетные (а не от ботинок), как и раньше. Про пуговицу я сказать не могу: это мужская пуговица. Круглая жемчужина – такая же, как и были раньше. Осколки жемчужины вполне могут быть от серьги Ее Величества, одну из которых я видела на снимке.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: кусок какой-то материи и обломок какого-то белого металла (предъявлены эти предметы, найденные в районе рудника, л. д. том). Про материю я ничего сказать не могу, пока она в глине. К чему относятся пластинки белого металла и были ли такие рамочки у иконок Ее Величества или княжен, сказать не могу.

Я хочу исправить свое показание относительно портретной рамочки, которую Вы мне показывали. Я думаю, что эта рамочка принадлежит Государю Императору Николаю Александровичу. Совершенно такая рамочка была у Его Величества. В этой рамочке хранился у Его Величества портрет Ее Величества. Без него Его Величество никуда бы не поехал. Если бы он куда-либо отправился, он бы взял его с собой.

Я вижу предъявленный мне Вами вязаный из ниток шнурок (предъявлен шнурок, описанный в пункте 106 того же протокола, л. д. том)[13]. Я не знаю, домашней он работы или же фабричной. Мне кажется, что это может быть шнурок от корсета.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами предметы на фотографических снимках (предъявлены фотографические изображения предметов, описанных в протоколе 14 марта сего года, л. д. 147, том 3-й)[14]: иконок, блузочки, носового платка, сумочки, розовой ленты, галстука с лентой св. Владимира и Георгиевской ленточки. Я ничего не могу сказать про эти вещи, кроме блузочки. Блузочка, мне кажется, принадлежит Демидовой.

Больше по настоящему делу показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Корсеты для Ее Величества и великих княжен делала мадам Буринг.

Прочитано.

Мария Густавовна Тутельберг.
Судебный следователь Н. Соколов.

243 – 244

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 4 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Ишиме, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

243

Евгений Степанович Кобылинский – сведения о личности см. л. д. 106, том 2-й[1].

На Ваши, г. судебный следователь, вопросы я могу дополнить свои показания следующим.

Родионов[2] вовсе мне не казался простым солдатом. Он таковым вовсе не был. Он производил на меня впечатление жандарма, но такого, который мог вполне занимать какую-либо офицерскую должность в этом корпусе. Он был, как я уже говорил, начальником отряда красноармейцев. Я говорил и про этот отряд, путаюсь я в них: много было тогда отрядов, отовсюду подходивших к Тобольску. Я помню хорошо только одно. В то время был в Тобольске какой-то отряд. Он состоял, как мне казалось, из латышей. Но достоверно сказать, что это были именно латыши (в нем были и русские), я не могу. Вполне возможно, что в нем были и немецкие пленные.

Тогда был в Тобольске уже Хохряков[3]: он прогнал начальника этого отряда и говорил нашим солдатам, желавшим смены их красноармейцами, что он выписал нового начальника отряда из Екатеринбурга вместо прежнего, прогнанного им, якобы за пьянство. Вот и приехал тогда новый начальник отряда Родионов.

Он был главнее Хохрякова. Его, по моему мнению, боялся сам Хохряков. Я помню, что, прибыв к нам, Родионов потребовал, чтобы на всех арестованных был ему подан список. Кирпичников[4] тогда его и составлял. Просматривая список при мне, Родионов, увидев фамилию Татищева, предложил мне вопрос в такой форме: „Какой это Татищев?"[5] Я ответил ему, что это тот Татищев, который состоял при Императоре Вильгельме. На это Родионов мне ответил: „Мы с ним встречались за границей". Когда мы с ним пошли в дом и там, в комнате Жильяра, мы увидели Татищева, Родионов первый ему сказал при мне: „Я Вас знаю". Впоследствии Буксгевден[6], возвратившись из Екатеринбурга в Тобольск, мне говорила, что она уже на пароходе, когда ехала в Екатеринбург с детьми, припомнила Родионова: он в Вержболове входил в вагоны и осматривал паспорта у нее и у других пассажиров.

Я хорошо знал шинель Алексея Николаевича. Она была сшита еще до революции. Ее шил портной Нольдштром. Она была сшита из хорошего солдатского сукна, высшего сорта. Была она на крючках, но имела посередине пуговицы с гербами. Это была ефрейторская шинель. Она была на шелковой подкладке (подкладка была под всей шинелью), защитного цвета. За нее было уплачено Нольдштрому 220 рублей. Хорошо это помню я, потому что счет на нее проходил через мои руки уже после революции. Я еще помню, что за погоны Нольдштром тогда поставил высокую цену: 25 рублей, как и вообще за всю шинель. Я знаю, что она была одна у Алексея Николаевича и была потрепана довольно сильно. Я вижу куски обгорелого сукна (предъявлены куски сукна, описанные в пункте 27-м протокола 19–22 июня сего года, л. д. об., том 4-й)[7]. Я думаю, что эти куски от его шинели. Цвет сукна, его добротность и потертость напоминают мне именно его шинель.

/.../

Я вижу предъявленные мне Вами два кусочка сапфира (предъявлены кусочки этого камня, описанные в пункте 75-м того же протокола, л. д. том 4-й). Они вполне могут быть от перстня Государя как по цвету камня, так и по величине осколков. Осколки принадлежат, видимо, камню от кольца. Такой же кабошон был и у Государя. Он перстень с сапфиром носил на безымянном пальце правой руки[8].

Я вижу предъявленный мне Вами значок Уланского полка (предъявлен этот значок, найденный при промывке почвы из малого колодца шахты, л. д. том 6-й)[9]. Конечно, это значок Уланского Ее Величества полка, очевидно, поднесенный Государыне в день юбилея полка. Где она носила или хранила его, я не знаю.

/.../

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Полковник Кобылинский.
Судебный следователь Н. Соколов.

244

Клавдия Михайловна Битнер, 41 года, потомственная дворянка Петроградской губернии, сейчас живу в г. Ишиме, Тобольской губернии, на Мало-Никольской улице в доме Ковалева, православная, не судилась.

Я служила классной дамой в Царскосельской гимназии 18 лет.

Девочки (великие княжны) знали меня со слов моей воспитанницы гимназистки Сони Шевыревой, племянницы Шнейдер[1], дочери Ольги Иосифовны Шевыревой, вдовы полковника. Таким образом, не будучи знакома им, я была им изве-

стна еще до революции. Во время войны я поступила в общину Красного Креста на курсы сестер милосердия и была в частном лазарете Лианозовой 1 1/2 года в качестве сестры. Этот лазарет посетила как-то Государыня с девочками. Здесь я им была представлена. В этом же лазарете лежал Евгений Степанович Кобылинский, с которым я тогда познакомилась.

После отъезда Августейшей семьи в Тобольск я, в конце августа месяца старого стиля, была в Перми, где навещала свою мать. Отсюда я проехала в Тобольск навестить Евгения Степановича. В Тобольск я тогда приехала 1 сентября. Я помню, что из Тюмени на одном пароходе со мной ехали два господина, мне незнакомые, про которых уже на пароходе говорили, что это комиссары. Это и были Панкратов и Никольский[2]. Я помню, что, когда я проходила городом и шла мимо дома, где жила Августейшая семья, меня увидели с балкона дети и раскланялись со мной. Я тогда же подала в Тобольскую гимназию прошение на свободную вакансию преподавательницы французского языка. Когда дети узнали об этом со слов Боткина, они изъявили желание, чтобы я занималась с ними. Панкратов также весьма сочувственно относился к этому, чтобы я преподавала им. Так и было решено. После этого я съездила в Царское, покончила там все свои дела и 20 сентября выехала в Тобольск. Из Тюмени я ехала вместе с Гиббсом и приехала в Тобольск 5 октября.

10 октября я была принята Августейшей семьей. Меня ввел тогда в дом Панкратов. Я через Евгения Степановича дала знать, что я хочу быть принятой Императрицей наедине в отсутствии Панкратова. Так и вышло. Государь с детьми принял меня в кабинете. После этого он мне сказал: „Вас ждет жена", и занял разговором Панкратова. Я пошла к Государыне и встретилась с ней одной. Она хорошо, ласково приняла меня.

И стала я преподавать детям разные предметы. Я занималась с Алексеем Николаевичем по русскому языку, математике, географии. С Марией Николаевной и Анастасией Николаевной я занималась по истории и по русской литературе. Ходила я к ним на уроки каждый день и почти каждый день два раза в день. Приходила я утром. Всегда была одна и та же картина. Дети встают. Идет старик Чемодуров и несет вычищенные сапоги Императору, осторожно держа их за ушки. Я занималась с Алексеем Николаевичем в комнате, соседней с той, где занимался своим утренним туалетом Государь. Слышно было – Государь разговаривает с Чемодуровым. Это, должно быть, было его привычкой. Бывает, перекликается с Алексеем Николаевичем. Иногда он проходил нашей комнатой, здоровался со мной, немного разговаривал. Отзанимаемся мы с Алексеем Николаевичем, идет он или на другой урок, или гулять, смотря по расписанию. Если у меня не бывало уроков в гимназии, я оставалась с ними и тоже гуляла. С 11 до 12 они гуляли. В 12 часов детям подавался легкий завтрак. Приходил обыкновенно Государь в это время к детям.

В результате жизни моей в Тобольске и наблюдения жизни Августейшей семьи у меня сложилось такое представление о них.

Государь производил на меня чарующее впечатление. Он был человек образованный, весьма начитанный. Он хорошо знал историю. Он производил впечатление человека необычайно доброго и совсем простого. В нем не было ни малейшей надменности, заносчивости. Он был замечательно предупредительный человек. Если я иногда по нездоровью пропускала урок, не было случая, чтобы он, проходя утром через нашу комнату, не расспросил бы меня о моем здоровье. С ним я всегда чувствовала себя совсем просто, как век его знала, привыкла к нему. Он вызывал у меня чувство, что хочется сделать ему что-нибудь приятное. Так он относился ко всем окружающим его. С офицерами нашего отряда он был прост, вежлив, корректен. У него была поразительная выдержка характера. Это был замечательно выдержанный и спокойный человек. Его недостаток, мне думается, заключался в его бесхарактерности, в слабости характера. Он, видимо, сам не решал никаких вопросов, не посоветовавшись с Александрой Федоровной. Это была его обычная фраза: „Я поговорю с женой".

Он, мне думается, не знал народа. У него было такое отношение к народу: добрый, хороший, мягкий народ. Его смутили худые люди в этой революции. Ее заправилами являются „жиды". Но это все временное. Это все пройдет. Народ опомнится и снова будет порядок. Однако я убеждена в этом, наблюдая его, он ни за что бы не пошел снова на престол. Он этого не хотел. Он желал только одного: чтобы он мог жить в своей семье покойной жизнью семьянина.

Государыня, как была царицей раньше, так и осталась ею. Самая настоящая царица: красивая, властная, величественная. Именно в ней самым ее характерным отличием была ее величественность. Такое она впечатление производила на всех. Идет, бывало, Государь, нисколько не меняешься. Идет она – обязательно одернешься и подтянешься. Однако она вовсе не была горда. Она не была и женщиной со злым характером, недобрым. Она была добра и в душе смиренна. Народа своего она также не знала и не понимала. Она так же смотрела на него, как и Государь: хороший, простой, добрый народ. Она это, свои взгляды, неоднократно высказывала. Пришел из Омска какой-то отряд красноармейцев. Она видела их и говорила: „Вот, говорят, они нехорошие. Они хорошие. Посмотрите на них. Они вот смотрят, улыбаются. Они хорошие".

Я могу Вам рассказать вот про какой случай. Однажды я с ней сильно и горячо поспорила, так что и я и она расплакались во время спора. Она, не понимая совершенно солдат, их отношения к ним, которого они, конечно, не смели все-таки обнаруживать в глаза, как-то однажды в разговоре со мной стала высказывать эти свои мысли: народ хороший, а вот, если бы офицеры были более энергичны, тогда было бы другое. Выходило так, что солдаты – ни в чем не виноваты. Виноваты офицеры, которые не умеют ими управлять. Так после всего, что совершилось за эту войну и революцию с Россией, мог говорить только человек, который не знает и не видит народа. Я и стала убежденно и откровенно ей возражать. Я стала ей говорить, что она не знает, очевидно, что переносили и что переносят сейчас несчастные офицеры от солдат, что она ничего этого не видит сама и ей, щадя ее, не говорят этого. Видно было, что мои слова идут совершенно вразрез с ее сложившимся убеждением. Она очень волновалась и расплакалась. На меня этот разговор тоже нехорошо подействовал. К вечеру у меня разболелась голова, и я не могла прийти к ним на их детский спектакль. Она прислала ко мне камердинера, звала меня и написала мне письмо, прося меня не сердиться на нее. В этом случае она, по-моему, вылилась вся, какая она была. Она не была вовсе горда в дурном смысле этого слова. Этого и не могло быть в ней, потому что от природы она была умная.

Я могу еще рассказать про один случай ее доброты, как человека. Она меня однажды спросила сама, посылаю ли я деньги моей матери. Как раз было такое время, когда мне матери послать было нечего. Тогда она настояла, чтобы я взяла у нее денег и послала бы моей матери. Я поэтому вот и говорю, что черты ее натуры, которые заставляли видеть в ней царицу, вовсе не были отрицательными чертами: ее гордости, надменности. Она не была такой. Она была именно величественна, как царица.

Она сильно и глубоко любила Государя. Любила она его, как женщина, которая имела от него детей и много лет жила с ним хорошей, согласной жизнью. С мужем у нее были прекрасные, простые отношения. Они оба любили друг друга. Но ясно чувствовалось, что главой в доме был не он, а она. Она была той надежной крышей, под защитой которой жила семья. Она их всех „опекала". Она была добрая, способная на добрый порыв, чтобы помочь другому. Но в то же время она была скуповата в хозяйственной жизни: в ней чувствовалась аккуратная в хозяйственном отношении, расчетливая немка. Она имела способности к рукоделиям. Ее работы были хорошие. Она хорошо вышивала и рисовала.

Она, безусловно, искренно и сильно любила Россию. Оба они с Государем больше всего боялись, что их увезут куда-нибудь за границу. Этого они боялись и не хотели этого. Я удивляюсь ее какой-то ненависти к Германии и к Императору Вильгельму. Она не могла без сильного волнения и злобы говорить об этом.

Она мне говорила много раз: „Если бы Вы знали, сколько они сделали зла моей Родине". Она говорила про свое герцогство[3], и я не знаю, за что она так ненавидела немцев и Вильгельма, когда выражала эти свои мысли. Когда она говорила про революцию, она еще тогда, когда не было никаких большевиков (это понятие в Тобольске до самого их отъезда не было обособлено в самостоятельное: большевики – это вообще революция; так нам это там, в глуши, представлялось), говорила с полным убеждением, что такая же судьба постигнет и Германию. Она это высказывала с чувством злорадства. Я ясно чувствовала тогда ее мысль: революция в России – это не без влияния Германии. Но за это она поплатится сама тем же, что она сделала и с Россией. И ясно видно было, что эта мысль ее радовала.

Она была сильно религиозна. У такого человека, как она, это не могло быть лживым. Ее вера в Бога была искренняя и глубокая. Но я не понимала и сейчас не понимаю в ней одного в этом отношении: откуда у нее могло родиться и так сильно укорениться чувство обрядности по-православному, когда она родилась и воспитывалась в ином исповедании. Мне казалось и кажется, что, как Царица, как первая женщина, она старалась показать пример должного, как она понимала это должное. Я никак не могу иначе этого понять и объяснить. Для нее церковные службы не были связаны с настроением, а в этом для меня, например, все. Однажды она настойчиво стала мне говорить, чтобы я говела вместе с ними на первой неделе Великого поста. Я стала отказываться, так как не привыкла говеть на первой неделе и всегда говела на Страстной. Отказываясь, я бросила ей фразу: „У меня нет настроения говеть сейчас". Она это выслушала и упорно продолжала меня уговаривать и настояла на своем. Я не понимаю, как она могла это делать, когда я же ей прямо говорила, что у меня нет настроения. Значит, ей этого не нужно, когда она молится. Вот этого я в ней не понимаю. Только я совершенно ясно понимаю, что ее набожность и ее моления вовсе не были „ханжеством". Александра Федоровна была глубоко порядочной, хорошей по самой натуре. Никакой такой лжи в самой себе она носить не могла.

Я не видела в ней истерички. Она, наоборот, была очень сильна характером и волей. Болезненного проявления ее религиозного чувства я не видела. Я вообще не знаю, чем была она больна и болела ли она.

Я думаю, что если бы семья лишилась Александры Федоровны, то такой „крышей" для нее была бы Татьяна Николаевна. Она унаследовала натуру матери. Очень много в ней было материнских черт: властность характера, склонность к установлению порядка в жизни, сознание долга. Она ведала распорядками в доме. Она заботилась об Алексее Николаевиче. Она всегда гуляла с Государем во дворе. Она была самым близким лицом к Императрице. Это были два друга. Поэтому она и не была взята тогда Государыней при отъезде из Тобольска, что на нее был оставлен Алексей Николаевич. Она была, безусловно, самым необходимым человеком в семье для родителей. Но мне казалось, что она не была такая бодрая, как мать. Я не знаю, почему так выходило, но мне не о чем с ней было говорить и не хотелось этого. Я не знаю, была ли она развитая и начитанная. Она всегда читала с Гендриковой. Она любила хозяйничать. Любила вышивать и гладить белье.

Я гораздо больше любила Ольгу Николаевну. Она унаследовала много черт отца. Она на меня производила своей ласковостью, всей собой также „чарующее" впечатление милой, хорошей русской девушки. Она не любила хозяйства. Она любила уединение и книги. Была она начитанна. Вообще она была развита. Она, мне кажется, гораздо больше всех их в семье понимала свое положение и сознавала опасность его. Она страшно плакала, когда уехали отец с матерью из Тобольска. Может быть, она сознавала тогда что-нибудь. Она производила на меня впечатление человека, который что-то неудачно пережил. Бывало, она смеется, а чувствуешь, что ее смех сверху, а там, в глубине души, ей вовсе не смешно, а грустно. Так же, как и отец, она была со всеми окружающими проста и ласкова, предупредительна и приветлива. Она больше других любила, кажется, Марию Николаевну.

Мария Николаевна была самая красивая, типично русская, добродушная, веселая, с ровным характером, приветливая девушка. Она любила и умела „пого-

ворить" с каждым, в особенности с простым народом, солдатами. У нее было всегда много общих тем с ними. Говорили, что она уродилась в Александра III наружностью и силой. Она была очень сильная. Когда нужно было больному Алексею Николаевичу куда-нибудь передвинуться, кричит: „Машка, неси меня". Она всегда его и носила. Ее очень любил, прямо обожал комиссар Панкратов. К ней, вероятно, хорошо относился и Яковлев, когда они ехали на пароходе. Девочки потом смеялись, получив письмо от нее из Екатеринбурга, в котором она, вероятно, им писала что-нибудь про Яковлева: „Машке везет на комиссаров". Она имела способности по рисованию и рукоделию.

Анастасия Николаевна одна из всех была какой-то неотесанной и грубоватой. Была совсем не серьезна. Не любила заниматься и готовить уроки. Выезжала всегда на Марии Николаевне. Они обе, надо сказать, были отсталые в науках. Они не умели обе писать сочинений и совершенно не были приучены выражать своих мыслей. Это надо объяснить неудачным выбором к ним преподавателя Петрова, который учил их в Царском. Они сами мне рассказывали про него: глухой сильно, он не слышал, что они ему отвечают. Шалуньи-девчонки болтают ему всякий вздор и тешатся этим, а он думает, что они ему отвечают уроки. Анастасия Николаевна была вообще еще ребенком и к ней так и относились, как к маленькой.

Я любила больше всех Алексея Николаевича. Это был милый, хороший мальчик. Он был умненький, наблюдательный, восприимчивый, очень ласковый, веселый, жизнерадостный. Он был способный от природы, но был немножко с ленцой. Если он хотел выучить что-либо, он говорил: „Погодите, я выучу". И если действительно выучивал, то это у него оставалось и сидело крепко. Он привык быть дисциплинированным, но он не любил придворного этикета. Он не переносил лжи и не потерпел бы ее около себя, если бы взял власть когда-либо. У него были совмещены черты и отца и матери. От отца он унаследовал его простоту. Совсем не было в нем никакого самодовольства, надменности, заносчивости. Он был прост. Но он имел большую волю и никогда бы не подчинился никакой женщине. Вот Государь, если бы он взял власть, я уверена, он бы забыл и простил поступки тех солдат, которые ему были известны в этом отношении. Алексей Николаевич, если бы получил власть, этого бы никогда им не забыл и не простил и сделал бы соответствующие выводы. Он не любил придворного этикета и говорил про Тобольск: „Здесь лучше. Меня там (во дворце в Царском) обманывали. Меня там ужасно обманывали". Он уже многое понимал и понимал людей. Но он был замкнут и выдержан.

Он был страшно терпелив. Бывало, сидит и начинает отставлять ногу. Видишь это, скажешь: „Алексей Николаевич, у Вас нога болит". – „Нет, не болит". – „Да ведь я же вижу". – „Вы всегда видите, болит, а она не болит". Так и не скажет, а нога действительно разбаливается. Ему хотелось быть здоровым, и он надеялся на это. Бывало, скажет: „А как Вы думаете, пройдет это у меня?" Он был очень аккуратен, дисциплинирован и требователен. Если бы он получил власть, он был бы требователен. Я не знаю, думал ли он о власти. У меня были с ним разговоры об этом. Я ему сказала: „А если Вы будете царствовать..." Он мне ответил: „Нет, это кончено навсегда". Я ему сказала: „Ну, а если опять будет, если Вы будете царствовать?" Он сказал мне: „Тогда надо устроить так, чтобы я знал больше, что делается кругом". Я как-то его спросила, что бы тогда он сделал со мной. Он мне сказал, что он бы построил большой госпиталь, назначил бы меня заведовать им, но сам бы приезжал и сам бы „допрашивал" обо всем: все ли в порядке. Я уверена, что при нем был бы порядок.

Он был добрый, как и отец, в смысле отсутствия у него возможности причинить напрасно зло. В то же время он был скуповат: он любил свои вещи, берег их, не любил тратить свои деньги и любил собирать всякие старые вещи: гвозди, веревки, бумагу и т. п. Перегорит электрическая лампочка, несут к нему, и он ее спрячет. Как-то однажды, когда он был болен, ему подали кушанье, общее со всей семьей, которого он не стал есть, потому что не любил этого блюда. Я возмутилась: как это не могут приготовить ребенку отдельного кушанья, когда он болен.

Я что-то такое сказала. Он мне ответил: „Ну, вот еще. Из-за меня одного не надо 'тратиться' ". В ученье он был страшно запущен. Он даже плохо читал и любил, чтобы больше ему читали, чем самому читать. Час ему было трудно заниматься. Это, возможно, объяснялось его болезнью. Читать он не любил, и Государыня волновалась по этому поводу. Она ставила ему в пример Государя, любившего читать и в детстве.

Вся эта семья в общем подкупала своей простотой и добротой. Ее нельзя было не любить. Я никак не могу уложить себе в голову всего того, что писалось в революцию про эту семью и, в частности, про отношения Государыни к Распутину. Всякий, кто только видел и знал ее, ее отношения к мужу, ее взгляды, вообще знал ее всю, тот мог бы только или смеяться от этого, или страдать. Она, как набожная, вероятно, верила в его силу: дар молитвы. Но вот, по моему мнению, что странно. Алексей Николаевич, видимо, относился к Распутину совсем не так. Однажды произошел вот какой случай. У него на столике стоял в рамочке маленький портрет Распутина. Как-то он был болен, и я сидела около него. Что-то упало на столике. Я стала поправлять и вижу, что чего-то недостает. Я спросила об этом Алексея Николаевича и упомянула слово „иконка": „Нет иконки на столе". Он засмеялся и сказал: „Ну, уж и иконка. Это не иконка. Не ищите. Она там, где ей больше и надо быть". В его словах ясно чувствовалась ирония. Я знала, что он говорит про портрет Распутина, которого действительно уже не было на столе. Ясно чувствовалось, что у него в тоне звучало отрицательное отношение к Распутину. Когда у меня был спор с Государыней и я стала ей говорить, что ей не говорят всего, она, между прочим, сказала мне: „Мало ли что говорят. Мало ли каких гадостей говорили про меня". Ясно тогда было, в связи с другими ее словами и мыслями, что она намекала на Распутина. Я говорила на эту же тему с Волковым[4], с Таней Боткиной[5], с Николаевой[6], с которой была очень близка Гендрикова[7], – вот именно это и говорили они все: она верила в силу молитвы Распутина.

Лично, как про человека, я ничего не могу сказать, кроме хорошего, про Панкратова. Он был весьма интеллигентен, образован, душевен. У него была самая главная мысль: ничего не делать неприятного Семье – лежачего не бьют. Но вся беда заключалась в том, что это был самый настоящий идеалист-революционер. Он совсем не видел того, что делается около него и не понимал окружающего. А если он видел что-либо, что шло против его верований, то он трусил. Когда я уезжала в Тобольск и пришла к Макарову[8], он мне сказал: „Что, Государь охотится? Дети гуляют?" Я ответила ему, что и Государь не охотится, и дети в городе не гуляют. Макаров сказал: „Ну, теперь будут. Панкратов милый человек". Панкратов и стал развивать солдат. У него была главная идея та, что надо солдат развивать, чтобы Семье было хорошо среди солдат. А выходило совсем по-другому. Возникла партийность и злоба. Солдаты стали развращаться, а Панкратов их боялся. Я могу указать некоторые случаи их хулиганства, про которые мне приходилось слышать. Они срыли или перерыли горку, где катались дети. Писали нехорошие слова на качелях. Потребовали, чтобы Государь снял погоны.

Никольский был совсем иной. Это был „быдло", грубый, неотесанный семинарист. Однажды Алексей Николаевич просил меня: „Скажите Кобылинскому, за что он на меня накричал (Никольский)?" Он уничтожил вино, которое им было прислано из Царского. Я не скажу, что Панкратов был под его влиянием. Никольский был физической силой Панкратова, но эта сила была грубая.

Я вообще не могу Вам привести никаких таких особых фактов из жизни Семьи в Тобольске – таких характерных, которые бы я считала нужным отметить.

Я видела комиссара Яковлева[9], который увез Государя, Государыню и Марию Николаевну. Он произвел на меня впечатление совершенно интеллигентного человека. Он хорошо обходился со мной и впустил меня в дом провожать их, когда они уезжали. Также, по моему мнению, он хорошо обращался и с ними, когда они уезжали. Я прекрасно помню, он стоял на крыльце и все время держал руку под козырек, пока Государь садился в экипаж. Но его приезд производил впечатление какой-то таинственности. Он привез с собой каких-то своих людей. У него,

я не помню, от кого слышала об этом в Тобольске, был свой телеграфист не только в Тобольске, но и в Тюмени. Вот этот-то телеграфист, как говорили мне, „продал" Яковлева екатеринбургским большевикам. Государю очень не хотелось уезжать. У меня был с ним тогда разговор перед самым отъездом. Он был удручен и рассеян. Я стала его утешать и сказала, что так, может быть, будет лучше. Он безнадежно смотрел как-то в это время на будущее. Когда же я сказала, что его, может быть, увезут за границу, он сказал: „О, не дай-то Бог. Только бы не за границу". Государыня мне казалась спокойной.

Я не понимаю /так!/, удивило ли тогда детей, что родителей задержали в Екатеринбурге, и как они относились к этому. Мне кажется, они были рады этому: близко от них. Я знаю, были тогда письма от Государыни и Марии Николаевны. Они писали, что спят „под пальмами", едят вместе с прислугой, что обед носят из какой-то столовой, а Государыне (она была вегетарианка) Седнев готовил макароны на спиртовке.

Приехавший потом Хохряков старался, как мне казалось, быть вежливым. Он говорил Алексею Николаевичу, что он его видел еще маленьким на каком-то судне. Родионова я сама видела мельком на улице и ничего про него сказать не могу.

Про царскосельский период заключения Семьи я ничего Вам рассказать не могу. Дети говорили мне, что солдаты грубовато относились. Про Керенского я от них никогда не слышала ничего плохого. Девочки говорили, что он был вежлив и корректен. Я также слышала от девочек, что Корнилов, когда выслал Евгения Степановича при свидании с Государыней, сказал ей, чтобы она не беспокоилась: ни ей, ни детям не будет сделано ничего худого. Это мне, в сущности, косвенно подтверждала и Императрица. Она говорила мне, что к Корнилову они всегда хорошо относились, как к хорошему человеку и известному генералу. Вообще видно было, что она не только не имела неудовольствия против Корнилова, но, наоборот, хорошо относилась к нему.

Я положительно не могу Вам быть полезной для опознавания вещей Семьи: я не обращала внимания на их вещи и украшения. Я вижу предъявленную мне Вами пряжечку от пояса на снимке (предъявлен снимок пряжки, описанной в пункте 4-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 45 об., том 2-й)[10]. Это пряжка, безусловно, от пояса Алексея Николаевича. Я вижу предъявленное мне Вами изображение двух пряжек от туфель (предъявлено это изображение пряжек, описанных в пункте 2-м того же протокола, л. д. 45, том 2-й). Это пряжки княжен. У них были такие пряжки на туфлях.

Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Кл. Битнер.
Судебный следователь Н. Соколов.

245

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 4 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Ишиме, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Василий Гаврилович Редников, 41 года, лесничий Верх-Исетской посессионной дачи, сейчас временно нахожусь в г. Ишиме, потому что, по случаю взятия Екатеринбурга красными, пришлось уйти оттуда, православный, в деле чужой, не судился.

Во второй половине июля (числа и дня не помню) объездчик вверенной мне дачи Иван Зворыгин донес мне, что красные установили по Коптяковской дороге заставы и не пропускают никого ни взад, ни вперед, ни в Коптяки, ни из Коптяков. В то время никаких известий об убийстве Царской семьи я ничего не знал /так!/ и подумал, что это сделано красными ввиду наступления чехов на Екатеринбург: устраивают какую-нибудь засаду. Я знал, что в Екатеринбурге была в это время офицерская организация. Я ей и сообщил об этом через прапорщика Дмитрия Антоновича Шалабанова.

После взятия Екатеринбурга я вступил в ряды народной армии и был направлен, в числе других, по лесам для ловли красноармейцев. Я был на заимке у Ивана Семеновича Зубрицкого[1]. Там я застал еще хуторянина, соседа Зубрицкого, Николая Александровича Тетенева[2]. (Его хутор в расстоянии двух, приблизительно, верст от хутора Зубрицкого.) Они мне сказали, что за день-два до моего приезда к ним, какие-то коптяковские крестьяне ходили на старый рудник в районе урочища Четырех Братьев и нашли там какой-то драгоценный крестик и другие вещи из принадлежностей хорошей одежды.

Утром я, Зубрицкий, Тетенев и пять человек из нашей команды пошли со мной туда, на рудник. Из состава команды я сейчас помню двоих: Федора Петрова Суханова и Николая Евграфовича Божова[3]. Остальных не помню. Суханов служил в бюро Совета съездов горнопромышленников Урала и проживал в последнее время в Верх-Исетске, а Божов состоит в команде генерала Дитерихса. Мы обследовали тогда, как могли, состояние открытой шахты, которая у Вас на предъявленном мне Вами сейчас чертеже (предъявлен чертеж рудника, находящийся на листе дела том 6-й) обозначена номером 7-м. В большом колодце шахты был под водой слой льда. Кажется, Божов спускался в него с кем-то другим. Он прощупывал шестом большой колодец. Во льду в одном из углов колодца была дыра, размеры которой было довольно трудно определить под водой. Мне кажется, что и в малом колодце был под водой лед. Может быть, он был не сплошной, но мне помнится, что там шест во что-то упирался, и оттуда мы вытащили небольшой кусок льда.

Я не видел нигде следов разбитого или сожженного ящика где-либо /так!/ около шахты. Но я категорически, положительно удостоверяю Вам, что около шахты валялся обрубок веревки-упаковки от ящика. Веревка была толщиной в мизинец, совершенно новая, и ясно совершенно было, что это именно упаковка от ящика: у нее сохранились характерные изгибы, как она проходила по углам ящика. Один конец ее был с петлей, как и бывает у увязки. Она была не развязана, а резана или рублена, как это ясно было видно по ней. Около шахты было кострище, которое и изображено у Вас на предъявленном мне Вами фотографическом снимке (предъявлен фотографический снимок на листе дела том 5-й). Другое кострище было дальше у старой березы, как оно изображено на предъявленных мне Вами фотографических снимках (предъявлены фотографические снимки на листах дела том 5-й и 6-й). Мы стали копаться в кострищах и нашли в обоих кострах следующие вещи: несколько обгорелых планшеток от корсетов, несколько фестонов от обуви, как нам показалось, три топаза, горелые всевозможные пуговицы, главным образом от нижнего белья, два обгорелых кусочка серой солдатской шинели и один кусочек тонкого сукна темно-синего цвета, рубчиками, вероятно, – шевиота. Еще было несколько частей тонкой, спирально свернутой, пружинки. Я не могу теперь сказать, какие именно вещи и в каком именно костре мы находили, но я точно помню и категорически удостоверяю, что тогда мы в костре у шахты, который изображен на правом из предъявленных мне Вами фотографических снимков (л. д. том 5-й), нашли несколько мелких осколков раздробленных обгорелых костей. Это вовсе не были кости какого-либо мелкого животного, например, какой-либо птицы. Это были осколки крупных костей крупного млекопитающего и, как мне тогда казалось, осколки трубчатых костей. Они, повторяю, были обгорелые. Мы их находили в самом кострище[4].

Мы в то время уже знали об убийстве Царской семьи. Но, зная, что здесь крестьянами были найдены уже вещи такие, как крестик, мы уже тогда задумыва-

лись над тем, что не сожигали ли здесь трупы Царской семьи. Факт нахождения костей тогда здесь я предположительно так себе и объяснил, но только предположительно. Меня смущало тогда одно лишь обстоятельство. Если трупы сожигались на кострах, то мне малы казались самые костры и не было в них углей, в небольшом количестве находившихся в кострищах. Если они обрабатывали трупы бензином, тогда, конечно, небольшая величина костров понятна. Все-таки я не могу сказать, что и костры были малы. Они были довольно широкие: около 2 аршин[5], но в длину они были меньше.

На состояние следов я тогда же обратил особливое внимание. Совершенно ясно было видно, что сюда приходили автомобили. Не могу сказать, один или не один автомобиль сюда приходил, но следы автомобиля ясно совершенно видны были на дорожке. Первая дорожка от Четырех Братьев имела следы автомобиля, вот эта самая, которая изображена на предъявленном мне Вами чертеже (предъявлен чертеж на листе дела том 5-й). Следы его здесь были совершенно ясные. Тяжелый автомобиль шел здесь, проложил громадный след, поломал и повывернул много молодых деревьев вдоль колей дороги и сорвался около ямы при объезде ее с правой стороны, если идти к руднику. В этой яме на дне одним концом к срыву и лежало бревно[6]. Было ли оно сюда принесено нарочно и делали ли им что-либо здесь, я не скажу: мы тогда на это не обратили внимания. Но то, что я показываю, это все было. Я вижу предъявленный мне Вами фотографический снимок с этого места. (Свидетелю был предъявлен снимок, находящийся на листе дела том 5-й.) Вот так и было, как здесь изображено: на снимке и был этот же срыв, только тогда он был более ясен; это же и бревно так лежало. След автомобиля доходил до самой открытой шахты и здесь кончался. Никуда более не было отсюда никаких следов от каких-либо экипажей. Трава вокруг шахты вся сильно по поляне была утолочена. Были в стороне пешие тропы, но не следы экипажей. Забыл еще сказать, что около шахты валялись две палки, отесанные с концов, как у нас часто носят сено[7].

Как я помню, Зубрицкий и Тетенев говорили мне, что заставы у красных были в районе рудника три дня: 17, 18 и 19 июля по новому стилю. Эти заставы были у большого покоса со стороны Коптяков и у гати со стороны железной дороги. Эта самая гать и изображена у Вас на предъявленном мне Вами снимке (предъявлен снимок на листе дела том 5-й).

Общее мнение кр-н д. Коптяков, соприкасавшихся тогда с рудником, было то, что трупы здесь сожигались. Назывались имена местных деятелей Ермакова и Ваганова[8]. Больше ничьих имен слышать не приходилось. Оба эти „деятеля" времен большевизма были в Верх-Исетске в то время: кто они такие, я не знаю. Ермаков – это амнистированный каторжник, а Ваганов – матрос. Все найденные нами вещи, кроме веревки, мы взяли с собой. Были нами взяты и кости. Все эти вещи были лично мною переданы начальнику команды связи прапорщику Шалабанову. Он все это при мне положил в стол в помещении команды связи. (Этот дом принадлежал Верх-Исетскому заводоуправлению, где потом помещался отряд поручика Ермохина.) Куда все это девалось, я не знаю. В то время этим никто не интересовался.

Я вижу предъявленные мне Вами кусочки обгорелого сукна и кусочки обгорелой материи в других каких-то обгорелых предметах (предъявлены кусочки сукна, описанные в пункте 27-м протокола 19–22 июня сего года, л. д. об., том 5-й, и обгорелые предметы, описанные в пункте 30 того же протокола, л. д. том 5-й)[9]. Вот такое солдатское сукно от хорошей шинели мы и находили, как эти кусочки. Кусочек темно-синей материи шевиота такой же, как и материя в предъявленных мне обгорелых предметах, но наш кусочек был значительно больше и более сохранившийся.

До нас никто не приезжал на рудник. Я это положительно удостоверяю. Я тогда был в Коптяках и говорил с кр-нами. Никакой тогда комиссии из города Екатеринбурга еще не приезжало[10]. Мы были одни из первых на руднике. Больше показать ничего не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Редников.

Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 5 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Ишиме, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

246

Николай Евграфович Божов, 29 лет, кр-н Полевского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, сейчас состою в команде генерала Дитерихса, православный, грамотный, не судился.

В прошлом году, еще до взятия Екатеринбурга, я входил в состав партизанского отряда капитана Иванова, который потом и был комендантом Верх-Исетска. После взятия Екатеринбурга наш отряд был отправлен в леса около города ловить красноармейцев. Слухи тогда были, что красные скрываются где-то около заимки Тетенева. А эта заимка от Коптяковской дороги версты 4[1].

Я не помню, какого числа мы тогда поехали, но было это тогда, когда на руднике, где были найдены коптяковскими крестьянами разные вещи, никаких еще военных комиссий не было: никто еще туда не приезжал, и мы тогда первыми попали туда.

В это время уже все знали об убийстве Государя. Об этом большевиками было объявлено. У нас в Верх-Исетске об этом на митинге объявлял военный комиссар Ермаков. Когда мы заехали на заимку Зубрицкого, он нам сказал, что около старой шахты на заброшенном руднике коптяковские крестьяне нашли разные вещи и среди них какой-то драгоценный крест. Зубрицкий также говорил, что красные в те дни ставили по Коптяковской дороге заставы и не пропускали в районе рудника ни от Коптяков, ни от железной дороги.

Мы на следующий день и отправились на этот рудник. Мы шли туда несколько человек: я, Зубрицкий, Тетенев, Суханов, лесничий Редников и Александр Зудихин[2]. Были еще кто-то, но не помню. Мы шли к руднику первой сверткой от Четырех Братьев. Эта повертка была сильно накатана. Трава по ней была вся положена. Молодые деревья вдоль колеи дорожки были некоторые поломаны, некоторые повывернуты. Явственно виден был в некоторых местах колеи след автомобиля. На этой дорожке по середине ее, ближе к шахте, имеется яма. Я помню ее. На дне ее лежало бревно. Кажется, вдоль гребня этой ямы был срыв какого-то экипажа, но я не могу сказать, был ли это срыв автомобиля, или же это был срыв какого-то другого экипажа, а автомобиль дальше не проходил к самой шахте. Эту самую яму с бревном я вижу на предъявленном мне Вами фотографическом снимке (предъявлен фотографический снимок на листе дела том 5-й). Вообще же накатанный на дорожке след шел до шахты и здесь кончался. Вот на полянке у этой самой шахты, снимок с которой Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок на листе дела том 5-й), все и кончалось. Никуда больше никаких следов не шло от этой шахты. Здесь было окончание езды. Вся трава была положена по полянке у шахты. Были в стороны пешие тропы.

Я спускался в большой колодец шахты. Там под водой был слой льда, а в нем была дыра, куда уходил шест. В каком виде малый колодец шахты, я не помню: все внимание у меня обращено на этот колодец было. Я очень хорошо помню,

что в большом колодце мы нашли висевшую на палке веревку. Она была новая, толщиною в мизинец. Она имела завязанный узел и была перерезана или перерублена. Явственно было, что это увязка от ящика. Она была завязана, должно быть, по середине ящика узлом, и это самый узел развязывать не стали, а прямо перерезали. Не помню я, валялись ли тут дощечки от ящика.

Около шахты было кострище, которое я вижу на предъявленном мне Вами снимке (предъявлен снимок на листе дела том 5-й). А дальше было у старой березы на самой дороге другое, которое я тоже вижу сейчас на снимке (предъявлен снимок на листе дела том 5-й). Оба кострища были уже разрыты[3], и я затрудняюсь определить их размеры. Угольков как-то незаметно было в кострищах. Мы слегка порылись в них и нашли в обоих кое-какие вещи. Я помню, что мы тогда находили в этих кострищах пуговицы от белья, кнопки от ботинок, обгорелые кусочки материи, теперь не помню, корсетные планшетки и осколки мелкие костей какого-то животного. Все эти вещи, в том числе и кости, были обгорелые. Все эти вещи, кроме увязки-веревки, были нами собраны и взяты с собой. Куда все это было передано, я не знаю. Это, по-моему, должен знать Редников.

Я до поступления в партизанский отряд служил объездчиком Верх-Исетской дачи и жил в Верх-Исетске. Ермакова[4] я немного знал. Он был житель Верх-Исетска, но за что-то до революции находился в ссылке. А после переворота он вернулся из ссылки. После же большевитского переворота он стал заправилой в Верх-Исетске: военным комиссаром. Был он, должно быть, самый настоящий большевик. Я видел его часто до большевитского переворота скупающим оружие на толчках. Раз он спрашивал продажного оружия и у меня. В эти дни, когда не было пропуска к Коптякам со стороны города, мой тесть Петр Сафронович Воронин ездил за дерном. Он драл тогда дерн в болоте у Четырех Братьев. Когда он ехал назад, около Поросенкова лога ему навстречу попался Ермаков. Он ехал верхом. С ним ехали красноармейцы его отряда. Ведь все же знали тогда, кто был у Ермакова в отряде: все наши же верх-исетские молодые ребята. Я сам знаю двоих, которые были в отряде у Ермакова: Егора Скорынина (теперь убит: застрелился сам перед приходом чехословаков), другой – Михаил Шадрин (он ушел с красными). Других, которые были в отряде Ермакова, я не знаю, но я сегодня же Вам сообщу, кто именно состоял тогда в его отряде: наша команда должна всех знать их. Обязательно из них заставы и состояли тогда на Коптяковской дороге. Кто именно ехал тогда из этих красноармейцев с Ермаковым, я не знаю. Тесть, может быть, и знает, но не расспрашивал я его об этом. Когда Ермаков встретил тестя, он на него заругался и сказал ему: „Всем сказано, что сейчас тут ездить нельзя". Тесть его напугался, потому что его взгляда все боялись одного: поступал строго. И еще тогда один человек проезжал этой местностью, да я не знаю, кто такой. Его тогда Ермаков чуть не убил. Этот человек обязательно тоже знает, с какими тогда красноармейцами ехал Ермаков.

Другим большевиком был у нас Ваганов, матрос. Он был военным комиссаром перед Ермаковым и его сменил Ермаков. А Ваганову был близок красноармеец Александр Болотов. Они с ним как-то в родстве. (Еще был красноармейцем Илья Болотов, родственник Александра). Все они были близки между собою: и Ермаков, и Ваганов, и Болотов. Вот у нас народ и думает: покос Болотовых у самого этого рудника, у Ганиной ямы. Кто же указал этот глухой рудник? Обязательно все это дело знает Ермаков и знают Болотовы и знают все из наших верх-исетских, которые в отряде у Ермакова находились. Это дело их, местное. Сюда привезли потому, что кто-нибудь это место указал, а указал тот, кто знает. А такими были наши верх-исетские красноармейцы. Вот Ермакова тогда там и видали. Он там командовал и не пускал ездить по этим местам. А с ним обязательно были красноармейцы из нашей молодежи.

Я вижу карточку Ермакова (предъявлена его карточка). Это и есть он самый. Он носил длинные волосы. Был ли он на самом деле лысый и носил ли парик, я не знаю. Из себя он был худощавый и брюха не имел.

Я вижу карточку Ваганова (предъявлена карточка Ваганова). Это он. Мы его убили. Про убийство Царя его тогда не спросили мы. Николай Сергеев Партин, Василий Иванов Леватных[5] – это рабочие Верх-Исетского завода, занимавшие при большевиках видное положение, и самые настоящие большевики. Я вижу их обоих на предъявленных мне Вами фотографических карточках (предъявлены фотографические карточки Леватных и Партина). Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Я вижу предъявленную мне Вами фотографическую карточку Александра Егорова Костоусова (предъявлена карточка Костоусова). Это он. Это был самый опасный из большевиков. Он меня чуть не расстрелял. Он тоже ушел с красными, как Леватных и Партин. И Ермаков и Ваганов были близки с Голощекиным.

Теперь я могу Вам назвать тех лиц, которые входили в состав конного отряда Ермакова. Это были, кроме названных мною Скорынина и Шадрина: Петр Ярославцев, Василий и Михаил Куриловы, Александр Рыбников, Петр Пузанов, Николай Казанцев, Михаил Сорокин, Илья Перин, Григорий Десятов, Иван Просвирнин, Виктор Ваганов, Егор Шалин, Гускин, Поликарп Третьяков. Из них Гускин убит, а Илья Перин был взят в плен в Перми и теперь находится в наших войсках где-то на Уфимском фронте.

Прочитано.

Н. Божов.
Судебный следователь Н. Соколов.

247

Александр Романович Зудихин, 21 года, мещанин г. Екатеринбурга, состою в отряде генерала Дитерихса, православный, грамотный, в деле чужой, не судился[6].

Я по профессии легковой извозчик, а жил я в Верх-Исетске. До взятия еще Екатеринбурга чехами я состоял в партизанском отряде поручика Зотова, а потом – капитана Иванова. Со своей лошадью я и был в этом отряде. Через несколько дней по взятии Екатеринбурга чехами я был послан вместе с лесничим Редниковым, Сухановым, Божовым и прапорщиком Николаем Петровичем Тегенцевым ловить красных в районе Коптяков.

Зубрицкий нам сказал, что перед взятием Екатеринбурга у красных по Коптяковской дороге были какие-то заставы от Коптяков и от железной дороги, которые никого не пропускали. Мы думали, что они там где-либо закапывали оружие. Но Зубрицкий говорил в то же время Тегенцеву и Редникову, что у старого, заброшенного рудника коптяковские крестьяне нашли какие-то вещи, в числе которых был дорогой крест. Мы тогда и отправились вместе с Зубрицким и хуторянином Тетеневым на рудник. Мы шли к нему первой сверткой, которая идет к нему от Четырех Братьев. Я положительно утверждаю, что эта свертка была накатана именно автомобилем. Там была проложена дорога автомобилем, как бы в городе, не хуже. Колея была хорошо проторенная, трава была вся положена, деревья были поломаны. Совершенно ясно было видно, что здесь шел автомобиль. На этой дорожке, ближе к шахте, была по середине дорожки яма. По обеим ее сторонам возможно было проехать. С одного бока (хорошо теперь не помню, какого именно) ее был срыв какого-то экипажа, но сказать определенно, какой именно это был срыв, от автомобиля или от экипажа, я не могу. Было ли там на дне ямы бревно, я не помню. Эта яма – та самая, снимок которой Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок на листе дела том 5-й). Следы автомобиля или автомобилей шли до самой полянки у открытой шахты, снимок которой Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок на ли-

сте дела том 5-й). Здесь ясно было видно, как заворачивались автомобили. Здесь и кончились следы езды. Больше они никуда не шли. В стороны были тропы, но пешие. Трава на поляне вся была помята. Видно было, что здесь стояли кони, видимо, или верховые или выпряженные. Деревья были обглоданны и обломаны.

Мы осмотрели шахту. В большом колодце под водой был лед, пробитый в одном углу. Состояние малого колодца я не помню. В большом колодце шахты на /пропуск/ и в самой воде мы нашли несколько обрывков веревки. Она была совершенно новая и толщиной в мизинец. Она была перерублена и имела изгибы по некоторым местам и узлы. Это прямо было видно, что увязка от ящика. Не пожелали развязывать узлов и разрубили увязку. Были ли где дощечки от самого ящика, не помню.

Мне кажется, что тогда было три, а не два костра. Один костер был у самой шахты, другой – подальше, а третий еще подальше на дорожке, у старой березы. В этих кострах мы стали копаться и нашли там вот какие вещи: обгорелые корсетные планшетки, фестоны от обуви, самую обгорелую кожу от обуви, пряжки от обуви, пряжки от мужских помочей и даже самую резину помочей, обожженную, обгорелые пуговицы от нижнего белья, кусочки обгорелого сукна, кажется, черного цвета. Я не помню нахождения сукна от солдатской шинели и костей или обломков их. Может быть, и находили тогда эти вещи. Мы рылись в кострах не одновременно. Все эти вещи тогда же нами были взяты, но куда они были переданы, я не знаю. (Обрывки веревок мы не взяли.)

Ермакова я знал по Верх-Исетску. Он давно еще занимался грабежами на больших дорогах и нажил таким путем деньги. Был он за что-то сослан в каторгу и находился в ссылке. После революции он вернулся в Верх-Исетск, и, когда власть взяли большевики, он стал военным комиссаром. На предъявленной мне Вами фотографической карточке изображен он – Ермаков (предъявлена карточка Ермакова).

Его помощником был матрос Степан Ваганов, хулиган и бродяга добрый. С ними обоими был в добрых отношениях комиссар Голощекин.

Большевика Партина я не знал. Костоусов и Леватных – это наши верх-исетские большевики. Я вижу их фотографические карточки (предъявлены фотографические карточки этих лиц). Это они изображены на них. В Верх-Исетске была конная дружина. Начальником ее был Александр Рыбников, карточку которого Вы мне показываете (предъявлена карточка этого лица). В составе этой дружины я знаю, кроме Рыбникова, 1) Александра Медведева, 2) Петра Ярославцева, 3) Василия Курилова, 4) Егора Скорынина, 5) Сергея Пузанова, 6) Михаила Сорокина, 7) Илью Перина. Из них последний был взят в плен в Перми и теперь находится где-то в наших рядах. Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Александр Зудихин.
Судебный следователь Н. Соколов.

248

Матрена Ивановна Леватных, 19 лет, кр-нка Верх-Исетского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, живу сейчас в г. Ишиме, православная, грамотная, Василию Ивановичу Леватных жена, не судилась.

Я жена видного у нас в Верх-Исетске большевика Василия Ивановича Леватных. Я желаю давать показание по настоящему делу.

Я сама уроженка Верх-Исетска. Вышла я замуж за Леватных в 1917 году. Муж мой был рабочим на Верх-Исетском заводе. Он там был старшим мастером

в мартыновском цехе. Женился он на мне вдовым. Я вышла за него „убегом", потому что меня родители за него не отдавали, а тетка уговорила. Венчались мы с ним в церкви, но в единоверческой (в Верх-Исетске), а не в православной. Потому так было, что не пожелал он венчаться в православной церкви: не любил православных священников.

Нрав у него был строгий и разговаривать с ним было нельзя. Царя он не хотел. Когда мы с ним женились и моя мать, бывало, скажет что-нибудь про Царя: „Вот, теперь Царя у нас нет", он начнет ее ругать за то, что она хотела Царя.

Весной 1918 года верх-исетский большевик Малышев[7] стал набирать у нас красную армию для войны с Дутовым. Муж записался и меня записал. Под угрозой он меня записал: „не поедешь – убью", а говорить с ним было нельзя, убьет и на самом деле. Ездили мы с ним до казачьего местечка Сухтилей и оттуда начали отступать. Скоро мы вернулись назад. Вернулись, должно быть, на второй или третьей неделе Великого поста. Я там делала перевязки раненым. По возвращении муж стал каким-то комиссаром. Дома он никогда не находился и все бывал в нашем Верх-Исетском совете или же в городе. Как есть его никогда дома не бывало. С ним близкими были Ермаков, Ваганов, Александр Костоусов, Николай Партин, Иван Заушицин, Капитон Орешкин, Александр Рыбников[8]. Они были приятели, один без другого никуда не могли, и все они были в совете.

Я хорошо помню, числа 19 или 20 июля рано утром я пошла в совет и понесла мужу завтрак. Это было раньше 7 часов утра. В совете я никого не застала. Выхожу я из совета и вижу: едут в коробках по направлению от Верх-Исетского завода мой муж, Ваганов, Костоусов, Партин, Заушицин, Рыбников и Орешкин. Карточки всех этих людей я сейчас вижу (предъявлены карточки сих людей), вот это они и есть. Много тут было и других, но я не упомню остальных. Всех коробков было много, не менее, пожалуй, 20[9]. Все, кто ехали в них, были сильно запылены. Видно было, что они откуда-то все-таки издалека приехали. Откуда тогда приехал мой муж, я не знаю. Где он находился дни накануне этого дня, я не знаю. В то время он дома не ночевал совсем, боясь падения советской власти. Где он был тогда, не знаю. Накануне того дня, как ему откуда-то приехать, он зашел вечером домой, взял винтовку и велел мне на другой день часам к 7 принести в совет завтрак. И все они, когда ехали в коробках, были увешаны гранатами (у каждого были гранаты) и имели винтовки. Если муж ездил тогда в Коптяки, то это он, должно быть, возвращался оттуда, потому что ему как раз надо было ехать от Коптяков так, как они и ехали. Чьи были лошади, на которых они ехали, я не знаю.

Ничего я не знаю про участие мужа или всех указанных мною людей в убийстве Царской семьи, но по совести могу сказать, что такой зверь, как муж, мог пойти на такое дело. Я с ним не пожелала уходить, когда он убегал перед взятием Екатеринбурга, и осталась в Верх-Исетске. Теперь, когда красные взяли Екатеринбург, я ушла из Верх-Исетска.

Показание мое мне прочитано.

Каменных – девичья фамилия.
Судебный следователь Н. Соколов.

249

Справка:

5 августа 1919 года за № 126 сообщены сведения о составе красноармейцев, бывших в конном Верх-Исетском отряде, и о задержании Ильи Перина Главнокомандующему генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу[10].

Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 6 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Ишиме, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Николай Александрович Мундель, 50 лет, потомственный дворянин Петроградской губернии, сейчас состою в составе Военно-Административного управления района Сибирской армии, лютеранин.

До 1914 года я был начальником отделения Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. В 1914 году я был призван по мобилизации. В 1917 году я был старшим адъютантом 4-й Гвардейской стрелковой резервной бригады, полки которой несли охрану в революцию Александровского дворца.

/Опускается описание пребывания Царской семьи в Царском Селе./

Отъезд Августейшей семьи состоялся 1-го августа в 6 часов утра на станцию Александровку, Варшавской ж. д. Тогда вышло недоразумение с паровозом. Рабочие депо Варшавского вокзала, узнав, для кого требуется паровоз, не давали его. Их пришлось тогда кому-то „уговаривать". Кто ездил к ним для этого, я не знаю. На вокзал Августейшая семья была доставлена в автомобилях под эскортом драгун 3-го Прибалтийского полка. Дорогой было такое приключение. Мы сначала меняли паровозы на больших станциях. Но на станции Званка вышел такой случай. Толпа железнодорожных рабочих, узнав, кто следует в поезде, обступила паровоз. Раздавались крики: „Николашка, кровопийца, не пустим" и т. д. Кое-как проехали, но на больших станциях уже после этого не останавливались. Я помню, что тогда провожал нас также инженер Эртель, который проехал тогда во Владивосток. Еще нас провожал по своему участку каждый начальник движения.

Комиссарами у нас были, спустя некоторое время после нашего прибытия в Тобольск, Панкратов и Никольский[11]. Панкратов был человек весьма порядочный. Он относился хорошо к Августейшей семье и ничего не делал для нее худого. Никольский – это грубый семинарист, не игравший никакой роли. Про его столкновение с Алексеем Николаевичем я не слышал.

Разложение солдат происходило стихийно под влиянием событий в России по мере развития большевизма. Они стали разлагаться, когда к нам стали приходить пополнения. Солдаты этих пополнений были большевики. Они стали себе позволять нехорошие вещи. Например, однажды какие-то солдаты вырезали или написали нехорошие слова на качелях, которыми пользовались княжны. Была тогда же срыта гора, которой пользовались дети. Не позволили солдату Мелю (он из колонистов Саратовской или Самарской губернии) остаться в составе отряда. А Мель очень хорошо к ним относился, считал своим долгом остаться при них.

Из комиссаров, которые тогда приезжали в Тобольск и с которыми нам приходилось сталкиваться, могу назвать следующих. Приезжал из Омска „начальник красной гвардии в Омске", как тогда говорили. Это был Демьянов /так!/. С ним же прибыл тогда в Тобольск местный студент Дегтярев. Они приезжали вводить в Тобольске „большевизм". В то время у нас Тобольский совдеп далеко не был большевитским. Рядом с ним работала и городская дума и губернское земство. Дементьев и говорил тогда, что не место этим учреждениям, что их должны заменить „совнархоз" и „совгорхоз". Тогда же они с Дегтяревым разогнали суд и создали революционный трибунал. Дементьев устраивал у нас солдатские митинги, и наши солдаты, под влиянием Дементьева, запретили тогда Семье подходить к окнам дома, обращенным на улицу. С Дементьевым приходил тогда какой-то омский отряд красноармейцев. Приходил тогда же еще какой-то красный отряд под ко-

мандой какого-то матроса из Тюмени. Но он был очень недолго, потому что Дементьев его прогнал.

Кроме этих отрядов, был еще один отряд – екатеринбургский, под начальством какого-то еврея – Заславского. Это был злобный еврей. Он собирал наших солдат на митинг и настраивал их, чтобы Семья была переведена в каторжную тюрьму. Тогда была большая тревога по этому случаю. Кому-то нужно было распускать слухи, что на нас готовится нападение. Приходил к Кобылинскому Дементьев и говорил ему, что он его поддержит, если случится что-либо подобное.

Когда и Дементьев и Заславский были еще в Тобольске, прибыл Яковлев[12]. Яковлев был человек совершенно интеллигентный. В разговоре со мной он употреблял целые французские фразы. Говорил он, как может говорить совершенно интеллигентный человек. Он умел хорошо говорить с солдатами, и по всему было видно, что он с толпой привык говорить. Мандаты его я видел. Он был уполномоченный от „Цика". Они имели подписи Свердлова и Ованесова[13] /так!/.

Он первым делом собрал наших солдат и стал с ними говорить. Льстил им вовсю. Он их благодарил за то, чего они никогда не делали, восхвалял их за их доблести, за их верную службу и т. п. И в то же время он всячески подчеркивал, что Временное Правительство не заботилось о них: солдаты получали 5 рублей в месяц жалованья, а советская власть платит солдатам уже давно 150 рублей. Он говорил им, что они получали грошевые суточные, а он им привез деньги и выдаст по 3 рубля. Совершенно ясно было, что Яковлев подделывается к нашим стрелкам и всеми правдами и неправдами льстит им напропалую, чтобы достичь одного: чтобы они не оказали какого-то противодействия. Некоторые из наших стрелков похаживали в Тобольский совдеп, где их настраивал враждебно против Царской семьи Писаревский[14] и, вероятно, и другие. Яковлев и это использовал. Он ходил в совдеп и, вероятно, там тоже наладил отношения. Председателем совдепа тогда был Хохряков[15]. Это было при мне, когда наши солдаты пошли туда и стали высказывать там свои сомнения в существе Яковлева. Хохряков поддержал Яковлева. Он говорил солдатам при мне, что он хорошо знает Яковлева, как видного деятеля-революционера на Урале, что он его хорошо знает.

Таким путем Яковлев добился у стрелков доверия к себе. Солдаты не признавали до него никаких комиссаров. Например, Демьянов /так!/ изъявлял желание попасть в дом, где содержалась Семья. Солдаты его туда не пустили. Они совершенно отрицательно относились и к Заславскому. А Яковлев сумел добиться того, что ему было надо.

С Яковлевым приезжали тогда: какой-то телеграфист, какой-то молодой человек и какая-то сестра милосердия. Кто такие были эти люди, я не знаю. Из их разговоров можно было понять, что они все из Уфы. Они жили тогда все в доме Корнилова. Все они были люди совершенно интеллигентные. Молодой человек играл роль адъютанта при Яковлеве. С телеграфистом Яковлев ходил на телеграф разговаривать по прямому проводу.

Спустя некоторое время Яковлев объявил Кобылинскому, что он должен увезти из Тобольска Государя. Об этом я знаю со слов Кобылинского, и я хорошо не знаю, кого он еще хотел увозить, кроме Государя. Потом он собрал солдат. Он их собирал часов в 11 вечера. Это тоже было знаменательно. Видимо, он торопился. На собрании он и объявил им, что он должен увезти из Тобольска Государя, Государыню и Наследника, но, так как Наследник болен, в чем он убедился сам, то он, с разрешения Москвы, берет с собой одну из дочерей. Государя он называл в беседах с солдатами прилично корректно – „бывший Царь".

Еще раньше он получил от Кобылинского список тех солдат, которых он намеревался допустить сопровождать Государя. Приходилось тогда Кобылинскому со многим считаться. Кобылинский и составил тогда список, в который вошли солдаты, служившие на выборных солдатских должностях, но сравнительно приличные. Вот на это Яковлев и указал тогда солдатам. Он говорил с ними решительно. Он говорил, что противодействие может повлечь за собой неприятность: он имеет власть расстрелять за это. Но в то же время он указывал, что он может

позволить, чтобы сопровождали человек 8 Государя, и указал по списку тех, кого назначил Кобылинский, подчеркнув, что эти люди, конечно, заслуживают доверие солдат, как выбранные ими же самыми. Помню, тогда протестовал солдат Морозов и еще протестовал солдат Дорофеев против этого списка: „Это все штуки Кобылинского", но из этого ничего не вышло. В состав провожавших попали: Лебедев, Набоков, Лупин, Илья Шикунов, Карсавин, Матвеев, Василий Дураков.

Из всех поступков Яковлева я видел вот что: он старался вовсю увезти Государя и подделывался для этого к солдатам. Получив, как мне казалось, какие-то сведения из Москвы, после переговоров по прямому проводу с Москвой, он стал страшно торопиться.

Отъезд состоялся 27 апреля по новому стилю в 3 часа утра. Я видел, что, когда Государь с Государыней и Марией Николаевной выходили садиться, Яковлев снял фуражку. Я не знаю, куда он увез Государя.

После возвращения наши солдаты рассказывали, что дорогой Яковлев страшно торопился в пути, даже пить чай он разрешал в повозках. Прибыв в Тюмень и сев здесь в поезд, он поехал на Екатеринбург, но на какой-то станции он получил сведения, что через Екатеринбург он не проедет, и тогда он повернул назад в Тюмень. Отсюда он направился на Омск и не доехал до Омска, остановившись на каком-то разъезде. Отцепив паровоз, он отправился в Омск. Остановился он на каком-то разъезде потому, что его не пропускали дальше на Омск. В Омске он разговаривал по прямому проводу с Москвой и после этого поехал на Екатеринбург. Здесь к нему, несомненно, отнеслись враждебно, потому что наши солдаты были арестованы. Кто-то из них говорил, что Яковлев, после их освобождения, предлагал им ехать в Москву для доклада о случившемся. Совершенно ясно было из всех действий Яковлева и рассказов солдат, что Яковлев вез Государя в Москву. Ясное дело, что екатеринбургские большевики этого не допустили и задержали Государя здесь. Стрелки рассказывали, что в Екатеринбурге было заседание „областного совета", на котором присутствовал и Яковлев. Он вышел оттуда расстроенный и говорил тогда стрелкам, что он их повезет в Москву, как „свидетелей" того, что вышло.

После отъезда Государя к нам стал ходить Хохряков. Я не помню, видел ли я сам его полномочия. Но я хорошо знаю, что он имел также полномочия от „Цика". Я думаю, что он наделен был ими по телеграфу. За то же, что он имел такие именно полномочия, я ручаюсь. Но только мне кажется, что его полномочия были специальные: на перевоз детей.

А потом приехал Родионов[16]. Откуда он явился, почему явился, я ничего про это не знаю. Хохряков говорил мне, что Родионов подчинен ему и что Родионов является главным начальником всех отрядов красной армии. Отрядов же тогда было много. Я помню хорошо, что был тогда отряд именно латышей. Пришли они к нам, кажется, из Екатеринбурга. Сам Родионов производил впечатление интеллигента, но наглого в высшей степени, нахального человека, с язвительной улыбочкой. Это не тип прапорщика, а скорее всего – жандармского офицера. Вот что я могу удостоверить: у него была шинель офицерского сукна, как носили и жандармы. Это было именно офицерское сукно. Хотя Хохряков мне и говорил, что Родионов подчинен ему, но в действительности вряд ли это так было. Хохряков, как заметно, угождал ему.

Был еще комиссар Владимир Алексеевич Дуцман. Это был комиссар „города Тобольска", как он подписывался. По национальности он был латыш, и это был „тупой латыш". К нам он никакого касательства не имел и не пытался проникнуть к Семье.

От Кобылинского я слышал, со слов Яковлева, что у Яковлева свой человек, телеграфист, сидел также и в Тюмени. К моменту приезда Яковлева ни Демьянова /так!/, ни Дуцмана в Тобольске не было.

Я знаю, что в настоящее время в Тобольской каторжной тюрьме находятся из наших стрелков названный мною Дураков, а еще сидят Морозов и Чумак. Они сидят, как большевики.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Но только я прошу Вас исправить его вот в каком отношении. Вовсе не список Кобылинского прошел на тех солдат, которые ездили провожать Государя. Попали те, кого указывали солдаты, а из указанных Кобылинским попали Лебедев и Набоков. Это были порядочные люди, а остальные были большевики. Прочитано.

Подпоручик Мундель.
Судебный следователь Н. Соколов.

251 – 254

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 7 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Ишиме, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

251

Иван Семенович Зубрицкий, 41 года, кр-н Верх-Исетского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, грамотный, не судился, сейчас, по случаю взятия красными Екатеринбурга, нахожусь в г. Ишиме.

Я имею в урочище Четырех Братьев хутор. В прошлом году летом я бегал от большевиков и находился больше в лесу и болотах около своей заимки. Хорошо помню, 18 июля по новому стилю я послал утром своего сынишку Николая в Верх-Исетск[1]. Он пошел часов в 6 утра. Скоро он вернулся назад и сказал мне, что его не пропустили в Верх-Исетск (это все равно, что в город Екатеринбург, потому что в город от меня можно только попасть через Верх-Исетск), что вблизи гати недалеко от полотна железной дороги, вот этой самой, которая изображена на снимке, предъявленном Вами мне (предъявлен снимок, находящийся внизу на листе дела том 5-й), его вернул назад какой-то конный красноармеец. Николай говорил, что красноармеец его пугал: стрельба будет и, узнав от него, что в лесу находится и мое семейство, приказал ему всем уезжать. Я тут же удалился в лес. Сын же с матерью Александрой Гавриловной часов в 9 поехали в Верх-Исетск. Я потом слышал от них, что на том же месте, где вернулся назад и сын, было несколько человек красноармейцев и конных и пеших. Они жену и сына пропустили. Пробыв в этот день долго в лесу, я пришел на заимку, побыл тут и вздумал посмотреть, что же делают красные на дороге.

Я пошел к Коптяковской дороге и стал выходить как раз против рудника: первая свертка к руднику, идущая от Четырех Братьев, была уже влево от меня. Не дошел я сажен 20 до дороги, прилег и вижу: на дороге стоит с винтовкой в солдатской одеже красноармеец. Я тихонько уполз назад. Не обратил я тогда внимания, что делалось по направлению к руднику. От него я находился по прямой линии, приблизительно, сажен на 200. Положительно я не заметил, были ли на руднике костры и был ли дым в лесу. Никаких человеческих голосов на руднике я не слышал. Пришел я домой уже темно.

Утром 19 июля я кружным путем уехал в Екатеринбург. Все в городе говорили в этот день, что Государя убили, а семью вывезли куда-то. Тогда же мне пришло в голову, уж не у нас ли там они чего делали. Так в городе я и был до взятия его чехами. 26 июля я вернулся в Верх-Исетск.

28 июля я поехал к себе на заимку. Дорогой мы догнали лесничего Реднико-

ва. Он с Божовым и еще с какими-то людьми ехали ловить красных в районе Коптяков[2]. Они все отправились ко мне, ночевали у меня. 27 или 28 июля я видел в Верх-Исетске коптяковского крестьянина Папина. Он мне сказал, что у заброшенного рудника около Четырех Братьев они, коптяковские крестьяне, нашли какие-то вещи и драгоценный крест. Он говорил, что там, должно быть, „сожигали" Государя. Я об этом рассказал Редникову. Решили мы сходить к руднику.

29 июля утром мы и отправились туда. Мы ехали туда по свертке первой от Четырех Братьев к руднику, которая изображена у Вас на нижнем снимке на листе дела том 5-й, который я сейчас вижу. (Свидетелю предъявлен снимок, находящийся на указанном листе дела.) Эта тропа была сильно положена, малые деревца были поломаны. Видать, тут прошел тяжелый автомобиль и проложил по этой дорожке здоровый след. След этот шел до самой открытой шахты, которую я сейчас вижу на снимке (предъявлен нижний снимок на листе дела том 5-й). Не доходя этой шахты, на этой свертке есть яма, которую я сейчас и вижу на снимке (предъявлен верхний снимок на листе дела том 5-й). На ней, я помню, был срыв, надо думать, от автомобиля. Было ли там бревно, я не помню. След кончался около шахты. Дальше следа накатанного не было. Я хорошо помню, вблизи этой ямы было небольшое кострище, вероятно, то самое, которое я вижу на снимке (предъявлен нижний снимок на листе дела том 5-й). Тогда похоже было, что здесь были привязаны кони и они выгребали копытами землю. Мне тогда казалось, что здесь для них и было разведено у молоденькой сосеночки курево от комаров. В этом куреве валялись тонкие дощечки, так, примерно, в полдюйма, прямо видать, от ящика, и рубленая увязка, новая, толщиною в мизинец. Их было несколько, и они имели изгибы от углов ящика.

Мы осмотрели шахту. В обоих колодцах был тогда лед. Я это помню, и он был пробит в обоих колодцах. В одном колодце на палке висел такой же обрубок увязки от ящика, как и в кострище у ямы. Около шахты также валялись такие же дощечки от ящика. Вся трава на полянке у шахты была помята. Видать было, что здесь стояли кони, привязанные к деревьям: деревья были поломаны, обглоданы.

Недалеко от шахты на глиняной /непонятное слово/ был костер, раскопанный. Размеры его затрудняюсь определить. Дальше у старой березы был другой. В костре у шахты была белая полоска золы. Мне показалось тогда, что эта зола от сгоревшей кости[3]. Кто-то ее тронул, и она рассыпалась. Кажется, находили тут же маленькие обгорелые осколочки костей. В обоих этих кострах мы тогда нашли планшетки от корсетов, пуговицы, кусочек темно-синего сукна, фестоны, пряжку от помочей и кусочек ремешка, кажется, от помочей же. Все эти вещи тогда же взяли, кроме увязок. Куда их передали, я не знаю.

Жена мне передавала, что утром 19 июля часов в 6–7 через Верх-Исетск как раз по Коптяковской дороге проходило несколько автомобилей. В них сидело несколько каких-то людей с поникшими головами, как сонные. Кажется, жена узнала в одном из них Ермакова.

Ермаков – наш, коренной верх-исетский житель[4]. Он мальчонкой служил писарем, должно быть, в заводской конторе. С 1905 года он стал заниматься „политикой" и сделался хулиганом. Его сослали, а в эту революцию он вернулся и при большевиках сделался у нас военным комиссаром.

Матрос Ваганов был его помощником. Партин был тоже большевик, пьяница. Леватных и Костоусова я не знаю. Был у нас еще большевик Алексей Аркадьев Грудин[5] (см. л. д. том 4-й). Он участвовал при большевиках в этих самых „контрибуциях" и „реквизициях". Про него был слух, что его за что-то убил в Перми Ермаков.

Из кого состоял отряд Ермакова, я не знаю. Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Иван Зубрицкий.
Судебный следователь Н. Соколов.

252

Александра Гавриловна Зубрицкая, 37 лет, крнка Верх-Исетского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православная, грамотная, не судилась. Сейчас нахожусь, по случаю эвакуации Екатеринбурга, в г. Ишиме.

У нас в урочище Четырех Братьев имеется заимка. В прошлом году летом, 18 июля по новому стилю, мы послали в Верх-Исетск нашего сына Николая узнать, как там дела идут: на нас большевики наложили в 5 000 контрибуцию, и муж от них бегал. Мы и послали его узнать, как там дела. Скоро Николай вернулся и сказал, что на Коптяковской дороге около гати его вернул какой-то красный и сказал ему, чтобы мы никто в лесу не оставались, потому что будет стрельба. Муж тут же убежал в лес, а я с Николаем и другими еще маленькими детьми отправилась в Верх-Исетск. Едем мы и видим: около гати к нашему хутору ближе лежат несколько человек в солдатской одеже, а несколько человек тут же на лошадях. Чьи были эти люди, я не знаю. Я сама уроженка Березовского завода и верх-исетских не знаю. Может быть, это были и верх-исетские.

На другой день, часов в 6–7 утра, я была на улице и вижу, один за другим едут по направлению от леса (из Коптяков) к городу автомобили. Два были легковых, а сзади шел грузовой автомобиль[6]. У него левое заднее колесо было обмотано толстой веревкой: видать, шина была повреждена. В автомобилях были какие-то люди. Я ни костюмов, ни наружности их не разглядела. Но они все сидели понурые, головы свесили, как бы пьяные или сонные – не выспались. Я из дома тогда выбежала на шум автомобилей.

На квартире в то время у нас стоял священник Приходько Иуда Михайлович. Его жена Наталья Михайловна, свекор Михаил Осипович и свекровь Марфа Севостьянова тоже со мной выбежали наружу и видели автомобили. Грузовой автомобиль, пройдя несколько, вскоре остановился. С него слезли какие-то люди и стали перевязывать веревкой завязанное колесо. Наталья Михайловна говорила, что на одном из автомобилей ехал верх-исетский комиссар Ермаков. Сама я его не знаю.

Больше показать я ничего не могу. Прочитано.

Зубрицких. /так!/
Судебный следователь Н. Соколов.

253

Николай Иванович Зубрицкий, 17 лет, кр-н Верх-Исетского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, живу сейчас в г. Ишиме по случаю эвакуации Екатеринбурга, православный, грамотный, не судился.

У моего отца имеется в урочище Четырех Братьев заимка. На отца большевики в прошлом году наложили контрибуцию. По этому случаю мы все и спасались на заимке. В июле месяце, числа 17–19 (в один из этих дней), меня отец послал в Верх-Исетск узнать, что там делается. Только вышел я по нашей от хутора свертке на Коптяковскую дорогу и повернул по ней, гляжу, догоняет меня какой-то конный красноармеец. Когда я вышел на дорогу, он стоял на ней справа от меня и ближе туда к руднику. Я остановился. Он ко мне подъехал и сказал мне: „Ты куда, товарищ, идешь?" Я сказал ему, что иду в Верх-Исетск. „Как же ты прошел?

У нас тут по дороге кругом заставы расставлены". Я сказал ему, что я по Коптяковской дороге не шел и поэтому застав не видел. „Ты откуда же идешь?" Я ему рассказал, откуда я иду, кто я такой. Тогда он мне сказал, чтобы я дальше не ходил, а вернулся бы и сказал своим, чтобы они все уезжали с заимки, потому что, как он мне сказал, в лесу будет стрельба.

Я вернулся домой и сказал об этом отцу. Отец ушел в лес, а мать со мной, маленьким братом и сестрой поехали на лошади в Верх-Исетск. Когда мы опять выехали на Коптяковскую дорогу, там опять, на том же месте, где был первый конный красноармеец, была застава. Были тут и пешие и конные. Я никого из них не узнал. Может быть, тут и были верх-исетские. Они нас не заметили, потому что все они были в стороне от дороги. Приехали мы в Верх-Исетск.

В этот же день я видел, что дорогой мимо нашего дома по направлению к Коптякам (как раз тут идет дорога из города на Коптяки) идет грузовой автомобиль защитного цвета. На нем сидело несколько человек красноармейцев в солдатской одеже. Один был в кожаной тужурке черного цвета. Другой был также в штатской одеже, но я не заметил, какой именно. На этом автомобиле что-то такое было, покрытое брезентом. Проходил он в обед[7].

Я помню, что в этот ли день или же на другой день, но только забыл я теперь, в какое именно время дня, проходил грузовой автомобиль с бочкой. Мне показалось, что бочка эта была большая: ведер на 40, зеленого, кажется, цвета. Одно колесо с левой стороны (не помню, какое именно) было, видимо, у него повреждено: обмотано веревками. Я тогда вышел из дома на шум этого автомобиля. Выходила тогда глядеть моя мать, священник Приходько, его жена, его мать – старушка. Останавливался ли этот автомобиль поправлять колесо, я не видел. Кто в нем сидел, я не разглядел. Я только видел, что сидевшие в нем качались, как пьяные или сонные. Матушка-попадья говорила, что один из ехавших в автомобиле был Ермаков.

Когда мы накануне[8] ехали в Верх-Исетск, мы нигде по дороге никаких больше застав не видели. Около переезда их не было. Больше показать я ничего не могу. Показание мое мне прочитано.

Н. Зубрицкий.
Судебный следователь Н. Соколов.

254

Николай Александрович Тетенев, 45 лет, кр-н Верх-Исетского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, сейчас нахожусь в г. Ишиме по случаю эвакуации Екатеринбурга, православный, грамотный, не судился.

У меня есть заимка в районе озера Шувакиша, недалеко от заимки Зубрицкого и Четырех Братьев. Я укрывался в болотах, когда чехи брали Екатеринбург. Первые же дни по взятии Екатеринбурга я был в Верх-Исетске. Там был и Зубрицкий. В штабе тогда было известно в Верх-Исетске, что коптяковские крестьяне ходили на рудник, который красные оцепляли тогда перед занятием Екатеринбурга чехами и нашли у рудника какие-то вещи, в числе их драгоценный крест. Тогда уже известно было об убийстве большевиками Государя. Тут мы с Зубрицким поехали на моей лошади на наши заимки. Приехали мы на заимку Зубрицкого и узнали, что через заимку Зубрицкого проехал на мою заимку лесничий Редников. Мы проехали на мою заимку и там застали Редникова. С ним были из наших верх-исетских Божов, Зудихин и еще кто-то[9].

В тот же день мы сходили на рудник, где коптяковские крестьяне нашли вещи. Мы шли туда первой сверткой к руднику от Четырех Братьев. Совершенно

явственно было видно, что по этой свертке ходили автомобили и проложили здесь дорогу до самой открытой шахты. А в одном месте колесо автомобиля сорвалось. Это было около ямы, которая находится как раз на этой свертке. Автомобиль обходил эту яму, а так как места осталось немного для обхода, то он и сорвался одним колесом. Срыв хорошо был виден. Я вижу предъявленный мне Вами фотографический снимок этой ямы (предъявлен верхний снимок на листе дела том 5-й). Вот я про нее и говорю. И срыв на снимке виден.

Недалеко от ямы был небольшой костер. Видать было, что тут конь стоял, привязанный, и около него от овода был огонь разведен. В кострище тут валялись горелые дощечки тонкие, так, в полдюйма, и валялись обрубки увязок от ящиков, тонкие в мизинец, новые, рубленные. Поглядели мы на шахту. Около нее, на глиняном бугре было кострище, раскопанное уже. Другой костер был у старой березы на дорожке. Мы тогда с вечера костров не разрывали. Следы автомобилей шли по полянке у самой шахты и кончались у нее. Никуда больше следов не было от этого места. Здесь все кончалось. Трава была по полянке сильно измята. Ясно было видно, что здесь к деревьям было привязано очень много коней: не менее, я думаю, сотни. Ясно были видны следы и от коробков. Ушли мы тут с вечера, а утром опять пришли. Стали мы рыться в кострах. Мы нашли очень много разных вещей: кнопок, фестонов, очень много костей от корсетов, пряжек всевозможнейших, пуговиц, кусок материи темно-синего цвета, величиною в ладонь. Все это было обгорелое. Я не помню, были ли кусочки обгорелой солдатской шинели. Не помню, были ли осколки костей обгорелых. Целый носовой платок был тогда навязан разной этой мелочи. Все это мы находили в обоих кострах.

Смотрели мы на шахту. Я только помню, что в большом колодце лед был, но был пробит. Был ли лед в малом колодце, я не обратил внимания. Здесь около шахты я видел такой же обрубок веревки-увязки, как и около кострища у ямы. Здесь тоже валялись дощечки от ящика, такие же, как и у кострища.

Мы тогда первыми были на руднике. Никаких комиссий до этого туда еще не приезжало.

Ермаков, Василий Леватных, Николай Партин, Александр Костоусов, Алексей Грудин – это все самые заядлые были у нас большевики[10]. Еще был у нас большевик Ваганов. Я сейчас вижу их карточки (предъявлены карточки Ермакова, Партина, Костоусова, Леватных). Это они. Из них Ваганов, Леватных и еще другие приезжали меня на заимку расстреливать, и я тогда чудом спасся от них. С ними еще тогда приезжали Николай Казанцев и Скорынин. Казанцев, Ваганов убиты, а Скорынин сам застрелился. Грудин был у них тогда кассиром, когда они нас грабили. А вот я у Вас на карточке еще одного вижу, а фамилии ему не знаю (Камаев). Он тогда тоже с ними был, когда меня в Верх-Исетске в совет призывали из-за денег.

Вся та местность у рудника, как мы ее видели, прямо свидетельствовала о преступлении. Я уверен был тогда же, что здесь они что-то делали с Царской семьей или с трупами ее. Но никого тогда не было, и никто не обращал внимания на эту местность. Даже лесничий спорил тогда и говорил, что вещи, которые мы находили, – простые, а не царские, как будто Царь должен носить золотые пуговицы.

Куда все найденные нами вещи девались, я не знаю. Больше показать я ничего не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Н. Тетенев.
Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 9–13 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Ишиме, Тобольской губернии, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр предметов, обнаруженных при производстве раскопок в районе рудника, производившихся генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом и описанных в акте осмотра от 6 июня – 10 июля сего года (л. д. том 6-й) [1].

По осмотру найдено следующее:

Вещи, найденные при просевке и промывке почвы глиняной площадки:

Вещи, обнаруженные 3 июля:

1. Часть разломанного золотого предмета. Эта часть золотого украшения представляет собой четырехгранную золотую пластинку, имеющую в длину 1 сантиметр 8 миллиметров, в ширину 2 миллиметра и в толщину 1 миллиметр. Пластинка сильно искривлена во всю ее длину. Оба ее конца имеют неровные края, так что по краям совершенно ясно видно, что она образовалась вследствие разрушения какого-то золотого предмета при помощи какого-то тяжелого рубящего орудия, отделившего эту пластинку от целого предмета[2]. Посередине ее имеются царапины, напоминающие следы слабых ударов по самой пластинке какого-то острого предмета.

При сравнении этой пластинки с обломком золотого предмета, описанным в пункте 91-м протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й), усматривается, что свойство золота и четырехгранность как настоящей пластинки, так и описанного в указанном пункте золотого обломка одни и те же. Видимо, оба эти обломка принадлежат к одному и тому же золотому предмету.

2. Две золотых петельки от цепочки. Обе эти петельки соединены между собою, как это бывает у цепочек. У одной петельки нарушена ее целость: петелька вытянута и разъединена. При сравнении этих петелек с цепочками, описанными в пунктах 71 и 90 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й), усматривается, что величина двух петелек совершенно соответствует величине петелек обеих описанных цепочек.

3. Часть разломанной петельки. Эта часть золотой разломанной петельки такой же толщины, как и петельки в обеих описанных цепочках и у обеих только что описанных петелек. Она имеет вид разломанной петельки, вытянутой. Часть ее, приблизительно около половины, отсутствует.

Вещи, найденные 6 июля:

4. 2 гвоздика и головка гвоздика. И оба гвоздика и головка подвергались действию огня. Один из гвоздиков имеет головку, но конец его отломан. Его длина 1 1/2 сантиметра, толщина у головки – 2 миллиметра, к концу – 1 миллиметр. Он круглый и принадлежит, видимо, к обуви.

Другой гвоздик не имеет головки. Его длина 1 1/2 сантиметра, толщина ближе к головке 2 миллиметра, к концу – 1 1/2 миллиметра. Он не круглый, а четырехгранный. Головка гвоздика с шляпкой, имеющей в диаметре 4 миллиметра. Не представляется возможным определить, принадлежит ли эта головка к гвоздику, не имеющему шляпки.

5. Металлическая, малая петля. Петля вытянута и изломана: у одного из ее концов отсутствует конец самого изгиба, за который петля пришивается к одежде. Петля тонкая, ровная и принадлежит, видимо, к дамскому платью.

6. Кусочек благородного металла. Он неправильной формы. Его длина, приблизительно, составляет 5 и ширина 2 миллиметра. Оба конца этого осколка и са-

мый осколок носят ясно выраженные следы удара по нему какого-то тяжелого режущего предмета, видимо, и отделившего его от какого-то целого предмета. Кусочек этот подвергался действию огня, так как на нем имеются следы копоти потемнения металла /так!/. При сравнении этого кусочка с частью украшения с бриллиантами и с кусочком благородного металла, описанными в пунктах 84 и 79 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й), усматривается, что все они принадлежат, видимо, к одному украшению.

Вещи, найденные 8 июля:

7. 8 кусочков свинца. Кусочки свинца имеют неправильную форму. Они различной величины: от миллиметров до 1 сантиметра. Форма их ясно свидетельствует о том, что они образовались в огне от растапливания свинца. Восьмой кусочек образовался при осмотре путем отделения от одного из кусочков.

8. 4 сапожных винтика. Они все медные и сильно закопчены от действия на них огня. Один из них имеет в длину 1 сантиметр и 1 миллиметр и в диаметре 2 миллиметра, другой имеет в длину 1 сантиметр и в диаметре немного менее 2 миллиметров, третий имеет в длину 9 миллиметров и в диаметре равен второму, четвертый имеет в длину 8 миллиметров и в диаметре равен третьему и второму.

Вещи, найденные при разработке шахты № 3:

9. Носовой платок. Он квадратной формы и имеет размеры 32 1/2 сантиметра в квадрате. Платок сильно замазан глиной, местами худой. Трудно определить его цвет под глиной, но, видимо, он не чисто белый, а цветной. Кроме глины, на нем имеются еще пятна. Цвета их также трудно определить под глиной.

10. Обрывок газеты. Газета запачкана глиной, в очень многих местах разорвана. Из содержания ее не представляется возможным определить ее название и дату. Но видно, что она издавалась в Екатеринбурге, вышла после 23 марта и относится к революционному периоду.

Вещи, найденные при выемке засыпки из малого колодца шахты № 7:

11. Серебряная рамочка. Она имеет форму прямоугольника. Две стороны ее имеют в длину 6 1/2 сантиметров, две другие – 5 1/2 сантиметров. Ширина сторон (стенок) рамочки – 8 миллиметров. В стенках рамочки имеются отверстия для гвоздиков, коими, видимо, прикреплялась задняя стенка рамочки. Судя по форме и величине стенок рамочки, в ней должно было находиться стекло, причем оно должно было иметь прямоугольную форму. При рамочке имеется колечко, такого же металла, как и сама рамочка. Кольцо это вытянуто и изогнуто. Самая рамочка имеет след воздействия на нее огня. Рамочка, несомненно, сделана из серебра. На одной из стенок ее имеется клеймо фирмы: „И. Г.". На этой же стенке имеется клеймо пробы: „84". Рамочка является по своему виду типичной образной рамочкой[3].

12. Перочинный нож. Рукоятка его из белого металла. На обеих сторонах ее написано французскими буквами: „Шампань С-т Марсо". Длина рукоятки – 8 сантиметров. Нож имеет два лезвия, из коих одно короткое, сломанное, и ножницы. Оба ножа и ножницы складываются и прячутся в рукоять. Обращает на себя внимание малое лезвие: оно сильно отточено и сточено, как это часто делается для обрезывания сигар в перочинных ножах, имеющих особые для этой цели лезвия. Оба лезвия и ножницы сильно закопчены от огня.

Вещи, найденные при промывке засыпки, извлеченной из малого колодца шахты № 7:

Вещи, найденные 2 июля:

13. Юбилейный знак Уланского Ее Величества полка. Знак имеет форму флюгера. Его длина – 2 сантиметра 3 1/2 миллиметра и ширина – 1 сантиметр и 2 1/2 миллиметра. Он сделан из серебра, имевшего позолоту, от которой остались едва заметные следы. Одна сторона его покрыта полосками белой и темно-оранжевой эмали. На обратной стороне его выгравировано: „1803 17/V 1903". Знак имеет колечко, при помощи которого он может носиться. На колечке имеется клеймо фирмы, в котором при помощи лупы читается: „А. Л."[4].

Вещи, найденные 7 июля:

14. Осколок жемчуга. Осколок крупный, его длина – 8 миллиметров и ширина – 3 1/2 миллиметра. Жемчуг совершенно белый, прекрасных свойств. Он, видимо, не подвергался действию огня.

15. Кусочек благородного металла. При незначительном усилии кусочек разделился на два. Один из них имеет в длину 1/2 сантиметра, другой – 3 миллиметра. Оба кусочка сильно закопчены от огня. Оба они из серебра, имеющего припайку из золота. Кусочки явственно сохранили следы отделения их от какого-то другого ценного предмета при помощи тяжелого режущего орудия. Этот кусочек, видимо, тождественен с кусочком, описанным в пункте 6-м сего протокола, и принадлежит к одному предмету вместе с этим кусочком и предметами, описанными в пунктах 79 и 84 протокола 19-22 июня сего года (л. д. том 5-й).

16. 1 буса горного хрусталя. Она имеет внутри отверстие для надевания ее на нитку. Ее диаметр – 6 миллиметров. Бусинка, видимо, или подвергалась действию огня, или же давилась каким-либо тяжелым предметом, так как она имеет внутри ее трещины.

17. 5 кусочков свинца. Они неправильной формы и различной величины: от 2 до 9 миллиметров. Все кусочки образовались от растапливания свинца в огне.

18. 1 осколочек белого стекла. Он имеет в длину 9 миллиметров и в толщину 2 миллиметра. Стекло его белое и однородно со стеклом в осколках, описанных в пунктах 86, 100 и 1-й части пункта 67 протокола 19-22 июня сего года (л. д. том 5-й).

19. 1 фестон от корсетной шнуровки. Фестон подвергался действию огня.

20. 1 кнопка. Она имеет в диаметре 8 миллиметров и принадлежит, видимо, к дамскому платью. У нее имеются четыре дырочки, через которые она пришивается к платью. Одна ее сторона узорная. Кнопка хорошей работы.

21. 2 обломочка гвоздей. Один из обломочков имеет в длину 7, другой – 9 миллиметров. Оба обломочка – медные. Они сильно закоптели от огня. Эти обломки, видимо, принадлежат к сапожным гвоздям.

22. Тонкий гвоздик. Гвоздик – железный, тонкий, проволочный, без головки. Он подвергался действию огня и заржавел. Его длина – 1 сантиметр 9 миллиметров и толщина – 1 миллиметр. Гвоздик принадлежит к роду сапожных гвоздей.

23. 2 винтика. Оба они медные, закоптелые от огня. Длина одного – 1 сантиметр 1 миллиметр, длина другого – 8 миллиметров. Толщина обоих одинакова: 2 миллиметра. Они принадлежат к роду сапожных винтиков.

Вещи, найденные 8 июля:

24. 2 кусочка красного воска. Оба кусочка не имеют никаких отличительных свойств и прилипают один к другому.

25. 1 цинковый обломок. Он отломан от какого-то цельного предмета. Его длина 6 и ширина 3 сантиметра и 8 миллиметров. Он сильно изогнут, края его

имеют явно видимые следы изломов. Он покрыт красками и, видимо, принадлежит к иконе, написанной красками по цинку.

26. 3 куска сальной массы. Один имеет в длину 3, другой – 4 и третий – 5 сантиметров. Все три куска представляют собой какую-то серую, сальную массу, сплошь покрытую глиной. Не представляется возможным определить их природу без научного исследования. От этих трех кусочков открашиваются более мелкие кусочки.

Вещи, найденные 9 июля:

27. 1 кусок сальной массы. Он имеет в длину 3 1/2 сантиметра. Он несколько белее предыдущих кусков и также сплошь запачкан глиной.

Вещи, найденные 10 июля:

28. 8 осколков белого стекла. Толщина всех их одинакова и составляет 2 миллиметра. Стекло всех осколков прямое и чистое. Оно, видимо, однородно со стеклом в осколках, описанных в пунктах 18 сего протокола (л. д. том 6-й), 86, 100 и 1 части пункта 67 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й)[5]. Величина осколков различна (длина), от 1 сантиметра 2 миллиметров до 2 сантиметров 2 миллиметров.

29. Маленький тонкий железный осколок. Он имеет в длину 1 сантиметр 4 миллиметра и в ширину 4 миллиметра. Этот осколок, видимо, принадлежит к гранате.

30. 1 английская булавка. Булавка большая, имеет в длину 6 сантиметров и не представляет никаких отличительных особенностей.

31. Кусочки материи:

а. 5 кусочков лиловой с синеватым оттенком материи. Все они представляют собой обрывки от материи. Один имеет в длину 11 1/2 сантиметров, другой – 7, третий – 6, четвертый – 4 и пятый – 2 1/2 сантиметра. Все они несколько запачканы глиной. Большой имеет две полоски, как будто бы от прошивки этого кусочка на машине[6];

б. 1 кусочек темно-коричневой материи. Он также является обрывком материи и имеет в длину 20 сантиметров;

в. 1 кусочек белой, розовыми клетками материи, видимо, ситца. Он имеет в длину 4 сантиметра и имеет швы, являясь, видимо, кусочком, оторванным от простой одежды: кальсон, рубашки и т. п.;

г. 1 кусочек черной, голубовато-серой полосками материи. Он имеет в длину 6 1/2 сантиметров. Кусок имеет почти все края ровными, являясь, видимо, отрезанным от более крупного, а не оторванным[7];

д. 1 кусок черной материи. Он имеет в длину 14 сантиметров. Его лицевая сторона выпукло-рубчатая, подкладка – гладкая. Как будто бы лицевая сторона слегка опалена огнем.

32. 1 костяная пуговка. Пуговка желтого цвета, имеет в диаметре 8 миллиметров и принадлежит, видимо, к дамскому костюму. Ушки ее с задней стороны отломаны. Она запачкана глиной.

33. 1 кусочек стеариновой свечи. Огарок свечи – небольшой и не имеет никаких индивидуальных признаков. Он запачкан глиной.

34. Кусочки белого воска. Они запачканы глиной и постоянно делятся на более мелкие. В момент осмотра их было свыше 10.

35. Три кусочка красного воска. Они не имеют никаких особенностей и делятся на более мелкие при осмотре их.

36. Куски сальной массы. Они различной величины. Самый большой из них имеет в длину 6 сантиметров. Они постоянно дробятся на более мелкие куски и их насчитывается более 20 из взятых при промывке засыпки. Сальная масса в большинстве кусков серо-грязного цвета. Не представляется возможным без научного исследования установить природу их.

37. Цинковый кусок. Он отломан от целого куска, измят, исковеркан. В длину он имеет 5 1/2 и в ширину 2 1/2 сантиметра. На нем имеются остатки такой же краски, как и на куске, описанном в пункте 25-м сего протокола.

38. Кусочек кожи от обуви. Кусочек тонкой, черной кожи. Он прошит при помощи машины.

39. Куски обуглившегося от огня дерева. Всех их свыше 30. Они пачкают руки, как угли, и не имеют никаких отличительных особенностей. Все эти куски довольно крупного размера. Самый большой из них представляется в длину в 35 сантиметров, большинство кусков в 5–8 сантиметров. Если эти куски были в костре, то костер должен был представляться большим и сильным.

Вещи, найденные при промывке ила и грунта в большом колодце шахты № 7:

40. Кусочки материи. Всех кусочков 7. Самый большой из них имеет в длину 7 сантиметров. Эти кусочки совершенно тождественны, по свойству материи, с кусочками материи, описанными в пункте 31 „а" сего протокола. Один из кусочков имеет прошитый черными нитками рубец. Все кусочки имеют явно выраженные следы отрывов их от целого куска материи или платья.

41. Три железных пластинки. Длина первой 8 1/2, второй – 7 1/2, третьей – 6 1/2 сантиметра: ширина всех их одинакова и составляет 2 сантиметра. Все они сильно покрыты глиной. Происхождение их без экспертизы представляется затруднительным определить.

42. Кусочек свинцовой бумаги. Кусочек очень мал: его длина и ширина – 2 миллиметра. Он, видимо, подвергался действию огня, так как он сплавился и рассыпается на более мелкие кусочки, как побывавшая в огне свинцовая бумага.

43. Два осколка желтого стекла, цвета йода. Осколочки очень малы. Один имеет в длину 5, другой – 3 миллиметра. Толщина стекла менее 1 миллиметра. Они совершенно сходны с осколочками, описанными в пункте 101-м протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й).

44. 3 осколка зеленого стекла. Два имеют в длину 1 1/2 сантиметра, один – 5 сантиметров. Толщина стекла у всех одинакова и составляет 3 миллиметра. Два осколочка имеют сохранившиеся на них буквы английского, видимо, алфавита. Эти кусочки тождественны с кусочками стекла, описанными в /пунктах/ 34, 59, 99 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й) [8], являясь кусочками от одного, видимо, или нескольких, но одинаковых флаконов.

45. 4 осколка белого стекла. Толщина трех осколков одинакова и составляет 2 миллиметра. Один имеет в длину 6 и в ширину 2 сантиметра, другой имеет в длину 2 сантиметра и в ширину 8 миллиметров, третий имеет в длину и в ширину 1/2 сантиметра. Стекло всех этих трех осколков чисто-белое и прямое, видимо, одинаковое со стеклом в кусочках, описанных в 1 части пункта 67 и в пунктах 86 и 100 протокола 19–22 июня сего года (л. д. том 5-й). Четвертый кусочек имеет толщину стекла в 1 миллиметр; его длина – 4 и ширина – 3 миллиметра. Стекло его имеет ясно выраженный выпукло-вогнутый характер.

46. Кусочки углей. Их свыше 20, и они постоянно рассыпаются на более мелкие, превращаясь в угольную пыль. Самый большой из них имеет в длину 5 сантиметров. Они не представляют никаких особенностей.

Предмет, найденный в шахте № 12:

47. Топор. Длина его лезвия от обуха до острия лезвия – 16 сантиметров. Длина обуха – 8 сантиметров, ширина – 5 сантиметров, длина лезвия – 13 сантиметров. В нем имеется обломок черена, в коем забит деревянный клин. Все лезвие топора сплошь покрыто глиной. В целях сохранения топора в первоначальном виде для научного исследования глина не удалялась с топора[9].

Вещи, найденные при промывке костра у старой березы:

48. Этикетка. Она состоит из двух наклеенных одна на другую бумажек: толстой бумаги и самой этикетки, наклеенной на нее. Наклейка, однако, отстала. Длина этикетки 6 и ширина 2 сантиметра. Бумага самой этикетки желтого цвета и покрыта черными пятнами. На ней написано по-русски: „Хим. лаб. 'Стелла' Стокгольм Лондон".

49. Кусочек свинца. Он расплавлен в огне. Отличительных особенностей не представляет.

50. 1 кнопка. Она имеет в диаметре 7 миллиметров. У нее имеются 4 отверстия, при помощи которых она пришивается к костюму. Одна ее сторона имеет узор. Кнопка подвергалась действию огня. Она принадлежит, видимо, к дамскому костюму.

Вещи, найденные при промывке костра на глиняной площадке у шахты № 7:

51. 3 фестона. Они все обгорелые. Принадлежат они, видимо, или к корсету, или к обуви. Диаметр их 3 миллиметра.

52. Металлическая пуговица. Она имеет в диаметре 1 1/2 сантиметра. В ней четыре дырочки, через которые она пришивается к одежде. Она могла быть обтянута материей или полотном, так как сама она слишком тонка, чтобы в необшитом виде служить костюму. Она покрыта глиной.

53. Одна круглая жемчужина. Она имеет в диаметре 2 миллиметра. Жемчужина совершенно сохранилась.

54. 2 осколка жемчуга. Один имеет в длину 5 и в ширину 3 миллиметра, другой имеет в длину и в ширину 2 миллиметра. Оба осколочка от белого, прекрасного свойства, жемчуга. Они раздавлены и подвергались, видимо, действию огня.

Вещи, найденные в новом костре у шахты № 7:

55. 5 осколков белого стекла. Из них 4 осколка имеют одинаковую толщину: 2 миллиметра. Длина одного – 3 сантиметра 8 миллиметров, ширина – 3 сантиметра. Другой имеет в длину 2 и в ширину 1 1/2 сантиметра. Третий имеет в длину 2 и в ширину 1 1/2 сантиметра; этот кусочек покрыт как будто бы с одной стороны краской, но она, в свою очередь, покрыта глиной, так что хорошо краска не видна. Четвертый имеет в длину 2 сантиметра и в ширину 1 сантиметр 3 миллиметра. Стекло всех этих осколочков белое, чистое и прямое, но два первых кусочка как будто бы не так чисты: края кусочков отливают некоторой синевой. Поэтому не представляется возможным определить, тождественно ли стекло в этих кусочках со стеклом в кусочках, описанных в предыдущих пунктах сего протокола и в протоколе 19–22 июня сего года. Пятый осколок имеет в длину 3 1/2 и в ширину 1 сантиметр. Он из толстого стекла в 3 1/2 миллиметра, искривлен и имеет ясно выраженную форму бутылки или флакона.

Вещи, найденные вблизи шахты № 2 и вблизи шахты № 7:

56. Обрывок материи. Он имеет в длину 45 и в ширину 34 сантиметра. С одного края он порублен, все остальные имеют следы разрывов. Материя местами прорвана. Она вся сплошь покрыта глиной, так что ни ее качества, ни ее цвета определить не представляется возможным. В целях исследования она не промывалась.

57. 3 металлических пластинки. Длина одной 20 сантиметров, длина другой 10 сантиметров, ширина обеих одинакова и составляет 6 миллиметров. Обе пластинки имеют следы припайки их и имеют узорную рельефную, в виде точек, кайму по краю. Большая согнута пополам. В момент осмотра она обломилась на две одинаковые части по изгибу. Эти пластинки местами закопчены. Они принадлежат, видимо, к иконе.

58. Металлический стержень. Он цилиндрической формы. Его длина 7 сантиметров 2 миллиметра, толщина – 1/2 сантиметра. На концах его имеются кольца, и сам он обвит проволокой. Стержень, видимо, является ударным механизмом ручной гранаты.

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

256

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 20-23 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал.

Алексей Андреевич Волков – сведения о личности см. л. д. 160, том 1-й[1].

/Опущен рассказ Волкова о периоде, предшествующем приезду в Тобольск./

Прибыв в Тобольск, Царская семья несколько дней пробыла на пароходе, пока приводился в порядок Губернаторский дом, отведенный для нее. Когда дом был готов, Государыня с Алексеем Николаевичем ехала в дом на экипаже. Вся остальная семья следовала в дом пешком. Народ прекрасно относился к Семье. Я сам видел людей, плакавших, когда шла Семья.

Семья и Жильяр поместились в Губернаторском доме. Все остальные из свиты разместились в Корниловском доме. Жизнь пошла хорошая в Тобольске, покойная, ровная. Недостатка ни в чем не было. Жили они своей семейной жизнью. Дети усиленно занимались, кроме Ольги Николаевны, которая, конечно, уже не училась. Государыня занималась рукоделиями. Государь занимался с Алексеем Николаевичем, читал и работал во дворе. В 9 часов они вставали и все вместе, кроме Государыни, пили утренний чай или в большом зале, или в кабинете Государя, или в будуаре у Государыни. В 1 час дня был завтрак. В 5 часов полуденный чай. В 8 часов был обед. В 11 часов вечера был вечерний чай.

С перерывами для гулянья дети занимались до обеда. Государь все это время проводил в указанных мною занятиях. После обеда они сходились вместе, и Государь очень часто читал вслух.

Первое время никаких у нас комиссаров не было. Главным начальником был полковник Кобылинский. Потом приехал комиссар Панкратов с помощником своим Никольским[2]. Я ничего не могу сказать, кроме хорошего, про самого Панкратова. Он все делал для Семьи и был сам человек хороший, мягкий. Он особенно любил Марию Николаевну и выделял ее из всех. Его помощник Никольский был грубый, но его никто никогда и не видел. Я не знаю, чтобы он чем-либо обидел Алексея Николаевича и кричал бы на него. Также я не знаю, чтобы он уничтожил вино, присланное им Макаровым[3] из Царского.

К концу 1917 года солдаты стали распускаться. Я не могу объяснить причины этого. Но они стали хуже. В это время, я знаю, кто-то из них написал неприличные слова на качелях, которыми пользовались княжны. Они заставили Государя, как и всех вообще офицеров, снять погоны. Они срыли гору, которой пользовалась Семья. Они, наконец, запретили ей ходить в церковь. Запрещение ходить в церковь было вызвано тем, что диакон в один из праздников провозгласил многолетие по старой форме: „Благочестивейшему, самодержавнейшему, и т. д.". Для

чего это было сделано, я не могу Вам объяснить. Я сам потом говорил об этом с диаконом. Он мне говорил, что ему было так приказано священником о. Васильевым[4]. А когда стали большевики об этом производить расследование, священник отказался от всего этого и все свалил на диакона, который и пострадал.

Ничего я положительно не знаю, какие еще комиссары приезжали к нам из Омска.

Первый комиссар, который приехал к нам при большевиках, был Яковлев[5]. Ему на вид было лет 30–32. Он брюнет, цвет лица темный. Остальных его примет я не могу точно описать. С ним был еще какой-то его помощник, примет которого я не помню. Помнится мне, что в самый первый день Яковлев был принят Их Величествами в комнате больного Алексея Николаевича у его постели. Потом он приходил еще несколько раз. Все мы видели, что он высматривает Алексея Николаевича, проверяет, действительно ли он болен, не притворяется ли он, не /напрасно?/ ли говорят о его болезни. Я категорически утверждаю, что это так именно и было. Очевидно было, что для этого Яковлев и ходил тогда в дом.

Я спрашивал Ее Величество, какое впечатление произвел на нее Яковлев. Она мне сказала: „Ничего, он говорил мягко со мной". Я спросил Государыню: „Что же, Ваше Величество, он образованный, интеллигентный?" Государыня мне ответила: „Нет, не думаю. Мне кажется, он начитанный".

Я и сам говорил с Яковлевым. Дело в том, что перед его приездом солдаты и нас всех заперли в Губернаторском доме и не пускали нас домой, где жили наши семьи. Я от имени всех говорил с Яковлевым по этому поводу. Когда я ему это сказал, он удивился и ответил мне, что он через несколько дней разберется с этим и даст мне ответ. Мне он показался человеком мягким, предупредительным, а вовсе не грубым мужиком. Все у нас знали, что после одного из посещений Алексея Николаевича, когда, должно быть, Яковлев окончательно убедился в болезни Алексея Николаевича, он пошел с одним телеграфистом на вокзал и, вероятно, сносился с кем ему надо было по телеграфу. После этого он прождал несколько времени и пришел в дом вместе с Кобылинским. Он сказал мне, что желает *наедине* переговорить с одним Государем. Я хоть сейчас пойду под присягу и клятвенно могу удостоверить, что это было именно так. Именно Яковлев просил меня передать Государю, что он желает говорить с ним *наедине*. Я сказал Яковлеву, что мое дело доложить, а там как Его Величеству угодно будет. Государь вместе с Государыней были в то время в гостиной, рядом с залом.

Когда я сказал Государю, что Яковлев желает с ним говорить наедине, Государь пошел в зал. Яковлев вошел в зал. Тут же был и полковник Кобылинский. Яковлев сказал Государю, что он желает говорить с Государем *наедине*. Я это категорически удостоверяю. Государыня, услышав эти слова Яковлева, сказала ему: „Это еще что значит? Почему я не могу присутствовать?" Я не могу сказать, было ли при этих словах Императрицы у Яковлева заметно смущение. Я не придал тогда этому значения и не обратил внимания на него. Я только помню, что он „уступил" и сказал, кажется, так: „Ну, хорошо". После этого он сказал, обращаясь к одному Государю: „Вы завтра безотлагательно должны ехать со мной". Я тут же ушел и дальнейшего разговора Их Величеств с Яковлевым не слышал[6].

Когда Яковлев ушел, меня не было в это время около Их Величеств. Я был в своей комнате и занимался своими делами. Я не видел, как Кобылинский после ухода Яковлева разговаривал с Их Величествами. Выйдя же после ухода Яковлева, приблизительно с полчаса, из своей комнаты, я нашел Императрицу в комнате Алексея Николаевича. Лицо ее было заплакано, и она плакала в это время, но скрывала свое лицо от Алексея Николаевича, не желая, видимо, чтобы он видел ее слезы. Когда она выходила из этой комнаты, я спросил ее: „В чем дело? Что случилось?" Государыня мне ответила: „Государя увозят в Москву. Хотят, чтобы он заключил мир. Но я сама поеду с ним: я никогда не допущу этого. Что скажут наши союзники? Я оставляю Алексея Николаевича: смотри здесь за ним. Я сама решила и я должна разделить судьбу с Государем".

Я не могу, конечно, поручиться, что я слово в слово передаю слова Ее Величества именно так, как она мне их сказала, но, приблизительно, она сказала эти слова. А что она именно эти мысли высказывала, я какой хотите клятвой могу подтвердить это.

Алексей Николаевич в это время был болен той же болезнью, что и в Спале. Но на этот раз он страдал гораздо сильней, чем в Спале[7]. Тогда у него отнялась одна нога, а в это время у него отнялись обе ноги, и он ужасно страдал, плакал и кричал, все звал к себе мать. Государыня все время находилась при нем. И вот в это-то время она так убивалась, как она никогда не убивалась раньше. Я даже и сравнить не могу ее состояния при отречении Государя с этим ее состоянием в Тобольске, когда она решила оставить Алексея Николаевича и ехать с Государем. Там она была спокойна, а здесь она уже не могла сладить с собой и плакала, как она никогда не плакала раньше.

Стали торопиться с укладкой вещей. Яковлев дал короткий срок и торопился, вероятно, вовсю. Государь был хотя и очень выдержанный человек, но, как все же заметно было, и он был удручен этим отъездом.

В 4 часа утра были поданы[8], кажется, обывательские подводы: коробки, запряженные в две лошади, и один был с верхом, в три лошади. Ничего, как есть, не было в коробках: никакого сиденья. Достали мы во дворе соломы и положили в коробки. В тот, у которого был верх, мы положили еще матрасы. В этом коробке села Государыня с Марией Николаевной. Она хотела, чтобы Государь ехал с ней, но Яковлев этого не позволил. Я это прекрасно помню и точно это удостоверяю: Яковлев не позволил, чтобы Государь ехал вместе с Государыней и сел с ним сам. Он относился в это время к Государю не только хорошо, но даже внимательно и предупредительно. Когда он увидел, что Государь сидит в одной шинели и больше у него ничего нет, он спросил Его Величество: „Как, Вы только в этом и поедете?" Государь сказал: „Я всегда так езжу". Яковлев возразил ему: „Нет, так нельзя". Кому-то он при этом приказал подать Государю еще что-нибудь. Вынесли плащ Государя и положили его под сиденье. Уехали тогда с ними из свиты и прислуги следующие лица: Долгорукий, Чемодуров, Боткин, Седнев и Демидова.

Я точно не знаю, каким способом мы известились о том, что Государя с Государыней и Марией Николаевной задержали в Екатеринбурге. Кажется, были письма об этом из Екатеринбурга, но от кого именно и что в них было писано, я не знаю. Я знаю, что 8 человек наших солдат ездило тогда провожать их, но я не знаю, что именно рассказывали солдаты после возвращения из этой поездки.

Через некоторое время пришел к нам комиссар Хохряков[9], который раньше у нас не бывал. Как будто бы выходило так, что он должен был перевезти детей и всех остальных в Екатеринбург вместо Яковлева. Я могу только удостоверить, что Хохряков, как и Яковлев, спешил с отъездом, все проверяя болезнь Алексея Николаевича. Незадолго до нашего отъезда появился с отрядом красноармейцев какой-то Родионов[10]. Эти красноармейцы и заменили наших стрелков. Отряд Родионова состоял из русских и латышей. Я не знаю, были ли в нем мадьяры, но латыши были. Я это потому так говорю, что потом, когда мы ехали на пароходе, лакей Трупп признал в одном из красноармейцев своего племянника (имени и фамилии его не знаю), а Трупп был латыш.

Хохряков, как говорили, был матрос. Кто был Родионов, я не могу сказать. Был ли он жандарм, не могу сказать. Не могу точно сказать, похож ли он был на офицера, но вряд ли. Мне он не казался человеком интеллигентным. Я не могу сказать, чтобы он был особенно грубым, но он проявлял настойчивость в своих требованиях. Это действительно было, что он не позволил княжнам закрывать двери их спальни. Я с ним из-за этого повздорил, потому что нельзя так: барышни. А Нагорный с ним вздорил из-за Алексея Николаевича. Может быть, из-за этого мы с Нагорным и пострадали[11].

Родионов оказался знакомым с Татищевым. Мне передавал следующий с ним разговор Татищев. Родионов, увидев Татищева, сказал ему: „Я Вас знаю". Татищев его спросил, откуда он его знает, где он его видел. Родионов не ответил ему.

Тогда Татищев спросил его: „Где же Вы могли меня видеть? Ведь я же жил в Берлине". Тогда Родионов ему ответил: „И я был в Берлине". Татищев попытался подробнее узнать, где же именно в Берлине видел его Родионов, но он уклонился от вопроса, и разговор остался у них неоконченным. Буксгевден мне говорила, что она видела Родионова несколько раз жандармом на станции Вержболово. Между прочим, Родионов почему-то выделил Татищева и приказал наклеить только на его вещи ярлыки с отметкой, что это вещи Татищева[12].

Большевики, увозя нас из Тобольска[13], вывезли отсюда всю обстановку, какая там была, которая вовсе не принадлежала Царской семье. Я не знаю, почему они так поступали. У Царской семьи были для каждого из них свои походные кровати. Все они были взяты и в первый переезд, и во второй из Тобольска. В Тюмени мы разместились в двух вагонах. Дети, Буксгевден, Гендрикова, Татищев, Шнейдер, Эрсберг и Нагорный были в одном вагоне. Все остальные – в другом. У детей и кто был с ними вагон был классный, мягкий. У нас – 4-го класса.

Я знаю, что при отъезде из Тобольска драгоценности, какие были у Царской семьи, куда-то зашивались, но куда именно, я не знаю.

В Екатеринбурге детей увезли два лица. Один был Родионов. Он садился с ними, как я видел в окно своего вагона, на извозчика. Примет другого я описать не могу: не помню их. Но только это вовсе не был Хохряков. Хохряков тогда тоже ехал с нами в Екатеринбург. Я не помню, уезжал ли тогда он с детьми из поезда. Если я называл его члену суда Сергееву, то это не так. Другой, который ехал с детьми на извозчике, был не Хохряков, а кто-то другой.

Спустя некоторое время явился к нашим вагонам Родионов и выделил из одного вагона Гендрикову, Шнейдер и Татищева, а из другого – меня, Харитонова и Седнева Леонида[14]. Нас повели к вокзалу, где были извозчики. У извозчиков был тот самый комиссар или еще кто, который вместе с Родионовым перевозил и детей. У меня с собой был саквояж, а в нем было: 4 000 денег, белье, сапоги, одна моя фотографическая портретная карточка и две карточки-открытки, бритвы, туфли, записная книжечка, продовольственная книжка. В отдельных местах были у меня сухари и банка с вареньем. Этот комиссар с Родионовым не позволили мне брать с собой сухарей и варенья и эти вещи были оставлены ими у себя. Татищев сел один на извозчика. Я также сел один. Гендрикова села со Шнейдер. Родионов с неизвестным комиссаром сели также на одного извозчика и поехали сзади нас. Харитонов с Седневым также сели вместе. Подъехали мы к дому Ипатьева, где была Семья. Я видел, что дом был обнесен забором, но не могу сказать, закрывал он ворота или же нет. Тут у дома Ипатьева ссадили Харитонова и Седнева. Нас же остальных повезли дальше.

Я спросил извозчика: „Далеко ли до дома?" Я думал, что нас везут куда-либо еще. Молчит. Я опять его спросил: „Ты куда нас везешь?" Опять молчит. И привезли нас в тюрьму. Когда нас привели в контору, Татищев не утерпел и сказал мне: „Вот, Алексей Андреевич, правду ведь говорят: от сумы да от тюрьмы никто не отказывайся". Родионов ничего на это не сказал Татищеву, а другой комиссар ответил: „По милости царизма, родился в тюрьме". Сказал он эти слова по нашему адресу и сказал их злобно. Не было тогда на меня ордера, а на всех остальных ордера уже были. Начальник тюрьмы и сказал тогда об этом этому комиссару. Он махнул рукой и сказал: „Потом пришлю". Я не знаю, кто это был. Но потом, когда был в тюрьме комиссар юстиции Поляков и мы обращались к нему по поводу отобрания у нас вещей (у меня взял саквояж этот самый неизвестный мне комиссар), и Поляков нас спросил, кто нас арестовывал и кто у нас отбирал вещи, и мы не могли ему ответить на его вопрос, начальник тюрьмы сказал Полякову, что нас привозил и сдавал ему Юровский. Это я хорошо помню.

Я вижу предъявленную мне Вами карточку (предъявлена фотографическая карточка Юровского) и не могу сказать, это ли лицо изображено на предъявленной мне Вами карточке, про которое я сейчас Вам говорю. Но мне кажется больше, что это не он. Тот был без бороды, а у этого борода. Но что его начальник тюрьмы называл Юровским, я это хорошо помню.

Гендрикову и Шнейдер от нас в тюрьме отделили, а нас с Татищевым посадили в одну камеру. Это было 10 мая по старому стилю. На другой же день в нашу камеру был приведен Чемодуров.

Я разговаривал с ним. Он был сильно потрясен. Он мне говорил, что из Тюмени их возил Яковлев куда-то взад и вперед, так что он совсем потерялся и не знал, куда же именно их возил Яковлев. Привезли их в Екатеринбурге прямо в дом Ипатьева. Водили ли куда отсюда Государя, он не говорил и разговору у нас с ним об этом не было. Обращались с Августейшими особами здесь большевики, как говорил Чемодуров, „плохо, грубо". Он рассказывал, что однажды один какой-то из них стал рассматривать флаконы Государыни и нюхать их. Государь сказал ему на это: „До сих пор я имел дело все-таки с порядочными людьми". Этот большевик ушел, сказал о словах Государя кому-то другому, и тот грубо сделал замечание Государю: „Не забывайте, что Вы арестованный". Обедали они все вместе. Во время обеда подходил какой-нибудь красноармеец, лез ложкой в миску с супом, жрал и говорил: „Вас все-таки еще ничего кормят". Видимо, здесь в Екатеринбурге обращение было совсем иное, чем в Тобольске[15].

25–26 мая по старому стилю Татищева увели в контору тюрьмы. Он не взял с собой своих вещей: шубы и бумажника (сколько у него было денег, не знаю, но думаю, что не много). Он скоро прислал за мной, прося меня принести ему вещи. Я понес. В конторе Татищев показал мне ордер (не знаю, из какого учреждения), в котором говорилось, что Татищев высылается из пределов Уральской области. Подписей на нем я не помню. До этого времени к нему никто не приезжал ниоткуда, и сам он не хлопотал о своем освобождении.

Я забыл сказать, Чемодуров говорил, что 10 мая в дом Ипатьева был привезен Нагорный и должен был вместо него быть привезенным Трупп.

20 июля по новому стилю меня, Гендрикову и Шнейдер взяли из тюрьмы и привели в вагон, где нас всех собралось 36 человек. Здесь же с нами была Елена Петровна Сербская и ее миссия[16]. Повезли нас всех в Пермь, куда мы и прибыли 23 июля. Меня, Гендрикову, Шнейдер, Елену Петровну с миссией посадили в одну тюрьму, а всех остальных от нас отделили. Я сидел вместе с секретарем миссии Смроновым, майором Мишечичем и двумя какими-то сербскими унтер-офицерами. От них я узнал, что Елена Петровна проживала с мужем великим князем Иоанном Константиновичем в Алапаевске, а затем она переехала в Екатеринбург, чтобы ехать в Петроград к детям. Но здесь она узнала, что ее мужа, как и остальных князей в Алапаевске, перевели на солдатский паек[17]. Тогда она подала большевикам официальное заявление, что она не желает уезжать и желает разделить судьбу мужа. За это ее и арестовали.

Спустя некоторое время после моего перевода в Пермскую тюрьму я подал, по совету какого-то адвоката, также сидевшего в тюрьме, заявление в „совдеп", прося разъяснить мне, за что я арестован. Меня после этого (недели через 2–2 1/2 после перевода в Пермь) повели куда-то на допрос. Там мне какой-то молодой человек (примет не помню) показал мое прошение и стал мне предлагать вопросы: „Вы что знаете про убийство в Екатеринбурге Николая?" Я сказал, что я об этом только узнал в Пермской тюрьме из газет. (В газете тогда писали только про одного Государя: он убит, а про семью ничего в газете сказано не было.) Он не стал меня больше ничего про это спрашивать и ни слова не спросил меня про семью Государя. Затем он меня спросил: „А Вы в побеге Николая из Тобольска участвовали?" Я сказал, что никакого побега не было и не предполагалось. Он меня опять спросил: „А Вы знали о побеге?" Я сказал, что ничего об этом не знал. После этого он мне сказал, что я могу идти. Я спросил его о судьбе моего прошения, и он мне ответил, что этот вопрос будет разрешен в Москве. Я хорошо эти его слова помню[18].

В одной тюрьме с нами сидел камердинер великого князя Михаила Александровича Василий Федорович Челышев. Я с ним встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму. Михаил Александрович проживал в Перми в Королевских номерах, где в другом номере жил с ним и Челышев. Там же жил

и его секретарь, англичанин Джонсон. Приблизительно недели за 1 1/2, как говорил Челышев, до нашего прибытия в Пермь, ночью часов в 12 пришли в Королевские номера каких-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеться. Он стал одеваться, но сказал: „Я не поеду никуда. Вы позовите сюда вот такого-то (он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал). Я его знаю, а вас я не знаю". Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: „А вы, Романовы, надоели вы нам все". После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. Больше Челышев не видел ничего и не знал, в чем и куда увезли Михаила Александровича[19]. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен) Челышев сам отправился в „совдеп", как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. По его словам, на это его заявление не было обращено внимания и спустя через час, как он мне говорил, большевики стали делать что-то вроде погони за Михаилом Александровичем, но в чем она выразилась, Челышев не говорил. На него же они произвели именно то впечатление, что они нисколько не поспешили догонять Михаила Александровича, и вообще как бы не обратили должного внимания на его заявление.

Я забыл еще сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номера, Челышев ему сказал: „Ваше Высочество, не забудьте там взять лекарство". Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство же так и осталось в номере. На другой же день после этого Челышев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян.

В ночь на 22 августа по старому стилю меня привели из камеры в контору. Тут же были и Гендрикова со Шнейдер. Отсюда нас повели в арестный дом и ввели в особую комнату, где было 8 человек. Здесь же было 22 вооруженных человека. Это были, очевидно, палачи. Среди них были и русские, но, по большей части, были не русские, а, видимо, латыши, хотя, быть может, были и мадьяры. Командиром у них был какой-то человек в матросской одежде. Мы сидели, ждали света. Гендрикова мне шепнула, с чьих-то слов, что нас отведут в пересыльную тюрьму, а потом отправят в Москву или Петроград. Я не стал ей возражать, хотя я и ясно видел, куда нас поведут.

Повели нас за город. Кончились строения, показался лесок. Стали мы подходить, должно быть, к месту казни нашей, потому что наши палачи стали услужливо предлагать нам свои услуги: „позвольте, я понесу ваши вещи", очевидно, каждый, желая сейчас же завладеть нашими вещами, чтобы потом не делиться ими с другими. Потом нас остановили. Я улучил минуту и перепрыгнул канаву, которая была около меня. Я бросился бежать. В меня было выпущено три пули. Я упал, потерял шляпу и слышал вдогонку мне слова: „Готов". Но я тут же поднялся и снова побежал (упал я после второго выстрела). В меня был произведен третий выстрел, но Господь Бог меня сохранил, и я убежал. 43 суток я блуждал и вышел на линию железной дороги в 70 верстах от Екатеринбурга, на территорию, свободную от большевиков[20].

Я не умею рассказать про характеры Царской семьи, потому что я человек неученый, но я скажу, как могу. Я скажу про них просто: это была самая святая чистая семья.

Государь был милый, мягкий, ровный. Он был очень добрый человек. Сколько лет я жил около него и ни одного раза я не видел его в гневе. Всегда он был очень ровный, спокойный. Был он прост и не горд. Он был скромный и держал себя так. Его платья были часто чинены. Не любил он мотовства и роскоши. Его штатские костюмы велись у него с жениховских времен, и он пользовался ими. Был он человек, я бы сказал, совсем непьющий. Выпивал он за обедом одну рюмку старой сливовицы и одну рюмку мадеры. Больше он ничего совсем не пил.

И больше этого он никогда не пил. Он, например, не пил совсем шампанского. Если же ему приходилось, по необходимости, пить его в каких-нибудь торжественных случаях, он отпивал немного из бокала[21].

Из удовольствий он любил только одну охоту. Охотился он всегда весной на глухариных токах и осенью по фазану и по зверю. Но за войну он запустил и охоту. Больше он никаких развлечений не знал.

Весь день у него уходил на приемы деловых людей до обеда. Только после завтрака он гулял и занимался физическим трудом и после обеда вечер был с семьей. Он был самый настоящий семьянин и любил быть в своей семье.

Государыня, если не была занята приемами или деятельностью по лазаретам, все время отдавала детям. Она, видно было, как сильно любила Государя и детей. Все это злоба и клевета, что писали нехорошего про Государя, что он пьет, и про Государыню, что она имеет дело с Распутиным. В Распутина она верила, как в святого. Кого хотите спросите из близких к ним, и все Вам скажут одно. Это все грязь и мерзость, что нарочно в революцию про них в газетах писали. Распутина я за все время видел во дворце два раза. Его принимали Государь и Государыня вместе. Он был у них минут 20 и в первый и во второй раз. Я ни разу не видел, чтобы он даже чай у них пил. Государыня относилась к нему, как к святому, потому что она верила в святость некоторых людей. Она его, наверное, уважала. Только однажды она говорила со мной про Распутина, и слова ее были маловажные. Мы ехали на пароходе в Тобольск, и, когда проезжали мимо села Покровского, она, глядя в окно, сказала мне: „Вот здесь Григорий Ефимович жил. В этой реке он рыбу возил /?/ и нам иногда в Царское привозил". (Я этого, например, не знал, что он им рыбу привозил.) После убийства Распутина она была расстроена и не принимала никого. Но ни малейшего даже намека она ничем не обнаружила на то, что это был человек, про которого можно было бы подумать что-нибудь грязное.

Из детей Алексей Николаевич был еще мальчик. Анастасия Николаевна и Мария Николаевна также были еще не взрослые. Занимались они уроками. Ольга Николаевна была уже в невестах. Она была к хозяйству не склонна, любила уединяться, любила книжки и музыку.

Татьяна Николаевна была похожа на мать. Она была степенная, обстоятельная, хозяйственная. Она как-то и считалась против Ольги Николаевны старшей, потому что ее все слушались. Она была ближе всех к матери.

Кроме камердинеров Тетерятникова и Чемодурова, у Государя был еще один камердинер Петр Федорович Катов, который, как и Тетерятников, в Тобольск не попал.

Платье шил на Государя с Алексеем Николаевичем Нольдштром, на Государыню и княжен – Бризак, Михайлова и домашняя портниха Николаева.

Обувь на Государя и Алексея Николаевича шили Ситников и еще кто-то, а на Государыню и княжен – Вейс.

На служащих при Дворе шил портной Лидваль.

Из всех предъявленных мне Вами вещей и их фотографических изображений (свидетелю были предъявлены все предметы, имеющиеся при деле в качестве вещественных доказательств, и фотографические изображения вещественных доказательств, при деле не находящихся), я останавливаюсь на маленькой пряжке от пояса и на изображении креста (п. „г" протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й[22] и п. 4-й протокола 15–16 того же февраля, л. д. 45 об., том 2-й)[23]. Пряжка эта похожа на пряжку, какую носил на своем поясе Алексей Николаевич. Крест этот похож на крест, который был у Государыни и который она носила иногда, но очень редко. Княжны носили ожерелья на шее из белых бус.

У Государыни были жемчужные серьги, но я не могу на снимке опознать, они это или не они.

Пряжки, изображения которых я вижу, были у них на туфлях и у Государыни и у княжен (п. п. 2 и 21 протокола 15–16 того же февраля л. д. 45 и 48 об., том 2-й).

Свечи /из/ красного воска были у них в обиходе в Тобольске. Им такие свечи доставлялись из монастыря и из собора.

В Тобольске было две купчихи, которые доставляли провизию Царской семье. Это были Холина и Еремеева.

У меня не было разговора с Челышевым про то, был ли предъявлен Михаилу Александровичу какой „мандат" лицами, которые его увели.

Что означают записи в моей книжечке (п. 5 протокола 19 мая сего года, л. д. об., том 4-й), я не знаю[24].

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Алексей Андреевич Волков.
Судебный следователь Н. Соколов.

257

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в городе Омске, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Петр Андреевич Жильяр – сведения о личности см. л. д. 100, том 2-й[1].

Дополнительно на Ваши вопросы я могу по делу показать следующее.

Государыня боролась с событиями в дни переворота. Когда отречение Государя не стало еще фактом, она хотела предупредить его – снестись с Государем. Она мне тогда говорила, что собирается посылать к Государю летчика. У нее был, кажется, раза два Павел Александрович[2]. Зачем он был у нее в первый раз, я не знаю. Во второй раз она приглашала его, чтобы убедиться, действительно ли Государь отрекся от престола. Этому слуху она определенно не хотела верить, считая его провокацией. Когда же она узнала об отречении и убедилась, что это факт, она держала себя в руках, сохраняя спокойствие.

Было совсем другое, когда Яковлев[3] объявил им об увозе Государя. Я прекрасно помню эту тяжелую сцену. После ухода Яковлева Государь ушел гулять. Государыня в 4-м часу позвала меня к себе. Она была в будуаре. С ней была Татьяна Николаевна. Она была так взволнована, так страшно расстроена, как никогда раньше. Ничего подобного я не видел раньше. Даже в Спале во время болезни Алексея Николаевича, даже при перевороте и при известии об отречении Государя. Она не могла сидеть, она не находила себе покоя, ходила по комнате, нервно сжимая руки, и говорила вслух сама с собой.

Вот были ее мысли: „Государь уезжает, его увозят ночью одного. Этого отъезда не должно быть и не может быть. Я не могу допустить, чтобы его увезли одного. Я не могу его оставить в такую минуту. Я чувствую, что его увозят, чтобы попробовать заставить сделать что-нибудь нехорошее. Его увозят одного, потому что *„они"* хотят его отделить от семьи, чтобы попробовать заставить его подписать гадкую вещь под страхом опасности для жизни всех своих, которых он оставит в Тобольске, как это было во время отречения в Пскове. Я чувствую, *„они"* хотят его заставить подписать мир в Москве. Немцы требуют этого, зная, что только мир, подписанный Царем, может иметь силу и ценность в России. Мой долг не допустить этого и не покинуть его в такую минуту. Вдвоем легче бороться, чем одному, и вдвоем легче перенести мучения, чем одному. Но ведь я не могу оставить Алексея. Он так болен. Я ему так нужна. Что будет с ним без меня?"

Она, которая едва могла стоять более 5-ти минут и всегда обыкновенно сидела, вся рвалась почти в течение часа, пока Государь гулял, и все время ходила по комнате. Она говорила далее: „Но отъезда не может быть и не будет. Я знаю, я убеждена – что-нибудь помешает этому отъезду. Я убеждена, что река сегодня же пойдет вечером и тогда отъезд волей-неволей должен отложиться. Это нам даст время, чтобы выйти из этого ужасного положения. Если надо чуда, я убеждена, что чудо будет".

Татьяна Николаевна, после нескольких минут молчания, сказала: „Но, мама, надо все-таки что-нибудь решить, если ничего не будет и если отъезд папа должен быть". Государыня долго ничего не отвечала, все ходила в ужасном состоянии. Потом она стала говорить со мной, повторяя то, что сказала уже, как будто ожидая от меня убеждения, что отъезда не может быть. Я сказал ей, что Татьяна Николаевна права, что надо все предвидеть и решить что-нибудь, что, если она считает своим долгом поехать с Государем, мы все, оставшиеся здесь, будем ухаживать за Алексеем Николаевичем и оберегать его. Ее нерешительность продолжалась долго и была для нее мучительна. Я помню отлично ее фразу, которую она тогда сказала: „Это первый раз в моей жизни, что я не знаю совершенно, как поступить. До сих пор Бог мне всегда указывал дорогу. А сегодня я не знаю, как поступить, и никакого указания не получаю". Вдруг она сказала: „Ну, это решено. Мой долг – это ехать с ним. Я не могу его пустить одного. И вы будете смотреть за Алексеем здесь".

Государь вернулся с прогулки. Она пошла ему навстречу и сказала ему: „Я поеду с тобой. Тебя не пущу одного". Государь ответил ей: „Воля твоя". Они стали говорить по-английски, и я ушел. Я сошел вниз к Долгорукову. Через полчаса, приблизительно, мы поднялись наверх, и Долгоруков спросил Государя, кто с ним поедет, Татищев или он. Государь обратился к Государыне: „Как ты думаешь?" Она выбрала Долгорукова[4].

Относительно знакомства Родионова с Татищевым и Буксгевден я знаю следующее[5]. Увидев Татищева, Родионов ему сказал: „Я Вас знаю. Я Вас видел в Берлине у нашего посла". Татищев ему ответил: „Я совсем не помню Вас. А Вы в качестве кого там были?" Родионов ему ответил: „А Вам это все равно". Потом Родионов сказал Татищеву: „Я знаю, Вы хороший человек. Вы никогда не имели презрения к людям. Я готов Вам помогать в теперешнем положении, как я могу". Татищев ему ответил: „У меня есть одна просьба, и Вам я буду очень благодарен, если Вы ее исполните: чтобы меня не отделяли от Государя, чтобы мне позволили остаться с ним, что бы ни случилось". На это Родионов ему сказал: „Я буду стараться, но я только член областного комитета и больше ничего. Я обещать не могу". Все то, что я сейчас показываю, мне рассказывал сам Татищев.

Когда мы ехали на пароходе в Тюмень, Татищев все это рассказал Буксгевден. Она сказала Татищеву (разговор был при мне), что лицо Родионова ей знакомо: у нее связано с ним воспоминание о жандарме, который на границе проверяет паспорта.

Около 15 мая, когда я был в Екатеринбурге, я узнал там совершенно достоверно, что в это время в Екатеринбурге была немецкая миссия Красного Креста. Это удостоверяю я положительно. Я тогда был в ресторане вместе с Буксгевден и Теглевой[6]. Рядом с нами сидели два каких-то члена этой миссии и сестры милосердия – немки, и говорили между собой по-немецки. Я точно знаю, что миссия тогда же уехала в Германию. Там знали о тех ужасных условиях, в каких находилась Царская семья. В соответствии с этой частью своего показания представляю Вам номер газеты „Сибирская речь" со статьей Бурцева[7] об Императоре Вильгельме, как убийце Государя.

/Мы опускаем дальнейшее показание Жильяра, не относящееся к делу./

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 30 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Кирилл Леонидович Соболев, 30 лет, подполковник, начальник штаба 8 Камской Верховного Правителя адмирала Колчака стрелковой дивизии, православный, в деле чужой, не судился.

В момент революции я был начальником штаба 102 пехотной дивизии. В сентябре месяце 1917 года я ушел из армии и уехал в Киев. В декабре месяце я уехал в Петроград и поступил там на частную службу.

В мае месяце я выбыл в Екатеринбург. Был я послан в Екатеринбург от монархической организации, имевшей целью спасение жизни Августейшей семьи. Был я туда послан полковником Пантелеевым и полковником Хомутовым, входившими в эту организацию. Организация эта родилась в офицерской среде 1 гвардейской кавалерийской дивизии и носила название „Союз тяжелой кавалерии". Так как к этому времени я уже прослушал курс первый Академии Генерального штаба, то, по прибытии в Екатеринбург, я состоял слушателем 2 курса Академии[8].

Имея в виду осуществление цели, о которой я говорил выше, я сошелся с некоторыми офицерами, бывшими в Академии: Малиновским[9], Ярцевым, Сотниковым, Пацковским, Семчевским. Однако сделать что-либо реального нам не пришлось, так как события совершались весьма неожиданно и быстро. Я помню, что по городу были расклеены объявления о „расстреле" Государя. Объявления эти были печатные, т. е. были напечатаны типографским шрифтом. Они были расклеены или 17 или 18 июля[10]. В них, как мне помнится, не было ни слова сказано о семье Государя. За несколько дней до взятия Екатеринбурга чехами я ушел к ним в составе офицерской роты полковника Рымши и участвовал во взятии Екатеринбурга. После этого в офицерской среде возникла мысль сделать все возможное для установления истины: действительно ли убит Государь Император?

Были произведены в то время работы в районе рудника около деревни Коптяков для отыскания трупов Августейшей семьи. На этих работах был капитан Соболев, ему принадлежало главное наблюдение за этой частью дела. В этой работе принимали участие еще Малиновский и Ярцев. Эта сторона дела мне лично неизвестна. Я слышал, что там, в районе рудника, были обнаружены некоторые вещи Августейшей семьи: бриллиант, икона и какие-то другие вещи. Сам я лично этих вещей не видел и ничего Вам про них рассказать не могу. Между прочим, мне помнится, говорили тогда, что там был найден клок человеческих волос[11]. Где находятся эти волосы, я не знаю. Сам я их не видел, и кто мне об этом говорил, – не помню.

Мое дело, главным образом, заключалось в том, что я наблюдал за ходом следствия по этому делу, которое тогда велось членом суда Сергеевым[12], не пользовавшимся доверием в офицерской среде. На такое наблюдение я имел официальное разрешение от начальника гарнизона Голицына. В этой роли я лично допрашивал судебного следователя Томашевского, служившего у большевиков[13]. Кроме того, я допрашивал жен красноармейцев с Сысертского завода, которые несли охрану Царской семьи. Показание Томашевского, записанное мною лично с его слов, Вам представляю. Жены же красноармейцев мне никаких объяснений не дали, ссылаясь на полное незнание ими обстоятельств дела. Давала показание только жена Медведева, но ее допрашивал Сергеев[14].

Имел к нам отношение в Екатеринбурге конвоец принц Риза Кули Мирза. Он пользовался в моих глазах доверием, как лицо, бывшее в составе конвоя Ее Вели-

чества. О существовании Союза тяжелой кавалерии Мирза не знал, но догадываться о существовании в Екатеринбурге офицерской группы, имевшей в виду спасение Августейшей семьи, он мог. Затем, кроме него, имели к нам отношение заводовладелец Борис Леонидович Бекетов, товарищ прокурора Белозерский, управляющий Волжско-Камским банком Владимир Петрович Аничков. А затем имел еще к нам отношение некто Маус. С ним я познакомился у Бекетова. Кто этот Маус, я совершенно не знаю. Доверял я ему потому, что доверял Бекетову[15].

Маусу я давал поручения иногда. Например, он представил мне показания очевидцев казни великих князей в Алапаевске Кондратьевых. Его сведения по этому поводу Вам представлены[16].

Я должен отметить, что Мирза уверял нас, что Государь Император ни в коем случае не был расстрелян в случае взятия Екатеринбурга чехами /так!/.

После же расстрела Государя в городе ходили слухи, что большевиками была раскрыта какая-то монархическая организация. Правда ли было это, я не знаю, но из наших никто не пострадал.

Больше показать я ничего не могу. Показание мое мне прочитано.

Соболев.
Судебный следователь Н. Соколов.

259

Докладная записка

Г-ну ротмистру К. Л. Соболеву.

Настоящим имею честь доложить, что сего 1918 г., 1-го октября, я лично допрашивал жителей села Антоновки /?/ Веры и Николая Кондратьевых, которые показали, что перед побегом из Верхотурья лично видели гибель великих князей Константиновичей, Палея, а также великой княгини Елизаветы Федоровны, у шахты Нижне-Сениченской. Причем в шахту глубиной 70 аршин были брошены вышеупомянутые лица живыми, головами вниз. Князь Игорь был убит, как пытавшийся бежать, и кинут мертвым.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, стоя на коленях у шахты, молила о пощаде князей, хватаясь за руки и ноги, целуя их. На что ей сказали: „Последней будешь ты кинута!", что и исполнили, кинув головой вниз на лед. За ней были кинуты две бомбы[17].

1918 года, 9-го/10.
Гор. Екатеринбург.

Владимир Карлович Адамович-Маус.

260

Дознание

Допрошенный мной сысертский мировой судья Михаил Владимирович Томашевский показал[18]:

17 июля меня вызвал к себе Григорий Тихонович Агафонов и в его присутствии его шурин Авдеев[19], бывший комиссар, на которого была возложена охрана Царской семьи, рассказал нижеследующее.

В ночь с 16 на 17-е число произошло страшное злодеяние: всю Царскую семью расстреляли.

Произошло это между 1–3 по-большевитски. Царская семья уже спала, когда явился наряд красноармейцев с ордером, подписанным комиссаром Юровским[20]. Царскую семью подняли с кроватей и под конвоем повели в одну из комнат, где они были расстреляны. После расстрела кровь выметалась метлами.

Государь Император держал на руках Наследника. От первого залпа Государь и Наследник упали. Остальных добивали. Фрейлине, по всей вероятности, Буксгевден[21], было нанесено 32 штыковых раны.

Великая княжна Анастасия Николаевна была легко ранена, ее добили прикладами по голове. С Семьей был расстрелян профессор Боткин[22]. Затем тела Царской семьи уложили на автомобили и увезли неизвестно в каком направлении.

Во время рассказа комиссар Авдеев сильно волновался и плакал. Он утверждал, что Царскую семью решено было похоронить.

Дознание производил состоящий в распоряжении председателя Следственной комиссии

Гвардии ротмистр Соболев.
/Без даты./

261

ПРОТОКОЛ

1919 года, сентября 1 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Владимир Александрович Кислицин, 37 лет, генерал-майор, в настоящее время проживаю в городе Омске и на днях выеду в город Владивосток, где я буду командовать дивизией стратегического резерва особого назначения, православный.

Когда началась Великая Европейская война, я был командиром эскадрона 11 драгунского Рижского полка. Я участвовал во многих боях, получил 16 ранений. Перед революцией я был командиром стрелкового полка 11 кавалерийской дивизии. После Брестского мира я был командиром бригады 3 конной дивизии. После развала армии я бежал в Яссы, потом пробрался в Киев. В Киев я попал уже тогда, когда немцы взяли Киев. У Скоропадского я был командиром бригады кавалерийской дивизии. Когда Петлюра поднял восстание, я командовал сводной дивизией корпуса генерала Болховского, борясь с ним. После падения власти Скоропадского[1], в числе других офицеров, был арестован, заключен в тюрьму и приговорен к расстрелу. Германское командование спасло нас, и я, в числе других русских офицеров, попал в Берлин. Всех нас офицеров было вывезено в Берлин четыре тысячи с лишним.

В Киеве в Германской комендатуре я встретился с неизвестным мне господином. Сомнения в личности этот человек никакого не возбуждал. Он называл себя корнетом Крымского конного полка имени Государыни Императрицы Александры Федоровны. Он говорил, что он пасынок генерал-губернатора Ялты Думбадзе, по фамилии Марков[2]. Мать его – урожденная Краузе. Марков – определенный монархист, ярко выраженной германской складки. Марков рассказывал, что он ездил по пятам за Августейшей семьей и был в Царском, когда она была там заключена. Потом, как он говорил, командовал где-то эскадроном красных и попал в Тобольск,

где, как я его понял, он проник и в самый состав охраны при Августейшей семье. Он говорил, что он едет в Берлин с личным поручением от Императрицы к ее брату Принцу Гессенскому и везет ему письмо. Письмо, в запечатанном виде, он мне показывал. На конверте был почерк Государыни, который я сам знаю. Маркова я тогда видел 20–21 декабря 1918 года. Он говорил, что это письмо он получил от Императрицы в Тобольске, когда был там еще, но не говорил, когда именно.

Он говорил, что, уехав из Тобольска, он уже в Москве узнал, что их перевозят в Екатеринбург. Все, кто его слушал, указывали ему на то, что Царская семья убита. Я не помню, каким способом я осведомился об убийстве Царской семьи, но, кажется, об этом я узнал из газет. Марков уверял нас, что вся Царская семья жива и где-то скрывается. Он говорил, что он знает, где они все находятся, но не желал указать, где именно они находятся. Еще в это время Марков говорил мне, что Император Вильгельм, под влиянием Гессенского, предлагал Государыне Императрице Александре Федоровне с дочерьми приехать в Германию, но она это предложение отклонила.

В Киеве этот самый Марков был на совершенно особом положении у немцев. Он сносился телеграммами с немецким командованием в Берлине. Немцы за ним очень ухаживали. Из Берлина он выехал не с нашим эшелоном, а с германским командованием. Если он выходил в город, его сопровождали два немецких капрала. Он говорил, что он бывал везде и в„советской" России и имел повсюду доступ у большевиков через немцев.

Потом я встретил Маркова в Берлине уже в мае месяце этого года. Он мне сказал, что письмо от Государыни он передал ее брату и категорически уверял, что вся Царская семья жива.

Вместе со мной сидел в тюрьме в Киеве камергер двора Его Величества Вимберг[3]. Его спасли немцы, и он уехал вместе с нами в Берлин. На станции Белосток в наш эшелон сел некто Попов, он же Шабельский[4]. Это было в середине января месяца этого года. Вместе с нами он прибыл в Берлин. Его посадили в эшелон, безусловно, благодаря Вимбергу, т. е. немцам. Он находится и сейчас, вероятно, в Берлине. Этот Попов-Шабельский является, видимо, близким к Вимбергу лицом. По словам Вимберга, Попову было дано какое-то поручение, и он ездил с ним в Екатеринбург. Вимберг говорил открыто, что вся Царская семья жива.

Такое впечатление я вынес из разговоров со всеми русскими людьми в Германии. Там все убеждены, что Семья жива. Там есть сильная монархическая организация. Там много в ней военных и много штатских лиц, игравших роль в России. Кроме Вимберга, могу назвать: сенатора Миллера-Закомельского /так!/, сенатора Туган-Барановского, члена Государственной Думы Дерюгина, князя Шаховского, принца /так!/ Лейхтенбергского. Эта монархическая организация ведет усиленную агитацию против союзников, обвиняя их в неблагодарности по отношению к Государю Императору, когда он отрекся от престола. Она проповедует сближение с Германией и разрыв с союзниками.

Я разговаривал с очень многими офицерами германского Генерального штаба. Никто там в Германии из них положительно не скрывает того, что большевизм в России создан был ими, немцами, их командованием. Они открыто все говорят, что и Ленин и Троцкий – их агенты, посланные к нам для развала России. Я там слышал фразы из уст немецких офицеров: „Надо бы было, мы бы вам и чуму привили". Они объясняют эту меру – развитие большевизма – как необходимость развала сильнейшего противника. Самую же революцию в России немцы считают созданием англичан, действовавших через Бенкендорфа[5] и Государственную Думу.

Я смотрел на Маркова и на Попова-Шабельского как на людей, действовавших не лично от себя, а от монархической организации, связанной с немцами.

Маркову будет лет 23–24. Он среднего роста, плотный, волосы на голове черные, брюнет, небольшие черненькие усики, нос небольшой, тонкий, прямой. Отдельных примет не помню, но они – правильные. Человек спокойный, уравновешенный.

Попову-Шабельскому лет 30. Он небольшого роста, худощавый, смуглый, брюнет, бритые усы и борода, тип кавказца[6].

Показание мое мне прочитано.

Генерал-майор Кислицин.
Судебный следователь Н. Соколов.

262

ПРОТОКОЛ

1919 года сентября 6 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в пути Омск–Чита, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр описей, представленных к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом 19 мая сего года (л. д. 149, том 3-й).

По осмотру найдено следующее:

Все эти описи составлены и подписаны генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом. Каждая из описей имеет определенное название, порядковый номер вещи по описи генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, номер описи члена суда Сергеева и порядковый номер по описи сего последнего.

Каждая опись в отдельности имеет следующий вид и содержание:

/.../

6. Опись. Фотографические снимки дома Ипатьева в г. Екатеринбурге, где был заключен б. Государь Император Николай II и его семья и где было совершено убийство их[1].

/.../

19. Комната коменданта „Дома особого назначения" после убийства Царской семьи. В этой комнате, по-видимому, „главари" производили разборку, сортировку и укладку царских вещей. Вещи, как представляется, вываливались на оттоманку и здесь разбирались: поэтому некоторые предметы были найдены под оттоманкой и завалившимися за нее. На кровати лежит чехол от спинки кровати с красными на нем пятнами.

/.../

25. Комната нижнего этажа, где было совершено убийство Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича, великих княжен: Ольги, Татьяны, Анастасии и Марии Николаевны, доктора Е. С. Боткина, Анны Демидовой, камер-лакеев Седнева[2] и Труппа и повара Харитонова.

Зритель стоит в дверях, ведущих из прихожей нижнего этажа, откуда тройная дверь выходит на крыльцо на Вознесенский переулок и через которую выносили трупы во двор. Прямо напротив зрителя дверь в кладовую, где сложены вещи Ипатьева. Дверь эта была запечатана при приеме дома советской властью от Ипатьева, и в эту кладовую никто не ходил.

Левее двери в кладовую видны на стене выемки, произведенные следователем Сергеевым при судебном осмотре комнаты. Вынуты части стены с пулевыми каналами, застрявшими в дереве пулями и со следами крови. Такие же выемки произведены и из пола, где, кроме того, были и следы от штыковых ударов. Пол в комнате сильно замыт. Замывалась, видимо, и часть стены, где сделаны выемки. Замывка производилась землей или глиной. Такая же замывка видна и в прихожей, через которую проносили трупы. В выходной двери на полу, между второй и наружной дверями, видно кровавое пятно (эта часть пола вынута и находится при следственном деле).

Для расстрела вся Царская семья и состоящие при них лица были поставлены все вместе у видимой стены, левее двери в кладовую. Расстрел производился поч-

ти в упор из револьверов, а штыками и прикладами докалывали и убивали. По словам одного из участников, картина убийства была настолько ужасна, что он несколько раз выходил на двор, чтобы „освежиться".

На основании детального ознакомления со следственными материалами и посещения места преступления, обстоятельства убийства Царской семьи представляются следующими:

Около двух часов ночи с 16 на 17 июля 1918 года в Ипатьевский дом прибыли пять „главных комиссаров" Областного Уральского совета. /.../ В два часа ночи члены Царской семьи были разбужены и им объявили, что их сейчас повезут. Члены Царской семьи встали, умылись, оделись. В три часа ночи их свели всех вместе вниз и привели в указанную выше комнату. Здесь всех сгруппировали к указанной стене: Государь стоял посередине, перед ним Наследник, рядом – Государыня, по сторонам – великие княжны, в левом углу – доктор Боткин, еще левее – Анна Демидова, по правую сторону – лакеи Седнев[3] и Трупп и повар Харитонов: всего – 12 человек.

Против них выстроились в центре Юровский с двумя своими помощниками (из коих один был еврейского типа), по сторонам его – „главные", по сторонам их – 10 латышей (составлявших за последнюю неделю внутреннюю охрану и нанятых для сего Юровским), из коих фамилия одного – Пашка Берзин. К ним присоединился начальник охранной команды Павел Медведев (из рабочих Сысертского завода). Сзади, в дверях и в прихожей, – охранники караульной команды, бывшие в ту ночь на дежурстве. Юровский прочел постановление Областного совета со смертным приговором и добавил: „Таким образом, Ваша жизнь кончена". На это Государь ответил: „Я готов". Государыня и великая княжна Ольга Николаевна перекрестились, перекрестился также доктор Боткин. Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны лишились чувств. Наследник Цесаревич был как бы в столбняке. Анна Демидова заметалась, защищаясь подушкой.

Вслед за ответом Государя Юровский выстрелил в упор в Государя и убил его наповал. Одним выстрелом был убит и Наследник Цесаревич. За Юровским открыли револьверную стрельбу латыши и Павел Медведев. Стреляли много, торопясь. Когда все оказались упавшими, то стрельбу прекратили и стали осматривать, кто мертв, а кто еще жив. Живых добивали штыками и прикладами. Великая княжна Анастасия Николаевна оказалась нетронутой пулями; когда к ней прикоснулись, она страшно закричала. Ее оглушили ударом приклада и докололи штыками. Долго не могли также убить Анну Демидову, которая металась вдоль левой стены: поэтому следы пуль видны в разных местах этой стены и даже в косяке входной двери.

Когда, наконец, все мученически погибли, то трупы вынесли во двор, сложили на грузовой автомобиль и увезли верст на 14 в лес, где имеется до 60 старых заброшенных шахт. Там все были раздеты, обысканы, и всю одежду с бельем сожгли на нескольких кострах, дабы если трупы удалось бы найти, то по одним костям, без одежды, трудно утвердительно опознать, кому именно принадлежит скелет. Тела, по-видимому, были брошены в шахты.

После совершения преступления советские власти в течение 17, 18, 19, 20 и 21 усиленно заметали и уничтожали следы этого ужасного, кошмарного, нечеловеческого убийства. Было сделано все возможное, чтобы симулировать увоз членов Царской семьи на Пермь, кроме Государя Императора, об убийстве которого „ввиду приближения контрреволюционеров и открытия заговора белогвардейцев" было объявлено комиссаром Голощекиным на специальном митинге 17 июля[4]. На следующий день советские власти опубликовали об убийстве Царя в печати.

Генерал-лейтенант Дитерихс[5].

/.../

и. Опись вещам, найденным при осмотре верхнего этажа дома Ипатьева[6].

/.../

262.-.8. Круглая стеклянная коробочка с металлической оправой (клеймо фирмы Фридлендера № 925). В ней голубой шелковый мешочек, наполненный

тальком, и кусочек использованной промокательной бумаги Государыни Императрицы.

263. Стеклянный флакон в виде маленького графинчика, вокруг его нарисована красками гирлянда роз, на крышке ветка цветов, на дне цифра чернилами: „37". Внутри сохранилось немного туалетной воды.

/.../

266.-.16. Стеклянный пузырек из-под глицерина.

267. Желтого стекла пузырек с порошком глицеро-фосфата, внутри металлическая ложечка.

268. Стеклянный пузырек с остатками коллодия.

/.../

272.-.9. Шкатулка, обтянутая снаружи черным шагреном, а внутри замшей. На внутренней поверхности крышки чернилами написано: „Для лампады". В шкатулке медная ножка от лампадки, с вырезанными на ней символическими знаками христианства. Кусочек коричневой тесемки. (Государя Императора).

273. Стеклянная баночка от порошка д-ра Боткина, в ней два маленьких пузырька с аконитом и игнацием.

/.../

297. Пакет с обгорелым портмоне коричневой кожи и медной внутренней застежкой.

/.../

300.-.31. Пакетик с обгорелой дамской пряжкой от подвязки, с застежкой к ней, и пряжки от мужских подтяжек.

/.../

303. Обгорелый металлический ободок от дамской ручной сумочки.

304.-.33. Осколок графленой стенки ручной гранаты[7].

305. Кусок материи защитного цвета, по-видимому, от полотнища палатки, найденной у шахты.

306. Кусок полотняной материи, темно-серого цвета с белыми двойными полосками, найдено у шахты[8].

307.-.6. Большой флакон с чернилами Государыни Императрицы.

308.-.10. Обгорелый клочок телеграммы, на котором сохранился адрес: „Тобольск Хохрякову".

309. Обгорелый клочок газеты или какого-либо листа с сохранившимися словами: на одной стороне – „соцрев. Го... об убийстве... Москве. они... а те... нельзя", на другой – „часть соц... то Ц.К... будет дано... К. часть... о том, от...".

310. Обгорелый конверт синей бумаги, на котором сохранилась надпись карандашом: „Золотые вещи принадле... Анастасии Николаевне".

311. Обгорелый клочок бумаги. На одной стороне сохранилась надпись чернилами: „Иван Седнев"[9], на другой, интеллигентным почерком, синим карандашом, текст, из которого сохранились слова: „тоска... грусть... глубок[ую]... поймет... [ветер] [к] земле... чтобы сломи... не согреш..."[10].

312.-.31. Обгорелая дощечка от овальной иконки, на обороте сохранились следы надписи: „Х.В.1916.А...".

313.-.13. Деревянный ящичек продолговатый с выдвижной крышкой, с крупинками табака внутри. На крышке месяц и звезды черные.

314.-.18. Шерстяной мягкий серый большой плед с бахромой, принадлежавший Государю Императору.

/.../

334.-.26. Одна складная машинка для снимания сапог (Государя Императора).

/.../

344.-.56. Стеклянная баночка с навинтным краем, крышки нет, фирмы Шасмигимс и К-о/?/. В банке белые пилюли двух размеров.

/.../

346.-.62. Туалетный стаканчик оранжевого стекла (Государя Императора).

/.../

363.-.79. Губка Государя Императора.

364. Большая белая склянка с какой-то жидкостью, этикетки аптеки Дементьев в Тобольске № 12824.

/.../

366. Рецепт доктора Боткина: лекарство, приготовленное в аптеке Вознесенской в г. Екатеринбурге № 12831.

367.-.81. Кусок обоев, вырезанных следователем Сергеевым с карандашной записью: „Долой рукопожатие. Да здравствует устное и шапочное приветствие. Отряд 3 районного Р.К.А. гор. Екат. при доме особого назначения".

/.../

370.1.85. 3 грязных полотенца, на них имеются красно-бурые пятна, как бы кровь.

371.-.86. 2 грязных тряпки, обе с красно-бурыми пятнами, как бы от крови.

/.../

379. Обгорелый обломочек черной роговой ручки от зубной щетки, на ней какая-то лондонская фирма (2 кусочка).

/.../

410. Маленькая прядка светло-русых волос.

411. 4 фарфоровых вставных зуба.

/.../

413.1.12. Коробка без крышки. На ней этикетка „каштаны" по-французски. В коробке:

414. Большой пакет волос темной шатенки.

415.1.12. Пакет срезанных светло-русых волос.

416. Пакетик срезанных темно-пепельных с проседью волос[11].

/.../

420. Флигель-адъютантский полковничий стрелковый погон с вензелем А. III и короной (принадлежит Государю Императору). Язычок погона разорван.

/.../

422. Маленькая прямоугольная иконка Божией Матери Тамбовской в металлической оправе и с петелькой наверху.

423. Вставная верхняя челюсть с 10 зубами. Небо гуттаперчевое, резиновый присос снят.

/.../

426. Обгорелый галун свитского генеральского погона с вышитым вензелем Н. II и короной.

/.../

430. Обгорелые остатки от зубных и ногтевых щеток.

/.../

432. Две обгорелых металлических подковки.

/.../

436. Обгорелая металлическая пряжка от пояса.

437. Обгоревшие кусочки погонов.

/.../

440. Обгорелая металлическая пластинка от корсета.

/.../

442. Обгорелый наперсток.

443. Обгорелые шпильки, булавки и иголки.

/.../

447. Обгорелые куски чулок.

448. Обгорелые: 3 мужских металлических от штанов фирмы Лидваля пуговицы, 3 дамских металлических кнопки и остатки маленьких перламутровых и простых пуговиц.

/.../

453. Обгорелый кусок шелкового ажурного чулка или митенги /?/.

454. Обгорелые куски зубных и ногтевых щеток.

455. Обгорелый металлический остов бритво-правилки.

/.../

458. Обгорелые бельевые пуговицы разного сорта: три пуговички стеклянных, две маленьких военных с гербами и одна от брюк фирмы Лидваля.

/.../

469. Вентиль от надувной подушки, обгорелый.

/.../

481.-.5. Маленькая белая коробочка с этикеткой за № 260. В ней: обгорелый кусочек деревянных четок (сохранилось 6 шариков) и два кусочка металлической цепочки от тех же четок.

/.../

486.1.4. Маленькая белая коробочка с этикеткой за № 6 и в ней: четыре обгорелых военных пуговки с гербами среднего размера.

487. 4 стеклянных обгорелых гильзы от револьвера Наган.

/.../

489.1.11. Плоская светло-зеленого стекла бутылка со святой водой. На ней рельефное изображение Св. Пр. Симеона Верхотурского и название святого.

/.../

493.-.44. 3 фарфоровых баночки с кольд-кремом и 1 с борным вазелином.

494.-.-49. Маленький плоский пузырек с навинтной крышкой с пилюлями кас арина /?/.

/.../

511.-.104. Пузырек маленький со святой водой из Троицко-Сергиевской лавры.

/.../

513.-.106. Пузырек с пробкой каплицей с красным содержимым. Другой такой же с этикеткой № 8698. Третий – капли доктора Боткина, четвертый – маленький, желтого стекла, с наклеенной бумажкой, но без надписи.

/.../

533. Сгоревшая дамская черная шелковая сумочка-мешок.

534. Кусок обгорелого носового платка с сохранившейся меткой „А" и дворянской короной. Платок, видимо, лежал в сумке.

/.../

540. Клочок седых волос.

/.../

542. Кусок обгорелого каблука со следом как бы бывшего на нем металлического предохранителя.

/.../

549. Обгорелые остатки белого шелкового ажурного дамского чулка.

550. Обгорелый кусок темно-зеленой шелковой материи и кусок черной бархатной ленты.

551. Голубая фарфоровая бусина.

552. 63 прозрачных светлых бусинки обгорелых и 7 очень маленьких серебряных бусинок.

553. 104 круглых крупных и 46 мелких блесток обгорелых.

554. Обгорелая металлическая монограмма: „$18\frac{20}{VIII}9$...".

/.../

556. Обгорелая офицерская кокарда.

/.../

579. Большой образ на дереве Казанской Божией Матери. Внизу слева Иоанн Предтеча, а справа Пророк Илья. На образе золотая риза, с которой срезан венчик, следы от которого остались на иконе. Обратная сторона образа крыта малиновым бархатом, с которого сорвана дощечка с надписью. Вверху ввинчено кольцо для подвешивания. По словам Чемодурова, образ носит название Феодоровской Божией Матери и был тот, с которым Государыня никогда не расставалась[12].

/.../

582. Книга „Лествица" в красном тисненом золотом переплете. Первый лист книги оклеен белым муаром, как и обратная крышка переплета. На обратной стороне первого листа наклеена ромбообразная бумажка с вензелем: „А. Ф." и императорской короной. На третьем листе напечатано название книги и в верхнем левом углу собственной рукой Ее Величества карандашом написано: „А. Ф. Ц. С. март 1906 г.".

В книге некоторые места отчеркнуты и отмечены карандашом. На странице 167 три закладки: белая чистая и две голубых, на которых пометки: на одной „Р." (начальная буква французского слова „страница") 184 № 53, на другой: „Р. 187 № 66". На странице 206 белая закладка с пометкой „Р. 206 № 163". На странице 231 розовая закладка с пометкой „Page 231 № 83". На странице 269 белая широкая закладка чистая, нижний переплет потерт[13].

583. Книга „О терпении скорбей" в голубом тисненом золотом чернью переплете. На оборотной стороне лицевого переплета наклеена ромбообразная бумажка с вензелем „А. Ф." и императорской короной. На обратной стороне обложного листа рукою Ее Величества написано „А. Ф. Петергоф 1906 г.". В книге много карандашных пометок, подчеркнутых тезисов.

584. Библия в черном коленкоровом переплете. В книге много подчеркнуто карандашом тезисов и заложено засушенных травок, листиков и полевых цветов.

585. Молитвослов в темно-синем коленкоровом переплете. На оборотной стороне заглавного листа наклеен кружок, на котором тисненый сложный вензель из двух вензелей: „Н. А." и „А. Ф." и императорская корона. На последней странице оборотного листа написано чернилами: „6 мая 1883 г.". В книжке несколько засушенных цветов и голубая шелковая ленточка с колечком[14].

586. Две узеньких бумажных закладки, рукою Государыни написано „9 Иоан. 19, 26–37", на другой: „11 Иоан. 19, 38–42"[15].

/.../

588.-.22. Военная, среднего размера, пуговица с гербом.

/.../

590.-.-99. Обгорелые остатки генеральского не свитского погона.

591.-.35. Гвардейские стрелковые штаны, принадлежащие Государю Императору Николаю II. На кармане имеется отметка „4 августа 1900 г., возобновлены 8 октября 1916 г."[16].

Генерал-лейтенант Дитерихс.

к. Опись вещам, отобранным при обыске на квартире у бывшего охранника красноармейца Летемина[17].

/.../

597. Черепаховый гребешок для расчески с № 4698.

598. Стеклянная мыльница без крышки.

599. Белая костяная ногтевая щетка, французского изделия.

/.../

618. Черный шелковый зонтик с круглой серебряной головкой рукоятки. На шейке головки латинскими буквами: „Аликс 1891"[18].

619.-.36. Дорожный погребец, обтянутый черной кожей и застегивающийся ремнем. Верхние углы и бочки скреплены медью. Внутри обтянут светло-желтой бумажной материей.

/.../

673. Детский оловянный пароходик.

674. Детская оловянная лодочка.

675. Два оловянных передка с пушками, поломаны.

676. 7 оловянных пехотных солдатиков, 6 конных и 2 лошади без всадников.

677. Одно тело орудия.

678. Приходо-расходная книжечка в красном сафьяновом переплете. При-

ход денег из канцелярии Ее Величества, расход почти исключительно на церковь. Книжка начата в феврале 1912 года и закончена в июле 1917 года.

/.../

680. Четки из ракушек со сломанным крестиком.

681. Образок овальный на фарфоре св. Алексея Митрополита Московского. Образок оправлен в серебряный позолоченный ларец, задняя крышка которого открывается и в ларце хранятся св. мощи. Вокруг образа украшение из алмазов и изумрудов.

682. Золотой крест-ковчежец. На одной стороне его выгравирована иконка святителя Алексея, по бокам которой вырезано название иконы. На обратной стороне выгравирован распятый Христос. Внутри креста – мощи.

683. Серебряный крест-ковчежец. На одной стороне вырезано: „М. П. Пимена Многострадального". На другой выгравированный Св. Крест. Внутри ковчежца – мощи[19].

/.../

685. Два лафета от пушек, оловянная лодочка с веслом, два оловянных солдатика-пехотинца, один кавалерист и одна лошадь без всадника.

Генерал-лейтенант Дитерихс.

л. Опись вещам, отобранным у жены бывшего начальника караула в „Доме особого назначения" Павла Медведева и принадлежащим доктору Боткину и великим княжнам[20].

686.1.33. Саквояж желтой кожи с металлическим замком, внутри оклеен красным сафьяном.

687. Маленький красный сафьяновый бумажник на две створки, с застежкой-кнопкой. Внутри четыре отделения для денег и два для марок. В бумажнике одна копеечная марка.

688. Две золотые запонки, одна овальная, другая круглая. Обе представляют сигарные этикетки под стеклом. На обороте запонок, на каждой дата: „27 июля 1914 года". Каждая запонка пристегнута раздвижным кольцом на золотой палочке с одним растянутым звеном цепи.

/.../

693. Серебряное колечко, покрытое темно-синей эмалью. На нем надпись: „Св. Пр. Мати Ксения, моли Бога о нас".

694. Серебряное колечко, покрытое черной эмалью, и в середине, расширяясь, образует щиток с позолоченным рисунком. На черной эмали надпись: „Пресвятая Богородице, спаси нас".

Генерал-лейтенант Дитерихс.

/.../

н. Опись книгам, найденным мною в ящике № 622 и не занесенным ни в одной из описей, хотя некоторые книги упоминаются в протоколе осмотра дома Ипатьева.

Книги, принадлежащие великой княжне Ольге Николаевне.

/.../

713. Английская книга „And Mary Sings Magnificat" в бумажной обложке. На обложке изображена воспевающая Святая Дева, которой аккомпанируют два ангела. На первом твердом листе рукой Государыни Императрицы под знаком креста написаны по-английски стихи. На оборотной стороне надпись: „В. К. Ольге, год 1917". Подпись: „Мама, Тобольск".

Тут же вложены: нарисованные и вырезанные из бумаги церковь Спаса Преображения в г. Новгороде, церковь Покрова на Нерли, Владимирской губернии; три листка бумажки, на одном записано стихотворение „Разбитая ваза" Сюлли Прюдома. На двух других рукою великой княжны Ольги Николаевны написаны стихотворения:

ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ

Царица неба и земли,
Скорбящих утешение,
Молитве грешников внемли
В Тебе надежда и спасение.

Погрязли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока...
Но... наша Родина... О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, Твой светлый дом
Почти что погибает.
К Тебе, Заступница, зовем –
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь своих детей,
Скорбящих упование.
Не отврати Своих очей
От нашей скорби и страданья.

На другом листке:

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог всесильной,
Благослови молитвой нас
И дай покой души смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов[21].

/.../

Книги великой княжны Татьяны Николаевны.

717. Правило молитвенное готовящимся к Святому Причастию. Книга в голубом тисненом переплете. На первой странице рукой Государыни написано:

„Моей маленькой Татьяне от Мама + 9 февраля 1912 г. Царское Село". Книга напечатана по-славянски.

На странице 14-й – закладка, изображающая „Моление о Чаше". На странице 31-й – закладка, образ Пресвятой Богородицы, именуемой „Живописный Источник" /так!/. На странице 44-й закладка – образ Божией Матери Холмской. На странице 60-й закладка – образ св. Иоанна Воина, на обратной стороне написано „В. К. Т. Н. 1918 г.". На странице 63-й закладка – голубая шелковая лента, на одной стороне ее наклеен золотой императорский герб, а на другой – бумажка, на которой в виде буквы „Н" написано: „Спаси и Сохрани" и нарисованы месяц и звезда. На странице 4-й находится один конец, а на странице 153-й другой конец закладки белой шелковой ленточки. На одном конце ленточки на колечке надет золотой образок великомученицы Варвары, на другом конце ленточки – серебряный образок Божией Матери Избавительницы и эмалевый образок Божией Матери Владимирской. На ленточку надето золотое колечко с вырезанной на нем надписью в память 800-летия Киевского монастыря св. Варвары. На странице 92 закладка – икона Богоматери „В Скорбех и Печалех утешение". На странице 110 закладка – икона св. Симеона Верхотурского.

718. „Благодеяние Богоматери" – книжка в красной обложке. На внутренней белой обложке, наверху, под начертанным знаком + рукою Государыни написано по-английски: „For my Darling Tatiana fr. her loving old Mama". Тобольск Янв. 12. 1918".

719. Часослов в коричневом твердом переплете. На первой странице рукой Государыни написано: „Т. Н. Тобольск 1917 30 сентября". На странице 113 красная лента – закладка. На ленте наклеен с одной стороны щиток с изображением меча и венка, а вокруг надпись: „За веру, Царя и Отечество". На другой стороне – бумажка „Спаси и Сохрани 1906".

/.../

725. „Двенадцать Евангелий" в серой обложке. На внутренней обложке рукою Государыни написано: „Дорогой Татьяне от Мама 1905".

/.../

730. „Утешение в смерти близких сердцу", в светло-зеленой обертке. В углу обертки рукою Государыни написано: „Т. Н. 1917".

/.../

736. Сборник служб, молитв, песнопений в малиновом тисненом переплете. На обложном листе написано: „Милой Татьяне от любящей ее С. Тютчевой 1908 г. 20 ноября". На оборотной стороне этого листа карандашом рукою великой княжны Татьяны Николаевны написано: „Все тропари и кондаки и гласы". На странице 133 – закладка в виде красной муаровой ленты, на одной стороне ее нарисован круг и в нем Мальтийский крест, а над кругом написано: „Т. Н. 1905". На обратной стороне ленты карандашом написано: „Татьяна". На странице 191 закладка – иконка св. мученицы Татьяны, на обороте которой написано: „Да хранит тебя Господь". На странице 277 закладка – засушенная ромашка. На последней обложной странице рукой великой княжны Татьяны Николаевны написано: „Заключительное 'Господи помилуй' № 79 Знаменского распева".

/.../

Книги Наследника Цесаревича.

750. „Правила игры на балалайке" в голубом переплете с вензелем „А" и короной на лицевой стороне.

/.../

Книги Государыни Императрицы.

754. „Великое в малом" С. Нилуса[22].

755. Французская книга.

756. „Синее с золотом" Аверченко.
757. „Рассказы для выздоравливающих" Аверченко.
758. А. П. Чехов, т.т. II, VIII, XIII.

Генерал-лейтенант Дитерихс.

о. Опись иконам, найденным при осмотре дома Ипатьева.

/.../

765.-.45. Икона Спаса Нерукотворного, очень маленькая, в металлической рамочке. На оборотной стороне выгравировано: „Страдающий плотью перестает грешить. Как умножаются в нас страдания, умножается Христом и утешение наше для спасения, которое совершается перенесением страданий".

/.../

771.-.20. Образ Пресвятой Богородицы Абалакския. Внизу справа – св. Мария Египетская, а слева – св. Николай Чудотворец. Среднего размера, чеканен на гипсе на деревянном основании, в красках и, как бы, в золотой ризе. Обратная сторона крашена голубой краской и на ней рукою Государыни начертан крестик, а под ним написано: „Дорогой Татьяне благословение на 12 января 1918 г. Тобольск Папа и Мама".

/.../

790.-.6. Образ св. Георгия Победоносца, старинного письма и отделки, в яйцеобразной формы металлической тисненой рамке, подвешенной на цепочке. На обороте рукою Государыни написано: „Х. В. Мария от Папа и Мама 1913 г.".

/.../

802.-.3. Иконка св. Иоанна Тобольского, малого размера, чеканена на гипсе, с деревянным основанием, в красках и, как бы, в ризе. На обороте штемпель об освящении иконы 23 апреля 1918 г. и надпись: „В благословение от Святителя Иоанна, Митрополита Тобольского и Сибирского".

803.-.5. Такая же иконка, но штемпель об освящении иконы от 5 мая 1918 г. Надпись та же.

804.-.11. Такая же иконка, с тем же штемпелем, как и в № 803, но рукой великой княжны Татьяны Николаевны написано: „Т. Н. Тобольск" и поставлен крестик.

805.-.13. Иконка св. Иоанна Тобольского, еще меньшего размера. В заднюю стенку ввинчено колечко и написано: „Тобольск 11 августа 1917 г. от Настеньки"[23].

/.../

815.-.57. Образ св. Иоанна Тобольского, найденный на кладбище Сысертского завода, рабочие с которого составляли охранную команду при „Доме особого назначения". Образ чеканен на гипсе, с деревянным основанием. На месте изображения локтя преступниками вырезан ковчежец, где, вероятно, хранились мощи св. Иоанна. Сзади образа недостает одной планки. Доску от сырости на кладбище покоробило. Края иконы побиты, краска потерта. На обратной стороне ясно видны следы стирания бывшей здесь надписи, однако довольно ясно заметны и остатки этой надписи. Надпись была написана вдоль иконы, если ее положить колечком влево.

/.../

р. Опись вещам Царской фамилии и Гофмаршальской части, найденным в каретнике дома Ипатьева.

/.../

1174. П. Мельников. „В лесах". На обороте оберточного листа надпись: „Прочел в Тобольске. Сентября 1917 г. Николай".

1175. Л. Толстой. „Анна Каренина". На обратной стороне первого обложного листа написано: „Читал в Тобольске в феврале 1918 г. Николай".

1176. Собственноручный дневник Наследника Цесаревича Алексея Николаевича на 1917 год. Дневник, в виде книжки, в твердом обтянутом сиреневым муаром переплете и тисненый золотом. На обратной стороне первого оберточного ли-

ста поставлен наверху крест и под ним рукой Госуд. Императрицы написано: „Всея твари Содетелю времена и лета во Своей власти положивый, благослови венец лета благости Твоея, Господи, сохраняя в мире Императора, молитвами Богородицы и спаси ны". На втором оберточном листе написано: „Дорогому моему Алексею от Мама. Царское Село"[24].

/.../

1185. А. Дюма. „Граф Монтекристо" с собственноручными пометками Государя Императора. Книга эта получена от офицера, сидевшего в тюрьме вместе с ген. Татищевым.

1186. Записная книжка камердинера Волкова с расходами по буфету, стирке и личными Государыни. Запись доведена до 31 мая 1918 г.[25]

1187. Кусок дерева, вырезанный из пола комнаты дома Ипатьева, где было совершено убийство Царской семьи. В щель этого куска дерева затекла кровь.

1188. 3 пули от револьвера Нагана, вынутые из стены комнаты дома Ипатьева, где было совершено убийство Царской семьи[26].

/.../

Генерал-лейтенант Дитерихс.

/.../

Генерал-лейтенант Дитерихс.
Судебный следователь ...
Понятые.

263

ПРОТОКОЛ

1919 года, 11 сентября, в г. Томске, я, обер-офицер для поручений Отдела контрразведки и военного контроля Управления второго генерал-квартирмейстера Штаба Верховного главнокомандующего штабс-капитан Сычев, производил допрос В. Н. Деревенко в порядке военного положения, в качестве свидетеля, причем таковой показал:

Зовут меня Владимир Николаевич Деревенко, вероисповедания православного, местожительство Почтамтская 30, квартира 2, национальность русский, звание профессор, по делу объясняю:

/.../

С убийцей Государя Императора Юровским я встретился в г. Екатеринбурге в июне месяце 1918 года, в доме Ипатьева, где находилась Царская семья. Там я был, как личный врач Наследника Алексея Николаевича, у которого состоял безотлучно с 1912 года, бывши почетным лейб-хирургом Императорского двора. С семьей я был в Тобольске, с которой уехал вместе в г. Екатеринбург. В Екатеринбурге я, как личный врач, посещал больного Наследника очень часто, с разрешения, конечно, коменданта Авдеева[1]. Проходил в покой к больному всегда безусловно под конвоем.

В одно из посещений, зашедши в комнату, я увидел сидящего около окна субъекта в черной тужурке, с бородой клинчиком, черной, черные усы и волнистые черные, особенно длинные, зачесанные назад волосами /так!/, черными глазами, полным скуластым лицом, чистым, без особенных примет, плотного телосложения, широкие плечи, короткой шеей, голос чистый баритон, медленный, с большим апломбом, с чувством своего достоинства, который вместе со мною и Авдеевым пришли /так!/ к больному. Осмотревши больного, Юровский, увидев на ноге Наследника опухоль, предложил мне наложить гипсовую повязку и обнаружил этим знание свое медицины[2].

При нашем входе сидевший тут же Государь встал. Юровский, осмотрев больного, повернулся к столу, остановился, заложив руки в карманы, и начал рассматривать находящееся на столе. После этого все мы вышли.

При выходе я спросил Авдеева: „Что это за господин?". Последний ответил: „Это Юровский". Какую роль он играл, он не сказал, но я знал, что Юровский играл очень важную роль.

/.../

Показание свое я прочитал и нашел записанным его правильным, что своею подписью и свидетельствую.

В. Н. Деревенко.
Штабс-капитан Сычев.

264

ПРОТОКОЛ

1919 года, октября 2 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в городе Чите, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Василий Владимирович Голицын, 16 лет, старший унтер-офицер 1 эскадрона Гусарского Уральского полка, в настоящее время проживаю в городе Чите, православный, не судился.

Я сын генерала Голицына, который командовал 3 Уральским корпусом горных стрелков[3]. Сам я поступил на военную службу добровольцем.

В январе месяце этого года, когда пала Пермь, я встретился в городе Екатеринбурге с поручиком Прасловым. Я встретился с ним в каком-то учреждении и до того знаком с ним не был. Он стоял и разговаривал с каким-то незнакомым мне офицером про дело об убийстве Августейшей семьи. Офицера этого я тоже не знаю. Так как это дело меня интересует, я вступил с ними в разговор. Поручик Праслов (он так себя называл) говорил, что вся Царская семья убита в Екатеринбурге в доме Ипатьева. Он говорил, что ее трупы были увезены за какой-то разъезд, похоронены там и потом снова перехоронены. Затем он говорил, что прибыл в Екатеринбург после падения Перми, где он служил в каком-то большевитском учреждении (или труда, или земледелия) и остался в Перми при взятии ее. Праслов мне передавал, что с комиссаром того учреждения, в котором он служил, у него был разговор про жизнь Августейшей семьи в городе Екатеринбурге. Комиссар этот говорил Праслову, что в Екатеринбург приезжал к Государю от немцев какой-то генерал граф Эйдман и предлагал Государю подписать мир с немцами. Государь ответил ему отказом, и тот заявил ему, что в противном случае он будет убит. Государь ответил ему, что он готов отдать жизнь за благо Родины.

В то время (зимой 1918 года) одной из советских дивизий против нас командовал какой-то Эйдеман. Про него говорили, что это был наш, русский генерал от кавалерии[4].

В сентябре месяце 1918 года в каком-то штабе я познакомился с корнетом Петром Николаевичем Поповым[5]. Ему на вид было лет 26, ниже среднего роста, темный шатен, усов и бороды не носил. Его личность не возбуждала никаких сомнений. Я не могу указать пока никого, кто бы его знал, но он вращался в военных кругах. В Сибирской армии он тогда на службе не состоял. Как можно было его понять из его разговоров, он был монархист. Я с ним разговаривал про убийство Августейшей семьи. Попов говорил, что ему тяжело верить в ее убийство, но что

в факте ее убийства он не сомневается. Он был участником процесса Пуришкевича[6], судившегося тогда большевиками, и в разговорах об этом деле часто упоминал имя штальмейстера Высочайшего двора лейб-гвардии полковника Винберга, тоже участника этого процесса, автора записок „контрреволюционера".

Он был в хороших отношениях с проживавшим тогда в Екатеринбурге Маусом и ездил с ним в с. Костинское и Ирбитский завод, как я слышал, с целью или спасения великих князей или разузнавания про них. На меня произвело впечатление, что Попов давно знаком с Маусом[7]. Маус многим казался подозрительным. Он приехал в Екатеринбург из Петрограда. Про него говорили, что он раньше нуждался и не имел никаких средств. В Екатеринбурге он жил широко. Его подозревали в шпионстве в пользу немцев.

Когда я узнал, что Попов уехал в Костинское вместе с Маусом, я высказал свое недовольство этим. Я высказал его своему знакомому ротмистру Соболеву[8]. Он мне сказал про Мауса: „Это наш агент".

Был ли знаком Маус с принцем Ризой Кули Мирзой, я не знаю. Попов про себя говорил, что он приехал в Екатеринбург по поручению высоких особ, но не высказывал, в чем именно состояло это поручение. Из Екатеринбурга он исчез в конце сентября 1918 года. Был потом слух, что он был расстрелян, попавшись красным где-то около Самары.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Вольноопределяющийся, старший унтер-офицер Голицын.
Судебный следователь Н. Соколов.

При допросе присутствовал прокурор Казанской судебной палаты Н. Миролюбов.

265

ПРОТОКОЛ

1919 года, октября 3–5 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в гор. Чите, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Петр Яковлевич Шамарин, 50 лет, прокурор Пермского окружного суда, временно, по случаю эвакуации Перми, проживаю в городе Чите, православный.

В Пермь, как прокурор, я прибыл в ближайшие по занятии ее войсками Сибирской армии дни вместе с представителями военной власти[1].

Перед отъездом в Пермь я получил в Екатеринбурге от члена суда Сергеева[2] и прокурора суда Иорданского сведения о лицах, подлежащих задержанию в связи с делом об убийстве Государя Императора и его семьи. В числе этих лиц значился и Павел Спиридонов Медведев[3]. Первым делом я поручил заведывающему местами заключений в Перми товарищу прокурора Тихомирову проверить эти места и выяснить, нет ли в Перми под стражей кого-либо из лиц, значившихся в списках. Тихомиров немедленно выполнил мое поручение и доложил мне, что никого из указанных в списке лиц под стражей в Перми не содержится.

После этого я сообщил сведения о лицах, подлежащих задержанию, военным властям и отправился в Военный контроль, чтобы договориться там о наилучшем способе установления контроля над лицами, которые могут быть задержаны при

захвате новых местностей. Начальником Военного контроля в Перми был тогда Никифоров. В это мое свидание с ним он мне сообщил, что, по приказанию генерала Гайды[4], командовавшего в то время Сибирской армией, в Контроле производится секретное расследование по делу об убийстве Августейшей семьи. При этом он мне сказал, что он, Никифоров, сообщает мне об этом совершенно секретно и что их дознание члену суда Сергееву передано не будет.

Потом в Пермь приехал агент Уголовного розыска Алексеев[5] и задержал находящегося в Перми Медведева. Медведев допрашивался Алексеевым под моим личным наблюдением. Отдавая себе ясный отчет в том великом значении, которое имеет дело об убийстве Августейшей семьи, я не решился доверить никому другому наблюдение за допросом Медведева и принял его на себя.

Медведев дал нам следующие показания[6].

/.../

Все члены Августейшей семьи, кроме Наследника, были здоровы и на вид спокойны. Наследник же все время был болен и за ним ухаживал сам Государь, носивший его на руках. Вся семья, кроме Государыни, выходила гулять в сад. Больше никуда не позволялось им выходить. Государыня же выходила иногда лишь на парадное крыльцо. По внешнему виду Государыня была старее Государя: у нее в волосах заметна была седина.

В церковь Августейшая семья также не могла выходить. Богослужения совершались для них на дому.

Пища в первое время доставлялась Царской семье в готовом виде из какой-то советской столовой. Она состояла из супа, мяса и молока. Ее приносили какие-то девушки. Доставлялись некоторые продукты также из местного монастыря. Их приносили монахини. Ни девушки эти, ни монахини к семье не допускались. От них все приносившееся отбиралось карульными. Потом дозволено было готовить на дому.

За все время Медведеву пришлось дважды иметь короткие разговоры с Государем. Государь спросил его, как идет война, куда отправляют войска. Медведев объяснил ему, что теперь идет война внутренняя: дерутся русские с русскими. Во второй раз, увидев Медведева в саду рвущим лопухи, Государь спросил его, для чего он их рвет. Медведев объяснил, что они нужны ему на табак.

Никаким оскорблениям, издевательствам Царская семья, по словам Медведева, не подвергалась.

Самое же злодеяние, постигшее Августейшую семью, произошло, по словам Медведева, таким образом.

16 июля по новому стилю, во вторник, Юровский[7] приказал увести утром мальчика, бывшего в числе прислуги при Царской семье, из дома Ипатьева в дом Попова, где проживали русские красноармейцы, что и было сделано. Затем вечером часов около 7 Юровский приказал Медведеву отобрать в команде все револьверы. Их было 12 штук, все системы Нагана. Медведев отобрал револьверы, принес их в комендантскую и сдал Юровскому. Последний никаких пояснений этим своим распоряжениям сначала не давал, но затем, вскоре после отобрания револьверов, он сказал Медведеву: „Сегодня мы будем расстреливать семейство все". И при этом он приказал Медведеву предупредить команду, чтобы она не волновалась, если услышит в доме выстрелы. Сделать это, т. е. предупредить команду, Юровский приказал не тогда, когда говорил об этом Медведеву, а позднее, часов около 10, что и было Медведевым в точности выполнено. Промежуток времени между 10 и 12 часами Медведев находился при доме.

Часов около 12 по старому времени Юровский стал будить Царскую семью. Все они и бывшие при них встали, умылись, оделись и были внешне совершенно спокойны. Всех их в числе 11 человек свели с верхнего этажа по лестнице во двор, и со двора в нижний этаж. Там их привели в одну из комнат в конце дома. Наследник не мог идти ввиду его болезненного состояния, и его нес на руках Государь. С собой они несли несколько подушек, горничная несла две подушки. В комнату,

куда их привели, Юровский велел подать три стула. На них сели Государь, Государыня и Наследник. Все остальные были на ногах.

К этому моменту в дом Ипатьева прибыли два члена „Чрезвычайной следственной комиссии". Одного из них Медведев назвал: это был рабочий из Верх-Исетского завода, по фамилии Ермаков[8], лет 30, невысокого роста, черноватый, с черными усами, бритой бородой. Его особенность заключалась в том, что он в разговоре „приярыкивает", т. е. немного заикается или картавит. Другого Медведев не называл. Этот другой был лет 25–26, высокого роста, блондин. Таким образом, к моменту убийства Царской семьи из палачей были: сам Юровский, его помощник, Ермаков с товарищем, семь человек латышей и он, Медведев. Все они и были в той комнате, в которую была приведена Царская семья. Остальные три латыша были где-то в другой комнате. Все 12 револьверов Нагана, отобранные Медведевым в команде, были в руках у названных лиц. Был револьвер и у него, Медведева: Юровский разрешил Медведеву „взять его обратно".

Все члены Августейшей семьи и все бывшие при них были совершенно спокойны и в этот момент. Как можно было понять Медведева, он сам находился в первые минуты тут же в комнате, а потом вышел из нее в другую. В этот момент, когда он был в другой комнате, к нему вышел Юровский и приказал ему выйти и послушать снаружи, слышны ли будут выстрелы. Медведев вышел наружу и тут же услышал револьверные выстрелы. Они слышались из той именно комнаты, куда была приведена Августейшая семья и бывшие при ней. Тут же Медведев вернулся обратно и увидел такую картину.

На полу комнаты в разных позах лежали расстрелянные: Государь Император, Государыня Императрица, Наследник, великие княжны, доктор Боткин, горничная, повар и лакей. Все они обливались кровью. Кровь покрывала их лица, одежду, была вокруг них на полу. Ее было много, она была густая – „печенками". Наследник был еще жив, когда вернулся в комнату Медведев, и стонал. Все остальные были мертвы. При нем, Медведеве, Юровский два или три раза выстрелил в Наследника из револьвера, и он затих.

Эта картина злодеяния так, по словам Медведева, подействовала на него самого, что его стало „тошнить", и он снова вышел наружу. Перед его уходом Юровский приказал ему идти к команде и успокоить ее, если она проявляет волнение. Медведев пошел и, когда был вне дома, снова услышал два выстрела все из той же комнаты.

Навстречу ему попались два разводящих – Старков и Добрынин. Они спросили Медведева: „Лично ли застрелили Николая II, не другого ли кого? Смотри! Тебе отвечать придется! Ты принимал его". Медведев сказал им, что Николай II и его семья расстреляны все на его глазах, и велел им идти к команде. Когда он снова вернулся назад, Юровский велел ему позвать несколько человек из состава команды. Медведев позвал, но никого при этом из команды по именам не называл.

От стоявших во дворе саней было взято две оглобли. К ним была привязана простыня, и на таких носилках все убитые были перенесены в грузовой автомобиль, поданный к дому еще с вечера. Предварительно с убитых были сняты все украшения, какие заметны были на них снаружи: кольца, браслеты и двое золотых часов. Эти вещи Юровский унес к себе в верхний этаж. В автомобиле трупы были завернуты или покрыты солдатским сукном, хранившимся до того в доме. С трупами в автомобиле уехали Ермаков и его товарищ.

Когда трупы были увезены, Медведев, по приказанию Юровского, позвал несколько человек команды (он никого не называл по имени) и велел им привести комнаты в порядок. Таким образом была замыта кровь в комнатах нижнего этажа и на том месте, где стоял автомобиль. Затем Медведев ушел в помещение команды, где и пробыл до утра.

17 июля утром Медведев пришел в дом Ипатьева и застал там картину грабежа. В комнатах, где проживала Августейшая семья, был полный беспорядок. Царские вещи были перерыты, разбросаны. Драгоценные вещи – золото, серебро лежали в комендантской на столах. В этой комнате был помощник Юровского и ла-

тыши. Медведев нашел на столе какую-то книгу Священного писания, а под ней 60 рублей кредитными билетами десятирублевого достоинства. Эти деньги он потихоньку взял себе. На полу он поднял три серебряных кольца с записями на них каких-то молитв и несколько носовых платков. Кольца и платки он также взял себе. Больше, по его словам, он никаких царских вещей не брал, кроме одной пары мужских носков и одной женской рубахи, еще раньше полученных им от Мошкина. Все взятые вещи он передал 18 июля своей жене, приехавшей к нему в этот день[9]. В этот день же он получил от Юровского 8 000 рублей для раздачи их семьям охранников из Сысерти, куда он и уехал с женой в тот же день 18 июля.

В Екатеринбург он возвратился 21 октября. До 24 июля он был в Екатеринбурге. 24 июля, вместе с комиссаром Мрачковским, Медведев уехал в Нижний Тагил[10]. Затем комиссар Сысертского завода Алексей Яковлев Сафонов взял его к себе в помощники по выпечке хлеба для армии, и он находился при нем до октября. После этого его отправили на „формировку" в Пермь. С целью подыскать себе подходящие занятия он обратился к комиссару Голощекину[11], знавшему его по Екатеринбургу. Голощекин помог Медведеву и дал ему записку, послав с ней в Отдел формирования. Там комиссар Гольдберг, сделав какую-то приписку на записке Голощекина, послал его к какому-то вагону на станции Пермь 2-я. В вагоне Медведев нашел несколько неизвестных ему лиц. Они повели Медведева к Камскому мосту, показали ему приспособления для взрыва этого моста, на случай надобности, и приказали ему находиться на правом берегу Камы в особой избушке и охранять приспособления для взрыва моста.

Медведев поселился в этой избушке и жил там вместе со своим помощником рабочим Сысертского завода Петром Васильевым Алексеевым. Специальной же охраной моста ведал особый комиссар, какой-то Колегов, с командой мадьяр. 23 декабря, по новому стилю, накануне занятия Перми правительственными войсками, к нему поступило в письменной форме приказание взорвать мост. Это приказание было адресовано на имя какого-то Бобылева (я думаю, что под этой фамилией Медведев и проживал тогда в Перми), и Колегов объяснил по этому поводу Медведеву, что у них, большевиков, так всегда делается для „секретности". Вместе с приказанием о взрыве моста ему были переданы и принадлежности для взрыва. Затем к нему явился комиссар 5-го участка службы путей Яковлев и под расписку вручил приказание взорвать мост. Тут же Колегов, Яковлев и Алексеев убежали.

Однако взрывать моста он, Медведев, не стал и скоро был задержан правительственными войсками. При его задержании у него нашли наган и принадлежности для взрыва моста. Тем не менее его никто не допрашивал и не спросили у него даже фамилии. Вместе с другими добровольно сдавшимися красноармейцами он сначала был помещен в особые казармы, где содержались красноармейцы, а потом был командирован в 189 эвакуационный госпиталь.

По поводу убийства Государя Императора и его семьи он в госпитале вел разговор с какой-то сестрой милосердия и рассказывал ей про убийство.

Шофером на грузовом автомобиле, на котором были увезены трупы, был какой-то Люханов, человек лет 30, среднего роста, коренастый, лицо не чистое — угреватое.

Места, куда были увезены трупы, Медведев не указывал, отговариваясь незнанием этого обстоятельства. Он только говорил, что после отъезда из Екатеринбурга он встретился в Алапаевске с Ермаковым и из простого любопытства спросил его, куда были увезены трупы. Ермаков сказал ему, что трупы были увезены на Верх-Исетский завод и там были брошены в одну из шахт, взорванную потом, с целью засыпки ее, гранатами. В дальнейшем Медведев объяснил, что больше ничего по делу не знает.

Вот такие объяснения давал нам Медведев. Я изложил их строго объективно, избегая всяких пояснений их и каких-либо выводов из них. Нами была предоставлена Медведеву полная возможность давать такие объяснения, какие он в его по-

ложении считал нужными. Я же лично по поводу самого Медведева и его объяснений могу показать следующее.

Медведев мне представляется человеком достаточно развитым для его положения, как рабочего. Это – типичный большевик данного момента. Он не был ни особенно угнетен, ни подавлен. Чувствовалась в нем некоторая растерянность, вполне, конечно, понятная в его положении. Но она не отражалась на его душевном состоянии. Он владел собой и оставлял своим рассказом впечатление человека „себе на уме". Объяснения его сами по себе представлялись совершенно достоверными. Он рассказывал о фактах, как обыкновенно о них говорит человек, когда он говорит правдиво. Как я уже сказал Вам, я старался предоставить ему полную свободу в объяснениях, не допуская никоим образом постановки ему наводящих вопросов. /.../ При таком способе допроса я надеялся получить впечатление достоверности или недостоверности того, о чем он будет рассказывать. И я должен сказать, что от всего его объяснения в целом у меня осталось полное впечатление полной достоверности его объяснений, их правдивости в основных чертах. Не было в рассказе Медведева, в главных чертах, ничего такого, что заключало бы в себе внутренние противоречия и оставляло бы впечатление лживости, выдуманности объяснений.

Только в одном отношении он привирал: когда обрисовывал свою собственную роль, свое собственное участие в деле. Ясно совершенно было, что свое участие он всемерно старается затушевать и свалить часть своей вины на других. В конечном выводе, его объяснение – это типичное сознание убийцы при убийстве, учиненном многими лицами с заранее обдуманным намерением и по предварительному уговору. Если изучить большинство таких дел, ясно видишь в них всегда одну и ту же черту: каждый из многих, признавая основной факт преступления и свою юридическую виновность, всячески старается отпихнуться, за счет других, от своей фактической вины, затушевывая свою роль, замалчивая или отрицая факты, им самим учиненные. Вот так именно вел себя и Медведев. Такой способ держать себя был ясно виден из тех противоречий, в какие он впадал, когда говорил о самом себе.

Он выдавал себя за простого разводящего, выбранного самими охранниками на эту роль. Свое знание обстоятельств дела он и пытался осветить с такой именно точки зрения: знаю постольку, поскольку я мог знать, как разводящий. Между тем, он сам же проговаривался о таких фактах, которые освещали его роль и положение в доме Ипатьева совсем иначе. Он простой разводящий, а отдает приказания всей команде. В этом отношении характерен его рассказ про встречу с разводящими Старковым и Добрыниным после убийства. Те сами же считали себя ответственными, а его главным ответственным. Все приготовления к убийству делаются Юровским через него именно. Приготовляясь к убийству, Юровский умышленно приказал ему объявить о предстоящем расстреле Семьи позднее команде, боясь, что задуманное станет фактом, известным многим. Значит Юровский сам же относился к Медведеву, как к лицу особо доверенному. На его молчание он надеялся. Все другие разводящие жили вместе с прочими охранниками в доме Попова. Один Медведев почему-то все время перед убийством 16 июля был в доме Ипатьева при Юровском. Очевидно, он был на особом положении у Юровского по сравнению с другими охранниками. Его знает такой видный комиссар, как Голощекин, и протежирует ему. Ему, наконец, доверяется большевиками такое ответственное дело, как взрыв моста через Каму.

Я слышу объяснение обвиняемого Проскурякова[1 2] в той его части, где он говорит о вербовке охранников из сысертских рабочих (оглашено в этой части объяснение обвиняемого Проскурякова л. д. 70, том 3-й). Медведев говорил что запись, т. е. фактическую приемку охранников, вел Чуркин, а оказывается, что это делал он сам. Как я вижу из того же объяснения Проскурякова, Медведев и жалованье получал в большей сумме: не 400 рублей, как рядовые охранники и разводящие, а 600 рублей. Как я вижу из предъявленной мне Вами раздаточной на жалованье ведомости (предъявлена раздаточная ведомость, описанная в п. 2-м протоко-

ла 20–22 марта 1919 года, л. д. 25 об., том 3-й)[13], Медведев вовсе был не разводящим, а „начальником" всей команды охранников. Свое поступление в состав охраны он объяснял исключительно материальными соображениями – поступил из-за жалованья. Умаляя свое знание обстоятельств дела, он ничего не говорил про отношение комендатуры, бывшей до Юровского, к Августейшей семье. Без вопросов с нашей стороны он, однако, говорил, что их никто ничем не притеснял.

Медведев определенно указывал, что Авдеев[14] недолго был комендантом дома и скоро был заменен Юровским, а при Юровском состав охраны, находившейся внутри дома, был заменен латышами. Этим он хотел дать нам понять, что он не имел возможности наблюдать жизни Августейшей семьи в доме Ипатьева. Реальный факт он и здесь окрашивал ложью. Если Юровский, как Вы говорите, поступил в комендатуру 4 июля, значит Авдеев был комендантом май, июнь и первые дни июля месяца. Следовательно, Медведев долгое время не был лишен возможности видеть жизнь Августейшей семьи.

Я хорошо помню, Медведев говорил, что трое мужчин, которые потом были увезены в тюрьму и арестный дом, прибыли в дом Ипатьева уже при нем, Медведеве[15]. Не зная обстоятельств дела, я не мог, конечно, сделать из этого факта каких-либо выводов и выяснить, кто еще прибыл тогда в дом Ипатьева, куда девались эти трое мужчин и что их постигло, так как Медведев, ввиду его особого положения, вероятно, об этом знал.

Внутренняя охрана при Юровском, как говорил Медведев, состояла из „латышей". Я обращал внимание на это обстоятельство и пытался выяснить, кто в действительности были эти люди. Называя их „латышами", Медведев хотел лишь указать тот факт, что это были не русские люди. Я его спросил, почему же он называет их именно „латышами", и он мне объяснил, что большинство большевиков – латыши. Таким образом, в его объяснениях название „латыши" вовсе не означало указания на определенную национальность, а лишь указывало на нерусскую национальность. Медведев особенно подчеркивал при допросе противоположение охранников русских этим нерусским охранникам. Он говорил, что, не доверяя русским, Юровский и латыши следили за самими русскими охранниками и не позволяли иметь общение с Царской семьей, например, разговаривать с ней. Этим он и объяснял, что ему не удалось беседовать более или менее обстоятельно с Царем[16].

Относительно его объяснений по поводу самого факта преступления я могу показать следующее. Определяя время совершения известных фактов, Медведев точно указывал это время часами. Он объяснял, что приказание отобрать в команде револьверы было отдано ему Юровским около 7 часов вечера по старому времени. Это время он указывал совершенно точно, как человек, имеющий у себя часы в кармане. Совершенно точно он указывал, что приказание предупредить о расстреле Августейшей семьи команду он получил от Юровского вскоре после выполнения первого приказания, а команду, как было приказано Юровским, он предупредил в 10 часов. В этом отношении было ясно из объяснений Медведева, что Юровский не доверял русской команде и чего-то опасался.

Августейшая семья и все бывшие при ней уже спали, когда их стал будить Юровский. Медведев определенно указывал, что будил их сам Юровский. Под каким предлогом Юровский свел Августейшую семью из верхнего этажа в нижний? Медведев не мог ничего сказать по этому поводу: говорил, что это ему неизвестно. Не зная сам обстоятельств дела, я не оттенял при допросе его также того обстоятельства, в каком именно платье шла на злодеяние Августейшая семья, в верхнем, уличном, или же нижнем, комнатном. Я слышу сейчас оглашенное мне Вами в этой части объяснение, данное Медведевым члену суда Сергееву (оглашено в надлежащей части объяснение Медведева, данное на предварительном следствии, л. д. 192 об., том 2-й), и, сопоставляя это объяснение с данным мне, я думаю следующее[17].

Убийство Августейшей семьи, по самой его юридической природе, является типичным убийством из засады. Юровский, под определенным предлогом, заманивал их всех в ловушку, когда сводил с верхнего этажа в нижний. Он вел их в ком-

нату, конечно, заранее им выбранную для его целей, наиболее для него удобную. Он, логически рассуждая, должен был что-нибудь придумать, когда объявил им о необходимости уйти из комнаты верхнего этажа. Мне кажется, что он должен был им привести, судя по фактической обстановке, какой-либо мотив, связанный с необходимостью отъезда их из дома, а, может быть, и из города. Указание Медведева, данное Сергееву, на то, что Государыня и княжны были не в верхних платьях, вряд ли соответствовало действительности: дамские костюмы слишком разнообразны в этом отношении, и Медведев легко мог ошибиться в оценке свойств дамского костюма, какой именно он: верхний или комнатный. Фуражки на Государе и Наследнике говорили об ином. Этим, как мне кажется, можно объяснить и то, что они имели с собой подушки. Это, как мне кажется, указывало на то, что они собирались уезжать. Приблизительно так же объяснял это и Медведев, говоря, что подушки у них были для „сиденья"[18].

Медведев определенно говорил, что все они были совершенно спокойны и в то время, когда шли из верхних комнат в нижние, и в комнате, где произошло самое злодеяние. Мне кажется, что этот факт находится в полном соответствии с только что допущенным предположением. Юровский должен был измыслить для них какой-либо предлог, чтобы не лишить их до известного момента спокойствия. Если бы он объявил им о предстоящем злодеянии в верхних комнатах, могли бы случиться эксцессы, неудобные для Юровского, для его целей: беготня с целью инстинктивного желания спасти свою жизнь, истерики и т. п. Вот почему они и были все спокойны. Предполагая, что им придется, быть может, некоторое время „подождать" в той комнате, в которую их привели, они могли потребовать для себя стульев, например, в ожидании экипажа для отъезда. В частности, Наследник был болен и стоять не мог.

Слушая Медведева, я был убежден, что убивала, конечно, и его рука. Таково было его положение в составе охраны. Объяснение его, что он отлучился как раз в тот момент, когда происходило самое убийство, слишком уж натянуто и искусственно. Вся картина злодеяния произошла, конечно, на его глазах. Не скрывал же он самого факта добивания Алексея Николаевича Юровским потому, как мне кажется, что этот факт добивания ребенка ярче других фактов запечатлелся в его мозгу.

Ермакова Медведев указывал в числе убийц совершенно точно и определенно, описывая и его наружность и его происхождение.

Относительно отбирания драгоценностей у убитых Медведев говорил то именно, что я приводил в его объяснении. Я хорошо помню, он говорил, что не было в комнате убийства никакого обыска в одежде убитых, что их вообще в этой комнате не осматривали, а взяли только видимые на них украшения: было не до того, так как с увозом трупов их спешили. Только и были взяты браслеты, кольца и часы, число коих Медведев называл точно: двое золотых часов.

Ездил ли в эту ночь с трупами сам Юровский? Из слов Медведева выходило так, что Юровский взял драгоценности у убитых и ушел с ними к себе наверх. Выходил ли он после этого наружу к автомобилю и уезжал ли на нем, он этого не видел. В этой части своего объяснения он хотел быть простым разводящим: кончилась его смена, и он ушел.

На следующее утро Медведев пришел в комнаты, где жила Августейшая семья, и увидел здесь типичную картину грабежа после убийства хозяев дома. Убийцы грабили вещи, которые казались им ценными. Здесь были ценности, отысканные убийцами именно в комнатах, где проживала Августейшая семья, а вовсе не те только, которые были сняты с их трупов после убийства. Таков именно смысл был слов Медведева. Я хорошо помню, Медведев негодовал по поводу этого грабежа, выражая свое недовольство действиями Юровского и латышей: все взяли себе и не дали ему ничего. Медведев определенно выражал свое негодование и не мог его скрыть.

Охрана, как говорил Медведев, не снималась в течение четырех дней после убийства: до 20 июля включительно. Медведев объяснял и цель этой симуляции.

Юровский скрывал от народа гибель всей Августейшей семьи. Он, как говорил Медведев, опасался „вызвать волнение в народе", если станет известным убийство всей Царской семьи. В этом отношении большевики, как мне кажется, шли по выработанному плану – они упорно старались внушить обществу, что семья Государя жива и „увезена" из Екатеринбурга. Представляю Вам их официальное сообщение в номере 144 пермских „Известий" по этому поводу[19].

Желая проверить достоверность объяснений Медведева, я вместе с Алексеевым отправился в тот госпиталь, в котором служил Медведев и та сестра милосердия, с которой он беседовал про убийство Царской семьи. Это был офицерский госпиталь. Установить личность сестры, на которую ссылался Медведев, нам удалось очень скоро по описанию ее, данному Медведевым. Это оказалась сестра Гусева. В тот момент, когда мы с Алексеевым прибыли в госпиталь, ее там не было. Кончив дежурство, она ушла в свою общину. Мы отправились с Алексеевым туда. Начальницей общины была некая Урусова. Когда я объяснил ей цель своего прибытия, она мне заявила, что Гусева больна и допрошена быть не может. Я ответил Урусовой, что в таком случае я должен буду проверить справедливость ее заявления через врача и осмотреть Гусеву. Тогда Урусова объяснила, что Гусева устала. Скоро она пришла ко мне и на все наши вопросы решительно отрицала даже самый факт беседы с Медведевым. Так нам и не удалось ничего добиться от нее. Позднее, будучи вызвана Алексеевым в тюрьму для предъявления ее Медведеву, Гусева дала иное объяснение Алексееву[20].

В апреле месяце Алексеевым был задержан другой участник убийства Царской семьи – Анатолий Александрович Якимов. Его допрос производился Алексеевым также под моим личным наблюдением[21].

/Опускается начало допроса Якимова, повторяющее то, что значится в протоколе его допроса Алексеевым./

/.../

Якимов отрицал свою личную виновность в деле убийства Августейшей семьи. Факт убийства ее он признал и объяснил по делу следующее.

16 июля по новому стилю он, Якимов, дежурил, как разводящий, до 10 часов вечера. В 10 часов вечера он кончил дежурство и ушел к себе в свое караульное помещение в доме Попова, где и спал всю ночь до утра. В числе других охранников, дежуривших в ночь на 17 июля, были Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин. Первые двое стояли на постах вблизи окон нижнего этажа дома Ипатьева и наблюдали самую картину убийства. Лесников и Брусьянин стояли на постах около ворот дома и видели, как переносились трупы в автомобиль. Все эти лица и рассказывали Якимову и другим охранникам, не бывшим на постах, утром 17 июля, как происходило убийство Августейшей семьи.

По их словам, в той же комнате, про которую говорил и Медведев, были расстреляны, около 2 часов ночи по новому времени (т. е. около 12 часов по старому времени), Государь, Государыня, Наследник, княжны, Боткин, Демидова, лакей и повар. Палачами были сам Юровский, его помощник Никулин[22], латыши и Медведев, находившийся в момент убийства в той же комнате. Перед убийством Юровский сказал Государю: „Николай Александрович, Вас родственники Ваши хотели спасти, но этого им не пришлось, и мы сами должны Вас расстрелять". Эти слова, по объяснению Якимова, слышал Клещев. Государь, Наследник и Боткин, как говорил Якимов, со слов, якобы, Дерябина, находились в середине комнаты. За ними, сзади у стены, стояла Государыня и княжны. Расстрел производился из револьверов и выстрелов было много. Убитые падали один за другим. Анастасию Николаевну докалывали штыками. Долго оборонялась подушкой Демидова. Ее также докололи штыками. Потом убитых осмотрели поверхностно, взяли у них кое-какие украшения, вынесли и положили в грузовой автомобиль и куда-то увезли. Шофером этого автомобиля был Люханов.

Якимов говорил, что вид трупов так подействовал на Брусьянина, что он убежал куда-то со своего поста.

Со слов Медведева, Якимов говорил, что трупы были увезены куда-то за Верх-Исетский завод и там брошены были в какую-то яму или шахту.

Относительно мальчика, бывшего в числе прислуги при Царской семье[23], Якимов говорил, что он заранее был уведен из дома Ипатьева в дом Попова, а затем будто бы отправлен в Петроград.

В конце допроса Якимов на вопрос Алексеева ответил, что в числе палачей были Ермаков и Костоусов[24]. Про последнего он говорил, что он носил очки в простой белой оправе.

Рассказ Якимова ни в чем не противоречил рассказу Медведева. Он не заключал в себе никаких внутренних противоречий, несообразностей и оставлял впечатление полной достоверности. Якимов достаточно развит для своего положения. Разница между ним и Медведевым заключалась в том, что Медведев охотно рассказывал о всех обстоятельствах дела, преуменьшая лишь свою собственную вину. Якимов же крайне неохотно давал объяснения вообще, уклоняясь от них.

Своим рассказом он оставил у меня впечатление: картину злодеяния он видел своими глазами и не решается признать этого. Как лицо, занимающее особое положение в команде – разводящего, он знал, кто и где из охранников стоял тогда на постах. На них он и ссылается, не решаясь, как и Медведев, признать своей собственной вины: был при убийстве и наблюдал картину его.

Между тем дознание Военного контроля продолжалось. Товарищ прокурора Тихомиров приходил ко мне время от времени и сообщал мне по секрету, что выясняется дознанием. Основная идея его сообщений была та, что семья Государя Императора жива и эвакуирована большевиками из Екатеринбурга в Пермь, а затем куда-то дальше в глубь советской территории. „Расстрелян" один Государь Император. Таким образом, эта основная идея, устанавливающаяся якобы дознанием Военного контроля, была **именно той идеей**, которую **дали обществу большевики** в официальном их органе прессы – Уральский областной совет и Центральный исполнительный комитет в лице Свердлова.

Однако секретные сообщения Тихомирова не производили на меня впечатления их убедительности: не было в его сообщениях никаких фактов, чтобы можно было, основываясь на них, делать такие выводы, какие излагал он мне. Имея в виду мои беседы с членом суда Сергеевым по делу и его официальное сообщение, я пытался предостеречь Тихомирова. Он стал ссылаться на доктора Уткина, видевшего, якобы, своими собственными глазами Анастасию Николаевну в Перми[25]. Когда я высказал Тихомирову свое критическое отношение к этому факту, он притащил мне рецепты, якобы, выданные Уткиным Анастасии Николаевне. Я вижу сейчас эти рецепты (свидетелю были предъявлены рецепты, находящиеся на л. д. 23–24, том 4-й)[26]. Мне тогда же показалось странным, что они написаны доктором Уткиным на бланках доктора Иванова. Ведь ни для кого же не было тайной, что большевитские разные деятели, чтобы получить спирту, прибегали к рецептам врачей, сопровождая такие рецепты требованиями о немедленной выдаче „лекарства" для чрезвычайки, как учреждения наиболее страшного. Такие надписи я видел и вижу на обороте этих рецептных бланков. Этих моих подозрений и соображений я тогда не высказывал Тихомирову, но предостерегал его быть осторожным в отношениях к разным добровольческим показаниям, указывая ему, что данными предварительного следствия факт убийства Августейшей семьи установлен. Когда был задержан Медведев, я нарочно пригласил Тихомирова присутствовать при его допросе. Он присутствовал и объяснения Медведева слышал.

Сейчас я познакомился с дознанием Военного контроля (свидетелю было предъявлено дознание Кирсты, занимающее в томе 4-м л. д. 16–65)[27]. Я теперь ясно вижу, что моих советов Тихомиров не послушался и свою деятельность, направленную на рекламирование и восхваление деятельности Кирсты, от меня скрыл.

В одно из посещений моих Военного контроля Никифоров сказал мне, что Кирста, производящий дознание по делу об убийстве Августейшей семьи, желает сделать мне по делу доклад. В особую комнату пришел ко мне Кирста, которого

я раньше никогда не видал. Он принес с собой дознание, которое я сейчас читал. Я ожидал услышать строго деловой доклад, т. е. изложение установленных дознанием фактов и логических из них выводов. Оказалось совсем иное. Я, признаться, был изумлен тем, что произошло. Кирста стал мне рисовать круги, которые должны были графически изобразить логический ход его мыслей при расследовании по делу. Я внимательно, серьезно старался отнестись к тому, что мне говорил Кирста, желая понять, каким путем он идет, отыскивая истину: путем анализа или путем синтеза, от каких основных положений он исходит. Никаких указаний, однако, на что-либо подобное и в помине не было. Были одни общие фразы и общие идеи, какие существуют в каждом уголовном деле. И вдруг, совершенно неожиданно для меня, без всяких ссылок на какие-либо факты, Кирста мне заявил: „Таким образом, Августейшая семья жива и надо ее спасать". Было что-то совершенно сумбурное. После такого вступления Кирста перешел к самовосхвалению и стал говорить, что есть только три знаменитых сыщика в России и один из них — он, Кирста.

После этого длинного и совершенно неуместного вступления Кирста перешел к докладу, т. е. к изложению фактов. Однако весь доклад сводился к тому, что он, Кирста, отыскал в Перми какую-то Наталью Мутных, которая ему откроет местонахождение Августейшей семьи, и он, Кирста, ее спасет. Он говорил при этом, что он сам рискует местью со стороны Мутных и ее единомышленников, что он получил от Мутных письмо с угрозами[28]. При этом Кирста делал жесты, как будто бы письмо было у него в кармане, но он мне его не показывал. Кончил он в отношении этой Мутных уверением, что она все-таки в его руках. Затем он прочел мне показания Мутных и Уткина.

У меня, в конце концов, получилось неприятное чувство от этого „доклада", и я, увидев Тихомирова, опять предупредил его, чтобы он был осторожен.

Вторично я беседовал с Кирстой у себя в камере. Он явился ко мне с делом об убийстве архиепископа Андроника[29] и, между прочим, коснулся дела об убийстве Августейшей семьи. Нового он мне ничего не сообщил на этот раз: все та же Мутных и все тот же Уткин. Потом он подошел ко мне как-то в театре и сообщил мне, что Августейшая семья находится в 12 верстах от Глазова, в какой-то глухой деревушке.

После этого, на прощальном обеде в честь Никифорова, на который был приглашен и я, я сам спросил Кирсту, в каком положении находится дознание. С большой неохотой он мне сказал, что больше он его не ведет.

Когда Кирста вел свое расследование, ко мне обратилась просительница Александра Васильевна Кривощекова, женщина 52 лет, проживавшая в Перми по Большой Ямской улице в доме № 71. У судебного следователя 2-го участка города Перми производилось предварительное следствие о расхищении ее имущества. Она и ходила ко мне, как просительница по этому делу. Была она у меня несколько раз и как-то завела со мной разговор о Кирсте. В этом разговоре она мне, между прочим, сказала, что в Перми есть сестра милосердия, „фамилия которой", говорила Кривощекова, „кажется, Мутных". Она, как рассказывала Кривощекова, кокаинистка и похваляется, что водит Кирсту за нос. Кирста оказывает ей содействие, а она, с его ведома, переправила через фронт какого-то большевика, увезшего с собой, для агитации в тылу, полтораста тысяч рублей. В последующий свой приход ко мне она мне сделала более серьезное заявление по поводу деятельности Кирсты и рассказала следующее.

Задавшись целью установить, где находится у большевиков конспиративная квартира, в которой укрываются, получают средства и директивы большевики, переходящие фронт, Кривощекова проникла в один большевитский дом, под видом перешедшей фронт и направляющейся в Екатеринбург к дочери коммунистке, содержащейся там в тюрьме. В этом доме находившиеся там большевики обещали отправить ее в какую-то деревню, где у них и была конспиративная квартира. Между прочим, одна из проживавших в том доме, в который проникла Кривощекова, большевичек просила Кривощекову отнести ее сыну красноармейцу, при обратном

возвращении ее через фронт, какую-то посылку-узелок. Когда зашла речь об этом узелке, Кривощековой и было показано две салфетки из числа царских вещей. Желая открыть конспиративную квартиру, Кривощекова отправилась к Кирсте и рассказала ему все. Он тотчас же отправился в этот дом, куда проникла Кривощекова, и отобрал там царские салфетки. Дальнейшая деятельность Кривощековой, таким образом, прервалась. Она была возмущена действиями Кирсты и говорила: „В доме было шесть главарей. Теперь узнать уже ничего нельзя, и я должна скрываться. Всем понятно, что подозрение после обыска падает на меня".

Имея в виду ожидавшийся Ваш приезд в Пермь, я спросил Кривощекову, может ли она подтвердить все то, что рассказывала мне, судебному следователю. Она выразила полную готовность сделать это. Будучи после того в Екатеринбурге, я поинтересовался личностью Кирсты у прокурора Екатеринбургского суда Иорданского. Он мне сказал, что о Кирсте, бывшем до перехода его в Пермь начальником Уголовного розыска в Екатеринбурге, имеются три дела. По одному из них он был арестован за то, что он арестовал некоторых лиц, сообщавших чехам сведения о большевиках.

Вернувшись после этого в Пермь, я встретил Кирсту. Вероятно, зная о моей поездке в Екатеринбург, он без всякого повода с моей стороны стал мне говорить, что он был арестован в Екатеринбурге товарищем прокурора Кутузовым только по той причине, что Кутузову „бросилось в голову вино власти"[30].

Эвакуируясь в Читу, я встретил где-то по пути между Омском и Иркутском Кривощекову. Во время короткой беседы со мной она мне сказала: „Я теперь совсем убедилась, что в обоих Контролях, и в Пермском и в Екатеринбургском, некоторые лица только карманы себе набивают, а не дело делают".

Свое заявление о деятельности Кирсты, когда она говорила про царские салфетки, Кривощекова кончила словами: „Я думаю, что Кирста не нашим, а только большевикам служит".

По поводу нахождения в Перми Анастасии Николаевны и убийства ее, якобы, там, Тихомиров говорил мне, что ее могила ему известна, что с наступлением весны можно будет ее вскрыть. (Ее ему, или Кирсте, указал какой-то немец или еврей.) Потом в Перми было много раскопок по розыску жертв зверства большевиков. Была вскрыта и та могила, в которой должно было находиться, якобы, тело Анастасии Николаевны. В этой могиле не оказалось женского трупа, а 7 трупов мужчин. Тюрьмой заведывал в Перми Тихомиров. Ему, конечно, ничего не стоило бы установить факт пребывания там Анастасии Николаевны, если бы этот факт действительно имел место.

Относительно похищения Михаила Александровича, или убийства его, я могу показать следующее.

В Перми было распространено мнение, что великий князь Михаил Александрович был увезен с целью его спасения. Помощник управляющего Пермской губернией Михаил Васильевич Кукаретин говорил мне, что в Перми существовала организация, имевшая специальную цель спасти Михаила Александровича, и высказывал убеждение, что он действительно спасен, причем он был увезен на моторной лодке по направлению к Чердыни.

Затем я получил сведения, что начальник Уголовного розыска в Перми, занимавший эту должность до большевиков, при них и после них – Ярославцев, производил при большевиках расследование по поводу его исчезновения. Я вызвал к себе Ярославцева и потребовал представления мне сведений по делу. Ярославцев представил мне рапорт, из которого видно лишь, что он допрашивал какую-то прислугу в Королевских номерах, где жил и откуда был похищен Михаил Александрович (из рапорта не видно, кого именно допрашивал Ярославцев), и прислуга показала, что Михаил Александрович был увезен ночью троими вооруженными людьми[31].

Когда Кирста пришел ко мне с делом Андроника и я его, это дело, просмотрел, я увидел, что оно содержит в себе, без всякой системы, множество самых разнообразных актов. В числе их были некоторые, имевшие отношение и к делу Ми-

хаила Александровича. Из таких актов самым существенным является показание Александра Рябухина, которого допрашивал Кирста, как заподозренного в убийстве архиепископа Андроника[32]. Рябухин показал, что ему пришлось как-то разговаривать с начальником милиции в Мотовилихе Алексеем Плешковым и товарищем председателя Исполнительного комитета в Мотовилихе Иваном Берестневым. Относительно Михаила Александровича Плешков рассказывал Рябухину, что Михаила Александровича увозил из Королевских номеров он, Плешков, вместе с помощником своим Жужговым, и в лесу они его расстреляли. С этих актов, имеющих отношение к делу об убийстве Михаила Александровича, по моему приказанию, были сняты копии. Копии с таковых Вам представляю, также рапорт Ярославцева в копии.

Представляю Вам еще два номера пермских „Известий", 145 и 189, в которых имеются большевитские сообщения по делу об убийстве Августейшей семьи и по делу Михаила Александровича. 28 февраля этого года за № 104 Тихомиров представил мне металлическую доску с изображением великих княжен Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны, служившую, очевидно, для печатания их портрета типографским способом. Вместе с этой доской Тихомиров представил мне еще погон поручика 194 какого-то полка, донося, что и доска и погон были им обнаружены в здании Крестьянского поземельного банка, где при большевиках помещалась чрезвычайка. Эту доску Вам представляю.

Больше показать я ничего не могу. Свои показания я даю, возобновив в моей памяти предъявленные мне Вами протоколы допроса, в моем присутствии, Алексеевым Медведева и Якимова (свидетелю было разрешено перед допросом его прочесть протокол допроса Алексеевым Медведева, л. д. 179–183, том 2-й и протокол допроса им же Якимова, л. д. 153–155, том 4-й). Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

П. Шамарин.
Судебный следователь Н. Соколов.

266

ПРОТОКОЛ

1919 года, октября 8 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр двух салфеток и двух рецептов, присланных вместе с дознанием Кирсты[1] начальником штаба Сибирской армии при отношении от 9 апреля сего года за № 491 (л. д. 16, том 4). По осмотру сих предметов найдено следующее:

Две салфетки[2].

1. Столовая ручная салфетка из белого „салфеточного" полотна.

Она имеет форму прямоугольника, размеры 75 и 85 сантиметров. По всему фону салфетки фабричный узор, вытканный машинным способом. В середине фона выткан герб России, а по всем четырем углам – царская корона и под ней „Н", а под этой буквой цифра „II". По углам также вытканы цифры „1906" и „1907". Государственный герб и инициалы „Н", „II" и цифры „1906" и „1907" являются составной частью вытканного узора. Таким образом вся салфетка несомненно является изготовлением по особому заказу. На двух углах салфетки имеется сделанный черной жидкостью, видимо, специально для меток употребляющейся, кружок, а в нем сделанные такой же жидкостью инициалы „Г. Ч.". Края салфетки подрублены. Салфетка весьма поношена. На ней много дыр, образовавшихся, видимо, от употребления ее. Салфетка выстирана и выглажена.

2. Такая же столовая ручная салфетка.

Она во всех отношениях одинакова с салфеткой, только что описанной. Разница между обеими салфетками заключается лишь в том, что эта салфетка имеет кружок с инициалами „Г. Ч." на одном углу.

Два рецепта.

3. Докторский рецепт[3].

Этот рецепт написан, видимо, собственноручно доктором Уткиным[4], коим он и подписан.

Рецепт этот писан чернилами черного цвета на особом бланке, какие употребляются врачами, с обозначением личности данного врача, давшего рецепт. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот рецепт написан не на бланке доктора Уткина, а на особом бланке доктора Иванова, причем текст этого бланка отпечатан в типографии. Содержание текста следующее:

„Врач В. Д. Иванов. Прием по глазным болезням ежедневно от 3 до 4 1/2 ч. дня. Покровская ул. 47 (д. Тохтуева). Телефон № 7-41. г. Пермь".

Текст этот печатного бланка перечеркнут тремя чернильными линиями, причем чернила, коими сделаны эти линии, видимо, одинаковы с теми, коими писан текст рецепта.

Содержание самого текста рецепта, кроме условных медицинских обозначений (графически писанного на латинском и русском языках), следующее:

„Rp: Aq. plumbi 200,0
Бинт 2-х вершковый – 1 ш.
Ваты простой полфун.
Rp: t-ra jodi 20.0
Г-ж № г-же №
Dr. Уткин
19 $\frac{22}{IX}$ 18 г.".

На обороте этого рецепта имеется надпись, сделанная чернилами черного цвета. Содержание ее дословно следующее:

„По прилагаемому рецепту отпустит немедленно в с. т. чрезвычайной комиссии. 22/IX д. Шленов"[5].

Ниже текста этой надписи фиолетового цвета мастичный оттиск печати: „Бюро контр.-развед. при перм. губ. чрезвычайн. комис. по борьбе с контр.-рев. спекуляцией и саботажем".

При сличении текста рецепта с текстом этой надписи, ясно видно, что текст рецепта писан иными чернилами, чем надпись: чернила, коими писан текст рецепта, с бледно-красноватым оттенком, а чернила, коими писан текст надписи, – с зеленоватым.

4. Докторский рецепт.

Рецепт этот, по своему внешнему виду, совершенно сходен с первым рецептом: он писан на таком же совершенно бланке доктора Иванова, тем же Уткиным, такими же, видимо, чернилами. Причем ими же, видимо, и также тремя линиями перечеркнут текст бланка доктора Иванова. Содержание текста рецепта, писанного на латинском и русском языках, следующее:

„Rp: Natr. Bromat
Kol 5,0 aa
T-ra Baler aeth. 4,0
Aq. distil. 200,0
en Ds. принимать 3 р в день по столовой ложке.
Г-же №
Dr. Уткин
19 $\frac{22}{IX}$ 18 г.".

На обороте этого рецепта имеется такая же надпись, как и на первом рецепте. Содержание ее следующее:

„По прилагаемому рецепту отпустит немедленно в с. т. чрезвычайной комиссии. 22/IX/18 д. Шленов".

Ниже этого текста такой же оттиск такой же печати, что и на первом рецепте. Чернила, коими писаны эти надписи, совершенно, видимо, одинаковы с чернилами, коими писана надпись и на первом рецепте. Следовательно, и на этом рецепте текст самого рецепта писан чернилами, отличными от чернил, коими писана надпись. Отмечается, что фамилия „Шленов" в обеих надписях до конца не дописана, а написана первыми буквами этой фамилии. Отмечается также, что дата в оборотной надписи на втором рецепте написана несколько неразборчиво: „22" или „23".

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

267

ПРОТОКОЛ

1919 года, октября 27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр представленных следствию полковником Е. С. Кобылинским[6] 2 сентября сего года (л. д. 160 том 6-й) фотографических снимков с лиц Августейшей семьи.

По осмотру найдено следующее:

Все 12 фотографических снимков относятся к тобольскому периоду заключения Августейшей семьи. Значение каждого из них в отдельности представляется в следующем виде:

1. На этом снимке изображен дом, где находилась в заключении в г. Тобольске Августейшая семья[7]. Из открытой двери дома идут и спускаются по крыльцу монахини. Одна идет по тротуарам.

2. На этом снимке изображены великие княжны. Они находятся на крыльце дома, которое изображено на предыдущем снимке. У самих дверей дома стоит Анастасия Николаевна. Вблизи крыльца сидит на площадке, подперши подбородок левой рукой, Татьяна Николаевна. На этой же площадке стоит и смотрит, стараясь выглянуть через забор, или Ольга Николаевна или Мария Николаевна. Лица последней княжны не видно и точно определить ее личность невозможно.

Все три княжны одеты одинаково: в вязаных серовато-желтых шапочках, такого же цвета кофтах, темных юбках и мужского фасона кожаных черных сапогах.

3. На этом снимке изображен Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Он сидит на той же площадке того же крыльца, что и на предыдущем снимке, приблизительно на том же месте, где сидела Татьяна Николаевна. Перед ним с трубкой в зубах г. Жильяр что-то вычерчивает на отрезке доски. Алексей Николаевич наклонил слегка голову вправо и смотрит на работу Жильяра. Перед ним стоит в шинели гимназиста, видимо, сын доктора Деревенко Николай.

Фигура Алексея Николаевича прекрасно видна на этом снимке. Он в фуражке защитного цвета, видимо, той же самой, в которой он изображен и на всех осмотренных до сего снимках. Верх ее поднят и в фуражке, видимо, имеется держатель. На ней нет ни ремешка, ни пуговок. На шинели имеются петлицы и погоны. Они одинаковы: из темного сукна. На петлице слева нет никаких пуговиц. Они, видимо, глухие и пришиты нитками к шинели. На левом же погоне прекрасно видна ближе к вороту шинели маленькая, военного образца, пуговка, медная. Ви-

ден ряд пуговиц и на самой шинели. Они пришиты к шинели посередине ее. Их видно на снимке три, остальные закрыты рукой Алексея Николаевича. Самая шинель – из солдатского сукна, видимо, хорошего качества. На ногах его черные кожаные сапоги на высоких каблуках.

4. Этот снимок есть продолжение предыдущего. Доска, по которой г. Жильяр сделал вычерчивания, видимо, теперь распиливается. Она лежит на том же крыльце, ее пилит какой-то человек, положив доску так, чтобы пила ходила через доску соответственно щели пола. Алексей Николаевич сидит тут же и придерживает правой рукой доску. На правой его ноге лежит пила-ножевка. Его фигура хорошо видна. Он в той же фуражке. Верх ее стоит. Несомненно фуражка снабжена держателем. Шинель его видна спереди. Она хорошего солдатского сукна. Шинель двубортная, но пуговицы ее идут в один только ряд и пришиты они по самой середине шинели. Пуговицы – военного образца, медные, обыкновенной величины. Их видно на снимке три. Одна закрыта Георгиевской его медалью, а пятая закрыта, видимо, складкой шинели. В петлицах, как это видно ясно, нет никаких пуговиц. Ясно видна пуговка такая же, как и на борту шинели, на левом погоне у воротка, но она малого размера. Шинель застегивается у него слева направо, видимо, на крючках. На снимке она застегнута, только сверху и в открытые полы видны защитные штаны Алексея Николаевича. Из рукавов шинели виднеются обшлага его гимнастерки, также защитного цвета. На ногах у него те же сапоги.

5. На этом снимке изображены три княжны: Ольга Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна. Они находятся на той же площадке того же крыльца. Анастасия Николаевна сидит ближе к стене дома, сложив руки на коленях. Ближе к ней сидит Мария Николаевна. Рядом с ней, опираясь руками о площадку, стоит Ольга Николаевна. Они все три одеты совершенно одинаково: в темных шапочках, серых теплых кофтах и таких же юбках. На ногах у них серые валенки. Мария Николаевна и Ольга Николаевна в серых теплых перчатках. Мария Николаевна слегка улыбается.

6. На этом снимке изображены великие княжны Ольга Николаевна и Анастасия Николаевна. Они одеты одинаково: в серые шапочки, такие же кофты, на шее их такие же шарфы. Они обе подпоясаны кушаками цвета кофт. Из-под кофт видны темного цвета юбки. На ногах у них кожаные черные сапоги, мужского фасона. Они стоят во дворе на снегу, покрывающему слегка их сапоги, заложив руки в карманы кофт, рядом и делают смешные гримасы лицом. В ушах у Ольги Николаевны видны маленькие жемчужные серьги, в каких она изображена в предыдущих снимках. Юбка Анастасии Николаевны короче юбки Ольги Николаевны.

/.../

11. На этом снимке изображен Государь Император Николай Александрович. Государь около оранжереи пилит дрова с г. Жильяром. Прекрасно виден на этом снимке костюм Государя. Он в фуражке, в гимнастерке и штанах совершенно одинакового защитного цвета. Цвет фуражки и гимнастерки и штанов совершенно одинаков. На ногах у него черные кожаные сапоги. Верх фуражки Государя поднят, края ее ровные. Несомненно фуражка предполагает наличность держателя. Хорошо виден кожаный, ничем не обшитый, защитного цвета козырек его фуражки. Виден и ремешок, такой же, как и козырек. С левой стороны околыша видна малая медная военная пуговка. На спинке видна спина Государя и левый бок. Переда гимнастерки не видно. Хорошо виден пояс, коим подпоясана гимнастерка: пояс желтого, а не черного цвета. Штаны не имеют никакого канта.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

268

ПРОТОКОЛ

1919 года, октября 28 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр предметов, присланных прокурором Екатеринбургского окружного суда 9 июля сего года за № 6196 (л. д. 57 об., том 6)[8].

Как видно из переписки прокурора Екатеринбургского окружного суда с Екатеринбургской военно-следственной комиссией (л. д. 57, том 6), эти предметы были присланы в эту комиссию комендантом г. Екатеринбурга[9]. По осмотру их найдено следующее:

/.../

5. Телеграмма от имени „Бюро печати", адресованная „председателю облсовдепа". Она была подана из Царского Села, имеет служебный номер 196, принята в г. Екатеринбурге 20 июля 1918 года. Ее принял чиновник, фамилия которого имеет начальные буквы „Торг". Она написана на двух телеграфных бланках, на лицевой стороне – химическим карандашом, а на оборотной – черным. Содержание ее следующее:

„Бюро Печати Всем. Центральная рабочая Комиссия по борьбе с холерой получает самые широкие полномочия. Комиссия и весь президиум должны разработать ряд самых решительных мер в области распределения квартир принудительного привлечения к обязательному труду борьбе с холерой к новым реформам в области снабжения продовольствия. Благодаря принятию Ц. рабочей Комиссиею самых решительных мер холерная зараза быстро идет на убыль. Количество заболеваний уменьшается с каждым днем. За сутки с 12 часов ночи 19/7 по 12 часов ночи 20 июля зарегистрировано 8 человек 10 человек подозрительных по холере.

Декрет о конфискации имущества бывшего Российского Императора и Членов Императорского Дома.

Всякое имущество принадлежащее бывшему Царю бывшей царице и всех членов бывшего императора /так!/ где ни находилось, не исключая вкладов в кредитных учреждениях в России и за границей, объявляется достоянием Российской Республики. Под Членами бывшего российского Императорского дома подразумеваются: все лица отнесенные в родословные книги дома Романовых (одну минуту прием был нарушен радиост. Москвой) обязаны в недельный срок со дня опубликования текста представить сведения в народный комиссариат внутренних дел. Уполномоченные Советской Республики за границей обязаны немедленно получить сведения о месте нахождения имущества дома Романовых. Имущество находящееся в пределах республики поступает в ведение комиссариата внутренних дел. Денежные ценности сдаются в собственность казначейства и учреждения народного банка; ценности находящиеся за пределами республики в том числе и заграничных банках поступают в ведение советских уполномоченных"...[10]

Остальной текст телеграммы для дела безразличен. Телеграмма подписана вышеприведенными буквами чиновника, принявшего телеграмму: „Торг.".

/.../

11. Прошение от Ивана Дмитриевича Седнева и Клементия Григорьевича Нагорного на имя Белобородова[11].

Оно написано на четвертушке писчей бумаги черным карандашом рукою Седнева. Содержание этого прошения дословно следующее:

„Председателю уральского Окружново совета Госпд. Белобородову.

ПРОШЕНИЕ

Гос. Белобородов покорнейше просим Вас разследовать Наше дело Служащих Ивана Дмитреич Седнева и Клементия Григорича Нагорнова слуги Николая Романова так как нас арестовали и находимся в Арестов Доме Мы незнаем зачто хотя мы дали разсписки вам Г-н Белобородов и мы квам спросили можно ли нам уволиться со службы и вы нам объяснили что Влюбое время можно и поповоду етово обращаем с Покорнейшей прозбой Квам и просим Вас Г-н Белобородов Выявить наше положение такчто мы Служить нежилаем и покорнейше просим вас Отправить нас на Родину в Ярославскую губерню такчто мы Крестьяне и жалаем обрабатывать свое грестьянство такчто я И. Д. Седнев человек семейной имею жену и троих детей малолетних и мать старая и сестра и вот по поводу этово Покорнейше прошу вас Г-н Белобородов что мы совершенно отказываемся от службы Николая Романова Потписали Иван Дмитреич Седнев Климентий Григорьевич Нагорный 28 мая 1918 г."[12].

В этом прошении, в заголовке его, слово „Окружново" зачеркнуто и вместо этого слова написано „Обласнова". На прошении нет никакой резолюции.

12. Запись переговоров по прямому проводу между Свердловым из Москвы и, видимо, Белобородовым из Екатеринбурга.

Эта запись сделана на обороте телеграфных бланков черным карандашом. Она занимает всего шесть бланков и делалась, видимо, одним и тем же лицом. По существу эта запись заключает в себе, преимущественно, вопросы Свердлова и ответы на них Белобородова. Содержание ее следующее:

„Москва – Екатеринбург.

Свердлов.

Прежде всего сообщи работа Алапаехи Комисл. К.-та /пропуск/ или нет.

Сейчас об этом ничего не известно. Производится расследование.

Необходимо немедленно запросить Мотовилиху и Пермь, примите меры скорейшему оповещению нас. Что у вас слышно.

Положение на фронте несколько лучше чем казалось вчера. Выясняется, что противник оголил все фронты и бросил все силы на Екатеринбург; удержим ли долго Екатеринбург трудно сказать. Принимаем все меры к удержанию. Все лишнее из Екатеринбурга эвакуировано. Вчера выехал к вам курьер с интересующими вас документами сообщи решение ЦИК, и можем-ли мы оповестить население известным вам текстом.

В заседании президиума ЦИК от 18-го постановлено признать решение Ур.-Обл. Совдепа правильным. МОЖЕТЕ ПУБЛИКОВАТЬ СВОЙ текст у нас вчера во всех газетах было помещено соответствующее сообщение сейчас послал за точным текстом и передам его тебе. Пока же сообщу следующее: 1) держитесь во что бы то ни стало посылаем подкрепление во все райионы отправляем значительные отряды надеемся при их посредстве сломт Чехов. 2) Посылаем на все фронты несколько сот надежных партийной публики из Питерских и Московских рабочих специальной работы среди армии так и среди населения. 3) еще раз напоминаю: необходимости обеспечить тыл 4) сообщу о Немцах. После убийства Мирбаха немцы потребовали ввода батальона в Москву Мы категорически отказали были на волосок от войны[13]. Немцы теперь отказались от этого требования. Повидимому, войны сейчас не будет больше пока ничего сообщить нечего.

Сейчас передам точно текст нашей публикации:

ЗАГОЛОВОК

Расстрел Николая Романова

На состоявшемся 18-го июля первом заседании призидима Ц.И.К. Советов Председатель тов. Свердлов сообщает полученное по прямому проводу сообще-

ние от Областного Ур. Совета о расстреле бывшего Царя Николая Романова. Последние дни в столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехо-слов. банд в тоже время был раскрыт новый заговор контр. рев. имевший целью вырвать из рук советской власти коронованного палача в виду всех этих обстоятельств президиум Ур. Обл. Сов. постановил расстрелять Ник. Ром. что и было приведено в исполнение 16 июля[14] жена и сын Ни. Ром. отправлены в надежное место[15] документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером[16]. Сделав это сообщение тов. Свердлов напоминает историю перевода Ник. Роман. из Тобольска в Ек. когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев в целях устройств.[17] побега Ни. Ром. В Последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа и только развернувшиеся сейчас события помешали этого суда Президиум ц.и.к. обсудив все обстоятельства заставившие ур. обл. совет принять решение о расстреле Ник. Ром. постановил Всерос. Ц.И.К. в лице своего президиума признает решение Ур. Обл. Сов. правильным затем председат. сообщает что в распоряжении ЦИК находятся сейчас чрезвычайно важный материал и документы Ник. Ром. его собственноручные дневники которые он вел от юности до последнего времени; дневники его жены и детей; переписка Ром. и т. д. Имеются между прочим письма Григ. Распутина к Романову и его семье. Все эти материалы будут разобраны и опубликованы в ближайшее время"[18].

Текст этой записи приведен в сем акте дословно, без всякого изменения.

Отмечается в отношении приведенного текста следующее:

а) В вопросе Свердлова относительно Алапаевского убийства (видимо, именно об этом он запрашивает Белобородова) не совсем ясно написано одно только слово: „Комисл.". Но тем не менее, его удалось разобрать. Вопрос Свердлова, очевидно, следует читать так, в более распространенном изложении: „Прежде всего сообщи, работа Алапаехи (есть ли) дело рук Следственной Комиссии или Исполнительного Комитета, или же нет".

б) Говоря о времени, с которого Государь Император Николай Александрович вел свои дневники, Свердлов выражается именно так, как это написано в сем акте: „от юности", но это слово написано несколько неясно: как будто бы записывавший текст хотел сначала написать слово: „июня", но затем поправился и написал именно приведенное слово: „юности".

в) На лицевой стороне пятого бланка, с которого как раз идет переданный Свердловым текст их, Московского, сообщения об убийстве Государя Императора, имеются на свободных местах бланка какие-то вычерчивания, начерчены линии и сделаны какие-то пояснения начерченному. Внизу бланка написано, как будто бы число „1 3" или буква „В", а затем далее, как будто бы слово „Уеду" и далее не имеющие смысла черточки. Видимо, текст переданного Свердловым Белобородову сообщения (он как раз начинается с 5-го бланка) в каких-либо целях находился в каком-либо большевитском учреждении, и там кто-либо чертил на свободных местах бланка, не придавая ценности этому сообщению, как ставшему достоянием большевитской прессы.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

269

ПРОТОКОЛ

1919 года, ноября 2 дня, в г. Владивостоке я, офицер для поручений при контрразведывательном отделении Штаба Приамурского военного округа, поручик Поплавский, на основании предписания того же отделения от 24 октября 1919 года за № 03160, производил порученное мне дознание, причем спрошенные по настоящему делу лица показали следующее:

Подпоручик Константин Семенович Мельник, 26 лет, православный, женат[1].

Подпоручика Соловьева[2] я видел один раз в Тобольске на улице в сентябре месяце 1918 года, но о деятельности Соловьева я слышал от штаб-ротмистра Крымского конного полка Николая Яковлевича Седова[3], подпоручика Марковского Аркадия Алексеевича, из коих первый уехал в армию генерала Деникина, а второй, по всей вероятности, находится в Омске.

По приезде моем в Тобольск в мае месяце 1918 года я познакомился с подпоручиком Марковским, местным жителем и человеком, заинтересованным в судьбе Царской семьи. Марковский рассказывал мне о том, что Соловьев, женатый на дочери Распутина, и священник тобольской Покровской церкви Алексей Васильев[4], назначенный духовником Царской семьи, получают от петроградских и московских организаций много денег и ценностей как для улучшения жизни Царской семьи, так и для организации спасения ее. Марковский, не стесняясь в эпитетах, ругал Соловьева и Васильева за то, что они, получая деньги, не передают их по назначению, а значительную часть присваивают себе, отдавая немного на указанные выше цели.

Во время пребывания в Тобольске я убедился в том, что там никакой организации для спасения Царской семьи не существовало, а от лиц, бывших в заключении вместе с Царской семьей, я узнал, что только часть вещей и денег доходили до Царской семьи. Остальное же оставалось неизвестно где.

Мне известно о том, что Государыня передала 14 000 денег священнику Васильеву, который просил эти деньги, а для какой цели – неизвестно. Священник Васильев, напиваясь пьяным, рассказывал всем о том, что им организовывается увоз Царской семьи. В Тобольске усиленно распространялись неизвестно кем слухи о том, что там существует организация в 300 человек офицеров, предназначенная для увоза Царской семьи. Слухи эти нервировали местный „совдеп" и были причиной многих телеграмм „совету народных комиссаров" о том, что дело охраны Царской семьи в Тобольске не совсем благополучно. Я уверен, что эти слухи были одной из главных причин перевода Царской семьи из Тобольска в Екатеринбург и исходили от Соловьева и Васильева[5].

О деятельности Соловьева я очень много слышал от штаб-ротмистра Седова, который был послан в Тобольск петроградской организацией, но в Тюмени принужден был прожить более четырех месяцев, где в это же время находился и Соловьев. Только один раз Соловьев разрешил, перед самым увозом большевиками Царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, Седову поездку в Тобольск, но на одни сутки. На мой вопрос, почему Седов так слушался Соловьева, Седов мне сказал, что Соловьев рассказал ему о том, как он выдал двоих офицеров Тюменскому „совдепу" за то, что эти офицеры без разрешения Соловьева ездили в Тобольск. Офицеры эти были командированы одной из организаций в Тобольск, о чем Соловьеву не могло быть неизвестно. Соловьев говорил Седову о том, что всех едущих в Тобольск офицеров без его разрешения он выдает „совдепу".

Мне известно о том, что Соловьев, несмотря на общий призыв офицеров в июне месяце 1918 года, не явился по мобилизации, а, скрывая свое офицерское звание, прописывался как частное лицо, о чем он говорил в первых числах ноября месяца 1918 года штаб-ротмистру Седову. Более добавить ничего не имею.

Статья 940 устав. угол. суд. пр. мне предъявлена.

Подпоручик Мельник.
Поручик Поплавский.

270

М. Ю.
Судебный следователь
по особо важным делам
при Омском окружном суде
Н. А. Соколов.
Ноября 3 дня 1919 года.
№ 152

Г. Начальнику Читинской областной тюрьмы.

Прошу мне срочно сообщить, содержатся ли во вверенной Вам тюрьме арестанты: 1) Филипп Полиевктов Проскуряков, 2) Анатолий Александров Якимов[6]. Сведения эти прошу мне доставить с подателем сего моим агентом Сретенским.

Судебный следователь Н. Соколов.

СПРАВКА

Филипп Полиевктов Проскуряков содержится в Читинской областной тюрьме, Анатолий Александрович Якимов, по словам Проскурякова, умер в Иркутской губернской тюрьме.

Верно: за начальника Читинской областной тюрьмы

(Подпись неразборчива).
4 ноября 1919 года г. Чита.

271

ПРОТОКОЛ

1919 года, ноября 17 дня, тов. прокурора, заведывающий местами заключения по поручению Иркутского окружного суда опрашивал нижепоименованного, и он показал:

Александр Афанасьев Федоров, 37 л., начальник Иркутской губернской тюрьмы, православный, грамотный, не судился, посторонний.

Заключенный Анатолий Александрович Якимов, обвинявшийся в убийстве Государя Императора Николая II, прибыл из Омской областной тюрьмы 26 сентября 1919 года. Он все время был в заключении в одиночном корпусе, где умер 4 октября 1919 года от чахотки[7].

Начальник Иркутской тюрьмы А. Федоров.
Тов. прокурора Иркутского окружного суда В. Смирнов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, ноября 20–21 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 722 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

Парфений Титов Самохвалов, 31 года, крн. д. Хатки, Ружинской волости, Режицкого уезда, Витебской губернии, живу постоянно в г. Ялуторовске Тобольской губернии, православный, грамотный, в деле чужой, не судился[8].

Я по ремеслу шофер. Раньше я служил у разных лиц в Петрограде, но потом я обосновался в г. Ялуторовске, где купил себе домишко и где проживал с 1910 года.

Революция застала меня в Петрограде, где я служил шофером. От беспорядков в Петрограде я стал пробираться к Ялуторовску и дорогой поступил слесарем на станции Екатеринбург I. Это было 17 июля 1917 года. Здесь я прослужил до того времени, пока не началась железнодорожная забастовка. В это же время я поступил в боевую дружину и был начальником ее. Дружина эта была железнодорожная и наши обязанности выражались в охране железной дороги. В декабре месяце 1917 года я поступил в советский гараж шофером, где я и прослужил до 2 мая 1918 года по новому стилю.

Я не помню, какого числа это было, но помню, что в апреле месяце меня вызвал в здание Екатеринбургского окружного суда комиссар Голощекин[9] и приказал мне следить, чтобы все благополучно было в гараже с машинами. Я это ставлю в связь со слухами о готовившемся тогда нападении на гараж. Я же именно потому был тогда вызван, что я был дежурным в это время. Спустя после этого несколько дней к нам в гараж явился комиссар печати, по фамилии мне не известный. Он был высокого роста, худощавый, со смуглым лицом, с небольшой черной бородой и небольшими черными усами. Он был простой типографский рабочий, но из какой именно типографии, этого я не знаю. Этот комиссар печати потребовал от нас, чтобы мы немедленно подавали бы четыре автомобиля. Мы отказались ехать, потому что у нас не было бензина. Но комиссар печати достал, кажется, из какой-то типографии пуд бензина, и мы поехали на трех легковых и одном грузовом автомобиле. Шоферами на автомобилях были: на одном я, на двух других легковых автомобилях Полузадов и Степанов, а на грузовом автомобиле какой-то шофер с завода Яциса. Но дорогой у Степанова лопнула в автомобиле шина, и он уехал назад.

Мы же все поехали по указанию комиссара печати, ехавшего вместе с нами, к дому на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Я не знаю, кому именно принадлежал этот дом. Он каменный, белый. В тот момент он был обнесен деревянным одним забором, не закрывавшим парадного крыльца и ворот. Я вижу фотографическое изображение дома, которое Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические изображения дома Ипатьева, находящиеся на листе дела 210, том 3-й), утверждаю, что к этому именно дому мы и подъехали. Из дома вышел комиссар Голощекин, комиссар Авдеев[10] и еще какие-то лица (кроме Голощекина и Авдеева, вышло еще человека два), сели в автомобили, и мы все поехали на станцию Екатеринбург I. В моем автомобиле ехал комиссар печати.

Когда мы прибыли на станцию Екатеринбург I, здесь от народа я услышал, что в Екатеринбург привезли Царя. Голощекин сбегал на станцию и велел нам ехать на Екатеринбург II. Все мы опять поехали в автомобилях на Екатеринбург II. Там мы подъехали на машинах к одному месту, где стоял вагон 1 класса, окруженный солдатами. Оттуда вышел Государь Император, Государыня Императрица

и одна из дочерей их. Я хорошо помню, что Государь был одет в шинель солдатского сукна, то есть цвета солдатского сукна, как носили в войну офицеры. Я хорошо помню, что погон на ней не было. Помнится также мне, что пуговицы на его шинели были защитные. Фуражка его была офицерского фасона из защитного сукна, с козырьком также защитного цвета и таким же ремешком, но сукном ни козырек, ни ремешок обшиты не были. Государыня была в черном пальто, пуговиц на нем я не заметил. Княжна также была в каком-то темном пальто.

Их посадили в мой автомобиль. Еще в мой автомобиль сел какой-то, должно быть, прибывший с ними комиссар. Раньше я его не видел в Екатеринбурге. Из себя он был высокого роста, худощавый, смугловатый, не помню я, были ли у него усы и борода. Я помню, что глаза у него были большие и как бы провалившиеся. В это время в Екатеринбурге было тепло, а он был одет в куртку мехом вверх и в шапку и, как мне тогда казалось, он походил на человека, приехавшего откуда-то с дороги.

Опять мы поехали к тому самому дому, обнесенному забором, про который я уже говорил. Командовал здесь всем делом Голощекин. Когда мы подъехали к дому, Голощекин сказал Государю: „Гражданин Романов, можете войти". Государь прошел в дом. Таким же порядком Голощекин пропустил в дом Государыню и княжну и сколько-то человек прислуги, среди которых, как мне помнится, была одна женщина. В числе прибывших был один генерал[11]. Голощекин спросил его имя, и, когда тот себя назвал, он объявил ему, что он будет отправлен в тюрьму. Я не помню, как себя назвал генерал. Тут же, в автомобиле Полузадова, он и был отправлен.

Я знал комиссара Юровского. Я не помню, чтобы он был на вокзале, когда был привезен Государь.

Когда Государь был привезен к дому, около дома стал собираться народ. Я помню, Голощекин кричал: „Чрезвычайка, чего вы смотрите?" Народ был разогнан. Больше я ничего показать не могу.

Показание мое мне прочитано. Из шоферов, служивших тогда в гараже, я, кроме названных мною, больше никого назвать не могу. Заведовавшим гаражом, когда я поступил в него, был какой-то Штейман[12], но он скоро ушел и, когда я привозил Государя, он гаражом уже не заведовал.

Я прошу исправить мое показание в следующем: меня в боевую дружину назначили рабочие, сам же я этого не хотел. Прочитано.

Парфений Самохвалов.
Судебный следователь Н. Соколов.

273

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 18 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 325–337 ст. ст. уст. угол. суд., через специалиста по изготовлению обуви Моисея Израилева Пентова, проживающего в г. Чите по Александровской улице в доме Колеша, производил исследование предметов, описанных в пункте 30 протокола 19/22 июня 1919 года (л. д. 106–107, том 5-й), в пунктах 41/50 протокола 11 ноября 1919 года (л. д. том 8-й) и в протоколе 12 ноября 1919 года (л. д. том 8-й)[13].

Г. эксперт пришел к следующим выводам.

Все предметы, описанные в пункте 30 протокола 19/22 июня 1919 года и в протоколе 12 ноября 1919 года, представляют собой части сгоревшей в огне обуви. Здесь имеются части: кожи, подошвы, пробки и вара, слившиеся в массу от

огня. Многие из гвоздиков и винтики принадлежат к обуви. Вид этих предметов свидетельствует, что обувь эта была механической, хорошей работы.

Количество предметов, предъявленных эксперту, приводит его к определенному выводу, что они принадлежат отнюдь не к одной паре обуви (сапог или ботинок), а к нескольким парам. Вполне возможно, что здесь имеются семь пар такой механической, хорошей работы обуви, уничтоженной огнем.

Замечающаяся в некоторых кусочках материя есть принадлежность именно этой обуви, каковая материя употребляется при изготовлении обуви, имеющей пробку, что также указывает само по себе на высокое свойство обуви.

Судебный следователь Н. Соколов.
Моисей Пентов.

274

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 29 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 722 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Борис Николаевич Соловьев, 26 лет, дворянин, православный, не судился[1].

По настоящему делу в связи с моим арестом я на Ваши вопросы могу показать следующее.

Я родился в 1893 году в г. Симбирске, где в то время проживал мой отец Николай Васильевич и мать Мария Александровна, урожденная Токарева, дочь симбирского купца. Отец в то время служил секретарем Симбирской Духовной консистории, перейдя сюда на службу, кажется, из Пензенской Духовной консистории.

/.../

/Рано потеряв мать, Соловьев окончил 6 классов гимназии в Симбирске и уехал к отцу, проживающему в Петербурге./

/Отец/ в то время был уже членом училищного совета при Святейшем Синоде и казначеем Синода. У отца я прожил с год. Мне удалось уговорить его дать согласие на поступление мое в духовную семинарию, и я, возвратившись в Симбирск, стал готовиться к поступлению в семинарию под руководством священника Алексея Васильевича Реморова. Я готов был поступить в семинарию, как подошла война. В августе-сентябре месяце 1914 года я поступил добровольцем в 96 запасный батальон, стоявший тогда в Симбирске, а затем с маршевой ротой зимой того же года ушел на фронт. Там я попал в 137 Нежинский великой княгини Марии Павловны полк и, участвуя в боях, был контужен и ранен осколками снаряда.

В 1915 году, пережив наше ужасное отступление с Карпат, я был эвакуирован в Петроград. По выздоровлении я поступил во 2 Ораниенбаумскую школу прапорщиков, которую и окончил. В том же году я был зачислен в 176 пехотный запасный полк, где и остался. Однако здоровье мое было сильно расшатано, и я до августа месяца 1916 года больше находился в Николаевском военном госпитале в Петрограде. В августе, приблизительно, месяце, я был командирован в офицерскую стрелковую школу, кончил ее и был зачислен во 2 пулеметный полк. В этом полку я находился до революции.

26 или 27 февраля, когда, собственно говоря, еще не было революции, а был просто бунт, я был схвачен, как офицер, на одной из улиц Петрограда солдатами и приведен в Государственную Думу. Я просидел здесь все беспорядки и 28 февра-

ля, когда революция уже вылилась в определенную форму, когда уже ходили слухи об отречении Государя и Дума возглавляла все, я был назначен обер-офицером для поручений и адъютантом председателя Военной и морской комиссии Государственной Думы, каковым тогда был Александр Иванович Гучков. Недели 2–3 я жил, не выходя из Думы, найдя приют у коменданта Таврического дворца Остен-Сакена. Вы спрашиваете, почему так вышло. Потому что я, получив воспитание в консервативно-патриархальной среде, никогда не интересовался и никогда не занимался никакой политикой, будучи проникнут с детства религиозными началами, занимавшими меня почти всецело. Все вокруг опрокидывалось, рушилась святая святых. Хотелось не молчать, протестовать, но что же можно было сделать? Не тащили больше никуда из Думы, куда меня притащили солдаты, – вот и сидел.

Первые мои выступления здесь политического характера были неудачны. Я спустил со второго этажа члена Петроградского исполкома еврея Доброницкого, кажется, присяжного поверенного, за оскорбление офицеров. По этому поводу Родзянко сделал общий выговор. Второе столкновение произошло у меня с Петром Акимовичем Пальчинским, товарищем министра торговли и промышленности. В одном из заседаний он бросил общие фразы о старом произволе и т. п. То, что я мог простить толпе, я не мог простить интеллигенту (в этом заседании я только присутствовал, но не участвовал) и набросился на Пальчинского с кулаками. Тут я, конечно, понял, что мои нервы не годятся, взял отпуск на месяц и уехал в Симбирск.

В то время, когда я уезжал в Симбирск, у барона Остен-Сакена Владимира Федоровича жил генерал-майор Иван Иванович Федоров. Он был Главноначальствующий порта и полосы порта в Архангельске. В то время как большинство деятелей занималось в Петрограде болтовней и пустыми разговорами, Федоров делал дело. Он создавал общество: военную лигу (по образцу германских военных лиг), лозунгом которой было: „Мощь России – боеспособная армия". Я сочувствовал этой идее и, уезжая в Симбирск, взял с собой литературу по указанному вопросу, думая создать ячейку и в Симбирске. Но здесь я убедился, что провинция отстала от столицы и не сделал ничего. Я передал литературу какому-то полковнику, воспитателю в Симбирске кадетского корпуса, а сам возвратился в Петроград.

Это было незадолго до Корниловского выступления, когда Дума еще не была распущена[2]. Зашел я туда – там никого и ничего. Между тем дело лиги разрасталось. Небольшая ячейка уже вылилась в крупную организацию и имела до тысячи членов[3]. Я принял участие в работе лиги. Скоро главный совет, с членами которого я соприкасался, пришел к выводу, что боевая мощь не может существовать без политической почвы, что одними разговорами ничего не сделать. Пришли к выводу о необходимости диктатуры. По этому вопросу у лиги была связь с Корниловым. С большим трудом Керенский разрешил формирование ударного батальона, которому мы хотели придать несколько танков. Я был тогда в Псковской губернии около имения Алексея Николаевича Куропаткина[4] – Шешурино и делал приготовления для размещения батальона.

После этого, вместе с сыном Куропаткина Алексеем (он был секретарем лиги), мы отправились в Петроград для доклада совету. Однако помещение лиги мы нашли опечатанным, а Федоров, капитан Маливанов и некоторые другие члены лиги находились в тюрьме. Разгоном и арестом своих членов лига была обязана Керенскому. Мы узнали с Куропаткиным, что ищут и нас. Как раз в это время шло наступление Корнилова. Мы скрылись в Шешурино, где и просидели все дни этого наступления. Возвратились затем в Петроград мы, думая сделать что-нибудь для лиги, но делать ничего было нельзя. Этот период времени продолжался до 22 сентября.

За роспуском Думы был распущен и я. Я съездил в полк (он стоял тогда в Стрельне и командовал им какой-то „товарищ"), получил жалованье. Делать абсолютно было нечего. Не желая идти в полк, я обратился к товарищу военного министра князю Туманову (он хотя и занимал эту должность при Керенском, но в душе был сторонником Корнилова) и просил его сделать для меня что-либо, чтобы не

идти в полк. Я получил назначение в комиссию по приимке особо важных заказов для обороны государства на должность помощника начальника отдела Дальнего Востока и надлежащее удостоверение об этом за подписью капитана Ястржембец-Козловского. Однако из этого назначения ничего не вышло.

22 сентября я женился на Марии Григорьевне Распутиной, дочери Григория Ефимовича Распутина. После свадьбы мы отправились в свадебное путешествие, были в Покровском[5], в Симбирске и возвратились в Петроград уже после большевитского переворота.

Не желая служить у большевиков, я указанного назначения не принял. Явился я в то время к генералу Маниковскому. Он как-то незадолго до этого был посажен большевиками под стражу, но затем освобожден и назначен военным министром[6]. Я пытался выяснить у него положение, что делать дальше. Маниковский мне ответил: „Я хочу у Вас спросить, что делать. Вам, может быть, известно, что я только вчера из Петропавловки выпущен. Возможно, что и опять ее не миную. Оставьте пока все. Сейчас мы все разбиты. Время покажет, что надо делать". Я пошел домой, снял с себя военную форму, спрятал ее в сундук и стал ждать. Это был конец моей военной карьеры.

После большевитского переворота я решил заняться своими личными делами, так как в это время я был уже не один, был женат. Работая в лиге, я в то же время много уделял внимания организации дела по изготовлению на одном из заводов некоего Кушелева авто- и тюрбо-насосов. В это дело вошли тогда Кушелев Владимир Лукич, Алексей Алексеевич Куропаткин, я и петроградский техник Василий Андреевич или Андрей Васильевич Попов. Ему принадлежало изобретение в этом деле, которое мы хотели эксплуатировать. Этой работой я тогда и занимался, проживая до января месяца 1918 года в Петрограде.

К этому времени семья Государя Императора содержалась в Тобольске. Большевитские события сильно затронули всех нас: буржуазию, интеллигенцию. Мы опасались, что семья Государя, может быть, нуждается, что ей, быть может, живется хуже нас. Изредка приходили письма. Жена Воейкова[7] (я не знаком с ней) получала письма, кажется, от Государыни (об этом знает моя жена Марья Григорьевна). Письма, очевидно, проходили через цензуру и были общего характера: конкретных указаний на что-либо в них не было, а можно было лишь догадываться, что Августейшей семье живется плохо, что они терпят нужду. Анна Александровна Танеева[8] получала с оказией письма (не знаю, через кого). Письма к ней были от Государыни и великих княжен. Характер их был общий: повествования о Тобольске, о природе его, о времяпрепровождении. Судьбой их интересовались мы все и хотели помочь, но беда была в том, что деньги были на текущих счетах, а получить их было трудно. Все разговоры на эту тему до января месяца так и оставались разговорами.

Я лично стал испытывать к этому времени затруднения в материальном отношении и, чтобы их поправить, я поступил на службу к банкиру, некоему Ярошинскому Карлу Иосифовичу[9]. В свое время он был владельцем почти пяти банков: Сибирского, Русско-Торгово-Промышленного, Петроградского Международного (не знаю всех банков). У него 60% акций было сосредоточено в руках. Ярошинский Августейшую семью знал лично: он содержал на свои средства лазареты в Царском. С ним начались переговоры. В этом принимали участие: Анна Александровна Танеева, член Государственной Думы Лошкарев и я. Не знаю, чем объяснить факт, что Ярошинский пошел на это с большой неохотой. Тем не менее 25.000 рублей он дал, чтобы они, в случае надобности, пошли Августейшей семье. Деньги эти он дал Анне Александровне Танеевой, а она мне. Ехать в Тобольск решился я.

7 января (по старому стилю) я выехал из Петрограда. Ехал я туда по маршруту: Петроград – Званка – Вятка – Пермь – Екатеринбург – Тюмень. Я вез с собой деньги и чемодан с вещами для них: шоколад, духи, белье, вообще подарки от всех наших, знавших Августейшую семью. Кроме того, у меня было три пакета с письмами, полученные мною от Танеевой. Письма были от разных лиц: от Танеевой, от Воейковых. Одно письмо было от Танеевой на имя Анны Павловны Рома-

новой[10]. В Тюмени я сошел с поезда и дальше поехал лошадьми. В Покровском я переночевал ночь и на следующий день отправился в Тобольск. Там я остановился на постоялом дворе у ямщиков, которые меня и везли.

Пошел я на поиски Романовой. Нашел ее, сказал, кто я такой, передал ей письмо от Танеевой и объяснил цель своего приезда. Это было вечером. На следующий день утром Романова деньги и вещи передала постепенно Волкову[11], а он доставил их Августейшей семье. В этот же день Государыня прислала через Волкова записку Романовой, в которой Ее Величество сообщала, что деньги и часть вещей, которые к тому времени удалось доставить Романовой и Волкову, они получили, что вся семья хотела бы меня видеть и что Государыня просит меня зайти к священнику Васильеву[12] и познакомиться с ним, потому что, как Ее Величество писала, это человек свой и многое может рассказать.

В этот же вечер я был у Васильева. О. Алексей Васильев принял меня хорошо, любезно, но с большой осторожностью. Затем узнав, что меня к нему направила Императрица, и осведомившись о цели моего пребывания, он, в свою очередь, информировал меня о положении Августейшей семьи в Тобольске. Я его спросил, как живется Августейшей семье, как относится к ней население, не терпит ли она недостатков в чем, надежна ли охрана. О. Алексей ответил мне, что население относится к Августейшей семье весьма благожелательно, что большинство охраны – люди, если и не преданные, то, во всяком случае, надежные, что в материальном отношении Их Величества терпят крайний недостаток, и дело будто бы дошло до того, что город ссудил Государю Императору 17000 рублей.

Расспрашивал я его, оказывается ли помощь Государю со стороны. О. Алексей ответил, что за все время приезжали два офицера, по фамилии оба, кажется, Раевские, но они вели себя вызывающе: кутили, швыряли деньгами и были, в конце концов, высланы. Кроме них, приезжал еще какой-то вице-губернатор. Фамилии его о. Алексей не называл, но говорил, что он приезжал из Москвы. Вообще же он мне сказал, что больше никто не приезжал, и категорически мне заявил, что никто, минуя его, не мог бы попасть к Августейшей семье, что он об этом обязательно бы знал. В дальнейшем разговоре он рассказал мне, что у него налаживается, в составе охраны и вне ее, организация для охраны неприкосновенности Августейшей семьи и, в крайнем случае, увоза ее, что остановка у него исключительно за средствами. Место увоза мне /? вероятнее: „не"/ указывалось, как я понял, оно было еще в проекте. Получив эти сведения, я от о. Алексея ушел и больше с ним не виделся. Ему я обещал стараться снабдить его средствами.

На другой день, в 12 часов дня, я видел Августейшую семью. Так как я до этого времени не представлялся ей, то я прошел мимо окон дома с Романовой. В окнах дома стояли все Августейшие особы. В крайнем окне был Государь Император. Я обменялся с ними знаками приветствия.

В тот же день я получил через Романову письма от Августейшей семьи, кроме Государя Императора (он, кажется, сам никому не писал из Тобольска), к Воейковым и Танеевым. Государыня прислала мне иконку с собственноручной надписью: „Да благословит Вас Господь за добро... благодарные" и дата. Затем мне Романова передала маленький образок Божией Матери для Танеевой без надписи и связанные Государыней чулки для меня, сколотые французской булавкой, с маленьким образом Иоанна Митрополита. Получил я вещи часа в три дня, отслужил молебен у святого Иоанна и отправился обратно. Около суток я пробыл в Покровском. 7 февраля я вернулся в Петроград.

Все наши близкие были рады, что я привез письма от них. Я рассказал, в каком положении находятся Их Величества. Все это, конечно, всех тронуло. Строились предположения и планы, как им помочь, как увезти оттуда, но для всего этого нужны были деньги и деньги, и большие, а денег не было. Тогда Танеева вновь обратилась к Ярошинскому. Он неохотно обещал и стал тянуть: нынче за завтра и, наконец, заявил, что у него денег в настоящее время нет. В серьезной помощи он, во всяком случае, отказал. Денег найти мы не могли. Танеевы, видимо, не богатые люди. Мои средства все были затрачены в предприятия, которые тогда доходов,

конечно, не давали. В конце концов, дал Ярошинский 10 000 рублей. В тех письмах, которые я привез из Тобольска, указывалось, в чем нуждается Августейшая семья: белье, всевозможные мелочи. На деньги Ярошинского (я хорошо не помню, какую именно сумму он дал) и были куплены эти вещи. Кроме того, Танеевы затратили на покупку этих вещей своих, кажется, 4–5 тысяч. Я получил жалованье от Ярошинского 3000 за месяц и аванс в 5000 рублей. Всего у меня было своих денег тысяч 10–12. С этими деньгами и с вещами в чемодане я и выехал из Петрограда. Был у меня еще один пакет с письмами, полученный мною от Танеевой, но от кого именно были письма, я не знаю. Письма предназначались для Августейшей семьи.

Надо Вам сказать, что, уезжая из Тобольска, я получил от о. Васильева письмо к его сыну Георгию. Георгий – студент Духовной академии в Петрограде, служил в то же время в Министерстве путей сообщения. Про письмо, данное мне, я забыл. О. Васильев, между тем, писал сыну по почте и известил, вероятно, его о письме, которое он дал мне. Георгий и пришел ко мне. Поговорив с ним, мы решили ехать в Тобольск с ним вместе. Он достал для себя документы от комиссара путей сообщения Невского[13]. Добыл он и для меня удостоверение, в коем я значился Станиславом Владиславовичем Корженевским. Благодаря этим документам, мы благополучно добрались до Тюмени. В Покровском мы пробыли сутки и поехали в Тобольск. Там я остановился у о. Васильева. Вещи же и деньги в сумме 10 тысяч рублей (мои собственные деньги) я передал тем же порядком, как и в первый раз.

О. Алексей принял меня радушно. Он мне сказал, что у него почти все приготовлено, что у него везде свои люди: в охране среди солдат, и на телеграфе, и в наружной милиции, и среди сыскной полиции, что дело, чтобы увезти Августейшую семью, останавливается только за деньгами. Так как он сказал мне, что он тратит свои деньги, я дал ему, сколько мог: тысячу рублей.

На другой день я имел свидание с владыкой Гермогеном[14]. Мы виделись с ним у него в митрополичьем доме. Владыка меня хорошо принял. Посидели мы с ним, поплакали вместе, причем старик противился увозу, находя это неосторожным. Причин согласиться с ним было много: и денег не было, и доводы его были убедительны. Скверно подействует увоз Царя за границу: Царь бросил свой народ. Гермоген собирался в то время организовать братство увечных воинов, вернувшихся с фронта, чтобы в нужный момент воспользоваться ими, т. е. в интересах благополучия Августейшей семьи. Я ему обещал материальную поддержку в этом деле.

Я хотел уезжать опять в Петроград, чтобы так или иначе достать денег. Но о. Васильев стал уговаривать меня не ездить, а послать в Петроград за деньгами его сына Георгия. Я поддался его уговорам, так как утомление от этих дальних и неудобных по тому времени разъездов /так!/.

Проживал я у о. Васильева без прописки. Однажды пришел в мою комнату о. Алексей и сказал мне, что какой-то товарищ прокурора сейчас предупредил его, что большевики хотят меня арестовать и что они знают, кто в действительности я, т. е. что я Соловьев, а не Корженевский. Я хотел дать свой паспорт для прописки, но паспорта моего, бывшего в моем бумажнике, не оказалось. Оставалось одно – садиться и ехать, что мы и сделали вместе с Георгием. Приехали мы в Покровское, где я остался, а Георгий поехал дальше. В Покровском я написал для Георгия доверительное письмо к Танеевой и передал ему письма от Августейшей семьи для доставления их Танеевой. В силу переговоров с о. Алексеем я писал Танеевой, что если не удастся достать денег в Петрограде, то надо стараться добыть их в Москве у митрополита Макария[15], Патриарха Тихона[16]. Указывал я также Восторгова[17].

Прожил я с неделю в Покровском, как вдруг приезжает из Тюмени банда красноармейцев, окружает наш дом, производит у нас обыск и арестовывает меня. Это было 26–27 марта. Повезли меня в Тюмень, кратко там допросили и сразу не посадили, а оставили под надзором. Я поселился в доме Елизаветы Егоровны

Стряпчевой. В штабе красной гвардии, куда меня сначала привезли, у меня отобрали 2000 рублей денег, выдав в том расписку. До 4 апреля я был полусвободным гражданином. В этот промежуток времени я встретил в Тюмени корнета Крымского Ее Величества полка Маркова, а через некоторое время штаб-ротмистра того же полка Седова[18]. Марков был участником организации Маркова-Второго[19], пасынок Думбадзе. Он был прислан из Юго-Западного края в Петроград для связи с нашей организацией, но своей фамилией он там всех напугал и его сочли нужным сплавить ко мне в Тюмень.

Встретились мы здесь в одной парикмахерской, перемигнулись и вышли: сначала я, потом он. Он следил за мной и нашел таким образом мою квартиру. Он мне сказал, что он разыскивает меня, приехал в Покровское после моего ареста и поехал за мной в Тюмень. Надо было легализироваться. Он решил поступить в красную гвардию и предложил свои услуги формировать эскадрон драгун, предполагая набрать в /него/ нужных людей, тем более что организация Маркова-Второго и связанная с ней обещали прислать людей.

С Седовым меня познакомил Марков. Кажется, они оба пришли ко мне. Седов приехал по делам тоже какой-то организации, но какой именно, мне так и не удалось его выспросить. Денег у него было 3–4 тысячи. Он просил меня указать ему способ видеть Августейшую семью. После моего ареста там была, конечно, большая паника, не откроется ли все. Беспокоясь, как бы новая неудача не испортила вконец дела, я упрашивал Седова отложить поездку в Тобольск, указывая, что нужную помощь он может оказать и здесь. Он меня послушался и задержался на некоторое время в Тюмени, поступив дворником к домовладельцу Кац.

Уезжая из Тобольска, я оставил о. Алексею, кроме указанных денег, еще тысячи три – на организацию дела спасения Августейшей семьи. В Покровском и в Тюмени я воспользовался еще деньгами Дмитрия Распутина. После смерти Григория Ефимовича в тюменском отделении Государственного банка оказались деньги, положенные покойным на имя Дмитрия. Они были в билетах займов. Билеты были проданы и деньги были положены на текущий счет Дмитрия. Он эти деньги перевел на мое имя. Их всего было, по продаже билетов, на сумму 39 600 рублей. Эти деньги он ссудил мне в долг. Из этих денег я чеком перевел епископу Гермогену 11 000 рублей, из коих одна тысяча предназначалась для организации Гермогена, а 10 000 для Их Величеств. (Впоследствии, после свержения большевиков, я наводил справки и узнал, что эти деньги были получены и переданы по принадлежности.) Я испытывал в это время нужду: около меня были Марков, Седов, нужно было платить Стряпчевой. Занял я 2 000 у Седова.

В первых числах апреля вдруг я был посажен в тюрьму, где и отсидел 17 суток. Еще когда я только был арестован в Покровском, я дал об этом телеграмму Марии Григорьевне. Когда она там заявила об этом – эффект был поразительный. Ей посоветовали ехать. Она приехала ко мне за день до моего отправления в тюрьму.

Как-то в это время был арестован владыка Гермоген[20]. Был он арестован евреями и латышами. Ему вменялась в вину контрреволюционность его поведения, что усматривалось из его проповедей. Увезли его в Екатеринбург. Туда отправилась депутация из двоих лиц: одного священника и какого-то присяжного поверенного. Арестовали и депутацию. Перед падением Омска их троих привезли в Тюмень и таскали со штабом красной армии по Туре.

Седов поехал в Тобольск. Дорогой он встретил Государя, Государыню и Марию Николаевну. Как он потом мне рассказывал, он их встретил, не доезжая Покровского. В Тобольске он был у о. Васильева, видел их высочества и возвратился в Тюмень, предполагая ехать в Екатеринбург, как и Марков.

Марии Григорьевне удалось дать взятку какому-то секретарю у большевиков в 2000 рублей и меня освободили. Тут я узнал, что Георгий Васильев проехал в Тобольск, не заехав ко мне. Узнал я об этом тогда таким образом. К Стряпчевым забежала двоюродная сестра жены Нюра Распутина, возвращавшаяся с Васильевым одновременно из Петрограда, и сказала о проезде через Ялотуровск Ва-

сильева. При этом она говорила, что, наверно, Васильев везет деньги, но не в мое распоряжение, так как я арестован, что имеются деньги и для моего освобождения. Я был крайне удивлен поведением Васильева и объяснил его тогда боязнью ареста.

9 мая мне удалось добыть пропуск для выезда из Тюмени. Пропуск тогда был нужен, так как пал Омск и образовался фронт. У большевиков был крайний переполох, отправлялись пополнения к Омску. Я пришел в штаб, сам написал себе пропуск, какой-то товарищ его подмахнул, приложив печать. Когда мы с женой садились на пароход, к пристани подошел какой-то большой пароход, на котором, однако, публики не было. Тут же был подан поезд. Жена пошла брать билеты и, находясь у кассы, видела их высочества. Наследник был сильно изнурен, как она говорила: у него перед этим было воспаление легких[21]. Я предположил, что их везут в Екатеринбург, что и случилось. Поехали мы в Покровское. Было тревожно. Приходилось скрываться и ночевать то в поле, то в разных избушках. 12 июня ночью меня разбудили: 18 пароходов с красными подошли к Покровскому. Я надел армяк и укрылся у крестьянина Василия Куропаткина. Просидел я у него 17 суток. Надоело сидеть. Запрягли лошадь, сели на воз и поехали. Отъехали верст 18, встретили войска Сибирского правительства. Я присоединился к ним. В числе 16 человек повели мы наступление на Покровское. Оно было уже оставлено красными, и мы беспрепятственно его заняли. Приехала из д. Космакова жена.

Доехали мы до д. Бачилина, где был штаб отряда Казагранди. Он нас с миром отпустил в Омск. Остановились мы в Тобольске. В эту остановку я повидался с о. Васильевым. Остановился я в квартире ямщиков. Георгий Васильев сообщил мне, что был он в Петрограде, всех обворожил и сам всеми обворожен, был в Москве, виделся со „святыми отцами", ругали они меня. К Тихону его не допустили, денег почти не достал, а какие достал, то они все переданы Их Величествам. Для меня же денег не прислали. Все это, им мне любезно переданное, заставило меня подозрительно отнестись к Васильевым. Вижу – и в материальном отношении у них наступило значительное улучшение: появились корова, рояль, электрическое освещение, хорошая арматура.

В разговоре со мной о. Алексей сообщил мне, что в ночь увоза из Тобольска Государя, Государыни и Марии Николаевны к нему приходили солдаты охраны и говорили ему: „Берите". Я спросил его: „Почему же Вы не взяли?" Он ответил мне на это, что он не мог этого сделать, ввиду отсутствия к тому технических средств: куда везти, как. Трудно было, будто бы, это сделать. Со слов Васильева выходило так, что Яковлев[22] фактически „купил" Августейших особ. У него было много денег, и он раздал их охране. О. Алексей показывал мне „приказ" по отряду, где на приход была записана крупная денежная сумма, снесенная в расход „за ревностную службу". Выдавалось, кажется (кроме жалованья), по 1000 рублей солдату и по 3000 офицеру. Между прочим, Васильев и Романова говорили мне, что перед отъездом из Тобольска Государь и Государыня передали в Ивановский монастырь 50 000 рублей и полковнику Кобылинскому такую же сумму, оставляя эти деньги, видимо, для себя. Говорила еще Романова про какие-то вещи, оставленные будто бы о. Васильеву и Боткиным.

На мои расспросы, при каких обстоятельствах увезли из Тобольска Наследника и великих княжен, он ответил, что их отъезд можно было бы на некоторое время задержать, и он обращался по этому вопросу с телеграфным запросом к о. Восторгову, но получил от него приблизительно такой ответ: „Можете отпустить. Все сделано". Расспрашивая Васильевых, что же именно было сделано в Москве, я попросил представить мне отчет. Получил я ответ, что отчетами они мне не обязаны, что у меня вообще друзей нет: отвернулись от меня. Впоследствии Варя рассказывала, что Георгий Васильев старался много „наболтать" про меня в Петрограде и в Москве, имел, видимо, успех, перебирая грехи наших дедов и отцов. Он говорил, что он был в Москве у Макария и Восторгова, что получил деньги, не называя, кажется, суммы, и предположительно высказывал, что эти лица сами или через других по поводу увоза Августейшей семьи, в целях ее спасения, имели сношения с „Совнаркомом".

Заинтригованный объяснениями Васильевых и, в частности, относительно денежной стороны дела, я решился все это проверить и пошел к начальнику сыскной полиции Ионе Андреевичу Петухину. Я поблагодарил, прежде всего, Петухина за хорошее его отношение к Августейшей семье: смотрел сквозь пальцы на многое, имея возможность по своему служебному положению мало ли к чему придраться и упомянул ему о получении им от меня через о. Васильева 2000 рублей. Эти деньги, как я помню, я передал о. Васильеву, когда он указывал мне, что у Петухина по случаю родин-крестин, вообще чего-то семейного, была нужда. Петухин мне ответил, что нужда была, что денег он у Васильева просил, но их не получил. Когда же я сказал ему, что о. Васильев утверждает обратное, он разозлился и рассказал мне про о. Васильева следующее.

О. Васильев давно служит в Тобольске. Лет, приблизительно, 18 тому назад он убил псаломщика своей церкви, но, благодаря своим связям, отделался пустяками: покаянием, кажется. В 1905 году он был с.-р. и был один из передовых батюшек. Когда же движение было подавлено, он перекрасился. Личную аттестацию Петухин ему дал таковую: пьяница, каторжник, развратник. Твердое убеждение Петухина было то, что Васильев получал крупные суммы от разных организаций на дело спасения и увоза Августейшей семьи и клал себе их в карман. По словам Петухина, о. Алексей в пьяном виде говорил ему, как близкому человеку (они кумовья), что, вот-де, скоро большевиков не будет, будет опять царь и тогда он получит место духовника царя, а его сын Георгий будет к царю самый близкий человек. Говорил, что страшно мешал ему я и вообще все, кто приезжал, но он сумел с нами устроиться: Раевские, благодаря ему, были высланы, а меня он просто обманул: украл у меня паспорт и солгал, что меня хотят арестовать. Предположительно Петухин говорил мне, что у о. Васильева должны храниться большие ценности. Он также говорил мне, что после моего отъезда он был у Гермогена (о. Васильев) и настроил его против меня. Впоследствии, по словам Петухина, о. Васильев сыграл косвенно нехорошую роль и в отношении Гермогена. Он первое время скрывался у о. Васильева, когда его стали искать большевики, но /о. Васильев/ выпустил его впоследствии, и он был арестован. Вообще же Петухин говорил мне, что все, сказанное им мне про о. Васильева, есть только часть того богатого материала, который им собран в отношении его уголовного характера.

Я понял после разговора с Петухиным, что о. Васильев был несомненно причиной и моего ареста.

Дальнейший допрос был отложен до утра 30 декабря[23].

Б. Соловьев.
Судебный следователь Н. Соколов.

275

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 31 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 722 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Борис Николаевич Соловьев – сведения о личности смотреть л. д. том 8.

/.../

Сережу Маркова я впервые узнал в Петрограде. Ему лет 19, высокий, блондин, довольно широкий, скорее полный, растительности никакой не имел, особых примет – также. Познакомился я с ним между первой и второй поездками в Тобольск у Анны Александровны Танеевой. Он мне тогда же сказал, что он прислан

от организации Маркова-Второго, очень сильной людьми и средствами, а находится эта организация где-то в одной из юго-западных губерний[24]. Танеева боялась иметь с ним общение, так как она сама только что освободилась от преследований. Поэтому она и сплавила его из Петрограда вслед за мной. За что, собственно, его арестовали, я не могу сказать. Он формировал в Тюмени эскадрон, как я уже говорил. Между тем, в тюменском исполкоме обвиняли военный комиссариат, то есть офицерскую, конечно, среду в контрреволюционности. Вот на этой почве и произошел его арест. Поводом же для этого было то, что Маркова видели вместе со мной, а я был под надзором. Арестовали нас в один и тот же день, а выпустили его позднее меня. Суда же нам никакого не было: все ждали тогда большевики какую-то комиссию из Омска.

Я знаю, что Марков после его освобождения хотел ехать вслед за Августейшей семьей в Екатеринбург. Им руководило чувство любви к Августейшей семье, как и мною. Он хотел как-либо иметь общение с нею. Удалось это сделать ему или нет – я не знаю.

С Седовым я познакомился в Тюмени после моего освобождения из тюрьмы[25]. Где и при каких обстоятельствах я познакомился с ним, я хорошо не помню. Кажется, его привел ко мне на квартиру Стряпчевой Марков. Я вовсе не запрещал Седову ездить в Тобольск. Как же я мог это сделать? Угроз ему я никаких не делал. Не требовал я, чтобы он слушался меня, угрожая ему чем-либо. Просто я не доверял ему, как „мальчишке" и опасался, что после моего ареста он может попасться, а это может повлечь за собой неприятные последствия для Августейшей семьи. Нуждаясь крайне в деньгах, я взял у него 2000 рублей. Впоследствии, когда я ему стал их отдавать, он не брал. В общем, у него, вероятно, явилось чувство обиды ко мне за все, о чем я Вам сейчас сказал. Кроме того, он какой-то странный. Временами мне казалось, что в нем проглядывает что-то ненормальное. Никаких двоих офицеров и дамы, которые бы были кем-либо выданы в Тюмени большевикам я не знал и ничего об этом не слышал. Поэтому я и не мог ничего подобного говорить Седову. В Тобольске он жил у Мельника[26], женившегося на дочери лейб-медика Боткина Татьяне и проживавшего в Тобольске. Романова мне говорила, что вряд ли брак Мельника основывается на чувстве любви его к Татьяне Боткиной. По ее словам, Мельником руководило чувство расчета. Зная, что Государь любил Боткина, я, конечно, в силу этого питал добрые чувства к семье Боткина и, не зная о сути отношений Седова к Мельнику (они, оказывается, в хороших отношениях), сказал о том, что я слышал от Романовой про Мельника Седову. Тот несомненно передал мои слова ему. В результате – вражда их обоих ко мне.

Ярошинского я лично не знал раньше[27]. Я только слышал о нем. Он – русский подданный, типичный поляк, очень богатый человек, владелец крупных сахарных заводов в юго-западном крае, полученных им по наследству от отца. Он был известен Августейшей семье, так как он содержал на свои средства лазареты в Царском. Я с ним познакомился только в 1917 году, как я уже Вам и объяснял. Его довольно безразличное отношение к Августейшей семье я объясняю моментом времени: тогда ведь было время „самоопределения". Поступил я к нему в секретари из чисто личных побуждений. Не находя возможным служить при большевиках, я решил заниматься чисто личными делами. Я и думал тогда поближе познакомиться с банковскими кругами для будущего. Должен я был получать у него 3000 рублей в месяц. Моя первая поездка в Тобольск и была первым поручением, которое было возложено на меня Ярошинским. Никакой, таким образом, организации у нас не было. Была просто группа лиц, в которую входили: я, Танеева и Лошкарев.

В первую поездку у нас не было никаких определенных целей в отношении Августейшей семьи. Просто мы хотели помочь ей чем-либо. По возвращении из Тобольска мы думали уже: нельзя ли ее увезти, чтобы спасти ее, так как положение ее было плохое. Она страшно нуждалась.

/.../

Б. Соловьев.
Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1920 года, января 21 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Иван Матвеевич Сретенский, 49 лет, личный дворянин, проживаю сейчас временно в г. Чите, по случаю захвата большевиками территории Урала, где я служил в момент февральского переворота уездным исправником (в последнее время в Пермском уезде), православный, не судился[1].

Работая по Вашим поручениям по настоящему делу, я агентурным путем получил сведения, что в дни убийства Царской семьи из комиссариата снабжения отправлялись к Ипатьевскому дому и к лесу за Верх-Исетский завод какие-то предметы. Работая в этом направлении, я установил дознанием следующее[2].

Комиссариат снабжения помещался у большевиков (летом 1918 года) в доме главного начальника Уральских горных заводов на Гимназическо-Набережной улице. Главным комиссаром снабжения был большевик Войков[3], его товарищем был Быков. Секретарем Войкова был некто Свирчин, а секретарем Быкова[4] – Зимин. Расспрашивая по делу швейцара дома главного начальника Михаила Григорьева Злоказова, служившего при этом доме многие годы, я узнал от него, что незадолго до оставления Екатеринбурга большевиками, часов в 9 вечера, вышел он во двор и увидел там названного выше Зимина. Тут же было два экипажа, запряженные один в одну лошадь, а два /так!/ – парой. И экипажи эти и лошади принадлежали дому главного начальника. Около них возился Зимин. Увидев Злоказова, Зимин попросил его переставить с экипажа, запряженного в одну лошадь на двуконный экипаж какой-то ящик. Злоказов указал его, приблизительно, размеры: длина и ширина ящика была вершков 7 или 8, а высота около 3/4 аршина. Ящик был забит. Когда Злоказов стал брать ящик и немного наклонил его на себя, из него полилась кислота. Она тут же сожгла материю на его штанах. Увидев это, Зимин и сам сказал Злоказову, что в ящике – кислота и что ему надо помочить штаны водой, чтобы кислота не сожгла его тела.

В этот момент вышел из дома Войков, позвал, видимо, зачем-то Злоказова в дом, а сам пошел к Зимину. Дальнейшей судьбы этого ящика сам Злоказов не видел, но он припомнил, что у него по этому случаю был разговор с кучером при доме Волковым и дворником Черных. Волков говорил Злоказову, что он, очевидно, по приказанию кого-либо из комиссаров или секретарей, отвез ящик на двуконном экипаже в аптекарский магазин на Златоустовской улице, под названием „Русское Общество". Впрочем, он говорил, что этот ящик Волков отвозил вместе с Зиминым. Черных же, по словам Злоказова, говорил ему, что он ночью позднее Волкова ездил в простой телеге в этот самый аптекарский магазин, брал там какие-то ящики и куда-то возил их, проездив с ними довольно долго. Вот к чему сводились сведения, сообщенные мне Злоказовым. Еще он мне сказал, что садовник Полков, также живший при доме, выдавал Войкову три лопаты и их также куда-то увозили.

После этого я отыскал садовника Полкова и кучера Волкова и расспросил их.

Показание Волкова особенно ценно в том отношении, что он точно определил день, когда проделывались все эти манипуляции с кислотой. Это было в среду и безусловно 17 июля, как Вы увидите потом сами. Волков припомнил, что в этот именно день вечером он отвозил с Зиминым ящик с кислотой (именно этот самый

ящик, про который говорил Злоказов) в Русское Общество на двуконном экипаже. Подъехав к дому, Зимин позвонил. Дверь открыла какая-то девушка. Зимин ей что-то сказал. Она ушла, закрыв дверь. Спустя некоторое время, открылись ворота. Волков, вероятно, еще с кем-либо из лиц, служивших в этом обществе, а может быть, и один, составили с экипажа ящик на тротуар около ворот и уехали домой.

Впоследствии я сам лично был в этом обществе и смотрел самый склад: для того, чтобы доставить туда ящик, нужно было непременно нести его через ворота, а не через парадное крыльцо, через которое нет сообщения со складом с улицы.

Больше никуда в эту ночь Волков не ездил. Он не мог мне сообщить, ездил ли куда в эту ночь дворник Черных: он не знал этого.

На другой день, т. е. в четверг, он ездил днем с Войковым по городу и, вернувшись домой часа в 3–4 дня, увидел, что их одноконный рессорный экипаж стоит весь в грязи, в глине преимущественно, и одно его крыло помято. Спустя с час после этого какой-то пленный „австриец" (я точно воспроизвожу его слова) принес три лопаты. Они, как и рессорный экипаж, были запачканы глиной. У Волкова был по этому случаю разговор с садовником Полковым и последний, по словам Волкова, сказал ему, что лопаты куда-то увозились в среду в этом самом рессорном экипаже. На другой день, т. е. в пятницу утром, он подал лошадь для Зимина, и, когда тот садился в экипаж, Волков сказал ему про испорченный экипаж, выразившись приблизительно так: „Какой-то черт ездил куда-то в экипаже, колесо смял, экипаж весь в грязи". На это Зимин, по словам Волкова, сказал ему: „Ездили публику на тот свет отправлять". В ночь на субботу Войков и другие большевики покинули Екатеринбург.

Таким образом, показанием Волкова момент времени удалось установить точно: большевики тогда действительно начали бежать с 20 июля, а 25 Екатеринбург был уже взят чехами. Не следует удивляться тому, что кучер Волков не знал, ездил ли куда в телеге дворник Черных и кто и когда отвозил лопаты: двор там при доме большой, хозяйство разбросано, и при той безалаберщине, какая царила тогда у большевиков, он действительно мог этого не знать.

Садовник Полков показал мне при допросе, что в эти же дни, т. е. за несколько дней до бегства большевиков из Екатеринбурга, его позвал Войков и секретно спросил (т. е. спросил его так, что на Полкова его вопрос произвел характер именно секрета), есть ли у них и сколько лопат. Полков сказал, что найдется лопаты три. Лопаты Полков приготовил. Это были, по его словам, обыкновенные железные садовые лопаты. Войков дал ему новую рогожу и велел завернуть их в рогожу.

Около полночи Войков же сам приказал кому-то запрячь надежную лошадь в экипаж „покрепче", объяснив при этом, что „придется, быть может, ездить всю ночь". Эти слова Войкова Полков категорически удостоверил. Скоро приехал к дому какой-то мужчина, довольно полный, с черной бородкой, в непромокаемой желтой накидке. Он приехал верхом на лошади. Личности этого человека Полков не знал, а я сам не выяснял, знает ли он Юровского. Этот человек сел в приготовленный рессорный экипаж и куда-то уехал, захватив с собой лопаты. На его же лошади сел и сын Полкова Павел, мальчик лет 13. Они подъехали к дому Ипатьева, откуда вышли еще двое каких-то мужчин. Они сели также в экипаж к неизвестному и втроем поехали по направлению к Главному проспекту (т. е. как раз в ту именно сторону, где надо ехать по направлению к Верх-Исетскому заводу). У Павла же верховую лошадь взял какой-то охранник при доме Ипатьева, а сам он пришел домой.

После этого я допросил мальчика Павла. Он удостоверил, что с Зиминым за ящиком с кислотой ездил именно он за кучера и ящик они привезли в дом главного начальника. Здесь ящик швейцар Злоказов (у меня в дознании ошибочно указан кучер) стал снимать с экипажа и ожег себе штаны. В тот же день на втором иноходце приехал к ним какой-то неизвестный с черной бородкой. Он сел в эки-

паж, запряженный особо для него, и увез с собой лопаты, завернутые в рогожу. Павел же поехал за ним на его верховой лошади. Доехали они так до дома Ипатьева. Здесь в экипаж к неизвестному сели еще двое каких-то мужчин, вышедшие из дома Ипатьева, а на верховую лошадь сел какой-то молодой, по его словам, человек, в военной одежде. Они все поехали по одному направлению: в сторону Главного проспекта[5].

Черных мне допросить не удалось: он ушел с большевиками. Но, пытаясь установить место именно его поездки, я расспрашивал прислугу при том же доме главного начальника Евфимию Ивановну Спасскую, служившую в этом доме при большевиках горничной. Она показала, что дворник Черных незадолго до бегства большевиков из Екатеринбурга возвратился домой поздно ночью, мокрый и грязный. Он ворчал по этому поводу, и она слышала, что он говорил при этом, что он „доехал до леса, а дальше его не пустили".

Получив эти сведения, я отправился в аптекарский магазин „Русское Общество", которым заведывал Максимилиан Данилович Мецнер, и расспросил его. Он мне сказал, что действительно как-то незадолго до бегства большевиков из Екатеринбурга к нему вечером, кажется, прибыл какой-то неизвестный ему господин (очевидно – Зимин) и, предъявив требование комиссара Войкова, в резких и настойчивых выражениях потребовал выдачи ему пяти пудов серной кислоты. Мецнер отпустил ему ящик с серной кислотой, и Зимин расписался на требовании в получении ее. Несколько позднее сам Войков звонил ему по телефону и потребовал, чтобы было приготовлено еще три бетона /бидона?/ с серной кислотой. Мецнер приготовил кислоту. Около полночи на простой телеге к складу приехало несколько человек красноармейцев с винтовками, взяли от него кислоту и увезли в сторону Главного проспекта. Мецнер отыскал и самые требования Войкова на кислоту и выдал мне их[6]. Я Вам их тогда же представил при дознании. Именно они и изображены на предъявленных мне Вами фотографических изображениях (предъявлены эти фотографические изображения).

Сопоставляя, таким образом, показания всех вышеуказанных лиц, я прихожу к следующим выводам. По приказанию Войкова Зимин получил первый ящик с серной кислотой и привез ее в дом главного начальника. Она немного пролилась. К тому времени, вероятно, уже выяснилось, что этого количества кислоты мало, какое привез Зимин. Так как остальное количество все равно нужно было брать из склада, то туда и был доставлен первый ящик с кислотой, может быть, там более прочно упакованный, а может быть, смененный: сам Мецнер об этом не мог дать сведений, чему также не следует удивляться, так как склад самый громадный, служащих много, а сам Мецнер мог всех обстоятельств и не знать. В эту же ночь Черных отвез кислоту по направлению к руднику, куда он, конечно, допущен сам не был.

Я сам осматривал кислоту на складе. Она была в японских глиняных кувшинах, а кувшин помещался в ящике. Я категорически удостоверяю, что ящики эти были из красного леса, а не из черного. Они были довольно толстые: толщина стенок была не менее 3/4 вершка: иначе они и не могли быть сделаны, так как кувшин кислоты весил два пуда.

/.../

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Ив. Мат. Сретенский.
Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1920 года, февраля 21 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в городе Харбине, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Граф Борис Михайлович Капнист, 32 лет, поручик кавалерии от штаба Верховного Правителя, состою при французской военной миссии, православный, не судился.

Я был адъютантом военных министров Поливанова, Шуваева, Беляева, Гучкова[7]. После опубликования „Приказа № 1"[8] я уехал из Петрограда в заграничную командировку, получив назначение исполнять обязанности военного агента в Испании. Когда я приехал в Париж, власть перешла к Керенскому. Тогда я не поехал дальше и остался при военном агенте графе Игнатьеве в Париже. Когда власть перешла к большевикам, я получил отпуск на одиннадцать месяцев и находился за границей. В ноябре месяце я добровольно приехал в Омск и получил назначение состоять при французской военной миссии от Штаба Верховного главнокомандующего.

Эвакуируясь из Омска в Иркутск, я обратил внимание на проводника того вагона, в котором я ехал: молодой мальчишка, лет 18, полуразвитой, с социалистическим, видимо, направлением. Я разговорился с ним и узнал, что он был проводником того вагона, в котором при большевиках везли Государя, Государыню и великую княжну Марию Николаевну из Тюмени в Екатеринбург. Узнав об этом, я стал расспрашивать этого проводника (фамилия ему Чех), и он мне рассказал следующее.

Августейшие особы были доставлены в Тюмень 27 апреля 1918 года по новому стилю. Сопровождал их отряд в составе 250 человек кавалеристов, набранных из Уфы или Уфимской губернии. Комиссаром – главным лицом, руководившим этой перевозкой, был Яковлев[9]. В тот же день, 27 апреля, им был подан поезд. Августейшие особы следовали в вагоне 1 класса самаро-златоустовской железной дороги № 42. Из Тюмени поезд пошел на Екатеринбург. Я это категорически удостоверяю. Именно так говорил мне Чех. Но в пути Яковлев осведомился, что через Екатеринбург Государь не проедет: там его задержит совдеп. Каким именно способом осведомился об этом Яковлев, не могу точно сказать. Чех же мне рассказывал, что Яковлев получил по этому поводу телеграмму. Тогда Яковлев, получив эти сведения, повернул назад и поехал на Омск. Но дорогой Яковлев получил сведения, что их не пропустит и Омск. Как говорил мне Чех, на предпоследней станции к Омску – в Куломзине, были стянуты красноармейцы с пулеметами. Тогда Яковлев решил ехать на Екатеринбург и пробиваться через него силой.

Когда они приехали в Екатеринбург, на станции были стянуты красноармейские войска, и Яковлев ничего не мог поделать. Государя, Государыню и Марию Николаевну посадили в автомобиль и увезли в город.

Как рассказывал мне Чех, Яковлев в Екатеринбурге сносился с Москвой и получил приказание оттуда выдать Августейших особ Екатеринбургскому совдепу и препятствия ему не оказывать.

В числе сопровождавших Августейших особ лиц, как говорил Чех, был князь Долгорукий[10]. В числе же солдат, сопровождавших Августейших особ, было 8 человек солдат тобольской охраны. Они все были арестованы в Екатеринбурге за продажу, якобы, ими Долгорукому револьвера системы Нагана.

Государь, по словам Чеха, был одет в шинель солдатского сукна, без погон. Он был спокоен и выходил дорогой гулять с Марией Николаевной. Государыня же была угнетена и все время плакала.

Ввиду тех разговоров, какие ходили среди отряда, Чех определенно говорил, что Государя везли в Москву, чтобы отправить его за границу. Как слух Чех передавал мне, что Яковлев, сдав Августейших особ, сам уехал в Москву и оттуда угрожал Екатеринбургскому совдепу вернуться и взять Государя силой.

По словам Чеха, „так рассказывали солдаты его отряда", Яковлев – флотский офицер. За какое-то политическое преступление он был приговорен к ссылке в каторжные работы, но благодаря хлопотам его брата, занимавшего будто бы большое положение в Петрограде, он получил прощение с разжалованием в рядовые, отдачей под надзор полиции. После этого Яковлев скрылся за границу, где и находился до самой революции, а затем прибыл в Россию. Чех говорил мне, что во всю дорогу Яковлев был очень почтителен к Государю, часто входил в его купе и вел с ним долгие разговоры.

Показания Чеха я тогда же записал. Эту подлинную запись Вам теперь представляю.

/.../

Судебный следователь Н. Соколов.

Приложение

Законодательный материал

СТАТЬИ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ниже приводятся статьи Устава уголовного судопроизводства, упомянутые в материалах следствия. (По изданию: Устав Уголовного Судопроизводства. Составлен членом Харьковской Судебной Палаты М. П. Шрамченко и юрисконсультом Министерства Юстиции В. П. Ширковым. С.-Петербург, 1911).

Следует отметить, что в документах, опубликованных в настоящем издании, порой допускаются ошибки в нумерации статей.

101. Мировой Судья может и по собственному усмотрению предлагать как свидетелям, так и обвинителю и обвиняемому вопросы, необходимые для устранения разноречий и для разъяснения дела.

257. Полиция принимает меры к пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия в следующих случаях:

/.../

2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо;

/.../

258. В тех случаях, когда полициею застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия Судебного Следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет Судебного Следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них, оказался тяжко больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия Следователя. /.../

271. Судебный Следователь может поручать полиции производство дознаний и собрание справок по сделанным им указаниям. /.../

288[1]. Судебные Следователи, назначаемые собственно для производства следствий по важнейшим делам, принимают к своему производству дела по предложениям Прокурора Окружного Суда (ср. Учр. Суд. Уст., ст. 79[1]). Судебные Следователи по особо важным делам приступают к производству предварительных следствий на пространстве округа того суда, при коем состоят, – по предложениям Прокурора сего суда, на пространстве округа Судебной Палаты – по предложениям подлежащего Прокурора Судебной Палаты, и на пространстве всей Империи – по предложениям Министра Юстиции. /.../

292. Когда в случаях, определенных законами, окажется необходимым допросить обвиняемых или свидетелей, или же произвесть иное следственное действие вне участка, где следствие возникло, то исполнение сих действий возлагается на того Следователя, в участке коего они должны быть произведены. В сих случаях показания отбираются по допросным пунктам, сообщенным от Следователя, производящего дело.

297. Законными поводами к начатию предварительного следствия признаются:

1) объявления и жалобы частных лиц;
2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц;
3) явка с повинною;
4) возбуждение дела Прокурором, и
5) возбуждение дела по непосредственному усмотрению Судебного Следователя.

/.../

315. Осмотры и освидетельствования производятся в присутствии понятых или непосредственно Судебным Следователем, или чрез сведущих людей.

316. При осмотре и освидетельствовании дозволяется присутствовать всем участвующим в деле лицам, но Следователь не обязан выжидать их прибытия.

317. Осмотры и освидетельствования, кроме случаев, не терпящих отлагательства, производятся днем.

318. При производстве осмотров и освидетельствований, Судебный Следователь обращает внимание не только на явные признаки преступления, но также на местность и предметы, окружающие следы преступления. В случае надобности, он делает надлежащие измерения, а если возможно, то и чертежи осмотренных мест и предметов.

319. Об оказавшемся при осмотре и освидетельствовании Судебный Следователь составляет протокол, по возможности на самом месте производства сих действий. Все оказавшееся записывается в той последовательности, как осматривалось и открывалось.

320. Понятыми к осмотру или освидетельствованию приглашаются из ближайших жителей: в городах – хозяева домов, лавок, промышленных и торговых заведений, а также их управляющие и поверенные; в местечках и селениях, кроме вышеупомянутых лиц, – землевладельцы, волостные и сельские должностные лица и церковные старосты. В случаях, не терпящих отлагательства, Судебный Следователь может пригласить и другие лица, пользующиеся общественным доверием.

321. Число понятых, приглашаемых к осмотру или освидетельствованию, не должно быть ни в каком случае менее двух.

322. Для осмотра и освидетельствования лиц женского пола приглашаются, в качестве понятых, замужние женщины. /.../

323. За неявку к следствию без уважительной причины, понятые могут быть подвергнуты Судебным Следователем денежному взысканию, не свыше *двадцати пяти рублей.*

324. Если понятой, подвергнутый за неявку к следствию денежному взысканию, предствит, в *двухнедельный срок* со дня объявления ему о наложенном взыскании, удостоверение, что он явиться не мог, то Судебный Следователь освобождает его от взыскания.

325. Сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле, или каком-либо занятии. /.../

326. В качестве сведущих людей могут быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессоры, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобревшие особенную опытность. /.../

327. Сведущие люди, приглашаемые к осмотру и освидетельствованию, должны иметь все качества достоверных свидетелей. /.../

328. Сведущие люди, по требованию Судебного Следователя, обязаны являться немедленно. За неявку к следствию без уважительной причины, они могут быть подвергнуты той же ответственности, как и понятые (ст. 323). /.../

329. При рассмотрении причин, по которым взыскание, наложенное за неявку к следствию, слагается (ст. 324), должно быть принимаемо в уважение в отношении к сведущим людям, состоящим в государственной службе, и удостоверение начальства о служебных занятиях, препятствовавших их явке.

330. Предметам, подлежащим освидетельствованию и исследованию чрез сведущих людей, Судебный Следователь производит предварительный внешний осмотр и составляет протокол о видимых признаках преступления, если таковые окажутся, а равно о всех переменах, происшедших в положении осматриваемых предметов.

331. Освидетельствование чрез сведущих людей, когда к тому не встретится особых препятствий, производится в присутствии Следователя и понятых. /.../

332. Судебный Следователь обязан предложить сведущим людям словесно или письменно вопросы, подлежащие их разрешению.

333. Сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые Следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины.

334. В случае сомнения в правильности заключения сведущих людей, или при разногласии в мнении их, Судебный Следователь требует заключения от других сведущих людей, или о командировании их представляет высшему специальному установлению, или же отправляет туда самый предмет исследования, когда это возможно. /.../

335. Оценка имущества, добытого или поврежденного преступным деянием, производится чрез присяжных ценовщиков, а при невозможности обратиться к ним или произвести освидетельствование неотысканного или истребленного предмета, делается чрез сторонних лиц, имеющих сведение о стоимости сего предмета. /.../

336. Для осмотра и освидетельствования мертвых тел, различного рода повреждений, следов насилия и состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого, Судебный Следователь приглашает судебного врача. /.../

337. Обязанности судебного врача возлагаются: в уездах – на Уездного, а в городах – на Городового или Полицейского Врача; но если, по болезни или другой уважительной причине, они явиться не могут, то вместо их Следователь приглашает всякого другого военного, гражданского или вольнопрактикующего врача. /.../

338. В важных случаях Судебный Следователь может пригласить к освидетельствованию мертвого тела не одного, а нескольких врачей, не исключая и того, который пользовал умершее лицо, если требуется объяснение хода болезни и лечения. /.../

339. К осмотру и освидетельствованию мертвых тел священнослужителей и монашествующих приглашаются местный Благочинный или Настоятель монастыря, смотря по

тому, к какому из сих духовных сословий принадлежало лицо, умершее насильственною смертью.

340. До прибытия судебного врача к местонахождению мертвого тела, Судебный Следователь:

1) при сомнении в действительной смерти, принимает меры к оживлению умершего, в противном случае – к сохранению тела от порчи и случайных повреждений;

2) удостоверяется в тождестве мертвого тела с лицом, о смерти коего производится следствие, и

3) составляет о принятых мерах протокол установленным порядком.

341. При производстве судебно-медицинского осмотра, Судебный Следователь сообщает врачу, по его требованию, те из имеющихся о мертвом теле сведений, которые могут служить указанием, на что врач должен, при вскрытии тела, обратить особенное внимание.

342. При исследовании судебный врач, руководствуясь правилами Устава Судебной Медицины, осматривает поверхность мертвого тела, его углубления и отверстия, суставы, целость костей и состояние внутренних органов и, по возможности, разъясняет присутствующим значение всякого пятна, знака, раны, повреждения и болезненных изменений, определяет степень гнилости и происшедшие от того явления и отвечает на предлагаемые ему вопросы.

343. Судебный Следователь и понятые, а также и другие приглашенные к осмотру мертвого тела лица, имеют право заявлять свое мнение о тех действиях и объяснениях врача, которые им покажутся сомнительными. Мнения их вносятся в протокол. /.../

344. Акт осмотра, или свидетельство, передается от врача Следователю, если возможно, вслед за освидетельствованием, и никак не позже *трех суток.*

345. В случае противоречия свидетельства с обстоятельствами следствия или разногласия в мнении врачей, или сомнения в правильности истолкования найденных признаков, Судебный Следователь представляет копию свидетельства во Врачебное Отделение Губернского Правления, которое разрешает сомнение или затребованием дополнительных объяснений от врачей, или назначением переосвидетельствования.

346. При переосвидетельствовании мертвого тела, Судебный Следователь сообщает приглашенным врачам цель переосвидетельствования, протокол и акт первоначального осмотра и сколько прошло времени пребывания тела в земле.

347. К вырытию мертвого тела, преданного земле, Судебный Следователь не приступает до прибытия врача. Для удостоверения в тождестве приглашаются Священник и другие лица, бывшие при погребении, а к переосвидетельствованию приглашается, если возможно, и врач, производивший первоначальный осмотр.

348. Если предварительные сведения не обнаружат, кто был умерший, тело которого подвергнуто исследованию, то Судебный Следователь, описав с точностью приметы умершего, место, где найдено его тело, и заключение врача о причине смерти, сообщает статьею о том, кому следует, для припечатания в местных губернских или полицейских ведомостях.

349. При исследовании ран, побоев, увечья, членовредительства, оскопления, изнасилования, повреждений в здоровье, преждевременного разрешения от бремени вследствие изгнания плода или насилия и тому подобных последствий преступных деяний, судебный врач определяет, по возможности:

1) свойство повреждения и влияние его на здоровье свидетельствуемого лица;

2) средства, употребленные при насилии или повреждении, и

3) давно ли произведено повреждение, или в недавнее время. /.../

350. Повивальные бабки не приглашаются для самостоятельного судебно-медицинского освидетельствования женщин, но могут быть призываемы в качестве помощниц судебного врача.

351. Судебный Следователь не присутствует при таком освидетельствовании женщин, которое сопровождается обнажением скрытых частей тела, если свидетельствуемые потребуют, чтобы он при этом не находился.

352. Не допускается привлечение к освидетельствованию других лиц женского пола, кроме тех, на кого падает основательное подозрение. /.../

396. Обвиняемые призываются или приводятся к следствию, несмотря на их звания, чины и личные преимущества; но Следователь не должен ни приводить, ни даже призывать кого-либо к допросу без достаточного к тому основания. /.../

403. Прежде допроса обвиняемого, Судебный Следователь удостоверяется в его самоличности и объявляет ему, в чем он обвиняется.

404. Предлагаемые обвиняемому вопросы должны быть кратки и ясны.

405. Следователь не должен домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства.

406. Если обвиняемый откажется отвечать на данные ему вопросы, то Следователь, отметив о том в протоколе, изыскивает другие законные средства к открытию истины.

407. Каждый обвиняемый допрашивается порознь, с принятием мер, чтобы подозреваемые в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собою.

408. Грамотным предоставляется самим вписывать в протокол ответы, данные ими на словах.

409. Показания обвиняемого записываются в первом лице, собственными его словами, без всяких изменений, пропусков и прибавлений. Слова и выражения простонародные, местные или не совсем понятные, объясняются в скобках. /.../

442. При предварительном следствии, свидетели приводятся к присяге только в следующих случаях:

1) когда свидетель собрался в дальний путь и возвращение его может замедлиться;

2) когда свидетель находится в болезненном состоянии, угрожающем опасностью его жизни;

3) когда свидетель имеет жительство вне округа того суда, которому подсудно дело, и притом в такой отдаленности от места судебных заседаний, что ему, без особенного затруднения, явиться в суд невозможно. /.../

443. За исключением случаев, означенных в предшедшей (442) статье, Судебный Следователь не приводит свидетелей к присяге, но предупреждает их, что в суде они могут быть спрошены под присягою, и внушает им о необходимости показать всю правду, по чистой совести.

707. Не допускаются к свидетельству *под присягою,* в случае предъявления которою-либо из сторон отвода:

1) лишенные по суду всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию им присвоенных;

2) потерпевшее от преступления лицо, хотя бы оно не участвовало в деле, а также муж или жена его, родственники по прямой линии и родные его братья или сестры;

3) другие по боковым линиям родственники как потерпевшего лица, так и подсудимого, в третьей и четвертой степенях и свойственники обеих сторон в первых двух степенях;

4) состоящие с участвующими в деле лицами в особенных отношениях или по усыновлению, или по опеке, или по управлению одним из них делами другого, а также имеющие тяжбу с кем-либо из участвующих в деле лиц, и

5) (по прод. 1906 г.) евреи – по делам бывших их единоверцев, принявших Христианскую веру, и старообрядцы, сектанты и последователи изуверных учений – по делам бывших их единоверцев, обратившихся в Православие.

712. От присяги освобождаются:

1) Священнослужители и монашествующие всех Христианских исповеданий, и

2) лица, принадлежащие к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги; вместо присяги они дают обещание показать всю правду по чистой совести.

722. Свидетель не может отказаться от дачи ответов на вопросы, клонящиеся к обнаружению противоречия в его показаниях или несообразности их с известными обстоятельствами, или же с показаниями других свидетелей, но он не обязан отвечать на вопросы, уличающие его самого в каком бы то ни было преступлении. /.../

940. Жалобы и протесты на приговоры по возобновленным делам допускаются на общем основании.

СТАТЬИ УЛОЖЕНИЯ О НАКАЗАНИЯХ

Наряду со статьями Устава уголовного судопроизводства, в материалах следствия неоднократно упоминаются и статьи из „Уложения о наказаниях уголовных и исправительных". Ниже публикуются упомянутые в документах статьи, а также те, на которые они ссылаются. (По изданию: Свод Законов Уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санктпетербург, 1866).

13. В преступлениях, учиненных несколькими лицами *по предварительному их на то согласию,* признаются:

Зачинщиками:

Те, которые, умыслив содеянное преступление, согласили на то других, и те, которые управляли действиями при совершении преступления или покушении на оное, или же первые к тому приступили;

Сообщниками:

Те, которые согласились с зачинщиками или с другими виновными совершить, совокупными силами или действиями, предумышленное преступление;

Подговорщиками или подстрекателями:

Те, которые, не участвуя сами в совершении преступления, употребляли просьбы, убеждения или подкуп и обещание выгод, или обольщения и обманы, или же принуждение и угрозы, дабы склонить к оному других;

Пособниками:

Те, которые также, хотя не принимали прямого участия в самом совершении преступления, но, из корыстных или иных личных видов, помогали или обязались помогать умыслившим оное, советами или указаниями и сообщением сведений, или же доставлением других каких-либо средств для совершения преступления, или устранением представлявшихся к содеянию оного препятствий, или заведомо, пред совершением преступления, давали у себя убежище умыслившим оное, или же обещали способствовать сокрытию преступников или преступления после содеяния оного.

1452. Кто, с обдуманным заранее намерением или умыслом, убьет женщину беременную, зная, что она в сем положении, тот подвергается за сие:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от пяднадцати до двадцати лет.

1453. К определенному в предшедшей 1452 статье наказанию приговариваются также виновные в убийстве с обдуманным заранее намерением или умыслом:

1) когда сие убийство учинено или чрез поджог, или чрез произведенное взрывом пороха или газа, или иным образом разрушение строения, или же чрез учиненное прорванием плотины или другим каким либо способом потопление, или же чрез порчу мостов, железных дорог, или чрез выстрелы в толпу людей, хотя и для лишения жизни одного только человека, и вообще чрез такие действия, от коих подвергались гибели или опасности несколько лиц, или и целое селение или город;

2) когда убитый лишен жизни чрез истязания или же был пред тем подвергаем каким либо более или менее жестоким мучениям;

3) когда, для учинения своего злодеяния, убийца скрывался в какой либо засаде, или заманил убитого в такое место, где он удобнее мог посягнуть на жизнь его;

4) когда убийство учинено для ограбления убитого, или для получения наследства, или вообще для завладения какою либо собственностью его или другого лица;

5) когда оно учинено посредством отравления.

1454. Виновный в убийстве с обдуманным заранее намерением или умыслом, без тех особенных увеличивающих вину его обстоятельств, которые означены в предшедших 1449–1453 статьях*, подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет.

---

* На бессрочную каторгу осуждались за убийство отца или матери, близких родных, своего начальника или хозяина или за повторное убийство (если не было смягчающих вину обстоятельств).

Если однакож убийство, хотя и без тех увеличивающих вину обстоятельств, на которые указывается в статьях 1449–1453, учинено не одним лицом, а несколькими, по предварительному между ними на сие соглашению, то зачинщики,

по лишению всех прав состояния, приговариваются к ссылке в каторжную работу в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет.

1622. Кто с умыслом истребит или повредит чужие письменные акты и документы, тот подвергается за сие, смотря по важности истребленных или поврежденных документов и по другим обстоятельствам дела:

или заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев,

или аресту на время от семи дней до трех недель,

или денежному взысканию не свыше ста рублей.

Но когда истребление или повреждение чужих актов и документов учинено для доставления себе или кому другому противозаконной выгоды, то виновный в том приговаривается:

к одному из наказаний, определенных ниже сего, в статье 1657.

1657. Кто похитит или истребит принадлежащие другому крепости, или межевые планы или книги, или другие какого либо рода акты, документы или бумаги, в намерении доставить себе или кому другому противозаконную выгоду, то за сие, смотря по важности похищенных им бумаг, большей или меньшей предумышленности преступления и другим обстоятельствам дела, приговаривается:

или к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке на житье: или в одну из отдаленных губерний, кроме Сибирских /с заключением на время от шести месяцев до одного года/, или в губернии Томскую или Тобольскую /с заключением на время от одного года до двух лет/, или же к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение.

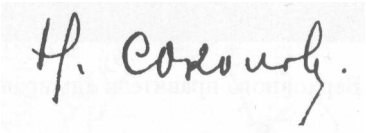
Если виновный по закону не изъят от наказаний телесных, то он, вместо сего, но в той же постепенности, подвергается:

отдаче или в рабочий дом /на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев/, или в исправительные арестантские роты /на время от полутора года до двух с половиною лет/, или, наконец, ссылке в Сибирь на поселение.

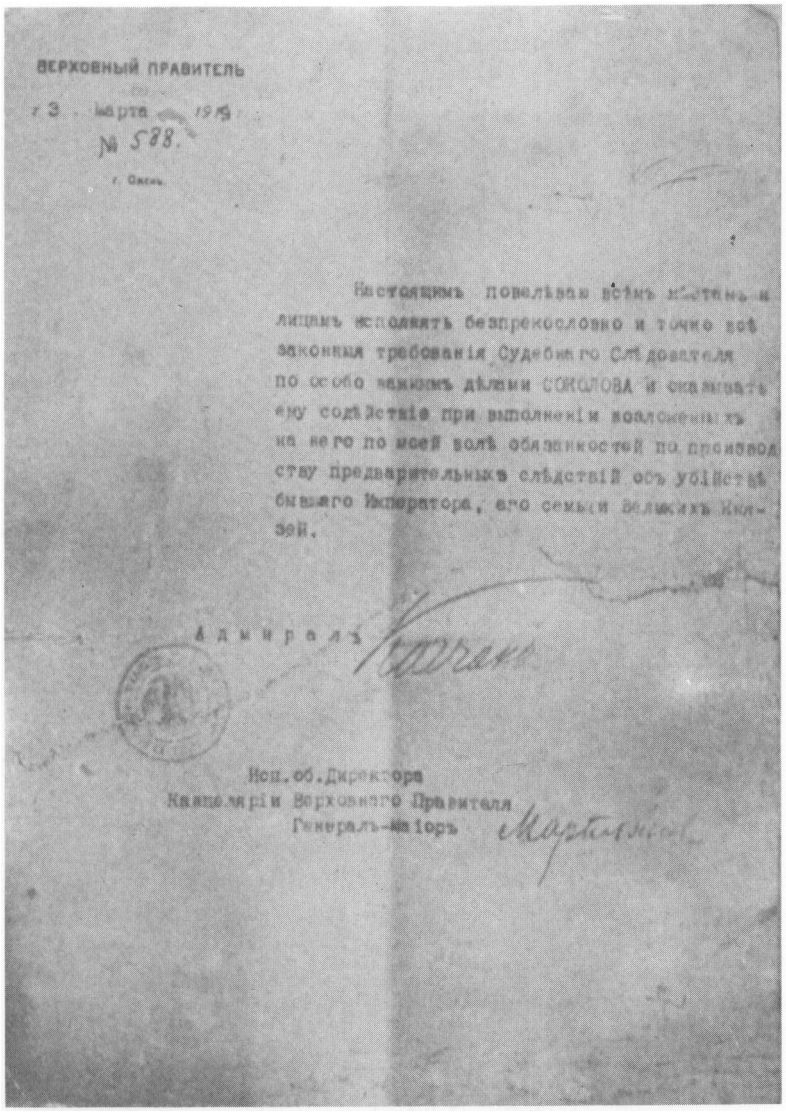
Иллюстрации

Царская семья в 1913 году. Слева направо: великие княжны Ольга и Мария,
Император Николай II, Императрица Александра Федоровна,
великая княжна Анастасия, Наследник Цесаревич Алексей,
великая княжна Татьяна

Ген. М. К. Дитерихс



Н. А. Соколов



ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

г. 3 марта 1919 г.

№ 588.

г. Омск.

Настоящимъ повелѣваю всѣмъ военнымъ и лицамъ исполнять безпрекословно и точно всѣ законныя требованія Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ СОКОЛОВА и оказывать ему содѣйствіе при выполненіи возложенныхъ на него по моей волѣ обязанностей по производству предварительнаго слѣдствія объ убійствѣ бывшаго Императора, его семьи и великихъ Князей.

Адмиралъ Колчакъ

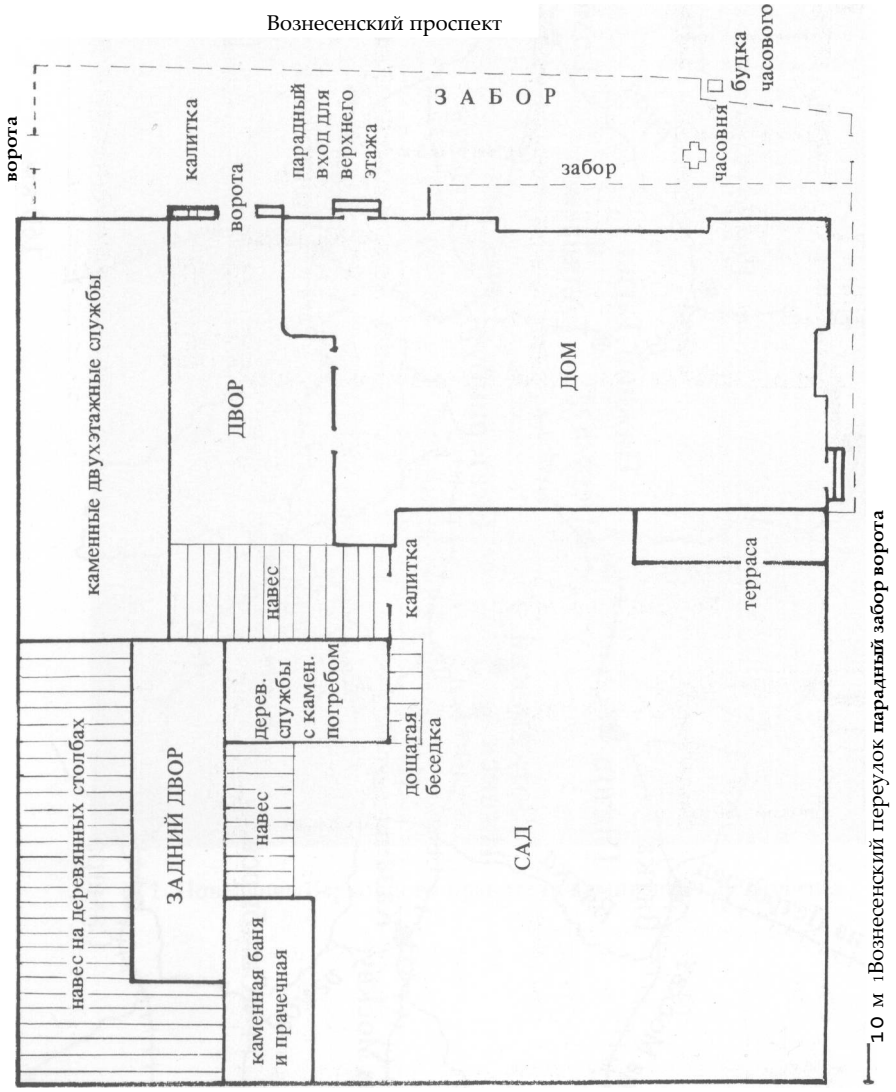
Исп. об. Директора
Канцеляріи Верховнаго Правителя
Генералъ-маіоръ Мартынов

№ 1. Повеление Верховного правителя адмирала А. В. Колчака

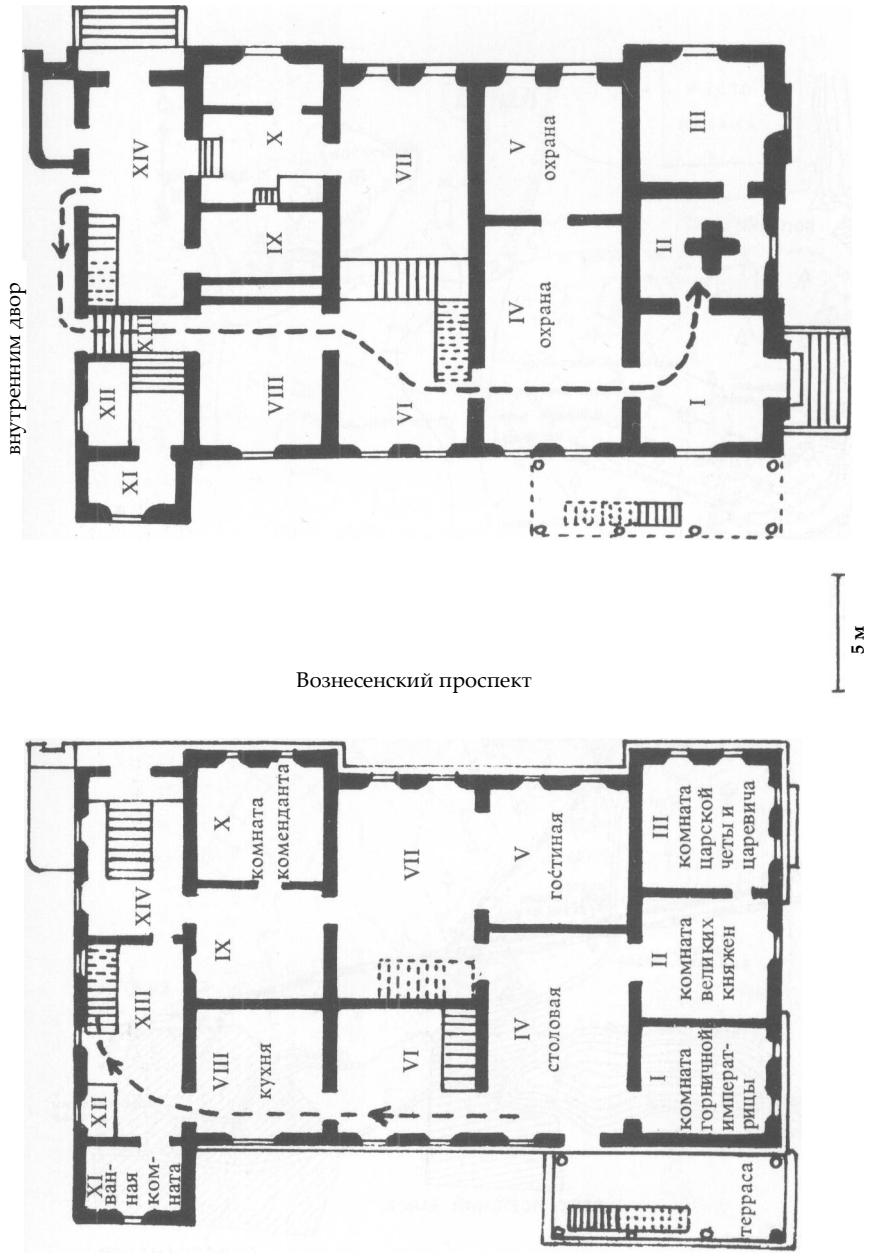
На страницах 523, 524 и 530-564 мы публикуем фотографии из книги Н. А. Соколова „Убийство Царской семьи". Принятая Соколовым нумерация фотографий нами сохраняется.

СРЕДНИЙ УРАЛ В 1918 ГОДУ

СХЕМА УЧАСТКА Н. Н. ИПАТЬЕВА



ПЛАН ДОМА Н. Н. ИПАТЬЕВА



Нижний этаж дома Ипатьева и путь, Верхний этаж дома Ипатьева по которому шли на убийство

Верхний этаж дома Ипатьева

СХЕМА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА
В 1918 ГОДУ

(на основе схемы, приложенной к книге ген. Дитерихса,
исправленной и дополненной по материалам экземпляра
дела Вилиона)

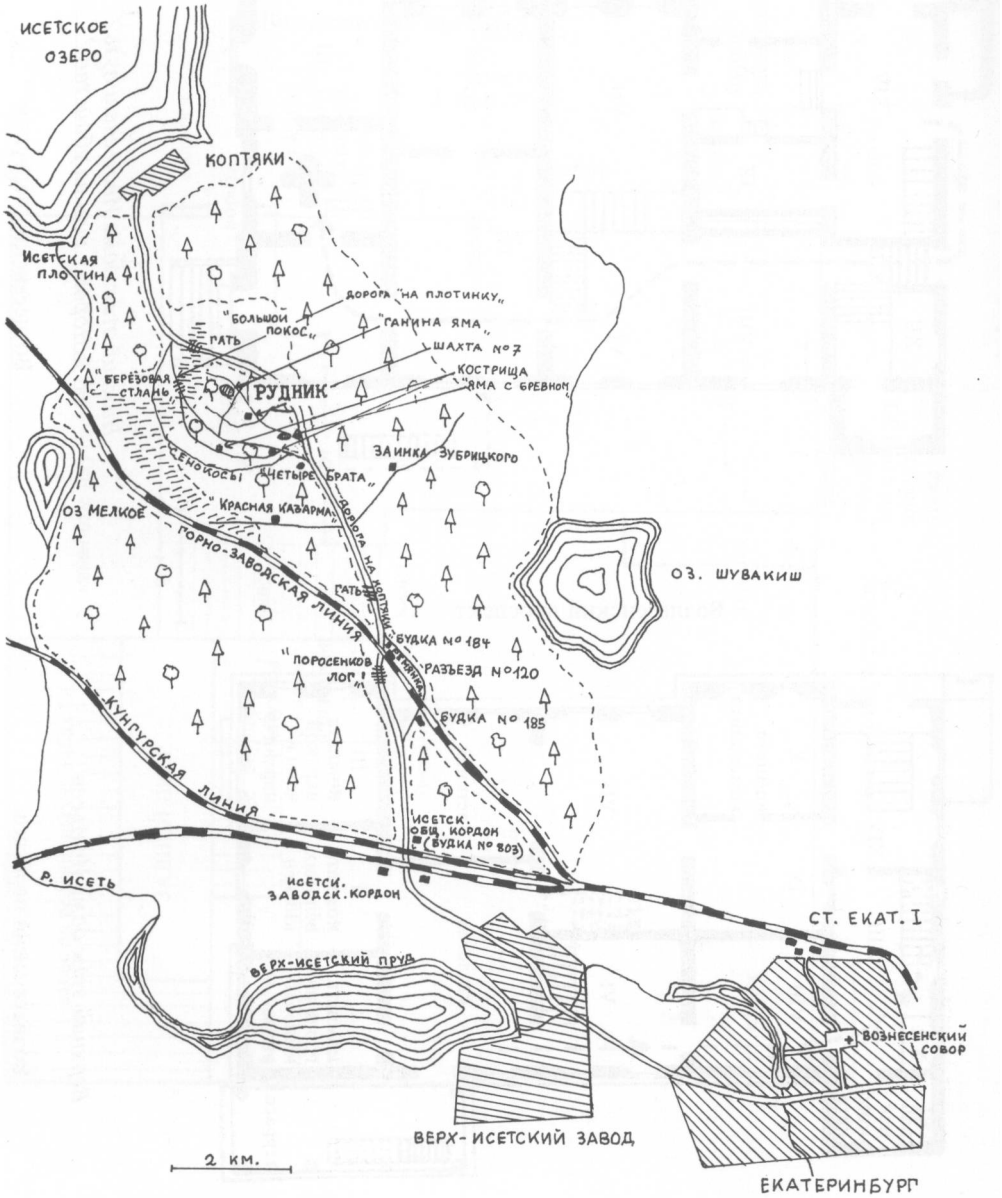
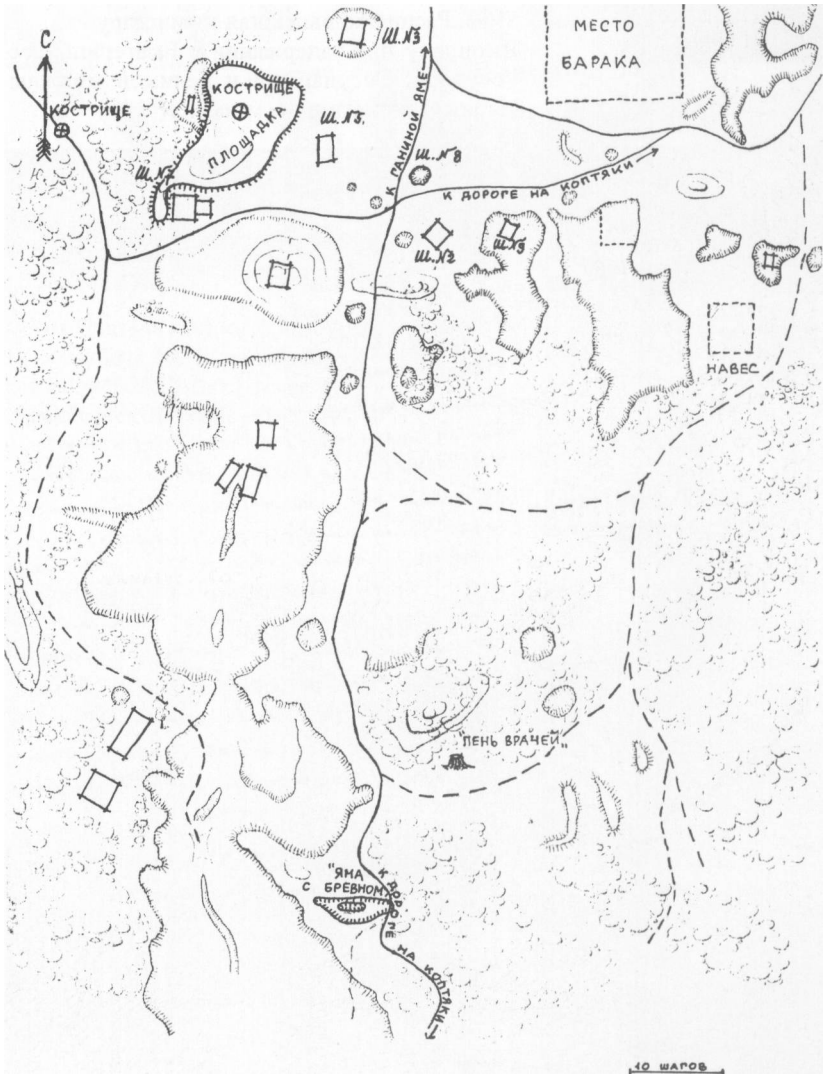
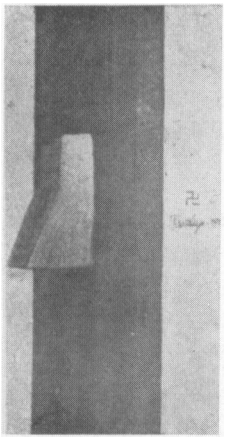


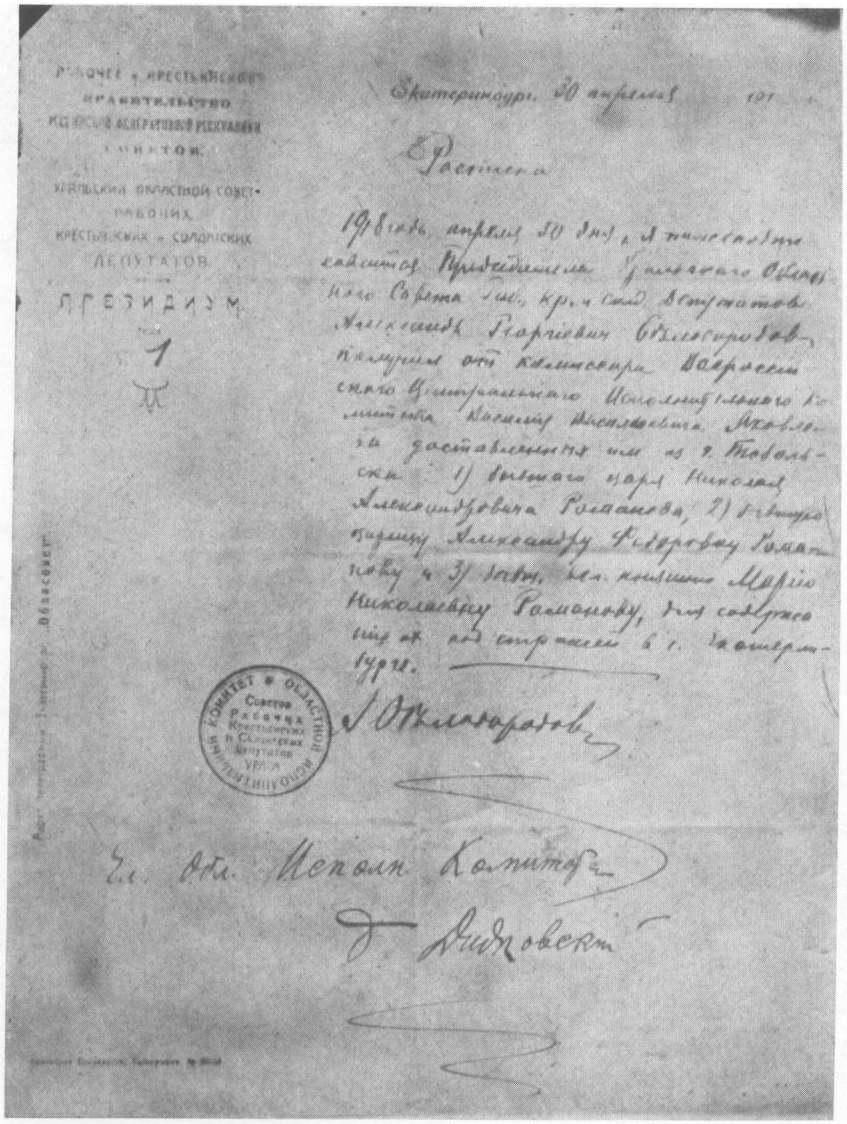
СХЕМА РУДНИКА ИЗ ТЕТРАДИ ГЕН. ДИТЕРИХСА
(составлена 18 июня 1919 года)





№12. Знак и дата, сделанные рукой Императрицы на косяке ее комнаты в доме Ипатьева (см. док. № 194)

№ 13. Расписка, выданная комиссару Яковлеву при задержании в Екатеринбурге Государя, Государыни и великой княжны Марии Николаевны (см. док. № 193)



Рабочее и Крестьянское правительство Российской Социалистической Федеративной Республики Советов. Уральский областной совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Президиум. № 1

Екатеринбург. 30 апреля 18 г.

Расписка

Сегодня, апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета раб., кр. и сол. депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Василия Яковлевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) дочь, вел. княжну Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражею в г. Екатеринбурге.

А. Белобородов

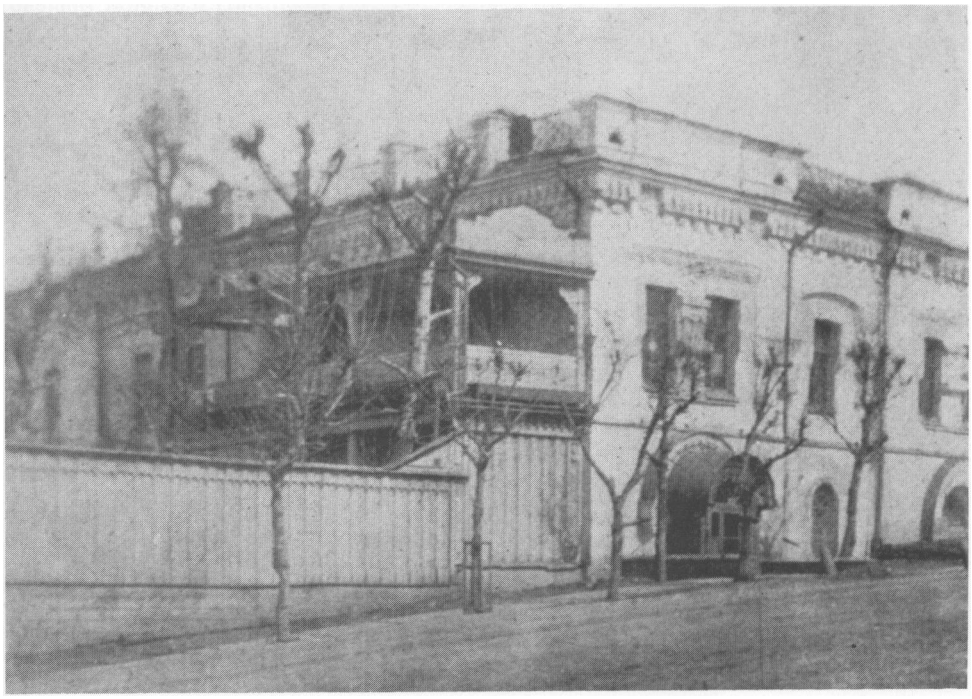
Комитет Областной Исполнительный Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Урал

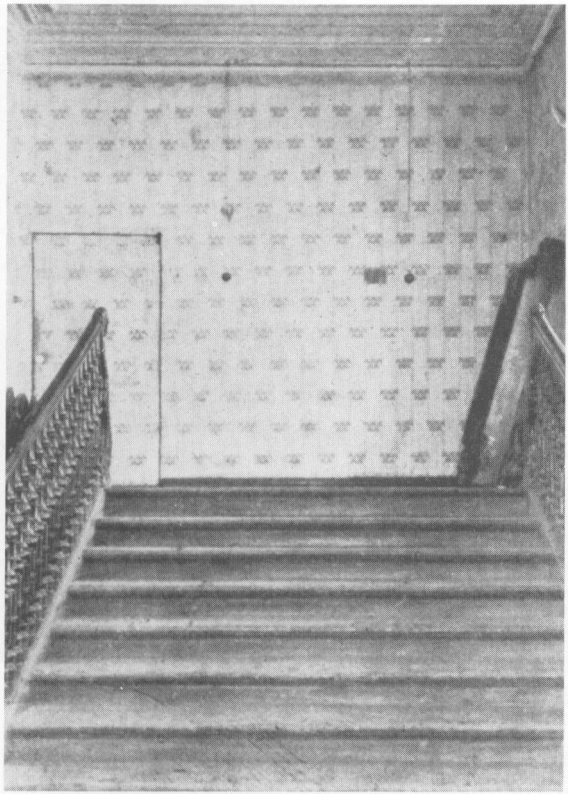
Ч. Отд. Исполн. Комитета

Д. Видновский

№ 21. Дом Ипатьева в Екатеринбурге,
где была убита Царская семья
(с угла Вознесенского проспекта
и Вознесенского переулка)

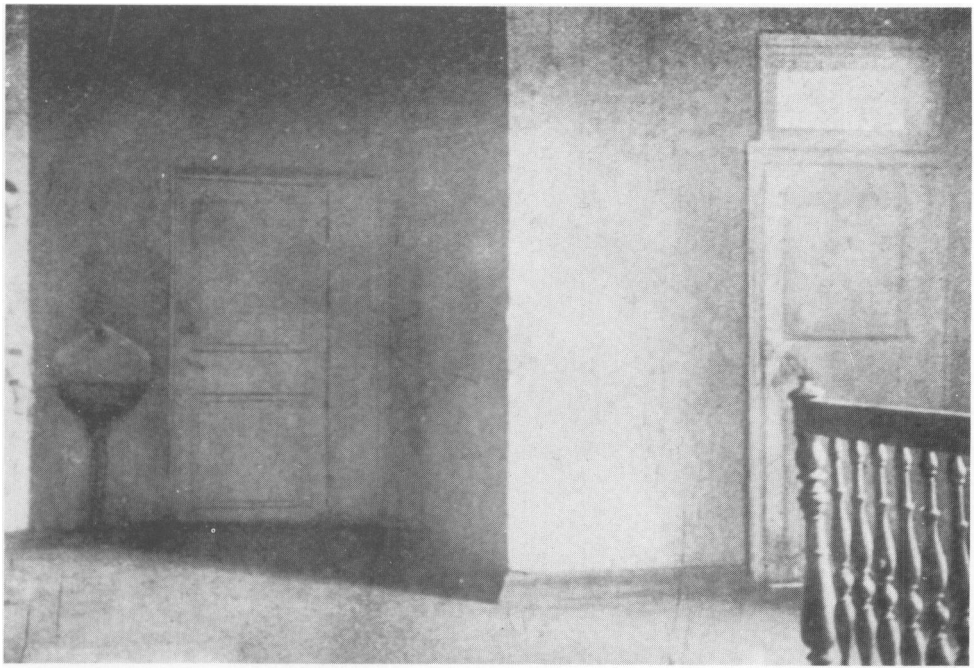
№ 22. Дом Ипатьева со стороны
Вознесенского переулка с террасой в сад

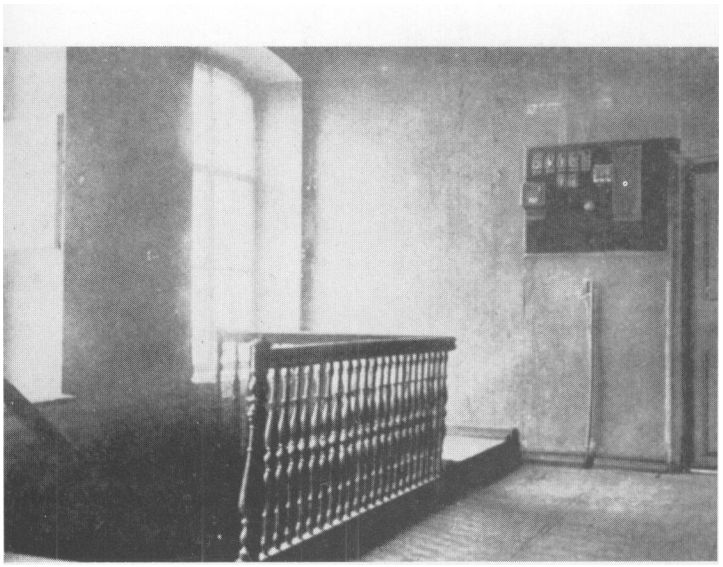




№ 23. Парадная лестница в доме Ипатьева

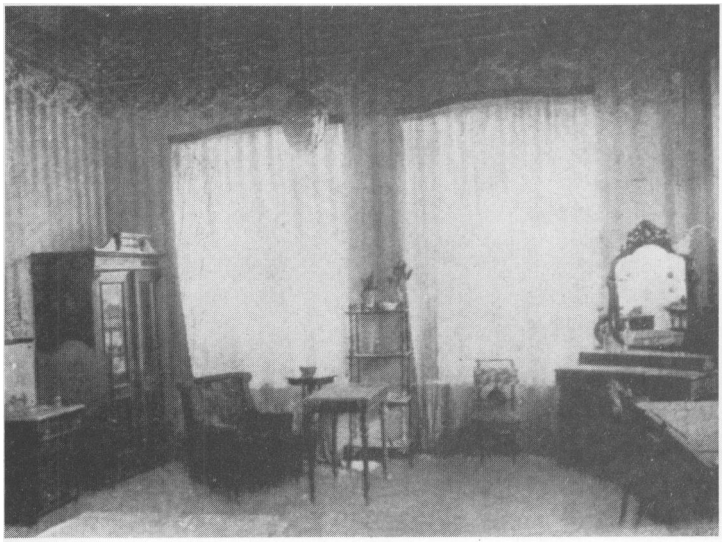
№ 24. Отделение уборной (направо) и ванной (налево)





№ 25.
Лестница,
по которой
Царскую
семью вели
на убийство

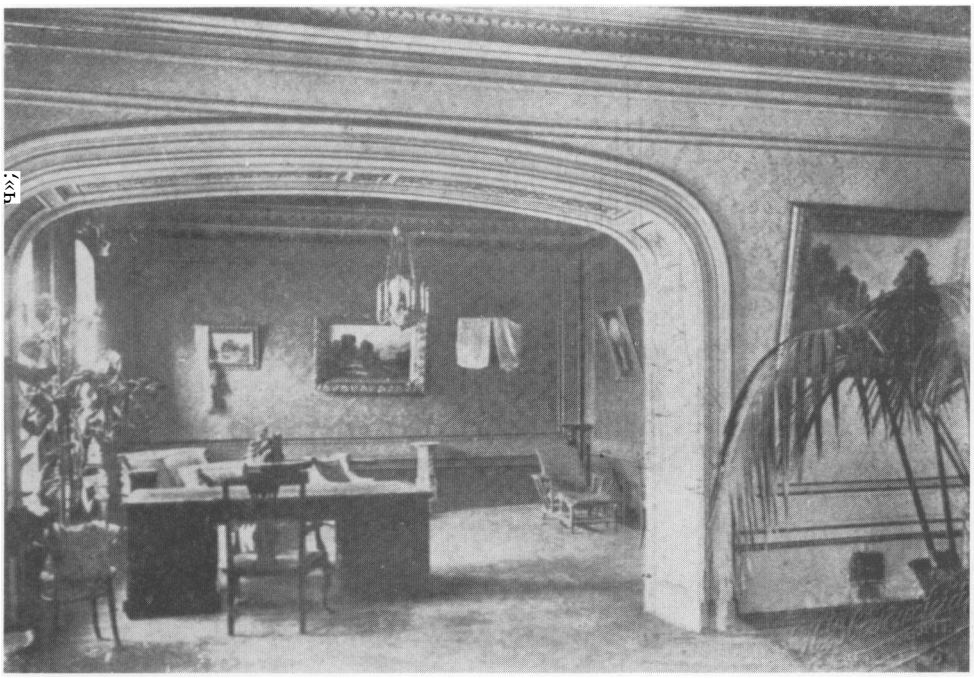
№26.
„Комендант-
ская" ком-
ната в доме
Ипатьева

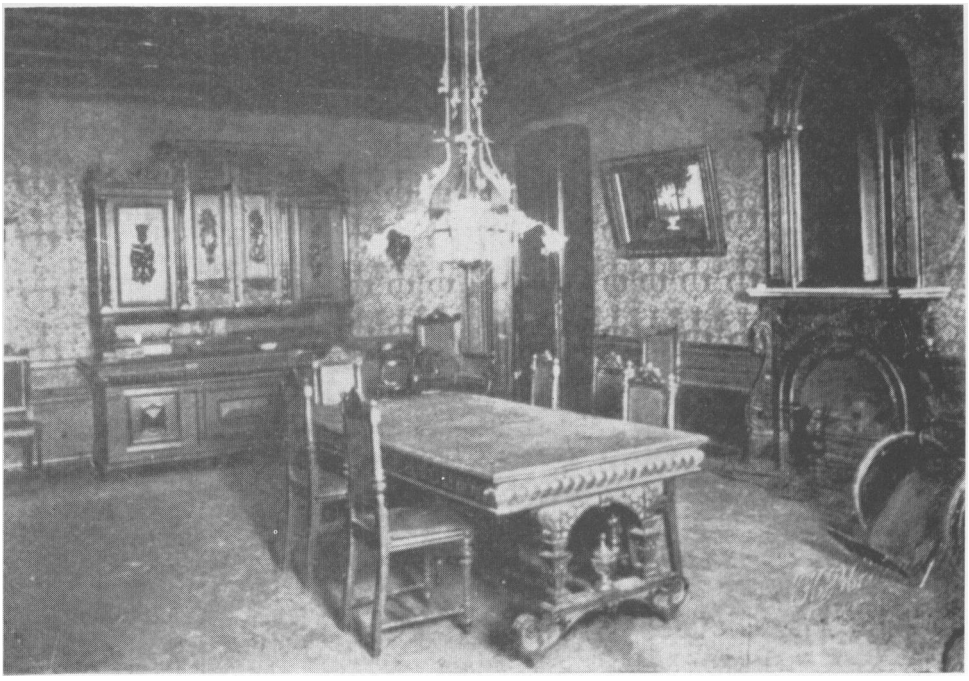


№ 27.
Комната
Государя,
Государыни
и Наследника

№ 28.
Ко маната великих княжен после убийства. На полу — зола и остатки уничтоженных вещей

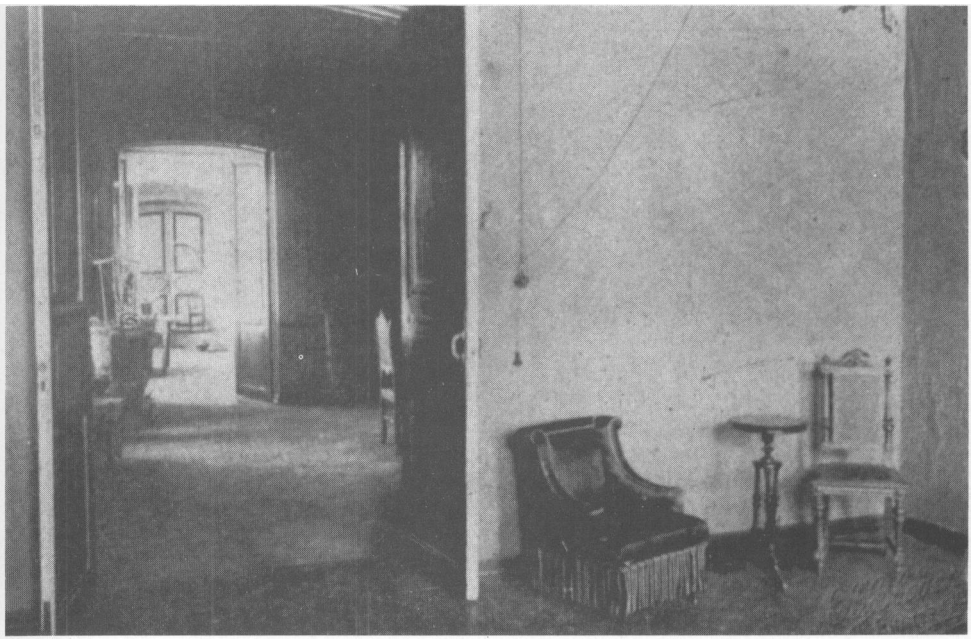
№ 29. Зал и гостиная.
Здесь жили доктор Е. С. Боткин и
камердинер Т. И. Чемодуров



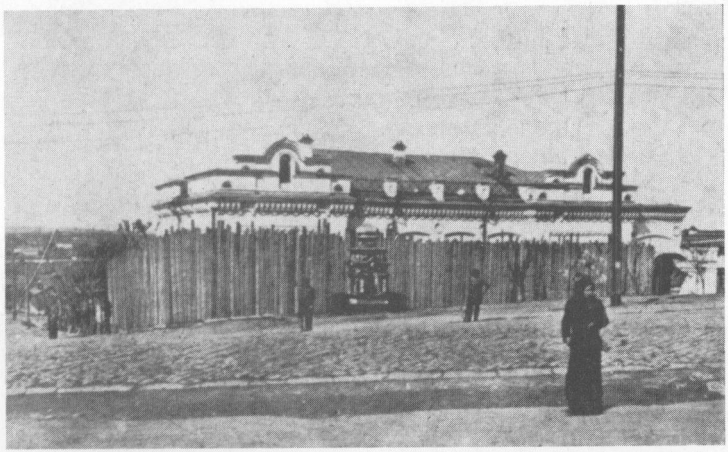


№ 30. Столовая в доме Ипатьева.
Дверь ведет в комнату великих княжен.
Около камина —
кресло-коляска Императрицы

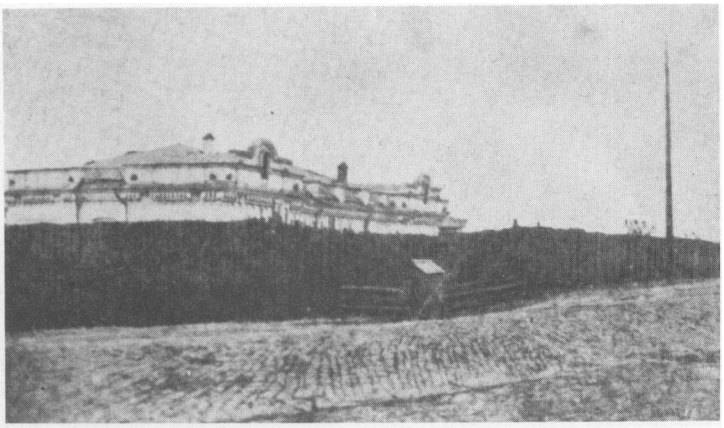
№ 31. Вид из комнаты А. С. Демидовой
через столовую, проходную комнату
и кухню в доме Ипатьева



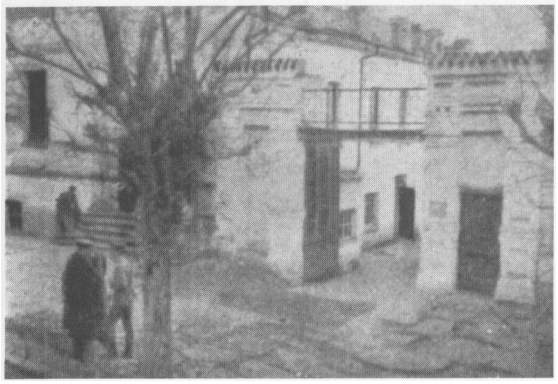
№ 32.
Дом Ипатьева
со двора.
Дверь слева
ведет во двор
из верхнего
этажа, дверь
справа —
из нижнего.
Через эти
двери вели
Царскую
семью
на убийство



№33.
Внутренний
(малый)
забор,
закрывавший
дом Ипатьева
в момент
заключения
в нем
Царской семьи

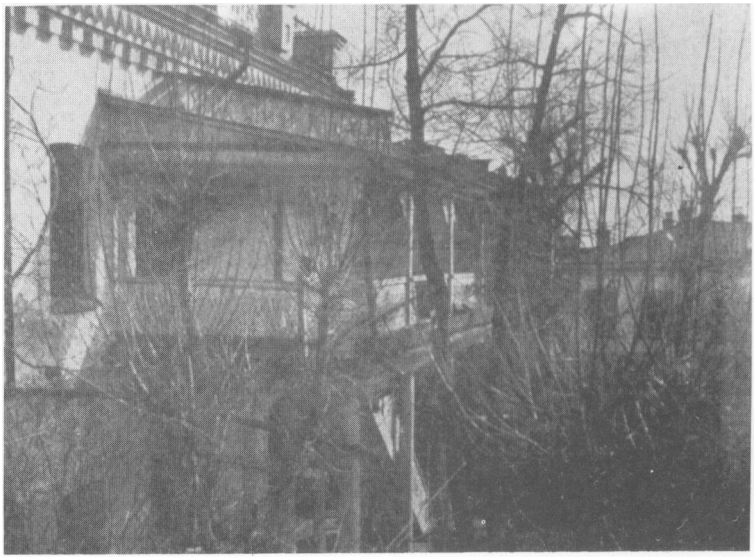


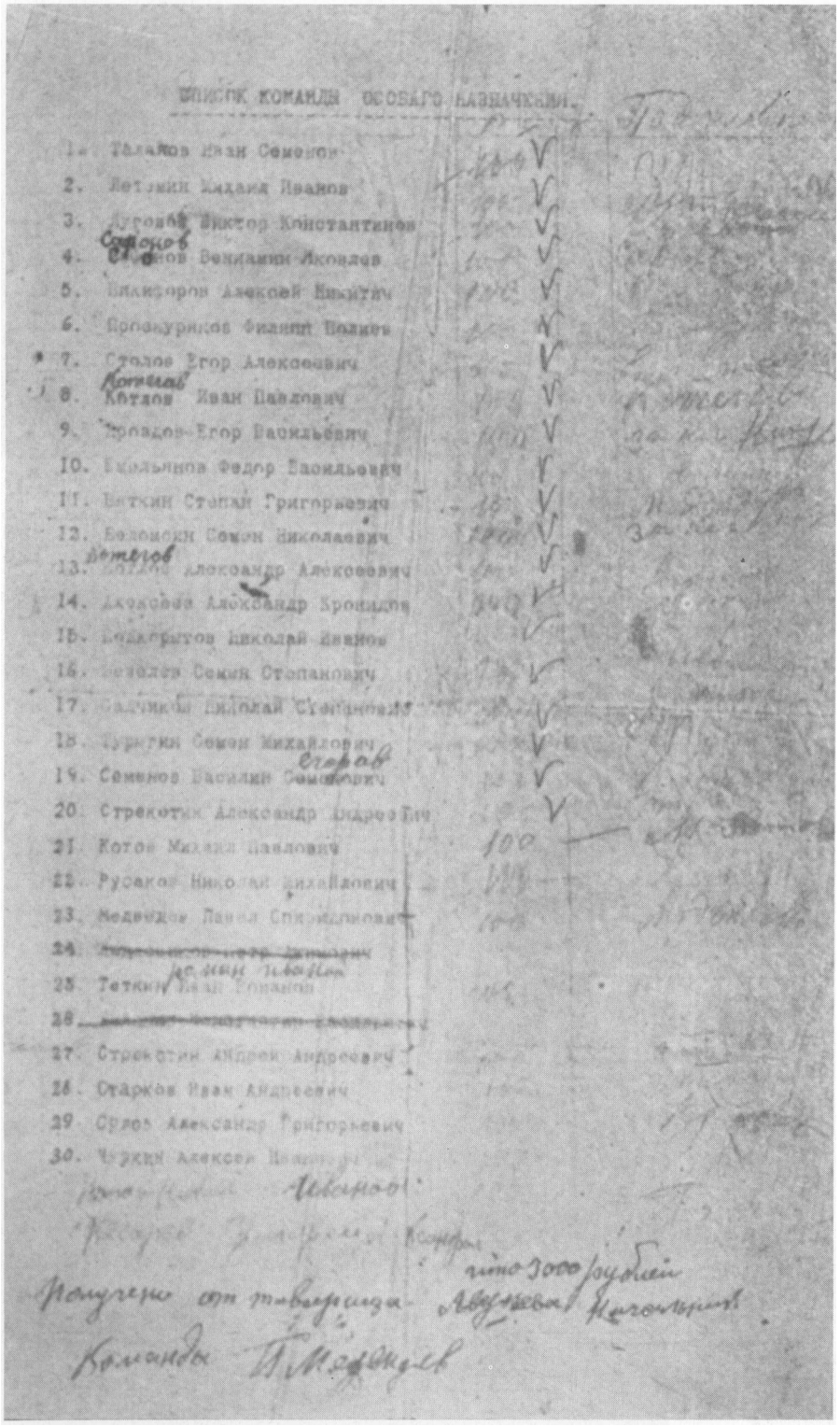
№ 34.
Наружный
(большой)
забор,
закрывавший
дом Ипатьева
со стороны
Вознесенского
проспекта



№ 36. Ворота и калитка при доме Ипатьева

№ 37. Сад с террасой при доме Ипатьева.
За садом виден дом Попова, где жила
наружная стража





СПИСОК КОМАНДЫ ОСОБАГО НАЗНАЧЕНИЯ.

1. Талалов Иван Семенов
2. Летунин Кидаиф Иванов
3. Дуроф Виктор Константинов
4. Сафонов Бенцамин Яковлев
5. Шилкоров Алексей Никитич
6. Прокурнов Филипп Полиев
7. Столов Егор Алексеевич
8. Котлов Иван Павлович
9. Бронзов Егор Васильевич
10. Ежольнов Федор Васильевич
11. Беткин Степан Григорьевич
12. Бедомский Семен Николаевич
13. Детелов Александр Алексеевич
14. Дроздов Александр Кронидов
15. Бондарчов Николай Иванов
16. Безолов Семен Степанович
17. Садчиков Николай Степанович
18. Бурдин Семен Михайлович
19. Семенов Василий Семенович
20. Стрекотин Александр Андреевич
21. Котов Михаил Павлович
22. Русаков Николай Михайлович
23. Медведев Павел Спиридонович
24. [illegible]
25. Теткин Иван Степанов
26. [illegible]
27. Стрекотин Андрей Андреевич
28. Старков Иван Андреевич
29. Орлов Александр Григорьевич
30. Чуркин Алексей [illegible]

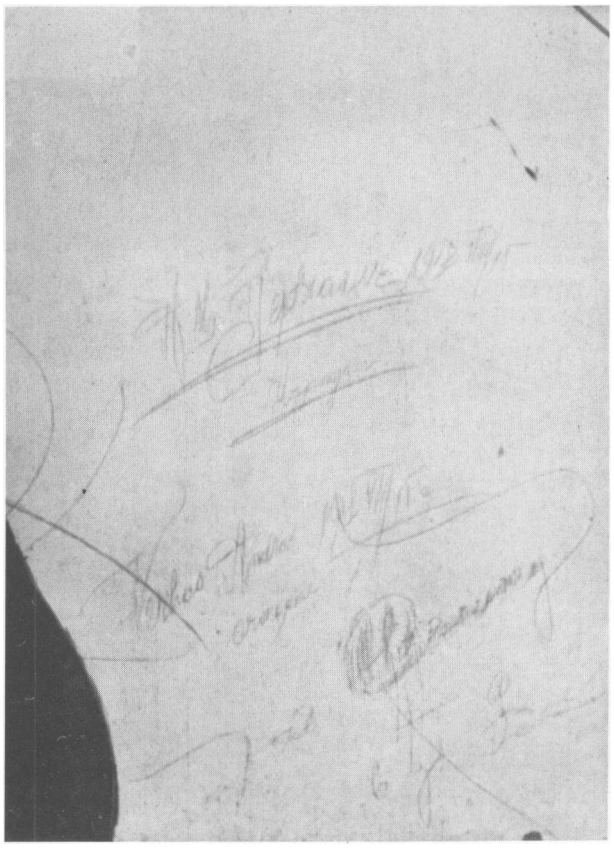
Получено от товарища Ивонова что 3000 рублей на расходы Мартынова

Команды П. Медведев

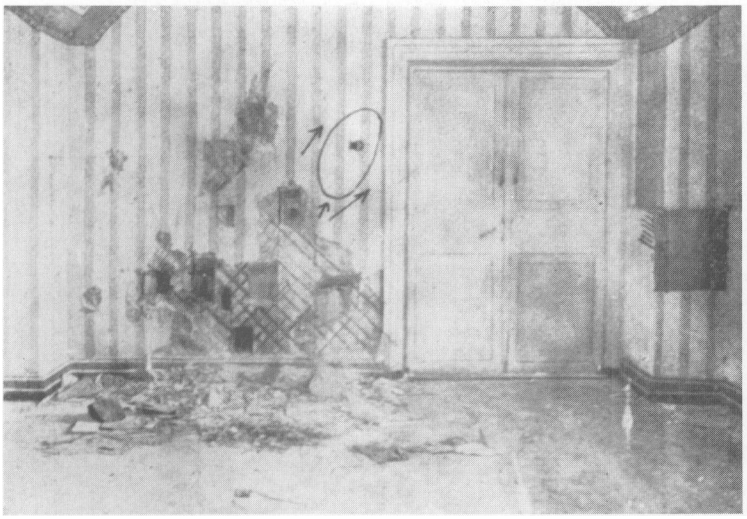
№ 40. Требовательная ведомость охранников
в доме Ипатьева (см. док. № 177)

№ 42.
Ф. И. Голощекин

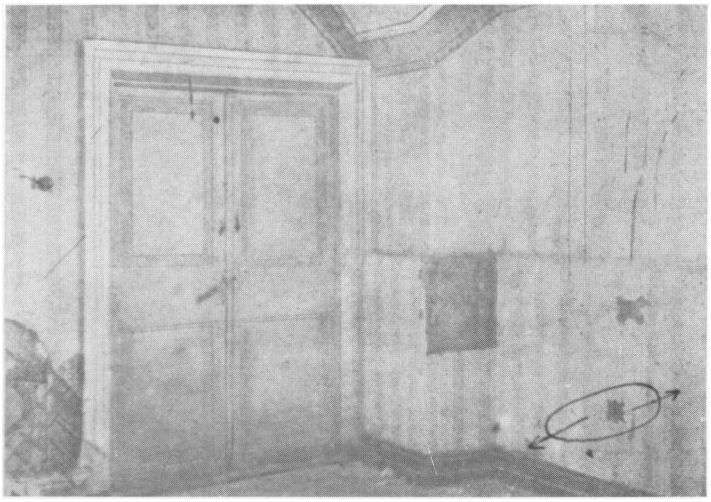
№43.
Я. М. Юровский



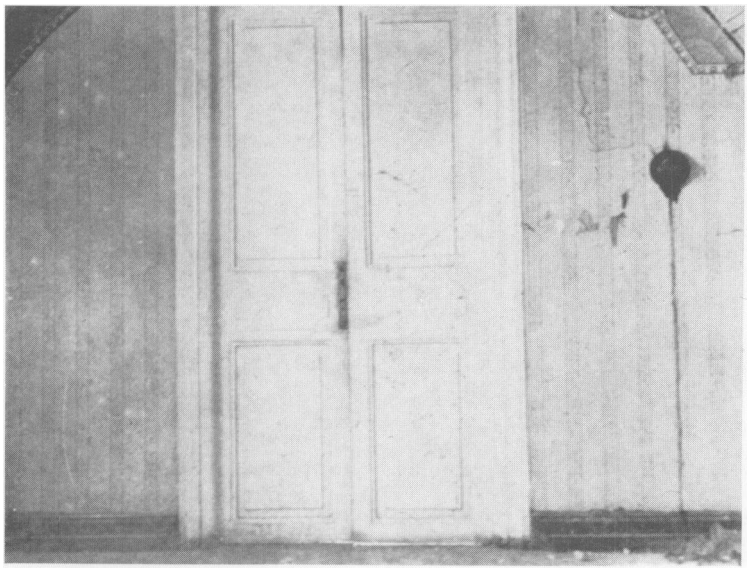
№ 45. Надпись на русском и мадьярском языках, сделанная в доме Ипатьева за сутки до убийства (см. док. № 194)



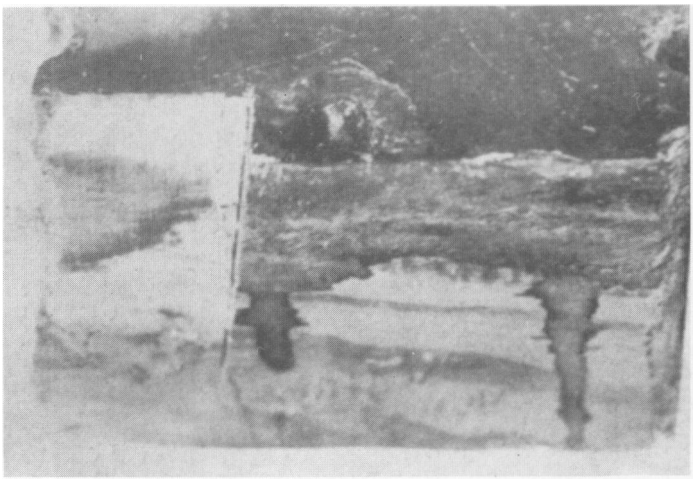
№ 46. Комната, где была убита Царская семья. Вост. стена



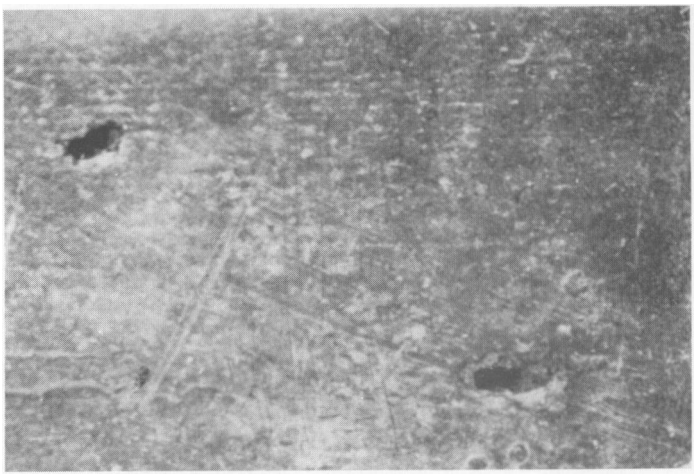
№47. Та же комната. Южная стена



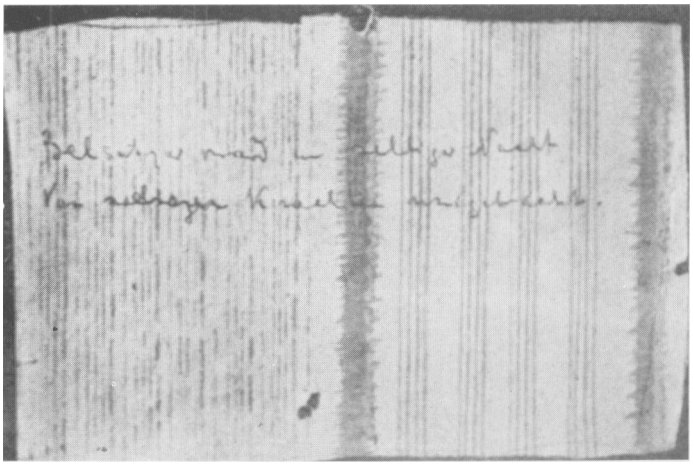
№48. Та же комната. Западная стена



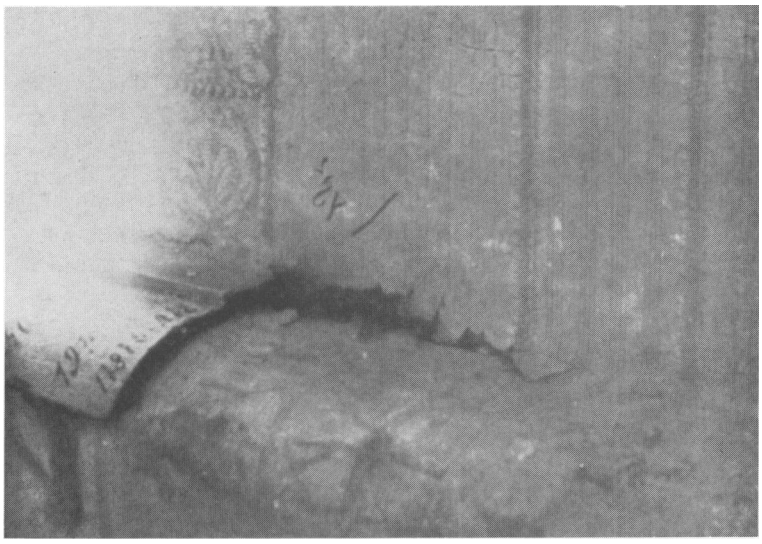
№ 50. Кусок пола с пулей и кровяным потеком



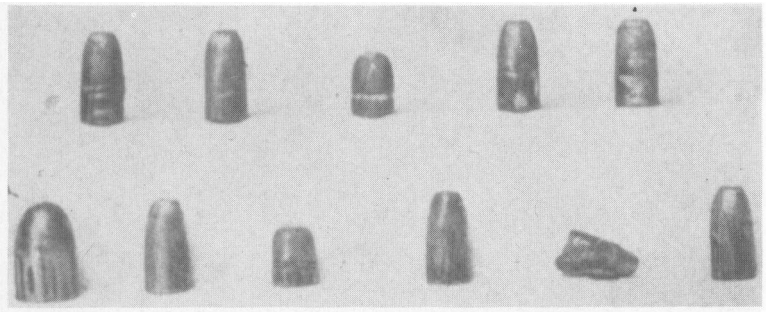
№51. Кусок пола с двумя пулевыми попаданиями.
Ими был добит Наследник Цесаревич



№ 53. Надпись на немецком языке, обнаруженная
в комнате убийства (см. док. №№ 14 и 154)

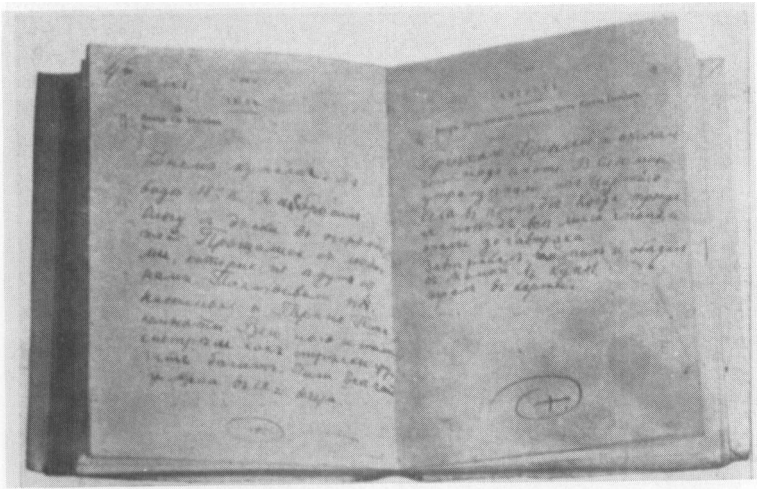


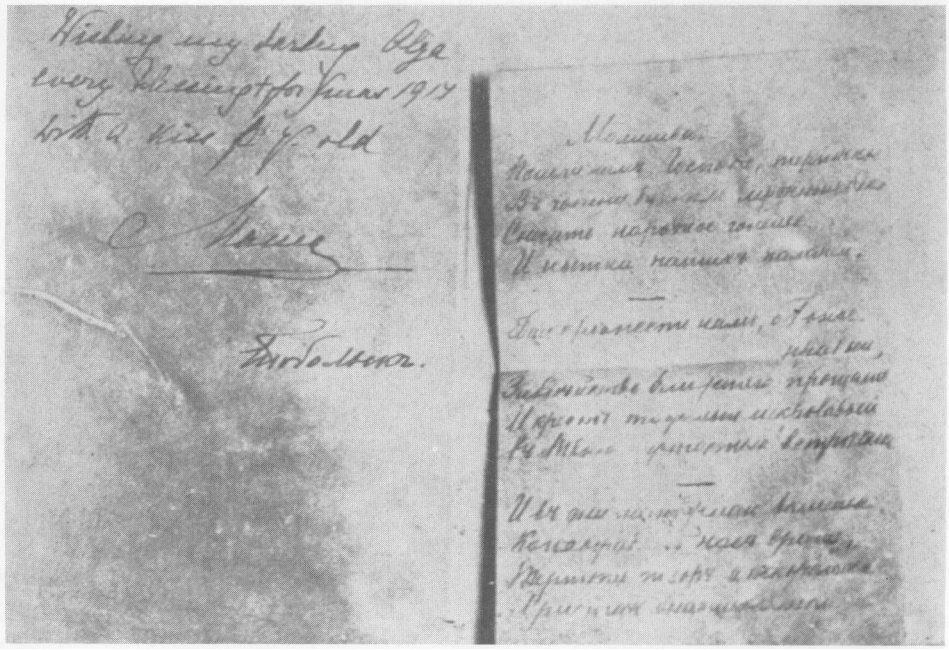
№ 54. Обозначение из четырех знаков, обнаруженное в комнате убийства (на южной стене) (см. док. № 194)



№ 55. Некоторые из пуль, извлеченные из стен и пола в комнате убийства

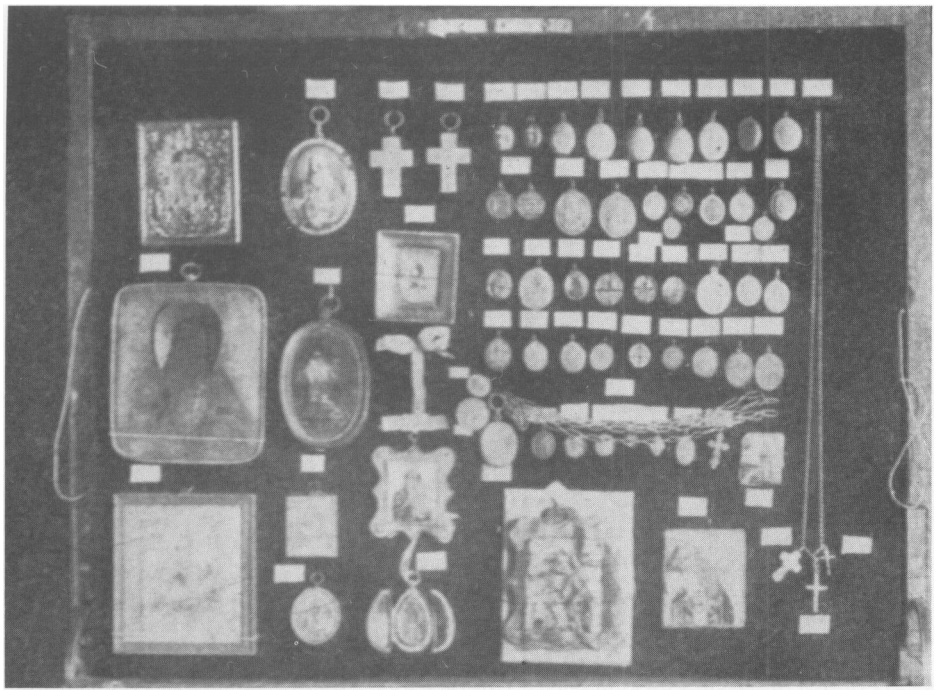
№ 56. Дневник Наследника Цесаревича. Найден у охранника М. И. Летемина





№ 57. Книга великой княжны Ольги Николаевны с надписью на ней Государыни.
В ней обнаружен лист бумаги с текстом стихотворения „Молитва”,
писанного рукою Ольги Николаевны (см. док. № 262)

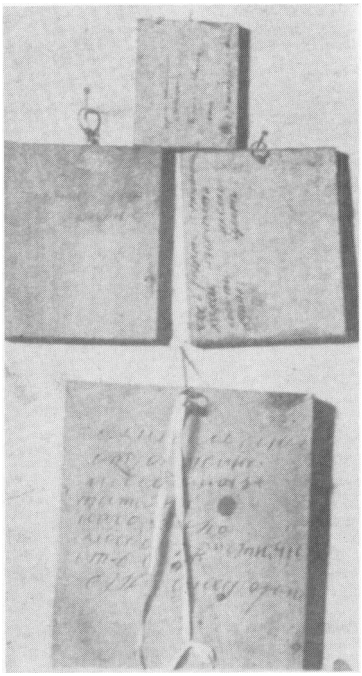
№ 58. Иконы Царской семьи, найденные в доме Ипатьева после убийства

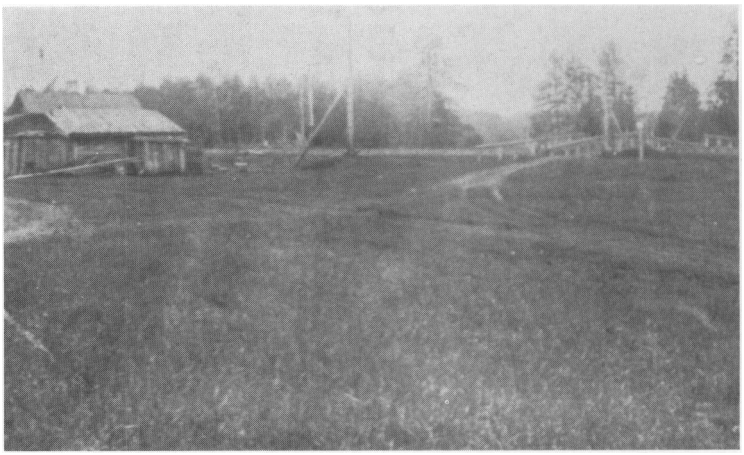


№ 59. Предметы, обнаруженные в Екатеринбурге после убийства Царской семьи. Слева в верхнем ряду — икона Спасителя. Она была обнаружена на груди великой княгини Елизаветы Федоровны, труп коей был найден на дне шахты вблизи г. Алапаевска.

№ 60. Иконы Царской семьи, подаренные ей Распутиным

№ 61. Оборотная сторона икон с надписями Распутина





№64.
Переезд № 184.
Здесь везли
трупы
Царской семьи

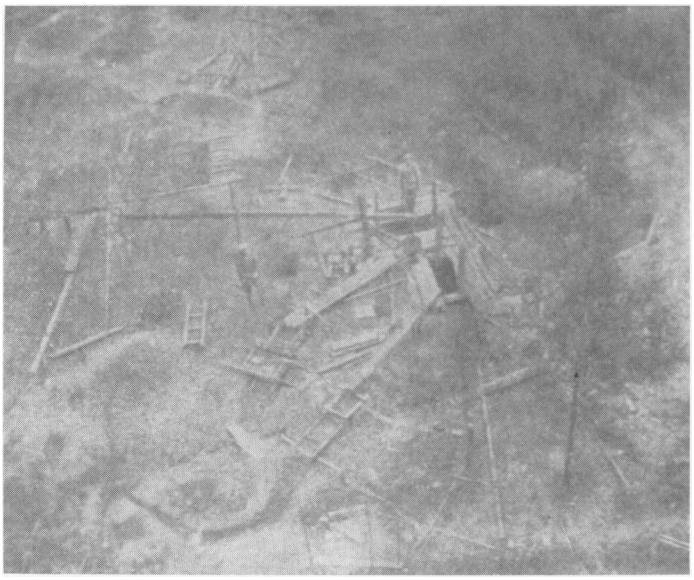
№65.
Коптяковская
дорога,
по которой
везли трупы
Царской семьи.
Два основных
пня: остатки
четырех сосен,
„Четырех
Братьев"

№66.
Общий вид
заброшенных
шахт в районе
рудника

№ 67.
Общий вид заброшенных шахт в районе рудника

№ 68.
Общий вид заброшенных шахт в районе рудника

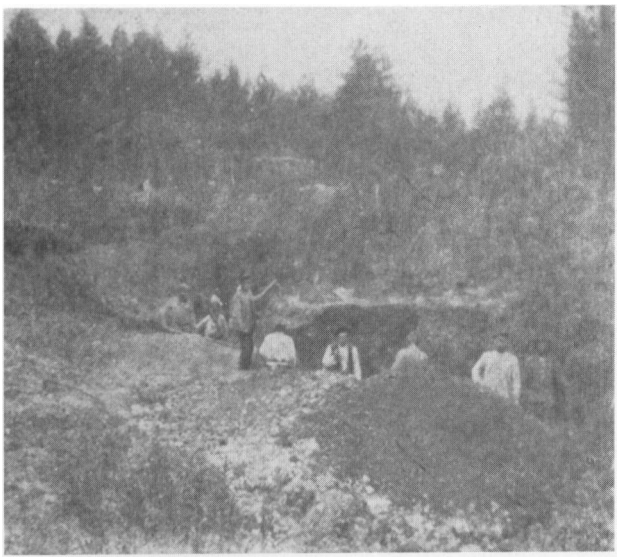
№ 69.
Открытая шахта, вблизи которой были уничтожены трупы Царской семьи, в момент ее осмотра весною 1919 г.



№70.
Та же шахта
в момент
разработки ее
весной 1919 г.

№71.
Дорожка,
по которой
были
доставлены
на рудник
трупы
Царской семьи
(„яма с бревном")

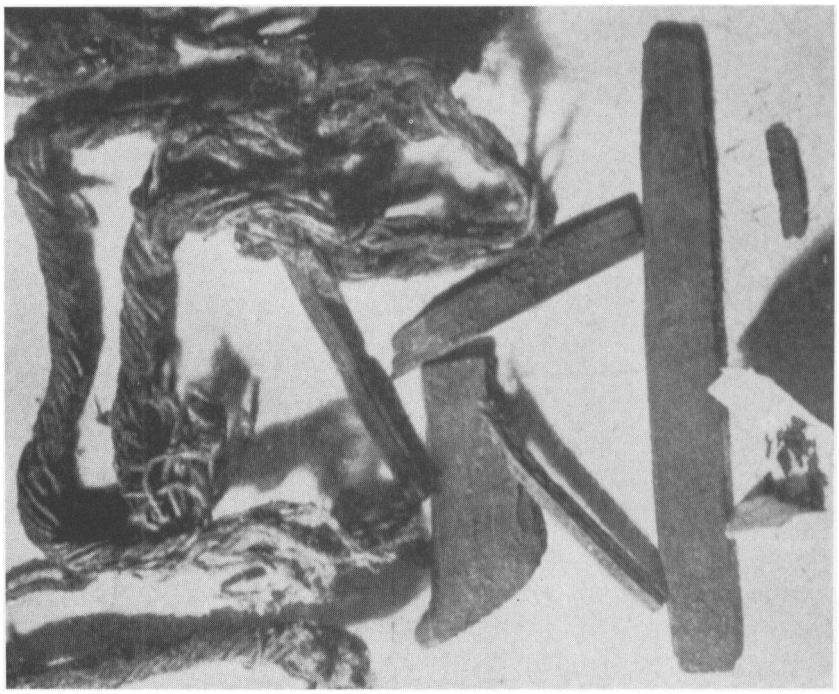
№72.
Место вблизи
переезда № 184,
где находилась
большевистская
застава



№73.
Раскопки в районе рудника весной и летом 1919 года

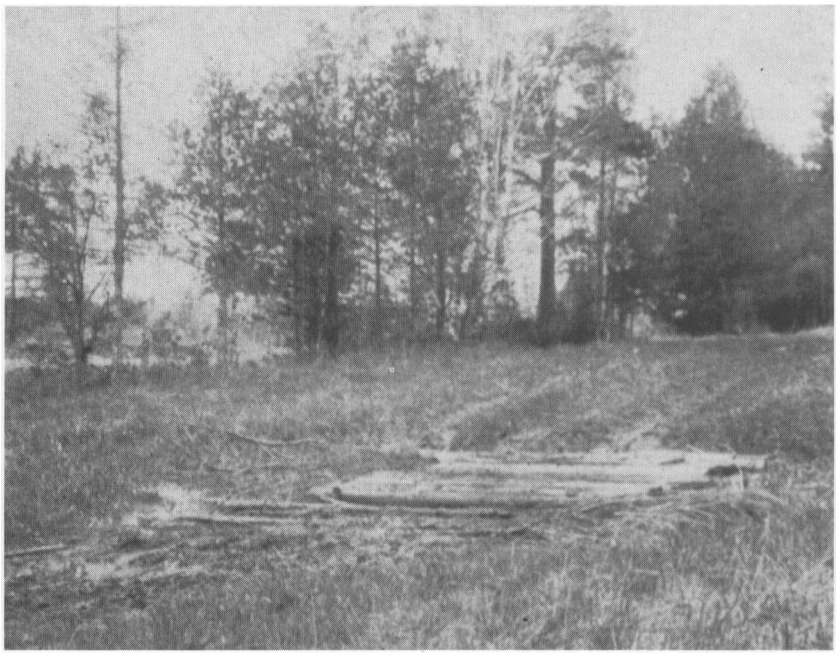
№ 74.
Раскопки в районе рудника весной и летом 1919 года

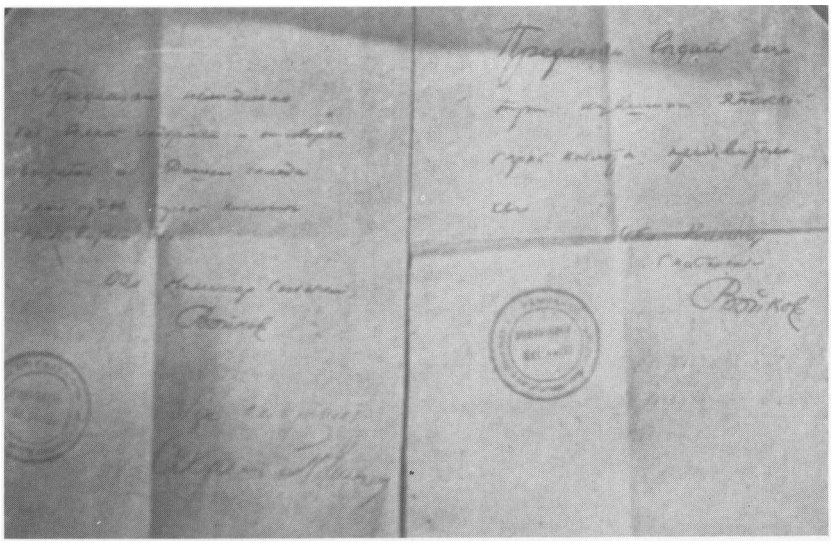
№77.
Малый костер для курева от комаров, вблизи которого были найдены сосновые дощечки



№ 75. Веревка и части сосновой доски,
найденные на руднике

№ 76. Мостик, набросанный большевиками
на коптяковской дороге, где застрял
грузовой автомобиль, доставивший трупы
Царской семьи к руднику.

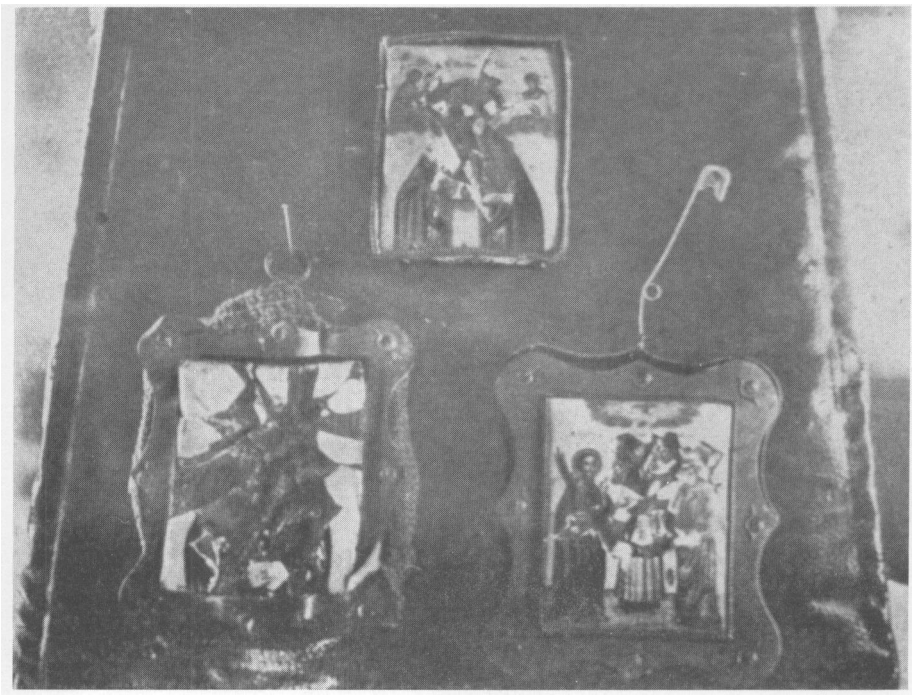




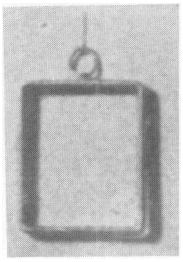
№ 78. Требования комиссара Войкова
на серную кислоту (см. док. № 200)

№79.
Костер вблизи
открытой
шахты, где
уничтожались
трупы
Царской семьи

№80.
Костер
у старой березы

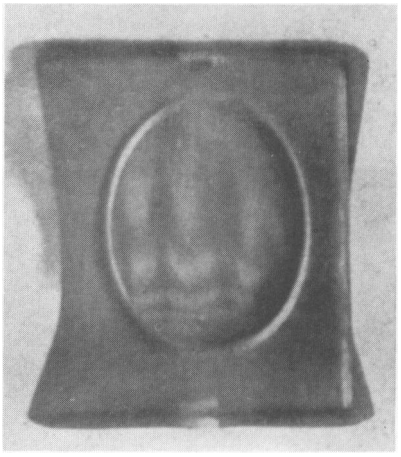


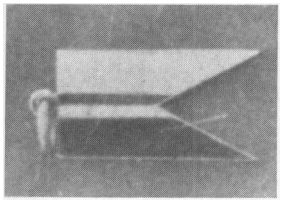
№ 81. Три образа



№ 83. Серебряная рамочка от образа

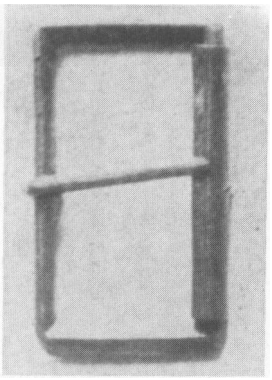
№ 84. Портретная рамочка





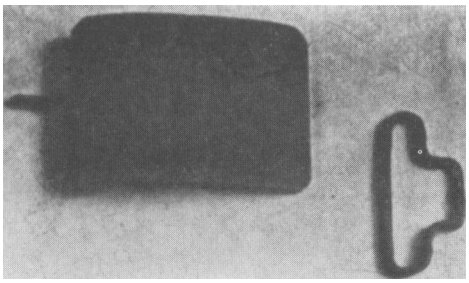
№ 85. Значок л.-гв. Уланского полка, принадлежавший Государыне

№87. Государь Император

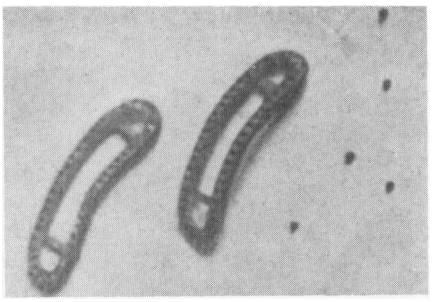


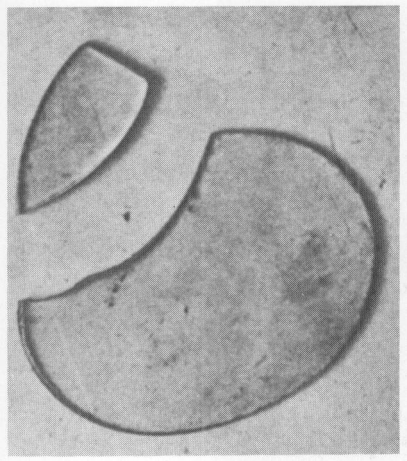
№86.
Пряжка,
напоминавшая
Соколову
Государеву пряжку
от пояса
офицерского
образца
(см. фот. № 87)

№ 88. Пряжка от пояса, малого образца

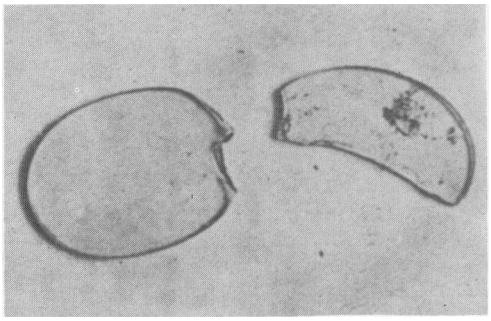


№ 89. Пряжка от туфель, с алмазами



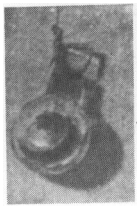


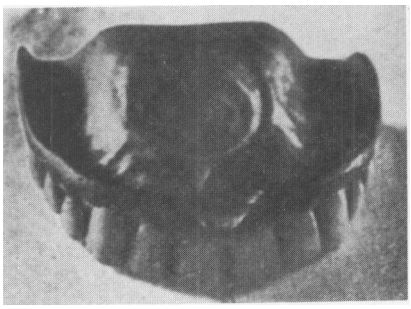
№ 92. Стекло от очков



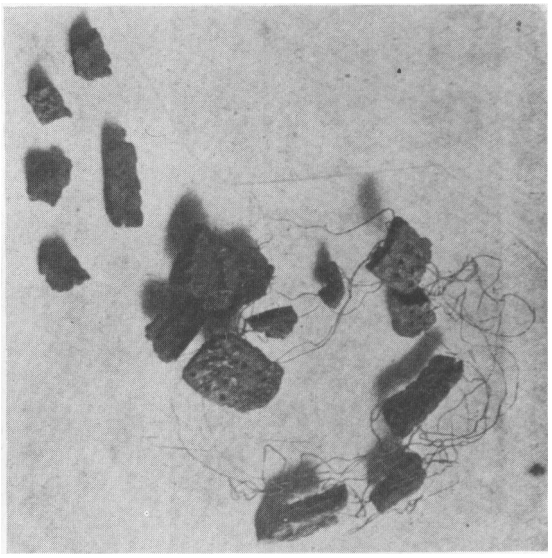
N°94- Стекла от пенсне

№91.
Флакон
с солями



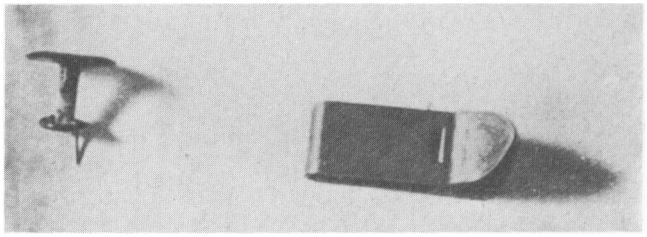


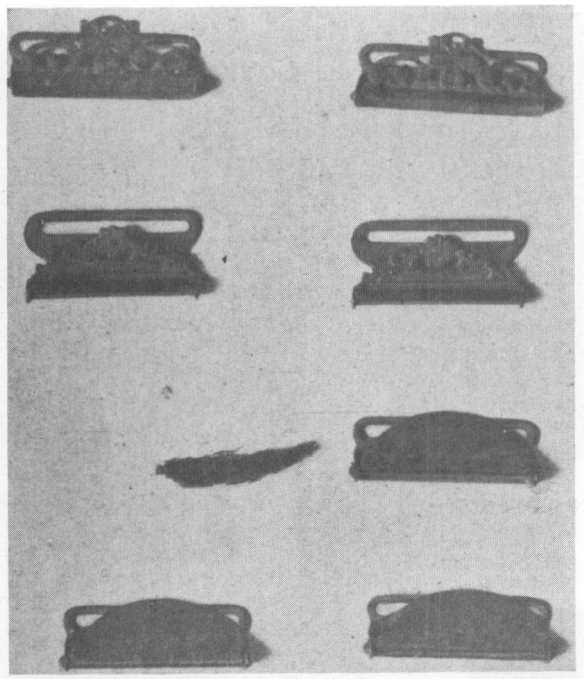
№ 95. Искусственная челюсть



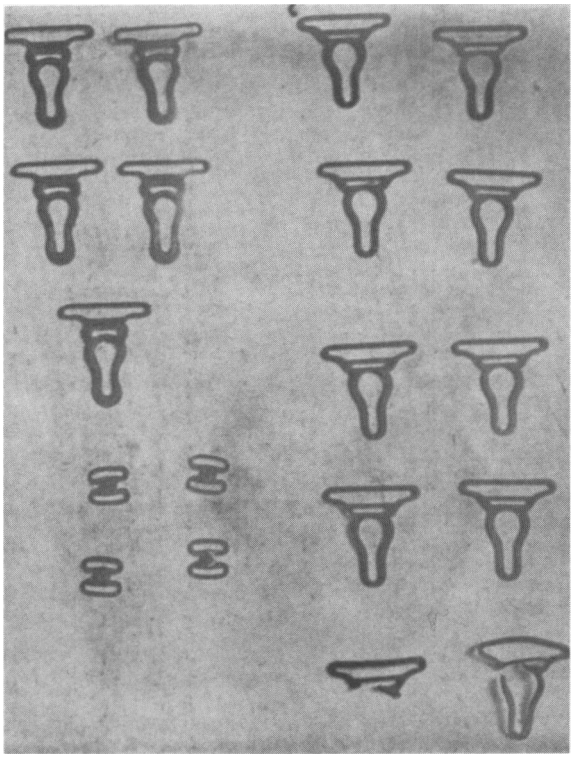
№ 96. Остатки щеточки (для усов)

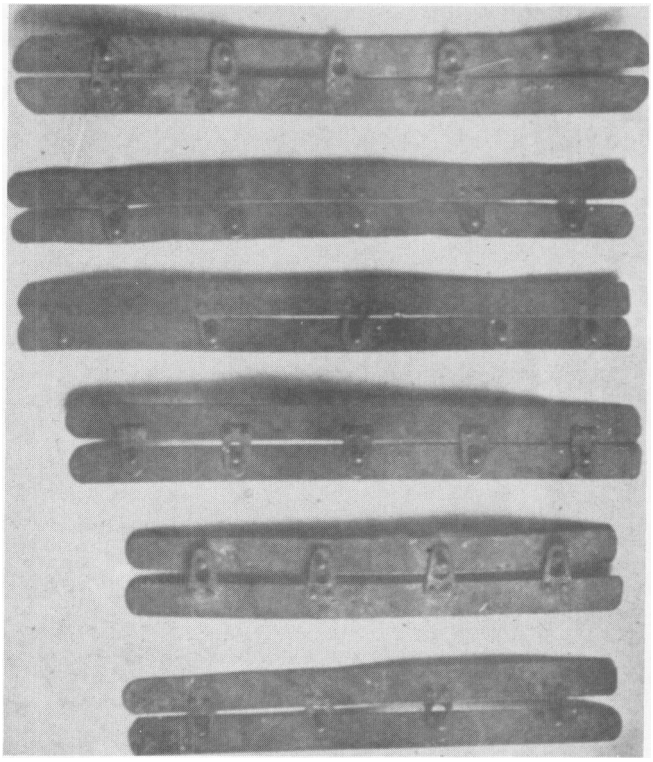
№ 97. Запонка и машинка для галстука



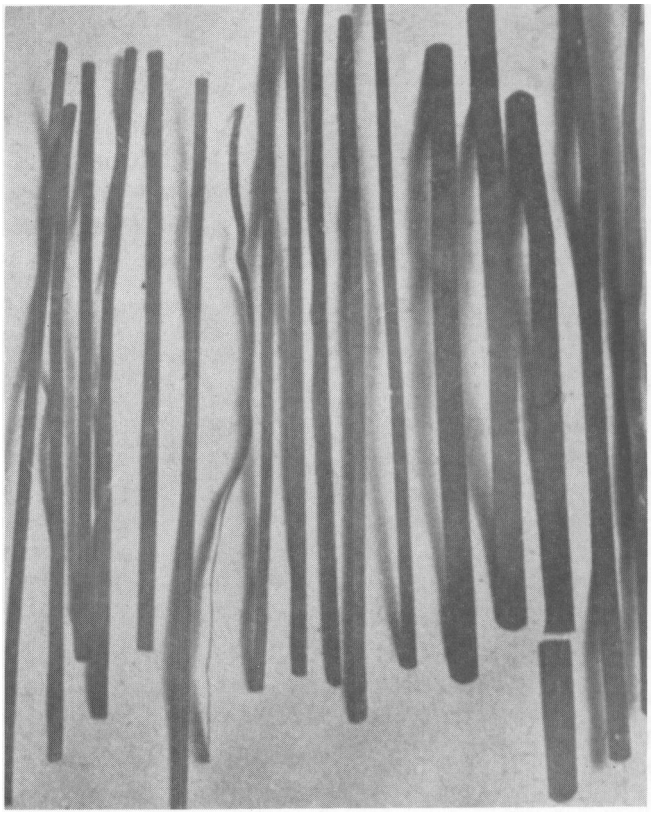


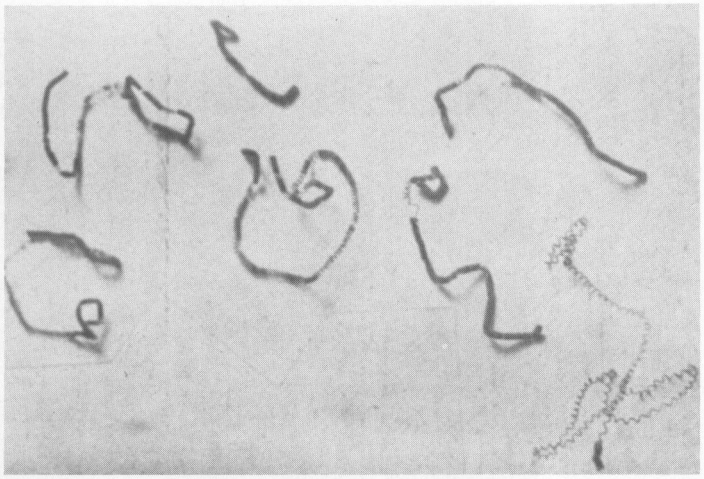
№№99 и 102. Части корсетов



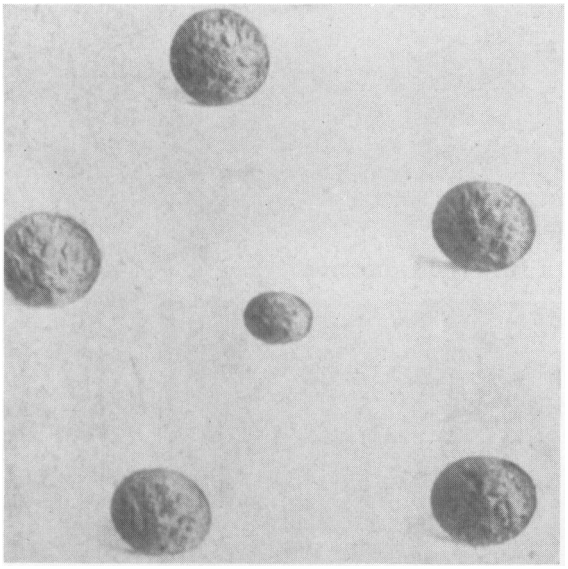


№№ 100 и 101. Части корсетов

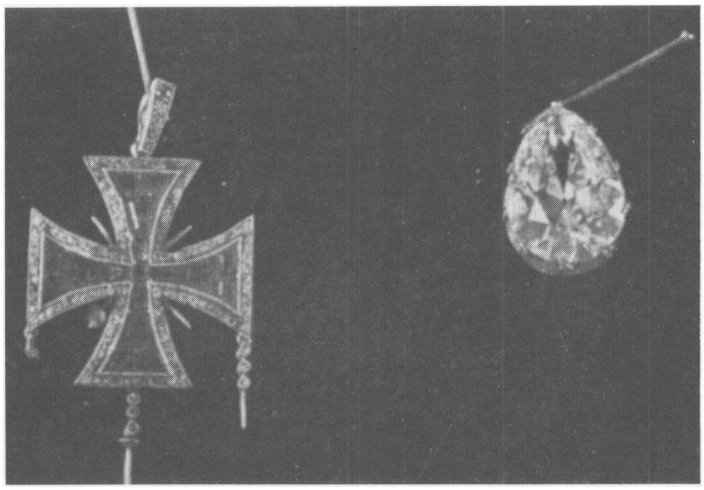




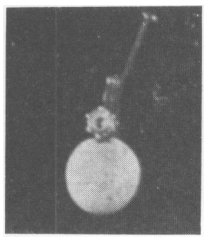
№ 105.
Пружинки
от помочей



№ 108.
Пуговицы
с государствен-
ным гербом



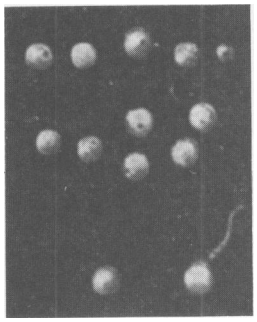
№ 111.
Бриллиант
и крест



№ 112.
Жемчужная
серьга

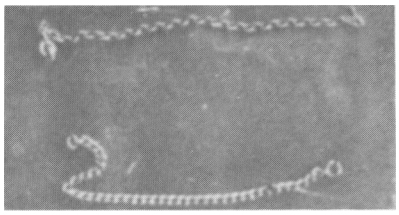
№ 113. Государыня Императрица
в жемчужных серьгах

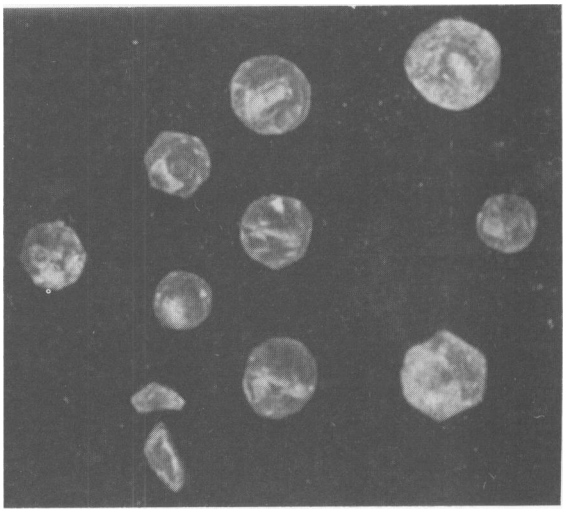
№ 114.
Части другой
жемчужной
серьги



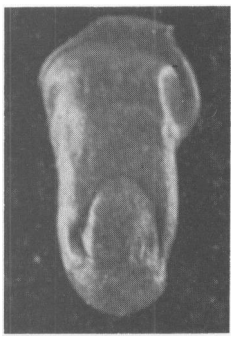
№ 115.
Жемчужины

№ 117. Два золотых обрывка
от браслетов

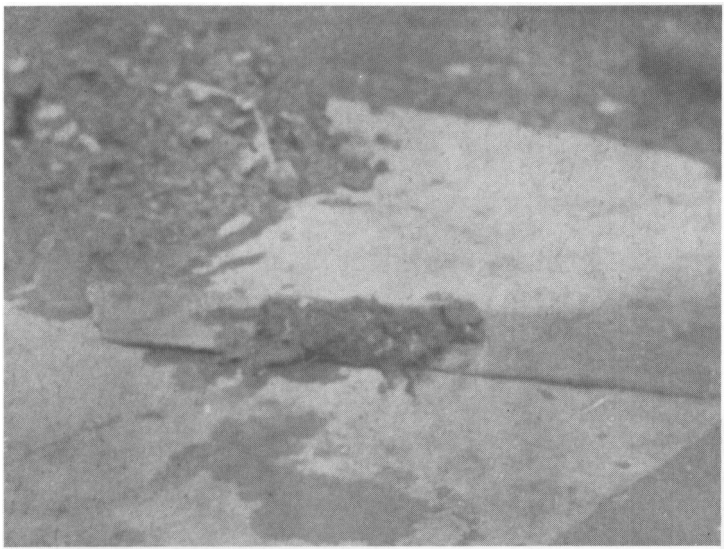




№ 119.
Топазы

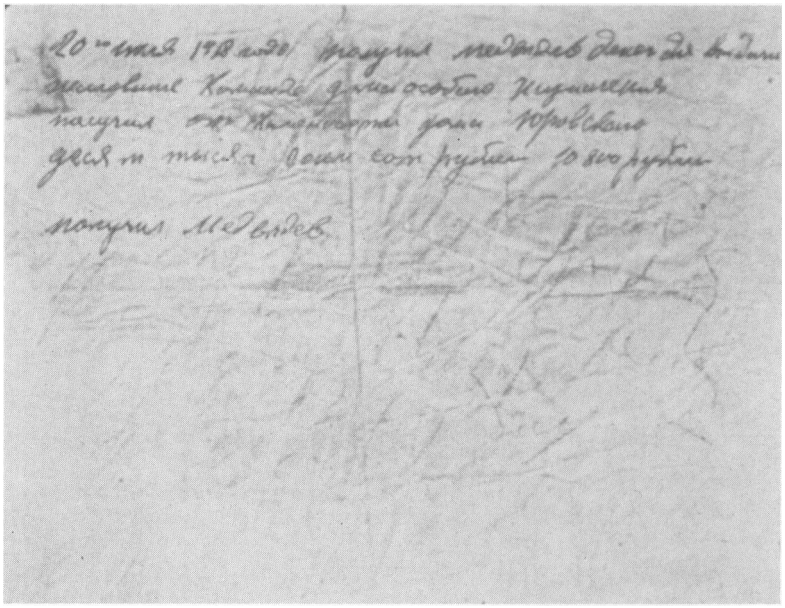


№ 120. Человеческий палец, найденный на руднике



№ 121. Труп собаки „Джемми", принадлежавшей великой княжне Анастасии Николаевне, найденный на руднике

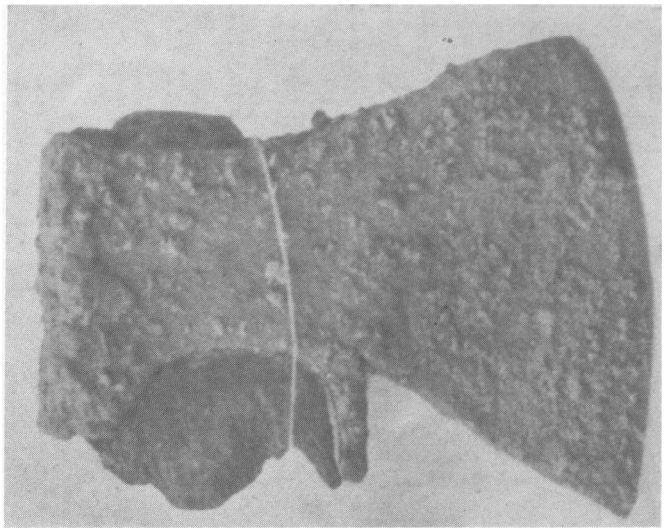
№ 122. „Джемми" на руках великой княжны Анастасии Николаевны

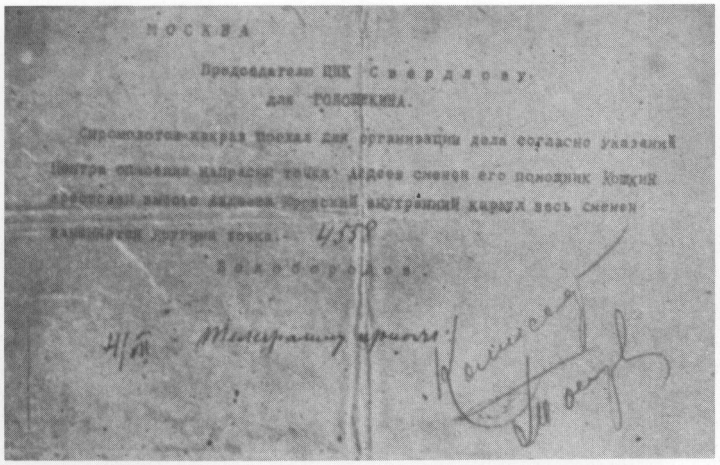


№ 123. Расписка Медведева в получении от Юровского денег для расплаты с сысертскими охранниками после убийства Царской семьи (см. док. № 164)

№ 124.
П. З. Ермаков

№ 127. Топор, найденный на руднике





МОСКВА

Председателю ЦИК Свердлову.

для ГОЛОЩЕКИНА.

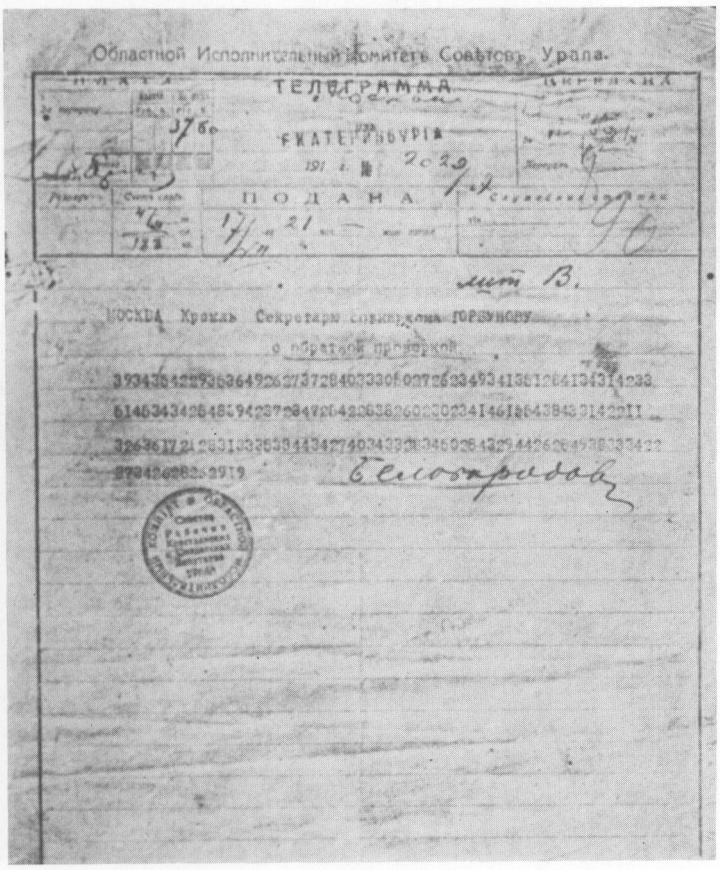
Сформирован караул поехал для организации дела согласно указаний Центра отменил надрасные точки. Здесь сменен его помощник Кошкин пересмотрен личный состав. Прошлый внутренний караул весь сменен. Расставлены внутренние точки. 4550

Белобородов.

4/III Телеграмму прочел.

№ 129. Телеграмма Белобородова Голощекину о замене внутреннего караула чекистами (см. док. №№ 24 и 181)

№ 130. „Передайте Свердлову что все семейство постигла та же участ что и главу оффициально семия погибнет при евакуации" (см. док. № 151)



Областной Исполнительный Комитет Советов Урала.

ТЕЛЕГРАММА

ЕКАТЕРИНБУРГ

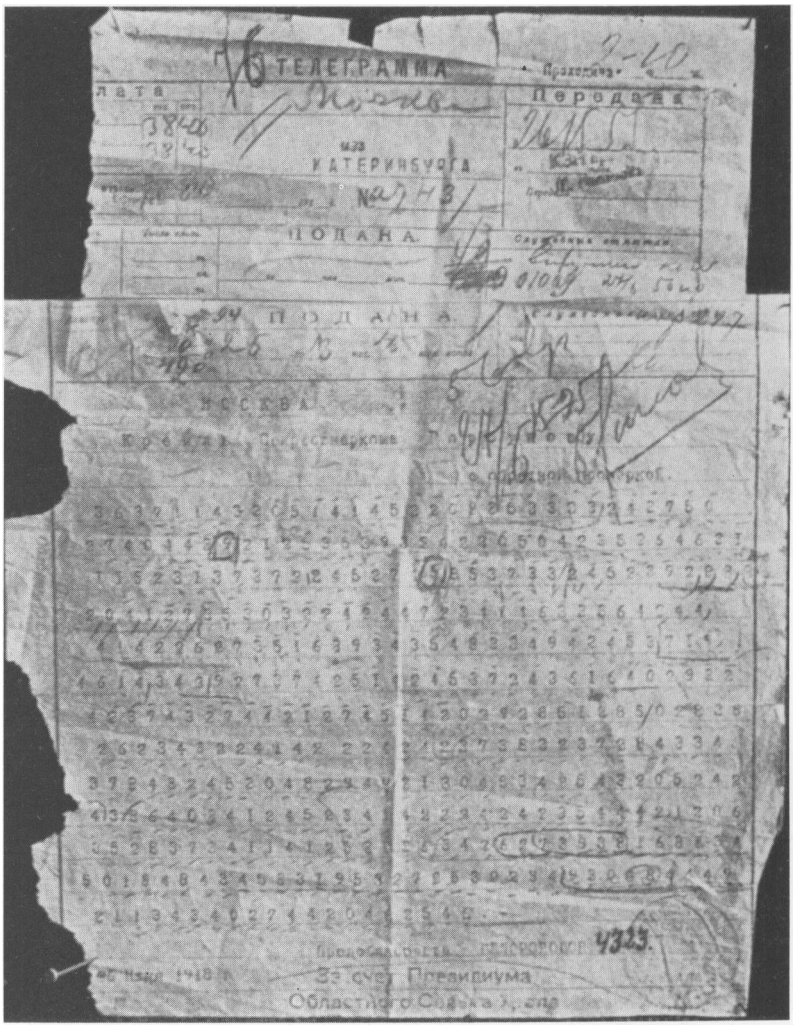
ПОДАНА

лист 13.

МОСКВА Кремль Секретарю Совнаркома ГОРБУНОВУ

о выдаче пропусков

Белобородов


ТЕЛЕГРАММА

Дата

Передана

из КАТЕРИНБУРГА

ПОДАНА

ПОДАНА

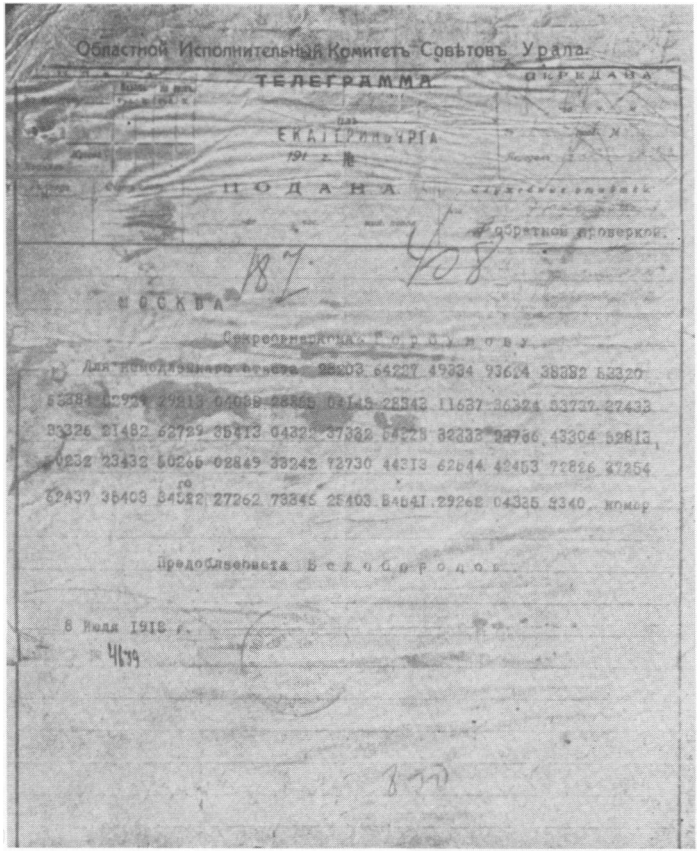
МОСКВА

4323.

За счет Президиума

Областного Совета

№ 131. „Ми уже сообщали что вес запас золота и платини вивезен отсюда два вагона стоят колесах Перми просим указат способ хранения на случаи поражения советвласти мнение облакома партии и обласовета случае неудачи вес груз похоронит даби не оставит врагам" (см, док. № 180)



Областной Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ Урала.

ТЕЛЕГРАММА

ОБРАЗЦА

ЕКАТЕРИНБУРГА

191 г. №

ПОДАНА

с обратной проверкой.

187

208

МОСКВА

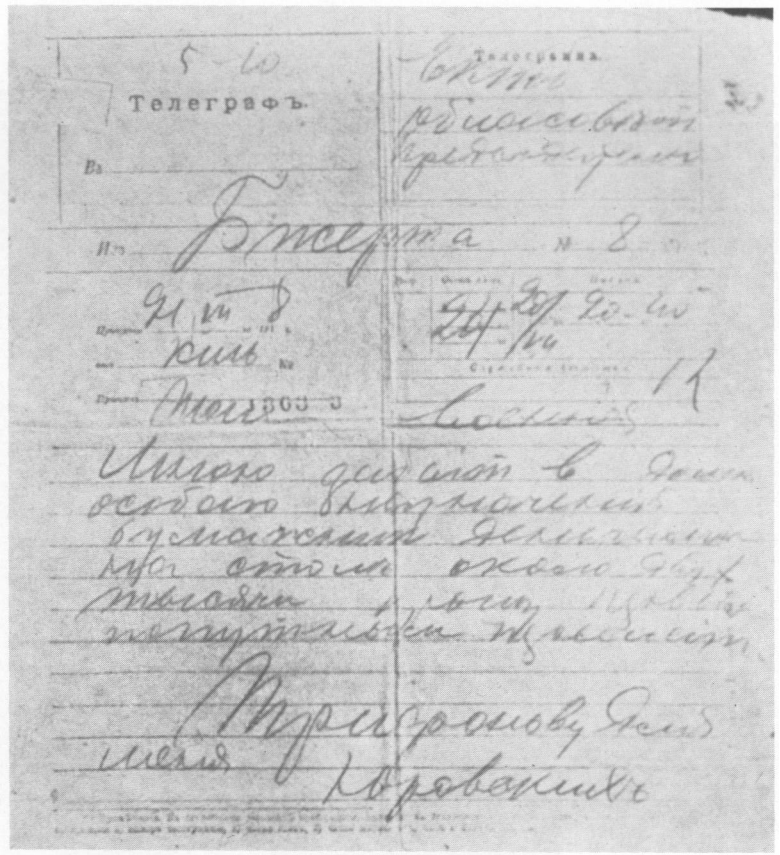
Совреснаркому Горькому

Для [illegible] 25203 64227 49334 93624 38382 53320 [illegible] 29813 04088 28865 04145 28343 11637 36324 53732 27433 33326 21482 62729 05413 04322 37382 64228 32333 24766 43304 52813 [illegible] 0232 23432 50265 02849 33242 72730 44313 62644 42453 72826 47254 [illegible] 35403 34522 27262 73345 25403 84541 29262 04325 2340 комар

Предобласвиста Белобородов

8 Июля 1918 г.

№ 4139



Телеграфъ.

Телеграмма

Бюсерта

№ 8

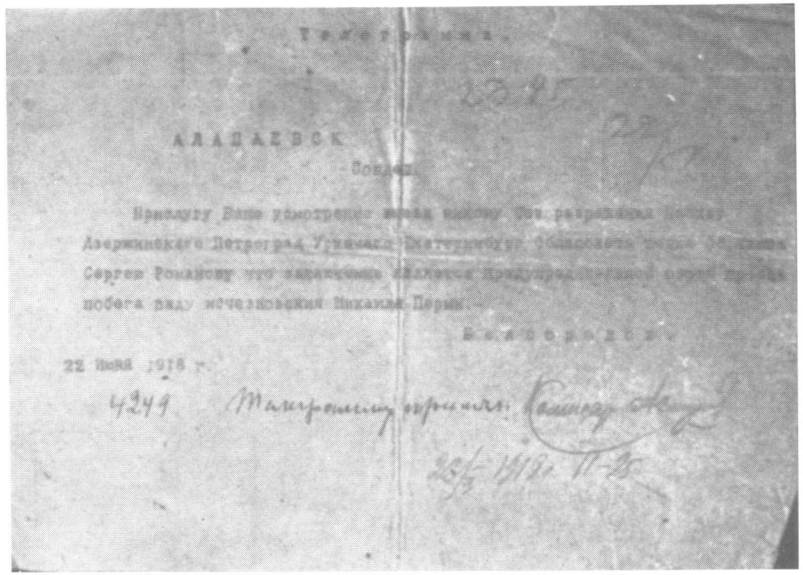
Ситкарь

Ситкарь

Иногда дисциплина в деревне особенно выдающимся бунтовским элементом идет отсюда оказывается [illegible] получительных [illegible]

Туруханову Ясинскому

Юровский



Телеграмма.

АЛАПАЕВСК

Совдеп

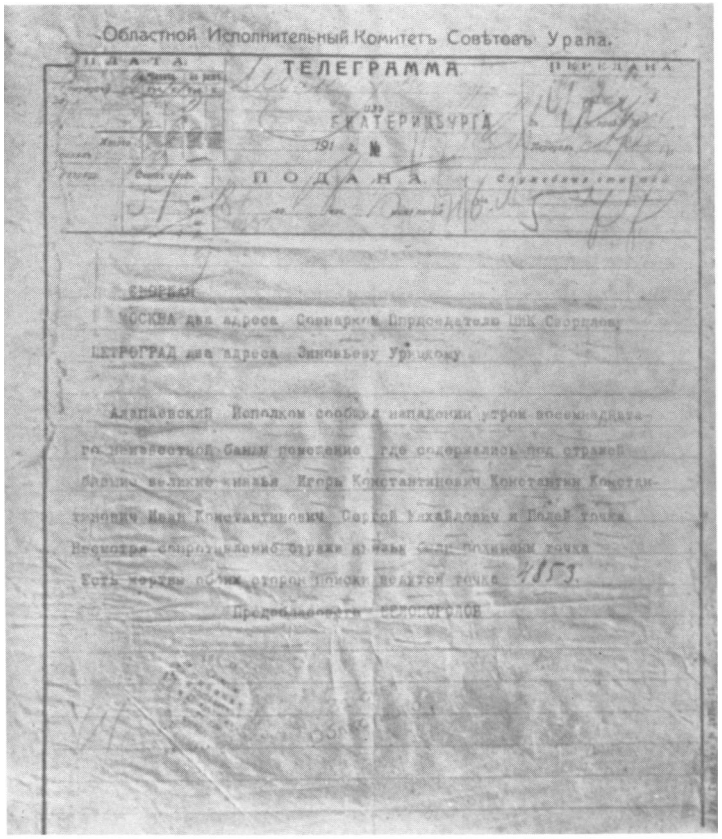
Прилагаю Ваше усмотрение [illegible] Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург [illegible] Сергея Романову что [illegible] побега ему исчезновения Михаила Перы.

Белобородов

22 июня 1918 г.

4249

Телеграмму получил: [illegible]



Областной Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ Урала.

ПРИНЯТА. ТЕЛЕГРАММА ПЕРЕДАНА

ЕКАТЕРИНБУРГА

ПОДАНА

ЕКАТЕРИНБУРГ

МОСКВА два адреса Совнаркому Председателю ВЦИК Свердлову

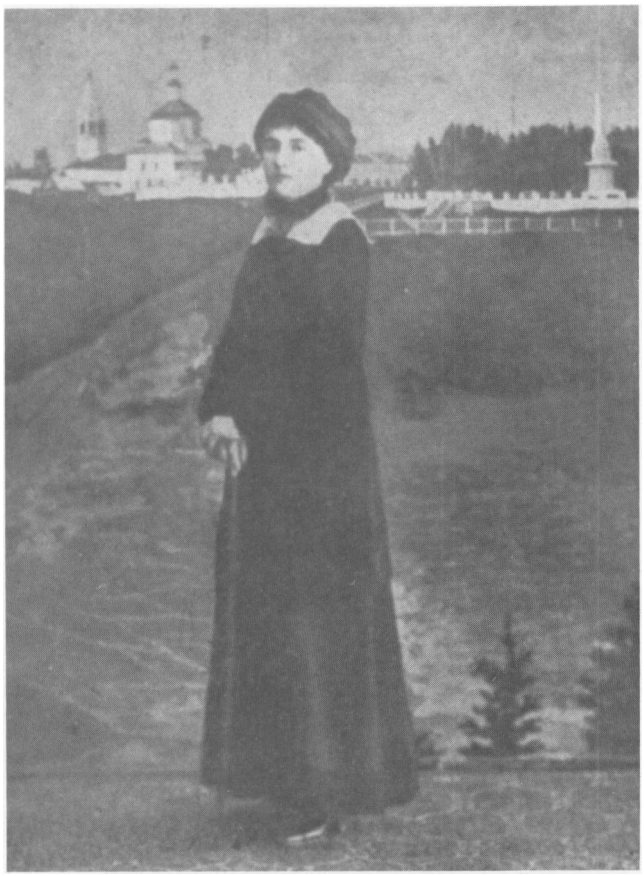
ПЕТРОГРАД два адреса Зиновьеву Урицкому

Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого [illegible] банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович Константин Константинович Иоанн Константинович Сергей Михайлович и Палей точка Несмотря сопротивлению стражи [illegible] точка Есть жертвы [illegible] точка 4853

Председатель [illegible]

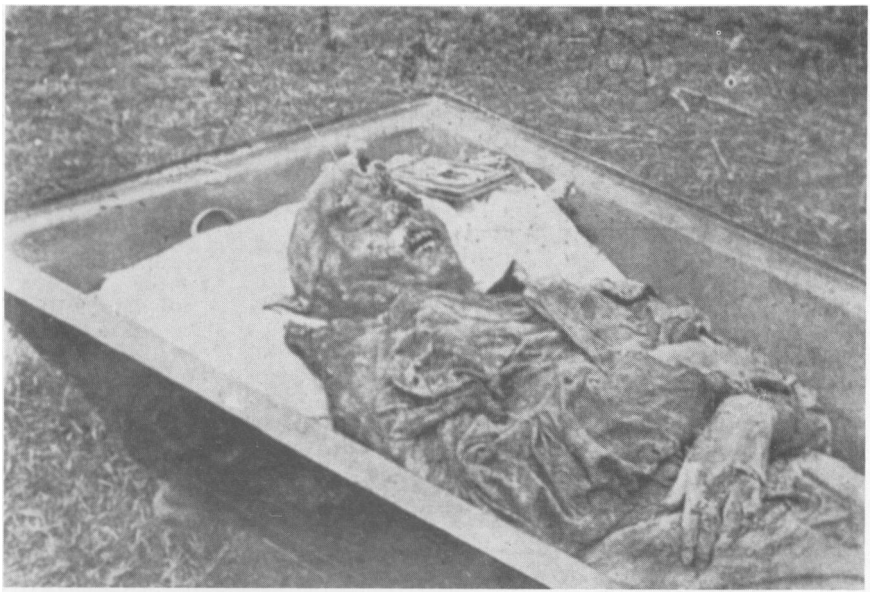
№ 134. Телеграмма Белобородова алапаевскому совдепу (см. док. № 181)

№ 135. Телеграмма Белобородова о мнимом похищении алапаевских узников (см. док. №№ 24 и 151)



№ 142. Графиня А. В. Гендрикова

№ 143. Труп графини А. Гендриковой, найденный в Перми



Примечания

5. В России до революции было три категории судебных следователей:

1. Участковый следователь.

2. Следователь по важнейшим делам: он приступал к следствию по предложению прокурора Суда.

3. Следователь по особо важным делам, приступавший к следствию по предложению прокурора Суда, прокурора Палаты или Министра юстиции.

К тому же прокурор мог предложить следствие, в случае надобности, и простому члену Суда.

6. Эту дату называет сам Кутузов, в частном письме, написанном уже в эмиграции. Она фигурирует и у Дитерихса (Том 1, с. 126; см. здесь прим. 28).

7. Иван Александрович Сергеев был членом Екатеринбургского окружного суда. Он прошел стажировку судебного следователя, но не имел опыта следственной работы. Дитерихс и Соколов весьма критически оценивают его работу, обвиняют его в том, что он не задавал дополнительных вопросов, не обращал внимания на все вещественные доказательства, не допрашивал многих наличных свидетелей. Жильяр оценивает его работу как добросовестную, но упрекает его в излишнем внимании к разным ложным слухам, распространяемым большевиками. Работу Сергеева сильно затрудняло то обстоятельство, что он, как член Суда, не мог надолго уезжать из Екатеринбурга. Он был умеренно социалистических взглядов. Не любивший его Дитерихс пишет, что он был „маленький, худой, с продолговатым, нечистым лицом, торчащими ушами, бегающими бледно-серыми глазами" и что „он производил впечатление умного, но очень 'себе на уме' человека". (Дитерихс, т. 1, с. 131; см. здесь прим. 28.) Вильтон утверждает, что все члены Екатеринбургского суда, оставшиеся в городе, были расстреляны после возвращения большевиков. О расстреле Сергеева красными пишет и Дитерихс.

8. Сперва Областное правительство, а потом и (Уфимская) Директория.

9. Александр Федорович Кирста – колоритная фигура, сыгравшая значительную роль в ходе расследования убийства Царской семьи. Кирста был человеком очень активным, но действовал сумбурно и был малоразборчив в денежных делах. Будучи во главе Екатеринбургского уголовного розыска, он был отчислен от должности и арестован нач. гарнизона ген. Голицыным за незаконные поступки, обнаруженные в работе розыска. После отъезда Голицына на фронт, он был освобожден Гайдой и вел расследование по убийству Царской семьи непосредственно под его начальством, тайно от судебного следствия. Кирста рано поверил в то, что часть Царской семьи была увезена из Екатеринбурга и избежала смерти, и посвятил всю свою энергию нахождению следов якобы спасенных Государыни и великих княжен.

10. Адмирал Александр Васильевич Колчак (1874–1920). Будучи морским офицером, храбро воевал и был ранен в Японскую войну. В августе 1916 г. он был назначен командующим Черноморским флотом и провел ряд успешных операций. Временное правительство отрешило его от должности и послало с особой миссией в США. 4 ноября 1918 г., прибыв в Омск, он был назначен Военным министром Сибирского правительства. После государственного переворота 18 ноября 1918 г. вся власть в Сибири и на востоке России перешла к Колчаку, принявшему звание Верховного правителя. Его власть признал ген. Деникин, главнокомандующий белых войск на Юге России. После поражения белых в Сибири Колчак выехал из Омска на восток и в начале 1920 г. в Иркутске был выдан революционным властям охранявшими его чехами. Там его без суда, 7 февраля 1920 г., расстреляли чекисты, а затем спустили его тело под лед в Ангару. Перед выдачей адм. Колчак отрекся от власти в пользу ген. Деникина.

11. С. С. Старынкевич, присяжный поверенный, по политическим взглядам – эсер, был сослан в Сибирь до революции. При Временном правительстве он был назначен прокурором Иркутской судебной палаты. Во время формирования Омского правительства, за неимением более подходящего кандидата, Старынкевич был назначен Министром юстиции и некоторое время таковым оставался после прихода к власти Колчака. Затем он был заменен Г. Г. Тельбергом, по убеждениям – кадетом.

12. Генерал Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937) занимал высокие военные должности во время Первой мировой войны, показал себя выдающимся военачальником. В сентябре 1917 г. он был назначен ген.-квартирмейстером, а в ноябре – начальником штаба Ставки. Не приняв большевистской власти, Дитерихс бежал на Украину, а затем, в должности нач. шт. Чехословацкого корпуса, способствовал его восстанию весной 1918 г. Из-за интриг, плетшихся вокруг адм. Колчака, ген. Дитерихс долго не получал достойного его назначения. Лишь в июле 1919 г. он получил Сибирскую армию и стал командующим Восточным фронтом в условиях ускоряющегося отступления белых войск по Сибири. В августе Дитерихс был назначен Военным министром. Но положение спасти было уже невозможно. Отрешенный от должности Колчаком, Дитерихс в 1920 г. поселился в Харбине, где, живя в большой бедности

(работал он одно время сапожником), он написал свою книгу об убийстве Царской семьи. В июне 1922 г. ген. Дитерихс был избран Правителем и Воеводой Земской рати приморским Земским собором, но военное положение Приморья было безнадежно, и после потери Спасска, осенью 1922 г., Дитерихс ушел в Китай вместе с многочисленными беженцами и остатками белых частей. До своей смерти ген. Дитерихс оставался возглавителем большей части русской военной эмиграции на Дальнем Востоке. См. его фотографию в Приложении.

13. Пермь была сдана красным 1 июля 1919 г.

14. Агент уголовного розыска С. И. Алексеев очень помог следствию. По определению ген. Дитерихса, это был „способнейший и, пожалуй, единственный в то время в Сибири вполне честный агент сыска. /.../ Бывший исправник, он имел громадный опыт сыщика и большое знание души преступника, и где даже старым прокурорам не удавалось добиться правды, он легко беседой подводил преступника или свидетеля почти к полной откровенности" (Дитерихс, т. 1, с. 161; см. здесь прим. 28). Он разыскал ряд важнейших свидетелей – шофера Мельникова, красноармейцев Медведева, Проскурякова и Якимова...

15. Николай Алексеевич Соколов родился в 1882 г. в г. Мокшане, Пензенской губернии. Он окончил Харьковский университет по юридическому факультету, а затем служил следователем в Пензенском окружном суде. Был он простого происхождения. После октябрьского переворота Соколов, переодевшись мужиком, бежал в Саратов и жил в дер. Медведевка, совершенно слившись с окружающим его крестьянским миром, который он любил и прекрасно знал. В 1918 г. он пешком, в крестьянской одежде, пробрался в Сибирь и получил назначение судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде. С начала 1919 г., полностью переключившись на дело об убийстве Царской семьи, он вел его в Екатеринбурге, Сибири и Европе до конца своих дней. Умер Соколов в г. Сальбри, в центральной Франции, 23 ноября 1924 г. и был похоронен на местном кладбище приехавшим из Парижа православным священником, в присутствии мэра города и большой части населения.

Соколова для ведения Царского дела рекомендовал в Омске бывший Пензенский губернатор кн. Голицын, который, как и большинство людей, с ним знакомых, очень высоко ценил профессиональные качества Соколова.

„Среднего роста, худощавый, даже просто худой, несколько сутулый, с нервно двигавшимися руками и нервным, постоянным прикусыванием усов; редкие, темно-шатеновые волосы на голове, большой рот, черные, как уголь, глаза, большие губы, землистый цвет лица – вот внешний облик Соколова. Отличительной приметой его был вставной стеклянный глаз и некоторое кошение другого, что производило впечатление, что он всегда смотрит несколько в сторону. /.../ Когда, бежав от большевиков из Пензы, он переоделся простым, бедным крестьянином, из него создался характернейший тип бродяги, босяка, хитровца из повестей Максима Горького. /.../

Экспансивный, страстный, он отдавался всякому делу всей душой, всем существом. С душой несравненно большей, чем его внешность, он был вечно ищущим, жаждущим /.../. Как человек самолюбивый и фанатик своей профессии, он нередко проявлял вспыльчивость, горячность и подозрительность к другим людям. /.../ С детства природный охотник, привыкший к лишениям бродячей охотничьей жизни, к высиживанию по часам глухаря или тетерева на току, он развил в себе до максимального предела наблюдательность, угадывание примет и бесконечное терпение в достижении цели" (Дитерихс, т. 1, сс. 175–176; см. здесь прим. 28. См. его фотографию в Приложении).

16. Соколов, сс. 3–4; см. здесь прим. 26.

17. См. фот. у Соколова № 1 (воспроизведена в Приложении); см. здесь прим. 26.

18. Часть из этих материалов была издана Тельбергом в Берлине, в 1924 году; см. здесь прим. 37.

19. Роберт (Альфредович) Вильтон был корреспондентом лондонского „Таймса" в России и еще по фронту Первой мировой войны знал ген. Дитерихса. Оказавшись в Сибири, он сделался его постоянным спутником и часто сопровождал его в течение 1919 г. Вильтон подружился и с Соколовым. Вильтону адм. Колчак поручил заведование фотолабораторией, изготовлявшей снимки для следствия. Так же, как и Соколов, Вильтон покинул Екатеринбург совсем незадолго до прихода красных. Он был наблюдательным и умным человеком и написал ценный труд о гибели Царской семьи. Приходится сожалеть, что труд этот много теряет от внесенной в него „широкой" концепции о еврейско-немецком заговоре, якобы лежащем в основе всех обстоятельств последних месяцев жизни Царской семьи. Вернувшись в Англию, Вильтон поплатился за свои идеи, неприемлемые для широкой английской общественности, лишением работы в „Таймсе".

20. Полковнику Евгению Степановичу Кобылинскому в 1919 г. было 40 лет. Он ушел на фронт Первой мировой войны офицером лейб-гвардии Петроградского полка, был ранен под Лодзью, вернулся в строй и был контужен под Гутой Старой. Контузия повлекла за собой

сильный нефрит и полную потерю боеспособности. Кобылинский был переведен в Петроград, в запасной батальон своего полка. В марте 1917 г. ген. Корнилов назначил Кобылинского начальником Царскосельского гарнизона, ему была поручена охрана находившейся в заключении Царской семьи. Оставался он начальником охраны и в Тобольске, куда переехал с Царской семьей, до отъезда семьи в Екатеринбург. Кобылинский женился на Клавдии Михайловне Битнер, преподавательнице Тобольской гимназии, которая давала уроки и царским детям. После занятия Тобольска и Екатеринбурга белыми Кобылинский снова поступил на службу и занимал разные штабные должности. В 1919 г., во время отступления белых частей, он был взят в плен в бою под Красноярском. После гражданской войны он с женой жил в Рыбинске. В 1927 г. Кобылинский был арестован и расстрелян.

21. Григорий Михайлович Семенов (1890–1946) родился в семье казака Забайкальского казачьего войска. Участвовал в Первой мировой войне. В июне 1917 г. был одним из комиссаров Временного правительства в Забайкалье. С августа 1918 г. возглавил борьбу с большевиками в Забайкалье и был назначен Сибирским правительством командующим местных войск. В начале 1919 г. Семенов провозгласил себя атаманом Забайкальского казачьего войска, довольно неохотно признал власть Колчака и фактически, при активной поддержке японцев, продолжал распоряжаться по своему усмотрению в Забайкалье и Приамурском крае. До отречения Колчак передал Семенову всю полноту власти на восточной окраине России, а в 1920 г. Семенов подчинился правительству ген. Врангеля, как правительству всероссийскому. Атаман Семенов эмигрировал в сентябре 1921 г. и в жизни русской дальневосточной эмиграции играл значительную роль, продолжая бороться против большевиков. В 1945 г., в Маньчжурии, он был захвачен советскими войсками и казнен по приговору Верховного суда 30 августа 1946 г.

22. Личность Василия Васильевича Яковлева и его роль в событиях привлекли пристальное внимание как следствия, так и различных авторов, писавших о судьбе Царской семьи. Для Соколова он был центральной фигурой немецкого заговора против Царской семьи, для Саммерса и Мэнгольда – авантюристом, завербованным английской разведкой. Дела Яковлева опутаны большим количеством предположений и вымыслов и трудно с уверенностью в своей правоте описать его роль. О нем много писал Мельгунов (см. здесь прим. 38, с. 281 и далее). Из советских авторов последнего времени о нем наиболее подробно написал Г. З. Иоффе в книге „Крах российской монархической контрреволюции", Москва, 1977, сс. 148–157. О конце жизни Яковлева Иоффе не пишет, но пишет об этом Касвинов (см. здесь прим. 41; с. 460), подтверждая рассказ Соколова.

По утверждению Иоффе (который часто ссылается на источники), настоящее имя В. В. Яковлева – Константин Мячин. Он уроженец г. Уфы. В период революции 1905 г. он был активным участником большевистской боевой организации в Уфе. В августе 1909 г. он руководил дерзким большевистским „эксом" – нападением на почтовый поезд на станции Миасс. Затем Яковлев выехал за границу, учился в школе группы „Вперед" в Болонье. Жил он и работал во Франции и Бельгии. После Февральской революции – вернулся в Россию. Яковлев участвовал во взятии Зимнего дворца, был делегатом II Всероссийского съезда советов. 27 октября он был назначен комиссаром Центрального телеграфа. Яковлев был послан на Урал и в Западную Сибирь по поручению Совнаркома, с целью перевезти Николая II из Тобольска в Екатеринбург. Спешка с отъездом, а также перемена направления во время поездки на поезде – связаны с данными, якобы имевшимися у Яковлева, о вероятности нападения на поезд. Кобылинский и Александра Федоровна, совершенно без оснований, предположили, что намечается перевоз Государя в Москву. Екатеринбургские большевики отнеслись с недоверием к объяснениям Яковлева, но тем не менее отпустили его в Москву. Затем Яковлев был назначен (Троцким – пишет ген. Дитерихс) главкомом войсками Уральско-Оренбургского фронта, а потом комиссаром и командиром 2-й армии Восточного фронта.

По данным Дитерихса и Соколова, подтвержденным Касвиновым, Яковлев в октябре 1918 г. перешел к белым. 30 декабря 1918 г. он был арестован по распоряжению белых военных властей и отправлен в Омск. Там его передали (2 января 1919 г.) полк. Зайчеку, возглавлявшему контрразведку Генерального штаба. С этого момента следы Яковлева теряются...

23. Борис Николаевич Соловьев – зять Распутина – не менее загадочная фигура, чем Яковлев. В док. № 274 можно узнать о его ранней биографии и делах во время тобольского и екатеринбургского заключения Царской семьи. Соколов считал его агентом, контролировавшим связи между монархическими организациями и Царской семьей по поручению немцев и большевиков. Вильтон также считает Соловьева крупным немецким агентом, наследником Распутина на этой должности. До войны Соловьев жил в Германии, в Шарлоттенбурге (Берлин). Оттуда он поехал в Индию, учился в теософской школе в Адьяре (Вильтон: см. здесь прим. 27, сс. 121–122).

В 1919 г. Соловьев скитался по Сибири и Дальнему Востоку. Деятельность его показалась подозрительной дальневосточным властям: он был арестован во Владивостоке и допрошен военным контролем 9 декабря 1919 г. Арестована была и его жена Матрена Григорьевна. Супруги были отправлены в Читу и заключены в местную тюрьму, где их долго допрашивал Соколов. Но 3 января, по настоянию своей „подруги", атаман Семенов приказал Соловьевых освободить.

Еще в России Соловьев распространял легенды о спасении Царской семьи. По свидетельству Вильтона (с. 121), он рассказывал, что „Государь спасся, перелетев на самолете в Тибет, к Далай-Ламе". Переселившись в Германию, Соловьев вращался в правых монархических кругах, обвинявших следствие в недобросовестности и подлогах и не признававших факта убийства Царской семьи. В частном письме от 22 апреля 1922 г. Соколов писал, что в Германии Соловьев живет на средства Симановича и Рубинштейна, в прошлом видных фигур из окружения Распутина, подозреваемых в тайных сношениях с германскими разведывательными службами.

24. Обстоятельства, связанные с отправкой ящиков в Европу, описаны у Тревина (см. здесь прим. 36, с. 131), в частном письме Соколова от 22 апреля 1922 г., в частном письме ген. Дитерихса от 11 апреля 1933 г. и в письмах полк. А. Дэвидсона Р. Вильтону от 25 сентября и 23 ноября 1930 г. (Эти письма хранятся в папке № 1 материалов Вильтона в Хаутонской библиотеке Гарвардского университета: Letters of Colonel A. Davidson, from Sandringham, to Robert Wilton. Ms. Russian – 35,1.)

25. Так пишет В. Александров (см. здесь прим. 42, с. 54 французского издания). См. фотографию „сундучка" с останками Царской семьи у Тревина (см. здесь прим. 36, с. 137). Согласно Э. Ростангу (Regards sur le passé de Mens. Без. изд.) французский пароход „Арман Бэик", на котором были отправлены ящики из Китая, пришел в Марсель 15 июля 1920 г. Оттуда ящики были перевезены ген. Жаненом в его именье Сэр Изар в дер. Сэн Себастиэн (деп. Изер), где они пробыли до 16 октября. Затем ящики были перевезены в пригород Гренобля Ля Тронш и позже переданы Гирсу.

26. Н. А. Соколов. Убийство Царской семьи. 1-е изд.: Берлин, 1925. 2-е изд.: Буэнос-Айрес, 1978; N. Sokolov. Der Todesweg des Zaren. Dargestellt von dem Untersuchungsrichter. – Berlin, 1925; N. Sokoloff. Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe. – Paris, 1924–1926.

27. Роберт Вильтон – Последние дни Романовых (Перевод с английского кн. А. М. Волконского). Берлин, 1923. Robert Wilton. The Last Days of Romanows. – London, 1920; Robert Wilton. Les derniers jours des Romanof. – Paris, 1921.

28. М. К. Дитерихс. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Тт. 1 и 2. 1-е изд. – Владивосток, 1922. 2-е изд. – Буэнос-Айрес, 1979.

29. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) – организация, созданная ген. Врангелем в 1924 г. для объединения русских военных за рубежом.

30. Во время следствия было снято много фотографий предметов, мест и лиц, относящихся к делу. К ним присоединены снимки разного времени Царской семьи и ее окружения, снимки большевистских деятелей. Эти снимки и негативы были вывезены ген. Жаненом среди прочих материалов и переданы в Париже Гирсу, но к ним Соколов получил доступ. Позже два сундучка со снимками и негативами оказались в частных руках и уже после Второй мировой войны были найдены в Париже американским журналистом Виктором Александровым. Они и поныне находятся в его владении.

Значительное количество фотографий и негативов, многие снятые Вильтоном, содержатся в экземпляре дела, хранящемся в Гарвардском университете. Много фотографий было также снято Гиббсом и Жильяром и отчасти опубликовано с их воспоминаниями. В настоящем труде воспроизводится большинство фотографий, опубликованных Соколовым.

31. Эти переговоры хорошо изложены Мельгуновым в его книге: Судьба Императора Николая II после отречения, с. 408 (см. здесь прим. 38).

32. П. М. Быков. „Последние дни последнего царя". В сборнике, сост. П. М. Быковым и А. Г. Нечепуркиным: Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. – Екатеринбург, 1921, сс. 19–26.

33. П. М. Быков. Последние дни Романовых. – Свердловск, 1926, сс. 106–126.

34. Там же, сс. 112–113.

35. Впервые воспоминания П. Жильяра о последних месяцах жизни Царской семьи были опубликованы, начиная с номера от 18 декабря 1920 г., в парижском журнале „L'Illustration". Последнее издание этого текста на русском языке: Пьер Жильяр. Трагическая судьба Русской Императорской фамилии. – Франкфурт-на-Майне, 1973 (Изд. „Посев"). Полный текст воспоминаний Жильяра вышел в Париже в 1921 году: Pierre Gilliard. Treize années à la

Cour de Russie (Péterhof, Septembre 1905 – Ekaterinbourg, Mai 1918). Le tragique destin de Nicolas II et de sa famille. – Paris, 1921. В том же году книга вышла по-английски: Pierre Gilliard. Thirteen Years at the Russian Court. – London, 1921. Вскоре был опубликован и русский перевод. Последнее его издание: Пьер Жильяр. Тринадцать лет при Русском Дворе (Петергоф 1905 год – Екатеринбург 1918 год). Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи. – Париж, 1978 (Изд. „Лев").

36. J. C. Trewin. Tutor to the Tsarevich. An Intimate Portrait of the Last Days of the Russian Imperial Family compiled from the papers of Charles Sydney Gibbes. – London, 1975.

37. Стенограммы допросов следователем Е. С. Кобылинского в качестве свидетеля, а П. Медведева, Ф. Проскурякова и А. Акимова /так!/ в качестве обвиняемых по делу об убийстве Императора Николая II. „Историк и Современник. Историко-литературный сборник". Т. 5, Берлин, 1924.

38. С. Мельгунов. Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. – Париж, 1951.

39. П. Паганущи. Правда об убийстве Царской Семьи. Историко-критический очерк. – Джорданвилль, 1981.

40. А.Д. Авдеев. „Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге". „Красная Новь", № 15, 1928. Того же автора: „С секретным поручением в Тобольске". „Пролетарская революция", № 9, 1930.

41. М. К. Касвинов. Двадцать три ступени вниз. Впервые опубликовано в журнале „Звезда", 1972, №№ 8–9 и 1973, №№ 7–10. Книжные издания: 1-е. – Москва, 1978, 2-е. – Москва, 1982.

42. Viktor Alexandrov. The End of the Romanovs. – Boston-Toronto, 1966; Victor Alexandrov. La fin des Romanov d'après les précieuses Cassettes de Sokolov. – Paris-Colmar, 1968.

43. Robert K. Massie. Nicholas and Alexandra. – New York, 1969; Robert Massie. Nicolas et Alexandra. – Paris, 1969.

44. Anthony Summers, Tom Mangold. The File of the Tsar. – New York-London, 1976; A. Summers, T. Mangold. Le dossier Romanov. – Paris, 1980.

45. Экземпляр дела Роберта Вильтона хранится в Хаутонской библиотеке Гарвардского университета под следующим наименованием: Houghton Library. Ms. Russian 35. Kilgour Collection. Files of Documents in the Sokolov Investigation of the Assassination of the Russian Royal Family.

Дело разбито на семь коробок, в каждой из которых хранится по одной папке, иногда сопровожденной не вшитыми в нее документами: письмами, фотографиями, схемами... Страницы в папках не всегда пронумерованы. В каждой коробке – список (с неточностями) содержащихся в папке материалов.

– В папке № 1 содержатся материалы следствия до поручения дела Соколову. Последний документ (Сергеева) – 25 января 1919 г.

– В папке № 2 документы от предписания Соколову начать следствие (7 февраля) до опроса Швейкиной (26 февраля). Она также содержит материалы Сергеева после 25 января.

– В папке № 3 документы от протокола 15 марта до описания дома Ипатьева Соколовым (15–25 апреля).

– В папке № 4 материалы от протокола 19–22 апреля и расследования Кирсты в Перми, присланного 9 апреля, до протокола 16 июня.

– В папке № 5 протоколы от 23 мая и 10 июня до 7 июля.

– В папке № 6 материалы от показаний Голицына 2 октября до документа 22 октября.

– В папке № 7 первый документ – от 5 ноября, последний, допрос Капниста, от 21 февраля 1920 года.

46. К примеру, тексты дела, дающие какую-либо информацию (мнимую или действительную) о пребывании Царской семьи в Перми, ее бегстве или увозе из дома Ипатьева нами приведены во всем объеме. Но мы целиком изъяли десятки текстов о появившемся в Сибири самозванце, так как последний был, в конечном итоге, изобличен.

Выходные данные книг, указанных в примечаниях к документам, смотри в примечаниях к Введению, сс. 571–572.

Документы №№ 1–3.

1. Насчет этой даты см. Введение, прим. № 6.
2. О роли в следствии Александра Тимофеевича Кутузова см. Введение, с. 8. После гражданской войны Кутузов поселился в США. В начале 1930-х годов он проживал в Сиэтле.
3. Следователь Томашевский служил и при большевиках. Одно время он был мировым судьей на Сысертском заводе. Об убийстве Царской семьи ему рассказал Авдеев, б. комендант дома Ипатьева (см. док. № 260).
4. Возбуждение следствия по ст. 1453 Уложения о наказаниях относит расследуемое преступление к преступлениям, подсудным общим судебным учреждениям. Таким образом с самого начала дело было поручено судебному следствию, а не какой-либо другой инстанции (военной или полицейской). Тексты статей Уложения о наказаниях и Устава уголовного судопроизводства, упомянутых в материалах следствия, приводятся в Приложении.

Документы №№ 4–5

1. Об условиях поездки Наметкина на рудник см. рассказ Малиновского (док. № 214).
2. См. опрос Алферова Наметкиным и Соколовым: док. №№ 8 и 219.
3. До революции русские меры длины были следующие. Верста: 1067 м. Сажень: 2,13 м. Аршин: 0,71 м. Вершок: 4,45 см.
4. Эти вещи и предметы, перечисленные в док. № 5 (также найденные на руднике), были подробно описаны Соколовым в феврале 1919 г., до отправки их во Владивосток (см. док. №№ 140–146, 148–150).
5. Фесенко был опрошен Алексеевым в апреле 1919 г.: док. № 197.
6. Эти вещи, найденные коптяковскими крестьянами на руднике, были переданы ими пор. Шереметевскому, который их затем отвез в Екатеринбург и передал там кап. Владимиру Артуровичу Гирш.
7. Эта пряжка от пояса уменьшенного образца описана в док. № 146, п. 4. Она была рядом свидетелей опознана, как принадлежавшая Алексею Николаевичу. В книге Соколова: фот. № 88 (воспроизведена в Приложении).
8. Корсетные застежки и „кости" описаны в док. № 146. Они – очень важные вещественные доказательства, так как по своему количеству и по своим размерам соответствуют числу и размерам тех, носящих корсеты, шести женщин, которые были заключены в доме Ипатьева. Нет никаких серьезных оснований оспаривать тот факт, как это делают некоторые авторы, что они были найдены именно на руднике. В книге Соколова: фот. №№ 98–101 (воспроизведены в Приложении).
9. Это остатки мужской щетки, хорошего качества, для волос или усов (см. док. № 146, п. 24 и № 150, п. 15). В книге Соколова: фот. № 96 (воспр. в Прил.).

Документы №№ 6–8

1. См. карту в Приложении.
2. Это был, вероятно, комиссар Юровский.
3. См. их допрос Сретенским, в мае 1919 г.: док. № 204.
4. См. прим. 2 к док. №№ 4–5.
5. Кап. В. А. Гирш.
6. Этот крест был опознан свидетелями, как принадлежавший Александре Федоровне. См. его фот. в книге Соколова: № 111 (воспроизведена в Приложении).
7. Таким образом в одном из костров было найдено 4 застежки от корсетов, а в другом „те же самые вещи за исключением креста и каблука", т. е., среди прочего, еще две застежки.
8. См. опрос М. И. Бабинова Сретенским в мае 1919 г.: док. № 207.

1. См. план верхнего этажа дома Ипатьева в Приложении.

2. См. описание внешнего вида дома в док. № 194, план всей усадьбы в Приложении и, у Соколова фот. №№ 21, 22, 32–36 (воспроизведены в Приложении).

3. На плане – комната № XIV.

4. Александр Дмитриевич Авдеев в 1918 г. был уже человеком немолодым (было ему лет 35–40). Родился он в Осинском уезде Пермской губернии, работал на приисках в районе Челябинска, побывал и в Петрограде. В последнее время Авдеев работал слесарем-механиком на екатеринбургском заводе братьев Злоказовых.

Авдеев был активным большевиком, членом Исполкома Уральского областного совета. В начале марта 1918 г. он был послан в Тобольск и вскоре встал во главе „боевой дружины", составленной из екатеринбургских рабочих, просочившихся в город. При активном участии Авдеева и его дружины в Тобольске была установлена власть „уральских" большевиков (на власть в городе претендовали и большевики „омские", но были устранены). Вместе с Яковлевым Авдеев перевозил Николая II, Александру Федоровну и Марию Николаевну из Тобольска в Екатеринбург.

В Екатеринбурге Авдеева назначили комендантом „Дома особого назначения". Занимал он эту должность со времени поселения в дом пленников царской крови (30 апреля) до 4 июля, когда он был отстранен и заменен Юровским.

Касвинов пишет, что Авдеев был „человек добрый и отзывчивый, с заключенными в Ипатьевском доме обращался корректно, подчиненные ему бойцы /.../ относились к нему дружественно и с уважением" (Касвинов, сс. 472–473). Некоторые свидетели, опрошенные следствием, рисуют его облик совсем иным. По их рассказам он постоянно пьянствовал и, хотя в доме не жил, приводил в него различных мало почтенных собутыльников, притеснял охранников, которые были не с его завода, безобразничал в доме и, когда мог, обкрадывал Царскую семью (см., например, док. №№ 15 и 199). Отрешение Авдеева от должности было связано, по мнению разводящего караула Якимова, с систематической кражей царских вещей комендантом и его сообщниками: ворованное стали из дома выносить „мешками"...

По описанию Дитерихса Авдеев был „блондин, с маленькими усами и бритой бородой; одевался в рубаху защитного цвета, шаровары, высокие сапоги и носил через плечо казачью шашку" (Дитерихс, т. 1, с. 292).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Авдеев опубликовал воспоминания о своем участии в событиях 1918 г., вероятно, написанные за него (см. прим. 40 к Введению). По утверждению Касвинова „дальнейшая жизнь его была полна напряжения и треволнений – личных и трудовых", и умер он от туберкулеза в 1947 г. (Касвинов, с. 473).

5. Комната № XIII, см. фот. №№ 23–25 у Соколова (воспроизведены в Приложении).

6. Комната № XI.

7. Комната № XII.

8. Среди охранников был рабочий Злоказовской фабрики Алексей Сидоров.

9. Комната № IX.

10. Судя по дневнику б. Императора, в Екатеринбурге Николай II, среди прочего, прочитал тома I–III, VII, VIII и XVII из собрания сочинений Салтыкова-Щедрина. Это чтение ему очень понравилось (Дневник Николая Романова, „Красный архив", Т. XXVIII (1928), сс. 124–137).

11. Служивший обедницу в доме Ипатьева о. Иоанн Сторожев отметил, что 20 мая у великих княжен „волосы были острижены довольно коротко", а что 11 июля „волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли, и теперь доходили до уровня плеч" (док. № 60).

12. Комната № X. См. фот. у Соколова № 26: „Комендантская" (воспроизведена в Приложении).

13. Сергей Андреевич Анучин (1889–1956) в июле 1918 г. был членом Исполкома Уральского обл. совета, военным комиссаром Северо-Урало-Сибирского фронта и помощником окружного военного комиссара Голощекина. И позже Анучин занимал видные военные должности у красных.

14. Комиссар Чуцкаев был членом Исполкома Уральского обл. совета и участвовал также в работе екатеринбургской ЧК. Фамилия Чуцкаева, как и некоторых других лиц, записана в материалах следствия по-разному. Правильное написание фамилий приводится в именном указателе.

15. Жилинский был также членом Исполкома совета и „жилищным" областным комиссаром, участвовал он и в деятельности местной ЧК. По некоторым данным он так же, как и Анучин, был убежденным сторонником казни всей Царской семьи (см. док. № 20).

16. Филипп Исаевич Голощекин (1876–1941) сыграл большую роль в конечной судьбе Царской семьи.

Родился он в г. Невеле Витебской губ., окончил зубоврачебную школу в Риге. В 1906 г. был арестован в Петербургской губ. за большевистскую деятельность, приговорен к 2 годам крепости, но выпущен через год и вскоре опять арестован за политическую работу. После скорого освобождения он уехал за границу, но в 1909 г. вернулся в Россию, вновь был арестован и сослан в Нарымский край. В 1910 г. он бежал из ссылки. В 1912 г. Голощекин снова сослан (в Тобольскую губ.), опять бежит, арестован на Урале и отправлен дальше – в Туруханский край, где он и остался до Февральской революции. Он был делегатом VI съезда РСДРПб, вел работу в Перми и Екатеринбурге. С дек. 1917 г. Голощекин – военный комиссар Уральского обл. совета, с мая 1918 г. – окружной военком.

Голощекин активно участвовал в разных видах работы большевиков, в частности, в рамках екатеринбургской и пермской ЧК. Он сыграл видную роль в убийстве архиепископа Андроника и епископа Гермогена.

Как член Президиума Исполкома Уральского обл. совета Голощекин вел переговоры с Москвой о судьбе Царской семьи. Во время его поездки в Москву в июне 1918 г. были, вероятно, приняты окончательные решения о судьбе членов дома Романовых. Вернулся он в Екатеринбург 14 июля, за два дня до роковой ночи. Голощекин побывал и на руднике, провел там всю ночь с 18 по 19 июля.

Среди видных советских вождей Голощекин был особенно близок к Свердлову и Зиновьеву, участвовал в „военной оппозиции".

Дитерихс его описывает следующим образом: „роста – выше среднего, коренастый, полный, с порядочным животом /.../, волоса русые, с рыжеватым отливом, вьющиеся, расчесанные косым рядом, глаза темные, нос длинный, тонкий, усы очень маленькие, подстриженные, борода бритая, оставлявшая синеву на щеках, лоб большой, открытый. Он имел привычку все время ходить, и говорил, что эту привычку приобрел в тюрьме" (Дитерихс, т. 1, с. 302). См. его фот. у Паганущи, с. 217, и у Соколова фот. № 42 (воспр. в Приложении).

Продолжая играть видную роль до конца гражданской войны и после нее, Голощекин даже был членом ЦК с 1927 по 1934 год. Затем, по данным Советской Исторической Энциклопедии, он „был незаконно репрессирован в период культа личности Сталина" и „реабилитирован посмертно".

17. Врач Анатолий Иванович Белоградский был опрошен Соколовым в июле 1919 г.: док. № 240.

18. Александр Михайлович Мошкин, бывший рабочий Злоказовской фабрики, был помощником и собутыльником Авдеева.

19. Прокопий Александрович Никулин (имя и отчество, указанные в материалах следствия) был по профессии шофером. Он состоял членом екатеринбургской ЧК и получил кличку „пулеметчик" за пристрастие к массовым расстрелам. У Касвинова (с. 491) указаны другие имя и отчество: Григорий Петрович. Никулин лично участвовал в расстреле Царской семьи.

20. Комната № VII.

21. Доктор Владимир Николаевич Деревенко был врачом Алексея Николаевича. Он был единственным человеком, которому разрешалось посещать Царскую семью в доме Ипатьева, и через него проходила ее связь с внешним миром. Деревенко был допрошен в сентябре 1919 г. в Томске: док. № 263.

22. Комната № V. См. фот. у Соколова № 29 (воспроизведена в Приложении) и у Тревина (с. 108).

23. Терентию Ивановичу Чемодурову в 1918 г. было 69 лет. Он служил камердинером у Николая II, последовал за ним в Тобольск и Екатеринбург. 24 мая Чемодуров был вывезен из дома Ипатьева и посажен в екатеринбургскую тюрьму, откуда был освобожден белыми 25 июля. Перенесенные переживания подорвали здоровье и расшатали нервы бедного старика, и он вскоре скончался. Чемодуров был опрошен Сергеевым и Кирстой в августе 1919 г.: док. №№ 15, 40 и 42.

24. Комната № IV. См. у Соколова фот. № 30 (воспроизведена в Приложении).

25. Иконы, найденные в доме Ипатьева, изображены у Соколова на фот. №№ 58–61 (воспроизведены в Приложении).

26. Наметкин не описывал террасу („балкон"). См. о ней док. № 194.

27. Комната № I. У Соколова фот. № 31. Анна Степановна Демидова, горничная Александры Федоровны, до конца осталась с Царской семьей и разделила ее судьбу. Ей было прибл. 40 лет. Была она из г. Череповца, окончила курс Петербургского Демидовского училища.

28. Комната № II. У Соколова фот. № 28: комната вел. княжен (воспроизведена в Приложении).

29. Эта люстра ныне висит над алтарем в домовой церкви, основанной в Оксфорде (Англия) о. Николаем Гиббсом.

30. Иван Дмитриевич Седнев, 32 года, в прошлом матрос с императорской яхты „Штандарт", был лакеем царских детей. Он разделил тобольское заключение семьи. 23 мая, по приезде в Екатеринбург, он был отправлен в местную тюрьму и вскоре расстрелян. Седнев происходил из Ярославской губернии, был женат и имел троих детей (см. док. № 268, п. 11).

31. 27 марта 1918 г. Николай II записал в своем дневнике: „Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены „протоколы" евреев и масонов – весьма современное чтение" (см. прим. 10 выше; с. 122). Речь здесь идет об известном антиеврейском апокрифе – „Протоколы Сионских мудрецов".

32. Лейб-медик доктор Евгений Сергеевич Боткин остался с Царской семьей до самого конца. См. его фот. у Жильяра (французское издание 1921 г., сс. 248–249).

33. Учитель английского языка царских детей Сидней Иванович Гиббс (1876–1963) родился в Англии и в молодости увлекался театром. Приехав в Петербург, он в 1908 г. был приглашен преподавать английский язык великим княжнам. С Царской семьей он поехал в Тобольск и переехал в Екатеринбург одновременно с Алексеем Николаевичем и его сестрами, но не был допущен в дом Ипатьева. С другими лицами царского окружения он перебрался в Тюмень, а оттуда обратно в Тобольск. Вернувшись в Екатеринбург в августе 1918 г., Гиббс провел в городе несколько месяцев, а в январе 1919 г. поступил на службу секретарем к британскому Верховному комиссару в Омске.

После гражданской войны Гиббс поселился в Китае. В апреле 1934 г. он перешел в православие, принял монашество и вскоре стал иеромонахом и был наречен о. Николаем. В 1938 г. он вернулся в Англию. После войны о. Николай основал в Оксфорде православный храм и стал заметной и известной фигурой этого университетского города. Свою (домовую) церковь св. Николая он украсил рядом икон и иных предметов, ранее принадлежавших Царской семье (см. книгу Тревина).

В Тобольске Гиббс и Жильяр организовывали любительские театральные постановки, в которых играли царские дети и приближенные Семьи.

34. Комната № III. У Соколова фот. № 27: комната царской четы и Алексея Николаевича (воспроизведена в Приложении).

35. Николай II, как свидетельствует его дневник, эту книгу прочитал в Екатеринбурге.

36. На косяке окна Наметкин не увидел надписи, сделанной, по свидетельству Жильяра, Александрой Федоровной (док. № 194).

37. Комната № VI.

38. Комната № VIII.

Документы №№ 10–13

1. О Сергееве см. Введение, прим. 7.

2. Не совсем понятно соотношение док. №№ 10 и 12. Передача дела Сергееву была решена не прокурором (официально), а на Общем собрании суда.

3. Лылов был допрошен 4 сентября: док. № 25.

4. В здании Волжско-Камского банка заседал Исполком обл. совета.

Документ № 14

1. См. план нижнего этажа дома Ипатьева в Приложении.

2. Комната № XIV.

3. Их подробное описание в док. № 164.

4. Павел Спиридонович Медведев, в прошлом рабочий Сысертского завода, был начальником охраны дома Ипатьева. Его арестовали в Перми 11 февраля 1919 г. Показания Медведева – одно из важнейших свидетельств о екатеринбургских событиях. См. биографические данные о нем в док. №№ 93, 96 и 183.

5. Яков Михайлович Юровский (1878–1938) 4 июля 1918 г. был назначен комендантом Дома особого назначения. Он родился в г. Каинске, Томской губ., учился часовому делу у часовщика, а впоследствии открыл в Томске часовую мастерскую. В годы первой русской революции Юровский уехал в Германию, там он из иудейства перешел в лютеранство. Затем он вернулся в Томск, открыл часовой магазин, но в 1912 г. был выслан в Екатеринбург за революционную деятельность. В Екатеринбурге он открыл „фотографию". В войну Юровский был

призван, но ему удалось избежать отправки на фронт: он устроился в местную фельдшерскую школу и, по окончании ее, остался при одном из екатеринбургских лазаретов.

После Февральской революции Юровский был избран от своего лазарета в Екатеринбургский совет, а после Октябрьского переворота стал играть видную роль среди местных большевиков: был назначен членом Исполкома обл. совета, занял место тов. обл. комиссара юстиции. Юровский был членом коллегии екатеринбургской ЧК и одним из самых активных ее деятелей.

Став комендантом дома Ипатьева, Юровский прекратил творившиеся в нем безобразия. Внешне он относился корректно к Царской семье, но при нем тюремный режим стал еще строже.

У Юровского были большие связи в Москве, особенно близок он был к Свердлову, и он сыграл решающую роль в судьбе Царской семьи. Еще 15 июля свидетели видели его на руднике. А ночью следующего дня он лично участвовал в расстреле обитателей дома Ипатьева.

Доктор Деревенко описывает его следующим образом: „с бородой клинчиком, черной, черные усы и волнистые черные, особенно длинные, зачесанные назад волос/ы/, /с/ черными глазами, полным скуластым лицом, /.../ плотного телосложения, широкие плечи, /с/ короткой шеей, голос чистый баритон, медленный, с большим апломбом, с чувством своего достоинства" (док. № 263). См. его фот. у Соколова: № 43 (воспр. в Прил.), у Жильяра (франц. изд., с. 240-241), у Тревина (с. 113).

Юровский продолжал играть видную роль у большевиков и после оставления красными Екатеринбурга. А в начале 1920 г. он вернулся в город и жил в нем на положении „советского вельможи", получив в свое распоряжение один из лучших особняков Екатеринбурга.

Сведения о дальнейшей судьбе Юровского расходятся. Саммерс и Мэнгольд (бездоказательно) утверждают, что Юровского расстреляли белые (с. 127 франц. издания). Виктор Александров пишет, что он умер „в своей кровати" от болезни в 1962 г. (с. 223 франц. издания). Пагануцци считает, что Юровский был арестован Сталиным как троцкист и умер, как очень больной сердцем человек, от перенесенных пыток (с. 133). Касвинов же сообщает: „Я. М. Юровский умер в Кремлевской больнице в 1938 году после тяжелой продолжительной болезни" (с. 473). От Касвинова мы также узнаем, что Юровский оставил рукописные воспоминания, написанные им в 1920 и в 1934 гг. Их публикация представила бы немалый исторический интерес.

6. Среди охранников был Александр Федорович Соловьев.

7. Описанные документы сыграли большую роль в расследовании: они указали следствию ряд имен свидетелей и участников событий в доме Ипатьева. Двух из названных лиц – Медведева и Проскурякова удалось разыскать и допросить. См. также док. № 164.

8. Комната № IX.

9. Комната № X.

10. В нижнем этаже дома жил бывший австрийский пленный – Рудольф (или Адольф), прислуживавший сперва Авдееву, а потом Юровскому.

11. Комната № VII.

12. Комната № VIII.

13. Комната № VI.

14. „А. Стрежнев" никем не был опознан во время следствия, но близ других „циничных" надписей была найдена подпись: „А. Стрекотин" – охранника Андрея Андреевича Стрекотина.

15. Комната № IV.

16. Комната № V.

17. Комната № I.

18. Как было установлено позже, – это были следы замывки крови.

19. Комната № II. См. у Соколова фот. №№ 46–48 (воспроизведены в Приложении). Ее описание Соколовым: док. № 194.

20. Это стихи из произведения Гейне „Валтасар": „В ту же самую ночь Валтасар был убит своими приближенными".

Валтасар – „последний халдейский царь в Вавилоне, который проявил свое безбожие в том, что на пиру вместе со своими придворными пил из священных сосудов, захваченных Навуходоносором в Иерусалимском храме. Этот пир был нарушен появившеюся рукою, которая начертала на стене таинственные письмена, объясненные /пророком/ Даниилом как суд над царем и его царством. В эту ночь Валтасар был убит, и город взят Киром в 538 г. до Р. Х. (Дан. 5)" („Библейский энциклопедический словарь". Стокгольм, 1969). Эта надпись подробно описана у Соколова в док. № 154, п. 2. Фот. надписи: у Соколова № 53 (воспроизведена в Приложении).

21. Сергеев не видел обнаруженной в апреле 1919 г. Соколовым, на очень видном месте, надписи с цифрами и, около нее, „кабалистических знаков". По этому вопросу см. прим. 13 к док. № 194.

22. Комната № III.

Документ № 15

1. Алексей Александрович, пятый сын Александра II, умер 1 сентября 1908 г.

2. Николай II вел дневник до конца своей жизни. Вот его последняя опубликованная дневниковая запись:

„30 июня. Суббота.

Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем".

Начиная с 26 мая, опубликованные записи – не ежедневные, как раньше. Дневник Императора от 16 декабря 1916 г. по 30 июня 1918 г. был издан в 1928 и 1929 гг. в „Красном Архиве": тт. XX–XXII, XXVII.

3. 9/22 марта 1917 г.

4. Гофмаршал князь Александр Васильевич Долгорукий (а не В. А. Долгоруков!) разделил заключение Царской семьи в Тобольске. Выехав 26 апреля 1918 г. в Екатеринбург одновременно с Николаем II и Александрой Федоровной, он, по приезде в город, был посажен в тюрьму и расстрелян чекистами 10 июля. См. его фот. у Тревина (с. 99) и у Жильяра (франц. изд., сс. 248–249).

5. Генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев не принадлежал к придворным, в узком смысле этого слова, и поехал в Тобольск по предложению Николая II, но совершенно добровольно. Он был человеком общительным, с ровным и спокойным характером. Он приехал в Екатеринбург одновременно с царскими детьми 23 мая 1918 г., был посажен в тюрьму и расстрелян 10 июля вместе с кн. Долгоруким.

6. Фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова была человеком несколько экзальтированным. Графиня была предана Семье и очень близка к Императрице. Она разделила тобольское заключение Царской семьи; в Екатеринбурге была арестована. 4 сентября 1918 г. она была убита, без суда, в группе 10 человек (среди которых была и гоф-лектриса Шнейдер) в жутких условиях: всю партию привели на ассенизационное поле ок. Перми, поставили спиной к палачам и отчасти убили выстрелами в упор, отчасти забили до смерти прикладами. Трупы были тут же засыпаны землей в проточной канаве.

Трупы Гендриковой и Шнейдер были найдены белыми 7 мая 1919 г. и, до христианского захоронения, подверглись медицинской экспертизе. Было установлено, что смерть граф. Гендриковой произошла от „удара прикладом в левую часть головы сзади: часть лобовой, височная, половина темянной костей были совершенно снесены и весь мозг из головы выпал. Но вся правая сторона головы и все лицо остались целы и сохранили полную узнаваемость" (Дитерихс, т. 1, с. 286). См. фот. Гендриковой у Соколова: №№ 142 и 143 (воспроизведены в Приложении) и у Тревина (с. 116). Ее дневник в Тобольске: док. № 157.

7. Швейцарский гражданин Петр Андреевич Жильяр был преподавателем французского языка царских детей. О его биографии до 1918 г. см. док. № 61, о его роли в работе следствия – см. Введение. Жильяр женился на няне царских детей Александре Александровне Теглевой. С Дальнего Востока он вернулся в Европу и поселился в своей родной Швейцарии. (Его фот.: у Тревина и в его книге.)

8. Борис Владимирович Дидковский был заместителем председателя Уральского областного совета – Белобородова, членом президиума его Исполкома. Он был сыном офицера, молодым прожил 8 лет за границей, главным образом в Швейцарии. К 1913 г. он вернулся в Россию, поехав на Урал в должности „коллекционера" иностранного профессора геологии. В марте 1917 г. Дидковский стал большевиком и затем играл видную роль в революционных событиях на Урале. Дидковский был близок к П. Л. Войкову.

9. Придворный повар Иван Михайлович Харитонов разделил до конца судьбу Царской семьи. Ему тогда было 45 лет.

10. Подросток Леонид Седнев был уведен из дома Ипатьева незадолго до расстрела семьи. Дальнейшая его судьба неизвестна.

11. Франц Пюрковский.

12. Александра Александровна Теглева была потомственной дворянкой. В 1919 г. ей было 35 лет. Она 17 лет служила в должности няни при царских детях. Теглева была опрошена Соколовым 5-6 июля 1919 г.: этот протокол в настоящем издании не приводится.

13. Елизавете Николаевне Эрсберг было 40 лет в 1919 г. Она 16 лет была помощницей няни Теглевой. В Тобольске Эрсберг служила горничной (комнатной девушкой) у вел. княжен. Она была опрошена Соколовым 6 июля 1919 г.: этот протокол в настоящем издании не приводится.

14. Мария Густавовна Тутельберг, горничная Александры Федоровны, была опрошена Соколовым 23–27 июля 1919 г.: док. № 242.

15. Лакей Алексей Егорович Трупп до конца остался с Царской семьей.

16. Клементий Григорьевич Нагорный родился в Ярославской губернии и служил матросом на императорской яхте „Штандарт". Он заменил на должности дядьки Алексея Николаевича известного боцмана Деревенько. Нагорный был расстрелян вместе с И. Д. Седневым в конце мая или в начале июня 1918 г. См. их прошение о помиловании: док. № 268, п. 11. Его фот. у Тревина (с. 109).

17. О Волкове см. док. № 63.

18. Эта икона описана в док. № 262, п. 579. Соколов утверждает, что она была найдена в комнате вел. княжен (с. 163). Дитерихс пишет (т. 1, сс. 25 и 85), что ее нашли на помойке дома Ипатьева. Эту икону о. Иоанн Сторожев определил не как Феодоровскую икону Божьей Матери, а как Казанскую (см. док. № 60).

19. Касвинов ссылается на неизданный дневник Александры Федоровны (с. 558, прим. 24) : ЦГАОР, ф. 640, оп. 1, д. 314.

Документы №№ 16–18

1. Комната № II нижнего этажа дома Ипатьева.

2. Эти красноватые пятна были подвергнуты научной экспертизе Сергеевым и Соколовым и оказались пятнами человеческой крови: док. №№ 195 и 198.

3. См. у Соколова фот. №№ 50 и 51 (воспроизведены в Приложении).

4. См. вид комнаты после вырезки частей пола и стены: фот. № 46 у Соколова (воспроизведена в Приложении). К сожалению, никому не пришло в голову сделать снимок комнаты до описанных здесь работ: так и не существует фотографии комнаты убийства в цельном ее виде.

5. Куски пола и стен, а также найденные в них пули были подробно описаны Соколовым в феврале 1919 года: док. №№ 147, 154, 155–156.

Документ № 19

1. Александр Андреевич Шереметевский – брат пор. Андрея Шереметевского, принесшего в Екатеринбург первые предметы, найденные на руднике.

2. Этот палец был заспиртован. В феврале 1919 г. его осматривал по просьбе Соколова врач. Он определил, что это, скорее всего, указательный палец женщины средних лет, знакомой с маникюром (см. док. № 142 и фот. у Соколова № 120, воспроизведена в Приложении).

3. Эта серьга была описана Соколовым в февр. 1919 г. (см. док. № 140, п. а-1 и № 149, п. 4). Она была неоднократно опознана, как серьга Александры Федоровны. У Соколова фот. №№ 112–113 (воспроизведены в Приложении).

4. Вставная челюсть описана в док. № 143, п. 1. У доктора Боткина была подобная челюсть. Ее фот. у Соколова: № 95 (воспроизведена в Приложении).

5. Эти осколки (ручной гранаты) описаны в док. № 145.

6. Лопата описана в док. № 143, п. 2. Пятна на ней подверглись научной экспертизе и оказались – не кровяными.

Документы №№ 20–22

1. О взаимоотношениях Уголовного розыска и судебного следствия см. Введение, с. 9 и сл.

2. Георгий Иванович Сафаров (1891–1942) стал большевиком в 1908 г. Он долго жил в эмиграции, возвратился в Россию вместе с Лениным в поезде, предоставленном немцами большевистской верхушке (апрель 1917). Знакомый с главными советскими руководителями, Сафаров не терял с ними связи и во время своей работы на Урале. Он был одним из пяти

членов президиума Исполкома Уральского обл. совета и редактором газеты „Уральский рабочий". В 1919 г. Сафаров был одним из руководителей „военной оппозиции". В 1919 г. был избран в ЦК. Он погиб в разгар сталинщины.

3. Это первое упоминание в следственных материалах „пермской версии" спасения тех или иных членов Царской семьи. И позже подобные рассказы будут исходить от родственников активно действующих большевиков.

4. Николай Арсеньевич Сакович до революции был человеком крайне правых убеждений. Как видный деятель советской власти он был отправлен в Омск, и, несмотря на неоднократные просьбы екатеринбургского судебного следствия, омские власти отказывались выслать его в Екатеринбург для допроса.

„По донесению департамента полиции, доктор Сакович умер в июне 1919 года в Омской тюрьме от скоротечной чахотки. Он умер в тот самый день, когда за ним прибыл караул для отвода его на допрос к следователю Соколову" (Дитерихс, т. 1, с. 36). В Омске Сакович был допрошен Особой следственной комиссией и выдержка его допроса была прислана следствию: док. № 176. См. также о нем док. № 85. В августе 1918 г. его коротко опросил и Уголовный розыск: док. № 44.

5. Здесь у Саковича, вероятно, сознательно, напутано. Он был не просто „эсером", а членом партии левых эсеров, в то время не менее склонной к крайним революционным действиям, чем большевики. Советские историки (например, Г. З. Иоффе – Крах российской монархической контрреволюции, с. 162) утверждают, что наиболее ярыми сторонниками казни Романовых среди областных уральских комиссаров были левые эсеры. Это в достаточной степени вероятно, так как левые эсеры боялись использования членов Царской семьи большевиками в своих собственных целях и хотели возобновления войны против Германии, к которому могло привести убийство „принцесс немецкой крови".

6. Описание Саковичем своей деятельности на поприще областного здравоохранения опускается.

7. Александр Георгиевич Белобородов (1891–1938) был сыном рабочего Александровского завода под Соликамском и сам работал на уральских заводах конторщиком и электромонтером. Он стал большевиком в 1907 г., был арестован в 1908 г. и просидел в тюрьме около четырех лет. Белобородов был близок к Свердлову и в январе 1918 г. стал председателем Уральского обл. совета; им он оставался до января 1919 г. В 1920–21 гг. Белобородов был членом ЦК, занимал видные посты в аппарате власти. В 1927 г. он был исключен из партии как троцкист. В 1930 г. – восстановлен, а во время сталинского террора – ликвидирован.

Есть основания утверждать, что Белобородов сыграл в екатеринбургских событиях видную, но не столь ответственную роль. Его выставляли на первый план как истинного русского рабочего, настоящего пролетария-революционера.

8. Этому трудно поверить: Сакович был вполне полноправным членом Исполкома обл. совета.

9. Петр Лазаревич Войков (1888–1927) родился в Керчи. С 1907 по 1917 год был меньшевиком. В 1907 г. Войков участвовал в террористическом покушении и эмигрировал, опасаясь ареста. Жил он в основном в Швейцарии, сблизился за границей с Троцким, Свердловым, Сафаровым. Войков вернулся в Россию в апреле 1917 г., проехав через Германию вместе с Лениным. В августе 1917 г. он стал большевиком. С января по декабрь 1918 г. Войков был членом Исполкома Уральского обл. совета, комиссаром снабжения. С 1920 г. Войков стал работать в системе Внешторга, в 1924 г. был назначен советским полпредом в Польше. 7 июля 1927 г. его убил на варшавском вокзале молодой белый активист – Борис Коверда.

Войков имел непосредственное отношение к убийству Царской семьи, принял активное участие в уничтожении тел: под его подписью была для этой цели выдана серная кислота (см. док. № 200).

10. Федор Федорович Сыромолотов был горным техником, работал в Екатеринбургском горном управлении и, после исключения из него за служебные нарушения, – в управлении Верх-Исетского завода. В 1918 г. он стал членом Исполкома Уральского обл. совета и областным комиссаром финансов. Было ему тогда лет 40. В середине июля 1917 г. Сыромолотов отсутствовал из Екатеринбурга: он тогда находился в Перми, куда был послан с особым заданием.

11. Комиссар И. Я. Тунтул.

12. Поручик Зотов был начальником белого партизанского отряда.

Документы №№ 23–24

1. Эти документы были переданы Остроумовым Сергееву 31 августа 1918 г.

2. Яков Михайлович Свердлов (1885–1919) был членом ЦК РСДРП с 1912 г., председателем ВЦИК с ноября 1917 г. Голощекин пробыл в Москве с 4 по 14 июля 1918 г. и жил в квартире Свердлова.

3. Сыромолотов ездил в Пермь для вывоза туда из Екатеринбурга крупной суммы денег.

4. Оригинал телеграммы воспроизведен у Соколова: фот. № 129 (воспроизведена в Приложении). См. также док. № 181, п. 5.

5. Федор Николаевич Лукоянов организовал Уральскую областную ЧК и был первым ее председателем. По описанию свидетельницы, это был „молодой человек, лет 27 на вид, блондин, без усов и бороды, интеллигентного вида, носил офицерскую форму без погон, роста высокого, худощавый" (см. док. № 90).

6. Матвеев был, по свидетельству сестры Лукоянова, сыном присяжного поверенного, студентом, одним из большевистских руководителей в Перми.

7. Об этой телеграмме см. также док. № 151, п. 4.

8. Об этом черновике телеграммы см. также док. № 181, п. 1. Написание в дате лишь одних единиц дало Соколову основание предположить, что писавшее ее лицо (еще?) не знало даты описанных в тексте событий.

9. Юровский выехал из Екатеринбурга 19 июля 1918 г. и явно направился не к Перми, а в Москву: станция Бисерт находится на железнодорожном пути из Екатеринбурга в Москву. Эта телеграмма воспроизведена у Соколова: фот. № 133 (воспроизведена в Приложении).

10. Михаил Александрович, брат Николая II, жил в Перми до своего „похищения неизвестными" в ночь с 12 по 13 июня 1918 г.

11. Эти телеграммы описаны в док. № 181, пп. 3 и 4. О судьбе Михаила Александровича см. док. №№ 86, 106 и 256.

12. Григорий Евсеевич Зиновьев (1883–1936) в 1918 году стал председателем Петроградского бюро ЦК РКП(б) и Совета комиссаров Северной области – фактическим хозяином всех северных и северо-западных губерний Европейской России. Михаил Соломонович Урицкий (1873–1918) был комиссаром внутренних дел Северной области и председателем Петроградской ЧК.

13. См. у Соколова фот. № 135 (воспроизведена в Приложении), а также док. № 151, п. 11, – там телеграмма была перепечатана с бо́льшим вниманием к оригиналу. Вел. кн. Елизавета Федоровна (сестра Александры Федоровны), вел. кн. Сергей Михайлович (сын младшего брата Александра II), вел. кн. Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи (внуки брата Александра II Константина) и князь Владимир Павлович Палей (сын младшего брата Александра III) были привезены в г. Алапаевск (на Урале) 20 мая 1918 г. 18 июля, ночью, их увезли на рудник, находящийся недалеко от города, и живыми бросили в старую, глубокую шахту. Затем шахту забросали ручными гранатами. Но происходившее видел проезжавший поблизости крестьянин и после установления в Алапаевске белой власти трупы были найдены. 8–10 октября трупы князей и состоявших при них служителя Федора Семеновича Ремезы и монахини Варвары Яковлевой были подняты из шахты. Они оказались в цельности, и проведенная тогда же медицинская экспертиза позволила установить, что алапаевских заключенных, перед тем как бросить в шахту, жестоко избивали и что вел. кн. Сергей Михайлович, видимо, оказавший сопротивление, был убит выстрелом в голову.

Ряд свидетелей алапаевских событий были допрошены Сергеевым: эти материалы сохранились в следственном деле, но мы их в настоящем издании не публикуем. (См. все же док. № 259.) Подробный рассказ об алапаевских событиях можно найти у Соколова (сс. 256–264).

Приведенная нами телеграмма была отправлена сразу после того, как охрана увезла заключенных на рудник.

Документ № 25

1. Георгий Гурьевич Толмачев был членом Уральского обл. совета, а его более известный брат Николай Гурьевич (1895–1919) тогда состоял среди пяти членов Президиума совета. Позже Н. Г. Толмачев примкнул к „военной оппозиции" и погиб в бою под Петроградом во время гражданской войны.

2. Владимир Васильевич Мутных – брат Натальи Мутных, главного свидетеля Кирсты, утверждавшего, что семья Николая II была вывезена в Пермь.

3. См. док. №№ 132–133 и 266: В. В. Мутных, по свидетельству Лылова, участвовал в увозе царского белья. В Перми он служил охранником в здании ЧК (где, по утверждению его сестры, содержалась *Царская семья)*. *Коллега-охранник В. Мутных из этого здания принес* две салфетки с государственным гербом и меткой „Н. II" – главное „вещественное доказательство" Кирсты.

Документы №№ 26–29

1. Рассказ Летемина, допрошенного Кирстой и Сергеевым, – одно из важнейших свидетельств: док. №№ 30 и 62.
2. Мария Медведева – жена начальника охраны дома Ипатьева П. С. Медведева (см. док. № 64).
3. О Кирсте см. прим. 9 к Введению.
4. Леонид Васильевич Лабушев и Иван Александрович Тимофеев, бывшие рабочие завода Злоказовых, были членами охраны дома Ипатьева. Лабушев, к тому же, был помощником шофера Люханова (см. док. № 31).
5. Частичный перечень вещей, найденных у Летемина: док. № 262, пп. 597–685.
6. Это был Джой, спаниель Алексея Николаевича. Его взял к себе один из офицеров британской миссии, а затем увез его в Англию. Джой прожил несколько лет на английской ферме, недалеко от Виндзора (см. его фот. у Тревина, с. 113).

Документы №№ 30–34

1. О „латышах" см. допрос Якимова Соколовым: док. № 199. Вопрос о национальности и роли ядра охраны дома Ипатьева – „латышей" неясный и довольно запутанный. Тут сказалось пристрастие Соколова и прочих участников следствия к широким концепциям, порой игнорирующим детали, несоответствующие их построениям. Соколов утверждает, что из этих „латышей" 5 были не русскими и среди этих пяти какое-то количество – выходцами из Австро-Венгрии, „один был русский и носил фамилию Кабанова. Другие четверо говорили по-русски, но их национальности я не знаю" (Соколов, с. 138).

Разводящий Якимов утверждал (док. № 199), что „русскими" среди „латышей" были: (Николай Сергеевич) Партин, (Петр Захарович) Ермаков, (Александр Егорович) Костоусов, (Василий Иванович) Леватных и Кабанов (имя и отчество – неизвестны). Среди прочих по крайней мере один был венгром – оставивший надпись на стене Андраш Верхаш. (Роберт Мэсси (с. 512 фр. изд.) утверждает, что по крайней мере 5 из 10 „латышей" были венграми.)

В связи с этим вопросом необходимо указать, что рассказ И. Л. Майера (якобы бывшего охранника Царской семьи), впервые опубликованный в западногерманском еженедельнике „7 Tage" (№№ 29–35, 1956) и затем перекочевавший на доверчивые страницы некоторых русских зарубежных изданий, грешит рядом совершенно очевидных несуразностей и не заслуживает никакого доверия.

2. Комиссар Сергей Витальевич Мрачковский, уроженец Уфалейского завода, бывший служащий екатеринбургского железнодорожного депо, в начале 1918 г. стал начальником одного из красных отрядов, борющихся против войск атамана Дутова. Позже ему было поручено набрать из рабочих Сысертского завода команду охранников для дома Ипатьева.
3. Помощник повара Леонид Иванович Седнев.
4. Сергей Иванович Люханов.

Документы №№ 35–42

1. Все они – члены охраны дома Ипатьева.
2. Наиболее интересные из этих вещей описаны в док. № 262, пп. 686–694.
3. П. А. Леонов был подробнее опрошен Соколовым в апреле 1919 г.: док. № 196.
4. Михаил Ефимович Горбунов был по профессии агрономом. Он оставался комиссаром снабжения и в Перми, после эвакуации красными Екатеринбурга.
5. Несколько свидетелей видели, как к Коптякам везли бочки с бензином. См., например, рассказы инженера Котенова или В. Я. Лобухина (док. №№ 241 и 230). На основе различных показаний, Соколов высчитал, что на рудник было привезено не менее 40 пудов бензина (т. е. 640 кг).

6. См. более подробное описание грузовика в док. № 196. Р. Вильтон указывает, что это был четырехтонный грузовик, марки Фиат.

7. Весной 1919 г. Соколов обнаружил на лесной дорожке, ведущей к руднику, явные следы – как срыва автомобиля в яму, так и усилий, предпринятых, чтобы его оттуда вытащить (см. док. № 212 и план местности в Приложении).

8. Это единственное свидетельство постороннего лица, услышавшего выстрелы в доме Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля. Дом Попова, в котором жил Буйвид и где помещалась охрана, – соседний Дому особого назначения.

9. Имя Колотова среди охранников нигде не называется.

10. См. подробное описание этих вещей Соколовым: док. № 167. Полного списка предметов, найденных в помойных ямах, мы не публикуем: см. его у Соколова, сс. 276–278.

11. Не совсем ясно, какой предмет здесь имеется в виду. В описи, опубликованной Соколовым, значится: „кусок коричневой кожи с тисненым рисунком от сумочки или ридикюля" (с. 276, п. 113). Во включенной в экземпляр дела ген. Дитерихса описи предметов, найденных в помойной яме, мы читаем: „черный дамский мешочек-сумка, затягивающийся на шнурок, подкладка серая" („Опись вещам, изъятым из помойной ямы в д. Ипатьева", п. 404: эта опись нами не опубликована). К тому же у Соколова, среди вещей, найденных в печах дома Ипатьева, значится „обгорелая дамская черная сумочка-мешочек" (с. 275, п. 75).

12. В книге Соколова: „рамочка для фотографической карточки с круглым отверстием; наружные и внутренние края ее обтянуты медным багетом" (с. 276, п. 115).

13. Об этой иконе см. прим. 18 к док. № 15.

Документы №№ 43–46

1. Дрогина и Стародумова мыли полы в доме Ипатьева за день до убийства: это последние посторонние лица, видевшие Семью живой в Екатеринбурге.

2. Если верить этому свидетельству, то трудно себе представить, что Царская семья догадывалась о своей участи и сознательно ожидала скорой мученической смерти.

3. Одна из возможных причин попытки комиссара Яковлева увезти из Тюмени поезд с Николаем II и Александрой Федоровной не к Екатеринбургу, а в направлении Омска – существующие у него подозрения о возможном покушении на поезд со стороны екатеринбургских большевиков. В организации покушения он лично обвинял Авдеева и представителя Уральского обл. совета в Тобольске – Заславского (см. Касвинов, с. 459).

4. Это неверно: см. хотя бы док. № 181, п. 5 или док. № 268, п. 12.

5. Это указывает, что события, связанные с приездом к дому автомобиля, происходили лишь в нижнем этаже.

Документы №№ 47–58

1. И. Х. Поляков, по свидетельству Саковича (док. № 22) был областным комиссаром юстиции. Он состоял в партии левых эсеров.

2. Вторник был не 17, а 16 июля, т. е. день до ночи убийства.

3. 18 июля, уже после убийства.

4. Во время осмотра верхнего этажа дома Наметкиным не было найдено кроватей Царской семьи.

5. Таким образом Юровский был доставлен, с багажом, на вокзал 19 июля, ранним утром. (20-го он послал телеграмму со станции Бисерт: см. док. № 24, п. 4. У Соколова см. фот. № 133, воспроизведена в Приложении).

6. Населению Екатеринбурга о смерти Николая II было объявлено лишь 21 июля.

7. Следовательно, описанные события имели место 18 или 19 июля.

8. 18 или 19 июля.

9. 25 июля 1918 г.

10. Самойлов был также допрошен Сергеевым: док. № 68.

11. Т. е. 22 или 23 июля.

12. Бывший член Уральского обл. совета П. М. Быков утверждал, что в этом поезде из Екатеринбурга вывозили хранящиеся в городе банковские ценности (Быков, 1926, с. 126).

13. В начале июля, когда Юровский с Никулиным сменили Авдеева с Мошкиным.

14. Котегов был арестован в первых числах августа 1918 г., неясно, по какой причине.

15. Здесь скорее идет речь о поездке Голощекина в Москву после убийства. Слова „дело с Царицей улажено" следует, вероятно, понимать в смысле санкции центральной властью уже свершившихся событий. Ген. Дитерихс считал, что в ящиках, увезенных в Москву Голощекиным, были заспиртованные головы членов Царской семьи... (Дитерихс, т. 1, с. 274).

16. При осмотре наружной стены дома Ипатьева был найден автограф Григория Суетина, под похабной надписью о Николае II (см. док. № 194). Это показывает, что к свидетельствам бывших охранников дома о гуманном отношении к Царской семье нужно относиться с осторожностью.

17. Вероятно, Маринцева была в доме Ипатьева в тот же день, что Дрогина и Стародумова,15 июля (см. док. № 43).

Документы №№ 59–60

1. Этот документ хорошо показывает, в какой трудной обстановке порой приходилось работать следствию. О Гайде и о Н. Н. Ипатьеве см. прим. 2 и 4 к Введению.

2. В дальнейшем эти вещественные доказательства были перевезены в Омск и оттуда отправлены во Владивосток, после описи (см. об этом во Введении).

3. Протоиерей Иоанн (Владимирович) Сторожев был личностью незаурядной. Человек широко образованный и известный проповедник, он до принятия сана был тов. прокурора, а позже – адвокатом. После крушения Белого движения на Дальнем Востоке о. Иоанн оказался в Харбине, где он преподавал Закон Божий в русских средних учебных заведениях.

4. О посещениях дома Ипатьева духовенством см. также док. №№ 199 и 225.

5. В 1918 г. Троицын день был 23 июня по нов. стилю.

6. Екатерининский собор был снесен при советской власти.

7. Это был один из разводящих охраны – А. А. Якимов.

8. А. Д. Авдеев.

9. Лакей А. Е. Трупп.

10. Горничная А. С. Демидова.

11. Эти провода соединяли дом Ипатьева с рядом большевистских руководителей и учреждений (см. док. № 9).

12. Свидетельство о. Иоанна об угнетенном состоянии Царской семьи 14 июля следует сопоставить со свидетельством поломоек об ее веселом настроении 15 июля (см. док. № 43).

13. Повар И. М. Харитонов.

14. Леонид Седнев.

15. Это неверно: о смерти Николая II было объявлено населению лишь 21 июля.

Документ № 61

1. О П. А. Жильяре см. прим. 7 к док. № 15.

2. Герцог Г. М. Лейхтенбергский был сыном старшей дочери Николая I – Марии и герц. Максимилиана Лейхтенбергского.

3. Александр Федорович Керенский (1881–1970) был министром юстиции, а затем военным и морским министром Временного правительства. С 8 июля по 25 октября 1917 г. Керенский был министром-председателем.

4. Это последнее свидание Николая II с его братом. Михаил Александрович был убит в Перми 13 июня 1918 г.

5. Обер-гофмаршал граф П. К. Бенкендорф (1893–1917) принадлежал к ближайшему окружению Царской семьи.

6. Тобольск был губернским городом. Он тогда насчитывал 22 000 жителей, 50 каменных домов, 25 церквей. Железная дорога к нему еще не подходила.

7. Выбранный для жительства семьи Губернаторский дом был самым большим и удобным домом в городе. Ранее в нем жил губернатор Орловский-Танаевский. Дом находился на улице, названной после революции улицей Свободы, и сам стал называться Домом Свободы. См. его наружные и внутренние снимки в книгах Жильяра, Соколова, Тревина.

8. Павел Данилович Хохряков (1893–1918) был матросом Балтийского флота. Большевиком он стал в 1916 г., а в августе 1917 г. был прислан для политической работы на Урал. Он стал членом Исполкома Уральского обл. совета. 14 марта 1918 г. Хохряков прибыл в Тобольск с заданием установить в городе большевистскую власть и был избран, преуспев в этом деле, председателем местного совета. Он организовал переезд в Екатеринбург царских детей.

После потери красными Тобольска Хохряков продолжал играть видную роль в событиях гражданской войны. Одно время он возглавлял в Перми особый карательный отряд и, по некоторым рассказам, командовал убийцами группы заключенных, среди которых находились граф. Гендрикова и Е. А. Шнейдер (см. Дитерихс, т. 1, с. 397). Хохряков был убит в бою против белых 17 августа 1918 г.

9. Последний комендант Губернаторского дома Родионов был человеком образованным, но грубым и недоброжелательным. В Тобольске он командовал отрядом „латышей". По всей вероятности, он был бывшим жандармским офицером: бар. Буксгевден встречала его в жандармской форме на западной границе, а ген. Татищев – в Берлине. См. его описание полк. Кобылинским: док. № 192.

10. Алексей Николаевич был болен гемофилией: любой ушиб имел следствием внутреннее кровоизлияние, чрезвычайно болезненное, и в каждом случае был возможен роковой исход.

11. О драгоценностях, зашитых в одежде вел. княжен, см. док. № 242. По свидетельству А. А. Теглевой, опрошенной Соколовым 5-6 июня 1919 г., в лифчиках Татьяны Николаевны и Анастасии Николаевны было зашито по 4,5 фунта драгоценностей (т. е. по 1,8 кг).

12. Нахождение этого бриллианта на руднике описано в док. № 4.

13. Фрейлина баронесса София Карловна Буксгевден (Buxhoevden).

14. Гоф-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер была убита вместе с граф. Гендриковой (см. прим. 6 к док. № 15). Когда, в мае 1919 г., было найдено ее тело, „черты лица оставались легко узнаваемыми, и длинные ее волосы были целы. На теле обнаружена под левой лопаткой пулевая рана в области сердца; черепные кости треснули от удара прикладом, но голова в общем виде осталась не нарушенной" (Дитерихс, т. 1, с. 286).

15. Александр Кирпичников служил придворным писцом. В Тобольске он помогал Николаю II в физических работах (как, например, пилка дров) и стал доверенным лицом Царской семьи в ее сношениях с внешним миром.

16. Брест-Литовский договор был подписан 3 марта 1918 г.

17. См. у Жильяра (франц. изд.), сс. 96-97.

Документы №№ 62–63

1. Медведев был не просто разводящим, как утверждает Летемин, а начальником караула.

2. Таким образом, „латыши" появились в доме лишь в июле.

3. Фамилия „Садчиков" фигурирует в похабной надписи, найденной Соколовым на террасе дома, т. е. там, где был пулеметный пост № 1 (док. № 194, п. 10).

4. Это комната № IV нижнего этажа: см. план в Приложении.

5. Комната № II.

6. Повар И. М. Харитонов.

7. Волков был допрошен и Соколовым, в августе 1919: док. № 256.

8. Вел. кн. Павел Александрович (1860–1919) был младшим сыном Александра II. Он был расстрелян (из револьверов) во дворе Петропавловской крепости 27 января 1919 г., вместе с тремя другими великими князьями.

9. Волкову было тогда 59 лет. Он, видимо, был человеком очень крепким и решительным.

Документ № 64

1. То есть около 1 мая 1918 г.

2. Александр Ильич Дутов (1879–1921) был оренбургским казаком. В Мировую войну он командовал 1 Оренбургским казачьим полком. Летом 1917 г. Дутова избрали председателем Казачьего союза, а 5 октября – атаманом Оренбургского казачьего войска. 26 октября 1917 г. в приказе по Войску Дутов объявил большевистскую власть незаконной и скоро начал борьбу против нее. В январе 1918 г. его войска заняли ряд уральских городов, но в конце января Дутов потерял Оренбург и затем понес ряд поражений от красных войск, которыми командовал В. К. Блюхер. В июне Дутову удалось вернуть себе Оренбург, а в ноябре 1919 г. его силы влились в войска адм. Колчака. После поражения белых в Сибири Дутов в марте 1920 г. с казачьим отрядом перешел в Китай. 6 февраля 1921 г. его убили в г. Суйдин засланные из Семиречья убийцы.

3. Это показывает, что охране дома Ипатьева было приказано, до официального объявления о расстреле Николая II, отвечать, что Царскую семью увезли из города. В это время, т. е. с 17 по 21 июля, вполне могла широко распространиться в народе молва о ее спасении.

4. Сам Медведев рассказывал Алексееву и Сергееву, что разбудить Царскую семью взял на себя Юровский (док. №№ 93 и 96).

5. Медведев отрицал свое личное участие в убийстве.

6. То есть 19 июля.

Документы №№ 65–66

1. Ген. Дитерихс дает ему следующую характеристику: „Кухтенков хитренькая и подленькая личность, дрожавшая за свою жизнь. Попав в тюрьму, он стал выдавать всех известных ему большевистских деятелей, скрывавшихся, как и он, в городе, и выкладывать все, что ему было известно о былой работе их в Екатеринбурге" (Дитерихс, т. 1, с. 153).

2. Т. е. тогда, когда завод был национализирован.

3. Иван Михайлович Малышев (1889–1918), бывший учитель, стал большевиком в 1905 г. В 1917 г. Малышев – председатель Екатеринбургского комитета РСДРП (б). В начале 1918 г. он стал председателем Уральского обкома партии и членом Исполкома Уральск. обл. совета. С марта 1918 г. Малышев – один из организаторов и руководителей борьбы против атамана Дутова и чехословаков. Малышев был захвачен белыми и расстрелян 22 июня 1918 г.

4. Александра Егоровича Костоусова крестьянин Н. Е. Божов называл „самым опасным из большевиков" (док. № 246). Он при Юровском был членом внутренней охраны дома Ипатьева.

5. Петр Захарович Ермаков был в молодости писарем на Верх-Исетском заводе. В 1905 г. он начал свою революционную деятельность и специализировался на „экспроприациях". В этот период он сблизился с Голощекиным. В 1911 г. Ермаков был арестован и вернулся из ссылки на Верх-Исетский завод лишь после Февральской революции. После Октябрьского переворота Ермаков стал Верх-Исетским военным комиссаром, подчиненным областному военному комиссару Голощекину, и активно участвовал в борьбе с „контрреволюцией" на заводе и в его окрестностях. „Худой, с застывшим лицом, мертвыми, висевшими прямыми, длинными нитями, волосами, как бы плохого парика, он был, как говорили несчастные обитатели окрестных хуторов и заимок, 'сама смерть' " (Дитерихс, т. 1, с. 305).

По свидетельству Быкова (см. Введение), Голощекин поручил Ермакову „организацию расстрела и уничтожения трупов". Как местный житель, Ермаков хорошо знал местность рудника около деревни Коптяки и увидел ее пригодность для организации „захоронения" тел: он указал Юровскому эту возможность.

По свидетельству нашего знакомого, учившегося в Свердловске в 1940-х годах, Ермаков посещал местные школы и рассказывал ребятишкам, как он собственными руками убивал членов Царской семьи. См. его фот. у Соколова: № 124 (воспроизведена в *Приложении*).

6. Василий Иванович Леватных был членом внутренней охраны при Юровском. Его жена была допрошена Соколовым в августе 1919 г.: док. № 248.

7. Николай Сергеевич Партин был также членом внутренней охраны дома Ипатьева в последние дни заключения Царской семьи. После эвакуации Екатеринбурга он перебрался в Кунгур с Костоусовым и вместе с ним продолжал там разыскивать и истреблять „врагов революции". Попав в плен к белым при отступлении красных сил на запад, он был приговорен к расстрелу военно-полевым судом и казнен. Об его участии в убийстве Царской семьи Партина допросить не догадались.

8. *Заключенных в доме Ипатьева было не 13, а 11.*

9. Сергеев ходил на огород к упомянутой Кухтенковым грядке: он убедился, что с этого места возможно подслушать разговор на скамейке.

10. Это, видимо, указывает на то, что Леватных и Партин лично в убийстве не участвовали.

11. Вернувшегося в Верх-Исетск Кухтенкова местные жители собирались убить самосудом. Его полиция силой вырвала из рук толпы.

12. То есть в конце июня, когда точно установлено, что Царская семья еще жила в доме Ипатьева.

Документы №№ 67–70

1. О Н. Я. Седове и об описанных им событиях см. также документы №№ 70, 269, 274 и 275. По свидетельству К. С. Мельника (док. № 269), Седов позже уехал на Юг России, в армию ген. Деникина.

2. О Б. Н. Соловьеве см. прим. 23 к Введению.

3. Допрошенный Соколовым Соловьев отрицал эти обвинения (см. док. № 275). О деятельности Соловьева и Седова в Тюмени подробно рассказывает Мельгунов: сс. 258–275.

4. О. Алексей Васильев, настоятель Благовещенской церкви, приходил в Губернаторский дом совершать богослужения. Царская семья ему абсолютно доверяла, и ее сношения с внешним миром в значительной степени проходили через о. Алексея.

5. А. Кирпичников жил у о. Алексея и передавал ему поручения Царской семьи.

6. Кобылинский, допрошенный Соколовым (док. № 192), показал, что он продал „обстановку", заказанную для Царской семьи в Тобольске, и внес вырученные деньги в Тобольское казначейство.

7. Охранники получали 400 рублей в месяц – деньги для того времени немалые. Как видно и из прочих показаний, большинство охранников служило в доме Ипатьева по причинам отнюдь не идейным.

8. О смерти Николая II населению было объявлено лишь 21 июля.

9. См. прим. 12 к док. №№ 47–58.

10. Анатолий Якимов был допрошен Алексеевым и Соколовым в апреле-мае 1919: док. №№ 189 и 199.

11. В доме Ипатьева „фрейлины" не было. Здесь речь идет о горничной Александры Федоровны – Анне Демидовой.

12. На полях экземпляра дела ген. Дитерихса примечание от руки: „Юровский, Никулин, Голощекин, Белобородов, Ермаков".

13. Док. № 67.

14. Константин Семенович Мельник был зятем доктора Боткина, – мужем его дочери Татьяны.

Документ № 71

1. В. Ф. Иорданский.
2. Н. И. Остроумов.
3. См. карту в Приложении.
4. См. док. № 145, п. 3 и док. № 143, п. 2.
5. В. С. Котенов был допрошен Соколовым 22 июля 1919: док. № 241.
6. См. док. № 140, п. а-2.
7. См. док. №№ 142 и 143, п. 1.
8. Скаутизм возник в России в 1909 году. Ко времени революции в скаутском движении состояло более 50 000 детей и подростков, в основном учеников и учениц средних учебных заведений.

Документы №№ 72–80

1. *Павел Логинов был допрошен и Сергеевым:* док. № 81. См. о нем док. № 108.

2. Валентин Аркадьевич Сахаров (25–26 лет) был комендантом Американской гостиницы, где помещалась екатеринбургская ЧК, и товарищем председателя комиссии Лукоянова. Бывший рабочий, он воевал с Мрачковским против Дутова, но проявил он себя главным образом как чекист, руководя расстрелами „буржуазии" и местной интеллигенции в Кушве, Тагиле и Бисерте. Сахаров – один из организаторов убийства Царской семьи.

3. Пермь была занята войсками ген. Пепеляева 25 декабря 1918 г. С начала 1919 г. судебное следствие начало в городе активные розыски свидетелей и участников екатеринбургских событий.

4. Таким образом, по распоряжению Соколова, полковники Матико/в/ и Клерже допрошены не были. Причин распоряжения Соколова нам установить не удалось.

5. Об условиях передачи дела Сергеевым Дитерихсу и Соколову см. Введение.

6. Вел. кн. Елизавета Федоровна, сестра Александры Федоровны, была убита в Алапаевске 20 мая 1918 г. вместе с другими родственниками Царской семьи.

7. В большинстве рассказов об убийстве Царской семьи, распространяющихся в народе, Николай II представлен как человек, храбро и спокойно принявший смерть.

8. То есть Ф. И. Голощекина.

9. Эта телеграмма – ответ на телеграммы от 20, 21 и 24 июня из Москвы с просьбой сообщить достоверность слухов об убийстве Николая II: см. док. № 163, пп. 2, 3 и 4.

10. Рейнгольд Иосифович Берзин (1888–1939), бывший поручик Императорской армии, командовал у красных Северо-Урало-Сибирским фронтом и 3-й армией (июнь–ноябрь 1918).

Документы №№ 81–84

1. И. Н. Мельников был опрошен Сергеевым 11 февраля: док. № 89.

2. На анализ был послан кусочек дерева, вырезанный из пола комнаты II нижнего этажа дома Ипатьева.

3. Фельдшер Николай Фелицианович Дубовик (39 лет) был опрошен Сергеевым 28 января. К делу он отношения не имел.

4. А. И. Гучков был военным министром, П. Н. Милюков – министром иностранных дел первого состава Временного правительства. Оба были сторонниками продолжения войны до победного конца на стороне союзников России.

5. Имеются в виду т. н. „кровавое воскресенье" в январе 1905 г., когда была встречена залпами мирная демонстрация, направляющаяся к Зимнему дворцу в Петербурге, и подавление силой оружия забастовки рабочих золотых приисков на Лене 4 апреля 1912 г. Личной ответственности за эти события Николай II не несет, но в свое время они потрясли русское общественное мнение и стали символами действий ненавистного „кровавого абсолютизма".

6. Социал-предателями большевики называли всех социалистов не-большевиков.

7. Ген. Павел Петрович Скоропадский (1873–1945) был избран 29 апреля 1918 г. гетманом Украины. Он лояльно относился к немцам, тогда оккупировавшим всю юго-западную Россию. После поражения немцев и конца их оккупации (в декабре 1918 г.) он эмигрировал и затем долгие годы жил за границей.

8. Вдовствующая императрица Мария Федоровна была матерью Николая II. Во время гражданской войны она эмигрировала в свою родную Данию, где и скончалась в 1928 году. Останься она в России, она, безусловно, была бы убита, как все попавшие в руки большевиков Романовы.

9. „Германской ориентации" придерживались лишь отдельные члены Партии народной свободы (т. е. кадетской), во главе с П. Н. Милюковым. Большинство кадетов поддерживало бескомпромиссную антинемецкую позицию вождей Добровольческой армии: генералов Л. Г. Корнилова и М. В. Алексеева, затем – А. И. Деникина.

10. Вел. кн. Михаил Александрович, после своего отказа от престола (в марте 1917 г.), совершенно отошел от какой-либо политической деятельности.

11. Будучи Начальником штаба Верховного главнокомандующего (т. е. самого Государя), ген. М. В. Алексеев лично советовал Николаю II отречься от престола во время Февральской революции.

12. Как видно, в частности, из документов, опубликованных в настоящем издании, никаких серьезных попыток спасения Царской семьи предпринято не было ни в Тобольске, ни в Екатеринбурге.

13. Хотя в Добровольческой и в других белых армиях было немало монархистов, политическая программа Белого движения никогда реставрационной не была. Она всегда (даже в эмиграции) оставалась непредрешенческой: считалось, что образ правления России сможет выбрать лишь Учредительное собрание, избранное народом после освобождения страны от большевистской диктатуры. Поэтому обычное объяснение советских историков „необходимости" уничтожения Царской семьи тем, что тот или иной ее член мог бы стать „знаменем" борьбы в „лагере контрреволюции", – лишено серьезных исторических оснований.

14. Лишь незначительная часть документов Царской семьи, увезенных в Москву, была по сей день опубликована.

15. См. док. № 268, пп. 5 и 12.

Документы №№ 85–91

1. 22 февраля 1922 г. ген. Дитерихс писал в частном (неизданном) письме: „Г. Алексеев передает историю трагической кончины великого князя /Михаила Александровича/ со слов красноармейцев Сурина и Бебешева, состоявших ко времени беседы с Алексеевым в 453 полку 51 дивизии. Во время же убийства великого князя Сурин был шофером на автомобиле, при помощи которого было совершено провокаторское похищение великого князя, а Бебешев – коммунист, служивший в то время в пермской гарнизонной команде, был в роли помощника шофера.

По словам этих двух участников преступления, обстоятельства убийства и „похищения" великого князя обрисовываются так: Сурин и Бебешев привезли в закрытом автомобиле к гостинице, где жил великий князь, комиссаров Гилеева и Дюменко, которые и прошли в гостиницу. Спустя 20–25 минут комиссары вышли обратно и с ними было трое штатских, из которых один – великий князь Михаил Александрович. Все уселись в автомобиль, который направился за город по Сибирскому шоссе. Уже за городом их встретил другой закрытый автомобиль, из которого вышли трое вооруженных каких-то личностей и, переговорив с комиссаром Дюменко, пересадили в свой автомобиль двух спутников великого князя, после чего первый автомобиль с великим князем и комиссарами Гилеевым и Дюменко продолжал путь по Сибирскому шоссе. Проехав по дороге в сторону Кунгура верст 80, автомобиль остановился. Здесь комиссар Дюменко с /так!/ довольно вежливом тоне попросил великого князя выйти из автомобиля и втроем, с Гилеевым, пошли вперед по дороге, тихо о чем-то разговаривая. Пройдя шагов 30, они остановились. Хотя была ночь, но силуэты отошедших были хорошо видны. В этот момент раздался громкий окрик великого князя – „Мерзавцы", и вслед за тем было видно, как, сбив с ног ударом кулака комиссара Гилеева, великий князь бросился в лес, окаймлявший дорогу. Однако почти тотчас же комиссар Дюменко выстрелил ему в спину; раненный великий князь упал, а вскочивший Гилеев подбежал к нему и в упор выстрелил в лицо, пристрелив великого князя. Дюменко подозвал Сурина и Бебешина /так!/, при них выстрелил еще раз в голову великого князя и затем приказал стащить труп в лес, где он и был брошен в неглубокую яму и забросан хвоей.

Совершив убийство, комиссары Гилеев и Дюменко вернулись в Пермь, а на следующий день большевики объявили о бегстве великого князя при помощи „каких-то белогвардейцев".

Рассказ красноармейцев Сурина и Бебешина об обстоятельствах общего характера, сопровождавших провокационное похищение великого князя Михаила Александровича из „Королевских номеров" города Перми и убийство его самими похитителями, совпадает с материалами следственного производства, в силу чего является очень ценным вкладом в историю трагической гибели членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года".

Кто такой г. Алексеев, передавший Дитерихсу вышеприведенные обстоятельства, из письма неясно.

2. О С. С. Старынкевиче см. прим. 11 к Введению.

3. См. док. №№ 4, 5, 140–146, 148–150. О работах на руднике см. также док. № 71.

4. Описание этих предметов: док. №№ 140, 142, 143 и 145.

5. Этот прудок назывался „Ганиной ямой".

6. И. Н. Мельников был допрошен и Алексеевым, в июне–июле 1919 г.: док. № 223.

7. Если поездка действительно имела место в воскресенье, это могло быть лишь 14 или 21 июля.

8. Это была будка № 184: см. карту в Приложении.

9. Эти события описаны и другими свидетелями, например, А. П. Суслопаровой: док. № 222.

10. То есть 19-20 июля.

11. О поездках автомобилей из Екатеринбурга на рудник см. док. №№ 196, 230–232, 272 и 276.

12. Сестра Ф. Н. Лукоянова, В. Н. Карнаухова, была допрошена Соколовым 2 июля: док. № 224.

13. Ф. А. Дедюхина была опрошена Сергеевым: док. № 97.

14. О Войкове см. прим. 9 к док. № 22.

Документы №№ 92–94

1. Показания Павла Медведева отражены в док. №№ 32, 93, 96 и 265.

2. По свидетельству Роберта Вильтона (с. 76) Медведев был арестован потому, что, скрываясь в Перми, он имел неосторожность написать жене.

3. Среди охранников – бывших рабочих Злоказовской фабрики Леонидом звали лишь Леонида Ивановича Брусьянина, по прозвищу Мудозвон, но разводящим у них был Анатолий Александрович Якимов.

4. По свидетельству Якимова, разводящих было всего трое: из рабочих Сысертского завода Василий Егорович Семенов (которого заменил Иван Андреевич Старков) и Константин Степанович Добрынин, из рабочих Злоказовской фабрики – только он сам, Якимов. Медведев же был не разводящим, а начальником всей охраны: док. № 189.

5. Не „Ксения", а Мария Николаевна.

6. Это были Нагорный, Седнев и Чемодуров.

7. Другие охранники, опрошенные следствием, утверждали, что Медведев лично участвовал в расстреле. Утверждала это и его жена, с его же слов: док. № 64.

8. Опрошенные следствием местные крестьяне действительно слышали взрывы на руднике (см., например, док. № 204). В одной из шахт были найдены осколки гранат, впившиеся в ее бревенчатую стену, но шахта засыпанной землей не оказалась.

9. Следы крови были найдены Сергеевым около двери парадного крыльца (см. док. № 14).

10. Таким образом, охрана дома Ипатьева была снята лишь в день, предшествующий дню официального объявления населению о расстреле Николая II.

11. Сестра Лидия Гусева была разыскана и допрошена Алексеевым: док. № 94.

12. Протокол первого допроса Гусевой в настоящем издании не приводится. См. о свидетельстве Гусевой показание прокурора Шамарина: док. № 265.

Документы №№ 95–103

1. Здесь ошибка. Правильно: Андрей Стрекотин.

2. Ошибка. Правильно: Прокопий Кухтенков.

3. Как видно из четырех пунктов постановления, убийство Царской семьи в доме Ипатьева представлялось Сергееву вне сомнения, – доказанным.

4. Анатолий Якимов. Допрошенный Алексеевым, Медведев фамилию Якимова не помнил (см. док. № 93).

5. Это утверждение противоречит тому, что Медведев говорил Алексееву.

6. Агент Угол. розыска С. И. Алексеев.

7. Другие служащие Американской гостиницы, опрошенные следствием, опровергают показания Ф. А. Дедюхиной: док. №№ 90, 98, 103.

8. Дело было официально поручено Н. А. Соколову 7 февраля 1919 г.

9. Это указание не совсем понятно, так как с самого начала Соколову были поручены оба дела.

10. Фрейлина Маргарита Сергеевна Хитрово была арестована в Тобольске 22 августа 1917 г., несколько дней после поселения Царской семьи в Губернаторском доме. Об этом аресте широко писали газеты, в связи с развивающимся тогда психозом в левой общественности ожидания „контрреволюционного заговора против республиканской власти". Сообщение прокурора А. Ф. Стааля о „деле" Хитрово было напечатано в „Известиях" 13 сентября: в несколько путанной форме Стааль писал, что он наткнулся при своем расследовании на „следы гораздо более крупного предприятия". Сама же Маргарита Хитрово в 1927 году писала в статье, опубликованной в эмигрантском журнале, что она поехала в Тобольск по собственной инициативе, желая быть вблизи от Царской семьи. (Об этом деле см. Иоффе, сс. 136–138 и Мельгунов, сс. 203 и 208–210.) Тобольские судебные власти никакого значения не придавали поездке „Риты" Хитрово, а полк. Кобылинский описал ее как восторженную девушку, „проникнутую чисто 'институтским' обожанием к Ольге Николаевне" (док. № 192, в конце).

11. Отчеты тов. прокурора Т. Ф. Соловьева: док. №№ 160 и 165.

12. И. В. Усков был опрошен Алексеевым 16 марта 1919 г.: док. № 169.

13. М. В. Ускова, опрошенная Алексеевым, уже не могла припомнить фамилию второго встреченного ей комиссара. Названный здесь П. М. Быков был тогда тов. комиссара снабжения Войкова, членом Исполкома Уральского обл. совета. Позже он возглавил Областной со-

вет, после Белобородова. Вполне возможно, что фамилия опознанного И. А. Фесенко Быкова (и названная им Усковой) была при опросе намеренно „забыта" обоими свидетелями, опасавшимися возможных репрессий при большевиках, как нигде еще не всплывавшая в связи со следствием. Свидетельство прапорщика Князева, если добытые им сведения достоверны, еще усиливает значение уникальных подробностей, раскрытых Быковым в опубликованных им статьях.

14. Это был горный техник И. А. Фесенко, опрошенный Алексеевым 30 апреля 1919 г.: док. № 197. Он показал, что встреченные им и Усковой комиссары были Юровский и Ермаков (а не Быков).

15. Филипп Проскуряков был подробно опрошен Соколовым 1-3 апреля 1919 г.: док. № 188.

16. Ошибка: Алексей Чуркин.

17. Обычно свидетели указывали на количество „латышей" – 10 человек (а не 15, как Проскуряков).

Документы №№ 104–114

1. Гражданский чин надворного советника соответствовал военному чину подполковника.

2. Доктор Уткин был допрошен Кирстой 10 и 11 февраля 1919 г.: док. №№ 104 и 107 и Соколовым 14-15 июня 1919 г.: док. № 211. Он с Натальей Мутных – главный свидетель Кирсты, подтверждающий присутствие в Перми в августе/сентябре 1918 г. некоторых членов Царской семьи. О дознании Кирсты см. Введение.

3. Малков был председателем пермской ЧК, Воробцов, Трофимов и Лобов – ее членами.

4. По свидетельству Натальи Мутных, охраняла „вел. княжну" коммунистка Ираида Степановна Юрганова, которая была своим человеком в пермской ЧК.

5. Эти следы подтверждают рассказ доктора Уткина о ранах на лице „Анастасии Николаевны".

6. Архиепископ Пермский Андроник отрицательно отнесся к декрету о разделении Церкви и государства и не скрывал своего отношения к коммунистической власти. Он был арестован и 4 июня 1918 г. без суда убит. Тело его было зарыто между Пермью и Мотовилихой, около дороги.

7. Сравнить с рассказом о смерти Михаила Александровича в примечании 1 к док. №№ 85–91. Общая нить событий вполне совпадает.

8. О чекисте Мясникове см. также док. № 224.

9. Эти рецепты были описаны Соколовым в октябре 1919: док. № 266. О рецептах рассказывает также прокурор Шамарин: док. № 265.

10. См. опрос П. И. Логинова Сергеевым: док. № 81.

11. По свидетельству прокурора Шамарина эта могила была вскрыта весной 1919 г.: в ней оказалось 7 трупов мужчин (см. док. № 265).

Документы №№ 115–136

1. О таинственном поезде на Екатеринбургском вокзале см. также док. №№ 53 и 68 (и примечания к ним).

2. Наталья Мутных была вторично допрошена Кирстой 2 апреля: док. № 133. См. также док. № 135.

3. То есть Ираиды Юргановой-Барановой.

4. См. также показание М. К. Григорьева, увидевшего горбинку на носу „вел. княжны". Как видно на всех ее фотографиях, нос Анастасии Николаевны был без горбинки (см., например, у Тревина, с. 30).

5. Шаньга – род ватрушки или лепешки.

6. В июне 1915 г. Анастасии Николаевне исполнилось всего 14 лет (в 1913 г. ей было 12 лет), а осенью 1918 г. ей было уже 17 лет.

7. В доме Ипатьева с Царской семьей жила не кухарка, а повар.

8. Дочери Николая II до июля 1918 г. очков не носили.

9. Первое – вероятнее. О салфетках см. прим. 3 к док. № 25, а также показание Шамарина: док. № 265. Салфетки были подробно описаны Соколовым: док. № 266.

10. Начальником штаба Сибирской армии был ген. Б. П. Богословский.

Документы №№ 137–140

1. См. во Введении условия принятия дела Н. А. Соколовым.
2. О ген. Дитерихсе см. прим. 12 к Введению.
3. 23 января (док. № 76) Сергееву было предписано передать материалы следствия ген. Дитерихсу.
4. Этот документ в настоящем издании не приводится.
5. Опрошенная Соколовым М. Г. Тутельберг показала, что это была складная рамочка с портретом Александры Федоровны, которую Николай II всегда брал с собой в путешествие: док. № 242. У Соколова: фот. № 84 (воспроизведена в Приложении).
6. См. прим. 3 к док. № 19.
7. Эти „топазы" оказались бусами из горного хрусталя, которые были у всех вел. княжен (док. № 242).
8. По свидетельству М. Г. Тутельберг, эти „осколки от стекла" были осколками от большого изумруда, вероятно, от изумрудного яйца Александры Федоровны.
9. Иконки, описанные в пп. 5 и 6, принадлежали вел. княжнам. Они их всегда брали с собой в дорогу (см. Соколов, с. 206 и фот. № 81, воспроизведена в Приложении).
10. Эти кости были опознаны как кости птицы 10 февраля экспертом врачом Г. И. Егоровым.
11. Несколько свидетелей показали, что это осколки флакона с солями, подобного тем, которые брали с собой в путешествие Александра Федоровна и великие княжны.
12. Застежка для галстука изображена у Соколова: фот. № 97 (воспроизведена в Приложении).
13. Бриллиант и крест были опознаны свидетелями, как принадлежащие Александре Федоровне (см., например, док. № 242). В книге Соколова: фот. № 111 (воспр. в Прил.).

Документы №№ 141–146

1. Этот палец мог быть отсечен от руки, с которой хотели снять не соскальзывающее кольцо.
2. При анализе оказалось, что эти пятна – не кровь.
3. Как видно, уже в феврале 1919 г. Соколов считал доказанным не только убийство Царской семьи в доме Ипатьева, но и вывоз трупов к Коптякам.
4. В. С. Боткин был допрошен 14 марта: док. № 168.
5. См. фот. № 89 у Соколова (воспроизведена в Приложении). Ряд свидетелей показал, что такие пряжки были на туфлях вел. княжен и Александры Федоровны.
6. См. фот. № 105 у Соколова (воспроизведена в Приложении): это пружинки от мужских помочей.
7. См. прим. 7 к док. №№ 4–5.
8. См. о пунктах 5–8 прим. 8 к док. №№ 4–5, а также док. № 150, п. 3.
9. См. док. № 150, п. 4.
10. См. фот. № 102 у Соколова (воспроизведена в Приложении) и док. № 150, п. 5.
11. См. фот. № 104 у Соколова и док. № 150, п. 6.
12. См. фот. № 92 у Соколова (воспроизведена в Приложении) и док. № 148, п. 1. По показаниям опрошенных свидетелей, Императрица носила очки в роговой оправе с большими стеклами такой же формы.
13. См. фот. № 94 у Соколова (воспроизведена в Приложении) и док. № 148, п. 2. Это, возможно, стекла от пенсне доктора Боткина.
14. См. фот. № 108 у Соколова (воспроизведена в Приложении) и док. № 150, п. 7.
15. См. док. № 150, п. 8.
16. См. док. № 150, п. 9.
17. См. док. № 150, п. 11.
18. См. док. № 150, п. 14.
19. См. фот. № 96 у Соколова (воспроизведена в Приложении) и док. № 150, п. 15.

Документы №№ 147–150

1. Док. №№ 14, 17 и 18.
2. Эта опись не приводится в настоящем издании.
3. Эта доска была изъята у того выхода из дома, через который, по показанию свидетелей, выносили трупы.
4. Об этом куске пола см. док. № 153.
5. См. анализ подозрительных пятен в док. №№ 195 и 198. Куски пола и обоев, а также пули, извлеченные из них, были осмотрены экспертами: док. №№ 155 и 156.
6. См. прим. 14 к док. № 14.
7. По свидетельству полк. Кобылинского, доктор Боткин носил пенсне и был дальнозорким (см. док. № 192).
8. См. фот. № 119 у Соколова (воспроизведена в Приложении).
9. Это тот же снимок, но увеличенный.
10. О пунктах 1 и 4 см. также док. № 141.
11. См. док. № 146.
12. По свидетельству Кобылинского, доктор Боткин всегда носил в кармане щеточку для волос, усов и бороды (см док. № 192).

Документ № 151

1. Соколов пишет, что эти телеграммы были найдены в Екатеринбургской телеграфной конторе и переданы Сергееву 20 и 26 января 1919 г. (см. док. № 80).
2. См. док. № 24, п. 2 и примечания к нему.
3. Во всех телеграммах подпись Белобородова написана через букву „е", а не через „ѣ". Это противоречит аргументации Саммерса и Мэнгольда о неподлинности телеграммы, приведенной ниже, в п. 8 (Саммерс и Мэнгольд, франц. издание, с. 100 и далее).
4. Нам не удалось обнаружить расшифровку этой телеграммы в известных нам трудах об убийстве Царской семьи.
5. Соколов приводит следующую расшифровку этой телеграммы (с. 251): „Гусев Петрограда сообщил что Ярославле возстание белогвардеицев поезд нами возвращен обратно ф Перм как поступат далее обсудите Голощекиним". У Соколова: фот. № 132 (воспр. в Прил.).

Из содержания телеграммы видно, что 8 июля Голощекин был в Москве. Речь здесь идет о поезде с частью Петроградской ссудной казны: см. также док. № 180, п. 3 и примечания к нему.

О способе расшифровки телеграммы см. ниже примечание 10.

6. См. док. № 24, п. 2. Здесь также, вероятно, идет речь о поезде с ценностями ссудной казны.
7. Нам не удалось обнаружить расшифровку этой телеграммы.
8. К. Бояр – живописный псевдоним французского агента, посланного в Екатеринбург представителями Франции в Москве, обеспокоенными слухами о судьбе Царской семьи.
9. Нам не удалось обнаружить расшифровку этой телеграммы.
10. Вот что пишет Соколов об этой телеграмме: „Она сразу приковала к себе мое внимание и отняла у меня много времени и хлопот. Она задержала мой отъезд из Омска в Екатеринбург, что лишило меня возможности самому допросить Медведева: я застал его в сыпном тифу. 24 февраля я передал ее содержание опытному лицу при Штабе Верховного главнокомандующего, 28 февраля – в Министерство иностранных дел, позднее – Главнокомандующему союзными войсками генералу Жанену. Результаты были плачевны. В Европе мне удалось найти то русское лицо, о котором всегда было известно, как о человеке совершенно исключительных способностей и опыта в этой области. 25 августа 1920 года он получил содержание телеграммы. 15 сентября того же года я имел ее у себя расшифрованной" (Соколов, сс. 248–249). Этот человек, о котором известно лишь то, что он жил в Англии, был, возможно, Феликс Феттерлайн – бывший криптограф Николая II, перешедший на английскую службу.

Телеграмма эта читается:

„Передаите Свердлову что все семейство постигла та же участ что и главу оффициально семия погибнет при евакуации" (см. ее фот. у Соколова № 130: воспроизведена в Приложении).

Этот документ – одно из наиболее веских доказательств убийства всей Царской семьи в доме Ипатьева. Неудивительно поэтому, что его подлинность оспаривается авторами, защищающими различные теории о спасении тех или иных членов семьи. Мы не находим веских причин сомневаться в подлинности телеграммы Белобородова Горбунову от 17 июля 1918 г.

11. Телеграмма эта, вероятно, имела отношение к убийству под Алапаевском великих князей (в тот же день – 18 июля ночью). См. также док. № 24, п. 5.

12. Анна Костина была секретарем Зиновьева: поэтому запрашивают его разрешения на ее дальнейшее пребывание на Урале. Она была тогда „невестой" брата основного свидетеля Кирсты в Перми Натальи Мутных – Владимира, секретаря Уральского обл. совета. Костина играла видную роль среди пермских большевиков летом 1918 г. и ее фамилия всплыла в связи с гипотезой Кирсты о пребывании Царской семьи в этом городе (см. док. №№ 133 и 135).

13. См. также док. № 24, п. 5, прим. к нему и фот. № 135 у Соколова (воспр. в Прил.).

14. В настоящем издании этот список не приводится.

Документы №№ 152–156

1. О попытках Соколова расшифровать телеграммы см. также док. №№ 158, 185 и 186.

2. Это „требование" опущено в настоящем издании.

3. См. док. № 14. Здесь имеется в виду комната II – комната убийства.

4. См. прим. 20 к док. № 14.

5. Док. № 140, п. а-2.

6. Док. №№ 17, 18 и 147. Тут ошибка: вырезка досок была произведена 18 и 20 августа (а не 14 и 20-го).

7. Это ошибка: см. док. № 156, п. 1.

Документ № 157

1. *Это дневник графини А. В. Гендриковой. Даты в нем указаны по старому стилю.* О ее судьбе см. прим. 6 к док. № 15.

2. Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна.

3. Ранее служил для Царской семьи о. Алексей Васильев, настоятель Благовещенской церкви, но он был удален после инцидента, возникшего из-за его неосторожности 25 декабря (по ст. ст.) : см. док. № 192.

4. Баронесса С. К. Буксгевден.

5. В доме Корнилова жили слуги и приближенные Царской семьи.

6. Мария Николаевна.

7. Архиепископ Гермоген сослал провинившегося о. Алексея в Абалакский монастырь.

8. Здесь и ниже идет речь о маленьких пьесках, поставленных Гиббсом и Жильяром.

9. Василий Семенович Панкратов (1864–1925) в сентябре 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства в Тобольске. До отъезда его инструктировал сам Керенский. В юности Панкратов работал токарем на одном из петербургских заводов, участвовал в „Народной Воле", в 1884 г. при аресте оказал вооруженное сопротивление и убил жандарма. После суда он провел 14 лет в одиночной камере в Шлиссельбурге, затем был сослан. Панкратов принял участие в революции 1905 г. в Москве, был вновь арестован и сослан в 1907 г. С 1912 по 1917 г. он жил в Петербурге под полицейским надзором, а в марте 1917 г. вернулся к политической деятельности в рядах партии эсеров. В 1925 г. в Ленинграде вышла книга Панкратова: С царем в Тобольске. К Царской семье, несмотря на свое революционное прошлое, Панкратов относился вполне корректно (см. о нем док. №№ 192, 244 и 250).

10. Александр Владимирович Никольский, помощник Панкратова, описывается свидетелями как человек грубый и злой. Одно время он был председателем Тобольского совета. Потом, по свидетельству Вильтона, он поступил на службу к ген. Гайде и работал у него в осведомительном отделении. Затем Никольский перешел к красным, но был взят и расстрелян (Вильтон, сс. 102–103). См. о нем док. №№ 192, 244 и 250.

11. Брестский мирный договор был подписан лишь 3 марта 1918 г. (по нов. ст.).

12. Владимир Александрович Карелин (1891–1938), левый эсер, был нар. комиссаром государственных имуществ. Он вышел из правительства после подписания Брестского мира.

13. Эта горка была сооружена царскими детьми для катания.

14. Речь здесь идет о церковных службах начала Великого поста.

15. Солдат Иван Иванович Бурыхин.

16. Владимир Алексеевич Дуцман стал одним из руководителей Тобольского совета.

17. Комиссар Дементьев был прислан из Омска во главе „особого отряда", чтобы установить в Тобольске власть большевиков. О нем см. док. № 250.

18. У бар. Буксгевден была служанка Паулина Межанц.

19. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.

20. Архиепископ Гермоген, в прошлом сторонник Распутина, стал позже его врагом и за это подвергся гонениям. Тобольскую кафедру он получил уже при Временном правительстве. После ареста он был увезен в Екатеринбург и заключен в городскую тюрьму. За его освобождение Обл. совет потребовал сперва 10 000, а потом 100 000 рублей, которые были собраны местным купечеством и вручены екатеринбургским советским властям. Тем не менее, арх. Гермогена не освободили, а увезли обратно в Тобольск. Он был убит во время бегства красных из Тобольска: после жестокого избиения и издевательств со стороны красноармейцев на палубе везущего его парохода он был утоплен в реке Туре, как и все другие пленники, находившиеся на борту (16 июня 1918 г.).

21. Трина: Е. А. Шнейдер. А. Н.: вероятно, Анастасия Николаевна.

22. О Хохрякове см. прим. 8 к док. № 61.

Документы №№ 158–159

1. См. док. № 151.

2. См. док. № 61 и прим. 7 к док. № 15.

3. Инженер Макаров и член Государственной Думы Вершинин ездили в Тобольск по поручению Керенского еще в июне 1917 г., чтобы выяснить, пригоден ли этот город для заключения Царской семьи. После устройства семьи в Губернаторском доме Макаров делал все, что мог, чтобы облегчить ей пребывание в Тобольске. Он, в частности, обеспечил доставку из Царского Села ковров, фамильных портретов, вин и пр.

4. То есть с начала марта 1918 г.

5. С вопросом о средствах Царской семьи связано много легенд, непроверенных слухов и разобраться в нем непросто. Несомненно, у Царской семьи были средства и ценные бумаги за границей, во всяком случае в Англии. По свидетельству двух бывших председателей Временного правительства (кн. Львова и Керенского), Соколов пишет о сумме в 14 миллионов рублей, хранящейся за границей (Соколов, с. 36). Но в сибирском и уральском заключении эти средства были вне досягаемости. Как видно из материалов следствия, у Императрицы и великих княжен было много драгоценностей, но мы не нашли никаких данных о том, что были сделаны попытки к их реализации.

6. Из док. № 178 видно, что в июне 1918 г., например, чай стоил 9,5 рублей, сливочное масло – 5 рублей, говядина – 4 рубля, сухие овощи – 2,5 рубля за фунт; мука стоила 20 рублей за пуд.

7. А. И. Гучков был первым военным министром Временного правительства. Этого способного и честолюбивого человека очень не любила Александра Федоровна и не давала ему хода: несмотря на свой искренний монархизм и умеренные политические взгляды, Гучков постепенно стал врагом царствующего монарха. Знаменитый Приказ № 1 распространялся Петроградским советом, когда Гучков был военным министром, и Гучков отчасти несет ответственность за последующий развал русской армии.

8. О деятельности Яковлева и о поездке из Тобольска в Екатеринбург см. док. № 192.

9. Няня царских детей А. А. Теглева.

10. Здесь ошибка: именины свои Николай II праздновал 9 мая по ст. ст. (22 мая по нов. ст.). 6 мая – память Иова многострадального.

11. По данным следствия, у Царской семьи в Екатеринбурге было только две собаки: у Алексея Николаевича – спаниель Джой, а у Анастасии Николаевны – маленькая собачка Джемми.

12. В доме Ипатьева действительно были найдены волосы (см. док. № 9).

13. Не совсем понятно, что хочет сказать Жильяр: возможно, он имеет в виду замывку пятен крови.

14. Как видно из док. № 9, Наметкин этих знаков не обнаружил. Александра Федоровна увлекалась оккультизмом и восточным мистицизмом и повлияла в этом на супруга. Значительную роль в этом отношении сыграл выписанный из Лиона французский оккультист и теософ „мсье Филипп", на чары которого Государыня надеялась, чтобы у нее наконец родился наследник. У теософов знак свастики – один из главных символов. Позже свастика стала, видимо, тайным знаком в среде поклонников и друзей Распутина: она фигурирует, например, в дневнике зятя Распутина, авантюриста Б. Н. Соловьева. Вильтон пишет, что чертить знак сва-

стики, „приехав в новое помещение, стало обыкновением Императрицы с тех пор, как она познакомилась с оккультными науками" (Вильтон, с. 113). См. фот. у Жильяра (франц. изд. 1921 г., сс. 240–241.)

15. О Волкове см. док. № 63. Таким образом видно, что Гендрикова и Шнейдер погибли среди тысяч других „заложников" во время волны террора, прокатившейся по стране после покушения Ф. Каплан на Ленина, 30 августа 1918 г.

16. В. Ф. Челышев. О судьбе Михаила Александровича см. док. №№ 86, 106 и 256.

17. Док. № 140.

18. Док. № 146.

19. Док. № 157.

20. С. И. Иванов был опрошен Соколовым 18 июля 1919: док. № 239.

Документы №№ 160–162

1. См. примечание 10 к док. №№ 95–103.

2. Сохраненные в материалах следствия телеграммы от Белобородова к Лукоянову (из Екатеринбурга в Пермь) распределяются следующим образом:

а. От 7 июля 1918 г., в 15 ч. 49 мин. (№ 740/а) : док. № 151, п. 1.

б. От 7 июля, в 22 ч. (№ 779/А) : док. № 151, п. 2.

в. От 8 июля, в 17 ч. 45 мин. (№ 908/Б) : док. № 151, п. 4.

г. От 9 июля, в 11 ч. 50 мин. (№ 882/А) : док. № 151, п.5.

д. От 19 июля, в 12 ч. (№ 2053) : док. № 151, п. 12.

е. От 20 июля, без часа, (№ 4869) : док. № 161, п. 4.а.

Эти телеграммы, вероятно, имеют отношение к вывозу из Екатеринбурга ценностей Петроградской ссудной казны (см. также док. № 151, п. 3 и № 180, пп. 1 и 3 и примечания к ним о расшифровке телеграмм).

3. См. док. № 181, п. 1.

4. См. прим. 1 к док. № 25.

5. Хочется сопоставить этот документ с тем, что писал Николай II в своем дневнике 2/15 марта 1918 г.: „... Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется, иногда, что дальше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его святая!" („Красный Архив", Т. XXVII, с. 119).

6. См. док. № 80: 21 июня 1918 г. Берзин лично осматривал дом Ипатьева, чтобы убедиться, что с Царской семьей ничего не случилось.

Документы №№ 163–166

1. О распространении в июне 1918 г. сведений об убийстве Царской семьи см. также док. №№ 80, 162, 163, пп. 3 и 4, и 180, п. 2.

2. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) был управляющим делами Совнаркома с ноября 1917 г. по октябрь 1920 г.

3. Леонид Николаевич Старк (1889–1937) был с марта 1918 по апрель 1919 г. комиссаром Российского телеграфного агентства при ВЦИК (РОСТА).

4. В. А. Воробьев был членом Исполкома Уральского обл. совета и Обкома большевистской партии.

5. Телеграммы, приведенные в док. № 163, пп. 4 и 5, отсутствуют в экземпляре дела, хранящемся в Гарвардском университете.

6. Отправитель этого „отношения": Б. В. Дидковский.

7. Таким образом в июне 1918 г. в доме Ипатьева было 11 „жильцов".

8. Эти документы были найдены в трубе одной из печей дома Ипатьева (см. док. № 14).

9. Среди членов внутренней охраны был некто Кабанов.

10. О М. С. Хитрово см. прим. 10 к док. №№ 95–103. Она была арестована 22 августа в Тобольске: следственно телеграмма Керенского была послана до этой даты.

11. Эти лица так и не появились. Август 1917 г. – тревожное для Керенского время выступления ген. Корнилова. Опубликованная телеграмма хорошо передает его тогдашнее несколько нервное состояние.

12. См. док. № 100.

13. О. диакон Евдокимов служил вместе с о. Алексеем Васильевым 25 декабря 1917 г. (по ст. ст.) : об этом инциденте см. показание полк. Кобылинского (док. № 192).

14. См. эти протоколы: док. №№ 80 и 84.

Документы №№ 167–174

1. См. док. № 144, п. б. Речь идет о вещах, найденных в помойной яме дома Ипатьева.

2. По свидетельству Чемодурова, эти две иконки находились в общей спальне дома Ипатьева (см. док. № 40).

3. По свидетельству Чемодурова (док. № 40), вещи, описанные в пп. 3, 5 и 6, принадлежали А. С. Демидовой.

4. Этот галстук с лентой ордена св. Владимира всегда носил доктор Боткин (см. док. № 40).

5. Чемодуров узнал в этой ленте Георгиевскую ленту, снятую с шинели, в которой всегда ходил Николай II (док. № 40).

6. См. док. № 144, п. а.

7. Док. № 167, п. 7.

8. Мария Васильевна Ускова была названа поручику Князеву в феврале 1919 г. (см. док. № 101).

9. О Волкове см. прим. 9 к док. №№ 20–23.

10. Эти данные указывают, что вероятна связь между окончательным решением большевиков покинуть город и убийством Царской семьи.

11. См. опрос Фесенко: док. № 197.

12. Фесенко назвал Ермакова.

13. Таким образом, по свидетельству Усковых, Юровский со спутником возвращался из леса верхом и находился около железнодорожного разъезда № 120 (см. карту в Приложении) 17 июля, в 4 часа дня. По свидетельству же Фесенко (док. № 197), эта поездка имела место раньше, за два дня до очищения красноармейцами местности рудников от посторонних.

14. По этим указаниям, дорога на Коптяки была открыта для проезда 19 июля утром, до 8 часов утра.

15. См. также о поездках автомобилей на Коптяки: док. №№ 89, 196, 230–232, 272 и 276.

16. Свидетель мог запомнить первую „паровую машину" для откачки воды, которую возили на рудники уже при белых, когда начали искать тела (см. док. № 71).

17. Вероятно, речь идет о более мощном насосе, раздобытом благодаря стараниям Магницкого (см. док. № 71).

18. К сожалению, не указано, показывал ли Алексеев фотографию Ермакова Усковой для опознания спутника Юровского.

Документы №№ 175–176

1. Вел. кн. Кирилл Владимирович (1876–1938), сын брата Александра III Владимира, сочувственно отнесся к Февральской революции, а затем эмигрировал. За границей он провозгласил себя блюстителем российского престола, а позже (в августе 1924 г.) – императором всероссийским.

2. Это показывает, что уже осенью 1918 г. при английском Дворе не сомневались в гибели Николая II.

3. Парфен Алексеевич Домнин не оставил никаких известных нам следов о своем действительном существовании.

4. Летом 1918 г. ни у чехословаков, ни у сибирских войск авиации не было.

5. Удивительное обращение со стороны Императора.

6. Как видно из прочих показаний, прислуга из дома Ипатьева вовсе не выпускалась.

7. Это перечень всем известных по прессе родственников и приближенных Царской семьи.

8. В Москве весной 1918 г. действительно существовала подпольная офицерская организация под руководством ген. Довгерта. Савинков был с ней в контакте. Но нам ничего достоверного не известно о каких-либо сношениях между московскими заговорщиками и екатеринбургскими узниками.

9. Ген. А. И. Деникин (1872–1947) летом 1918 г. стоял во главе Добровольческой армии, борющейся против большевиков на юге России.

10. В рассказе „Домнина", без объяснения этой странности, не упоминаются вел. княжны.

11. О Саковиче см. примечания 4 и 5 к док. №№ 20–23.

12. Если совещание „совета комиссаров" состоялось, как утверждал Сакович, в марте–апреле 1918 г., оно имело место не после, а до перевоза Семьи в Екатеринбург.

Документы №№ 177–180

1. Здесь ясно видно, что Медведев был не просто разводящим, а начальником караула. См. у Соколова на фот. № 40 (воспроизведена в Приложении).

2. Кенсорин Сергеевич Архипов в 1916 г. работал врачом-ординатором в Екатеринбургском военном лазарете и очень дружил с Юровским.

3. Мать Юровского была задержана и допрошена следствием. С ней ничего не случилось: после возвращения красных она поселилась в Екатеринбурге у своего сына.

4. У Юровского была в Екатеринбурге „фотография".

5. См. также описание телеграмм в док. №№ 151, 161 и 163.

6. См. док. № 151.

7. Эта телеграмма изображена у Соколова на фот. № 131 (воспроизведена в Приложении). Он приводит ее расшифровку (сс. 250–251): „Ми уже сообщали что вес запас золота и платини вивезен отсюда два вагона стоят колесах Перми просим указат способ хранения на случаи поражения советвласти мнение облакома партии и обласовета случае неудачи вес груз похоронит даби не оставит врагам".

Как и в телеграмме, приведенной в п. 3, речь здесь идет о вывозе ценностей Петроградской ссудной казны. См. также прочие телеграммы, указанные в прим. 2 к док. №№ 160–162.

8. См. док. № 162 (сводка № 2).

9. Используя данные, указанные Соколовым (сс. 247–248), нам удалось (видимо, впервые) расшифровать эту телеграмму. Задача наша была усложнена тем, что в тексте несколько ошибок и нарушается правильное чередование двузначных групп. Таким образом, содержание телеграммы следующее: „Наш комфин Сиромолотов виехал Перм для организации отправки груза в Ярославл соо/б/щите куда нап/р/авит петроградскую ссудную казну стоящую Перм /на/ колесах" (буквы в скобках восстановлены нами).

10. И. Э. Гуковский был нар. комиссаром финансов в апреле–августе 1918 г.

11. О Сафарове см. док. №№ 20–23, прим. 2. Он был хорошо знаком с Лениным и держал связь с центром. Нам не удалось установить, кто такие „Хайнкенены". Телеграмма эта загадочна, особенно учитывая ее дату.

Документ № 181

1. Док. № 24.

2. См. также док. № 24, п. 3.

3. Док. № 84.

4. См. также док. № 151, п. 11. Подмеченная следователем путаница с датами указывает либо на использование неправильно составленного штемпеля, либо на то, что о „внезапном" нападении на великих князей, содержавшихся в Алапаевске, было известно заранее в Екатеринбурге. Месяца „июнь" и „июль" неоднократно путаются в документах следствия. Алапаевские узники были убиты в ночь с 18 на 19 июля (см. док. №№ 23–24, прим. 13).

5. Эта телеграмма – ответ Белобородова на две телеграммы, полученные им из Алапаевска. Первая из них, от вел. кн. Сергея Михайловича (от 21 июня), следующего содержания: „Екатеринбург. Председателю Областного Совета. По распоряжению Областного Совдепа мы с сегодняшнего дня находимся под тюремным режимом. Четыре недели мы прожили под надзором Алапаевского совдепа и не покидаем здания школы и ее двора, за исключением посещения церкви. Не зная за собой никакой вины ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и моих родственников находящихся в Алапаевске Сергей Михайлович Романов". Вторая телеграмма была от алапаевского большевистского комиссара Соловьева: „Военная. Екатеринбург Област. Совет Считать ли прислугу Романовых арестованными давать ли выезд основание 4227 Алапаевский Совдеп Отправитель Е. Соловьев" (см. Соколов, сс. 258–259). У Соколова фот. № 134 (воспроизведена в Приложении).

6. Михаил Александрович был похищен и убит в ночь с 13 на 14 июня 1918 г.

7. См. также док. № 24, п. 1.

8. Из этой телеграммы, видимо, следует, что Белобородов не знал заранее об убийстве Михаила Александровича. Удивительно, что такой важный документ, прочитанный Сергеевым (см. док. № 24, п. 5), не был им включен в соответствующий протокол.

9. Неясно, о какой телеграмме здечь идет речь. Ее нет в протоколе Сергеева от 4 февраля. Может быть, здесь имеется в виду телеграмма Юровского, описанная в пункте 4 протокола от 18 сентября 1918 г. (док. № 24).

Документы №№ 182–186

1. Этот документ в настоящем издании не приводится.

2. Об этом инциденте см. док. № 192 и примечания 3 и 7 к док. № 157.

3. Соколов пишет, что, приехав в Екатеринбург, он уже не смог расспросить Медведева, застав его „в сыпном тифу" (Соколов, с. 248).

4. Соколов передал телеграммы для расшифровки в Министерство иностранных дел адм. Колчака 28 февраля (док. № 158).

5. Телеграммы были переданы для расшифровки начальнику Отделения контрразведки в Омске 24 февраля (док. № 152).

Документы №№ 187–188

1. Об условиях задержания Ф. П. Проскурякова см. док. № 102. Он был допрошен Алексеевым 26 февраля 1919 г.

2. О Мрачковском см. прим. 2 к док. №№ 30–34.

3. Допрошенный Алексеевым, Медведев утверждал, что запись принимал Н. И. Чуркин (док. № 93).

4. См. планы дома Ипатьева в Приложении.

5. Авдеев был сменен Юровским 4 июля. Об Авдееве см. прим. 4 к док. № 9.

6. О Юровском см. прим. 5 к док. № 14, о Никулине – прим. 19 к док. № 9.

7. Здесь описаны доктор Боткин, лакей Трупп, повар Харитонов, горничная Демидова и мальчик Седнев.

8. Здесь описаны лакей Седнев и слуга Наследника Нагорный.

9. Доктор Деревенко – врач Алексея Николаевича.

10. По свидетельству Проскурякова, это был Ермаков: см. ниже.

11. Охранник Якимов утверждает обратное: см. док. № 199.

12. По рассказу Якимова безобразничали и орали революционные песни именно Авдеев с Мошкиным. Он утверждает, что при Юровском безобразия прекратились (док. № 199).

13. См. описание „творчества" охранников в док. № 194.

14. О пряжке и пенсне см. док. № 146, пп. 4 и 13.

15. Из показания Проскурякова таким образом следует, что узники дома Ипатьева были убиты незадолго до 3 часов утра (еще стоял пороховой дым в комнате), 17 июля 1918 г.

16. Таким образом, 16 июля Белобородов, Юровский и (опознанный Проскуряковым) Ермаков вместе уехали на автомобиле из дома Ипатьева „несколько" позже 10 часов утра. Они вернулись, втроем, „перед вечером".

17. Над словом „пузатый" в экземпляре дела ген. Дитерихса написано от руки: „Голощекин". Но Проскуряков утверждает, что это был Ермаков.

18. Красные эвакуировались из Перми 24 декабря 1918 г.

19. Этот кусок обоев описан в док. № 154, п. 1.

20. Док. № 147, п. 22.

21. Док. № 140, пп. 12 и 14.

22. По свидетельству Якимова (док. № 199), часть „латышей" были русскими.

23. Эти кипарисовые четки были найдены под диваном в „комендантской" комнате (см. док. № 9).

24. Док. № 146, пп. 2 и 14.

25. Док. № 147, п. 2.

26. Док. № 146, п. 21 и № 150, п. 13.

27. Док. № 146, п. 16.

28. Док. № 146, п. 1.

29. Док. № 140.

30. Док. № 164, п. 1.а.
31. Чащин упомянут в док. № 178, п. 1.
32. Док. № 181, п. 1.
33. Эти разрушения были обнаружены Наметкиным 2 августа 1918 г.: док. № 9.

Документы №№ 189–191

1. Будучи позднее допрошен Соколовым, Якимов подробнее рассказал о „латышах": док. № 199. См. также ниже.

2. Слова, сказанные или прочитанные Николаю II перед расстрелом, передаются поразному различными свидетелями. Несмотря на это, они послужили широко используемым материалом для подтверждения тех или иных гипотез авторов книг об убийстве Царской семьи.

3. Вильтон считал, что Якимов присутствовал при убийстве по приказанию Юровского (Вильтон, русск. изд., с. 76).

4. Владимир Михайлович Косарев (1881–1945), по происхождению рабочий, стал соц.-демократом (а затем большевиком) уже в 1898 г. В 1917 г. он был председателем Томского совдепа, с марта 1918 г. – председателем Западно-Сибирского комитета советов, а в августе 1918 г. стал членом Уральского обл. ком. большевистской партии (до января 1919 г.). В 1920-х годах он занимал видные должности в партийном аппарате.

5. Григорий Александрович Усиевич (1890–1918), юрист по образованию, стал большевиком в 1907 г. В июне 1918 г. он – председатель Тюменского военно-революционного штаба и военком Зап.-Сиб. фронта. В июле 1918 г. он – военком Зап.-Сиб. военно-оперативного штаба. 9 августа убит во время отступления красных войск.

6. Известно, что у Александры Федоровны был номер ботинок, для женщины исключительно большой.

7. Антон Яковлевич Валек (1887–1919), бывший рабочий, стал большевиком в 1904 г. С июля 1918 г. он получил задание организовать большевистское подполье в Сибири и создал группы в Тюмени, Омске и Иркутске. После поездки в Москву осенью 1918 г. и службы в штабе Восточного фронта Валек вернулся к подпольной работе: в декабре он создал группу в Перми, а в январе – в Екатеринбурге. 1 апреля 1919 г. он был арестован вместе с другими участниками большевистского подполья и среди них Марией Оскаровной Аввейде и Самуилом Моисеевичем Буздес, которые были также опрошены Соколовым (протоколы их опросов никаких новых сведений следствию не принесли и в настоящем издании опускаются). Валек был приговорен к смертной казни и казнен одновременно со своими соучастниками. По свидетельству ген. Дитерихса, Валек давал свои показания уже приговоренный, за несколько часов до расстрела (Дитерихс, т. 1, с. 260).

8. Карл Петрович Ильмер (1891–1919), бывший рабочий, стал большевиком в 1908 г. В декабре 1917 г. ему были поручены хлебозаготовки в Сибири для Петрограда и Москвы, он также стал членом Зап.-Сиб. обл. совета. С июля 1918 г. Ильмер вел большевистскую работу в Екатеринбурге, а с начала 1919 г. занялся подготовкой восстания в Томске, но был арестован и расстрелян.

9. На основании показаний Валека в Томск был послан агент для ареста Ильмера (4 апреля).

Документ № 192

1. Царскую семью арестовал, по приказу революционной власти, ген. Лавр Георгиевич Корнилов (1878–1918). Сын казака Сибирского казачьего войска, дослужившегося до офицерского чина, Корнилов, благодаря своим выдающимся способностям, сделал блестящую военную карьеру. В марте–апреле 1917 г. он командовал Петроградским военным округом, в мае–июне – 8-й армией и Юго-западным фронтом. С 19 июля по 27 августа он был Верховным главнокомандующим русской армии. После неудачной попытки силой оружия добиться изменения политического курса Временного правительства он был заключен в тюрьму в г. Быхове. Бежав на Дон после Октябрьского переворота, Корнилов, совместно с ген. Алексеевым, создал и возглавил Добровольческую армию и повел ее, поздней зимой 1918 г., в знаменитый „Ледяной поход" на Кубани. Корнилов был убит 13 апреля во время штурма красного Екатеринодара. После ухода белых частей местные красные власти выкопали тело Корнилова и подвергли его публичному надруганию. По убеждениям своим Корнилов был республикан-

цем, но к Царской семье, заключенной в Царском Селе под его ответственностью, относился с почтительной предусмотрительностью.

2. В Царском Селе солдаты 2-го лейб-гвардии Стрелкового полка хуже относились к Николаю II и его семье, чем остальные солдаты охраны (1-го и 4-го л.-гв. Стрелковых полков). Об этом периоде заключения Царской семьи см. Соколов (сс. 10–24).

3. О Макарове и Вершинине см. прим. 3 к док. №№ 158–159.

4. О перечисленных здесь слугах и лицах свиты Царской семьи см. примечания к документам, опубликованным выше.

5. Н. А. Мундель был опрошен Соколовым 6 августа 1919 г.: док. № 250.

6. В Тобольске спектакли ставили Гиббс и Жильяр.

7. В экземпляре дела ген. Дитерихса над цифрой „27" от руки написано „12". О Панкратове см. прим. 9 к док. № 157.

8. О Никольском см. прим. 10 к док. № 157.

9. Об о. Алексее Васильеве см. также док. №№ 67 и 274.

10. Св. мученица царица Александра была супругой римского императора Диоклетиана (празднуется православной Церковью 23 апреля по ст. ст./6 мая по нов. ст.).

11. Примечание от руки в экземпляре ген. Дитерихса: „30 марта".

12. Примечание от руки над строкой в экземпляре ген. Дитерихса: „11 марта".

13. О Заславском см. также док. № 250. Заславский и Хохряков приехали в Тобольск 14 марта (так указывает Дитерихс: Т. 1, с. 361).

14. В дневнике Троцкого за 1935 г., под датой 9 апреля, приведены следующие интересные данные, относящиеся к убийству Царской семьи:

„Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья... Либералы склонялись, как будто, к тому, что уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это неверно. Постановление вынесено было в Москве. Дело происходило в критический период гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу теперь, что помню.

В один из коротких наездов в Москву – думаю, что за несколько недель до казни Романовых, – я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянск/ая/ политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и пр.); по радио (?) ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в этом смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но... времени может не хватить... Прений никаких не вышло, так /как/ я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, помнится, было трое–четверо: Ленин, я, Свердлов... Каменева, как будто, не было. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

– Да, а где царь?

– Кончено, – ответил он, – расстрелян.

– А семья где?

– И семья с ним.

– Все? – спросил я, по-видимому с оттенком удивления.

– Все! – ответил Свердлов, – а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

– А кто решал? – спросил я.

– Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях...

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтоб запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентских кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли бы и не приняли бы. *Это* Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах...

В „Последних Новостях" я читал, уже будучи за границей, описание расстрела, сожжение тел и пр. Что во всем этом верно, что вымышлено, не имею ни малейшего представления, так как никогда не интересовался тем, *как* произведена была казнь, и, признаться, не понимаю этого интереса".

Эта выдержка из дневника Троцкого (хранящегося в Гарвардском университете) была опубликована Ю. Фельштинским в статье „Троцкий и убийство Царской семьи" („Русская Мысль" от 2 августа 1985 г.). Основой же нашей публикации послужил снимок с оригинала дневника (сс. 110–112), любезно присланный нам Фельштинским. Мы его прочли несколько иначе, чем он: этим объясняются мелкие разночтения с текстом, опубликованным в „Русской Мысли".

15. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.

16. Об Авдееве см. прим. 4 к док. № 9.

17. Телеграфистом Яковлева был С. А. Галкин. Ему в центре было приказано неотступно быть при комиссаре, и вся связь Яковлева с Москвой и Екатеринбургом проходила через него (см. Касвинов, с. 444). В 1957 г. (в СССР) Галкин написал воспоминания, по сей день не изданные (Касвинов, с. 559, прим. 41).

18. Мы не обнаружили протокола этого допроса в материалах следствия.

19. Яковлев явился Кобылинскому 23 апреля (по нов. ст.).

20. Варлаам Александрович Аванесов (1884–1930), до 1914 г. – меньшевик, а в 1917–1919 гг. был секретарем ВЦИКа и членом его президиума, с марта 1919 г. – представителем ВЦИКа при ВЧК, а с августа 1919 г. работал в Особом отделе ВЧК.

21. 24 апреля (по нов. ст.).

22. 25 апреля (по нов. ст.).

23. Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924), видный возглавитель партии октябристов, с 1911 г. был председателем Государственной Думы. Александра Федоровна очень не любила его, как одного из наиболее решительных противников участия Распутина в государственных делах страны. Родзянко сыграл решающую роль в событиях, приведших к отречению Николая II.

24. Отъезд из Тобольска состоялся 26 апреля (по нов. ст.).

25. То есть 3 мая (по нов. ст.) Николай II, Александра Федоровна и сопровождающие их лица были привезены в Екатеринбург 30 апреля (по нов. ст.).

26. О Хохрякове см. прим. 8 к док. № 61.

27. О Дементьеве см. прим. 17 к док. № 157.

28. Отряд полк. Кобылинского был заменен красногвардейцами („латышами") 17 мая.

29. Оставшиеся в Тобольске члены Царской семьи, со слугами и приближенными, были 20 мая приведены на пароход „Русь", доплыли на нем до Тюмени и оттуда железной дорогой приехали (23 мая) в Екатеринбург.

30. Нагорный и Седнев были расстреляны в конце мая или в начале июня 1918 г.: см. прим. 30 к док. № 9 и прим. 16 к док. № 15.

31. Омск был взят белыми 7 июня 1918 г.

32. См. опрос Волкова Сергеевым и Соколовым: док. №№ 63 и 256.

33. В июле 1918 г. Николаю II было 50 лет, Александре Федоровне – 46 лет, Ольге Николаевне – 22 года, Татьяне Николаевне – 21 год, Марии Николаевне – 19 лет, Анастасии Николаевне – 17 лет. Алексею Николаевичу исполнилось бы 14 лет 12 августа 1918 г.

34. О предметах, описанных в протоколе от 10 февраля 1918 г.: см. соответствующие пункты в док. № 140.

35. О предметах, описанных в протоколе от 15–16 февраля 1918 г.: см. соответствующие пункты в док. № 146.

36. См. прим. 2 к док. № 15. Дневники Александры Федоровны и царских дочерей, хранящиеся в СССР, до сих пор опубликованы не были.

37. См. прим. 11 к док. №9.

38. В свое время известный во всей России и часто фигурирующий на фотографиях вместе с Наследником его дядька-матрос Деревенько в 1917 г. оказался недостойным доверия Царской семьи и был заменен Нагорным.

39. См. в док. № 175 рассказ „Домнина" о смерти Николая II.

40. О бриллианте, кресте и застежке для галстука см. соответствующие пункты док. № 140.

41. Дневник граф. Гендриковой опубликован выше: док. № 157.

42. К. М. Битнер была опрошена Соколовым 4 августа 1919 г.: док. № 244.

43. О „деле" Хитрово см. док. № 165 и прим. 10 к док. №№ 95–103.

1. О Белобородове см. прим. 7 к док. №№ 20–23, о Дидковском см. прим. 8 к док. № 15. „Росписку" см. у Соколова на фот. № 13 (воспроизведена в Приложении).

2. Дом Ипатьева был осмотрен Наметкиным с 2 по 8 августа и Сергеевым с 11 по 14 августа 1918 г. (док. №№ 9 и 14). Ниже публикуются лишь те места протокола осмотра дома Соколовым, которые раскрывают новые предметы или обстоятельства. См. планы дома Ипатьева в Приложении.

3. Таким образом размер сада дома Ипатьева: 40 на 33 м.

4. Охранник дома Ипатьева Г. И. Суетин был опрошен Плешковым 2 окт. 1918 г.: док. № 57.

5. Охранник дома Ипатьева Н. С. Садчиков был бывшим рабочим Сысертского завода.

6. Охранник дома Ипатьева Г. Т. Лесников был бывшим рабочим завода бр. Злоказовых.

7. Бывший рабочий Сысертского завода И. А. Старков был одним из разводящих караула дома Ипатьева.

8. Эта комната была спальней императорской четы и Алексея Николаевича. См. ее описание в док. № 9.

9. См. прим. 14 к док. №№ 158–159. См. у Соколова: фот. № 12 (воспр. в Прилож.).

10. См. описание этой комнаты нижнего этажа в док. № 14.

11. „Петр Толстобров" следствием опознан не был. О А. Стрежневе см. прим 14 к док. № 14.

12. Эта комната была описана Сергеевым в док. № 14.

13. См. фот. этой надписи у Соколова: № 54 (воспроизведена в Приложении).

В тексте Т. 3 экземпляра дела Вильтона, хранящегося в Гарвардском университете, эта надпись представлена точно так, как она опубликована нами. Она затем была перечеркнута и над ней надписано ее изображение, соответствующее фотографии, опубликованной Соколовым, т. е.:

В книгах об убийстве Царской семьи надпись эта порой изображается неверно. Таким образом, например, в книге Паганущи (с. 68) – последнем труде на русском языке на эту тему – надпись изображена наоборот (вверх ногами) и горизонтально, а не почти вертикально, как на фотографии, опубликованной Соколовым, и на оригинальной фотографии, приложенной к Т. 3 экземпляра Вильтона.

Внимательное изучение оригинальной фотографии и материалов следственного дела нам позволяет сделать несколько замечаний по поводу этой знаменитой, „кабалистической" надписи.

По материалам следствия известно, что со стены, на которой изображена „кабалистическая" надпись, было удалено несколько кусков штукатурки с обоями, на которых фигурировали настенные надписи (см. док. №№ 14, 154 и 194). Маловероятно, что тогда не заметили „кабалистической" надписи и расчетов около нее и их также не удалили (или списали).

По определению следствия, „кабалистическая" надпись и цифровые надписи на подоконнике около нее произведены теми же чернилами и, вероятно, той же рукой.

Подоконник – самое светлое место комнаты, если не зажигать электричества. По определению Сергеева, окно находится на высоте 1 аршин 7 вершков от пола комнаты (примерно 1 м 02 см): это обозначает, что Сергеев точно измерял эту высоту. Весьма маловероятно, что он не заметил „кабалистической" надписи, находящейся на расстоянии полувершка от подоконника и, тем более, надписей на последнем.

Надпись начертана толстыми линиями, очень ярко и свежо выступает на фоне фотографии.

Вышеприведенные факты позволяют заключить с большой долей вероятности, что „кабалистическая" надпись была начертана после осмотра комнаты Сергеевым, т. е. после 14 августа 1918 г. Скорее всего она является „пробой пера" человека, затем использовавшего подоконник для каких-либо расчетов.

14. См. док. № 14 и план в Приложении.

15. Терраса изображена в книге Соколова на фот. № 22 (воспроизведена в Приложении). На этой террасе был установлен охранный пост с пулеметом.

16. О Н. С. Садчикове см. выше прим. 5.

17. См. также п. 18 текста. Венгр Андраш Верхаш был, видимо, одним из „латышей" внутренней охраны дома. См. фот. надписи у Соколова: № 45 (воспроизведена в Приложении).

18. И. П. Котегов и Н. М. Русаков, охранники дома Ипатьева, были бывшими рабочими Сысертского завода.

19. Закис был, видимо, „начальником караульной команды" до назначения Авдеева комендантом. Его фамилия не встречается в других материалах следствия.

20. Это начало одного из куплетов песенки, тогда очень популярной.

21. То есть комнаты IV верхнего этажа дома.

22. Это письмо было экспертом определено как письмо на венгерском языке, написанное „мадьяризированным немцем" весной 1918 г. Оно не содержит сведений, важных для следствия, и в настоящем издании не публикуется.

23. См. док. № 14.

24. См. планы дома Ипатьева в Приложении.

Документ № 195

1. Часть доски, описанная в п. 1 док. № 147 (протокол от 17–18 февраля 1919 г.).
2. Часть доски, описанная в п. 2 док. № 147.
3. Часть доски, описанная в п. 3 док. № 147.
4. Часть доски, описанная в п. 4 док. № 147.
5. Часть доски, описанная в п. 5 док. № 147.
6. Здесь и ниже опускается описание исследования лопаты, описанной в пункте „б" док. № 140: на ней крови обнаружено не было. Эти пропуски не всегда обозначены многоточием.

Документ № 196

1. П. А. Леонов был уже допрошен Кирстой в августе 1918 г.: док. № 37.
2. О В. К. Адамовиче-Маус см. также док. №№ 258 и 264.
3. О судьбе великих князей, высланных на Урал, см. прим. 13 к док. №№ 23–24.
4. О Жилинском см. прим. 15 к док. № 9.
5. То есть 14 мая.
6. Об участии автомобилей в делах, связанных с убийством Царской семьи, см. также док. №№ 89, 230–232, 272 и 276.
7. Из рассказа Леонова, таким образом, следует, что после получения телеграммы комиссара Горбунова, в 12 часов ночи 16 июля, три „больших" и два „малых" автомобиля поступили в распоряжение екатеринбургской ЧК (около 2 часов утра 17 июля). На одном из этих автомобилей везли две бочки бензина. Два „малых" и два „больших" автомобиля вернулись в свой екатеринбургский гараж рано утром 17 июля (до 7 часов), причем платформа одного из „больших" автомобилей была повреждена с левой стороны и залита большим количеством крови. Последний („большой") автомобиль вернулся в ночь на 19 июля.
8. Из этого следует, что уже в августе 1918 г. Кирста был убежден, что Царская семья спаслась целиком или хотя бы некоторые ее члены.

Документы №№ 197–198

1. См. карту местности в Приложении.
2. Эта надпись была обнаружена Наметкиным 30 июля 1918 г. (см. док. № 4).
3. О Юровском см. прим. 5 к док. № 14, о Ермакове – прим. 5 к док. №№ 65–66.
4. 500 пудов равняются 8190 кг.
5. По свидетельству М. В. и И. В. Усковых, Юровский со спутником ездили на рудник позже – 17 июля: док. №№ 169 и 170.
6. М. В. Ускова была опрошена Алексеевым 16 марта 1919 г.: док. № 170.
7. О поездках автомобилей по дороге на Коптяки см. док. №№ 196, 230–232 и 276.
8. Анализ подозрительных пятен описан также в док. №№ 195 и 208. См. и док. № 153.
9. Здесь и ниже см. соответствующие пункты док. № 147.

Документ № 199

1. А. А. Якимов был уже допрошен Алексеевым 2 апреля 1919 г. См. данные о нем в док. № 189.

2. О Авдееве см. прим. 4 к док. № 9.

3. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.

4. Австрийский военнопленный Рудольф (или Адольф) „ставил коменданту самовары".

5. С начала войны был введен в России в 1914 г. строгий сухой закон. Первые годы (до 1925 г.) он соблюдался и советской властью. Как водится, сухой закон как в народе, так и среди большевистского начальства, всячески обходили, прибегая к различным нелегальным способам получения и изготовления спиртных напитков.

6. О Юровском см. прим. 5 к док. № 14, о Белобородове – прим. 7 к док. №№ 20–23, о Сафарове – прим. 2 к док. №№ 20–23, о Никулине – прим. 19 к док. № 9.

7. О Ермакове см. прим. 5 к док. №№ 65–66, о Партине и Костоусове – прим. 7 и 4 к док. №№ 65–66.

8. О Леватных см. прим. 6 к док. №№ 65–66.

9. Здесь и ниже см. планы дома Ипатьева в Приложении.

10. Слова этой грустной песни, популярной в то время, написал поэт К. Р. – вел. кн. Константин Константинович (1858–1915), сын брата Александра II.

11. О богослужениях в доме Ипатьева см. опрос о. Иоанна Сторожева Сергеевым: док. № 60.

12. По свидетельству охранника Проскурякова, Авдеев членов Царской семьи не обижал, а революционные песни в пьяном виде пел не он с Мошкиным, а Юровский с Никулиным (см. док. № 188).

13. Мальчик Леонид Седнев.

14. Из этого следует: как бы ни вести отсчет времени, Царская семья и ее приближенные были убиты 17 июля. Любопытно, что, несмотря на все серьезные свидетельства, бесспорно указывающие на то, что узники дома Ипатьева были убиты именно 17 июля, в советских публикациях по сей день официальная дата их смерти: „16 или 17 июля 1918 г." (см., например, Советскую Историческую Энциклопедию, Т. 12, столб. 131/132). Касвинов также культивирует неясность; он указывает, что за Семьей поднялись „около полуночи" и что „в час ночи 17 июля все было кончено" (Касвинов, изд. М. 1982, сс. 491–492).

15. У Соколова фот. № 46 (воспроизведена в Приложении).

16. Сравнить показания Якимова с заключениями эксперта, осматривающего пули, найденные в комнате убийства: док. № 156.

17. Сестра Якимова, Капитолина Агафонова, была опрошена Сергеевым 6 декабря 1918 г.: док. № 69.

18. О судьбе этой собаки см. прим. 6 к док. №№ 26–29.

19. Из многих рассказов известно, что у Николая II была удивительная память на лица.

20. В охрану Стогова Якимов попал уже в Перми.

21. Это еще один пример распространения слухов о спасении Царской семьи после ее убийства большевиками. Весьма вероятна связь этих слухов с переговорами, которые советское правительство вело с немцами в Москве летом 1918 г. (см. Введение).

Документы №№ 200–201

1. Дознание Сретенского в настоящем издании не приводится. См. опрос Сретенского Соколовым 21 января 1920 г.: док. № 276. Сретенский получил эти документы у заведующего аптекарским магазином „Русское Общество" М. Д. Мецнера, который и выдавал кислоту.

2. О Войкове см. прим. 9 к док. №№ 20–23.

3. Из приведенных документов видно, что Зиминым было, по приказанию Войкова, получено 17 июля 4 ящика с „кувшинами", каждый из которых содержал 2 пуда 31 фунт серной кислоты. Таким образом, в общей сложности серной кислоты было выдано (и увезено на рудник: см. док. № 276) примерно 182 кг.

Оба документа изображены у Соколова: фот. № 78 (воспроизведена в Приложении).

4. См. карту местности в Приложении.

5. По свидетельству Настасьи Зыковой (см. док. № 220), красноармейцы появились в лесу уже в среду 17 июля.

6. О Ермакове см. прим. 5 к док. №№ 65–66. Бывший матрос Степан Ваганов, помощник Ермакова, был военным комиссаром на Верх-Исетском заводе до и после него. После установления белыми своей власти на заводе Ваганов был задержан и убит верх-исетскими рабочими.

7. О поездках автомобилей и экипажей в районе рудника см. также док. №№ 89, 196, 230–232, 272 и 276.

Документы №№ 202–207

1. Акт Сергеева в настоящем издании не приводится. Вырезка частей стен в комнате убийства описана в док. №№ 14 и 18.

2. В нижних комнатах дома Ипатьева сперва были поселены мадьяры, а затем, в течение недели, там жили прибывшие из Злоказовского и Сысертского заводов рабочие. После их переселения в дом Попова комнаты нижнего этажа пустовали (жил в них только служащий Рудольф). Лишь в начале июля, после назначения Юровского комендантом, в нижнем этаже поселились охранники-чекисты („латыши").

3. См. док. № 194: надписи на террасе №№ 6 и 8.

4. Здесь и ниже см. док. № 194.

5. См. фот. № 47 у Соколова (воспроизведена в Приложении): на ней хорошо видно место вырезанных кусков стены (темный четырехугольник справа). Как это видно из наблюдений Сергеева (док. № 14), следы штыковых ударов находятся на высоте, позволяющей заключить, что закалывали не лежащего на полу комнаты, а забившегося в угол человека (по описаниям свидетелей, вероятно, А. С. Демидову).

6. Это, вероятно, начертание фамилии охранника Андрея Стрекотина.

7. Настасья Зыкова была опрошена и Соколовым, 27 июня: док. № 220. Соколову она заявила, что ездила в Екатеринбург в среду (т. е. не 18, а 17 июля). Большинство крестьян, опрошенных Сретенским, было позже опрошено и Соколовым: в настоящем издании приводятся лишь наиболее важные для следствия эти повторные допросы.

8. Это был Степан Ваганов: см. док. № 245.

9. См. карту местности в Приложении.

10. На руднике были найдены осколки от двух разных ручных гранат (см. их описание в док. № 145).

11. А. Г. Зубрицкая была опрошена Соколовым 7 августа: док. № 252. „Заимка" Зубрицкого указана на карте местности в Приложении.

12. „Чехи" вошли в Екатеринбург 25 июля 1918 г.

13. М. Д. Алферов был опрошен Наметкиным 3 августа 1918 г. и Соколовым 27 июня 1919 г.: док. №№ 8 и 219.

14. Эти предметы перечислены в док. № 5.

15. Таким образом, крестьяне не заметили следов движения от района „ям" в сторону, иных, чем по „свежепроторенной" дороге.

Документы №№ 208–211

1. Кусок пола с подозрительными пятнами, изъятый из комнаты убийства, был послан Сергеевым в Пермь проф. Коровину 4 февраля 1919 г. За неимением в Перми Уленгутовской сыворотки исследование пятен задержалось (см. док. №№ 82 и 83).

2. См. также описание исследования подозрительных пятен, произведенное по просьбе Соколова: док. №№ 195 и 198.

3. Здесь видно, что, несмотря на недоверие к нему властей во время правления адм. Колчака, Сергеев по службе не пострадал и в конце мая 1919 г. продолжал быть членом Екатеринбургского суда (о Сергееве см. Введение).

4. Эти документы в настоящем издании не приводятся.

5. О В. В. Яковлеве см. прим. 22 к Введению.

6. Полковник Зайчек, плохо говоривший по-русски бывший офицер австрийской армии, возглавлял в Омске контрразведку Генерального штаба. У него не оказалось никаких документов о Яковлеве. Вильтон его считал „неприятельским агентом" (Вильтон, с. 62).

7. Соколов (с. 53) пишет в примечании: „Сведения о переходе к нам Яковлева были мною получены от генерал-лейтенанта Дитерихса 17 апреля 1919 года. Я в тот же день командировал доверенное лицо /пор. Б. В. Молоствова/ к военному министру генерал-майору Степанову и просил его принять все меры к розыску Яковлева. Арестован он был по телефонограмме чешского полковника Клеканда от 30 декабря 1918 года за № 3969 и отправлен в Омск". Эти сведения обоснованы были документами, привезенными Молоствовым.

8. Разъезд № 120 находился около места пересечения горно-заводской железной дороги и дороги из Екатеринбурга на Коптяки (см. карту в Приложении).

9. Доктор Уткин допрашивался Кирстой в Перми 10 и 11 февраля 1919 г.: док. №№ 104 и 107. Ген. Дитерихс утверждает, что во время своего допроса Соколовым Уткин нервничал и сбивался и что он производил впечатление человека ненормального (Дитерихс, Т. 1, с. 122).

10. Эта комната была описана Кирстой: док. № 105.

11. Рецепты описаны в док. № 266.

12. По свидетельству Кобылинского (док. № 192), Анастасия Николаевна „была низенькая, очень полная – 'кубышка'. Такой вид имела потому, что ее маленький рост не соответствовал ее полноте".

13. Трупы Гендриковой и Шнейдер были найдены 7 мая 1919 г. (см. прим. 6 к док. № 15).

Документ № 212

1. О роли ген. Дитерихса в следствии см. Введение.

2. См. карты местности в Приложении. См. фот. №№ 64–77 у Соколова (воспроизведены в Приложении).

3. Опускается описание пути из Екатеринбурга до самого района рудника.

4. Так называемая 1-я свертка – самая южная лесная дорожка от дороги на Коптяки к руднику.

5. Один из грузовых автомобилей, ездивших из Екатеринбурга на рудник, вернулся с повреждениями, вполне соответствующими состоянию „ямы с бревнами". См. опрос Леонова Соколовым: док. № 196.

6. Здесь опускается ссылка на приложенные к протоколу фотографии и чертеж. Ниже подобные пропуски многоточием не отмечены.

7. На рудник было привезено 182 кг серной кислоты в четырех деревянных ящиках (см. док. № 200, а также док. № 276).

8. См. док. № 4. На дне этой шахты были найдены человеческий палец и искусственная челюсть: док. № 71.

9. 2,5 сажени: 5,32 м (1 сажень: 2,13 м).

10. 1 аршин: 0,71 м, 1 вершок: 4,45 см.

11. См. док. № 7.

12. См. док. № 4: этот камень был найден 30 июля.

13. Предметы, найденные у рудника, описаны в док. № 215. См. о них док. №№ 237–239, 242 и 243.

14. Работы по обследованию местности рудника описаны в док. № 235. Они не смогли быть доведены до конца из-за наступления красных на Екатеринбург.

Документы №№ 213–214

1. Ген. Николай Иудович Иванов (1851–1919) до марта 1916 г. командовал Юго-Западным фронтом. 27 февраля 1917 г. он был назначен командующим Петроградским военным округом, но не смог препятствовать развитию революционных событий в столице. Осенью 1917 г. он уехал на Дон.

2. Академия Генерального штаба была переведена из Петрограда в Екатеринбург в апреле 1918 г. Хотя среди ее преподавателей и слушателей много офицеров были по убеждениям своим монархисты, они в массе своей вели себя совершенно пассивно и ничего не предприняли для спасения Царской семьи. Без какого-либо сопротивления с ее стороны Академия была вывезена во время эвакуации Екатеринбурга большевиками, в июле 1918 г.

3. О докторе Деревенко см. прим. 21 к док. № 9.

4. См. док. № 213.

5. Эти вещи указаны в док. № 5.

6. Док. № 146.

7. Док. № 140.

8. То есть менее 17,75 см (аршин: 0,71 м).

9. См. док. № 140.

10. См. док. № 4.

11. Далее опущен рассказ о том, как офицеры допрашивали крестьян, участвовали в поисках на руднике. Опрос Малиновского оканчивается его рассказом об участии в осмотре дома Ипатьева.

Документ № 215

1. Нахождение этих предметов описано в док. № 212.
2. Эти перчатки опознаны не были. Ниже опускаются предметы, описание которых, само по себе, не представляет определенного интереса.
3. Врач Белоградский определил листки, описанные в пп. 14 и 15, как страницы из „врачебных пособий" (док. № 240).
4. 15 июля (2 июля по ст. ст.) Юровский просил послушниц Новотихвинского монастыря, приносивших продукты для Царской семьи, принести на следующий день „полсотню яиц", упакованную в корзинку (док. №№ 227–229). Возможно, описанная скорлупа и есть от этих яиц, припасенных заблаговременно для себя большевистским начальством на руднике.
5. Док. № 146.
6. Куски костей, найденные на руднике, экспертизе не подвергались. Врач Белоградский, которому Соколов их показывал 22 июля, „не исключал возможности" принадлежности костей человеку.
7. Док. № 146.
8. М. Г. Тутельберг опознала этот разрубленный предмет, как брошь Александры Федоровны, которая была зашита в лифчике одной из великих княжен (док. № 242). Следы рубки режущим орудием носил и ряд других драгоценных предметов, найденных на руднике.
9. См. здесь прим. 6.
10. В Тобольске Царской семье доставляли из собора и из монастыря свечи из красного воска (см. док. № 256).
11. См. док. № 146.
12. По свидетельству М. Г. Тутельберг такой флакон с солями был у Ольги Николаевны: док. № 242. У Соколова фот. № 91 (воспроизведена в Приложении).

Документы №№ 216–218

1. См. док. № 235, пункт ж.7. Вот как описывает нахождение трупа собаки ген. Дитерихс, ответственный за работы в районе рудника: „При выборке засыпки, оказавшейся в малом колодце шахты (№ 7), на глубине трех вершков от поверхности лежал труп маленькой собачки, принадлежавшей великой княжне Анастасии Николаевне. Собачку эту подарил великой княжне один раненный офицер, лежавший в госпитале имени Ее Высочества, причем она была так мала, что великая княжна возила ее или в рукаве костюма, или в муфте" (Дитерихс, Т. 1, сс. 266–267).
2. Длина собаки (с головой), таким образом, 43 см, высота ее: 23 см.
3. См. фот. трупа собаки у Соколова: № 121 (воспроизведена в Приложении).
4. О Гиббсе см. док. № 9, прим. 33.
5. Соколов показывал труп собаки и М. Г. Тутельберг. Она также узнала собачку Анастасии Николаевны Джемми (док. № 242).
6. Врач и ветеринар Бардуков, видимо, учитывая природу почвы (очень глинистую) и климатические условия места нахождения (где собака лежала от конца лета 1918 г. до июня 1919 г.), не удивляется хорошей сохранности трупа. Саммерс и Мэнгольд (сс. 160–161 французского издания) отрицают возможность столь долгого сохранения трупа и намекают, что он был подброшен ген. Домонтовичем, непосредственно руководившим поисками на руднике. Они не приводят достаточно убедительного обоснования своей гипотезы.

Документ № 219

1. М. Д. Алферов был опрошен Наметкиным 3 августа 1918 г.: док. № 8.
2. Память св. св. апостолов Петра и Павла празднуется 12 июля.
3. См. опрос Н. П. Зыковой: док. № 220.
4. Они были опрошены Сретенским 23 мая: док. № 204.
5. Андрей Шереметевский был опрошен Наметкиным 3 августа 1918 г.: док. № 7.

6. См. карту местности в Приложении.
7. Две первые субботы после Петрова дня были 13 и 20 июля.
8. Михаил Бабинов был опрошен Сретенским 22 мая: док. № 207.
9. Это впечатление свидетеля, еще не узнавшего об убийстве Царской семьи (о смерти Николая II населению было объявлено 21 июля).
10. См. док. №№ 146 и 140.
11. Длина носилок, около 2 метров, достаточна для переноса тел.
12. См. док. №№ 4 и 5.
13. О поездке „комиссии" см. опрос Д. А. Малиновского: док. № 214.
14. См. док. № 215.

Документы №№ 220–223

1. Н. П. Зыкова опрашивалась Сретенским 22 мая: док. № 203.
2. Среда после Петрова дня была 17 июля (см. прим. 7 к док. №№ 202–207). Таким образом, Зыкова была в районе рудника примерно в то время, когда могли туда привезти трупы узников дома Ипатьева.
3. О Ваганове см. прим. 6 к док. №№ 200–201.
4. Если положиться на свидетельство Карлуковых (док. № 201), спутник Ваганова мог быть Ермаков.
5. Зимин был секретарем товарища комиссара снабжения Быкова. „Русское Общество" – аптекарский магазин.
6. В этом ящике был сосуд с кислотой. Более подробно об описанных здесь обстоятельствах: док. № 276.
7. Это были, видимо, Настасья Зыкова и ее спутники.
8. Таким образом, проезд по Коптяковской дороге был закрыт утром 17 июля около 3 часов утра, но в 5 часов был опять открыт: можно предположить, что тела убитых в доме Ипатьева были привезены на рудник до 5 часов утра.
9. Таким образом, проезд по Коптяковской дороге был окончательно открыт 19 июля в 9 часов утра.
10. И. Н. Мельников был уже опрошен Сергеевым 11 февраля: док. № 89.
11. Хотя у самого Мельникова с датами сильно напутано (см. прим. 7 и 10 к док. №№ 85–91), иные свидетельства позволяют установить, что описанные ниже события имели место, вероятно, в ночь с 18 на 19 июля.

Документы №№ 224–226

1. В. Н. Карнаухова была секретарем Пермского комитета большевистской партии (Соколов, с. 266).
2. О Федоре Лукоянове см. прим. 5 к док. №№ 23–24.
3. О деятельности Мясникова см. также док. № 106.
4. О судьбе брата Николая II Михаила, увезенного из Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г., см. док. №№ 86, 106, 256.
5. См. док. № 151, пункт 1.
6. См. показания о. Иоанна Сторожева: док. № 60.
7. В своих показаниях о. Иоанн этот эпизод представляет несколько иначе.
8. Об архиеп. Гермогене см. прим. 20 к док. № 157.
9. Антонина и Мария были опрошены Соколовым: док. №№ 228 и 229.
10. „Иван Иванович Сидоров" остается и по сей день неразгаданной фигурой. Он был, вероятно, посланцем одесских монархических кругов, приехавшим в Екатеринбург, чтобы найти способы оказать помощь заключенной Царской семье. С этой целью он входил в контакт с разными лицами, могущими, по его мнению, оказаться для дела полезными. Из его высказываний следует, что он имел аристократические связи и знакомства. Касвинов (сс. 489– 490) называет его „гвардейским полковником" и бездоказательно приписывает ему организацию попытки вооруженного нападения на дом Ипатьева. Он ссылается при этом на письмо (достоверность которого вызывает определенные сомнения), опубликованное ген. Дитерихсом (т. 2, с. 58). Наиболее полно собраны сведения о „Сидорове" у Мельгунова (сс. 359–363), хотя выводы его преставляются нам недостаточно обоснованными.

11. Некоторые из этих документов опубликованы ниже: док. № 268.

Документы №№ 227–229

1. Об Академии Генерального штаба и контактах с ней „Сидорова" см. прим. 2 к док. №№ 213–214 и Мельгунов (сс. 362–363).
2. Четверть: 3 литра.
3. Если судить об Авдееве по показаниям Якимова (док. № 199), вероятно, многие из принесенных продуктов до Царской семьи не доходили. Об Авдееве см. прим. 4 к док. № 9. Более подробно о приносимых продуктах см. ниже, док. №№ 228–229.
4. См. прим. 4 к док. № 215.
5. Письма, переданные „Сидоровым", и фотография нами обнаружены не были.
6. Это было 17 июля по новому стилю.
7. Объявления о казни Николая II были расклеены по городу не 17, а 21 июля.

Документы №№ 230–234

1. См. карту местности в Приложении. О движении автомобилей на Коптяковской дороге см. прим. 7 к док. №№ 200–201. Этот проход автомобилей имел место в ночь с 16 на 17 июля.
2. 17 июля.
3. 18 июля.
4. Это поездка, описанная Мельниковым (см. док. №№ 89 и 223).
5. То есть в ночь с 18 на 19 июля.
6. Опрос М. Ф. Дубровина Соколовым в настоящем издании не приводится. М. Ф. и С. П. Дубровины уже были, 16 марта, опрошены Алексеевым: док. № 171.
7. Е. В. Привалова была опрошена Алексеевым 16 марта: док. № 172.
8. О Голощекине см. прим. 16 к док. № 9.
9. Показания, данные Приваловой (она же Провалова) Алексееву и Соколову, несколько отличаются. Алексееву она сказала, что „на зорьке" первого дня она видела, как на Коптяки ехали два автомобиля: грузовой и легковой. В грузовом что-то везли, „покрытое серым", загружен он был до половины стенок. На легковом сидел Голощекин. На другой день утром оба автомобиля вернулись. В тот же („другой") день она видела еще грузовик с тремя бочками, едущий на Коптяки. Соколову же она сообщила, что в первый день, „кажется... под вечер", шли на Коптяки автомобиль с Голощекиным и грузовик с бочками. Как грузовик шел назад, она не видела. Лишь на другой день, на заре, видела возвращающийся автомобиль с Голощекиным.

Документы №№ 235–236

1. См. док. № 212.
2. См. схему рудника в Приложении.
3. 10 июля пришлось прекратить работы, ввиду наступления на Екатеринбург красных войск.
4. Примечание от руки на полях (вероятно, ген. Дитерихса): „Неверно: обвалы тоже разрабатывались".
5. Таким образом, глубина Ганиной ямы оказалась в 3 метра (сажень: 2,13 м, аршин: 0,71 м, вершок: 4,45 см).
6. За исключением шахты № 2, опускается описание тех шахт, в которых (или вблизи которых) ничего найдено не было. Приводится описание шахт и объектов, где работы не были окончены до 10 июля.
7. Док. № 212.
8. См. док. №№ 216–218.
9. Глубина большого колодца шахты № 7: 10,95 м.
10. Глубина малого колодца шахты № 7: 10,42 м.

11. Этот значок был опознан слугами и приближенными Царской семьи как принадлежавший Александре Федоровне (см. док. №№ 237, 238, 242). Е. Н. Эрсберг указала, что Александра Федоровна его носила на браслете. У Соколова фот. № 85 (воспр. в Приложении).

12. См. прим. 10 к док. № 215.

13. Когда ген. Дитерихс опубликовал свою книгу (1922), кусочки „салоподобного вещества", найденные на руднике, экспертизе еще не подвергались (Т. 1, с. 274).

14. А. А. Теглева указала, что это, вероятно, материя от юбки Александры Федоровны (док. № 237).

15. Теглева показала, что эта черная материя с серыми, а не с синими полосами – от пальто Боткина.

16. О роли в следствии ген. Дитерихса см. Введение.

17. Таким образом, екатеринбургское следствие убийства Царской семьи длилось почти целый год: с 30 июля 1918 г. по 10 июля 1919 г. (Екатеринбург был занят белыми 25 июля 1918 г. и оставлен ими 15 июля 1919 г.). После выезда из города Соколов следовал за отступающими войсками адм. Колчака до Дальнего Востока. По пути он продолжал опрашивать встречавшихся ему свидетелей и осматривать имевшиеся у него вещественные доказательства и письменные материалы.

Документы №№ 237–239

1. По мере отхода белых войск на восток отходил с ними и Соколов, по пути разыскивая свидетелей и продолжая вести следствие.
2. О А. А. Теглевой см. прим. 12 к док. № 15.
3. О нахождении предметов, указанных здесь и ниже, см. док. № 235.
4. О Е. Н. Эрсберг см. прим. 13 к док. № 15.
5. Об этих предметах см. док. № 235.
6. О комиссаре Яковлеве см. прим. 22 к Введению и док. № 192.
7. О Хохрякове см. прим. 8 к док. № 61.
8. О Родионове см. прим. 9 к док. № 61.
9. Здесь и ниже см. док. № 146.
10. См. док. № 212, п. е.

Документы №№ 240–241

1. 2 августа 1918 г.: см. док. № 9.
2. О Кутузове см. прим. 2 к док. №№ 1–3. Об условиях начала следствия см. Введение.
3. Речь идет об иконе Федоровской Божьей Матери, принадлежавшей Александре Федоровне. См. о ней прим. 18 к док. № 15.
4. О Кирсте см. прим. 9 к Введению.
5. Архипов – врач, которому Юровский, уезжая из Екатеринбурга, поручил заботу о своей матери (см. док. № 179).
6. О Юровском см. прим. 5 к док. № 14.
7. О Саковиче см. прим. 4 к док. №№ 20–23.
8. См. док. № 215.
9. См. опрос Швейкина Сретенским: док. № 204.
10. Здесь и ниже см. карту местности в Приложении.
11. Таким образом, к 12 часам дня 19 июля на руднике все было кончено (см. прим. 8 и 9 к док. №№ 220–223).
12. О Голощекине см. прим. 16 к док. № 9.
13. Это, вероятно, неверно. По другим свидетельствам Юровский был лютеранином.
14. О Дидковском см. прим. 8 к док. № 15.
15. Инженер Котенев принял активное участие в поисках на руднике осенью 1918 г. (см. док. № 71).

Документ № 242

1. Мария Федоровна – супруга Александра III и мать Николая II.
2. См. показание Кобылинского: док. № 192.

3. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.
4. О Хохрякове и Родионове см. прим. 8 и 9 к док. № 61.
5. Предметы, указанные здесь и ниже, описаны в док. № 140.
6. Аршин: 0,71 м.
7. Предметы, указанные здесь и ниже, описаны в док. № 146.
8. Предметы, указанные здесь и ниже, описаны в док. № 215.
9. При публикации док. № 215 (Осмотр предметов, обнаруженных у рудника, – 19.–22.6.19) мы опустили описания этих осколков и кусков предметов, как не дающие существенных указаний об их природе.
10. Николай II всю жизнь носил, с обручальным кольцом, сапфировое кольцо, подаренное ему еще до свадьбы будущей женой (см. Дитерихс, 1, с. 202).
11. Предметы, указанные здесь и ниже, описаны в док. № 235. Здесь: п. 3.
12. См. док. №№ 216–218.
13. Описание этого шнурка опущено при публикации док. № 215.
14. См. док. № 167.

Документ № 243

1. См. опрос Кобылинского Соколовым 6–10 апреля 1919 г.: док. № 192.
2. О Родионове см. прим. 9 к док. № 61.
3. О Хохрякове см. прим. 8 к док. № 61.
4. Александр Кирпичников был царским писарем, но в Тобольске служил и дворником.
5. О ген. И. Л. Татищеве см. прим. 5 к док. № 15.
6. О С. К. Буксгевден см. прим. 13 к док. № 61.
7. Описание этого куска – в док. № 215, но в настоящем издании оно опущено.
8. См. прим. 10 к док. № 242.
9. О нахождении значка см. док. № 235, пункт ж.7.

Документ № 244

1. Гоф-лектриса Е. А. Шнейдер. См. о ней прим. 14 к док. № 61.
2. О Панкратове и Никольском см. прим. 9 и 10 к док. № 157.
3. Александра Федоровна была дочерью Людвига IV, вел. герцога Гессенского. Ее родная страна, Гессен-Дармштадт, в 1866 году воевала против Пруссии на стороне Австрии и, после поражения последней, должна была уступить значительные территории, а затем вступить в Северно-Германский Союз, возглавляемый прусским королем.
4. А. А. Волков – камердинер Александры Федоровны.
5. Т. Е. Боткина (Мельник) – дочь доктора Боткина.
6. В. В. Николаева – воспитательница граф. Гендриковой.
7. Граф. А. В. Гендрикова – фрейлина Александры Федоровны. О ней см. прим. 6 к док. № 15.
8. Об инженере Макарове см. прим. 3 к док. №№ 158–159.
9. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.
10. См. док. № 146.

Документ № 245

1. Заимка Зубрицкого находилась недалеко от „Четырех Братьев", к востоку от дороги на Коптяки. Здесь и ниже: см. карту местности в Приложении.
2. И. С. Зубрицкий и Н. А. Тетенев были опрошены Соколовым 7 августа: док. №№ 251 и 254.
3. См. опрос Божова ниже: док. № 246.
4. Судьба этих костей, – возможно, человеческих, – остается неясной.
5. Примерно 1,40 м.
6. См. описание следов у этой ямы Соколовым: док. № 212.
7. То есть палки, подходящие и для носилок.
8. О Ермакове см. прим. 5 к док. №№ 65–66.

9. Эти описания (в док. № 215) в настоящем издании опущены.

10. Имеется в виду поездка Наметкина, в сопровождении офицеров, на рудник, 30 июля 1918 г.

Документы №№ 246–250

1. См. карту местности в Приложении.

2. См. опрос Зубрицкого, Тетенева, Редникова и Зудихина Соколовым: док. №№ 251, 254, 245 и 247.

3. Кострища были разрыты первой группой крестьян села Коптяки, пришедшей на рудник (см., например, док. № 219).

4. О Ермакове см. прим. 5 к док. №№ 65–66.

5. О Леватных и Партине см. прим. 6 и 7 к док. №№ 65–66.

6. О лицах, названных ниже, см. примечания к предыдущему документу.

7. О Малышеве см. прим. 3 к док. №№ 65–66.

8. Об этих лицах см. также выше, предыдущие документы, и показание Кухтенкова Сергееву (док. № 65).

9. Судя по прочим показаниям, это было, утром 19 июля, возвращение с рудника принявших участие в „захоронении" трупов узников дома Ипатьева.

10. Приказание о задержании Перина было дано вследствие показаний Божова и Зудихина: док. №№ 246 и 247.

11. О Панкратове и Никольском см. прим. 9 и 10 к док. № 157.

12. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.

13. О Аванесове см. прим. 20 к док. № 192.

14. О Писаревском см. док. № 192.

15. О Хохрякове см. прим. 8 к док. № 61.

16. О Родионове см. прим. 9 к док. № 61.

Документы №№ 251–254

1. Здесь и ниже см. карту местности в Приложении.

2. См. показания Редникова и Божова: док. №№ 245 и 246.

3. Редников также утверждал, что в костре были найдены кости.

4. О Ермакове и прочих лицах, названных ниже: см. предыдущие документы.

5. О Грудине см. док. № 109.

6. О движении автомобилей по коптяковской дороге см., напр., док. №№ 89, 196, 230–232, 241. П. А. Леонов утверждал (док. № 196), что в ночь с 18 на 19 июля в „советский" гараж вернулся грузовой автомобиль, но времени его возвращения уточнить не мог.

7. Так как автомобиль с Ермаковым и „с бочкой" возвращался с рудника 19-го утром, автомобиль „с красноармейцами" проходил на рудник около полудня 18 июля.

8. Здесь неясно: 18 июля у рудника заставы еще сняты не были.

9. См. здесь прим. 2.

10. Об этих лицах см. примечания к предыдущим документам.

Документ № 255

1. См. в док. № 235 условия нахождения предметов, описанных ниже и примечания к некоторым из них.

2. В одной из шахт был найден топор: см. в документе ниже п. 47.

3. Эта рамочка была опознана М. Г. Тутельберг, как, вероятно, принадлежавшая Николаю II: в ней хранился портрет его жены, и он ее всегда имел при себе, когда уезжал (см. док. № 242). У Соколова фот. № 83 (воспроизведена в Приложении).

4. Этот значок Александра Федоровна носила на себе (см. прим. 11 к док. №№ 235–236).

5. При публикации док. № 215 описание этого предмета опущено.

6. Это, вероятно, материя от юбки Александры Федоровны (см. прим. 14 к док. №№ 235–236).

7. Это кусок от пальто Боткина (см. прим. 15 к док. №№ 235–236).

8. При публикации док. № 215 описания этих предметов опущены.
9. См. фот. этого топора у Соколова: № 127 (воспроизведена в Приложении).

Документ № 256

1. См. опрос Волкова Сергеевым в октябре 1918 г.: док. № 63.
2. О Панкратове и Никольском см. прим. 9 и 10 к док. № 157.
3. О Макарове см. прим. 3 к док. №№ 158–159.
4. Об этом инциденте см. док. № 192. Об о. Алексее Васильеве: прим. 4 к док. №№ 67–70.
5. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.
6. Разговор Яковлева с Николаем II имел место 25 апреля 1918 г.
7. Как известно, Алексей Николаевич страдал гемофилией. Вследствие ушиба у него произошло внутреннее кровоизлияние, очень болезненное и долго рассасывающееся: до самой смерти он уже ходить не мог.
8. Отъезд из Тобольска имел место утром 26 апреля.
9. О Хохрякове см. прим. 8 к док. № 61.
10. О Родионове см. прим. 9 к док. № 61.
11. К. Г. Нагорный был расстрелян без суда в конце мая или в начале июня 1918 г. О нем см. прим. 16 к док. № 15.
12. О И. Л. Татищеве см. прим. 5 к док. № 15. О С. К. Буксгевден см. прим. 13 к док. № 61.
13. Оставшиеся в Тобольске члены Царской семьи и сопровождающие их лица выехали 20 мая.
14. Кроме Волкова и Леонида Седнева, все они были без суда убиты большевиками.
15. См. опрос Чемодурова Сергеевым: док. № 15.
16. Елена Петровна Сербская вышла замуж за вел. князя Иоанна Константиновича в 1911 г. У них родилось два ребенка, Всеволод и Екатерина, к которым она и возвращалась. Затем Елена Петровна вернулась к себе на родину, в Сербию.
17. Все великие князья, содержавшиеся в Алапаевске, были убиты большевиками 18 июля 1918 г. (см. прим. 13 к док. №№ 23–24).
18. Если даже судьбу камердинера Волкова должны были решать в Москве, представляется маловероятным, что судьбу Николая II и его семьи могли решить самостоятельно местные екатеринбургские власти, как это до сих пор утверждают советские и многие иные авторы.
19. Брат Николая II, вел. князь Михаил Александрович, был убит большевиками в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. (см. об этом также док. №№ 86 и 106).
20. Трупы расстрелянных были найдены в мае 1919 г. О смерти Е. А. Шнейдер и граф. А. В. Гендриковой см. прим. 14 к док. № 61 и прим. 6 к док. № 15.
21. Николай II часто представляется советскими авторами как алкоголик. Рассказ Волкова подтверждает множество других свидетельств о том, что в действительности Николай II пил очень мало.
22. Док. № 140.
23. Док. № 146.
24. См. док. № 262, п. 1186. Ответ Волкова не очень понятен, т. к. в его записной книжке велись хозяйственные записи.

Документы №№ 257–260

1. Жильяр был опрошен Сергеевым в октябре 1918 г. и Соколовым в марте 1919 г.: док. №№ 61 и 159.
2. Павел Александрович – дядя Николая II (сын Александра II) – был расстрелян без суда в Петрограде в январе 1919 г.
3. См. о Яковлеве прим. 22 к Введению.
4. О Долгоруком и Татищеве см. прим. 4 и 5 к док. № 15.
5. О Родионове и Буксгевден см. прим. 9 к док. № 61.
6. О Теглевой см. прим. 12 к док. № 15. Она стала женой Жильяра.
7. Владимир Львович Бурцев (1862–1942) был известным публицистом и общественным деятелем, до 1917 г. очень оппозиционно настроенным к российскому правительству.

8. Об Академии Генерального штаба в Екатеринбурге см. прим. 2 к док. №№ 213–214.

9. Кап. Д. А. Малиновский был опрошен Соколовым 17 июня 1919 г.: док. № 213.

10. Это неверно: населению Екатеринбурга было объявлено о расстреле Николая II лишь 21 июля.

11. Других данных о нахождении волос на руднике в следственных материалах не обнаружено.

12. О Сергееве см. прим. 7 к Введению.

13. См. опрос Томашевского: док. № 260.

14. См. опрос М. Д. Медведевой Сергеевым: док. № 64.

15. О Б. Л. Бекетове и В. К. Адамовиче-Маус см. док. № 196.

16. См. ниже док. № 259.

17. О гибели вел. князей в Алапаевске см. прим. 13 к док. №№ 23–24.

18. См. выше док. № 258.

19. Об Авдееве см. прим. 4 к док. № 9.

20. О Юровском см. прим. 5 к док. № 14.

21. С. К. Буксгевден не погибла вместе с Царской семьей и не жила с ней в Ипатьевском доме. В действительности речь идет о горничной Александры Федоровны А. С. Демидовой.

22. Лейб-медик Е. С. Боткин профессором не был. Знаменитым врачом был его брат С. С. Боткин.

Документ № 261

1. Украинский националист С. В. Петлюра (1879–1926) поднял восстание против гетмана Скоропадского осенью 1918 г. П. П. Скоропадский (1873–1945) был избран гетманом 29 апреля и свергнут 14 декабря 1918 г.

2. Корнет Сергей Марков был послан осенью 1917 г. в Тобольск петербургской монархической организацией, в которой основную роль играли б. член Государственной Думы Н. Е. Марков-Второй и, близкая к Александре Федоровне, фрейлина А. А. Вырубова. В задачу С. Маркова входило установление связи с Царской семьей и определение возможности оказывать ей помощь. Весной 1918 г. он вернулся в Петроград, а затем поехал в Киев. См. о нем док. №№ 274 и 275, а также книги Соколова (сс. 94–95 и 99–101) и Мельгунова (сс. 181–182 и 286–287). Эмигрировав, С. В. Марков письменно оправдывал свою роль в событиях 1918–1919 гг.: „Покинутая Царская Семья" (Вена, 1926) и „Ответ Маркову-Второму" (Вена, 1929).

3. Речь идет, вероятно, о штальмейстере Императорского двора полк. Ф. В. Винберге (см. док. № 264).

4. Возможно, настоящая фамилия Попова-Шабельского: Р. Шабельский-Борк (см. указанную во Введении книгу Иоффе, с. 267). О нем см. также док. №№ 261 и 264.

5. Обер-гофмаршал граф П. К. Бенкендорф. Он отказался сопровождать Царскую семью в Тобольск и был заменен И. Л. Татищевым (см. док. № 61).

6. Примечание от руки на полях: „Не Сидоров ли?" Но, вероятно, Сидоров и Попов-Шабельский – разные люди. О Сидорове см. док. №№ 225, 227 и 228.

Документ № 262

1. Этот документ очень сокращен. В случае, когда из группы описей (обозначенных буквой) приведена хоть одна из них, публикуется наименование всей группы.

2. Это – ошибка. И. Д. Седнев был отправлен в тюрьму и расстрелян (с Нагорным) отдельно от Царской семьи.

3. См. выше прим. 2.

4. Это неверно: населению Екатеринбурга было объявлено о расстреле Николая II только 21 июля.

5. Наряду с фактами, действительно установленными следствием, в этом документе немало и бездоказательных домыслов (например, об участии в расстреле Берзина).

6. См. описание осмотра верхнего этажа дома Ипатьева Наметкиным: док. № 9.

7. Найдено на руднике.

8. Куски материи, описанные в пп. 305 и 306 были рассмотрены Соколовым и оказались покрытыми желтовато-бурыми пятнами (см. протокол от 23–30 октября 1919 г., в настоящем издании опущенный). Пункты №№ 304–306 в этом списке, очевидно, помещены по ошибке.

9. Соколов прочел: „... колай... Иванов... Седнев...” (Протокол от 29–30 октября 1919 г.).

10. Поправки в квадратных скобках – по протоколу от 29–30 октября.

11. Об этих волосах см. прим. 11 к док. № 9.

12. Об этом образе см. прим. 18 к док. № 15.

13. Лествица св. Иоанна была одним из любимых духовных чтений на Руси еще с киевских времен. В ней находили духовное укрепление как монахи и духовенство, так и простые миряне всех сословий. Ниже публикуются места, указанные в протоколе на уставках, по русскому изданию Лествицы: „Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской Горы, Лествица, в русском переводе”. Сергиев Посад, 1908. В этом издании страницы и номера изречений св. Иоанна совпадают со страницами и номерами, указанными на уставках.

с. 184, № 53:

„Когда кого-нибудь из наших воинов о Христе увидим в телесном страдании и недуге, то не будем лукаво объяснять себе причину его болезни, но лучше примем его с простою и немыслящею зла любовью, и постараемся уврачевать, как собственный член, и как воина, уязвленного на брани”.

с. 187, № 66:

„Знаю еще и пятое бесстрастие, которое бывает в душе от многой простоты и похвального незлобия. По справедливости посылается таковым помощь от Бога, *спасающаго правыя сердцем* (Пс. 7, 11), и неприметно для них самих избавляющего от страстей, как и младенцы, когда с них снимают одежду, почти не примечают наготы своей”.

с. 206, № 163:

„Правда, что Бог во всем взирает на намерение наше; но в том, что соразмерно нашим силам, Он человеколюбиво требует от нас и деятельности. Велик тот, кто не оставляет никакого доброго дела, силам его соразмерного, а еще более тот, кто со смирением покушается и на дела, превышающие его силы”.

с. 231, № 83:

„Предлагай приходящим, что для них нужно по душе и по телу. Если они превосходят нас премудростью, то покажем наше любомудрие молчанием, если же они, по духовному возрасту, братья равные с нами, то можем умеренно отверзать дверь нашего слова. Однако лучше думать, что все превосходнее нас”.

14. Этот молитвослов с юных лет никогда не покидал Николая II (см. Дитерихс, 1, с. 25).

15. Это 9-е и 11-е „Евангелия”, которые читаются в православных церквах в Страстной четверг вечером, на утрени Страстей Господних.

16. См. док. № 27.

17. См. док. № 29.

18. Этот зонтик Александра Федоровна хранила; он был подарком ее матери.

19. Образок и кресты-ковчежцы всегда висели в голове кровати Алексея Николаевича.

20. См. док. № 35.

21. Эти стихи часто приписывались самой Ольге Николаевне. По утверждению Т. Е. Боткиной-Мельник, они были присланы Царской семье во время ее заточения. (Татьяна Мельник. Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. Белград, 1923, с. 77.) Вероятно, автор стихотворения – поэт Сергей Бехтеев. М. Расловлев пишет, что оно было написано Бехтеевым после получения письма от вел. кн. Ольги Николаевны в октябре 1917 г. и послано ей поэтом в Тобольск в декабре того же года. (Michel Raslovleff. Sainte Russie. Paris, 1958, p. 42.) Но, хотя Ольга Николаевна и не является автором этого стихотворения, оно вполне соответствует ее духовному облику и настроению того времени. По свидетельству К. М. Битнер, она любила книги и уединение и больше остальных членов Царской семьи „понимала свое положение и сознавала опасность его” (док. № 244). Правописание оригинала сохранено, с переводом на новую орфографию. См. фот. № 57 у Соколова (воспроизв. в Прилож.).

22. См. прим. 31 к док. № 9.

23. См. у Соколова фот. икон и образков Царской семьи: №№ 58–60 (воспроизведены в Приложении).

24. Дневник Наследника был украден охранником дома Ипатьева М. И. Летеминым и обнаружен у него на квартире 6 августа 1918 г. (см. док. № 29). Он содержит записи от 11/24 марта до 9 ноября 1917 г. См. фот. дневника у Соколова: № 56 (воспроизведена в Приложении) и о нем у Дитерихса, Т. 1, сс. 192–194.

25. См. док. № 256.

26. Большая часть предметов, описанных в этом документе, была отправлена из Екатеринбурга в Омск, а оттуда во Владивосток. Об их судьбе см. Введение.

Документы №№ 263–264

1. Об Авдееве см. прим. 4 к док. № 9.
2. О Юровском см. прим. 5 к док. № 14.
3. Ген. Голицын был начальником екатеринбургского гарнизона после прихода белых в город.
4. Латыш Роберт Петрович Эйдеман (1895–1937) был не бывшим царским генералом, а прапорщиком, произведенным в 1916 г. и назначенным в г. Каинск. После Февральской революции он стал председателем Каинского совета, с мая 1918 г. по январь 1919 г. командовал различными красными частями на Восточном фронте гражданской войны, а затем – на Южном и Юго-западном.
5. О Попове-Шабельском см. также док. № 261.
6. Владимир Михайлович Пуришкевич (1870–1920) был бывшим депутатом Государственной Думы и известным крайне правым общественным деятелем. В декабре 1916 г. он участвовал в убийстве Распутина. В январе 1918 г. он был приговорен к 4 годам принудительных работ за антибольшевистскую деятельность, но амнистирован в мае того же года. Он затем уехал на Юг России и умер в Новороссийске.
7. Об Адамовиче-Маус см. также док. №№ 196 и 258.
8. К. Л. Соболев был опрошен Соколовым в августе 1919 г.: док. № 258.

Документ № 265

1. Пермь была занята ген. Пепеляевым 25 декабря 1918 г.
2. О деятельности Сергеева и роли Иорданского см. Введение.
3. О П. С. Медведеве см. прим. 4 к док. № 14.
4. О ген. Гайде см. док. № 59 и прим. 2 к Введению.
5. Об Алексееве см. прим. 14 к Введению.
6. Опускается начало пересказа показания Медведева, повторяющее то, что значится в протоколах его допроса Алексеевым и Сергеевым: док. №№ 93 и 96.
7. О Юровском см. прим. 5 к док. № 14.
8. О Ермакове см. прим. 5 к док. №№ 65–66.
9. В августе 1918 г. на квартире Медведева был произведен обыск (см. док. №№ 35 и 36).
10. О Мрачковском см. прим. 2 к док. № 30.
11. О Голощекине см. прим. 16 к док. № 9.
12. Ф. П. Проскуряков был допрошен Алексеевым в феврале и Соколовым в апреле 1919 г.: док. №№ 102 и 188.
13. Док. № 177.
14. Об Авдееве см. прим. 4 к док. № 9.
15. И. Д. Седнев, К. Г. Нагорный и Т. И. Чемодуров. Седнев и Нагорный были увезены из дома Ипатьева 14 или 15 мая (см. док. № 159), Чемодуров – 24 мая (см. док. № 15).
16. Эти высказывания Медведева расходятся с показанием разводящего А. А. Якимова (док. № 199).
17. Док. № 96.
18. В этом пункте рассуждения Шамарина не слишком убедительны. К тому же, из других источников известно, что Царской семье было сказано, что ей надо переждать в комнате нижнего, полуподвального этажа артиллерийский обстрел города белыми. Известно также, что в подушках были зашиты драгоценности и их могли не захотеть долго оставлять без надзора. Правда, среди остатков материи, найденных на руднике, были опознаны свидетелями куски, вероятно, принадлежавшие шинелям и пальто жертв убийства.
19. См. статью из газеты „Уральский Рабочий" от 23 июля 1918 г.: док. № 84, п. 2.
20. См. опрос Л. С. Гусевой Алексеевым: док. № 94.
21. Опускается начало пересказа показания Якимова, повторяющее то, что значится в его допросе Алексеевым. См. показания Якимова Алексееву (док. № 189) и Соколову (док. № 199).
22. О Никулине см. прим. 19 к док. № 9.
23. Помощник повара, мальчик Леонид Седнев.
24. О Костоусове см. прим. 4 к док. №№ 65–66.
25. См. опросы д-ра Уткина Кирстой (док. №№ 104 и 107) и Соколовым (док. № 211).
26. Эти рецепты опубликованы ниже: док. № 266.

27. Дознание Кирсты в Перми опубликовано выше: док. №№ 104–136. О деятельности А. Ф. Кирсты см. Введение.

28. См. показания Н. В. Мутных: док. №№ 116, 133 и 135.

29. Об архиепископе Андронике см. прим. 6 к док. №№ 104–114.

30. О А. Т. Кутузове см. прим. 2 к док. №№ 1–3.

31. Этот рапорт опубликован выше: док. № 86.

32. См. показание Рябухина: док. № 106.

Документы №№ 266–268

1. Дознание Кирсты в Перми: док. №№ 104–136.

2. О нахождении салфеток см. док. № 132.

3. О рецепте см. док. № 107 и, выше, объяснения Шамарина (док. № 265).

4. О д-ре Уткине см. док. № 211.

5. О Шленове см. док. № 211.

6. О Кобылинском см. док. № 192.

7. См. фот. Губернаторского дома у Соколова: № 2.

8. Эти документы были найдены военной властью в здании Уральского областного совета (см. Соколов, с. 246).

9. См. док. № 226. Нумерация документов дана по оригиналам. Номера документов в описи (док. № 226) и протоколе (док. № 268) не соответствуют друг другу.

10. Декрет о конфискации имущества Дома Романовых был принят и прислан в Екатеринбург 20 июля, т. е. три дня после убийства Царской семьи. К этому числу уже было, без суда, уничтожено 13 обладателей конфискованного имущества.

11. О Седневе см. прим. 30 к док. № 9, о Нагорном – прим. 16 к док. № 15, о Белобородове – прим. 7 к док. №№ 20–23.

12. Вскоре после составления этого прошения Нагорный и Седнев были расстреляны.

13. Немецкий посол В. фон Мирбах был убит 6 июля 1918 г. двумя левыми эсерами Я. Г. Блюмкиным и Н. А. Андреевым. Возникшее вследствие этого убийства напряжение между советским правительством и немцами стало одной из причин возникновения легенды о спасении „немецкой принцессы" Александры Федоровны и ее детей.

14. Это неверно – убийство Царской семьи было совершено в первые часы 17 июля.

15. См. здесь и выше прим. 13.

16. Эти документы до сих пор не опубликованы...

17. Как видно из материалов следствия, это утверждение Свердлова также не соответствует действительности.

18. *Большинство этих документов до сих пор не опубликовано.*

Документы №№ 269–273

1. К. С. Мельник – зять д-ра Боткина, муж его дочери Татьяны.

2. О Соловьеве см. прим. 23 к Введению и, ниже, док. №№ 274–275.

3. См. опрос Седова Сергеевым: док. № 67.

4. Об о. Алексее Васильеве см. док. №№ 67, 192 и 274.

5. См. выше док. № 268, п. 12: распространяемые по городу слухи действительно были использованы советской властью для создания легенды о раскрытии монархического заговора в Тобольске.

6. О Ф. П. Проскурякове см. док. №№ 102 и 188, о А. А. Якимове – док. №№ 189 и 199.

7. На выписке из метрической книги, хранящейся в деле, указано, что Якимов умер „от воспаления легких".

8. П. Т. Самохвалов был в 1918 г. во главе особого отряда, занимавшегося расстрелами в пределах железной дороги. Он затем скрывался на территории, находящейся под властью белых и был задержан контрразведкой адм. Колчака в октябре 1919 г. (см. Соколов, с. 114).

9. О Голощекине см. прим. 16 к док. № 9.

10. Об Авдееве см. прим. 4 к док. № 9.

11. Гофмаршал князь А. В. Долгорукий.

12. Г. Н. Штейман заведовал гаражом и в июле 1917 г. (см., например, док. № 196).

27. Дознание Кирсты в Перми опубликовано выше: док. №№ 104–136. О деятельности А. Ф. Кирсты см. Введение.

28. См. показания Н. В. Мутных: док. №№ 116, 133 и 135.

29. Об архиепископе Андронике см. прим. 6 к док. №№ 104–114.

30. О А. Т. Кутузове см. прим. 2 к док. №№ 1–3.

31. Этот рапорт опубликован выше: док. № 86.

32. См. показание Рябухина: док. № 106.

Документы №№ 266–268

1. Дознание Кирсты в Перми: док. №№ 104–136.

2. О нахождении салфеток см. док. № 132.

3. О рецепте см. док. № 107 и, выше, объяснения Шамарина (док. № 265).

4. О д-ре Уткине см. док. № 211.

5. О Шленове см. док. № 211.

6. О Кобылинском см. док. № 192.

7. См. фот. Губернаторского дома у Соколова: № 2.

8. Эти документы были найдены военной властью в здании Уральского областного совета (см. Соколов, с. 246).

9. См. док. № 226. Нумерация документов дана по оригиналам. Номера документов в описи (док. № 226) и протоколе (док. № 268) не соответствуют друг другу.

10. Декрет о конфискации имущества Дома Романовых был принят и прислан в Екатеринбург 20 июля, т. е. три дня после убийства Царской семьи. К этому числу уже было, без суда, уничтожено 13 обладателей конфискованного имущества.

11. О Седневе см. прим. 30 к док. № 9, о Нагорном – прим. 16 к док. № 15, о Белобородове – прим. 7 к док. №№ 20–23.

12. Вскоре после составления этого прошения Нагорный и Седнев были расстреляны.

13. Немецкий посол В. фон Мирбах был убит 6 июля 1918 г. двумя левыми эсерами Я. Г. Блюмкиным и Н. А. Андреевым. Возникшее вследствие этого убийства напряжение между советским правительством и немцами стало одной из причин возникновения легенды о спасении „немецкой принцессы" Александры Федоровны и ее детей.

14. Это неверно – убийство Царской семьи было совершено в первые часы 17 июля.

15. См. здесь и выше прим. 13.

16. Эти документы до сих пор не опубликованы...

17. Как видно из материалов следствия, это утверждение Свердлова также не соответствует действительности.

18. *Большинство этих документов до сих пор не опубликовано.*

Документы №№ 269–273

1. К. С. Мельник – зять д-ра Боткина, муж его дочери Татьяны.

2. О Соловьеве см. прим. 23 к Введению и, ниже, док. №№ 274–275.

3. См. опрос Седова Сергеевым: док. № 67.

4. Об о. Алексее Васильеве см. док. №№ 67, 192 и 274.

5. См. выше док. № 268, п. 12: распространяемые по городу слухи действительно были использованы советской властью для создания легенды о раскрытии монархического заговора в Тобольске.

6. О Ф. П. Проскурякове см. док. №№ 102 и 188, о А. А. Якимове – док. №№ 189 и 199.

7. На выписке из метрической книги, хранящейся в деле, указано, что Якимов умер „от воспаления легких".

8. П. Т. Самохвалов был в 1918 г. во главе особого отряда, занимавшегося расстрелами в пределах железной дороги. Он затем скрывался на территории, находящейся под властью белых и был задержан контрразведкой адм. Колчака в октябре 1919 г. (см. Соколов, с. 114).

9. О Голощекине см. прим. 16 к док. № 9.

10. Об Авдееве см. прим. 4 к док. № 9.

11. Гофмаршал князь А. В. Долгорукий.

12. Г. Н. Штейман заведовал гаражом и в июле 1917 г. (см., например, док. № 196).

13. Эти предметы были найдены на руднике. Их описания, на которые ссылается Соколов, в настоящем издании не опубликованы.

Документы №№ 274–275

1. О Соловьеве см. прим. 23 к Введению.
2. Выступление ген. Корнилова имело место в конце августа 1917 г. (по ст. ст.).
3. Среди офицерских организаций, поддерживающих Корнилова, действительно существовала и „Военная лига".
4. Ген. Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – бывший главнокомандующий русскими войсками во время Японской войны.
5. Покровское – село Тобольской губернии, откуда происходил Распутин и где жила его семья.
6. Ген. А. А. Маниковский был лишь товарищем военного министра.
7. Жена ген. Владимира Николаевича Воейкова, который был с 1913 по март 1917 – дворцовым комендантом.
8. Известная фрейлина и друг Александры Федоровны А. А. Вырубова.
9. К. И. Ярошинский был допрошен Соколовым в Париже 4 сентября 1920 г. Он сказал, что давал деньги Вырубовой для Царской семьи и всего израсходовал 175 000 рублей. Но он отрицал какое-либо сотрудничество, и даже простое знакомство, с Соловьевым. В дневнике жены Соловьева Матрены (Марии) Григорьевны указано, что Соловьев действительно получал деньги от Ярошинского (см. Соколов, с. 103).
10. Комнатная девушка А. П. Романова приехала в Тобольск, но ей не было разрешено поселиться в Губернаторском доме (см. док. № 192).
11. О Волкове см. док. №№ 63 и 256.
12. Об о. Алексее Васильеве см. док. №№ 67, 192 и 269.
13. Владимир Иванович Невский (Кривобоков) (1876–1937) был видным деятелем большевистской партии и наркомом путей сообщения до марта 1919 г.
14. Об архиепископе Гермогене см. прим. 20 к док. № 157. Он был арестован (и затем казнен) лишь несколько недель после своего столь откровенного разговора с Соловьевым – приехавшим в Тобольск с фальшивым паспортом, выданным советским наркомом...
15. Митрополит Московский Макарий, ставленник Распутина, был уволен на покой после Февральской революции.
16. Преемник Макария, митрополит Московский Тихон (1865–1925) был избран на патриарший престол Всероссийским церковно-поместным собором 5 (18) ноября 1917 г.
17. Прот. И. Восторгов был очень известным до революции церковным и общественным деятелем крайне правых убеждений. Он был расстрелян в то же время, что и бывшие министры Протопопов, Щегловитов, Маклаков и Хвостов, т. е. в сентябре 1918 г.: см., напр., „Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной", Париж, 1947, с. 200.
18. О Маркове см. прим. 2 к док. № 261. См. также опрос Седова Сергеевым: док. № 67.
19. См. док. № 261.
20. Архиепископ Гермоген был арестован в Тобольске в Вербное воскресенье, 28 апреля 1918 г.: см. дневник гр. Гендриковой, док. № 157.
21. Алексей Николаевич страдал не от воспаления легких, а от последствий гемофилии.
22. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.
23. Рассказ о дальнейшей деятельности Соловьева не имеет прямого отношения к делу об убийстве Царской семьи и в настоящем издании опускается.
24. О Соловьеве, Маркове, Маркове-Втором и Танеевой-Вырубовой см. выше док. № 274.
25. О Седове см. здесь выше прим. 18.
26. См. опрос Мельника: док. № 269.
27. См. здесь выше прим. 9.

Документы №№ 276–277

1. С весны 1919 г. И. М. Сретенский активно участвовал в следствии: см. док. №№ 200, 201, 203–207 и 221.
2. О событиях, описанных ниже, см. док. №№ 200 и 221.

3. О Войкове см. прим. 9 к док. №№ 20–22.

4. О Быкове см. прим. 13 к док. №№95–103.

5. Из этих показаний видно, что в ночь со среды 17-го на четверг 18-го июля (т. е. в ночь после убийства узников дома Ипатьева) на рудник была отвезена серная кислота и 3 лопаты.

6. Требования Войкова опубликованы выше: док. № 200. Всего серной кислоты было выдано около 182 кг.

7. То есть начиная с июня 1915 г.

8. Приказ № 1 Петроградского совета, послуживший началом развала Русской армии, был принят 1 (14) марта 1917 г.

9. О Яковлеве см. прим. 22 к Введению.

10. О Долгоруком см. прим. 4 к док. № 15.

Именной указатель

В Именной указатель Государь Император Николай II и Государыня Императрица Александра Федоровна включены не были.

Лица, убитые с Царской семьей, как-то: доктор Боткин, горничная Демидова, повар Харитонов, лакей Трупп, а также мальчик Седнев, уведенный из дома Ипатьева в вечер убийства, включены нами в Именной указатель и там, где они названы не по фамилии, а упоминаются просто как доктор, горничная, повар, лакей и мальчик.

Царские дети включены в указатель и там, где они названы не по имени, а просто – великие княжны или наследник. Учтены нами и те места, где великие княжны и наследник упоминаются ошибочно, как, например, в расследовании Кирсты.

Среди охранников Царской семьи были родственники, – отец и сын, братья. Там, где упоминается только фамилия этих охранников и из текста не ясно, о ком идет речь, мы у каждого из них приводим номер страницы, сопровождая его вопросительным знаком.

Однофамильцам мы даем порядковые номера, даже в тех случаях, где лишь один из них не известен по имени.

Фамилии следователей Соколова, Сергеева и Кирсты учтены нами там, где они появляются в самом тексте, – фамилии их в подписях под документами не учтены.

Тексты „Примечаний" учитываются в Именном указателе только, когда там даны биографические сведения об отдельных лицах, – номер страницы в этих случаях напечатан жирным шрифтом.

Абрамов 218
Аванесов Варлаам Александрович 301, 435, **602**
Августина 390–393
Авдеев (1) 91
Авдеев Александр Дмитриевич 12, 22, 36, 61, 62, 70, 90, 91, 108, 109, 150, 157, 160, 161, 170, 234, 257, 265, 267, 272–274, 278, 279, 281, 283–285, 300, 301, 305, 307, 335– 339, 389–393, 405, 406, 458, 459, 471, 477, 478, 493, **574**
Агапия см. Елисеева А. Г.
Агафонов Григорий Тихонович 121, 344, 458
Агафонова Капитолина Александровна 120, 122, 343
Агриппина 87, 88
Адамович-Маус Владимир Карлович 14, 327, 458, 473
Адольф 276
Аккерман Карл 252, 253
Аксюта Федор Алексеевич 302, 312
Александров Виктор 23
Алексеев (1) 94
Алексеев „Кронидов" Александр Кронидович 150, 155, 160, 170, 244, 257, 271, 275, 276, 280, 282
Алексеев Михаил Васильевич 140
Алексеев Петр Васильевич 154, 476
Алексеев С. И. 10, 12, 13, 133, 148, 149, 155, 156, 168, 171, 248, 251, 269, 279, 280, 283, 286, 330, 332, 354, 382, 384, 386, 474, 480, 481, 484, **569**
Алексей Александрович, великий князь 59
Алексей Николаевич, наследник цесаревич 10, 19, 21, 39, 41, 43–45, 47, 61, 63, 76–78, 81, 89, 90, 93, 97–99, 102–106, 108, 109, 111, 113, 116–118, 121, 129, 132, 138, 140, 151, 152, 156–162, 170, 181, 186, 188, 189, 196, 226–229, 231–236, 253–255, 269, 273, 275, 277, 284, 285, 296, 301, 302, 306, 307, 309–312, 340–342, 357, 368, 370, 378, 388, 393, 405–407, 412–416, 418, 420, 421, 423–426, 434, 435, 448, 449–451, 454–456, 459, 461, 462, 469, 470, 471, 474, 475, 479, 480, 486, 487, 490, 501
Алферов Гавриил Егорович 351, 381
Алферов Михаил Дмитриевич 31, 34, 35, 351, 380, 382
Алферов Николай Васильевич 350
Алферов Павел Филаретович 351, 381
Алферов Яков Дмитриевич 351, 381
Алферова Анна 380
Алферова Валя 180
Альман 271
Анастасия Николаевна, великая княжна 10, 13, 21, 30, 38, 41, 45, 54, 63, 81, 97–99, 100, 102, 104, 105, 107, 109, 111, 113, 117, 121, 127, 129, 151, 152, 156–160, 162, 170, 172–174, 177, 180–183, 185, 186, 188, 189, 227, 229, 231, 234, 252, 269, 273, 275, 277, 281, 282, 284, 285, 293, 294, 299, 301, 307, 310–312, 340–342, 356, 357, 358–360, 368, 388, 405, 406, 412–418, 420, 421, 424, 426, 450, 451, 454, 459, 461–463, 467, 475, 480, 481, 483, 486, 501

Андерсон 23
Андреев (1) 217
Андреев А. А. 68, 267
Андроник, архиепископ Пермский 174, 482–484, **591**
Андронников В. Н. 267
Аничков (1) 298
Аничков Владимир Петрович 458
Антипин (1) 385
Антипин Егор 137
Антонина см. Трикина А. В.
Антонов 288
Анучин Сергей Андреевич 40, 66–68, 92, 139, 267, 374, **574**
Анфисова Таиса Васильевна 240
Апраксин 311
Апраксина М. 18
Архипов Кенсорин Сергеевич 259, 408, 409, 411
Архипова Соломея 72
Ахвердов 367
Ахвердова Мария Дмитриевна 368, 369

Бабинов Михаил Васильевич 380
Бабинов Михаил Игнатьевич 35, 351, 381
Бабинов Степан Иванович 350, 382
Бажев 162
Балмышева Федосея Илларионовна 50, 72
Банов 50
Баранова (1) см. Шилова К. И.
Баранова (2) –Лунегова см. Юрганова И. С.
Бардуков Николай Яковлевич 377–379
Барохович 409
Бартенев 369, 370
Баумгартен 369
Бафталовский Игорь Адамович 31, 370–372
Бахарев 284
Бахарева см. Сивелева Е. М.
Бекетов Борис Леонидович 327, 328, 330, 458
Белобородов Александр Георгиевич 8, 12, 68–72, 92, 132, 136, 139, 147, 160, 162–164, 171, 186, 189, 190, 214–219, 237, 238, 256, 260, 261, 264–267, 274, 277, 278, 280, 290, 291, 305, 314, 337, 339, 345, 390, 411, 488–490, **580**
Белоградский Анатолий Иванович 40, 66, 407, 409
Белозерова Анна Петровна 90, 91
Белозерский 73, 74, 458
Беломоин Семен Николаевич 150, 160, 170, 257, 271, 275
Белоносов Василий Афанасьевич 271
Белоусова М. 51, 166
Белоцерковский 127, 167, 240
Беляев 507
Бенкендорф, граф П. К. 102, 106, 460
Березовский 126
Берестнев Иван Петрович 173, 484
Берзин „Пашка" 128, 130, 240, 462
Берзин Рейнгольд Иосифович 134, 260, **588**
Берсенев см. Берестнев И. П.
Бирон Георгий Николаевич 128–130, 328
Бирюля 332
Битнер Клавдия Михайловна 229, 313, 420, 426
Блага 94
Боббе 288, 289
Бобылев 154, 476
Богатиев Ф. Ш. 258
Боголепов 218
Богословский (1) 322
Богословский Б. 30, 50, 66, 252, 267, 389
Богословский Иван Степанович 353
Богословский Игорь Владимирович 114
Богоявленский Петр Порфирьевич 116, 117
Божов Николай Евграфович 427, 429, 431, 438, 440
Болотов Александр 430
Болотов Илья 137, 430
Болховский 459
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич 241, **596**
Бородин 240
Борщов 359
Босых см. Якимова М. Н.
Боткин Виктор Сергеевич 199, 200, 247, 248
Боткин Евгений Сергеевич 10, 19, 45, 47, 61–63, 78, 80, 81, 93, 97–99, 102, 103, 107, 109, 111, 115, 116, 118, 121, 122, 125, 126, 135, 151, 152, 157–162, 164, 199, 228, 230, 233, 234, 236, 247, 269, 273, 275, 277, 284, 285, 293, 294, 303–305, 307–310, 312, 313, 341, 368, 404, 406, 412, 415, 421, 450, 459, 461, 462–465, 467, 475, 480, 501, 503
Боткина Татьяна Евгеньевна 425, 503
Бояр К. 216
Бржездзецкий Виктор Янович 367
Бризак 414, 454
Броницкий 66, 67
Брусьянин „Мудозвонов" Леонид Иванович 52, 244, 272, 283, 285, 286, 340–343, 480
Буйвид Виктор Янович 79, 80
Буймиров Василий Афанасьевич 95–101
Буксгевден (Buxhoevden), баронесса София Карловна, „Иза" 15, 104, 105, 226, 228, 230, 234, 235, 294, 305, 306, 313, 413, 420, 451, 456
Буринг 419
Бурцев Владимир Львович 456, **614**
Бурыхин „Бурняим" Иван Иванович 227, 313
Бушуев 345
Быков П. М. 18–21, 23, 168, 267, 504

Ваганов Виктор 431
Ваганов Степан 347, 383, 428, 430–433, 438, 440
Вайнер Л. И. 267
Валек Антон Яковлевич 290, 291, **600**
Валтасар (Belsazar) 58, **577**
Варакушев Александр Семенович 62, 89, 109, 119, 120, 244, 272, 283
Варанкина Устинья Ивановна 182, 183
Васильев (1) 68
Васильев Александр Алексеевич 118, 122
Васильев, о. Алексей 14, 118, 119, 122, 123, 295, 297, 312, 449, 491, 498–502
Васильев Георгий Алексеевич 499–502
Васильев Дмитрий Алексеевич 118
Васильевых Афанасий 136,
Васильевых Филипп 136
Ваулин 279
Вейс 416, 454
Веракса Иосиф Герардович 220, 322, 326, 332, 333
Верещагин Иван 294, 299
Верхаш Андраш (Verhás András) 319
Вершинин 230, 245, 292, 293
Виктория, королева Английская 309
Вильгельм II, немецкий император 232, 310, 312, 420, 422, 423, 456, 460
Вильтон (Wilton) Роберт Альфредович 12, 15, 16, 22–24, 367, **569**
Вимберг см. Винберг Ф. В.
Винберг Ф. В. 460, 473
Вишневецкий 327
Воейков В. Н. 497, 498
Воейкова 497, 498
Войков Петр Лазаревич 13, 25, 68, 69, 84, 139, 148, 190, 249, 256, 267, 346, 504–506, **580**
Войцеховский С. Н. 7, **567**
Волков (1) 135, 190
Волков (2) 504, 505
Волков Алексей Андреевич 63, 81, 105, 111, 112, 132, 234, 235, 237, 293, 294, 306–308, 406, 413, 425, 448, 451, 455, 471, 498
Волокитин Сергей 238
Волотовский 122, 123
Воробцов 172, 355
Воробьев В. 241, 267
Воронин Петр Софронович 430
Восторгов, о. И. 499, 501
Вырубова см. Танеева А. А.
Вяткин Степан Григорьевич 52, 109, 150, 155, 160, 170, 243, 244, 257, 271, 278, 281, 283
Вятский Степан 386

Гавриил 388
Гаврилов 313
Гайда Радала 9, 94, 322, 474, **567**
Гаушильд 18
Гендриков 253
Гендрикова, графиня Анастасия Васильевна 12, 15, 61, 102, 104, 105, 111, 112, 132, 230, 234–236, 293, 294, 299, 306–308, 311, 313, 359, 406, 413, 423, 425, 451–453, **578**
Гермоген, архиепископ Тобольский 228, 297, 389, 499, 500, 502, **595**
Гершелман 368
Гессенский, принц 309, 460
Гиббс (Gibbs) Сидней Иванович 22, 45, 61, 63, 104, 105, 107, 111, 227, 230, 234, 235, 294, 299, 306, 307,378, 379, 421, **576**
Гиз 328, 329
Гирс М. Н. 16
Гирш Владимир Артурович 7, 32, 246, 369, 370
Гиршфельд Иван Иванович 175
Глубоковский, о. А. 267
Гоголев 40
Голеневский М. 21
Голицын Василий Владимирович 472, 473
Голицын Владимир 9, 124–126, 457, 472
Голощекин Филипп Исаевич 20, 21, 40, 66, 68–70, 82, 89, 92, 113, 119, 127, 136, 139, 147, 154, 162–165, 171, 172, 190, 250, 251, 256, 265, 267, 288–291, 305, 330, 397, 411, 431, 432, 462, 476, 477, 493, 494, **575**
Голубева 288, 289
Гольдберг 154, 476
Гоншкевич Василий Григорьевич 76, 90, 91, 272, 284, 335, 336
Горбунов Михаил Ефимович 79, 248, 249, 286, 328
Горбунов Николай Петрович 215, 217, 260, 261
Горбунов Федор Александрович 350, 351
Горбунова Пелагея 383
Горин 147, 164, 165, 171
Горохов 68
Горшков Федор Никитич 8, 30
Грачева Анастасия 186
Григоржевский 312
Григорий, епископ Екатеринбургский 388, 389
Григорьев Алексей Александрович 288, 289
Григорьев Максим Кузьмич 181, 183, 184
Грищенко 308
Грудин Алексей Аркадьевич 175, 438, 441
Грузинов 18
Гуковский И. Э. 261
Гуляев 86, 87
Гурко В. 16
Гусев Ермолай 294, 299
Гусев Игорь 155
Гусев Сергей 155
Гусева Анна Васильевна 155
Гусева Лидия Семеновна 155, 480
Гускин 431
Гуськова Мария Прокопьевна 153
Гутт Антон Евгеньевич 411
Гучков Александр Иванович 16, 139, 232,

496, 507, **595**
Гущин Иван 67
Гущина 67

Данилов Александр 84, 85
Дговусь 258
Дегтярев Николай 301–303, 434
Дедюхина Фекла Алексеевна 147, 164–166, 171, 172
Деменев 178
Дементьев 228, 305, 434–436
Демидов 85
Демидова Анна Степановна 10, 44, 61, 63, 80, 81, 97–99, 103, 109, 121, 151, 152, 157– 162, 170, 228, 233, 269, 274, 275, 277, 284, 285, 293, 294, 299, 303–305, 308, 311, 312, 341, 342, 344, 368, 406, 408, 412, 415, 419, 450, 459, 461, 462, 474, 475, 480, 494, **575**
Демьянов см. Дементьев
Деникин Антон Иванович 254, 491, **598**
Деревенко Николай Владимирович 486
Деревенко Владимир Николаевич 32, 38, 39, 41, 47, 50, 105, 111, 125, 229, 230, 234, 274, 294, 306, 307, 312, 368–370, 390, 392–394, 407, 408, 471, 472, **575**
Деревенько 312
Деридерцев Андрей 249
Дерюгин 460
Дерябин Никита Степанович 52, 243, 244, 272, 283–286, 340–345, 480
Десятов Григорий 431
Джонсон 453
Дзержинский Феликс Эдмундович 264
Дивиш Густав Вячеславович 197
Дидковский Борис Владимирович 61–63, 132, 190, 307, 314, 411, **578**
Дилингсгаузен 367, 368
Диль 226, 238, 239
Дислер 300, 303
Дитерихс Михаил Константинович 9, 10–17, 22–24, 26, 131, 141, 192, 196–201, 204, 205, 213, 220, 225, 240, 242, 246, 247, 256, 257, 259, 359, 360, 367, 398, 403, 404, 427, 429, 431, 433, 442, 461, 462, 465–467, 470, 471, **568**
Дитерихс Софья Эмильевна 17
Дмитриев Алексей Николаевич 105, 294, 306
Дмитриев Семен Герасимович 52, 243, 244, 272, 283
Доброницкий 496
Добрынин Константин Степанович 113, 150, 152, 155, 160, 161, 162, 170, 271, 273, 276, 284, 336, 340, 341, 343, 344, 475, 477
Довгерт 253, 254
Догерт см. Довгерт
Долгорукий, князь Александр Васильевич 61, 63, 81, 102, 103, 106, 111, 118, 132, 227, 228, 230, 231, 233, 293, 294, 298, 299, 302– 305, 307, 311, 390, 412, 450, 456, 494, 507, **578**
Долинский 292
Домнин Парфен Алексеевич 252, 253, 312
Домонтович Сергей Алексеевич 13, 367, 403
Дормидонтов 294, 299
Дорофеев 298, 299, 436
Дрогина Васса Осиповна 81, 82
Дроздов Егор Васильевич 52, 88, 160, 243, 257, 271
Дубинин 369
Дубовик Николай Фелицианович 138
Дубровин Михаил Федорович 250, 396
Дубровина Степанида Павловна 250, 396
Думбадзе 459, 500
Дунаев Б. С. 114
Дураков Василий 436
Дурасов 369
Дутман см. Дуцман В. А.
Дутов Александр Ильич 112, 115, 254, 433, **585**
Дуцман Владимир Алексеевич 227, 299, 300, 303, 436
Дюпарк 411

Евдокимов 245
Евфимия 385
Егоров Григорий Иванович 197, 198, 220, 326, 332
Елена Петровна, княгиня Сербская 452
Елизавета Федоровна, великая княгиня 132, 143, 191, 357, 416, 458, **581**
Елисеева Агапия Григорьевна 87, 88
Елькин Афанасий Кириллович 83, 85
Емельянов Федор Васильевич 160, 271
Еремеев 313
Еремеева 455
Ерков Василий 271
Ермаков Петр Захарович 19, 115, 127, 135, 152, 153, 158, 161–163, 251, 274, 277, 278, 280, 282, 286, 331, 338, 347, 428–433, 438– 441, 475, 476, 479, 481, **586**
Ермолаев Владимир Андреевич 177
Ермохин 50, 72, 428
Ерыкалов 144
Ефимов (1) 122
Ефимов (2) 292, 293
Ефимов (3) 359
Ефимов Василий Фадеевич 145, 146, 385
Ефремов (1) 267
Ефремов Трефилий 165

Жанен 16
Жданов О. 258
Жебенев 155
Желтов 66, 67
Жилинский 40, 66, 110, 172, 267, 327, 328, **574**
Жильяр (Gilliard) Петр Андреевич 9, 12, 15, 16, 22, 25, 61, 63, 101, 102, 107, 111, 196,

226, 227, 230, 237, 293, 294, 298, 300, 303, 306, 307, 310, 312, 316, 412, 420, 448, 455, 456, 486, 487, **578**
Жужгов 174, 484
Жуков Павел Акимович 248, 249
Журовский Франц 63, 104, 294, 306

Зайд 84
Зайков Ефим Григорьевич 133
Зайцев Николай Степанович 113, 114, 150, 160, 170, 244, 271
Зайцева Елизавета 114
Зайчек 355
Закис 320
Заславский 300–304, 435
Заушицын Иван 433
Зворыгин Иван 427
Зворыгин Федор 384
Зеленецкий 247, 248
Зима Иван Трофимович 293, 312
Зимин 346, 384, 504–506
Зиновьев Григорий Евсеевич 71, 179, 188, 189, 218, **581**
Злобин Николай Павлович 219
Злоказов Михаил Григорьевич 13, 504, 505
Злоказов Николай Федорович 335
Знамеровский 112
Зотов (1) 52, 272
Зотов (2) 69, 431
Зубрицкая Александра Гавриловна 351, 437, 439, 440
Зубрицкая Валентина 351
Зубрицкая Марфа Севастьяновна 439, 440
Зубрицкий Иван Семенович 427–429, 431, 437, 438
Зубрицкий Михаил Осипович 439
Зубрицкий Николай 437, 439, 440
Зубрицкий Петр Алексеевич 34, 350, 351, 380, 384
Зудихин Александр Романович 429, 431, 432, 440
Зыков (1) 266
Зыков Василий Иванович 350, 384
Зыков Николай 350, 380, 383
Зыкова Мария 383
Зыкова Настасья Дмитриевна 350, 384
Зыкова Настасья Павловна 350, 380, 383, 384

Иванов (1) 429, 431
Иванов В. П. 174, 356, 481, 485
Иванов Николай Иудович 367, **607**
Иванов Павел Васильевич 7
Иванов Сергей Иванович 104, 237, 294, 306, 307, 405, 407
Иванов Федор Иванович 86, 87
Ивановский 370
Игнатов 256
Игнатьев, граф Алексей Алексеевич 507
Игорь Константинович, великий князь 71, 142, 191, 219, 327, 328, 458, **581**
Иевлев 258
Изагумен 258
Ильинский 254
Ильмер Карл Петрович 290, 291, **600**
Имшенецкий Владимир Михайлович 271
Иоанн Константинович, великий князь 71, 142, 191, 219, 452, 458, **581**
Иорданский В. Ф. 8, 11, 94, 252, 267, 282, 360, 367, 389, 473, 483
Иоффе 18
Ипатьев Николай Николаевич 59, 94, 315, 321, **567**
Иринарх, епископ 123
Исполатов 123
Иустиния см. Чертополохова М. Н.

Кабанов 284, 337, 338, 345
Каганицкий см. Коганицкий
Казагранди 501
Казанцев Николай 431, 441
Казем-Бек В. Н. 94, 166
Кайгородов 165, 171
Камаев 441
Каменных см. Леватных М. И.
Каменских Кондратий Павлович 173
Капнист, граф Борис Михайлович 507
Капустин Дмитрий 83
Карелин Владимир Александрович 227, 299, **594**
Карлуков Семен Федорович 347
Карлукова Афанасия Степановна 347
Карнаухова Вера Николаевна 13, 386, 387
Карпов Михаил 294, 306
Карсавин 304, 436
Карташев Иван 55, 317
Каршин Николай или Александр Флегонтович 312
Карякин 267
Касвинов Марк 22, 23
Кастрицкий 107
Катов см. Котов П. Ф.
Кац 500
Керенский Александр Федорович 16, 60, 102, 103, 131, 139, 230, 232, 245, 292, 293, 295, 296, 298, 310, 426, 496, 507, **584**
Кесарев Григорий Александрович 150, 155, 160, 163, 170, 257, 271
Киприянов 90
Киреев 226, 302
Кирилл Владимирович, великий князь 252, **597**
Кирпичников Александр 63, 104, 118, 233, 294, 306, 312, 420
Кирста Александр Федорович 9, 10, 13, 23–25, 125, 189, 330, 358, 408, 481–484, **568**
Киселев (1) 294, 299
Киселев (2) 267
Кислицын Владимир Александрович 459, 461

Китаев 414
Клерже Георгий Осипович 128, 129
Клеценд 355
Клещев Иван Николаевич 52, 109, 170, 243, 244, 272, 283–286, 340–343, 345, 480
Кнапский 90
Князев 167, 168
Кобылинский Евгений Степанович 12, 22, 25, 61, 103, 104, 111, 118, 131, 228–233, 291, 298, 313, 390, 412, 419–421, 425, 435–437, 448, 449, 486, 501, **569**
Ковалев Василий 249
Коганицкий 303
Кокичев 63, 104, 294, 306
Колбин Абрам 258
Колегов 154, 476
Колмогоров 148
Колотов Иван 80
Колчак Александр Васильевич 9, 10–12, 14, 15, 457, **568**
Комаров П. И. 64, 65
Комаров Семен Петрович 251
Комендантов Алексей 76, 90, 91, 272, 284, 335, 336
Кондратович 143, 191
Кондратьев Николай 458
Кондратьева Вера 458
Коневцев Константин Васильевич 77
Константин Константинович, великий князь 71, 219, 458, **581**
Копанский Николай Васильевич 222, 225
Копнов 178
Корепанов 358
Корешев Павел Геннадиевич 354
Корешева Мария Георгиевна 354
Корзухин Александр Степанович 52, 170, 243, 244, 272, 273, 278, 283, 340, 341
Корнилов Лавр Георгиевич 292, 426, 496, **600**
Коровин Иван Петрович 138, 352–354
Корольков 327
Короновский Александр Иосифович 352–354
Корякин (1) 167
Корякин Николай 76, 90, 91, 272, 284, 335, 336
Коряков (1) 72
Коряков Петр Зотович 270
Косарев Владимир Михайлович 287–289, **600**
Костина Анна 179, 188, 189, 218, **594**
Костоусов Александр Егорович 115, 137, 158, 286, 338, 386, 431–433, 438, 441, 481
Котегов Александр Алексеевич 155, 160, 170, 244 (?), 257, 271, 278
Котегов Григорий Николаевич 92
Котегов Иван Павлович 52, 74, 88, 108, 113, 150, 155, 160, 170, 244 (?), 257, 271–273, 275, 320
Котенов Валериан Сергеевич 124, 410, 411
Котов (1) 368
Котов Михаил Павлович 52, 88, 109, 113, 150, 155, 160, 163, 170, 243, 257, 271, 278
Котов Петр Федорович 59, 454
Котова Наталья Николаевна 89
Краснов (1) 139
Краснов Дмитрий Иванович 251
Кратев 258
Краузе 459
Крашенинников Иван 76, 90, 91, 272, 284, 335, 336
Кривощекова Александра Васильевна 482, 483
Кривцов Александр Иванович 115
Кромцов 381
Кронидов см. Алексеев А. К.
Кропоткин, князь 254
Крохалова Мария Львовна 389, 390, 392–394
Круглов Михаил 353
Крутиков 329
Крыленко 226
Крысов Василий Лукич 116, 117
Ксения Александровна, великая княгиня 15
Кузьмин 68
Кузнецов Александр Николаевич 66, 124
Кузнецов В. Ф. 178
Кузовников 149,
Кукаретин Михаил Васильевич 483
Куклин Иван Филиппович 181, 182, 185
Куклина Матрена Никитична 184
Кули Мирза Риза, принц 457, 458, 473
Кульков Алексей Николаевич 229
Курилов Василий 431, 432
Курилов Михаил 431
Куропаткин Алексей Алексеевич 496, 497
Куропаткин Алексей Николаевич 496
Куропаткин Василий 501
Курочкин 163
Кутузов Александр Тимофеевич 8, 30, 34, 35, 50, 66, 123–125, 143, 370, 407, 483
Кухтенков Прокопий Владимирович 9, 25, 114–116, 158
Кучеров 86, 87
Кушелев Владимир Лукич 497
Кяйриш Ян Осипович 210, 211

Лабунцев 32
Лабушев Леонид Васильевич 73, 76, 90, 91, 243, 272, 281, 284, 285, 335, 336
Лагунов см. Логунов Н. и А.
Ладейщиков Петр Акимович 160
Лазаревич Петр 84
Лахер Рудольф (Lacher Rudolf) „Рудольф" и „Адольф" 54, 75, 110, 281, 336
Лебедев (1) 304, 305, 436, 437
Лебедев В. К. 102
Леватных Василий Иванович 115, 116, 158, 286, 338, 431–433, 438, 441
Леватных Матрена Ивановна 432
Лейхтенбергский, герцог Георгий Максимилианович 101, 460 (?)

Лейхтенбергский, герцог Сергей Георгиевич 102
Ленковский 240
Ленин Владимир Ильич 91, 232, 235, 240, 261, 460
Леонов Александр Алексеевич 328, 329
Леонов Петр Алексеевич 13, 79, 327, 330
Леонтьев (1) 77
Леонтьев Алексей Егорович 203, 211, 213
Лесников Григорий Тихонович 52, 243, 244, 272, 283, 285, 286, 315, 340, 341–343, 345, 480
Лестюков 52
Летемин Михаил Иванович 9, 10, 15, 25, 73–76, 91, 107, 110, 113, 150, 158, 160, 170, 257, 271, 273, 466
Либкнехт 18
Лидваль 406, 414, 454
Линдстрем Вильям Иванович 200
Липатников 83
Литухин Иона Анатольевич 237
Лобанов Михаил Александрович 33
Лобанова Евдокия Тимофеевна 33, 34
Лобашев см. Лабушев Л. В.
Лобов 172, 355
Лобухин Василий Яковлевич 394–396
Лобухин Семен Яковлевич 396
Лобухин Яков Иванович 395
Лобытов 52
Логинов Василий Петрович 52 (?), 76, 90, 91, 109 (?), 160, 244 (?), 272, 284, 291 (?), 335–337
Логинов Владимир Петрович 52 (?), 76, 90, 91, 109 (?), 160, 244 (?), 272, 284, 291 (?), 335, 336
Логинов Иван Петрович 52 (?), 76, 90, 91, 109 (?), 160, 244 (?), 272, 284, 291 (?), 335, 336
Логинов Павел Иванович 10, 127, 134, 136, 137, 174, 175
Логинов Семен Георгиевич 287, 290
Логинов Степан Васильевич 137
Логунов Александр 381
Логунов Николай Васильевич 351, 381
Ложкин 359
Лозовский Михаил Георгиевич 178
Лоскутов Николай Егорович 283
Лоскутова Лидия Федоровна 85, 86
Лоскутова Мария Антоновна 186
Лохвицкий 15
Лошкарев 497, 503
Лощилов 355
Луговкин Константин Семенович 210
Луговой Виктор Константинович 150, 155, 160, 163, 170, 257, 271, 280
Лукин 143
Лукоянов Федор Николаевич 70, 147, 164, 165, 171, 214–216, 219, 238, 386, 387, **581**
Лупин 297, 299, 300, 301, 304, 436
Лылов Петр Илларионович 50, 72
Любодзецкий 247, 248
Люханов Валентин Сергеевич 284, 335, 336
Люханов Сергей Иванович 76, 90, 91, 110, 137, 146, 153, 162, 272, 278, 279, 285, 335–337, 342, 343, 345, 476, 480
Лякс 284

Маделин Иван 176
Магницкий Н. 8, 9, 25, 123, 126
Макарий, митрополит Московский 499, 501
Макаров (1) 230, 245, 292, 293, 313, 425, 448
Макаров Артемий 83
Макаров (а) Степан 188
Макаров (б) Степан 294, 299
Максимов Егор 243
Маленкин 121
Маливанов 496
Малиновский Дмитрий Аполлонович 32, 367, 369, 372, 457
Малков 142, 172, 188, 355
Малышев Иван Михайлович 115, 433, **586**
Малышев Рафаил 187, 188
Малышева Глафира Степановна 187, 188
Малышева Евдокия Николаевна 187
Малышкин Сергей Павлович 115, 286
Малютин 18
Маниковский Алексей Алексеевич 497
Маринцева Мария Алексеевна 93
Мария см. Крохалова М. Л.
Мария Павловна, великая княгиня 495
Мария Николаевна, великая княжна 10, 38, 45–48, 54, 61–63, 81, 97–100, 102, 103, 109, 111, 113, 117, 118, 121, 129, 151, 152, 156–160, 162, 170, 179, 186, 188, 189, 226–228, 231–233, 252, 269, 273, 275, 277, 281, 282, 284, 285, 293, 294, 299, 301, 303, 304, 307, 309–312, 314, 340, 341, 360, 368, 405, 406, 411–417, 420, 421, 423, 424–426, 435, 436, 448, 450, 451, 454, 461, 462, 467, 475, 480, 486, 487, 494, 500, 501, 507
Мария Федоровна, вдовствующая императрица 139, 140, 412, 415, **588**
Марков Сергей 14, 459, 460, 500, 502, 503, **615**
Марков-Второй Николай Евгеньевич 500, 503
Марковский Аркадий Алексеевич 491
Матвеев (1) 70, 213, 215, 387
Матвеев (2) 226, 228, 229, 233, 297, 300, 301, 304, 305, 307, 436
Матвеенко 370, 372
Матиков Илья Кириллович 128
Матико/в/ Иосиф Ильич 128, 129
Матиков Самсон Ильич 128, 129
Матикова Мария Ильинична 128
Маус см. Адамович-Маус В. К.
Махан Юлия Васильевна 211, 213
Медведев (1) 50, 59
Медведев Александр 432
Медведев Андрей 149, 159

Медведев Иван 149, 159
Медведев Павел Спиридонович 8, 10, 12, 22, 25, 52, 75–78, 82, 108–110, 112, 113, 147, 148–154, 156, 158–160, 164, 169, 170, 242, 243, 257, 266, 267, 269, 271–282, 284–286, 336–341, 343–345, 462, 467, 473–481, 484, **576**
Медведева Зоя 149, 159
Медведева Мария Даниловна 73, 76, 112, 144, 149, 153, 158, 159, 457, 467
Межанц Паулина Г. 105, 228, 293, 294, 306
Межева см. Межанц П. Г.
Межевский Михаил 84
Межина Евдокия Семеновна 91, 92
Меледин, отец Анатолий (Григорьевич) 95, 98, 338–340, 388
Мелешко 359
Мелких Александр Александрович (Алексеевич) 220, 334
Меллер-Закомельский 460
Мель 434
Мельгунов Сергей Петрович 22
Мельник Константин Семенович 122, 491, 503
Мельников Иосиф Никитич 13, 25, 137, 144, 146, 385, 386
Мельников Сергей Никитич 145
Меньшиков 68
Меснянкин (Месянянкин) Владимир Александрович 227, 293, 312, 313
Мецнер Максимилиан Данилович 506
Микулова Зинаида Андреевна 77
Микуловская см. Микулова З. А.
Миллер Евгений Карлович 17
Миллер-Закомельский см. Меллер-Закомельский
Милюков Павел Николаевич 16, 139
Мирбах-Харф, фон В. 489
Миролюбов Н. И. 11, 252, 473
Миронова Е. 18
Михаил Александрович, великий князь 8, 14, 15, 19, 24, 67, 71, 102, 139, 142, 174, 235, 237, 253, 264, 265, 308, 387, 391, 452, 453, 455, 483, 484, **589**
Михайлов 414
Михайлов Сергей (Семен) 294, 299
Михайлова 454
Михнович 166
Мишенис Адам 175
Мишечич 452
Мишкевич Николай 90, 91, 272, 284, 335, 336
Мишкевич Станислав 90, 91, 272, 284, 335, 336
Моисеевский 386
Молоствов Борис Владимирович 355
Молотков Иван Федорович 145, 146, 329
Молотов Вячеслав Михайлович 218
Морозов (1) 436
Морозов (2) 84
Морозова Прасковья Ивановна 165, 166
Московский 33
Мостиков 109, 272
Мошкин Александр Михайлович 40, 70, 76, 90, 91, 108, 150, 153, 157, 160, 161, 170, 265, 272, 274, 279, 281, 283, 284, 337, 339, 476
Мрачковская Татьяна Ивановна 137
Мрачковский Сергей Витальевич 75, 89, 107, 108, 111, 113–115, 120, 136, 149, 154, 159, 162, 170, 271, 374, 476, **582**
Мугдуси-Огнисьянс, Маркар Саракисович 390
Мудозвонов см. Брусьянин Л. И.
Музыкант 136
Мундель Николай Александрович 293, 312, 434, 437
Мутных Владимир Васильевич 72, 179, 188, 189
Мутных Наталья Васильевна 25, 179, 188–190, 482
Мухин 266
Мэнгольд 23
Мэсси Роберт 23
Мягков 369
Мясников (1) 174, 345, 387
Мясников (2) см. Чуркин А. И.
Мяснянкин см. Меснянкин В. А.

Набоков 228, 229, 233, 304, 305, 436, 437
Нагорный Клементий Григорьевич 63, 105, 132, 234, 236, 274, 293, 294, 306, 307, 311, 312, 406, 407, 413, 450–452, 488, 489, **579**
Накараков 258
Наметкин А. 8, 9, 25, 31, 32, 34, 35, 50, 51, 196, 317, 361, 362, 370, 372, 407
Начаров Павел Яковлевич 246, 367
Невский Владимир Иванович 499
Негоряев Николай 79, 80
Некрасов 68
Неустроев Аркадий Яковлевич 175–177
Никифоров (1) 79, 146, 328, 329
Никифоров (2) 474, 481, 482
Никифоров Алексей Никитич 150, 155, 160, 163, 257, 271, 336
Николаев 329
Николаева (1) 454
Николаева Екатерина Владимировна 294, 299, 306, 425
Николай Николаевич, великий князь 11, 16, 253
Никольский Александр Владимирович 226, 230, 295, 296, 298, 305, 412, 421, 425, 434, 448, **594**
Никулин Петр Григорьевич 354
Никулин Прокопий Александрович 40, 147, 163–165, 170, 171, 257, 259, 272–274, 277–279, 281, 284–286, 337–345, 480, **575**

Новоселов Назар Харитонович 50, 72
Нольдштром 406, 414, 420, 454

Обыкин Федор Иванович 64
Ованесов см. Аванесов В. А.
Огурский 178
Озерский 258
Олсуфьев, граф 253
Ольга Александровна, великая княгиня 16
Ольга Николаевна, великая княжна 10, 38, 40, 48, 54, 63, 81, 97–100, 102, 104, 105, 107, 109, 111, 113, 117, 121, 129, 151, 152, 156–160, 162, 170, (176), (179), (186), (188), (189), 226, 227, 229, 231, 234, (240), 252, 269, 273, 275, 277, 281, 282, 284, 285, 293, 294, 299, 301, 306, 307, 309, 311, 312, 340, 341, 357, 359, 360, 368, 388, 405, 406, 412–417, 420, 423, 426, 448, 450, 451, 454, 461, 462, 467, 475, 480, 484, 486, 487, 501
Ольденбургский, принц 253
Онянов Федор Федотович 182, 185
Орешкин Капитон 433
Оржеховский 133
Орлов (1) 418
Орлов Александр Григорьевич 52, 150, 155, 160, 170, 244, 357, 271, 276
Орлов Алексей 76
Орлов, князь Николай 16
Осокин Александр 52, 244, 272, 283, 340, 341
Остен-Сакен, барон Владимир Федорович 496
Остроумов Николай Иванович 50, 51, 59, 64–66, 69, 85–89, 93, 101, 114, 116, 117, 119, 120, 407
Очерт 416
Ощепкова Клавдия Александровна 179

Пагануцци П. 22
Павел Александрович, великий князь 111, 455, **585**
Палей, князь Владимир Павлович 71, 143, 191, 219, 458, **581**
Палкова Анна 251
Пальчинский Петр Акимович 496
Панкратов Василий Семенович 226, 230, 295–298, 412, 421, 424, 425, 434, 448, **594**
Пантелеев 457
Пантелеева Елизавета Филипповна 174
Пантелеева Мария Филипповна 174, 175
Папин Николай Васильевич 34, 350, 351, 380, 381, 384, 438
Папина Александра 380
Папина Пелагея 380
Партин Алексей Сергеевич 137
Партин Николай Сергеевич 115, 137, 158, 286, 338, 431–433, 441, **586**
Пацковский 457
Пейсель 300, 303
Пелегов Василий 52, 243, 244, 272, 283, 340, 341
Пентов Моисей Израилевич 494, 495
Пепеляев Анатолий Николаевич 10, 190, 279
Перетыкин 258
Перин Илья 431–433
Перминов Николай 76
Перминова М. И. 167
Пермяков Иван 272
Петлюра Симон Васильевич 459, **615**
Петров (1) 167, 168, 272
Петров (2) 424
Петухин Иона Андреевич 502
Петухов Иван 137
Пигнатти 296, 297, 300
Пиго Петр 136
Писаревский 296, 298, 303, 435
Писцев 85
Платон, митрополит Одесский 388
Плешков (1) 9, 25, 73, 74, 83, 85–89, 91–93
Плешков Алексей Иванович 173, 174, 484
Подкорытов Николай Иванович 52, 74, 108, 109, 150, 155, 160, 170, 244, 257, 271, 275
Подорова Степанида Федосеевна 180
Поздняков 258
Поливанов 507
Политковский Ростислав Михайлович 31, 370, 371
Полков Павел Северьянович 384, 505, 506
Полков Северьян 504, 505
Полузадов 493, 494
Полушин Дмитрий Михайлович 387
Поляков И. Х. 68, 84, 451
Поплавский 490, 491
Попов (1) 86
Попов (2) 178
Попов Василий Андреевич (или Андрей Васильевич) 497
Попов Николай Иванович 52, 77, 78, 108, 150, 155, 160, 170, 244, 257, 271
Попов П. Н. см. Попов-Шабельский П. Н.
Попов-Шабельский Петр Николаевич 460, 461, 472, 473
Попова (1) 156
Попова Александра Ивановна 90
Праслов 472
Привалов Иван Александрович 250, 251, 397, 398
Привалова Екатерина Васильевна 250, 251, 397
Приходько о. Иуда (Михайлович) 439, 440
Приходько Наталья Михайловна 439
Провалов см. Привалов И.А.
Провалова см. Привалова Е. В.
Просвирнин Иван 431
Проскуряков Александр Полиевктович 168, 169, 270, 276, 278, 279
Проскуряков Андрей 270
Проскуряков Василий 270
Проскуряков Матвей Иванович 169, 279
Проскуряков Полиевкт Михайлович 270

Проскуряков Степан 270
Проскуряков Филипп Полиевктович 10, 12, 22, 25, 52, 150, 155, 160, 163, 168, 169–171, 243, 257, 269, 270, 282, 477, 492
Проскурякова Евдокия Степановна 169, 270
Проскурякова Клавдия Полиевктовна 169, 270
Проскурякова Пелагея 270
Проскурякова Таисия 270
Протасов 258
Прохоров Александр 52, 109, 244, 272, 283, 340
Прохоров Николай Иванович 175
Пузанов Петр (Сергей?) 431, 432
Пуйдо Александр Петрович 148
Пуришкевич Владимир Михайлович 473, **617**
Путилов Николай Васильевич 52, 74, 109, 243, 244, 272, 283, 341
Пыжов 313
Пьянкова Александра Михайловна 147, 171
Пюрковский Франц 63, 105, 294, 299, 306

Радек 18
Радишкович 40
Раевские 498, 502
Распутин Дмитрий 500
Распутин Григорий Ефимович 14, 55, 117, 140, 304, 310, 316, 319, 320, 339, 349, 425, 454, 490, 491, 497
Распутина Мария Григорьевна 491, 497, 500
Распутина Нюра 500
Рачинский 123
Ребухин см. Рябухин А. С.
Редников Василий Гаврилович 426, 428–431, 437, 438, 440
Ременников 122
Реморов Алексей Васильевич 495
Ремянников Семен Павлович 133
Ритцлер, барон 18
Рогозинников Николай Михайлович 251
Рогозинникова Елена Антоновна 251
Родзинский (Рудзинский, Радзинский) 147, 164, 165, 171
Родзянко Михаил Владимирович 303, 496, **602**
Родионов (1) 104, 105, 111, 234, 236, 298, 305, 306, 312, 406, 413, 419, 420, 426, 436, 450, 451, 456, **585**
Родионов И. 252
Рожков 294, 308
Романов (1) 256
Романов Иван Иванович 52, 244, 272, 283, 340, 341
Романова Анна Павловна 306, 497, 498, 501, 503
Ростовцев, граф 102
Руденков Афанасий Иванович 85, 86
Рудометов Козьма Егорович 176
Русаков Николай Михайлович 52, 109, 113, 160, 244, 257, 271, 320
Рыбаков 297
Рыбников Александр 431–433
Рыков 168
Рымша 457
Рябов (1) 369
Рябов Василий Семенович 184
Рябухин Александр Семенович 173, 484

Савинков Борис Викторович 254
Садчиков Иван Степанович 88
Садчиков Николай Степанович 52, 74, 88, 108, 109, 113, 150, 160, 170, 244, 257, 271, 273, 276, 315, 318
Сакович Николай Арсеньевич 19, 68, 82, 139, 141, 255, 256, 267, 291, 409, **580**
Сальников 404
Саммерс 23
Самойлов Александр Васильевич 89, 119, 120
Самойлов Павел 347
Самохвалов Парфений Титович 13, 25, 493, 494
Сафаров Георгий Иванович 20, 66, 68, 69, 72, 140, 147, 189, 190, 256, 261, 267, 337, 390, **579**
Сафонов Алексей Яковлевич 154
Сафонов Веньямин Яковлевич, „Файка" 52, 74, 77, 78, 88, 108, 113, 150, 155, 160, 170, 244, 257, 271, 273, 275, 276, 336, 343, 476
Сахаров (1) 328
Сахаров Валентин Аркадьевич 127, 136, 137, 147, 161, 164, 165, 171, 386, **587**
Сахарова Татьяна Ивановна 127, 137
Свердлов Яков Михайлович 17, 19, 20, 70, 71, 82, 140, 218, 264, 265, 288, 290, 301, 435, 481, 489, 490
Свирчин 504
Седнев Иван Дмитриевич 45, 61–63, 103, 132, 228, 233, 234, 274, 294, 303–305, 307, 311, 312, 390, 405, 406, 412, 426, 450, 461–463, 488, 489, **576**
Седнев Леонид Иванович 63, 75, 79, 81, 93, 100, 105, 109, 111, 121, 151, 157, 158, 160, 161, 234, 274–277, 280, 286, 294, 306, 307, 340, 345, 406, 413, 451, 474, 481
Седов Николай Яковлевич 117, 119, 122, 491, 500, 503
Селезнев 288, 289
Семенов (1) 301, 313
Семенов Василий Егорович 74, 150, 155, 160, 163, 257, 271, 284
Семенов Григорий Михайлович 14, **570**
Семеновских Василий Васильевич 137
Семчевский 369, 457
Сергеев Иван Александрович 8, 9, 10–13, 15, 25, 50, 51, 64, 66, 73, 123, 128, 129, 131, 133, 137, 138, 142, 148, 149, 158, 166, 167, 171, 191–193, 195, 196, 200, 201,

204–207, 213, 220, 221, 226, 230, 233, 235–237, 240, 242, 243, 246, 256, 259, 260, 262, 264, 265, 276, 316, 317, 321, 348, 349, 352, 354, 451, 457, 461, 464, 473, 474, 478, 479, 481, **568**
Сергей Михайлович, великий князь 71, 142, 191, 219, 264, 427, **581**
Сибирев 240
Сибрин Иван Парамонович 115, 238
Сивелева Евдокия Максимовна 147, 165, 171, 284, 340
Сивков Александр 188
Сивков Николай 137
Сидоров Алексей 37, 76, 90, 91, 170, 272, 284, 335, 336
Сидоров Иван Иванович 14, 389, 391, 392, **609**
Симашко 267
Симонова Таисия Михайловна 73
Сирик 328, 329
Ситников (1) 454
Ситников Федор Васильевич 185, 186
Ситникова Татьяна Лазаревна 181
Скворцова Елизавета Васильевна 86
Скорняков 52
Скоропадский Павел Петрович 139, 459, **588**
Скороходов 52, 243, 244, 272
Скорынин Егор 430–432, 441
Смирнов (1) 105, 294
Смирнов В. 492
Смоленский 72, 129
Смородяков Александр Михайлович 243 (?), 244 (?), 272, 276, 340 (?)
Смородяков Михаил 52, 243 (?), 244 (?), 272, 276, 283, 340 (?)
Смронов 452
Соболев (1) 457
Соболев Кирилл Леонидович 457–459, 473
Соколов (1) 55
Соколов (2) 268
Соколов Николай Алексеевич 10, 11–17, 22, 23–25, 130, 143, 166, 191, 192, 219, 220, 229, 246, 252, 267, 268, 332, 347, 354, 355, 359, 360, 389, 403, **569**
Соколова Евгения Ивановна 179, 180
Соловьев (1) 124
Соловьев Александр Федорович 52, 76, 90, 91, 272, 284, 335, 336
Соловьев Борис Николаевич 14, 117, 118, 491, 495, 499, 502, 503, **570**
Соловьев Михаил Иванович 186
Соловьев Николай Васильевич 495
Соловьев Т. Ф. 167, 237, 245, 246
Соловьева Мария Александровна 495
Солодухин Григорий Иванович 294, 299
Соломирский 96
Сорокин (1) 142
Сорокин Михаил 431, 432
Сотников 457
Спасская Евфимия Ивановна 506
Спасский 409
Спиридонова М. 20
Сретенский Иван Матвеевич 12, 25, 346, 347, 351, 384, 492, 504, 506
Стааль (1) 166, 245
Стааль, барон 16
Станкович Любомир 79
Старк Леонид Николаевич 241, **596**
Старков Александр 176
Старков Александр Иванович 30, 264
Старков Андрей Алексеевич 113 (?), 150, 160, 163, 169, 170, 244 (?), 271, 272, 281
Старков Иван Андреевич 52, 74, 77, 78, 108, 113 (?), 150, 152, 155, 160, 161, 162, 170, 244 (?), 257, 271, 284, 315, 336, 343, 344, 475, 477
Старкова Евдокия Ивановна 77
Стародумова Мария Григорьевна 81, 82
Старынкевич С. С. 9, 11, 143, 191, **568**
Стенбок-Фермор, графиня Надежда Алексеевна 360
Степанов (1) 493
Степанов Н. А. 355
Степанова Ольга Ивановна 91
Стогов 145, 328, 330, 345
Столов Егор Алексеевич 113, 150, 155, 160, 169, 170, 257, 271, 275–278, 280, 281
Столова Мария Тимофеевна 113
Сторожев, о. Иоанн (Владимирович) 9, 25, 95, 99–101, 338–340, 388, **584**
Стрежнев А. 55, 162, 209, 280, 316, 349
Стрекотин Александр Андреевич 74, 75 (?), 88 (?), 108 (?), 113, 150, 155, 158, 160, 163, 170, 257, 271, 273, 275, 276, 278, 279, 349 (?)
Стрекотин Андрей Андреевич 74, 75 (?), 77, 78, 88 (?), 108–110, 113, 150, 155 (?), 160, 170, 257, 271, 275 (?), 276 (?), 277 (?), 281 (?), 343, 349 (?)
Стрекотин Андрей Федорович 77, 78, 155 (?), 275 (?), 276 (?), 277 (?), 281 (?)
Стряпчева Елизавета Егоровна 500, 503
Ступель 299
Суворов 258
Судуков 258
Суетин Григорий Иванович 93, 315
Сукарт 254
Сумароков Евгений Николаевич 32, 370, 372
Сумароков-Эльстон, граф 253
Сундуков А. 242
Суслопарова Анастасия Прокопьевна 384, 385
Суханов Федор Петрович 427, 429, 431
Сыромолотов Федор Федорович 68, 70, 139, 213, 215, 219, 238, 265, 267, 290, 291, 387, **580**
Сычев 471, 472

Талапов Иван Семенович 52, 74, 108, 109,

113, 150, 155, 160, 170, 244, 257, 271, 273, 278, 279
Талашманов М. 66, 67, 77
Танеева Анна Александровна 135, 497–499, 502, 503
Татищев Илья Леонидович 61, 63, 102, 104, 105, 107, 111, 112, 131, 132, 227–231, 234, 235, 293, 294, 298, 299, 302, 303, 306, 307, 310, 406, 413, 420, 450–452, 456, **578**
Татьяна Николаевна, великая княжна 10, 38, 48, 63, 81, 96–100, 102, 104, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 121, 129, 130, 151, 152, 156–160, 162, 170, 177, 179, 188, 189, 226, 227, 229, 231, 234, 240, 252, 269, 273, 275, 277, 281, 282, 284, 285, 293, 294, 299, 301, 307, 309–312, 340, 341, 357, 360, 368, 388, 405, 406, 412, 413–418, 420, 423, 426, 450, 451, 454, 455, 456, 461, 462, 467–470, 475, 480, 484, 486, 487, 501
Тегенцев Николай Петрович 431
Теглева Александра Александровна 63, 104, 105, 233, 235, 293, 294, 298, 299, 306, 307, 310, 404, 414, 456, **578**
Тельберг Г. Г. 11, 17, 22
Терехов 63, 105, 294, 306
Тетенев Николай Александрович 427–429, 440, 441
Тетеревятников Никита Кузьмич 59, 454
Тетерятников см. Тетеревятников Н. К.
Теткин Роман Иванович 52, 150, 155, 160, 244, 257, 271, 278
Тимофеев Иван Алексеевич 73, 76, 90, 91, 272
Тимофеева Анна Михайловна 73
Тихомиров Д. 181–185, 188–190, 352, 359, 473, 481–484
Тихон, патриарх Московский и всея Руси 499, 501
Токарева см. Соловьева М. А.
Толабов см. Талапов И. С.
Толмачев Георгий Гурьевич 72, 188, 238, 239, **581**
Толмачев Николай Гурьевич 72
Толстобров Петр 55, 316
Толстоухов И. 132
Томашевский (1) 141
Томашевский Михаил Владимирович 30, 457, 458
Третьяков Поликарп 431
Трикина Антонина Владимировна 389–391, 393
Трифонов 70, 71
Трофимов 172
Троцкий Лев Давидович 20, 226, 232, 300, 460
Трупп Алексей Егорович 10, 63, 81, 105, 109, 121, 122, 151, 152, 157–162, 170, 234, 269, 273, 275, 277, 284, 285, 294, 306–308, 311, 341, 368, 406, 413, 450, 452, 461, 462, 475, 480
Трущев Павел Алексеевич 69
Туган-Барановский 460
Туманов, князь 496
Тунтул И. Я. 68, 69, 190, 256
Тур 308
Турьгин Александр 170, 278
Турьгин Семен Михайлович 52, 109, 113, 150, 155, 160, 170, 244, 257, 271, 273, 275, 278
Тутельберг Мария Густавовна 25, 63, 104, 105, 107, 293, 294, 299, 306, 307, 412, 419
Тюляев Василий Терентьевич 321
Тюрин см. Тютин
Тютин 63, 105, 294, 306

Удинцев 68
Украинцев (1) 267
Украинцев Константин Иванович 76, 90, 272, 284, 335, 336
Ульянов 327
Урицкий Михаил Соломонович 71, 218, 264
Урусова 480
Усаковский 295
Усиевич Григорий Александрович 287, **600**
Усков Иван Владимирович 167, 168, 248–250, 331
Ускова Мария Васильевна 168, 248–250, 331
Успенский 139
Устинов Александр Иванович 52, 244, 272, 283, 340
Уткин Иосиф 186
Уткин Павел Иванович 10, 13, 25, 172–174, 355, 360, 481, 482, 485
Уткина Анна 306
Уткина Зоя Александровна 355
Уфимцев (1) 66–68, 139
Уфимцев (2) 178

Федоров Александр Афанасьевич 492
Федоров Иван Иванович 496
Фесенко Архип Афанасьевич 330, 332
Фесенко Григорий 330, 332
Фесенко Иван Архипович 13, 32, 35, 249, 250, 330–332, 353, 371
Фесенко Петр 330, 332
Фесенко Феодосий 330, 332
Фехнер 369
Флотова, фон 412
Фокин Петр Дмитриевич 76
Фомин 52, 244, 272
Фредерикс, граф Владимир Борисович 128
Фролов Иван Федорович 115

Хабаров Александр Андреевич 211, 213
Хайнкенен 261
Харитонов Иван Михайлович 10, 63, 105, 109, 111, 151, 152, 157–162, 170, 234, 269, 273, 275, 277, 284, 285, 294, 298, 306–308, 311, 341, 368. 406, 413, 451, 461, 462, 475, 480

Хитрово Маргарита Сергеевна 166, 237, 245, 313
Хлынов, о. Владимир 226, 297
Холина 455
Хомутов 367, 457
Хотимский В. И. 19, 68, 267
Хохряков (1) 52
Хохряков Павел Данилович 104, 105, 109, 111, 132, 133, 229, 233, 247, 272, 303, 305– 307, 406, 413, 419, 420, 426, 435, 436, 450, 451, 463, **584**

Цадриков Константин Александрович 210, 211
Цепенников Михаил Иванович 271
Цецегов Петр Федорович 83

Чащин Михаил 257, 282
Челышев Василий Федорович 452, 453, 455
Чемодуров Терентий Иванович 25, 32, 38–45, 47, 48, 50, 59, 64, 73, 78, 80, 81, 96, 103, 132, 228, 233–235, 293, 294, 299, 303–305, 307, 308, 312, 368, 370, 406, 407, 412, 421, 450, 452, 454, 465, **575**
Ченцов Борис Михайлович 354
Чернов Виктор 7
Черных 504–506
Черняховский 298
Чертополохов Василий Андреевич 87, 88
Чертополохова Мария Николаевна 87, 88
Чех 507, 508
Чижавка Б. 55
Чистяков С. В. 258
Чичерин 18, 20
Ченавин 340
Чудскаев см. Чуцкаев
Чумак 436
Чуркин „Мясников" Алексей Иванович 52, 149, 150, 155, 160, 170, 244, 257, 271, 272, 477
Чуркин Николай Иванович 149, 271
Чуфаров 267
Чуцкаев 40, 50, 132, 139, 147, 164, 171, 190, 267, **574**

Шабельский см. Попов-Шабельский П. Н.
Шадрин Михаил 430, 431
Шалабанов Дмитрий Антонович 427, 428
Шалапин А. 257
Шалин Егор 431
Шамарин Петр Яковлевич 13, 25, 142, 155, 156, 283, 286, 473, 484
Шамарский И. 318
Шаньжин Павел Данилович 283, 286
Шаховской, князь 460
Швейкин Николай Михайлович 34, 350, 351, 380, 384, 410
Швейкина Анна Назаровна 171, 172
Шевелев Семен Степанович 52, 88, 109, 150, 155, 160, 170, 244, 257, 271, 273, 276
Шевырева Ольга Иосифовна 420
Шевырева Соня 420
Шейнбаум 40
Шених 355
Шериховский 370
Шереметевский Александр Андреевич 66, 124–126, 143, 144, 370
Шереметевский Андрей Андреевич 7, 34, 124, 380, 382
Шикунов Илья 299, 304, 436
Шилова Клавдия Ивановна 177
Шиндер 147, 164, 165, 171, 172
Шипицын Никандр Сильвестрович 354
Шитов Матвей Федорович 330
Шленов 174, 355–357, 485, 486
Шнейдер Екатерина Адольфовна, „Трина" 102, 104, 105, 111, 112, 132, 229, 230, 234, 235, 293, 294, 299, 306–308, 311, 312, 359, 406, 413, 420, 451–453
Шпак 359
Шпилевский Владимир Густавович 128, 130, 178
Штейман Георгий Николаевич 145, 146, 329, **494**
Шулин Иван 91, 272
Шульгин 367
Шуваев 507
Шуминский 267
Шуранов 55

Щербаков 242
Щукин 74

Эйдман, граф 472
Эйдеман Роберт Петрович 472, **617**
Эрсберг Елизавета Николаевна 63, 104, 105, 235, 293, 294, 299, 306, 307, 405, 414, 451, **579**
Эртель 434

Юренен П. 20
Юрганова Ираида Степановна 177, 179, 180, 188
Юровский Яков Михайлович 8, 9, 12, 21, 52, 69–71, 75, 81, 82, 84, 85, 98–101, 109, 110, 132, 139, 147, 150–153, 157, 158, 161–165, 168, 170, 172, 190, 243, 249, 250, 259, 265, 267, 269, 270, 272–281, 284–286, 291, 331, 337–345, 386, 388, 389, 391–393, 409, 411, 451, 459, 462, 471, 472, 474, 475–480, 494, 505, **520**

Яворский 171
Якимов Анатолий Александрович 12, 22, 25, 120, 121, 161, 163, 272, 283–286, 334, 345, 480, 481, 484, 492
Якимов Евгений Александрович 120
Якимова Мария Николаевна 283
Яковлев (1) 154, 476
Яковлев Василий Васильевич 14, 61, 103,

111, 118, 228, 232, 233, 300–305, 314, 335, 355, 405, 406, 412, 413, 424–426, 435, 436, 449, 450, 452, 455, 494, 501, 507, 508, **570**,
Якубцев Феликс Михайлович 80
Янушкевич 298
Ярославцев Б. Н. 141, 142, 483, 484
Ярославцев Петр 431, 432
Ярошинский Карл Иосифович 497–499, 503
Ярцов Георгий Владимирович 32, 124, 125, 367, 370, 372, 457
Ястржембец-Козловский 497
Яхонтов 18

Оглавление

От Издательства 5

ВВЕДЕНИЕ 7

МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ

1. Предписание прокурора Кутузова (30.07.18) 30
2. Допрос Ф. Н. Горшкова Кутузовым (31.07.18) 30
3. Постановление следователя Наметкина (30.07.18) 31
4. Осмотр рудника Наметкиным (30.07.18) 31
5. Опись вещественных доказательств (31.07.18) 32
6. Допрос Е. Т. Лобановой Наметкиным (1.08.18) 33
7. Допрос А. А. Шереметевского Наметкиным (3.08.18) 34
8. Допрос М. Д. Алферова Наметкиным (3.08.18) 35
9. Осмотр верхнего этажа дома Ипатьева Наметкиным (2, 5, 6, 7 и 8.08.18) 35
10. Предложение Наметкину передать дело члену суда Сергееву (10.08.18) 50
11. Допрос Ф.Л. Балмышевой подпоручиком Ермохиным (11.08.18) 50
12. Постановление Суда о передаче дела И. А. Сергееву (12.08.18) 51
13. Постановление Наметкина о передаче дела И. А. Сергееву (13.08.18) 51
14. Осмотр нижнего этажа дома Ипатьева Сергеевым (11, 12 и 14.08.18) 51
15. Допрос Т. И. Чемодурова Сергеевым (15-16.08.18) 59
16. Постановление Сергеева о вырезке частей стен и пола в комнате убийства (18.08.18) 64
17. Описание вырезки частей пола (18.08.18) 64
18. Описание вырезки частей стен (20.08.18) 65
19. Препровождение Кутузовым Сергееву предметов, найденных у шахты (20.08.18) 66
20. Рапорт Талашманова о судьбе Царской семьи (22.08.18) 66
21. Рапорт Талашманова о высказываниях Гущиной (23.08.18) 67
22. Допрос Н. А. Саковича неизвестным членом следственной комиссии (24.08.18) 68
23. Заявление П. Трущева о нахождении телеграмм (25.08.18) 69
24. Осмотр телеграмм Сергеевым (5.09.18) 70
25. Допрос П. И. Лылова, Н. Х. Новоселова и Ф. И. Балмышевой инспектором Смоленским (4.09.18) 72
26. Отношение начальника Уголовного розыска Плешкова (13.10.18) 73
27. Обыск у А. М. Тимофеевой Кирстой (7.08.18) 73
28. Допрос А. М. Тимофеевой Кирстой (7.08.18) 73
29. Обыск у М. И. Летемина Кирстой (6.08.18) 74
30. Допрос М. И. Летемина Кирстой (7.08.18) 74
31. Справка о братьях Логиновых и шоферах Люханове и Лобашеве (без даты) 76
32. Допрос М. Д. Медведевой (без даты) 76
33. Допрос Е. И. Старковой (без даты) 77
34. Допрос З. А. Микуловой (без даты) 77
35. Обыски у В. Я. Сафонова, П. Медведева, А. Стрекотина, А. А. Стрекотина, Н. Попова, И. А. Старкова Кирстой (9.08.18) 77
36. Предъявление Кирстой отобранных при обысках вещей (10.08.18) 78
37. Допрос П. А. Леонова (без даты) 79
38. Допрос В. Я. Буйвида (без даты) 79
39. Допрос Ф. М. Якубцева (без даты) 80
40. Допрос Т. И. Чемодурова (без даты) 80
41. Справка о судьбе Царской семьи (17.08.18) 81
42. Допрос Т. И. Чемодурова Кирстой (18.08.18) 81

43. Допрос М. Г. Стародумовой и В. О. Дрогиной (без даты) 81
44. Допрос Н. А. Саковича (без даты) 82
45. Справка о судьбе Царской семьи (22.08.18) 83
46. Допрос П. Ф. Цецегова Кирстой (без даты) 83
47. Допрос А. К. Елькина Плешковым (5.09.18) 83
48. Допрос Л. Ф. Лоскутовой Плешковым (10.09.18) 85
49. Допрос Ф. И. Иванова Плешковым (13.09.18) 86
50. Допрос послушницы А. Г. Елисеевой (без даты) 87
51. Допрос монахини Иустинии Плешковым (без даты) 87
52. Допрос В. А. Чертополохова Плешковым (23.09.18) 88
53. Допрос А. В. Самойлова Плешковым (24.09.18) 89
54. Допрос А. П. Белозеровой Плешковым (28-30.09.18) 91
55. Допрос Е. С. Межиной (30.09.18) 91
56. Допрос Г. Н. Котегова Плешковым (2.10.18) 92
57. Допрос Г. И. Суетина Плешковым (без даты) 93
58. Допрос М. А. Маринцевой Плешковым (3.10.18) 93
59. Переговоры в связи с занятием генералом Гайдой дома Ипатьева (8.10.18) 94
60. Допрос о. Иоанна Сторожева Сергеевым (8-10.10.18) 95
61. Допрос П. А. Жильяра Сергеевым (12-14.10.18) 101
62. Допрос М. И. Летемина Сергеевым (18-19.10.18) 107
63. Допрос А. А. Волкова Сергеевым (22.10.18) 111
64. Допрос М. Д. Медведевой Сергеевым (9-10.11.18) 112
65. Допрос П. В. Кухтенкова Сергеевым (13.11.18) 114
66. Допрос П. П. Богоявленского Сергеевым (14.11.18) 116
67. Допрос Н. Я. Седова Сергеевым (22.11.18) 117
68. Допрос А. В. Самойлова Сергеевым (26.11.18) 119
69. Допрос К. А. Агафоновой Сергеевым (6.12.18) 120
70. Обыск у о. Алексея Васильева (25.12.18) 122
71. Описание Н. Н. Магницким поисков на руднике (30.12.18) 123
72. Допрос П. И. Логинова Белоцерковским (11.01.19) 127
73. Допрос С. И. Матикова Смоленским (13.01.19) 128
74. Требование Сергеева о допросе И. И. Матико /так!/ и Г. О. Клерже (20.01.19) 129
75. Извещение о неисполнении вышеуказанного требования (31.03.19) 130
76. Приказание Сергееву о выдаче дела генералу Дитерихсу (23.01.19) 131
77. Показание поручика И. Толстоухова (27.01.19) 131
78. Допрос Е. Г. Зайкова Алексеевым (28.01.19) 133
79. Допрос С. П. Ремянникова Алексеевым (28.01.19) 133
80. Осмотр телеграмм Сергеевым (28.01.19) 134
81. Допрос П. И. Логинова Сергеевым (29.01.19) 134
82. Посылка Сергеевым кусочка дерева для анализа в Пермь (4.02.19) 137
83. Ответ из Перми профессора И. П. Коровина (24.02.19) 138
84. Осмотр газетных статей Сергеевым (4.02.19) 138
85. Показание генерал-майора Томашевского (6.02.19) 141
86. Рапорт Ярославцева о судьбе великого князя Михаила Александровича (6.02.19) 141
87. Освобождение Сергеева от производства следствия (7.02.19) 142
88. Допрос А. А. Шереметевского Сергеевым (8.02.19) 143
89. Допрос И. Н. Мельникова Сергеевым (11.02.19) 144
90. Допрос А. М. Пьянковой Сергеевым (18.02.19) 147
91. Допрос А. П. Пуйдо Колмогоровым (12.02.19) 148
92. Постановление Алексеева о задержании П. С. Медведева (11.02.19) 148
93. Допрос П. С. Медведева Алексеевым (12.02.19) 149
94. Допрос Л. С. Гусевой Алексеевым (14.02.19) 155

95. Постановление об обвинении П. С. Медведева (20.02.19) 157
96. Допрос П. С. Медведева Сергеевым (21-22.02.19) 159
97. Допрос Ф. А. Дедюхиной Сергеевым (24.02.19) 164
98. Допрос П. И. Морозовой Сергеевым (24.02.19) 165
99. Постановление Суда о передаче дела Н. А. Соколову (24.02.19) 166
100. Донесение прокурора Корякина о событиях в Тобольске (24.02.19) 166
101. Рапорт Князева о событиях у Исетского озера (24.02.19) 167
102. Допрос Ф. П. Проскурякова Алексеевым (26.02.19) 168
103. Допрос А. Н. Швейкиной Сергеевым (26.02.19) 171
104. Допрос доктора П. И. Уткина Кирстой (10.02.19) 172
105. Осмотр помещения, указанного П. И. Уткиным (11.02.19) 173
106. Допрос А. С. Ребухина Кирстой (11.02.19) 173
107. Допрос доктора П. И. Уткина Кирстой (11.02.19) 174
108. Допрос М. Ф. Пантелеевой Кирстой (14.02.19) 174
109. Допрос Н. И Прохорова Кирстой (16.02.19) 175
110. Допрос И И. Гиршфельда Кирстой (17.02.19) 175
111. Допрос А. Я. Неустроева Кирстой (18.02.19) 176
112. Допрос К. Е. Рудометова Кирстой (25.02.19) 176
113. Допрос В. А. Ермолаева Кирстой (7.03.19) 177
114. Допрос К. И. Шиловой Кирстой (7.03.19) 177
115. Допрос М. Г. Лозовского Кирстой (7.03.19) 178
116. Допрос Н. В. Мутных Кирстой (8.03.19) 179
117. Допрос К. А. Ощепковой Кирстой (9.03.19) 179
118. Допрос Е. И. Соколовой Кирстой (17.03.19) 179
119. Допрос С. Ф. Подоровой Кирстой (20.03.19) 180
120. Допрос Т. Л. Ситниковой Кирстой (24.03.19) 181
121. Допрос И Ф. Куклина Кирстой (23.03.19) 181
122. Допрос Ф. Ф. Онянова Кирстой (23.03.19) 182
123. Допрос У. И. Варанкиной Кирстой (23.03.19) 182
124. Допрос М. К. Григорьева Кирстой (23.03.19) 183
125. Допрос М. Н. Куклиной Кирстой (23.03.19) 184
126. Допрос В. С. Рябова Кирстой (23.03.19) 184
127. Осмотр помещения, указанного свидетелями (26.03.19) 185
128. Допрос Ф. В. Ситникова Кирстой (28.03.19) 185
129. Допрос М. И. Соловьева Кирстой (29.03.19) 186
130. Допрос Г. С. Малышевой Кирстой (30.03.19) 187
131. Допрос Е. Н. Малышевой Кирстой (30.03.19) 187
132. Допрос Г. С. Малышевой Кирстой (2.04.19) 187
133. Допрос Н. В. Мутных Кирстой (2.04.19) 188
134. Оценка расследования Кирсты товарищем прокурора Тихомировым (2.04.19) 189
135. Показание Н. В. Мутных (без даты) 189
136. Рапорт Кирсты начальнику штаба Сибирской армии (7.04.19) 190
137. Возложение дела на Н. А. Соколова (7.02.19) 191
138. Постановление Н. А. Соколова о принятии дела (7.02.19) 191
139. Передача дела Соколову генералом Дитерихсом (7.02.19) 192
140. Осмотр вещественных доказательств (10.02.19) 192
141. Фотографирование вещественных доказательств (10.02.19) 197
142. Предъявление пальца эксперту (10.02.19) 197
143. Осмотр челюсти и лопаты (11.02.19) 198
144. Запрос Соколова во Владивосток о вещественных доказательствах (11.02.19) 199
145. Предъявление частей гранаты эксперту (11.02.19) 200
146. Осмотр вещественных доказательств (15-16.02.19) 200
147. Осмотр кусков пола и стен дома Ипатьева (17-18.02.19) 204

148. Предъявление стекол оптику (20.02.19) 210
149. Предъявление бус и серьги экспертам (20.02.19) 210
150. Предъявление различных предметов экспертам: портному и служащим в галантерейном отделении магазина (20.02.19) 211
151. Осмотр телеграмм (23.02.19) 213
152. Передача телеграмм для расшифровки (24.02.19) 219
153. Передача частей пола на анализ (24.02.19) 220
154. Осмотр кусков обоев (24.02.19) 220
155. Предъявление пуль эксперту (26.02.19) 222
156. Предъявление пуль эксперту (27.02.19) 225
157. Осмотр дневника А. В. Гендриковой (27.02.19) 225
158. Передача телеграмм для расшифровки (28.02.19) 229
159. Допрос П. А. Жильяра Соколовым (5-6.03.19) 229
160. Допрос И. А. Литухина товарищем прокурора Соловьевым (6.03.19) 237
161. Осмотр различных документов (9.03.19) 238
162. Сводки сведений о Царской семье (11.03.19) 239
163. Осмотр телеграмм и отношений (12.03.19) 240
164. Осмотр различных документов (13.03.19) 242
165. Осмотр телеграммы Керенского (13.03.19) 245
166. Получение второго тома дела от Сергеева (14.03.19) 246
167. Осмотр вещественных доказательств (14.03.19) 246
168. Допрос В. С. Боткина Зеленецким (14.03.19) 247
169. Допрос И. В. Ускова Алексеевым (16.03.19) 248
170. Допрос М. В. Усковой Алексеевым (16.03.19) 250
171. Допрос М. Ф. и С. П. Дубровиных Алексеевым (16.03.19) 250
172. Допрос Е. В. Проваловой Алексеевым (16.03.19) 250
173. Допрос И. А. Провалова Алексеевым (16.03.19) 251
174. Допрос Н. М. и Е. А. Рогозинниковых Алексеевым (16.03.19) 251
175. Выписки из газет о судьбе Николая II (18.03.19) 252
176. Выписка из допроса Н. А. Саковича (21.03.19) 255
177. Список команды дома Ипатьева (20-22.03.19) 256
178. Осмотр документов (23-24.03.19) 257
179. Осмотр письма Я. М. Юровского (24.03.19) 259
180. Осмотр телеграмм (24.03.19) 259
181. Осмотр телеграмм (25.03.19) 262
182. Справка о событиях в Тобольске (27.03.19) 266
183. Метрическое удостоверение о смерти П. С. Медведева (27.03.19) 266
184. Список членов Уральского областного совета (31.03.19) 267
185. Справка о нерасшифровке телеграмм (31.03.19) 268
186. Справка о нерасшифровке телеграмм (3.04.19) 268
187. Постановление об обвинении Ф. П. Проскурякова (1.04.19) 268
188. Допрос Ф. П. Проскурякова Соколовым (1-3.04.19) 270
189. Допрос А. А. Якимова Алексеевым (2.04.19) 283
190. Допрос С. Г. Логинова Соколовым (4.04.19) 287
191. Допрос А. Я. Валека Соколовым (4.04.19) 290
192. Допрос Е. С. Кобылинского Соколовым (6-10.04.19) 291
193. Осмотр расписки (14.04.19) 313
194. Осмотр дома Ипатьева Соколовым (15-25.04.19) 314
195. Анализ пятен на кусках дерева (25.04.19) 322
196. Допрос П. А. Леонова Соколовым (29.04.19) 327
197. Допрос И. А. Фесенко Алексеевым (30.04.19) 330
198. Анализ пятен на кусках дерева (11.05.19) 332
199. Допрос А. А. Якимова Соколовым (7-11.05.19) 334
200. Осмотр документов (16.05.19) 346

201. Допрос С.Ф. и А. С. Карлуковых Сретенским (17.05.19) 347
202. Осмотр кусков обоев (19.05.19) 348
203. Допрос Н. П. Зыковой Сретенским (22.05.19) 350
204. Допрос П. А. Зубрицкого, Н. М. Швейкина и Н. В. Папина Сретенским (22.05.19) 350
205. Допрос Н. В. Алферова Сретенским (22.05.19) 350
206. Допрос А. Г. Зубрицкой Сретенским (22.05.19) 351
207. Допрос М. И. Бабинова Сретенским (22.05.19) 351
208. Анализ пятен на куске дерева (25-26.05.19) 352
209. Допрос М. Г. Корешевой Алексеевым (28.05.19) 354
210. Доклад Молоствова о судьбе Яковлева (4.06.19) 355
211. Допрос доктора П. И. Уткина Соколовым (14-15.06.19) 355
212. Осмотр местности рудника Соколовым (23.05–17.06.19) 360
213. Допрос Д. А. Малиновского Соколовым (17.06.19) 367
214. Допрос Д. А. Малиновского Соколовым (18.06.19) 369
215. Осмотр предметов, обнаруженных у рудника (19-22.06.19) 372
216. Осмотр трупа собаки врачом (25.06.19) 377
217. Предъявление трупа собаки С. И. Гиббсу (27.06.19) 378
218. Осмотр трупа собаки врачом (27.06.19) 379
219. Допрос М. Д. Алферова Соколовым (27.06.19) 379
220. Допрос Н. П. Зыковой Соколовым (27.06.19) 383
221. Допрос жителей деревни Коптяки Сретенским (29.06.19) 384
222. Допрос А. П. Суслопаровой Алексеевым (3.06–2.07.19) 384
223. Допрос И. Н. Мельникова Алексеевым (3.06–2.07.19) 385
224. Допрос В. Н. Карнауховой Соколовым (2.07.19) 386
225. Допрос епископа Григория Соколовым (8.07.19) 388
226. Опись документов (8.07.19) 389
227. Допрос монахини Августины Соколовым (9.07.19) 390
228. Допрос послушницы Антонины Трикиной Соколовым (9.07.19) 391
229. Допрос послушницы Марии Крохаловой Соколовым (9.07.19) 393
230. Допрос В. Я. Лобухина Соколовым (10.07.19) 394
231. Допрос Я. И. Лобухина Соколовым (10.07.19) 395
232. Допрос С. П. Дубровиной Соколовым (10.07.19) 396
233. Допрос Е В. Приваловой Соколовым (10.07.19) 397
234. Допрос И А. Привалова Соколовым (10.07.19) 397
235. Осмотр работ по раскопкам старого рудника (6.06.–10.07.19) 398
236. Предписание генерала Дитерихса о вывозе дела (11.07.19) 403
237. Допрос А. А. Теглевой Соколовым (17.07.19) 404
238. Допрос Е. Н. Эрсберг Соколовым (17.07.19) 405
239. Допрос С. И. Иванова Соколовым (18.07.19) 405
240. Допрос А. И. Белоградского Соколовым (22.07.19) 407
241. Допрос В. С. Котенова Соколовым (22.07.19) 410
242. Допрос М. Г. Тутельберг Соколовым (23-27.07.19) 411
243. Допрос Е. С. Кобылинского Соколовым (4.08.19) 419
244. Допрос К. М. Битнер Соколовым (4.08.19) 420
245. Допрос В. Г. Редникова Соколовым (4.08.19) 426
246. Допрос Н. Е. Божова Соколовым (5.08.19) 429
247. Допрос А. Р. Зудихина Соколовым (5.08.19) 431
248. Допрос М. И. Леватных Соколовым (5.08.19) 432
249. Справка о задержании И. Перина (5.08.19) 433
250. Допрос Н. А. Мунделя Соколовым (6.08.19) 434
251. Допрос И. С. Зубрицкого Соколовым (7.08.19) 437
252. Допрос А. Г. Зубрицкой Соколовым (7.08.19) 439
253. Допрос Н. И. Зубрицкого Соколовым (7.08.19) 439
254. Допрос Н. А. Тетенева Соколовым (7.08.19) 440

255. Осмотр предметов, обнаруженных у рудника (9-13.08.19) 442
256. Допрос А. А. Волкова Соколовым (20-23.08.19) 448
257. Допрос П. А. Жильяра Соколовым (27.08.19) 455
258. Допрос К. Л. Соболева Соколовым (30.08.19) 457
259. Докладная записка В. К. Адамовича-Маус (9.10.18) 458
260. Дознание Соболева (без даты) 458
261. Допрос В. А. Кислицина (1.09.19) 459
262. Осмотр описей ген. Дитерихса (6.09.19) 461
263. Допрос В Н. Деревенко Сычевым (11.09.19) 471
264. Допрос В. В. Голицына Соколовым (2.10.19) 472
265. Допрос П. Я. Шамарина Соколовым (3-5.10.19) 473
266. Осмотр салфеток и рецептов (8.10.19) 484
267. Осмотр фотографических снимков (27.10.19) 486
268. Осмотр различных документов (28.10.19) 488
269. Допрос К. С. Мельника Поплавским (2.11.19) 490
270. Справка о судьбе Ф. П. Проскурякова и А. А. Якимова (4.11.19) 492
271. Сообщение о смерти А. А. Якимова (17.11.19) 492
272. Допрос П. Т. Самохвалова Соколовым (20-21.11.19) 493
273. Предъявление остатков обуви эксперту (18.12.19) 494
274. Допрос Б. Н. Соловьева Соколовым (29.12.19) 495
275. Допрос Б. Н. Соловьева Соколовым (31.12.19) 502
276. Допрос И. М. Сретенского Соколовым (21.01.20) 504
277. Допрос Б. М. Капниста Соколовым (21.02.20) 507

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ 511

ИЛЛЮСТРАЦИИ 519

ПРИМЕЧАНИЯ 565

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 621

ОГЛАВЛЕНИЕ 637

Издательство благодарит всех, кто своей предварительной подпиской существенно посодействовал изданию этой книги

180=

BIBLIOTEKA TURGENEVA
22408

63.3(2)61-8
Г46
22408

ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ